

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

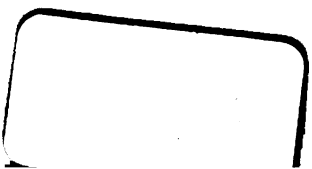
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05931862 0

MICROFILMED

INDEXED

*004

Indexed

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

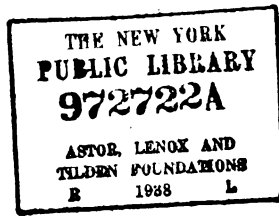
ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XI.

1885 г.

КІЕВЪ.

Тивографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайл. ул., соб. домъ.

Дозволено цензурою. Київъ, 20-го марта 1885 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XI. 1885 г.

Январь, 1885 г.

	СТР.
I. ХАРАКТЕРИСТИКА ЮЖНО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВѢКА. Н. Ѳ. Сумцова.	1 ✓
II. ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.	20 ✓
III. ПРИЛУЦКІЙ ПОЛКОВОЙ АСАУЛЬ МИХАЙЛО МОВЧАНЪ И ЕГО ЗАПИСНАЯ КНИГА. В. Антоновича.	57 ✓
IV. ДРЕВНІЯ И НОВЫЯ СКАЗАНІЯ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. (Къ вопросу о томъ, можетъ-ли кіевская академія въ 1889 году праздновать трехсотлѣтіе своего существованія). С. Голубева.	85 ✓
V. ДУНАЙЦЫ. А. Смальяновскаго.	117 ✓
VI. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (<i>Продолженіе</i>). И. Ле- вицкаго.	133
VII. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Пчела почаевская. Изборникъ назидательныхъ по- ученій и статей, составленныхъ и списанныхъ преподобнымъ Іовомъ, игуменомъ лавры почаевской (1581—1651 г.), изданный въ переводѣ съ славянскаго на русскій языкъ, по собственной рукописи преподоб- наго, подъ редакціею профессора кіевской духовной академіи Н. И. Петрова. Почаев. 1884 года.—С. Голубева.—б) Археологическое обозрѣніе, органъ п. к. Музея древностей и львовскаго археологиче- скаго общества. Вып. 1—3. Львовъ. 1882—1883 гг.—Н. Д.— в) Рада, украинскій альманахъ на 1884 г. Кіевъ. 1884 г.—Г.	157
VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Гдѣ жили первые кіевскіе митрополиты, въ Переяславѣ или въ Кіевѣ.—П. Л.—б) Новый вариантъ думы «Алексій Поповичъ».—Н. Ѳ. Сумцова.—в) Нѣмецкій трингельдъ на малорусской почвѣ.—С. Бѣлинскаго.—г) Два письма Б. Хмель-	

нидкаго къ П. Сапѣгѣ, воеводѣ виленскому, великому гетману лѣтовскому.—Сообщ. *Н. В. С. ко.*—д) Изъ народныхъ разсказовъ о слободско-украинскихъ помѣщикахъ.—*А. Катрухина.*—е) Изъ воспоминаній о маневрахъ подъ Елисаветградомъ.—*Ф. П-на.*—ж) Изъ письма въ редакцію—з) Журнально газетныя статьи и материалы по южно-русской исторіи.—*Ө. Н.* 177

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Февраль, 1885 г.

- ✓ I. МАЛОРУССКІЯ ФАМИЛЬНЫЯ ПРОЗВАНІЯ. *Н. Ө. Сумцова* 215
- II. ВОСПОМИНАНИЕ О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ ЕГО СЛУЧАЙНАГО УЧЕНИКА. *Б. Суханова-Поднолзина* 229
- III. ВОСПОМИНАНИЕ ИЗЪ НЕДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО. (О школѣ и грамотности въ кievской губерніи). *Бориса П—скаго.* 235
- IV. ПО ВОПРОСУ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМИИ. (Отвѣтъ *С. Т. Голубеву*). *П. Л.* 268
- V. ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. (*Продолженіе*) 282
- ✓ VI. ХУДОЖНИКЪ КИРИЛЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛОВАЧЕВСКІЙ. (Биографическій очеркъ). *И. Бомерянова.* 308
- ✓ VII. АВТОБИОГРАФІЯ ЮЖНО-РУССКАГО СВЯЩЕННИКА 1-Й ПОЛОВИНЫ XVIII СТ. Съ предисловіемъ 318
- ✓ VIII. КЪ БІОГРАФИИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. 333
- ✓ IX. КЪ ИСТОРИИ ПОГРАНИЧНЫХЪ НАШИХЪ СНОШЕНІЙ СЪ КРЫМСКИМЪ ХАНСТВОМЪ. (Путевой журналъ секундъ маіора Матвѣя Миронова, въ командировку его къ крымскому хану, 1755 года). Съ предисловіемъ *А. Андр.* 339
- X. БИБЛОГРАФІЯ: а) Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранящихся въ виленскомъ центральномъ архивѣ и виленской публичной бібліотекѣ. Изданіе виленской археографической комисіи. Выпускъ I (1332—1548). Вильна. 1884 г.—*И. Каманина.*—б) Чтенія въ импер. обществѣ исторіи и древностей російскихъ при моск. университетѣ. 1884 г. книга 2—*Ө. Н.*—в) Древнѣйшія карты Россіи. Гамбургъ. 1885—91.—*N. S.*—г) *Ив. Франко.*—Захаръ Беркутъ. Образъ громадскаго жвтя Карпатской Руси въ XIII вѣцѣ. Львовъ. 1884 г.—*Г.* 357
- XI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Русская святыня на западѣ Европы.—б) Сербы въ Кіевѣ.—в) Волинская бывальщина.—*И. А. Шафарука.*—г) Губернскія Вѣдомости, какъ пособіе при изученіи русской

исторія и этнографія. — *Н. Θ. Сумцова.* — д) Пробываніе императора Александра I-го въ Кіевѣ въ 1816 г. — *Сообщ. Левъ Мацьевичъ.* —
 д) Слѣды поселенія запорожцевъ въ Сванетіи. (Изъ письма въ редакцію). — *Г. Лебединца.* — е) А. Θ. Гястяковскій. (Некрологъ). — *Н. Луццкаю.* — ж) Библиографическое извѣщеніе. — *Г.* 377

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Мартъ, 1885 г.

I. РЕЛИГИОЗНО-МИОИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ МАЛУРУССКОЙ СВАДЬБЫ.
Н. Θ. Сумцова 417 ✓

II. ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. (*Продолженіе*) 437

III. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ. (*Продолженіе*). *К. М.* 465

IV. БАПТИЗМЪ ИЛИ ШТУНДА ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ. *П. Л—ва.* 500 ✓

V. ЕЩЕ ЩЕПОТКА НА МОГИЛУ ШЕВЧЕНКА. *Θ. Каминскаго.* 519

VI. КЪ ИСТОРИИ КОЛОНИЗАЦІИ НОВОРОССИИ. 501

VII. УНИВЕРСАЛЪ ЧЕРНИГОВСКАГО ПОЛКОВНИКА ЛИЗОГУБА 1690 Г.
 (Въ разрѣшеніе земельных претевзій польской шляхты, изгнанной изъ Черниговщины при Хмельницкомъ) 529 ✓

VIII. СУПЛИКА, АБО ЗАМЫСЛЪ НА ПОПА 543 ✓

IX. БИБЛЮГРАФІЯ: а) Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 году. Издасть Л. Майковъ. С.-Петербургъ. 1884 г. — *Н. Θ. Сумцова.* — б) Харьковскій календарь и памятная книжка на 1885 г. Изданіе харьк. губ. статист. комитета. — *Дж. Бисалля.* — в) О первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода. І. Сеннигова. Спб. 1884 г. — *П. Голубовскаго.* — г) Писцовыя книги ливскаго и клецкаго княжества. Изданіе виленьской археографической комисіи. Вильна. 1884 г. — *И. Каманина* 551

X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ статьѣ г. Берхина „О посольствахъ Владиміра св. для испытанія вѣрѣ“. — *П. Голубовскаго.* — б) Археологическія находки въ гомельскомъ уѣздѣ могилевской губерніи. — *А. Ломачевскаго* — в) Гегманскій городъ. — *В. Е. Буцкевича.* — г) Вулканъ въ Тавридѣ въ концѣ XVIII ст. — *Сообщ. С. Н. П.* — д) Кіевъ въ 1799 году. — *В. Горленка.* — е) Малорусская историческая шарада. — ж) Евгений Желеховскій. (Некрологъ). — з) Журнально-газетныя статьи и матеріалы по южно-русской исторіи. — *Θ. Н.* 569

XI. ДЬВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) (*Продолженіе*). 129—144 —

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Апрѣль, 1885 г.

	стр.
I. КИРИЛЛЪ И МЕОДИЙ—ПРОСВѢТИТЕЛИ СЛАВЯНСКІЕ	I—VI
✓II. ВОРОНЕЖСКІЕ ХОХЛЫ. (Изъ случайныхъ замѣтокъ, воспоминаній и наблюдений). Бориса П—скаго	613
✓III. ЮАННЪ ВЫШЕНСКІЙ. (Южно-русскій полянистъ начала XVII ст.). Н. Ѡ. Сумцова	649
IV. ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. (<i>Продолженіе</i>)	678
✓V. ЮЖНО-РУССКІЙ ДВОРЯНИНЪ XVIII ВѢКА. Николая Баная	716
VI. УНИВЕРСАЛЪ КІЕВСКАГО ПОЛКОВНИКА ВАСИЛІЯ ДВОРЕЦКАГО 1660 ГОДА. (Объ отдачѣ церкви Николая Добраго въ Кіевѣ бернардинскихъ, іезуитскихъ и армянскихъ грунтовъ)	743
VII. ПРОЭКТЪ КАЗЕННАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ ПРИСОЕДИНЕННЫХЪ ОТЪ ПОЛЬШИ КЪ РОССИИ ОБЛАСТЯХЪ	746
VIII. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Памятники императорской академіи наукъ въ Вѣнѣ. 1884 годъ.— Н. Сумцова .— б) Виленскій календарь на 1885 годъ. Вильна. 1884 года.— в) Холмскій народный календарь на 1885 г. Кіевъ, 1884 года. Изданіе холмскаго свято-богородицкаго братства.— И. Каманина .— г) П. Л., Кіево-млаайловскій златоверхій монастырь въ его прошломъ и настоящемъ. Кіевъ. 1885 годъ.— И. Каманина .	755
IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Кураковскій договоръ козаковъ съ поляками 1625 года.— Свѣц. В. Никифорова .— б) Кіевская актовая рѣчь 1841 года.— Сообщ. прот. Е. Попруженко .— в) Къ характеристикѣ шляхетско-козакаго быта XVIII в.— Ѡ. П. — г) Изъ фамилійныхъ преданій.— С—ка .— д) Наслѣдники запорожскихъ земель.— Сообщ. Д. Бамалій .— е) Изъ временъ польскаго возстанія 1863 года.— И. Ревы .— ж) Малорусская политическая сатира на Польшу по поводу ея раздѣла.— з) Три малорусскія пѣсня изъ періода крымской компаніи.— Сообщ. Н. П Барсовъ	767
X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) (<i>Продолженіе</i>) 145-160	

У 2 АУ 629

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

ЯНВАРЬ.
1885 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Январь, 1885 г.

	СТР.
I. ХАРАКТЕРИСТИКА ЮЖНО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВѢКА. Н. О. Сумцова.	1
II. ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.	20
III. ПРИЛУЦКІЙ ПОЛКОВОЙ АСАУЛЬ МИХАЙЛО МОВЧАНЬ И ЕГО ЗАПИСНАЯ КНИГА. В. Антоновича.	57
IV. ДРЕВНІЯ И НОВЫЯ СКАЗАНІЯ О НАЧАЛѢ КІВСКОЙ АКАДЕМІИ. (Къ вопросу о томъ, можетъ-ли кievская академія въ 1889 году праздновать трехсотлѣтіе своего существованія). С. Голубева.	85
V. ДУНАЙЦЫ. А. Скальковскаго.	117
VI. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (<i>Продолженіе</i>). И. Ле- вицкаго.	133
VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Пчела почаевская. Изборникъ назидательныхъ по- ученій и статей, составленныхъ и списанныхъ преподающимъ Іовомъ, игуменомъ лавры почаевской (1581—1651 г.), изданный въ переводѣ съ славянскаго на русскій языкъ, по собственной рукописи преподава- наго, подъ редакцію профессора кievской духовной академіи П. И. Петрова. Почаевъ. 1884 года.—С. Голубеву.—б) Археологическое обозрѣніе, органъ ц. к. Музея древностей и львовскаго археологиче- скаго общества. Вып. 1—3. Львовъ. 1882—1883 гг.—Н. Д.— в) Рада, украинскій альманахъ на 1884 г. Кіевъ. 1884 г.—Г.	157
VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Гдѣ жили первые кievскіе митрополиты, въ Переяславѣ или въ Кіевѣ.—П. Л.—б) Новый вариантъ думы «Алексій Поновичъ».—Н. О. Сумцова.—в) Нѣмецкій тринкельдъ на малорусской почвѣ.—С. Бѣлинскаго.—г) Два письма Б. Хмель- ницкаго къ П. Сапѣгѣ, воеводѣ виленскому, великому гетману литов- скому.—Сообщ. Н. В. С—ко.—д) Изъ пародныхъ рассказовъ о сло- бодско-украинскихъ помѣщикахъ.—А. Катрухина.—е) Изъ воспоми- наній о маневрахъ подъ Елисаветградомъ.—Ф. П—на.—ж) Изъ письма въ редакцію.—з) Журнально-газетныя статьи и матеріалы по южно-русской исторіи.—О. Н.	177
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1885 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кievской Старини“, Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8.—Оставшееся незначи- тельное число экземпляровъ журнала за 1882, 1883 и 1884 гг. высы- лается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ ХІ.

Я Н В А Р Ъ .

1885 г.

К І Е В Ъ .

Типографіи Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Київъ, 29-го декабря 1884 года.

from orig in library of Congress

L.C. 13 of 1938 pp 1-30, 35-46, 49-67

ХАРАКТЕРИСТИКА ЮЖНО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВѢКА.

Глава I.

Римско-католическая пропаганда, довольно сильная въ западной и южной Россіи въ XIV и въ XV вѣкахъ и почти совсѣмъ прекратившаяся въ XVI ст., въ золотой вѣкъ польской свободы, съ чрезвычайной силой развилась въ послѣднее десятилѣтіе XVI и въ началѣ XVII столѣтія, при королѣ-фанатикѣ Сигизмундѣ III. Пронирливые іезуиты, овладѣвъ королемъ, польскимъ духовенствомъ и частью польской аристократіи, захвативъ въ свои руки высшія учебныя заведенія и цензуру, обнаружили рѣшительное намѣреніе ввести въ западной и южной Россіи церковную унию, какъ переходную ступень къ латинству, замѣнить юліанскій календарь новымъ календаремъ григоріанскимъ и въ замѣнъ церковно-славянскаго языка ввести въ южно-русскую письменность языкъ латинскій. Устроенный посредствомъ козней и интригъ брестскій церковный соборъ разорвалъ южно-и западно-русскій народъ на части, на православное большинство и униатское меньшинство. Меньшинство это было сильно поддержкой короля и католическаго духовенства, ежегодно усиливалось приливомъ новыхъ униатовъ.

Отъ южнорусскаго народа прежде всего отпали высшее духовенство и аристократія. Ихъ ослѣпили блескъ польской цивилизаціи, польская наука, литература, коллегіи. Въ особенности ихъ обольстила вольная и роскошная жизнь польской аристократіи. Рус-

ская аристократія и высшее русское духовенство, которое, какъ известно, комплектовалось также изъ людей «урожденных», знатныхъ, стали изъ вещей силъ стремиться къ соединенію съ польскою аристократіей, стали принимать латинскія вѣрованія, польскій языкъ, польскіе обычаи и права.

Гордые своею наукою и литературой, своими коллегіями латино-уніатскіе писатели въ концѣ XVI столѣтія настойчиво указывали православнымъ южно-руссамъ на ничтожество ихъ школъ, невежество и бѣдность духовенства, отсутствіе проповѣди, грубость нравовъ. «Во всей столь обширной русской странѣ, писали они, не вмѣсте и трехъ ученыхъ, а школъ по всей вашей землѣ Господь Богъ не соизволяетъ». Мало того латино-уніатскіе писатели, хорошо сознавая, какое огромное значеніе имѣли въ Рѣчи Посполитой родовитость и старожитность, особенно настойчиво указывали православнымъ, что у нихъ исчезли сильные паны...

Православные превосходно сознавали всю ошовательность этихъ уирековъ. Князь К. К. Острожскій писалъ Потѣю: «Не отъ *бѣды* ииного розмножилося межи людьми такое лѣпивство, оспалство и отетушеніе отъ вѣры, яко наибольшей отъ того, ижъ устали учителя, устали проповѣдаци слова Божого, устали науки, устали бачанія»...¹⁾ Мелетій Смотрицкій такъ оплакивалъ потерю лучшихъ русскихъ родовъ въ своемъ сочиненіи «Орипость» въ 1610 г.: «Гдѣ теперъ тотъ неоцѣненный камень, которымъ украшена была православная церковь,—гдѣ теперъ домъ князей Острожскихъ, который превосходилъ всѣхъ яркимъ блескомъ своей древней (православной) вѣры? Гдѣ другіе славные роды русскихъ князей, сапфиры и алмазы,—князья Слуцкіе, Заславскіе, Збаражскіе, Вишневецкіе, Сангушки, Чарторійскіе, Пронскіе, Рожинскіе, Соломерецкіе, Голышницкіе, Массальскіе, Горскіе, Соколинскіе, Лукомскіе, Пузыпы и другіе бешъ числа? Гдѣ вмѣстѣ съ ними и другіе роды,—древніе, именитые, славные роды славнаго по всему міру парода русскаго,—Ходкевичи, Глѣбовичи, Кишки, Сапѣги, Дорогостайскіе, Воишы, Воловичи, Зеновичи, Пацы, Халецкіе, Тышкевичи, Корсаки, Хребтовичи, Тризлы, Горностаи, Калиповскіе, Мелешки, Сосновскіе,

¹⁾ Анти западной Россіи, IV, стр. 65.

Скумины, Поцѣи и другіе?...» Отвѣты получились самые печальные. «Вы, злые люди, говорить Смотрицкій отъ лица православной церкви, обнажили меня отъ этой дорогой моей ризы и теперь насмѣхаетесь надъ немощнымъ моимъ тѣломъ»¹⁾). Современникъ князя Острожскаго и Мелетія Смотрицкаго Іоаннъ Вишенскій подтверждаетъ печальный фактъ отступничества аристократіи отъ народа и указываетъ въ то-же время, что твердость религіозныхъ вѣрованій и преданность церковно-славянскому и малорусскому языкамъ сохранилась нерушимо лишь среди тѣхъ, которые «зъ одной мысочки борщикъ хлебчуть, бидькимъ або муравскимъ клермачкомъ покрываются и сами соби панове и слуги суть».

Православный южнорусскій народъ созналъ опасность своего національнаго положенія, вѣрно опредѣлилъ свои религіозные интересы, ясно увидѣлъ слабыя стороны своего духовнаго развитія, и съ необыкновенной энергіей принялся за выработку необходимыхъ средствъ самообразованія и самозащиты. Мелкопомѣстное дворянство, низшее духовенство, мѣщане и крестьяне слылись въ одномъ стремленіи отстоять православную вѣру, юліанскій календарь, языкъ церковно-славянскій, сохранить главенство константинопольскаго патріарха, удержать за мірянами право участія въ церковныхъ дѣлахъ, вообще отстоять все проявленія національной самобытности.

Результатъ этого стремленія оказался поразительнымъ. Народъ южнорусскій, почти вовсе не находя опоры въ могущественной аристократіи, при временномъ случайномъ содѣйствіи высшего духовенства, главнымъ образомъ усиліями мелкихъ общественныхъ единицъ, повсемѣстно создаетъ церковныя братства, возстановляетъ разрушенныя церкви, учреждаетъ греко-славянскія училища, библіотеки, типографіи, издаетъ «вшелякія книги»²⁾—богослужебныя, правоучительныя, историческія и даже филологическія, отправляетъ дьячковъ за границу въ Румынію учиться церковному пѣнію, снаряжаетъ депутаціи къ королю съ жалобами на угнетеніе православныхъ латино-уніатами, покрываетъ всю страну мелкими цер-

¹⁾ Засадкевичъ, М. Смотрицкій, какъ филологъ, стр. 16.

²⁾ Флеровъ, О православныхъ церковныхъ братствахъ, стр. 121.

ковно-приходскими школами, шпиталями, или больницами и, наконец, выдвигаетъ изъ своей среды энергичныхъ и талантливыхъ церковныхъ полемистовъ, историковъ и филологовъ. И все это создается въ короткое время, въ нѣсколько десятилѣтій, такъ что у трудолюбиваго и скромнаго Захаріи Копытенева въ 1622 г. вырвалось радостное признаніе: «Оминають, за ласкою Божею, нашу російскую церковь дѣла грубой простоты; свѣтити ей почала свѣтлость умѣтности и правды»¹⁾).

«Свѣтлость умѣтности и правды» въ половинѣ XVII ст. была настолько уже значительна, что озарила всю западную и южную Россію, проникла даже въ другія православныя страны, въ Румынію, Сербію, Московское государство. Молдавскіе господа пользовались южно-русскими типографіями и оказывали имъ денежное пособіе. Обладая значительными средствами, церковныя братства снабжали даромъ Сербію необходимыми для нея книгами. Въ кіево-могилянскій коллегіи училось много сербовъ. Малорусскіе ученые проникли даже въ сербское населеніе южной Австріи и завели здѣсь школы. Сербы охотно пользовались сочиненіями южнорусскихъ писателей. Такъ, въ произведеніяхъ Гавріила Стефановича или Венцловича (1725—1745) находятся отрывки изъ сочиненій Лазаря Барановича²⁾). Московское государство стало пользоваться услугами южнорусскихъ и западнорусскихъ ученыхъ съ половины XVII ст. Въ 1649 г. царь Алексѣй Михайловичъ вызвалъ въ Москву кіевскихъ ученыхъ инововъ Епифанія Славинецкаго и Арсенія Сатаповскаго³⁾). Вскорѣ приближеннымъ къ царю человекомъ, наставникомъ царскихъ дѣтей становится дѣятельный Симеонъ Полоцкій. Петръ Великій въ своей преобразовательной дѣятельности опирался, между прочимъ, на кіевскихъ ученыхъ, переселившихся по вызову царя въ Великороссію. Ученые малороссіяне работали въ Великороссіи въ духѣ и направленіи южнорусской литературы и лишь въ началѣ XVIII ст. стали приспособляться къ великорусскимъ особенностямъ быта, причемъ въ дѣлѣ такого приспособленія болѣе всего пошли

¹⁾ Завитвенчъ, Паливода Зах. Копытенева, стр. 70.

²⁾ Засадевичъ, М. Сютринскій, какъ филологъ, стр. 144, 179.

³⁾ Асты южной и западной Россіи, т. III, № 323.

и принесли Великой Россіи наибольшую пользу Осеофанъ Прокоповичъ и Дмитрій Ростовскій. Южнорусскіе ученые, переселившись въ московское государство, создали здѣсь проповѣдь, ввели въ обихъ составленіе мистерій и, удовлетворяя насущной потребности великороссіянь, приняли самое дѣятельное участіе въ исправленіи богослужебныхъ книгъ отъ накопившихся въ теченіи вѣковъ ошибокъ и неточностей.

Писателямъ малороссамъ нѣтъ никакой надобности преувеличивать культурное вліяніе малороссіянь въ Москвѣ въ XVII ст., такъ какъ вліяніе это признано и по достоинству оцѣнено московскими учеными. Такъ, профес. П. А. Безсоновъ говоритъ слѣдующее: «всякій знаетъ, какъ были они (т. е. малорусскія и бѣлорусскія вліянія) обильны, сильны и вліятельны, напримѣръ для Великороссіи и особенно Москвы. Пришельцы заняли здѣсь самыя видныя и вліятельныя мѣста, отъ іерарховъ до управленій консисторій, ими устроенныхъ, отъ воспитателей семьи царской до пастырей монастырскихъ, до ректоровъ, префектовъ и учителей имже проэктированныхъ школъ, до кабинетныхъ и типографскихъ ученыхъ, дѣлопроизводителей, дьяковъ и секретарей. Все почти подверглось ихъ реформѣ, по крайности неотразимому вліянію: богословское ученіе, исправленіе священнаго и богослужебнаго текста, печатаніе, дѣла раскола, церковная администрація, проповѣдь, храмовое, общественное и домашнее пѣніе, ноты, виѣшность архіерейскихъ домовъ, образъ ихъ жизни, экипажи и упряжь (цугомъ въ шорахъ, съ бичами, въ трехъуголкахъ), одежда служителей, напримѣръ, пѣвчихъ, видъ и составъ школъ, предметы и способы ученія, содержаніе библіотекъ, правописаніе, выговоръ рѣчи устной и въ чтеніи (церковное мягкое г вмѣсто твердаго), общественныя игры и зрѣлища и т. д., и т. д.¹⁾»

По словамъ иностранца Вебера, ознакомившагося съ ученой дѣятельностью малороссіянь въ Великороссіи въ началѣ XVIII ст., малорусскіе учителя были «люди острые и разумные»²⁾.

¹⁾ Безсоновъ, Бѣлорусскія пѣсни. Предисловіе, стр. VI.

²⁾ Трегубовъ, Религіозный бытъ русскихъ въ XVIII ст., въ «Трудахъ кievской духовной академіи, 1884 г., т. X, стр. 205.

Глава II.

Въ исторіи южно-русской науки и литературы XVII ст. можно помѣтить два главных періода, періодъ греко-славянскій и періодъ польско-латинскій.

Быстрое развитіе науки и литературы, послѣ продолжительнаго періода духовнаго застоя, предполагаетъ возникновеніе сильныхъ внѣшнихъ культурныхъ вліяній. Малороссія XVII столѣтія служитъ подтвержденіемъ этого общаго историческаго вывода. Благодаря исключительнымъ географическимъ и историческимъ обстоятельствамъ, малорусскій народъ въ XVI и въ XVII ст. вошелъ въ близкое соприкосновеніе съ южной и западной Европой и воспользовался выработаннымъ здѣсь культурнымъ содержаніемъ жизни для удовлетворенія своихъ насущныхъ духовныхъ потребностей, прежде всего воспользовался тѣмъ, что могла дать греческая и славянская наука XVII вѣка, затѣмъ захватилъ изъ западной латинской науки столько, сколько можно было взять, не нанося большаго ущерба главнымъ краевымъ и національнымъ особенностямъ вѣроисповѣданія и языка.

Греко-славянскій періодъ южно-русской науки и литературы охватываетъ время отъ восьмидесятихъ годовъ XVI ст. до тридцатыхъ годовъ XVII ст., около тридцати лѣтъ въ совокупности. Очагомъ научнаго движенія являются греко-славянскія братскія училища, возникшія въ концѣ XVI ст., какъ необходимое восполненіе существовавшихъ въ странѣ изстари элементарныхъ церковно-приходскихъ школъ. Въ церковно-приходскихъ школахъ обученіе ограничивалось чтеніемъ и письмомъ. Въ высшихъ братскихъ училищахъ изучались языки греческій, славянскій, латинскій, польскій, грамматика, риторика, пѣтика, діалектика, богословіе. Научное образованіе состояло главнымъ образомъ въ изученіи греческаго и славянскаго языковъ и въ основательномъ ознакомленіи съ богословіемъ. Главными просвѣтительными центрами были училища острожское, основанное въ 1580 г., львовское, основанное въ 1586 г., вилецкое и кіевское, основанныя въ 1588 г. Изъ лицъ высшаго сословія, въ концѣ XVI ст. еще не порвавшихъ духовныхъ связей съ народомъ, дѣятельными насадителями науки въ юго-западной Руси были извѣстный московскій эмигрантъ князь Андрей Курбскій и

могущественный его другъ князь Константинъ Острожскій, въ особенности послѣдній. Струи латинской цивилизаціи прорываются въ малорусскія науку и литературу и въ первый періодъ ихъ существованія; уже въ началѣ семнадцатаго вѣка появляются православныя полемическія сочиненія на польскомъ языкѣ, напримѣръ, «Орицось»; появляется искусственная схоластическая проповѣдь, напримѣръ, проповѣди Леонтія Карповича; но все это явленія одиночныя, исключительныя, не нарушающія общаго греко-славянскаго характера южной-русской образованности. Предпочтеніе греческаго языка передъ латинскимъ, церковно-славянскаго и малорусскаго передъ польскимъ выражается во всеобщей наклонности давать сочиненіямъ греческія заглавія (напримѣръ, Апокрисисъ, Антирисисъ, Орицось, Палинодія), въ составленіи большинства сочиненій на церковно-славянскомъ языкѣ съ весьма значительной примѣсью малорусскаго языка и въ появленіи сочиненій почти вполнѣ народныхъ по содержанию и языку. Характеристическая особенность науки и литературы конца XVI и начала XVII ст. состоитъ въ ихъ тѣсной связи съ народной жизнью, въ томъ, что онѣ исходятъ изъ народной жизни, питаются ею, почерпаютъ въ ней свои главныя силы, выражаютъ преимущественно интересы народа, во всей его вѣроисповѣдной цѣльности и въ совокупности всѣхъ его сословій.

Степень научнаго развитія южно-русскихъ писателей конца XVI ст. различна, равно какъ весьма различно ихъ умѣніе владѣть перомъ. Изъ всѣхъ научныхъ и литературныхъ дѣятелей конца XVI ст. выдается Христофоръ Бронскій, авторъ «Апокрисиса». Это былъ человѣкъ глубокаго ума и обширныхъ свѣдѣній. Быть можетъ, самая глубина его научнаго образованія, притомъ основаннаго на латино-польскихъ школьныхъ началахъ, была причиной, что Бронскій писалъ тяжелымъ искусственнымъ западно-русскимъ языкомъ, съ длинными періодами, съ частыми полонизмами. Другіе южно-русскіе писатели конца XVI ст., напримѣръ, Феодуль и Іоаннъ Вишенскій, далеко отстали отъ Бронскаго въ научномъ отношеніи, но за то значительно его превзошли по ясности изложенія и простотѣ языка. Писатели послѣдней категоріи не могли въ религіозной полемикѣ дать надлежащаго отпора латинско-уніатскимъ религіознымъ полемистамъ. Сильное латино-уніатское сочиненіе, въ родѣ сочиненія Скарги «О единости церкви Божіей», дол-

гое время оставалось безъ возраженія. Незвѣстный авторъ «Ключа царства небеснаго» въ опроверженіи латино-уніатскаго сочиненія Гербеста «Выводы вѣры римскаго костела» откровенно сознается въ томъ, что неудобно «плохому и голому за збройнаго рыцера воевати, а простаку неученому за мудраго оратора отповедати»¹⁾. Такъ могли говорить только воспитанники элементарныхъ церковно-приходскихъ школъ. Воспитанники греко-славянскихъ братскихъ училищъ выступили на литературное и научное поприще въ первые годы XVII ст. Это были уже «збройные рыцари» въ области полемическаго богословія. Въ то время, какъ православные писатели конца XVI ст., по причинѣ младенческаго состоянія полемической литературы, въ принципѣ отказывались отъ прямой борьбы съ латино-уніатскими писателями и ограничивались лишь простымъ оправданіемъ православной церкви отъ изводимыхъ на нее обвиненій, ученые дѣятели начала XVII ст. относительно своихъ противниковъ занимаютъ твердую оборонительную позицію и по временамъ дѣйствуютъ даже наступательно. Можно сказать, съ каждымъ годомъ въ лагерь православныхъ все болѣе и болѣе усиливается «свѣтлость умѣтности». Современники замѣтили, что стремленіе проникнуть въ глубину таинствъ церковныхъ догматовъ овладѣло не только мужчинами, но и «бѣлыми головами, которымъ призывалъ-бы куделя зъ веретенѣмъ, а нижили тое, што писано перомъ»²⁾. Начавшись въ концѣ XVI ст. небольшими и суровыми сочиненіями, «зачепкой» Христофора и «краткословнымъ отвѣтомъ» Федула, южно-русская литература развивалась очень быстро, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ. Завершеніемъ и лучшимъ выраженіемъ южно-русской литературы, развившейся подъ влияніемъ греко-славянскихъ братскихъ училищъ, служить «Палиподія» Захаріи Копыстенскаго, — огромное религиозно-полемическое сочиненіе, приготовленное для печати въ 1622 г. и не вышедшее въ свѣтъ по неизвѣстнымъ въ точности причинамъ, вѣроятно, по трудности напечатать столь объемистое произведеніе. «Палиподія» въ рукописи была извѣстна южно-русскимъ людямъ и послужила матеріаломъ и пособіемъ для другихъ, болѣе позднихъ

¹⁾ Завятневичъ, Палиподія, стр. 85.

²⁾ Тамъ-же, стр. 86.

по времени дѣятельности православныхъ полемистовъ, пособіемъ тѣмъ болѣе драгоцѣннымъ, что тутъ приведены и посредствомъ богословскихъ и историческихъ доводовъ опровергнуты всѣ главныя латино-уніатскія положенія о главенствѣ римскаго папы.

Лучшимъ доказательствомъ высоты и доброкачественности греко-славянскихъ училищъ въ южной Россіи служить то обстоятельство, что подъ ихъ благотворнымъ вліяніемъ развилось не только богословіе, что уже само собой истекало изъ общаго строя тогдашнихъ церковныхъ дѣлъ, но, что въ особенности заслуживаетъ вниманія историка южно-русской цивилизаціи XVII ст., развились исторіографія и филологія. Цѣнными историческими актами и свидѣтельствами наполнены «Ектезисъ», «Перестрога», «Палинодія». Достаточно самымъ бѣглымъ взглядомъ пробѣжать по страницамъ Палинодіи, замѣчаетъ г. Завитневичъ, чтобы убѣдиться, что авторъ ея много копался въ разнаго рода древнихъ историческихъ памятникахъ и новѣйшихъ сочиненіяхъ, прежде чѣмъ рѣшился взяться за перо. У него нельзя отыскать ни одного положенія, которое не было-бы закрѣплено болѣе или менѣе длиннымъ рядомъ свидѣтельствъ выдающихся церковныхъ авторитетовъ и вообще большимъ или меньшимъ количествомъ фактическихъ данныхъ^{*)}. Извѣстно, что православные писатели въ опроверженіе латино-уніатскихъ доводовъ изъ исторіи въ пользу ученія о главенствѣ папы и существованія уніи въ Малороссіи въ старинное время, доводовъ, часто опиравшихся на подложныхъ историческихъ актахъ, выдвигали цѣнные историческіе документы, отысканные въ братскихъ архивахъ.

Во второе и третье десятилѣтіе семнадцатаго вѣка, время полнаго расцвѣта южнорусской науки и литературы греко-славянскаго характера, появилось два капитальныхъ филологическихъ произведенія: «Славянская грамматика» Мелетія Смотрицкаго и «Лексиконъ славено-россійскій, имень толкованіе» Памвы Берывды. Грамматика Смотрицкаго, впервые изданная въ Евю, близъ Вильны, въ 1619 г., представляла систематическое изложеніе грамматическихъ правилъ. Смотрицкому принадлежитъ наша грамматическая термино-

* Тамъ-же, стр. 341.

логия, лишь отчасти измененная Ломоносовымъ. Смотрицкій устранилъ изъ грамматики членъ, какъ несвойственный славянскому языку, ввелъ ученіе о видахъ, замѣтилъ достигательное наклоненіе, удачно означилъ признаки для спряженій, ввелъ дѣепричастіе. Его грамматика пользовалась большою извѣстностью; нѣсколько разъ она была издана (1629 въ Вильнѣ, 1648 и 1721 г. въ Москвѣ); изъ нея дѣлали извлеченія и сокращенія; долгое время она служила единственнымъ руководствомъ при изученіи славянскаго языка; она, по словамъ Каченовскаго, составляетъ эпоху и въ исторіи образованія нашего языка; она одна была путеводительницею Ломоносова при наблюденіяхъ его надъ свойствами русскаго слова,—словомъ, она имѣла громадное вліяніе на теорію языка и книгопечатаніе не только въ Россіи, но и въ Болгаріи, въ Сербіи и даже у глаголитовъ ¹⁾. Не столь извѣстнымъ, но тѣмъ не менѣе весьма почтеннымъ трудомъ былъ Словарь Беринды. Словарь этотъ представляется любопытнымъ и необходимымъ для всѣхъ изучающихъ основательно русскій языкъ. Архіепископъ Филаретъ замѣтилъ, что «Беринда выполнилъ свое дѣло съ честью... Дѣло сочинителя древняго словаря—выставить слова въ такомъ значеніи, въ какомъ принимали ихъ въ старое время, иначе, представить вѣрный сборникъ мыслей стараго времени; это и сдѣлалъ Беринда» ²⁾.

Отмѣтивъ то обстоятельство, что научное развитіе южнорусскихъ писателей конца XVI и начала XVII ст. было весьма различно и что въ этомъ отношеніи одни писатели представляются очень солидными дѣятелями, другіе—скромными литературными труженниками, мы въ заключеніе нашей характеристики греко-славянскаго періода южнорусской литературы должны отмѣтить тотъ замѣчательный въ историко-культурномъ отношеніи фактъ, что почти все писатели южнорусскіе въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія обнаружили отчетливое и ясное политическое самосознаніе. И крупныя ученые дѣятели, какъ Христофоръ Бронскій, и мелкіе труженники пера, какъ неизвѣстные авторы «Перестроги» и «Ключа царства небеснаго», сходятся по широтѣ политическихъ взглядовъ

¹⁾ Засадкевичъ, М. Смотрицкій, какъ филологъ, стр. 98—99.

²⁾ Филаретъ, Обзоръ русской духовной литературы, т. I, стр. 266.

на отношенія Малороссіи къ Польшѣ и на взаимныя отношенія различныхъ слоевъ малорусскаго народа.

По силѣ національнаго самосознанія южнорусскіе люди начала XVII ст. стояли очень высоко, выше южнорусскихъ людей конца XVII ст., не говоря уже о болѣе позднемъ времени, о XVIII ст., когда послѣдовало всеобщее духовное оскудѣніе и измелъчаніе. Зрѣлость политическихъ взглядовъ южнорусскихъ ученыхъ конца XVI ст. обнаружилась въ ихъ сужденіяхъ объ отношеніяхъ Польши къ Руси и объ отношеніи высшаго русскаго духовенства и аристократіи къ посольству и горожанамъ. Въ концѣ XVI ст. южнорусскіе политическіе и литературные дѣятели сдѣлали попытку привлечь на сторону угнетаемаго южнорусскаго народа лучшую часть польской интеллигенціи. Князь Острожскій предостерегалъ польскихъ магнатовъ, что ограниченіе свободы вѣроисповѣданія и гражданскихъ правъ южно и западно-руссовъ повлечетъ за собою ограниченіе гражданской свободы польскаго общества. Предостереженіе это повторилъ и разъяснилъ современникъ князя Острожскаго Христофоръ Бронскій. «Вы называете насъ братіей и членами единого тѣла Рѣчи Посполитой, обращается Бронскій въ Апокриесѣ къ польскимъ магнатамъ, то просимъ васъ, скажитесь надъ угнетенною братією своею; наши страданія пусть тронуть васъ, какъ собственныя раны и страданія вашихъ милостей! Если-же ваша любовь къ намъ охладилась, то пусть тронетъ ваши милости по крайней мѣрѣ любовь къ собственнымъ правамъ, которыя заключены въ одиѣхъ съ нашими доскахъ и укрѣплены одиѣми связями. Берегитесь, чтобы сквозь ту дыру, которая продѣлывается въ правахъ, служащихъ намъ, не ускользнули всѣ свободы и у вашихъ милостей. Что постигаетъ теперь насъ, то своимъ примѣромъ и въ своихъ послѣдствіяхъ касается и всѣхъ васъ»¹⁾... Голосъ Бронскаго не былъ услышанъ. Нельзя сказать, чтобы въ концѣ XVI ст. въ польскомъ обществѣ не было людей съ свѣтлымъ умомъ, гуманныхъ и вѣротерпимыхъ: такіе люди были, только не они вліяли на ходъ историческихъ событій. Главными дѣйствующими лицами въ это время были узкіе религіозные фанатики, слѣпые слуги римской куріи, въ родѣ знаменитаго діалектика и проповѣдника Петра Скарги. Іоаннъ Вишен-

¹⁾ Бронскій, Апокриесисъ, стр. 240 (академич. изд.), 1870 г.

скій, при всей ограниченности своего научнаго образованія, вѣрнымъ національнымъ чутьемъ превосходно опредѣлялъ, что не помогутъ южно-русскому народу польскій король и сенаторы, не помогутъ ему даже его собственные архіереи и папы. «Бѣдныя крестьяне, писалъ Вишенскій южно-русскимъ архіереямъ, день и ночь трудятся и мучатся для насъ, а вы, высосавъ изъ нихъ кровь, силы и плоды трудовъ ихъ, обобравъ ихъ до нитки, наряжаете на ихъ счетъ своихъ сорванцовъ слугъ въ дорогія платья. Вы съ поту ихъ наполняете мѣшки золотыми, таліарами, полталіарами, ортами, четвертаками и трюнками, а у этихъ бѣдняковъ нѣтъ и шеляга на покупку соли». Въ посланіи къ православнымъ южно-руссамъ Вишенскій говоритъ: «На пановъ же вашихъ русскаго рода не надѣйтесь; въ нихъ-же нѣтъ спасенія! Вся бо живого Бога и вѣры, аже въ него, отступили, прелести-же еретической, любви духа тщеславнаго, жизнолюбію и лихоимству ся поклонили»⁴⁾... Вишенскій былъ правъ, его суровое осужденіе высшаго духовенства и аристократіи оправдывается всей малорусской исторіей XVII ст.

Глава III.

Второй періодъ южно-русской науки и литературы обнимаетъ время отъ тридцатыхъ годовъ до конца восьмидесятихъ годовъ XVII ст., около пятидесяти лѣтъ въ цѣломъ. Очагомъ научнаго движенія служитъ кіево-могилянскій коллегіумъ, построенный по образцу высшихъ іезуитскихъ училищъ, на преобладаніи внѣшней показной стороны обученія, на подавленіи духовной пытливости и скептицизма началами строгой школьной дисциплины и тяжестью церковныхъ авторитетовъ, на развитіи формальной стороны науки. Научное образованіе состоитъ главнымъ образомъ въ изученіи латинскаго языка и въ ознакомленіи съ средневѣковымъ схоластическимъ богословіемъ. Второй періодъ южно-русской литературы характеризуется преобладаніемъ въ полемикѣ богословскаго элемента надъ историческимъ, въ развитіи искусственной схоластической проповѣди

⁴⁾ Вишенскій, въ Актахъ южной и западной Россіи, т. II.

или казанья, въ рѣшительномъ перевѣсѣ польскаго языка надъ церковно-славянскимъ. Значительное большинство сочиненій написано на языкѣ польскомъ; краевой южно-русскій элементъ проявляется случайно въ немногихъ сочиненіяхъ; изложеніе тяжелое, обильное макаронизмами. Сильно развивается склонность къ стихотворству; склонность эта въ концѣ XVII ст. переходитъ въ манію, въ сумасбродство, исключаяющее даже самую возможность появленія строга историческихъ или филологическихъ изслѣдованій. Развивается крайній панегиризмъ,—ясное свидѣтельство всеобщаго упадка духовной жизни, явное доказательство потери строгаго нравственнаго критерія въ области политической и научной дѣятельности. Люди науки гордятся своею наукою и отдѣляютъ ее отъ жизни общественной и народнаго быта, какъ нѣчто чрезвычайно высокое, не допускающее прикосновенія низменной дѣйствительности.

По времени дѣятельности, по взаимнымъ личнымъ и литературнымъ связямъ южно-русскіе писатели второй половины XVII ст. раздѣляются на двѣ группы. Въ первую группу входятъ литературные дѣатели тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ XVII ст.: Петръ Могила, Сильвестръ Коссовъ, Исаія Трофимовичъ Козловскій и нѣсколько второстепенныхъ по значенію. Во вторую группу входятъ дѣатели шестидесятихъ, семидесятихъ и восьмидесятихъ годовъ: Иннокентій Гизель, Лазарь Барановичъ, Іоанникій Галатовскій, Антоній Радивилевскій. Наиболѣе вліятельными людьми были Петръ Могила и Лазарь Барановичъ, наиболѣе образованнымъ и плодовитымъ писателемъ Іоанникій Галатовскій. Всѣ эти дѣатели стояли тѣсно другъ около друга, поддерживали другъ друга всячески. Петръ Могила покровительствовалъ и повышалъ Коссова, Козловскаго и Гизеля; Гизель—Барановича и Радивилевскаго, Барановичъ—Галатовскаго. Они соединены были другъ съ другомъ тѣсными узами нравственной солидарности, узами дружбы, и всѣ они въ литературѣ и отчасти въ политикѣ дѣйствовали сообща и въ одномъ направленіи, что обусловлено было сходствомъ ихъ литературныхъ и научныхъ понятій. Хотя Барановичъ и Галатовскій обварижили значительную зависимость отъ схоластической школы, хотя польско-іезуитскія педагогическія начала вытравили въ нихъ нѣкоторыя характерныя національныя черты, писатели эти, равно какъ писатели первой группы, жили и дѣйствовали подъ непогас-

шими еще вліяніями того строя малорусской жизни, какой созданъ былъ братствами въ началѣ XVII ст. Коллегіумская схоластика имъ повредила во многомъ, но она въ половинѣ XVII ст. была еще настолько парализуема свѣтлыми и чистыми вліяніями старинной украинской школы и литературы, что не могла вполнѣ изуродовать Барановича и Галятовскаго въ духовномъ отношеніи, какъ изуродовала въ самомъ концѣ столѣтія Іоанна Максимовича. Въ общественной, научной и литературной дѣятельности Барановича, Гизеля и Галятовскаго есть много еще цѣннаго; въ сочиненіяхъ ихъ среди разнаго схоластическаго хлама мѣстами, нельзя сказать чтобы часто и отчетливо, пробивается свѣтлая мысль и гуманное чувство, обнаруживается пониманіе общественныхъ потребностей и желаніе потрудиться для ихъ удовлетворенія.

Барановичъ, Галятовскій и Гизель свои мнѣнія объ улучшеніи общественной и семейной жизни, науки и литературы высказали въ видѣ случайныхъ замѣчаній и пожеланій. Эти обронсшныя мимоходомъ замѣчанія даютъ изслѣдователю возможность намѣтить лишь главныя черты идеальныхъ стремленій поименованныхъ дѣятелей. Нѣтъ надобности доказывать, что идеалы Барановича, Гизеля и Галятовскаго исходятъ изъ малорусской дѣйствительности; идеалы эти не разрываютъ съ нею связей, они только очищаютъ ее отъ недостатковъ и такимъ образомъ возводятъ на опредѣленную, во всякомъ случаѣ значительную по высотѣ степень внутреннего и вѣшнаго совершенства.

По мнѣнію Барановича, Галятовскаго и Гизеля, пужно думать, и всѣхъ лучшихъ людей Малороссіи второй половины XVII в., политическій и гражданскій строй страны долженъ былъ представляться въ слѣдующемъ, для нихъ желательномъ видѣ. Малороссія, лѣво-бережная и правобережная въ совокупности, должна находиться подъ покровительствомъ московскаго царя. Православный царь защищаетъ православныхъ малороссіянъ отъ вѣшнихъ и иновѣрныхъ враговъ. Зависимость Малороссіи отъ московскаго государства выражается въ обязанности охранять южныя границы московскаго государства и въ опредѣленной дани, которая не была-бы тягостна для народа, разореннаго продолжительными войнами; южно-русссы оказываютъ великорусскому народу всякаго рода нравственныя услуги, напримѣръ, посылаютъ въ Москву ученыхъ богослововъ и

и проповѣдниковъ, правоучительныя книги, голосистыхъ пѣвчихъ, опытныхъ садовниковъ. Москва, Польша и Малороссія входятъ во взаимныя дружескія связи и заключаютъ наступательный союзъ противъ общаго врага, магометанства. Усилія великоруссовъ, малоруссовъ и поляковъ должны быть направлены къ тому, чтобы уничтожить крымскихъ татаръ, изгнать изъ Европы турокъ, даровать православнымъ народамъ балканскаго полуострова свободу и освободить Иерусалимъ отъ ига невѣрныхъ. Внутри Малороссія пользуется полной административной автономіей. Духовенство зависитъ исключительно отъ константинопольскаго патріарха, какъ велось изстари. Кіевскій митрополитъ избирается соборомъ духовенства и мірянъ, по предварительному соглашенію духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Нижнее духовенство избирается громадой и получаетъ отъ нея достаточное матеріальное обезпеченіе. Оно совершаетъ церковныя службы, говоритъ проповѣди, обучаетъ дѣтей въ школахъ и поддерживаетъ шпитали. Гражданское управленіе страной находится въ рукахъ свободно-избранной старшины, во главѣ которой стоитъ гетманъ. Въ большихъ городахъ должны быть коллегіумы и типографіи, въ селахъ школы, повсемѣстно шпитали. Воспитаніе и образованіе юношества основывается на религіозно-правственныхъ началахъ. Спеціальныя и семейныя отношенія опредѣляются евангельскому ученію о любви къ ближнему. Посполитые представляются людьми подневольными, и господство надъ ними козацкой старшины и духовенства оправдывается ссылками на Ветхій Заветъ. Старшинѣ впрочемъ поставляется въ нравственную обязанность милостиво относиться къ простому народу, не отягощать крестьянъ тяжелой работой или налогами. Въ нравственную обязанность поставлялось «предпочитати добро общее надъ уединенное» (слова Гизеля въ его книгѣ «Миръ»).

Г л а в а I V.

Южно-русская литература семнадцатаго вѣка, богатая по числу памятниковъ, оригинальная по ихъ внутреннему содержанію, изложенію и языку, долгое время являлась своего рода terra incognita. Трудно къ ней приступить по двумъ причинамъ. Во первыхъ,

въ старинной южно-русской литературѣ преобладаютъ богословскія полемическія сочиненія, большею частью темныя по содержанию и изложенію; изслѣдователи литературы не рѣшались опуститься въ пучину схоластическихъ толкованій догматовъ вѣры. Во вторыхъ, важнымъ препятствіемъ для успѣшнаго хода научной разработки старинной украинской литературы представляется почти полное отсутствіе южно-русской библіографіи. Не сдѣлано даже простаго перечня старинныхъ южно-русскихъ литературныхъ памятниковъ; не указано, гдѣ ихъ можно найти. Такого рода указанія представляются тѣмъ болѣе необходимыми, что старинные южно-русскіе памятники разбросаны по разнымъ книгохранилищамъ, причемъ весьма цѣнные сочиненія попадаютъ не только въ такихъ громадныхъ книгохранилищахъ, какъ петербургская публичная бібліотека и московскія бібліотеки Румянцевскаго музея и синодальная, но и въ столь скромныхъ сравнительно съ первыми, какъ бібліотека харьковской духовной семинаріи.

Если не считать короткихъ и фразистыхъ статей о Барановичѣ и Максимовичѣ, находящихся въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» сороковыхъ годовъ, то первымъ по времени и превосходнымъ по достоинству спеціальнымъ изслѣдованіемъ южно-русской литературы XVII вѣка была статья Пекарскаго о кievскихъ ученыхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1862 г. Долгое время никто не шелъ по дорогѣ, указанной Пекарскимъ. Лишь въ 1873 г. появилась магистерская диссертация г. Скабалановича объ «Апокризисѣ». Въ 1875 г. въ «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» была помѣщена статья объ Иоаннѣ Вишенскомъ. Въ 1876 г. Строевъ помѣстилъ въ «Черниговскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» весьма хорошую статью о проповѣдяхъ Лазаря Барановича. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ Петербургская Археографическая Коммисія обратила серьезное вниманіе на старинную западно-русскую литературу, и нѣсколько научныхъ и литературныхъ памятниковъ было издано въ двухъ томахъ «Русской Исторической Библіотеки», при дѣятельномъ содѣйствіи члена коммисіи г. Гильтебрандта. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ вышли XI и XII томы «Исторіи русской церкви» митрополита Макарія, въ которыхъ, между прочимъ, находится нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній о южно-русской литературѣ XVII в. Прошлый 1883 годъ принесъ нѣсколько крупныхъ монографій по исторіи

южно-русской литературы XVII в. Въ Кіевѣ вышелъ огромный первый томъ изслѣдованія г. Голубева о Петрѣ Могилѣ (рецензія профессора Н. П. Петрова и профессора Е. Е. Голубинскаго), въ Варшавѣ—спеціальное изслѣдованіе г. Завитневича о Палинодіи (рецензія профессора Н. П. Петрова), въ Одессѣ—богатое фактами изслѣдованіе г. Засадкевича о Мелетіи Смотрицкомъ, какъ филологѣ. Съ появленіемъ сочиненій гг. Голубева, Завитневича и Засадкевича, мракъ, покрывавшій южно-русскую литературу XVII ст., въ значительной степени разсѣялся. Небольшія, но цѣнныя замѣтки о памятникахъ южно-русской литературы XVII ст. разбросаны въ 8-мъ томѣ «*Historia literat. polsk.*» Вишневецкаго, въ 1-мъ томѣ «Обзора духовной литературы» архіепископа Филарета, въ концѣ перваго тома «Литовской церковной уніи» г. Кояловича, во второмъ томѣ сочиненія покойнаго Ф. А. Терповскаго «Изученіе византійской исторіи», въ «Русской исторіи въ жизнеописаніи ея главныхъ дѣятелей» Н. П. Костомарова и въ исторіи русской словесности профессора Н. Я. Порфирьева. Важные памятники южно-русской литературы изданы въ актахъ западной Россіи, въ актахъ южной и западной Россіи, въ сочиненіи г. Малышевскаго о Мелетіи Пигасѣ, въ «Чтеніяхъ въ московскомъ обществѣ исторіи и древностей» (при секретарѣ А. Поповѣ).

Въ интересахъ усиленной научной разработки южно-русской литературы семнадцатаго вѣка желательно

во 1) чтобы составленъ былъ полный библіографическій указатель южно-русскихъ литературныхъ памятниковъ, религіозно-полемическихъ сочиненій, богословскихъ трактатовъ, словарей, писемъ, сочиненій о календарѣ и друг., съ подробнымъ приведеніемъ заглавія, съ указаніемъ, гдѣ находится памятникъ, какихъ изданій, что о немъ писано;

во 2) чтобы составленъ былъ библіографическій указатель изслѣдованій по политической и бытовой исторіи Малороссіи, который могъ-бы послужить изслѣдователю южно-русской литературы пособіемъ при объясненіи литературныхъ памятниковъ общимъ состояніемъ образованности;

и въ 3) чтобы были изданы южно-русскія старопечатныя книги, нравоучительныя, религіозно-полемическія и строго научныя, въ родѣ грамматикъ, словарей, сочиненій о календарѣ, во всемъ ихъ

составъ, съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей изложенія и языка, въ подобіе того, какъ Обществомъ любителей древней письменности издавы старинныя московскіе литературныя памятники ¹⁾).

Н. Ѡ. Сумцовъ.

20 октября 1884 г.

¹⁾ *Примечаніе:* Статья эта должна служить предисловіемъ къ первымъ тремъ выпускамъ моего изслѣдованія: «Къ исторіи южно-русской литературы». Первый выпускъ о Дазарѣ Барановичѣ изданъ въ Харьковѣ въ 1884 г., второй о Г. Юшкѣ Галаговецкѣ и третій о Гизелѣ первоначально были напечатаны въ «Киевской Старинѣ» 1881 г., потомъ вышли отдѣльно съ дополненіями и поправками. — Н. С.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ ¹⁾.

I.

На территоріи между морями Балтійскимъ, Чернымъ и Адриатическимъ жили славяне подъ разными названіями, а въ числѣ ихъ поляки и русь. Жили они отдѣльными родами, т. е. большими семьями. Каждый родъ повиновался своему начальнику. Старшины родовъ собирались въ опредѣленные мѣста для совѣщанія; такія собранія назывались вѣчами. Кромѣ вѣча славяне имѣли еще князей, которымъ принадлежала высшая судебная власть и предводительство на войнѣ. Вѣча были общинныя, на которыхъ обсуждались дѣла отдѣльной общины, и народныя, которыя рѣшали общія дѣла народа.

Полную картину старославянскаго вѣча сохранила намъ исторія въ извѣстномъ « Судѣ Любуши », дочери Крока изъ Вышеграда; здѣсь собрана для совѣщанія вся народная старшина, состоящая изъ *кметей*, *леховъ* и *владыкъ*. Такъ какъ въ названномъ памятникѣ древне-чешской литературы термины эти повторяются много разъ въ неизмѣнномъ порядкѣ, то отсюда легко заключить, что *кмети*, *владыющіе* землю, составляли главное ядро народа, занимая въ то

¹⁾ Предлагаемый очеркъ составленъ по сочиненію галицко-русскаго ученаго о. Стефана Качалы, вышедшему во Львовѣ въ 1879 г. подъ заглавіемъ *Polityka polaków względem Rusi* и представляетъ сжатое извлеченіе изъ него собственно исторической его части. Трудъ о. Качалы, за устраниеніемъ изъ него полемиической и публицистической части, даетъ весьма хорошій прагматическій очеркъ исторіи юго-западной Руси, какого именно не достаетъ въ скудной южно-русской исторической литературѣ и какого мы тщетно стали-бы искать въ трудахъ Бантышъ-Каменскаго и П. Маркевича, устарѣвшихъ не только со стороны фактическаго содержанія, но еще болѣе по основному взгляду и пріемамъ изложенія.

время первое мѣсто на вѣчахъ. Рядомъ съ ними стояли *леги* или воины, правдоподобно, считавшіеся еще въ то время слугами цѣлаго народа, и наконецъ владыки, т. е. предводители родовъ и верховные жрецы, какъ высшіе начальники народа.

Не смотря на то, что славяне по природѣ своей племя отважное и воинственное, они избѣгали наступательныхъ войнъ и тогда только вступали въ битву, когда приходилось отражать нападеніе.

Необходимость обороны связывала свободныя племена въ политическія единицы; защита вѣры предковъ, съ которой соединялась идея независимости славянъ, была ихъ лозунгомъ въ битвахъ, побуждало-же ихъ къ защитѣ язычества распространеніе новой христіанской вѣры, происходившее на юго-восточной и въ особенности на западной границѣ славянщины.

Съ востока христіанство распространялось спокойно, путемъ убѣжденія и проповѣди. Совсѣмъ иначе происходило это на западѣ. Здѣсь вѣру христіанскую распространяли германцы, прикрывавшіе жажду завоеванія и захватовъ проповѣдью любви христіанской, лишая покоренныхъ не только ихъ земель, но языка и обычаевъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что христіанство пришло къ славянамъ съ востока, а не на оборотъ, и что въ Польшѣ греческая вѣра съ ея обрядностью проповѣдывалась раньше, чѣмъ латинская.

Въ Великой Моравіи слово Божіе проповѣдывали св. Кирилль и Меѳодій. Въ Польшѣ вѣра христіанская была насаждена еще до Мечислава I проповѣдниками съ востока, а богослуженіе отправлялось на славянскомъ языкѣ ¹⁾. Случилось такъ потому, что въ большей части своихъ границъ Польша соприкасалась съ славянскими государствами, принявшими вѣру отъ грековъ ²⁾; поэтому греческій обрядъ сдѣлался славянскимъ. Первымъ христіанскимъ храмомъ въ Краковѣ была церковь св. Креста ³⁾. Еще въ 1491 г. въ Краковѣ

¹⁾ Мацѣіовскій въ *Pamiętnikach*, стр. 149, говоритъ; *Obrządek łaciński z tychże samych, co i u innych słowian, przyczyn nie przemawiał do serc Polaków, dla tego też bardzo weześnie znalazł do nich przystęp obrządek słowiański.*

²⁾ *Dzieje królestwa polskiego przez I. S. Bandkie*, 1820 г., т. I, стр. 67.

³⁾ Лавровскій, «Кирилль и Меѳодій», Харьковъ, 1863 г.; Захарія Копытскій, «Защита вѣры восточной въ Польшѣ», 1620 г.

печатались русско-славянскія книги, а возлѣ Опатова за Вислой жили люди, исповѣдывавшіе греко-восточную вѣру.

Польскій языкъ того времени также немногимъ разнился отъ современнаго ему чешскаго и русскаго, такъ что и языкъ и религія связывали славянъ. Однако еще до Мечислава I противъ объединенія славянъ возстали сильныя непріатели.

Начиная отъ Карла Великаго, врага восточной церкви и цѣлой славянщины, сперва франки, а потомъ нѣмцы, подстрекаемые Римомъ, усиленно стремились къ тому, чтобы уничтожить самихъ славянъ, а восточное богослуженіе ихъ замѣнить обрядомъ римской церкви. Устраняя славянскій языкъ изъ храмовъ, старались вмѣстѣ съ тѣмъ вытѣснить его и изъ домашняго обихода, а основаніемъ нѣмецкихъ колоній въ славянскихъ земляхъ старались онѣмечить эти края. Сверхъ того нѣмецкіе императоры старались еще ссорить славянъ между собою. Нѣмцы, эти непрошенные цивилизаторы, называли славянъ язычниками, хотя они были уже христіанами, и считая славянское ученіе языческимъ, вторично крестили исповѣдывающихъ его по латинскому обряду.

Обитавшіе за Эльбою славяне были покорены нѣмцами и, съ теченіемъ времени, мало по малу онѣмечились, другіе хотя и сохранили свою національность, но уже должны были въ своихъ храмахъ принять латинскій языкъ. При Мечиславѣ I въ Польшѣ были христіане какъ греческаго, такъ и латинскаго исповѣданія; первое было насаждено со времени Кирилла и Меѳодія.

Первою женою Мечислава I была Дубравка, чешка славянскаго обряда, отъ чего при дворѣ этого князя господствовало славянское исповѣданіе вѣры. Вторая жена Ода, католическая монахиня, похищенная изъ монастыря, склонила Мечислава къ исповѣданію западной церкви. Примѣру князя послѣдовало рыцарство и такимъ образомъ латинскій обрядъ становится вѣрою *леховъ*, славянскій—вѣрою простаго народа; первый все больше и больше распространялся и бралъ перевѣсъ надъ славянскимъ. Дѣло обращенія въ католичество довершилъ св. Войтѣхъ, окончательно вытѣснившій изъ Польши ученіе восточной церкви ¹⁾. Римская пропаганда съ самаго начала шла объ руку съ религиозной нетерпимостью, которой принципомъ было: прости

¹⁾ Dzieje I. S. Bandkie, I, str. 174, 175.

ближнему всё его прегрѣшенія, но никогда не прощай того, если онъ осмѣлится исповѣдывать неправую вѣру. Русь сохранила греческую вѣру. Не наше дѣло вдаваться въ обсужденіе догматовъ обоихъ исповѣданій; обратимъ только вниманіе на различіе ихъ политическаго характера. Православная церковь стоитъ на принципахъ автономно-федеративныхъ, которыя выработались въ III и IV вв. вселенскою церковью, какъ-то: независимыя епископіи, подлежащія только власти вселенскихъ соборовъ, далѣе національная церковь, т. е. каждое племя съ богослуженіемъ на своемъ языкѣ и т. д.

Принятіе католической вѣры не освободило однако поляковъ отъ опасностей худаго сосѣдства, и послѣ того они должны были выдерживать упорную вѣковую борьбу съ нѣмцами.

Существованіе западныхъ государствъ и германской имперіи основывалось на томъ завоевательномъ принципѣ, что вся земля дѣлаго края принадлежитъ монарху. Отъ него получали ее владѣтельные князья съ обязательствомъ военной помощи по первому требованію; подъ ихъ начальствомъ сидѣли на меньшихъ участкахъ мелкіе рыцари и еще болѣе мелкіе владѣльцы, оканчивая болѣе всѣхъ ихъ зависимымъ крестьяниномъ. Подобный государственный строй извѣстенъ подъ именемъ феодальнаго.

Зачатки польскаго рыцарства идутъ правда отъ очень отдаленнаго времени, но при такомъ порядкѣ сосѣдскихъ отношеній нужно было подумать объ организаціи военныхъ силъ для защиты края отъ угрожающей ему опасности.

Вѣковая борьба и продолжительное сопріеосновеніе съ нѣмцами не осталось безъ послѣдствій. Стоя на защитѣ своей національной независимости, поляки все больше и больше заимствуютъ отъ нѣмцевъ ихъ нравы и обычаи и все быстрѣе теряютъ свой старо-славянскій общественный строй. Тогда старо-славянская равноправность стала колебаться и начало выработываться неравенство сословій, такъ какъ рыцарство все больше возвышалось, а крестьянъ постепенно низводили въ состояніе неволи.

Поза однако дѣло дошло до полной неволи, сельскіе жители, притѣсняемые обитателями замковъ, не разъ подымали противъ нихъ возстанія, забирали ихъ имѣнія и женъ, уничтожали привилегіи, совершенно такъ, какъ то позже дѣлали козаки, съ тою только разницею, что здѣсь паны дѣйствовали заодно съ католическимъ

духовенствомъ, состоявшимъ въ началѣ изъ пришлыхъ нѣмцевъ; это духовенство помогало панамъ подчинить себѣ поселянъ и въ концѣ концовъ рыцарство съ духовенствомъ получило перевѣсъ надъ возстававшими крестьянами. Поэтому неудивительно, что по смерти Мечислава II народъ снова поднялъ реакцію противъ пановъ и истребилъ латинскихъ епископовъ и ксендзовъ; многіе изъ жителей, по словамъ лѣтописцевъ, оставляли христіанскую вѣру и возвращались къ язычеству, при которомъ были свободными; возвращались они, правдоподобно, не къ язычеству, а къ греческому обряду, который латиняне также называли языческимъ. Догадку эту подтверждаетъ замѣчаніе Лелевеля. «Причиною войны между панамъ и крестьянами, говоритъ онъ, было преслѣдованіе греческаго обряда». Эта реакція, или, какъ ее называли, бунтъ хлоповъ противъ пановъ, окончательно подавлена была рыцарскимъ сословіемъ въ XI вѣкѣ; съ помощью нѣмцевъ и вновь присланныхъ епископовъ и ксендзовъ, панамъ удалось подчинить крестьянъ и принудить ихъ къ латинскому обряду. Такъ какъ противъ греческаго исповѣданія никогда не бывало подобныхъ возстаній, то это доказываетъ, что оно не нарушало свободы и равенства сословій.

Христіанская вѣра по восточному обряду проповѣдывалась не огнемъ и мечемъ, какъ это дѣлалъ Карлъ Великій съ саксонцами, крестоносцы и рыцари ордена меченосцевъ съ прибалтійскими народами, и вообще нѣмцы,—эта вѣра распространялась путемъ проповѣди; инквизиція и другія подобныя учрежденія въ ней были неизвѣстны. Характеръ греческаго обряда состоялъ въ томъ, что его іерархи не допускали даже той мысли, чтобы церковь нуждалась въ поддержкѣ путемъ мученій и смерти; крестъ былъ единственнымъ оружіемъ греческой церкви.

Въ началѣ Русью въ тѣсномъ смыслѣ называлась въ Несторовой лѣтописи кіевская земля, которая въ IX в. подчинила себѣ Новгородъ и другія областныя единицы, принявшія также съ этого времени общее имя Руси. Червенскіе города (Галиція) принадлежали Польшѣ; они также принимаютъ названіе Руси послѣ того, какъ Владиміръ святой въ 981 г. присоединилъ ихъ къ своимъ владѣніямъ. Люблинская земля до Данила Романовича, т. е. до половины XIII в., также принадлежала Польшѣ и только со времени этого князя стала называться Русью. Однимъ словомъ все,

что только хотъ на время входило въ составъ русскихъ земель, принимало названіе Руси; въ противоположность тому ни червенскіе города, ни люблинская земля, хотя вскорѣ снова возвратились къ Польшѣ, не присвоили себѣ однако имени Лехи или Польши— мало того, современные польскіе историки не въ состояніи даже указать, какія именно земли и въ какое время начали называться Польшей. Имя это нигдѣ не привилось, и въ настоящее время простой народъ по обѣ стороны Вислы называетъ поляками только шляхту и мѣщанъ, а для себя удерживаетъ старинныя областныя названія: куяваць, мазуровъ, краковянъ и др.

Русь привлекала къ себѣ тѣмъ, что поддерживала мѣстные порядки, равенство и свободу народа, вѣчевое право и греческое исповѣданіе. Польша напротивъ и равенство, и вѣчевое право присвоила только рыцарскому сословію, ни во что обращала свободу народа и вводила неволю.

Вѣчевое право, общее всѣмъ славянамъ, было свойственно и населенію береговъ Вислы; ограниченное здѣсь, оно удержалось при русскихъ князьяхъ. Вездѣ, гдѣ только нѣкоторое время просуществовало вѣчевое право, уравнивающее всѣхъ гражданъ, тамъ народъ называлъ себя русскимъ; такимъ образомъ слово *русскій* означало то же, что *славянскій*. Если-бы князь Владиміръ св. Занялъ все пространство земель до Вислы, или далѣе, то можно съ большимъ основаніемъ допустить, что всѣ эти земли приняли-бы названіе Руси, потому что имя Руси было синонимомъ областныхъ учрежденій. Напротивъ того Польша развивалась вопреки народнымъ обычаямъ, поэтому слово *польскій* означало до нѣкоторой степени подчиненіе онѣмеченнымъ и окатоличеннымъ панамъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе принятія католическаго вѣроисповѣданія и отчасти феодальнаго устройства, Польша становится на сторонѣ запада. Уже въ XI столѣтіи польское рыцарство фактически захватило въ свои руки всю политическую власть въ краѣ и положило основаніе тому порядку вещей, который впослѣдствіи развился въ полномъ цвѣтѣ въ шляхетскую Рѣчь Посполитую, какъ это увидимъ дальше. Такое положеніе вещей въ Польшѣ держалось только потому, что народъ былъ бѣденъ и пригнетенъ, а шляхта всегда была вооружена и содержала на жалованьи нѣмецкіе отряды. Польша развивалась въ государство по общимъ западно-европейскимъ образцамъ,

и вслѣдствіе того стала въ оппозицію съ прочими славянами. Поляки приняли съ давнихъ временъ принципы прогресса, общаго съ Западомъ; однако это стремленіе, которому они отдались добровольно, часто заводило ихъ слишкомъ далеко, а иногда и просто въ глухой конецъ; они не понимали своего исключительнаго положенія и, что еще хуже, не понимаютъ его и теперь. Польское славянское государство, ставши на сторону Запада, принимало отъ него не только образцы политической жизни, обычаи и права противныя славянству, но даже и языкъ, такъ что народности польской угрожала опасность ¹⁾).

Въ 999 г. Болеславъ Храбрый, сынъ Мечислава I, посылалъ въ Римъ просьбу о королевской коронѣ, но папа отказалъ ему въ ней. Помогъ въ этомъ императоръ германскій.

Не смотря на всю свою силу и вліяніе, германская имперія не была безопасна отъ славянъ и нуждалась въ союзникѣ изъ ихъ среды. Поэтому, императоръ Оттонъ III, которому Болеславъ помогалъ противъ лютичей, прибылъ въ Гнѣзно въ 1000 г., подъ предлогомъ посѣщенія гроба св. Войтѣха, и тутъ возложилъ свою корону на голову Болеслава Храбраго. Однако папа долго еще не давалъ разрѣшенія на религиозный обрядъ коронаціи и Болеславъ только въ 1024 г. приказалъ епископамъ торжественно короновать себя.

Императоръ дѣйствовалъ изъ политическихъ видовъ, желая склонить польскаго князя на свою сторону, чтобы обезопасить себя отъ славянъ, жившихъ за Одеромъ и надъ Эльбою; вмѣстѣ съ короною онъ далъ Болеславу право завоеванія и покоренія западныхъ славянъ и обращенія ихъ въ католичество. Итакъ Болеславъ вмѣстѣ съ вѣмцами покоряетъ славянъ; такимъ образомъ Польша приняла на себя мисію служенія Германіи и Риму, которую выполняетъ и до настоящаго времени.

Польша врѣзывается клиномъ среди славянъ, понинѣ отличающаяся сепаратизмомъ отъ славянскаго дѣла, и въ этомъ кроется причина ея собственной слабости и непопулярности среди остальной славянщины. Въ этомъ именно начало того зла, которое

¹⁾ Lelewel.

яркую полосою проходить черезъ всю исторію Польши и послужило причиной сперва ея роста, а впослѣдствіи упадка.

Польша не поняла своего призванія охранять западныхъ славянъ отъ онѣмеченія и вмѣсто опоры сдѣлалась для нихъ врагомъ. Послѣдствіями этой исторической ошибки были дальнѣйшіе успѣхи германизациі и наконецъ упадокъ Польши.

II.

Русь и Польша граничили между собою и находясь въ сосѣдскихъ отношеніяхъ, бились и мирились, воевали и братались, какъ то обыкновенно бываетъ между сосѣдами. Это однако не входитъ въ предметъ настоящаго изслѣдованія. Начнемъ съ того времени, когда Польша и Русь начали входить въ болѣе близкія столкновенія между собою, когда различіе взглядовъ и религіи выступаютъ на сцену.

Въ 1336 г. скончался Юрій II, праправнукъ Даниіла, послѣдній князь Галицкой Руси изъ династіи Романовичей. Не желая подчиниться татарамъ, галичане вмѣстѣ съ жителями Волыни признали своимъ княземъ племянника покойнаго Юрія по женской линіи Болеслава Тройденевича, сына мазовецкаго князя. Болеславъ былъ воспитанъ въ грековосточной вѣрѣ, но сдѣлавшись галицкимъ княземъ, онъ измѣняетъ обрядъ и принуждаетъ своихъ подданныхъ обращаться въ латинскую вѣру. Вслѣдствіе такого рода апостольства черезъ три года послѣ избранія (по Длугошу, Анониму Гнѣзненскому и др.) онъ былъ отравленъ и внезапно умеръ. По смерти Болеслава Тройденевича польскій король Казиміръ III по праву сильнаго вошелъ въ Галицкую Русь, осадилъ Львовъ и съ добычею возвратился въ Краковъ. Увидавъ слабость русскихъ, онъ рѣшилъ завоевать Червоную Русь, и, явившись съ новыми силами, занялъ земли: Перемышльскую, Саночкую и Любачевскую. Русскіе согласились на подданство Казиміру подъ однимъ условіемъ, чтобы ихъ вѣроисповѣданіе и народность оставались неизмѣнными и ненарушимыми. Казиміръ обѣщаль не стѣснять вѣры русскихъ и уважать ихъ народность, но впослѣдствіи, ободренный своими успѣхами,

началъ пресѣдовать грековосточный обрядъ, притѣснять духовенство и православныя церкви обращать въ латинскіе костѣлы¹⁾).

И такъ польская политика уже съ XIV в. облачилась въ рясу. Поляки дѣйствительно остались побѣдителями, однако имъ не удалось слить оба народа въ одно тѣло. Результатомъ такого обращенія была внутренняя война. Морачевскій (кн. 4, стр. 165) говоритъ: «Только ничтожныхъ людей не оскорбляетъ униженіе ихъ религіи и народности и поэтому перемышльскій князь Дашко условился съ Давидомъ Острожскимъ и призвалъ татаръ на помощь». Въ древнѣйшее время Польша была абсолютной монархіей; правда, при Болеславѣ Храбромъ выступаетъ рыцарство уже какъ отдѣльное сословіе, однако этотъ король держалъ его въ большой дисциплинѣ. Только со времени Болеслава III, когда государство распалось на удѣлы между его потомками, значеніе монарха все больше начинаетъ падать, а рыцарство съ тѣхъ поръ все больше получаетъ вліянія. Правда по волѣ Болеслава III установленъ сеніоратъ, т. е. право старшинства, за краковскимъ княземъ, однако во внутреннемъ управленіи своими удѣлами младшіе князья признавали себя независимыми владѣльцами и старались во всемъ сравняться съ краковскимъ княземъ. Это послужило источникомъ взаимной зависти, раздоровъ и все большаго ослабленія монархическаго принципа.

Краковскій князь желаетъ возвратитъ своей власти прежній блескъ, также и младшіе князья стараются уравняться съ нимъ въ значеніи, но не могутъ достигнуть своихъ цѣлей безъ помощи сильнѣйшихъ пановъ. Поэтому князья дѣлаютъ въ ихъ пользу различныя уступки, освобождаютъ ихъ отъ многихъ налоговъ и даже отъ всякихъ податей, которыя поэтому всею тяжестью падали на крестьянъ; позволяютъ панамъ собирать съ своихъ подданныхъ чинши, пошлины на таможенныхъ и заставахъ, освобождаютъ отъ обязанности поддерживать дороги и городскіе замки, разрѣшаютъ постройку собственныхъ замковъ, изыятіе отъ судебныхъ инстанцій и т. д. Эти и другія подобныя изыятія изъ общаго права, называемыя привилегіями, подымая значеніе пановъ, понижали въ равной мѣрѣ крестьянское сословіе и съ теченіемъ времени все больше и больше обезсиляли королевскую власть. Еще болѣе тяжелая

¹⁾ Naruczewicz, «Hist. narodu polskiego», t. VI, str. 114.

участь постигла край, когда за обладателями этихъ прерогативъ признано право наслѣдства.

Съ того времени шляхта стремится къ возможно большому расширенію своей власти въ родовыхъ помѣстьяхъ и при Казимірѣ Великомъ достигаетъ уже большаго значенія. Законъ нѣмецкихъ рыцарей требовалъ, чтобы заключенный въ Калишѣ миръ (1343 г.), купленный большими жертвами со стороны Польши, былъ утвержденъ государственными штатами. Съ того времени сословія эти поднимаютъ голову, власть законодательная, рѣшеніе всѣхъ важныхъ государственныхъ дѣлъ переходятъ въ руки рыцарей и шляхты; перевѣсъ шляхты наибольше усилился послѣ того, какъ Казиміръ, минуя близкихъ родственниковъ, пожелалъ послѣ своей смерти упрочить польскій престолъ за своимъ племянникомъ Людовикомъ Венгерскимъ. Эта передача могла состояться только съ согласія шляхты, а такое согласіе въ свою очередь должно было покупаться дарованіемъ новыхъ льготъ. При вступленіи на польскій престолъ Людовикъ долженъ былъ не только подтвердить, но и расширить эти льготы. Чтобы смягчить другихъ претендентовъ на польскую корону, Людовикъ дѣлаетъ имъ уступки, а именно одному изъ нихъ, Владиславу Опольскому, уступаетъ въ удѣльное владѣніе Галицкую Русь, которая около 12 лѣтъ оставалась подъ его властью.

Вступая на престолъ, Людовикъ также обѣщалъ полякамъ возратить утраченныя раньше земли, однако впослѣдствіи присоединилъ Червоную Русь къ Венгріи, такъ что его дочь Ядвига, сдѣлавшись польскою королевою, принуждена была силою выгнать отсюда венгерскіе гарнизоны. Въ правленіе Владислава Опольскаго папа, вслѣдствіе вліянія Людовика, поставилъ на Руси трехъ латинскихъ епископовъ: перемышльскаго, холмскаго и владимірскаго, а надъ ними архіепископа галицкаго. Учрежденіе латинскихъ епископскихъ кафедръ, вмѣсто русскихъ, вызывало ропотъ на Руси и вмѣстѣ съ другими аналогическими дѣйствіями польскаго правительства накопляло причины къ вооруженному столкновенію въ восточныхъ областяхъ Польши ¹⁾. Вслѣдствіе того Владиславъ Опольскій, наскучивъ постоянными волненіями въ краѣ, оставилъ Галицкую Русь, которую Людовикъ присоединилъ къ Венгріи. Не имѣя

¹⁾ Moraczewski, ks. 5, str. 205 i 209.

мужескаго потомства, Людовикъ желалъ польскій престоль обезпечить въ качествѣ вѣна за одною изъ своихъ дочерей; это обстоятельство снова эксплуатируется для расширенія шляхетскихъ правъ. Съ того времени Польша становится избирательнымъ государствомъ и хотя всегда избирались ближайшіе родственники короля, но все таки они подлежали выборамъ и обязаны были за свое избраніе расплачиваться новыми привилегіями.

Такъ сначала войны съ нѣмцами, дробленіе на удѣлы и раздоры между удѣльными князьями, затѣмъ угасаніе мужескаго потомства и частыя безкоролевья упрочивали привилегіи шляхты, давали ей средства къ увеличенію этихъ привилегій, пока наконецъ Рѣчь Посполитая сдѣлалась чисто шляхетскимъ правительствомъ съ тѣнью короля во главѣ.

При Ядвигаѣ опасность угрожала Польшѣ со всѣхъ сторонъ: отъ чеховъ, нѣмецкихъ рыцарей, венгровъ и литвы. Польшѣ необходима была точка опоры и защита и, когда Ягайло сталъ заискивать брака съ Ядвигаю, поляки сообразили, что самой лучшей охраной будетъ объединеніе Польши съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ.

III.

Поступая подъ власть одного государя, Польша и Русь должны были составить одно политическое тѣло, поэтому намъ слѣдуетъ остановиться надъ тѣми различіями, какія существовали между этими двумя народами.

Правда Русь и Польша говорятъ родственными славянскими нарѣчіями, но эти нарѣчія постепенно расходились въ своемъ развитіи и представители ихъ разнятся между собою не только нравами и обычаями, но языкомъ, письменностью и вѣроисповѣданіемъ. Однимъ словомъ эти двѣ славянскія вѣтви становятся отдѣльными народами.

Первое различіе произвели, какъ мы уже видѣли, обряды греческій и латинскій, въ особенности послѣ того, какъ наступило раздѣленіе церковей восточной и западной.

Кромѣ этого различія были и другіе, а именно разница въ строѣ государственномъ и общественномъ. Мы уже говорили выше,

что вслѣдствіе вѣковой борьбы съ германцами въ Польшѣ произошло раздѣлъ народонаселенія на сословія: военное и земледѣльческое; въ награду за оборону края рыцари пользовались различными выгодами и преимуществами. Такъ напримѣръ предводительство отрядами, верховное управленіе замками, повѣтами и цѣлыми удѣлами король обыкновенно поручалъ храброму рыцарю, давая ему званіе начальника, кастеляна, воеводы, старосты, надѣляя имѣніями и т. д. Все это подымало значеніе рыцарства и возвышало его въ глазахъ прежде равноправнаго съ нимъ крестьянства. Среди военныхъ занятій рыцарь все больше отвыкалъ отъ земледѣльческаго труда и, возвратившись съ похода, считалъ уже хлѣбопашество дѣломъ недостойнымъ своего военнаго званія. Получивъ перевѣсъ въ краѣ, польское рыцарство, не смотря на непрерывную борьбу съ нѣмцами, заимствуетъ отъ нихъ германскія понятія о сословіяхъ, еще больше усиливающія его вліяніе. Поэтому нѣмецкія институціи были выгоднымъ образцомъ для польскаго рыцаря, по примѣру нѣмцевъ онъ поселялъ на своей землѣ взятыхъ на войнѣ плѣнниковъ, которые обязаны были на него работать.

И такъ военноплѣнные были первымъ постороннимъ явленіемъ, нарушавшимъ старославянское равенство. Поселеніе ихъ на земляхъ побѣдителей приготавливало такую-же участь менѣе зажиточнымъ крестьянамъ, подобно тому положенію, въ какомъ нашлись славяне въ земляхъ покоренныхъ нѣмцами. Установленію этого порядка еще больше способствовало надѣленіе шляхты правомъ наслѣдства, отдававшее сельскихъ жителей, т. е. земледѣльцевъ на милость владѣльца, въ особенности съ того времени, какъ шляхта вытребовала у королей право суда въ своихъ наслѣдственныхъ помѣстьяхъ. Сельскія общины несли вооруженному рыцарству подати припасами и подводами, сверхъ того работали надъ укрѣпленіемъ замковъ, въ которыхъ сосредоточивалась оборона края.

Всѣ эти бесплатныя приношенія съ теченіемъ времени превратились въ обязательныя повинности уже не по отношенію къ государю, а по отношенію къ владѣльцу. Между тѣмъ какъ въ прежнее время крестьянинъ-землевладѣлецъ уплачивалъ только подать въ королевскую казну, впоследствии онъ вмѣсто того долженъ былъ платить пану чиншъ за землю: со времени кошицкаго сѣзда крестьяне уже платятъ панамъ и чиншъ, и другія подати; будучи

единственнымъ судьбою надъ крестьянами, пань могъ по желанію увеличивать эти повинности, или замѣнять ихъ работами, могъ отобрать у подданнаго землю и отдать тому, кто больше заплатитъ. Не удивительно поэтому, что чиншевая система постепенно была замѣнена панщиною и права рабочаго класса стѣснялись все больше и больше; когда-же наконецъ было постановлено (податными универсалами 1511, 1520 и 1531 гг.), чтобы владѣлецъ пополамъ съ крестьянами оплачивалъ *лановое* (поземельный налогъ), помѣщики стали утверждать, что по справедливости могутъ требовать отъ крестьянъ работы въ вознагражденіе за расходъ. Съ того времени число рабочихъ дней растетъ съ поразительною быстротою, требованія панщины увеличивались съ каждымъ годомъ, пока наконецъ она не была введена повсемѣстно въ 1520 году.

Первоначально крестьяне находили защиту въ лицѣ короля и духовенства. Еще Казиміръ Великій слѣдилъ за тѣмъ, чтобы земледѣльческій классъ не былъ притѣсненъ работами, за что получилъ насмѣшливый титулъ «*короля хлоповъ*». Въ силу законодательства Казиміра Великаго крестьяне удерживали многочисленные мелкіе земельные участки, обложенные умѣренными налогами. Однако поставленныя имъ преграды не могли устоять передъ своеволіемъ того сословія, которое заботилось только о своихъ правахъ и которому должны были служить суды и всѣ другія власти. Сигизмундъ старшій долго сопротивлялся введенію въ королевскихъ имѣніяхъ статута 1520 г. о недѣльной панщинѣ, такъ-же точно и Сигизмундъ-Августъ, гдѣ только могъ, уменьшалъ число рабочихъ дней съ лана; но королевская власть ослабѣвала и крестьяне лишались защиты.

Когда монархическая власть короля уступила свои права аристократіи,—судьба подданныхъ была рѣшена и они нашлись въ полной зависимости отъ помѣщиковъ, воспѣшившихъ изъять ихъ изъ подъ защиты закона, на мѣсто котораго ставили свой произволъ. Естественнымъ послѣдствіемъ того были побѣги крестьянъ. Часто случалось, что крестьянинъ, не въ состояніи будучи выполнить всѣхъ повинностей и наскучивъ постоянно усиливающимися требованіями панщины, покидалъ свое убогое жилище и въ другомъ округѣ, у лучшаго, какъ онъ думалъ, пана, искалъ облегченія своей участи.

Народонаселеніе западныхъ удѣловъ Рѣчи Посполитой переселялось на востокъ, въ плодородные округи Червоной Руси, Подоля и Украины, гдѣ владѣльцы опустошенныхъ войнами пространствъ предлагали поселенцамъ болѣе легкія условія и обезпечивали болѣе продолжительныя льготы. Отсюда убыль рабочихъ силъ и вмѣстѣ крестьянскихъ земель, а въ тоже время въ равной съ нею прогрессіи увеличивались свободныя отъ податей экономическія земли, увеличивался и недостатокъ рабочихъ рукъ, а вслѣдствіе того росло число рабочихъ дней.

Еще вислицкій статутъ 1347 г., предотвращая будто-бы опустошеніе имѣній черезъ выходъ изъ нихъ крестьянъ, ограничиваетъ личную свободу послѣднихъ прикрѣпленіемъ ихъ къ землѣ¹⁾, а потому крестьяне уже въ XIV в. утрачиваютъ право свободного перехода съ мѣста на мѣсто. По конституціи краковскаго сейма 1543 г. бѣглаго крестьянина никто не могъ принять или выкупить ни за какія деньги,—онъ долженъ быть возвращенъ своему пану вмѣстѣ съ семействомъ и всѣми унесенными пожитками, а всякій дающій ему пріютъ подвергался штрафу.—Исчезли равнымъ образомъ всѣ вольныя крестьянскія общины и потонули въ рукахъ крупныхъ собственниковъ. Нужно признать однако, что не сами поляки изобрѣли неволю, но съ другой стороны нельзя не признать, что въ то время какъ на Западѣ изъ неволи возродилась свобода, въ Польшѣ свобода обращена въ неволю.

Однако германскія аристократическія понятія не могли цѣлкомъ укорениться въ Польшѣ; отдѣляясь отъ равноправной общины, польское рыцарство зорко слѣдило за тѣмъ, чтобы отдѣльные его члены не присваивали себѣ больше выгодъ и привилегій, чѣмъ всѣ остальные члены военнаго сословія, которое только въ своей средѣ относило старо-славянское равенство и усваивало германскія аристократическія понятія только по отношенію къ невоеннымъ сословіямъ. Такимъ образомъ Польша сложилась въ ту государственную форму, которой польскіе историки даютъ названіе шляхетской демократіи.

Чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ гордость шляхты все больше усиливалась; установилось мнѣніе, что самое рожденіе дѣлаетъ способ-

¹⁾ Vol. leg., I, f. 29.

нымъ къ пользованію правами и освобождаетъ отъ всѣхъ обязанностей; съ тѣхъ поръ не одна военная слава, но и самая изысканная роскошь должны были отличать шляхту отъ низшихъ слоевъ народа.

Итакъ характерными чертами общественной жизни въ Польшѣ были: равенство между членами шляхетскаго сословія, полное ограниченіе власти избирательнаго монарха и безусловное господство помѣщика надъ подданными.

Теперь обратимся къ Руси.—Здѣсь установились князья и подвластная имъ дружина. Князьямъ принадлежалъ верховный судъ и вмѣстѣ съ своею дружиной они охраняли край отъ нападений. Поэтому на Руси установилось государство, которое не было королевствомъ, но федераціей многихъ княжествъ, въ которыхъ вліяніе земства брало перевѣсъ надъ значеніемъ князя и не разъ случалось, что князь принужденъ былъ отказываться отъ своего стола, хотя-бы и противъ воли, если не удовлетворялъ требованіямъ земства.

Въ противоположность Польшѣ Русь имѣла демократическое устройство. Эти признаки и понынѣ отличаютъ поляка отъ русскаго и вотъ почему между поляками трудно найти искреннихъ демократовъ.

На Руси не было извѣстно различіе правъ земскихъ и городскихъ, все населеніе было свободно и каждая община имѣла своихъ выборныхъ представителей. Между князьями былъ старшій, великій князь, которому младшіе—удѣльные князья должны были повиноваться. Не всегда однако подчинялись они великому князю, имѣвшему резиденцію въ Кіевѣ, и не одинъ изъ нихъ пытался достигнуть его стола безъ всякихъ правъ на то. Отсюда возникаютъ между князьями несогласія и войны и подъ знаменами этихъ князей русскіе шли противъ русскихъ. Поэтому раздробленная Русь не была въ состояніи оказывать вѣскаій отпоръ изнутри при внѣшнихъ столетовеніяхъ. Въ такое-то время вторглись изъ Азіи татары, побѣдившіе князей и ихъ дружину. Правда, при татарскомъ господствѣ все было обложено тяжелыми налогами, но кромѣ дани, собираемыхъ баскаками, народонаселеніе Руси не знало другихъ ограниченій, такъ какъ баскаки не мѣшались въ дѣла внутренняго управленія. Татары не нарушали также существовавшаго на Руси политическаго строя; въ то время; какъ и прежде, Русь управлялась потомками

Владимира св. Православная религія оставалась неприкосновенной и ханы даже освободили русское духовенство отъ подушной подати, а церковныя имущества обезпечивались отъ всякихъ притѣсненій. Придавленное при князьяхъ общинное право снова поднялось и усилилось на столько, что впоследствии могло уже давать отпоръ каждой силѣ. На этомъ правѣ опирается вся исторія нашего народа, на немъ-же должна основываться и его будущность.

Свѣтскія лица, міряне выбирали сообща духовныхъ лицъ для замѣщенія приходоувъ, архимандрій и епископскихъ кафедръ и всѣ важныя церковныя дѣла рѣшались на соборахъ вмѣстѣ съ духовенствомъ по общему совѣту. Поэтому во время татарской неволи русская церковь сдѣлалась не орудіемъ въ рукахъ князей, но святою братскою связью для народонаселенія Руси и общимъ народнымъ достояніемъ.

Въ то время, какъ татары раздѣлились на нѣсколько ордъ и обезсилили вслѣдствіе междоусобныхъ войнъ, Литва подчинила своему господству всю русскую землю отъ Нѣмана до Чернаго моря. Съ этого времени Литовское Княжество слагалось, за малыми исключеніями, изъ чисто русскихъ земель. Сверхъ того между Москвою, Польшею и Турціей простирались неизмѣримыя пустынные степи, такъ что ни одно изъ этихъ государствъ не знало, гдѣ оканчиваются его границы въ ту сторону. Червоная Русь подверглась завоеванію Польши.

Литва была краемъ малолюднымъ и непросвѣщеннымъ, поэтому побѣдители подчинились вліянію русской культуры въ отношеніи языка, вѣроисповѣданія и обычаевъ. Поселившись между литвинами, русскіе внесли сюда свой языкъ и культуру, такъ что съ теченіемъ времени почти вся Литва безъ принужденія говорила, писала и молилась по русски; языкъ русскій сдѣлался господствующимъ при дворѣ великихъ князей литовскихъ и официально-административнымъ. Литва почти цѣликомъ ассимилировалась съ Русью, весь край отъ Нѣмана до Чернаго моря сталъ русскимъ.

Совсѣмъ инымъ было положеніе вещей въ Польшѣ; сюда не достигали татары и не подавили той силы, исполненной гордости и самолюбія, которая оскорбляла исконное общинно-славянское право. Такою силой сдѣлались въ Польшѣ паны, богатая шляхта, постулавшая своевольно по отношенію къ сельскимъ общинамъ.

Польскіе короли, какъ мы уже видѣли, замѣчая перевѣсъ шляхты надъ народомъ, становились сперва на сторону народа и до извѣстнаго времени не давали его во власть пановъ, которые напротивъ добивались того, чтобы въ польской землѣ не было иной воли и иного права, кромѣ панскаго. Эту волю и это право вельможная шляхта распространила и на Червоную Русь.

Польскому шляхетскому сословію соотвѣтствовало вообще на Руси сословіе бояръ. Въ литовской Руси отношенія сложились своеобразно. Великіе князья литовскіе, разсматривая всю территорію какъ свою личную собственность, раздавали земли на ленномъ правѣ то большими удѣлами второстепеннымъ князьямъ литовскимъ и русскимъ, то меньшими участками—земьямъ, потомкамъ дружинниковъ русскихъ князей, или рыцарямъ литовскимъ и чужеземнымъ, состоявшимъ у нихъ въ военной службѣ; наконецъ раздавали землю свободнымъ сельскимъ и городскимъ общинамъ и свободнымъ земледѣльцамъ подъ однимъ и неизмѣннымъ условіемъ военной службы пропорціонально размѣрамъ полученной земли. Въ свою очередь второстепенные князья раздавали полученную землю на такихъ-же точно условіяхъ земьямъ и боярамъ; наконецъ и земьяне имѣли своихъ бояръ, обязанныхъ отбывать въ ихъ пользу военную повинность. Такимъ образомъ рыцарское сословіе Великаго Княжества Литовскаго представляло цѣлую градацію ленниковъ, зависѣвшихъ другъ отъ друга и стоявшихъ на различныхъ ступеняхъ феодальныхъ отношеній къ центральной власти.

Форма феодальная не была однако установлена въ Литвѣ въ отношеніяхъ бояръ къ ихъ подданнымъ. Между тѣмъ какъ высшіе слои военнаго сословія по праву рожденія, общественному значенію и размѣрамъ своихъ поземельныхъ владѣній становились почти на равнѣ съ великимъ княземъ, низшіе слои незамѣтно сливались съ свободными земледѣльцами и городскими жителями. Отношенія военнаго сословія къ крестьянскому въ Литвѣ представляли не менѣе рѣзкое отличіе отъ польскаго строя. Подданные Великаго Княжества Литовскаго не были подавлены цѣлымъ рядомъ враждебныхъ для нихъ юридическихъ постановленій, какъ это было въ Польшѣ.

Мы знаемъ изъ исторіи, что крестьяне на Руси въ удѣльный періодъ не сдѣлались собственностью пановъ вмѣстѣ съ землею; они образовали сословіе свободныхъ земледѣльцевъ и по крайней

мѣръ имѣли право перехода съ мѣста на мѣсто и могли селиться тамъ, гдѣ находили болѣе выгоднымъ для себя. Строй этотъ удержался и при татарскомъ господствѣ. Литовско-русская аристократія сама еще недавно возникла и поэтому не имѣла времени образоваться изъ себя организованное сословіе; ея отношеніе къ подданнымъ, до времени изданія Литовскаго Статута, не было даже опредѣлено закономъ и слагалось подъ вліяніемъ обычая, преданій и мѣстныхъ договоровъ. По первоначальной редакціи Литовскаго Статута подданные князей и бояръ освобождались отъ подушнаго и другихъ податей, за исключеніемъ работъ при укрѣпленіи замковъ, поддержкѣ дорогъ и мостовъ. Вообще, до самой люблинской уніи положеніе крестьянъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ было свободнымъ.

Изъ всѣхъ категорій литовско-русскаго подданства одна только несвободная челядь, образовавшаяся изъ военнопленныхъ, находилась въ такомъ безправномъ положеніи, какое въ Польшѣ тяготѣло надъ всею массою земледѣльческаго люда. Но уже послѣ люблинской уніи три раза въ продолженіи шестидесяти лѣтъ измѣнилась редакція Литовскаго Статута, каждый разъ не въ пользу подданныхъ, пока наконецъ они не были совершенно уравниены съ польскими крестьянами.

Сравнивая литовско-русскій строй съ польскимъ, мы видимъ, кромѣ различія въ вѣроисповѣданіи, еще слѣдующія различія между двумя государствами:

- 1) Неограниченность наслѣдственной монархической власти.
- 2) Неравенство между боярами.
- 3) Отсутствіе границъ между сословіемъ бояръ и другими свободными сословіями.

Таковы были отличія между Польшею и Литвою въ моментъ объединенія ихъ подъ властью одного государя; они объясняютъ намъ почему, со времени вступленія Ягайла на польскій престолъ въ 1386 г., потребовалось цѣлыхъ 183 года на подготовленіе люблинской уніи.

Поляки, какъ мы уже видѣли, усвоили цивилизацію Запада, напротивъ того вѣроисповѣданіе, науки и искусства на Руси распространялись съ Востока—изъ Византіи, стоявшей въ то время въ полномъ разцвѣтѣ высокой культуры. Такія разнородныя вліянія на развитіе руси и поляковъ увеличивали все больше и больше

первоначальныя различія во взглядахъ и направленіи этихъ народовъ; чтобы сдѣлать возможнымъ ихъ сліяніе, прежде всего необходимо было всѣ указанныя различія устранить, или сгладить такъ или иначе.

IV.

Посадивши Ягайла на польскій престолъ, поляки замѣтили, что раздробленная Русь держится сама собою вслѣдствіе религіознаго единенія, и думали, что господство ихъ надъ Литвою и Русью не будетъ прочнымъ до тѣхъ поръ, пока литовско-русскій народъ будетъ исповѣдывать одну вѣру съ московскою Русью. Лучшимъ средствомъ къ объединенію польскаго народа съ русскимъ, къ которому стремились всѣ уни: городельская, люблинская и брестская, польское духовенство считало замѣну православной вѣры католическою, такъ какъ Польша опиралась на католицизмъ. Повсемѣстное распространеніе латинскаго обряда казалось полякамъ и ихъ духовенству самымъ успѣшнымъ средствомъ, чтобы порвать связь между южной и сѣверной Русью.

Ягайло, сынъ Ольгерда и православной княжны Юліаны тверской, былъ окрещенъ въ православіе подъ именемъ Якова, но по желанію поляковъ крестился вторично по латинскому обряду и принялъ имя Владислава, обѣщая при этомъ присоединить къ Польшѣ Литву и Русь и склонить ихъ къ принятію католицизма. Принятая поляками миссія латинизма выступаетъ гораздо рельефнѣе при этомъ монархѣ, теперь сталкиваются два противоположныя теченія: польское аристократическое и демократическое русское и начинаютъ между собою вѣковую борьбу.

Тотчасъ послѣ коронаціи Ягайло поспѣшилъ въ Литву, чтобы тамъ крестить язычниковъ, а когда ихъ не стало (по словамъ Шайнохи, въ изслѣдованіи «Ягелло и Ядвига», ихъ было всего 30 тысячъ, остальные были христіанами по восточному обряду), то старались и православныхъ жителей вторично крестить по латинскому обряду. Въ Литвѣ издавна происходила дѣятельная христіанская пропаганда съ двухъ сторонъ: католическаго Запада и православной Руси; литовскіе князья не запрещали доступа въ страну

ни католическимъ, ни православнымъ проповѣдникамъ; однако суровыя войны съ тевтонами, которые мечемъ водворяли католицизмъ, отталкивали отъ него литовцевъ. Гораздо легче распространилось православіе, тѣмъ болѣе, что самая значительная часть Великаго Княжества Литовскаго состояла изъ русскихъ земель.

Желая доставить перевѣсъ католическому вѣроисповѣданію, Ягайло издаетъ распоряженіе, по которому только тѣ шляхтичи Великаго Княжества Литовскаго, которые принадлежатъ къ римской церкви, могутъ пользоваться правами польской шляхты; запрещаетъ браки между католиками и православными и не допускаетъ послѣднихъ къ государственной службѣ ¹⁾. Возвращаясь въ Польшу, Ягайло назначилъ своимъ намѣстникомъ въ Литвѣ брата своего Скиргайла въ 1387 г.

Глубоко обиженные преслѣдованіемъ ихъ религіи Ягайломъ, православные жители Великаго Княжества Литовскаго обращаются къ его двоюродному брату Витовту, скрывавшемуся въ Пруссіи. Витовтъ явился въ Литву съ войскомъ прусскихъ рыцарей и осадилъ Вильну. Наконецъ Ягайло, утомленный борьбою, согласился уступить Литву Витовту съ титуломъ великаго князя въ 1392 г. При этомъ поляки и литовцы обязывались совѣщаться взаимно при выборѣ правителей, не начинать войны другъ безъ друга и собираться для совмѣстнаго обсужденія общихъ дѣлъ. Тогда сдѣлалось ясно, какое важное значеніе имѣло объединеніе Литвы и Руси съ Польшею, потому что только общими силами имъ удалось уничтожить силы крестоносцевъ подъ Грюнвальдомъ въ 1410 г. и удерживать въ теченіи многихъ лѣтъ нѣмецкое *Drang nach Osten*.

Часто ссылаются на городельскій договоръ 1413 года, которымъ будто-бы вполне обезпечивались русской шляхтѣ тѣ-же самыя права и привилегіи, какими пользовалась польская шляхта; но объ этомъ лучше всего свидѣтельствуютъ соответственные параграфы уніи 1413 года:

2) Литовскимъ католическимъ востеламъ сохраняемъ вольности польскихъ востеловъ.

3) Шляхта и бояре католическаго исповѣданія допускаются къ гербамъ польской шляхты, дѣлятъ съ нею ея привилегіи и вольности.

¹⁾ Długoszcz, t. XI, str. 338; I. S. Bandke, str. 35, 37.

6) Дочерей своихъ обязаны отдавать замужъ только за католиковъ.

8) Каждый сановникъ или какой-бы то ни было земскій чиновникъ долженъ быть католикомъ; королевскія имѣнія могутъ раздаваться только однимъ католикамъ.

Права и привилегіи, даваемыя литовцамъ, ставили необходимымъ условіемъ принадлежность къ католической религіи и устранили русскихъ «схизматиковъ». Поэтому ссылаться на городельскую унію значить тоже, что предлагать русскимъ: здѣляйтесь католиками (поляками), инаго примиренія съ вами не можетъ быть.

Будучи самъ католикомъ, Витовтъ не преслѣдовалъ однако восточной церкви; онъ задумалъ создать отдѣльное государство изъ Литвы и Руси и стремился къ тому, чтобы получить его корону, но въ этомъ ему помѣшали поляки.

По смерти Витовта великимъ княземъ литовскимъ сдѣлался Свидригайло, который симпатизировалъ православнымъ, но поляки, составивши противъ него заговоръ, посадили на его мѣсто Сигизмунда Кейстутовича, ревностнаго католика. Этотъ послѣдній, актомъ 15 октября 1432 г., признаетъ себя ленникомъ Ягайла, обезпечиваетъ послѣ своей смерти возвращеніе Литвы королю или его наслѣдникамъ и отрекается отъ своихъ правъ на Подоліе, Луцкъ, Владиміръ, Городло, Ратну, Олескъ и Лопатинъ, какъ принадлежащія къ Польшѣ. Отсюда продолжительныя пререканія между Польшою и Литвою за Волынь и Подоліе. Легко понять сильную симпатію поляковъ къ литовской Руси—они льнули къ Руси, какъ пчелы къ меду.

Сигизмундъ былъ убитъ русскими за преслѣдованіе ихъ вѣры. Ягайло отбиралъ русскія церкви, которыя обращалъ въ костелы, какъ напримѣръ въ Перемышлѣ¹⁾; строилъ такъ-же на Руси новые костелы, надѣляя ихъ имѣніями, раздавалъ католикамъ земли и уряды, основывалъ на Руси города и села, которыя населялъ поляками, и давалъ имъ привилегіи. Тогда-то появилось на Руси такъ называемое магдебургское право, дававшее различныя льготы, вводившее самосудъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣленіе городскихъ купцевъ и ремесленниковъ на цехи; этимъ правомъ надѣлялись по преиму-

¹⁾ I. Długosz, lib., XI, pag. 334.

ществу новые города, заселенные католиками. Такимъ образомъ жители западной Руси распадалась на привилегированныхъ и непривилегированныхъ—послѣдними были православные аборигены русскихъ земель.

Видя свои права поправными, русская шляхта собралась во Львовъ, куда прибылъ Ягайло, и просила его прекратить прѣслѣдованіе русской церкви и насильственное распространеніе католицизма. Передъ лицомъ русской шляхты король Ягайло обѣщалъ не опустошать церквей и нивого насильственнымъ образомъ не привлекать къ латинской вѣрѣ ¹⁾, но не смотря на это православные исключались отъ занятія должностей. Во время пребыванія Ягайла во Львовѣ паны малопольскіе получили обширныя пожалованія въ русской землѣ: такъ Ясько изъ Тарнова получилъ званіе намѣстника Руси вмѣстѣ съ огромными помѣстьями, Спытець изъ Мельштына самборскій округъ, Петръ Калита Дубѣццо, Тарло изъ Щекоржевичъ стрыйскій округъ и т. д.; князь мазовецкій получилъ белзскую землю, а Димитрій Горайскій холмскую ²⁾. Въ то же время русскіе подъ всякими предлогами вытѣснялись изъ своихъ помѣстій, а имущество ихъ конфисковалось. Такъ на примѣръ всѣхъ русскихъ, не желавшихъ на свой счетъ помогать нѣмецкому императору противъ турокъ, Ягайло приказалъ заключить въ тюрьму и конфисковать ихъ имѣнія ³⁾. То же самое дѣлалось и позже подъ различными предлогами ⁴⁾. Много русской шляхты увели въ неволю татары въ 1438 и 1456 годахъ, но еще больше погибло въ войнахъ съ турками и татарами ⁵⁾.

Даже измѣны допускались по отношенію къ Руси. Такъ при Казиміръ IV польская шляхта пригласила русскую на совѣщаніе въ Перемишль и тамъ арестовала русскихъ и причиняла имъ различныя насилія ⁶⁾. Не удивительно потому, что среди русской шляхты, часть которой погибла въ войнахъ, а другая обѣднѣла, нашлось значительное число людей слабо-характерныхъ, прини-

¹⁾ Moraczewski, ks. 9, str. 203.

²⁾ Szujski, II, str. 12.

³⁾ Kromer, ks. XX, r. 1426, str. 380. Długosz, ks. XI, str. 494

⁴⁾ Długosz, ks. XI, rok. 1441.

⁵⁾ Długocz, ks. XII, str. 706 i 213.

⁶⁾ Kronika lit. Narbuta, Wilno, 1846, str. 57.

мавшихъ католичество для сохраненія жизни и имущества. Такимъ образомъ Червоная Русь колонизовалась польскою шляхтою.

Мы уже упоминали выше, что еще при Владиславѣ Онольскомъ созданы на Руси цѣлыхъ четыре епископства для католиковъ, которыхъ здѣсь почти не было; когда-же при Ягайлѣ упразднена русско-галицкая митрополія въ 1414 году, русскіе этой діоцезіи не получили ни одного епископа до 1539 г. За это время митрополитанскія имѣнія перешли въ руки свѣтскихъ лицъ, которымъ галицкіе старосты повѣряли такъ-же юрисдикцію надъ духовенствомъ греческаго обряда ¹⁾). Мало по малу ополяченіе въ Червоной Руси охватило всѣ высшіе слои народонаселенія. Болѣе вліятельные и зажиточные люди шляхетскаго сословія перешли въ католичество и только почти исключительно простые селяне удерживали вѣру, языкъ и обычаи предковъ. Общинное русское право сохранялось въ теченіи столѣтій только въ нѣкоторыхъ обычаяхъ простаго люда. Распространивши свою цивилизацію далеко вдоль Карпатъ до самаго Покутья, Польша хотѣла такъ-же поступить и съ литовскою Русью.

Щедрый Владиславъ Ягайловичъ, идя по слѣдамъ отца, раздавалъ выпрашивавшимъ у него польскимъ панамъ цѣлыя земли и повѣты русскіе съ титуломъ староствъ, воеводствъ и т. д.—Въ царствованіе этого короля возвратился съ флорентинскаго собора кievскій православный митрополитъ Исидоръ, принявши тамъ унію. Поляки дѣлаютъ ему торжественный приѣмъ въ надеждѣ, что теперь имъ удастся задуманное дѣло слиянія двухъ народовъ въ одинъ. Въ изданной имъ грамотѣ Владиславъ уравниваетъ оба исповѣданія въ правахъ и привилегіяхъ, потому что теперь, какъ онъ выражается, восточная церковь соединилась съ западною. Объединеніе церквей въ то время означало признаніе папы главою вселенской церкви, другаго значенія оно не имѣло; унія въ смыслѣ особаго, средняго католическаго исповѣданія еще не была извѣстна. Однако и въ такомъ видѣ унія не принялась на Руси.

Въ свою очередь Литва настойчиво усиливалась сохранить свою обособленность и своихъ собственныхъ отдѣльныхъ отъ Польши великихъ князей, которые обыкновенно избирались изъ сыновей

¹⁾ Acta terrestria haliciensia.

короля; наоборотъ поляки, желая соединить Литву съ Польшей, выбирали себѣ въ короли великихъ князей литовскихъ. Такимъ образомъ польскій король становился владыкою обоихъ государствъ, отъ чего все больше и больше нарушалось самоуправленіе Руси и русскій народъ тералъ политическое значеніе.

Въ правленіе Казимира Ягайловича окончательно устроилась на Петроковскомъ сеймѣ 1446 г. репрезентація польскаго народа, т. е. собственно шляхты, которая одна только и признавала себя народомъ.

Католическіе епископы, высшая шляхта и министры образовали первую ступень общественной іерархіи, родъ высшей палаты или сенатъ. Депутаты отъ низшей шляхты представляли вторую ступень, низшую палату. О третьемъ сословіи не было и помину: городовъ было мало, да и тѣ были незначительны; мѣщанинъ въ Польшѣ оставался въ пренебреженіи, а крестьянинъ былъ безправнымъ.

Передъ началомъ сеймовъ собирались повѣтовые сеймики, на которыхъ выбирали депутатовъ и составляли для нихъ инструкціи, такъ что депутатъ уподоблялся мѣшку, который везетъ все, что въ него положено. Весело проводилось время на сеймикахъ: вельможные паны высылали сюда сотни возовъ съ живностью и напитками; «паны братья» ѣли и пили, танцевали при панской музыкѣ, но и дѣлали то, чего хотѣлось пану. Депутаты получали отъ пановъ содержаніе и подарки, за что обязывались вести переговоры и дѣйствовать въ ихъ пользу. Никого это не стѣсняло, хотя всѣ знали о томъ, что все было продажнымъ. Послѣ окончанія главныхъ сеймовъ наступали реляційные сеймики, на которыхъ послы сдавали отчеты въ своихъ дѣйствіяхъ.

Что касается шляхты, то шляхетская конституція дѣлала каждого пана королемъ въ миниатюрѣ. Знатные содержали на своихъ дворахъ многочисленные вооруженные отряды, какъ маленькіе короли, каждый изъ нихъ поступалъ какъ удѣльный князь; вообще паны на Украинѣ не признавали надъ собою никакого контроля; каждый панскій домъ, какъ напримѣръ князя Острожскаго, былъ государствомъ въ государствѣ. Такимъ путемъ образовался рядъ монархій, изъ которыхъ одна съ королемъ во главѣ—раздавателемъ королевскихъ имѣній, называлась Рѣчью Посполитой, остальные

принадлежали мелкимъ королямъ, которые также окружали себя вассалами, мелкою шляхтой. Сверхъ того каждый городъ, надѣленный магдебургскимъ правомъ, назывался городскою республикой, а козаки даже среди сословій, засѣдавшихъ на сеймѣ, назывались козацкой Рѣчью Посполитой.

Поэтому Рѣчь Посполитая польская не была ни королевствомъ, ни республикой, она была собраніемъ монархій и республикъ, существующихъ другъ подлѣ друга, при чемъ ни одна изъ нихъ не имѣла права вмѣшиваться въ дѣла другой. Такъ напримѣръ, когда въ 1596 г. уніятскіе епископы просили Сигизмунда Ш, чтобы никто не обращалъ уніятскихъ церквей въ латинскіе костелы, король нашелся вынужденнымъ отвѣтить: «мы запретимъ это въ королевскихъ имѣніяхъ, но не можемъ этого сдѣлать въ имѣніяхъ шляхетскихъ». Среди такихъ отношеній все болѣе и болѣе падало значеніе короля, падалъ угнетенный народъ, слабѣла оборона края, а сама Польша распалась на множество мелкихъ государствъ, которыя всего меньше заботились о цѣлости отечества.

Такъ развивалась при Ягеллонахъ польская конституція и съ теченіемъ времени достигла высшаго своего могущества. Преобладаніе шляхты не знало границъ; въ непрерывной борьбѣ съ королевскою властью шляхта мало по малу отняла у этой власти всѣ права и присвоила ихъ себѣ. Для шляхты была невыносима не только власть, происходившая отъ одной особы (короля), но въ равной мѣрѣ становилась она невыносимою и тогда, когда исходила отъ цѣлаго народа. Реляційные сеймики не разъ отвергали постановленія сеймовъ, а любой повѣтъ считалъ себя въ правѣ не подчиняться закону, установленному по волѣ цѣлаго народа.

Великій князь литовскій Казиміръ Ягайловичъ, воспитанный въ Литвѣ, любилъ этотъ край и въ немъ проживалъ по большей части, поэтому онъ симпатизировалъ русскимъ подданнымъ, уважалъ права и обычаи Руси и пользовался такой популярностью, что даже новгородская республика склонялась къ связи съ Литвой. Случилось это главнымъ образомъ вслѣдствіе того обстоятельства, что Казиміръ дипломомъ, выданнымъ на виленскомъ сеймѣ 1447 года, уничтожилъ несправедливое постановленіе городельскаго съѣзда и призналъ равноправность обоихъ народовъ, какъ литовцевъ, такъ и русскихъ, безъ различія вѣроисповѣданія.

Тотъ-же Казимиръ Ягайловичъ, будучи великимъ княземъ литовскимъ, присягалъ литовцамъ, что не отдастъ полякамъ Волыни и Подолія и даже долгое время медлилъ съ принятіемъ польской короны; однако впослѣдствіи, уже какъ король польскій, онъ низводитъ кіевское удѣльное княжество на степень кіевскаго воеводства.

Слѣдствіемъ перемѣны въ отношеніяхъ Польши къ Литвѣ и къ Руси было то, что уже при Казимирѣ IV, правнукѣ Ольгерда, князья Трубецкіе и затѣмъ Ольшанскій, Бѣльскій, Олельковичъ и потомки Владимира св. князья Одоевскіе и Воротынскіе, вмѣстѣ со своими удѣлами въ Сѣверской землѣ, добровольно переходятъ въ подданство Москвы. Исторія этого короля весьма поучительна: пока онъ былъ справедливымъ по отношенію къ Руси, до тѣхъ поръ самъ Великій Новгородъ склонялся къ Литвѣ, но съ наступленіемъ польскаго господства начинаютъ отпадать и русско-литовскія земли. Поляки однако не поняли этого урока и непріязненное отношеніе къ этому королю мотивировали тѣмъ предлогомъ, что онъ больше симпатизируетъ Литвѣ, нежели Польшѣ¹⁾.

Въ правленіе Казимира IV произошла крупная перемѣна въ католической церкви: право назначенія епископовъ и другихъ церковныхъ сановниковъ переходить отъ папы къ королю. Съ того времени должности эти получали не тѣ, которые были болѣе достойны, а приближенные короля, или имѣвшіе покровителей при дворѣ. По словамъ нунція Висконти, въ Польшѣ встрѣчались епископы, не понимавшіе даже значенія слова епископъ. Такіе іерархи занимались свѣтскими дѣлами, предавались развлеченіямъ, содержали вооруженные отряды, съ которыми производили заѣзды на сосѣдей, а исполненіе духовныхъ обязанностей поручали за извѣстное вознагражденіе своимъ намѣстникамъ. Неудивительно поэтому, что подобные епископы оказались впослѣдствіи склонными къ реформациіи. Съ теченіемъ времени право патроната надъ приходами также пореходитъ въ руки шляхты.

Послѣ того, какъ церковная унія не удалась при митрополитѣ Исидорѣ, католики возвратились къ прежнему плану распространенія своего исповѣданія въ Литвѣ и на Руси: они прямо начинаютъ принуждать православныхъ къ принятію католичества. Теперь снова,

¹⁾ Bandke, II, str. 75.

как и во времена Ягайла, русских принуждают вторично креститься по латинскому образу, так что даже папа принужденъ былъ удерживать поляковъ, чтобы не прямо крестили въ католичество, а только постепенно склоняли православныхъ къ уни. Въ этомъ и нужно искать причины, почему въ правленіе короля Александра города: Черниговъ, Гомель, Любечъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Путивль, Мценскъ, Серпейскъ и Рыльскъ, вмѣстѣ съ своими князьями, боярами и остальными жителями, отдѣлились отъ Великаго Княжества Литовскаго и подчинились Москвѣ.

V.

Лучшія времена наступаютъ для Польши въ царствованіе Сигизмунда I. Въ продолженіи всей своей жизни король этотъ не преслѣдовалъ иновѣрцевъ, хотя сторонники папы сильно настаивали на томъ. Противнику Лютера, Эку, желавшему вооружить короля противъ лютеранъ, Сигизмундъ I отвѣчалъ: «Позволь мнѣ быть королемъ овецъ и козлищъ». При раздачѣ наградъ и должностей король не смотрѣлъ на вѣроисповѣданіе, а только на заслуги. Однако отдачею троцкаго воеводства весьма заслуженному князю Константину Ивановичу Острожскому онъ такъ возстановилъ противъ себя польскую шляхту, что въ 1522. издана въ Гроднѣ конституція, въ силу которой такія званія могутъ даваться только литовцамъ, исповѣдывающимъ римско-католическую вѣру. Въ 1507 г. король Сигизмундъ I даетъ католическимъ епископамъ въ Червонной Руси право назначать себѣ намѣстниковъ изъ духовнаго или свѣтскаго званія, которые обязывались осматривать русскія синагоги (такъ названы русскія церкви), наказывать и исправлять священниковъ¹⁾.

Желая обезпечить спокойствіе со стороны татаръ на время войны съ Москвою, Сигизмундъ I платилъ ежегодно сыновьямъ Менгли-Гирея 15,000 дукатовъ; но когда и это не помогло, онъ заключилъ миръ съ султаномъ Солиманомъ II, который обязался

¹⁾ Liber privilegiorum capituli Leopoliensis, ч. I, № 4. р. 49. Metryka koronna, 23, str. 307.

удерживать татаръ отъ нападеній на Польшу. Въ видахъ болѣе успѣшнаго обезпеченія своихъ границъ, Сигизмундъ I обратилъ вниманіе на козаковъ, составлявшихъ живой оплотъ со стороны Крыма, потому что въ то время козачи еще не беспокоили Польши, не испытывая притѣсненій со стороны ея правительства.

Здѣсь слѣдуетъ прибавить, что старый король дважды возвращалъ городскихъ пословъ, изгнанныхъ изъ сейма въ 1533 и 1545 годахъ... Паны признали за собою права сеніоріальнаго суда надъ крестьянами съ правомъ смертной казни; мы не находимъ этого въ законодательствѣ, но такъ происходило на дѣлѣ въ силу обычнаго права ¹⁾. Король хотѣлъ защитить крестьянъ, но не могъ.

Духъ истинной вѣротерпимости и свободы совѣсти усилился въ царствованіе Сигизмунда-Августа II. То было время реформаціи, когда иновѣрчество такъ быстро распространилось въ Польшѣ, что въ сенатѣ, кромѣ католическихъ епископовъ, всѣ почти сенаторы за малымъ исключеніемъ были диссиденты. Такое положеніе дѣлъ не позволяло и думать о распространеніи католичества на Русь, нужно было заботиться о сохраненіи его въ Польшѣ. Реформація въ Польшѣ возникла изъ принциповъ охраны шляхетскихъ вольностей. Епископы побуждали короля къ изданію эдиктовъ, направленныхъ противъ диссидентовъ; въ то же время магнаты, объятые духомъ гражданской свободы, брали подъ свое покровительство исповѣдниковъ новаго ученія и даже нѣкоторые епископы открыто становились противъ римской церкви. Диссидентизмъ входитъ въ моду, становится доказательствомъ прогресса; каждый панъ желаетъ принадлежать къ какой нибудь сектѣ, но такъ какъ моды быстро смѣняются, то и не удивительно, что реформація въ Польшѣ такъ же быстро упала, какъ и развилась. Духъ вѣротерпимости благоприятствовалъ соединенію двухъ народовъ, но требовалось еще много времени и продолжительная подготовка, чтобы слить эти два народа въ одно политическое тѣло.

Цѣлью сліянія Литвы съ Польшей было то, чтобы соединенными силами отражать вѣшнихъ непріятелей и своимъ общеніемъ взаимно способствовать политическому значенію обоихъ госу-

¹⁾ Hist. T. Wagi, str. 138, 184.

дарствъ ¹⁾. Морачевскій ²⁾ идетъ дальше, называя соединеніе Польши съ Литвою и Русью скорѣе номинальнымъ, чѣмъ реальнымъ договоромъ о вѣчномъ мирѣ, направленнымъ противъ преобладанія ордена крестоносцевъ.

На основаніи федеративной связи каждое изъ соединенныхъ государствъ должно было сохранить главныя условія политической независимости, а именно: самостоятельную территорію, особые законодательные органы и вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣльную судебную и административную власть.

Такъ было и на самомъ дѣлѣ. Литовскія и русскія земли были точно отграничены отъ земель польскаго королевства и, какъ мы уже видѣли, великіе князья литовскіе правили ими самостоятельно.

По смерти Витовта великимъ княземъ сдѣлался братъ его Сигизмундъ, а когда онъ былъ убитъ, на престолъ литовскій вступилъ братъ Владислава III, Казиміръ IV, сдѣлавшійся вскорѣ послѣ того польскимъ королежъ. Послѣ его смерти (1492 г.) Литва и Польша еще разъ получаютъ особыхъ государей; одинъ изъ сыновей Казиміра, Янъ-Альбрехтъ, былъ польскимъ королемъ, другой Александръ великимъ княземъ литовскимъ. Но со времени вступленія Александра на польскій престолъ Литва уже больше не получала отдѣльнаго князя, оба государства съ тѣхъ поръ имѣютъ постоянно только одного властителя.

Отдѣленная отъ Литвы и Руси прочными границами, благодаря усиліямъ литовско-русскихъ пановъ, Польша въ глазахъ литовско-русскаго народа была чужимъ краемъ; поляковъ считали людьми заграничными, чужеземцами, отъ чего они, на равнѣ съ другими иностранцами, не могли получать никакихъ государственныхъ должностей въ Литвѣ и Руси и не имѣли права владѣть здѣсь поземельной собственностью, какъ то было повторено еще на сеймѣ Брестскомъ въ 1544 г. Женщинъ высшаго сословія, выходявшихъ замужъ въ Польшу, статутъ литовскій лишалъ права наслѣдства послѣ ихъ родственниковъ. Во время пріѣзда короля въ Литву или Русь, всѣ польскіе чиновники изъ его свиты должны были оставаться на границѣ; если-же вступали въ предѣлы Вели-

¹⁾ Vol. leg., t. I, pag. 60—288.

²⁾ Dzieje królestwa polskiego, II, 181.

каго Княжества, то считались иностранцами и гостями и не имѣли права вмѣшиваться въ политическія дѣла ¹⁾). Эти преграды упали только послѣ люблинской уніи. Отсюда видно, что, заключивши федеративную связь съ Польшей, Литва и Русь сохраняли свою политическую независимость, имѣли свою отдѣльную территорію и особую внутреннюю администрацію.

Предвидя пагубныя послѣдствія болѣе тѣснаго объединенія обоихъ государствъ, паны литовско-русскіе охраняли такое положеніе дѣлъ и старались противодѣйствовать политическимъ видамъ польскаго правительства. Еще въ 1526 г. они просили Сигизмунда I короновать его сына литовскимъ королемъ единственно для того, чтобы поднять это княжество на степень королевства, въ той мысли, что королевство не можетъ слиться съ королевствомъ и между ними останется только федеративная связь. Однакожъ поляки были другаго мнѣнія. Какъ теперь говорятъ они: «нѣтъ Польши безъ Литвы и Руси», такъ и прежде думали и заботились о томъ, чтобы Литва и Русь когда-нибудь не отдѣлились, особенно при бездѣтности Сигизмунда-Августа. Съ нимъ прекратилась династія Ягеллоновъ, служившая политической связью между Литвою и Польшей; въ будущемъ угрожала опасность расторженія этой связи. Польско-католическая партія удвоила свои усилія, чтобы прочно соединить между собою эти два государства ²⁾). Однако эта партія встрѣтила большія препятствія со стороны литовскаго канцлера князя Николая Радзивила, ревностнаго протестанта. Не смотря на то поляки все болѣе и болѣе стремятся къ достиженію своей цѣли—привлеченію Руси къ Польшѣ съ помощью различныхъ уній политическихъ и церковныхъ.

Со времени объединенія Литвы съ Польшей при Ягайлѣ до люблинской уніи прошло около двухъ столѣтій. Въ теченіи этого времени поляки прилагали всѣ усилія, чтобы на сколько возможно упрочить связь между этими двумя землями и слить ихъ въ одно нераздѣльное политическое тѣло; но усилія эти встрѣчали постоянную реакцію со стороны Литвы и Руси, опиравшуюся какъ на сознаніи племенной и политической обособности своего госу-

¹⁾ Zbiór praw litewskich, str. 45, 405.

²⁾ Ibidem, str. 433.

дарства, такъ и на различіи въ характерѣ общественнаго строя, нравовъ, обычаевъ, религіи и языка. Нужно было сгладить эти различія и создать въ Литвѣ партію, для которой было-бы желательнымъ сліяніе съ Польшей.

Правда, сдѣлавшись польскимъ королемъ, великій князь литовскій могъ отречься отъ своего наследственнаго права, своей неограниченной власти и отъ верховнаго права на всю поземельную собственность, что и сдѣлалъ, наконецъ, послѣдній изъ Ягеллоновъ, Сигизмундъ-Августъ II; но не легко было справиться съ магнатами. Эти послѣдніе смотрѣли на шляхетское равенство, какъ на принципъ, который долженъ былъ уничтожить ихъ вліяніе въ краѣ и поставить наравнѣ съ зависѣвшими отъ нихъ землянами и боярами; эти напротивъ видѣли въ уніи расширеніе своихъ правъ, законное уравниваніе въ правахъ съ высшими сановниками и удѣльными князьями и возможность снискать полную независимость, какъ въ отношеніи земельной собственности, такъ и общественнаго положенія, наконецъ надѣялись такимъ путемъ достигнуть значительнаго политическаго вліянія.

При такомъ несогласіи интересовъ литовскихъ пановъ съ одной стороны и бояръ и землянъ съ другой, поляки естественно обратили особенное вниманіе на послѣднихъ и старались подробно ознакомить ихъ съ правами и привилегіями польской шляхты, при каждомъ удобномъ случаѣ расширять ихъ права и помочь имъ сплотиться и создать сильную партію. Такой способъ дѣйствій приняли поляки, начиная отъ городельскаго съѣзда.

Такимъ образомъ и Ягайло, объявляя свое намѣреніе объединить Литву съ Польшей, говоритъ, что задумалъ снять съ литовскихъ бояръ то служебное иго, какое они носили до того времени, и уравнивать въ правахъ съ польской шляхтой. На первый разъ онъ разрѣшаетъ боярамъ распоряжаться своими землями и отдавать замужъ дочерей безъ контроля великаго князя. Такимъ образомъ положенъ первый зародышъ литовской шляхты, которая должна была объединить разнородные слои литовскаго боярства.

И такъ, вслѣдствіе безпрестанной выдачи новыхъ шляхетскихъ дипломовъ, литовская шляхта все болѣе умножается и усиливается, среди нея распространяются польскія шляхетскія понятія, которыя поддерживаются то общими съѣздами, то присоединеніемъ къ Польшѣ

русскихъ земель и поселеніемъ въ нихъ поляковъ и сверхъ того измѣненіемъ литовскаго законодательства на польскій образецъ. Съ того времени Литовскій Статутъ причисляетъ князей, пановъ, шляхту и бояръ къ одному равноправному сословію, точно отдѣляя его отъ крестьянъ.

Между тѣмъ какъ распространялась пропаганда шляхетскаго равенства, представители высшихъ сословій въ Литвѣ заранѣе употребляли мѣры къ тому, чтобы не лишиться своего значенія. Они окружили великихъ князей «Радою», вынудили у Казимира IV обѣщаніе не допускать отторженія земель великаго княжества и не предпринимать ничего важнаго безъ согласія состоявшей при немъ «Рады». Князья Острожскіе, Чарторыйскіе, Глинскіе, Гаштолды, Радзивиллы, Ходкевичи, составляя «Раду», неослабно стоятъ на стражѣ великаго княжества, требуя для Литвы отдѣльнаго князя въ случаѣ избранія предшествующаго князя на польскій престолъ; они предлагаютъ отъ лица земель литовскаго княжества требованія о защеппіи полякамъ селиться на принадлежащихъ княжеству земляхъ и при каждомъ удобномъ случаѣ оказываютъ стойкое сопротивление введенію уни.

Такимъ образомъ высшіе слои литовскаго народа ведутъ борьбу съ Польшей, однако борьба эта рано или поздно должна была окончиться въ пользу послѣдней. Хотя, вслѣдствіе шляхетскаго равенства, партія эта теряетъ свое преобладающее значеніе, за то съ другой стороны она много выигрываетъ, освобождаясь отъ ленной зависимости по отношенію къ великому князю и сверхъ того получая въ собственность огромныя пространства земель, которыми они до того времени владѣли на основаніи леннаго права. Далѣе, отказываясь отъ права составлять «Раду» великаго князя, партія эта входила въ составъ учрежденія, ограничивавшаго власть монарха, гдѣ получала уже голосъ законодательный вмѣсто совѣщательнаго. Наконецъ, легко было предвидѣть, что равенство для нея останется мертвой буквой, потому что огромныя пространства поземельной собственности и неизмѣримое преобладаніе въ имущественномъ отношеніи должны были дать магнатамъ перевѣсъ надъ массой шляхты; поэтому равенство осталось теперь, какъ и впоследствии не болѣе, какъ пышной фразой.

Послѣ люблинской уніи не вполне ослабѣло вліяніе и значеніе магнаговъ, напротивъ литовскіе княжескіе роды сдѣлались центрами, около которыхъ начинаютъ группироваться знатнѣйшіе роды самой Польши. Толпы равноправной братіи поступали въ ряды слугъ къ богатымъ панамъ, продавая имъ свои голоса на сеймикахъ и сеймахъ, участвуя въ ихъ спорахъ и т. д.

Въ силу этихъ причинъ уменьшалась партія, враждебная уніи. Въ 1569 г. созданъ въ Люблинѣ большой сеймъ изъ представителей обоихъ народовъ. Неохотно однако шли на этотъ сеймъ представители Великаго Княжества Литовскаго, предчувствуя, что тамъ рѣшается дѣло уничтоженія ихъ политической и національной обособленности. Соединеніе Польши и Литвы подѣ властью одного государя, какъ мы уже говорили, было федеративнымъ до того времени; поэтому Литва и Русь боролись противъ люблинской уніи, смотря на нее, какъ на централизацію.

Обѣ стороны предложили на сеймѣ свой проеѣтъ уніи. Поляки требовали полного сліянія Литвы съ Польшей въ одно государство, упраздненія выбора отдѣльнаго великаго князя, а также упраздненія отдѣльныхъ сеймовъ, администраціи, монеты и т. п. Правда, сохраненіемъ титула великаго княжества собственной Литвѣ оставлена была какъ-бы тѣнь политической независимости, но за эту мнимую уступку южныя области, т. е. Русь, должны были присоединиться къ Польшѣ.

Съ своей стороны литовцы проектировали братскій союзъ съ Польшей, свободное избраніе государя для Польши и Литвы, которая, согласно ихъ требованіямъ, должна была удержатъ свои отдѣльные сеймы, монету, собственное правительство и законодательство, литовцы требовали также, чтобы русскія земли оставались въ составѣ великаго княжества.

Какъ результатъ такихъ противоположныхъ требованій возникаютъ споры между обѣими сторонами, наконецъ литовцы съ протестомъ оставили общій сеймъ.

Чтобы сломить сопротивленіе Литвы, Сигизмундъ - Августъ отрѣкся отъ своихъ великокняжескихъ правъ надъ нею, а русскія области, до того времени соединенныя съ Литвой, какъ: Подляхія, Волынь, Подоліе, княжество кіевское, черниговское и Украина отторгнуты отъ Литвы и вошли въ составъ Польши въ качествѣ

провинцій. Король грозилъ непокорнымъ отнятіемъ староствъ, а поляки съ своей стороны угрожали, что не будутъ помогать Литвѣ въ войнѣ съ Иваномъ Грознымъ; изъ Подляхія и Волыни вызваны были урядники, которыхъ противъ воли принудили къ принесенію присяги ¹⁾).

Унія провозглашена въ отсутствіе депутатовъ ²⁾, и тѣ, которые по принужденію короля соглашались на унію, отталкивали навязанное имъ благодѣяніе уравнианія Литвы съ Короной и просили: «оставьте намъ наши права,—вы нашихъ не знаете, а мы вашихъ не понимаемъ и т. д.». Неизвѣстно, чѣмъ-бы кончилось это дѣло, если-бы не вмѣшались два знатнѣйшіе и сильнѣйшіе магната Великаго Княжества Литовскаго или собственно Руси, князь Константинъ Острожскій, кievскій воевода и главный дѣятель люблинской уніи и волынскій воевода, князь Александръ Чарторыйскій. Они подписали постановленія люблинскаго сейма; за ними подписались ихъ сторонники, а затѣмъ постепенно и всѣ остальные.

Итакъ въ 1569 году преграда, охранявшая Русь отъ ополяченія, была разрушена руками повровителя православія, князя Острожскаго; съ того времени не только Червоная, но и вся остальная Русь подверглась быстрой колонизаціи. Для поляковъ особенно важными были тѣ постановленія уніи, которыя дозволяли имъ приобрѣтать на Руси земли и занимать государственныя должности.

Такъ закончилось соединеніе Литвы и Руси съ Польшей въ республику на равныхъ правахъ, съ однимъ общимъ сеймомъ и сенатомъ, отчего федеративный характеръ связи между этими государствами замѣнился централизаціоннымъ. Правда, обѣ части сохранили свои правительственные органы: канцлера, подканцлера, маршалковъ, гетмановъ и т. д., однако населеніе Руси требовало для себя такихъ же точно привилегій, какими пользовались поляки, и главными условіями ставило русскій языкъ въ общественныхъ дѣлахъ, свободу православнаго вѣроисповѣданія и полную равноправность. Соединеніе въ смыслѣ централизаціи должно было имѣть пагубныя послѣдствія для обоихъ народовъ. Двѣ сильныя, но въ главныхъ своихъ признакахъ совершенно противоположныя между

¹⁾ Działyński, Dziennik lubelskiego sejmu, pag. 69, 71, 82, 128.

²⁾ Józ. Sznjnski, Dz. P. II, pag. 320.

собою народности, различавшіяся формами управленія, языкомъ и вѣрой, принуждены находиться въ безпрерывныхъ столкновенияхъ, парализовавшихъ возможное развитіе государства. Съ этого времени ни Русь, ни Польша не знали покоя,—обѣ истощали свои силы во внутренней національной борьбѣ. Достаточно вспомнить, что 20 лѣтъ спустя послѣ люблинской уніи начинаются козацкія возстанія, прекратившіяся только съ паденіемъ Польши.

Каждая централизація есть первый шагъ къ нивелировкѣ обществъ, игнорированіе ихъ историческихъ особенностей. Не подлежитъ сомнѣнію, что извѣстная степень централизаціи военной, финансовой и т. д. необходима для могущества государствъ, но стираніе племенныхъ и областныхъ особенностей подрываетъ его силу, потому что валѣчить и связываетъ тѣ народы, которые должны ее двигать и выносить на своихъ плечахъ.

Поучителенъ въ этомъ отношеніи примѣръ Сигизмунда Августа. Онъ желалъ еще ближе соединить два народа, уже сближенные между собою посредствомъ люблинской уніи; но, прослѣдивъ безпристрастно это дѣло, мы видимъ, что вызывалось оно только антагонизмомъ, проявившимся до конца Рѣчи Посполитой, въ особенности потому, что поляки не выполнили условій люблинской уніи. Правда, сцентрализованная Литва и Русь облечены были въ мундиръ все болѣе и болѣе сходный съ польскимъ, однако это не сохранило Польшу отъ упадка, а напротивъ ускорило и произвело этотъ упадокъ. И хотя король утверждалъ въ своихъ декретахъ, что объединеніе произошло по твердой волѣ и добровольному согласію всѣхъ сословій¹⁾, однако словамъ этимъ противорѣчатъ позднѣйшія королевскія распоряженія. Такъ по закрытіи люблинскаго сейма король принужденъ былъ прибѣгнуть къ угрозамъ; въ прибавленіи къ разосланному королевскому универсалу, которымъ предписывалась форма присяги, значится: «А если кто воспротивится выполненію присяги, у того, какъ сопротивляющагося нашей власти, будемъ конфисковать имѣніе».

Приказано было королевскимъ старостамъ составлять списки всѣхъ присягнувшихъ и тѣхъ, кто отказывался отъ присяги, чтобы король могъ подвергать наказанію непослушныхъ. Однако изъ спис-

¹⁾ Vol. leg. II, pag. 754.

ковъ этихъ видно, что очень много лицъ, принадлежавшихъ къ знатымъ фамиліямъ, не смотря на угрозы короля, не явились для припесенія присяги.

Нужно замѣтить однако, что люблинская унія относилась только къ шляхтѣ, народъ собственно не имѣлъ въ ней голоса и не принималъ участія.

Польша и ея элементы только послѣ люблинской уніи столкнулись съ пародомъ, который поэтому тогда только въ лицѣ своихъ представителей съ оружіемъ въ рукахъ начинаетъ протестовать противъ этой уніи.

Федеративная связь Литвы и Руси съ Польшей была достаточна для политическихъ цѣлей общей обороны и для могущества обоихъ государствъ и если поляки стремились къ централизациі обѣихъ земель, то руководились главнымъ образомъ интересомъ; ихъ привлекали неизмѣримыя пространства Руси и надежда овладѣть огромными имѣніями. Слѣдующій фактъ можетъ служить доказательствомъ неразборчивости въ средствахъ.

Галшка (Елизавета) Острожская, единственная дочь Иліи Острожскаго, оставшаяся подъ опекой своей матери Беаты и дяди Константина Василія, была наслѣдницей огромнаго имѣнія и обширныхъ земель на Волыни и въ Подоліи, принадлежавшихъ въ то время къ Литвѣ, а не къ Польшѣ. Много конкурентовъ добивались руки Галшки; больше другихъ старался князь Дмитрій Сангушко, но мать и дочь отказали ему. Тогда опекунъ, князь Константинъ Василій, предпочитавшій Сангушка для того, чтобы рускія помѣстья не переходили въ руки поляковъ, заѣхалъ со своимъ женихомъ въ острожскій замокъ и, не смотря на сопротивленіе матери и дочери, повелъ племянницу къ вѣнцу. Беата ѣздила въ Краковъ, требуя правосудія у короля, но Сангушко съ женой удалился въ Чехію, гдѣ и скрывался. Калишскій воевода Мартинъ Зборовскій, сильно заинтересованный въ расторгеніи этого брака, съ цѣлью женить на Галшкѣ своего сына Петра, настигъ Сангушка въ Чехіи и убилъ его.

Когда Галшка, по смерти мужа, возвратилась на родину, начались новыя соискательства ея руки и отсюда новыя смуты. Первѣйшіе литовско-русскіе магнаты желали, чтобы она изъ числа ихъ родственниковъ выбрала себѣ мужа; того-же самаго желали какъ

мать, такъ и дочь и дали слово князю Семену Олельковичу Слуцкому; напротивъ польскіе паны хотѣли, чтобы молодая княгиня отдала свою руку поляку. Паны польскіе, владѣвшіе ничтожными помѣстьями сравнительно съ литовскими магнатами, издавна старались породниться съ послѣдними, чтобы наследовать имѣнія и земли въ Литвѣ и Руси, такъ какъ частую имѣнія эти были обширнѣе цѣлыхъ повѣтовъ въ Польшѣ.

Беата симпатизировала Петру Зборовскому, но одинъ изъ конкурентовъ, воевода брестско-куявскій, Лука Гурка, противъ котораго были и мать, и дочь, и опекунъ, обратился за помощью къ королю. Сигизмундъ-Августъ устранилъ Константина Василя Острожскаго отъ опекуинства, въ видѣ исключенія отмѣнилъ предписаніе литовскаго статута, по которому женщины, выходящія замужъ въ Польшу, лишались права наследства послѣ своихъ родственниковъ, и приказалъ, не смотря на сопротивленіе матери и дочери, повѣнчать Галшку съ Лукою Гуркою. Опасаясь насилія, Беата вмѣстѣ съ дочерью держалась при особѣ королевы Боны, а по отъѣздѣ послѣдней въ Неаполь, онѣ удалились во Львовъ и здѣсь заперлись въ доминиканскомъ монастырѣ, занявъ его своимъ гарнизономъ. Гурка снова обращается къ королю, который приказываетъ львовскому старостѣ взять Галшку силою и отдать Гуркѣ. Дѣло дошло до формальной осады монастыря.

Не смотря на то, князь Семень Слуцкій, переодѣвшись нищимъ, пробрался въ монастырь и перевѣнчался съ княгиней. Однако на это не обратили вниманія.

Староста отрѣзалъ водопроводныя трубы и овладѣлъ монастыремъ. Галшка выдерживала осаду въ высокомъ замкѣ, пока не вышло рѣшеніе короля—отдать ее Гуркѣ, что было исполнено насильственнымъ образомъ: староста отослалъ княгиню къ Гуркѣ, который поселилъ ее въ своемъ замкѣ въ Шаметулахъ. Не смотря на то, Галшка и здѣсь оставалась вѣрною своему убѣжденію, что она жена одного князя Семена; въ то-же время ея мать употребляла всѣ усилія, чтобы освободить свою дочь изъ рукъ Гурки. Она предлагала 100,000 злотыхъ, но Гурка не соглашался отпустить Галшку, хотя она была враждебно противъ него настроена; онъ пытался всѣми мѣрами привлечь ее къ себѣ, но Галшка оставалась непреклонной даже по смерти князя Семена Олельковича. Наконецъ и сама Галшка умерла

отъ помѣшателства, а Гурка не достигъ цѣли, такъ какъ ея имѣнія перешли въ руки Константина Острожскаго.

Такова вкратцѣ исторія Галшки Острожской, открывающая намъ много характеристическихъ чертъ изъ внутреннихъ отношеній того времени. Исторія несчастной княгини является какъ-бы образомъ люблинской уніи въ миниатюрѣ: какъ польскіе женихи старались получить руку Галшки ради ея имѣній, такъ точно и поляки сватали Русь ради ея богатства.

Въ административномъ отношеніи, послѣ присоединенія къ Польшѣ, Литовская Русь была раздѣлена на слѣдующія воеводства: Витебское, Полоцкое, Мстиславское, Минское, Новгородское, Подляшское, Брестско-Литовское, Кіевское, Волынское, Белзское, Люблинское, Брацлавское, Подольское, Русское (т. е. Червонорусское) и Черниговское. Собственно-же Литовская земля обнимала воеводства: Виленское, Троцкое, Ливонское и княжество Жмудское.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРИЛУЦКІЙ ПОЛКОВОЙ АСАУЛЬ

МИХАЙЛО МОВЧАНЬ И ЕГО ЗАПИСНАЯ КНИГА.

Каждое общество обладает несомнѣнно стремленіемъ къ само-развитію и естественною наклонностію къ умственной дѣятельности, но для того, чтобы эта наклонность могла успѣшно найти примѣненіе, необходимо, чтобы данное общество могло пользоваться извѣстными условіями быта, при которыхъ только возможно развитіе его умственныхъ силъ. Такими условіями мы должны признать: внѣшнее спокойствіе, обезпеченность матеріальную и возможность развитія путемъ свойственнымъ характеру даннаго народа. Конечно, среди военной тревоги всеобщее вниманіе занято исключительно заботою о сохраненіи личной и коллективной безопасности, и не остается времени для труда интеллектуальнаго. При отсутствіи матеріальнаго обезпеченія повседневная забота о средствахъ существованія отвлекаетъ всѣ силы на борьбу за эти средства, и народъ не имѣетъ досуга для самообразованія; если немногочисленныя жилищныя группы и пользуются необходимымъ досугомъ, то онѣ не въ состояніи замѣнить въ дѣлѣ народнаго развитія коллективнаго труда всей народной массы. Если онѣ и не погрязнутъ, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, въ эпикуреизмъ, если даже обратятся къ литературной дѣятельности, то во всякомъ случаѣ онѣ не будутъ выразителями прогрессивнаго развитія всего народа, онѣ создадутъ литературу кружковую, необходимо проникнутую узкими сословными взглядами и интересами, недоступную и непонятную, а слѣдовательно и бесполезную для развитія всего народа.—Наконецъ только развитіе, исходящее изъ своеобразныхъ народныхъ на-

чаль, можетъ сдѣлаться вполне доступнымъ для всей народной массы, не заставляетъ людей культурныхъ выдѣляться изъ народной среды и становиться ей чуждыми, даетъ полное развитіе всѣмъ сторонамъ народнаго духа и ускоряетъ это развитіе, ведя его по пути, предначертанному самою природою. Конечно, лучшимъ примѣромъ для провѣрки сказаннаго можетъ служить продолжительный застой въ культурѣ западно-европейскихъ народовъ, случившійся въ теченіе среднихъ вѣковъ; между тѣмъ какъ рыцарское сословіе занято было безконечными войнами, крестьяне вели тяжелую борьбу съ нищетою и голодомъ—одни монахи пользовались достаточною безопасностью и досугомъ, необходимымъ для умственнаго развитія; но культура въ монастыряхъ развивалась на чуждой для народовъ западной Европы латинской почвѣ и потому оказалась почти безслѣдною въ исторіи развитія народныхъ массъ.

Если примѣнимъ все сказанное къ исторіи развитія южной Руси, то несомнѣнно лучшія условія для культуры мы встрѣтимъ въ теченіе XVIII столѣтія въ той половинѣ края, которая лежала на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Вѣковая непрерывная борьба съ Польшею была кончена въ смыслѣ благопріятномъ для народныхъ интересовъ; покровительство Россіи обезпечивало внѣшнюю безопасность и дозволило наконецъ народонаселенію позаботиться о внутреннемъ устройствѣ своего быта. Обезпеченность имущественная достигла значительныхъ размѣровъ и, выражаясь владѣніемъ поземельной собственности, была распредѣлена болѣе равномѣрно и на большее количество лицъ, чѣмъ когда-либо; наконецъ начала умственной жизни, положенныя въ предъидущемъ столѣтіи трудами ученыхъ кievской академіи, открывали путь для народнаго развитія въ направленіи чисто національномъ, обнимавшемъ всѣ потребности и интересы народа на присущей ему степени развитія; лица всѣхъ сословій могли свободно стремиться къ образованію, переходя безпрепятственно изъ народныхъ церковныхъ школъ на скамьи кievской академіи, коллегіумовъ черниговскаго, харьковскаго и т. п. Оживленіе умственной жизни въ самомъ обществѣ выразилось въ попыткахъ зарождавшейся литературы и въ томъ живомъ интересѣ, какой возбуждало печатное слово. Не говоря о многочисленныхъ сочиненіяхъ богословскаго содержанія, о мистеріяхъ, панегирикахъ, виршахъ и т. д., историческая литература дѣлается любимымъ за-

внѣмъ многихъ грамотныхъ людей. Восемнадцатый вѣкъ оставилъ намъ цѣлый рядъ козацкихъ лѣтописей, то составленныхъ самостоятельно, то компилированныхъ и все болѣе и болѣе стремившихся перейти отъ формы лѣтописи къ формѣ прагматической исторіи. Лѣтописи впрочемъ составляютъ не единственный отдѣлъ историческихъ памятниковъ XVIII столѣтія въ Малороссіи; люди, получившіе болѣе полное образованіе (какъ Марковичъ, Ханенко), оставляли мемуары, исполненные весьма живаго интереса, въ которыхъ сохранили весьма цѣнный матеріалъ для обрисовки внутренняго быта своей родины, другія лица заводили «записныя книги», въ которыя вносили все то, что интересовало ихъ владѣльцевъ, какъ въ личной, такъ и въ общественной жизни. Всевозможныя замѣтки, попадавшія въ записную книгу, не смотря на свой отрывочный, по видимому безсвязный характеръ, обрисовываютъ вполне внутренній бытъ общества, среди котораго жилъ ихъ составитель, и даютъ картину, правда менѣе полную, но за то и менѣе субъективную, чѣмъ записки мемуариста.

Одну изъ такихъ записныхъ книгъ, принадлежавшую асаулу полковому прилуцкому, Михаилу Федоровичу Мовчану, мы имѣемъ въ настоящее время передъ собою. Книга эта сохранилась у потомковъ составителя, и мы получили ее отъ землевладѣльца полтавской губерніи Аркадія Федоровича Мазараки, которому долготъ считаемъ принести искреннюю благодарность за просвѣщенное и обязательное сообщеніе намъ этого цѣннаго историческаго матеріала.

Записная книга Михаила Мовчана представляетъ томъ in folio въ кожанномъ старинномъ переплетѣ; она содержитъ 164 полулиста сѣрой, желтоватой бумаги; но далеко не всѣ листы ея заняты письмомъ; записанные листы, числомъ 66, разбросаны на протяженіи всей книги и отдѣлены другъ отъ друга значительными промежутками, состоящими изъ бѣлыхъ листовъ; очевидно, что записи шлолись въ книгу безъ всякаго порядка, тамъ, гдѣ книга открывалась въ данный моментъ; хронологическій порядокъ записей также не соблюдался: позднѣйшія статьи часто встрѣчаются въ началѣ книги, болѣе-же раннія въ концѣ ея. Книга писана нѣсколькими ючерками: два изъ нихъ, очень четкіе и красивые скорописные портреты XVII вѣка, встрѣчаются въ большинствѣ записей, внесен-

ныхъ въ книгу при жизни Михайла Мовчана, два другіе—скорѣе почерки второй половины XVIII столѣтія, менѣе красивые встрѣчаются въ тѣхъ записяхъ, которыя были внесены внукомъ Мовчана—Андрѣемъ Мазараки, къ которому книга перешла по наслѣдству.

Поводъ, по которому книга заведена была Михайломъ Мовчаномъ, а также время ея возникновенія явствуютъ изъ первой писи, помѣщенной на 6 листѣ книги; запись эта гласитъ: «Р. 1727 юня 27 дня. Для всякихъ случаевъ, за помощію Божіею казалеми въ сію книгу вписать, сколько имѣется въ мене, асаула полкового прилуцкого, Михайла Мовчана, купчихъ на грунтѣ. Дѣйствительно Мовчанъ приказалъ занести (самъ онъ былъ грамотенъ, какъ это видно изъ одного документа) въ книгу всѣхъ имѣвшихся у него имущественныхъ документовъ и продалъ вносить ихъ въ послѣдствіи въ теченіе 16 лѣтъ до смерти (1742 г.); но, не ограничиваясь этимъ первоначальнымъ назначеніемъ книги, онъ заносилъ въ нее копіи всѣхъ тѣхъ документовъ и сочиненій, которые представляли для него какой-бы ни было личный или общественный интересъ. Вообще всѣхъ ста записано было по указанію Мовчана 86; онѣ распредѣляются следующимъ образомъ по содержанію: 64 купчихъ крѣпости и извлеченій изъ нихъ, 11 другихъ имущественныхъ документовъ, жалованныхъ грамотъ на ранговья и наградныя земли, мировыхъ сдѣлокъ съ сосѣдями, судебныхъ приговоровъ, перечней движимаго имущества и т. п.; 2) два документа: универсалъ гетмана Самойловича, данный отцу Михайла Федору на званіе прилуцкаго кузнеца (1678) и копія челобитной, поданной Аннѣ Іоанновнѣ 1739 году; 3) наконецъ въ книгѣ Мовчана мы находимъ 9 лѣтисныхъ отрывковъ и замѣтокъ. Отрывки эти частью списаны съ лѣтописей, ходившихъ въ то время по рукамъ среди козацкаго общества, частью продиктованы самимъ Мовчаномъ по его воспоминаніямъ. Изъ числа 9 отрывковъ 4 оказываются списанными словно изъ лѣтописи Самовидца; они содержатъ рассказы о событіяхъ, сдѣлавшихъ особенно глубокое впечатлѣніе на малороссійское общество; это эпизоды: о возстаніи Хмельницкаго (1648), о взятіи Бруховецкаго (1668), о взятіи турками Чигрина (1678) и паденіи Самойловича (1687); затѣмъ два отрывка за 1664 и 1666

78 списаны изъ какой-то краткой, не дошедшей до насъ козац-
кѣ рукописи и, наконецъ, три послѣдніе отрывка написаны правдо-
подобно изъ словъ самаго Мовчана; они представляютъ, повиди-
му, его личныя воспоминанія о походѣ подъ Вѣну 1683 года и
такія замѣтки о позднѣйшихъ событіяхъ.

На основаніи документовъ и замѣтокъ, внесенныхъ въ запис-
ную книгу, мы можемъ возстановить біографію Михаила Мовчана,
человѣка весьма типическаго и тѣмъ болѣе интереснаго для характе-
ристики современнаго ему общества, что онъ занималъ второстепен-
ное положеніе въ ряду козацкой старшины, не достигъ сколько
будь видной общественной роли, и потому біографія его пред-
ставляетъ намъ типъ заурядный, гораздо болѣе характеризующій
тѣ знатнаго козачества первой половины XVIII ст., чѣмъ біо-
графія лицъ, выдававшихся особенными личными дарованіями или
дѣятельностью и составлявшихъ вслѣдствіе того болѣе исключительныя
личности въ своей средѣ.

Родъ Мовчановъ выдвинулся изъ рядоваго козачества, благо-
даря ловкости отца Михаила—Федора Мовчана; послѣдній началъ
свою военную карьеру на службѣ у гетмана Дорошенка. Гетманъ
этотъ, старавшійся провести съ замѣчательною стойкостью свои
политическіе планы, долженъ былъ бороться съ препятствіями, далеко
превосходившими его силы. Не находя нужной поддержки въ го-
ловномъ козацествѣ правобережной Украины, предпочитавшемъ
присоединиться къ лѣвому берегу Днѣпра или примыкать къ различ-
нымъ честолюбцамъ, претендовавшимъ на гетманскую булаву, чѣмъ
держивать патриотическія усилія своего гетмана, Дорошенко по-
пытался замѣнить въ значительной мѣрѣ земскія козацкія ополченія
иными козацкими полками, носившими названіе «охочегомонныхъ»
«серденятъ». Тѣ и другіе, принимая службу у гетмана за жалованье
и содержаніе, вполне отъ него зависѣли, повиновались назначен-
нымъ по его выбору старшинамъ и, конечно, не пользовались пра-
вомъ ни составлять рады для обсужденія общественныхъ дѣлъ, ни
контролировать политическіе планы и дѣйствія гетмана.

Мы встрѣчаемъ въ 1675 году Федора Мовчана въ должности
командира одного изъ такихъ «серденятскихъ» полковъ Дорошенка.

Но предусмотрительный полковникъ замѣтилъ, что дѣла довѣрившаго ему начальство гетмана принимаютъ весьма невыгодный оборотъ, и сталъ заблаговременно помышлять о себѣ. Весною 1675 года онъ перешелъ съ своимъ полкомъ на лѣвый берегъ Днѣпра и не смотря на ропотъ своихъ «серденятъ», подчинился Самойловичу и поступилъ къ нему на службу. Самойловичъ выпросилъ для Мовчана и его полчанъ царское жалованье¹⁾ и сталъ опираться на его примѣръ для того, чтобы склонить къ переходу на свою сторону другіе «серденятскіе» полки Дорошенка. Отправляя болѣе или менѣе крупныя отряды прѣтивъ Дорошенка, Самойловичъ постоянно присоединяетъ къ нимъ полкъ Мовчана и рассчитываетъ на то, что товарищескія связи этого полковника побудятъ и другихъ «серденятскихъ» начальниковъ послѣдовать его примѣру. Такъ въ мартѣ 1676 года Самойловичъ писалъ въ универсалѣ, посланномъ къ наемнымъ полкамъ Дорошенка: «Можете сами слышати, что господини Мовчанъ съ своими товарищи и иные компаней—пѣхотные полки не безъ хлѣба и достойнаго призрѣнія при насъ живутъ; еъ которыми и вы, безъ всякаго переченія и поруганія, отъ кого ни есть равныя милости и призрѣнія отъ насъ, яко единого войска запорожского матери дѣти, узнавати будете—нашимъ словомъ обнадеживаемъ»²⁾.

Послѣ сдачи Дорошенка, Самойловичъ рѣшился наградить важныя услуги, оказанныя въ этомъ дѣлѣ Мовчаномъ и возвелъ его на должность прилуцкаго полковника, отъ которой побудилъ отказаться бывшего полковника Ивана Маценка. Въ этомъ отношеніи онъ слѣдовалъ примѣру своихъ предшественниковъ, которые, начиная съ Брюховецкаго, замѣняли путемъ назначенія полковниковъ, устранивъ существовавшее до того времени выборное начало при занятіи этой должности. Каждый новый гетманъ старался смѣнить по возможности большее количество полковниковъ, бывшихъ при его предшественникѣ и замѣстить ихъ людьми, на преданность которыхъ онъ могъ болѣе полагаться.

Такъ въ прилуцкомъ полку Брюховецкій «великимъ шалоушествомъ» заставилъ отказаться отъ должности полковника Лазаря Гор

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. XII, стр. 2, 16.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, т. XII, стр. 210, 589, 589.

Маценка, который «по нуждѣ не для чего иного, только отъ налога гетмана и злого къ нему намѣренія» выѣхалъ изъ Прилукъ¹⁾; вмѣсто него Брюховецкій назначилъ полковникомъ Ивана Кошевого, одного изъ запорожцевъ, содѣйствовавшихъ его возведенію въ гетманство и составлявшихъ его ближайшую опору. Послѣ паденія Брюховецкаго, Иванъ Кошевой заявилъ полную готовность подчиниться Многогрѣшному; онъ перебилъ отрядъ татаръ, союзниковъ Дорощенка, и пріѣхавъ къ Многогрѣшному, «со всеѣмъ полкомъ добилъ челомъ въ винахъ своихъ царскому величеству»²⁾. Тѣмъ не менѣе новый гетманъ смѣнилъ его подѣ тѣмъ предлогомъ, что на него поступили жалобы «за налоги» отъ полковой старшины, и на его мѣсто назначилъ прилуцкимъ полковникомъ мѣстнаго полковаго асаула Ивана Маценка, принадлежавшаго къ числу лицъ недовольныхъ Брюховецкимъ³⁾. Преемникъ Многогрѣшнаго Самойловичъ послѣдовалъ примѣру предшественниковъ и, смѣстивъ Маценка, назначилъ на его мѣсто Федора Мовчана.

Изъ универсала, сохранившагося въ записной книгѣ, которымъ гетманъ извѣщалъ жителей прилуцкаго полка объ этомъ распоряженіи, мы видимъ тѣ приемы, которыми пользовались гетманы при замѣщеніи по своей волѣ полковничьихъ должностей; они старались для виду сохранить хотя формальное уваженіе къ выборному началу. Въ гетманскомъ универсалѣ къ прилуцкому полку отъ 13 апрѣля 1678 года сказано: «Поневажъ панъ Иванъ Маценко, бывшій полковникъ вашъ прилуцкій, доброволне извеняся своего старшинства, и за оное намъ подяковалъ, и старшина вашего полку, тутъ въ Батуринѣ бывшая, зъ товариствомъ певнымъ, за позволенемъ нашимъ, згодливими голосами своими на той полковницкій урадъ пана Федора Мовчана обволали и надъ себе вынесли, теды и мы его, пана Мовчана, знаючи быти у войску запорожскомъ заслужного, годного и до дѣлностей рыцарскихъ способного мужа, цале на томъ старшинствѣ потвержаемъ»⁴⁾.

Вирочемъ Федоръ Мовчанъ пользовался не долго полученною должностію: въ томъ-же 1678 году онъ въ качествѣ прилуцкаго

¹⁾ Тамже, томъ VIII, стр. 182.

²⁾ Тамже, томъ VII, стр. 109 и томъ VIII, стр. 61.

³⁾ Записная книга, листъ 95 на оборотѣ.

полковника принималъ участіе въ походѣ Самойловича противъ турокъ подѣ Чигиринѣ, за что и получилъ похвальную грамоту ¹⁾), а въ слѣдующемъ году былъ уже отставленъ по неизвѣстной намъ причинѣ отъ должности и поселился въ Прилукахъ въ качествѣ частнаго обывателя. Кратковременное исполненіе полковничьяго уряда не дало возможности Федору Мовчану разбогатѣть и пріобрѣсти значительную поземельную собственность; единственное владѣніе, доставшееся Федору Мовчану по наслѣдству отъ отца, это небольшая нивка у города Прилуки, стоимостью въ 7 копѣ грошей литовскихъ ²⁾).

Въ годъ отставки Федора Мовчана единственный его сынъ Михайло началъ службу въ козацкомъ войскѣ; вмѣстѣ съ прилуцкимъ полкомъ, подѣ начальствомъ новаго полковника Дмитрія Чернявскаго онъ ходилъ въ походъ къ Киеву, гдѣ многочисленныя русскія и козацкія войска были сосредоточены для защиты города отъ ожидавшагося турецкаго нашествія и занимались устройствомъ новыхъ укрѣпленій вокругъ города и печерскаго монастыря ³⁾). Но отставка отца и скудные средства семейства Мовчана не предвѣщали Михайлу быстрой и блестящей карьеры въ козацкомъ войскѣ, потому онъ рѣшился искать счастья въ иноземной службѣ: въ 1683 г. польскій король Іоаннъ Собѣскій, собираясь въ походъ подѣ Вѣну противъ турокъ, отправилъ агентовъ въ Малороссію съ порученіемъ вербовать козаковъ въ королевскую службу; не смотря на строгій запретъ Самойловича, многочисленные охотники отправились въ королевскій лагерь; въ числѣ ихъ находился и Михайло Мовчанъ. Послѣ окончанія вѣнскаго похода онъ оставался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ польской службѣ и принималъ участіе въ нѣсколькихъ походахъ польскихъ региментарей противъ турокъ. Затѣмъ онъ переѣхалъ къ бѣлоцерковскому полковнику Семену Палию, устраивавшему, вопреки желанію польскаго правительства, на службѣ котораго онъ числился, на правой сторонѣ Днѣпра новыя козацкія поселенія. Съ Палиемъ Мовчанъ вѣроятно знакомъ былъ еще во время вѣнскаго похода, въ которомъ этотъ полковникъ принималъ участіе въ качествѣ начальника одного изъ козацкихъ отрядовъ;

¹⁾ Максимовичъ, Собраніе сочиненій, т. I, стр. 733.

²⁾ Записная книга, листъ 6.

примкнувши къ Палію, Мовчанъ сопровождалъ его въ многочисленныхъ его военныхъ походахъ и на татаръ подъ Перекопъ и Очаковъ, и на поляковъ подъ Баръ, Павлочы и т. д.¹⁾ Наконецъ послѣ 1690 года Мовчанъ переѣхалъ въ Запорожье, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Сѣчи въ рядахъ «низоваго товариства».

Только въ 1696 году, послѣ тринадцатилѣтняго отсутствія, Михайло Мовчанъ возвратился на родину въ Прилуки. Отецъ его умеръ во время отсутствія сына, а мать, оставшись въ безпомощномъ состояніи, продала нивку сосѣдямъ; молодой Мовчанъ выкупилъ обратно наслѣдственный участокъ поля и поступилъ вновь на службу въ ряды козаковъ прилуцкаго полка въ званіи войсковаго товарища²⁾. Вмѣстѣ съ полкомъ онъ ходилъ въ многочисленные походы во время великой сѣверной войны, находился въ козацкихъ отрядахъ, дѣйствовавшихъ въ Польшѣ, Ливоніи, Бѣлой Руси, и принималъ участіе въ 10 сраженіяхъ³⁾. Въ 1708 году, во время измѣны Мазепы, Мовчанъ находился «при боку» стародубскаго полковника Ивана Скоропадскаго и вмѣстѣ съ нимъ остался вѣрнымъ русскому правительству.

Послѣ возведенія Скоропадскаго въ гетманское достоинство, Мовчанъ получилъ награду за вѣрную службу: уже въ концѣ 1708 года гетманъ издалъ универсалъ, которымъ предоставилъ въ его пользованіе войсковую мельницу въ селѣ Городнѣ, иваницкой сотни, прилуцкаго полка, конфискованную у сторонника Мазепы, Григорія Компанѣйца⁴⁾, а годъ или два спустя Мовчану была предоставлена должность полковаго прилуцкаго асаула; чинъ этотъ онъ носитъ уже въ началѣ 1711 года, а въ сентябрѣ того-же года гетманъ отдалъ въ его пользованіе ранговое имѣніе село Талалаевку, назначенное на содержаніе прилуцкихъ полковыхъ асауловъ⁵⁾. Должность эту Михайло Мовчанъ занималъ въ теченіи 30 лѣтъ; въ качествѣ асаула онъ сопровождалъ свой полкъ въ походахъ: персидскомъ (1723), польскомъ (1734) и крымскомъ (1736—1738), а также нѣсколько разъ ходилъ «на линію». Но большую часть времени

¹⁾ Тамъ-же, листъ 157.

²⁾ Тамъ же, листъ 6.

³⁾ Тамъ-же, листъ 157.

⁴⁾ Тамъ-же, листъ 20.

⁵⁾ Тамъ-же, листъ 7 и 66 на оборотѣ.

полковой асаулъ провель дома; здѣсь, повидимому избѣгая дѣятельнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, онъ рѣдко появлялся въ гетманской резиденціи и проживалъ большую часть времени въ ранговомъ своемъ имѣніи—Талалаевкѣ; онъ очень энергически занялся увеличеніемъ своего состоянія и сталъ скупать по мелочамъ земли у козаковъ, крестьянъ и духовныхъ лицъ. Изъ многочисленныхъ копій купчихъ вѣрностей, замѣтокъ и перечней, внесенныхъ въ записную книгу, мы имѣемъ свидѣтельства о 77 клочкахъ, приобрѣтенныхъ разновременно Мовчаномъ; онъ скупалъ поземельную собственность во всевозможныхъ ея видахъ: нирки (41), сады и огороды (5), хаты (9), лѣса и гаи (17) и наконецъ «млынки, ставища и гребли» (5); многія изъ этихъ приобрѣтеній представляли вѣроятно мельчайшія единицы землевладѣнія, судя по ничтожнымъ суммамъ, за которыя они были куплены. Продажные акты совершались иногда въ видѣ купчихъ вѣрностей, заключенныхъ въ «мѣстскомъ» прилуцкомъ урядѣ, или въ присутствіи сельскаго атамана, болѣе-же мелкія покупки вѣроятно основаны были лишь на словесномъ договорѣ и вносились въ записную книгу въ видѣ короткихъ замѣтокъ или перечней для свѣдѣнія владѣльца. Приобрѣтенія земельныхъ участковъ, за исключеніемъ 3 статей, купленныхъ близъ города Прилукъ, и 8 угодій, лежавшихъ въ чертѣ земель сель: Блотницы, Краснянъ и Будъ, сосредоточены были въ Талалаевкѣ, которою Мовчанъ пользовался въ качествѣ рангового имѣнія; здѣсь онъ скупилъ у козаковъ и посполитыхъ болѣе 60 участковъ и, округливъ такимъ образомъ свое личное землевладѣніе, закрѣпилъ свое право на него документомъ, въ которомъ козацье общество Талалаевки, въ благодарность за какую-то «уступку и любовь» къ нему полковаго асаула, обязалось признавать навсегда неоспоримое его право на потомственное владѣніе землями, купленными имъ въ чертѣ земельного владѣнія ихъ села¹⁾. Впрочемъ изъ многочисленныхъ купчихъ и записей мы нигдѣ не усматриваемъ, чтобы Мовчанъ прибѣгалъ для увеличенія своей собственности къ насилію или давленію на владѣльцевъ, основанному на его общественномъ положеніи или вліяніи. Постепенныя годъ за годомъ приобрѣтенія, производимыя на незначительныя суммы, свидѣлствуютъ лишь о

¹⁾ Записная книга, листъ 90 на оборотѣ.

бережливости и развитіи нормальныхъ хозяйственныхъ способностей полкового асаула.

Нѣсколько другой взглядъ существовалъ вѣроятно у Мовчана по отношенію къ «войсковому» имуществу: по крайней мѣрѣ на мнѣніе это наводитъ сличеніе двухъ документовъ, занесенныхъ въ записную книгу: здѣсь мы встрѣчаемъ универсалъ Скоропадскаго отъ 18 сентября 1711 года, въ которомъ сказано, что гетманъ въ виду заслугъ Мовчана «на уряде асаулства полкового, . . . для wsparтя достоинства его» предоставляетъ ему въ пользованіе село Талалаевку¹⁾. Затѣмъ, когда при гетманѣ Апостолѣ предприняты были мѣры для точнаго опредѣленія содержанія, выдаваемого генеральной и полковой старшинѣ, то «по справкѣ съ екстрактотъ слѣдствія о маетностяхъ полку прилуцкого, въ енеральной канцеляріи имѣющихся, явилоса, что . . . Михайло Мовчанъ имѣетъ во владѣніи своемъ маетность село Талалаевку не на рангъ, . . . но за заслуги войсковыя отъ . . . гетмана Скоропадскаго ему данную универсаломъ року 1711». Въ силу этой «справки» Данилъ Апостолъ назначилъ универсаломъ отъ 5 ноября 1733 года Мовчану 50 рублей годичнаго жалованія, какъ полковому асаулу, не пользующемуся ранговымъ имѣніемъ и такимъ образомъ призналъ Талалаевку его личнымъ, заслуженнымъ помѣстьемъ²⁾.

Должность полкового асаула Михайло Мовчанъ исполнял до глубокой старости. Только въ 1741 году онъ, повидимому, вышелъ въ отставку, по крайней мѣрѣ съ этого только года онъ въ совершаемыхъ имъ сдѣлкахъ упоминается съ титуломъ «абшитованнаго» (отставнаго) полкового асаула³⁾.

Впрочемъ, собираясь выходить въ отставку, Мовчанъ въ началѣ 1739 года подалъ челобитную императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, въ которой, перечисляя всѣ свои заслуги въ теченіе 60 лѣтней военной службы, просилъ удостойть его при окончаніи ея какою-либо наградой, или, какъ онъ выразился, просилъ «призрѣнія и респекту»⁴⁾. Мы не знаемъ, какого рода резолюція послѣдовала на

¹⁾ Тамъ-же, листъ 66 на оборотѣ.

²⁾ Тамъ-же, листъ 153 на оборотѣ.

³⁾ Тамъ-же, листъ 10.

⁴⁾ Тамъ-же, листъ 158.

эту челобитную. Вскорѣ послѣ отставки, 7 августа 1742 года Мовчанъ окончилъ свою многолѣтнюю жизнь; онъ не оставилъ потомковъ мужескаго пола; изъ двухъ его дочерей одна—Марія скончалась въ пожиломъ возрастѣ въ дѣвицахъ, другая—Екатерина, умершая еще при жизни отца, была замужемъ за «значнымъ войсковымъ товарищемъ» Даміаномъ Ивановичемъ Мазараки; ея дѣтямъ досталось по наслѣдству довольно значительное имущество, скопленное Михайломъ Мовчаномъ.

Записная книга полковаго асаула перешла къ его любимому внуку, Андрею Даміановичу Мазараки, жившему послѣднее время при дѣдѣ и въ угодность ему, подписывавшемуся его фамилією, какъ видно изъ одного документа, занесеннаго въ книгу¹⁾.

Новый владѣлецъ продолжалъ, хотя изрѣдка, заносить замѣтки въ дѣдовскую книгу, находившуюся въ его владѣніи до самой его смерти, послѣдовавшей послѣ 1787 года; замѣтки эти чисто семейнаго характера, небезынтересны для характеристики стремлений и круга интересовъ малороссійскаго дворянства второй половины XVIII ст. Статьи, внесенныя въ книгу Андреемъ Мазараки, числомъ 14, по содержанію распадаются слѣдующимъ образомъ: 2 документа представляютъ перечни земель, купленныхъ въ селѣ Талалаевкѣ Даміаномъ Мазараки, отцемъ Андрея; одна записка содержитъ свѣдѣнія, собранныя о генеалогіи рода Мазараки и всѣ попавшіяся Андрею доказательства о дворянскомъ происхожденіи его предковъ, два документа—это договоры, заключенные священниками села Талалаевки съ прихожанами и владѣльцами этого села, опредѣляющіе размѣры вознагражденія за церковныя требы и содержаніе священниковъ и, наконецъ, девять записей посвящены семейнымъ воспоминаніямъ о днѣ смерти и мѣстѣ похоронъ разныхъ членовъ семейства Андрея Мазараки.

Послѣдній очевидно особенно дорожилъ возстановленіемъ своей родословной, слѣдуя общему стремленію болѣе знатныхъ представителей козачества того времени къ отыскиванію дворянскаго происхожденія своихъ родовъ; такъ какъ отецъ Андрея Мазараки умеръ еще во время его малолѣтства, не оставивъ сыновьямъ никакихъ семейныхъ преданій, то онъ занялся очень дѣятельно собра-

¹⁾ Тамъ-же, лѣсть 158.

ніемъ этихъ предавій изъ другихъ доступныхъ ему источниковъ. Онъ отправился за справками въ войсковую генеральную канцелярію и тамъ отыскалъ въ гербовникѣ Несецкаго, котораго экземпляръ хранился при войсковой канцеляріи для удовлетворенія любознательности козацкихъ старшинъ, три строчки о нобилитаціи своего дѣда и списалъ ихъ цѣликомъ; затѣмъ онъ встрѣтилъ бывшаго мглинскаго сотника Лесаневича, учившагося нѣкогда съ его отцемъ въ кievской академіи и со словъ старика тщательно списалъ всѣ воспоминавія, переданныя нѣкогда Даміаномъ Мазараки Лесаневичу на школьной скамьѣ, а также воспоминавія самаго Лесаневича о родовомъ домѣ Мазараки, который мглинской сотникъ видѣлъ за сорокъ лѣтъ до встрѣчи съ Андреемъ во время своего путешествія во Львовъ. Къ этимъ скуднымъ свѣдѣніямъ составитель генеалогіи прибавилъ подробныя свѣдѣнія о себѣ, о своихъ братьяхъ и сестрахъ, отмѣтилъ ихъ брачныя связи и имена ихъ дѣтей и такимъ образомъ заготовилъ матеріалъ для своей родословной.

Изъ записки его мы узнаемъ, что предки Мазараки были греческіе купцы, переселившіеся во Львовъ; здѣсь они по видимому сильно разбогатѣли—они владѣли въ львовскомъ рынкѣ большимъ каменнымъ домомъ, построеннымъ «со статуи и протчими украшеніи». По неизвѣстной намъ причинѣ представитель рода Янъ Мазараки переѣхалъ при Хмельницкомъ на службу къ козацкому гетману; здѣсь онъ очевидно занялъ выдающееся положеніе и оказалъ важныя услуги, потому что на сеймѣ 1659 года по представленію гетмана Выговскаго, который по гадячскому договору оставилъ за собою право представлять къ «нобилитаціи» болѣе заслуженныхъ козаковъ, Янъ Мазараки вмѣстѣ съ Сомкомъ, Золотаренкомъ, Лесницкимъ и нѣкоторыми другими знатными старшинами, былъ возведенъ въ дворянское званіе¹⁾. Объ этомъ Янъ Мазараки Несецкій сохранилъ свѣдѣніе, что въ 1678 году онъ, по порученію польскаго короля Яна Собѣскаго, ѣздилъ съ дипломатическими порученіями въ Персію; мы знаемъ также, что онъ принадлежалъ къ числу ревностныхъ поборниковъ православія: въ 1666 году онъ за-

¹⁾ Volumina legum, т. IV, стр. 303—304.

писался въ члены львовскаго православнаго братства ¹⁾. Янъ Мазараки оставилъ двоихъ дѣтей: дочь его Анна была въ замужествѣ за лубенскимъ полковникомъ Василюмъ Свѣчкою, сынъ-же Даміянъ служилъ «значнымъ войсковымъ товарищемъ» въ прилуцкомъ полку и въ 1717 году былъ уже женатъ на дочери Мовчана, Екатерины Михайловны. Въ этомъ году онъ купилъ у одного изъ козаковъ талалаевскихъ «грунтъ, хату, зъ плящемъ, зъ огородомъ, зъ гребелкою и гаемъ за 200 золотыхъ личбы литовское» и выхлопоталъ у гетмана Скоропадскаго утвержденіе этой покупки универсаломъ отъ 21 января 1719 года ²⁾.

Вскорѣ потомъ вѣроятно Даміянъ Мазараки скончался, потому что въ записной книгѣ прекращаются всякія о немъ упоминанія; онъ оставилъ четырехъ сыновей: старшій Петръ и младшій, Григорій, человекъ болѣзненный, не поступавшій на службу и прожившій всю жизнь при братьяхъ, умерли безпотомно; два средніе сына, Иванъ и Андрей Даміановичи раздѣлили между собою наслѣдство, доставшееся имъ, какъ отъ отца, такъ и отъ дѣда Мовчана, служили въ прилуцкомъ полку въ званіи бунчуковыхъ товарищей и довольно дружно прожили до глубокой старости. Изъ слѣдующаго поколѣнія рода Мазараки болѣе всего выдается племянникъ Андрея—Григорій Ивановичъ, который сталъ быстро подвигаться въ служебной карьерѣ и, будучи еще молодымъ человекомъ, занялъ должность полковаго прилуцкаго асаула, но преждевременная кончина, постигшая его на 26 году жизни, прекратила его служебную дѣятельность.

Остальныя генеалогическія замѣтки Андрея Мазараки не представляютъ особаго интереса и прерываются съ 1787 годомъ, въ которомъ вѣроятно и скончался ихъ составитель. Наслѣдники его не послѣдовали примѣру отца и перестали заносить въ записную книгу факты какъ семейной, такъ и общественной жизни, по крайней мѣрѣ они сохранили свою фамильную записную книгу, за что конечно мы должны выразить имъ искреннюю признательность.

¹⁾ Памятники, изданные кievскою археографическою Комисією, т. III, отд. I, стр. 91.

²⁾ Записная книга, листы: 11 и 21 на оборотѣ.

Въ виду значительнаго какъ историческаго, такъ и бытоваго интереса многихъ статей, помѣщенныхъ въ записной книгѣ Михайла Мовчана, мы помѣщаемъ въ приложеніи нѣсколько изъ нихъ, выбравъ тѣ, которыя намъ казались болѣе характеристическими для обрисовки общественныхъ отношеній, сложившихся въ Малороссіи въ прошломъ столѣтіи.

В. Антоновичъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. *Лѣтописные отрывки, занесенные въ записную книгу Михайла Мовчана.*

Рокѣ 1664. Павелъ Тетера, гетманъ чигиринскій, козацкій, заднѣпрскій, послалъ пословъ своихъ до короля полскаго Яна Казимѣра, абы ишолъ за Днѣпръ воевати царскихъ козаковъ. И затыгъ король орду, рушилъ самъ король зъ войскомъ полскимъ и татарскимъ мѣсяца августа 17 дня и пришелъ до Бѣлой Церкви на Украину; и тамъ его споткалъ гетманъ Тетера съ войскомъ козацкимъ, съ усѣми полками: полкъ черкасскій, полкъ чигиринскій, каневскій, бѣлоцерковскій, корсунскій, паволоцкій, уманьскій, могилевскій, браславскій и кальницкій. И совокупившись все войско полское, татарское и козацкое, поишли за Днѣпръ мѣсяца ноеврія. Переправился король (чрезъ) Днѣпръ въ Иржищевѣ, десять миль нижей Кіева, и подъ Воронковъ мѣстечко прійшолъ. И здалися ему: Воронковъ, Борисполе, Козелець и Остеръ. И тамъ въ Остре король святковалъ Рождество Христово, а потомъ вышолъ на городи сѣверскія, а гетманъ Павелъ Тетера съ войскомъ своимъ переправилъ Днѣпръ нижей Черкасъ и мѣлъ онъ и татарь; а ишли воевати Украину и государя царя православнаго Алексѣя Михайловича. Король ишолъ отъ сѣвера, а гетманъ Тетера отъ полудня; и такъ ополчишася на государя российскаго; въ то-бо время государь опановалъ всю Украину и своими людьми военными всѣ столечніа городи осадилъ; въ Кіевѣ на тотъ часъ былъ воеводою Иванъ Ивановичъ Чагадаевъ зъ людомъ царскимъ военнымъ; о чемъ увѣдавшись, король

полскій обминулъ Кіевъ, столечный городъ украинской. По семь король рушилъ зъ Остра на городи сѣверскіе и пришолъ до Дѣвици города, и чрезъ мѣчъ досталъ, и всѣхъ людей выстиналъ, и городъ спалилъ. А Чернѣговъ и Березную минулъ. Сосница, Новие Млини и Кѳропъ здалися. И дойшолъ король Глухова города, на границѣ Московского государства стоячого, людного. Тамже притягъ панъ Пацъ, гетманъ литовскій зъ войскомъ литовскимъ и зъ татарами и Богунъ, наказный гетманъ чигиринскій козацкій. Облегли Глуховъ, и штурмовали, и подкопъ чинили, и всѣми силами военными доставали—и не достали, и зъ стыдомъ король назадъ пойшолъ на Кричевъ и пришолъ до Бихова, и здався Биховъ, и тамъ король святковалъ великъ-день свой римскій, и былъ въ Могилевѣ, и того часу мѣсто все Могилевъ и краи погорѣли, и вернулся король до Полци въ томъ-же 1664 року.

Листъ 26 на оборотѣ — 27.

Въ року 1664 король полскій Казѣмѣръ зъ войскомъ полскимъ и чужоземными силами Глухова города доставали полтори неделѣ и не достали.

Въ року 1672 царъ турецкій своими бесурманскими силами по-долекій Камянецъ опановалъ.

Въ року 1674 также бесурманъ турчинъ Умань, Ладижинъ и инне городи звоевалъ и множество народу въ неволю забралъ.

Въ року 1678 Азевъ, визѣръ порты атаманской, вторимъ приходомъ Чигиринъ взялъ.

Року 1683 турки Вѣдень въ Австріи тѣсною окружили осадомъ. Янъ Собецкій, король полскій, самъ, взявши зъ собою болше двадцати тысячъ человекъ, къ разрѣшенію осады и къ освобожденію осаженныхъ поспѣшилъ; еже, пришедшимъ въкупѣ, на помощь до своихъ, електорамъ-баварскому и саксонскому и князю лотаринскому, храбро и мужественно сотворилъ. Егда-же послѣ жестокае при Барканѣ напелъ на неприятеля, нѣмцомъ славы побѣдительною завидящи, которыхъ ужидати билъ долженъ, въ великое житія бѣдствіе впалъ; ибо уже нѣкто отъ турковъ, обнаживши мечъ, хотѣлъ ударити короля, и ударилъ-бы былъ, аще бы нѣкто воинъ полскій изъ ручной фузеи не убилъ неприят-

теля; утружденнаго-же короля и горячестію воинского сердца тако ослабѣвшаго, яко на конѣ едва сѣдѣты могль, полковникъ нѣкто и другіи шляхтичѣ на рамена воспріявши, зъ собою вынесли.

Листъ 88 на оборотѣ—89.

Первая баталья вѣденская. Року 1683, месеца сентевря, въ день недельный, на рождество Пресвятой Богородицы, зъ вѣзиремъ турецкимъ Янъ Собецкый, король полскый, съ цесарскими електорами совокупившись и ушковавши полки такъ полскія, яко и нѣмецкія, зъ вѣзеремъ турецкимъ далъ баталью. Турки Вѣденъ въ Австріи тѣсною окружали осадю, якъ Собецкый, король полскый, самъ, взявши зъ собою болше ста тысячей человекъ, къ разрѣшенію осади и ко освобожденію осажденныхъ поспѣшилъ. Еже пришедшимъ напотомъ въ купѣ двоимъ електорамъ: баварскому и саксъонъскому, князю лотаринскому, храбро и мужественно сотворилъ, вшивковавши полки сполне зъ нѣмецкими силами, просто пошолъ на вѣзѣра турецкого и далъ баталью король полскый. А зачалася тая баталья зъ ранку, а предъ вечеромъ за двѣ годинѣ зовѣмъ турковъ збили и Вѣденъ свободили. И въ того-жъ вѣзира турецкого било самихъ мѣднихъ пушокъ вусѣмъ сотъ подъ городомъ Видънею, а всей турецкой сили было въ баталѣи сѣмъ сотъ тысячъ.

Того-жъ року еще двѣ баталѣи было зъ визѣремъ турецкимъ надъ Дунаемъ противъ замъку Острогону; и далъ баталью вѣзѣръ на короля полского Яна Собецкого и билъ короля, потому-же ишолъ, полки не вшивковавши, въ день, імянно четверъ. И въ той баталѣи вырубано поляковъ болѣе пяти тысячъ, а пригнали короля полского ажъ до нѣмецкой пѣхоти, и тамъ, подлѣ оной пѣхоти одержалъ себе король, какъ дали огонь зъ дробного оружя и пушокъ. Король-же полскый Янъ Собецкый дневалъ—стоялъ въ пятницу надъ Дунаемъ совоупне зъ пѣхотою и всею армією. Розярившись-же визѣръ пишеть листъ до короля полского, а въ листе виражае: «нехъ король полскый дасть со мною еще баталью». Переночевавши король полскый зъ пятницѣ на субботу, ушковавши полскія полки, оставя пѣхоту нѣмецкую, пошолъ до визѣра турецкого, дати на писаня его баталью. Когда-же увидѣлъ визѣръ, же король идетъ прямо къ нему, вишолъ зъ войскомъ сво-

имъ зъ западной долини, зближаючися до короля зъ силами войска своего, похиливши значки, просто пошолъ. Когда-же припустилъ король вѣзѣра къ себе, далъ на сили его огонь и, добувши шабель, войско вѣзѣрова едно въ томъ-же мѣстѣ вирубалъ, а другихъ зъ нимъ, вѣзѣремъ, на мѣстѣ нагнали. И въ той баталѣи всѣ турки пропали, а зъ малимъ числомъ войска самъ визѣръ въ землю свою утекъ. И поляки такую имъ повѣсть объявляли: «О тожъ, турцѣ, ваша пиха наробила вамъ лиха».

Листъ 39.

Року 1709 государь Петръ первый, императоръ всероссийскій, зъ войскомъ своимъ якъ московскимъ, такъ и козацкимъ подъ Полтавою на баталѣи збилъ короля шведского.

Листъ 38.

Року 1736, 1737, 1738 и 1739 за помощью Божию и щастямъ государинѣ нашей, Анни Иоановни, города татарскія: Перекопъ, Козловъ и Бакцѣсаръ и весь Крымъ московскимъ и козацкимъ войскомъ взять.

Листъ 40.

2. Рѣшеніе прилуцкаго полковаго суда по иску войсковаго товарища Михайла Мовчана на козаковъ Котляренковъ, предъявленному по поводу незаконной покупки Котляренками нивы наследственной Мовчана у его матери въ его отсутствіе. Судъ постановилъ, что Мовчанъ имѣетъ право получить обратно ниву, возвративъ Котляренкамъ деньги, заплаченныя за нее матери Мовчана, 1698 г., сентября 8.

За вѣдомомъ самого добродѣя нашего, пана Дмитрія Горленка, полковника войска его царского величества запорожского прилуцкого. Передъ нами: Ивановъ Носомъ, судею полковымъ прилуцкимъ, Тимошехъ Брескою, атаманомъ городовимъ, Давидомъ Давидовичемъ, войтомъ, а Грицькомъ Лихопекою и Юскомъ Чернишемъ, бурмиистрами, ставши очевисте палъ Михайло Мовчанъ, товаришъ войсковый, обыватель нашъ прилуцкій, доходилъ добръ своихъ лежачихъ, нивя, по небожчину Федору Мовчану, отцевъ своимъ на него спадаючихъ, у Кондрата и Гаврила Котляренковъ, жителей нашихъ прилуцкихъ, про-

данныхъ маткою его, Оришкою Мовчанихою, имъ Котляренкамъ, за сѣмь копѣ, безъ битности пана Михайла, егда онъ найдовался въ Сѣчи Запорожской. Тоди мы, выдючи оного ближшымъ быти до тыхъ добрь, а къ тому еще и давностю не зашли отъ того часу, якъ панъ Михайло пришелъ зъ Сѣчи, къ тому позволяемъ ему, пану Михайлу, абы помененымъ Котляренкамъ отдалъ гроши копѣ сѣмь, за що и они были купили; а що черезъ якій часъ ваковали гроши за нива данне, то не вотще—за тое Котляренки зъ пашеной десятины пожитки собѣ мѣли. Которимъ то нывямъ, въ Котляренковъ откупленнымъ, воно будетъ пану Михайлу зъ малжонкою своею и дѣтками, яко своимъ власнымъ, купнымъ правомъ набытымъ, владѣти, шафовати, дати, даровати, продати и, куда хотячи, на свой пожитокъ оборочати, не узнаючи нѣ отъ кого нѣякой жадной турбациі теперь и въ потомніе часы. На що для лѣпшой вѣри и певности и сей записъ, при печати нашой мѣской прилуцкой, пану Михайловѣ казалисмо видати. Данъ въ Прилуцѣ сентаврїа 8, 1698 году. Звышъ меновенный урядъ войсковый и мѣскїй прилуцкїй. (М. П)

Листъ 6.

3. Универсалъ гетмана Скоропадскаго, предписывающій передать во владѣніе знатнаго войсковаго товарища Михаила Мовчана войсковую мельницу, находящуюся въ селѣ Городнѣ, отнятую за измѣну у козака Григорїя Компанѣйца. 1708 г. декабря 19.

Пресвѣтлѣйшого и державнѣйшаго великого государя его царского величества войска запорожскаго гетманъ Іоанъ Скоропадскїй.

Всей старшинѣ и чернѣ войска его царского пресвѣтлого величества, а особливе пану полковниковѣ на сей часъ наказному, а впредь совершенному прилуцкому, зо всею старшиною полковою, и пану сотниковѣ Іваницкому, зо всемъ товариствомъ и посполствомъ, ознаймуемъ сїя нашимъ унѣверсаломъ: Поневажъ Григорїй Компанѣецъ, полчанинъ прилуцкїй, въ противную сторону непрїятельскую за змѣникомъ Мазею удался, теди млянокъ войсковый въ сотнѣ Іваницкой, въ селѣ Городнѣ найдучийся, одъ оного Компанѣйца одобравши, надаемъ пану Михайлу Мовчану, тогожъ полку прилуцкого знатному товаришовѣ войсковому, яко въ неизмѣнной вѣрности и въ услугахъ войско-

вихъ при нашомъ боку найдуючомуся. Прето аби ему, пану Михайлу Мовчану въ отняту помененого млина и въ одбѣраню зъ него належитихъ розиѣровихъ приходовъ нѣхто изъ старшини и чернѣ полку тамошняго не важился жадной найменшой чинити перешкоди, симъ унѣверсаломъ нашимъ варуемъ и рейментарско приказуемъ. Данъ въ Лебединѣ декавря 19, року 1708. Звишъ менований гетманъ рукою власною (мѣсто печати рейментарской).

Листъ 20.

4. Мирова записъ, по которой козаки Талалаевки обезпечиваютъ полковому прилуцкому асаулу Михайлу Мовчану неоспоримое право на владѣніе землями, пріобрѣтенными имъ въ чертъ земель Талалаевки. 1729 г. ноября 18.

Року 1729, мѣсяца ноеврія осмогонадцять.

Мы, нижей подписанніе, все товариство куреня Талалаевскаго, за тую пана асаулову уступку и любовь, сами и дѣти-наслѣдники наши нѣ до якихъ его, пана асауловыхъ загоновъ, такожь и до его подданныхъ, жителей талалаевскихъ, жадною мѣрою интересоватися не мѣемъ и не повинни будемъ подъ штрафомъ рублей ста, но толко въ кого есть тамже около села Талалаевки пахатное поле, чи то у его, пана асаула, или зъ межи насъ у которого, albo у подданныхъ его пана асауловыхъ, жителей талалаевскихъ, то всякъ своимъ пахатнымъ полемъ долженъ владѣти спокойно, не узнаючи ни отъ бога въ томъ жадной и найменшей турбаціи теперъ и въ потомніе часы. Чого ради и сію мировую отъ себе даемъ и на оной подписуемъся.

Къ сему мировому писму, по прошенію атамана талалаевскаго и всего товариства, яко неграмотныхъ, я, іерей Александеръ, священникъ талалаевскій во мѣсто ихъ руку приложилъ.

Я, Дорофей Подоляченко, козакъ куреня талалаевскаго, по прошенію атамана зъ товариствомъ, во мѣсто ихъ и себе руку приложилъ.

Листъ 90 на оборотѣ.

5. Челобитная Михайла Мовчана императрицы Анны Иоанновны, заключающая перечень военныхъ заслугъ просителя. 1739 г. марта 28.

Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая великая государиня Императрица

Анна Иоановна самодержца всероссійская!

Бьетъ челомъ вашему императорскому величеству асаулъ полковнй прилуцкій Михайло Мовчанъ; а въ чемъ тое челобите, нижей того слѣдуетъ;

Служилъ я низайшій съ 1679 году продкамъ блаженія и вѣчно достойнїа памяти вашего императорского величества по вѣрно присяжной своей рабской должпости. Которіе мои службы представляю ¹⁾:

1683 году въ Цесарїи подъ городомъ Виднею зъ королемъ полскимъ на баталѣи билъ. Тогожь года подъ городомъ Острогономъ на баталѣи билъ.

1685 году зъ полскимъ рейментаромъ Ревуцкимъ подъ городомъ Язловцемъ на баталѣи билъ,

1686 году зъ тимже рейментаромъ Ревуцкимъ подъ Каменцомъ подолскимъ на баталѣи билъ.

1687 году зъ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ подъ крымскимъ Перекопомъ въ походѣ билъ.

1688 году зъ полковникомъ охочекомоннимъ Семеномъ Палѣемъ подъ городомъ Баромъ на баталѣи билъ.

1689 году зъ тимъ-же полковникомъ Палѣемъ подъ городомъ Паволочю на баталѣи билъ.

1700 году зъ тимъ-же полковникомъ Палѣемъ подъ городомъ Очаковомъ на баталѣи билъ.

1712 году въ баталѣи и на приступѣ зъ полковникомъ Куликомъ подъ городомъ Гданскомъ билъ.

1714 году другимъ разомъ подъ городомъ Очаковомъ зъ полковникомъ Палѣемъ-же на баталѣи билъ.

¹⁾ Перечень походовъ и сраженій, въ которыхъ принималъ участіе Михайло Мовчанъ, составленъ имъ въ глубокой старости по памяти и потому многіе факты не датированы, года другіе проставлены ошибочно и хронологическая послѣдовательность фактовъ не соблюдена.

Зъ фелдмаршаломъ Борисомъ Петровичемъ Шереметовимъ въ баталѣи и на приступѣ подѣ городомъ Казикерменомъ и Таванню билъ.

Зъ гетманомъ наказнимъ Скоропадскимъ въ баталѣи подѣ городомъ полскимъ Кадиномъ посланъ былъ въ партіи вдарить на короля шведского.

Подѣ Ригою, по отходѣ самоблаженія и вѣчно достойна памяти Петра первого императора и самодержца всероссійского до Полтавы, противъ выпору зъ Риги на баталѣи билъ.

Зъ наказнимъ гетманомъ Даниломъ Апостоломъ въ Печерахъ подѣ Мидзою Раятіною въ баталѣи билъ.

Подѣ Баромъ на службѣ ея императорскаго величества билъ.

Зъ гетманомъ (наказнимъ) Митлашевскимъ подѣ Быховомъ на приступѣ и въ баталѣи билъ.

На службѣ императорскаго величества въ Польшѣ подѣ городами: Варшавою и Гродномъ билъ.

Зъ гетманомъ Скоропадскимъ на службѣ императорскаго величества на Либедѣ билъ.

Зъ гетманомъ Ивановъ Самойловичемъ на службѣ императорскаго величества, якъ Печерское робили, билъ.

Подѣ Снѣлоу (sic) зъ генераломъ Плищиновимъ въ баталѣи билъ.

Зъ наказнимъ гетманомъ Сулимою на службѣ императорскаго величества въ Царичинѣ билъ.

Зъ гетманомъ Скоропадскимъ въ баталѣи подѣ Полтавою, когда короля шведского били, бувъ.

Зъ гетманомъ Скоропадскимъ на службѣ императорскаго величества подѣ Камянымъ Затонемъ билъ.

Зъ наказнимъ гетманомъ Даниломъ Апостоломъ въ низовомъ походѣ у Дербентѣ на службѣ императорскаго величества билъ.

1731 года на службѣ ея императорскаго величества на днѣи за полковника билъ.

1734 года зъ генераломъ Шаховскимъ въ походѣ въ Польшѣ билъ.

1736 года въ военномъ крымскомъ походѣ на Чорной Долині въ баталѣи подѣ городами: Перекопомъ, Козловомъ и Бакчисаромъ на приступѣ билъ за полковника.

1737 года въ военномъ крымскомъ походѣ подѣ Карасевомъ въ баталіи билъ.

1738 года въ военномъ походѣ у Днѣстра билъ.

О вишеписанихъ моихъ службахъ свѣдоми при тогдашнихъ авціяхъ бывшіе генералѣтети, гетмани и полковники. За которіе мои вѣрніе служби всемилостивѣйшая государиня императрица прошу вашего императорского величества на мене нижайшого призрѣнія и респекту.

Вашего императорского величества всенижайшій рабъ асаулъ полковій прилуцкій Михайло Мовчанъ. Писана сіа челобитная 1739 году марта 28 дня. Къ сіей челобитной подписался асаулъ полковій прилуцкій Михайло Мовчанъ, а вмѣсто его неграмотного, по его веленію унукъ оного Андрей Мовчановъ руку приложилъ.

Къ поданю надлежитъ високопревосходительнѣйшему и високоповелительному господину генералу и кавалеру Александру Ивановичу его високопревосходительству Румянцову, въ походную войсковую еeneralъную канцелярію.

Листъ 157—158.

6. *Записки Андрея Мазараки о смерти и мѣсть погребенія его родственниковъ. 1734—1787 г.*

1734 года септеврїа 5 числа Екатерина Михайловна Мовчановна, матка наша, умерла, которую похоронили въ обители святой троецкой Густинской подѣ церковю на лѣвой сторонѣ. А въ далшую память себѣ записали.

1742 года, августа 7 дня дѣдъ нашъ полковній прилуцкій асаулъ, Михайло Федоровичъ Мовчанъ Божєю волею умре, которого тѣло погребено въ монастыру свято-троецкомъ густинскомъ, въ склепу каменномъ подѣ церковю.

1746 года, августа 12 бабка наша Параскевія Леонтиевна Мовчаниха умерла, которой тѣло погребено по обычаю христіанскомъ въ монастыру густинскомъ подѣ церковю, на лѣвой сторонѣ, въ дубовомъ склепу.

1766 года, февраля 22 дня Марїа Михайловна Мовчановна, тетка наша родная, умерла, которой тѣло погребено по обычаю христіанскому въ селѣ Влотицѣ подѣ церковю, близъ дверей паламарныхъ, на лѣвой сторонѣ, въ склепу дубовомъ. Впредь для памяти записано.

1771 года, февраля 14 родный племянникъ мой, Григорій Ивановичъ Мазаракій, полковой прилуцкій асаулъ, волею Божею заболѣлъ въ 1770 году декабря послѣднихъ числъ, а умре вишеписанныхъ года и числа въ день понеделковый, которого тѣло погребено обычаемъ христіанскимъ, въ дубовомъ склепу, при мѣсту обранномъ на ново строящую церковь въ селѣ Талалаевкѣ. Предвираженный племянникъ, асаулъ полковой, имелъ отъ роду више двадцати пяти лѣтъ; осталось по немъ дѣтей малихъ трое, при женѣ его Софїи Федоровнѣ Богаевсковнѣ. Впредь для памяти записалъ Андрей Мазаракій.

Любезнѣйшій братъ мой, бунчуковий товаришъ, Иванъ Демяновичъ Мазаракій, сего 1784 году въ генварѣ мѣсяцѣ заболѣлъ и по волѣ Божей отъ временного житія во вѣчное блаженство преставился, февраля въ 24 день, предъ утреннею, въ день суботний; погребенъ-же въ церковномъ склепу марта 4 числа въ талалаевской успенской церквѣ. И для пребудущаго знанія записалъ бунчуковий товаришъ Андрей Мазаракій. Отъ роду ему было 66 годъ.

Любезный внукъ мой, Степанъ Семеновичъ Мазаракій 1783 года, іюля 27 дня, преставился, а Марѳа Семеновна Мазаракіевна 1787 года, генваря 17 дня, преставилася, коихъ тѣла погребени въ притворѣ церковномъ, съ правой стороны, въ склепахъ дубовихъ.

Родный братъ мой менший, Григорій Демяновичъ, проживающій отъ молодыхъ лѣтъ до старости безженнимъ, волею Божею заболѣлъ въ августѣ мѣсяцѣ, преставился сего 1787 году, ноября противъ 6, въ день пятничний, въ вечеру; погребенъ-же въ день субботи подъ церковью, съ лѣвой стороны отъ притвора женского, въ обикновенной домовнѣ и дубовомъ склепу. Отъ роду ему 65 лѣтъ было.

Листъ 162 на оборотѣ — 163.

7. Замѣтки Андрея Мазараки о генеалогіи своего рода, составленныя въ 1764—1765 годахъ.

1764 года для пребудущаго ознанія шляхетства фамиліи Мазаракіевъ зъ Гербаріуша, книги третьей печатной, при генеральной войсковой канцеляріи имѣющагося, виписанно и въ ономъ значить тако:

„Янъ Мазаракій, о которомъ конституція 1678 на листѣ 3, былъ посланъ отъ короля Яна третого до Персіи, имѣлъ за собою Конституцію (sic, вмѣсто «Констанцію») Крузировне ловчанкеи ифлянско“.

Показанній шляхтичъ нобѣлетованъ въ 1658 году, по рекомендаціи гетмана Виговского, отъ короля полского за услуги, оказанніе въ войску запорожскомъ, о чемъ значить въ книги конституціяхъ полскихъ. Вишше означеній Янъ Мазаракій предпрописанному въ универсалѣ полку прилуцкого товаришу, Демяну Мазаракію, отцу мене, на семъ своеручно подписавшогося, отецъ, а мой дѣдъ, съ полской области, оставя свой домъ и всѣ угодіи, въ Малороссіи жилъ по смерть свою. По смертижъ оного дочь егѣ старшая, Анна Мазаракіевна была въ замужествѣ за лубенскимъ полковникомъ, Василиємъ Свѣчкою, а сынъ Демянъ Мазаракій, женился на дочерѣ полевого прилуцкого асаула, Михайла Мовчана—Екатериинѣ, и отъ нихъ обоихъ половъ я зъ братомъ моимъ, бунчуковимъ товаришомъ Иваномъ Мазаракіемъ сложены; братижъ наши родние: старшій Петръ умре безпотоменъ, а меншій Григорій, въ болѣзни находяся, проживалъ и проживаетъ при нашихъ домахъ, полку прилуцкого, красноколядинской сотнѣ, въ селѣ Талаевци—безпотоменъ. Отъ менежъ и жени моей Анни Кандибовни родилося двое дѣтей: дочь Марѣа Миклашевская и сынъ Семень Андреевичъ Мазаракій; а отъ брата Ивана и жены его Маріи родился сынъ Григорій, кой умеръ, и остались по немъ жена и дѣти. Про память мною, абшитованімъ бунчуковимъ товаришемъ, Андреемъ Демяновичемъ Мазаракіемъ записано.

1765 года, декабря 2 дня, полку стародубовского абшитованій иглинскій сотникъ Иванъ Лѣсаніевичъ въ малороссійской коллегіи въ протоколѣ осмого іюля объявилъ миѣ, яко онъ въ академіи кіевской обучался, зъ умершимъ отцемъ моимъ, Демяномъ Мазаракіемъ, содержалъ знаемость, разговаривалъ, что покойной отецъ мой уроженецъ былъ полской націи, предкижъ его были греческого рода, нобѣлѣтованній полскій шляхтичъ Янъ Мазаракій. И имѣли ихъ домовство въ городѣ полскомъ Львовѣ противъ рынку. Въ коемъ городѣ будучи, вишшеименованій Лѣсаніевичъ въ прошедшомъ 1724 году слыхалъ про означенихъ фамилію Мазаракія и видѣлъ показанного Мазаракія кош-

томъ состроенній домъ, которой подъ прописанную реченного Лѣсаніевича бытность назывался вже королевскимъ; а для чего, о томъ не извѣстенъ. Состроенъ-же билъ тотъ домъ Мазаракіемъ со статуями и протчимъ украшеніи и великокоштовно. И какъ о предпрописанномъ всемъ съ вѣдома моего въ сию книгу упись сдѣланъ, такъ рукою моею и подписалъ. Бунчуковий товаришъ Андрей Мазаракій.

Листъ 22—23 на оборотѣ.

8. Росписка, данная владѣльцамъ и прихожанамъ села Талалаевки ставленникомъ Василиемъ Андріевскимъ, содержащая обязательство получать вознагражденіе за труды по оцѣнкѣ, обозначенной въ роспискѣ.

1768 года, февраля 10 дня.

Я, ниже подписавшійся, сею моею подпискою, данною владѣльцомъ села Талалаевки, господамъ бунчуковншъ товарищамъ Андрею и Ивану Мазаракіямъ и прихожанамъ талалаевскимъ какъ козакамъ, такъ и посполитымъ, обовязуюся въ томъ, что буди ли Богъ мене при церкви Успенія Пресвятой Богородицы въ селѣ Талалаевкѣ удостоить быть священникомъ, то я за свои труды не больше, какъ толко по данному мнѣ контракту отъ прихожанъ вышеписанной церквѣ взымать буду; а именно: за крещеніе младенца три копейки, за обвенчаніе первого брака десять копѣекъ, за второй и третьей бракъ двадцать копѣекъ, за выводини по брацѣ пять копѣекъ, а когда случится зъ стороны кого вѣнчать, то болшъ одного рубля не требовать; за похоронъ малій пять копѣекъ, за похоронъ великій десять копѣекъ, за упись въ помянове-ніе умершихъ, когда будетъ соизволеніе чіе и къ заплатѣ возможность, то за суботний пятьдесятъ копѣекъ, за сорокоустъ два рубли, за молебенъ десять копѣекъ, за панахиду десять копѣекъ, за освященіе дому двадцать копѣекъ, за обѣдъ, когда случится купно за упокой и за здоровній отправлять, то десять копѣекъ. За роковщину пашнѣ: у кого имѣется хотя до трохъ воловъ—поль четверика государевой мѣры, а у кого четири, а хотя и цѣлой плугъ воловъ—единъ четверикъ пашнѣ тоей-же мѣры, и какой не случится пашнѣ, принимать безспорно долженъ; отъ пѣшого—три копѣйки, отъ подусѣдка двѣ; которыми до-ходами буду доволенъ и вимагательства чинить не буду, развѣ кто

зъ доброй своей волѣ похощеть дать. О томъ имъ, господамъ владѣльцамъ и прихожанамъ талалаевскимъ даю сію росписку и на оной сверучно при печати подписуюся. Умершого іерея талалаевского Свято-Успенской церкви Петра Андреева сынъ, Василь Петровъ Андрѣевскій руку приложилъ.

Листъ 161.

9. Такая-же росписка, данная сшавленникомъ Кирилломъ Александровымъ 1769 года.

1769 года, августа 13 дня. Я, ниже подписавшійся, далъ сію господамъ владѣльцамъ села Талалаевки, бунчуковимъ товарищамъ, Андрею и Ивану Демяновичамъ Мазаракіямъ и ихъ наслѣдникамъ, да тогоже села прихожанамъ, козакамъ и посполитетву росписку въ томъ, что долженъ я буду, когда удостоюся къ церкви талалаевской священническаго чина, битъ во всемъ впредь показаннымъ господамъ владѣльцамъ и ихъ наслѣдникамъ снисходителенъ и малѣйше не противенъ, а въ служеніи церковномъ не лѣнивъ и послушливъ безъ отмѣни. За моюжъ въ чину іерейскомъ услугу, по давнему установленію, какъ предкамъ мовнъ: дѣду и отцу, отъ прихожанъ плачено, такъ и я безъ прибавокъ и вимагательствъ взимати буду: за вѣнецъ первобрачный десять копѣекъ, а отъ второбрачныхъ и третобрачныхъ зъ своихъ прихожанъ по двадцати копѣекъ, а отъ стороннихъ смотря по имуществамъ, однакъ не болѣе рубля; за погребеніе великое десять копѣекъ, за малое пять копѣекъ, за крещеніе младенца три копѣйки, за освященіе дому двадцать, а за обѣдъ поминальній десять копѣекъ: за сорокоусть и суботникъ, буди хто пожелаеть, съ прихожанъ оной талалаевской церкви мене о отправѣ просити, то за сорокоусть два рублѣ, а суботникъ пятьдесятъ копѣекъ получати имѣю. Роковщина-жъ какъ прежде отъ прихожанъ, имущихъ воли, давалась паннею, какою хто сонзволитъ, то принимать безъ разбору иѣрою казенною, а не старою Роменскою, то есть: отъ вола по одному четверику; а яко и прихожанниъ имѣтиметь воловъ два и болѣе, тотъ давалъ-бы по два четверика. И буди бы я дерзнулъ напротиву того господамъ владѣльцамъ отъ мене даннаго обязательства здѣлать

отмѣну, или причинять прихожанамъ во взяткахъ каково вимзгательство и другую непристойность, за то подвергаю себе неопустному оштрафованію по моей командѣ и отъ прихода отставки. Во увѣреніе предвыраженнаго, на семъ своеручно подписался року и дня вишеписанного. Къ сей росписки іерея талалаевского Александра Андреева синь Кирило Александровъ подписался.

Листъ 116 на оборотѣ—162.

ДРЕВНІЯ И НОВЫЯ СКАЗАНІЯ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ.

(Къ вопросу о томъ, можетъ-ли кіевская академія въ 1889 году праздновать трехсотлѣтіе своего существованія).

(Посвящается П. А. Лашкарову).

Въ октябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за прошлый годъ помѣщены «Историческія замѣтки о Кіевѣ», принадлежащія перу извѣстнаго знатока мѣстной исторіи П. Л—ва. Замѣтки эти, изобилуя новыми данными, извлеченными авторомъ изъ разныхъ архивовъ, или-же представляя новую постановку и освѣщеніе данныхъ уже извѣстныхъ, бесспорно важны для исторіи нашего города и напоминаютъ собою чрезвычайно любопытные «Объяснительные параграфы о Кіевѣ» другаго знатока южно-русской исторіи М. А. Максимовича. Тѣмъ не менѣе одна изъ 6-ти замѣтокъ уважаемаго автора, именно *о началѣ богоявленскаго братскаго монастыря и кіевской академіи*, не можетъ не вызывать возраженій относительно сообщаемыхъ въ ней фактовъ и сдѣланныхъ на основаніи ихъ выводовъ.

Дѣло въ томъ, что, по недостатку документальныхъ данныхъ о первыхъ временахъ кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ, начальная исторія этихъ учрежденій восполняется историками при помощи преданія и собственныхъ соображеній и догадокъ, а потому въ нее привнесено много неточнаго, съ дѣйствительными фактами несогласнаго и самый вопросъ о времени, въ которому должно приурочить происхожденіе этихъ учрежденій, безъ измѣя прочной фактической опоры, подверженъ неизбежнымъ коле-

бывшимъ, что и отразилось на его давней уже исторіи. Очень долгое время въ нашей исторической литературѣ господствовало мнѣніе, что кіево-богоявленское братство существовало еще въ концѣ XVI стол., что бывшую при немъ школу константинопольскій патріархъ Іеремія въ 1589 г. на возвратномъ пути изъ Москвы чрезъ Кіевъ, благословилъ и возвысилъ на степень первокласнаго училища и что итѣмъ она, просуществовавъ четверть столѣтія, въ 1614 году сгорѣла, а въ слѣдующемъ 1615 г. переведена была во дворъ, подаренный для сей цѣли Гальшкою Гулевичевою, женою Стефана Ловки, маршала Мозырскаго. Но сравнительно въ недавнее время это, почти установившееся въ наукѣ, мнѣніе значительно было поколеблено новыми изслѣдованіями и соображеніями покойнаго М. А. Максимовича и проф. П. И. Малышевскаго, которые оба относятся возникновеніе означенныхъ братства и школы къ 1615 году. Папущій эти строки, раздѣляя мнѣніе названныхъ изслѣдователей, къ свою очередь старался подтвердить оное новыми данными и соображеніями, каковыя и были сообщены имъ въ рефератѣ, читанномъ въ церковно-археологическомъ обществѣ при кіев. дух. академіи и впоследствии напечатанномъ въ мѣстномъ академическомъ журналѣ¹⁾. По высказанному нами тогда мнѣнію, ученая критика, въ лицѣ Максимовича и Малышевскаго, поколебавъ господствовавшее до нихъ мнѣніе о существованіи кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ въ концѣ XVI стол., потому не могла окончательно подорвать историческое его значеніе, что почти вовсе не опслулась главной опоры, которая преимущественно и дала ему жизненные соки, т. е. тѣхъ документальныхъ данныхъ, на которыя принято указывать, какъ на доказательства несомнѣннаго существованія кіевскаго братства не позже 1589 года. Мы коснулись этихъ данныхъ—старались провѣрить, дѣйствительно-ли въ нихъ можно находить указанія на существованіе кіевскаго братства въ концѣ XVI ст. Результатъ получился отрицательный. Мы тогда-же заявили, что мнѣніе о первоначальномъ основаніи кіевскаго братства и школы при немъ не позже 1589 г., какъ не имѣющее никакой прочной опоры для научнаго устоя, неизбежно должно быть оставлено. Но заявленію нашему, не суждено было исполниться: въ упо-

¹⁾ Труды кіевской духовной академіи, 1882 г. № 3-я.

мянутыхъ «Историческихъ замѣткахъ о Кіевѣ» П. Л.—въ, имѣя въ виду нѣкоторыя новыя данныя, возвращается къ прежнему мнѣнію о существованіи кіево-богоявленскаго братства еще въ концѣ XVI ст., признавая это мнѣніе *вполнѣ достовернымъ*. Затѣмъ, относя первое историческое извѣстіе о существованіи кіевской братской школы къ 1589 году, когда ее благословилъ и возвысилъ константинопольскій патріархъ Іеремія, авторъ «Историческихъ замѣтокъ о Кіевѣ» въ этомъ же году полагаетъ и начало кіевской академіи, возникшей изъ означенной школы,—прибавляя въ заключеніе, что «въ 1889 году въ сентябрѣ или октябрѣ кіевская духовная академія можетъ праздновать трехсотлѣтіе своего существованія».

Такимъ образомъ, вопросъ о первоначальномъ возникновеніи кіево-богоявленскаго братства снова всплываетъ наружу и требуетъ новаго пересмотра. Такой пересмотръ необходимъ не только потому, что защита древняго преданія о возникновеніи кіевского братства въ концѣ XVI ст. принадлежитъ извѣстному специалисту, вооружена нѣкоторыми новыми данными и помѣщена въ распространенномъ мѣстномъ органѣ, но и въ виду практическихъ соображеній: 1889-й годъ не за горами и въ нашей академіи начинаютъ уже сильно интересоваться предстоящимъ ей юбилеемъ. Рука объ руку съ чисто научнымъ интересомъ выдвигается житейскій вопросъ: лѣтъ черезъ пять можетъ-ли кіевская духовная академія праздновать трехсотлѣтіе своего существованія?

Вопросъ расширяется и обобщается, если взять во вниманіе, что съ началомъ кіевской академіи связана исторія южно-русскаго и вообще русскаго просвѣщенія, такъ какъ чрезъ пять лѣтъ русская наука, русское просвѣщеніе праздновали-бы трехсотлѣтній юбилей своего древнѣйшаго, доселѣ уцѣлѣвшаго училища, и это былъ-бы не частный академическій, не русскій только, но общій всероссійскій, скажемъ болѣе—всеславянскій юбилей.

По необходимости надо обратиться вновь къ вопросу о началѣ кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ, подвергнуть новой критикѣ мнѣніе о возникновеніи братства и школы еще въ концѣ XVI ст., прослѣдить самую исторію этого мнѣнія, провѣрить выдвигаемыя авторомъ «Замѣтокъ о Кіевѣ» новыя данныя и соображенія, обслѣдовать вообще все данныя и предположенія,

имѣющія отношеніе къ этому предмету, чтобы отвѣтъ на поставленный вопросъ былъ упроченъ на твердыхъ устояхъ и не могъ быть поколебленъ вновь.

I.

Исслѣдователи, относившіе первоначальное возникновеніе кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ къ концу XVI ст., обыкновенно въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылались на *древнее* явобы *преданіе*, гласившее о прїѣздѣ въ 1589 г. въ Кіевъ константинопольскаго патріарха Гереміи и данномъ имъ здѣшнему братству благословеніи завести высшее училище. Но дѣйствительно-ли существовало подобное преданіе и при томъ древнее? Весьма сомнительно. Въ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятникахъ XVII столѣтія, имѣющихъ отношеніе къ кіево-богоявленскому братству, мы не видимъ ни малѣйшаго намека на такое преданіе. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ изъ означенныхъ памятниковъ мы находимъ прямыя и ясныя указанія на возникновеніе братства въ Кіевѣ только около 1615 года. Въ относимомъ къ этому году «Уписѣ кіевскихъ братчиковъ» опредѣленно говорится: «Мы грѣшныя, послѣдуя божественному и спасительному и челоуколюбивому наставленію..... *летя и поздно*, пробудившись отъ долговременнаго нерадѣнія и дѣлности и мрачной суеты мірекой, *восхотѣли прозрѣть къ святу Богородумію*. И предстательствомъ Пречистыя и Преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, силою честнаго и животворящаго Креста и молитвами всѣхъ святыхъ: *по благоволенію и повелѣнію* святѣйнаго вселенскаго константинопольскаго патріарха, господина *Тимофея*, главѣйшаго во Христѣ пастыря нашего и прочихъ святѣйшихъ патріарховъ..... *начинаемъ сей душеуспасительный дружесколюбный союзъ, братство церковное, въ боюспасеніемъ городъ Кіевъ.....*» и пр. ¹⁾ Уніатскій митрополитъ Вельяминъ Рутскій, въ составленномъ имъ около 1619 года прокѣтѣ относительно введенія уніи въ Кіевѣ, говоритъ, что большимъ препятствіемъ для латино-уніатской пропаганды въ этомъ городѣ служатъ *три года тому назадъ основанное здѣсь елизматиками брат-*

¹⁾ Памятныца, издавшея Кіевскою Кожмасією, т. II, № 2.

ство ¹⁾. Іерусалимскій патріархъ Теофанъ, въ 1620 году посѣтившій Кіевъ, въ своихъ грамотахъ кіево-богоявленскому братству ²⁾ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о благословеніи послѣдняго еще патріархомъ Іереміею, между тѣмъ какъ съ этимъ важнымъ и вполне естественнымъ упоминаніемъ мы постоянно встрѣчаемся въ грамотахъ и актахъ тѣхъ братствъ, какія несомнѣнно получили начальное благословеніе отъ Іереміи и другихъ восточныхъ патріарховъ. Равнымъ образомъ другой іерусалимскій патріархъ Паисій, тоже посѣтившій въ 1649 г. Кіевъ, въ своей грамотѣ богоявленскому братству ничего не говоритъ о какихъ-либо отношеніяхъ къ нему Іереміи, между тѣмъ какъ о Теофанѣ упоминаетъ ³⁾. Итъ указанія на существованіе братства въ Кіевѣ еще въ концѣ XVI ст. ни въ грамотѣ Сигизмунда III, данной кіевскимъ братчикамъ въ 1629 году ⁴⁾, ни въ письмахъ самихъ братчиковъ, посланныхъ въ 1625—1626 гг. царю Михаилу Оедоровичу и думовому дяку Ивану Грамматину ⁵⁾. Словомъ, въ начальныхъ и вполне достовѣрныхъ письменныхъ памятникахъ, касающихся кіево-богоявленскаго братства, мы не находимъ никакого слѣда того якобы древняго преданія, на основаніи котораго приурочивается возникновеніе означеннаго братства ко времени не позже 1589 года. Съ подобнымъ преданіемъ, точнѣе историческимъ мнѣніемъ, мы впервые встрѣчаемся лишь во второй половинѣ XVIII ст. Въ январѣ 1765 года въ кіевской академіи полученъ былъ изъ «Духовной митрополіи кіевской консисторіи» указъ съ требованіемъ доставить для адресъ-календаря свѣдѣнія о томъ, «съ какого времени и кѣмъ именно кіево-братскій монастырь основанъ, и кто, и съ какого года, и по какой годъ, были въ ономъ монастырѣ пачальники». Въ исторической запискѣ, составленной въ исполненіе означеннаго указа, говорится, что документальныя данныя о кіево-братскомъ училищномъ богоявленскомъ монастырѣ не восходятъ ранѣе 1615 года, «когда вос-

¹⁾ Подлинникъ хранится въ архивѣ греко-уніатскихъ митрополитовъ при св. синодѣ; въ переводѣ напечатанъ въ 8 № «Основы» за 1861 г. и въ «Вѣстникѣ западной Россіи», т. III.

²⁾ Памятникъ кіевской комисіи, т. II, №№ 3—5.

³⁾ Ibid., т. II, № 14.

⁴⁾ Ibid., т. II, № 6.

⁵⁾ Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Дѣла малороссійскія.

послѣдовала отъ Гальшки Гулевичевой «надача (дома и двора) на монастырь ставропигии патріаршей, на школу для дѣтей шляхетскихъ и мѣщанскихъ и на гостиницу странннхъ духовныхъ вѣры держави восточной». «Но—добавляютъ составители означенной записки—изъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ разсуждать можно, что сей монастырь со школою заложенъ въ 1588 году, когда Іеремія, архіепископъ Константина града и вселенскій патріархъ, былъ въ Россіи для поставленія перваго патріарха на Москву»¹⁾. Хотя составители записки и не объясняютъ, какія именно обстоятельства привели ихъ на мысль объ основаніи кіево-богоявленскаго монастыря и школы при немъ въ 1588 году, но изъ сохранившихся между академическими рукописями черновиковъ²⁾, имѣющихъ отношеніе къ данному предмету, видно, что авторы записки въ этомъ случаѣ исключительно имѣли въ виду тотъ фактъ, что въ означенное время, именно въ лѣто 1588 за королеванья въ Польшѣ короля Жигмонта третьяго и за митрополита кіевскаго Овисифора Дѣвочки пріѣхалъ въ нашу землю русскую святѣйшій вселенскій патріархъ константинопольскій Іеремія, первый отъ крещенія Руси, посѣтившій свою частву», и что сей патріархъ при своемъ посѣщеніи западно-русскихъ областей, «хотяжъ здѣсь обновити любовь апостольскую, устроити по мѣстамъ (т. е. городамъ) братства церковныя». Если патріархъ Іеремія устроилъ по разнымъ городамъ церковныя братства, то возникало естественное предположеніе, что могъ устроить онъ таковое и въ Кіевѣ. И такъ вотъ гдѣ кроется первый зародокъ такого якобы древняго преданія, которое, приурочивая основаніе кіево-богоявленскаго братства къ 1588 или 1589 гг., съ теченіемъ времени обставилось новыми подробностями и столь крѣпко укоренилось въ нашей исторической литературѣ!.... Подобнаго-же мнѣнія о первоначальномъ возникновеніи кіево-богоявленскаго братства кіевская духовная академія держалась и въ 1771 г., когда отъ нея требована была вторичная историческая замѣтка по тому-же самому вопросу. Это мнѣніе въ 1773 г. по всей вѣроятности при посредствѣ адресъ-календарей занесено было Герардомъ Миллеромъ въ Иверіемъ Рубаномъ въ «Старицу и Новизну».

1) Сборникъ рукопис. актовъ кіевской духовной академіи, т. III, № 13.

2) Ibid.

Но въ томъ-же 1773 году, когда изъ св. сѣнода воспо- слѣдоваль новыи запросъ о древнемъ и современномъ положеніи кіевской академіи, ученая академическая корпорація, составляя историческую записку о семъ учрежденіи, уже съ недобѣриемъ отнеслась къ прежнему предположенію о началѣ богоявленскаго братства и школы при немъ и высказала по этому предмету новое мнѣніе. На вопросъ: «съ коего именно года кіево-братскій монастырь училищнымъ учрежденъ?» — воспо слѣдоваль отвѣтъ, что не ранне 1615 г., какъ свидѣтельствуютъ о семъ несомнѣныя документальныя данныя (дарственная записъ Гальшки Гулевичевны). «Чтожь нѣкоторые догадкою только утверждаютъ», объясняютъ составители разсматриваемой записки, «якобы братскій монастырь съ церковію, школою и прочимъ отъ 1588 года, когда патріархъ константинопольскій Іеремія пріѣзжалъ въ російскую землю, начало свое взялъ, а потомъ, по разнымъ случаямъ разоренъ бывши, накі гетманомъ Петромъ Конашевичемъ возобновленъ, то о томъ нѣтъ изъ чего увѣрится, а совершеннѣе можно видѣть такъ по грамотѣ святѣйшаго куръ Павсія, патріарха іерусалимскаго, 1649 года, іюля 23 данной ¹⁾, въ которой поминается, что оный гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный съ прочими христіолюбцами, по благословенію патріарха іерусалимскаго куръ Теофана, не разоренную возобновили, но вновь своимъ иждивеніемъ церковь и обитель братскую богоявленскую воздвигли, яко и изъ грамоты святѣйшаго патріарха куръ Теофана 1620 года мая 17 данной, въ которой между прочаго написано слѣдующее: «Сего ради въ благочиннѣйшее исправленіе и вѣщнее еже о церквахъ Вожіихъ попеченіе, и сихъ разширеніе, смиренія нашего благословеніемъ поводруженное братство (что разумется не иначе — новозаложенное или новосооружавшееся братство) богоспасаемаго града Кіева благословихомъ и хартією нашею благословенною въ вѣчныя роды укѣрнихомъ, къ нему-же моленіемъ любовоудражательныхъ братій, ко еже во множайшее распространеніе славы имени Господня въ богоспасаемомъ семъ градѣ Кіевѣ, по образу прочихъ благочестивыхъ братствъ во мнѣзѣхъ градовѣхъ государства великаго государя короля польскаго сущихъ, братство младен-

¹⁾ Напечатано въ Памятникахъ кіевской комисіи, т. II № 14.

иже, старьѣшему братству единомыслиное и повинующееся, о Господѣ заложити извольше, благословихомъ и снмъ начертаніемъ нашимъ благословляемъ». Слѣдовательно, хотя, какъ въ продолженіи оной грамоты значится, и были въ прочихъ Королевства Польскаго городахъ братства, но въ градѣ Кіевѣ прежде сего новодруженію ни старьѣшаю, ни младшаю братства древнѣйшаю не было, да и бытія таковаго ничѣмъ доказать не можно * 1).

Это мнѣніе кіевскихъ ученыхъ, по своей обстоятельности заслуживающее полного вниманія, не было однако раздѣляемо почти всѣми послѣдующими изслѣдователями давнихъ судебъ кіевской академіи 2), хотя какъ можно думать, оно и не оставалось, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ изъ нихъ, безызвѣстнымъ. Такъ преосвященный Евгеній въ своемъ *Краткомъ извѣстіи о началѣ кіевской академіи* 3) держится мнѣнія, приурочивающаго первоначальное основаніе кіево-богоявленской братской школы къ 1589 году, причемъ, сообщая нѣсколько новыхъ подробностей, впервые указывая на документальныя данныя, якобы подтверждающія означенное мнѣніе. Онъ говоритъ что патріархъ Іеремія на обратномъ пути изъ Москвы въ 1589 году *посѣтилъ Кіевъ* и въ это время далъ благословеніе завести въ семъ городѣ высшее училище (подобное острожскому, львовскому и виленскому) при знатнѣйшей тогда изъ кіевскихъ русскихъ школъ, находившейся у богоявленской церкви, которая имѣла уже тогда для содержанія оной и особое братство и доходныя маестности, какъ видно изъ одной купчей отъ кіевского жителя Андрея Обухова записи 1594 г. на сверчановскій плацъ въ Подольѣ, уступленный сему братству. Но когда богоявленская школа сія сторухла, то жена маршала мозырскаго, Анна Гулевичева, передала подъ школы свой домъ со всею усадьбою и пристройками,

* 1) Рукопись кіевской духовной академіи, № 26.

* 2) Не говоря въ всѣмъ, по почти всѣмъ, потому что въ концѣ прошлаго столѣтія въ самой академіи кіевской ея начало полагали въ 1620 году, когда она была утверждена и благословлена патріархомъ Осефаномъ. Такъ въ *Кіевскомъ Мнѣніи о основаніи въ лѣтѣ 1798 г.*, составленномъ Принцемъ Фальковскимъ, въ хронологическомъ вѣщій достопамятныхъ обозначено: *отъ заведенія кіевской академіи — 1798 годъ.*

* 3) Печатаема въ приложеніяхъ къ Описанію кіево-софійскаго собора, подл. № 41-я.

находившийся на мѣстѣ нынѣшняго братскаго монастыря.—Тоже самое велѣдъ за преосвященнымъ Евгеніемъ повторяли и послѣдующіе историографы нашей академіи: преосвященный Макарій и В. Аскоченскій, а также и другіе писатели, касавшіеся древнихъ судебъ кіево-богоявленскаго братства (Фундуклей, Закревскій и др.), съ нѣкоторыми впрочемъ измѣненіями и дополненіями. Такъ Аскоченскій основаніе кіевского училища относитъ «къ той эпохѣ, когда конституціею сейма люблинскаго, въ 1569 году, окончательно утверждено начавшееся еще съ 1501 года соединеніе Литвы и Польши и когда Кіевъ съ прочими своими городами причисленъ къ польскому королевству»¹⁾. По его мнѣнію Іеремія былъ въ Кіевѣ два раза: въ 1588 году, когда отправлялся въ Москву и въ слѣдующемъ 1589 г. на обратномъ пути оттуда. Во время этого вторичнаго посѣщенія Кіева, онъ по просьбѣ здѣшнихъ гражданъ и преобразовалъ существующую при богоявленской церкви школу въ высшее просвѣтительное учрежденіе. «Благословеніе патріарха, по словамъ Аскоченскаго, было первымъ и основнымъ камнемъ того училища, которому суждено было потомъ возвыситься до званія академіи и которое съ того времени рѣзко стало отличаться отъ другихъ совмѣстныхъ и современныхъ ему». Въ подтвержденіе несомнѣннаго существованія кіево-богоявленскаго братства еще въ XVI столѣтіи, Аскоченскій, кромѣ упоминаемой преосвященнымъ Евгеніемъ записи Андрея Обуха 1594 года, указываетъ еще на выписъ изъ гродскихъ кіевскихъ книгъ 1593 года, изъ коей видно, что въ этомъ году «кіевскій нагорскій священникъ Филиппъ Афанасьевъ положилъ передъ урядомъ королевскимъ листы урядниковъ воеводства кіевского для подтвержденія принадлежащихъ къ церкви Трехъ-святительской и Крестовоздвиженской вотчинъ со всѣми ихъ угодьями и для передачи ихъ потомъ кіево-богоявленскому братству»¹⁾.

Указывая на пожаръ 1614 года, якобы истребившій богоявленскую церковь и бывшую при ней школу, историографы кіевской академіи печальную пустоту этого пожараща восполняютъ перечнемъ знаменитыхъ своимъ просвѣщеніемъ или воинскими подвигами

¹⁾ Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ академіею, т. I, стр. 57.

лицъ, воспитаніе которыхъ, по ихъ словамъ, «неотъемлемо принадлежатъ древней кievской школѣ». Къ числу такихъ лицъ преосвященный Макарій относитъ: *Кирилла Транквиліона-Ставровецкаго*, *Фадарію Копыстенскаго*, *Бодана Хмѣльницкаго*, а Аскоченскій прибавляетъ еще къ нимъ: *Елисея Плетенецкаго*, *Леонтія Карповича*, *Кассіана Соковича* и сподвижниковъ Хмѣльницкаго, *Паола Тевьерю* и *Якима Сомка*.

Такъ постепенно укоренилось, распространялось и приумножалось новыми наслоевіями древнее якобы преданіе о возникновеніи кievо-богоявленскаго братства еще въ концѣ XVI столѣтія.

Сводя все сказанное относительно сего преданія, получаемъ нижеслѣдующія положенія о первомъ якобы 25-лѣтнемъ (1589—1615) существованіи братства и школы при немъ:

1) Братство существовало до 1588—1589 гг., ибо посѣтившій въ это время Кіевъ константинопольскій патріархъ Іеремія уже засталъ его сформировавшимся.

2) Начало кievской академіи слѣдуетъ полагать въ 1589 году, потому что въ этомъ именно году означенный патріархъ возвысилъ братскую школу, преобразовавъ ее въ высшее православное училище, по образцу другихъ существовавшихъ въ литовско-русскихъ областяхъ.

3) Братская школа за первое 25-лѣтіе своего существованія воспитала многихъ знаменитыхъ своимъ просвѣщеніемъ и разнаго рода услугами отечеству лицъ.

4) Братство въ разсматриваемое время владѣло дворомъ въ Кіевѣ, земельными угодьями и вотчинами, какъ это видно изъ двухъ документовъ 1593 и 1594 гг.

5) Въ 1614 году пожаръ истребилъ братскую церковь и бывшую при ней школу; но уже въ слѣдующемъ году братство, благодаря дару Гальки Гулевичевой, начинаетъ возрождаться и снова преуспѣваетъ на пользу православной церкви и русской пародности.

II.

Укрѣпленное и формулируемое такимъ образомъ мнѣніе о существованіи кievо-богоявленскаго братства еще въ концѣ XVI ст. впервые было поколеблено М. А. Максимовичемъ въ 1865 г. въ его

статья «О первыхъ временахъ кіевскаго богоявленскаго братства». Вотъ что писалъ онъ тогда по этому предмету. «Къ двумъ вѣкамъ исторической жизни кіево-братскаго училища относится еще 25-лѣтнее бытіе прежней богоявленской школы съ 1589 года, благословіемъ патріарха Іереміи, бывша предъ прочими приходскими школами кіевскими. До сихъ поръ еще не открыто, кажется, того-временныхъ извѣстій, ни о пожарѣ, которымъ она истреблена, какъ полагаютъ, ни о печальной пустотѣ этого пожарища восполняется нынѣшними именами предполагаемыхъ тамъ наставниковъ и учителей (слѣдуетъ перечень тѣхъ и другихъ по исторіямъ кіевской академіи преосвященнаго Макарія и Аскоченскаго). Но для припоминанія отъселемой принадлежности ихъ всѣхъ къ прежней богоявленской школѣ надобно того-временное свидѣтельство о каждомъ изъ нихъ. Такого свидѣтельства не имѣетъ ни Елисея Плетенецкаго, который скончался въ октябрѣ семидесятилѣтнимъ старцемъ, и съ 1595 года былъ уже архіепископомъ, ни... Нельзя и подумать, продолжаетъ почтенный авторъ, чтобы въ кіевской школѣ, получившей патріаршее благословіе 1589 года, не принималъ дѣятельнаго участія святой князь Константинъ Острожскій, будучи воеводою кіевскими чинами своей въ 1608 году. Но объ этомъ не нашлось еще въ того-временной письменности, такъ же какъ не видно въ исторіи и прежней богоявленской церкви, при которой находилась кіевская школа. Единственный слѣдъ ихъ—купчая запись, данная кіевскимъ земляниномъ Андреемъ Обухомъ и его женою Настасіею Сверцовскою на ихъ сверцовскій домъ на Оболонѣ, съ означеніемъ сѣножатъ на Оболонѣ. Но и той купчей записи не знаемъ подлинникъ; а говорится о ней уже чрезъ сто лѣтъ, въ грамотѣ 1694 года».

Спустя четыре года послѣ этого, проф. Малышевскій въ «Исторической запискѣ о кіевской академіи», читанной имъ въ кіевской академіи 1869 г., еще рѣшительнѣе доказывалъ несостоятельность мнѣнія о началѣ кіево-богоявленскаго братства и школы со времени приѣзда въ Россію патріарха Іереміи. Сущность доказательствъ состоитъ въ слѣдующемъ: 1) Ни откуда не

¹⁾ Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1865 г., №№ 21, 23 и 24.

что Іереміа, на пути-ли въ Москву или обратно, былъ въ Кіевѣ: въ первомъ и другомъ случаѣ онъ ѣхалъ на Замостье, Вильну, Смоленскъ, посѣщая на этомъ пути и другіе города, въ числѣ коихъ въ какомъ актѣ не упоминается о Кіевѣ. 2) О грамотѣ и благословеніи Іереміа не упоминается ни въ одномъ изъ начальныхъ и вообще достовѣрныхъ актовъ кіевского братства, что—будетъ такая грамота и благословеніе даны—представляется дѣломъ необъяснимымъ. 3) Купчая запись Андрея Обуха неизвѣстна намъ ни въ подлинникѣ, ни въ выписи: мы знаемъ о ней только по ссылкѣ въ грамотѣ 1694 года. 4) Мнѣніе о пожарѣ 1614 г., истребившемъ будто-бы братскій монастырь и школу, не могло быть доселѣ подтверждено никакимъ историческимъ документомъ. 5) Самыя выраженія записи Гальшки Гулевичевой 1615 года и братскаго «уписа» начала 1616 г. даютъ прямое заключеніе, что братство со школою только теперь начиналось. Анна Гулевичева говоритъ, что дастъ дворъ съ землею на монастырь ставропигии патріаршей и школу, т. е. на *будущій* монастырь, *будущую* ставропигию, *будущую* школу, иначе она назвала-бы этотъ монастырь, упомянула-бы объ учрежденіи ставропигии; далѣе она выражается, что только вводитъ монастыствующихъ и школу въ жертвуемый ею для нихъ дворъ съ землею. А члены «уписа» говорятъ еще прямѣе: *начинаемъ* сей душевнательный союзъ—братство церковное; *начинаемъ* по благословенію святѣйшаго патріарха Тимоѳея и прочихъ патріарховъ и *согласно съ уставами*, которые даны отъ святѣйшихъ патріарховъ братствамъ городовъ: Львова, Вильны, Могилева и церквамъ другихъ городовъ.—Можно-ли было-бы не упомянуть тутъ о братствѣ и школѣ, получившихъ благословеніе отъ патріарха Іереміа, если-бы то и другое дѣйствительно было? ¹⁾

Но ни Максимовичъ, ни Малышевскій, возражая противъ достовѣрности мнѣнія объ основаніи кіево-богоявленскаго братства въ 1589 г., не касались тѣхъ документовъ, на которыхъ мнѣніе это опирается. Документы эти слѣдующіе: 1) Купчая отъ 1594 г. кіевского землянина Андрея Обуха и его жены Наталіи, урожденной Сверицковской, на проданный ими братству кіевскому дворъ ихъ на Подолѣ и сѣнжать на Оболони за тридцать кошь грошей литов-

¹⁾ Труды кіевской духовной академіи, 1869 г., т. IV.

слихъ и 2) Листы урядниковъ воеводства кіевскаго отъ 1593 г., подтверждающіе принадлежность трехъ-святительской и крестовоздвиженской церквамъ ихъ вотчинъ и передачу ихъ потомъ со всѣми принадлежностями кіево-богоявленскому братству.

Оба эти документа упоминаются въ царской грамотѣ 1694 г. и съ тою-же датою поименованы въ находящейся и нынѣ въ библиотекѣ кіево-печерской лавры рукописной «Описи» (конца прошлаго столѣтія) документамъ на имѣніи, принадлежавшіи кіевскимъ монастырямъ. Въ этой послѣдней подъ рубрикою: «Документы на состоящіе въ городѣ Кіево-Подоль, кіево-братскому монастырю принадлежавшіе плацы», подъ №№ 1 и 2-мъ, значится: 1) «Выпись съ книгъ гроевскихъ воеводства кіевскаго 1593 года марта 20 дня, данная бывшему священнику церкви верхне-кіевской трехъ-святительской Филиппу Афанасьевичу съ упоминкомъ данныхъ ему прежнихъ на оную церковь разныхъ привилегій, правъ и принадлежностей ꙗко той церкви; оная выпись въ книгу оправлена и во многихъ мѣстахъ подклеивана», и 2) «Купчая жителя кіевскаго Андрея Обуха на состоящій въ городѣ Кіево-Подоль плацъ, называемый сверчановскій, съ уступкою оного кіевскому Богоявленія Господня братству; 1594 г., сентября 5 дня, на двухъ листахъ; одинъ изъ коихъ писаный, а другой порожній». Такимъ образомъ въ существованіи этихъ документовъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; но является вопросъ, могутъ-ли эти документа служить доказательствомъ существованія кіево-богоявленскаго братства въ тѣ годы, которыми они означены. На этотъ вопросъ въ свое время мы дали и теперь даемъ отвѣтъ отрицательный.

Начнемъ съ купчей Андрея Обуха 1594 г. Въ приведенномъ нами по лаврской описи заглавіи этого документа слова: *съ уступкою оного* очевидно находятся въ противорѣчій какъ съ названіемъ документа *купчей*, такъ и съ выраженіями царской грамоты 1694 г., гдѣ говорится, что «Андрей Обуховъ съ женою своею Наталіею Сверщевскою *продали* въ братскій монастырь дворовое свое мѣсто сверчановское и съ сѣножатью... *за тридцать копъ лавровскихъ*». Слово *уступка* заключаетъ въ себѣ понятіе о подаркѣ, *благотворительною отдачею* какого либо предмета другому лицу и потому въ рассматриваемыхъ нами мѣстахъ является несообразностію, вызывающею недоумѣніе. Если Андрей Обухъ продать братству свой дворъ

за тридцать копъ литовскихъ, то могъ-ли составитель описи сказать, что этотъ дворъ перешелъ во владѣніе братства посредствомъ *уступки*?— Думаемъ, что не могъ, тѣмъ болѣе, что во всемъ своемъ обширномъ трудѣ при описаніи документовъ онъ строго различаетъ продажу *отъ уступки*, вездѣ разумѣя подъ послѣднюю *пожертвованіе, дарственную записку*, какъ можно, напримѣръ, видѣть въ слѣдующихъ выписокъ изъ описи: 1) «*уступной листъ*, данный Николаемъ Макаровичемъ пану Пукаловичу на вѣчное владѣніе Совею»; 2) «*уступка части мельницъ въ Бѣлгородкѣ кіево-софійскому монастырю отъ Михаила Мисниченка*», и т. п.

Чѣмъ-же объяснить указанное нами противорѣчіе?

Думаемъ, что другаго способа для этого нѣтъ, какъ предполагать, что въ 1594 г. Андрей Обухъ дѣйствительно продалъ свой сверчковскій дворъ, но продалъ не кіево-братскому монастырю, а какому либо частному лицу, а это послѣднее, провладѣвъ известное время купленнымъ мѣстомъ, *уступило* (т. е. пожертвовало) свое кіево-боголюбскому братству, въ то время уже существовавшему. Когда судебнымъ порядкомъ закрѣплялось означенное пожертвованіе, братству вручена была съ уступочною надписью и купчая 1594 года, какъ основной документъ на владѣніе означеннаго мѣста. Можно допустить, что дворъ, принадлежавшій въ 1594 г. Андрею Обуху съ женою, былъ перепроданъ нѣсколько разъ и могъ перейти къ братству чрезъ третьи и четвертыя руки; но очевидно, что сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣняется. Когда въ 1694 году купчая Андрея Обуха, какъ основной документъ на владѣніе сверчковскимъ дворомъ, представлена была, вмѣстѣ съ прочими крѣпостными документами кіево-братскаго монастыря, въ Москву для исходатайствованія подтверждающей царской грамоты на всѣ имѣнія и угодія, издавна принадлежавшія этому монастырю, въ Малороссійскомъ Приказѣ, при внесеніи въ грамоту посланныхъ документовъ, въ купчей Андрея Обуха легко могло быть упущено изъ виду слово: *съ уступкою*, которое мы находимъ въ лаврской описи. Для лицъ, служащихъ въ Малороссійскомъ Приказѣ, документъ, написанный на южно-русскомъ нарѣчій, и при томъ сто лѣтъ назадъ, представлялъ при чтеніи не мало затрудненій. Не мудрено, что какойнибудь малограмотный приказный, обозначая содержаніе рассматриваемаго документа, обошелъ,

быть можетъ по трудности чтенія, уступочную записъ, которая могла быть написана кратко гдѣ либо на оборотѣ купчей, а имѣла дѣло лишь съ купчей и выслѣдивъ въ ней имя продавца, названіе продаваемаго мѣста и цѣну онаго, не затруднился самую покупку принести братскому монастырю, такъ какъ купчая представляла отъ него, какъ одинъ изъ его крѣпостныхъ документовъ. Иначе, т. е. съ большею точностію могъ изложить содержаніе этой купчей составитель упомянутой выше описи, постоянно имѣвшій дѣло съ древними южно-русскими документами и пріобрѣвшій большой навыкъ въ чтеніи ихъ, а потому его изложенію содержанія купчей Андрея Обуха должно отдать предпочтеніе предъ изложеніемъ того же документа писцами Малороссійскаго Приказа.

Было-бы однако съ нашей стороны очень смѣло на одномъ предположеніи о возможной ошибкѣ писца утверждать, что сверчковскій дворъ перешелъ къ братству не непосредственно отъ Андрея Обуха съ женою, по запродажной, а отъ втораго и даже третьяго лица и при томъ чрезъ пожертвованіе, если-бы не имѣли на это положительнаго документальнаго свидѣтельства. Въ 1693 году, мая 17-го, т. е. не задолго до отправленія въ Москву крѣпостныхъ документовъ кіево-братскаго монастыря для подтвержденія ихъ царскою грамотою, іеромонахи этого монастыря Рафаилъ Васильевичъ да Парфеній Родовичъ явились въ кіевскую ратушу и просили именемъ своего игумена, ректора Іоасафа съ братією, чтобы войтъ, бурмистры и лавники назначили комиссію для осмотра и описи земель и дворовъ, издавна, посредствомъ купли или пожертвованій пріобрѣтенныхъ братскимъ монастыремъ. Очень можетъ быть, что это именно была провѣрка недвижимостей по документамъ и самымъ документамъ предъ отправленіемъ ихъ въ Москву. Назначенные на этотъ разъ отъ ратуши урядники, вмѣстѣ съ братскими старцами, «дворы осматривали и описали ихъ», а въ описаніи ихъ, между прочимъ, находится слѣдующее весьма важное для насъ свидѣніе о сверчковскомъ дворе: «*седьмой (по счету описи) дворъ сверчковскій данъ въ монастырь отъ Крестины Лешничейвой и отъ Алафін Козачинки*» (слѣдуетъ затѣмъ вычисленіе границъ и размѣровъ этого двора)¹⁾. И такъ не можетъ подлежать

¹⁾ Рукопись кіевской духовной академіи: *Выпись размѣренія площадей монастыря боловлянскаго братскаго.*

тѣмъ, что въ 1594 году Андрей Обухъ и его жена продали сверчковскій дворъ не кіево-богоявленскому братству, а кому другому; можетъ быть родителямъ названныхъ выше жертвовальницъ, или имъ самимъ, и уже отъ этихъ послѣднихъ означенный дворъ перешелъ по дарственной записи во владѣніе братства. Следовательно на принадлежность кіевскому братству крѣпостнаго документа съ датой 1594 г. нельзя основывать заключенія существованія въ томъ году самаго братства. Купчая 1594 г. передана была братчикамъ жертвовальницами Левиничевою и Лавинною, какъ основной документъ на владѣніе пожертвованнаго участка, а когда это случилось, невѣдомо. Но что купчая 1594 г. была именно такимъ основнымъ документомъ, это между прочимъ ясно видно изъ дѣвичьей фамиліи жены Андрея Обухова—Федосидно, бывшаго родовой собственностью Наталіи Свирцовой.

Что касается втораго документа, древняя дата котораго приписана, какъ доказательство существованія кіево-богоявленскаго братства въ концѣ XVI ст., именно «Королевскихъ листовъ...», такъ и въ царской грамотѣ 1694 года, такъ и въ упомянутой лавиничьей описи документовъ, при изложеніи содержанія этого документа на одномъ словѣ не упоминается о кіевскомъ братствѣ. Правда, конечно, имѣло бы значеніе или содержаніе съ упоминаніемъ на братство принадлежать историку академіи Лесковскому и есть не болѣе, какъ его собственное измышленіе. Рундкельмъ, считая этою произвольною добавкою или догадкою, сторонникомъ древняго преданія о первоначальномъ основаніи кіевского братства въ XVI ст., разсуждаетъ такъ: въ 1693 году братскій мѣстарица, ходатайствуя предъ московскимъ правительствомъ о возвращеніи земель находившихся въ его владѣніи помѣстій, просилъ, между прочимъ, для доказательства своихъ правъ на ихъ владѣніе, прежде принадлежавшія двумъ кіевскимъ церквамъ и селу, послѣдними, документъ отъ 1593 года; следовательно въ означенный годъ братство уже существовало. Но такое разсужденіе основано на томъ, какъ и ссылка на купчую Обухова. Навѣрно, что не только частныя лица и общественныя учрежденія, приобретающія недвижимыя имущества или черезъ покупку) какія либо помѣстья и т. п., но и старались получить первоначальныя, ос-

ные документы на эти помѣстья и когда хлопотали объ утвержденіи своихъ правъ на пріобрѣтенную собственность, то представляли въ судебныя и другія правительственныя мѣста эти документы. Такъ, напримеръ, кіево-печерская лавра получила въ даръ село Сѣраково отъ князя Воронцаго въ 1588 году, но когда впоследствии началось тяжбное дѣло по поводу владѣнія лаврою означеннымъ селомъ, то печерскіе повѣренные предъявляли для судебного утвержденія документъ отъ 1541 года ¹⁾. Точно также поступалъ и кіево-братскій монастырь. Въ извѣстной царской грамотѣ 1694 года говорится, что у братскихъ иноковъ есть крѣпости на разныя, принадлежащія имъ, угодія еще отъ польскаго короля Генриха ²⁾, слѣдовательно отъ такого времени, когда даже по мнѣнію сторонниковъ древняго преданія о первоначальномъ возникновеніи кіево-богоявленскаго братства, послѣднее еще не существовало. Такъ поступилъ братскій монастырь и въ данномъ случаѣ: онъ представилъ документъ, который доказываетъ, что земли, которыя перешли къ нему отъ кіевскихъ трехъ-святительской и кресто-воздвиженской церквей, принадлежали этимъ церквамъ на правѣ собственности въ 1593 году. Между тѣмъ по актамъ можно прослѣдить, что имѣнія церквей трехъ-святительской и кресто-воздвиженской перешли въ владѣніе кіево-богоявленскаго братства *не въ 1593 году, а гораздо позже*. Такъ въ 1615 году въ владѣніе имѣніями означенныхъ церквей выхлопоталъ привапой священникъ Моисей Ивановичъ ³⁾. Въ слѣдующемъ году церковь св. Воздвиженія съ принадлежащими къ ней землями была въ владѣніи священника Филиппа ⁴⁾; но затѣмъ опять перешла къ прежнему владѣльцу. Что же касается до кіево-богоявленскаго братскаго монастыря, то онъ сталъ пользоваться доходными статьями поименованныхъ церквей только съ 1638 года. Прямое указаніе на это находится въ универсалѣ короля Владислава IV, утвердившаго братствомъ уступочную записку на имѣнія церквей поименованныхъ священника Моисея Ивановича ⁵⁾.

¹⁾ Рубрика въ лаврской бібліотекѣ, № 205.

²⁾ Памятники кіевской комисіи, т. II, стр. 312.

³⁾ Рубрика въ кіевской академіи, № 26.

⁴⁾ Матеріалы для исторіи кіевской митрополіи, издан. П. Г. Лободичевымъ.

⁵⁾ Рубрика въ духовной академіи, № 26.

съ сказаннаго, надѣмся, достаточно ясно видно, что какъ Андрея Обуха 1594 г., такъ и «королевскіе листы» 1593 первоначально были выдаваемы не кіево-богоявленскому братству вообще никакого отношенія къ нему въ означенное время нѣтъ. Слѣдовательно и ссылка нѣкоторыхъ изслѣдователей на нѣкоторые документы, какъ на неопровержимое доказательство существованія братства въ Кіевѣ еще въ концѣ XVI-го столѣтія, теряетъ всякое значеніе.

III.

Перейдемъ теперь къ доводамъ автора «Историческихъ замѣтокъ». Какъ мы видѣли, онъ дѣлаетъ рѣшительный поворотъ въ прежняго мнѣнія о возникновеніи кіевского братства и при немъ еще въ концѣ XVI ст., называя означенное мнѣніе *достовернымъ* и приводя въ подкрѣпленіе его нѣкоторые указанія, бывшія неизвѣстными предшествовавшимъ изслѣдователямъ кіевской старины. Эти указанія касаются пріѣзда въ 1589 г. константинопольскаго патриарха Іереміи, который будто-бы благословилъ кіевское братство и его школу и устройство первой богоявленской церкви, которое авторъ относитъ не къ XVII, а къ XVI ст.

Что патриархъ Іеремія, говоритъ П. Л.—въ, дѣйствительно въ Кіевѣ, подтвержденіе сему находимъ въ описаніи путешествія антиохійскаго патриарха Макарія, составленномъ спутникомъ его діакономъ Павломъ. Последний пишетъ, что въ 1654 г., находясь въ софійскомъ домѣ кіевского митрополита Сильвестра Косовскаго патриархъ Іеремія во весь ростъ, съ красивымъ лицомъ и кудрявою бородою, между портретами антиохійскаго патриарха Іоакима, константинопольскаго патриарха Мелетія и іерусалимскаго Теофана. При этомъ онъ говоритъ, что всѣ эти четыре патриарха пріѣзжали въ Кіевъ и предстательно одинъ за другимъ и что въ Кіевѣ издревле существовалъ обычай *списывать* портретъ всякаго патриарха, посѣтившаго страну, для того, чтобы сохратить память о немъ на вѣчныя времена».

Прежде всего замѣтимъ, что почтенный авторъ, передавая кратко рассказъ Павла Алепскаго, не совсѣмъ точно приводитъ нѣкоторыя выраженія подлинника. У Павла Алепскаго, въ его «Описаніи путешествія антиохійскаго патріарха Макарія», приведенное мѣсто въ полномъ видѣ читается такъ: «Наконецъ мы (патріархъ Макарій съ своею свитою, въ составѣ которой былъ и авторъ записокъ Павелъ Алепскій)... отправились къ св. Софіи съ визитомъ митрополиту. Мы вошли въ его покои и видѣли тамъ изображенія четырехъ прежнихъ патріарховъ на холстѣ во весь ростъ. *Въ этой странѣ* (in this country) издавна ведется такой обычай, что если какой нибудь патріархъ посѣтитъ ихъ, то они снимаютъ съ него портретъ, точно (въ томъ видѣ), какъ онъ появляется среди нихъ, чтобы они могли сохранить память о немъ навсегда. Всѣ четыре патріарха изображены въ св. облаченіи съ жезлами, въ митрахъ, съ папагіями и крестами. Первый изъ нихъ, пріятно поразившій насъ, былъ Іоакимъ, патріархъ антиохійскій, прозванный *Самтъ*. У него смуглое лицо и сѣдая остроконечная борода. На портретѣ имя его подписано по гречески, а по датѣ (времени написанія) мы высчитали, что этому портрету 72 года; рядомъ съ нимъ находится Мелетій, патріархъ александрійскій, съ длинною бѣлою бородою; близъ него Іеремія, патріархъ константинопольскій, съ красивымъ лицомъ и бородою, а тотчасъ за нимъ Ософанъ, патріархъ іерусалимскій, съ длинною черною бородою. Всѣ четверо около одного и того-же времени *пріѣзжали въ эту страну*, непосредственно слѣдуя одинъ за другимъ (All four about the same time came to this country, the one immediately following the other)»¹⁾.

Такимъ образомъ Павелъ Алепскій не говоритъ, что всѣ упомянованные патріархи *были въ Кіевѣ*, но заявляетъ только, что *они пріѣзжали въ эту страну*, т. е. литовско-русское государство, въ которомъ находился и Кіевъ. И мы думаемъ, что указанное различіе (замѣна страны городомъ) въ данномъ случаѣ имѣетъ не маловажное значеніе. Правда, портреты четырехъ восточныхъ патріарховъ Павелъ Алепскій видѣлъ въ Кіевѣ, но отсюда еще не слѣдуетъ заключать, чтобы эти портреты и были писаны именно въ

¹⁾ The travels of Macarius, Patriarch of Antioch: изд. въ Лондонѣ 1836 г., т. 2, стр. 308.

городѣ и притомъ писаны съ оригиналовъ. Въ западно-русскихъ областяхъ дѣйствительно, какъ справедливо замѣчаетъ діаконъ, существовать обычай списывать портреты посѣщавшихъ восточныхъ патріарховъ, причемъ, добавимъ мы, списываніе водилось въ весьма обширныхъ размѣрахъ и портреты іерарховъ многихъ экземплярахъ распространялись между разными и учрежденіями на всемъ пространствѣ литовско-русскаго црства. Вслѣдствіе этого, портреты восточныхъ патріарховъ можно было встрѣчать въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ они не бывали. Когда въ 1620 г. прибылъ въ Кіевъ іерусалимскій патріархъ Теофанъ, то съ него снято было здѣсь значительное число портретовъ, которые тогда-же и разошлись по разнымъ южно-русскимъ городамъ—братствамъ и наиболѣе значительнымъ изъ православной южно-русской аристократіи. Латинско-русскому поводу возстановленія означеннымъ патріархомъ южно-русской іерархіи, упрекали виленскихъ братчиковъ, что они въ турецкому шпиону (такъ уніатскія власти называли патріарха Теофана) чуть не божескія почести: ставятъ около иконъ портреты, имѣютъ ихъ по церквамъ, носятъ во время крестныхъ ходовъ... Что-же удивительнаго, если у кіевского митрополита XVII ст. можно было встрѣтить подобныя портреты восточныхъ патріарховъ? И неужели можно такое обстоятельство почитать въ неизбежную связь съ пріѣздомъ этихъ іерарховъ въ Кіевъ?

Но если-бы у Павла Алеѣеваго и дѣйствительно было указаніе о посѣщеніи Кіева четырьмя восточными патріархами, въ томъ числѣ и двумя константинопольскими, то и такому указанію нельзя бы придавать серьезнаго историческаго значенія, какъ не собою (или исключеніемъ одного случая—пріѣзда въ Кіевъ Теофана) съ достоверными фактами. Такъ положительнаго извѣстно, что константинопольскій патріархъ Іоакимъ при своемъ посѣщеніи земли русскаго юга не доѣзжалъ до Кіева, александрійскій—Мелегій Пигагъ не въѣзжалъ въ Кіевъ, а константинопольскій—Іеремія не бывалъ въ этомъ городѣ, но и вовсе не посѣщавъ южно-русскихъ общинъ; что-же касается Іереміи константинопольскаго, то его вухеритимый переѣздъ по юго-западной Россіи (въ юго-западной Россіи) можно прослѣдить со всеміи, иногда довольно

длинными остановками, причемъ до очевидности будетъ ясно, что этотъ іерархъ ни въ 1588 году, когда ѣхалъ въ Москву, ни въ слѣдующемъ 1589 г., когда возвращался изъ нея, *изъ Кіева не завѣщалъ* *).

Итакъ, и это новое подкрѣпленіе древняго преданія о началѣ кіево-богоявленскаго братства не можетъ дать ему никакой опоры, какъ неточное и несогласное съ положительными историческими данными. Не подкрѣпляютъ этого преданія и соображенія П. Д.—ва о времени построенія первой богоявленской церкви, хотя и основанныя на новомъ историческомъ указаніи. Сущность этихъ соображеній и ихъ отношеніе къ данному вопросу слѣдующія.

Извѣстно, что братство кіевское всегда называлось богоявленскимъ по имени церкви, при которой оно было учреждено: если

*) Путь патріарха Іеремія въ Москву и обратно чрезъ литовско-русскія области, какъ видно изъ положительныхъ документальныхъ данныхъ, былъ слѣдующій:

а) *Путь патріарха въ Москву.* Въ началѣ мая 1588 г. патріархъ Іеремія прибылъ на границу Польши, откуда послалъ письмо къ польскому канцлеру Яну Замоискому, прося у него дозволенія остановиться въ Замостьѣ. Въ половинѣ мая патріархъ былъ уже въ Замостьѣ, въ концѣ этого мѣсяца выѣхалъ оттуда и, быстро пробѣжавъ Брестъ, къ 3-му юня прибылъ въ Вильну. Здѣсь патріархъ пробылъ 12 дней и затѣмъ чрезъ Оршу отправился въ московское государство.

б) *Обратный путь патріарха изъ Москвы.* Испросивъ 7 июля 1589 года позволеніе у польскаго короля Сигизмунда III обозрѣвать паходящуюся въ его владѣніяхъ православную митрополію, патріархъ Іеремія въ половинѣ этого этого мѣсяца былъ уже въ Вильнѣ. Пробывши здѣсь около двухъ недѣль, онъ отправился въ сурашскій монастырь, гдѣ изложилъ настоятелю архимандриту Тимохею Злобу, а къ 6-му августа прибылъ въ Брестъ. Къ половинѣ августа патріархъ былъ уже въ Замостьѣ, гдѣ прогостилъ болѣе двухъ мѣсяцевъ, принимая въ это время разныхъ представителей западно-русской церкви (епископовъ, братьевъ) и дѣлая разныхъ распоряженій по духовнымъ дѣламъ. Изъ Замостья чрезъ Каменецъ-Подольскъ (13 ноября 1589 г.) и затѣмъ Галицію Іеремія направился къ своей патріархіи (*Arsenii Elassonis. Iter in Moscoviam. Theiner, Vetera Monum. Polon. et Lithuanicae*, т. III, № 46. Собраніе грамотъ г. Вильны, Ковно, т. II, № 3 и 4. Акты западной Россіи, т. IV, №№ 5, 18, 20, 149, А. Ю. и З. Россіи, т. I, № 191. Виленскій археол. сборникъ, т. IX, № 28. *Зубрицкій*, Литов. львовск. братства и др. Сравни. Исторію русской церкви пресв. Макарія, т. IX, стр. 458—460, 479 и слѣд.).

маніе братства относить къ 1589 году, то надо доказать и существованіе въ то время богоявленской церкви въ Кіево-Подолѣ. Авторъ «Замѣтокъ о Кіевѣ» дѣлаетъ для этого слѣд. сопоставленіе. Создателемъ первой богоявленской церкви покойный М. А. Имовичъ считаетъ живнаго гораздо позже и умершаго, въ 1615 году гетмана Сагайдачнаго, и того-же Сагайдачнаго антиохійскій патріархъ Павсій въ грамотѣ своей, данной послѣ поженія Кіева въ 1649 г., называетъ создателемъ не только этой церкви, но и обители кіево-братской богоявленской. Но о церкви, которая можетъ быть приписываема Сагайдачному, въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ есть документъ, указывающій, что она не была окончена еще и въ 1625 г. Это именно то кіевскіе братчиковъ къ царю Михаилу Федоровичу отъ апрѣля 1625 г., которымъ они просятъ его о милостивѣ: «напомненіе своей церкви Богоявленія Господня, возведенной уже до основанія, но пребывающей еще безъ покрова и иконнаго украшенія». С другой стороны извѣстно, что раньше этой существовала другая богоявленская церковь, которую посѣщалъ іерусалимскій патріархъ Теофанъ въ 1620 г. и въ которой онъ совершилъ посвященіе Псаин Кошинскаго въ санъ епископа перемышльскаго, а Борецкаго въ санъ митрополита кіевского. Авторъ «Замѣтокъ» спрашиваетъ: «когда-же построена первая богоявленская церковь, какою извѣстная сооруженной при Сагайдачномъ?» и отвѣчаетъ: безъ сомнѣнія, не въ 1615 г. (къ которому по позднѣйшимъ изслѣдованіямъ относится основаніе братства и школы), ибо не могла-же она возникнуть такъ скоро, что менѣе, чѣмъ въ десять лѣтъ потребовалось замѣнить ее новою церковію. По всей вѣроятности, это была другая богоявленская церковь, о священникѣ которой упомянуто въ описаніи кіевского замка, составленной въ 1555 году. При сей-же церкви могла существовать въ концѣ XVI вѣка и та школа, которую благословилъ въ 1589 году патріархъ константинопольскій Іоаннъ VIII.

Что сказать противъ этого?

Во 1-хъ почтенный авторъ невѣрно говоритъ, что гетманъ Сагайдачный скончался въ 1632 году, — опъ

умеръ десятилѣтіемъ ранѣе, именно въ 1622 году, апрѣля 10-го, и объ этомъ имѣются несомнѣнныя данныя ¹⁾).

Во 2-хъ, предположеніе автора о существованіи какъ въ 1589, такъ и въ 1620 году той богоявленской церкви, о которой упоминается еще въ описи 1555 г., ни чѣмъ другимъ не подтверждается и ему съ большею основательностію можетъ быть противопоставлено другое предположеніе, что богоявленская церковь, въ которой въ 1620 году патріархъ Оеофанъ совершилъ посвященіе Исаіи Копинскаго и Іова Боредкаго, построена вслѣдъ за учрежденіемъ братства въ 1615 году. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ допустить, что Анна Гулевичевна, подарившая свой дворъ подъ обитель и уже вводшая въ него школу и иноковъ, въ теченіи цѣлыхъ пяти и даже болѣе лѣтъ не озаботилась устройствомъ здѣсь церкви, или, лучше сказать, не озаботилось этимъ кіевское братство, воспользовавшееся фундаціею Гулевичевны? Не слѣдуетъ также удивляться и тому, что братство, имѣя уже церковь и притомъ недавно сооруженную, приступаетъ къ постройкѣ новой: во первыхъ, прежняя церковь, безъ сомнѣнія строенная на скорую руку, могла не удовлетворять духовнымъ нуждамъ братства, а во вторыхъ на фундушъ Гулевичевны, по мысли жертвовательницы, долженъ былъ устроиться монастырь (онъ патріархомъ Оеофаномъ и былъ уже благословленъ), въ монастыряхъ же сравнительное обиліе церквей дѣлю обычное ²⁾...

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами «новыхъ указаній», приводимыхъ П. Л.—мъ въ подтвержденіе «полной достовѣрности» древняго преданія о началѣ кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ еще въ концѣ XVI стол., онъ въ защиту означеннаго преданія ссылается еще на документъ уже давно извѣстный (запись Гальшки Гулевичевны, 1615 г.) и утверждаетъ, что въ немъ якобы находятся ясныя намеки на существованіе братской школы ранѣе

¹⁾ Современная записка въ помянникѣ кіево-михайловскаго монастыря; *Вирша на жалобный погребъ зацного рыцера Петра Коношевича Сашайдичнаго, іетмана войска єго королевской милости запорожскаго... 1622 г.*

²⁾ Не говоримъ уже о противорѣчій, въ которое естественно должны впадать защитники мнѣнія о существованіи кіевскаго братства въ XVI ст., утверждая, что Оеофанъ совершалъ посвященіе Копинскаго и Боредкаго въ братской церкви, построенной до 1555 года. А страшный пожаръ 1614 года, истребившій якобы всѣ братскія постройки?

своей записи, говорит авторъ, жертвовательница
 (Гулевичева) пишетъ, что она свой собственный дворъ
 монастырь старонини патриаршеской и что она
 ввела въ этотъ дворъ іеромонаха Псаію Копинскаго и
 монашествующихъ, ввела и школу. Спрашивается, о какой
 старонини говорится здѣсь? Неужели о той, которая
 іерусалимскимъ патриархомъ Оеофаномъ
 послѣ сего? Но прибытіе его въ Россію не могли
 ни Гулевичева-Лозкина, ни кто-либо изъ духовныхъ
 лицъ въ г. Кіевѣ. Гдѣ были доселѣ и откуда явились
 Копинскій и прочіе монашествующіе
 въ этотъ дворъ? Лозкина-Гулевичева не открываетъ школу, не собираетъ
 желающихъ только учиться, а тотчасъ, по учиненіи
 школы, ввела въ свой дворъ школу. Ясно, что здѣсь рѣчь идетъ
 о существующей еще школѣ, а о школѣ готовой, существующей
 уже съ наличнымъ составомъ учащихся и учащихся. И
 хотя въ записи Гальшки Гулевичевой-Лозкиной не упоминается
 братской или богоугодной церкви и существовавшей при ней
 школы, но такъ какъ школы въ то время существовали и могли
 существовать только при церквахъ, а равно и монашествующіе, въ
 братствѣ, могли имѣть пребываніе также только при церк-
 вѣ, то слѣдуетъ признать вполне достовернымъ сообщенное
 Миллеромъ и принятое митрополитомъ Евгеніемъ
 въ 1616 года, что зданіе этой школы сгорѣло въ
 1616 году и что Лозкина-Гулевичева своею записью не создала
 новую школу, а только усилила существующую, пожертвовавъ
 свой дворъ съ готовыми помѣщеніями, замѣ-
 нивъ собою прежнія, уничтоженныя пожаромъ».

упоминающаго проф. Малышевскаго относительно не-
 точности мнѣнія о началѣ кіево-богоявленскаго братства еще
 въ XVI ст. и сопоставляющаго ихъ съ приведенными сейчасъ
 данными объ этомъ предметѣ, мы видимъ, что одинъ и тотъ-же
 источникъ — шрифтальная записъ Гальшки Гулевичевны — по мнѣ-
 нію автора заключаетъ въ себѣ *прямое* указаніе, что

кіевское братство въ 1615 году *только что начиналось*, а по словамъ другаго въ немъ находятся *довольно ясныя намеки* на существованіе братской школы и патриаршей при ней ставропигіи *раньше этого времени*.

Обратимся къ разсмотрѣнію самой записи Гальшки Гулевичевны.

Какъ защитники, такъ и противники древняго преданія о началѣ кіево-богоявленскаго братства, различнымъ образомъ истолковывая нѣкоторыя мѣста означенной записи, согласны между собою въ одномъ, именно, что Гальшка Гулевичевна подарила свой дворъ и землю *кіевскому братству*. Только одни изслѣдователи (что непосредственно вытекаетъ изъ ихъ разсужденій) считаютъ записи Гулевичевны *первымъ* по времени документомъ, съ котораго собственно и должно начинать исторію кіевского братства, другіе же—документомъ, даннымъ сему братству спустя уже нѣсколько десятилѣтій послѣ его возникновенія. Мы думаемъ, что какъ тѣ, такъ и другіе изслѣдователи ошибаются. Въ дарственной записи Гулевичевны ни единымъ словомъ не упоминается о братствѣ. Здѣсь опредѣленно говорится, что дворъ и земля жертвуются подъ монастырь и школу «правовѣрнымъ и благочестивымъ христіанамъ народу россійскаго, въ повѣstech воеводства кіевскаго, волынскаго и брацлавскаго будущимъ», какого-бы они званія и сословія не были (духовнымъ и свѣтскимъ, дворянамъ и простолюдинамъ). Скажутъ, что въ составъ западно-русскихъ братствъ и входили именно всѣ православныя разныхъ званій и состояній и что подъ приведенными названіями лицъ, конимъ жертвуется Гулевичевою дворъ съ землею, и должно разумѣть не кого иного, какъ только братчиковъ. Но подобное умозаключеніе будетъ очевидною патажкою, въ подтвержденіе которой нельзя подыскать ни одного аналогичнаго примѣра во всей довольно обширной западно-русской письменности того времени (т. е. нельзя найти ни одного документа, касающагося братства, гдѣ-бы составлявшіе его члены не назывались этимъ именемъ). Мыслимо-ли также, чтобы въ записи Гулевичевны ни единымъ словомъ не упоминалось о пожарѣ 1614 г. и вообще о матеріальномъ состояніи братства, если-бы вѣрно было предположеніе, что фундаторша своею жертвою *замыслила прежній братскій званія, уничтоженный пожаромъ?*

Съ одной стороны, принимая во вниманіе сказанное нами о записи Гулевичевны, какъ не заключающей въ себѣ ни малѣйшаго упоминанія о кievскомъ братствѣ, а съ другой имѣя въ виду тотъ сомнительный фактъ, что вскорѣ послѣ 14 октября 1615 года (дата начатой записи) братчики уже владѣли фундушемъ жертвовальницы, мы думаемъ (какъ имѣли уже случай замѣтить въ одномъ изъ своихъ сочиненій¹⁾), что въ то время, когда фундація Гулевичевны приводима была въ исполненіе, братство въ Кіевѣ или въроцѣ не сформировалось окончательно, или, что едвали не въроцѣе, нѣкоторое, очень непродолжительное время уже существовало при одной изъ кievо-подольскихъ церквей. Какъ бы то ни было, несомненно, что *на самыхъ первыхъ порахъ* фундація Гулевичевны къ кievскому братству никакого отношенія не имѣла. Есть довольно твердое основаніе думать, что дарственная записъ Гулевичевны состоялась подъ благотворнымъ вліяніемъ кievо-печерской обители: въ числѣ первыхъ лицъ, введенныхъ въ пожертвованный домъ, указывается Исаія Копинскій, *жившій до того въ лавръ*²⁾; самая швола, введенная Гулевичевою, въроцѣе всего происхожденія лаврскаго, дѣло заботливости кievо-печерскаго архимандрита Евсея Плетенецкаго, «школъ на разныхъ мѣсахъ зычливаго фундатора». Такимъ образомъ, мы думаемъ, что фундушъ Гулевичевны и братство хотя возникли въ Кіевѣ почти одновременно, но независимо другъ отъ друга. Но такъ какъ дѣли, имѣвшіяся въ виду при фундаціи Гулевичевны, совершенно совпадали съ задачами, намѣченными для своей практической дѣятельности новообразовавшимся братствомъ³⁾, то очевидно представлялась польза соединенія обохъ учреждений въ одно, каковое соединеніе дѣйствительно и состоялось въ самомъ концѣ того-же 1615 года, или въ началѣ слѣдующаго года.

Слова дарственной записи Гальшки Гулевичевны: *жертвую отъ сіе на монастырь патріаршей ставропигии*, П. Д.—въ, какъ мы видѣли, объясняетъ такъ, что здѣсь заключается указаніе на кievо-братскій монастырь, явобы имѣвшій уже патріаршую

¹⁾ Кіевскій митрополитъ Петръ Могила, т. I, стр. 294.

²⁾ Объ этомъ есть упоминаніе въ собственноручныхъ запискахъ П. Могилы.

³⁾ Подробнѣе объ этомъ въ сочиненіи: *Петръ Могила*, т. I, стр. 287 и слѣд.

ставропигію, ибо нельзя-же разумѣть въ данномъ случаѣ *ставропигію*, данную братской обители патриархомъ Теофаномъ, пріѣздъ котораго въ Кіевъ нельзя было предвидѣть.

Относительно такого разсужденія можно замѣтить слѣдующее:

1) Приведенныя выраженія въ записи Гулевичевны вовсе не означаютъ, что она жертвуетъ дворъ съ землею на ставропигіальный монастырь, уже существующій: въ такомъ случаѣ она неизбѣжно должна была-бы поименовать его. Гулевичевна въ своей записи выражаетъ только желаніе, или, точнѣе, ставитъ условіе, чтобы на ея фундушъ устроенъ былъ монастырь, подчиненный непосредственно патриарху, *ставропигіальный*. Большаго вывода изъ разсматриваемой записи сдѣлать нельзя.

2) Если признать за достовѣрный фактъ, что Гулевичевна дѣйствительно пожертвовала свой дворъ съ землею кіевскому братству, а послѣднее въ то время имѣло уже патриаршую ставропигію (отъ Іереміи), то объясненіе дальнѣйшей исторіи означеннаго братства представить затрудненія непреодолимыя. А именно: въ 1620 году пріѣзжаетъ въ Кіевъ іерусалимскій патриархъ Теофанъ и въ память пребыванія своего въ семь городѣ, на грунтѣ братскомъ, при церкви святаго Богоявленія и Благовѣщенія, водружаетъ крестъ, *признавая достойнымъ быть здѣсь ставропигіи патриаршей*. Но если кіевское братство съ своимъ монастыремъ имѣло патриаршую ставропигію, то какъ-же объяснить означенное дѣйствіе Теофана? Онъ могъ подтвердить, благословеніемъ своимъ упрочить прежде существовавшую ставропигію: это было-бы естественно; но объ этомъ нѣтъ и рѣчи. Очевидно, Теофанъ первый изъ патриарховъ водружаетъ крестъ на братскомъ грунтѣ, очевидно, онъ первый даѣтъ братству ставропигіальныя права... Извѣстно, какъ братства дорожили патриаршими ставропигіями: патриаршее благословеніе они считали перломъ неоцѣпеннымъ, клеймотомъ найдрожайшимъ. Между тѣмъ ни въ одномъ изъ начальныхъ документовъ, дошедшихъ до насъ отъ первой половины XVII стол. и имѣющихъ отношеніе къ кіево-богоявленскому братству, ни единымъ словомъ даже не упоминается объ Іереміи. Возможное-ли это дѣло, если признать справедливымъ пріѣздъ въ Кіевъ этого патриарха и учрежденіе имъ здѣсь патриаршей ставропигіи?.. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ изъ поименованныхъ документовъ есть прямыя указанія, что кіевское брат-

и приобрѣло ставропигіальныя права именно отъ Теофана. Кромѣ цѣлостной, уже указанной нами грамоты послѣдняго, укажемъ еще на извѣстное и нашему автору письмо кіевскихъ братчиковъ царю Михаилу Осодоровичу, изъ котораго видно, что главнымъ роителемъ братства считается именно Теофанъ, что его грамота являлась въ царю «во свидѣтельство», что эта грамота постоянно пребываетъ въ братствѣ и почитается за «многоцѣнный бисеръ». Очевидно-ли, что кіевское братство получило ставропигіальныя права не отъ Геремія константинопольскаго (имени котораго мы и встрѣчаемъ въ братскихъ документахъ), но отъ Теофана іерусалимскаго?

IV.

Пишущему эти строки, какъ безусловно отвергавшему достовѣрность сказаній о существованіи братства въ Кіевѣ еще въ XVI вѣтвѣ, не разъ приходилось выслушивать слѣдующее возраженіе: «и возникновеніе кіево-богоявленскаго братства со школою при немъ дѣйствительно относится ко времени не ранѣе 1615 года, то какъ объяснить, что Кіевъ, бывшій центромъ просвѣщенія и главной святынею въ юго-западной Россіи, такъ долго не имѣлъ братства и высшаго училища, когда таковыя учрежденія давно уже существовали въ Острогѣ, Львовѣ, Вильнѣ и многихъ другихъ мѣстахъ?»

Отвѣтъ на этотъ вопросъ не представляетъ затрудненій. Кіевъ былъ центромъ просвѣщенія въ юго-западной Руси только съ начала XVII столѣтія, благодаря многоплодной и благотворной дѣятельности кіево-печерскихъ архимандритовъ Елисея Плетенецкаго (издѣніе типографій, изданіе книгъ, фундаціи школъ, вызовы въ Русь ученыхъ мужей), Захарія Кошытенскаго, въ особенности же епископа Петра Могилы; а до того времени, т. е. до самаго начала XVI столѣтія, это былъ городъ, вовсе не могшій хвалиться какими-либо религіозно-просвѣтительными средствами: можно сказать даже еще—это былъ городъ въ нравственномъ отношеніи крайне опустошенный. Правда, Кіевъ искони считался главною святынею русской церкви, и кіево-печерская обитель всегда привлекала къ себѣ массы

богомольцевъ даже изъ отдаленнѣйшихъ окраинъ нашего отечества. Пожертвованія на обитель были частыя и щедрыя и она въ матеріальномъ отношеніи занимала одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Но, къ сожалѣнію, кіево-печерскіе архимандриты, въ большинствѣ случаевъ, были люди, не стоявшіе на высотѣ своего положенія: они смотрѣли на занимаемое ими мѣсто не болѣе, какъ на доходную статью. Такого взгляда не чужды были даже лучшіе архимандриты. Естественнo, что подобное положеніе дѣлало мало благопріятствовало вліянію кіево-печерской обители на религіозно-нравственную жизнь южно-русскаго народонаселенія. Неудивительно, что не смотря на громадныя богатства, накопившіяся въ лаврѣ къ концу XVI столѣтія, она въ это время не имѣла еще ни типографіи, ни школы, ни хорошей бібліотеки, ни больницы, ни богадѣльни¹⁾.. Чего не дѣлала богатая лавра, того еще труднѣе было ожидать отъ самыхъ кіевлянъ, постоянно опасавшихся (по положенію Кіева, какъ окраины государства) враждебныхъ нападений. Въ своемъ «уписѣ» кіевскіе братчики прямо заявляютъ, что доселѣ (т. е. до 2-го десятилѣтія XVII стол.) они (т. е. жители города Кіева) пребывали *въ доловременномъ нерадннн и лнности и мрщной суетн мнрской*. Трудно было ожидать отъ кіевлянъ разсматриваемаго времени заведенія религіозно-просвѣтительныхъ учрежденій, когда они не находили возможнымъ поддерживать благолѣпіе своихъ, уже существовавшихъ, храмовъ. Одинъ католическій бискупъ, посѣтившій въ 1546 году Кіевъ, упрекаетъ мѣстныхъ горожанъ за крайне пренебрежительныя ихъ отношенія къ такой древней святынѣ, какъ кіево-софійскій соборъ. По словамъ бискупа, этотъ храмъ не только лишень всякихъ украшеній, но и стоитъ безъ крыши, не имѣеть дверей; не службы Божіи въ немъ совершаются, а безпрятственно бродятъ внутри его псы, свиньи и т. п. животныя²⁾.

Отзывъ этотъ могутъ найти преувеличеннымъ; въ такомъ случаѣ послушаемъ самихъ кіевлянъ современниковъ. «Писано есть иѣгде, писали въ 1626 году кіевскіе братчики къ царю Михаилу Оедоровичу, разсмотри сущихъ прежде тебѣ и тогда разумѣши,

¹⁾ Подробно обо всемъ этомъ см. наше сочиненіе *Петръ Могила и «то сподвиженни»*, т. I, стр. 242 и слѣд.

²⁾ *Ks. Poz. Wereszezyńskiego, Osada Kijowa.*

уже по тобѣ. Всегда видяше рассмотримъ древняго благолѣпнаго созданиа драгоцѣнныя храмы, прославленныя ради всесильнаго имени единосущныя преестествовныя Троицы, отъ прародителейъ благочестіемъ равноцѣлующимъ великодержавнаго величества вашей царевны милости въ Киевѣ, *нынѣ же тобою едва съмы изъ обрѣтающагося зримъ, тяжкимъ и неутѣшимъ жаленіемъ, яко мы послѣдній родъ съ зрѣти достигохомъ; на мѣстѣ, идѣже первѣй начало просвѣщеніемъ родъ російскій истиннаго Бога позна, отнюду же по всемъ странамъ, яко отъ источника благоструйнаго, извѣстное всемъ спасеніе истече и процвѣте, идѣже богодухновенныя отцы пречуднымъ житиемъ и чудеса просіяша, ихъ же тѣлеса донышѣ въ пещерахъ, чудодѣйствуя, пребываютъ: зде нынѣ зримъ изсыхающе, всякія же бѣды, гоненія и укоризны исполненъ, горцы рыдающе, слезимъ, съ пророкомъ Іезекиелемъ глаголюще: горе намъ, увы намъ, Адонаю Господи! сіе отчаяніе ты твориши остаткомъ паралелевымъ¹⁾.*

V.

Подводимъ итогъ всему нами изложенному.

1) Сказаніе о посѣщеніи Кіева константинопольскимъ патриархомъ Іереміею въ 1588—1589 гг. и объ учрежденіи имъ здѣсь высшаго училища при богоявленскомъ братствѣ не есть древнее преданіе, а сравнительно недавнее историческое мнѣніе, впервые высказанное профессорами кіевской академіи въ объяснительной запискѣ, составленной въ 1765 году по требованію начальства. Хотя спустя 8 лѣтъ профессорами той-же академіи означенное мнѣніе какъ несогласное съ документальными данными, и было опровергнуто, тѣмъ не менѣе оно тогда-же перешло въ нашу историческую литературу и пустило въ ней глубокіе корни, съ теченіемъ времени приукрашаясь новыми легендарными подробностями.

Несостоятельность означеннаго мнѣнія не подлежитъ сомнѣнію; ибо:

¹⁾ Съ подлинника находится въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ Москвѣ.

2) Изъ дошедшихъ до насъ достовѣрныхъ документальныхъ данныхъ видно, что патріархъ Іеремія ни въ 1588 году, когда ѣхалъ черезъ западно-русскія области въ Москву, ни въ 1589 г., когда возвращался изъ нея, въ Кіевѣ не былъ: какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ путь его лежалъ далеко отъ этого города. Ссылка на описаніе путешествія Павла Алепскаго, гдѣ якобы говорится о посѣщеніи Кіева означеннымъ патріархомъ, оказывается неточною.

3) Относительно созданнаго «догадкою» и украшеннаго легендами перваго якобы 25-тилѣтняго существованія кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ (1589—1615 гг.) не находится ни малѣйшаго указанія во всей тоговременной письменности. Ссылка въкоторыхъ изслѣдователей на купчую Андрея Обуха (1594 года) и «королевскіе листы урядниковъ воеводства кіевского», какъ на несомнѣнное доказательство существованія въ Кіевѣ братства еще въ концѣ XVI столѣтія, оказывается, при болѣе тщательномъ разсмотрѣніи дѣла, не состоятельною: поименованные документы въ разсматриваемое время къ кіевскому братству никакого отношенія не имѣли, перешли-же къ нему впоследствии вмѣстѣ съ земельными имуществами, значащимися въ сихъ документахъ.

4) Въ начальныхъ, волибъ достовѣрныхъ документахъ, касающихся кіево-богоявленскаго братства, находится довольно прямое и опредѣленное указаніе на то, что означенное братство сформировалось только около 1615 года (Братскій уписъ, Письмо Рутскаго).

5) Ставропигіальная права кіевское братство получило въ 1620 году, во время пребыванія въ Кіевѣ іерусалимскаго патріарха Ософана, какъ опредѣленно говорится объ этомъ въ грамотѣ послѣдняго. Мнѣніе-же, якобы означенное право братство получило еще отъ патріарха Іереміи, не находитъ подтвержденія въ дарственной записи Гулевичевой (на которую въ данномъ случаѣ ссылаются) и стоитъ въ явномъ противорѣчіи какъ съ поименованною грамотою Ософана, такъ и съ нѣкоторыми другими докумен-

1145 ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ СКАЗАНИЯ О НАЧАЛЕ КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ
пятьными дарами (письма братчиковъ къ царю Михаилу
розыичу).

б) Наконецъ, сравнительно позднее возникновеніе въ
братства и высшего училища не представляетъ ничего ст
и необъяснимато: напротивъ, означенное явленіе находится
номъ, соответствіи съ общимъ ходомъ церковно-исторической
этого города.

С. Голубев

ДУНАЙЦЫ ¹⁾.

Въ сентябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» 1884 года (стр. 129—131) помѣщенъ любопытный документъ, подъ заглавіемъ: «Запорожская реляція о побѣдѣ надъ турецкимъ флотомъ въ днѣпровскихъ гирлахъ». Онъ сообщенъ *А. М. Лазаревскимъ*, но откуда имъ заимствованъ, не сказано. Упомянутый въ этомъ документѣ войсковый старшина Филиппъ Стягайло, одинъ изъ самыхъ храбрыхъ и заслуженныхъ молодцовъ запорожскихъ, былъ въ 1769—1770 гг. начальникомъ козачьей флотиліи и имѣлъ въ своей командѣ 3-хъ полковниковъ, 8 полковыхъ старшинъ, 1 іеромонаха, 4-хъ хорунжихъ, 38 канонеровъ и 1690 козаковъ ²⁾. Служба этой команды была самая трудная и опасная, ибо требовала частыхъ походовъ внизу Днѣпра, на лиманѣ и въ самыхъ гирлахъ рѣки, тогда сильно укрѣпленныхъ турками въ Очаковѣ, Кинбурнѣ и на Березанскомъ островѣ. 5 января 1771 года доблестный Стягайло награжденъ въ числѣ другихъ 12 старшинъ большою золотою медалью на Андреевской (блакитной) лентѣ.

Въ дополненіе упомянутой реляціи считаю долгомъ сообщить отъ себя нѣсколько документовъ по тому-же предмету.

Въ моемъ архивѣ есть большое дѣло въ 300 слишкомъ страницъ, подъ заглавіемъ, буквально списаннымъ: «2 дѣль о командахъ 2-хъ потысячныхъ съ запорожскаго войска, съ Днѣпра Чернымъ моремъ, мимо крѣпости очаковскую и кинбурнскую, въ

¹⁾ Изъ подлинныхъ документовъ моего запорожскаго архива.

²⁾ *Исторія Новой Сѣчи* и пр., ч. II, стр. 25—26.

Дунай въ первой россійской арміи командированныхъ въ 1771 и 1772 годахъ». Къ этимъ двумъ дѣламъ мы присовокупили еще многіе документы о походѣ козаковъ въ 1773 и 1774 годахъ, до ихъ возвращенія на родину. Такимъ образомъ мы дополняемъ ими сказаніе наше о «Дунайцахъ», помѣщенное въ книгѣ нашей (стр. 95—99) о походѣ ихъ въ 1771 году и обращаемъ вниманіе читателей «Кіевской Старины» на новыя свѣдѣнія о доблестяхъ «славнаго войска запорожскаго низоваго».

I.

Опытъ экспедиціи «Дунайцевъ» 1771 года былъ такъ удаченъ, что генераль-прокуроръ князь А. А. Васемскій обратился къ кошевому П. И. Калнишевскому съ слѣдующимъ, почти дружескимъ письмомъ:

Государь мой Петръ Ивановичъ!

Имѣю честь сообщить вамъ, государь мой, высочайшее ея императорскаго величества соизволеніе, дабы сею наступающею весною, при первомъ удобномъ случаѣ, отправить такимъ-же образомъ, какъ и въ прошедшемъ году было, на лодкахъ въ Черное море до Дуная, изъ запорожскаго войска казаковъ, ежели можно, двѣ тысячи человѣкъ. Когда-же за какимъ обстоятельствомъ такого числа отправить будетъ не возможно, то по крайней мѣрѣ не менѣе тысячи человѣкъ, съ тѣмъ, чтобъ по приѣздѣ они въ Дунай, явились тамо у адмирала Ноллиса. И хотя я не сумнѣваюсь, чтобы въ произведеніи сей экспедиціи въ дѣйство могли произойти съ стороны войска запорожскаго какія либо затрудненія; однакожь поелику не всѣ извѣстны здѣсь могутъ быть настоящіе обстоятельства, то я и прошу васъ, государя моего, съ симъ посланнымъ немедленно меня увѣдомить: къ которому времени и въ какомъ числѣ сіе предпріятіе въ дѣйство произвести надѣетесь. А дабы въ приуготовленіи судовъ и всего потребнаго не было вамъ оставокъ, то ея императорское величество всемилостивѣйше жалуетъ войску запорожскому на сіе приуготовленіе, естли отправлено будетъ двѣ тысячи человѣкъ, то десять тысячъ рублей, и послѣднее число нынѣ-же при семъ къ вамъ и посылаю, а достальныя, по мѣрѣ вашего отпра-

ленія, по полученіи о томъ отъ васъ извѣстія, немедленно перешлю съ тѣмъ всемилостивѣйшимъ ея величества повелѣніемъ, что сверхъ сего отправляющіеся получать тоже самое награжденіе по прибытіи въ Дунай, какое получили дошедшія войска запорожскаго лодки въ прошломъ 1771 году. Стараніе ваше и прилѣжность въ семъ случаѣ, а болѣе точное онаго исполненіе докажетъ собственно ваше и всего войска запорожскаго къ службѣ ея императорскаго величества отличное усердіе и вѣрность, себѣ-же приобрѣтете тѣмъ незабвенную славу. Въ протчемъ ожидая на сіе благосклоннаго вашего увѣдомленія, съ искреннимъ усердіемъ пребываю вапъ, государя моего, покорный слуга

Князь *Александръ Вяземскій.*

Февраля 17 дня.

1772 года.

Получивъ столь лестный ордеръ государыни, Кошевой донесъ о томъ главнокомандующему князю В. М. Долгорукову и просилъ отпустить на лодочную команду 40 фаньконетовъ ¹⁾ и нужное количество сухарей, такъ какъ на лодкахъ, въ походѣ на морѣ и рѣкахъ, самимъ печь хлѣба невозможно. Собравъ-же на сходку 17 апрѣля 1771 года старшину и куренныхъ атамановъ, 5,000 р. войску дарованныхъ раздѣлил по 100 руб. на всякій курень, всего 3,800 руб., а изъ остальныхъ «за деготь заплочено 240 руб., а 960 руб. положено въ скарбъ войсковій, для артиллерійскихъ и протчихъ надобностей ²⁾».

Въ отвѣтъ своемъ князь Долгоруковъ (12 марта 1772 года) пишетъ, что на счетъ фаньконетовъ, пороху и пр. распоряженіе имъ уже сдѣлано, и присовокупляетъ:

«Черезъ сіе-же даю знать, что съ присланною отъ ея императорскаго величества всемилостивѣйшею грамотою отправляю я къ вамъ переводчика иностранной коллегіи *Архитова*, подтверждаю вамъ прежнее мое предписаніе о принятіи сей съ глубокимъ благочестіемъ».

Намъ удалось найти одну весьма подробную реляцію о службѣ козаковъ въ 1771 году на водахъ нашего края, которая допол-

¹⁾ Фаньконеты (fanconaut) небольшого калибра, длины пушки.

²⁾ Замѣтимъ кстати, что деньги на курени получали *кухари*, т. е. *повара* куренные; вѣроятно она были, по обычаю, и интендантами своихъ куреней.

няетъ пробѣлъ, указанный въ книгѣ нашей на стр. 98—99. Это рапортъ полковника Сѣдловскаго отъ 24 сентября того года и при немъ:

•Журналъ 1771 года сентября 19-го учиненный, гдѣ я съ командою былъ и въ кого подъ командою и въ какомъ мѣстѣ.

1771 года мая 29 изъ города Аккермана съ командою вошелъ въ усть Дуная; въ Кизію мѣсяца іюня 2 числа прибылъ, гдѣ имѣлъ роздохъ дней съ четыре. Послѣ онаго роздоху получилъ я отъ г. генераль-маіора и разныхъ орденовъ кавалера *фонъ Вейсмана* письменный приказъ о скоромъ слѣдованіи въ мѣстечко Измаилъ.

Въ Измаилъ прибылъ я съ командою іюня 8 и находился въ точной его г. генераль-маіора фонъ Вейсмана командѣ. Тогожъ мѣсяца со всеѣмъ корпусомъ означенный генераль фонъ Вейсманъ, въ томъ и я съ командою, на ту сторону Дуная, въ мѣстечко Тульчу выступилъ, гдѣ имѣли сраженіе съ непріятелемъ, гдѣ убито генераль-маіора и кавалера Григорія Ивановича Черешникова, команды моей козаковъ убито въ смерть 7, ранено тяжело и легко 15. Въ добычу получили съ подъ онога мѣстечка Тульчи, какъ регулярнымъ войскомъ, такъ и козаками кораблей большихъ военныхъ 4, галеръ, бакчебасовъ и полу-бакчебасовъ, тоже военныхъ, до немалого числа.

Послѣ оной экспедиціи ежедневно въ розъѣздъ ходили по рѣкѣ Дунаю, въ коемъ розъѣздѣ случились и непріятельскіе розъѣзды и имѣли съ ними частыя перепалки, только безъ всякаго урону возвращались.

Іюля 20 кабардинскаго пѣхотнаго полка полковника *Плочкина* вышеупомянутый генераль Вейсманъ съ 4 баталіонами гренадеръ и зо всею моею командою, на нашихъ самихъ лотбахъ, посылалъ на усть Дуная, къ морю, для взятія при селеніяхъ раскольническихъ турецкой батареи и сосженія тѣхъ селеній, что тамо все удачѣе исполнено. Команды моей козаковъ убито 2, ранено тяжело и легко 5.

Потомъ вышеозначенный генераль-маіоръ фонъ Вейсманъ, получа отъ его графскаго сіятельства, генераль-фельдмаршала графа Румянцова ордеръ объ опредѣленіи къ командѣ моей московскаго карабинернаго полка г. подполковника *А. Я. Якубовича* и ротмистра *М. Я. Сах-*

новскаго главными командирами надо мною и козаками ¹⁾ съ оными іюля 26 дня изъ мѣстечка Измаила выступили для препровожденія отправленныхъ изъ Измаила 5 галеръ въ гору Дуная, на конхъ былъ морскаго флота 1-го ранга капитанъ *Ив. Ив. Нагаткинъ* и какъ надъ тѣми галерами, такъ подполковникомъ Якубовичемъ и мною, главнымъ командиромъ былъ. И прибыли въ мѣстечко Галацы августа 1. Получа подполковникъ Якубовичъ отъ графа ордеръ о слѣдованіи мнѣ и ему съ нами въ г. Браиловъ, въ г. Браиловъ прибылъ августа 6. По прибытіи въ оной городъ, получа вышеписанный капитанъ Нагаткинъ отъ его графскаго сіятельства ордеръ объ оставленіи мене тамъ при ономъ городѣ, для развѣду и пресиченія неприятелю коммуникаціи, 6 моего вѣденія лодокъ, а самому съ 13 лодками слѣдовать въ команду г. генераль-квартирмейстера фонъ Бавра, въ его корпусъ состоящей надъ рѣкою Яловицею, гдѣ и по сію пору нахожусь. По сему я въ Браиловъ и оставилъ 6 лодокъ, а самъ съ подполковникомъ и ротмистромъ въ корпусъ 9 августа прибылъ.

Тогожь августа 10-го г. генераль-квартирмейстеръ фонъ Бавръ, взявъ 2 лотки нашихъ и нѣсколько маленькихъ казаковъ, рекогносцировалъ на той сторонѣ Дуная города Гирсова; однако состоящей на островѣ неприятельской бекетъ близко подъѣхать не допустилъ; и такъ оной генераль возвратился назадъ, приказавъ г. подполковнику Якубовичу взять всѣ 12 лотки, збить оной бекетъ и тамошняе селеніе на островѣ сожечь. По якому повеленію все казаками исполнено.

19 августа посланы отъ оного генерала съ подполковникомъ Якубовичемъ, всѣми 13 лотками, вверхъ по Дунаю въ развѣздъ, въ которомъ развѣздѣ будучи, на неприятельскія 2 судна напали и оныя отбили, а супротивлявшихся турокъ до немала побили, а 6 человекъ въ плѣнъ взяли и благополучно возвратились, безъ потерянія и одного козака.

26 онаго-же мѣсяца посланы были тоже съ подполковникомъ и ротмистромъ (Сахновскимъ) отъ генерала Бавра, чтобы подъ самымъ неприятельскимъ городомъ Гирсовомъ и батареями, въ гавани суда

¹⁾ Это вѣроятно по случаю безпорядковъ въ лодочной командѣ по наущенію одного изъ куренныхъ атамановъ.

забрать, но отъ великихъ изъ города батарей и судовъ, пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, и сколько ни усиливались часовъ до 4-хъ, взять не могли и возвратились обратно безъ малѣйшаго вреда.

4-го сентября я безъ подполковника, съ самими козаками посланъ на низъ рѣки Дуная, на состоящей подъ мѣстечкомъ Дуанъ (Девно), на той сторонѣ, непріятельскій бекетъ, кой велено мнѣ разбить и оное село разорить, что по милости Божей съ козаками я учинилъ, оной бекетъ разбилъ, въ плѣнъ одного Агу, кой назвалъ себя Бѣмъ-пашею, съ другимъ туркомъ, и 6 турецкихъ, при томъ бекетѣ находившихся знаменъ взявъ, съ немалою добычею на свое мѣсто повернулись. При томъ-же сраженіи убито въ смерть 4, тяжело и легко ранено 28 козаковъ. Тѣмъ добытые знамена и турка отдалъ генералу Бавру, за что онъ всему запорожскому войску благодарилъ и обѣщался о нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ и графу (Румянцову) и государнѣ писать и рекомендовать.

Тогожъ мѣсяца 16 числа посланъ я съ командою и при командѣ моей венгерскаго гусарскаго ¹⁾ полка капитанъ *баронъ Эренбергъ* въ гору Дуная, подъ непріятельское село, прозываемое Черноводы, что-бы оное разорить и сжечь; то я съ капитаномъ и со всею командою оное село разграбилъ и всего изжегъ, и возвратился благополучно.

Оставшіеся по ордеру графа Румянцова въ Браиловѣ 6 лодокъ на посту что издѣлали, значится подъ симъ:

Августа 11 дня, съ опредѣленнымъ въ намъ командиромъ секундъ-маіоромъ *Беличемъ*, ходили они подъ непріятельскій берегъ въ разъѣздъ, гдѣ напавъ на 2 судины турецкіе разбили, а 9 турковъ въ плѣнъ взяли и до немало багажу, возвратились, при томъ нанаденіи убито козаковъ въ смерть 2, ранено тяжело и легко 5.

20 августа съ тѣмъ-же маіоромъ Беличемъ ходили на низъ рѣки Дуная въ разъѣздъ и подъ непріятельскимъ берегомъ встрѣтились имъ 6 турецкихъ военныхъ галеръ и бакчебасовъ, тожъ военныхъ, 2, на кои напали и отбили отъ турокъ ти судна и на оныхъ 26 пушокъ и мѣлкихъ судовъ до немалаго числа. Кои судна и пуши

¹⁾ Изъ новороссійскихъ поселенныхъ полковъ.

въ Бранловѣ и по ся поры. Съ козаковъ-же не убито и не ранено ни одного. Турокъ 3 человекъ взято.

Оные 6 судовъ теперь стоятъ зъ войскомъ на рѣкѣ Дунаѣ противъ города турецкаго, прозываемаго Мечина (Мачинъ) на бекети, и нѣгль съ неприятелемъ дважды сраженіе, съ козаковъ-же ранено 1, убито въ смерть 1».

Полковникъ Сидловскій, окончивъ свой журналъ и рапортъ, на записочкѣ (картелюшкѣ), пишетъ по дружески г. Кошевому:

«Вельможности вашей отъ меня и отъ всей команды в поклонѣ съ добутыхъ на той сторонѣ Дуная вещей: шаблю, подъ серебромъ ножи, передникъ конскій съ серебрянными жучками, пану писарю войсковому Ив. Я. Глобъ часы карманные, тоже тамо добыты, серебрянны, чрезъ атамана поповичева (курена) Петра Мовчана посылаю».

За службу козаковъ запорожскихъ въ компаніи 1771 года войско удостоилось слѣдующей монаршей грамоты, о которой упоминаетъ князь Долгоруковъ въ приведенномъ выше ордерѣ отъ 12 мая ¹⁾.

«Божіею милостію мы Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашего императорскаго величества подданному, низоваго войска запорожскаго Кошевому Атаману и всему войску запорожскому, наше императорскаго величества милостивое слово.

Предводительствующій второю нашею арміею генераль-аншефъ князь Долгоруковъ доношеніями своими засвидѣтельствовалъ намъ, что во всю прошедшую кампанію отъ поданнаго нашего низоваго войска запорожскаго по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ оное по распоряженіямъ его находилось и упражнено было, возложенная служба исправляема была стевностію и возможнымъ прилѣжаніемъ. Мы, будучи всегда полезнаго нѣвнія одолженнаго къ намъ и къ службѣ нашей усердія низоваго войска запорожскаго, стѣмъ болшимъ удовольствіемъ приемлемъ сіе подтвержденіе, чемъ сходственное тому наше было и собственное ожида-

¹⁾ Грамота списана съ копій и формально засвидѣтельствована слѣдующимъ образомъ: «съ оригинальнаго сводилъ войсковой канцеляристъ *Демко Ремаревъ*; перекопѣвана марта 25, 1772 г.».

нѣ, и поелику и случай получаеъмъ предявить сему мужественному и ревности къ вѣрѣ и отечеству преисполненному войску монаршее наше благоволеніе за подъятыя имъ подвиги, основанныя на сугубой должности вѣрнаго поддѣданства и благочестія, такимъ образомъ всеимлостивѣйше мы, похваляя сею нашею императорскою грамотою помянутое низовое войско запорожское, совершенно надѣеяся, кониъ образомъ оное продолжать службу свою будетъ къ намъ и къ нашей имперіи вѣрно, рачительно и мужественно и впередъ, какъ при настоящей противъ врага креста Господня войнѣ, пока в миръ твердой и полезной не преобразится, такъ и во всякое время, къ чему когда употреблено быть можетъ, и всегда сточностию по тѣмъ повелѣніямъ поступать имѣеть, кон даванны будуть отъ насъ и нашимъ высочайшимъ имянемъ отъ начальниковъ, довѣренности нашей удостоенныхъ. Между тѣмъ и монаршая наша милость и призрѣніе ксему нашему поддѣданному войску не только продолжаемы, но, по мѣрѣ оказываемыхъ отъ онаго услугъ, и усугубляемы будуть.

Прѣбываемъ мы нынѣ къ вамъ Кошевому Атаману и всему войску благонамѣренны и благосклонны. Дана въ Санктъ-Петербургѣ февраля 22 дня 1772 года.

Оригинальная собственною ея императорскаго величества рукою подписана тако:

Екатерина ¹⁾).

А вотъ нѣсколько отрывковъ похода Дунайцевъ въ 1772 году.

7-го мая командированный съ пѣшей командою полковникъ Ледо, для привода въ море лодочнаго отряда, доноситъ Кошу, что команда съ полковникомъ *Иваномъ Мандро*, замѣнившимъ больнаго, а вскорѣ и умершаго Сидловскаго, мая 5 благополучно отправилась внизъ по Днѣстровскому Лиману, «а мы леда и возаки по близу Кинбурна чрезъ всю ночь стояли и пальбы съ Очакова, съ города и судовъ не слышали».

23 іюня полковникъ Мандро доноситъ уже Кошевому:

«Исполняя я данное вашей вельможности, при выкомандированіи меня въ Черное море, даже до Дуная, повелѣніе, съ командою, съ 7 противъ 8 прошлаго маія, мимо крѣпости очаковской и кинбурнской

¹⁾ Копія почги въ клочкахъ, съ трудомъ мною переписана.—А. С.

прошелъ благополучно, а маршируючи онимъ моремъ, первую имѣли пристань при Аджибеѣ (нынѣ Одесса), гдѣ простоявши до полтора дня, приняли путь даже до Авермана, и отъ сихъ обоихъ мѣстъ мая 20 ч. съ Авермана даже до Дунайскаго гирла какъ послѣдовали, то несчастливою фортурою, отъ послѣдовавшаго морскаго не малаго вѣтру, 2 лотки куреней каневского и вышестеблевскаго, при косѣ противъ Татарь-Пунары ¹⁾ лежащей, въ мелкіе части побило и все въ ономъ козачье имѣніе потонуло, и съ тѣхъ лодокъ 3 козаки батуринскаго куреня втонуло. При которой косѣ мы простояли дней до 5, ожидаючи утишенія погоды. Но сколько не ожидали той тишины, токмо оной не дождавъ, въ Дунай даже до Исмаила прибыли. Откуда въ 28 день мая, по повелѣнію в. в., писарь нашъ Потапенко къ е. п. г. адмиралу Нольсу, кой находился въ Яссахъ, съ представленіемъ, какъ о прибытіи нашемъ, такъ и послѣдовавшей вышенисанной фортуны, былъ отправленъ. По которому представленію былъ полученъ мною отъ е. п. приказъ съ обнадеживаніемъ удовольствоваться высочайшею грамотою за проходъ мимо крѣпостей очаковской и кинбурнской, зъ платою и за по-топленные въ морѣ вещи награжденіе, что все нами и получено».

Въ это время начались было переговоры съ турецкими военными властями и даже были надежды на перемиріе; по этому случаю полковникъ Мандро 29 іюня доноситъ Кошевому, что «онъ состоитъ отъ города Смаилова (Измаила) верстъ за 8, при урочищѣ Ясенѣ, и не имѣлъ еще никакого извѣстія, каково будетъ предпріятіе, только часто требуется съ команды его лодокъ и козаковъ для посылки по разнымъ экспедиціямъ».

Видно служба козаковъ на водахъ была довольно тяжела, ибо изъ команды «Дунайцевъ» посланъ былъ списокъ для поминовенія въ сѣчевой церкви, въ которомъ показано, что изъ ихъ отряда 26 убитыхъ въ бою и 74 умершихъ отъ ранъ и болѣзней.

Вскорѣ полученъ былъ отъ главнокомандующаго ордеръ, чтобы козаки съ лодками оставались на мѣстѣ стоянки до дальнѣйшаго распоряженія.

¹⁾ С. Татарь-Пунарь, аверманскаго уѣзда, въ Бессарабіи, при впаденіи рѣчки Кагильникъ въ Дунай.

Замѣтимъ мимоходомъ, что вѣроятно и въ давно прошедшее время гг. генераль-интенданты были столь-же любезны къ солдату, какъ и въ минувшія компаніи 1850-хъ и 1870-хъ годовъ. Начальникъ лодочнаго отряда, дѣйствовавшаго столь усердно, по волѣ самой великой государыни, восхваляемый за усердіе гр. Румянцевымъ и княземъ Долгорукимъ¹⁾, попалъ на время отсутствія адмирала Нольса (въ іюнѣ 1772 г.) въ команду оберъ-интенданта Мих. Ил. *Рябинина*. На просьбу козаковъ помочь имъ въ поискѣ потерпѣвшихъ въ бурѣ лодокъ или приобрѣтеніи новыхъ, постоянно «проволучая», отвѣтилъ наконецъ: «что казаки пришли сюда уже не подъ военное время и врядъ въ нихъ надобность предлежать будетъ».

Не такъ думало настоящее военное начальство, ближайшій командиръ лодочнаго отряда, полковникъ Якубовичъ. Вотъ часть его письма къ кошевому, отъ 25 октября 1772 года изъ Измаила.

«Честь имѣя сверхъ регулярныхъ войскъ, запорожскими, прибывшими сюда на судахъ, козаками командовать, усматривая въ тѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ операціяхъ, въ экспедиціяхъ важныхъ прошлаго года за Дунаемъ: подъ Тульчею, Мачиномъ, Гирсовомъ, Силистрою и другими турецкими городами и мѣстечками, достохвальныя, храбрыя ихъ дѣла, довольно тогда же его сіятельству, высокоповелительному г. генераль-фельдмаршалу рекомендовалъ, почему каждый изъ нихъ, кромѣ другихъ награжденій и аванжа, и портреты ея императорскаго величества на медаляхъ получали».

Козаки съ лодками оставались все неотлучно при 1-й арміи, какъ видно изъ рапортовъ новаго ихъ командира, полковника Ивана Дуплича, отъ 14 октября и 8 ноября. «Нахожусь я, пишетъ онъ, съ командою противу города Силистріи при урочищѣ Шивпрешли, въ командѣ г. г.-маіора и кав. Григорія Александровича *Потемкина*, гдѣ и повелено приостановится всей арміи и не производить военнаго дѣйствія до предбудучаго 1773 года марта 9 числа перемирія, порядочно и благополучно».

Мы уже упоминали въ книгѣ нашей²⁾ о бывшей тогда модѣ или прихоти русской знати и даже простыхъ военныхъ людей

¹⁾ См. ниже ордеръ Румянцева отъ 3 октября 1773 года.

²⁾ *Исторія Новой Сѣчи*, ч. I, стр. 126—1828.

записываться въ козачество запорожское «товарищами» по избраннымъ куренямъ. Вотъ полковникъ Дупличъ въ письмѣ отъ 8 ноября 1771 года просить о зачисленіи въ козаки: черкесскаго князя *Канитанова*, «Кизлярскаго Терека войска: *Ивана и Петра Григорей*, поручика греческой націи *Маргарита Арнаутскаго* и донскаго полковника *Михаила Агеева*», такъ какъ они «очень честные люди», наивно свидѣтельствуешь нашъ полковникъ.

II.

Но вотъ перемиріе кончилось, война съ турками возобновлена, и «Дунайцы», участвуя въ ней, потеряли уже много своихъ братьевъ и въ томъ числѣ полковника Дуплича, умершаго отъ ранъ. На мѣсто его въ Кошѣ обществомъ избранъ атаманъ дядьковскаго куреня *Кондратъ Гукъ*. Здѣсь узнаемъ мы, какъ древнее «братство» куренное до самаго конца свято уважалось въ войскѣ. Полковникъ Мандро августѣ 1773 года просилъ, чтобы козаки вновь прибывшіе—вѣроятно на мѣсто 120 умершихъ и убитыхъ,—непремѣнно совокупились «куреньями», ибо таковое желаніе всей лодочной команды.

Первое и весьма тяжкое дѣло имѣли козаки въ іюнѣ 1773 г., какъ видно изъ донесенія Кошу начальника первой команды полковника *Герасима Коленка*.

«Черезъ сего нарочнаго посланнаго отъ насъ, атамана Филиппа Хорта объявляемъ в. в., что у насъ была съ неприятелемъ баталія, съ начала сего 1773 г. мѣсяца іюня 1 числа, выше Силистріи, за Дунаемъ, въ мѣстечку Вѣтровицы, вторая-же противъ Силистріи, въ островѣ, мая 26 числа баталія была, гдѣ и полковника Дуплича поранили, и отъ той раны и померъ. Въ третьи-жъ разъ какъ пошли подъ городъ Силистрію, гдѣ былъ самъ графъ Румянцовъ и генераль поручикъ Потемкинъ, и нашъ выигрышъ похвалилъ. За что мы, благодаря Бога, и всемилостивѣйшей нашей государинѣ, и вашу вельможность, что мы счастливо находились, и не отказываемся службѣ своей. Іюля 31, 1773 г.

Объ этихъ «баталіяхъ» писалъ еще Коленко 8 августа того года слѣдующее.

«Сего 1773 года, іюня первыхъ чиселъ, приносимъ мы вѣрно за вѣру и отечество Богу и всемилостивѣйшей нашей государинѣ службу, будучи

подъ городомъ Силистрією, нине смерть пострадали, а нине раны приняли. Прилагаемъ при семъ именной списокъ козаковъ убитыхъ и отъ ранъ умершихъ (какъ оказалось, 43 человекъ).

Списокъ этотъ посланъ въ Сѣчь для поминовенія во всѣхъ церквахъ запорожскихъ.

Вотъ еще донесеніе начальника второй лодочной команды, полковника Мандро, о томъ-же, но писанное вѣроятно какимъ нибудь писаремъ изъ духовнаго званія, изъ котораго молодежь, особенно школьники, частенько уходили козаковать на Запорожье. Это будетъ и образецъ козацкой литературы.

«Зчисляя мы продолженіе нашей къ всероссійскому е. и. в. престолу службы, которая какъ явила свое начало, то въ томъ мы свою храбрость и мужество первѣе всѣхъ войскъ, не единожды, на той сторонѣ р. Дуная оказать счастье имѣли. А съ тѣхъ поръ почти не всякій день въ сраженіи съ непріателемъ какъ на той-же сторонѣ Дуная, такъ особливо подъ часъ чинимихъ непріателемъ на сію сторону Дуная переправъ, къ воспрепятствованію его намѣренія, съ усердною ревностью, храбро, якъ долгъ есть воиновъ, поступали, не уступая непріателю (доколь приказъ не зайдетъ) ни на одинъ сажень мѣста. Въ тихъ-же сраженіихъ урону съ нашей стороны было козаковъ убитыхъ 5, а раненныхъ до 50.

Городъ Силистровъ (Силистрія) какъ былъ россійскими войсками атакованъ, то къ этому командировано было нѣкоторую часть изъ командъ запорожскихъ, — оставляя надлежащее число при судахъ, козаковъ, гдѣ будучи во время сраженія, не только не устрашились силъ въ шанцахъ и рвахъ бывшихъ непріательскихъ, такожъ многого числа пушекъ, но еще съ помощью Бога, счастиемъ-же е. и. в. и вашей вельможности, съ усердіемъ и ревностью бросившись на нихъ съ мѣлкимъ оружіемъ, выбли съ тѣхъ шанцевъ и рововъ, такожъ и отъ ихъ пушекъ отогнавъ, гнали и убивали многихъ въ самомъ форштатѣ. Урону подъ городомъ въ козакахъ, по волѣ Божіей, явилось убитыхъ 7 человекъ, а раненныхъ 22.

Нынѣ стоимъ мы при Гирсову и дѣлаемъ поискъ надъ непріателемъ во верху Дуная лотками, повелителя-же имѣемъ «арміи дежурства г. м. *Малорадовича*» (Августа 9, 1773 г.).

За симъ слѣдуютъ и военные комплименты запорожцамъ отъ «высокаго» начальства. Начнемъ съ весьма любопытнаго письма Потемкина, и не въ Кошъ, а прямо къ подчиненнымъ лодочнымъ козакамъ¹⁾:

«Войска запорожскаго обоихъ командъ полковникамъ, старшинамъ и товариству!

«Бывъ свидѣтель ревностной вашей службы, мужественнымъ поступкомъ и воинскаго одолѣнія христо-ненавистныхъ враговъ, и потребляемаго вами искусства, пользуясь искреннею благосклонностію съ дружбы вашей, по прїѣздѣ моемъ въ Петербургъ, имѣвъ счастье получить отличный знакъ монаршихъ милостей жалованьемъ меня: генераль-адъютантомъ, лейбъ-гвардіи преображенскаго полка подполковникомъ, воинскаго совѣта членомъ и орденовъ: св. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла и св. Станислава кавалеромъ,—за первый довлѣющій меня долгъ почелъ вновь справедливостію донести о томъ е. и. в., всемилостивѣйшей государинѣ и матери нашей, которая, уважая достойные ваши подвиги, для защищенія отечества предприемлемыя, въ залогъ высочайшаго къ вамъ своего благоволенія, всемилостивѣйше повелѣла изъ императорской своей казны учинить вамъ награжденія, для полученія коихъ, по дошествіи къ вамъ сего листа, пришлите кого либо изъ своихъ письменныхъ людей, и если живъ *Герасимъ (Черный)* писарь, то и его затѣмъ сюда поведите отправить. А съ нимъ-же, въ знакъ моей къ вамъ любви, одолжаю на всѣ курени прислать кашеварныхъ котловъ самой лучшей здѣшной работы. Я надѣюсь, что подарокъ сей приобращаетъ ваше удовольствіе и будетъ служить напоминаніемъ вамъ моей дружбы, которая навсегда пребудетъ съ моей стороны ненарушимо сохраняема во всякое время, съ желаніемъ разширенія вашей славы, неустрашимость вашу велегласно проповѣдущей и повсемѣстно стягающей вамъ похвалы. Будьте увѣрены, что всѣ случаи въ исходатайствованіи вамъ полезнаго открывающагося не пропустятся мною,—дабы доказать вамъ, что я былъ, и есмь, и на всегда буду. Вашъ всеохотнѣйшій слуга

Село Царское

Григорій Потемкинъ.

1774 года, 22 мая.

¹⁾ Къ сожалѣнію списано съ копія; другія письма Потемкина имѣемъ въ подлинникѣхъ. Хотя писано и «высокимъ» вельможею, но по слогу мало отличается отъ донесеній запорожской старшины, писанныхъ бѣдными писарями войска.

За этими деньгами и котлами козаки изъ подъ Силистріи послали въ Петербургъ упомянутого писаря своего Герасима *Чернаго* и козака Демида *Чернаго*.

Но и герой Румянцевъ Задунайскій не отказывалъ «Дунайцамъ» въ своемъ покровительствѣ, какъ видно изъ его ордера отъ 20 октября 1773 года, изъ Фокшанъ, къ Кошевому:

Государь мой Петръ Ивановичь!

Получа письмо ваше, которымъ вы просите, чтобы я учинилъ предстательство о награжденіи старшинъ и козаковъ войска запорожскаго, пришедшихъ (къ Дунаю) 772 года, медалями, по прияѣру ихъ товариства, что оніе получили здѣсь за свою службу, не хотѣлъ я упустить, чтобы не обладежить васъ, что сіи усердные службѣ воины, въ многихъ уже дѣйствіяхъ мужествомъ отличившіеся, обязали меня по должности также ходатайствовать о справедливомъ воздаяніи, чего и не оставляю я учинить, пребывая между тѣмъ съ моимъ почтеніемъ Вашимъ, государя моего, доброжелательнымъ слугою.

Графъ *Румянцевъ*.

А вотъ и финаль «Дунайской» экспедиціи храбрыхъ запорожскихъ аргонатовъ, и финаль, увы, довольно злополучный. Разсказомъ этого финала мы закончимъ нашу правдивую лѣтопись.

Благодаря побѣдамъ Румянцева, война кончилась. Миръ съ турками заключенъ 10 іюля 1774 года, и войску запорожскому повелѣно возвратиться домой. На этомъ основаніи 15 сентября 1774 года, по распоряженію главнокомандующаго, генераль-поручикъ *М. Каменскій*¹⁾ уже не ласковымъ топомъ, какъ бывало прежде, а грубымъ казарменнымъ слогомъ предписываетъ полковнику Гуку:

«По полученіи сего слѣдуй со всей запорожской командой къ Сѣчи. А будучи въ пути, встрѣчающимся турецкимъ военнымъ или купеческимъ судамъ и на берегахъ обитающимъ жителямъ обидъ и разореній не чинить; а когда оказаны будутъ отъ васъ обиды и дойдуть о томъ жалобы, то винные смертию наказаны будутъ; о чемъ во

¹⁾ Бывшій въ царствованіе императора Павла новороссійскимъ военнымъ губернаторомъ.

всѣ лодки объявите. По прибытія-же въ Сѣчь, явитесь къ вашей командѣ».

Таково было послѣднее, любезное сношеніе «Дунайцевъ» съ меньшимъ начальствомъ арміи. 17 сентября злополучные молодцы пустились къ морю и, счастливые до сихъ поръ въ борьбѣ съ врагами, на пути къ родинѣ подверглись враждебнымъ природнымъ стихіямъ. Вотъ подлинныя донесенія Кошу отъ начальниковъ обѣихъ лодочныхъ командъ:

«Достигши мира въ войнѣ, продолжавшейся съ турками, а потому получа отъ командуемаго позволеніе къ движенію въ обратный путь, за такое емишия сентября съ 17-го, путешествовали Дунаемъ и Чернымъ моремъ благополучно только до 21 числа. А противъ оногo въ ночи, вѣющимъ не обычно вѣтромъ, колебаніе моря продолжавшееся на многіе часы постигло тамъ, гдѣ былъ трудной и почти совсѣмъ не возможный способъ къ избавленію судовъ отъ разбитія. Потому и неожиданной гибели предало 37 лотокъ съ девяти пушекъ и при оныхъ во множествѣ бывшій экипажъ, простирающійся съ готовымиденьгами на 20,000 рублей. Едва мы спаслись наго почти, что артиллерию спасая, къ сему единому попеченію обратились. И такъ съ разбитыхъ лотокъ 2 только, казавшіеся лучшими и удобнѣйшими къ поправкѣ: кушовскую и незамайскую исправивъ, а къ тѣмъ нанявъ въ Аккерманѣ у очаковскихъ турковъ за 107 рублей томбазъ, оной и тѣ 2 лотки подъ оставшуюся артиллерию употребили до *Кизьяго* ¹⁾. А тамъ выгрузя въ суда запорожскіе, на сихъ оттоль въ надлежаще мѣсто поставили при мнѣ полковника Мандро съ козаками, продолжавшими водою и руможъ (берегомъ) путь. А что былъ оной многотруденъ и бѣдственъ, такъ что могли въ велику силу достигти Сѣчи ноября 14.

Я-же полковникъ Гукъ 30 пароволовыхъ возовъ получивъ отъ аккерманскаго коменданта и склавъ на оныя харчи и послѣдню одѣжъ, при томъ-же и не могущихъ по болѣзнямъ идти, двинувшись, слѣдовалъ степью на Бендеры, по надъ Яриликомъ (р. Ягорлигъ) и Польщю, гдѣ у обывателей перестоятъ порядочно, по отводу, нашелся

¹⁾ *Кизье. Кизій-мысь* или Кизыляръ, урочище, гдѣ оканчивается кизельницкое гирло Днѣпра, въ херсонской губерніи и уѣздѣ.

принужденный отъ службы до времени возможнаго къ ходу. И такъ повольно вступили въ границу нашу, коею слѣдуя, прибыли къ Сѣчи января 27, въ велику зиму, отъ которой, что сильно увеличилась предъ временемъ прибытія, претерпѣли великій холодъ и лишившись здоровья, многіе ощутили калецтво».

Полковникъ *Кондратъ Гукъ. Иванъ Мандро.*

Такъ описывали храбрые и честные «Дунайцы» свое возвращеніе съ послѣдняго, славнаго, какъ и вся ихъ исторія, похода. Иначе объясняли это возвращеніе въ Петербургъ, гдѣ въ то время рѣшалась участь Запорожья, какъ уже не нужнаго. Вотъ что писалъ оттуда въ Кошъ послѣдній депутатъ войска Антонъ Головатый¹⁾:

«Мы зъ Велигурою (полковникомъ калміусской поланки) пили у Потемкина крѣпкій пуншъ; нашихъ дунайцевъ оболгалъ какой-то генералъ (Рябининъ): что они отдавали ему свои лодки въ соблюденіе, а самимъ-бы идти пѣшкомъ чрезъ Польшу для грабительства. А когда ему мы сказали, что у нихъ всѣ лодки погода побила, то онъ Потемкинъ не вѣрить, такъ я ему въ отвѣтъ сказалъ: «какая въ свѣтъ есть ложь! Они остались бѣдны по причинѣ судьбы своихъ лодокъ, да хотя-бы и пошли пѣшкомъ на грабительство, то что они пѣшіе занесутъ?» А Потемкинъ выговорилъ: «будто я не знаю вашихъ ухватовъ? Пѣшкомъ пойдетъ, а узду за поясомъ одну, либо въ саквахъ двѣ, то на нихъ и коней весьма скоро добыть могутъ, чтобы не пѣшому быть каждому, а навьючить добычь, для облегченія себя».

Это было сказано Потемкинымъ въ началѣ февраля 1775 г., т. е. 8 мѣсяцевъ едва спустя послѣ приведеннаго выше любезнѣйшаго письма тогожь «Нечосы»²⁾ и подарка котловъ кашеварныхъ на всѣ курени.

Вотъ чѣмъ кончились подвиги «Дунайцевъ» въ войну 1770—1773 гг. Потерявъ убитыми и ранеными до 200 челов., потерявъ лодки и все добытое имущество, они увидѣли дорогую Сѣчь на канунѣ ея гибели и, что было не менѣе тяжело для казака, слышали упреки и ругательства отъ коварнаго царедворца, хотя и военнаго чловѣка.

А. Снальниковскій.

¹⁾ Истерія Новой Сѣчи, ч. III, стр. 171—172.

²⁾ «Нечосою» прозвали казаки Потемкина при приѣзѣ въ кущовскій курень отварищемъ. Вѣроятно—за его кудрявую прическу или даже парикъ.

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ)¹⁾.

Чѣмъ долѣе жилъ въ своемъ приходѣ о. Харитонъ, тѣмъ болѣе привязывались къ нему его прихожане: его любили, какъ и прежде, за его тихій нравъ, кроткую и добрую душу, привѣтливое обращеніе, благоговѣйное служеніе, и старались помогать ему во всемъ, предъугадывая его нужды, предупреждая его просьбы. Опорядивъ его дворъ еще великимъ постомъ, руками говѣльщиковъ, громада ждала только времени, чтобы вспахать поле своего батюшки, а потомъ сжать, свезти и перемолотить хлѣбъ.

Настала поздняя, теплая весна. Пришелъ свѣтлый праздникъ— Воскресенье Христово. Въ первый день, разговѣвшись «свяченнымъ» и отдохнувъ послѣ ранней и долгой службы, чуть-ли не вся ольшаницкая громада собралась на погостъ провести время вблизи церкви, какъ заведено съ-поконъ вѣку. Староста и братчики, по старому обычаю, наварили къ празднику меду. Медъ продавался въ хаткѣ, которая стояла въ концѣ обширнаго погоста и называлась школой. Въ этой хаткѣ и въ самомъ дѣлѣ была когда-то школа; но это было давно, а теперь никто въ ней не учился, и звалась она школой лишь по преданію. Мушны и женщины разсѣлись кружками по всему погосту. Вездѣ видны были разостланныя въ срединѣ кружковъ на зеленой травѣ чистыя скатерти и полотенца. На нихъ

¹⁾ См. «Кіевская Старина» 1884 г., декабрск. кв., стр. 586—620.

лежали крапанки, писанки, пироги и буски «паски» для закуски. Къ этому приставляли кружки, фляжки и просто горшечки съ медомъ, кое-гдѣ видѣлись и бутылки съ водкой. На погостѣ стоялъ говоръ, шумъ, веселье, но не громкое, а сдержанное, какъ подобало святому мѣсту. Мужчины и женщины христосовались, обнимались и цѣловались. Одинъ кружокъ запрашивалъ къ себѣ близкихъ сосѣдей и пріятелей изъ другихъ кружковъ. Одни другихъ угощали медомъ или водкой, обмѣнивались крапанками и писанками. Подходившія вновь молодѣицы развязывали платки со «свяченнымъ». А за погостомъ, на выгонѣ, дѣвчата и хлопцы впервые выпили пѣть веснянки и играть въ весеннія игры. Дѣвчата впервые, послѣ продолжительнаго поста, нарядились во всѣ цвѣты и ленты, сколько ихъ лежало въ сундукахъ; одѣлись въ свѣтлыя юбки и сподницы, въ сафьянныя красныя сапоги. Зеленый выгонъ будто зацвѣлъ роскошными цвѣтами маку и мальвы. Въ одномъ мѣстѣ дѣвчата, побравшись за руки въ кружокъ, выводили танецъ, распѣвая *перепелки*; въ другомъ бѣгали въ *хрещика*, а тамъ далѣе сидѣли длинными рядами и играли въ *женытана*. Дѣти сновали по погосту и по выгону, катали крапанки по травѣ, играли на *вбитки* крапанками. А на выгонѣ, на зеленой травѣ паслись гуси съ желтыми гусятами, паслись и весело подпрыгивали ягнята, а крохотные ребятишки изъ всѣхъ силъ гонялись за ягнятами. Молодые парни стояли группами вокругъ дѣвчатъ въ новыхъ барашковыхъ шапкахъ, въ черныхъ и бѣлыхъ свиткахъ, подпоясанные красными или зелеными поясами, любовно поглядывая на ихъ разцвѣтшія лица, постукивая каблуками въ тактъ игръ и пѣсень, подмигивая бровями, заигрывая словами. Вездѣ раздавалась пѣсня. Хлопцы звонили такъ, что тряслась колокольня. На всѣхъ лицахъ сіяла радость, счастье весны и любви. А солнце съ высокаго синяго неба яснымъ, теплымъ свѣтомъ обливало зеленый выгонъ, цвѣтистыя группы дѣвчатъ и парубковъ. Даже старики принарядились, помолодѣли и похорошѣли. И праздникъ, и весна, и зелень, и золотистое солнце всѣхъ развеселили, всѣхъ наполнили радостью и покоемъ.

— А що, панове громадо,—началъ одинъ старикъ на погостѣ, держа въ рукахъ чарку меду: нашъ молодой батюшка не Богъ-зна съ якими достатками. Въ молодого господаря порожня и кишени

и комора. Коли мы выбрали ёго соби на парахвию, то треба ёму и помогти.

— А вже-жъ треба,—отозвался староста, сидя на травѣ: давъ Богъ весну, часъ выражати въ поле плуги. Батюшка самъ не спроможеться выорати поле. Треба выслати въ поле громадськи плуги, та выорати ёму поле пидъ ярину.

— А вже-жъ треба, поки самъ не стане добре на ноги,—отозвались старики: а якъ не мае насиння на посивъ, то треба бъ и засіяти.

— Отъ прийде правити вечерню, то и спитаемо,—сказаль староста.

Спустя немного вышелъ на погость Моссаковскій съ женою. Ихъ окружили люди и стали христосоваться съ ними: и мужчины и женщины христосовались и съ батюшкою и съ матушкою, обмѣниваясь крашанками. Молодицы усадили матушку въ одномъ изъ своихъ кружковъ на камнѣ, батюшка присѣлъ у колокольни на ступенькахъ, окруженный стариками.

Послѣ нѣсколькихъ словъ по поводу праздника и погоды, одинъ изъ почетнѣйшихъ стариковъ заговориль къ батюшкѣ отъ лица всѣхъ:

— А що, батюшко, часъ може оце по святахъ и въ поле съ плугами виходити? За теею панциною та за холодами мы ще не орали, але здаеця и ваше поле не почате лежить;—то може благословитимите по святахъ до ёго попереду зъ плугами зайти.

— Спасиби вамъ, люди добри. Якъ ваша ласка, во й поможить,—ласково благодариль Моссаковскій, кланяясь народу.

— Допоможемо, батюшко, отозвался староста. Коли мы вже выбрали васъ, то повинни и въ хазайстви вамъ допомогти.—Выоремо, батюшечко, приговаривался другой старикъ, а якъ Богъ ма чимъ засіяти, то й насиння дамо.

— Ни, спасиби вамъ, сказаль Моссаковскій: насиння въ мене е, тесь давъ, а коли ваша ласка, то выорить, бо я не спроможусь своими наймитами та волами.

— Выоремо! Чому не выорать?—отозвалось вдругъ нѣсколько голосовъ. Громада сильный чоловикъ: одви пидуть по дню зъ плугами, други зъ ралами, а трети зъ боронами, та и буде кинець. Абы вы до насъ добри були, а мы вамъ поможемо.

Моссаковскій вновь кланялся и благодарилъ. Между тѣмъ староста поставилъ столъ. Принесли меду и «свяченого». Чарка пошла кругомъ стола. Между батюшкой и прихожанами пла искренняя, сердечная бесѣда, какой теперь уже не услышать. Вокругъ церкви, на погостѣ и за погостомъ веселилась, какъ одна душа, убогая паства съ своимъ пастыремъ тихою праздничною радостью.

Зазвонили къ вечернѣ. Говоръ и пѣсни смолкли. Все, что было на погостѣ и выгонѣ, стало на ноги, все двинулось къ церкви. Выгонъ и погостъ опустѣли. Только малые хлопята выглядывали группами изъ оконъ колокольни, выжидая время, когда еще разъ можно будетъ поиграть на колоколахъ.

Прошла Свѣтлая недѣля, минули и проводы. Послѣ проводъ громада выслала плуги на поле Моссаковского. Моссаковскій собрался въ поле съ водкой и закуской угощать и подкрѣплять оравшихъ. Онися навязалась ѣхать съ нимъ.

— Одже, Онисіе Степановно, безъ васъ мабутъ и вода не освятится,—говорилъ Моссаковскій, ѣдучи въ поле.

— Я, бачъ, и до хаты, и до плуга, и до рала. Куди хочъ поверни, скрызъ найду ладъ. Не дурножь я въ батьба часомъ и кони поганяла,—отвѣчала Онися.

Громадскіе плуги покрыли поле. Вспаханная свѣжая земля чернѣла и лоснилась на солнцѣ. Жаворонки весело распѣвали надъ нивой, высоко подымаясь вверхъ. Плугатарі и погоничи выкрикивали на разные лады, погоняя воловъ. Моссаковскіе, подѣхавъ къ полю, остановились на межѣ и поздоровались съ людьми. Онися соскочила съ воза и побѣжала по межѣ оглядывать поле. Староста и батюшка едва успѣвали за нею. Моссаковскій совѣтовался со старостой, гдѣ сѣять гречку, гдѣ просо и овесъ, гдѣ коноплю и ленъ. Онися вмѣшивалась въ разговоръ, сама распоряжалась, будто она была хозяйномъ; показывала, гдѣ и что сѣять, и доказала, что она и въ самомъ дѣлѣ многое понимаетъ въ мужскомъ хозяйствѣ. Староста съ батюшкой, глядя на нее, только пожимали плечами.

На межѣ развели огонь, поставили треножникъ, повѣсили чугунный котелокъ. Онися засучила рукава, закуталась платкомъ, чтобы не загорѣло лицо, и принялась готовить для рабочихъ полдникъ.

— Що це наши хлопци не выизджають съ плугомъ? говорилъ Моссаковскій, посматривая на дорогу: яжъ имъ звеливъ заразъ за нами рушати съ двору.

— И не жди, бо не выидуть,—сказала Онися, кроша лукъ и отирая рукавомъ слезы, которыя текли отъ остраго запаху лука.

— А чомъ вони не выидуть? спросилъ удивленный батюшка.

— А тимъ, що я звелила имъ копати зъ дивчатами городъ.

— Алежъ вы, Онисіе Степановно, колись казали, що мы подилимось слугами: щобъ наймички були ваши, а наймиты мои,—припомнилъ насмѣшливо Моссаковскій прежній уговоръ, который онъ исполнялъ свято.

— Атъ, згадавъ торишне свято, отвѣтила Онися: хйба нема кому поле выорати? Дивись, онъ скільки плугивъ!

— Алежъ, Онисіе Степановно, подумайте, що скаже громада. Скажуть, що я скидаю на неи всю роботу, а своихъ наймитивъ жалую.

— Этъ, говори! Вже ты наговоришь «три мишки гречанои вовны, та ще и уси не повни». Ты лучше не думай. «Индыкъ думавъ та и здохъ», кажутъ у приказци,—говорила съ неудовольствіемъ Онися, бросая лукъ въ котель.

Батюшка замолчалъ; онъ самъ уже видѣлъ, что жена его забираетъ верхъ въ хозяйствѣ и лишь для формы спрашиваетъ иногда у него позволенія взять къ своей работѣ мужскую прислугу, на самомъ-же дѣлѣ давно сама всѣмъ распоряжается.

Каша закипѣла. Онися вытянула изъ воза мѣшокъ съ сухарями и хлѣбомъ, разостлала по травѣ полотенца, положила ложки, поставила миски и позвала «орачей» на полдникъ. Староста снялъ котелокъ и налилъ каши въ миски. Въ чистомъ воздухѣ расходился запахъ горячей пищи и смѣшался съ тяжелымъ запахомъ дыма и помятой молодой травы. Ароматы луку и сала дразнили нервы и аппетитъ. Отецъ Харитонъ досталъ съ воза боченокъ съ водкой и налилъ въ фляшки. Загорѣлые плугатары и погоничи въ бѣлыхъ рубахахъ и безъ шапокъ подошли къ возу. Моссаковскій выпилъ самъ, попотчивалъ всѣхъ и сѣлъ за полдникъ рядомъ съ «орачами». Онися брала опорожненныя миски, наливала кашу изъ котла, быстро рѣзала и раскладывала предъ рабочими хлѣбъ, чтобы они не тратили много времени за ѣдой и скорѣе вновь прини-

мались за работу. Окончивши полдникъ, орачи выпили еще по чаркѣ водки, перекрестились на востокъ, поблагодарили панотца и матушку и пошли къ плугамъ. Онися мигомъ убрала все, сложила на возъ, еще разъ пробѣжала по полю, указала старостѣ, гдѣ посяять коноплю и ленъ, наиболѣе необходимыя для ея женскаго хозяйства, и торопила мужа ѣхать домой.

— Поганяй, паноче, швидче, бо я знаю, що мои наймички не копають, а граються зъ наймитами, говорила Онися мужу.

-- Та нехай трохи пограються! Не велика беда.

— Отъ тоби и невелика беда. Швидче скопають городъ,—будуть иншу роботу робити.

Только что они вѣхали во дворъ, Онися соскочила съ воза и побѣжала на огородъ. Наймички дѣйствительно загрывали съ наймитами, видали въ нихъ корнями бурьяна, комьями земли; наймиты гонялись за дѣвчатами по вскопаннымъ грядамъ, а заступа торчали въ землѣ, какъ сироты. Онися крикнула на слугъ, выбранилась на весь огородъ и побѣжала съ жалобой къ Харитону, которому было однакожъ мало нужды и до слугъ и до огорода. Онися взяла заступъ и пошла сама въ палисадникъ копать грядки на цвѣты.

— А ну, паноче, ходи лишень сюди та скородь мени градеи,—крикнула она мужу, который собирался уже залечь на канапкѣ и почитать «житіе».

Съ этими словами Онися ткнула мужу въ руки грабли, и онъ молча сталъ загребать и выравнивать землю на грядкахъ. Потомъ она заставила мужа чистить дорожки, а сама, продолжая копать грядки, все выглядывала изъ-за угла на огородъ и покрикивала на слугъ.

— Та й забисована оце попада, говориль одинъ изъ наймитовъ. Не дасть и въ голову почухаться; стоить якъ те опудало на конопляхъ, та лякае насъ, якъ горобцивъ.

Онися скопала весь палисадникъ и засѣяла его цвѣтами. Надъ самымъ прудомъ былъ крутой, но не высокій зеленый берегъ. Онъ напоминалъ ей возвышенное мѣсто надъ Росью въ отцевскомъ саду; край котораго былъ засѣянъ цвѣтами. Онися скопала цѣлину длиною полоскою, засѣяла цвѣтами и велѣла мужу проложить туда дорожку.

— А лежъ выгадуете вы все що инше; въ мене вже ажъ спина трищить,—замѣтилъ «панотець» и, вздохнувъ, принялся провладывать дорожку.

Между тѣмъ, Онися влигнула наймичку и полетѣла въ кухню готовить «вечерю», въ ожиданіи съ поля рабочихъ. Моссаковскій пошелъ за нею, пользуясь случаемъ хоть немного отъ работы отдохнуть.

Видя, какъ она суетится, перебѣгая изъ кухни въ кладовую и назадъ, Моссаковскій говорилъ:

— Та сядьте, Онисіе Степановно, та спочиньте хочъ трохи.

Сядь уже ты, коли тобі такъ хочеться, тай дивись на мене, а я буду робити, говорила Онися.

— Колижъ-бо вы такъ бигасте, що на васъ и дивитись трудно,—говорилъ о. Харитонъ.

— То бигай и ты за мною, якъ курча за ввочкою, а вже я не сяду, бо мени николи.

— Ей Богу, я васъ колысь привяжу до стильця, щобъ вы одпочили хочъ на годину.

— Ябъ тобі и мотузки порвала, а такибъ утикла.

И Онися опять суетилась и бѣгала то въ комору, то на дворъ, то въ покои, то въ погребъ. Въ ея худоцавомъ тѣлѣ, въ ея тонкихъ жилахъ было столько жизни и движенія; ея сухія руки, длинные пальцы постоянно вертѣлись, что-то перебирали, перетряхивали, складывали или раскладывали...

Когда настало лѣто и созрѣли посѣвы, громада толокою сжала своему батюшѣ весь озимый и яровый хлѣбъ и свезла въ гумно, не смотря на то, что была своя работа и заѣдала тяжелая панщина. О. Харитону чувствовалось легко; лучшихъ отношеній къ прихожанамъ желать было нельзя.

Минулъ годъ, Онися родила дочь; дитя прожило только до вечера: отецъ Харитонъ едва успѣлъ окрестить его. Изъ Чаекъ приѣхалъ отецъ съ матерью; поплакали и похоронили дитя возлѣ церкви. Онися такъ плакала и горевала, что едва и сама не умерла. Прошелъ другой годъ, Онися родила сына; но и это дитя умерло чрезъ день. Онися съ отчаянія едва разсудка не лишилась. Насталъ третій годъ,—Онися ходила беременною.

— А що, матушко, борони Боже, якъ и се дитя помре? заговорилъ какъ-то Моссаковскій къ женѣ.

— Нехай Богъ милуе, отвѣчала Онися; кажутъ люде, якъ не родитъ діти, треба покликати за кума або старця, або першого, хтѣ на улици стринеться.

— Треба справди покликати за кума старця Олексу Шмида, за куму абы-яку старчиху, або першу молодицю, яку стрину на улици,—сказаль отецъ Харитонъ.

Послѣ рождественскихъ праздниковъ Онися разрѣшилась дочерью. Моссаковскій самъ ходилъ къ нищему Шмиду и пригласилъ его въ кумовья, а возвращаясь домой, встрѣтилъ одну бѣдную женщину-сосѣдку и ее просилъ быть кумою. Дитя было здоровое и Онися рѣшила устроить крестины немного спустя. Между тѣмъ прихожанки, слышавъ о благополучномъ рожденіи, спѣшили повѣдать свою матушку. Привалъ начался съ утра слѣдующаго дня: чуть-ли не со всего села шли старья и молодья, богатя и совѣмъ убогія хозяйки «пить родины» матушки, и шли не съ пустыми руками, но каждая съ какимъ-либо подаркомъ изъ своего хозяйства. Предвидя это, Онися еще съ вечера пригласила жену старосты и поручила ей приготовить на утро обѣдъ и варенуху. Подходившія одна за другой прихожанки скоро наполнили всѣ углы просторнаго дома; нѣкоторыя изъ нихъ пришли съ маленькими дѣтьми на рукахъ. Во всемъ домѣ съ каждымъ часомъ усиливался говоръ и шумъ, происходила небывалая суета. Гости помоложе готовили «купиль» для матушки: однѣ носили воду, другія грѣли ее въ горшкахъ, носили въ комнату, гдѣ лежала Онися, и выливали въ большой ушатъ, поставленный у самой постели родильницы. Всѣ суетились, бѣгали, перегораживали дорогу одна другой, спорили... Простая сельская повитуха, въ чистой сорочкѣ, въ бѣлой чистенькой «намитѣ», озабоченно переходила изъ свѣтлицы въ комнату и обратно подъ часъ что-то шепча то и дѣло вбѣгавшимъ молодикамъ.

Уставивъ наконецъ ванну и выкупавъ съ разными причитаньями свою матушку, у которой едва хватило силъ стать на ноги, гости-прихожанки усѣлись рядами въ свѣтлицѣ за столы. Старостиха распоряджалась угощеньемъ и сама сѣла за столъ только за послѣднимъ кушаньемъ. Шумъ и говоръ усиливался съ каждой выпитой чаркой: воздухъ сгущался по мѣрѣ потребленія разныхъ горячихъ яствъ

Старостиха внесла варенуху. Запахъ меду, калины, перцу, гвоздики и водки смѣшался съ запахомъ кушаньевъ, съ дыханьемъ людскимъ,—создавалась атмосфера, невозможная для здороваго человѣка, тѣмъ болѣе для родильницы. Старостиха наливала варенуху въ миски, молодичи черпали изъ мисокъ ложками и пили. Десятки языковъ совсѣмъ развязались, въ свѣтлицѣ кипѣло, какъ въ котлѣ. День кончился уже къ вечеру, когда гости встали изъ-за столовъ и длиннымъ рядомъ потянулись въ комнату, гдѣ лежала Онися, чтобы поблагодарить за хлѣбъ за соль. Молодичи цѣловали Онисю и на радостяхъ обѣщали напрясть матушкѣ каждая по *пивомитку*, а тещиха и сама не оглядѣлась, какъ съ языка ея слетѣло обѣщаніе выткать матушкѣ даромъ полотно.

Черезъ недѣлю, въ воскресенье, Моссаковскіе справляли крестины. О. Харитонъ ѣздилъ лично приглашать Балабуху, упросилъ даже и «благочинну». Съѣхались сосѣди священники съ женами, пріѣхали родители Ониси, явились отецъ Мелхиседекъ съ Мартою, пріѣхало вѣскольکو семинаристовъ съ своими родителями. «Старець» Шмидъ и его простая, убогая кума пріодѣлись въ чистую одежду. Шмидъ не принадлежалъ къ числу заурядныхъ нищихъ; это былъ сильный плечистый дѣдъ, лѣтъ за 70, подслѣповатый на одинъ глазъ, безъ бороды, съ длинными сѣдыми усами, орлинымъ носомъ, сильнымъ и рѣзкимъ голосомъ, и ходилъ на костылѣ. Родился онъ гдѣ-то юдъ Уманью, въ молодые годы попалъ въ Запорожье, былъ свидѣтелемъ его разрушенія, бѣжалъ оттуда за Дунай, тамъ затосковалъ по родинѣ, но когда навѣдался домой, былъ заарестованъ, какъ бѣглый крестьянинъ пана Конычинскаго, взятъ въ надворную его «корогву», ходилъ съ ней юдъ Тарговицу, воевалъ, какъ говорилъ онъ, «за дурну Польшу», въ стычкѣ съ русскими войсками лишился правой ноги, попалъ въ плѣнъ и при движеніи Суворова къ Бѣлой Церкви брошенъ гдѣ-то на дорогѣ, какъ ненужный хламъ, но какимъ-то чудомъ выздоровѣлъ и поселился въ окрестностяхъ Богуслава, посвятивъ себя профессіи бандуриста, съ которою ознакомился еще въ дѣтствѣ. Онъ звалъ множество псалмъ, думъ и пѣсень, высоко цѣнилъ свое званіе народнаго рапсода,, на «латану свиту» свою смотрѣлъ, какъ на священную ризу, а въ кобзѣ своей видѣлъ гусли царя Давида и самого себя считалъ призваннымъ возвѣщать людямъ по дорогамъ и на ярмаркахъ слово правды. То былъ гордый,

важный дѣдъ, его знала и чтала не одна Богуславщина, но едва не вся Украина.

Гости собрались въ свѣтлицѣ, Шмидъ съ кумою ожидали въ кухнѣ. Дьячекъ принесъ кадило и свѣчи, о. Харитонъ досталъ съ угла мирницу, принесли новую съ поливой миску и въ ней ставанъ «иорданской» воды для обливанія при крещеніи. Когда все было приготовлено, пригласили кума и куму. Шмидъ гордо вступилъ въ свѣтлицу, какъ-бы древній пророкъ, за нимъ несмѣло вошла и кума. Въ свѣтлицѣ всѣ встали. Повитуха позвала куму въ комнату и подала ей на руки дитя. Ставши рядомъ съ кумою, Шмидъ началъ креститься къ образамъ и тихо шептать молитвы. Благочинный надѣлъ ризы и началъ совершать крещеніе. Свѣтлица сдѣлалась будто церковью. Всѣ стояли чинно, въ молитвенномъ настроеніи. Только Олеся косо поглядывала на Шмида и надула губы. Ей очень не нравился этотъ «старецъ» на костылѣхъ и простая кума. Этотъ простой обычай казался для нея комедіей, очень компрометирующею даже ее—гостью, не только хозяйна.

Крещеніе, за обычнымъ пропускомъ водоосвященія, прошло скоро. Въ свѣтлицѣ накрыли столы; отецъ Харитонъ попросилъ гостей садиться. Шмида съ кумою посадили прямо противъ Балабухи и его жены. Олеся не могла смотрѣть на Шмида, на его кривой глазъ, и даже брезгала ѣсть. Шмидъ держалъ себя съ достоинствомъ, въ духовныя рѣчи «батюшекъ» вставлялъ свое слово изъ набожныхъ пѣсень и козацкихъ думъ, а когда подвыпилъ, пустился въ воспоминанія и доставилъ немалое удовольствіе многимъ изъ гостей своими разсказами про Сѣчь, про житье за Дунаемъ и то, какъ онъ воевалъ «за дурну Польшу».

По окончаніи обѣда, бабка-повитуха вынесла большой подносъ, весь заставленный рюмками съ «варенухой». На подносѣ вокругъ рюмокъ были букеты зеленаго *барвинку* съ вагиной. Бабка обнесла всѣхъ гостей и дарила всѣмъ букеты. Гости бросали бабкѣ на тарелку деньги.

Вмѣстѣ съ варенухой поданы были на столъ яблоки, груши, орѣхи, пряники и маковники. Варенуха развеселила гостей; матушки шумно заговорили; чувствовалась потребность общаго развлеченія. Отецъ Мелхиседекъ взялъ гитару и, слегка подыгрывая, чуть слышно загудѣлъ своимъ густымъ басомъ:

Тече ричка невеличка, пиду перескочу
Отдай мене, моя мати, за кого я схочу...

При звукахъ гитары и голоса Мелхиседека, молодые матушки затихли. Его длинная, черная борода, широкий лобъ съ густыми черными бровями, орлиный тонкій носъ, темные блестящіе глаза, помимо голоса и умѣнья пѣть, служили для нихъ большимъ магнитомъ. На второмъ куплетѣ его поддержали уже семинаристы своими тоненькими тенорами. Скоро они совсѣмъ сладились; новая, недавно проникшая въ духовную среду пѣсня пошла бойко, все съ большимъ и большимъ оживленіемъ. Молодые тенора звенѣли, какъ колокольчики, ровный чистый голосъ Мелхиседека гудѣлъ среди ихъ, какъ мѣдная большая труба. Окончивъ эту пѣсню и сдѣлавъ переборъ на гитарѣ, Мелхиседекъ началъ другую, также недавнюю, хоровую и на сходный мотивъ пѣсню: *Ой, послала горница припотня по воду*. Пѣли «Петруся», «Василечка» и другія ново-сочиненныя пѣсни; но Мелхиседекъ пѣлъ ихъ для общаго лишь удовольствія, на самомъ дѣлѣ они не нравились ему, и онъ скоро принялся за свои любимыя: «Семена» и «Шума». Пѣлъ онъ ихъ на тотъ разъ съ особымъ воодушевленіемъ и произвелъ поражающее впечатлѣніе. При первыхъ звукахъ «Семена» слышались вздохи, едва не перешедшіе въ плачь подъ вліяніемъ варенухи. Окончивъ «Семена» и «Шума» и переведа немного духъ, Мелхиседекъ съ какою-то особою торжественностію и глубокою задумчивостію запѣлъ:

Ой, ишли наши славни запорожци
По-вадъ Бугомъ рикою...

Взоры всѣхъ устремились на него; гости забыли про варенуху, рюмки торчали будто въ омертвѣвшихъ рукахъ. Но эти грустныя потрясаящія мелодіи шли въ разладъ съ характеромъ настоящей минуты и компаніи, желавшей и настроенной повеселиться, и вызвали подъ конецъ легкой протестъ. Кое-гдѣ по угламъ слышались голоса нетерпѣливыхъ матушекъ, а сама Марта, жена Мелхиседека, не выдержала и крикнула изъ угла:

— Ану-бо, паноче, яко веселишои! а то мы й поснемо отутъ съ чарками въ рукахъ.

Мелхиседекъ какъ-бы очнулся, встряхнулъ головой, поднялся со стула и, сказавъ по направленію къ женѣ: «на тоби и веселишои:

вставай та танцюй!» со всего размаху гаркнулъ: *Ой, за іаємъ, іаємъ*, да такъ живо и весело, что *паничи* застучали ногами, а благочинная едва удержалась на стулѣ.

— Ой не грай такъ дрибно, бо пиду танцювати! крикнула Марта изъ угла.

Мелхиседекъ на лету отвѣтилъ: «уже тоби не вгодишь: то дуже смутно, то дуже дрибно», и съ гитарой въ рукахъ, притопывая каблуками, продолжалъ начатую пѣсню. Подхватили семинаристы, присоединились батюшки и матушки. Вся свѣтлица запѣла, только Балабуха сидѣлъ молча съ трубкою въ рукахъ да попивалъ варенуху, а рядомъ съ нимъ, подлѣ Ониси сидѣла надутая Олеся.

Долго продолжалось еще пѣніе. Послѣ варенухи, опять поставили на столъ бутылки съ водкою и наливками. Хозяйка вынесла закуску; спустя немного предложила ужинъ.

Гости въ волю напѣлись и напились. Хозяинъ распорядился готовить для гостей постель. Въ свѣтлицѣ постлали на полу батюшкамъ и паничамъ, въ комнатѣ Ониси, также на полу, матушкамъ, а благочинной предоставлена была кровать. Но до сна было еще далеко: настоящее веселье, сильная выпивка и разныя потѣхи начинались именно предъ отходомъ ко сну, у изголовья.

О. Мелхиседекъ былъ большой мастеръ на разныя выдумки и, въ ожиданіи угощенія подъ названіемъ: *до подушки*, задумалъ потѣшить хмѣльную уже компанію. Незамѣтно вышелъ онъ въ кухню и послалъ наймичекъ въ погребъ набрать мелкаго картофеля такой величины, какъ орѣхи, наказавъ имъ строго никому о томъ не говорить. Наймички принесли картофель, помыли и вытерли. Мелхиседекъ забралъ картофель въ карманъ. Въ комнатѣ Ониси на лѣжанкѣ стояла большая миска съ волоскими орѣхами. Отецъ Мелхиседекъ незамѣтно положилъ туда мелкій картофель, перемѣшалъ съ орѣхами и присыпалъ еще сверху сѣмячками. Войдя въ свѣтлицу, онъ, какъ ни въ чемъ не бывалъ, заявилъ, что пора-бы уже и спать. Матушки, пожелавъ доброй ночи батюшкамъ, удалились въ комнату Ониси; тѣ и другіе, расположившись на постели на полу, стали уже раздѣваться, какъ въ свѣтлицу подано было особое питье «*до подушки*». Это былъ особаго рода пуншъ, приготовленный изъ спирту «перегнаннаго трихи на алембикъ». настоеннаго на листьяхъ розы. Спиртъ разбавленъ былъ слегка кипяч-

комъ лишь настолько, чтобы послѣдній покрывалъ собою сахаръ, и закрашенъ чуть-чуть эссенціею чая, свареннаго въ горшкѣ. Такой пуншъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ «ведмедика» и билъ въ голову сильнѣе варенухи,—какъ лапа медвѣдя; отъ этого напитка нельзя было не заснуть. Онися, заготовивъ «ведмедика» въ кухнѣ, сама внесла въ свѣтлицу большущій подносъ со стаканами, чтобы поднести батюшкамъ пуншъ крѣпче, матушкамъ полегче. Но ни разносить, ни дѣлать выборъ ей не пришлось: батюшки бережно приняли подносъ изъ ея рукъ, поставили на постели и расположились вокругъ. Онися стояла въ недоумѣніи. Но свѣтлицѣ пошелъ сильный запахъ розы и спирту. Матушки слышали этотъ запахъ и не выдержали.

— Э, панотци, якъ у васъ тамъ гарно пахне! слышался голосъ изъ-за двери. Вы щось дуже смачне пьете.

— Ходите до насъ, то й вамъ дамо,—послѣдовалъ отвѣтъ изъ свѣтлицы.

Продолженіе было настолько заманчиво, что матушки, на половину уже раздѣтыя, оправивши кое-какъ свои костюмы и накинувъ на плечи большіе платки, скоро, одна по другой, перекочевали къ своимъ муженькамъ.

Въ комнатѣ Ониси осталась только благочинная да нѣсколько молодыхъ застѣнчивыхъ матушекъ. Матушки усѣлись съ батюшками вокругъ подноса. Онисѣ оставалось припросить да указать, въ какихъ стаканахъ пуншъ крѣпче, въ какихъ легче.

— А нуте, панотци и паниматки, будемо давить сѣго ведмедика; може винъ намъ сонъ легкій дасть,—заговорилъ о. Мелхиседекъ и, наклонившись къ подносу, сталъ раздавать стаканы. Гости съ усердіемъ принялись пробовать и хвалить напитки. Напитокъ оживилъ и развеселилъ всѣхъ; поднялся говоръ, пошли шутки. Стаканы опорожнены, нагорѣвшая сальная свѣча давала слабый свѣтъ; у многихъ изъ гостей и безъ того потемнѣло въ глазахъ. Мелхиседекъ сообразилъ, что настала пора продѣлать задуманную имъ шутку, и онъ обратился къ хозяйкѣ съ такимъ вопросомъ:

— А чи нема у васъ, госпожынко, чимъ оцѣго ведмедика придушить? Отъ тамъ на лежанци я бачивъ добру миску зъ якимись ласощами, здаеця, орихи та ще й непроти, а турецьки. Тобъ-то попробувать зубы, у кого вони мицни.

Онися, вышедшая раньше въ свою комнату, подала Мелхиседеку черезъ дверь миску съ орѣхами. Матушки набросились на орѣхи, протянулъ руку и благочинный и захватилъ полную горсть. Мелхиседекъ взялъ для отвода глазъ. Первая—его жена вмѣсто орѣха захватила въ ротъ картофелину, раскусила и выплюнула. Тоже повторилось и съ другими. Мелхиседекъ, давая видъ, что онъ ѣстъ орѣхи, приговаривалъ:

— А яки мягки горихи! Це мабутъ загрынычнн, не прости.

— А справди явись мягки та чудни на смакъ, отозвался благочинный, не разобравъ сперва, что было у него во рту.

— Щось неначе гнили горихи, чи що! И лупшиння чогось мягке, неначе картоп... замѣтила жена Мелхиседека, и она выбросила на ладонь раскушенную картофелину и поднесла къ свѣчкѣ;—на ладони и въ самомъ дѣлѣ была картофелина.

— Ой картопля! Ей Богу, картопля! Що це за диво! Чи може въ туркивъ таки горихи ростуть? крикнула Марта.

— О, въ Турціи не таки горихи, якъ наши, началъ было благочинный; но его перебила другая матушка, удостовѣрившаяся, какъ и Марта, что ей пришлось раскусить также картофель.

— Та це таки справди картопля! Це насъ хтось дурить, громко сказала она, искоса поглядывая на Мелхиседека. Но тотъ, и глазомъ не мигнувъ, добродушно спросилъ:

— Чи таки наша картопля, чи може турецька?

— И що винъ насъ дурить!—крикнула Марта, скорѣе другихъ догадавшаяся, что это продѣлка ея мужа.—Накидавъ въ горихи картопли, та ще й питае: чи наша, чи турецька?

— Отъ и выдумала! Пишовъ-бы я оце въ ночи десь картопли шукати. Це, мабутъ, ты сама дуришь насъ, отозвался съ серьезною миной отецъ Мелхиседекъ: одначе дозволяйтеся, матушки, на здоровьячко, ще и у кишени наховайте, та повезить дитямъ на гости-нець. Скажете: це одъ зайчика одняли.

Въ свѣтлицѣ поднялся смѣхъ и гвалтъ. Матушки начали бросать въ Мелхиседека орѣхи и картофель. На его голову посыпались сѣмячки.

— Накладимъ ёму пидъ подушку цихъ турецькихъ горихивъ, нехай у ночи самъ поить, говорила Марта, подкладывая Мелхиседеку подъ подушку картофель и орѣхи.

Отецъ Мелхиседекъ съ спокойною миною повыбрасывалъ картофель, а орѣхи поѣлъ.

— Оце вамъ паниматки, выпадае молитву одъ оскверненія читать, шутливо замѣтилъ одинъ изъ батюшекъ.

— Ничого тутъ не поможе та молитва, отозвался другой, а треба хѣба по другому ведмедіку одъ такого оскверненія.

Мысль эта принята была всѣми за самую здравую и ведущую прямо къ цѣли. Онися приготовила по *другому*; но это только охотило гостей къ продолженію обычнаго тогда бражничанья, и Онися долго еще сповала изъ свѣтлицы въ кухню и обратно, унося пустые стаканы и принося полные. Гости расходились такъ, что и сонъ ихъ не бралъ. Всѣмъ хотѣлось говорить. Всѣ рассказывали, кричали, и никто никого не слушалъ. Затѣвали пѣть, но выходило: кто въ лѣсъ по дрова,—одинъ начиналъ, другой кончалъ, тотъ сипѣлъ, этотъ храпѣлъ, обрывались на высокихъ и низкихъ нотахъ и выходило какое-то куроглашеніе. Придумали было послать за Шмидомъ, чтобъ на кобзѣ заигралъ: *И по хати ты-ны-ны и по синяхъ ты-ны-ны*, да хозяева замѣтили, что Шмида и въ селѣ пожалуй нѣтъ, что онъ, какъ вольная птица, перелетаетъ съ мѣста на мѣсто и сегодня здѣсь, завтра на десятомъ селѣ.

Кто-то предложилъ позвать бабу Оришку.

— Оця втне! сказалъ Мелхиседекъ.

— А справди, покличмо! крикнули всѣ.

Семинаристы побѣжали въ кухню и разбудили бабу Оришку. Баба съ просонья упиралась, они взяли ее подъ руки и привели въ свѣтлицу. Отецъ Мелхиседекъ поставилъ въ кругу возлежавшихъ стулъ и усадилъ на немъ бабу Оришку. Она сидѣла въ черной запискѣ, повязанная бѣлымъ платочкомъ; сѣдя косы, выбившіяся изъ-подъ *очинка*, висѣли неровными прядями, сонные глаза блуждали по сторонамъ; но въ этой сгорбленной фигурѣ, напоминавшей вѣдму съ Лысой горы, таился еще большой запасъ жизни, юмора и игривости.

— Отъ на, бабо, выпый цѣго дива, то може швидче прочумаешся, сказалъ отецъ Мелхиседекъ, подавая Оришкѣ стаканъ съ пуншемъ.

Оришкахватила глотокъ и закашлялась по овечьи.

— Ой, цуръ ёму! Якъ ёго поны пьютъ. Якъ-бы я выпила, то до свита здурила-бъ, сказала веселая баба, большая охотница до шутокъ.

— А ну, бабо, выпійте, мы побачимо, якъ вы здуріете,—говорили паничи.

— Эге, здурійте вы попереду, а я стара за вами, сказала баба, развеселившись.

— А може-бъ ты, бабко, заспывала намъ? бо въ насъ одъ цѣго пуншу вже языкъ не повертається, сказалъ отецъ Мелхиседекъ.

— Потривайте, выпью для смилivosti, щобъ голосу набратись, сказала баба, пропуская пуншъ сквозъ зубы. Та и смачну-жь вы горилочку пьете! добавила Оришка. Ото, коли-бъ намъ таку шинкаръ продававъ!

— Ага, розсмакувала! Ну, починай уже та бери тонче, крикнули гости.

— Коли соромлюсь! Ей Богу соромлюсь. Хочъ не дивиться вси на мене, сказала баба.

— А може ты, Оришко, щезъ и замижь пишла? сказала Марта.

— Пишла-бъ, якъ-бы хто сватавъ; але ни одинъ проклятый дидъ щось не квапиться мене сватати.

— Посылай старостивъ до Шмида: оце буде тобі пара. Ну, починай бо! сказалъ отецъ Харитонъ.

Баба, съ чаркою въ рукахъ, начала тоненькимъ, но еще твердымъ голосомъ «Гриця», спѣла и еще нѣсколько грустныхъ пѣсень. Гости замолкли и слушали. Отецъ Мелхиседекъ зѣвнулъ на всю комнату, а за нимъ благочинный.

— Годи, бабо, смутнихъ! Спивай намъ веселихъ, такихъ щобъ жижки задрижали! сказалъ отецъ Мелхиседекъ.

Оришка засмѣялась и начала:

Пишло дивчя по горишки,
Та не знало, що за гай.
Здибавъ ёго гарный хлопець,
На имення Миколай.

Оришка развеселилась и, продолжая пѣть, кивала да подмигивала черными длинными бровами. Батюшки и паничи хохотали.

— Ябъ бы музыки, ты бъ, Оришко, и потанцювала? спросили паничи.

— А чомъ же! Якъ выпью ще одну чарку, то такъ и пиду по хати метельци.

Пока Оришка гѣшила гостей, Мелхиседекъ вышелъ на дворъ, разбудилъ двухъ прїѣзжихъ кучеровъ и пообѣщалъ имъ кварту водки, если они добудутъ изъ подъ камня въ рѣкѣ нѣсколько раковъ. Кучера, прельщенные вышивкою, живо исполнили порученіе батюшки и принесли ему пять раковъ. Мелхиседекъ бросилъ ихъ въ кружку, подъ полою внесъ ихъ въ комнату и поставилъ подъ стуломъ, прикрывъ голенищемъ собственного сапога.

Наслушавшись пѣсенъ и шутокъ Оришки, гости отпустили ее спать. Матушки вышли въ свою комнату, а батюшки и паничи легли «повотомъ» и укрылись, чѣмъ попало.

Потушили огонь. Въ комнатѣ стало темно, хоть глазъ выколи. Матушки долго еще щебетали, пересуживая сосѣдей; на мужской половинѣ раздавался свистъ и храпъ, хотя спали далеко не всѣ: о. Мелхиседекъ не переставалъ шутить и тормозить сосѣдей. Наконецъ и онъ замолчалъ и притворился, будто спитъ, хотя на самомъ дѣлѣ и не думалъ спать.

Только что всѣ начали дремать, Мелхиседекъ досталъ изъ кармана картофель и пустилъ ею слегка въ дверь комнаты, гдѣ спали матушки. Картофелина стукнула о дверь, будто пуля.

— Ой, щось стукнуло, зашептали матушки.

— А може то такъ здалось черезъ сонъ,—говорила Марта.

— Ей Богу стукнуло въ двери, неначе хто выстреливъ, сказала одна матушка.

— Та то мабуть двери на морозъ трицать, сказала Марта.

Мелхиседекъ всталъ, на цыпочкахъ пробрался въ комнату матушекъ, подкрался къ окну и тихонько постучалъ.

— Ой, щось стукае въ вино, оцять вполголоса заговорили матушки.

Мелхиседекъ зацарапалъ ногтями по стеклу.

— Та то мышъ шкребе, хйба не чуєте? промолвила Марта.

Мелхиседекъ, прислонясь къ стѣнѣ, снова постучалъ въ окно. Матушки подняли головы и глядѣли на окно. Въ окнѣ показалась черная фигура,—то Мелхиседекъ заслонилъ собою окно и мгновенно отодвинулся въ стѣнѣ.

— Ой, лишенько! Це якась мара, крикнули матушки въ одинъ голосъ.

Не успѣли онѣ придти въ себя, какъ за окномъ появилась уже бѣлая фигура, съ распростертыми руками, съ бѣлыми широкими

рукавами. Матушкамъ показалось, что въ окнѣ стоитъ мертвецъ, съ наброшеннымъ покрываломъ. Отъ испугу онѣ подняли крикъ и визгъ, вскочили съ постелей и сбились въ одну кучу возлѣ лѣжанки. Проснулась и благочинная, соскочила съ кровати и бросилась къ порогу. Фигура стояла за окномъ, неподвижно разставивъ руки.

Въ свѣтлицѣ также всѣ зашевелились. Проснулся Балабуха, проснулись и старые батюшки.

— Що тамъ таке? чого вы кричите? заговорилъ отецъ Мелхиседекъ, очутившійся уже въ свѣтлицѣ.

— Щось биле стоитъ за виномъ. Иди сюди та засвѣти свѣтло, сказала Марта, болѣе смѣлая, чѣмъ другія.

Мелхиседекъ вошелъ въ комнату, заглянулъ въ окно,—бѣлая фигура исчезла.

— Дежъ той мертвецъ? сказалъ Мелхиседекъ, то мабуть вы черезъ миру хлюснули пуншу до подушки, то вамъ и мерци показуються. Отъ до насъ вони не сміють приступити.

Черезъ минуту въ свѣтлицу съ хохотомъ влетѣлъ мертвецъ съ накинутой простыней, отворилъ дверь къ матушкамъ и низко поклонился имъ. Это былъ семинаристъ, съ которымъ Мелхиседекъ условился поугатъ матушекъ. Страхъ прошелъ; мужчины смѣялись, матушки бранились, пока опять не улеглись спать.

Страхъ и шутки прогнали сонъ, и на мужской половинѣ долго еще балагурили, перекидывались шутками, бросали другъ въ друга подушками, пока наконецъ не надоѣло это всѣмъ. Чтобы положить конецъ безпутному дурачеству, рѣшили всѣ задать потасовку Мелхиседеку, какъ главному затѣйщику, не дающему никому покою, и всѣ бросились къ нему, но вмѣсто него въ потьмахъ папали на благочиннаго и привялись его тужить. Только гнѣвъ послѣдняго, раздраженнаго неожиданнымъ на его нападеніемъ, заставилъ опомниться опальвшую компанію и прекратить перешедшія за предѣлъ шутки.

Покорился и Мелхиседекъ, возлагая еще надежду на раковъ. Въ самомъ дѣлѣ всѣ устали, разговоръ не клеился, шутки не давались. Всѣ притихли и незамѣтно уснули крѣпкимъ, мертвецкимъ сномъ.

Только что на дворѣ стало разсвѣтать, въ комнатѣ зашевелились матушки. Проснулся и Мелхиседекъ: онъ тихонько всталъ, на-

щупаль кружку съ раками, вынулъ ихъ и подсунулъ подь кафтаны двумъ старымъ батюшкамъ, которые спали, какъ убитые. Мелхиседекъ поспѣшилъ растолкать другихъ, въ ожиданіи потѣхи.

Не прошло минуты, какъ одинъ изъ старыхъ батюшекъ, быстро схватившись, закричалъ.

— Ой щось щипается! Чортъ-зна що выдумавъ! Чого ты отецъ Мелхиседекъ щипаешься?

— Духъ святой зъ нами! сказалъ Мелхиседекъ. Я лежу одь васъ за верству, а вы кажете, що я щипаюсь. То може васъ блохи кусаютъ.

— Добри блохи, замѣтилъ батюшка, и снова крикнулъ и вскочилъ съ постели. У него на ногѣ висѣлъ ракъ.

— А бачите, спали такъ довго, що й раки пидъ вами завелись, сказалъ отецъ Мелхиседекъ, потягиваясь: може и пидъ цимъ старымъ завелись раки. Паничи! а идить печерувати ракивъ.

Отецъ Мелхиседекъ засунулъ руку подь кафтанъ другого батюшки и вытянулъ оттуда рака. Семинаристы бросились къ тому мѣсту, гдѣ спалъ старый батюшка, и нашли еще три рака. Старикъ протеръ заспаные глаза, вскочилъ съ постели и началъ ощупывать себя кругомъ, опасаясь, чтобы раки не сдѣлали и ему неожиданнаго сюрприза, какъ его сосѣду.

Въ вомнатѣ поднялся хохоть, Благочинный схватился съ постели, осматриваясь, нѣтъ-ли и подь нимъ раковъ. Отецъ Мелхиседекъ, отворивъ дверь въ комнату, гдѣ лежали матушки, бросилъ къ нимъ двухъ раковъ, приговаривая:

— Натѣ, матушки, на спиданна павукьявъ!

Матушки пришли въ переполохъ, подняли визгъ, поскватывались съ своихъ мѣстъ, но скоро пришли въ себя, увидѣвъ, что то были раки, а не пауки.

— И де вони ихъ въ нечистого набрали зимою? говорили матушки. Це все жарты Мелхиседеха. Якъ-же можна такъ жартувати!

— А чого-жъ вы такъ довго спите? отозвался изъ свѣтлицы отецъ Мелхиседекъ: добри хозяйки! сплять до обѣда. Спасибѣ ракамъ, що васъ побудили.

Матушки скоро умылись, одѣлись и вышли въ свѣтлицу. На столѣ стояла уже водка и закуска. Благочинный читалъ: *Отче нашъ.*—

Давайте-жь, говорилъ Мелхиседекъ входившимъ матушкамъ, будемо справлять похристины.

И гости начали пить «похристины». Олеся разсердилась изъ-за раковъ, надулась, велѣла запрягать лошадей и, покинувъ мужа, одна уѣхала домой. Балабуха съ удовольствіемъ остался пить «похристины».

Долго еще гости пили и ѣли и уже послѣ обѣда почувствовали, что пора и честь знать.

Однако всё разгулялись: никому не хотѣлось ѣхать домой. Время было зимнее, безработное. Дома брала важдаго тоска за самое сердце.

— А що люде добри! чи розѣдемось до дому, чи ще куди гуртомъ заидемо гостювати? предложилъ отецъ Мелхиседекъ.

— Ой не хочеться до дому! Коли-бъ такъ, щобъ проихати тильки прозь дому та й поминути її, заговорили матушки.

— Чія дома найблизче, туди ѣдмо вси гуртомъ гостювати, подаль совѣтъ отецъ Мелхиседекъ.

— Добре, добре! крикнули матушки.

Ближе всѣхъ жилъ благочинный и Провоповичъ, отецъ Ониси. Гости начали сосчитывать вѣрсты, и оказалось, что Богуславъ на полверсты ближе, чѣмъ Чайки. Приходилось ѣхать къ Балабухѣ. Балабуха зналъ, что его жена станетъ на дыбы, когда увидитъ всю эту компанію; однако не посмѣлъ возражать и запросилъ къ себѣ гостей.

Запрягли лошадей. Гости одѣлись и выпили на дорогу. Посидѣвъ нѣсколько въ шубахъ и выпивъ еще по одной, гости вышли на крыльцо; на крыльцѣ выпили опять на дорогу, выпили «до коней» и «до санокъ», дали выпить и погоничамъ, и тогда уже тронулись въ дорогу. Балабуха сѣлъ въ однѣ санки съ Провоповичемъ. Они выѣхали со двора позади всѣхъ.

Санная дорога была отличная; снѣгъ лежалъ большой. По обѣ стороны дороги были частые сугробы. На дворѣ было тихо и стояла легкая оттепель. Снѣгъ приставалъ къ полозьямъ и къ копытамъ лошадей. Все небо было покрыто облаками, словно густымъ бѣлымъ дымомъ.

Балабуха закутался въ теплую волчью шубу, надвинулъ на лобъ теплую сѣрую барашковую шапку съ ушами и не оглядѣлся,

какъ заснулъ. Старый Прокоповичъ въ свою очередь погрузился въ сонъ, хорошенько выпивши на дорогу. Противъ духовнаго поѣзда ѣхалъ другой такой-же длинный поѣздъ: то ѣхали польскіе паны, перекочевывашіе, подобно батюшкамъ, для гулянья отъ сосѣда къ сосѣду. Батюшкамъ пришлось сварачивать въ сугробы. Заднія сани покосились на сугробъ и сонныя Балабуха и Прокоповичъ выпали изъ санокъ на мягкій снѣгъ, будто на перины. У погонича шумѣло въ головѣ; онъ даже не оглянулся назадъ. Лошади сами пустились догонять поѣздъ, и батюшки остались спать на сугробѣ. Прокоповичъ спалъ; ему приснилось даже, что онъ спитъ у себя въ катрагѣ (пчельникѣ), что въ катрагу влетѣлъ рой, покружился надъ нимъ, погудѣлъ и вылетѣлъ на дворъ.

Веселая компанія мчалась безъ оглядки и цѣлымъ поѣздомъ влетѣла во дворъ Балабухи сквозь не затворявшіяся никогда ворота.

— Благочинна жде насъ, выглядаетъ, воритечка поодчиняла, говорили матушки, подѣзжая къ крыльцу.

— Дежъ це ще одни санки? спросилъ Мелхиседекъ, взойдя на крыльцо и обинувъ глазами поѣздъ: мабуть десь zostались. Це отецъ благочинный съ Прокоповичемъ опизнились.

Гости вошли въ свѣтлицу. Въ покояхъ было тихо: Олеся по обѣдавши лерла отдыхать. Матушки сидѣли, ждали, никто не выходилъ, а хозяина не было съ дороги. Онъ пересмотрѣли картины, посмотрѣли на изображеніе голаго Геркулеса, поражающаго дракона, и притихли, подмигивая одна другой. Казалось, будто Геркулесъ замахнулся на нихъ долбешкой.

— Ой стережиться, бо такъ и стувне котрусь по голови довбнею, говорила Марта, указывая на Геркулеса.

— Такій, якъ Баньковскій, шепнула другая веселая матушка:

— Тильки въ Баньковського велики усы; це мабуть благочинна зумисне почепила на стини, щобъ нагадувавъ їи Баньковського, шептала Марта на ухо сосѣдѣ.

Перешептывались и батюшки, но потомъ не выдержали и стали громко разговаривать и шутить. Олеся проснулась и догадалась, что въ ней по дорогѣ заѣхала пьянственная компанія. Съ досады, она рѣшила оставаться въ постели.

Тѣмъ временемъ батюшки выглядывали въ окно, не ѣдетъ-ли Балабуха, а Балабухи все нѣтъ и нѣтъ. Кое-кто вспомнилъ уже про чарку и закуску, а хозяинъ не ѣхалъ.

Вдругъ въ отворенныя ворота вскочили сани. Погоничъ оставилъ лошадей возлѣ крыльца, оглянулся и ротъ разинулъ: сани были пустыя.

— Що це за диво! Приехали сами санки безъ благочинного, промолвилъ отецъ Мелхиседекъ, выглядывая въ окно.

— Може де встали въ мистечку, отозвалась Марта: а побизи, паноче, та спитай въ погонича.

Мелхиседекъ выбѣжалъ на крыльцо. Погоничъ стоялъ, вытираючи глаза.

— А де ты подивавъ папотцивъ? спросилъ отецъ Мелхиседекъ.

— Мабуть десь выпали зъ санокъ, бо на санкахъ нема, отвѣчала погоничъ, почесывая затылокъ.

— Э ты, роззяво! Выпали... А ты ни разу не оглянувся, чи що? крикнулъ отецъ Мелхиседекъ.

Погоничъ молчалъ; Мелхиседекъ вошелъ въ комнату и рассказалъ всей компаніи, что отецъ благочинный и отецъ Степанъ гдѣ-то вывалились въ дорогѣ. Немедленно посадили на сани одного семинариста и послали искать по дорогѣ вывалившихся гдѣ-то батюшекъ.

Пока ихъ нашли и привезли, Олеся лежала въ кровати и потягивалась. Отъ скуки она достала «Волшебницу Раги-Муину» и начала читать ее въ третій разъ. Гости сидѣли и томилась. Балабуха не возвращался. Отецъ Мелхиседекъ не выдержалъ: пріотворилъ дверь въ комнату, гдѣ лежала Олеся, и крикнулъ: «добрыдень тому, хто въ цѣму дому!»

Олеся вздрогнула и выпустила книжку. Ей показалось, что Мелхиседекъ бросилъ въ нее рака.

Мелхиседекъ замѣтилъ, что благочинная лежитъ на кровати, и притворилъ дверь, а Олеся снова взяла «Волшебницу Раги-Муину» и продолжала читать.

— Коли напросивъ гостей, то нехай самъ и панькается коло ихъ, а я не встану, думала Олеся.

— Лежить на лижку та одпочивае, тихонько сказалъ отецъ Мелхиседекъ матушкамъ. Цесс... бо благочинна книжку читае.

Тѣмъ временемъ семинаристъ подъялъ съ сугробовъ спавшихъ рядомъ благочиннаго и отца Степана и привезъ ихъ домой. Балабуха съ Прокоповичемъ вошли въ свѣтлицу; при видѣ ихъ поднялся громкій говоръ и хохоть.

Балабуха прошелъ къ Олесѣ; та сердито посмотрѣла на него и снова уткнула глаза въ книгу.

— Вставай, сердце, та витай гостей, тихо сказала Балабуха, будто виновный въ какомъ-нибудь проступкѣ.

Олеся только взглянула на него и еще пристальнѣе смотрѣла въ книгу.

— Вставай-бо, вставай! Годи качатись. Треба гостямъ подати чай та закуску, просиль Балабуха.

— Коли напросивъ гостей, то и подавай самъ, а я не выйду до тѣхъ намитокъ.

— Одначе ѳздила до намитокъ горшкѣвъ ѳсты. Треба и намитокъ частувати, сказавъ Балабуха.

— Потривай-же ты, саранѣ, я тебе швидко выпроважу съ хаты, подумала Олеся и вздохнула, вспомнивши Баньковского.

Пока она встала, Килина подала самоваръ, а Прокопъ принесъ съ базара прошлогоднихъ бубликовъ, черствыхъ да твердыхъ.

Олеся кое-какъ причесала голову и какъ была въ будничномъ, плохенькомъ платьѣ, такъ и вышла къ гостямъ. Матушки въ «намиткахъ» и въ синихъ жупанахъ важно и какъ-то грустно сидѣли рядами подъ стѣнками. Олеся поздоровалась съ ними очень холодно и даже пренебрежительно и сѣла возлѣ стола. Она разлила чай, роздала всѣмъ и сидѣла, молча. Матушки попробовали бубликовъ и едва не поломали зубовъ. Голодные батюшки уплетали ихъ, только трещало въ зубахъ. Разговоръ не клеился, всѣ молчали. Олеся сидѣла, опершись на столъ и кисло смотрѣла на Геркулеса. Выпили чай. Килина подала на столъ графинъ съ водкой и черствый ржаной хлѣбъ съ масломъ; только и всего угощенія. Гости выпили по рюмкѣ, пожевали чернаго хлѣба и, не предвидя ничего лучшаго, стали давать видъ, что хотятъ уѣзжать; но не только Олеся, даже самъ Балабуха не выразилъ особаго желанія ихъ удерживать и только предложилъ пройтись по другой. Выпили по другой, а веселья не прибавилось ни на грошъ. Гости были скучны и хозяева были скучны. Всѣ какъ-то разомъ замолкли; сдѣлалось таеъ тихо, будто

въ комнатѣ не было никого. Но пріѣхавшей компаніи стало не въ терпѣжь: сколько ей не хотѣлось здѣсь оставаться, столько-же хотѣлось еще погулять и потому, какъ только Олеся вышла изъ свѣтлицы, всѣ стали совѣтываться, куда ѣхать. Приходъ отца Мелхиседеа былъ теперь найближе; онъ и запросилъ всѣхъ къ себѣ. Гости снялись и выѣхали со двора. Ни хозяинъ, ни хозяйка ихъ не удерживали.

— Ой сестрице! Я зуба зломила бубликомъ, жаловалась Марта сосѣдкѣ.

— А я трохи не вдавила черствымъ хлибомъ. Чи вона такъ витае и свого Баньковського? спросила сосѣдка.

— Эге! якъ-разъ такъ! вона Баньковському пече поросята въ вильшаницькихъ поросятнивахъ, сказала Марта.

— Тильки трохи перепикае, отозвалась сосѣдка; але ничего; въ Баньковського зубы добри, не поламае.

Мелхиседекъ съ женою поѣхали впередъ, чтобы приготовить къ приему голодныхъ гостей. Гости ночевали у нихъ, гуляли еще цѣлый день, но чувствовали, что не нагулялись въ волю. Опять рѣшили всѣмъ вмѣстѣ ѣхать къ Прокоповичу въ Чайки, и только въ Чайкахъ, и то на другой день, почувствовали, что нагулялись до сыта. Отсюда всѣ разѣхались по домамъ и разнесли по околицѣ, какъ благочинная принимаетъ гостей, лежа въ постели съ книжкой.

И. Левицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиографія.

Пчела почаевская. Изборникъ назидательныхъ поученій и статей, составленныхъ и списанныхъ преподобнымъ Іовомъ, игуменомъ лавры почаевской (1581—1651 г.), изданный въ переводъ съ славянскаго на русскій языкъ, по собственной рукописи преподобнаго, подъ редакціею профессора кievской духовной академіи Н. И. Петрова. Почаевъ 1884 года.

«Преподобный Іовъ Желѣзо, игуменъ почаевскій, жившій во второй половинѣ XVI и въ первой половинѣ XVII стол. извѣстенъ въ нашемъ отечествѣ по святости жизни и по нетлѣнію своихъ мощей, почивающихъ въ почаевской лаврѣ, волинской епархіи. Но до послѣдняго времени рѣдко кто зналъ, что преподобный Іовъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и духовнымъ писателемъ, трудившимся на этомъ поприщѣ въ самый скудный духовными писателями и самый смутный періодъ существованія южно-русской православной церкви». «Но отселѣ (т. е. со времени выхода въ свѣтъ разсматриваемой нами книги) авторство преподобнаго Іова почаевскаго не подлежитъ сомнѣнію и, отрывая новую, доселѣ невѣдомую для насъ сферу его духовной дѣятельности, должно пролить новый свѣтъ на внутреннюю жизнь преподобнаго Іова, на его образъ мыслей и убѣжденій и на его отношенія къ церковнымъ и общественнымъ нуждамъ того времени».

Такимъ заявленіемъ начинается свое предисловіе къ разсматриваемой нами книгѣ профессоръ кievской духовной академіи Н. И. Петровъ, которому, какъ специалисту, духовный соборъ почаевской лавры поручилъ разборъ рукописей преподобнаго Іова.

Авторство преподобнаго Іова почаевскаго, по словамъ профессора Петрова, не можетъ подлежать сомнѣнію на слѣдующихъ основаніяхъ.

Въ «житіи блаженнаго отца нашего Іова Желѣза», списанномъ ученикомъ его іеромонахомъ Доснѣемъ (пзд. въ Почаевѣ, около 1791 г.), говорится, что преподобный Іовъ занимался «списаніемъ книгъ церковныхъ». Между тѣмъ, въ почаевской успенской лаврѣ доселѣ хранится, съ подобающимъ благоговѣніемъ, «книга блаженнаго Іова почаевского, власною (собственною) рукою его писанная». Книга эта писана частію уставомъ, частію полууставомъ, который имѣеть генетическое родство съ тѣмъ курсивнымъ почеркомъ, какимъ подписался преподобный Іовъ почаевскій на завѣщаніи Ирины Ярмолинской 1646 года, доселѣ хранящемся въ почаевской лаврѣ. Нѣкоторыя буквы скорописи, не смотря на разницу ея съ полууставнымъ письмомъ, все-таки значительно сходны между собою въ томъ и другомъ письмѣ, а другія скорописныя буквы, повидимому несходныя съ полууставными, легко могли образоваться изъ послѣднихъ естественнымъ путемъ упрощенія полууставнаго письма въ скорописи. Къ этому нужно присовокупить преданіе о принадлежности этой рукописи перу преподобнаго Іова, восходящее къ XVII вѣку.

Означенная рукопись не дошла до нашего времени въ полномъ видѣ. Въ настоящемъ своемъ составѣ она заключаетъ въ себѣ 123 листка (въ продольную осьмушку). Но остатки прежней, первоначальной пагинаціи показываютъ, что въ ней было болѣе 900 листовъ. Тѣмъ не менѣе и это, сравнительно не многое сохранившееся, имѣеть, по мнѣнію проф. Петрова, чрезвычайно важное историческое и литературное значеніе.

Все содержаніе книги преподобнаго Іова почаевского, насколько позволяетъ судить уцѣлѣвшая часть ея, можетъ быть раздѣлено на слѣдующіе четыре отдѣла: 1) житія, сказанія и слова на неподвижные праздни и нарочитые дни церковнаго года, за августъ, сентябрь и декабрь мѣсяцы; 2) выписки изъ Патериковъ и особенно изъ Лѣствицы преподобнаго Іоанна Синайскаго; 3) слова и бесѣды на страстную и свѣтлую седмицы и нѣкоторые подвижные праздни и нарочитые дни церковнаго года, и 4) выписки изъ разныхъ книгъ, безъ заглавій и указанія источниковъ, замѣтки и краткія поученія заимствованныя, компилятивныя, подражательныя и оригинальныя, не приуроченныя къ извѣстнымъ днямъ, которыя можно назвать поученіями на разные случаи.

Этотъ, послѣдній отдѣлъ особенно важенъ, такъ какъ здѣсь преимущественно находятся самостоятельные опыты учительной дѣятельности преподобнаго Іова.

По мнѣнію проф. Петрова, главное достоинство рукописнаго сборника преподобнаго Іова состоитъ въ томъ, что этотъ сборникъ не есть безцѣльный сводъ выписокъ изъ попадавшихся преподобному Іову книгъ и отражаетъ на себѣ характеръ личности преподобнаго Іова и его эпохи.

И переписанныя, и компилятивныя, и подражательныя статьи книги преподобнаго Іова указываютъ и опредѣляютъ тотъ кругъ воззрѣній и понятій, въ коемъ вращался умъ преподобнаго Іова и воспитывалась его нравственная природа. Съ другой стороны составъ книги преподобнаго Іова предполагаетъ собою извѣстный выборъ изъ различныхъ источниковъ такого назидательнаго матеріала, который, соотвѣтствуя личному настроенію и вкусамъ преподобнаго, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ болѣе или менѣе прямое и близкое отношеніе къ обстоятельствамъ мѣста и времени жизни преподобнаго Іова. Въ этомъ случаѣ, выборъ преподобнымъ Іовомъ назидательныхъ статей для своей книги обнаруживаетъ въ немъ опредѣленныя цѣли, извѣстное направленіе и самостоятельную мысль, ставящую преподобнаго Іова, *даже въ заимствованныхъ имъ статьяхъ, на одинъ уровень съ самостоятельными проповѣдниками слова Божія...*

Въ рукописи преподобнаго Іова почаевского находится поученія и выписки, направленныя противъ евреевъ, католиковъ и разныхъ протестантскихъ сектъ. Впрочемъ противъ евреевъ и католиковъ здѣсь помѣщено только два обличенія, притомъ заимствованныя у Григорія Цмвлага. Главныя усилія преподобнаго Іова направлены были къ обличенію протестантствующихъ сектъ, преимущественно-же быстро распространявшагося въ то время (конецъ XVI и нач. XVII стол.) въ юго-западной Россіи соцініанства. Противъ соцініанъ преподобный Іовъ ведетъ обширную полемику, апологически защищая важнѣйшіе догматы православной церкви, отрицаемые еретиками. Такъ въ рукописи преподобнаго находится изложеніе ученія (въ противовѣсъ соцініанамъ) 1) *о Пресвятой Троицѣ*, 2) *о Божествѣ Іисуса Христа*, 3) *объ истинномъ Божествѣ и челоѵчествѣ Іисуса Христа*, 4) *о Пресвятой Богородицѣ*, 5) *о крещеніи*; 6) *о пречистыхъ тайнахъ тѣла и крови Господа нашего Іисуса Христа*, 7) *объ образахъ или иконахъ*, 8) *о хвалѣ и чести святыхъ угодниковъ Божіихъ*, 9) *о постѣ*, 10) *о памяти умершихъ*, 11) *о храмахъ Божіихъ*, 12) *о челоѵческихъ страстяхъ и необходимости добрыхъ дѣлъ для челоѵка*, 13) *о монашествѣ*, и проч...

По мнѣнію проф. Петрова, полемическіе и апологетическіе опыты преподобнаго Іова противъ сектантовъ протестантскаго характера должны занять почетное мѣсто въ православной противо-лютеранской полемикѣ второй половины XVI вѣка, къ которой они относятся. Перечисливши (хотя и съ немалыми пропусками) ¹⁾ дошедшія до насъ со-

¹⁾ Такъ, крогъ *повѣсти противъ безбожныхъ еретиковъ* (полов. XVI столѣтія), находящейся въ рукописи и потому естественно автору неизвѣстной, имъ не указаны: 1) Предисловіе къ острожской Библии, 2) Омилія Копыстенскаго,

чиненія православнихъ писателей, обличавшихъ въ разсматриваемое время антитринитаріанство или соцініанство, проф. Петровъ заявляєть, что по широтѣ круга, захватываемаго полемикою преподобнаго Іова, она можетъ идти въ сравненіе лишь съ наиболее капитальными трудами того времени въ этой области, именно: «Показаніемъ истины» Зиновія Отенскаго, «посланіями» старца Артемія и «Книгой о вѣрѣ» 1602 и 1619 гг., отлѣчаясь вмѣстѣ съ тѣмъ и высокими внутренними достоинствами... Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ полемика преподобнаго Іова должна быть поставлена даже выше и этихъ капитальныхъ проведеній. Другіе обличители еретиковъ и защитники православія—говорить проф. Петровъ—или пользовались католическими пособіями, какъ напр. авторъ «Книги о вѣрѣ», руководившійся полемическими трудами Вуйка, или-же въ борьбѣ съ еретическимъ раціонализмомъ сами становились на раціональную почву, старались опровергнуть еретиковъ доводами ума, переспорить ихъ и заставить признать истину православія, напр., клирикъ Острожскій Василій и Стефанъ Зизаній; тогда какъ преподобный Іовъ всецѣло стоитъ на почвѣ священнаго писанія, церковнаго преданія и святоотеческихъ твореній, вообще на почвѣ церковности, и не столько доказываетъ, сколько раскрываетъ и уясняетъ истину православія и ихъ свѣтомъ освѣщаетъ еретическія заблужденія. Тѣ, ставши на скользкую почву католическихъ, или-же раціональныхъ доказательствъ, сами могли пошатнуться на этой почвѣ и впасть иногда въ противоположныя крайности, выходить за предѣлы строгаго православнаго богословствованія, какъ это и случилось со Стефаномъ Зизаніемъ и нѣкоторыми другими. Напротивъ, преподобный Іовъ почаевскій выражалъ свою богословствующую мысль святоотеческими твореніями, выписками изъ нихъ и ихъ выраженіями и потому твердо стоитъ на православной почвѣ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе существенной части изслѣдованія профессора Петрова, помѣщеннаго въ качествѣ предисловія къ изданной подъ его редакціею рукописи преп. Іова почаевского.

Самая рукопись помѣщена въ переводѣ на современный русскій языкъ, а частію и въ подлинникѣ, почти цѣликомъ. Изъ нея исключены только, по словамъ издателя, нѣкоторыя произведенія, или сохранившіяся въ отрывкахъ и не могшія быть восстановленными, или неуровѣренныя по другимъ исправнымъ спискамъ и греческимъ подлинникамъ, остаю-

3) два сочиненія С. Коссова, 4) Крестъ Христа Спасителя, II. Могилы, и др. Съ другой стороны, между лицами письменво обличавшими протестантовъ, напрасно авторомъ помѣщенъ кievскій митрополитъ Сильвестръ Бѣлькевичъ, который считался нѣкоторыми прежними историками писателемъ по недоразумѣнію.

щимся неизданными, или-же не имѣющимъ особеннаго значенія для характеристикъ жизни и дѣятельности преп. Іова.

Въ разсматриваемомъ изданіи рукопись преподобнаго Іова систематизирована слѣдующимъ образомъ:

Часть первая. Отдѣлъ первый. Слова и бесѣды на воскресные дни и подвижные праздники и нарочитые дни церковнаго года (79—271 стр.). *Отдѣлъ второй.* Выписки и поученія о разныхъ предметахъ и на разные случаи (273—316).

Часть вторая. Отдѣлъ первый. Житія, сказанія и слова на неподвижные праздники и нарочитые дни церковнаго года (3—172). *Отдѣлъ второй.* Выписки изъ Патериковъ и особенно изъ Лѣствицы Іоанна Синайскаго (173—194).

Бесѣды и поученія преподобнаго и Богоноснаго отца Іова, игумена и чудотворца святаго лавры почаевской (стр. 3—46, въ два столбца, изъ коихъ одинъ занятъ подлиннымъ текстомъ, а другой переводомъ на современный русскій языкъ).

Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что проф. Петровъ, редактируя разсматриваемую нами рукопись и составляя послѣдованіе объ Іовѣ почаевскомъ, какъ духовномъ писателѣ, трудился весьма много и прилагалъ всевозможное стараніе, дабы придать своему труду научную оболочку. Довольно объемистый сборникъ, мелко и не всегда отчетливо написанный, имъ тщательно разобранъ, переписанъ и старательно, почти въ цѣломъ своемъ составѣ, сличенъ съ святоотеческими писаніями въ подлинникахъ или переложеніяхъ, наконецъ переведенъ на современный русскій языкъ и снабженъ тоже немалого труда стоявшимъ предисловіемъ. Но, въ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы результаты, добытые столь большимъ трудомъ, были значительны,—разумѣется въ смыслѣ научномъ. Намъ кажется, что проф. Петровъ при своихъ работахъ надъ почаевскою рукописью сразу-же сдѣлалъ невѣрный шагъ, довѣрчиво, безъ надлежащей критики отнесшись къ позднѣйшему оглавленію, сдѣланному на этой рукописи; а затѣмъ, ставши на невѣрную дорогу, упорно продолжалъ идти по ней до самаго конца.

Проф. Петровъ считаетъ не подлежащимъ сомнѣнію, что разсматриваемая имъ рукопись собственноручно писана преподобнымъ Іовомъ почаевскимъ. Мы-же думаемъ, что едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію *противное*. Разумѣется, свидѣтельство Досноея о преподобномъ Іовѣ, какъ о лицѣ, занимавшемся «писаніемъ книгъ церковныхъ», нисколько не доказываетъ, чтобы разсматриваемая рукопись была именно рукописью

преподобнаго. Также малоубѣдительно сама по себѣ и *позднѣйшая* приписка, сдѣланная на почаевской рукописи въ концѣ XVII или даже въ XVIII стол. рукою какого-то инока и гласящая, якобы означенная рукопись «власною рукою блаженнаго Іова почаевского писана». Знакомые съ древнею нашею письменностію хорошо знаютъ цѣну подобнымъ позднѣйшимъ припискамъ, основаннымъ на преданіи,—знаютъ, какъ иногда и возникаютъ подобныя преданія. Совсѣмъ другое дѣло, когда проф. Петровъ для подтвержденія своей мысли о принадлежности разсматриваемой имъ рукописи Іову почаевскому указываетъ на его собственноручную подпись, находящуюся на одномъ документѣ 1646 года: въ этомъ случаѣ онъ становится на почву положительную, фактическую. Только одна-ли благопріятною для него окажется эта почва. Проф. Петровъ говоритъ, что почеркъ разсматриваемой рукописи, писанный уставомъ и полууставомъ, имѣетъ *генетическое родство* съ курсивнымъ почеркомъ Іова почаевского на документѣ 1646 г. Нѣкоторыя буквы *сходны* въ томъ и другомъ письмѣ, а другія скорописныя буквы, повидимому *несходныя* съ полууставными, *лежко могли образоваться* изъ послѣднихъ естественнымъ путемъ, и проч. Читаешь и чувствуешь, что экспертиза какъ будто не совсѣмъ надежна. Дѣйствительно, сравнивая почеркъ почаевской рукописи съ указаннымъ автографомъ преподобнаго Іова, сходства между ними и даже генетическаго родства не находишь никакого и жалѣешь, что издатель разсматриваемой книги не приложилъ къ ней снимковъ какъ съ почаевской рукописи, такъ и съ подписей преподобнаго Іова, чтобы дать читателямъ возможность провѣрить его догадку. Скажутъ, что подпись на завѣщаніи сдѣлана была преподобнымъ Іовомъ въ 1646 г., слѣдовательно когда ему было уже 95 лѣтъ, и что неудивительно поэтому, если между почеркомъ его и почеркомъ гораздо ранѣе писанной рукописи не видится сходства? Замѣчаніе не лишено основанія. Но развѣ нѣтъ другихъ болѣе раннихъ автографовъ преподобнаго Іова? Разумѣется есть, и нѣкоторые изъ нихъ находятся даже въ нашей академической библиотекѣ; но почему не упоминаетъ о нихъ проф. Петровъ—недоумѣваемъ. Можетъ быть они неизвѣстны ему; въ такомъ случаѣ весьма жалѣемъ: ознакомленіе съ означенными автографами, надѣемся, во очію убѣдило-бы его въ томъ, что между почеркомъ преподобнаго Іова и почеркомъ разсматриваемой почаевской рукописи *генетическаго сродства нѣтъ*... Независимо отъ сличенія почерковъ въ подписи преподобнаго Іова и почаевской рукописи, въ послѣдней можно находить нѣкоторые и другіе признаки, не позволяющіе приписывать принадлежность ея преподобному. Такъ извѣстно, что Іовъ почаевскій принадлежалъ къ числу лучшихъ людей своего времени, воспитавшихся на древнихъ традиціяхъ и

не сочувственно смотрѣвшихъ на разныя новшества. Къ числу особенностей этихъ лицъ съ консервативнымъ отнѣнкомъ должно отнести сравнительно хорошее знакомство ихъ съ церковно-славянскимъ языкомъ, въ то время почти забывавшимся въ юго-западной Россіи. Между тѣмъ въ почаевской рукописи, по заявленію самаго составителя предисловія, встрѣчается «смѣшеніе грамматическихкихъ формъ, напримѣръ, дѣпричастія съ изъявительнымъ наклоненіемъ и втораго лица съ третьимъ», — вообще по мѣстамъ замѣчается крайне неправильная церковно-славянская рѣчь. Но на это обстоятельство составитель предисловія не обращаетъ надлежащаго вниманія, отдѣлываясь только такими замѣчаніями: «преподобный Іовъ пытался поддержать или возстановить этотъ (церковно-славянскій) языкъ, но его попытка оказалась не совѣтъ удачною и, можетъ быть, эта неудача была одною изъ побудительныхъ причинъ (?) къ прекращенію преподобнымъ Іовомъ полемиической его дѣятельности противъ еретиковъ и къ оставленію имъ дубенской обители».

За первымъ невѣрнымъ шагомъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ: рѣшившись признать разсматриваемую рукопись собственноручною рукописью преподобнаго Іова, профессоръ Петровъ рѣшается во что-бы то ни стало доказать важное ея историческое и литературное значеніе. А такъ какъ на самомъ дѣлѣ такого значенія почаевская рукопись не имѣетъ, то послѣдствіемъ этого является цѣлый рядъ изумительныхъ натяжекъ и превратныхъ сужденій. Такъ, напримѣръ, желая въ болѣе яркомъ свѣтѣ представить литературную дѣятельность преподобнаго Іова почаевского, профессоръ Петровъ утверждаетъ, что *преподобный трудился на литературножъ поприщѣ въ самый скудный духовными талантами періодъ существованія южно-русской православной церкви*. Разумѣется, это не болѣе, какъ риторическая фигура, потому что всякому, хотя поверхностно знакомому съ исторіею вашего юго-запада, извѣстно, что вторая половина XVI и первая XVII столѣтія (время жизни и дѣятельности Іова почаевского) представляютъ *самый богатый* духовными талантами періодъ въ исторіи южно-русской церкви. Въ это время (приводимъ выдержку изъ своего сочиненія о Петрѣ Могилѣ) религиозное движеніе, вызванное борьбою съ иновѣріемъ, охватываетъ всѣ слои южно-русскаго общества и достигаетъ самыхъ широкихъ размѣровъ. Реформируются и вновь образуются церковныя братства, заводятся школы и типографія, выпускаются въ свѣтъ сочиненія религиознаго и преимущественно религиозно-полемическаго содержанія, созываются соборы, пишутся и рассылаются призывающія къ единодушію и твердости въ вѣрѣ посланія, — словомъ, южно-

руссы предпринимають всевозможныя мѣры, чтобы отстоять свою вѣру и народность, подвергавшіяся серьезной опасности отъ напора искусно организованной и располагавшей громадными средствами иновѣрной пропаганды». Это-ли крайняя духовная скудость?!

Обращаемся къ содержанію самой почаевской рукописи.

Для непредубѣжденнаго изслѣдователя рукопись эта представляетъ весьма обычное въ то время собраніе разныхъ душеспасительныхъ словъ, бесѣдъ, поученій, наставленій и т. д., принадлежащихъ преимущественно св. отцамъ и учителямъ церкви. Разумѣется, нельзя думать, чтобы собраніе это представляло безцѣльный сводъ выписокъ изъ попадавшихся книгъ, безъ всякой системы и порядка. И цѣль, и система, и порядокъ явственны. Онѣ до извѣстной степени обозначены самимъ издателемъ, систематизировавшимъ рукопись по указаннымъ нами выше отдѣламъ. Очевидно, что писатель, при составленіи своей книги, имѣлъ цѣлю сгруппировать въ ней святоотеческія слова, бесѣды и поученія на всѣ воскресныя, праздничныя и нарочитыя дни, чтобы имѣть подъ руками ежедневное пазидательное чтеніе. Выборъ означенныхъ словъ и бесѣдъ могъ зависѣть отчасти отъ личнаго вкуса составителя, но едва-ли не въ значительной степени обуславливался количествомъ и подборомъ находившихся въ его распоряженіи книгъ. Весьма легко могло даже быть, что почаевская рукопись, въ цѣломъ своемъ составѣ, переписана съ *одной только книги*, ранѣе составленной, какъ это въ то время случалось зачастую. Такимъ образомъ, первый вопросъ, естественно возникающій при научномъ изслѣдованіи почаевской рукописи (тѣмъ-бы она ни была писана), долженъ состоять въ томъ, есть-ли это рукопись основная, составлявшаяся изъ разныхъ книгъ лицомъ, ее писавшимъ, или-же представляетъ собою простой списокъ со сборника, ранѣе составленнаго. Между тѣмъ этотъ, безъ сомнѣнія, весьма существенный вопросъ проф. Петровымъ совершенно игнорируется. Всѣ старанія его направлены къ тому, дабы доказать, что почаевская рукопись есть замѣчательный полемическій памятникъ противъ соцініанъ.

Приемы, употребляемые при этомъ проф. Петровымъ, весьма замысловаты и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма просты. Они состоятъ въ слѣдующемъ:

Около 1602 года издана очень замѣчательная «Книга о вѣрѣ», содержащая въ себѣ полемику противъ антитринитаріевъ. Книга эта раздѣлена на главы, изъ коихъ въ каждой приводится какое либо еретическое мнѣніе и затѣмъ довольно пространно опровергается. Такъ въ одной главѣ говорится, напримѣръ, о *пресвятой Троицѣ*, въ другой о *Божествѣ Иисуса Христа*, въ третьей о *пресвятой Богородицѣ* и т. д. Такъ какъ *Книга о вѣрѣ* была въ свое время наиболѣе полнымъ и систе-

матческимъ опроверженіемъ антитринитаріанской ереси, то проф. Петровъ кладеть ее въ основу «апологическаго ученія» преподобнаго Іова противъ еретиковъ, т. е. выписываетъ изъ нея въ указанномъ нами выше порядкѣ важнѣйшіе догматы въ православномъ вѣроученіи, отрицаемые соцініанами, и подбираеть въ почаевской рукописи мѣста, гдѣ раскрывается нужная для него сторона христіанскаго ученія. Напримѣръ, въ *Книжѣ о вѣрѣ* есть глава о *пречистыхъ тайнахъ тѣла и крови Господа нашего Іисуса Христа*, гдѣ сначала излагается мнѣніе еретиковъ, не признававшихъ въ евхаристіи истиннаго тѣла и крови Христовой и вещество сего таинства считавшихъ только подобіямъ тѣла и крови Христовой. Указавши, на основаніи *Книжѣ о вѣрѣ*, на подобное еретическое мнѣніе, проф. Петровъ находить, что и Іовъ почаевскій по данному вопросу велъ полемику съ еретиками; потому что въ рукописи Іова почаевскаго помѣщено слово съ именемъ Іоанна Златоустаго въ великій четвертокъ, а въ этомъ словѣ проповѣдникъ, приглашая своихъ слушателей къ священной трапезѣ, говорить: «Нынѣ предстоить Христось, нынѣ предстоить Тотъ, кто учредилъ эту трапезу; Онъ-же теперь устраеть и эту. Не человекъ претворяеть предложенное въ тѣло и кровь Христову, но распятый за насъ Христось. Стоящій іерей носить его образъ, и тѣ слова произносятъ іерей, и дѣйствуетъ сила и благодать Божія». Другой примѣръ. Антитринитаріа отвергали трончность лицъ въ Богѣ. Іовъ почаевскій боролся и противъ этого еретическаго мнѣнія, потому что въ его рукописи приведенъ отрывокъ изъ Шестоднева Северіана Гавальскаго и слова Григорія Цимвлага, а въ этихъ произведеніяхъ говорится о трончности Божіей (слѣдуютъ выдержки). Приведемъ еще одинъ примѣръ, изумительный по своей курьезности. Соцініане пренебрежительно отзывались о *хвалѣ и чести святыхъ угодниковъ Божіихъ*. По мнѣнію проф. Петрова, полемика Іова почаевскаго противъ протестантовъ, замѣчательная по широтѣ круга, касалась и этого пункта, что доказывается нижеслѣдующимъ образомъ. Въ рукописи преподобнаго Іова помѣщенъ конецъ слова (замѣтьте конецъ слова, а не все слово) Григорія Цимвлага. *Если все это слово мы возстановимъ*, то тамъ прочтемъ, между прочимъ, слѣдующія слова: «И поеліку священная память блаженнаго Филогонія зоветь нашъ языкъ къ воспоминанію, то, оставивъ теперь ваше безстыдство, побесѣдуемъ вкратцѣ о семъ блаженномъ, поеліку память праведныхъ съ похвалами, какъ сказалъ Соломонъ (Притч. 10, 7). Ибо, когда восхвалять праведники, то возвеселятся люди, возвеселятся и воспріимуть ревность къ добродѣтели». — Не правда-ли, вполне логическое доказательство!

Слѣдую примѣру проф. Петрова, можно доказать, что почаевская рукопись составлена противъ какой угодно секты—молоканъ, хлыстовъ и т. д. Слѣдую примѣру проф. Петрова, можно взять любой сборникъ XVI—XVIII в. религіознаго содержанія или любой сборникъ поученій какого либо современнаго проповѣдника и доказать, что онъ составленъ противъ соцініанъ,—ибо соцініане отрицаютъ Божество Иисуса Христа, а въ какой современной проповѣди, или въ старинной книгѣ вы не встрѣтите, что Иисусъ Христосъ многократно называется Богомъ?... Гдѣ вы найдете, что пресвятая Дѣва Марія не называется Богородицею, Богъ не призывается троячнымъ въ лицахъ и т. д.

Еще нѣсколько словъ. Въ концѣ разсматриваемой рукописи помѣщены (на 44 страницахъ въ два столбца, изъ коихъ одинъ занятъ подлиннымъ текстомъ, а другой переводомъ) якобы не списанныя бесѣды и поученія, а составленныя первоначальнымъ владѣльцемъ рукописи. Последнее весьма сомнительно. Самъ издатель почти о всѣхъ изъ нихъ говоритъ, что они составлены въ подражаніе то Златоустому, то Цимвлаку. Не обозначенны же, какъ подражательныя, имѣютъ весьма мало значенія. Такъ, на примѣръ, поученія противъ пьянства состоитъ изъ нижеслѣдующихъ строкъ: «Послушаемъ съ особеннымъ вниманіемъ о воздержаніи и Іезоніи и братьевъ его. Они были внуки Іонадава, сына Рихава праведнаго. Ихъ, происходящихъ отъ него, Іеремія искушаетъ, какъ бы отъ имени Божіи, повелѣвая имъ пить вино. Они сказали въ отвѣтъ: (приводится нѣсколько строкъ изъ 35 гл. Іереміи, чѣмъ и заканчивается поученіе).

Оканчиваемъ свою замѣтку слѣдующимъ заявленіемъ: мы не отрицаемъ совершенно всякое историческое значеніе разсматриваемой почаевской рукописи, мы только не признаемъ ее принадлежащею Іову почаевскому (точнѣе писавною имъ), не признаемъ за нею *того важнаго историческаго значенія, какое усвоится ей проф. Петровымъ*, какъ выдающемуся памятнику противо-протестантской (соцініанской) полемики конца XVI и нач. XVII стол. Мы думаемъ, что историческое и литературное значеніе почаевской рукописи совершенно одинаково съ тѣмъ значеніемъ, какое обыкновенно усвоится однороднымъ съ нею рукописнымъ сборникамъ прежняго времени, во множествѣ находящихся какъ въ общественныхъ, такъ и частныхъ книгохранилищахъ. Идти далѣе—значить вступать на ложную дорогу.

Безъ сомнѣній, издатели и проф. Петровъ добрую имѣли цѣль, выпуская въ свѣтъ разсматриваемую нами книгу—желали возвеличить преподобнаго Іова. Но удостоенный за свою святую и многополезную жизнь

любезною вѣнцу, преподобный не имѣеть нужды въ вѣнкахъ, сплетаемыхъ грѣшными руками человѣческими, и тѣмъ паче, если онѣ плетутся по узору, ошибочно нарисованному.

С. Голубевъ.

Przegląd archeologiczny, organ c. k. Konserwatorium pomników, oraz Towarzystwa archeol. krajow. we Lwowie. Zesz. 1—3. Lwów. 1882—1883. (Археологическое обозрѣніе, органъ и. к. Музея древностей и львовскаго археологическаго общества. Выпускъ 1—3. Львовъ. 1882—1883 г.).

Нельзя не отдать справедливости той старательности, съ которою польская рациональная наува послѣднихъ десятилѣтій занялась изученіемъ и изслѣдованіемъ родной старины. Она не отстаетъ въ этомъ случаѣ отъ того широкаго интереса къ историческому знанію, какой господствуетъ теперь во всѣхъ передовыхъ странахъ Европы. Во всѣхъ частяхъ, на которыя раздѣлена бывшая Польша, видимъ значительное вниманіе къ исторіи.

Польскіе историки не ограничиваютъ своего вниманія собственно предѣлами Польши, но касаются минувшей судьбы тѣхъ русскихъ областей, которыя входили нѣкогда въ составъ Рѣчи Посполитой, интересуются исторіей и этихъ земель въ періодъ польскаго владычества надъ ними.

Разрабатывая исторію этихъ исконно-русскихъ краевъ, хотя-бы и съ своей національной точки зрѣнія, издавая историческіе памятники ихъ, польская историографія оказываетъ услугу и намъ. *Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczy Pospolitej polskiej*, которыхъ X-й томъ вышелъ на дняхъ, могутъ быть поставлены вслѣдъ за изданіями нашихъ кievской и виленской комисій и собраніемъ «Актовъ западной и южной Россіи»; къ сожалѣнію, львовскіе акты издаются безъ того строго опредѣленнаго плана, который составляетъ одно изъ крупныхъ достоинствъ изданій кievской комисіи. Они лишены также предисловія, которыя нерѣдко столь цѣнны въ «Архивѣ юго-западной Россіи».

Нельзя не привѣтствовать тѣхъ польскихъ изданій, которыя проникнуты духомъ истинной науки, чтутъ историческую правду, не вносятъ въ исторію національнаго пристрастія и риторизма, не искажаютъ исторической истины, въ чемъ былъ повиненъ, напримѣръ, покойный краковскій профессоръ Шуйскій, въ особенности въ первое время своей

дѣятельности. На почвѣ болѣе или менѣе чистой научности могутъ протануть другъ другу руку и русскіе, и польскіе историки.

Къ числу отрядныхъ явленій польско-русской исторической литературы принадлежить и то изданіе, заглавіе котораго выписано выше.

Это повременное изданіе составляетъ органъ археологическаго общества во Львовѣ, имѣющаго цѣлю розысканіе, описаніе и сохраненіе всякихъ памятниковъ старины въ Галичинѣ и въ краковскомъ округѣ. Уставъ общества былъ утвержденъ въ 1875 г., но воплѣнъ оно организовалось въ 1876 г. Изъ галицко-русскихъ ученыхъ въ составъ археологическаго общества вошли извѣстные послѣдователи и знатоки галицкой исторіи о. А. С. Петрушевичъ и И. М. Шараневичъ, возведенные недавно университетомъ св. Владимира въ почетные доктора русской исторіи. Въ 1881 г. они были избраны въ члены «Видѣла», завѣдывающаго дѣлами общества, и сверхъ того о. Петрушевичу было предложено званіе заступающаго мѣсто президента археологическаго общества. Оба ученые, въ особенности о. Петрушевичъ, приняли весьма дѣятельное участіе въ изданіи «Археологическаго Обзорія», которое общество порѣшило издавать въ послѣднее время.

Общество понимаетъ археологію въ широкомъ смыслѣ слова и старается о правильной постановкѣ дѣла охраненія и изученія памятниковъ старины. Въ указанныхъ выше 3-хъ выпускахъ его трудовъ есть много не лишенаго интереса и для насъ.

Содержаніе ихъ очень разнообразно: тутъ находимъ и статьи чисто археологическія, заключающія описаніе тѣхъ или иныхъ памятниковъ, и описаніе архивовъ, и акты, и извлеченіе изъ позднѣйшихъ мемуаровъ, и небольшія историческія монографіи по архивнымъ даннымъ, и историко-археологическія розысканія и наконецъ библиографическіе перечни съ критической оцѣнкой. Укажемъ лишь на статьи и сообщенія, могущія представлять интересъ для читателей «Кіевской Старины».

Спеціально по части археологій заслуживаетъ упоминанія извѣстіе объ открытіи на поляхъ деревни Залуквы около Галича надъ р. Ломницею развалинъ церкви св. Спаса, которая была замковою церковью князя Владимирика и упоминается въ лѣтописи подъ 1152 г. Фундаментъ указываетъ на строеніе XI в. въ чистомъ церковномъ романо-византійскомъ стилѣ. Г. Шараневичъ, сообщившій это извѣстіе, описалъ также археологическія раскопки, произведенныя въ 1883 г. въ мѣстности древнаго Галича и начатыя по плану его-же и профессора Захаревича. Раскопаны *церковище Блзювиценьске*, валъ около церкви св. Спаса, нѣсколько могилъ, и намѣчены нѣкоторые пункты для дальнѣйшихъ раскопокъ. Эти раскопки, равно и сдѣланныя г. Шараневичемъ, на осно-

ванім ихъ, выводы вызвали рядъ возраженій въ галицкомъ «Словѣ» и въ «Вѣстникѣ народнаго дома» 1883 и 1884 г. въ неоконченной еще статьѣ о. А. Петрушевича: «О городѣ Галичѣ за Лукою». Тѣмъ не менѣе г. Шараневичъ питаеъ надежды, что предложенныя раскопки могилъ на мѣстѣ древняго Галича приведуть къ результатамъ подобнымъ тѣмъ, какіе добыты изслѣдованіемъ въ 1881—1882 гг. могилъ стараго города Пльснська, упомянутаго лѣтописью подъ 1190 и 1233 гг., а въ этихъ послѣднихъ встрѣчаются рядомъ съ находками, указывающими на христіанство, слѣды языческихъ обычаевъ, ставленія въ могилы пищи и напитковъ, обращеніе покойниковъ головою на западъ, употребленіе колецъ, вложеніе въ уста покойнику золотыхъ бляшекъ и пр.

Изъ статей, относящихся къ вещественнымъ памятникамъ старины, можно отмѣтить живо-написанный очеркъ общаго содержанія, принадлежащій перу графа Дзѣдушицкаго, предсѣдателя археологическаго общества и хранителя памятниковъ. Очеркъ этотъ озаглавленъ: «Деревянныя постройки на Руси». Авторъ обращаетъ вниманіе на необходимость присматриваться къ деревяннымъ церквамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя заслуживаютъ вниманія и являются истинными произведеніями искусства въ своемъ родѣ. Въ подтвержденіе отчетливости, съ какою выполнена постройка нѣкоторыхъ изъ нихъ, указывается церковь въ Дрогобычѣ, которая, по преданію, стояла нѣкогда въ Украйнѣ за Днѣпромъ и дрогобычскими мѣщанами, возникшими туда для продажи соли, прибрѣтена за нѣсколько возовъ соли. Церковь была разобрана, каждая изъ частей ея была положена въ отдѣльности на сани, и всѣ онѣ были перевезены на Червонорусское Подгорье. Гр. Дзѣдушицкій описываетъ обычный сельскій «русинской церкви» и говоритъ: «Вотъ стародавняя польская (sic!) церковка, которую мы всѣ знаемъ, которую полюбилъ каждый поэтъ и каждый истинный художникъ, и которую теперь неразумно губятъ неумѣлыя руки». Указавъ на живописный видъ тѣмъ церкви, соответствующій нашему небу, авторъ упоминаетъ о *дзвоницѣ* и переходитъ къ старымъ домамъ по мѣстечкамъ. «Не одинъ, замѣчаетъ онъ, удивится тому, что кому либо пришла охота говорить о такихъ убожествахъ; и однако эта архитектура связана со всѣмъ прошлымъ. Въ деревянныхъ нештукатуренныхъ покоехъ жили наши рыцарственные предки, заслонявшіе грудью Рѣчь Посполитую и христіанство, пока они не опустились подъ вліяніемъ саксонской иноземщины. Въ деревянной церкви молились сотни поколѣній, она является достойнымъ памятникомъ народнаго обычая и свидѣтельницаю лучшихъ временъ; деревянная церковка среди дубовы и деревянный домъ въ мѣстечкѣ—то родныя дѣти нашихъ лѣсовъ, нашихъ долинъ и нашей исторіи; не позволимъ, чтобы ихъ выгнали изъ родимой Руси

какіе нибудь безциѣтныя, холодныя, гадкія, бѣленныя пришельцы». Помимо тенденціознаго смѣшенія русскаго съ польскимъ, въ статьяхъ со-трудниковъ *Przegląd'a*, принадлежащихъ къ польской націи, нерѣдко прорывается элегическій тонъ, указывающій на то, что побуждаетъ польскую интеллигенцію отдаваться такъ ревностно изученію прошлаго. Тѣже ноты звучатъ и въ такихъ сухихъ статьяхъ, какъ описаніе львовскаго городского архива. Въ началѣ этого описанія читаемъ: «*Свое управленіе, свой судъ, своя казна, свое войско*— все это говоритъ намъ, какъ духи, поднимающіеся по заклинанію чародѣя изъ этихъ книгъ, грамотъ, актовъ, историческихъ автографовъ, даже нерѣдко изъ мелкихъ замѣтокъ и частныхъ листковъ».

Гр. Дзѣдушицкому принадлежитъ также описаніе латвискаго костела и церкви св. Юрія въ Дрогобычѣ. Авторъ говоритъ прежде всего о башиѣ романскаго стиля, напоминающей сѣверно-итальянскаго и юго-славянскія сооруженія, восходящей ко времени Володаря Осмомысла (sic) и свидѣтельствующей наравнѣ съ другими памятниками, что и Галицкая Русь не оставалась чуждой вліянія запада. Затѣмъ гр. Дзѣдушицкій переходитъ къ костелу готическаго стиля, построенному краковскими мастерами въ первой половинѣ XV в. и наглядно знающему съ костелами времени Ягайла. Этотъ костель былъ реставрированъ королевою Боной. Надъ главнымъ кораблемъ явился тогда круглый сводъ, подобный тѣмъ, какіе видѣются на Сукенинахъ, на луцкомъ замкѣ, въ Люблинѣ и въ Красчинѣ. Когда верхъ костела обрушился отъ тяжести народа, искавшаго на немъ защиты во время татарскаго нашествія при королѣ Михаилѣ, его возстановили въ іезуитскомъ стилѣ или багоссо. Теперь костель приводится въ первоначальный видъ по ходатайству «Видѣла» общества предъ краевымъ сеймомъ. Послѣ описанія надгробнаго памятника Рамултовой, находящагося ввнутри собора и относящагося къ первому времени возрожденія, слѣдуетъ упоминаніе о деревянной церкви св. Юрія, привезенной, какъ сказано, по преданію изъ Украины и подтверждающей своимъ видомъ это преданіе. По мнѣнію автора, церковь можетъ быть названа прибывшею изъ-за Днѣпра и въ иномъ еще смыслѣ: первообразы ея въ Самаркандѣ, въ Тегеранѣ и въ Бенаресѣ; это «татарское (!) искусство». Такъ далеко шагнулъ авторъ, заключающій замѣчаніемъ, что «дзвоница и церковь характеризуютъ судьбу православія въ Польшѣ, которое становилось постепенно вѣрой хлопской. Но когда высшія сословія ходили въ католическія костелы, церковь все чаще подпадала вліянію, проникавшему съ востока, изъ-за Днѣпра. Раздвоеніе между востокомъ и западомъ, усматриваемое во всей Рѣчи Посполитой, выступаетъ наиболѣе ясно въ судьбѣ русской церкви: одна

часть ея клонилась къ уніи, другая отвращалась отъ Европы и тоскливо взирала на Москву».

Переходя къ письменнымъ памятникамъ старины, укажемъ на описаніе городского львовскаго архива, составленное секретаремъ общества К. Видманомъ.

Г. Садокъ Барончъ предпринялъ описаніе допниванскихъ архивовъ и пова помѣстилъ статьи объ архивахъ въ Ярославѣ и Бохнѣ.

Въ отдѣлѣ «историческихъ матеріаловъ» встрѣчаемъ рядъ актовъ, сообщенныхъ по большей части гг. Петрушевичемъ и Шараневичемъ. Не всѣ документы представляютъ одинаково интересный и цѣнный матеріалъ. Перечислимъ важнѣйшіе. Въ визитѣ 1765 г. церкви и монастыря св. Юрія во Львовѣ есть свѣдѣніе о времени сооруженія этой церкви и о надписи на колоколѣ, отлитомъ въ 1341 года. Интересно примѣчаніе о. Петрушевича къ грамотѣ XIV в. о пожалованіи села двумъ волохамъ и къ двумъ грамотамъ Ѳедора Любартовича (начала XV в.) объ отграниченіи нѣсколькихъ селъ. Грамоты эти свидѣлствуютъ о поселеніи румунъ въ порѣччя Ломницы и вообще въ ждачевскомъ покрѣтѣ. О. Петрушевичъ излагаетъ по этому поводу кратко свой любимый и интересный тезисъ о румунскомъ вліяніи на юго-западную Русь: онъ говоритъ о румунской колонизаціи въ Галичинѣ, приурочивая къ румунамъ и болоховцевъ¹⁾, указываетъ на необходимость изслѣдованія заслугъ румунъ въ исторіи южно-русской образованности. Вліяніе румунъ началось, по мнѣнію о. Петрушевича, съ доисторическаго времени славянъ и объясняетъ начало культуры и христіанства по обѣимъ сторонамъ Карпатъ. Нѣсколько документовъ XVI—XVII в. изображаютъ положеніе православнаго духовенства въ Галичинѣ. Двѣ грамоты начала XVI в. говорятъ объ освобожденіи священника церкви св. Николая во Львовѣ отъ государственныхъ повинностей и отъ подсудности львовскому старостѣ. По ходатайству Константина Острожскаго, Сигизмундъ I освободилъ монаховъ львовскаго онуфріевского монастыря отъ государственной подати съ сада. Королевскія и владѣльческія грамоты XVI—XVII вв. предоставляли вносившимъ извѣстную сумму священническія чѣста въ различныхъ мѣстностяхъ Галичины въ *потомственное распоряженіе* съ угодьями и опредѣленною данью по 1 копѣ жита отъ пасомыхъ подданныхъ; коморничьяго и загородничьяго полагалось по одному дню работы, и сверхъ того вносился извѣстный податокъ. Священникъ

¹⁾ Ср. нашъ разборъ гипотезы г. Петрушевича о Болоховцахъ въ майской книжкѣ «Универс. Изв.», 1884 г. Въ ноябрьскомъ № «Вѣстника Народнаго дома», 1884 г. о. Петрушевичъ кратко отвѣчаетъ на этотъ разборъ.

долженъ былъ вносить ежегодно чиншъ и затѣмъ освобождался отъ всякихъ повинностей и панщины. Отнять поповство у потомковъ пожалованнаго имъ можно было лишь по уплатѣ суммы, которая была внесена получившимъ жалованную грамоту. Иной разъ священникъ самъ строилъ церковь и затѣмъ получалъ грамоту на поповство при ней. Значительный интересъ представляетъ грамота Сигизмунда III, которою было разрѣшено въ 1596 г. кіево-печерскому архимандриту Никифору Туру основать надъ р. Ирпенемъ на урочищѣ *Дидовомъ* замокъ и при немъ *мѣсто*. Мѣщанамъ того мѣста грамота воспрещала ходить безъ разрѣшенія гетмана на *запоромъ*, въ *дикія поля* и за границу и доставлять туда провизію, олово и порохъ. Изъ позднѣйшихъ документовъ особеннаго вниманія заслуживаетъ напечатанное А. С. Петрушевичемъ иностранное письмо Филиппа Орлика на латинскомъ языкѣ къ генеральному ассистенту іезуитовъ въ Римѣ, написанное 5 августа 1727 г. въ Фессалоникѣ и заключающее въ себѣ разсказъ объ извѣстныхъ странствованіяхъ этого авантюриста по Европѣ, съ цѣлію добиться у европейскихъ дворовъ освобожденія общими ихъ силами Малороссіи отъ московскаго подданства и возстановленія яко-бы его, Орлика, въ гетманскомъ достоинствѣ. Изъ письма открывается, что Орликъ, преслѣдовавшій свою политическую мечту около 20 лѣтъ, послѣ всѣхъ испытанныхъ имъ неудачъ, рѣшился наконецъ прибѣгнуть къ помощи римской куріи. Съ этою цѣлію онъ обратился къ іезуитскому миссіонеру въ Константинополь и открылся предъ нимъ, будто его одолеваетъ ревность о распространеніи католической церкви, и что онъ могъ-бы отдаться этому дѣлу, если-бы ему оказана была помощь въ исполненіи его давнихъ мечтаній. Орликъ далъ миссіонеру записку по этому предмету, которая была сообщена послѣднимъ послу австрійскаго императора. И миссіонеръ, и посолъ обѣщали Орлику позаботиться о немъ. По плану Орлика, папа долженъ былъ хлопотать предъ римскимъ императоромъ о заступничествѣ за него, Орлика, при русскомъ дворѣ, если-же это окажется невозможнымъ, то велѣлъ-лъ своему нунцію домогаться у польскаго короля и польской республики, чтобы послѣдняя согласилась исполнить обѣщаніе, данное королемъ Портѣ, именно о предоставленіи Орлику правобережной Украины съ гетманскимъ достоинствомъ и древними правами, соблюдавшимися до 1712 г. Орликъ ввелъ-бы тогда унію въ Украинѣ въ теченіи года не насильственными средствами, въ которыхъ прибѣгаютъ поляки изъ неутоленной ревности (*ex zelo minus ordinato*), но посредствомъ указанія на заблужденія новѣйшей греческой церкви. Тогда Польша могла-бы быть спокойна относительно козаковъ. Къ этому письму Орликъ прило-

жилъ еще письмо къ папѣ и нѣкоторые документы, относившіеся къ перепискѣ его съ различными лицами, съ которыми онъ сносился.

Въ отдѣлѣ историческихъ матеріаловъ весьма интересенъ отрывокъ изъ дневника холмскаго униатскаго епископа Важинскаго, относящійся къ возстанію Костюшки.

Изъ обработокъ сыраго историческаго матеріала отмѣтимъ нѣсколько датъ для исторіи рода Одровонжей на Руси въ XV в., генеалогическую таблицу потомства Іеремія Могилы и статью о Гозин, извѣстномъ епископѣ вармійскомъ и кардиналѣ, ратоборцѣ за католичество въ періодъ реформаніи въ Польшѣ.

Упомянемъ въ заключеніе нашего обзора, что въ «Археологическое обозрѣніе» вошла и одна археологическо-лингвистическая замѣтка, вѣроятно—на томъ основаніи, что самымъ важнымъ и старшимъ археологическимъ памятникомъ въ научномъ отношеніи является языкъ «рода людскаго». Замѣтка эта принадлежитъ А. С. Петрушевичу и касается слова *рокошь*. Приведши различныя мнѣнія объ этомъ словѣ, о. Петрушевичъ присоединяется къ юридическому толкованію Мацѣевскаго, по которому поляки называли рокошемъ «вооруженное выступленіе шляхты противъ короля». О. Петрушевичъ дополняетъ свѣдѣнія, приведенныя у Мацѣевскаго, указаніемъ на то, что венгерскіе *рокоши* или сеймы на полѣ Ракусъ упоминаются уже подъ 1298 г., а въ венгерское право они вошли не ранѣе 1498 г. Окончаніе *ошъ* о. Петрушевичъ считаетъ вопреки Миклошпчу не малорусскимъ, а западно-славянскимъ. Въ этой западно-славянской (чешско-польской формѣ) слово проникло въ русскій книжный языкъ уже въ XV в. Изъ языка чеховъ и словаковъ (у послѣднихъ это слово употребляется до сей поры) оно перешло въ языкъ мадырскій и румынскій. Въ значеніи бунта слово рокошь проникло въ московскую Русь отъ западныхъ славянъ чрезъ Литву или Малую Русь. Оно встрѣчается въ судебныхъ Иванѣ III и Иванѣ IV. Въ старорусскомъ языкѣ существовала чисто русская форма этого слова, *раюза*, которая была извѣстна и въ юго-западной Руси. Заключена замѣтка г. Петрушевича этимологическимъ производствомъ слова *рокошь* и указаніемъ различныхъ видоизмѣненій первоначальнаго корня.—О. Петрушевичъ помѣстилъ также описаніе молитвенника Терезы, урожденной Опалинской, второй жены Стефана Немирича, воеводы кievскаго, представляющее нѣсколько данныхъ для исторіи польскаго языка.

Н. Д.

Рада, украинскій альманахъ на 1884 года. Кіевъ. 1884 годъ.

Второй выпускъ кіевскаго альманаха составленъ исключительно изъ белетристики и поэзіи. Капитальною вещью въ немъ, какъ и во всей малорусской словесности послѣднихъ 10—15 лѣтъ, является романъ «Повія», изъ котораго появилась теперь вторая часть. Какъ ни неблагопріятенъ для цѣльности литературнаго произведенія подобный способъ печатанья по части черезъ годъ, но впечатлѣніе производимое романомъ г. Мирнаго такъ глубоко, что лица и событія выплываютъ изъ памяти, какъ только приступишь къ чтенію новой части, какъ знакомые, родные, и читатель входитъ сразу и всецѣло въ ихъ жизнь. Въ этой части героиня этой несложной повѣсти, сдѣлавшись жертвою обмана, отслуживаетъ въ городѣ у мѣщанина Загныбиды за деньги, яко бы оставшіеся должными этому кулаку ея покойнымъ отцемъ. Жена Загныбиды — болѣзненная женщина, и молодая, хорошенькая Христя становится цѣлью его назойливыхъ приставаній. Когда, послѣ многихъ терзаній, Христя урывается на денекъ въ село, къ матери, Загныбыда, возвратясь домой и не заставъ наймички, раздосадованный своимъ неуспѣхомъ и считая всему помѣхою постылую жену, нападаетъ на нее съ такою яростью, что несчастная женщина умираетъ отъ побоевъ. Въ испугѣ и попыткахъ онъ выпроваживаетъ домой наймичку, сунувъ ей пятидесятирублевую бумажку. Эти деньги становятся для Христы источникомъ новаго горя. На допросѣ Загныбыда бросаетъ тѣнь на Христю и, какъ улику, указываетъ на деньги. Христю берутъ подъ слѣдствіе, а въ это время тамъ, въ селѣ, сраженная этою послѣднею чашей горя, умираетъ ее мать. Отпущенная за отсутствіемъ всякихъ уликъ, Христя попадаетъ въ село на похороны старухи. Она бросаетъ на вѣкъ неприбытную родину и уходитъ на новое мѣсто.

Глубина анализа и правда изображеній — таковы отличительныя черты таланта автора «Повіи», который мы пытались уже характеризовать, при появленіи первой части романа. Картина жизни малорусскихъ селъ и городковъ, подъ перомъ г. Мирнаго, является во всей той широтѣ, какая свойственна крупнѣйшимъ представителямъ современнаго романа, этого послѣдняго слова поэзіи. Если дивисься мощи, съ какою изображаетъ авторъ характеры сильные и жестокіе, то особеннаго вниманія заслуживаетъ искусство, съ какимъ рисуетъ онъ натуры пассивныя, какъ жена Загныбиды, или среднія, какъ Христя. Психологія обыденнаго, средняго человѣка — самая трудная... Скорбнымъ чувствомъ отсутствія правды въ мірѣ дышетъ созданіе поэта. Людей чистыхъ сердцемъ, безкорыстныхъ, высокихъ душою — мало въ мірѣ. Имъ суждено страданіе.

Злоба и эгоизм торжествуют на свѣтѣ и люди сами устроили свои муки. На его любимое село со всѣхъ сторонъ ложатся тѣни. Ложатся онѣ и отъ этого городка, который, какъ всѣ города въ людскихъ обществахъ—есть представитель хищнаго эгоизма и калѣчить и губить тѣ свѣжія силы, какія даетъ ему деревня. Украинское мѣщанство и мелкій промышленный классъ нашли въ г. Мирномъ такого-же несравненнаго изобразителя, какъ и сельская жизнь. Сцену праздничной мѣщанской пирушки у Загныбиды надо прочесть, такъ какъ о ея поразительной живости и юморѣ не дадутъ понятія никакія слова.

Очерки «Якъ ведеться, такъ и живеться», того-же автора,—также романъ, изъ котораго дано пока только два отрывка. Въ лѣтній зной, подъ палацкимъ солнцемъ, три крестьянскихъ мальчюка пасутъ скотъ въ степи. Предъ ними, въ отдаленіи, темный силуэтъ Батіевщины, разрушенной панской усадьбы, надъ ними—голубой шатеръ неба. Ихъ дѣтскія рѣчи и составляютъ «содержаніе» очерка «День на пастовнику», а изображеніе ихъ дѣтскихъ натуръ и трехъ различныхъ характеровъ, тонкое и блистательное, составляетъ интересъ этого прелестнаго разсказа. Второй очеркъ «Батьки» ведетъ разсказъ назадъ. Мы предпочитаемъ, когда лица рисуются въ дѣйствіи, параллельно событіямъ, а не такіе ретроспективные очерки. Но когда разсказъ веденъ съ этимъ талантомъ, тогда способъ передачи отходитъ на второй планъ. Мы дѣлаемся очевидцами и участниками жизни цѣлой крестьянской семьи: крутой, но честный старикъ—отецъ, любящая мать, хозяинъ, добрый малый,—старшій братъ, его тихая, покорная жена—всѣ становятся намъ близкими, какъ дѣйствительно видѣнныя лица. Но ярче всѣхъ выступаетъ младшій братъ Ёсипъ, обреченный на солдатчину и его жена Параска, этотъ выродокъ панскихъ усадебъ. Ради любви къ ней онъ обрадываетъ родныхъ, онъ страдаетъ и мучится. Сценѣ примиренія и ухода Ёсипа въ солдаты, при всей слержанности и строгости разсказа, суждено имѣть успѣхъ патетизма, успѣхъ слезъ, самый завидный, о какомъ можетъ думать писатель. Надо имѣть очень сильныя нервы, чтобъ прочесть ее безъ волненія. Чтобъ покончить съ г. Мирнымъ, скажемъ, что сокровища чувства и слова, внесенныя имъ въ малорусскую литературу, будутъ всегда такимъ-же голосомъ о творческихъ силахъ народа, какъ и самыя созданія народной музыки.

Два маленькыхъ разсказа въ книгѣ принадлежатъ Ганнѣ Барвинокъ. Это имя давно знакомое въ малорусской литературѣ принадлежитъ писательницѣ, обладающей рѣдкимъ и пріятнымъ свойствомъ: правильнымъ сознаниемъ своихъ силъ. Съ самаго начала своей дѣятельности писательница избрала форму очерка, каждая черта въ которомъ изучена

съ натуры. Выбирая темы съ умомъ и тонкимъ вкусомъ, г-жа Барвинокъ въ формѣ набросковъ, путевыхъ замѣтокъ и т. п. оставила нѣсколько вещицъ, которыя не забудутся. Любители малорусскаго слова помнятъ ея рассказы въ «Хатѣ» и «Основѣ»: «Не було зъ малку, не буде й до станку», «На Возыни», «Жизнь въ одномъ селѣ». Послѣдній рассказъ напимѣръ ничто иное, какъ простое описаніе украинской мѣстности, одного уголка нашей родины. На этомъ пейзажѣ двѣ три обыденныхъ деревенскихъ фигуры. Но все это такъ вѣрно жизни и безыскусственно, рассказано съ такой любовью къ предмету, что отъ этихъ страницъ какъ-бы вѣетъ здоровымъ воздухомъ деревни, ароматомъ цвѣтущаго сада, душистымъ запахомъ полевыхъ травъ... Въ «Основѣ» была цѣлая школа такихъ добросовѣстныхъ писателей: Номись, Л. Жемчужниковъ, Ревякинъ, Каховскій. Къ этому типу произведеній принадлежитъ очеркъ «Квитки зъ слезами, слезы зъ квитками», представляющій попытку обрисовки психологіи валькъ. Три женщины, въ ней выведенныя, настоящія украинки, съ ихъ душевнымъ изяществомъ и глубиною чувства. Рассказъ «Вирна пара» вдохновленъ Шекспировскою «Ромео и Юлія», изъ которой къ нему взять эпиграфъ.

Кому не случалось иногда задумываться надъ великими созданіями фантазіи и рисовать въ умѣ, что было-бы, еслибъ измѣнить такъ или иначе ходъ событій въ поэтическихъ фибціяхъ? Представимъ себѣ, что Лоренцій пришелъ минутою раньше и помѣшалъ Ромео выпить ядъ. Джульета просыпается, узнаетъ своего обожателя и безсмертные своею вѣрностью сердца наконецъ соединяются. Въ рассказѣ г-жи Барвинокъ находимъ мѣчто подобное: парубокъ Сергій возвращается домой «съ вокзала», узнаетъ о внезапной смерти своей невѣсты. Она была весела и здорова и, принарядившись, пошла въ послѣдній разъ съ подругами на досвитки. Тамъ парубки хотѣли снять у нее съ руки кольцо, обручальное кольцо Сергія. Чтобы не дать никому кольца, она взяла его въ ротъ и проглотила. Кольцо стало въ горлѣ, что произвело обморокъ, схожій съ летаргіей. Сергій возвращается, когда Онильбу только что похоронили. Ночью бѣжитъ онъ на кладбище и въ отчаяніи откапываетъ гробъ, чтобы взглянуть на свою невѣсту еще разъ. Сильнымъ движеніемъ онъ встряхиваетъ мнимую покойницу. Она просыпается и возвращается къ жизни. Маленькій этотъ рассказъ ведетъ очень искусно и неожиданность развязки и интересъ поддерживаются до послѣдняго слова. Послѣдняя прозаическая вещь, сказка «Кладовище» — дебютъ новаго автора г. Алатаченка и, что особенно пріятно, дебютъ удачный. Написанная на шопенгауэровскую тему, сказка эта обличаетъ нѣкоторую писательскую неопытность: въ ней два рассказа, вставленные одинъ въ другой, отчего двоятся впечатлѣніе. Но она умна, довольно образна и написана хорошимъ языкомъ.

Г.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

ГДѢ ЖИЛИ ПЕРВЫЕ КІЕВСКІЕ МИТРОПОЛИТЫ: ВЪ ПЕРЕЯСЛАВѢ ИЛИ ВЪ КІЕВѢ?

Лѣтописи и списки церковнаго устава Владимірова говорятъ, что св. Владиміръ принялъ изъ Царьграда митрополита *Кіеву*. Между тѣмъ наши ученые историки: архіепископъ Филаретъ, митрополитъ Макарій Булгаковъ и профессоръ Е. Голубинскій, согласно съ мнѣніемъ составителя Никоновской лѣтописи, утверждаютъ, что до построения кіево-софійскаго собора кіевскіе митрополиты жили не въ Кіевѣ, а въ приднѣпровскомъ Переяславѣ, находящемся въ 90 в. ниже Кіева по теченію Днѣпра. Митрополитъ Макарій и Голубинскій указываютъ и причину сего въ томъ, будто «въ Кіевѣ съ самаго начала не нашлось удобнаго помѣщенія для митрополита, а въ Переяславѣ, можетъ быть, существовалъ готовый и удобный для нихъ домъ ¹⁾. Съ этимъ мнѣніемъ соглашается и профессоръ И. И. Малышевскій въ своей, только что появившейся статьѣ о кіевскихъ церковныхъ соборахъ (Труды кіевской духовной академіи—декабрь 1884 г.). Митрополитъ кіевскій Евгеній не далъ своего рѣшительнаго заключенія по сему предмету ²⁾. Нашъ историографъ Карамзинъ отвергъ подобное мнѣніе ³⁾. При всемъ уваженіи къ

¹⁾ Исторія русской церкви, м. Макарія, т. 1, стр. 37 и 38; Исторія русской церкви, Е. Голубинскаго, т. 1, ч. 1-я, стр. 286 и 287.

²⁾ Описаніе кіево софійскаго собора, м. Евгенія. Прибавленіе, стр. 65.

³⁾ Исторія русскаго государства, ч. 1, прилѣч. 160.

ученымъ авторитетамъ названныхъ выше лицъ, позволяемъ себѣ и мы усумниться въ вѣрности ихъ мнѣнія относительно пребыванія кievскихъ митрополитовъ въ Переяславѣ и на то имѣемъ достаточныя причины, которыя представляемъ на судъ лицъ, интересующихся этимъ вопросомъ.

Первоначальное жительство кievскихъ митрополитовъ въ Переяславѣ обстоятельнѣе прочихъ отстаиваютъ митрополитъ Макарій и г. Голубинскій, стараясь доказать это 1) надписью надъ сохранившимся посланіемъ митрополита Леонтія въ латинянамъ, въ которомъ онъ называется митрополитомъ русскаго Переяслава, и 2) замѣткой кievской лѣтописи подъ 1083 г., гдѣ сказано, что «бѣ прежде въ Переяславѣ митрополѣ». Переселеніе митрополи изъ Переяслава въ Кіевъ они полагаютъ не раньше освященія кievо-софійскаго собора, т. е. о около 1044 года. Но а) вышеупомянутое посланіе едва-ли принадлежитъ святителю, умершему въ 1008 году, такъ какъ въ немъ въ обличеніе латинянъ говорится объ опрѣсновахъ, о безженствѣ священниковъ, о постѣ въ субботу и прочихъ такихъ предметахъ, которые только спустя сорокъ пять лѣтъ послѣ сего въ первый разъ обличены константинопольскимъ патріархомъ Михаиломъ Керулларіемъ; посланіе такого содержанія могло явиться у насъ уже послѣ освященія кievо-софійскаго собора и не раньше 1054 г., т. е. послѣ мнимаго переселенія русскихъ митрополитовъ изъ Переяслава въ Кіевъ. б) Съ титуломъ переяславскаго митрополита упоминается въ самой лѣтописи Нестора *Ефремъ*, бывший съ 1089 по 1091 годъ, когда митрополиты кievскіе несомнѣнно жили въ Кіевѣ, и однако ни митрополитъ Макарій, ни г. Голубинскій не считаютъ его кievскимъ митрополитомъ, а г. Голубинскій считаетъ этого Ефрема митрополитомъ титулярнымъ и доказываетъ это между прочимъ тѣмъ, что сей Ефремъ подъ 1091 г. и подъ 1124 г. называется въ лѣтописи епископомъ переяславскимъ, а не митрополитомъ, и въ то-же время Леонтія или Леона, автора посланія въ латинянамъ, онъ признаетъ за дѣйствительнаго всероссійскаго или, что то-же, за кievскаго митрополита, временно жившаго въ Переяславѣ, хотя этотъ Леонтій въ одномъ изъ списковъ его посланія, видѣнныхъ В. И. Григоровичемъ на востокѣ, называется *архіепископомъ русскимъ*, а въ другомъ спискѣ только *епископомъ* ¹⁾.

¹⁾ Исторія рус. церкви, Е. Голубинскаго, т. 1-й, стр. 230 и 231.

Не скорѣе-ли нужно прійти къ мысли, что у насъ въ XI вѣкѣ было два Леонтія—одинъ митрополитъ кievскій, управлявшій русскою церковью съ 991 г. по 1008 годъ, а другой епископъ переяславскій, носившій также, какъ и Ефремъ, только титулъ митрополита и жившій въ концѣ княженія Ярослава, когда послѣдовалъ разрывъ между церквами восточною и западною? Это было-бы согласно съ мнѣніемъ и самого Голубинскаго о томъ, что «первые переяславскіе епископы или, по крайней мѣрѣ, *нѣкоторые* изъ нихъ (а не одинъ, значить, Ефремъ) носили *титулъ* митрополитовъ, и не противорѣчило-бы его-же мнѣнію о томъ, что «принадлежность Кіева къ области переяславскаго митрополита только вѣроятна, *не болѣе того*» (Исторія русской церкви, стр. 298). Тогда не было-бы для него и необходимости исправленіе обязанностей кievскаго митрополита по священнослуженію въ Кіевѣ до 1039 г. поручать бѣлгородскимъ епископамъ, которыхъ рядъ начинается только съ 1072 г., если не признавать первымъ бѣлгородскимъ епископомъ Нивиту, поставленнаго въ Никоновской лѣтописи, не заслуживающей довѣрія, по мнѣнію г. Голубинскаго. в) Что касается замѣтки, находящейся въ лѣтописи по Лаврентьевскому списку подъ 1089 г., будто «митрополю бѣ преже въ Переяславлѣ», то она принадлежит не преподобному Нестору, а позднѣйшему переписчику лѣтописи, такъ какъ этой приписки нѣтъ въ той-же лѣтописи по Ипатскому списку. Никоновская лѣтопись, говоря, что «живяху множае тамо (въ Переяславлѣ) митрополиты кievскіе и всея Россіи и епископы поставляху тамо», только распространяетъ домыслие переписчика кievской лѣтописи. Пребываніе кievскихъ митрополитовъ въ Кіевѣ со временъ св. Владиміра положительно подтверждается слѣдующими обстоятельствами:

1) По мнѣнію преосвященнаго митрополита Макарія и г. Голубинскаго, основанному на свидѣтельствѣ Степенной книги и Никоновской лѣтописи, при св. Владимірѣ было въ Россіи уже 8 епископскихъ кафедръ. Если-же епископскія кафедры были тогда не только въ болѣе значительныхъ мѣстахъ, какъ-то: въ Новгородѣ, Черниговѣ, Ростовѣ, Полоцкѣ, но и въ менѣе значительныхъ, каковыми тогда были Владимірѣ-Волинскій, Туровъ, Юрьевъ на р. Роси и Бѣлгородъ на р. Ирпенѣ, то нельзя думать, чтобы Кіевъ—столица русскаго государства—оставался 50 лѣтъ безъ епископской кафедры,

особенно при той любви, какую имѣлъ св. Владиміръ къ духовному чину, и при его уваженіи къ мнѣнію митрополита и епископовъ, съ которыми онъ совѣщался въ важнѣйшихъ, даже государственныхъ дѣлахъ. И почему не быть митрополиту въ Кіевѣ? Неужели потому, какъ думаютъ наши церковные историки, будто не нашлось въ Кіевѣ удобнаго помѣщенія для него? Это болѣе чѣмъ странно предполагать, если находили тогда помѣщенія для архіереевъ даже въ Тмутаракани. Говорятъ, что въ Кіевѣ не было еще тогда митрополичьяго храма. А въ Переяславѣ былъ тогда митрополичій храмъ? Напротивъ, извѣстно, что въ Переяславѣ соборный храмъ освященъ лишь въ 1090 году, а въ Кіевѣ созданный св. Владиміромъ и освященный въ 996 году Десятинный храмъ былъ не меньшихъ размѣровъ, чѣмъ Ярославовъ-софійскій, и былъ украшенъ больше, чѣмъ всякій другой храмъ тогдашнихъ удѣльныхъ городовъ, такъ что весьма прилично въ немъ могло совершаться митрополичье служеніе даже съ соборомъ епископовъ. Хотя лѣтопись не называетъ Десятиннаго храма каедральнымъ или митрополичьимъ, хотя въ ней говорится, что св. Владиміръ «вдаде ту церковь Анастасу Корсунянину» и приставилъ къ ней корсунскихъ поповъ для служенія; но въ этомъ можно видѣть только указаніе на штатъ блага духовенства при Десятинной церкви, подобный которому былъ при Софін константинопольской, составлявшей патріархію, и какой существуетъ теперь при каедральныхъ соборахъ, не исключая ихъ изъ непосредственнаго вѣдѣнія мѣстныхъ митрополитовъ и епископовъ. Но если-бы Десятинная церковь и не была временно митрополичьею церковью подобно тому, какъ въ Петербургѣ казанскій соборъ долгое время замѣнялъ собою каедральный храмъ до окончанія исаакіевскаго собора, то отсюда нисколько не слѣдовало-бы заключать, что въ Кіевѣ до Ярослава не жительствовавали кіевскіе митрополиты; иначе пришлось-бы утверждать когда-нибудь, что до 1858 г. въ Петербургѣ не имѣли жительства петербургскіе митрополиты. Съ другой стороны извѣстно, что, по примѣру Константинополя, каедральными соборами въ Кіевѣ, Новгородѣ и Полоцкѣ были софійскіе храмы, что при св. Владиміръ былъ уже въ Новгородѣ храмъ во имя св. Софін,—обширный, о 12 версѣхъ, хотя деревянный, въ которомъ служилъ первый новгородскій епископъ Іоакимъ, а въ Кіевѣ деревянный храмъ св. Софін освященъ еще при св. Ольгѣ

11 мая въ лѣто 952-е, какъ значится въ Апостолѣ 1307 г., и что въ кievскомъ храмѣ св. Софіи, также деревянномъ, въ 1018 г. кievскій архіепископъ встрѣчалъ Болеслава, польскаго короля, какъ свидѣтельствуемъ о семъ современникъ Ярослава и очевидецъ сего событія Дитмаръ, присовокупляя, что храмъ того-же имени сгорѣлъ въ предыдущемъ 1017 году. Эта, безъ сомнѣнія, церковь и была митрополичьимъ храмомъ, при ней, конечно, и жили первые кievскіе митрополиты прежде, чѣмъ построенъ Ярославомъ нынѣ существующій кievо-софійскій соборъ.

2) Первые два кievскіе митрополиты Михаилъ и Леонтій и не могли жить въ Переяславѣ по той простой причинѣ, что митрополитъ Михаилъ умеръ, а митрополитъ Леонтій прибылъ къ намъ, когда г. Переяславъ еще не существовалъ. Хотя г. Голубинскій отвергаетъ существованіе св. Михаила, перваго кievскаго митрополита, но, назначая прибытіе митрополита Леонтія въ Русь въ 991 году, онъ поселяетъ его въ Переяславѣ за 3 года до появленія этого города, который, по свидѣтельству Іакова Черноризца, точно опредѣлившаго годами важнѣйшія событія въ жизни св. Владиміра, заложенъ 5 лѣтъ спустя послѣ принятія св. Владиміромъ крещенія, т. е. въ 993 году. По той-же причинѣ напрасно г. Голубинскій утверждаетъ, а г. Малышевскій за нимъ повторяетъ, будто Переяславъ былъ не только резиденціей, но и собственностью первыхъ кievскихъ митрополитовъ, чѣмъ-то въ родѣ *donum Constantini* папѣ Сильвестру ¹⁾. Если Переяславъ немалое еще время послѣ своего заложения былъ не болѣе, какъ сторожевымъ пунктомъ, острогомъ для защиты Кіева отъ нападенія печенѣговъ, то можно-ли было такую боевую станцію, военный форпостъ, назначать для мѣстопребыванія главы русской церкви? Также немислимо, чтобы Переяславъ, еще ненаселенный и подвергавшійся ежедневнымъ нападеніямъ дикаго народа, могъ быть собственностью и состоять въ распоряженіи духовнаго лица, которое не могло принять на себя обязанностей коменданта крѣпости. Соображенія, приведшія къ противнымъ сего заключеніямъ, свидѣлствуютъ болѣе о плодовитости воображенія, чѣмъ объ ихъ основательности.

¹⁾ Сличя примѣчаніе къ 489 страницѣ Трудовъ кievской духовной академіи за декабрь и примѣчаніе къ страницѣ 286 т. I-го Истор. русск. церкви, Голубинскаго.

Наконецъ 3) положительное и неопровержимое доказательство того, что Кіевъ съ самаго учрежденія кіевской митрополіи былъ сѣдалищемъ кіевскихъ митрополитовъ, находится въ соборномъ опредѣленіи патріаршаго константинопольскаго собора (1354 г.) о перенесеніи каведры русской митрополіи изъ Кіева въ Владиміръ. Въ этомъ опредѣленіи, извлеченномъ изъ актовъ константинопольской патріархіи, значится, что 1) «въ Кіевѣ *изначала* была соборная церковь митрополіи», и «здѣсь-же имѣли свое жительство и преосвященные русскіе архіереи»; 2) что «преосвященный митрополитъ русскій куръ Θεогностъ и прежде него двое другихъ, которые посѣщали Кіевъ, оказывали ему подобающую честь, какъ городу, въ которомъ *изначала* находился престолъ митрополіи»¹⁾. Въ началѣ XIV вѣка, когда еще живо было преданіе и были цѣлы документы XI вѣка, въ Константинополѣ и въ Россіи вѣрно лучше, чѣмъ теперь, знали, гдѣ первоначально жили кіевскіе митрополиты.

П. Л.

НОВЫЙ ВАРИАНТЪ ДУМЫ „АЛЕКСІЙ ПОПОВИЧЪ“

Три съ половиною года тому назадъ въ г. Ахтыркѣ г. Твердохлѣбовъ встрѣтилъ слѣща бандуриста Илью Журавля изъ с. Пархомовки и записалъ отъ него думу: *Олексій Поповичъ*. Прежде, чѣмъ привести текстъ этого новаго варианта извѣстной давно думы, скажемъ нѣсколько словъ о нашихъ думахъ, о ихъ пѣвцахъ вообще и въ частности объ одной особенноти приводимаго варианта.

Въ XVI и XVII стол. кобза или бандура играла важную роль въ жизни малорусскаго народа. Она была вѣрной подругой слѣпаго пѣвца нищаго, безстрашнаго наѣздника козака, всего народа безъ различія старшины отъ посполства. Мелодическіе звуки бандуры, сопровождаемые мужественными словами героической пѣсни, оживляли угнетенный духъ народа и поднимали его на новые подвиги борьбы и терпѣнія. Съ прекращеніемъ татарскихъ набѣговъ и польскихъ притѣсненій, съ перемѣной условій народной жизни, мало-по-малу устарѣла и кобза, почти совсѣмъ смолкли героическія думы бандуристовъ и выдохлись, потеряли внутреннюю силу, красоту и

¹⁾ Русская историческая бібліотека, т. VI, ч. 2, стр. 64—66.

свѣжестъ ихъ бытовья пѣсни. Въ концѣ сороковыхъ годовъ П. А. Кулишъ на правой сторонѣ Днѣпра не нашель уже бандуристовъ; въ лѣвобережной Украинѣ онъ познакомился съ весьма немногими бандуристами и, какъ на выдающихся хранителей и выразителей стариннаго народнаго поэтическаго творчества, указаль на Андрія Шута и Остапа Вересая. Въ 1873 году Андрій Шуть скончался, и Остапъ Вересай такимъ образомъ остался, если не единственнымъ, то самымъ главнымъ выразителемъ стариннаго народнаго поэтическаго творчества. Въ 1874 году г. Иващенко сообщилъ юго-западному отдѣлу географическаго общества, что въ нѣжинскомъ уѣздѣ, черниговской губерніи, проживаютъ два замѣчательныхъ кобзаря, Павло Братыця и Прокопъ Дубъ. Подъ звуки бандуры они спѣли г. Иващенко обыкновеннымъ эпическимъ речитативомъ думу про Зиновія Богдана Хмельницкаго и Барабаша, думу о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова, думу про козака Голоту и нѣсколько духовныхъ стиховъ и юмористическихъ пѣсень.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ крестьянскомъ населеніи харьковской губерніи находится значительное число кобзарей. Во второмъ томѣ записокъ юго-западнаго отдѣла географическаго общества на 110 стр. есть указаніе, что въ лебединскомъ уѣздѣ, харьковской губерніи, въ недавнее время были кобзаря, ученики которыхъ расходились по черниговской губерніи. Лѣтъ тридцать назадъ Н. И. Костомаровъ и покойные Метлинскій и (позднѣе) Нѣговскій знали многихъ харьковскихъ кобзарей и записали отъ нихъ крупныя поэтическія произведенія. Замѣчательно цѣльный и художественно выдержанный вариантъ думы о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова записанъ Нѣговскимъ отъ вильшанскаго кобзаря Кулибабы (Антон., Истор. пѣс. мал. нар., I., 106—113): Одинъ изъ лучшихъ вариантовъ превосходной думы о вдовѣ и трехъ ея сыновьяхъ записанъ Н. И. Костомаровымъ въ предѣлахъ харьковской губерніи (Чубинскій, Труды этн.-ст. эксп. въ зап.-рус. вр. V. 747). Весьма хорошій вариантъ думы о Марусѣ Богуславкѣ записанъ П. А. Кулишемъ въ Красномъ Кутѣ богодух. уѣзда, харьковской губерніи (Записки о южн. Руси, I., 210).

Въ «Русск. Филологич. Вѣстникѣ» 1879 г., кн. IV, стр. 268, было высказано сомнѣніе, чтобы теперь можно было найти кого-нибудь изъ тѣхъ кобзарей, которыхъ въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ

пятидесятихъ годовъ знали въ Харьковѣ покойные А. Л. Метлинскій и М. В. Нѣговскій. Быть можетъ, кобзаря эти живы, но затерялись въ народной массѣ и, никѣмъ не отыскиваемые, не находя болѣе сочувствія въ интеллигентномъ обществѣ, гдѣ-нибудь въ глуши кончаютъ дни свои. Послѣ умершихъ кобзарей остались ученики, и нѣкоторые ученики превосходно усвоили поэтическое достояніе своихъ наставниковъ. Въ Харьковѣ довольно часто заходитъ слѣпой съ малыхъ лѣтъ кобзарь изъ Вильшаны Игнатъ Гончаренко. Кромѣ значительнаго числа духовныхъ и юмористическихъ пѣсенъ, онъ знаетъ думу о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова и думу о вдовѣ и трехъ сыновьяхъ. Первую думу онъ поетъ почти буквально сходно съ вариантомъ, записаннымъ Нѣговскимъ отъ Кулибабы, — обстоятельство, указывающее на возможность преемственной связи этихъ двухъ вильшанскихъ кобзарей. Что въ харьковскомъ уѣздѣ не совсѣмъ замерла старая козацкая поэзія, видно изъ того, что въ прошломъ году въ двухъ разныхъ мѣстахъ отъ разныхъ лицъ и различными собирателями записаны художественные, свѣжіе и цѣльные варианты старинныхъ пѣсенъ и думъ. Весьма подробный, цѣльный и художественно выдержанный вариантъ думы (точнѣе пѣсни) о Саввѣ Чаломъ записанъ Д. И. Эварницкимъ въ волчанскомъ уѣздѣ отъ старика крестьянина. Дума «Олексій Поповичъ» въ новѣйшей редакціи слѣпца Ильи Журавля по полнотѣ и цѣльности могла-бы занять почетное мѣсто въ числѣ 9 вариантовъ, приводимыхъ г. Антоновичемъ въ 1 т. «Историч. пѣсенъ». Дума въ устахъ Ильи Журавля приобрѣла несвойственную эпическому произведенію мягкость, короткость стиха, наклонность къ рѣмѣ, что однако не повредило ея поэтическому достоинству. Что тлетворное начало упадка и разложенія, искаженія и забвенія носится надъ думой, видно изъ первыхъ ея строкъ, именно изъ новѣйшаго осложненія исконнаго содержанія думы вставкой словъ «на царській громадѣ, громадѣ козацькій». Эта вставка не имѣетъ смысла. Соловь сидитъ или, по крайней мѣрѣ, согласно лучшимъ вариантамъ думы, долженъ сидѣть на камнѣ. Онъ смотритъ на Черное море, гдѣ начинается буря. Таково начало думы, и ни царской, ни козацкой громадѣ здѣсь нѣтъ мѣста. Пѣвецъ, очевидно, сплосалъ, но сплосалъ лишь на одну минуту, одной чертой, такъ сказать, обмолвился. Начало всегда трудно, и начало сдѣлано съ грѣхомъ пополамъ. Далѣе живая и увлекающая

сила свободнаго отъ неидущихъ къ дѣлу наслоеній гѣбенотворчества льется на полномъ просторѣ, и гѣсня дѣлается логически послѣдовательной, цѣльной, вполне художественной. Одна часть думы непосредственно, въ силу поэтической и логической необходимости, вытекаетъ изъ другой части, предыдущей, и обуславливаетъ собой часть послѣдующую. Вариантъ г. Твердохлѣбова не представляетъ, за исключеніемъ обозначенныхъ уже словъ о козацкой и царской громадѣ, ничего новаго, сравнительно съ извѣстными уже въ печати вариантами, но въ немъ есть одно рѣдкое выраженіе, и выраженіе тѣмъ болѣе замѣчательное, что въ вариантѣ г. Твердохлѣбова оно занимаетъ какъ разъ подходящее для себя мѣсто. Въ одномъ или въ двухъ вариантахъ упоминается, что Олексій Поповичъ неумѣренно пилъ вино, и упоминается мимоходомъ, какъ-то случайно. Въ вариантѣ г. Твердохлѣбова въ началѣ перечисленія преступленій Олексія Поповича стоитъ стихъ:

У недаленьку рано поранеку (пораненьку?)

Солодкій медъ, винову горилку

До сходъ-сонца пивъ-пидпивавъ.

Черта достойная замѣчанія. Нравственное чувство народа возмущается безобразнымъ обращеніемъ Олексія Поповича съ матерью, отцомъ, братомъ и сестрою. Нѣтъ, говоритъ нравственное чувство народа, Олексій былъ не въ своемъ умѣ, Олексій только въ пьяномъ видѣ могъ такъ обойтись съ матерью, и дума про Олексія Поповича удовлетворяла нравственнымъ понятіямъ народа.

Въ виду того обстоятельства, что скудные остатки кобзарства исчезаютъ съ каждымъ годомъ, желательно приведеніе ихъ въ извѣстность и изслѣдованіе въ подробностяхъ. Для генеалогіи южно-русской кобзы и ознакомленія съ историческимъ типомъ южно-русскаго бандуриста необходимо опредѣлить число кобзарей по мѣстностямъ, села, въ которыхъ они имѣютъ осѣдлость, и села, посѣщаемыя ими временно, главнѣйшія біографическія черты, какъ-то: когда и отчего ослѣпъ, бывалъ-ли въ городѣ, у кого выучился кобзарскому искусству и на какихъ условіяхъ. Существенный интересъ представляетъ обстоятельное разъясненіе современнаго отношенія крестьянъ къ кобзарю, его матеріальнаго житья-бытья и свойства и степени его вліянія на окружающихъ. Само собою разумѣется, что на пер-

вомъ планѣ должно стоять приведеніе въ извѣстность поѣтическаго достоянія кобзаря: думъ, духовныхъ стиховъ, юмористическихъ пѣсенъ, преданій, легендъ и проч.,—съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей выговора, всѣхъ темныхъ словъ и всѣхъ поясненій и указаній пѣвца.

Н. Ѡ. Сумцовъ.

Олексій Поповичъ ¹⁾.

Якъ то на Чорному морю,
 На билому камени,
 На царській громади,
 Громади козацькій
 Ясній совилъ хвилить-прохвилае,
 Що на Чорному мори
 Не добре, не гараздъ починае:
 Судно козацькее
 Молодецькее
 На три части ёго разбивае:
 Перву часть ухонило,
 На Дунай кинуло—одбило;
 Другу часть у турецькую землю
 Кинуло—отбило,
 Третю часть—въ область
 Виры хрестіянської
 По Чорному морю носило.
 Тилько между ними
 Старшины козацькои
 Молодецькои,
 Що бувъ старшиною
 Грицько Коломійченко.
 Тьманъ запорозьській
 До козакивъ словами
 Та й промомлае:

¹⁾ Записалъ А. Твердохлѣбовъ со словъ пархомовскаго слѣпца Илья Журавля, въ г. Ахтыркѣ, 1881 г. іюля 18.

«Вы-жь, козакѣ,
 Панове-молодці,
 Добре вы дбайте:
 На Чорному морю
 Грихивъ вы не тайте!»
 Тилько промижь ними
 Обизветця
 Олексій Поповичъ,
 Тьманъ запорозьській:
 «Вы-жь, козакѣ,
 Панове-молодці,
 Добре вы вчините:
 Самого мене возьмите,
 И червоною витайкою
 Очи мои козацькіи,
 Молодецькіи
 Затмійте,
 Самого-жь мене
 У Чорне море пустите.
 Нехай буду я
 Чорне море дарувати,
 Нежели я маю за собою
 Козакивъ много
 Погубляти!»
 Козакѣ тее зачували,—
 Все до Олексія Поповича
 Словами промовляли:
 «Ты-жь, Олексію Поповичу,
 Ты святе письмо
 На день тричи читаешъ,
 И насъ, простихъ козакивъ,
 Хорошенько навчаешъ».
 А Олексій тое зачувае,
 До козакивъ словами
 Промовляє:
 «Я святое письмо
 На день тричи читаю

И васъ, простихъ козавивъ
Хорошенько поучаю,
Та все-жъ бильше грихивъ
Соби маю,
Що я самъ не добре,
Не гараздъ починаю...
У недиленьку рано поранею
Солодкій медъ, винову горилку
До схиць сонця
Пивъ—пидпивавъ,
У охотне висько
Волею пидъизжавъ.
За мною отець-мати
За ворота выбигали,
Мене, Олексія Поповича
Прошеніємъ прохали
И благали.
А самъ не добре,
Не гараздъ починавъ—
Отця, матеръ у груди
Стременомъ пробивавъ.
Старшого брата
За брата не мавъ,
Старшу сестру
Зборзе зневажавъ.
Менша сестра
За ворота выбигала,
Коня за стремена хватала
Мене, Олексія Поповича
Прошеніємъ прохала
И благала.
Я самъ не добре,
Не гараздъ починавъ—
И меншу сестру у груди
Стременомъ пробивавъ.
Мимо сорока
Церковъ пробигавъ,

Изъ себе шапки не здѣймавъ
 И отцовскои-матусинои
 Молитвы николи
 Не споминавъ.
 Ото-жъ вы, козаки,
 Найбилше той грихъ
 На Чорному морю
 Мене искаравъ,
 Ще мимо громады
 Я пробигавъ,—
 Старшимъ козакамъ,
 Мужикамъ и жинкамъ
 Шапки не здѣймавъ,
 Ще за городъ выбигавъ,
 Своимъ конемъ добрымъ
 Гравъ-выгрававъ,
 Триста душъ маленькихъ
 Дитокъ розбивавъ.
 Ото-жъ вы, козаки,
 Панове-молодци,
 И той грихъ на Чорному
 Морю мене испитавъ.
 Коли-бъ же мене
 Отцевська-матусина молитва
 На Чорному морю
 Не втопила.
 Якъ буде мене Господь
 До матушки приношати,
 Буду я и знати,
 Якъ отця-ненъу
 У домивци чтити,
 Шанувати и поважати».

Якъ ставъ Олексій Поповичъ
 По чистій правди
 Грихи сповидати,
 Ставъ его Господь
 На Чорному морю

Прощати:

Стала зла-велепня
 Хвиля утихати,
 Утихала, упадала,
 Будьто вона неначе
 Тутъ не бувала,
 Усихъ козакивъ
 До острова прибывала.
 И уси козаки
 На остривъ выхожали,
 Великимъ дивомъ дивували,
 Що черезъ Олексія Поповича
 Ни одного козака
 Не втерали.
 Ставъ Олексій выхожати,
 Ставъ святое читати:
 «Вы козаки, панове-молодци,
 Послухайте, язъ оце
 Святое письмо высвичуе:
 Который чоловникъ буде
 Отцевську-матусину молитву
 У домивци читати,
 И шанувати, и поважати,
 Господь ему буде
 На поли и на мори,
 У купецтви, у ремесьтви
 На мишеванію помагати.
 Который чоловникъ буде
 Отцевську-матусину молитву
 У домивци збарзе зневажати,
 Самъ винъ не буде
 Щастя и доли
 Ни до вику не мати».
 А мы довжни есмо
 Тое спамъятати,
 За которми молитвами

И хлѣба и соли уживати.
 Вамъ, Боже, пошли
 Всѣмъ на здоровья
 На многи лета слувати (?).

НѢМЕЦКІЙ ТРИНГЕЛЬДЪ НА ЮЖНО-РУССКОЙ ПОЧВѢ.

Ничто не перенимается однимъ народомъ у другаго такъ охотно и легко, какъ хорошіе обычаи. Вездѣ есть бѣдный, трудящійся людъ и всюду онъ составляетъ огромное большинство; а для простаго, бѣднаго рабочаго что можетъ быть пріятнѣе обычая—сверхъ условенной платы за трудъ получить еще приплату, безъ особаго выпрашиванія, просто въ силу обычая, иногда даже безъ всякаго напоминанія? Въ этой формѣ богатый дѣлился своимъ избыткомъ съ бѣднымъ, щадя самолюбіе послѣдняго. Обычай *трингелда* шель также, какъ просвѣщеніе и цивилизація, съ запада на югъ, оттуда на сѣверъ. Въ Малороссіи онъ издавна извѣстенъ былъ подъ названіемъ *тринкала*¹⁾, позже измѣнился въ общерусское *на водку* или *на чай*, а въ Польшѣ удержался и доселѣ подъ характернымъ терминомъ: *na piwo*. Методичный нѣмецъ придумалъ для него норму, которую предъявляетъ при договорѣ, независимо отъ платы за проѣздъ или иную работу, а широкая славянская натура не любитъ стѣснять себя никакою нормою и платою. Въ Варшавѣ два богатые офицера держали пари, что если вмѣсто 25 коп. за курсъ дать извозчику 25 руб., онъ все-таки попроситъ на пиво. Взяли *дружку* и проѣхали самый краткій курсъ. Предложившій пари офицеръ вынулъ 25 руб. и далъ *дружкаржу*; тотъ нѣжно поблагодарилъ и, ослабившись, прибавилъ: *spodziewałem się od pana ienerała iezgscze coś na piwo*. Офицеръ далъ двугривенный; дружваржъ принялъ и снова поблагодарилъ.

Ничто подобное продѣлалъ простодушный малороссіянинъ-кучеръ и не съ кѣмъ либо изъ простыхъ смертныхъ, а съ строгимъ государемъ Николаемъ Павловичемъ. Вотъ что рассказывалъ мнѣ объ этомъ покойный мой отецъ.

¹⁾ См. «Кіевскую Старину» 1884 г., декабрь стр.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ одномъ изъ уѣздныхъ мало-россійскихъ городовъ, получается заблаговременно официальное извѣщеніе о предстоящемъ проѣздѣ государя чрезъ уѣздъ по пути въ какой-то городъ для осмотра войскъ или военныхъ поселеній. Извѣстно, что тогда существовалъ единственный способъ скорого передвиженія—ѣзда на почтовыхъ, почтовыя-же станціи содержались по большей части помѣщиками и содержались хорошо. Но для высочайшихъ проѣздовъ собирались всегда и распредѣлялись по почтовымъ станціямъ собственныя лошади помѣщиковъ и другихъ обывателей, имѣвшихъ хорошихъ лошадей. Понятно, каждый поставившій лошадей почиталъ за особую честь и даже старался, чтобы его лошади, попали непременно подъ экипажъ государя, а не свиты, курьеровъ или кухни. Собранныхъ лошадей долго объѣзжали, гоняли мимо востровъ и даже черезъ костры, приучали въ ровной и полной рыси, которую такъ любилъ покойный государь, пускали ровнымъ шагомъ и во весь карьеръ. Предводитель дворянства того уѣзда, о которомъ рѣчь, богатый помѣщикъ, хлопоталъ, какъ и всякій, чтобы сдѣлать проѣздъ государя безопаснымъ и удобнымъ. Въ его-же домѣ предназначено было, по предварительному составленному росписанію, приготовить для государя вечерній чай. Еще за недѣлю до проѣзда государя, предводитель отправилъ на почтовую станцію четверку своихъ бурыхъ, извѣстныхъ какъ въ этомъ, такъ и въ сосѣднихъ уѣздахъ, со своимъ не менѣе-же извѣстнымъ кучеромъ Самойломъ, строго приказавъ ему: овса не жалѣть, лошадей ежедневно проѣзжать по той именно дорогѣ, по которой предстояло ѣхать государю, мѣстность изучать, чтобы и ночью, не качнувъ экипажа, всюду проѣхать и лошадей приучить къ дружной ровной ѣздѣ, какъ-бы шибка она ни была. «Государь любитъ шибко ѣздить, говорилъ предводитель, но помни, вези осторожно, знай, кого везешь! Да еще: начальства слушай, что прикажутъ, исполняй».

— Добре пане, коротко на все отвѣчалъ Самойло.

Въ ожиданіи высочайшаго проѣзда предводитель не разъ самъ проѣзжалъ по станціямъ своего уѣзда, летали исправникъ и становые, осматривали, все-ли въ порядкѣ, и тутъ-же на мѣстѣ немедленно исправляли, если что находили нужнымъ. За день до пріѣзда государя прискакалъ фельдъегерь и передалъ, между прочимъ, распоряженіе, чтобы, при проѣздѣ государя ночью, была

соблюдаема всевозможная осторожность и чтобы ямщики не гнали лошадей вскачь. Исправникъ тотчасъ-же поскакалъ по вѣмъ станціямъ своего уѣзда; на каждой изъ нихъ созываетъ кучеровъ и приказываетъ везти государя какъ можно бережно и ночью лошадей отнюдь не гнать. «А если, заключалъ онъ вездѣ, ночью хотя одна лошадь будетъ пущена вскачь, кожу сниму».

Въ назначенный день, на станцію, гдѣ ожидалъ Самойло, прїѣзжаетъ государь, въ сумерки; живо перемѣнили лошадей. Самойло радостно, увѣренно вскочилъ на козлы, лихо, умѣло подобралъ возжи и весь обратился въ слухъ въ ожиданіи традиціоннаго «пошелъ». Съ мѣста тронули ровно. Сейчасъ со станціи дорога пошла въ гору, невысокую—но версты на полторы; лошади энергически, ровно, дружно берутъ; выѣхали на гору, осталось 22 версты по отличной, ровной, обсаженной по обѣ стороны деревьями, дорогѣ, по благодатной степи малороссійской. Взошла луна, ночь чудная, свѣтлая, хоть иголки собирай, какъ говорятъ въ Малороссіи. Самойло тщательно избѣгаетъ всякихъ неровностей, предупреждаетъ малѣйшіе толчки экипажа; лошади идутъ полной, шибкой рысью; впереди скачутъ баринъ его—предводитель дворянства, а за нимъ тутъ-же исправникъ. Проѣхали версты три, государь крикнулъ: «пошелъ». Самойло перевелъ возжи, цмокнулъ, но умѣло держитъ на возжахъ лошадей, чтобы ни одна не пустилась вскачь: впереди летитъ исправникъ, общавшій за это кожу снять. Немного погодя, государь опять крикнулъ: «пошелъ». Самойло снова повторилъ тоже понужденіе лошадей, но вскачь ни одной не пустилъ. Сидѣвшій съ государемъ въ экипажѣ генераль, предполагая, что кучеръ не разслыхалъ царскаго приказанія, повторилъ отъ себя: «пошелъ»; повторилъ за нимъ тоже слово и сидѣвшій на козлахъ рядомъ съ Самойломъ камеръ-козакъ. Самойло за каждымъ повтореніемъ только переводилъ возжами, цмокалъ, но за всю станцію ни одной лошади вскачь не пустилъ.

Подѣхали къ дому предводителя; государь вошелъ въ домъ, привѣтствовалъ хозяйку дома и гостей-дворянъ, собравшихся здѣсь для встрѣчи его. Послѣ нѣсколькихъ словъ, увидѣвъ съ балкона садъ, онъ пожелалъ пройтись по саду, но вспомнивъ, что кучеръ, не смотря на двукратное его: «пошелъ», все ѣхалъ также рысью, поручилъ флигель-адъютанту узнать причину. Флигель-адъютантъ, выйдя на

крыльцо, потребовалъ къ себѣ Самойла, и когда тотъ явился, произошло слѣдующее объясненіе.

— Ты везъ государя? спросилъ флигель-адъютантъ Самойла.

— А хтожь-бы мнѣ везти царя, якъ не я?—съ гордостію отвѣтилъ Самойло.

— Да, положимъ; но отчего ты тихо ѣхалъ?

— Якъ тихо? вже кони швидче рысью не побижать.

— Отчего-же рысью? Ты вѣдь слышалъ, какъ государь говорилъ: пошелъ?

— А вжежь чувъ, обы два разы чувъ: якъ царь казавъ, и якъ казавъ той генераль, що зъ царемъ сидивъ, и той ще, що з мною сидивъ.

— Отчего ты не гналъ шибко лошадей?

— Бо справникъ не звеливъ.

— А кто старше: государь или исправникъ?

— А вжежь царь, сказала удивленно Самойло.

— Отчего-же ты не послушалъ царя, а послушалъ исправника?

— Бо царь бувъ тай похалъ, а справникъ сказавъ, що шеуру здѣйме, якъ побачить, що кони скачуть.

Флигель-адъютантъ, возвратившись и найдя государя гуляющимъ въ саду веселымъ и милостиво бесѣдующимъ съ дворянствомъ, докладываетъ ему подробно объясненіе Самойла. Бывшій при этомъ лейбъ-медикъ объясняетъ государю, что распоряженіе исправника о томъ, чтобы кучера не гнали лошадей ночью, сдѣлано по его предупрежденію, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ. Государь заинтересовался выслушать самого кучера. Является Самойло.

— Расскажи-ка, говорилъ ему государь, какъ это ты не послушалъ меня, а послушалъ исправника.

— А що-жь, ваше царское величество, отвѣчала Самойло, низко поклонясь. Истинно такъ було: наказували мени мій панъ и справникъ скільки разъ, щобъ визъ ваше величество бережно, доброу рысью въ ночи и щобъ кони не скавали; мы-жь съ дытынства приучени слухать своихъ панивъ и начальства. Вони то вже знають, що приказують, а я якъ-бы смивъ не послухаться ихъ? А борони Боже въ почи якои окази!

Оставшись видимо довольнымъ такимъ отвѣтомъ, государь, подзывая ближе къ себѣ Самойла и подавая ему полуимперіаль, говорить:

— Спасибо тебѣ, что ты такъ заботился обо мнѣ; молодецъ, что слушаешь и точно исполняешь приказаніе своего барина и начальства; я люблю такихъ.

Самойло, приблизился къ государю со сложенными ладонь на ладонь руками, какъ складываютъ ихъ крестьяне въ церкви, при полученіи отъ священника просфоры, принявъ поданный ему полумперіаль, поклонился низко до земли и говоритъ:

— Оце-жь я сѣго золотого буду держать, якъ святую дару, повиного й вику, и дитямъ и внукамъ закажу. Поворнише благодарю ваше величество.

Слова эти сказаны были Самойломъ съ такимъ искреннимъ чувствомъ и такимъ трогательнымъ голосомъ, что невольно привлекли къ нему сочувственный и одобрительный взглядъ какъ самаго государя, такъ и всѣхъ присутствующихъ; но, отступивъ нѣсколько шаговъ назадъ и глядя на государя съ безпредѣльною радостью, Самойло вдругъ сказалъ:

— Ваше величество! пожалуйте кучеру на водку, бо якъ-же не выпить зъ такой радости?

Государь пристально взглянулъ на Самойла и громко сказавъ: «молодецъ!», отъ души расхохотался; потомъ обращаясь къ хозяину дома, сказалъ: «это важется твой кучерь? позволь мнѣ съ нимъ проѣхать еще станцію». Хозяинъ отвѣчаетъ, что опъ очень счастливъ тѣмъ, что государю понравился его кучерь. Тогда государь, подавая Самойлу ассигнацію, говоритъ:

— Вотъ-же тебѣ на водку, но я хочу еще съ тобой проѣхать, если ты не усталъ.

— Ге! отвѣчаетъ забывшійся отъ радости Самойло; съ царемъ та щей съ такимъ, та я й до Кременчуга не замучусь.

— А сколько версть до Кременчуга?

— Сто двадцать, отвѣчаетъ Самойло.

— А дорогу ты знаешь?

— А-же въ церкви читають: Господь умудряе слѣпцевъ; то й мене умудритъ довести своего царя бережно и благополучно ажъ до самаго Кременчуга.

— Хорошо; ступай, поѣдешь! заключилъ государь и, обращаясь къ хозяину дома и присутствующимъ, произнесъ:

— Я весьма радъ былъ выслушать все это; благодарю тебя, что

ты съумѣлъ внушить такія убѣжденія, достойныя похвалы и подражанія дворянамъ, которыхъ ты достойный подражатель. Если-бы такія убѣжденія всѣ проводили, то никакія враги небыли-бы намъ страшны.

Предводитель дворянства и присутствующіе глубоко поклонились. Государь напился чаю, поблагодарилъ хозяевъ и уѣхалъ съ Самойломъ до Кременчуга.

С. Бѣлинскій.

ДВА ПИСЬМА В. ХМЕЛЬНИЦКАГО КЪ П. САПѢГЪ, ВОЕВОДѢ ВИЛЕНСКОМУ, ГЕТМАНУ ЛИТОВСКОМУ ¹⁾.

1.

Исневельможный, милостивый панъ воевода виленскій, нашъ весьма милостивый панъ и пріятель!

Хотя мы поддерживали междуусобіе, но и у насъ не было иного твердаго намѣренія, какъ чтобы водворить послѣ продолжительной распри въ Рѣчи Посполитой желанный порядокъ и возвратить и себѣ утраченный во время военныхъ дѣйствій покой и здоровье. Но злорадные и непріязненные люди не могли видѣть такого сильнаго желанія нашего—распри разрослась и причинила бѣдствія обѣимъ сторонамъ, а враги глумились и радовались. Не дай Богъ, чтобы мы находили удовольствіе въ такомъ тяжеломъ положеніи дѣлъ, потерявши столько рыцарей и состояній; но мы преслѣдуемъ неразумныхъ, тайно слѣдящихъ за нами, и искореняемъ такія вещи петлей. Теперь, когда Всемогущій Богъ направилъ сердца вельможнаго панства къ тому, чтобы объявить намъ свои желанія и узнать обратно наши, мы благодарны

¹⁾ Подлинники сообщаемыхъ писемъ, писанныхъ по польски, хранятся въ Познани, въ публичной библиотекѣ, основанной гр. Эдуардомъ Рачинскимъ. Оба письма отвѣтныя и писаны, какъ видно, по поводу нареканій на Хмельницкаго, вызванныхъ подданствомъ его царю московскому и послѣдовавшею за тѣмъ войною, въ частности разореніемъ Быхова. Хмельницкій оправдывается, держится на высотѣ своего положенія, не предвидя, чѣмъ кончатся засѣданія виленской комиссіи, открытой въ томъ-же 1656 г. Извѣстно, что въ сентябрѣ этого года московскіе послы заключили въ Вильнѣ съ полномочными Рѣчи Посполитой трактатъ, по которому, между прочимъ Рѣчь Посполитая обязывалась, по смерти Яна Казимира,

за таковыя къ намъ отношенія; но, будучи весьма за это благодарны, объявляемъ однако, что не согласимся и не примемъ ничего, чтобы было сколько нибудь связапо съ униженіемъ и пренебреженіемъ вольности нашей. Чтобы соблюсти уваженіе къ его милости царю московскому, мы извѣщаемъ его о всѣхъ нашихъ предпріятіяхъ для взаимнаго совѣта, такъ и теперь мы не преминемъ дать знать ему съ запросомъ, какого мнѣнія угодно будетъ ему держаться въ настоящемъ дѣлѣ. Мы будемъ ожидать извѣщенія, какого взгляда держится онъ относительно пунктовъ виленской комиссіи, и съ своей стороны будемъ держаться уомянутаго соглашенія и сдадимся на его милость царя, дабы только не впасть въ рабство, котораго не желаетъ себѣ послѣдній изъ народовъ. О насъ же, вельможный панъ, будьте того убѣжденія, что мы какъ прежде не были причиной бѣдствій государства, такъ и теперь тяжело печалимся о его распаденіи и желаемъ, чтобы Богъ соизволилъ помочь и полѣчить его разумъ. Отецъ Тукальскій хотя не упоминаетъ въ своихъ молитвахъ благодѣяній милостиваго пана, но мы особенно благодаримъ за нихъ и готовы воздать тѣмъ-же при удобномъ случаѣ; что видно милостивому моему пану изъ того, что мы приказываемъ нашимъ воздерживаться. Доброе расположеніе къ войску запорожскому антецессоровъ и самого милостиваго моего пана мы можемъ сами засвидѣтельствовать; однако на мнѣ невинномъ тяготѣетъ жалоба вашей милости, вельможнаго, милостиваго моего пана относительно Быхова, яко-бы онъ былъ нами утѣсненъ и присилованъ поддаться намъ: этимъ самымъ, открывающимъ самое сокровенное въ сердцахъ, свидѣтельствуемъ, что, ей Богу, какъ насъ добровольно просили о покровительствѣ, такъ и были благосклонно приняты, не испытавши, вслѣдствіе той своей добровольности, никакой обиды. А какъ скоро Богъ Всемогущій умиротворитъ распрю и приведетъ къ справедливому окончанію, то меньше будетъ неудовольствія избрать на польскій престоль Алексѣя Михайловича, а Алексѣй Михайловичъ, считая уже Польшу какъ бы своимъ достояніемъ, обѣщавъ защищать ее и обратитъ оружіе противъ шведовъ, бывшихъ своихъ союзниковъ. Хмельницкій послалъ было на виленскій съѣздъ своихъ пословъ, которые должны были говорить въ пользу южной Руси, но комиссары царя Алексѣя Михайловича напомнили имъ, что Хмельницкій и козаки—подданные, а потому не должны осмѣливаться подавать голосъ тамъ, гдѣ рѣшаютъ ихъ судьбу посланники государей. Они принуждены были уѣхать, еще до окончанія переговоровъ.—Ш. С.

и по поводу Быхова. Повторяя, что мы не можемъ быть клятвенно-ступниками его царской милости, будемъ ожидать его воли. Остальное поручили мы пану Речковскому передать устно, чрезъ котораго поручаемъ себя ласкѣ вашей вельможности, милостиваго моего пана Дань въ Чигиринѣ 24 апрѣля 1657 г.

Боданъ Хмельницкій, гетманъ войска запорожскаго.

2.

Исневельможный, милостивый панъ воевода виленскій, нашъ весьма милостивый панъ и пріятель!

Всегда мы желали того-же, чего и теперь желаемъ, чтобы кровь христіанская не проливалась въ междоусобіяхъ и чтобы процвѣтала желанный покой послѣ таковыхъ бурныхъ замѣшательствъ и непотребныхъ среди христіанъ распрей, какъ то скромно свидѣлствуютъ намъ давнія времена. Мы приказали своимъ войскамъ расположиться на той сторонѣ Дибіра, однако собраніе необходимаго продовольствія не можетъ не быть соединено съ стяженіемъ обывателей, и мы не можемъ этого устранить до тѣхъ поръ, пока не кончитъ своихъ занятій комиссія, для участія въ которой и отъ насъ отправлены послы. Мы надѣемся на милосердіе Божіе, что комиссія устранивъ всѣ причины распри и научить и насъ управлять краемъ. Поручаемъ себя вашей памяти и пріязни. Дань въ Чигиринѣ 7 октября 1656 г.

Боданъ Хмельницкій, гетманъ войска запорожскаго.

Сообщ. Н. В. С—ко.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ О СЛОБОДСКО-УКРАИНСКИХЪ ПОМѢЩИКАХЪ.

Все мое дѣтство, до поступления въ гимназію, провелъ я въ деревнѣ, но и потомъ, пріѣзжая домой на каникулы и помогая отцу въ хозяйничаньи по имѣнію, я имѣлъ постоянное общеніе съ народомъ, отъ котораго приходилось слышать много преданій и рассказовъ о прежней жизни и порядкахъ въ б. Слободской Украинѣ. Воспроизвожу, какъ сохранила моя память, рассказъ о моихъ собственныхъ предгахъ, слышанный мною отъ одного глубокаго старика изъ крестьянъ.

* Дидь стараго пана, а вашъ бы то прадиць бувъ чоловікъ соби не абы якій. Винь, та оце дидь Квитковскаго ¹⁾, та ще хтось третій, а хто, я й знавъ, та забувъ, держали тутъ по ричци Красній ²⁾ оборону видь татарвы. Оце по цей бикъ була земля паша, а ото по той бикъ татарська. Татарва що часу набигала до насъ, тутъ людей було омалъ, а хуторивъ и зовсимъ не було,—все степь, то во вона и чимчиувала до насъ за-для грабування; а що було на-граблять, то мерщій переправляють на свій бикъ; а дуванять межъ со бою отъ тамъ саме, де теперъ Нижня Дуванка и Верхня Дуванка ³⁾; черезъ то и села ти такъ звутся. Такъ оце нашъ прадиць Грицько Катруха, та Квитковский, та ще й той панъ, шо я ёго забувъ, берегли людей видь тіен татарвы, и були вони найстаршими, бо пидъ ними були козаки. За те имъ и надано одъ царя земли, скільки за день конемъ обьидешъ. У вашого дида було, кажуть, висимнадцять тысячъ десятинь земли. Вашого дида и мій батько не памьятавъ, а зазнавъ тилько его жипку. Дидизпа була, каже, людина добра и прѣста. Земли у еи було, якъ казавъ, багато, а людей, цебъ то крестьянъ, не совсимъ, та й и байдуже, бо вона жила смирно, ходила и одягалась, якъ отъ и теперъ наши молодици, у очипку та намитци. Жила вона оттамъ пидъ горою, де велики горнищи и теперъ стоять. Кожна симья, або двирь повинни були що день приносити їй чого попоисти; отимъ тилько вона и годувалась. Було у еи коней багато, такъ табунами и ходили безъ лику по степу. Купували цихъ коней до виська. Якъ приде було ахфицеръ, та сторгуеця зъ панію, то вона й дасть тамъ яку хустку або що, щобъ винъ показавъ табунщикамъ, тай бравъ, скільки ёму треба. Було у неи три сыны, цебъ то вашъ дидь Олександръ Григоровичъ, та Евтихий Григоровичъ и Андрей Григоровичъ. Були вони вси въ царськи служби ахвицерами. Якось отписала стара паня до ихъ, щобъ вони кидали службы, та їхали до дому хазянувати, бо вона вже стара стала, не здужала. Отъ попрыздили вони; всего имъ хочеться: и чаю, и тютюньцю, и вина, а въ неи ничего сѣго не було та й грошей не дае. Змагались, коились вони

¹⁾ Квитковскій землевладѣлецъ харьк. губ. купянскаго уѣзда.

²⁾ Рѣка Красная—притокъ Оскола, впадающаго въ Донецъ.

³⁾ Нижняя Дуванка и верхняя Дуванка большія села купянскаго уѣзда харьковск. губ. лежать на правомъ берегу рѣки Кразной.

зъ нею, ажъ поки не вмерла, а потимъ якъ зачали хазяинувати, такъ зъ висимнадцати тысячь десятинь зосталось тильки шість тисячь, а то все попроживали у Харькови.

Олександръ та Андрій були собі папы ничого, поводитись, якъ слідъ, зъ людьми, тай по собі почесно жили. А що вже Евтихій, такъ це бувъ правдивий гайдамака, Позаводивъ злодівъ зъ своихъ хрестьянъ и никто було не проиде, не пройде, щобъ вони не ограбували. Оце було, якъ ничъ, то винъ уже на великимъ пляху и стереже. Людности не було пи якои, сама степъ, то имъ було и вильно. Не одинъ тилько винъ и розбийникувавъ, було ихъ чимало.

Грабувавъ Евтихій и суду надъ имъ ниякого не було, а що зъ хрестьянами робивъ, такъ якъ розказують, то ажъ волосья до горы лизе. До смерти забивавъ. Було бьють, бьють, та ще розсолемъ, або горилкою зачнутъ поливати, поки чоловікъ обомліе, а потимъ одкачають, або подождуть день—два, поки очунае, та ушлять, та оттакъ ажъ до смерти забивали. А що вже було дивчата, такъ не одна замизъ чесною не вийшла, такій, простить, бувъ катюга. Ну, тай смерть-же собі заробивъ кативську. Терпили, терпили люде, а дали зибрацесь бабы та дивки, та й задавили его подушвами.

Отъ ще, нехай царствуе, ваша ридна таки бабуся Марьяна Ахванасьевна—Боже, яка люта, та немилосердна була до людей. Було роздягнуть дивчину, чи молодыцю, такъ якъ мати породила, обмажуть медомъ, та й привязуть у литку на сонце до стовба, щобъ ии бжолы кусали, або якъ що горычна зробить не такъ, то возьме голку, або вилку, тай почне болоти видъ ногти.

(Отъ таке то було, та все, хвалити Бога, минуло. Довелось всѣго покуштовати ».

А. Катрухинъ.

ІЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О МАНЕВРАХЪ ПОДЪ ЕЛИСАВЕТГРАДОМЪ.

На мѣстахъ, гдѣ ютились нѣкогда запорожскіе курени и хутора, гдѣ простота граничила съ дикостію, гдѣ бѣдность лишъ по временамъ наряжалась въ золото и серебро, добытыя кровью, гдѣ

не было да и не могло быть, по причинѣ вѣковой, племенной борьбы, никакой гражданственности, гдѣ черныя тучи саранчи смѣнялись такими-же тучами орды татарскихъ и люди, какъ насѣ-комья, пожирали другъ друга,—мнѣ, ближайшему и прямому потомку запорожцевъ, пришлось видѣть иные порядки, иные формы и условія жизни ихъ внуковъ и правнуковъ, глядѣть на вспахан-ныя дикія поля, наблюдать бытъ военныхъ поселеній, любоваться стройнымъ движеніемъ кавалерійскихъ и пѣхотныхъ полковъ и са-мому въ немъ участвовать.

Елисаветградъ, Вознесенскъ, Чугуевъ памятны всѣмъ воен-нымъ служакамъ времянъ императора Николая Павловича. Не про-ходило года, чтобы тамъ или здѣсь не собирались громадныя массы военныхъ силъ, не производилось маневровъ, смотровъ и ученій. И всюду на нихъ носилась величавая фигура императора Николая Павловича. Часто объ немъ говорятъ и пишутъ теперь, нерѣдко обращая его въ жертву искупленія, но предъ благородною тѣнью его видится мнѣ исторія со своими скривалами, а не всхлипывающіе патріоты, желающіе дѣлать исторію... Чѣмъ болѣе собрано будетъ о немъ всякаго рода, подъ частъ мелкихъ, незначительныхъ разска-зовъ, тѣмъ болѣе уяснится намъ его грандіозная и во всякомъ случаѣ благородная личность. Вотъ нѣсколько моихъ о немъ воспо-минаній изъ времени маневровъ подъ Елисаветградомъ.

Первыя однако впечатлѣнія мои о покойномъ императорѣ Ни-колаѣ Павловичѣ относятся ко времени воспитанія моего въ 1 кадет-скомъ корпусѣ въ Петербургѣ, въ 30-хъ годахъ. Изъ лагеря подъ Краснымъ Селомъ мы, кадеты, часто ходили гулять въ садъ дворца Александріи, привлекаемые угощеніями, которыя высылались за-частую изъ дворца... Случалось, что государь самъ угощалъ насъ и милостиво съ нами разговаривалъ...

Не далеко портала дворца была утверждена мачта со всѣми морскими принадлежностями; говорили, что тамъ станетъ обучаться будущій генераль-адмираль, котораго тогда еще носили няньки, а пока мы не возбранно лазили по снастямъ.

Однажды императоръ, проходя мимо этихъ гимнастическихъ снарядовъ, вылѣзъ на сѣтку окружающую мачту и кликнувъ насъ, сказалъ: «гг., я лягу, а вы подымите меня»... Цѣлою массою взле-тѣли мы на сѣтку и начали тормошить императора... Кончилось

тѣмъ, что онъ пошелъ во дворецъ въ порядочно изорванномъ сюртукѣ...

Въ другой разъ, послѣ изряднаго угощенія въ Александріи, государь поставилъ насъ въ положеніе болѣе трудное, изъ котораго мы вышли, благодаря его крайней снисходительности и любви къ намъ дѣтямъ. Когда онъ вышелъ изъ дворца и поздоровался съ нами, ему подали шляпу и подвели извѣстнаго намъ монументальнаго гнѣдаго коня... Государь сѣлъ и прощаясь съ нами, сказалъ:

— Гг.! вы тутъ попиваете чаёкъ, а въ лагеряхъ тревога.

— Ваше величество! мы не поспѣемъ; насъ распустили; ничего не сказали, зажужжала толпа кадетъ...

— Какъ вы можете говорить, что не поспѣете? я васъ предупредилъ... У васъ ноги молодыя, живо добѣгите въ лагерь!...

— Ваше величество! вы изволите ѣхать верхомъ, а мы пѣшіе, у насъ нѣтъ физической возможности поспѣть во время, доказывали мы государю на ходу...

— А я чѣмъ виновать?... У меня есть конь,—ѣду верхомъ; у васъ лошадей нѣтъ—бѣгите, говорилъ императоръ серьезнѣйшимъ образомъ...

Между тѣмъ вокругъ государя стояла туча кадетъ, словно выпавшій рой... Объясняясь съ императоромъ, кадеты приблизились къ лошади до того, что стѣснили ее совсѣмъ и она едва могла двигаться. Кто держалъ за поводья мундштука, кто за трензеля, кто за путлища и стремяна, даже ноги государя, кто по больше, за хвостъ лошади, и величественная, серьезная фигура императора двигалась въ этой оригинальной процессіи шагомъ во всю дорогу, чуть-чуть не до линеекъ лагерей... Тамъ кадеты во всю прыть пустились въ разсыпную. Государь подскакалъ къ первому барабанщику, велѣлъ ударить тревогу; подхватили другіе барабанщики, трубачи, хоры, поднялась въ лагерьъ невообразимая сумятица, и благодаря всему этому, мы во время понали въ строй...

Однажды государь пріѣхалъ въ корпусъ съ какимъ-то посланникомъ. Это случилось во время обѣда. Въ столовой находился и нашъ экономъ, извѣстный нѣсколькимъ поколѣніямъ кадетъ, статскій совѣтникъ Андрей Петровичъ Бобровъ. Это былъ старикъ одинокій, непостижимой доброты и терпѣнія человекъ, умершій послѣ моего выпуска изъ корпуса. Онъ, по словамъ моихъ послѣ-

дующихъ однокашниковъ, не оставилъ послѣ себя буквально ни гроша и былъ похороненъ на счетъ казны... Государь, увидѣвъ Боброва, сказалъ посланнику по французски: «рекомендую необыкновенную рѣдкость, честнаго эконома»...

Читатель простить мнѣ, что, увлекшись воспоминаніями, и отклонился отъ предмета моего разсказа. Выпущенный изъ корпуса офицеромъ, я скоро перешелъ въ кирасиры, чтобы служить ближе къ имѣнію отца. Въ 1842 г. состоялся возлѣ Елисаветграда высочайшій смотръ, на которомъ пришлось мнѣ быть въ качествѣ полковаго адъютанта. То было время такъ называемыхъ «боевыхъ порядковъ кавалеріи»; мы стояли въ «четвертомъ» боевомъ порядкѣ. Государь объѣхалъ корпусъ (2-й резервный кавалер.), и раздалась команда: «стройся въ первый боевой порядокъ третій полкъ (нашъ, малороссійскій, кирасирскій) въ первую линію». И тотчасъ ускакалъ на линію занимать мѣста. Полки всколыхались и третій дивизионъ нашего полка (5 и 6 эскадронъ) удвоенною рысью потянулся къ лѣвому флангу линіи. Дивизіею командовалъ генералъ Гринвальдъ, бригадою генералъ Александръ Григорьевичъ Сомовъ. Послѣдній ужасно боялся императора, хотя былъ извѣстенъ ему лично и хорошо: въ 1826 году, вмѣстѣ съ Орловымъ, онъ первый прискакалъ со своимъ эскадрономъ на адмиралтейскую площадь... Генералу Сомову вообразилось, что дивизионъ движется неправильно и онъ, подскакавъ къ командиру 6-го, фланговаго эскадрона, моему брату, сказалъ, что онъ не туда ведетъ эскадронъ. Братъ сказавъ на скаку: «прошу васъ генералъ оставить все на мою отвѣтственность» и не ожидая отвѣта, полетѣлъ съ своимъ эскадрономъ во весь карьеръ. Когда войска установились и вѣтеръ пронесъ ужасающую пыль, оказалось, что командиръ 6 эскадрона былъ правъ, а 5 эскадронъ, сбитый съ толку генераломъ Сомовымъ, оказался изломаннымъ и стоялъ не на мѣстѣ. Этимъ эскадрономъ командовалъ вѣчно раздушенный, съ манжетами, ротмистръ Б. Θ. Складьевичъ, умѣвшій лучше танцовать и любезничать... Увидѣвъ это, императоръ помчался во всю силу великолѣпнаго скакуна и подскакавъ къ командиру, закричалъ: «Куда завелъ эскадронъ? И ты ротмистръ? Ты рохла, а не ротмистръ!»

Другой случай тоже съ нашего полка ротмистромъ Харнскимъ. Не знаю, какую-то чепуху сочинилъ предъ государемъ нашъ ходя-

чій иконостасъ, какъ мы въ шутку называли ротмистра, грудь котораго была увѣшана множествомъ русскихъ и иностранныхъ орденовъ и медалей... Подскакавшій къ нему государь сказалъ:

— Скажи, ради Бога, гдѣ и за что ты нахваталъ столько наградъ, когда и эскадрона поворотить не умѣешь?

— Я былъ адъютантомъ у генерала Муравьева (впослѣдствіи Амурскаго), отвѣчалъ растерявшійся ротмистръ.

— Это и видно, произнесъ государь и поскакалъ далѣе...

Не далеко отъ злосчастнаго Харискаго стояла батарея. Какъ на бѣду, при приближеніи императора, подручная дышловая орудійная лошадь стала бить ногами. Напрасно умирялъ ее ѣздовой, лошадь сумашествовала. Довольно сѣдал, высокая фигура командира батареи стояла верхомъ неподвижно передъ батареею. Вся грудь стараго капитана, тоже какъ у Харискаго, была покрыта крестами, между которыми ясно выдѣлялись два георгіевскіе. Подѣзжая къ нему, государь строго произнесъ:

— И ты вѣрно былъ адъютантомъ?!...

— У этого единорога (орудія) 25 лѣтъ, ваше величество, — отвѣтилъ суровый артиллеристъ.

Государь посмотрѣлъ на капитана во всѣ, что называется, глаза, и, не сказавъ ни единого слова, поѣхалъ шагомъ по линіи.

Наконецъ въ послѣдній день назначены маневры около крѣпости. Посланы диспозиціи и — маневры начались. Нашимъ отрядомъ командовалъ извѣстный Ерофеичъ, т. е. гр. Д. Е. Сакентъ. Я служилъ долго, и всегда во фронтѣ, подъ командою этого крайне требовательнаго командира и, не смотря на то, что я не пользовался его расположеніемъ, кажется, за рѣзкіе и своеобразные отвѣты, утверждаю, что графъ былъ и свѣдущій и талантливый генералъ, и рѣшаюсь перечить геніальному писателю и храброму волонтеру, графу Толстому, подшучивавшему надъ безстрашнымъ комендантомъ Севастополя. Въ день маневровъ, начальникъ нашего отряда быстрыми и никѣмъ не предвидѣнными движеніями разстроилъ всѣ предположенія военнаго ареопага, и затѣйливый маневръ долженъ былъ провалиться крайне быстро, за уничтоженіемъ и малѣйшей возможности возстановить ученыя комбинаціи. Осталось одно: трубить отбой! Императоръ потребовалъ къ себѣ графа... Маленькій, худощавый, съ тусклыми, прикрытыми глазами, вертлявый человѣкъ

некъ, съ Георгіємъ на шеѣ, подскакалъ къ нему на своей бѣлой лошади.

— Сакенъ! сказаль ему государь; я не могу не отдать справедливости твоему отличному знанію своего дѣла.

При этомъ императоръ сдѣлаль изъ своихъ рукъ носъ и, обращаясь къ князю Орлову, сказаль: «Орловъ, приставь свою ногу».

Говорили, что изъ Вознесенска императоръ прислаль корпусному командиру награду,—табакерку; но графъ Сакенъ что-то не хвалился наградой, хотя я былъ принимаемъ хорошо въ его домѣ во всю службу мою подъ его командою и послѣ—въ помѣстїѣ...

Ф. П—нъ.

ИЗЪ ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Въ дополненіе къ помѣщеннымъ въ майской книжкѣ «Кіевской старины» за 1884 г. рассказамъ о набѣгахъ татаръ, предлагаю сходный рассказъ о томъ-же явленіи въ исторической жизни южной Руси, записанный мною въ этомъ году отъ одной женщины близъ села Лебедина (кіевской губерніи, чигиринскаго уѣзда) и рисующей переполохъ, какой производило въ населеніи извѣстіе о появленіи татаръ.

«Приде було горда, передавала рассказчица, поपालють геть усе, порижуть, побьють тай пидуть; тильки земля чорна оставеться. Десь туди до Шпола (мѣст. звенигородскаго уѣзда) и доси есть мисто, а може вже ёго розорали, де стояла висока, висока виха; ажъ тильки погажеться горда, заразъ виха и поверпеться у той бикъ, куды вона йде—заразъ уси утикають у лисъ, кидають и печене и варене. Цылый день бувало дивляться на виху; позакопують у землю де-що лучче: кожухи, свитки, щобъ потимъ прийти, то хочъ було у що одиться. Звистно, дума соби чоловікъ: прииду, то хочъ усе буде попалено, а всежъ таки по дереву якому небудь знайду мисце. Хлиба вчинить бувало бояться; дидъ мій напикъ три мишки корживъ, та давай зъ бабою складати на визъ де-що саме главне; наклали вони три возы; коли дивляться, а виха у цей бикъ повернулась; дидъ за коржи; баба зъ переляку забула де вона ихъ поклала; дидъ на визъ, давай скидять зъ возу клунки, свитки... геть чисто визъ роскидавъ, ажъ на самимъ споди найшовъ коржи; мерщій бабу

за руку, воржи на плечи, та втикать...; геть усе покидали: и хату, и волю, и коровы—вони були сильно багати. Усе село порозбигалось, а одна жинка тилько що родила, не здужала утискати тай осталась. Вонажъ то и розказувала: якъ прийшли, давай усе палить; повыривали, де що було въ земли позакопувано; щось таке визьмутъ тай запусать, а воно гуде та рые землю; все, що тамъ е, найде; тильки одны ямы поостаються. Пришли до той жинки у хату, та и не тронули, бо вони такихъ (що тилько що родили) не трогають, а дитей взяли, поставили коло стинки тай придавили лавою; кровь ротомъ и носомъ пишла—подавили. Вона бидна сидить ни жива, ни мертва, звистно якъ уже тамъ матери дивиться на дитей; а дали, якъ пришли, вже вбига одинт: «Марушка», каже, тай показуе, щобъ та дала напиться; вона, вже якъ тамъ здужала, пидвелась и повела его у погрибъ; а тамъ стояла велика дижка, зъ буряками чищо; «нахились», каже, тай показуе—щобъ винъ нахиливси; винъ тильки що нахиливси у дижку, а вона его за ноги та туды, тай утопила. Отто черезъ яке тамъ время дидъ зъ бабою вернулись голодни, голисеньки, якъ бубонъ; у дида ни сорочки, ни штанивъ, ничего, пишли у свій погрибъ, знайшли тамъ платы, котрыми вкривають дижки, та баба сшила дидови сорочку, а соби спидницю. Довго, довго довелось имъ бидувати, поки розбагатили. Писля того выбрали люди «членивъ», найрозумнишихъ-чи що; списали бумагу, щобъ помилували, взяли хлибъ, силъ и пишли до Шполы, де стоявъ той главный, що гордою заправлявъ; упали на вколишки; залялись, що нихто не буде трогать. И доси, мабуть, кипець не выбили, що такого и такого году просили замиреніе».

Сообщ. М. Васильевъ.

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНЫЯ СТАТЬИ И МАТЕРІАЛЫ ПО ЮЖНО-РУССКОЙ ИСТОРИИ.

При существованіи нашего журнала, спеціально посвященнаго мѣстному, южно-русскому отдѣлу отечественной исторіи и этнографіи, статьи и матеріалы по этому предмету встрѣчаются нерѣдко и въ другихъ журналахъ, особенно историческихъ, и отчасти въ газетахъ. Чтобы дать возможность тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые, интересуясь всѣмъ новымъ по части мѣстной исторіи, не могутъ слѣдить за тѣмъ, что появляется въ другихъ изданіяхъ, мы,

независимо отъ обзора отдѣльно выходящихъ книгъ, признаемъ полезнымъ время отъ времени сообщать краткія свѣдѣнія о тѣхъ статьяхъ и матеріалахъ по южно-русской исторіи, которыя появляются въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, не только русскихъ, но, по возможности, и польскихъ. Такія сообщенія могутъ достигать и другой цѣли—сосредоточивать свѣдѣнія по южно-русской исторіи въ одномъ изданіи, что облегчитъ труды занимающихся этимъ отдѣломъ отечественной исторіи. На этотъ разъ мы остановимся на спеціально-историческихъ журналахъ: «Русской старинѣ», «Историческомъ вѣстникѣ» и «Русскомъ архивѣ». Въ истекшемъ году они дали лишь незначительный матеріалъ по занимающему насъ предмету.

Въ «Русской старинѣ», при ея богатомъ содержаніи вообще, южно-русской исторіи было посвящено нѣсколько случайныхъ замѣтокъ. Таковы статьи: «Иванъ Федоровъ, московскій первопечатникъ. Пребываніе его во Львовѣ, 1573—1583 гг.» (мартовская книжка) и «Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XIV стол.» (июльская). Первая написана по поводу 300-лѣтняго юбилея Федорова, исполнявшагося въ 1883 году. Авторъ, г. С. Л. Пташицкій, имѣлъ возможность работать во львовскихъ архивахъ и извлекъ изъ нихъ документы, относящіеся ко времени пребыванія Федорова во Львовѣ въ десятилѣтній періодъ отъ 1573—1583 г. Извлеченные и обработанные г. Пташицкимъ документы знакомятъ насъ съ обыденною жизнью и обстановкой русскаго первопечатника: съ кѣмъ и какъ заключалъ онъ сдѣлки по продажѣ книгъ и покупкѣ типографскихъ матеріаловъ, какія препятствія встрѣчалъ въ чужомъ городѣ, на какія суммы велъ свои дѣла и проч. Въ документахъ Федоровъ носитъ названія: *Iwan Fedorowicz Impressor Rutenus*, *Iwanus Impressor litterarum rutenicalium*. Много затрудненій пришлось перенести Федорову во Львовѣ, прежде чѣмъ дѣло его стало на ноги. Цеховое устройство тамошняго общества дало себя чувствовать печатнику, и именно по случаю найма рабочаго столярл. Пришлось обращаться за разрѣшеніемъ дѣла въ городской совѣтъ, дать разныя обязательства, и все-таки вооружить противъ себя требовательный цехъ. Значительная часть разсматриваемой статьи посвящена описанію мелкихъ денежныхъ сдѣлокъ, которыя приходилось дѣлать Федорову при скудости средствъ. Не смѣтра на разныя неудачи, Федоровъ оставилъ сыновьямъ значительное по тому времени

состояніе. Можемъ подвести итогъ имущества Федорова, говоритъ авторъ (стр. 475), въ моментъ его смерти. Сумма протестованныхъ и обеспеченныхъ на имуществѣ долговъ равнялась 1,561 зл., сынь продалъ книгъ на 380 зл., права свои на наследственное имущество уступилъ за 500 зл., отъ бумажнаго фабриканта имѣлъ ко взысканію 100 зл., отъ протопопа Нестора въ Заблудовѣ 15 литовскихъ копѣ, т. е. 37 $\frac{1}{2}$ зл. Такимъ образомъ все имущество Федорова ко дню его смерти можно было оцѣнить въ двѣ съ половиною тысячи злотыхъ. Въ тѣ времена въ окрестностяхъ Львова продавался быкъ за 4 зл., корова стоила 2 зл., свинья 1 зл. и 6 грошей, баранъ 15 гр., курица $\frac{1}{2}$ гр., 10 яицъ $\frac{1}{2}$ гр., возъ сѣна 4 гроша. По этому расчету можемъ составить себѣ понятіе, какую цѣнность въ то время представляли двѣ съ половиною тысячи. За нихъ можно было купить болѣе, чѣмъ 600 быковъ». Статья г. Пташицкаго служить дополненіемъ къ труду львовскаго ученаго о. Петрушевича, о которомъ упоминалось въ свое время въ «Кіевской Старинѣ».

Въ іюльской книжкѣ того-же журнала помѣщена вступительная рѣчь кіевскаго магистранта г. Линниченка предъ защитой имъ магистерской диссертациі въ петербургскомъ университетѣ. Тема диссертациі: «Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XIV ст.». По отзыву почтенной редакціи, магистрантъ «блистательно» защитилъ свое сочиненіе. Но самъ г. Линниченко въ своей рѣчи говоритъ между прочимъ: «Я положилъ себѣ слѣдующую задачу: опредѣливъ основныя черты сходства и отличія культуръ Руси и Польши, прослѣдить постепенную замѣну русскихъ началъ польскими въ присоединенныхъ Польшей русскихъ областяхъ. Такимъ образомъ центромъ моей работы должна была стать 2-я половина XIV в. и вѣкъ XV. Естественно, однако, у меня должно было явиться желаніе рассмотреть отношенія Руси и Польши и до XIV в., т. е. за время самостоятельнаго существованія обоихъ государствъ, особенно въ виду существующаго въ нѣкоторой части польской литературы мнѣнія, что южная Русь въ теченіе XIII и первой половины XIV в. успѣла уже значительно ополячиться, такъ что переходъ ея подъ польское владычество былъ совершенно естественъ. Разборъ отношеній Руси къ Польнѣ за время до половины XIV в.

я предполагаю предпослать моему основному труду въ качествѣ введенія.

«Однако, съ моей работой произошло то, что обыкновенно бываетъ съ работой каждаго ученаго, вступающаго въ мало разработанную область; пришлось сдѣлать много предварительной работы, массу мелкихъ изслѣдованій, результатомъ чего и было превращеніе моего введенія, которое предполагалось весьма краткимъ, въ цѣлую книгу. Мнѣ не удалось даже издать всего введенія, т. е. разбора русско-польскихъ отношеній до половины XIV в., а пришлось прервать мой трудъ на срединѣ, ибо остальные части моей работы я еще не считаю достаточно законченными для печати» ... (стр. 219).

Выходитъ, что похвала г. магистранту относится къ будущимъ его трудамъ. Но если *часть 1-я введенія* разрослась въ «цѣлую книжку», то можно себѣ представить, каково (при соответствіи частей) должно выйти самое сочиненіе. Самъ собою является вопросъ: обдумалъ-ли авторъ свою задачу? Отвѣтъ можетъ быть такой, или иной, но, во всякомъ случаѣ, *взаимныя отношенія* до конца XII в.—дѣло особое, а будущій разборъ этихъ отношеній въ концѣ XIV и въ XV ввѣхъ—тоже дѣло особое.

Изъ остальныхъ статей «Русской Старины», имѣющихъ нѣкоторую связь съ исторіей южной Россіи, можно назвать: «Николай Васильевичъ Гоголь въ письмахъ въ Арх. Ос. Россети, 1843—1847 гг.» (январь), «Письмо Т. Г. Шевченка къ Е. П. Ковалевскому» (май) и «Виленскіе очерки» (январь). Послѣдняя статья интересна не сама по себѣ, а по приложенію къ ней: «Рукопись Сигизмунда Сѣраковскаго, казненаго въ Вильнѣ въ маѣ 1863 года». Это характеристика взгляда передовыхъ поляковъ начала 60-хъ гг. на польскій вопросъ и на отношеніе къ нему юго-западнаго края.

Въ разнообразное содержаніе «Историческаго Вѣстника» попало въ истекшемъ году нѣсколько библиографическихъ замѣтокъ на книги, рассмотрѣнныя и въ «Кіевской Старинѣ», и кромѣ того двѣ-три отдѣльныя статейки. Въ іюльской книжкѣ помѣщена картинка развалинъ дома Хмельницкаго въ Суботовѣ, которыя существовали еще лѣтъ 20 назадъ; картинка есть снимокъ съ наброска, сдѣланнаго Шевченкомъ во время посѣщенія Суботова, почему собственно и заслуживаетъ вниманія. Въ ноябрьской книжкѣ при двухъ картинкахъ, изображающихъ, одна видъ на Херсонесъ Таврическій

въ настоящее время, другая храмъ св. Владимира въ Херсонесѣ, приложена замѣтка подъ заглавіемъ: «Храмъ св. Владимира въ Херсонесѣ Таврическомъ». Въ ней нѣсколькими словами разсказана исторія Херсонеса и изображеннаго храма. Храмъ этотъ, возникшій по мысли Александра I, былъ заложенъ только въ 1861 году, причеиъ нѣсколько разъ урѣзывался проектъ и планъ; въ семидесятыхъ годахъ храмъ оконченъ вчернѣ и такъ стоитъ до сихъ поръ. Авторъ замѣтки говоритъ въ заключеніе: «Въ 1888 году Россія вспомнитъ о Херсонесѣ Таврическомъ и о великомъ событіи, совершившемся тамъ за 900 лѣтъ. Неужели и къ тому времени храмъ не будетъ оконченъ?»

Въ «Русскомъ Архивѣ» за истекшій годъ помѣщены двѣ статьи, относящіяся къ юго-западному краю (въ выпускѣ 5-мъ): «Обозрѣніе кievской, волинской и подольской губерній за двѣнадцать лѣтъ Бибиковскаго управленія (1838—1850), съ послѣсловіемъ издателя» и «Императоръ Александръ Павловичъ въ Кіевѣ 1816». Первая изъ статей имѣетъ высокій интересъ для занимающихся мѣстной исторіей, какъ систематическій обзоръ мѣропріятій правительства въ одну изъ важнѣйшихъ эпохъ въ жизни края. Записка написана неизвѣстнымъ лицомъ около 1850 года, какъ можно судить по одному мѣсту въ ней ¹⁾ и—надо отдать честь автору—весьма логично. Въ этой статьѣ сначала излагается краткая исторія юго-западнаго края до 30-хъ годовъ. Констатировавъ печальное положеніе края ко времени генераль-губернаторства Бибикова, авторъ переходитъ затѣмъ къ мѣрамъ, предпринятымъ правительствомъ для устраненія зла. «Мѣры, предложенныя и принятыя въ теченіе 13 лѣтъ (съ 1838 по 1850), по существу самой цѣли, должны были быть двухъ родовъ. Первые, *отрицательныя*, клонились 1) къ пресѣченію сношеній края съ заграничными врагами Россіи и обезпеченію политической безопасности; 2) къ обезсиленію сословія, которыя были представителями началъ враждебныхъ: мѣстнаго дворянства, латинскаго духовенства и евреевъ; 3) къ уничтоженію преградъ, мѣшавшихъ соединенію края съ Россією посредствомъ упраздненія слѣдовъ польскаго владычества въ законахъ и судоустройствѣ, и польскаго вліянія въ публичномъ воспитаніи. Мѣры *положительныя*, имѣвшія цѣлью

¹⁾ «Нынѣ комиссія окончила порученное ей дѣло. Съ 1-ю января 1845 г. въ теченіи пяти лѣтъ, она обревизовала 20,576 дѣлъ».

возбужденіе началъ православныхъ и русскихъ, влонились 1) къ обезпеченію нашего духовенства и возстановленію достоинства господствующей церкви въ ея внѣшности, 2) къ обезпеченію сельскаго сословія и дарованію ему возможности самостоятельнаго развитія; 3) къ распространенію вѣрныхъ понятій объ отношеніи края къ Россіи» (стр. 8). Далѣе авторъ разсматриваетъ каждый изъ отмѣченныхъ пунктовъ отдѣльно.

Чтобы пресѣчь сношенія польскаго населенія съ заграничными врагами Россіи, была закрыта такъ называемая *бердичевская станція польскаго банка*, сосредоточившая въ своихъ рукахъ всѣ мѣстные капиталы и безпрепятственно пересылавшая деньги эмигрантамъ для революціонныхъ цѣлей; она замѣнена была *конторой коммерческаго банка* въ Кіевѣ. Далѣе, была усилена полиція и затруднено сообщеніе съ заграницей строгой выдачей паспортовъ съ пропискою примѣтъ и полнымъ запрещеніемъ выѣзда для лицъ подозрительныхъ.

Мѣры правительства относительно враждебныхъ сословій состояли въ слѣдующемъ. Относительно дворянъ въ 1836 году были учреждены въ губерніяхъ ревизіонныя коммисіи, которыя должны были провѣрить наличныя права шляхты, особенно мелкой, на дворянское званіе, съ цѣлью сократить число этого мятежнаго сословія, такъ какъ извѣстно было всѣмъ, что многіе попали въ него по поддѣльнымъ документамъ. По провѣркѣ оказалось, что внесено въ дворянскіе роды: правильно 581 лицо, по сомнительнымъ доказательствамъ 22,000 лицъ, *совершенно неправильно* 81,121 л. (стр. 15). Послѣдняя категорія была введена въ подушный окладъ. Католическое духовенство было весьма сильно своими имѣніями. «Всѣхъ имѣній, принадлежавшихъ римской церкви (монастырямъ и ксендзамъ, не считая личной собственности сихъ послѣднихъ) было до 40,000 душъ въ трехъ губерніяхъ, въ томъ числѣ одно столовое имѣніе луцкаго епископа состояло изъ 6,200 душъ и болѣе 42,000 десятинъ». Имѣнія были отобраны, даже запрещено католическому духовенству держать въ служеніи лицъ православнаго исповѣданія; изъ Луцка, «какъ-бы Рима той мѣстности», было переведено духовное управленіе, консисторія, семинарія въ Житомиръ, назначенный губернскимъ городомъ. Вслѣдствіе этихъ мѣръ связь латино-польскаго духовенства съ помѣщиками, въ силу единства

интересовъ, прекратилась; оно увидѣло свое благосостояніе въ рукахъ правительства и потому принуждено было измѣнить соответственно этому и свое политическое поведеніе. Что касается евреевъ, этихъ паразитовъ, всегда игравшихъ въ руку пановъ и всендзовъ изъ жажды къ наживѣ, то правительство старалось съ одной стороны сократить ихъ подвиги упраздненіемъ кагаловъ, подчиненіемъ земской полиціи и проч., съ другой—распространить въ ихъ массѣ образованіе учрежденіемъ въ Житомирѣ раввинскаго училища. Кромѣ того были употреблены всѣ силы удалить евреевъ отъ шинкарства.

Въ законодательствѣ и воспитаніи реформы состояли въ томъ, что въ первомъ Литовскій Статутъ замѣненъ общероссійскимъ Сводомъ законовъ и такимъ образомъ уничтожена рознь и запутанность въ дѣлахъ, въ послѣднемъ былъ очищенъ отъ польскихъ элементовъ кіевскій университетъ и въ среднихъ заведеніяхъ введена закрытая система.

Переходя затѣмъ къ мѣрамъ положительнымъ, авторъ останавливается прежде всего на русскомъ духовенствѣ. Положеніе его во времена уніи было весьма печально. «Удрученные нуждою, они (священники) были въ необходимости вымаливать у католиковъ-помѣщиковъ и посессоровъ скудную помощь, цѣловать у нихъ руки по польскому обычаю и переносить безмолвно разныя оскорбленія. Православныя церкви, большею частію ветхія, находились также въ самомъ жалкомъ положеніи; нѣкоторыя изъ нихъ были крыты соломкою, въ иныхъ одежда на престолѣ была изъ холста, въ лампадахъ горѣло коровье масло, въ кадилахъ теплился, вмѣсто ладона, можжевеликъ» (стр. 24). Послѣ возстанія 1830 года вѣрность русскаго духовенства престолу ничѣмъ не была вознаграждена, напротивъ вызвала месть со стороны поляковъ. Положеніе дѣлъ не могло такъ продолжаться, и вотъ въ 1839 году уніаты воссоединены съ православною церковью, храмы приведены въ должное благолѣпіе (въ 1850 году исправлено 2,628 церквей и построено 184 новыхъ), а матеріальное положеніе духовенства обезпечено домами, землями и единовременными пособиями.

Было обращено особое вниманіе на бытъ крестьянъ, которые всегда были опорой русскому правительству и вѣрность свою престолу блистательно доказали въ 1830 году. «Но эта неопѣненная служба не только не была вознаграждена по достоинству, даже не

было исполнено обѣщаніе, торжественно данное генераль-фельд-маршаломъ Сакеномъ, по которому поселяне, призванные къ содѣйствію противъ бунтовавшихъ господъ своихъ, не должны впредь оставаться въ ихъ власти » (стр. 26). Между тѣмъ помѣщики послѣ такого случая стали угнетать крестьянъ еще болѣе. «Систематическое раззореніе крестьянъ сопровождалось варварскимъ произволомъ въ наказаніяхъ: за неумышленный проступокъ или неосторожность сѣкли и терзали до полусмерти, забивали въ неподвижныя колодки, томили въ заперти, накладывали на голое тѣло тряпки съ солянымъ растворомъ и сѣкли по нимъ, насиловали женъ и дѣвокъ, подрѣзали у нихъ косы и т. п.» (стр. 29). Положеніе казенныхъ крестьянъ было не лучше: «арендаторы и администраторы употребляли крестьянъ на постороннія работы въ собственныхъ своихъ имѣніяхъ, отбирали у нихъ пахатныя и сѣновосныя земли, даже самихъ казенныхъ крестьянъ переводили въ свои имѣнія и записывали по ревизіи за собою, насиловали ихъ женъ и дочерей, а за малѣйшее сопротивленіе, за каждую поданную жалобу, безчеловѣчно наказывали, забивали въ неподвижныя колодки, головы брили, обливали водою, засѣкали до смерти » (стр. 27). Правительство дѣятельно изыскивало мѣры къ улучшенію быта какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Относительно казенныхъ крестьянъ, послѣ долгой переписки, 5 апрѣля 1844 года наконецъ послѣдовало высочайшее повелѣніе перевести ихъ на поземельное оброчное положеніе. Для ограниченія-же произвола помѣщиковъ надъ своими подданными были введены извѣстные инвентари. Такъ какъ они весьма памятны еще и въ настоящее время, то излишне распространяться объ нихъ.

Къ управленію Бибикова наконецъ относится учрежденіе временной археографической комиссіи и кіевскаго центрального архива. Какъ велико значеніе этихъ учрежденій для науки, показало время. Въ высшей степени благородную надежду на эти учрежденія высказываетъ авторъ,—надежду, которая еще пока, къ сожалѣнію, далека отъ осуществленія. «Со временемъ, изданные и предназначенные къ изданію документы, изъ тѣснаго круга ученыхъ, перейдутъ въ учебныя книги, пріобрѣтутъ всеобщую извѣстность, и будущія поколѣнія предохранены будутъ основательнымъ изученіемъ нашей исторіи отъ безсознательныхъ вліяній и увлеченій, почти всегда сопровождающихъ невѣжество » (стр. 36).

Статья, какъ видно, составлена по официальнымъ даннымъ, лицомъ близкимъ къ Бибикову, слѣдовательно видѣвшимъ, или хотѣвшимъ видѣть положеніе дѣлъ нѣсколько въ розовомъ свѣтѣ. Тѣмъ не менѣе нельзя не удивляться энергіи и систематичности дѣйствій правительства въ данное время. Если-же при введеніи разныхъ мѣръ дѣло нѣсколько и не шло такъ гладко, какъ пишетъ авторъ *Записки*, то, по замѣчанію почтеннаго редактора «Русскаго Архива», когда возводится зданіе, то не обходится безъ стружекъ и мусору.

Вторая статья «Русскаго Архива» есть извлеченіе изъ письма іеромонаха Антонія Смирнитскаго, впоследствии воронежскаго архіепископа, о посѣщеніи императоромъ Александромъ I въ 1816 году Кіева. Государь пробылъ въ Кіевѣ 5 дней (съ 7—12 сентября), посѣтилъ софійскій соборъ, лавру, академію; вездѣ все внимательно осматривалъ и очаровалъ всѣхъ своею набожностью и добродушіемъ. Вотъ какъ государь посѣтилъ въ лаврѣ слѣпаго схимника Вассіана. Вассіану дано было знать, что у него будетъ кн. Волконскій; вмѣсто него въ назначенное время является государь. Происходитъ разговоръ.

— Здравствуйте батюшка!—Отвѣтъ обыкновенный.—Прошу сѣсть, ваше сіятельство!—И хозяинъ садитъ на первѣйшее мѣсто гостя, а гость отдаетъ первенство хозяину.

— Женаты-ли, ваше сіятельство?—Женатъ.—Давно-ли женаты?—Двадцать лѣтъ.—Имѣете дѣтей?—Имѣю.—Давно-ли служите государю?—Давно.

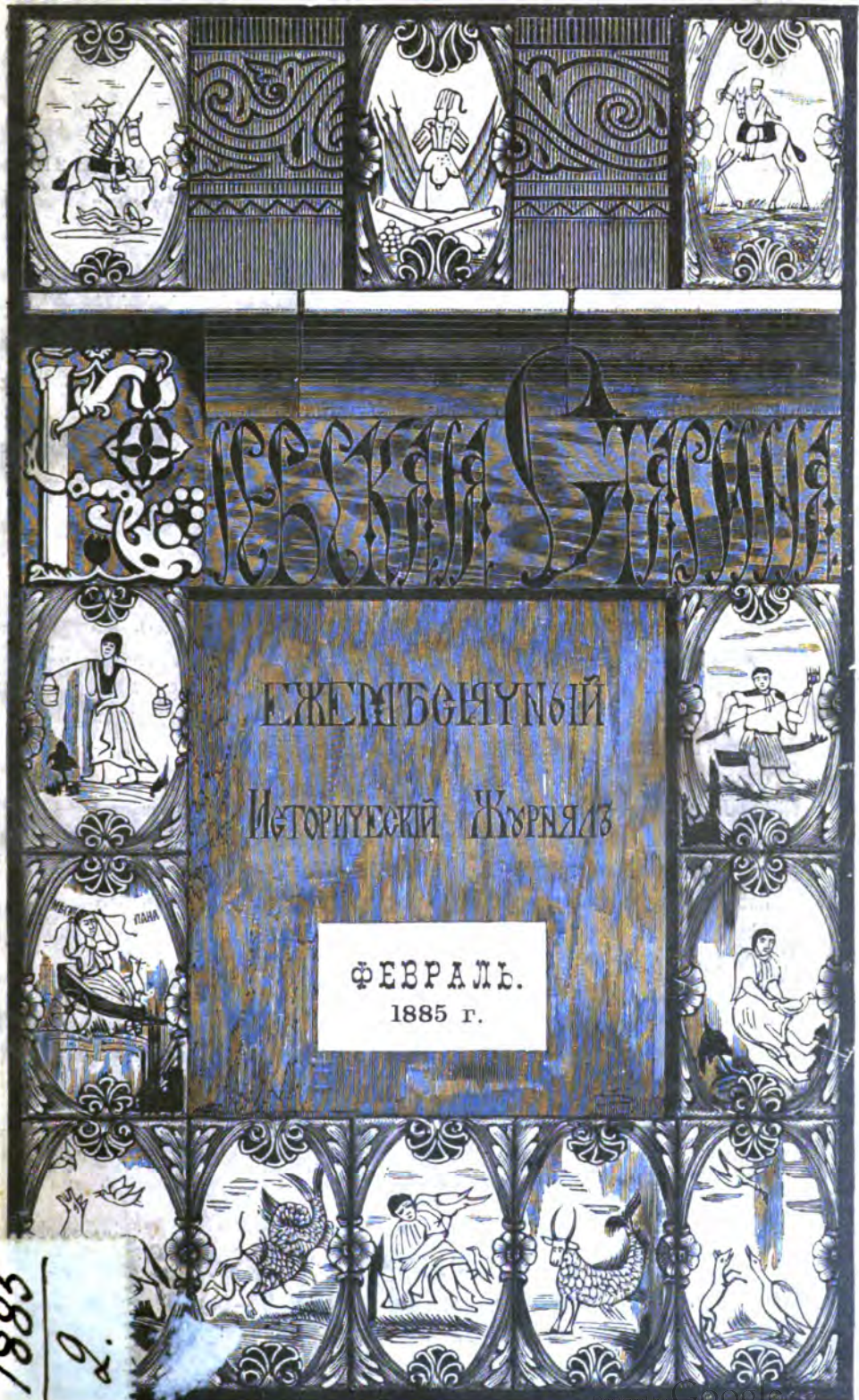
Вассіанъ, воображая предъ собою кн. Волконскаго, спрашиваетъ о государѣ.—Да онъ здѣсь,—отвѣчаетъ ему гость.—Въ Кіевѣ?—Онъ у васъ.—Гдѣ-же, въ лаврѣ, или еще будетъ?—Я Александръ: сказалъ наконецъ мнимый Волконскій схимнику на ухо; благословите меня! Еще въ Петербургѣ наслышался я о васъ, и пришелъ поговорить съ вами; благословите меня!

— Я (разсказываетъ Вассіанъ) хотѣлъ поклониться, но государь, не допуская, цѣлуетъ только руку, говоря: «Поклоненіе принадлежитъ одному Богу. Я человѣкъ, какъ и прочіе, и христіанинъ; исповѣдуйте меня, какъ всѣхъ вообще духовныхъ сыновъ вашихъ».

«Съ симъ словомъ началось совершеніе исповѣди» (стр. 116).

В. Н.

У2 AUG 29

ВЕЩА СЪСТАВИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
Исторический Журналъ

ФЕВРАЛЬ.
1885 г.

5881
2.

СОДЕРЖАНІЕ.

Февраль, 1885 г.

	стр.
I. МАЛУРУССКІЯ ФАМИЛЬНЫЯ ПРОЗВАНІЯ. <i>Н. Ѳ. Сумцова</i>	215
II. ВОСПОМИНАНІЕ О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ ЕГО СЛУЧАЙНАГО УЧЕНИКА. <i>Б. Суханова-Подколзина</i>	229
III. ВОСПОМИНАНІЕ ИЗЪ НЕДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО. (О школѣ и грамотности въ кievской губерніи). <i>Бориса П—скаго</i>	235
IV. ПО ВОПРОСУ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. (Отвѣтъ С Т. Голубеву). <i>П. Л.</i>	268
V. ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. (<i>Продолженіе</i>)	282
VI. ХУДОЖНИКЪ КИРИЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛОВАЧЕВСКІЙ. (Биографическій очеркъ). <i>И. Божерянова</i>	308
VII. АВТОБІОГРАФІЯ ЮЖНО-РУССКАГО СВЯЩЕННИКА 1-Й ПОЛОВИНЫ XVIII СТ. Съ предисловіемъ	318
VIII. БЪ БІОГРАФІИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.	333
IX. КЪ ИСТОРИИ ПОГРАНИЧНЫХЪ НАШИХЪ СНОПЕНІЙ СЪ КРЫМСКИМЪ ХАНСТВОМЪ. (Путевой журналъ секунд-маіора Матвѣя Миронова, въ командировку его къ крымскому хану, 1755 года). Съ предисловіемъ <i>А. Андр.</i>	339
X. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранящихся въ виленскомъ центральномъ архивѣ и виленской публичной библиотекѣ. Изданіе виленской археографической комисіи. Выпускъ I (1332—1548). Вильна. 1884 г.— <i>И. Каманина</i> .—б) Чтенія въ импер. обществѣ исторіи и древностей російскихъ при моск. университетѣ. 1884 г. книга 2— <i>Ѳ. Н.</i> —в) Древнѣйшія карты Россіи. Гамбургъ. 1885—91.— <i>N. S.</i> —г) <i>Ив. Франко</i> .—Захаръ Беркутъ. Образъ громадскаго житя Карпатской Руси въ XIII вѣцѣ. Львовъ. 1884 г.— <i>Г.</i>	357
XI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Русскія святыня на западѣ Европы.—б) Сербы въ Кіевѣ.—в) Волинская бывальщина.— <i>И. А. Шафариука</i> .—г) Губернскія Вѣдомости, какъ пособіе при изученіи русской исторіи и этнографіи.— <i>Н. Ѳ. Сумцова</i> .—д) Пребываніе императора Александра I-го въ Кіевѣ въ 1816 г.—Сообщ. <i>Левъ Мкушевичъ</i> .—д) Слѣды поселенія запорожцевъ въ Сванетіи. (Изъ письма въ редакцію).— <i>Г. Лебединца</i> .—е) <i>А. Ѳ. Кистиковскій</i> . (Некрологъ).— <i>И. Лучицкаго</i> .—ж) Библиографическое извѣщеніе.— <i>Г.</i>	377
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1885 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старинны“, Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8.—Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882, 1883 и 1884 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ ХІ.

ФЕВРАЛЬ.

1885 г.

БІБЛІОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ
„Т-ва ПРОСВІТА“
Київ.

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчань-Новицкаго, Мпхайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го ливаря 1884 года.

МАЛУРУССКІЯ ФАМИЛЬНЫЯ ПРОЗВАНІЯ.

При первомъ, поверхностномъ взглядѣ на малорусское село возникаетъ мысль объ однообразіи фамильныхъ прозваній. Цѣлыя ряды хатъ населены семьями одного фамильнаго прозванія, положимъ, Лободами, Петренками, и самыя улочки и закоулки сельскіе получили потому названіе Лободивки, Петренкивки. Нужно присмотрѣться къ дѣлу ближе; нужно распросить людей съ фамиліями Лободы, Петренка и проч., по возможности, порознь, и тогда откроется все характерное разнообразіе фамильныхъ прозвищъ въ малорусскомъ простонародьѣ. Положимъ, въ десяти и болѣе дворахъ, рядомъ лежащихъ, живутъ все Петренки; но почти каждый домохозяинъ, кромѣ общаго фамильнаго или родоваго прозванія, имѣетъ еще свое особенное прозвище, выдѣляющее его изъ ряда Петренковъ. Почти каждый крестьянинъ малоросецъ, по достиженіи совершеннолѣтія, кромѣ личнаго имени, имѣетъ два или три прозвища: одно прозвище, документально засвидѣтельствованное въ спискахъ населенія, вообще закрѣпленное на письмѣ, и потому устойчивое, часто довольно старинное по времени возникновенія, и два или три прозвища сравнительно новыя, прозвища уличныя.

Личныя и фамильныя прозвища возникаютъ въ народѣ въ силу настоятельной необходимости отчетливаго и жизненнаго различенія лицъ семействъ, по характернымъ ихъ особенностямъ, необходимости, тѣсно связанной и непосредственно вытекающей изъ духовнаго народнаго творчества. Можно сказать, что и въ созданіи фамильныхъ прозвищъ выступаетъ въ видѣ частнаго проявленія тотъ же творческій духъ народа, который въ болѣе ясныхъ и

отчетливыхъ формахъ выразился въ пѣсняхъ, пословицахъ и поговоркахъ. Въ данномъ случаѣ принимаются во вниманіе самыя типичныя черты людей, ихъ физическаго и нравственнаго облика; для выраженія этихъ чертъ изъ лексическаго состава языка выбираются самыя характерныя и меткія слова, и такимъ образомъ создается нѣчто столь выразительное въ видѣ личнаго или фамильнаго прозванія, что село принимаетъ его всецѣло, какъ памятникъ извѣстнаго проявленія текущей жизни.

Какъ быстро создаются личныя прозванія и какъ быстро они приобрѣтаютъ въ селѣ право гражданства, можно видѣть на слѣдующемъ примѣрѣ, представляющемъ одинъ изъ огромнаго числа сходныхъ случаевъ сельской жизни. Въ одномъ селѣ ахтырскаго уѣзда проживаетъ нѣкій Иванъ Кириченко, мужикъ уже пожилой, лѣтъ пятидесяти, бодрый и подвижной, съ открытымъ и красивымъ лицомъ, умный и грамотный, настолько грамотный, что хорошо читаетъ книги гражданской печати и свободно пишетъ. Одно лишь плутовское выраженіе большихъ сѣрыхъ глазъ выдаетъ хищническую сторону его природы. И вотъ этотъ человекъ, выдающійся по уму и грамотности, съ хорошими денежными средствами, среди бѣлаго дня на базарѣ укралъ съ воза ременные возжи, былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія и, по сворому крестьянскому самосуду, больно избитъ возжами. Съ тѣхъ поръ Иванъ Кириченко прослылъ Вижатымъ; такъ его зовутъ въ селѣ всѣ отъ мала до велика, и старое прозваніе приходитъ въ забвеніе.

Фамильныя прозванія крестьянъ, какъ многія другія проявленія народнаго быта, не могутъ быть вставлены въ строго размѣренныя хронологическія и историческія рамки. По давности уличныя прозванія весьма различны. Одни прозванія возникли при дѣдахъ, перешли къ сыновьямъ, внукамъ, и послѣдніе забыли причину возникновенія прозванія и его первоначальный смыслъ. Другія прозванія возникли десять, пять лѣтъ назадъ, прошлое лѣто, у всѣхъ на виду, и по новости своей еще не успѣли приобрѣсти въ селѣ полнаго права гражданства.

Любопытное документальное свидѣтельство о малорусскихъ фамильныхъ прозвищахъ относится ко второй половинѣ семнадцатаго вѣка. Въ 1667 г. стольникъ Кикинъ пріѣхалъ въ Полтаву для разъясненія и устраненія столкновенія козаковъ съ воеводой. Онъ

сравнилъ имена козаковъ челобитчиковъ со сказкой воеводы и напелъ, что многіе козаки прозвищали не сошлись, что одно и то же лицо имѣеть по нѣскольку прозваній. Кикинъ обратился къ полтавскому полковнику Витязенку за разъясненіемъ. «А что козаки прозвищами не сходятся, то это потому, объяснилъ ему полковникъ, что у насъ на Украйнѣ обычай такой: называются люди разными прозвищами; у одного человѣка прозвища три или четыре: по отцу, по тестю, по тещѣ, по женамъ прозываются; вотъ почему одни и тѣ же люди у воеводы въ мужицкомъ спискѣ писаны одними прозвищами, а у насъ въ полковомъ козацкомъ другими»¹⁾.

Исслѣдователь малорусскихъ фамилльныхъ прозваній располагаетъ громаднымъ матеріаломъ, совершенно сырымъ, чрезвычайно разнообразнымъ. Полнота изложенія и несомнѣнная вѣрность выводовъ въ приложеніи къ фамилльнымъ прозваніямъ—дѣло въ настоящее время невозможное, по причинѣ отсутствія вспомогательныхъ статей, мѣстныхъ изслѣдованій. Съ теченіемъ времени, съ выходомъ въ свѣтъ хорошаго малорусскаго словаря (хотя-бы на премію Н. И. Костомарова), съ разъясненіемъ лексическаго состава малорусскаго языка, при ученой разработкѣ народной этимологіи, фамилльныя прозвища, можно надѣяться, послужать предметомъ спеціального изслѣдованія. Интересъ такого изслѣдованія увеличится и осложнится, если въ него войдутъ, наравнѣ съ фамилльными прозвищами, характерныя наименованія урочищъ, селъ, рѣкъ, явленій природы, животныхъ, растений, болѣзней, кушаньевъ, одежды, дѣтскихъ игръ.

Безъ ошибки можно сказать, что въ современныхъ крестьянскихъ фамилльныхъ прозвищахъ живетъ старая Малороссія. Въ селахъ харьковсоой губерніи встрѣчаются, напримѣръ, крестьяне съ фамилльными названіями Сагайдачный, Хмельницкій, Богунъ. Въ числѣ полтавцевъ, убитыхъ въ Болгаріи въ 1877 г., оказываются Скорина и Могила,—фамилльныя прозванія, знаменитыя въ исторіи. Впрочемъ Францискъ Скорина XVI ст. и Петръ Могила XVII ст. по происхожденію были чужды малоруссамъ, и самыя ихъ фамилльныя прозванія, однозвучныя съ фамилльными прозваніями несчаст-

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россія, т. XII, стр. 12—13.

ныхъ жертвъ войны, могутъ подлежать совсѣмъ особому филологическому объясненію.

Повидимому, мѣстной чертой представляется обыкновеніе крестьянъ харьковской губерніи, преимущественно лебединскаго уѣзда, личное имя ставить послѣ фамильнаго прозванія; напримѣръ: Ходакъ Иванъ, Новакъ Антинъ, Василенко Петро. Когда спрашиваютъ крестьянина о его имени или прозвищѣ, то онъ не ограничивается тѣмъ или другимъ, а выкладываетъ ихъ рядомъ, полагая на первое мѣсто прозвище, какъ наиболѣе общее и широкое обозначеніе лица и затѣмъ дополняя его именемъ личнымъ.

Фамильныя прозвища весьма разнообразны по окончаніямъ и внутреннему значенію. Слѣдующія окончанія свойственны малорусскимъ фамильнымъ прозваніямъ:

- 1) *ко*: Канько, Райко, Панько и др...
- 2) *ка*: Прадка, Коробка, Малинка...
- 3) *акъ, якъ*: Щербакъ, Шулякъ, Радовличакъ...
- 4) *икъ*: Осовикъ, Гуликъ, Соленикъ...
- 5) *окъ*: Чапокъ, Рачокъ, Цыганокъ...
- 6) *укъ, юкъ, юкъ*: Дупдукъ, Челюкъ, Болюкъ, Артюкъ...
- 7) *ай*: Вересай, Бавай, Лутай...
- 8) *аа, аа, яа*: Шульга, Дувага, Дубяга...
- 9) *анъ, анъ*: Дараганъ, Рубанъ, Щербанъ...
- 10) *аль, аръ*: Пахаль, Свичваръ, Свинарь...
- 11) *ахъ, аха*: Томахъ, Черепаха, Мантаха...
- 12) *ачъ*: Трембачъ, Сурмачъ...
- 13) *ашъ*: Педашъ, Кардашъ...
- 14) *ешъ*: Дерешъ, Мелешъ...
- 15) *ышъ*: Славышъ, Гладышъ...
- 16) *ецъ*: Лабунецъ, Рипунецъ, Луговецъ...
- 17) *ця*: Братыця, Иваныця...
- 18) *ій*: Кучмій, Баглій, Бурлій...
- 19) *инъ*: Высочинъ, Добровичъ...
- 20) *ичъ*: Катричъ, Павичъ, Самойловичъ...
- 21) *унъ, юнъ*: Корсунъ, Богуъ, Баюнъ...
- 22) *на, ня*: Щербина, Борозна, Потеня, Вареня...
- 23) *но*: Дахно, Пихно, Сахно...
- 24) *имъ*: Гудимъ, Бутримъ, Рудимъ...

- 25) *оль, яль*: Хроль, Мняль...
- 26) *ло*: Мурмыло, Подобайло...
- 27) *ській, цькій*: Новгородській, Буцькій...
- 28) *стый*: Ярмистый, Женжуристый...
- 29) *ра, ря*: Манжура, Матора, Хухря...
- 30) *ный*: Головурный, Буденный...
- 31) *да*: Лагода, Штонда, Шелегеда, Жейда, Кирда...
- 32) *исъ*: Чуплимись, Номись...
- 33) *усъ*: Левусъ, Бреусъ, Усъ...
- 34) *бей*: Кочубей, Камбей...

Самый обширный отдѣлъ фамилльныхъ прозвищъ составляютъ прозвища, произведенныя *отъ личнаго имени родителей*, отца или матери, преимущественно отца или, чрезъ отца, отъ личнаго имени дѣда, прадѣда. Наряду съ Василенками, Петренками встрѣчаются Химченки, Степенки, Домнички, Катрички, Палажченки и другія прозвища отъ женскихъ личныхъ именъ. Отъ одного и того-же личнаго имени производится много фамилльныхъ прозваній; напримѣръ, отъ Петра Петренко, Петраченко, Петричь, Петриченко, Петрусь, отъ Даниіла Данилейко, Данилченко, Данильчукъ, Данчужь, Данушка. Къ разсматриваемому отдѣлу фамилльныхъ прозвищъ относятся Антонокъ, Филипанъ, Романика, Андрияшь, Григорашъ, Богданко, Грицай, Ѳеодорка, Ѳедакъ. Такъ какъ личныя имена крестьянъ гораздо болѣе разнообразны, чѣмъ личныя имена дворянъ, то среди первыхъ не трудно встрѣтить фамилныя названія Харченко (отъ Харитона), Кононенко, Артеменко, Гапоненко (отъ Агафонъ) и т. п. Разнообразіе это зависитъ отчасти отъ различнаго положенія священника въ селѣ и въ городѣ. Сельскій священникъ относится къ своимъ прихожанамъ болѣе или менѣе свысока, какъ къ людямъ, стоящимъ на низшей сравнительно съ нимъ степени духовнаго развитія, не стѣсняется ихъ мнѣніями и потому даетъ новорожденному имя того святого, память котораго празднуется въ день рожденія младенца или въ день первой о немъ молитвы. Въ городѣ священникъ подчиняется мнѣніямъ и желаніямъ интеллигентныхъ родителей новорожденнаго и даетъ ему имя, по выбору родителей, изъ наиболѣе употребительныхъ въ образованномъ обществѣ личныхъ именъ.

Вторую, весьма обширную группу прозвищъ фамилныхъ составляютъ прозвища *по мѣсту жительства*. Въ данномъ случаѣ слѣдуетъ различать два отдѣла: въ первый отдѣлъ входятъ прозванія по первоначальному, старинному мѣсту жительства, откуда произошло выселеніе; во второй отдѣлъ прозванія по данному мѣсту жительства, по наиболѣе характерной особенноти той мѣстности, гдѣ находится хата. Въ первый отдѣлъ входятъ прозвища: Миргородскій, Новгородскій, Водолажскій, Трипольскій, Сумецъ и др. Во второй отдѣлъ—Луговецъ, Залужный, Гасвй, Боровый, Лозовый, Степовый, Бузынный, Очеретяный, Пиддубный, Байракъ (извѣстный запорожскій атаманъ), Забайрачный. Къ этому-же отдѣлу слѣдуетъ отнести такія прозвища, какъ Криничный, Бережный, Калюжный, Кутнякъ, при первоначальномъ своемъ появленіи обозначавшія нахожденіе хаты у володца, или на берегу рѣчки, или на низкомъ мѣстѣ, гдѣ весной бываетъ большая лужа, или въ сельскомъ заюулкѣ. Сюда-же можно приурочить прозвища Новохатскій и болѣе ясное, вполне народное Новохатько.

Къ числу весьма характерныхъ фамилныхъ прозваній и въ добавокъ весьма многочисленныхъ принадлежатъ прозванія *по выдающимся особенностямъ фізіономіи или характера*. Сюда относятся: Лайко, Бій, Бойко, Побиванецъ (первоначально забіяка); Буй, Гордына, Громовый (гордый, грозный); Дубяга, Зализнякъ, Жила (крутой человекъ); Левенецъ, Хижнякъ (хищный); Мурмыло, Неживый, Черепаха, Несмашный, Кислякъ (лѣнтяй, угрюмый); Горячій, Метла (въ XVII ст. начальникъ одного козацкаго отряда), Вертій, Борзый, Щиракъ, Баско (дѣятельный, быстрый); Лагода, Розумъ, Мозговый, Човпыло (умный); Патока, Солодай, Солодкій, Лашенко (краснорѣчивый, услужливый); Свѣтлишый, Славнышъ, Женжуристый, Чепурный, Хорошунъ, Самокъвитъ и т. п. Кромѣ того, встрѣчаются прозвища: Насыпайко, Сухомлинъ, Мякомелинъ, вѣроятно прозвища мирошниковъ по первоначальному своему происхожденію и значенію. Однородныя прозвища по росту, по физическимъ недостаткамъ, какъ-то: Величко, Довгаль, Малышъ, Малець, Куценко, Косякъ, Щербакъ, Ковтунъ, Криворучка, Дзюба, Карбанъ, Шрамко, Ключка, Занка, Губа, Безпалько, Головатый, Сыпливый, Безбородько. Сюда-же относятся прозвища: Забудько, Приходько, Засядко, Заходько (частый гость). Къ этому отдѣлу тѣсно примы-

какотъ прозвища по цвѣту лица или одежды: Чернота, Чернышъ, Сирко, Билыкъ, Бѣлашъ, Червонный и т. п. Наконецъ, къ этому отдѣлу можно приурочить фамилію прозванія, свидѣтельствующія о матеріальномъ достаткѣ лица. Въ крестьянскомъ быту каждый грошъ на счету, и всякое матеріальное приобрѣтеніе подлежитъ суду общественнаго мнѣнія. Отсюда значительное число такихъ прозвищъ, какъ Копило, Роздобудько, Борзобогатый, Скоробогатый, Багацько (въ Запорожьѣ былъ судья Богацько), Бидняженко, Сирмаха, Сирота, Голый, Неижченко.

Весьма распространены прозванія *по ремеслу*. Наиболѣе свойственныя сельскому быту ремесленныя занятія сапожное и кузнечное дали наибольшее число фамиліальныхъ прозвищъ. Нѣтъ такого села, гдѣ не было-бы Шевченка и Ковалева, Ковалевскаго, Ковальчука; встрѣчаются также Кравченки, Бондаренки, Рыбасы, Рымари, Котляры, Кушныры, Мирошниченки, Винниченки, Черевинные, Склярки и Шкляревскіе (скляркъ—стекольщикъ), Тесли, Справники (справникъ—плотникъ), Шаповалы. Сюда-же относятся такія прозванія, какъ Крамарь, Базарный и т. п.

Особнякомъ стоятъ фамиліальныя прозвища *отъ именъ числительныхъ*; напримѣръ, Половинченко, Одионецъ, Первакъ, Пивторакъ, Третьякъ, Пятакъ, Шостакъ, Семеренко, Десятинъ, Сороковый. Что въ языкѣ и обыденной жизни прозвища этого рода представляютъ нѣчто особенное, своеобразное, видно изъ того, что производныя отъ нихъ прозванія на *ко* и *скій*, исключая прозванія Третьяковскій, встрѣчаются рѣдко. Дѣло въ томъ, что причина возникновенія прозвища по числительному имени скоро теряется изъ памяти, и прозвище дѣлается отвлеченнымъ фамиліальнымъ значкомъ. Въ моментъ возникновенія прозвища смыслъ его бываетъ ясенъ; напримѣръ, Одионецъ означаетъ крестьянина бобыля или одинокаго жителя въ лѣсу; Пивторакъ,—когда при одномъ хозяинѣ работникѣ находится слабое и малосильное существо, требующее прокормленія, Пятакъ при своемъ возникновеніи могло означать то-же, что означаетъ встрѣчающееся въ Малороссіи прозвище Пятибратъ.

Прозвища *по названіямъ животныхъ* не принадлежатъ къ числу распространенныхъ. Въ исторіи Малороссіи встрѣчается однако довольно много дѣятелей съ такого рода прозвищами; напримѣръ: Гоголь, Крыса (сотникъ при Богданѣ Хмельницкомъ), Шпакъ (бракъ-

лавскій полковникъ), Пугачъ (гайдамацкій ватажокъ), Орликъ (гетманъ), Сычъ (кошевой атаманъ), Муха, Куликъ (козацкіе полковники), Голубъ (генеральный бунчужный при Самойловичѣ), Кишка (герой народной думы).

Повидимому, болѣе распространены въ настоящее время фамиліныя прозвища *по названіямъ растений*. Сюда относятся фамиліныя прозванія: Верба, Дубъ, Калина, Лобода, Шандра (шандра—огородная трава въ родѣ мяты, ею вытираютъ внутри улья, чтобы пчелы плодились), Березка, Малинка, Маслакъ, Рѣпка (харьковскій полковникъ въ XVII ст.), Хмель (киевскій купецъ въ XVII ст.), Бодянскій (бодянь—*limpinnella anisum*), Часныкъ, Гречка, Кулибаба (кулибаба—одуванчики, *leontodon* Тагахасум). Фамиліное прозваніе Эварницкій, вѣроятно, представляетъ испорченную форму отъ первоначальнаго Яворницкій; послѣднему соотвѣтствуетъ извѣстное въ исторіи прозвище Яворскій. Квитки, благодаря лингвистическому родству своего фамилінаго прозвища съ цвѣтами, создали на эту тему поэтическій рассказъ о происхожденіи своей фамиліи и связали его съ основаніемъ Харькова. Рассказъ этотъ въ литературной формѣ изложенъ Г. О. Квиткой въ «Молодикѣ».

Къ числу характерныхъ фамиліныхъ прозвищъ принадлежатъ прозвища *по названіямъ кушаньевъ и разныхъ предметовъ домашняго обихода*; напримѣръ, Галушка, Борщъ, Коржъ, Кнышъ, Мандрыка, Кисель, Макуха, Балабуха, Скрынька, Халява, Сокирка, Лантухъ, Лембикъ (лембикъ—мѣдный сосудъ для перегонки и очистки водки). Фамиліныя прозванія разсматриваемаго разряда устойчивы; производныя отъ нихъ встрѣчаются рѣдко.

Малороссіянь считаютъ юмористами отъ природы. Таковую репутацію укрѣпили за ними Котларевскій, Квитка и Гоголь. Дѣйствительно, наклонность къ юмору проникаетъ все существо малоросса, сказывается въ народныхъ пѣсняхъ, пословицахъ, сказкахъ. Какъ всякій юморъ, юморъ малоросса не заключаетъ въ себѣ элемента злобы. Это проявленіе насмѣшки надъ слабостями человѣка, при любви къ человѣку. Проявилась наклонность малоросса къ юмору и въ фамиліныхъ прозваніяхъ. Прозваніе Махина (нѣчто очень большое) встрѣчается въ приложеніи къ человѣку небольшого роста и, наоборотъ, въ шутку прозываютъ рослаго парубка Малютой. Нѣкоторыя прозвища по кушаньямъ, животнымъ (мелкимъ) и растені-

амъ (дурнаго свойства) возникли изъ насмѣшки; напр. Жуеъ, Муха, Макуха. Чистымъ порожденіемъ насмѣшки являются прозвища Бабій, Салогубъ, Верещака, Вытрицака, Чечекало, Вошколупъ, Заплюсвичка, Пузь, Подлипа, Приблуда, Мара, Довгопять, Доброштанъ, Маргуха, Прилипо, Плакса, Кандыба (въ Подоліи кандыба—дрянная лошадь¹⁾), Кривошапка. Сюда-же относятся такіа прозвища, какъ приведенныя выше: Вертій, Кисляеъ, Метла. Попадаютъ въ этомъ разрядѣ прозвищъ довольно странныя, напримѣръ, Отченашъ, Продайвода, Уворвикишки.

Изрѣдка попадаютъ прозвища съ указаніемъ на историческое явленіе или событіе; напримѣръ, Гайдудеъ (гайдудеъ, слово венгерское, означало въ старину рослаго лакея; нынѣ гайдудомъ называютъ одинъ родъ шанца), Сердюкъ (сердюками назывались козаки, составлявшіе гвардію гетмана и служившіе на жалованьѣ) и Палій—довольно распространенное нынѣ прозваніе фамиліальное. Въ старину Паліемъ называли того, кто жегъ непріятельскія села; такъ Паліемъ называли знаменитаго Іеремію Вишневецкаго. Впрочемъ нынѣ прозвище Палій можетъ снова возникать, какъ насмѣшливое прозваніе крестьянина, спалившаго по неосторожности свою хату. Повидимому, очень любопытная историко-бытовая черта кроется въ прозвищѣ Мороховецъ, встрѣчающемся въ харьковской губерніи среди крестьянъ. Судя по этимологіи слова, Мороховцемъ назвали впервые того, кто спасъ свою жизнь, спрятавшись въ морѣ или рѣкѣ. Во время набѣговъ татаръ или послѣ неудачныхъ военныхъ столеновеній съ татарами, малороссійскіе, преимущественно хитрые на всякія штуки запорожскіе козаки скрывались или въ лѣсу, гдѣ былъ лѣсъ, или въ рѣчныхъ камышахъ, или прятались съ головой въ водѣ, причеъ во рту держали длинную очеретинку, пустую въ серединѣ, чтобы втягивать черезъ нее воздухъ. Этотъ странный способъ самосохраненія, разумѣется, имѣлъ мѣсто лишь въ крайнихъ случаяхъ опасности, въ безлѣсной мѣстности, гдѣ оказывался вблизи очереть.

Малороссы въ старинное время стояли въ тѣсной связи съ своими сосѣдями: татарами, молдаванами, поляками, съ половины XVII ст. съ великороссіянами; въ Украинѣ было много разныхъ инородцевъ: грековъ, армянъ, въ особенности нѣмцевъ и евреевъ.

¹⁾ Чубинскій, Труды эт.-ст. эсеп. т. VII и I, стр. 262.

Однихъ тянула въ Малороссію жажда легкой торговой наживы; другіе являлись, какъ грабители и хищники; третіи какъ мирные колонисты и ремесленники. Въ широкое малорусское этнографическое русло вливалось много стороннихъ этнографическихъ струй и потоковъ. Примѣсь инородческаго элемента обнаруживается въ физическихъ очертаніяхъ малоросса, въ особенностяхъ его нравственнаго характера, въ одеждѣ, въ многихъ событіяхъ и явленіяхъ прошлой исторической жизни, въ языгѣ, въ фамиліальныхъ прозвищахъ. Инородческая примѣсь измѣнялась по мѣстностямъ, въ однихъ мѣстахъ проникалъ литовскій элементъ, въ другихъ молдавскій, въ третьихъ ощущалось вліяніе нѣмцевъ или татаръ. Несомнѣнно присутствіе въ старинное время въ Малороссіи *румынъ*; замѣтно румынское вліяніе въ области названій по скотоводству; извѣстно, что Румынія дала Украинѣ Памву Берынду и Петра Могилу, Украина помогала молдаванамъ своими военными силами и типографіями. Насколько значителенъ румынскій элементъ въ фамиліальныхъ прозваніяхъ во всей Малороссіи, судить трудно; можно только сказать, что въ восточной ея части элементъ этотъ весьма незначителенъ, хотя и тутъ попадаются такіа фамиліи, какъ Стратула, Волохъ, Бонческулъ.

Сколько можно судить по имѣющемуся у насъ подъ руками матеріалу, составляющему небольшой отрывокъ изъ громаднаго цѣлаго, въ числѣ крестьянскихъ и даже аристократическихъ малорусскихъ фамиліальныхъ прозвищъ *прозвища нѣмецкаго происхожденія* составляютъ ничтожный процентъ. Это обстоятельство тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что въ языкѣ малорусскомъ много нѣмецкихъ словъ. Повидимому, нѣмцы въ старинное время оказывали на Малороссію значительное культурное вліяніе; несомнѣнно, что вліяніе это шло не только посредствомъ Польши, но и непосредственно отъ нѣмецкихъ колонистовъ, торговцевъ, ремесленниковъ и наемныхъ нѣмецкихъ ратныхъ людей, проживавшихъ въ правобережной Украинѣ, преимущественно въ городахъ. Оказывая на малороссовъ вліяніе относительно ремесленныхъ занятій и домашняго быта, нѣмцы однако стояли особнякомъ, очень мало смѣшивались съ кореннымъ мѣстнымъ населеніемъ. Извѣстная малорусская фамилія Сулимъ производилась отъ нѣмецкихъ графовъ Сольмъ. Изъ украинскихъ фамиліальныхъ прозвищъ нѣмецкаго происхожденія за-

служиваетъ вниманія прозвище Гизель, которое въ половинѣ XVII ст. носилъ извѣстный ученостью и благотворительностью кіево-печерскій архимандритъ Иннокентій. Вишневскій ошибочно слово Гизель считалъ испорченной формой слова Кисель и даже роднилъ Иннокентія Гизеля съ извѣстнымъ Евстафіемъ Киселемъ («był podobno bratem Kisiela Eustachego») ¹⁾. Гизель—нѣмецъ по происхожденію, и на мѣстѣ его родины, въ Пруссіи, его фамиліальное прозвище, должно быть, звучало Gesell, что значитъ товарищъ, веселый парень. Придерживаясь такого словопроизводства, начальное Г нужно произносить твердо и удареніе дѣлать на второмъ слогѣ. Что современники Гизеля начальное Г произносили твердо, видно изъ того, что поляки писали Gisiel, а малороссіяне Кгизель.

Говоря о малорусскихъ фамиліальныхъ прозвищахъ татарскаго происхожденія, нужно сказать противное тому, что было сказано о прозвищахъ нѣмецкаго происхожденія. Повидимому, фамиліальныхъ прозвищъ татарскаго происхожденія гораздо болѣе, чѣмъ татарскихъ словъ въ обозначеніи предметовъ хозяйства, домашняго быта. Исторія доказываетъ, что между татарами и малороссами было тѣсное общеніе, правда, для послѣднихъ невольное и горькое, общеніе преимущественно военное, отчасти торговое. Существовало даже особое слово «тума», которое означало человѣка, происшедшаго отъ помѣси татарской и русской крови, а можетъ быть, лишь родившагося въ Крыму ²⁾. Въ началѣ XVI ст. въ составъ западно-русскихъ дворянскихъ фамилій вошли крещенныя татарскія семьи Глинскихъ, Кобызевичей, Шабловскихъ и друг. Татарскіе земляне съ правами шляхтичей встрѣчаются въ южной Россіи въ XVI стол., на примѣръ, въ острожскомъ повѣтѣ. Въ числѣ жителей города Черкассь 1536 г. встрѣчаются Берендѣй, Янь-Меликъ-баша ³⁾. Казацкій гетманъ Павлюкъ Баюнь († 1637) былъ сынъ крещенаго турка. Въ числѣ главныхъ сподвижниковъ Богдана Хмельницкаго стоитъ крещеный татаринъ Джеджалыкъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ настоящее время въ малорусскомъ простонародьи встрѣчается много фамиліальныхъ прозвищъ татарскаго происхожденія, какъ тяжеловѣсный обло-

¹⁾ Wiszniewski, Hist. liter. polskiej, т. XIII, стр. 421.

²⁾ Потебня, Къ исторіи звуковъ, т. II, стр. 14.

³⁾ «Кіевская Старина», 1884 г., сентябрьск. кн., стр. 19, 27.

мовѣ южно-русской старины. Довольно часто встрѣчаются крестьяне съ прозвищами Ходжа, Баша, Якубовичъ, Кочубей, Дундукъ (въ татарскомъ языкѣ дундукъ—угрюмый, суровый), Кучмій, Колча, Озамать, Бунякъ, Бурдукъ, Джулай, Келабъ, Кафунъ, Бузукъ. Можно сказать, что почти всѣ прозвища, оканчивающіяся на *бей*, и весьма многія съ окончаніемъ на *ай, ій, укъ, юкъ* татарскаго происхожденія. Прозвище Сагайдачный—также иноземнаго, вѣроятно, татарскаго происхожденія. Слово сагайдакъ давно уже вошло въ русскій и малорусскій языки въ значеніи тула, влагалища для стрѣлъ. Такъ объясняетъ это слово и Памво Берында въ «Лексиконѣ словенороссійскомъ» 1627 года. Фамильныя прозвища Чугай, Чугуевецъ, Чугаевъ, Чугинъ—татарскаго, быть можетъ, даже половецкаго происхожденія. Между половецкими князьями встрѣчается Чуга. Слово «чуга», какъ составная часть, входитъ въ наименованіе городовъ Чугуевъ, Кременчугъ.

Измѣненіе малорусскихъ фамильныхъ прозвищъ происходило подъ вліяніемъ тѣхъ культурныхъ движеній, которыя обнаружили въ обществѣ. Фамильныя названія видоизмѣнялись въ угоду той или другой группѣ дѣятелей, которая возвышалась надъ народомъ культурнымъ образомъ или административнымъ своимъ положеніемъ. Даже въ такомъ случаѣ, когда высотѣ административнаго положенія не отвѣчала высота культурнаго развитія господствующей въ обществѣ группы дѣятелей, господствующая въ краѣ сила все-таки давала извѣстное направленіе мѣстной, краевой жизни, подтягивала ее подъ тѣ или другія формы общественнаго существованія и, видоизмѣняя различныя проявленія народной жизни, измѣняла и прозвища фамильныя. Отрѣщеніе общества отъ народа, отдѣленіе людей знатныхъ и уроженыхъ отъ тѣхъ, что «изъ одной мисочки борщивъ хлебчуть и сами соби панове и слуги суть», возникновеніе и усиленіе духовнаго разрыва между высшими и низшими слоями народа немедленно отражались на фамильныхъ прозваніяхъ, вызывали ихъ видоизмѣненіе.

Уже въ первые годы XVII ст. благомыслящіе малороссіане жаловались на колонизированіе южно-русскихъ фамильныхъ прозваній, какъ на явный признакъ пренебреженія къ родному краю и къ православной вѣрѣ. Суровый инокъ аеонской горы Іоаннъ Вишенскій рѣзко упрекалъ южнорусскую аристократію въ стремленіи подлизываться къ польскому панству и покупать его милостивое обхож-

денія переменной религіозныхъ вѣрованій, прадрѣдовскаго языка, обычаевъ, фамильнаго прозванія. Неизвѣстный авторъ «Перестроги» отмѣтилъ то, въ началѣ XVII ст. уже достаточно замѣтное, бытовое явленіе, что «русскіе, войдя въ общеніе съ поляками, позавидовали ихъ обычаямъ, языку и наукамъ и, не имѣя своихъ наукъ, въ науки римскія своихъ дѣтей стали отдавать; науки-же, вліяя на дѣтей съ малолѣтства, всю аристократію русскую перевели въ римскую вѣру, такъ что потомки русскихъ князей изъ православной вѣры перешли въ римскую, а вмѣстѣ съ тѣмъ поизмѣняли свои фамиліи и имена, какъ будто никогда и не назывались потомками благочестивыхъ прародителей своихъ»¹⁾. Полонизированіе фамильнаго прозванія часто являлось результатомъ политическаго сближенія съ поляками и истекавшаго отсюда проявленія шляхетскаго гонора; такъ, извѣстный въ исторіи Малороссіи XVII ст. Золотаренко, сблизившись съ поляками, сталъ называться Златаревскимъ. Въ «Исторіи Руссовъ» Конисскаго встрѣчается заслуживающее вниманія свидѣтельство, что малороссіане иногда измѣняли свои фамильныя прозванія на польскій ладъ, вслѣдствіе притѣсненій со стороны латино-уніатовъ, и такимъ образомъ изъ Ходыки вышелъ Ходаковскій, изъ Чаплина Чаплинскій, изъ Бурка Бурковскій.

Несвойственное малорусскому языку окончаніе фамильнаго прозвища на *овъ* имѣютъ многіе интеллигентные малороссіане изъ дворянъ. Въ старинное время, съ переходомъ лица изъ крестьянскаго сословія въ дворянское, окончанія *овъ* или *инъ* являлись, какъ гербовый знакъ сравнительно высшаго общественнаго положенія. Съ цѣлью облагородить фамильное прозвище не только охотно принимали окончаніе *овъ*, но, если фамильное прозваніе было составное, изъ двухъ словъ, то измѣняли одно изъ составныхъ, почему-либо неудобное слово; такъ изъ Салогубъ возникло Соллогубъ. Нужно замѣтить, что окончаніе *овъ* возникало иногда чисто канцелярскимъ или привязнымъ путемъ. Въ старинное время въ московскомъ государствѣ личность, какъ извѣстно, была принижена, и это приниженіе, между прочимъ, выражалось въ урѣзкѣ фамильнаго прозванія. Немногія лица и лишь съ царскаго соизволенія могли пользоваться отчествомъ своимъ на *вичъ*. Для лицъ незнатныхъ это *вичъ*

¹⁾ Акты западной Россіи, т. IV, № 149, стр. 204.

отбрасывали и вмѣсто него ставили *овъ*, какъ выраженіе припущеннаго положенія лица. Если и фамиліное названіе оканчивалось на *вичъ*, то и съ нимъ поступали такимъ-же образомъ. Извѣстные въ малорусской исторіи политическіе дѣятели XVII вѣка, епископъ Меодій Филимоновичъ и протоіерей Адамовичъ, въ московскихъ актахъ XVII столѣтія обозначены—первый Филимоновымъ, второй Адамовымъ. Точно также Самойловича, по удаленіи его отъ гетманства, называли Самойловымъ.

Много характерныхъ фамиліальныхъ прозваній было измѣнено въ старину архіереями и ректорами духовныхъ семинарій. Поступаетъ въ духовное училище, положимъ, какой-нибудь Кнышъ, Халява или Горобецъ; преосвященный пересматриваетъ списокъ учениковъ и переименовываетъ Кныша въ Меліоранскаго, Халяву въ Орнатскаго, Горобца въ Сперанскаго. Иногда новое прозваніе представляло простой переводъ на латинскій или греческій языкъ малорусскаго прозвища, а такое обыкновеніе было распространено въ Германіи въ XVI ст. (Шварцерде-Меланхтонъ, Вейеръ-Писцинарійусъ и др.) и вѣроятно, черезъ Польшу, гдѣ оно плохо привилось, перешло въ Малороссію и здѣсь было отчасти принято духовными лицами. Первымъ по времени свидѣтельствомъ перевода фамиліальнаго названія служить прозвище извѣстнаго южно-русскаго писателя конца шестнадцатаго вѣка Стефана Зизанія. Въ русскомъ переводѣ Зизаній означаетъ *куколь*. Латино-уніатскіе писатели предпочитали называть Зизанія его настоящимъ именемъ съ тѣмъ, чтобы выставить себя чистой пшеницей на нивѣ Господней. Прозваніе Галятовскій отзывается семинарциной. Въ латинскомъ языкѣ *galaxias*—бѣлый, какъ молоко, *galactites*—камень по цвѣту похожій на молоко. Вѣроятно, первоначальное прозвище черниговскаго архимандрита XVII в. Іоаннікія было Молочко или Молочный, потомъ уже явилось и навсегда за нимъ осталось искусственное прозвище Галятовскій.

Н. Ѡ. Сумцовъ.

ВОСПОМИНАНІЕ

О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ ЕГО СЛУЧАЙНАГО УЧЕНИКА.

Покойная моя матушка, Наталья Борисовна, въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, подобно многимъ членамъ тогдашняго русскаго общества, поддавалась вліянію новыхъ, гуманныхъ «вѣяній» и, какъ женщина умная, для свѣтской-же барыни, начитанная и образованная, съумѣла привлечь въ свою гостинную кружокъ людей, подвизавшихся на литературномъ и художественномъ поприщахъ. Довольно сказать, что писатели Полонскій, Щербина, Майковъ, художники Пименовъ, Айвазовскій, Соколовъ и другіе были постоянными посѣтителями нашего дома. Ив. С. Тургеневъ въ свой пріѣздъ въ Россію появлялся также въ гостинной матушки. Кромѣ дебатированія всевозможныхъ и невозможныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ то время, какъ грибы послѣ дождя, смѣю теперь думать, что крѣпостной поваръ нашъ Семенъ, ученикъ славной кухни гр. Нессельроде, не мало способствовалъ своими гастрономическими талантами, привлеченію и сплоченію этого небольшого интеллигентнаго кружка.

Хотя я былъ совершеннымъ еще мальчикомъ (мнѣ было лѣтъ 13, 14), на мнѣ отразились упомянутыя «вѣянія», благодаря моему наставнику В. А. Фуксъ, человекѣку умному и пылкому ¹⁾. Я восторженно относился къ бывавшимъ у матушки литературнымъ и артистическимъ корифеямъ и, сколько могъ, старался вникать въ смыслъ неумолчаемыхъ диспутовъ и пререканій, которыя велись,

¹⁾ В. А. Фуксъ, нынѣ преподаватель въ частной московской гимназій.

съ рѣдкимъ увлеченіемъ, и во всѣхъ тогдашнихъ салонахъ и кабинетахъ. То было время общей лихорадки, когда напрімѣръ изъ за какой нибудь статьи «Современника», люди, въ обыкновенное время степенные и не рѣчистые, обращались въ какихъ-то изступленныхъ, готовыхъ въ первомъ попавшемся стаканѣ Chateau Lafitte'a или ликера, утопить неуступчиваго оппотента. Понятно, все это не могло не имѣть вліянія на шустрого мальчика и онъ невольно настраивался подъ общій діапазонъ.

Не вспомню въ точности, когда именно все чаще и чаще стало при мнѣ повторяться имя Шевченка. Отъ учителя своего я провѣдалъ, что этотъ Шевченко великій малорусскій поэтъ, поэтъ самородокъ, вышедшій изъ народа, много пострадавшій правды ради. Кто-то продекламировалъ мнѣ цѣлое стихотвореніе этого поэта, въ которомъ попадаетъ комическій эпизодъ подзатыльника, берущій свое начало сверху и спускающійся по всѣмъ градаціямъ нисходящей служебной іерархіи.

Опять теперь не вспомню, когда и кѣмъ введенъ былъ въ домъ нашъ, приземистый, лысый, усатый человекъ, котораго всѣ сразу, а мы дѣти въ особенности, полюбили и съ которымъ стали, такъ сказать, на короткую ногу. Особенно ухаживали за нимъ, старались ему угодить наши крѣпостные люди, все уроженцы Малороссіи. Оказалось, что они всѣ давно его знали, что онъ всѣмъ имъ былъ близокъ, благодаря тому обстоятельству, что у дворецкого Пивоваренка имѣлось старое изданіе «Кобзаря» эта маленькая засаленная книжка переходила изъ рукъ въ руки, безжалостно трепалась, путешествуя изъ кухни въ переднюю; стихи выучивались наизусть и своими родными теплыми мотивами помогали этимъ простымъ людямъ переноситься мысленно на далекую родину. На заглавномъ листкѣ этой книжки изъ-подъ толстаго слоя грязи, выглядывалъ бандуристъ сидѣвшій, подъ вербами. Съ того времени мнѣ ни разу не пришлось напасть на это изданіе.

Тѣмъ, что Шевченко, войдя въ домъ моей матери, сразу и безъ всякаго съ его стороны заискиванія, сумѣлъ завоевать общую симпатію всѣхъ домашнихъ, начиная съ затянутыхъ гувернантокъ-англичанокъ и кончая выѣзднымъ «человѣкомъ», лучше всего доказывается, на сколько онъ былъ симпатиченъ, на сколько своей простотой, сердечностью, однимъ своимъ появленіемъ не произвольно

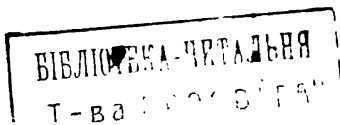
привязывалъ къ себѣ всѣхъ отъ малаго до великаго. Его нѣсколько угловатая, но нисколько не вульгарныя манеры, простая рѣчь, добрая, умная улыбка, все какъ-то располагало къ нему и оставляло впечатлѣніе стараго знакомства, старой дружбы, при которой всякаго рода церемоніи становились излишними.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ восторженнаго наставника, весьма понятно, для меня этотъ добрый, чудаковатый поэтъ, въ моемъ почти дѣтскомъ воображеніи, принималъ видъ мученика, за правду претерпѣвшаго, и становился еще болѣе милымъ моему сердцу.

Матушка была хорошо знакома съ семействомъ временнаго президента академіи художествъ графа Толстаго, принимавшаго, какъ всѣмъ извѣстно, горячее и благотворное участіе въ судьбѣ Тараса Григорьевича и доставившаго ему, при возвращеніи его изъ ссылки, казенную мастерскую въ самомъ зданіи академіи. Весьма вѣроятно, что съ общаго согласія было условлено пригласить Тараса Григорьевича давать мнѣ уроки рисованія, дабы, подъ видомъ гонорара, оказать ему на первыхъ порахъ матеріальную помощь. Предложить ему денегъ никто-бы не рѣшился, и я имѣю основаніе предположить, что, благодаря этой маленькой хитрости, я сталъ въ одно прекрасное утро ученикомъ этого, по институтски «обожяемаго» мною, человѣка.

Три раза въ недѣлю отправлялся я въ академію и проводилъ передобѣденные часы въ мастерской моего учителя. Ученіе въ строгомъ смыслѣ было очень незначительно, оно главнымъ образомъ ограничивалось рисованіемъ одного и того-же цвѣточнаго горшка въ разныхъ положеніяхъ и на разныхъ плоскостяхъ. Особенной пользы отъ этого метода быть не могло уже потому, что однообразіе сюжета парализовало всякую охоту въ ученикѣ. Поѣздки-же на дальній Васильевскій Островъ, сидѣніе на положеніи взрослога въ мастерской уважаемаго художника-поэта, артистическая, невиданная еще обстановка самой мастерской, наконецъ «пробриваніе» болѣе серіозныхъ, но за то и болѣе скучныхъ занятій, все это обращало для меня поѣздки въ академію въ настоящій праздникъ, для котораго я охотно мирился съ монотоніей неизмѣннаго горшка съ цвѣтами.

Находясь такимъ образомъ довольно часто «съ глазу на глазъ» съ Тарасомъ Григорьевичемъ, я вполне имѣлъ случай видѣть его

не стѣсненнымъ никакими свѣтскими условіями и пользуюсь этимъ, чтобы изъ всѣхъ силъ возстать противъ тѣхъ біографическихъ портретовъ, которые сіяются изобразить моего учителя какимъ-то спившимся дикобразомъ. Въ домѣ моей матери, гдѣ онъ зачастую обѣдалъ и гдѣ вина подавалось въ изобиліи, никогда онъ не бывалъ въ «подпитіи». Бывая у него и засиживаясь по долгу, мнѣ никогда не случалось видѣть его въ невмѣняемомъ состояніи, никакихъ циническихъ выходокъ онъ себѣ не позволялъ, никакихъ грубыхъ выраженій не употреблялъ. Можно-ли наконецъ допустить, чтобы покойная матушка, женщина умная и свѣтская, рѣшилась отпустить своего сынишку въ завѣдомо пьющему человѣку—одного безъ всякаго присмотра? Можетъ быть, ему случалось «прорываться»; можетъ быть даже, что впоследствии, когда я съ нимъ разстался, онъ сталъ злоупотреблять спиртными напитками; но во всякомъ случаѣ въ моей памяти его образъ сохранился совершенно чистымъ отъ этой унижающей слабости, и я душевно радуюсь тому, что не могу сочувствовать господамъ, изображающимъ Кобзаря, какъ я только что сказала, какимъ-то безобразнымъ чудовищемъ. Мнѣ очень досадно было читать въ книгѣ М. К. Чалаго описаніе дорогой мнѣ по воспоминаніямъ мастерской, въ которомъ она изображается извѣстнымъ монументныхъ дѣлъ мастеромъ чѣмъ-то въ родѣ отвратительнаго свинухника. Соглашаясь съ тѣмъ, что студія Тараса Григорьевича, а также и спальня его въ антресоляхъ, не представляли изъ себя *interieur*'а голандскаго *Minhertg*, не могу согласиться съ безобразной картиной валяющихся повсюду гадостей, неубранной постели и прочихъ проявленій перяшливости, описанныхъ вышесказаннымъ отливателемъ комковидныхъ памятниконъ. Кто когда-либо бывалъ въ студіи художника, а тѣмъ болѣе небогатаго, тотъ не могъ не примѣтить присущій этимъ помѣщеніямъ специфическій беспорядокъ, происходящій частью отъ самаго рода занятій.

Такой именно беспорядокъ царилъ и у Шевченка въ его мастерской. Неряпешства-же, грязи и безобразія въ ней было столько-же, сколько правды въ описаніяхъ господъ, уподобляющихъ ее кабаку или чему-то хуже.

Въ ту зиму, когда мнѣ впервые пришлось ѣздить къ Тарасу Григорьевичу, онъ началъ заниматься офортными (*eau forte*) рабо-

тами; приче́мъ онъ избралъ себѣ въ руководители и наставники величайшаго мастера этого дѣла Рембрандта и усердно копировалъ его неподражаемые рисунки. Бывало такъ, что мое рисованіе прерывалось предложеніемъ идти вмѣстѣ въ академическую бібліотеку, эрмитажъ или къ кому либо изъ коллекціонеровъ, чтобы посмотре́ть какой нибудь невиданный еще рембрандтовскій офортъ. Понятна радость, съ которой я шелъ на такое предложеніе, и гордость, съ которою шествовалъ по корридорамъ академіи или улицамъ Петербурга, сопутствуя моему дорогому учителю въ его невѣроятной, всѣмъ знакомой, мерлушичьей шапкѣ. Часто заходилъ къ Шевченку господинъ Маринъ, обладатель чудесной коллекціи гравюръ, приче́мъ, какъ большой знатокъ этого дѣла, толковалъ съ Тарасомъ Григорьевиче́мъ о разныхъ тонкостяхъ этого своеобразнаго и труднаго искусства.

Помнится, что однажды я нашелъ Тараса Григорьевича въ большой суетѣ. Онъ соби́рался писать масляными красками портретъ извѣстнаго Кочубея, по заказу одного изъ его потомковъ. Требовались: холстъ, разные аксессуары, въ родѣ бархата, парчи, собольяго мѣха и т. п. Тарасъ Григорьевичъ взялъ меня съ собою, и мы до поздняго вечера прошлялись по городу, розыскивая всѣ эти вещи, приче́мъ, нисколько не стѣсняясь сопровождавшимъ его «хлопцемъ», онъ заходилъ въ лавки, къ костюмерамъ, въ знакомые ему дома. По поводу того-же Кочубея, одинъ изъ уроковъ прошелъ въ томъ, что мы, забравшись въ какую-то преогромную академическую, не то кладовую, не то чердакъ, рылись въ дѣломъ хаосѣ запыленныхъ старыхъ картинъ, чтобы розыскать какіе-то портреты какихъ-то малороссійскихъ гетмановъ (или даже гетмана), нужные ему для большей вѣрности Кочубеевскаго костюма. Послѣ долгихъ поисковъ, измаранные, какъ черти, отрыли мы какого-то стараго чубатаго господина и, окрестивъ его почему-то «Мазепой», торжественно приволокли въ студию. Былъ-ли когда оконченъ этотъ кочубеевскій портретъ, натворившій столько хлопотъ Шевченку, и гдѣ онъ теперь находится?—Посѣщавшіе Шевченка художники единогласно хвалили его работу, что приводило его въ отличное расположеніе духа, выражавшееся тѣмъ, что онъ, подходя къ своей работѣ, давалъ разнымъ нѣжно ругательныя прозвища «богатой и знатной» Мазепиной жертвѣ. Кромѣ этой работы я помню еще

исполнявшіеся при мнѣ рисунки сепіей. Одинъ изображалъ стараго турка, въ родѣ тѣхъ, которые красуются на табачныхъ вывѣскахъ, т. е. въ полной своей турецкой формѣ, въ чалмѣ, при винжалѣ и чубукѣ, сидящаго, безъ особено видимыхъ цѣлей, рядомъ съ ода-лиской. Для этой работы являлся старикъ натурщикъ и очень скромная, почти даже безобразная натурщица. На другомъ рисункѣ изображались довольно легко одѣтыя днѣпровскія русалки, увлекавшія молодаго козака на дно рѣки. Козакъ почему-то не удавался Тарасу Григорьевичу и смывался безпощадно; при этомъ и безъ того страдательный запорожець обзывался «бисовой дитиной» и иными неприятными эпитетами. Какъ ни старался я заступиться за бѣднягу, неутомимая кисть продолжала свое разрушительное дѣло, и на мѣсто сгнувшаго козачины къ слѣдующему уроку появлялся его замѣститель, котораго русалки продолжали увлекать въ днѣпровскую пучину. Нужно замѣтить, что съ дамами или дѣвками, бравшими на себя трудъ позировать для русалокъ, я никогда не встрѣчался. Для изображенія козака мнѣ случалось по долгу валяться на диванѣ, свѣсивши руку и ногу, иногда въ очень неудобной и даже мучительной позѣ. Судьба, постигшая эти двѣ сепіи, мнѣ также неизвѣстна, какъ судьба портрета маслянными красками.

Являясь очень аккуратно въ часы, назначенные для уроковъ, я иногда не заставалъ хозяина дома. Въ такихъ случаяхъ на дверяхъ мастерской мѣломъ бывало написано: гдѣ онъ, когда вернется или у кого изъ служителей находился ключъ. Вообще двери исписывались именами незаставшихъ хозяина посѣтителей, иногда даже выраженіями почтенія или восторга, преимущественно на малорусскомъ языкѣ; случалось даже, что обращенія къ «батьку» принимали стихотворную форму.

Порисовавши часокъ, мы подымались на верхъ, въ полутемный антресоль, служившій спальней Тараса Григорьевича, гдѣ происходило своеобразное и неизмѣнное угощеніе. Изъ огромной, воистину огромной, зеленой стеклянной банки извлекались кильки, сторожл-старичекъ, отставной солдатъ, вѣчно чѣмъ-то недовольный, приносилъ свѣжаго хлѣба; хозяинъ выпивалъ рюмку «горилки», и мы принимались уплетать немощное количество этихъ ревелскихъ рыбокъ. Повторяю разъ сказанное, никогда Шевченко при этомъ

пьянымъ не напивался и никакихъ излишествъ себѣ не позволялъ. Окончивъ этотъ незатѣйливый прѣръ, мы обратно спускались въ мастерскую, и Тарасъ Григорьевичъ снова принимался за свои мѣдныя доски, подѣ посомъ напѣвая какіе-то заунывные мотивы, гдѣ слова въ родѣ «сѣрденько», «дивчина» и т. п. возвращались постоянно. Иногда-же онъ садился къ маленькому столику и начиналъ тихо, почти осторожно выводить на первомъ попавшемся клочкѣ бумаги какія-то, не то старческія, не то старинныя каракули. Бывали такіе случаи, что онъ подзоветъ меня и тихимъ, добрымъ такимъ голосомъ начнетъ читать мнѣ не вполне понятныя для меня малорусскіе стихи. Очевидно, что, въ виду моихъ ограниченныхъ познаній въ этомъ языкѣ, роль мольеровской служанки была мнѣ не подѣ силу, тѣмъ не менѣе я готовъ былъ плакать, какъ ребенокъ, такъ уже жалостно, припѣвисто-нѣжно выходили эти стихи изъ устъ Кобзаря.

За декламаціей иногда слѣдовало поясненіе самой темы. Такъ напримѣръ, однажды сюжетомъ стихотворенія былъ сонъ крестьянской матери, что послужило поводомъ къ длинному разсказу о томъ, какъ живутъ бѣдные крестьяне, какъ плохо имъ живется и какъ, благодаря государю Александру, для нихъ открывается иная жизнь.

Поправляя мои рисунки, Тарасъ Григорьевичъ часто и охотно пускался разсказывать мнѣ разнаго рода забавныя вещи, часто на сцену выводилась его солдатская жизнь, въ далекой степи. Много смѣху бывало при воспоминаніяхъ о какомъ-то плутѣ жидкѣ-солдатикѣ, который вѣчно «шкодиль» и всегда успѣшно «откручивался» отъ грозныхъ наказаній начальства.

Иногда-же разсказы принимали болѣе мрачный колоритъ. Вспоминая свою солдатчину, Шевченко вытащилъ изъ запыленной папки цѣлую послѣдовательную серію рисунковъ; одинъ изъ нихъ представлялъ наказаніе шпицъ-рутенами. Объясняя по этому рисунку, какимъ образомъ производилось это истязаніе, и видя, что я собираюсь ревѣть, онъ, въ моей великой радости, объявилъ мнѣ, что этому звѣрству настала желаемый конецъ. Въ этотъ-то день я на послѣдній гривенникъ приобрѣлъ портретъ Государя. Въ той-же папкѣ, между прочимъ, былъ другой рисунокъ, врѣзавшійся также въ моей молодой памяти, такъ какъ представлялъ подкутившихъ

купчиковъ, жарящихъ яичницу на горящихъ кредитныхъ бумажкахъ. Принадлежалъ-ли этотъ этнографическій рисунокъ въ серіи рисунковъ изъ солдатской жизни, теперь не припомню.

Много доводилось мнѣ слышать разказовъ о старой Малороссіи, про Сѣчъ запорожскую, войны, про вѣдьмъ, русалокъ, славныхъ гетмановъ, лихихъ мореходцевъ и пр. Наскучившись вѣчно поворачиваемымъ со стороны на сторону горшкомъ, я подберусь бывало къ Тарасу Григорьевичу и не безъ хитрости начну разными вопросами наводить его на любимыя его темы. Время летѣло незамѣтно, когда, поддаваясь моимъ замысламъ, Дорошенко и Сагайдачный снова принимались пещадно бить «ляхивъ» и прочихъ супостатовъ, и ни разу этотъ добрый человѣкъ не пугнулъ отъ себя назойливаго мальчугана.

Къ Шевченку, въ его мастерскую часто захаживали посѣтители, но большей части его-же земляки. Понятно, что въ такихъ случаяхъ бесѣды велись исключительно на малорусскомъ діалектѣ. Чаще всѣхъ бывалъ г. Кулишъ, посѣщеніе котораго потому засѣло у меня въ памяти, что я почему-то считалъ эту фамилію ужъ больно странной. Случалось иногда быть свидѣтелемъ трогательныхъ встрѣчъ съ горячими объятіями, цѣлованіями, даже проливаніемъ слезъ.

Помню, какъ-то одинъ изъ гостей принесъ съ собою довольно объемистый портфель, повидимому оставшійся гдѣ-то съ давнихъ поръ на сохраненіи. Когда гость удался, Тарасъ Григорьевичъ принялся при моей помощи разбирать находившіеся въ портфель, или папкѣ бумаги и рисунки. Радовался онъ имъ, какъ малый ребенокъ, и тутъ-же, въ награду за труды, подарилъ мнѣ акварельный эскизъ Карла Брюллова, понынѣ у меня хранящійся. Между массой самыхъ разнообразныхъ этюдовъ, видовъ и набросковъ отыскался портретъ молодаго человѣка со свѣчей въ рукѣ; въ портретѣ этомъ тѣни на лицѣ были очень рѣзкія, растительность преобильная. Тарасъ Григорьевичъ предложилъ мнѣ отгадать, кого изображалъ этотъ рисунокъ. Разумѣется, я этого не могъ исполнить. Тогда онъ объявилъ, что это его собственный портретъ, имъ же самимъ давно когда-то рисованный, еще въ то время, когда онъ учился у Брюллова. Много онъ смѣялся моему удивленію, поглаживая свою лысую голову и расправляя запорожскій усъ и сравнивая себя, стоя предъ зеркаломъ, съ кудлатымъ безбородымъ

юношей со свѣчей въ рукѣ. Онъ утверждалъ, что въ свое время оригиналь очень былъ схожъ съ портретомъ, а потому тѣмъ болѣе жалко, если этотъ портретъ Кобзаря въ цвѣтущую пору его творчества утерянъ безвозвратно.

Упомянутый въ книгѣ г-на Чалаго приѣздъ въ Россію трагика Ольдриджа совершенно свѣже сохранился въ моей памяти, а также и то впечатлѣніе, которое онъ производилъ своей игрой на петербургскую публику того времени. Мнѣ случилось присутствовать при томъ, какъ покойная матушка, полусхута, полусерьіозно дѣлала строгій выговоръ Шевченку и Н. Д. Старову ¹⁾, большому пріятелю и почитателю поэта, за то, что они, бывъ приглашены ею въ ложу Маріинскаго театра, гдѣ подвизался Ольдриджъ, въ какую-то особебно патетическую минуту, въ избыткѣ восторга, подняли такую возню, гамъ и вопли, что не только обратили на себя общее вниманіе и протесты публики, но, не слушаясь увѣщаній моей матери, вынудили ее искать спасенія въ бѣгствѣ и уѣхать домой до окончанія спектакля. Бывшая тутъ-же въ ложѣ напыщенная, знатная барыня разобидѣлась въ конецъ и написала по этому поводу матушкѣ ядовитое письмо, отъ чего между ними произошла ссора. Шевченко и Старовъ молили о пощадѣ, обѣщаясь быть въ другой разъ сдержаннѣе въ проявленіяхъ своихъ восторговъ; матушка смилосердилась и отмѣнила принятое было рѣшеніе не брать ихъ болѣе въ свою ложу. И что-же? На слѣдующій разъ восторгъ взялъ свое, клятвенныя обѣщанія были забыты и пріятели совмѣстно нарушили общественную тишину и благочиніе, съ неменьшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ первый разъ, и къ неменьшей досадѣ бѣдной матушки.

Этотъ-же самый Старовъ влетитъ бывало въ мастерскую Тараса Григорьевича, начнетъ болтать, сообщать видѣнное, слышанное и лишь только роковымъ образомъ коснется «божественнаго», совершеннаго арапа, какъ начинался взаимный обмѣнъ впечатлѣній, напоминаніе того или другаго подмѣченнаго удачнаго момента въ этой или иной роли, подымалась возня, стулья отставлялись, глаза

¹⁾ Товарищъ и другъ моего батюшки по харьковскому университету, въ то время былъ преподавателемъ исторіи и русской словесности въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Личность до крайности симпатичная, Старовъ, нынѣ уже умершій, отличался юморомъ удивительнымъ.

дико выкатывались, начиналась жестикуляція, скрежетаніе зубовъ, Лири мѣшалъ Отелло покончить съ Дездемоной, Шейлоку не давали возобновить требованіе о масѣ; все, что только попадало подъ руку, служило аксессуаромъ для усиленія эффекта; подушку на диванѣ безжалостно умерщвляли; однимъ словомъ происходило нѣчто совершенно баснословное. Я-же единственный зритель этихъ восторговъ или смѣялся до слѣзъ или не на шутку подумывалъ объ отступленіи. Надо притомъ замѣтить, что оба эти энтузіаста были безусловно незнакомы съ языкомъ Шекспира, и это, повидимому, существенное обстоятельство, нисколько не мѣшало имъ до delirium-а проявлять поклоненіе таланту знаменитаго трагика. Въ обыкновенное время Шевченко скорѣе всего подходилъ подъ типъ такъ называемаго «степеннаго» человѣка.

На лѣто семейство наше уѣзжало въ деревню или за границу; съ возвращеніемъ-же въ Петербургъ занятія, или правильнѣе сказать поѣздки на Островъ, возобновлялись; на сколько помнится, въ 1860 году, вернувшись съ путешествія, я не былъ болѣе посылаемъ къ Тарасу Григорьевичу, такъ какъ между нимъ и моей матушкой произошла размолвка.

Дѣло было слѣдующее. Въ самомъ началѣ ихъ знакомства чѣмъ-то разстроганный Шевченко подарилъ моей матушкѣ рисунокъ, сдѣланный тушью и изображавшій его самого въ казармѣ, ночью, во время солдатской попойки, угощающимъ кренделемъ маленькаго киргизенка. Кромѣ дѣйствительно художественнаго достоинства (дивно передана пустая, дымная атмосфера казармы), этотъ рисунокъ особенно интересенъ тѣмъ, что, по словамъ самого художника, это была первая его попытка снова припяться за рисованіе послѣ долгаго запрета прикасаться къ перьямъ, карандашамъ и проч. письменнымъ и рисовальнымъ принадлежностямъ. Исторія добычи куска туши, сооруженія кисточки, самаго рисованія втихомолку и украдкой, все это составляло рядъ интереснѣйшихъ эпизодовъ изъ жизни ссыльнаго поэта и придавало этой вещицѣ особенную, если можно такъ выразиться, святую цѣнность.

Прошло года два со дня поднесенія рисунка. Тарасъ Григорьевичъ приходилъ въ домъ нашъ запросто, обѣдалъ, просиживалъ вечера и положительно считался своимъ, домашнимъ, всѣми любимымъ человѣкомъ. Крѣпко установившіяся по видимому добрыя отноше-

нія прервались совершенно внезапно. Однажды Шевченко попросилъ отдать ему нѣкогда подаренный имъ рисунокъ, говоря, что онъ ему нуженъ для снятія съ него фотографическаго снимка. При этомъ онъ такъ конфузился и путался въ словахъ, что матушка, не желая обидѣть его прямымъ отказомъ и въ тоже время замѣчая, по его необыкновенному смущенію, что онъ не говоритъ правды, рѣшилась, прежде чѣмъ исполнить его желаніе, спросить у профессора Пименова (общаго ихъ друга) объясненіе загадки, покуда-же она ограничилась уклончивымъ отвѣтомъ. Пименовъ рѣшительно посоветовалъ матушкѣ рисунка Шевченку не отдавать, такъ какъ, по его словамъ, Тарасъ Григорьевичъ часто высказывалъ сожалѣніе по поводу легкомыслія, съ которымъ онъ разстался съ нимъ. Кромѣ того, матушка уклонилась отъ исполненія просьбы Шевченка и подѣлила еще предлогомъ, что альбомъ, въ который между прочимъ былъ вклеенъ злополучный рисунокъ, на столько объемистъ и цѣпенъ, что поручать его незнакомому фотографу она не рѣшается; она извѣстила поэта, что сама отвезетъ альбомъ къ извѣстному въ то время фотографу Робильяру, который лучше всякаго другаго сдѣлаетъ снимокъ, причемъ обойдется съ самымъ альбомомъ бережно, не попортитъ и не запачкавъ его. По полученіи этого отвѣта между Тарасомъ Григорьевичемъ и моею матерью возникла переписка, съ обоюднымъ обменомъ колкостей, послѣ которыхъ онъ пересталъ у насъ бывать. Какъ ни старалась впоследствии моя матушка возобновить дружескія отношенія, Тарасъ Григорьевичъ не поддавался никакимъ увѣщаніямъ, и всѣ старанія общихъ друзей устроить примиреніе остались безъ результата.

Насъ не было въ Петербургѣ, когда поэтъ скончался, и потому я не могъ отдать послѣдній долгъ моему доброму, дорогому учителю.

Б. Сухановъ-Подколзинъ.

Село Казинка

10 января 1885 года.

P. S. Кромѣ вышеупомянутаго рисунка, послужившаго причиной ссоры между Т. Г. Шевченкою и моею покойной матушкой, у меня сохранились слѣдующія его произведенія:

1) Портретъ меньшаго моего брата, простымъ карандашомъ, помѣченъ 1858 годомъ.

2) Большая сепія; сюжетъ: двѣ малороссіянки, стоящія съ коромыслами подъ вербами, вдали сидятъ Кобзарь.

3) Очень тщательно исполненная меньшая сепія, изображающая мать, стоящую на колѣняхъ и молящуюся предъ колыбелью спящаго ребенка.

Эти три вещицы не имѣютъ артистической цѣнности, чего нельзя сказать про рисунокъ тушью, который исполненъ очень бойко, съ большимъ вкусомъ и колоритно.

ВОСПОМИНАНИЕ ИЗЪ НЕДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО.

(О школъ и грамотности въ кievской губерніи).

Прочитавъ замѣтку г-на К. Ц., напечатанную въ августовской книжкѣ «Кievской Старины», въ отдѣлѣ Извѣстій и Замѣтокъ, подъ заглавіемъ: «Движеніе народнаго образованія въ юго-западномъ краѣ», я вспомнилъ кое-что извѣстное мнѣ изъ сферы народной грамотности въ той-же мѣстности, что самому приходилось видѣть и слышать по сей части, и рѣшилъ передать, что сохранила память моя, къ свѣдѣнію интересующихся этимъ дѣломъ.

Въ шестидесятомъ году въ Кievѣ были воскресныя школы. Мы, молодежь, съ такимъ рвеніемъ тогда отдавались этому дѣлу, что на каждаго ученика приходилось чуть не по два учителя. Я помню, какъ мы страстно хотѣли вдругъ научить желающихъ читать, какъ старались поскорѣе ограмотить неграмотныхъ, просвѣтить людей темныхъ, передать имъ все то, что сами знали. Пироговъ, Павловъ, Слѣпушкинъ, Чалый, Вороной, Бекманъ—вотъ памятные имена того времени. Метода Золотова какъ-то вдругъ открыла намъ, учившимся читать по старому, новый способъ сочетанія звуковъ алфавита и рѣчи, и ученіе, благодаря нашему рвенію, шло съ замѣчательнымъ успѣхомъ и быстротою.

Тогда-же въ средѣ студентовъ поляковъ, особенно поляковъ особой украинской окраски, родилась мысль обученія грамотѣ мальчиковъ, имѣвшихся у многихъ студентовъ-паньчей въ качествѣ крѣпостной прислуги. Я живо припоминаю то первое время объятій нашихъ съ народомъ. Помню вспышки негодованія противъ тѣхъ изъ нашихъ товарищей, которые смѣли добиваться отъ данныхъ имъ изъ дому мальчиковъ прислуживанія, а не ученія, которые

являлись по отношенію къ этимъ мальчишкамъ господами, помѣщиками, а не *старшими братьями*. Спѣшу впрочемъ оговориться, что случаевъ нарушенія этого общаго любовнаго настроенія было не много.

Такъ какъ студенты-паньчи, имѣвшіе изъ дому приставленныхъ къ нимъ мальчиковъ, были исключительно уроженцы юго-западнаго края, то и мальчики эти были кровные украинцы. Грамотѣ они обучались у насъ на природномъ ихъ малорусскомъ языкѣ, принятомъ за разговорный съ прислугою почти во всѣхъ панскихъ дворахъ того края. Ученіе шло тоже по методу Золотова—учились читать по разръзнымъ буквамъ. Для чтенія-же малорусскаго имѣлись грамотки Кулиша, надѣлавшія въ то время немало шума и послужившія встревоженнымъ панамъ уликою къ обвиненію университетской молодежи въ демагогической пропагандѣ. Велико на самомъ дѣлѣ было самоотверженіе и самозабвеніе студентовъ поляковъ, когда они для первоначальнаго чтенія мальчишкамъ давали грамотку Кулиша, гдѣ съ первыхъ-же строкъ заявлялась ненависть ко всему лядскому.

Школа эта просуществовала недолго въ ея первоначальномъ видѣ. Разстроилась она главнымъ образомъ потому, что контингентъ ея вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ разсѣялся, отчасти-же и потому, что поляки студенты рѣзко повернули въ сторону зарождавшагося польскаго возстанія. Въ ограниченномъ числѣ (кажется пяти или шести мальчиковъ) школа эта поддерживалась кружкомъ студентовъ малороссіянъ. Рожденная *хлопоманами* она въ концѣ осталась на рукахъ *хохломановъ* (фраза эта понятна помнящимъ то время). Преслѣдуемая мѣстными властями, въ концѣ концовъ школа эта уничтожилась; но ученики этой школы продолжали ученіе при поддержкѣ того-же кружка въ гимназій. Изъ числа этихъ учениковъ однихъ ужъ нѣтъ, а другіе далеко не оправдали возлагавшихся на нихъ упованій.

Помню, что, кромѣ грамотки Кулиша, для малорусскаго чтенія у насъ были: плохенькій букварь Шевченка, повѣсти Квитки и Марка-Вовчка, Кобзарь, Чорна Рада Кулиша и частью книжки «Основы». Послѣ уже появились *метелки*—маленькія книжечки, предназначавшіяся для народнаго чтенія. Все это составляло скудный матеріалъ для народнаго воспитанія и чтенія. Скорѣе все это

воспитывало въ насъ самихъ любовь къ родному и народному, знакомило насъ съ народомъ и какъ нельзя больше отвѣчало нашему любовному настроенію по отношенію къ *меньшимъ братьямъ*.

Изъ университета я въ числѣ немногихъ бросился къ освобожденному отъ крѣпостной зависимости народу: хотѣлось учить народъ, у него учиться, признавалось главенство его социальное если не *de facto*, то *de jure*. Очутился я въ глухой деревнѣ поднѣпровской Украины, гдѣ еще жила память о гайдамачинѣ, Желѣзнякѣ, Гонтѣ, Швачкѣ, Кравчинѣ, гдѣ, вслѣдъ за освобожденіемъ, въ памяти народной, особенно подъ чаркой, откапывались отрывки козацкихъ думъ и пѣсень. Я не стану говорить про то, что дѣлалось мною, чѣмъ я жилъ, какъ я жилъ: рѣчь идетъ о народной грамотности, о ней и буду говорить.

Учиться, скажу болѣе, поучаться кинулось ко мнѣ все село. Передъ глазами селянъ лежала новая, многозначительная книга— Положеніе о *воль*. Любопытно было освобожденному крестьянину прочесть эту книгу своими глазами, уразумѣть ее, докопаться въ ней истиннаго смысла царскаго слова, скрываемаго, какъ говорили, панамп; тутъ кроется, думалъ темный людъ, осуществленіе его завѣтныхъ идей. Каждый грамотный жадно впивался глазами въ эту книгу, стараясь вычитать въ ней пріятное для себя. Но большинство, если не всѣ, послѣ нѣсколькихъ попытокъ принуждено было безотрадно отстраниться отъ непонятной грамоты. Можетъ быть, и дорогъ былъ я для селянъ какъ переводчикъ этого непонятнаго. Самъ я чувствовалъ что-то въ родѣ душевнаго удовлетворенія при обращеніяхъ ко мнѣ моихъ сосѣдей и вообще селянъ съ просьбами прочесть и растолковать Положеніе о *воль*. Иногда являлись ко мнѣ ночью, съ какою-то таинственностію, и я чувствовалъ, что мои вразумленія и просьбы не дѣлать этого, не таяться со чтеніемъ закона, уже обнародованнаго и приводимаго въ исполненіе, отчасти лишали меня престижа толкователя *достопочтеннаго* (настоящаго, истиннаго). Разъ, помню, между такими ночными посѣтителемъ я замѣтилъ одного грамотнаго, который слѣдилъ за моимъ чтеніемъ, чтобы я читалъ *правильно*, безъ упущеній. Это была своего рода провѣрка хитрыхъ украинцевъ. Подъ чаркой все выяснилось. Много времени спустя, мнѣ пришлось въ дѣлахъ слѣдственной комиссіи прочесть, признаюсь, лестный для меня отзывъ: сказано было, что при

введеніи уставной грамоты въ томъ селѣ, гдѣ я жилъ, замѣтно было вообще пониманіе крестьянами « Положенія » и разумное отношеніе къ дѣлу, благодаря моимъ толкованіямъ. Можетъ быть, такое впечатлѣніе осталось у членовъ комиссіи потому, что они по навѣстамъ ожидали здѣсь чуть не бунта.

Для деревни въ 1861 г. грамотность стала необходимостію. Цѣлая масса новыхъ отношеній появилась вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ: волесть и писарство, податныя книжки, уставныя грамоты, предписанія, требованія, циркуляры, учеты, приговоры—все это вдругъ стало передъ крестьяниномъ со всею необходимостію. Жизнь деревни, знавшей по сю пору только вотчинную власть пановъ и ихъ экономовъ, вдругъ стали втискивать въ раму письменныхъ регламентацій.—Замѣчу кстати, что это письменное регламентированіе традиціонной жизни деревни впоследствии стало причиною неудобнаго совмѣщенія въ выборномъ сельскомъ начальствѣ двухъ противоположныхъ функцій—представительства интересовъ выборщиковъ и орудія вѣншей для села государственной власти.—Впоследствии грамотность въ селѣ повела къ своего рода деревенскому карьеризму, но въ 1861 году она нужна была сама по себѣ, нужна, какъ нуженъ ночью фонарь, какъ микроскопъ изслѣдователю. Мужикъ хотѣлось прозрѣть въ этомъ новомъ для него мірѣ письменности, и если ужъ онъ сознавалъ себя слѣпымъ съ застарѣлою слѣпотою, то съ молодыхъ глазъ своихъ дѣтей желалъ снять эту катаракту. Эти молодые глаза замѣнили-бы для него его собственные, онъ имъ больше довѣрялъ, чѣмъ постороннимъ: свой *поводыр* лучше наемнаго. Лишь-бы только прочесть точно, безъ утайки, написанное, а понять поймемъ эту царскую бумагу, думалъ мужикъ, не предчувствуя всѣхъ хитросплетеній этого новаго строя жизни. При томъ-же предполагалось, что истинный смыслъ написаннаго вполне отвѣчаетъ идеалу, созданному въ его пониманіи. Только-бы умѣть прочесть, излѣчить слѣпоту.

Но этихъ врачей было мало. По нуждѣ вспомнились старыя церковныя школы. Церковныя сторожки при церквяхъ на Украинѣ во многихъ мѣстахъ не переставали еще называться школами, хотя въ нихъ помѣщались только сторожа да бездомные причетники. Украинецъ повернулъ свои взоры съ надеждою къ духовенству. Но оно не могло отвѣтить на эти упованія: не всегда и не охотно

предлагало оно алчущему духовную пищу не соответствующую времени. Церковно-славянскія граматки, часословцы, псалтыри съ непонятною мертвою рѣчью, съ титлами и словотитлами, со всею трудностію обученія не отвѣчали назрѣвшей новой потребности. Помимо всего, духовенство, почуявъ неохраязимость мужика вотчинною опекою пана, ставъ, такъ сказать, лицомъ къ лицу съ мужикомъ, накинулось на него со своими нуждами, не всегда отграниченными строго отъ любостязанія. Для незнакомыхъ съ порядками того времени въ юго-западномъ краѣ я прибавлю слѣдующее въ объясненіе высказаннаго мною. По проекту обезпеченія православныхъ причтовъ въ томъ краѣ, сверхъ назначеннаго въ 1842 году жалованья, часть земли церковной должны были обрабатывать прихожане, т. е. помѣщичьи крестьяне, равно на ихъ-же обязанность возлагалась постройка и ремонтъ помѣщеній для причта. При крѣпостномъ правѣ обязательства крестьянъ были вмѣстѣ обязательствами самихъ помѣщиковъ, такъ какъ послѣдніе являлись отвѣственными во всемъ за крестьянъ, находившихся въ ихъ полномъ распоряженіи. Понятно, что выполненіе крестьянами указанныхъ повинностей ставило церковные причты въ ближайшую зависимость отъ помѣщиковъ, и отъ личныхъ отношеній тѣхъ и другихъ зависѣло осуществленіе благаго намѣренія правительства по обезпеченію православнаго духовенства въ юго-западномъ краѣ. Захочетъ помѣщикъ, и крестьяне обрабатываютъ причту всю землю, притомъ въ пору, строятъ дома, хозяйственные службы и огорожу въ самое короткое время. Денежныя и матеріальныя издержки по этимъ постройкамъ производились самими помѣщиками, и не всё изъ нихъ возвращали затраченное сборами съ крестьянъ. Такимъ образомъ и натуральныя работы и денежные сборы съ крестьянъ въ пользу причтовъ шли по приказу пановъ, за ихъ какъ-бы счетъ, иногда же и значительно ими облегчались, не возбуждая въ крестьянахъ ронота противъ священниковъ. Съ другой стороны предоставленное священникамъ право чтенія и объясненія прихожанамъ «Инвентарныхъ правилъ», наблюденіе за тѣмъ, чтобы въ *царскіе* дни не было барщины, и возможность злоупотребленій помѣщичьей власти имѣли свой вѣсъ у помѣщика. Дѣло сводилось на компромиссы. Нужно помнить, что большинство помѣщиковъ на Украйнѣ поляки и католики. Послѣ освобожденія крестьянъ на послѣднихъ легла вся тяжесть

содержанія причтовъ, при чемъ устранилась какъ помощь помѣщика, такъ и въ иныхъ случаяхъ его контроль. Последнее сказалось въ возвышеніи по мѣстамъ платы за требы, что при крѣпостномъ правѣ не всегда было удобно. Я помню, благочиннымъ было приказано сдѣлать спросъ крестьянъ о томъ, какія школы имъ желательно имѣть—духовныя или свѣтскія. Отвѣты этого плебисцита были разные, смотря по умѣнью вопрошающихъ. «Вы только что нибудь *накинете* батюшкѣ, да соломки дадите на отопленіе—вотъ у васъ и школа будетъ. На что вамъ свѣтская грамота? Вамъ о душѣ нужно заботиться, поприлежнѣе быть къ Богу, къ церкви...; увѣщевалъ громаду одинъ благочинный. Но мужики уперлись. «Буде же и такъ, отвѣчала громада, батюшка самъ соби накинувъ: то было за винчанья бере одинъ карбованецъ, а то давай три, ще и литомъ щобъ молоди (вступающіе въ бракъ) по два дни одробляли... Ще и солону давать... та же винъ (т. е. батюшка) и таеъ усю огорожу за зиму суаливъ (употребилъ па топливо), а по весни загадае городить... Мы такъ хочемо, якъ одъ Царя показано буде... Не смотря на такіе или подобные отвѣты громадъ, официальные донесенія указывали на существованіе по деревнямъ при церквахъ школъ, въ которыхъ обучали дѣтей батюшки и причетники. На сколько иногда вѣрны были официальные свѣдѣнія того времени, можно судить по слѣдующему случаю, за истинность коего я отвѣчаю.

У насъ въ деревнѣ церкви не было, была только часовенька на кладбищѣ, а были мы приходомъ къ церкви сосѣдняго села П—цы. Приходскій нашъ священникъ о. Д. Р—скій былъ особаго покроя человекъ: молодой франтъ въ шелковой рясѣ съ *простоволосою* попадей, большой стяжатель, не разбиравшій средствъ къ наживѣ и въ послѣдствіи поплатившійся за свои недостойные поступки переводомъ на худшій приходъ. Вотъ этоть-то батюшка и рассказываетъ однажды мнѣ при встрѣчѣ слѣдующее:

— А знаете—пріѣзжаю я отъ васъ (онъ былъ у насъ въ селѣ и видѣлся со мною), застаю у себя гостя: благочинный пріѣхалъ. Что такое?—думаю. Потревожился было. Ну, знаете, послалъ титаря собрать кое-что по селу для начальства... такъ хоть малую толку. Послалъ за экономомъ преферансикъ устроить... Оказывается, что благочинный пріѣхалъ обзрѣть училище. Гдѣ ему достать учениковъ?! Все это, знаете, въ полѣ. Ну, кое какъ обошелся. Я пока-

залъ. что у меня 40 учениковъ, а у васъ 23. Такъ и записано. Помните-же, а то какъ-бы не пробрехаться намъ.

Да! Вотъ вамъ и свѣдѣнія официальные.

На самомъ-же дѣлѣ въ П—цахъ не было никакой школы, а было два ученика у дьячка—одинъ мальчикъ, а другой лѣтъ 17--18 парубокъ. Ученики эти читали и пѣли на клиросѣ и по праздни-камъ ходили съ дьячкомъ *илновать*, т. е. собирать доходъ, носили *коляду*. У меня-же въ ту пору было постоянныхъ только семь учениковъ.

Школь дѣйствительныхъ, съ большимъ числомъ учащихся, съ сноснымъ обученіемъ и содержаніемъ было мало, и винить въ этомъ было некого. Народъ еще не успѣлъ осмотрѣться въ своемъ новомъ положеніи, администрація тоже; что касается священниковъ, то люди самоотверженные и между ними были рѣдкостью. Для заурядныхъ дѣло школьное было ново и не подъ силу, а было много и такихъ, которые не чувствовали къ нему никакой охоты, преслѣдуя совсѣмъ инныя цѣли. У меня была школа, оформленная письменнымъ порученіемъ этого дѣла мнѣ помянутымъ священникомъ, причемъ въ разрѣшеніи было написано: *«подъ моимъ наблюдениемъ и при моемъ участіи оз преподаваніи закона Божія»*. *Наблюдение и участие* выразилось развѣ въ томъ, что батюшка взвелъ на меня напраслину, показавъ благочинному, что у меня 23 ученика. Ни разу онъ не былъ въ нашей школѣ, ни единого слова не преподавалъ ученикамъ.

Школа моя, если ее такъ можно назвать, не имѣла постояннаго числа учениковъ: зимою учениковъ было больше, лѣтомъ меньше. Мальчиковъ—*школьниковъ* было отъ 3 до 12-ти, не болѣе. Кромѣ того зимою у меня и у моего брата учились взрослые три парубка. Они отстали отъ ученія, какъ только научились разбирать, складывать буквы. Ихъ отняло отъ ученія хозяйство, домашній обиходъ. Но послѣ я узналъ, что они все-таки не бросили совершенно грамоту и подоучивались сами читать печатное.

Училъ я мальчиковъ по малорусски, по методу Золотова. Наука давалась имъ легко, и скоростію обученія чтенію я много выигрывалъ во мнѣніи родителей: скорое обученіе, безъ мученія, видимо имъ нравилось. Разъ, помню, грамотный (умѣвшій читать церковную печать и подписывать свою фамилію) волостной старшина

переконфузиль, въ присутствіи нѣсколькихъ нашихъ громадянъ, моихъ учениковъ: онъ *загадалъ* имъ разрѣзныя буквы уложить по алфавитному порядку: *а, б, в, г, д, е*, и т. д.; мои ученики этого не могли сдѣлать и этимъ вызвали сенсаціонное замѣчаніе старшины: *«бачъ, учатьця, а азбуки не знаютъ»*. Присутствующіе граждане были тоже сконфужены, такъ какъ они превозносили мое обученіе. Я вмѣсто всякихъ объясненій развернулъ на удачу бывшее подъ рукой *«Положеніе»*, и большая часть учениковъ свободно прочли указанное. Это уронило въ свою очередь престижъ экзаменатора. Я этимъ не ограничился. Въ ближайшій воскресный день изъ церкви я взялъ въ волостное правленіе двухъ своихъ учениковъ и позвалъ меньшаго, однако бойко чѣтавшаго на клиросѣ, дьячковскаго ученика. Въ волости были и наши граждане. Предложено было прочесть что-либо въ *«Положенія»* клиросному чтецу, и онъ не могъ прочитать ни одной строчки, мой-же не ударили въ грязь лицомъ и читали свободно. Не скрою, что это были лучшіе мои ученики. Побѣда была полная и вызвала немалую сенсацію, особенно когда я не поскупился на объясненія.

Для чтенія у меня имѣлось только то, что было напечатано по малорусски. Да и что-же было тогда писано для народнаго чтенія?! Не могъ-же я, помимо уже всякаго малоруссофильства, на самомъ дѣлѣ преподносить народу Морозовскія, Манухинскія и Леухинскія изданія. Какъ ни были слабы въ смыслѣ удовлетворенія умственной жажды издававшіяся тогда въ Петербургѣ маленькія малорусскія книжки—*метелики*, все таки онѣ были лучше и понятнѣ названныхъ изданій. Вѣдь это теперь имѣется много хорошаго и дешеваго для чтенія народу на русскомъ языкѣ, а тогда что? Францыль Венціанъ, Бова Королевичъ, Битва Русскихъ съ Кабардинцами и т. п... Помню я хорошо то время. Т. Гр. Шевченка весною похоронили около Канева. Гр. Ник. Ч—скій, академикъ-товарищъ Тараса, жилъ нѣкоторое время въ Каневѣ и популяризовалъ сочиненія и имя покойника, прочитывая и раздавая его стихи. Въ Петербургѣ издавалась *«Основа»*, мы смѣло выступали со своею рѣчью, со своею грамотою. Даже нѣкоторые циркуляры писались по малорусски. Я помню циркуляръ по волостямъ, напечатанный въ два столбца: въ одномъ текстъ русскій, а въ другомъ малорусскій. Помню я это время мережанныхъ сорочекъ, широкихъ

штановъ, малорусской пѣсни, польско-панскихъ доносовъ... Хохлофильство нужно было для внутренней политики края, нужно было, какъ противувѣсь полонизму.

Я читалъ многое изъ напечатаннаго по малорусски народу, и чтеніе мое имѣло успѣхъ, выражавшійся обиліемъ слушателей. Живо я помню эти литературные вечера-посидѣлки. Тепло, душно въ хатѣ, фурчатъ веретена у сидящихъ въ сторонѣ отъ стола *дивчатъ*, *парубки* понасунулись поближе ко мнѣ... Читая большею частію наизусть, напимѣръ *Катерину* Шевченка, видѣлъ я лица слушателей. Улыбаются какъ-то насмѣшливо, нерѣшительно вслушиваются... Не то это такъ себѣ *вытребенки*, не то и въ самомъ дѣлѣ что хорошее. Но вотъ лица становятся все серіознѣе. «Сидитъ батько въ киньци стола, на руки схилився, не дивитца на свить Божій; тяжело зажурився...» декламирую я. Вниманіе все болѣе усиливается, веретена перестаютъ фурчать, дивчата одна за другой вздыхаютъ и кой-кто изъ нихъ пересѣлъ уже ближе къ столу; на *полу* маханіемъ руки унимаютъ послѣднее веретено... глаза блестятъ, дыханіе затаивается. Вотъ *титка Тимошиха*, тяжело вздохнувъ, перекрестилась, когда я дочиталъ до того мѣста, гдѣ Катерина бросается въ ополонку.

Шубовсть въ воду!... По пидъ лёдомъ

Геть загуркотило.

И я мимовольно вздыхаю, перевожу духъ, дочитавши до эпилога. Всѣ вздохнули, всѣ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, подавлены всѣ какимъ-то ужасомъ, оцѣпененіемъ. Даже *титка Тимошиха*, покачивавшая по сю порю головою, подпертою ладонью, перекрестившись и вздохнувъ, не находитъ, что сказать. Декламирую эпилогъ. Всѣ, какъ-бы встряхиваясь отъ тяжелаго какаго кошмара, внимаютъ. Но эпилогъ коротокъ.

Встали сиромахи,

Помолились на схидъ сонця,

Пишли по-надъ шляхомъ...

Кончаю я и вылѣзаю изъ-за стола. Всеобщее молчаніе.

— А що-жь сталося зъ хлопцемъ?—спрашиваютъ непременно дивчата.

Чтеніе «Наймички» Шевченка часто вызывало слѣзы. Стихотворенія легко запомывались слушателями, и отрывка послѣ пов-

торялись. Читалъ я повѣсти Квитки, Марка Вовчка, рассказы Стороженка, Чорну раду Кулиша, читалъ и «Гайдамакъ». Читалось все это соотвѣтствующимъ слушателямъ. Помню, какъ мнѣ неловко было читать «Гайдамаки» Шевченка. Въ «Гайдамакахъ» есть нѣжныя сцены, любовныя (Галайда, Титарь, Лебединъ), есть много неприспособленнаго для простыхъ слушателей. И вотъ неловко какъ-то становилось при чтеніи нѣжныхъ сценъ старикамъ слушателямъ, или мало понятной рѣчи архимандрита, благословляющаго ножи. Мимовольно переносусь памятью болѣе подробно въ тому времени. Пасѣвка диды Максима. Теплый, ясный день, зелень, цвѣты, щебетаніе птичекъ, гудѣнье пчель. Насъ человѣкъ пять: хозяинъ пасѣвки, я, Гаврило Петровичъ, сынъ *диды* Якимъ и мудроватый *Хведиръ Ковбаса*. Всѣ мы въ *бѣлыхъ сорочкахъ* по случаю праздника, свитки подсланы на травѣ, шапки разбросаны; тепло, даже жарко въ тѣни развѣсистой груши. Новая, только на дняхъ полученная книжка «Основы» со мной. Я давно уже обѣщаль дѣду прійти къ нему на пасѣвку почитать *що небудь*. Старикъ радъ гостямъ, угощаетъ насъ медомъ. Идутъ разговоры про наши сельскія дѣла, про *батюшку*, «що винъ вытворявъ сѣгодня писля службы Божои», про урожай, про ройбу...

— А це принесли таки, що обидцали—спрашиваетъ дѣдъ, взглянувъ на сиреневую обложку «Основы», и затѣмъ, взявши въ руки, переворачиваетъ листки, какъ-бы и вовсе грамотный.

— Шкода, не про насъ писано, говорить дидъ, живая головою и подавая мнѣ книгу. Я, бывало, такъ таки й прослухаю, якъ покойный отецъ Василій, царство ему небесне, читаетъ. И... чоловікъ бувъ! Нехай ему земля перомъ. Усе було розскаже. А вже мени ни що, якъ сторія про Іосифа Прекраснаго, або про блуднаго сына...

— Ну, теперешній якъ прочитае, той слухать не хочетьця, вставляетъ слово Гаврило Петровичъ. Сѣгодня, оце писля службы якъ ставъ вычитувать усимъ по проєкту... Я, каже, можу требувать, щобъ мени усю роботу одробляли литомъ. Та ще, каже, на толочу покличу...

— Ну, та Богъ зъ нимъ! Ему ёго й честь буде... Щожъ, прочитайте що небудь... обращается ко мнѣ дидъ Максимъ.

Растагиваемся на «свиткахъ» головами въ кучу, ногами въ рознь, и я читаю «Оповидання Грницька Ключника» Стороженка.

Якимъ глазами впился въ строки читаемаго, умное лицо Гаврила Петровича *наступилось*, у дѣда блаженная улыбка на лицѣ... Чтеніе идетъ съ перерывами. Очевидно слушателямъ, еле только встряхнувшимъ съ себя ненавистное панское иго, не по душѣ восхваленіе пана, но личность Прокопа Ивановича имъ симпатична. Это выражается короткими возгласами и иногда вздохами. «Отъ такъ, докозакувались!... вздыхаетъ дѣдъ, кивая головою при чтеніи прощанія запорожцевъ съ Сѣчью.

— Онъ якои! восклицаетъ Ѳедоръ Ковбаса, когда я читаю, какъ Прокипъ Ивановичъ возражаетъ: «брехня, тричи брехня. Зроби, доброго чоловика паномъ, то й буде зъ нѣго ледащо...» Или когда тотъ-же Прокипъ, отказываясь отъ ночлега въ панской хатѣ, говорить: «нехай вона тобі скризь землю провалитьця. Отъ стану а въ паньскій хати ночувать...»

При перерывахъ чтенія дѣлаются замѣчанія, вспоминается что-то похожее: какъ заселялось наше село, кто былъ «осадчимъ», почему поселились на этомъ яру, а не на прежнемъ «селищѣ». Вообще слушатели симпатизируютъ герою разсказа. Герой этотъ, Прокопъ Ивановичъ, во всей силѣ своей запорожской природы являетъ свою нелюбовь къ пану и любовь къ свободѣ и самостоятельности. *Панъ* разсказа не симпатиченъ слушателямъ, но и этотъ снискиваетъ ихъ благосклонность не хуже того, какъ это ему удалось съ Прокопомъ Ивановичемъ.

Кончилъ я. Всѣ благодарятъ. Прочитанное даетъ тему разговору, вызываетъ воспоминаія и «гуторня» идетъ безконечная. Жара спала, солнце спустилось за лѣсъ, за горою слышно мычаніе и бляеніе череды, Якимъ и Ковбаса пошли уже въ село, а мы еще не перестаемъ слушать, разсказывать...

У насъ въ деревнѣ, какъ я уже сказалъ выше, не было церкви, а была часовня на кладбищѣ. Украшенная иконами, ставниками, лампадами и даже имѣвшая носильные кресты и хоругви; часовня эта замѣняла намъ отчасти церковь, особенно въ день поминовенія усопшихъ на проводы, въ день храмоваго нашего праздника 8-го ноября (соборъ архистратига Михаила), во время лѣтнихъ или лучше сказать весеннихъ общихъ молебновъ съ крестнымъ ходомъ по полямъ. На первый день св. Пасхи наши селяне, разговѣвшись и поотдохнувъ, тоже почти всей деревней сходились къ часовнѣ,

гдѣ просиживали до вечера, разговаривая и глядя на обрядные хороводы молодежи ¹⁾ Осенью, когда за распутицей нельзя пробиться къ церкви за 7 верстъ, наши селяне тоже собирались въ часовню, гдѣ читались часы. Также совершалось и въ небольшіе лѣтніе и зимніе праздники, когда знали, что и въ П—цахъ *службы* нѣтъ, или когда послѣ обѣда, и то ранняго, нужно было начинать спѣшныя полевыя работы. Чтецами въ часовнѣ были обыкновенно одинъ или оба вмѣстѣ наличные грамотѣи Михайло Тимофеевичъ К—цъ и Якимъ Максимовичъ Ст—енко, а иногда завернувшій по случаю къ намъ дьячекъ. Я тоже участвовалъ въ чтеніи часовъ. При этомъ я въ лѣтнее время иногда прочитывалъ одну изъ проповѣдей протоіерея Вас. Гречулевича. Дѣлалось это обыкновенно такъ, что по окончаніи часовъ я выходилъ на крыльцо часовни, садился на ступенькахъ и читалъ. Слушатели окружали меня, кто стоя, кто сидя, женщины всегда стояли. Читалъ я на крыльцѣ и сидя ради того, чтобы не изображать изъ себя проповѣдника. Подольскій говоръ проповѣдей протоіерея Гречулевича я сглаживалъ и по возможности читалъ такъ, чтобы публика понимала все. Проповѣди эти очень нравились нашимъ селянамъ. Разсорившись съ нашимъ священникомъ, я пересталъ читать проповѣди, чтобы не давать лишней темы для сыпавшихся отъ него на меня доносовъ; тѣмъ не менѣе мое столкновение съ нимъ было причиною проявленія еще одной формы моего учительства. Дѣло было такого рода.

Помню, зимою, какъ-то послѣ Рождества, пріѣхалъ ко мнѣ зачѣмъ-то священникъ Р—свій. Вслѣдъ за его прибытіемъ приходитъ ко мнѣ вдова Сергіиха съ сыномъ парубкомъ и проситъ моего участія въ томъ, чтобы *упрохать батюшку* повѣнчать ея сына съ сосватанной уже въ с. Потапцахъ дѣвушкой. Я предложилъ просителямъ войти въ комнату и при мнѣ *прохать*. Въ комнату вошла степенная Сергіиха съ ея красавцемъ сыномъ. Не успѣлъ батюшка обмахнуть ихъ благословеніемъ, не успѣла Сергіиха промолвить слова, какъ уже онъ зачастилъ:

¹⁾ На первый день Пасхи пьивствовать и танцовать негоже. Молодежь водить хороводы, *шума, довою лозы, короля* и т. п. и при этомъ поетъ старинныя, должно быть, языческія обрядовыя пѣсни. Наприм. «О кизле, мій кизле, зійди рано! Ой кизле, мій кизле! прійди *Мало* (?).

— Ни, ни! Не буду винчать. Берить, яку хочете, а зъ цеею не повинчаю. Я вамъ разъ сказавъ и годи вже. Хоть и не просить... и т. д.

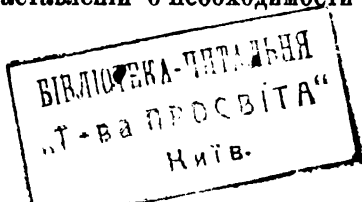
Сергіиха плакала, кланялась, но онъ не давалъ ей слова сказать, твердилъ все свое и въ концѣ концовъ ушелъ въ другую комнату. Я мигнулъ просителямъ, чтобы они вышли, разсчитывая самъ уговорить упрямаго батюшку.

Но не тутъ было. Онъ мнѣ изложилъ такіе доводы:

— Нѣтъ, нѣтъ, Б. Ст—вичь! И не просите за этихъ мерзавцевъ! (Со мной онъ говорилъ по русски). Вы знаете, эта самая дѣвка ни за что не хотѣла паниматься ко мнѣ, сколько не посылалъ, сколько самъ не уговаривалъ. И отецъ и мать согласились, а она «не пійду, тай не пійду». И вотъ такъ всё онѣ. Замужъ такъ на въ-опередки, а ко мнѣ въ наймы нейдуть, мерзавки! Нѣтъ ужъ, пожалуйста, не просите. Нужно хоть одну проучить. Нужно, чтобы онѣ знали меня.

Но батюшка былъ неправъ въ данномъ случаѣ по существу дѣла. Я пробовалъ урезонить его, говорилъ, что, при объявленіи манифеста 19 февраля 1861 года, объяснявшіе этотъ манифестъ мѣстныя власти (становой, исправникъ), при немъ-же священникъ, говорили крестьянамъ о предоставляемомъ имъ теперь правѣ жениться и выходить замужъ безъ всякихъ разрѣшеній, что отказъ его Сергіихъ и ея сыну можетъ вызвать жалобы и нареканія; что женихъ и его мать вдова люди бѣдные, что они уже сдѣлали затраты... и т. п. Наконецъ я просилъ просто отъ себя за нихъ. Нѣтъ и нѣтъ. Зауверялся о. Д. и недовольный уѣхалъ. Садясь въ сани, онъ еще разъ подтвердилъ стоявшимъ у крыльца Сергіихъ и ея сыну: «берить, кого знаете, тильки не цю, цю не буду винчать».

Мнѣ оставалось одно: указать путь обиженнымъ. Это я и сдѣлалъ. Написалъ жалобу мировому посреднику. Послѣдовалъ запросъ батюшкѣ о причинахъ отказа въ совершеніи таинства бракосочетанія. Но батюшка ничуть не смутился: онъ отвѣтилъ, что не вѣнчаетъ потому, что брачущіеся не знаютъ молитвъ, что эта мѣра принята имъ, какъ крайняя, послѣ многократныхъ съ его стороны внушеній и наставленій о необходимости знать молитвы, а особенно

молитву за Царя (Спаси Господи люди Твоя...), даровавшаго свободу имъ. Вотъ сущность отвѣта о. Д. мировому посреднику—помѣщику и поляку. Я-же рассказалъ тому-же посреднику суть дѣла, все то, что произошло въ виду моемъ. Пошла переписка по этому поводу. Между тѣмъ батюшка въ церкви объявилъ, что незнающихъ молитвъ онъ вѣнчать не будетъ.

На Украинѣ вообще съ самаго ранняго возраста родители учатъ дѣтей молиться, *проказываютъ Богу*, а потому почти всѣ дѣти знаютъ молитвы Св. Духу, Св. Троицѣ, молитву Господню, Символь вѣры и Богородицу. О. Р.—своему это было извѣстно. Онъ сталъ требовать знаніе 10-ти заповѣдей, *Помилуй мя Боже, Достойно есть и Спаси Господи люди Твоя* ..

Пока тамъ идетъ переписка, и мясоѣдъ идетъ. Молодежь брачится. Каждая изъ *дивчатъ* прибираетъ хату и накрываетъ столъ чистымъ *настольникомъ* въ ночи... Могутъ *старосты навернутьца*. А тутъ задержка—батюшка вѣнчать не будетъ. Нечего дѣлать, нужно учить молитвы. Не безынтересно было это обученіе. Ко мнѣ приходили цѣлой компаніей *дивчата и парубки*. Не дѣти, а все въ брачномъ возрастѣ. Весело и *соромно* имъ: весело потому, что это обученіе было лишнимъ предлогомъ собраться и поболтать, стыдно потому, что, проходя ко мнѣ, дѣвушкамъ приходилось по пути выслушивать шуточные вопросы о желаніи выйти замужъ.

— А, Палажка! Свортило замизь?... и т. п.

Съ топотомъ обмерзлыхъ сапогъ, съ пинками, толчками, со смѣхомъ вся компанія толпилась на крыльцѣ моей квартиры, пока не впускалась въ домъ. Всѣ здоровались. Лица веселыя, со сдержаннымъ смѣхомъ, *дивчата* прячутся одна за другую, вспрыскиваютъ неудержимымъ смѣхомъ. Но вотъ кое-какъ поразмѣстились на лавкахъ, а то и стоя. Когда я начиналъ *проказывать*, всѣ вставали и крестились. Начиналъ обыкновенно кто-нибудь говорить громко, другіе повторяли, а я или поправлялъ замѣченную мною неправильность, или, если молитвы никто не зналъ,—отчетливо читалъ ее, а всѣ за мною повторяли. Когда я сталъ поправлять и показывать, что нужно говорить не «*вомя* Отца и Сына и Св. Духа», а «*во имя* Отца и т. д.» то мнѣ возражали, что такъ нельзя: «*треба казать вомя, а во имя, то це буде по лядзкому*», т. е. по католически. Вообще многія слова молитвъ и даже цѣлыя фразы

коверкались ужасно. Я не стану останавливаться на чисто фонетическихъ измѣненіяхъ звуковъ, но и самыя сочетанія слоговъ и словъ измѣнялись. Слова «далъ былъ убо» выговаривались: *дов-бы-хуба, бума рахуба, да-ми-губа*, а ужъ дальше *дол-бихъ убо* нельзя было идти. Это смягченіе *л* и *ы* выходило также, какъ у великорусса *палыница* вмѣсто *палыныя*. Все это не обходилось безъ хихиканья, подталкиванія, суеты... При словахъ *далъ былъ убо* всѣмъ приходила на память одна молодица, взятая изъ другой деревни, которая, услышавши эти слова въ молитвѣ свекра, разказывала другимъ, что ея свекоръ «якъ молитыца, то провадить якись *те.л.бу.хи*». Ну, какъ тутъ удержаться отъ смѣха? Да еще компанія молодыхъ парней и дѣвокъ. Оказалось, что выучить заказанныя молитвы далеко нелегко, особенно при полнѣйшемъ непониманіи ихъ. Бились мы такъ, почти безъуспѣшно, недѣли полторы, пока *не пришла бумага*, чтобы батюшка оставилъ лишнюю притязательность и вѣнчалъ безъ экзамена.

Говоря вообще о грамотности въ знакомой мнѣ деревнѣ, я оставилъ-бы пробѣлъ, ничего не сказавъ о знакомыхъ мнѣ въ той деревнѣ грамотныхъ. Собственно у насъ въ деревнѣ грамотныхъ взрослыхъ, кромѣ моихъ учениковъ, было двое—Михайло К—цъ и Якимъ. Я упоминалъ выше о нихъ.

Михайло обученъ былъ церковной грамотѣ, хотя разбиралъ и гражданскую печать. Читалъ онъ все больше церковныя книги, зналъ, когда какой праздникъ, разбиралъ Пасхалію, къ нему обращались узнавать, сколько будетъ недѣль Петрова поста, въ какой день какія заговѣны (*пуштиня*), сколько недѣль мясоѣда и т. п. Это очень льстило его самолюбію и, кажется, что онъ церковничалъ и набожничалъ только на виду общественнаго мнѣнія. Сдержанный и толковый, онъ умѣлъ подписать свою фамилію, написать кое-какой счетъ прихода и расхода и этимъ, повторяю, хвасталъ. Громадяне раскусили его и говаривали про него:

— Ябъ бы ѣму хоть оттакисипькій (причемъ показывали мизинецъ) хвостикъ, такъ винъ бы уси ребра соби пооббивавъ, чванючись...—Это былъ зарождавшійся еще только въ то время типъ деревенскаго кулака. Теперь, думаю, онъ кулачествуетъ въ селѣ на славу. Его братъ Матвѣй, по профессіи поварь, а потому и горькій пьяница, былъ тоже грамотенъ и еще больше погружался въ цер-

ковное чтеніе. Онъ даже и говорилъ по церковному. Жилъ онъ въ другой деревнѣ, и даже больше у пановъ на сахарныхъ заводахъ. Разъ при мнѣ онъ давалъ показаніе слѣдователю:

— Бiju я, добигъ на взгорокъ до хреста, когда смотрю—небеса отверзаютъся. Палъ я ныцъ и говорю: не достоинъ есмь, Господи, узрѣти славу твою! Такъ и трепещу весь. Коли гляну, ажъ то Дударивська корчма горить.

Михайло былъ самымъ меньшимъ изъ нѣсколькихъ сыновей зажиточнаго хозяина К—ци. Не знаю ужъ, какъ это Матвѣй очутился поваромъ,—вѣрно по волѣ пана. Еще при жизни отца братья поотдѣлялись, а Михайло жилъ съ отцомъ и былъ особенно любимъ имъ за свою степенность. Я уже зналъ Михайла самостоятельнымъ хозяиномъ и женившимся во второй разъ. При мнѣ уже онъ порывался на разные гешефты: то перекупить бочку рыбы и торгуетъ ею, то сдумѣетъ заполучить отъ продавца церковныхъ принадлежностей, при продажѣ чего-либо громадянамъ въ долгъ, какой-либо гостинецъ, какъ-бы въ роли титара, то интригуетъ по поводу отдачи права торговли водкой въ селѣ. Въ дѣлѣ арендованія громадою помѣщицъей земли Михайло былъ тоже изъ числа первыхъ, но первенствовать ему не пришлось отчасти по моей волѣ, отчасти потому, что громадяне замѣтили, что онъ *не туды мне*. Думаю, что если когда въ той деревнѣ задумаютъ строить церковь, то Михайло вотрется въ церковные старосты и старатели. Онъ и при мнѣ былъ уже чѣмъ-то въ родѣ ктитора нашей убогой часовни и при варѣннѣ меду въ храмовой праздникъ завѣдывалъ этимъ дѣломъ. Со мною онъ не особенно ладилъ, хотя не показывалъ этого. Я отчасти былъ помѣхою его кулаческимъ замашкамъ, и кромѣ того при мнѣ онъ терялъ престижъ грамотѣя. При всемъ наружномъ почтеніи и даже какъ будто-бы дружелюбности ко мнѣ, онъ тѣмъ не менѣе ловко умѣлъ подмѣчать мои промахи и на сторонѣ выставлять меня въ этихъ случаяхъ не въ хорошихъ краскахъ. Разъ, я помню, былъ случай, когда Михайло ловко этакъ затѣвалъ уронить меня при мнѣ-же, но публично. Дѣло было такое.

Вечеромъ, позднею осенью (10 ноября) я увидѣлъ, какъ загорѣлась наша трактовая корчма. Прибѣжавъ первымъ на пожаръ и ничего, кромѣ обыкновеннаго пожара, не подозрѣвая, я, не дозвавшись никого, вскочилъ въ середину корчмы съ цѣлью будить ея

обитателей. Одного изъ нихъ я нашелъ въ первой комнатѣ какого-то мокраго, храпящаго какъ-то странно, и когда я вынесъ его на свѣтъ, то онъ оказался весь въ крови, вздрагивалъ, храпѣлъ, прыскалъ кровью и сейчасъ-же на моихъ рукахъ умеръ. Это былъ еврей. Ужасно испуганный, я тѣмъ не менѣе вытащилъ еще, тоже окровавленную, мертвую уже еврейку и затѣмъ уже съ подбѣжавшими людьми вытащилъ обгорѣвшій трупъ женщины. Однимъ словомъ я, ничего не подозревая, попалъ на пожаръ, устроенный съ цѣлью прикрытія убійства и ограбленія обитателей корчмы. Никогда въ жизни я не былъ такъ встревоженъ: я положительно дрожалъ весь, хотя не терялъ сознанія и по ходу дѣла руководилъ тушеніемъ пожара, сбереженіемъ спасеннаго имущества, охраненіемъ труповъ и разсылкою извѣстій властямъ. Я сдѣлался распорядителемъ безъ моего къ тому стремленія, а такъ какъ-бы всѣми признанный руководитель. Во время пожара я замѣтилъ, что высокая кирпичная труба корчмы вотъ-вотъ рухнетъ, и потому съ бранью и угрозами выгналъ изъ середины людей. Дѣйствительно, выбѣгая послѣднимъ вслѣдъ за выгнанными мною изъ корчмы, я уже услышалъ ревъ толпы, возвѣщавшей о наклонѣ трубы. Еле я переступилъ порогъ, какъ сзади меня раздался громъ и трескъ и громадная труба ввалилась, поднявъ цѣлый снопъ искръ. Вижу, выгнанные мною изъ середины корчмы собрались кучкою и что-то разсматриваютъ, снимали шапки, крестятся, другіе подходятъ къ нимъ. Я туда къ толпѣ и что-же оказывается?!... Но... тутъ маленькое отступленіе. Со введеніемъ новой авцизной системы стало обязательно имѣть на корчмахъ вывѣски. Наши громадяне поговаривали, что будто-бы маляръ старую доску съ иконы св. Николая, закрывъ *покостомъ*, употребилъ для вывѣски. Подвыпившіе иногда, ругаясь съ шинкаремъ за неотпускъ *на боръ горилки*, угрожали ему, попрекали его этою вывѣскою. Корчмарь ограждалъ себя тоже руганью и угрозами. «Ну, ну, только рушь таблицю (вывѣску), такъ и посунешь у Сибирь: це казенне дило». И эти предостереженія были дѣйствительны: никто не рѣшался провѣрить молву. Вотъ эту-то самую вывѣску и разсматривали теперь громадяне съ Михайломъ во главѣ. Всѣ, говорю, снимали шапки, крестились. Что-же я увидѣлъ? *Покостъ* масляный попузырился отъ огня, масло выступило каплями, вся доска окопчена дымомъ и въ переливахъ пожарнаго освѣщенія пред-

ставляла подобіе стараго, закоптѣлаго, выцвѣтшаго образа. Но тѣмъ не менѣе по срединѣ отчетливо виднѣлись буквы надписи «ровск...» «актов...» «орчма...» «щици...» «ковни...» «Габ»..., что обозначало: «Дударовская трактовая корчма помѣщицы полковницы Габель».

«Ось святитель Миколай объявился!» сказалъ мнѣ Михайло, держа въ рукахъ вывѣску, когда я подошелъ и протолкался въ середину толпы. Я рассмотрѣлъ вывѣску, увидѣлъ вышереченную надпись и указалъ Михайлу буквы.

— Дежъ тутъ Миколай? Вы жъ Михайло грамотни, читайте,— указывалъ я ему.

— Що жъ, винъ святитель тилько разъ *вирующимъ* объявился,— срѣзалъ меня ханжа Михайло.

Я вырвалъ изъ рукъ его доску, швырнулъ ее къ сложеннымъ вещамъ, вытащеннымъ изъ корчмы, и съ руганью разогналъ публику тушить пожаръ.

На другой день при дневномъ свѣтѣ всѣ обзрѣли эту вывѣску и ничего похожаго на икону въ ней не нашли.

— Вы однако, Б—съ Ст—чъ, поступили, какъ мнѣ разсаазывали, неосторожно,—внушалъ мнѣ на другой день священникъ Р—скій.

— А что, если-бы кто догадался подмѣнить эту вывѣску иконой, Б. С.?! что-бы было? Вы-бы были виноваты. Не хорошо.

При вещахъ и трупахъ были сторожа,—отвѣчала я хитроумному батюшкѣ.

Другимъ нашимъ сельскимъ грамотѣемъ былъ Якимъ Ст—енко. Для болѣе полной обрисовки Якима я долженъ вспомнить его отца, столяра Максима. Это былъ не только мастеръ, но просто артистъ своего дѣла. Кромѣ обыкновенныхъ столярныхъ работъ онъ умѣлъ точить и вырѣзывать. Его замѣчательно хорошіе, оригинальной формы столы, церковные кресты, красиво изъюзоренные рѣзьбою, его распятія и атрибуты страстей Спасителя, думаю, и теперь сохранились въ томъ околдеѣ. При другихъ условіяхъ изъ него вышелъ-бы замѣтный рѣзчикъ, иконостасчикъ; но подданство не дало ему ходу. Я зналъ уже *дида Максима* старика, пчеловода, садовода, ничего не пьющаго. Онъ плѣнялъ меня какою-то особенно нѣжно ласкающею душу благостію, поэтичностью. Онъ знавалъ чуть не всѣ гнѣзда пѣвчихъ мелкихъ птичекъ кругомъ своей пасѣвки (пасѣву онъ перевозилъ по своимъ соображеніямъ изъ лѣсу въ лѣсъ), садилъ по

лѣскамъ фруктовыхъ дерева, прививалъ къ дичкамъ, холилъ, обчищалъ дикія, не плодовые даже деревья. Весь отдавшійся природѣ и ея красотамъ, онъ индифферентно относился къ деревенскому публицизму, даже въ церковь рѣдко хаживалъ. Жизнь людей занимала его въ его прошломъ, природѣ онъ былъ отданъ весь въ его настоящемъ. Онъ какъ-бы бѣжалъ къ ней отъ суеты мірской. Такимъ я знавалъ, но не такимъ онъ былъ въ своей молодости. Страстный по натурѣ, онъ увлекался поэзіею жизни. Вино и женщины тянули его къ себѣ. Вскорѣ послѣ женитьбы онъ влюбился въ молодую замушнюю цыганку и, бросивъ все, угрожаемый панскою карою, цѣлое лѣто протаскался съ таборомъ цыганъ. Послѣ этого онъ сдѣлался было горькимъ пьяницею и былъ имъ до тѣхъ поръ, пова ему приснился какой-то знаменательный сонъ (онъ мнѣ его рассказывалъ, но я не помню), послѣ котораго онъ бросилъ пить, углубился, такъ сказать, въ самосозерцаніе. Избѣгая односельчанъ и ихъ сборищъ на первыхъ порахъ ради избѣжанія соблазна выпивки, онъ послѣ совсѣмъ отсталъ отъ общественной жизни деревни и уединенностію жизни пастычника, умерщвленіемъ плоти, тяжкою работою при копаніи омшаника (у него замѣчательный омшаникъ-пещера, вырытый въ сухой и твердой, какъ камень, глинистой горѣ), онъ дошелъ до того состоянія благодушія и любви, въ какомъ уже я знавалъ его. Что-то теплое, мягкое, душевное ласкало душу въ бесѣдѣ съ этимъ *дидомъ Максимомъ*, какое-то забвеніе и отрѣшеніе всей суеты земной видѣлось въ немъ. Не доставало ему только наставительнаго краснорѣчія, эрудиціи книжной, а то это былъ-бы пустынный, въ которому шли-бы поучаться, исповѣдываться, упокоивать взволнованную страстями душу. Книжность, если можно такъ выразиться, отчасти проглядывала въ его разсказахъ и, скажу по правдѣ, портила цѣльность типа. Знакомый по своему ремеслу съ панками, экономами и *батюшками*, онъ нахватался книжности. Его разсказы про житіе святыхъ, про разные эпизоды священной исторіи, наконецъ даже про старину, при всей основности народно-украинской, тѣмъ не менѣе просвѣчивали книжностію, тѣмъ, что онъ почерпнулъ изъ слышаннаго устнаго и прочитаннаго ему. Предавшись самосозерцанію, старикъ, очевидно, понялъ, что его страстность, его стремленіе къ познанію добра и зла, что его лиризмъ помѣшалъ ему сдѣлаться достаточно богатымъ, что было возможно

Дозволено цензурою. Київъ, 30-го января 1884 года.

МАЛУРУССКІЯ ФАМИЛЬНЫЯ ПРОЗВАНІЯ.

При первомъ, поверхностномъ взглядѣ на малорусское село возникаетъ мысль объ однообразіи фамилныхъ прозваній. Цѣлые ряды хатъ населены семьями одного фамилнаго прозванія, положимъ, Лободами, Петренками, и самыя улички и закоулки сельскіе получили потому названіе Лободивки, Петренкивки. Нужно присмотрѣться къ дѣлу ближе; нужно распросить людей съ фамиліями Лободы, Петренка и проч., по возможности, порознь, и тогда откроется все характерное разнообразіе фамилныхъ прозвищъ въ малорусскомъ простонародѣ. Положимъ, въ десяти и болѣе дворахъ, рядомъ лежащихъ, живутъ все Петренки; но почти каждый домохозяинъ, кромѣ общаго фамилнаго или родоваго прозванія, имѣетъ еще свое особенное прозвище, выдѣляющее его изъ ряда Петренковъ. Почти каждый крестьянинъ малороссъ, по достиженіи совершеннолѣтія, кромѣ личнаго имени, имѣетъ два или три прозвища: одно прозвище, документально засвидѣтельствованное въ спискахъ населенія, вообще закрѣпленное на письмѣ, и потому устойчивое, часто довольно старинное по времени возникновенія, и два или три прозвища сравнительно новыя, прозвища уличныя.

Личныя и фамилныя прозвища возникаютъ въ народѣ въ силу настоящей необходимости отчетливаго и жизненнаго различенія лицъ семействъ, по характернымъ ихъ особенностямъ, необходимости, тѣсно связанной и непосредственно вытекающей изъ духовнаго народнаго творчества. Можно сказать, что и въ созданіи фамилныхъ прозвищъ выступаетъ въ видѣ частнаго проявленія тотъ же творческій духъ народа, который въ болѣе ясныхъ и

отчетливыхъ формахъ выразился въ пѣсняхъ, пословицахъ и поговоркахъ. Въ данномъ случаѣ принимаются во вниманіе самыя типичныя черты людей, ихъ физическаго и нравственнаго облика; для выраженія этихъ чертъ изъ лексическаго состава языка выбираются самыя характерныя и меткія слова, и такимъ образомъ создается нѣчто столь выразительное въ видѣ личнаго или фамильнаго прозванія, что село принимаетъ его всецѣло, какъ памятникъ извѣстнаго проявленія текущей жизни.

Какъ быстро создаются личныя прозванія и какъ быстро они приобрѣтаютъ въ селѣ право гражданства, можно видѣть на слѣдующемъ примѣрѣ, представляющемъ одинъ изъ огромнаго числа сходныхъ случаевъ сельской жизни. Въ одномъ селѣ ахтырскаго уѣзда проживаетъ нѣкій Иванъ Кириченко, мужикъ уже пожилой, лѣтъ пятидесяти, бодрый и подвижной, съ открытымъ и красивымъ лицомъ, умный и грамотный, настолько грамотный, что хорошо читаетъ книги гражданской печати и свободно пишетъ. Одно лишь плутовское выраженіе большихъ сѣрыхъ глазъ выдаетъ хищническую сторону его природы. И вотъ этотъ человѣкъ, выдающійся по уму и грамотности, съ хорошими денежными средствами, среди бѣлаго дня на базарѣ укралъ съ воза ременные возжи, былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія и, по скорому крестьянскому самосуду, больно избитъ возжами. Съ тѣхъ поръ Иванъ Кириченко прослылъ Вижатымъ; такъ его зовутъ въ селѣ всѣ отъ мала до велика, и старое прозваніе приходитъ въ забвеніе.

Фамильныя прозванія крестьянъ, какъ многія другія проявленія народнаго быта, не могутъ быть вставлены въ строго размѣренныя хронологическія и историческія рамки. По давности уличныя прозванія весьма различны. Одни прозванія возникли при дѣдахъ, перешли къ сыновьямъ, внукамъ, и послѣдніе забыли причину возникновенія прозванія и его первоначальный смыслъ. Другія прозванія возникли десять, пять лѣтъ назадъ, прошлое лѣто, у всѣхъ на виду, и по новости своей еще не успѣли приобрѣсти въ селѣ полнаго права гражданства.

Любопытное документальное свидѣтельство о малорусскихъ фамильныхъ прозвищахъ относится ко второй половинѣ семнадцатаго вѣка. Въ 1667 г. стольникъ Кикинъ пріѣхалъ въ Полтаву для разъясненія и устраненія столкновенія козаковъ съ воеводой. Онъ

сравнилъ имена козаковъ челобитчиковъ со сказкой воеводы и на-
шелъ, что многіе козаки прозвищали не сошлись, что одно и тоже
лицо имѣетъ по нѣскольку прозваній. Кикинъ обратился къ пол-
тавскому полковнику Витязенку за разъясненіемъ. «А что козаки
прозвищами не сходятся, то это потому, объяснилъ ему полковникъ,
что у насъ на Украйнѣ обычай такой: называются люди разными
прозвищами; у одного человѣка прозвища три или четыре: по отцу,
по тестю, по тещѣ, по женамъ прозываются; вотъ почему одни и
тѣ же люди у воеводы въ мужицкомъ спискѣ писаны одними про-
звищами, а у насъ въ полковомъ козацкомъ другими»¹⁾.

Исслѣдователь малорусскихъ фамильныхъ прозваній распола-
гаетъ громаднымъ матеріаломъ, совершенно сырымъ, чрезвычайно
разнообразнымъ. Полнота изложенія и несомнѣнная вѣрность вы-
водовъ въ приложеніи къ фамильнымъ прозваніямъ—дѣло въ на-
стоящее время невозможное, по причинѣ отсутствія вспомогатель-
ныхъ статей, мѣстныхъ исслѣдованій. Съ теченіемъ времени, съ
выходомъ въ свѣтъ хорошаго малорусскаго словаря (хотя-бы на
премію Н. И. Костомарова), съ разъясненіемъ лексическаго состава
малорусскаго языка, при ученой разработкѣ народной этимологіи,
фамильныя прозвища, можно надѣяться, послужатъ предметомъ спе-
ціальнаго исслѣдованія. Интересъ такого исслѣдованія увеличится
и осложнится, если въ него войдутъ, наравнѣ съ фамильными
прозвищами, характерныя наименованія урочищъ, селъ, рѣкъ, явленій
природы, животныхъ, растений, болѣзней, кушаньевъ, одежды,
дѣтскихъ игръ.

Безъ ошибки можно сказать, что въ современныхъ крестьян-
скихъ фамильныхъ прозвищахъ живетъ старая Малороссія. Въ се-
лахъ харьковсоой губерніи встрѣчаются, напримѣръ, крестьяне съ
фамильными названіями Сагайдачный, Хмельницкій, Богунъ. Въ
числѣ полтавцевъ, убитыхъ въ Болгаріи въ 1877 г., оказываются
Скорина и Могила,—фамильныя прозванія, знаменитыя въ исторіи.
Впрочемъ Францискъ Скорина XVI ст. и Петръ Могила XVII ст.
по происхожденію были чужды малоруссамъ, и самыя ихъ фамиль-
ныя прозванія, однозвучныя съ фамильными прозваніями несчаст-

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XII, стр. 12—13.

ныхъ жертвъ войны, могутъ подлежать совсѣмъ особому филологическому объясненію.

Повидимому, мѣстной чертой представляется обыкновеніе крестьянъ харьковской губерніи, преимущественно лебединскаго уѣзда, личное имя ставить послѣ фамильнаго прозванія; напримѣръ: Ходакъ Иванъ, Новакъ Антинъ, Василенко Петро. Когда спрашиваютъ крестьянина о его имени или прозвищѣ, то онъ не ограничивается тѣмъ или другимъ, а выкладываетъ ихъ рядомъ, полагая на первое мѣсто прозвище, какъ наиболѣе общее и широкое обозначеніе лица и затѣмъ дополняя его именемъ личнымъ.

Фамильныя прозвища весьма разнообразны по окончаніямъ и внутреннему значенію. Слѣдующія окончанія свойственны малорусскимъ фамильнымъ прозваніямъ:

- 1) *ко*: Канько, Райко, Панько и др...
- 2) *ка*: Прадка, Коробка, Малинка...
- 3) *акъ, якъ*: Щербакъ, Шулякъ, Радовличакъ...
- 4) *икъ*: Осовиѣкъ, Гуликъ, Солениѣкъ...
- 5) *окъ*: Чапокъ, Рачокъ, Цыганокъ...
- 6) *укъ, юкъ, юхъ*: Дундукъ, Челюкъ, Болюкъ, Артюхъ...
- 7) *ай*: Вересай, Бакай, Лутай...
- 8) *иа, аиа, яиа*: Шульга, Дувага, Дубяга...
- 9) *анъ, ань*: Дараганъ, Рубанъ, Щербанъ...
- 10) *аль, арь*: Пахаль, Свичкаръ, Свинарь...
- 11) *ахъ, аха*: Томахъ, Черепаха, Мантаха...
- 12) *ачъ*: Трембачъ, Сурмачъ...
- 13) *ашъ*: Педашъ, Кардашъ...
- 14) *ешъ*: Дерешъ, Мелешъ...
- 15) *ышъ*: Славышъ, Гладышъ...
- 16) *ецъ*: Лабунецъ, Рипунецъ, Луговецъ...
- 17) *ця*: Братыця, Иваныця...
- 18) *ій*: Кучмій, Баглий, Бурлій...
- 19) *инъ*: Высочипъ, Доброчинъ...
- 20) *ичъ*: Катричъ, Павичъ, Самойловичъ...
- 21) *унъ, юнъ*: Корсунъ, Богунъ, Баюунъ...
- 22) *на, ня*: Щербина, Борозна, Потеня, Вареня...
- 23) *но*: Дахно, Пихно, Сахно...
- 24) *имъ*: Гудимъ, Бутрымъ, Рудимъ...

- 25) *оль*, *яль*: Хроль, Мняль...
 26) *ло*: Мурмыло, Подобайло...
 27) *ській*, *цькій*: Новгородській, Буцькій...
 28) *стый*: Ярмистый, Женжуристый...
 29) *ра*, *ря*: Манжура, Матора, Хухря...
 30) *ный*: Головурный, Буденный...
 31) *да*: Лагода, Штонда, Шелегеда, Жейда, Кирда...
 32) *исъ*: Чуплимись, Номись...
 33) *усъ*: Левусъ, Бреусъ, Усъ...
 34) *бей*: Кочубей, Камбей...

Самый обширный отдѣлъ фамилльныхъ прозвищъ составляютъ прозвища, произведенныя *отъ личнаго имени родителей*, отца или матери, преимущественно отца или, чрезъ отца, отъ личнаго имени дѣда, прадѣда. Наряду съ Василенками, Петренками встрѣчаются Химченки, Стешенки, Домничи, Катричи, Палажченки и другія прозвища отъ женскихъ личныхъ именъ. Отъ одного и того-же личнаго имени производится много фамилльныхъ прозваній; напримѣръ, отъ Петра Петренко, Петраченко, Петрикъ, Петриченко, Петрусь, отъ Данила Данилейко, Данилченко, Данильчукъ, Данчукъ, Данушка. Къ рассматриваемому отдѣлу фамилльныхъ прозвищъ относятся Антоюкъ, Филипанъ, Романика, Андрияшъ, Григорашъ, Богданко, Грицай, Ѳедорка, Ѳедакъ. Такъ какъ личные имена крестьянъ гораздо болѣе разнообразны, чѣмъ личные имена дворянъ, то среди первыхъ не трудно встрѣтить фамилныя названія Харченко (отъ Харитона), Кононенко, Артеменко, Гапоненко (отъ Агафонъ) и т. п. Разнообразіе это зависитъ отчасти отъ различнаго положенія священника въ селѣ и въ городѣ. Сельскій священникъ относится къ своимъ прихожанамъ болѣе или менѣе свысока, какъ къ людямъ, стоящимъ на низшей сравнительно съ нимъ степени духовнаго развитія, не стѣняется ихъ мнѣніями и потому даетъ новорожденному имя того святого, память котораго празднуется въ день рожденія младенца или въ день первой о немъ молитвы. Въ городѣ священникъ подчиняется мнѣніямъ и желаніямъ интеллигентныхъ родителей новорожденнаго и даетъ ему имя, по выбору родителей, изъ наиболѣе употребительныхъ въ образованномъ обществѣ личныхъ именъ.

Вторую, весьма обширную группу прозвищъ фамилныхъ составляютъ прозвища *по мѣсту жительства*. Въ данномъ случаѣ слѣдуетъ различать два отдѣла: въ первый отдѣлъ входятъ прозванія по первоначальному, старинному мѣсту жительства, откуда произошло выселеніе; во второй отдѣлъ прозванія по данному мѣсту жительства, по наиболѣе характерной особенноти той мѣстности, гдѣ находится хата. Въ первый отдѣлъ входятъ прозвища: Миргородскій, Новгородскій, Вололажскій, Трипольскій, Сумецъ и др. Во второй отдѣлъ—Луговецъ, Залужный, Гаевый, Боровый, Лозовый, Степовый, Бузынный, Очеретяный, Пиддубный, Байракъ (извѣстный запорожскій атаманъ), Забайрачный. Къ этому-же отдѣлу слѣдуетъ отнести такія прозвища, какъ Криничный, Бережный, Калюжный, Кутнякъ, при первоначальномъ своемъ появленіи обозначавшія нахожденіе хаты у колодца, или на берегу рѣчки, или на низкомъ мѣстѣ, гдѣ весной бываетъ большая лужа, или въ сельскомъ завоулкѣ. Сюда-же можно приурочить прозвища Новохатскій и болѣе ясное, вполне народное Новохатько.

Къ числу весьма характерныхъ фамилныхъ прозваній и въ добавокъ весьма многочисленныхъ принадлежатъ прозванія *по выдающимся особенностямъ фізіономіи или характера*. Сюда относятся: Лайко, Бій, Бойко, Побиванецъ (первоначально забіяка); Буй, Гордына, Громовый (гордый, грозный); Дубяга, Зализнякъ, Жила (крутой человекъ); Левенецъ, Хижнякъ (хищный); Мурмыло, Неживый, Черепаха, Несмашный, Кислякъ (лѣнтяй, угрюмый); Горячій, Метла (въ XVII ст. начальникъ одного козацкаго отряда), Вертій, Борзый, Щиракъ, Баско (дѣятельный, быстрый); Лагода, Розумъ, Мозговый, Човпыло (умный); Патока, Солодай, Солодкій, Лашенко (краснорѣчивый, услужливый); Свѣтлшшый, Славнышъ, Женжуристый, Чепурный, Хорошунъ, Самоквять и т. п. Кромѣ того, встрѣчаются прозвища: Насыпайко, Сухомлинъ, Мякомелинъ, вѣроятно прозвища мирошниковъ по первоначальному своему происхожденію и значенію. Однородныя прозвища по росту, по физическимъ недостаткамъ, какъ-то: Величко, Довгаль, Малышъ, Малець, Куценко, Косякъ, Щербакъ, Ковтунъ, Криворучка, Дзюба, Карбанъ, Шрамко, Ключка, Заика, Губа, Безпалько, Головатый, Сыпливый, Безбородько. Сюда-же относятся прозвища: Забудько, Приходько, Засядко, Заходько (частый гость). Къ этому отдѣлу тѣсно примы-

каютъ прозвища по цвѣту лица или одежды: Чернота, Чернышъ, Сирко, Билыкъ, Бѣлашъ, Червонный и т. п. Наконецъ, къ этому отдѣлу можно приурочить фамиліи прозванія, свидѣтельствующія о матеріальномъ достаткѣ лица. Въ крестьянскомъ быту каждый грошъ на счету, и всякое матеріальное приобрѣтеніе подлежитъ суду общественнаго мнѣнія. Отсюда значительное число такихъ прозвищъ, какъ Копило, Роздобудько, Борзобогатый, Скоробогатый, Багацько (въ Запорожѣ былъ судья Богацько), Бидняженко, Сиромеха, Сирота, Голый, Неижченко.

Весьма распространены прозванія *по ремеслу*. Наиболѣе свойственныя сельскому быту ремесленныя занятія сапожное и кузнечное дали наибольшее число фамиліи прозвищъ. Нѣтъ такого села, гдѣ не было-бы Шевченка и Коваля, Ковалевскаго, Ковальчука; встрѣчаются также Кравченки, Бондаренки, Рыбасы, Рымари, Котляры, Кушныры, Мирошниченки, Винниченки, Черевинные, Склярики и Шкляревскіе (склярикъ—стекольщикъ), Тесли, Справныки (справникъ—плотникъ), Шаповалы. Сюда-же относятся такія прозванія, какъ Крамарь, Базарный и т. п.

Особнякомъ стоятъ фамиліи прозвища *отъ именъ числительныхъ*; на примѣръ, Половинченко, Одинецъ, Первакъ, Пивторакъ, Третьякъ, Пятакъ, Шостакъ, Семеренко, Десятинъ, Сороковый. Что въ языкѣ и обыденной жизни прозвища этого рода представляютъ нѣчто особенное, своеобразное, видно изъ того, что производныя отъ нихъ прозванія на *ко* и *скій*, исключая прозванія Третьяковскій, встрѣчаются рѣдко. Дѣло въ томъ, что причина возникновенія прозвища по числительному имени скоро теряется изъ памяти, и прозвище дѣлается отвлеченнымъ фамиліальнымъ значкомъ. Въ моментъ возникновенія прозвища смыслъ его бываетъ ясенъ; на примѣръ, Одинецъ означаетъ крестьянина бобыля или одинокаго жителя въ лѣсу; Пивторакъ,—вогда при одномъ хозяинѣ работникѣ находится слабое и малосильное существо, требующее прокормленія, Пятакъ при своемъ возникновеніи могло означать то-же, что означаетъ встрѣчающееся въ Малороссіи прозвище Пятибратъ.

Прозвища *по названіямъ животныхъ* не принадлежатъ къ числу распространенныхъ. Въ исторіи Малороссіи встрѣчается однако довольно много дѣятелей съ такого рода прозвищами; на примѣръ: Гоголь, Крыса (сотникъ при Богданѣ Хмельницкомъ), Шпакъ (брац-

лавскій полковникъ), Цугачъ (гайдамацкій ватажокъ), Орликъ (гетманъ), Сычъ (кошевой атаманъ), Муха, Куликъ (козацкіе полковники), Голубъ (генеральный бунчужный при Самойловичѣ), Кишка (герой народной думы).

Повидимому, болѣе распространены въ настоящее время фамиліныя прозвища *по названіямъ растений*. Сюда относятся фамиліныя прованія: Верба, Дубъ, Калина, Лобода, Шандра (шандра—огородная трава въ родѣ мяты, ею вытираютъ внутри улья, чтобы пчелы плодились), Березка, Малинка, Маслакъ, Рѣпка (харьковскій полковникъ въ XVII ст.), Хмель (кіевскій купецъ въ XVII ст.), Бодянский (бодянь—*limpinella anisum*), Часныкъ, Гречка, Кулибаба (кулибаба—одуванчики, *leontodon Taraxacum*). Фамиліное прованіе Эварницкій, вѣроятно, представляетъ испорченную форму отъ первоначального Яворницкій; послѣднему соотвѣтствуетъ извѣстное въ исторіи прозвище Яворскій. Квитки, благодаря лингвистическому родству своего фамилінаго прозвища съ цвѣтами, создали на эту тему поэтическій рассказъ о происхожденіи своей фамиліи и связали его съ основаніемъ Харькова. Рассказъ этотъ въ литературной формѣ изложенъ Г. О. Квиткой въ «Молодикѣ».

Къ числу характерныхъ фамиліныхъ прозвищъ принадлежатъ прозвища *по названіямъ кушаньевъ и разныхъ предметовъ домашнего обихода*; напримѣръ, Галушка, Борщъ, Коржъ, Кнышъ, Мандрыка, Кисель, Макуха, Балабуха, Скрынька, Халява, Сокирка, Лантухъ, Лембикъ (лембикъ—мѣдный сосудъ для перегонки и очистки водки). Фамиліныя прованія разсматриваемаго разряда устойчивы; производныя отъ нихъ встрѣчаются рѣдко.

Малороссіянъ считаютъ юмористами отъ природы. Такую репутацію укрѣпили за ними Котляревскій, Квитка и Гоголь. Дѣйствительно, наклонность къ юмору проникаетъ все существо малоросса, сказывается въ народныхъ пѣсняхъ, пословицахъ, сказкахъ. Какъ всякій юморъ, юморъ малоросса не заключаетъ въ себѣ элемента злобы. Это проявленіе насмѣшки надъ слабостями человѣка, при любви къ человѣку. Проявилась наклонность малоросса къ юмору и въ фамиліныхъ прованіяхъ. Прованіе Махина (нѣчто очень большое) встрѣчается въ приложеніи къ человѣку небольшого роста и, наоборотъ, въ шутку прозываютъ рослаго парубка Малютой. Нѣкоторыя прозвища по кушаньямъ, животнымъ (мелкымъ) и растені-

ямъ (дурнаго свойства) возникли изъ насмѣшки; напр. Жукъ, Муха, Мавуха. Чистымъ порожденіемъ насмѣшки являются прозвища Бабій, Салогубъ, Верещака, Вытрицака, Чечекало, Вошволупъ, Заплюсвичва, Пупъ, Подлипа, Приблуда, Мара, Довгопять, Доброштанъ, Маргуха, Прилицко, Плакса, Кандыба (въ Подоліи кандыба—дрянная лошадь)¹⁾, Кривошапка. Сюда-же относятся такіа прозвища, какъ приведенныя выше: Вертій, Кислякъ, Метла. Попадаютъ въ этомъ разрядѣ прозвищъ довольно странныя, напримѣръ, Отченашъ, Продайвода, Уворвикишки.

Издѣдка попадаютъ *прозвища съ указаніемъ на историческое явленіе или событіе*; напримѣръ, Гайдукъ (гайдукъ, слово венгерское, означало въ старину рослаго лакея; нынѣ гайдукомъ называютъ одинъ родъ шанца), Сердюкъ (сердюками назывались козаки, составлявшіе гвардію гетмана и служившіе на жалованьѣ) и Палій—довольно распространенное нынѣ прозваніе фамильное. Въ старину Паліемъ называли того, кто жегъ непріятельскія села; такъ Паліемъ называли знаменитаго Іеремію Вишневецкаго. Впрочемъ нынѣ прозвище Палій можетъ снова возникать, какъ насмѣшливое прозваніе крестьянина, спалившаго по неосторожности свою хату. Повидимому, очень любопытная историко-бытовая черта кроется въ прозвищѣ Мороховець, встрѣчающемся въ харьковской губерніи среди крестьянъ. Судя по этимологіи слова, Мороховцемъ назвали впервые того, кто спасъ свою жизнь, спрятавшись въ морѣ или рѣкѣ. Во время набѣговъ татаръ или послѣ неудачныхъ военныхъ столкновений съ татарами, малороссійскіе, преимущественно хитрые на всякія штуки запорожскіе козаки скрывались или въ лѣсу, гдѣ былъ лѣсъ, или въ рѣчныхъ камышахъ, или прятались съ головой въ водѣ, причемъ во рту держали длинную очеретинку, пустую въ серединѣ, чтобы вытягивать черезъ нее воздухъ. Этотъ странный способъ самосохраненія, разумѣется, имѣлъ мѣсто лишь въ крайнихъ случаяхъ опасности, въ безлѣсной мѣстности, гдѣ оказывался вблизи очереть.

Малороссы въ старинное время стояли въ тѣсной связи съ своими сосѣдями: татарами, молдаванами, поляками, съ половины XVII ст. съ великороссіянами; въ Украинѣ было много разныхъ инородцевъ: грековъ, армянъ, въ особенности нѣмцевъ, и евреевъ.

¹⁾ Чубинскій, Труды эт.-ст. эссп. т. VII и I, стр. 262.

Однихъ тянула въ Малороссію жажда легкой торговой наживы; другіе являлись, какъ грабители и хищники; третіи какъ мирные колонисты и ремесленники. Въ широкое малорусское этнографическое русло вливалось много стороннихъ этнографическихъ струй и потоковъ. Примѣсь инородческаго элемента обнаруживается въ физическихъ очертаніяхъ малоросса, въ особенностяхъ его нравственнаго характера, въ одеждѣ, въ многихъ событіяхъ и явленіяхъ прошлой исторической жизни, въ языкѣ, въ фамиліальныхъ прозвищахъ. Инородческая примѣсь измѣнялась по мѣстностямъ, въ однихъ мѣстахъ проникалъ литовскій элементъ, въ другихъ молдавскій, въ третьихъ ощущалось вліяніе нѣмцевъ или татаръ. Несомнѣнно присутствіе въ старинное время въ Малороссіи *румынъ*; замѣтно румынское вліяніе въ области названій по скотоводству; извѣстно, что Румынія дала Украинѣ Памву Беринду и Петра Могилу, Украина помогала молдаванамъ своими военными силами и типографіями. Насколько значителенъ румынскій элементъ въ фамиліальныхъ прозваніяхъ во всей Малороссіи, судить трудно; можно только сказать, что въ восточной ея части элементъ этотъ весьма незначителенъ, хотя и тутъ попадаются такіа фамиліи, какъ Стратула, Волохъ, Бонческулъ.

Сколько можно судить по имѣющемуся у насъ подъ руками матеріалу, составляющему небольшой отрывокъ изъ громаднаго цѣлаго, въ числѣ крестьянскихъ и даже аристократическихъ малорусскихъ фамиліальныхъ прозвищъ *прозвища нѣмецкаго происхожденія* составляютъ ничтожный процентъ. Это обстоятельство тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что въ языкѣ малорусскомъ много нѣмецкихъ словъ. Повидимому, нѣмцы въ старинное время оказывали на Малороссію значительное культурное вліяніе; несомнѣнно, что вліяніе это шло не только посредствомъ Польши, но и непосредственно отъ нѣмецкихъ колонистовъ, торговцевъ, ремесленниковъ и наемныхъ нѣмецкихъ ратныхъ людей, проживавшихъ въ правобережной Украинѣ, преимущественно въ городахъ. Оказывая на малороссовъ вліяніе относительно ремесленныхъ занятій и домашняго быта, нѣмцы однако стояли особнякомъ, очень мало смѣшивались съ кореннымъ мѣстнымъ населеніемъ. Извѣстная малорусская фамилія Сулимъ производилась отъ нѣмецкихъ графовъ Сольмъ. Изъ украинскихъ фамиліальныхъ прозвищъ нѣмецкаго происхожденія за-

служиваетъ вниманія прозвище Гизель, которое въ половинѣ XVII ст. носилъ извѣстный ученостью и благотворительностью кіево-печерскій архимандритъ Иннокентій. Вишневскій ошибочно слово Гизель считалъ испорченной формой слова Кисель и даже роднилъ Иннокентія Гизеля съ извѣстнымъ Евстафіемъ Киселемъ («*był podobno bratem Kisiela Eustachego*»)¹⁾. Гизель—нѣмецъ по происхожденію, и на мѣстѣ его родины, въ Пруссіи, его фамиліальное прозвище, должно быть, звучало Gesell, что значитъ товарищъ, веселый парень. Придерживаясь такого словопроизводства, начальное Г нужно произносить твердо и удареніе дѣлать на второмъ слогѣ. Что современники Гизеля начальное Г произносили твердо, видно изъ того, что поляки писали Gisiel, а малороссіяне Кгизель.

Говоря о малорусскихъ фамиліальныхъ прозвищахъ татарскаго происхожденія, нужно сказать противное тому, что было сказано о прозвищахъ нѣмецкаго происхожденія. Повидимому, фамиліальныхъ прозвищъ татарскаго происхожденія гораздо болѣе, чѣмъ татарскихъ словъ въ обозначеніи предметовъ хозяйства, домашняго быта. Исторія доказываетъ, что между татарами и малороссами было тѣсное общеніе, правда, для послѣднихъ невольное и горькое, общеніе преимущественно военное, отчасти торговое. Существовало даже особое слово «тума», которое означало человѣка, происшедшаго отъ помѣси татарской и русской крови, а можетъ быть, лишь родившагося въ Крыму²⁾. Въ началѣ XVI ст. въ составъ западно-русскихъ дворянскихъ фамилій вошли крещеныя татарскія семьи Глинскихъ, Кобызевичей, Шабловскихъ и друг. Татарскіе земляне съ правами шляхтичей встрѣчаются въ южной Россіи въ XVI стол., напримѣръ, въ острожскомъ повѣтѣ. Въ числѣ жителей города Червасъ 1536 г. встрѣчаются Берендѣй, Янь-Меликъ-баша³⁾. Казацкій гетманъ Павлюкъ Баюнь († 1637) былъ сынъ крещенаго турка. Въ числѣ главныхъ сподвижниковъ Богдана Хмельницкаго стоитъ крещеный татаринъ Джеджалыкъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ настоящее время въ малорусскомъ простонародьи встрѣчается много фамиліальныхъ прозвищъ татарскаго происхожденія, какъ тяжеловѣсный обло-

¹⁾ Wiszniewski, Hist. liter. polskiej, т. XIII, стр. 421.

²⁾ Потебня, Къ исторіи звуковъ, т. II, стр. 14.

³⁾ «Кіевская Старина», 1884 г., сентябрск. кн., стр. 19, 27.

мокъ южно-русской старины. Довольно часто встрѣчаются крестьяне съ прозвищами Ходжа, Баша, Якубовичъ, Кочубей, Дундукъ (въ татарскомъ языкѣ дундукъ—угрюмый, суровый), Кучмій, Колча, Озамать, Бунякъ, Бурдукъ, Джулай, Келабъ, Кафунъ, Бузукъ. Можно сказать, что почти всѣ прозвища, оканчивающіяся на *бей*, и весьма многія съ окончаніемъ на *ай, ій, укъ, юкъ* татарскаго происхожденія. Прозвище Сагайдачный—также иноземнаго, вѣроятно, татарскаго происхожденія. Слово сагайдакъ давно уже вошло въ русскій и малорусскій языки въ значеніи тула, влагалища для стрѣлъ. Такъ объясняетъ это слово и Памво Берында въ «Лексиконѣ словенороссійскомъ» 1627 года. Фамильныя прозвища Чугай, Чугуевецъ, Чугаевъ, Чугинъ—татарскаго, быть можетъ, дажеполовецкаго происхожденія. Между половецкими князьями встрѣчается Чуга. Слово «чуга», какъ составная часть, входитъ въ наименованіе городовъ Чугуевъ, Кременчугъ.

Измѣненіе малорусскихъ фамильныхъ прозвищъ происходило подъ вліяніемъ тѣхъ культурныхъ движеній, которыя обнаружили въ обществѣ. Фамильныя названія видоизмѣнялись въ угоду той или другой группѣ дѣятелей, которая возвышалась надъ народомъ культурнымъ образомъ или административнымъ своимъ положеніемъ. Даже въ такомъ случаѣ, когда высотѣ административнаго положенія не отвѣчала высота культурнаго развитія господствующей въ обществѣ группы дѣятелей, господствующая въ краѣ сила все-таки давала извѣстное направленіе мѣстной, краевой жизни, подтягивала ее подъ тѣ или другія формы общественнаго существованія и, видоизмѣняя различныя проявленія народной жизни, измѣняла и прозвища фамильныя. Отрѣщеніе общества отъ народа, отдѣленіе людей знатныхъ и уроженыхъ отъ тѣхъ, что «изъ одной мисочки борщикъ хлебчуть и сами соби панове и слуги суть», возникновеніе и усиленіе духовнаго разрыва между высшими и низшими слоями народа немедленно отражались на фамильныхъ прозваніяхъ, вызывали ихъ видоизмѣненіе.

Уже въ первые годы XVII ст. благомыслящіе малороссіане жаловались на колонизированіе южно-русскихъ фамильныхъ прозваній, какъ на явный признакъ пренебреженія къ родному краю и къ православной вѣрѣ. Суровый инокъ аеопской горы Іоаннъ Вишенскій рѣзво упрекалъ южнорусскую аристократію въ стремленіи подлизываться къ польскому панству и покупать его милостивое обхож-

денія перемѣной религіозныхъ вѣрованій, прадѣдовскаго языка, обычаевъ, фамільнаго прованія. Неизвѣстный авторъ «Перестроги» отмѣтилъ то, въ началѣ XVII ст. уже достаточно замѣтное, бытовое явленіе, что «русскіе, войдя въ общеніе съ поляками, позавидовали ихъ обычаямъ, языку и наукамъ и, не имѣя своихъ наукъ, въ науки римскія своихъ дѣтей стали отдавать; науки-же, вліяя на дѣтей съ малолѣтства, всю аристократію русскую перевели въ римскую вѣру, такъ что потомки русскихъ князей изъ православной вѣры перешли въ римскую, а вмѣстѣ съ тѣмъ поизмѣняли свои фаміліи и имена, какъ будто никогда и не назывались потомками благочестивыхъ прародителей своихъ»¹⁾). Полонизированіе фамільнаго прованія часто являлось результатомъ политическаго сближенія съ поляками и истекавшаго отсюда проявленія шляхетскаго гонора; такъ, извѣстный въ исторіи Малороссіи XVII ст. Золотаренко, сблизившись съ поляками, сталъ называться Златаревскимъ. Въ «Исторіи Руссовъ» Конисскаго встрѣчается заслуживающее вниманія свидѣтельство, что малороссіяне иногда измѣняли свои фамільныя прованія на польскій ладъ, вслѣдствіе притѣсненій со стороны латино-уніатовъ, и такимъ образомъ изъ Ходьки вышелъ Ходаковскій, изъ Чаплина Чаплинскій, изъ Бурка Бурковскій.

Несвойственное малорусскому языку окончаніе фамільнаго прозвища на *овъ* имѣютъ многіе интеллигентные малороссіяне изъ дворянъ. Въ старинное время, съ переходомъ лица изъ крестьянскаго сословія въ дворянское, окончанія *овъ* или *имъ* являлись, какъ гербовый знакъ сравнительно высшаго общественнаго положенія. Съ цѣлью облагородить фамільное прозвище не только охотно принимали окончаніе *овъ*, но, если фамільное прованіе было составное, изъ двухъ словъ, то измѣняли одно изъ составныхъ, почему-либо неудобное слово; такъ изъ Салогубъ возникло Соллогубъ. Нужно замѣтить, что окончаніе *овъ* возникало иногда чисто канцелярскимъ или приказнымъ путемъ. Въ старинное время въ московскомъ государствѣ личность, какъ извѣстно, была принижена, и это приниженіе, между прочимъ, выражалось въ урѣзкѣ фамільнаго прованія. Немногія лица и лишь съ царскаго соизволенія могли пользоваться отчествомъ своимъ на *вичъ*. Для лицъ незнатныхъ это *вичъ*

¹⁾ Акты западной Россіи, т. IV, № 149, стр. 204.

отбрасывали и вмѣсто него ставили *ооз*, какъ выраженіе приниженаго положенія лица. Если и фамиліное названіе оканчивалось на *вичъ*, то и съ нимъ поступали такимъ-же образомъ. Извѣстные въ малорусской исторіи политическіе дѣятели XVII вѣка, епископъ Меодій Филимоновичъ и протоіерей Адамовичъ, въ московскихъ актахъ XVII столѣтія обозначены—первый Филимоновымъ, второй Адамовымъ. Точно также Самойловича, по удаленіи его отъ гетманства, называли Самойловымъ.

Много характерныхъ фамиліныхъ прозваній было измѣнено въ старину архіереями и ректорами духовныхъ семинарій. Поступаетъ въ духовное училище, положимъ, какой-нибудь Кнышъ, Халява или Горобецъ; преосвященный пересматриваетъ списокъ учениковъ и переименовываетъ Кныша въ Меліоранскаго, Халяву въ Орнатскаго, Горобца въ Сперанскаго. Иногда новое прозваніе представляло простой переводъ на латинскій или греческій языкъ малорусскаго прозвища, а такое обыкновеніе было распространено въ Германіи въ XVI ст. (Шварцерде-Меланхтонъ, Вейеръ-Писцинарійусъ и др.) и вѣроятно, черезъ Польшу, гдѣ оно плохо привилось, перешло въ Малороссію и здѣсь было отчасти принято духовными лицами. Первымъ по времени свидѣтельствомъ перевода фамиліаго названія служитъ прозвище извѣстнаго южно-русскаго писателя конца шестнадцатаго вѣка Стефана Зизанія. Въ русскомъ переводѣ Зизаній означаетъ *куколь*. Латино-упіатскіе писатели предпочитали называть Зизанія его настоящимъ именемъ съ тѣмъ, чтобы выставить себя чистой пшеницей на нивѣ Господней. Прозваніе Галятовскій отзывается семинарщиной. Въ латинскомъ языкѣ *galaxias*—бѣлый, какъ молоко, *galactites*—камень по цвѣту похожій на молоко. Вѣроятно, первоначальное прозвище черниговскаго архимандрита XVII в. Іоанникія было Молочко или Молочный, потомъ уже явилось и навсегда за нимъ осталось искусственное прозвище Галятовскій.

Н. Ѡ. Суицовъ.

ВОСПОМИНАНІЕ

О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ ЕГО СЛУЧАЙНАГО УЧЕНИКА.

Покойная моя матушка, Наталья Борисовна, въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, подобно многимъ членамъ тогдашняго русскаго общества, поддавалась вліянію новыхъ, гуманныхъ «вѣяній» и, какъ женщина умная, для свѣтской-же барыни, начитанная и образованная, съумѣла привлечь въ свою гостинную кружокъ людей, подвизавшихся на литературномъ и художественномъ поприщахъ. Довольно сказать, что писатели Полонскій, Щербина, Майковъ, художники Пименовъ, Айвазовскій, Соколовъ и другіе были постоянными посѣтителями нашего дома. Ив. С. Тургеневъ въ свой пріѣздъ въ Россію появлялся также въ гостинной матушки. Кромѣ дебатированія всевозможныхъ и невозможныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ то время, какъ грибы послѣ дождя, смѣю теперь думать, что крѣпостной поваръ нашъ Семень, ученикъ славной кухни гр. Нессельроде, не мало способствовалъ своими гастрономическими талантами, привлеченію и сплоченію этого небольшого интеллигентнаго кружка.

Хотя я былъ совершеннымъ еще мальчикомъ (мнѣ было лѣтъ 13, 14), на мнѣ отразились упомянутыя «вѣянія», благодаря моему наставнику В. А. Фуксъ, человѣку умному и пылкому ¹⁾). Я восторженно относился къ бывавшимъ у матушки литературнымъ и артистическимъ корифеямъ и, сколько могъ, старался вникать въ смыслъ неумолкаемыхъ диспутовъ и пререканій, которыя велись,

¹⁾ В. А. Фуксъ, нынѣ преподаватель въ частной московской гимназіи.

съ рѣдкимъ увлеченіемъ, и во всѣхъ тогдашнихъ салонахъ и кабинетахъ. То было время общей лихорадки, когда напримѣръ изъ за какой нибудь статьи «Современника», люди, въ обыкновенное время степенные и не рѣчистые, обращались въ какихъ-то изступленныхъ, готовыхъ въ первомъ попавшемся стаканѣ Chateau Lafitte'a или ликера, утопить неуступчиваго оппотента. Понятно, все это не могло не имѣть вліянія на шустрого мальчика и онъ невольно настраивался подъ общій діапазонъ.

Не вспомню въ точности, когда именно все чаще и чаще стало при мнѣ повторяться имя Шевченка. Отъ учителя своего я провѣдалъ, что этотъ Шевченко великій малорусскій поэтъ, поэтъ самородокъ, вышедшій изъ народа, много пострадавшій правды ради. Кто-то продекламировалъ мнѣ цѣлое стихотвореніе этого поэта, въ которомъ попадаетъ комическій эпизодъ подзатыльника, берущій свое начало сверху и спускающійся по всѣмъ градаціямъ нисходящей служебной іерархіи.

Опять теперь не вспомню, когда и кѣмъ введенъ былъ въ домъ нашъ, приземистый, лысый, усатый человекъ, котораго всѣ сразу, а мы дѣти въ особенности, полюбили и съ которымъ стали, такъ связать, на короткую ногу. Особенно ухаживали за нимъ, старались ему угодить наши крѣпостные люди, все уроженцы Малороссіи. Оказалось, что они всѣ давно его знали, что онъ всѣмъ имъ былъ близокъ, благодаря тому обстоятельству, что у дворецкаго Пивоваренка имѣлось старое изданіе «Кобзаря» эта маленькая засаленная книжка переходила изъ рукъ въ руки, безжалостно трепалась, путешествуя изъ кухни въ переднюю; стихи выучивались наизусть и своими родными теплыми мотивами помогали этимъ простымъ людямъ переноситься мысленно на далекую родину. На заглавномъ листкѣ этой книжки изъ-подъ толстаго слоя грязи, выглядывалъ бандуристъ сидѣвшій, подъ вербами. Съ того времени мнѣ ни разу не пришлось напасть на это изданіе.

Тѣмъ, что Шевченко, войдя въ домъ моей матери, сразу и безъ всякаго съ его стороны заискиванія, сумѣлъ завоевать общую симпатію всѣхъ домашнихъ, начиная съ затянутыхъ гувернантокъ-англичанокъ и кончая выѣзднымъ «человѣкомъ», лучше всего доказывается, на сколько онъ былъ симпатиченъ, на сколько своей простотой, сердечностью, однимъ своимъ появленіемъ не произвольно

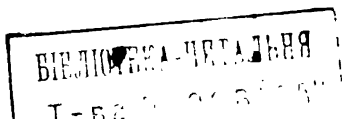
привязывалъ къ себѣ всѣхъ отъ малаго до великаго. Его нѣсколько угловатя, но нисколько не вульгарныя манеры, простая рѣчь, добрая, умная улыбка, все какъ-то располагало къ нему и оставляло впечатлѣніе стараго знакомства, старой дружбы, при которой всякаго рода церемоніи становились излишними.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ восторженнаго наставника, весьма понятно, для меня этотъ добрый, чудаковатый поэтъ, въ моемъ почти дѣтскомъ воображеніи, принималъ видъ мученика, за правду претерпѣвшаго, и становился еще болѣе милымъ моему сердцу.

Матушка была хорошо знакома съ семействомъ временнаго президента академіи художествъ графа Толстаго, принимавшаго, какъ всѣмъ извѣстно, горячее и благотворное участіе въ судьбѣ Тараса Григорьевича и доставившаго ему, при возвращеніи его изъ ссылки, казенную мастерскую въ самомъ зданіи академіи. Весьма вѣроятно, что съ общаго согласія было условлено пригласить Тараса Григорьевича давать мнѣ уроки рисованія, дабы, подъ видомъ говорара, оказать ему на первыхъ порахъ матеріальную помощь. Предложить ему денегъ никто-бы не рѣшился, и я имѣю основаніе предположить, что, благодаря этой маленькой хитрости, я сталъ въ одно прекрасное утро учепикомъ этого, по институтски «обожаемаго» мною, человѣка.

Три раза въ недѣлю отправлялся я въ академію и проводилъ передобѣденные часы въ мастерской моего учителя. Ученіе въ строгомъ смыслѣ было очень незначительно, оно главнымъ образомъ ограничивалось рисованіемъ одного и того-же цвѣточнаго горшка въ разныхъ положеніяхъ и на разныхъ плоскостяхъ. Особенной пользы отъ этого метода быть не могло уже потому, что однообразіе сюжета парализовало всякую охоту въ ученикѣ. Поѣздки-же на дальній Васильевскій Островъ, сидѣніе на положеніи взрослога въ мастерской уважаемаго художника-поэта, артистическая, невиданная еще обстановка самой мастерской, наконецъ «пробриваніе» болѣе серіозныхъ, но за то и болѣе скучныхъ занятій, все это обращало для меня поѣздки въ академію въ настоящій праздникъ, для котораго я охотно мирился съ монотоніей неизмѣннаго горшка съ цвѣтами.

Находясь такимъ образомъ довольно часто «съ глазу на глазъ» съ Тарасомъ Григорьевичемъ, я вполнѣ имѣлъ случай видѣть его

не стѣсненными никакими свѣтскими условіями и пользуюсь этимъ, чтобы изъ всѣхъ силъ возстать противъ тѣхъ біографическихъ портретовъ, которые силятся изобразить моего учителя какимъ-то спившимся дикобразомъ. Въ домѣ моей матери, гдѣ онъ зачастую обѣдалъ и гдѣ вина подавалось въ изобиліи, никогда онъ не бывалъ въ «подпитіи». Бывая у него и засиживаясь по долгу, мнѣ никогда не случалось видѣть его въ невмѣняемомъ состояніи, никакихъ циническихъ выходокъ онъ себѣ не позволялъ, никакихъ грубыхъ выраженій не употреблялъ. Можно-ли наконецъ допустить, чтобы покойная матушка, женщина умная и свѣтская, рѣшилась отпустить своего сынишку къ завѣдомо пьющему человѣку—одного безъ всякаго присмотра? Можетъ быть, ему случалось «прорываться»; можетъ быть даже, что впоследствии, когда я съ нимъ разстался, онъ сталъ злоупотреблять спиртными напитками; но во всякомъ случаѣ въ моей памяти его образъ сохранился совершенно чистымъ отъ этой унижающей слабости, и я душевно радуюсь тому, что не могу сочувствовать господамъ, изображающимъ Кобзаря, какъ я только что сказала, какимъ-то безобразнымъ чудовищемъ. Мнѣ очень досадно было читать въ книгѣ М. К. Чалаго описаніе дорогой мнѣ по воспоминаніямъ мастерской, въ которой она изображается извѣстнымъ монументныхъ дѣлъ мастеромъ чѣмъ-то въ родѣ отвратительнаго свинухника. Соглашаясь съ тѣмъ, что студія Тараса Григорьевича, а также и спальня его въ антресоляхъ, не представляли изъ себя *interieur'a* голандскаго *Minherr'а*, не могу согласиться съ безобразной картиной валяющихся повсюду гадостей, неубранной постели и прочихъ проявленій неряшливости, описанныхъ вышесказаннымъ отливателемъ комковидныхъ памятниконъ. Кто когда-либо бывалъ въ студіи художника, а тѣмъ болѣе небогатаго, тотъ не могъ не примѣтить присущій этимъ помѣщеніямъ специфическій безпорядокъ, происходящій частью отъ самаго рода занятій.

Такой именно безпорядокъ царилъ и у Шевченка въ его мастерской. Неряшества-же, грязи и безобразія въ ней было столько-же, сколько правды въ описаніяхъ господъ, уподобляющихъ ее кабаку или чему-то хуже.

Въ ту зиму, когда мнѣ впервые пришлось ѣздить къ Тарасу Григорьевичу, онъ началъ заниматься офортными (*eau forte*) рабо-

тами; приче́мъ онъ избралъ себѣ въ руководители и наставники величайшаго мастера этого дѣла Рембрандта и усердно копировалъ его неподражаемые рисунки. Бывало такъ, что мое рисованіе прерывалось предложеніемъ идти вмѣстѣ въ академическую бібліотеку, эрмитажъ или къ кому либо изъ коллекціонеровъ, чтобы посмотрѣть какой нибудь невиданный еще рембрандтовскій офортъ. Понятна радость, съ которой я шелъ на такое предложеніе, и гордость, съ которою шествовалъ по корридорамъ академіи или улицамъ Петербурга, сопутствуя моему дорогому учителю въ его невѣроятной, всѣмъ знакомой, мерлушичьей шапкѣ. Часто заходилъ къ Шевченку господинъ Маринъ, обладатель чудесной коллекціи гравюръ, приче́мъ, какъ большой знатокъ этого дѣла, толковалъ съ Тарасомъ Григорьевичемъ о разныхъ тонкостяхъ этого своеобразнаго и труднаго искусства.

Помнится, что однажды я нашелъ Тараса Григорьевича въ большой суетѣ. Онъ соби́рался писать масляными красками портретъ извѣстнаго Кочубея, по заказу одного изъ его потомковъ. Требовались: холстъ, разные аксессуары, въ родѣ бархата, парчи, собольяго мѣха и т. п. Тарасъ Григорьевичъ взялъ меня съ собою, и мы до поздняго вечера прошлялись по городу, розыскивая всѣ эти вещи, приче́мъ, нисколько не стѣсняясь сопровождавшимъ его «хлопцемъ», онъ заходилъ въ лавки, къ костюмерамъ, въ знакомые ему дома. По поводу того-же Кочубея, одинъ изъ уроковъ прошелъ въ томъ, что мы, забравшись въ какую-то преогромную академическую, не то кладовую, не то чердакъ, рылись въ дѣломъ хаосѣ запыленныхъ старыхъ картинъ, чтобы розыскать какіе-то портреты какихъ-то малороссійскихъ гетмановъ (или даже гетмана), нужные ему для большей вѣрности Кочубеевскаго костюма. Послѣ долгихъ поисковъ, измаранные, какъ черти, отрыли мы какого-то стараго чубатаго господина и, окрестивъ его почему-то «Мазепой», торжественно приволокли въ студию. Былъ-ли когда оконченъ этотъ кочубеевскій портретъ, натворившій столько хлопотъ Шевченку, и гдѣ онъ теперъ находится?—Посѣщавшіе Шевченка художники единогласно хвалили его работу, что приводило его въ отличное расположеніе духа, выражавшееся тѣмъ, что онъ, подходя къ своей работѣ, давалъ разные иѣжно ругательныя прозвища «богатой и знатной» Мазепиной жертвѣ. Кромѣ этой работы я помню еще

исполнявшіеся при мнѣ рисунки сепіей. Одинъ изображалъ стараго турка, въ родѣ тѣхъ, которые красуются на табачныхъ выѣскахъ, т. е. въ полной своей турецкой формѣ, въ чалмѣ, при кинжалѣ и чубукѣ, сидящаго, безъ особливо видимыхъ цѣлей, рядомъ съ ода-лискою. Для этой работы являлся старикъ натурщикъ и очень скромная, почти даже безобразная натурщица. На другомъ рисункѣ изображались довольно легко одѣтыя днѣпровскія русалки, увлекавшія молодаго козака на дно рѣки. Козакъ почему-то не удавался Тарасу Григорьевичу и смывался безпощадно; при этомъ и безъ того страдательный запорожець обзывался «бисовой дитиной» и иными неприятными эпитетами. Какъ ни старался я заступиться за бѣднягу, неутомимая кисть продолжала свое разрушительное дѣло, и на мѣсто сгнувшаго козачины къ слѣдующему уроку появлялся его замѣститель, котораго русалки продолжали увлекать въ днѣпровскую пучину. Нужно замѣтить, что съ дамами или дѣвщами, бравшими на себя трудъ позировать для русалокъ, я никогда не встрѣчался. Для изображенія козака мнѣ случалось по долгу валяться на диванѣ, свѣсивши руку и ногу, иногда въ очень неудобной и даже мучительной позѣ. Судьба, постигшая эти двѣ сепіи, мнѣ также неизвѣстна, какъ судьба портрета маслянными красками.

Являясь очень аккуратно въ часы, назначенные для уроковъ, я иногда не заставалъ хозяина дома. Въ такихъ случаяхъ на дверяхъ мастерской мѣломъ бывало написано: гдѣ онъ, когда вернется или у кого изъ служителей находился ключъ. Вообще двери исписывались именами незаставшихъ хозяина посѣтителей, иногда даже выраженіями почтенія или восторга, преимущественно на малорусскомъ языкѣ; случалось даже, что обращенія къ «батьку» принимали стихотворную форму.

Порисовавши часокъ, мы подымались на верхъ, въ полутемный антресоль, служившій спальней Тараса Григорьевича, гдѣ происходило своеобразное и неизмѣнное угощеніе. Изъ огромной, вистину огромной, зеленой стеклянной банки извлекались кильки, сторожл-старичекъ, отставной солдатъ, вѣчно чѣмъ-то недовольный, приносилъ свѣжаго хлѣба; хозяинъ выпивалъ рюмку «горилки», и мы принимались уплетать немощное количество этихъ ревелскихъ рыбокъ. Повторяю разъ сказанное, никогда Шевченко при этомъ

пьянымъ не напивался и никакихъ излишествъ себѣ не позволялъ. Окончивъ этотъ незатѣйливый прѣръ, мы обратно спускались въ мастерскую, и Тарась Григорьевичъ снова принимался за свои мѣдныя доски, подъ посомъ напѣвая какіе-то заунывные мотивы, гдѣ слова въ родѣ «серденько», «дивчина» и т. п. возвращались постоянно. Иногда-же онъ садился къ маленькому столику и начиналъ тихо, почти осторожно выводить на первомъ поцавшемся клочкѣ бумаги какія-то, не то старческія, не то старинныя каракули. Бывали такіе случаи, что онъ подзоветъ меня и тихимъ, добрымъ такимъ голосомъ начнетъ читать мнѣ не вполне понятныя для меня малорусскіе стихи. Очевидно, что, въ виду моихъ ограниченныхъ познаній въ этомъ языкѣ, роль мольеровской служанки была мнѣ не подъ силу, тѣмъ не менѣе я готовъ былъ плакать, какъ ребенокъ, такъ уже жалостно, припѣвисто-нѣжно выходили эти стихи изъ устъ Кобзаря.

За декламаціей иногда слѣдовало поясненіе самой темы. Такъ напримѣръ, однажды сюжетомъ стихотворенія былъ сонъ крестьянской матери, что послужило поводомъ къ длинному разсказу о томъ, какъ живутъ бѣдные крестьяне, какъ плохо имъ живется и какъ, благодаря государю Александру, для нихъ открывается иная жизнь.

Поправляя мои рисунки, Тарась Григорьевичъ часто и охотно пускался разсказывать мнѣ разнаго рода забавныя вещи, часто на сцену выводилась его солдатская жизнь, въ далекой степи. Много смѣху бывало при воспоминаніяхъ о какомъ-то плутѣ жидкѣ-солдаткѣ, который вѣчно «шкодилъ» и всегда успѣшно «откручивался» отъ грозныхъ наказаній начальства.

Иногда-же разсказы принимали болѣе мрачный колоритъ. Вспоминая свою солдатчину, Шевченко вытащилъ изъ запыленной папки цѣлую послѣдовательную серію рисунковъ; одинъ изъ нихъ представлялъ наказаніе шпицъ-рутенами. Объясняя по этому рисунку, какимъ образомъ производилось это истязаніе, и видя, что я собираюсь ревѣть, онъ, въ моей великой радости, объявилъ мнѣ, что этому звѣрству настала желаемый конецъ. Въ этотъ-то день я на послѣдній гривепникъ приобрѣлъ портретъ Государя. Въ той-же папкѣ, между прочимъ, былъ другой рисунокъ, врѣзавшійся также въ моей молодой памяти, такъ какъ представлялъ подкутившихъ

купчиковъ, жарящихъ яичницу на горящихъ кредитныхъ бумажкахъ. Принадлежалъ-ли этотъ этнографическій рисунокъ къ серіи рисунковъ изъ солдатской жизни, теперь не припомню.

Много доводилось мнѣ слышать разсказовъ о старой Малороссіи, про Сѣчь запорожскую, войны, про вѣдьмъ, русалокъ, славныхъ гетмановъ, лихихъ мореходцевъ и пр. Наскучившись вѣчно поворачиваемымъ со стороны на сторону горшкомъ, я подберусь бывало къ Тарасу Григорьевичу и не безъ хитрости начну разными вопросами наводить его на любимыя его темы. Время летѣло незамѣтно, когда, поддаваясь моимъ замысламъ, Дорошенко и Сагайдачный снова припимались пещадно бить «ляхивъ» и прочихъ супостатовъ, и ни разу этотъ добрый человекъ не пугнулъ отъ себя назойливаго мальчугана.

Къ Шевченку, въ его мастерскую часто захаживали посѣтители, по большей части его-же земляки. Понятно, что въ такихъ случаяхъ бесѣды велись исключительно на малорусскомъ діалектѣ. Чаще всѣхъ бывалъ г. Кулишъ, посѣщеніе котораго потому зашло у меня въ памяти, что я почему-то считалъ эту фамилію ужь больно странной. Случалось иногда быть свидѣтелемъ трогательныхъ встрѣчъ съ горячими объятіями, цѣлованіями, даже проливаніемъ слезъ.

Помню, какъ-то одинъ изъ гостей принесъ съ собою довольно объемистый портфель, повидимому остававшійся гдѣ-то съ давнихъ поръ на сохраненіи. Когда гость удалился, Тарасъ Григорьевичъ принялся при моей помощи разбирать находившіеся въ портфель, или папкѣ бумаги и рисунки. Радовался онъ имъ, какъ малый ребенокъ, и тутъ-же, въ награду за труды, подарилъ мнѣ акварельный эскизъ Карла Брюллова, повывнѣ у меня хранящійся. Между массой самыхъ разнообразныхъ этюдовъ, видовъ и набросковъ отыскался портретъ молодаго человека со свѣчей въ рукѣ; въ портретѣ этомъ тѣни на лицѣ были очень рѣзкія, растительность преобильная. Тарасъ Григорьевичъ предложилъ мнѣ отгадать, кого изображалъ этотъ рисунокъ. Разумѣется, я этого не могъ исполнить. Тогда онъ объявилъ, что это его собственный портретъ, имъ же самымъ давно когда-то рисованный, еще въ то время, когда онъ учился у Брюллова. Много онъ смѣялся моему удивленію, поглаживая свою лысую голову и расправляя запорожскій усъ и сравнивая себя, стоя предъ зеркаломъ, съ кудлатымъ безбородымъ

юношей со свѣчей въ рукѣ. Онъ утверждалъ, что въ свое время оригиналъ очень былъ схожъ съ портретомъ, а потому тѣмъ болѣе жалко, если этотъ портретъ Кобзаря въ цвѣтущую пору его творчества утерянъ безвозвратно.

Упомянутый въ книгѣ г-на Чалаго прїѣздъ въ Россію трагика Ольдриджа совершенно свѣже сохранился въ моей памяти, а также и то впечатлѣніе, которое онъ производилъ своей игрой на петербургскую публику того времени. Мнѣ случилось присутствовать при томъ, какъ покойная матушка, полшута, полусеріозно дѣлала строгій выговоръ Шевченку и Н. Д. Старову¹⁾, большому прїятелю и почитателю поэта, за то, что они, бывъ приглашены ею въ ложу Маринскаго театра, гдѣ подвизался Ольдриджъ, въ какую-то особенно патетическую минуту, въ избыткѣ восторга, подняли такую возню, гамъ и вопли, что не только обратили на себя общее вниманіе и протесты публики, но, не слушаясь увѣщаній моей матери, вынудили ее искать спасенія въ бѣгствѣ и уѣхать домой до окончанія спектакля. Бывшая тутъ-же въ ложѣ напыщенная, знатная барыня разобидѣлась въ конецъ и написала по этому поводу матушкѣ ядовитое письмо, отъ чего между ними произошла ссора. Шевченко и Старовъ молили о пощадѣ, обѣщаясь быть въ другой разъ сдержаннѣе въ проявленіяхъ своихъ восторговъ; матушка смилосердилась и отмѣнила принятое было рѣшеніе не брать ихъ болѣе въ свою ложу. И что-же? На слѣдующій разъ восторгъ взялъ свое, клятвенныя обѣщанія были забыты и прїатели совмѣстно нарушили общественную тишину и благочиніе, съ немалымъ успѣхомъ, чѣмъ въ первый разъ, и къ немалой досадѣ бѣдной матушки.

Этотъ-же самый Старовъ влетитъ бывало въ мастерскую Тараса Григорьевича, начнетъ болтать, сообщать видѣнное, слышанное и лишь только рововымъ образомъ коснется «божественнаго», совершеннаго арапа, какъ начинался взаимный обмѣнъ впечатлѣній, напоминаніе того или другаго подмѣченнаго удачнаго момента въ этой или иной роли, подымалась возня, стулья отставлялись, глаза

¹⁾ Товарищъ и другъ моего батюшки по харьковскому университету, въ то время былъ преподавателемъ исторіи и русской словесности въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Личность до крайности симпатичная, Старовъ, нынѣ уже умершій, отличался юморомъ удивительнымъ.

дико выкатывались, начиналась жестикуляція, скрежетаніе зубовъ, Лиръ мѣшалъ Отелло покончить съ Дездемоной, Шейлоку не давали возобновить требованіе о мясѣ; все, что только попадало подъ руку, служило аксессуаромъ для усиленія эффекта; подушку на диванѣ безжалостно умерщвляли; однимъ словомъ происходило нѣчто совершенно баснословное. Я-же единственный зритель этихъ восторговъ или смѣялся до слѣзъ или не на шутку подумывалъ объ отступленіи. Надо притомъ замѣтить, что оба эти энтузіаста были безусловно незнакомы съ языкомъ Шекспира, и это, повидимому, существенное обстоятельство, нисколько не мѣшало имъ до delirium-a проявлять поклоненіе таланту знаменитаго трагика. Въ обыкновенное время Шевченко скорѣе всего подходилъ подъ типъ такъ называемаго «степеннаго» человѣка.

На лѣто семейство наше уѣзжало въ деревню или за границу; съ возвращеніемъ-же въ Петербургъ занятія, или правильнѣе сказать поѣздки на Островъ, возобновлялись; на сколько помнится, въ 1860 году, вернувшись съ путешествія, я не былъ болѣе посылаемъ къ Тарасу Григорьевичу, такъ какъ между нимъ и моей матушкой произошла размолвка.

Дѣло было слѣдующее. Въ самомъ началѣ ихъ знакомства чѣмъ-то разстроганный Шевченко подарилъ моей матушкѣ рисунокъ, сдѣланный тушью и изображавшій его самого въ казармѣ, ночью, во время солдатской попойки, угощающимъ кренделемъ маленькаго киргизенка. Кромѣ дѣйствительно художественнаго достоинства (дивно передана пустая, дымная атмосфера казармы), этотъ рисунокъ особенно интересенъ тѣмъ, что, по словамъ самого художника, это была первая его попытка снова приняться за рисованіе послѣ долгаго запрета прикасаться къ перьямъ, карандашамъ и проч. письменнымъ и рисовальнымъ принадлежностямъ. Исторія добычи куска туши, сооруженія кисточки, самаго рисованія втихомолку и украдкой, все это составляло рядъ интереснѣйшихъ эпизодовъ изъ жизни ссыльнаго поэта и придавало этой вещицѣ особенную, если можно такъ выразиться, святую цѣнность.

Прошло года два со дня поднесенія рисунка. Тарасъ Григорьевичъ приходилъ въ домъ нашъ запросто, обѣдалъ, просиживалъ вечера и положительно считался своимъ, домашнимъ, всѣми любимымъ человѣкомъ. Крѣпко установившіяся по видимому добрыя отноше-

нiя прервались совершенно внезапно. Однажды Шевченко попросилъ отдать ему нѣкогда подаренный имъ рисунокъ, говоря, что онъ ему нуженъ для снятiя съ него фотографическаго снимка. При этомъ онъ такъ конфузился и путался въ словахъ, что матушка, не желая обидѣть его прямымъ отказомъ и въ тоже время замѣчая, по его необыкновенному смущенiю, что онъ не говоритъ правды, рѣшилась, прежде чѣмъ исполнить его желанiе, спросить у профессора Пименова (общаго ихъ друга) объясненiе загадки, откуда-же она ограничилась уклончивымъ отвѣтомъ. Пименовъ рѣшительно посоветовалъ матушкѣ рисунка Шевченку не отдавать, такъ какъ, по его словамъ, Тарасъ Григорьевичъ часто высказывалъ сожалѣнiе по поводу легкомыслия, съ которымъ онъ разстался съ нимъ. Кромѣ того, матушка уклонилась отъ исполненiя просьбы Шевченка и подтѣмъ еще предлогодъ, что альбомъ, въ который между прочимъ былъ вклеенъ злополучный рисунокъ, на столько объемистъ и цѣненъ, что поручать его незнакомому фотографу она не рѣшается; она извѣстила поэта, что сама отвезетъ альбомъ къ извѣстному въ то время фотографу Робильяру, который лучше всякаго другаго сдѣлаетъ снимокъ, причемъ обойдется съ самымъ альбомомъ бережно, не попортивъ и не запачкавъ его. По полученiи этого отвѣта между Тарасомъ Григорьевичемъ и моей матерью возникла переписка, съ обоюднымъ обменомъ колкостей, послѣ которыхъ онъ пересталъ у насъ бывать. Какъ ни старалась впоследствии моя матушка возобновить дружескiя отношенiя, Тарасъ Григорьевичъ не поддался никакимъ увѣщанiямъ, и всѣ старанiя общихъ друзей устроить примиренiе остались безъ результата.

Насъ не было въ Петербургѣ, когда поэтъ скончался, и потому я не могъ отдать послѣднiй долгъ моему доброму, дорогому учителю.

Б. Сухановъ-Подколзинъ.

Село Казинка

10 января 1885 года.

P. S. Кромѣ вышеупомянутаго рисунка, послужившаго причиной ссоры между Т. Г. Шевченко и моей покойной матушкой, у меня сохранились слѣдующiя его произведенiя:

1) Портретъ меньшаго моего брата, простымъ карандашемъ, пожченъ 1858 годомъ.

2) Большая сепія; сюжетъ: двѣ малороссіянки, стоящія съ коромыслами подъ вербами, вдали сидитъ Кобзарь.

3) Очень тщательно исполненная меньшая сепія, изображающая мать, стоящую на колѣняхъ и молящуюся предъ колыбелью спящаго ребенка.

Эти три вщицы не имѣютъ артистической цѣнности, чего нельзя сказать про рисунокъ тушью, который исполненъ очень бойко, съ большимъ вкусомъ и колоритно.

ВОСПОМИНАНИЕ ИЗЪ НЕДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО.

(О школъ и грамотности въ кievской губерніи).

Прочитавъ замѣтку г-на К. Ц., напечатанную въ августовской книжкѣ «Кievской Старины», въ отдѣлѣ Извѣстій и Замѣтокъ, подъ заглавіемъ: «Движеніе народнаго образованія въ юго-западномъ краѣ», я вспомнилъ кое-что извѣстное мнѣ изъ сферы народной грамотности въ той-же мѣстности, что самому приходилось видѣть и слышать по сей части, и рѣшилъ передать, что сохранила память моя, къ свѣдѣнію интересующихся этимъ дѣломъ.

Въ шестидесятомъ году въ Кievѣ были воскресныя школы. Мы, молодежь, съ такимъ рвеніемъ тогда отдавались этому дѣлу, что на каждаго ученика приходилось чуть не по два учителя. Я помню, какъ мы страстно хотѣли вдругъ научить желающихъ читать, какъ старались поскорѣе оgramотить неграмотныхъ, просвѣтить людей темныхъ, передать имъ все то, что сами знали. Пироговъ, Павловъ, Слѣпушинъ, Чалый, Вороной, Некманъ—вотъ памятные имена того времени. Метода Золотова какъ-то вдругъ открыла намъ, учившимся читать по старому, новый способъ сочетанія звуковъ алфавита и рѣчи, и ученіе, благодаря нашему рвенію, шло съ замѣчательнымъ успѣхомъ и быстротою.

Тогда-же въ средѣ студентовъ поляковъ, особенно поляковъ особой украинской окраски, родилась мысль обученія грамотѣ мальчиковъ, имѣвшихся у многихъ студентовъ-паньчей въ качествѣ вѣршпостной прислуги. Я живо припоминаю то первое время объятій нашихъ съ народомъ. Помню вспышки негодованія противъ тѣхъ изъ нашихъ товарищей, которые смѣли добиваться отъ данныхъ имъ изъ дому мальчиковъ прислуживанія, а не ученія, которые

являлись по отношенію къ этимъ мальчикамъ господами, помѣщиками, а не *старшими братьями*. Спѣшу впрочемъ оговориться, что случаевъ нарушенія этого общаго любовнаго настроенія было не много.

Такъ какъ студенты-паньчи, имѣвшіе изъ дому приставленнхъ къ нимъ мальчиковъ, были исключительно уроженцы юго-западнаго края, то и мальчики эти были кровные украинцы. Грамотѣ они обучались у насъ на природномъ ихъ малорусскомъ языкѣ, принятомъ за разговорный съ прислугою почти во всѣхъ панскихъ дворахъ того края. Ученіе шло тоже по методу Золотова—учились читать по разрывнымъ буквамъ. Для чтенія-же малорусскаго имѣлись грамотки Кулиша, надѣлавшія въ то время немало шума и послужившія встревоженнымъ панамъ уликою къ обвиненію университетской молодежи въ демагогической пропагандѣ. Велико на самомъ дѣлѣ было самоотверженіе и самозабвеніе студентовъ поляковъ, когда они для первоначальнаго чтенія мальчикамъ давали грамотку Кулиша, гдѣ съ первыхъ-же строкъ заявлялась ненависть ко всему лядскому.

Школа эта просуществовала недолго въ ея первоначальномъ видѣ. Разстроилась она главнымъ образомъ потому, что контингентъ ея вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ разсѣялся, отчасти-же и потому, что поляки студенты рѣзко повернули въ сторону зарождавшагося польскаго возстанія. Въ ограниченномъ числѣ (кажется пяти или шести мальчиковъ) школа эта поддерживалась кружкомъ студентовъ малороссянъ. Рожденная *хлопоманами* она въ концѣ осталась на рукахъ *холомановъ* (фраза эта понятна помнящимъ то время). Преслѣдуемая мѣстными властями, въ концѣ концовъ школа эта уничтожилась; но ученики этой школы продолжали ученіе при поддержкѣ того-же кружка въ гимназій. Изъ числа этихъ учениковъ однихъ ужъ нѣтъ, а другіе далеко не оправдали возлагавшихся на нихъ упованій.

Помню, что, кромѣ грамотки Кулиша, для малорусскаго чтенія у насъ были: плохенькій букварь Шевченка, повѣсти Квитки и Марка-Вовчка, Кобзарь, Чорна Рада Кулиша и частью книжки «Основы». Послѣ уже появились *метелки*—маленькія книжечки, предназначавшіяся для народнаго чтенія. Все это составляло скудный матеріалъ для народнаго воспитанія и чтенія. Скорѣе все это

воспитывало въ насъ самихъ любовь къ родному и народному, знакомило насъ съ народомъ и какъ нельзя больше отвѣчало нашему любовному настроенію по отношенію къ *меньшимъ братьямъ*.

Изъ университета я въ числѣ немногихъ бросился къ освобожденному отъ крѣпостной зависимости народу: хотѣлось учить народъ, у него учиться, признавалось главенство его социальное если не *de facto*, то *de jure*. Очутился я въ глухой деревнѣ поднѣпровской Украины, гдѣ еще жила память о гайдамачинѣ, Желѣзнякѣ, Гонтѣ, Швачкѣ, Кравчинѣ, гдѣ, вслѣдъ за освобожденіемъ, въ памяти народной, особенно подъ чаркой, откапывались отрывки козацкихъ думъ и пѣсенъ. Я не стану говорить про то, что дѣлалось мною, чѣмъ я жилъ, какъ я жилъ: рѣчь идетъ о народной грамотности, о ней и буду говорить.

Учиться, скажу болѣе, поучаться кипулось ко мнѣ все село. Передъ глазами селянъ лежала новая, многозначительная книга— Положеніе о *воль*. Любопытно было освобожденному крестьянину прочесть эту книгу своими глазами, уразумѣть ее, докопаться въ ней истиннаго смысла царскаго слова, скрываемаго, какъ говорили, паннами; тутъ кроется, думалъ темный людъ, осуществленіе его завѣтныхъ идей. Каждый грамотный жадно впивался глазами въ эту книгу, стараясь вычитать въ ней пріятное для себя. Но большинство, если не всѣ, послѣ нѣсколькихъ попытокъ припуждено было безотрадно отстраниться отъ непонятной грамоты. Можетъ быть, и дорогъ былъ я для селянъ какъ переводчикъ этого непонятнаго. Самъ я чувствовалъ что-то въ родѣ душевнаго удовлетворенія при обращеніяхъ ко мнѣ моихъ сосѣдей и вообще селянъ съ просьбами прочесть и растолковать Положеніе о *воль*. Иногда являлся ко мнѣ ночью, съ какою-то таинственностію, и я чувствовалъ, что мои вразумленія и просьбы не дѣлать этого, не таиться со чтеніемъ закона, уже обнаруженнаго и приводимаго въ исполненіе, отчасти лишали меня престижа толкователя *достопеннаго* (настоящаго, истаго). Разъ, помню, между такими ночными посѣтителями я замѣтилъ одного грамотнаго, который слѣдилъ за моимъ чтеніемъ, чтобы я читалъ *правильно*, безъ упущеній. Это была своего рода провѣрка хитрыхъ украинцевъ. Подъ чаркой все выяснилось. Много времени спустя, мнѣ пришлось въ дѣлахъ слѣдственной комиссіи прочесть, признаюсь, лестный для меня отзывъ: сказано было, что при

введенія уставной грамоты въ томъ селѣ, гдѣ я жилъ, замѣтно было вообще пониманіе крестьянами «Положенія» и разумное отношеніе къ дѣлу, благодаря моимъ толкованіямъ. Можетъ быть, такое впечатлѣніе осталось у членовъ комиссіи потому, что они по навѣстамъ ожидали здѣсь чуть не бунта.

Для деревни въ 1861 г. грамотность стала необходимостію. Цѣлая масса новыхъ отношеній появилась вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ: волесть и писарство, податныя книжки, уставныя грамоты, предписанія, требованія, циркуляры, учты, приговоры—все это вдругъ стало передъ крестьяниномъ со всею необходимостію. Жизнь деревни, знавшей по сю пору только вотчинную власть пановъ и ихъ экономовъ, вдругъ стали втискивать въ рамку письменныхъ регламентацій.—Замѣчу кстати, что это письменное регламентированіе традиціонной жизни деревни впоследствии стало причиною неудобнаго совмѣщенія въ выборномъ сельскомъ начальствѣ двухъ противоположныхъ функцій—представительства интересовъ выборщиковъ и орудія вѣшной для села государственной власти.—Впоследствии грамотность въ селѣ повела къ своего рода деревенскому карьеризму, но въ 1861 году она нужна была сама по себѣ, нужна, какъ нуженъ ночью фонарь, какъ микроскопъ изслѣдователю. Мужикъ хотѣлось прозрѣть въ этомъ новомъ для него мірѣ письменности, и если ужъ онъ сознавалъ себя слѣпымъ съ застарѣлою слѣпотою, то съ молодыхъ глазъ своихъ дѣтей желалъ снять эту катаракту. Эти молодые глаза замѣнили-бы для него его собственные, онъ имъ больше довѣрялъ, чѣмъ постороннимъ: свой *поводырь* лучше наемнаго. Лишь-бы только прочесть точно, безъ утайки, написанное, а понять поймемъ эту царскую бумагу, думалъ мужикъ, не предчувствуя всѣхъ хитросплетеній этого новаго строя жизни. При томъ-же предполагалось, что истинный смыслъ написаннаго вполне отвѣчаетъ идеалу, созданному въ его пониманіи. Только-бы умѣть прочесть, излѣчить слѣпоту.

Но этихъ врачей было мало. Но нуждѣ вспомнились старыя церковныя школы. Церковныя сторожки при церквяхъ на Украинѣ во многихъ мѣстахъ не переставали еще называться школами, хотя въ нихъ помѣщались только сторожа да бездомные причетники. Украинецъ повернулъ свои взоры съ надеждою къ духовенству. Но оно не могло отвѣтить на эти упованія: не всегда и не охотно

предлагало оно алчущему духовную пищу не соответствующую времени. Церковно-славянскія граматки, часословцы, псалтыри съ непонятною мертвою рѣчью, съ титлами и словотитлами, со всею трудностію обученія не отвѣчали назрѣвшей новой потребности. Помимо всего, духовенство, почуявъ неохраемость мужика вотчинною опекою пана, ставъ, такъ сказать, лицомъ къ лицу съ мужикомъ, накинудось на него со своими нуждами, не всегда отграниченными строго отъ любостязанія. Для незнакомыхъ съ порядками того времени въ юго-западномъ краѣ я прибавлю слѣдующее въ объясненіе высказаннаго мною. По проекту обезпеченія православныхъ причтовъ въ томъ краѣ, сверхъ назначеннаго въ 1842 году жалованья, часть земли церковной должны были обрабатывать прихожане, т. е. помѣщичьи крестьяне, равно на ихъ-же обязанность возлагалась постройка и ремонтъ помѣщеній для причта. При крѣпостномъ правѣ обязательства крестьянъ были вмѣстѣ обязательствами самихъ помѣщиковъ, такъ какъ послѣдніе являлись отвѣтственными во всемъ за крестьянъ, находившихся въ ихъ полномъ распоряженіи. Понятно, что выполненіе крестьянами указанныхъ повинностей ставило церковные причты въ ближайшую зависимость отъ помѣщиковъ, и отъ личныхъ отношеній тѣхъ и другихъ зависѣло осуществленіе благаго намѣренія правительства по обезпеченію православнаго духовенства въ юго-западномъ краѣ. Захочетъ помѣщикъ, и крестьяне обрабатываютъ причту всю землю, притомъ въ пору, строятъ дома, хозяйственныя службы и огорожу въ самое короткое время. Денежныя и матеріальныя издержки по этимъ постройкамъ производились самими помѣщиками, и не всѣ изъ нихъ возвращали затраченное сборами съ крестьянъ. Такимъ образомъ и натуральныя работы и денежные сборы съ крестьянъ въ пользу причтовъ шли по приказу пановъ, за ихъ какъ-бы счетъ, иногда же и значительно ими облегчались, не возбуждая въ крестьянахъ ропота противъ священниковъ. Съ другой стороны предоставленное священникамъ право чтенія и объясненія прихожанамъ «Инвентарныхъ правилъ», наблюденіе за тѣмъ, чтобы въ *царскіе* дни не было барщины, и возможность злоупотребленій помѣщичьей власти имѣли свой вѣсъ у помѣщика. Дѣло сводилось на компромиссы. Нужно помнить, что большинство помѣщиковъ на Украинѣ поляки и католики. Послѣ освобожденія крестьянъ на послѣднихъ легла вся тяжесть

содержанія причтовъ, при чемъ устранилась какъ помощь помѣщика, такъ и въ иныхъ случаяхъ его контроль. Последнее сказалось въ возвышеніи по мѣстамъ платы за требы, что при крѣпостномъ правѣ не всегда было удобно. Я помню, благочиннымъ было приказано сдѣлать спросъ крестьянъ о томъ, какія школы имъ желательно имѣть—духовныя или свѣтскія. Отвѣты этого плебисцита были разные, смотря по умѣнью вопрошающихъ. «Вы только что нибудь *накинете* батюшкѣ, да соломки дадите на отопленіе—вотъ у васъ и школа будетъ. На что вамъ свѣтская грамота? Вамъ о душѣ нужно заботиться, поприлежнѣе быть къ Богу, къ церкви...; увѣщевалъ громаду одинъ благочинный. Но мужики уперлись. «Буде же й такъ, отвѣчала громада, батюшка самъ соби накинуть: то було за винчанья бере одинъ карбованецъ, а то давай три, ще й литомъ щобъ молоди (вступающіе въ бракъ) по два дни одробляли... Ще й солону давать... та же винъ (т. е. батюшка) и таъ усю огорожу за зиму спаливъ (употребилъ на топливо), а по весни загадае городить... Мы такъ хочемо, якъ одъ Царя показано буде... Не смотря на такіе или подобные отвѣты громадъ, официальные донесенія указывали на существованіе по деревнямъ при церквахъ школъ, въ которыхъ обучали дѣтей батюшки и причетники. На сколько иногда вѣрны были официальные свѣдѣнія того времени, можно судить по слѣдующему случаю, за истинность коего я отвѣчаю.

У насъ въ деревнѣ церкви не было, была только часовенка на кладбищѣ, а были мы приходомъ къ церкви сосѣдняго села П—цы. Приходскій нашъ священникъ о. Д. Р—скій былъ особаго покроя человекъ: молодой франтъ въ шелковой рясѣ съ *простоволосою* попадѣй, большой стяжатель, не разбиравшій средствъ къ наживѣ и впоследствии поплатившійся за свои недостойные поступки переводомъ на худшій приходъ. Вотъ этотъ-то батюшка и рассказываетъ однажды мнѣ при встрѣчѣ слѣдующее:

— А знаете—пріѣзжаю я отъ васъ (онъ былъ у насъ въ селѣ и видѣлся со мною), застаю у себя гостя: благочинный пріѣхалъ. Что такое?—думаю. Потревожился было. Ну, знаете, послалъ титаря собрать кое-что по селу для начальства... такъ хоть малую толику. Послалъ за экономомъ преферансикъ устроить... Оказывается, что благочинный пріѣхалъ обозрѣть училище. Гдѣ ему достать учениковъ?! Все это, знаете, въ полѣ. Ну, кое какъ обошелся. Я пока-

залъ. что у меня 40 учениковъ, а у васъ 23. Такъ и записано. Помните-же, а то какъ-бы не пробрехаться намъ.

Да! Вотъ вамъ и свѣдѣнія официальные.

На самомъ-же дѣлѣ въ П—цахъ не было никакой школы, а было два ученика у дьячка—одинъ мальчикъ, а другой лѣтъ 17--18 парубокъ. Ученики эти читали и пѣли на клиросѣ и по праздни-камъ ходили съ дьячкомъ *илновать*, т. е. собирать доходъ, носили *коляду*. У меня-же въ ту пору было постоянныхъ только семь уче-никовъ.

Школъ дѣйствительныхъ, съ большимъ числомъ учащихся, съ сноснымъ обученіемъ и содержаніемъ было мало, и винить въ этомъ было некого. Народъ еще не успѣлъ осмотрѣться въ своемъ новомъ положеніи, администрація тоже; что касается священниковъ, то люди самоотверженные и между ними были рѣдкостью. Для зауряд-ныхъ дѣло школьное было ново и не подъ силу, а было много и такихъ, которые не чувствовали къ нему никакой охоты, пре-слѣдуя совсѣмъ иныя цѣли. У меня была школа, оформленная письменнымъ порученіемъ этого дѣла мнѣ помянутымъ священ-никомъ, причемъ въ разрѣшеніи было написано: *«подъ моиѣмъ на-блюденіемъ и при моиѣмъ участіи въ преподаваніи закона Божія»*. *Наблюденіе и участіе* выразилось развѣ въ томъ, что батюшка взвелъ на меня напраслину, показавъ благочинному, что у меня 23 ученика. Ни разу онъ не былъ въ нашей школѣ, ни единого слова не преподавалъ ученикамъ.

Школа моя, если ее такъ можно назвать, не имѣла постоян-наго числа учениковъ: зимою учениковъ было больше, лѣтомъ меньше. Мальчиковъ—*школьниковъ* было отъ 3 до 12-ти, не болѣе. Кромѣ того зимою у меня и у моего брата учились взрослые три парубка. Они отстали отъ ученія, какъ только научились разбирать, складывать буквы. Ихъ отняло отъ ученія хозяйство, домашній оби-ходъ. Но послѣ я узналъ, что они все-таки не бросили совершенно грамоту и подучивались сами читать печатное.

Училъ я мальчиковъ по малорусски, по методу Золотова. Наука давалась имъ легко, и скоростію обученія чтенію я много выигры-валъ во мнѣніи родителей: скорое обученіе, безъ мученія, видимо имъ нравилось. Разъ, помню, грамотный (умѣвшій читать церков-ную печать и подписывать свою фамилію) волостной старшина

переконфузилъ, въ присутствіи нѣсколькихъ нашихъ громадянъ, моихъ учениковъ: онъ *задавъ* имъ разръзныя буквы уложить по алфавитному порядку: *а, б, в, г, д, е*, и т. д.; мои ученики этого не могли сдѣлать и этимъ вызвали сенсаціонное замѣчаніе старшины: *«бачъ, учатьця, а азбуки не знаютъ»*. Присутствующіе граждане были тоже сконфужены, такъ какъ они превозносили мое обученіе. Я вмѣсто всякихъ объясненій развернулъ на удачу бывшее подъ рукой *«Положеніе»*, и большая часть учениковъ свободно прочли указанное. Это уронило въ свою очередь престижъ экзаменатора. Я этимъ не ограничился. Въ ближайшій воскресный день изъ церкви я взялъ въ волостное правленіе двухъ своихъ учениковъ и позвалъ меньшаго, однако бойко чѣтавшаго на клиросѣ, дячковскаго ученика. Въ волости были и наши граждане. Предложено было прочесть что-либо въ *«Положенія»* клиросному чтецу, и онъ не могъ прочитать ни одной строчки, мои-же не ударили въ грязь лицомъ и читали свободно. Не скрою, что это были лучшіе мои ученики. Побѣда была полная и вызвала немалую сенсацію, особенно когда я не поспешилъ на объясненія.

Для чтенія у меня имѣлось только то, что было напечатано по малорусски. Да и что-же было тогда писано для народнаго чтенія?! Не могъ-же я, помимо уже всякаго малоруссофильства, на самомъ дѣлѣ преподносить народу Морозовскія, Манухинскія и Леухинскія изданія. Какъ ни были слабы въ смыслѣ удовлетворенія умственной жажды издававшіяся тогда въ Петербургѣ маленькія малорусскія книжки—*метелки*, все таки онѣ были лучше и понятнѣе названныхъ изданій. Вѣдь это теперь имѣется много хорошаго и дешеваго для чтенія народу на русскомъ языкѣ, а тогда что? Французъ Венціанъ, Бова Королевичъ, Битва Русскихъ съ Кабардинцами и т. п... Помню я хорошо то время. Т. Гр. Шевченка весною похоронили около Канева. Гр. Ние. Ч—скій, академикъ-товарищъ Тараса, жилъ нѣкоторое время въ Каневѣ и популяризовалъ сочиненія и имя покойника, прочитывая и раздавая его стихи. Въ Петербургѣ издавалась *«Основа»*, мы смѣло выступали со своею рѣчью, со своею грамотою. Даже нѣкоторые циркуляры писались по малорусски. Я помню циркуляръ по волостямъ, напечатанный въ два столбца: въ одномъ тексть русскій, а въ другомъ малорусскій. Помню я это время мерезанныхъ сорочекъ, широкихъ

штановъ, малорусской пѣсни, польско-панскихъ доносовъ... Хохлофильство нужно было для внутренней политики края, нужно было, какъ противувѣсь полонизму.

Я читалъ многое изъ напечатаннаго по малорусски народу, и чтеніе мое имѣло успѣхъ, выражавшійся обиліемъ слушателей. Живо я помню эти литературные вечера-посидѣлки. Тепло, душно въ хатѣ, фурчатъ веретена у сидящихъ въ сторонѣ отъ стола *дисчатъ*, *парубки* понасунулись поближе ко мнѣ... Читая большею частію навзусь, напимѣръ *Катерину* Шевченка, видѣлъ я лица слушателей. Улыбаются какъ-то насмѣшливо, нерѣшительно вслушиваются... Не то это такъ себѣ *вытребенгки*, не то и въ самомъ дѣлѣ что хорошее. Но вотъ лица становятся все серіознѣе. «Сидитъ батько въ киньци стола, на руки схилився, не дивитца на свить Божій; тяжко зажурился...» декламирую я. Вниманіе все болѣе усиливается, веретена перестаютъ фурчать, дивчата одна за другой вздыхаютъ и кой-кто изъ нихъ пересѣлъ уже ближе къ столу; на *полу* маханіемъ руки унимаютъ послѣднее веретено... глаза блестятъ, дыханіе затаивается. Вотъ *титка Тимошиха*, тяжело вздохнувъ, перекрестилась, когда я дочиталъ до того мѣста, гдѣ Катерина бросается въ ополонку.

Шубовствъ въ воду!... По пидъ лёдомъ
Геть загуревотило.

И я мимовольно вздыхаю, перевожу духъ, дочитавши до эпилога. Всѣ вздохнули, всѣ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, подавлены всѣ какимъ-то ужасомъ, оцѣпененіемъ. Даже *титка Тимошиха*, покачивавшая по сю порю головою, подпертою ладонью, перекрестившись и вздохнувъ, не находитъ, что сказать. Декламирую эпилогъ. Всѣ, какъ-бы встряхиваясь отъ тяжелаго какого кошмара, внимаютъ. Но эпилогъ коротокъ.

Встали сирوماхи,
Помолились на схидъ сонця,
Пишли по-надъ шляхомъ...

Кончаю я и выльзаю изъ-за стола. Всеобщее молчаніе.

— А що-жъ сталося зъ хлопцемъ?—спрашиваютъ непремѣнно дивчата.

Чтеніе «Наймички» Шевченка часто вызывало слѣзы. Стихотворенія легко запомывались слушателями, и отрывка послѣ пов-

торялись. Читалъ я повѣсти Квитки, Марка Вовчка, рассказы Стороженка, Чорну раду Кулиша, читалъ и «Гайдамакъ». Читалось все это соотвѣтствующимъ слушателямъ. Помню, какъ мнѣ неловко было читать «Гайдамаки» Шевченка. Въ «Гайдамакахъ» есть нѣжныя сцены, любовныя (Галайда, Титарь, Лебединъ), есть много неприспособленнаго для простыхъ слушателей. И вотъ неловко какъ-то становилось при чтеніи нѣжныхъ сценъ старикамъ слушателямъ, или мало понятной рѣчи архимандрита, благословляющаго ножи. Мимовольно переносусь памятью болѣе подробно въ тому времени. Пасѣвка дѣда Максима. Теплый, ясный день, зелень, цвѣты, щебетаніе птичекъ, гудѣнье пчель. Насъ человекъ пять: хозяинъ пасѣвки, я, Гаврило Петровичъ, сынъ *дѣда* Якимъ и мудроватый *Хведиръ Ковбаса*. Всѣ мы въ *бѣлыхъ сорочкахъ* по случаю праздника, свѣтки подсланы на травѣ, шапки разбросаны; тепло, даже жарко въ тѣни развѣсистой груши. Новая, только на дняхъ полученная книжка «Основы» со мной. Я давно уже обѣщаль дѣду прійти къ нему на пасѣвку почитать *що небудь*. Старикъ радъ гостямъ, угощаетъ насъ медомъ. Идутъ разговоры про наши сельскія дѣла, про *батьошку*, «що винь вытворявъ сѣгодня писля службы Божои», про урожай, про ройбу...

— А це принесли таки, що обицали—спрашиваеть дѣдъ, взглянувъ на сиреневую обложку «Основы», и затѣмъ, взявши въ руки, переворачиваеть листки, какъ-бы и вовсе грамотный.

— Шкода, не про насъ писано, говорить дѣдъ, кивая головою и подавая мнѣ книгу. Я, бывало, такъ таки й прослухаю, якъ покойный отецъ Василій, царство ёму небесне, читае. И... чоловікъ бувъ! Нехай ёму земля перомъ. Усе було розскаже. А вже мени ни що, якъ сторія про Іосифа Прекрасного, або про блудного сына...

— Ну, теперешній якъ прочитае, той слухать не хочетьця, вставляеть слово Гаврило Петровичъ. Сѣгодня, оце писля службы якъ ставъ вычитувать усимъ по проѣкту... Я, каже, можу требувать, щобъ мени усю роботу одробляли литомъ. Та ще, каже, на толоку покличу...

— Ну, та Богъ зъ нимъ! Ёму ёго й честь будс... Щожъ, прочитайте що небудь... обращается ко мнѣ дѣдъ Максимъ.

Растягиваемся на «свѣткахъ» головами въ кучу, ногами въ рознь, и я читаю «Оповідання Грицька Ключника» Стороженка.

Якимъ глазами впился въ строки читаемаго, умное лицо Гаврила Петровича *насунилось*, у дида блаженная улыбка на лицѣ... Чтеніе идетъ съ перерывами. Очевидно слушателямъ, еле только встряхнувшимъ съ себя ненавистное панское иго, не по душѣ восхваленіе пана, но личность Прокопа Ивановича имъ симпатична. Это выражается короткими возгласами и иногда вздохами. «Отъ такъ, докозавувались!... вздыхаетъ дѣдъ, кивая головою при чтеніи прощанія запорожцевъ съ Сѣчью.

— Онъ якои! восклицаетъ Федоръ Ковбаса, когда я читаю, какъ Прокипъ Ивановичъ возражаетъ: «брехня, тричи брехня. Зроби, доброго чоловіка паномъ, то й буде зъ него ледащо...» Или когда тотъ-же Прокипъ, отказываясь отъ ночлега въ панской хатѣ, говоритъ: «нехай вона тобі скризь землю провалитьця. Отъ стану я въ паньскій хати ночувать...»

При перерывахъ чтенія дѣлаются замѣчанія, вспоминается что-то похожее: какъ заселялось наше село, кто былъ «осадчимъ», почему поселились на этомъ яру, а не на прежнемъ «селищѣ». Вообще слушатели симпатизируютъ герою разсказа. Герой этотъ, Прокопъ Ивановичъ, во всей силѣ своей запорожской природы являетъ свою нелюбовь къ пану и любовь къ свободѣ и самостоятельности. *Панъ* разсказа не симпатиченъ слушателямъ, но и этотъ снискиваетъ ихъ благосклонность не хуже того, какъ это ему удалось съ Прокопомъ Ивановичемъ.

Кончилъ я. Всѣ благодарятъ. Прочитанное даетъ тему разговору, вызываетъ воспоминанія и «гуторня» идетъ безконечная. Жара спала, солнце спустилось за лѣсъ, за горою слышно мычаніе и блеяніе череды, Якимъ и Ковбаса пошли уже въ село, а мы еще не перестаемъ слушать, разсказывать...

У насъ въ деревнѣ, какъ я уже сказалъ выше, не было церкви, а была часовня на кладбищѣ. Украшенная иконами, ставниками, лампадами и даже имѣвшая носильные кресты и хоругви; часовня эта замѣняла намъ отчасти церковь, особенно въ день поминовенія усопшихъ на проходы, въ день храмоваго нашего праздника 8-го ноября (соборъ архистратига Михаила), во время лѣтнихъ или лучше сказать весеннихъ общихъ молебновъ съ крестнымъ ходомъ по полямъ. На первый день св. Пасхи наши селяне, разговѣвшись и поотдохнувъ, тоже почти всей деревней сходились къ часовнѣ,

гдѣ просиживали до вечера, разговаривая и глядя на обрядные хороводы молодежи ¹⁾ Осенью, когда за распутицей нельзя пробиться въ церкви за 7 верстъ, наши селяне тоже собирались въ часовню, гдѣ читались часы. Также совершалось и въ небольшіе лѣтніе и зимніе праздники, когда знали, что и въ П—цахъ *службы* нѣтъ, или когда послѣ обѣда, и то ранняго, нужно было начинать спѣшныя полевыя работы. Чтецами въ часовнѣ были обыкновенно одинъ или оба вмѣстѣ наличные грамотѣи Михайло Тимофеевичъ К—цъ и Якимъ Максимовичъ Ст—енко, а иногда завернувшій по случаю къ намъ дьячекъ. Я тоже участвовалъ въ чтеніи часовъ. При этомъ я въ лѣтнее время иногда прочитывалъ одну изъ проповѣдей протоіерея Вас. Гречулевича. Дѣлалось это обыкновенно такъ, что по окончаніи часовъ я выходилъ на крыльцо часовни, садился на ступенькахъ и читалъ. Слушатели окружали меня, кто стоя, кто сидя, женщины всегда стояли. Читалъ я на крыльцѣ и сидя ради того, чтобы не изображать изъ себя проповѣдника. Подольскій говоръ проповѣдей протоіерея Гречулевича я сглаживалъ и по возможности читалъ такъ, чтобы публика понимала все. Проповѣди эти очень нравились нашимъ селянамъ. Разсорившись съ нашимъ священникомъ, я пересталъ читать проповѣди, чтобы не давать лишней темы для сыпавшихся отъ него на меня доносовъ; тѣмъ не менѣе мое столкновеніе съ нимъ было причиною проявленія еще одной формы моего учительства. Дѣло было такого рода.

Помню, зимою, какъ-то послѣ Рождества, пріѣхалъ ко мнѣ зачѣмъ-то священникъ Р—скій. Вслѣдъ за его прибытіемъ приходитъ ко мнѣ вдова Сергінха съ сыномъ парубкомъ и проситъ моего участія въ томъ, чтобы *упрохать батюшку* повѣнчать ея сына съ сосватанной уже въ с. Потапцахъ дѣвушкой. Я предложилъ просителямъ войти въ комнату и при мнѣ *прохать*. Въ комнату вошла степенная Сергінха съ ея красавцемъ сыномъ. Не успѣлъ батюшка обмахнуть ихъ благословеніемъ, не успѣла Сергінха промолвить слова, какъ уже онъ зачастилъ:

¹⁾ На первый день Пасхи пьянствовать и танцовать негоже. Молодежь водить хороводы, *шума, довою лозы, короля* и т. п. и при этомъ поетъ старинныя, должно быть, языческія обрядовыя пѣсни. Наприм. «О кизле, мій кизле, зійди рано! Ой кизле, мій кизле! прійди Мало (?).

— Ни, ни! Не буду винчать. Берить, яку хочете, а зъ цеею не повинчаю. Я вамъ разъ сказавъ и годи вже. Хоть и не просить... и т. д.

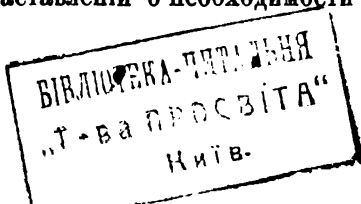
Сергіиха плакала, кланялась, но онъ не давалъ ей слова сказать, твердилъ все свое и въ концѣ концовъ ушелъ въ другую комнату. Я мигнулъ просителямъ, чтобы они вышли, рассчитывая самъ уговорить упрямого батюшку.

Но не тутъ было. Онъ мнѣ изложилъ такіе доводы:

— Нѣтъ, нѣтъ, Б. Ст—вич! И не просите за этихъ мерзавцевъ! (Со мной онъ говорилъ по русски). Вы знаете, эта самая дѣвка ни за что не хотѣла паниматься ко мнѣ, сколько не посылалъ, сколько самъ не уговаривалъ. И отецъ и мать согласились, а она «не пійду, тай не пійду». И вотъ такъ всё онѣ. Замужъ такъ на въ-вы-передки, а ко мнѣ въ наймы нейдуть, мерзавки! Нѣтъ ужъ, пожалуста, не просите. Нужно хоть одну проучить. Нужно, чтобы онѣ знали меня.

Но батюшка былъ неправъ въ данномъ случаѣ по существу дѣла. Я пробовалъ урезонить его, говорилъ, что, при объявленіи манифеста 19 февраля 1861 года, объяснявшіе этотъ манифестъ мѣстные власти (становой, исправникъ), при немъ-же священникъ, говорили крестьянамъ о предоставляемомъ имъ теперь правѣ жениться и выходить замужъ безъ всякихъ разрѣшеній, что отказъ его Сергіихъ и ея сыну можетъ вызвать жалобы и нареканія; что женихъ и его мать вдова люди бѣдные, что они уже сдѣлали затраты... и т. п. Наконецъ я просилъ просто отъ себя за нихъ. Нѣтъ и нѣтъ. Заупрямился о. Д. и недовольный уѣхалъ. Садясь въ сани, онъ еще разъ подтвердилъ стоявшимъ у крыльца Сергіихъ и ея сыну: «берить, кого знаете, тильки не цю, цю не буду винчать».

Мнѣ оставалось одно: указать путь обиженнымъ. Это я и сдѣлалъ. Написалъ жалобу мировому посреднику. Послѣдовалъ запросъ батюшекъ о причинахъ отказа въ совершеніи таинства бракосочетанія. Но батюшка ничуть не смутился: онъ отвѣтилъ, что не вѣнчается потому, что брачущіеся не знаютъ молитвъ, что эта мѣра принята имъ, какъ крайняя, послѣ многократныхъ съ его стороны внушеній и наставленій о необходимости знать молитвы, а особенно

молитву за Царя (Спаси Господи люди Твоя...), даровавшаго свободу имъ. Вотъ сущность отвѣта о. Д. мировому посреднику—помѣщику и поляку. Я-же рассказалъ тому-же посреднику суть дѣла, все то, что произошло въ виду моемъ. Пошла переписка по этому поводу. Между тѣмъ батюшка въ церевѣ объявилъ, что незнающихъ молитвъ онъ вѣнчать не будетъ.

На Украинѣ вообще съ самаго ранняго возраста родители учатъ дѣтей молиться, *проказуютъ Богу*, а потому почти всѣ дѣти знаютъ молитвы Св. Духу, Св. Троицѣ, молитву Господню, Символъ вѣры и Богородицу. О. Р—скому это было извѣстно. Онъ сталъ требовать знаніе 10-ти заповѣдей, *Помилуй мя Боже, Достойно есть и Спаси Господи люди Твоя*..

Пока тамъ идетъ переписка, и мясоѣдъ идетъ. Молодежь брачится. Каждая изъ *дивчатъ* прибираетъ хату и накрываетъ столъ чистымъ *настольникомъ* въ ночи... Могутъ *старосты навернутьца*. А тутъ задержка—батюшка вѣнчать не будетъ. Нечего дѣлать, нужно учить молитвы. Не безынтересно было это обученіе. Ко мнѣ приходили цѣлой компаніей *дивчата и парубки*. Не дѣти, а все въ брачномъ возрастѣ. Весело и *соромно* имъ: весело потому, что это обученіе было лишнимъ предлогомъ собраться и поболтать, стыдно потому, что, проходя ко мнѣ, дѣвушкамъ приходилось по пути выслушивать шуточные вопросы о желаніи выйти замужъ.

— А, Палажка! Скортило замижъ?... и т. п.

Съ топотомъ обмерзлыхъ сапогъ, съ пинками, толчками, со смѣхомъ вся компанія толпилась на крыльцѣ моей квартиры, пока не впускалась въ домъ. Всѣ здоровались. Лица веселыя, со сдержаннымъ смѣхомъ, *дивчата* прячутся одна за другую, вспрыскиваютъ неудержимымъ смѣхомъ. Но вотъ кое-какъ поразмѣстились на лавкахъ, а то и стоя. Когда я начиналъ *проказывать*, всѣ вставали и крестились. Начиналъ обыкновенно кто-нибудь говорить громко, другіе повторяли, а я или поправлялъ замѣченную мною неправильность, или, если молитвы никто не зналъ,—отчетливо читалъ ее, а всѣ за мною повторяли. Когда я сталъ поправлять и показывать, что нужно говорить не «*вомя* Отца и Сына и Св. Духа», а «*во имя* Отца и т. д.» то мнѣ возражали, что такъ нельзя: «*треба казати вомя, а во имя, то це буде по лядзкому*», т. е. по католически. Вообще многія слова молитвъ и даже цѣлыя фразы

коверкались ужасно. Я не стану останавливаться на чисто фонетическихъ измѣненіяхъ звуковъ, но и самыя сочетанія слоговъ и словъ измѣнялись. Слова «далъ былъ убо» выговаривались: *дов-бы-хуба, була рыхуба, да-ли-уба*, а ужъ дальше *дол-бихъ убо* нельзя было идти. Это смягченіе *л* и *ы* выходило также, какъ у великорусса *палыница* вмѣсто *палыныя*. Все это не обходилось безъ хихиканья, подталкиванія, суеты... При словахъ *далъ былъ убо* всѣмъ приходила на память одна молодица, взятая изъ другой деревни, которая, услышавши эти слова въ молитвѣ свекра, разказывала другимъ, что ея свекоръ «якъ молитыца, то провадить якись *тельбухи*». Ну, какъ тутъ удержаться отъ смѣха? Да еще компаніи молодыхъ парней и дѣвокъ. Оказалось, что выучить заказанныя молитвы далеко нелегко, особенно при полнѣйшемъ непониманіи ихъ. Бились мы такъ, почти безуспѣшно, недѣли полторы, пока *не пришла бумага*, чтобы батюшка оставилъ лишнюю притязательность и вѣнчалъ безъ экзамена.

Говоря вообще о грамотности въ знакомой мнѣ деревнѣ, я оставилъ-бы пробѣлъ, ничего не сказавъ о знакомыхъ мнѣ въ той деревнѣ грамотныхъ. Собственно у насъ въ деревнѣ грамотныхъ взрослыхъ, кромѣ моихъ учениковъ, было двое—Михайло К—цъ и Якимъ. Я упоминалъ выше о нихъ.

Михайло обученъ былъ церковной грамотѣ, хотя разбиралъ и гражданскую печать. Читалъ онъ все больше церковныя книги, звалъ, когда какой праздникъ, разбиралъ Пасхалию, къ нему обращались узнавать, сколько будетъ недѣль Петрова поста, въ какой день какія заговѣны (*пушциня*), сколько недѣль мясоѣда и т. п. Это очень льстило его самолюбію и, кажется, что онъ церковничалъ и набожничалъ только на виду общественнаго мнѣнія. Сдержанный и толковый, онъ умѣлъ подписать свою фамилію, написать кое-какой счетъ прихода и расхода и этимъ, повторяю, хвасталъ. Громадяне раскусили его и говаривали про него:

— Ябъ бы ему хоть оттакиспѣкій (причемъ показывали мизинецъ) хвостикъ, такъ винъ бы уси ребра соби пооббивавъ, чванючись...—Это былъ зарождавшійся еще только въ то время типъ деревенскаго кулака. Теперь, думаю, онъ кулачествуетъ въ селѣ на славу. Его братъ Матвѣй, по профессіи поваръ, а потому и горькій пьяница, былъ тоже грамотенъ и еще больше погружался въ цер-

ковное чтеніе. Онъ даже и говорилъ по церковному. Жилъ онъ въ другой деревнѣ, и даже больше у пановъ на сахарныхъ заводахъ. Разъ при мнѣ онъ давалъ показаніе слѣдователю:

— Бiju я, добигъ на взгорокъ до хреста, когда смотрю—небеса отверзаютъся. Палъ я ницъ и говорю: не достоинъ есмь, Господи, узрѣти славу твою! Такъ и трепещу весь. Коли гляну, ажъ то Дударивська корчма горить.

Михайло былъ самымъ меньшимъ изъ нѣсколькихъ сыновей зажиточнаго хозяина К—ци. Не знаю ужъ, какъ это Матвѣй очутился поваромъ,—вѣрно по волѣ пана. Еще при жизни отца братья поотдѣлялись, а Михайло жилъ съ отцомъ и былъ особенно любимъ имъ за свою степенность. Я уже зналъ Михайла самостоятельнымъ хозяиномъ и женившимся во второй разъ. При мнѣ уже онъ порывался на разные гешефты: то перекупить бочку рыбы и торгуетъ ею, то счумѣетъ заполучить отъ продавца церковныхъ принадлежностей, при продажѣ чего-либо громадянамъ въ долгъ, какой-либо гостинецъ, какъ-бы въ роли титара, то интригуетъ по поводу отдачи права торговли водкой въ селѣ. Въ дѣлѣ арендованія громадою помѣщичьей земли Михайло былъ тоже изъ числа первыхъ, но первенствовать ему не пришлось отчасти по моей волѣ, отчасти потому, что громадяне замѣтили, что онъ *не туды мне*. Думаю, что если когда въ той деревнѣ задумаютъ строить церковь, то Михайло вотрется въ церковные старосты и старатели. Онъ и при мнѣ былъ уже чѣмъ-то въ родѣ ктитора нашей убогой часовни и при варѣѣ меду въ храмовой праздникъ завѣдывалъ этимъ дѣломъ. Со мною онъ не особенно ладилъ, хотя не показывалъ этого. Я отчасти былъ помѣхою его кулаческимъ замашкамъ, и кромѣ того при мнѣ онъ терялъ престижъ грамотѣя. При всемъ наружномъ почтеніи и даже какъ будто-бы дружелюбности ко мнѣ, онъ тѣмъ не менѣе ловко умѣлъ подмѣчать мои промахи и на сторонѣ выставлять меня въ этихъ случаяхъ не въ хорошихъ краскахъ. Разъ, я помню, былъ случай, когда Михайло ловко этакъ затѣвалъ уронить меня при мнѣ-же, но публично. Дѣло было такое.

Вечеромъ, поздною осенью (10 ноября) я увидѣлъ, какъ загорѣлась наша трактовая корчма. Прибѣжавъ первымъ на пожаръ и ничего, кромѣ обыкновеннаго пожара, не подозрѣвая, я, не дозвавшись никого, вскочилъ въ середину корчмы съ цѣлью будить ея

обитателей. Одного изъ нихъ я нашелъ въ первой комнатѣ какого-то кобраго, храпящаго какъ-то странно, и когда я вынесъ его на свѣтъ, то онъ оказался весь въ крови, вздрагивалъ, храпѣлъ, прыскалъ кровью и сейчасъ-же на моихъ рукахъ умеръ. Это былъ еврей. Ужасно испуганный, я тѣмъ не менѣе вытащилъ еще, тоже окровавленную, мертвую уже еврейку и затѣмъ уже съ подбѣжавшими людьми вытащилъ обгорѣвшій трупъ женщины. Однимъ словомъ я, ничего не подозревая, попалъ на пожаръ, устроенный съ цѣлью прикрытія убійства и ограбленія обитателей корчмы. Никогда въ жизни я не былъ такъ встревоженъ: я положительно дрожалъ весь, хотя не терялъ сознания и по ходу дѣла руководилъ тушеніемъ пожара, сохраненіемъ спасеннаго имущества, охраненіемъ труповъ и рассылкою извѣстій властямъ. Я сдѣлался распорядителемъ безъ моего къ тому стремленія, а такъ какъ-бы всѣми признанный руководитель. Во время пожара я замѣтилъ, что высокая кирпичная труба корчмы вотъ-вотъ рушится, и потому съ бранью и угрозами выгналъ изъ середины людей. Дѣйствительно, выбѣгая послѣднимъ вслѣдъ за выгнанными мною изъ корчмы, я уже услышалъ ревъ толпы, возвѣщавшей о наклонѣ трубы. Еле я переступилъ порогъ, какъ сзади меня раздался громъ и трескъ и громадная труба ввалилась, поднявъ цѣлый снопъ искръ. Вижу, выгнанные мною изъ середины корчмы собрались кучкою и что-то разсматриваютъ, снимали шапки, крестятся, другіе подходятъ къ нимъ. Я туда къ толпѣ и что-же оказывается?!... Но... тутъ маленькое отступленіе. Со введеніемъ новой акцизной системы стало обязательно имѣть на корчмахъ вывѣски. Наши громадяне поговаривали, что будто-бы маляръ старую доску съ иконы св. Николая, закрывъ *покостомъ*, употребилъ для вывѣски. Подвыпившіе иногда, ругаясь съ шинкаремъ за неотпускъ *на боръ горилки*, угрожали ему, попрекали его этою вывѣскою. Корчмарь оградилъ себя тоже руганью и угрозами. «Ну, ну, только рушь таблицу (вывѣску), такъ и посунешь у Сибирь: де казенне дило». И эти предостереженія были дѣйствительны: никто не рѣшался провѣрить молву. Вотъ эту-то самую вывѣску и разсматривали теперь громадяне съ Михайломъ во главѣ. Всѣ, говорю, снимали шапки, крестились. Что-же я увидѣлъ? *Покостъ* масляный попузырился отъ огня, масло выступило каплями, вся доска окопчена дымомъ и въ переливахъ пожарнаго освѣщенія пред-

ставляла подобіе стараго, закоптѣлаго, выцвѣтшаго образа. Но тѣмъ не менѣе по срединѣ отчетливо виднѣлись буквы надписи «*ровск...*» «*актов...*» «*орчма...*» «*щими...*» «*ковниц...*» «*Габ...*», что обозначало «Дударовская трактовая корчма помѣщицы полковницы Габель».

«Ось святитель Миколай объявился!» сказалъ мнѣ Михайло держа въ рукахъ вывѣску, когда я подошелъ и протолкался въ середину толпы. Я рассмотрѣлъ вывѣску, увидѣлъ вышереченную надпись и указалъ Михайлу буквы.

— Дежь тутъ Миколай? Вы жь Михайло грамотни, читайте, — указывалъ я ему.

— Щожъ, винь святитель тилько разъ *вирующимъ* объявился, — срѣзалъ меня ханжа Михайло.

Я вырвалъ изъ рукъ его доску, швырнулъ ее къ сложеннымъ вещамъ, вытащеннымъ изъ корчмы, и съ руганью разогналъ публику тушить пожаръ.

На другой день при дневномъ свѣтѣ всѣ обозрѣли эту вывѣску и ничего похожаго на икону въ ней не нашли.

— Вы однако, Б—съ Ст—чь, поступили, какъ мнѣ разсаазывали, неосторожно, — внушалъ мнѣ на другой день священникъ Р—скій.

— А что, если-бы кто догадался подмѣнить эту вывѣску иконой, Б. С.?! что-бы было? Вы-бы были виноваты. Не хорошо.

При вещахъ и трупахъ были сторожа, — отвѣчалъ я хитроумному батюшкѣ.

Другимъ нашимъ сельскимъ грамотѣемъ былъ Якимъ Ст—енко. Для болѣе полной обрисовки Якима я долженъ вспомнить его отца, столяра Максима. Это былъ не только мастеръ, но просто артистъ своего дѣла. Кромѣ обыкновенныхъ столярныхъ работъ онъ умѣлъ точить и вырѣзать. Его замѣчательно хорошіе, оригинальной формы столы, церковные кресты, красиво изъюзоренные рѣзьбою, его распятія и атрибуты страстей Спасителя, думаю, и теперь сохранились въ томъ околodge. При другихъ условіяхъ изъ него вышелъ-бы замѣтный рѣзчикъ, иконостасчикъ; но подданство не дало ему ходу. Я зналъ уже *дида Максима* старика, пчеловода, садовода, ничего не пьющаго. Онъ плѣнялъ меня какою-то особенно нѣжно ласкающею душу благостію, поэтичностію. Онъ знавалъ чуть не всѣ гнѣзда пѣвчихъ мелвихъ птичекъ кругомъ своей пасѣки (пасѣку онъ перевозилъ по своимъ соображеніямъ изъ лѣсу въ лѣсъ), садилъ по

бъскамъ фруктовья деревца, прививаль къ дичкамъ, холилъ, обчидалъ дикія, не плодовые даже деревья. Весь отдавшійся природѣ и я красотамъ, онъ индифферентно относился къ деревенскому публицизму, даже въ церковь рѣдко хаживаль. Жизнь людей занимала его въ его прошломъ, природѣ онъ былъ отданъ весь въ его настоящимъ. Онъ какъ-бы бѣжалъ къ ней отъ суеты мірской. Такимъ я навалъ, но не такимъ онъ былъ въ своей молодости. Страстный ю натурѣ, онъ увлекался поэзією жизни. Вино и женщины тянули его къ себѣ. Вскорѣ послѣ женитьбы онъ влюбился въ молодую замужную цыганку и, бросивъ все, угрожаемый панскою карою, дѣлое лѣто протаскался съ таборомъ цыганъ. Послѣ этого онъ сдѣлался было горькимъ пьяницею и былъ имъ до тѣхъ поръ, пока ему приснился какой-то знаменательный сонъ (онъ мнѣ его рассказываль, но я не помню), послѣ котораго онъ бросилъ пить, углубился, такъ сказать, въ самосозерцаніе. Избѣгая односельчанъ и ихъ сборищъ на первыхъ порахъ ради избѣжанія соблазна выпивки, онъ послѣ совѣмъ отсталъ отъ общественной жизни деревни и уединенностію жизни пастычника, умерщвленіемъ плоти, тяжкою работою при копаніи омпаника (у него замѣчательный омпаникъ-пещера, вырытый въ сухой и твердой, какъ камень, глинистой горѣ), онъ дошелъ до того состоянія благодущія и любовности, въ какомъ уже я знаваль его. Что-то теплое, мягкое, душевное ласкало душу въ бесѣдѣ съ этимъ *дидомъ Максимомъ*, какое-то забвеніе и отрѣшеніе всей суеты земной видѣлось въ немъ. Не доставало ему только наставительнаго краснорѣчія, эрудиціи книжной, а то это былъ-бы пустынный, къ которому шли-бы поучаться, исповѣдываться, упокоивать взволнованную страстями душу. Книжность, если можно такъ выразиться, отчасти проглядывала въ его рассказахъ и, скажу по правдѣ, портила цѣльность типа. Знакомый по своему ремеслу съ панками, экономами и *батюшками*, онъ нахватался книжности. Его рассказы про житіе святыхъ, про разные эпизоды священной исторіи, наконецъ даже про старину, при всей основности народно-украинской, тѣмъ не менѣе просвѣчивали книжностію, тѣмъ, что онъ почерпнулъ изъ слышаннаго устнаго и прочитаннаго ему. Предавшись самосозерцанію, старикъ, очевидно, понялъ, что его страстность, его стремленіе къ познанію добра и зла, что его лиризмъ помѣшалъ ему сдѣлаться достаточно богатымъ, что было возможно

при его профессіи, онъ понялъ, что въ жизни не слѣдуетъ «потурать сердцю», которое его все время «дурило» и не дало никакихъ практическихъ результатовъ. Въ сынѣ своемъ дѣду хотѣлось видѣть нѣчто иное: собственный жизненный опытъ этого требовалъ. Но не тутъ-то было.

Якимъ унаслѣдовалъ отъ отца всю поэзію, весь лиризмъ его естества. Это выразилось во первыхъ въ страстномъ стремленіи за предѣлы крестьянской жизни, изъ той рамки, которая назначалась ему обстановкой и въ которой отецъ хотѣлъ его удержать. Началось съ того, что Якимъ вопреки строгому запрету отца, *итовханцямъ* матери и попрекамъ семьи и родныхъ научился читать у одного экономическаго писарька. Запрещеніе только разжигало его страсть. Страстный по натурѣ, онъ безъ труда дался женить себя на понравившейся ему дѣвушкѣ. При женитьбѣ ему было неполна 19-ть лѣтъ. Женитьба эта собственно и была устроена пораньше ради того, чтобы, какъ говорится, *приборкать* его, подсѣчь его лиризмъ, подрѣзать крылья его фантазіи. При сватаньѣ на Украинѣ поютъ:

Говорило пиво до своей пивоварочки:
 Якъ вы мене не доварите,
 То вы мене и не вдержите
 А ни въ бочкахъ, ни въ полубочкахъ,
 А ни въ золотихъ кубочкахъ.
 Говоривъ-же та нашъ (имрекъ)
 До своего та пан-отченька:
 Якъ вы мене не ожените,
 То вы мене и не вдержите
 А ни въ доми, ни въ поли,
 Ни на ворономъ кони...

Женитьбою думали удержать Якима *и въ доми и въ поли*, въ предначертанной его отцемъ и рутинной рамкѣ сельской жизни, такъ связать, задержать его броженіе. Но пиво это было шумное; слышномъ много было въ немъ дрожжей отцовской страстности и удержу не было.

Многіе опытные *батъки* на Украинѣ, женивъ сына въ зимній мясоѣдъ, стараются *одлучить* его отъ жены по веснѣ. «*Ажъ змарнивъ, якъ подивлюсь на нѣю. Сказано молодежи: и молодицю зведе ни*

на *вищо й само обезсиліе*»... говорилъ мнѣ одинъ такой *батько*. И вотъ таковыхъ ради соображеній опытные отцы на время спроваживаютъ куда нибудь сына на сторону. Лучшимъ въ этомъ случаѣ дѣломъ было чумакованье: работа не тяжелая, корыстная и на сторонѣ отъ жены. У Столяренковъ не было воловъ для чумачки, а молодой Якимъ, которому все хотѣлось чего-то новаго и которому, можетъ быть, и жена прискучила, рвался въ *мандривку* (на заработки) въ *Бессарабію*, какъ на Украинѣ называютъ весь югъ. Желаніе это совпало съ планами отца, и Якимъ потянулъ съ котомкою за плечами на югъ на встрѣчу подходящему оттуда лѣту, въ новый загадочный для него, полный бурлацкой поэзіи край. Просторъ степи, пестрота населенія, нѣмецкія колоніи, приморскіе города, самое море, новыя знакомства съ *бурлачнею*, которой тогда кипѣли херсонскія степи—все это было не только не унижающее ферментацию страстной природы Якима, но еще поднимало броженіе идей и чувствъ въ немъ. Онъ и работалъ и мечталъ, поэтизировалъ. То онъ представлялъ себя героемъ—страдальцемъ какой-то небывалой исторіи, воображалъ себя покинутымъ по нуждѣ отцовскій домъ и принужденнымъ бродяжить, преслѣдуемый какими-то зложелателями; то упивался разсказами о «волѣ», которую уже тогда чуяли (это было въ 1860 году); то ставилъ себя въ роли того, кто разсказывалъ про свою горькую судьбину, то заливался слезами подъ разголосъ бурлацкой пѣсни: «Ой йшовъ козакъ зъ Дону, та зъ Дону до дому»...; то воображалъ себя влюбленнымъ въ какую-то бурлачку, то разбогатѣвшимъ, взысканнымъ милостями влюбившейся въ него одесской купчихи; то поражался величіемъ города, громадными домами, гаванью, магазинами... Повторяю, броженіе этой страстной природы не унялось ни чуть за время этой *мандривки*, а напротивъ усилилось.

Но вотъ *стала осинь, михая година*, бурлачня потянула отъ моря къ сѣверу на Украину *у теплм запички, на мякеньки млынци*. Нужно было и Якиму вернуться домой. Денегъ онъ таки заработалъ: двѣ книжечки прибавилось въ сумкѣ, на шеѣ появился *шархъ* (шарфъ), несъ онъ *одескій* поясъ женѣ, платокъ сестрѣ и двадцать два рубля отцу. Любящій сына старикъ давно уже свучалъ за нимъ, молодая жена, которой повольготнѣло послѣ лѣтнихъ работъ, уже отъ Семена (1 сентября) *ждала-выглядала* мужа и не разъ уже

изорала бровоньками поле. «Орала, орала тай заволочила, дрибненькими слизоньками все поле змочила» (такъ поэтично метафорно образно рисуетъ народная пѣсня жену съ поднятыми надъ напряженными глазами бровями, всматривающуюся въ даль, обводящую взоромъ горизонтъ и наконецъ плачущую). Не остывшая еще вполнѣ поэтичная натура *дида Максима* въ этомъ *блукань* по свѣту Якимя, въ его возвращеніи создавала себѣ знакомую по разсказу и по чтенію *батюшокъ* исторію блуднаго сына. Старикъ иначе и не вспоминалъ Якимя, какъ въ образѣ этого героя евангельскаго разсказа.

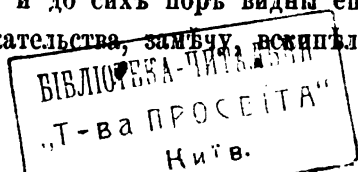
Вотъ въ этомъ-то настроеніи и встрѣтили Якимя дома: старикъ слезами радости, жена объятіями.

Осеннее бездѣлье, храмовые праздники, разсказы про виданное и испытанное, радости свиданій, толки о волѣ—все это заполонило Якимя на первыхъ порахъ. Настала зима, долгіе вечера, ранніе досветы... Книжечки, которыя не повидали его и въ бурлачествѣ, болѣе смѣло появились при свѣтѣ зимняго *каганця* и старикъ, не пересиливая въ себѣ напускнаго пренебреженія въ читаемому, иногда удостоивалъ своимъ вниманіемъ чтеніе. Въ деревнѣ тѣмъ временемъ явилась мысль арендовать помѣщичью землю; желанная *воля* приближалась. Деревенскій публицизмъ былъ по сердцу Якимю. Вопросы публицизма были на лицо—толки о *воли* и объ арендѣ. Такъ прошла зима 1860—61 года. Мечты громады о волѣ и объ арендѣ осуществились: явилось «Положеніе» и само по себѣ новый строй деревенской жизни.

Въ это-то самое время Якимъ натолкнулся на меня. Мнѣ онъ съ его любознательностію, съ его поэтичністію сильно понравился, я увлекся имъ; для него-же я представлялъ цѣлый кладъ. Моя грамотность, свѣдѣнія и изобиліе книгъ сразу потянули его ко мнѣ. Онъ перечитывалъ все, спрашивалъ про всячину. Все малорусское очень полюбилось ему, особенно по вразумительности, ибо русское мало было понятно ему. Изъ прочитаннаго онъ усвоилъ себѣ слащавость и нѣжность, какими переполнены были повѣсти Марка Вовчка, Квитки, стихи Шевченка. Практическая сторона жизни не описывалась, не воспѣвалась. Кстати припоминаю слова одной воронежской хохлушки:

— Усе любляцца, та любляцца, а колижъ и якъ вони дило робили?—спросила она, прослушавъ нѣсколько повѣстей Марка Вовча. Вотъ этого-то «якъ дило робить» въ малорусскихъ книжкахъ того времени не было. Правду сказать, и по сю пору литература страдаетъ недостаткомъ указанія, *якъ дило робить*. Я сознавалъ и тогда этотъ недостатокъ; но пополнить его не имѣлъ чѣмъ, да при томъ-же, надо правду сказать, и самъ очень смаковалъ въ лирической сторонѣ народной жизни. Много теплаго, хорошаго, поэтичнаго я нашель въ Якимѣ, много хорошихъ часовъ я провелъ съ нимъ. У меня долго хранились его задушевныя письма ко мнѣ. Много ему рассказывалось, многое отъ него выслушивалось. Любопытности его не было предѣла; ему хотѣлось знать физику, химию, учиться по французски и по нѣмецки. Но все это было какое-то порывистое: еле успѣвалъ онъ ознакомиться съ чѣмъ, какъ оно уже ему надоѣдало и онъ начиналъ рваться къ чему другому. Послѣ, когда намъ съ нимъ пришлось погрузиться въ прозу жизни, а поплылъ по теченію, а онъ захлебывался, не могъ держаться намѣченнаго пути и тонулъ. Что съ нимъ? Гдѣ онъ теперь? Судьба разлучила насъ. Я съ болью сердца слыхалъ, что онъ не добромъ поминалъ меня, что онъ говорилъ, будто я испортилъ его. Можетъ быть, я и виновенъ предъ нимъ. Но въ чемъ вина моя? Рокъ столкнулъ его со мною и я, можетъ быть, поддержалъ въ немъ готовую осѣсться ферментацію. Но я тоже былъ молодъ, я тоже подверженъ былъ броженію, я былъ сынъ своего вѣка. Онъ или переселился на новое мѣсто, или попалъ въ чигиринскую или иную аграрную сумятицу Украины или въ лучшемъ разѣ штундитствуетъ. Sic fata tulerant!

Итакъ, возвращаясь къ основному сюжету настоящей замѣтки, я повторяю, что въ селѣ въ началѣ 60-хъ годовъ былъ большой запросъ на грамотность. На этотъ запросъ не послѣдовало своевременнаго предложенія; мы-же учителя дилетанты мало дали народу. Мизерный результатъ нашихъ усилій составляетъ миниатюрная цифра научившихся читать. Но и эту мизерную услугу народу намъ не удалось выполнить по мѣрѣ силъ нашихъ. Вспыхнуло польское возстаніе. У насъ, на Украинѣ, оно было только три четыре дня, но послѣдствія его и до сихъ поръ видны еще. Народъ украинскій не безъ подстрекательства, замѣчу, возмущалъ и смаялъ-*помон-*

тамъ не только кучки выступившихъ въ поле инсургентовъ, но, ассимилируя въ своемъ пониманіи ляха съ паномъ, и все панское. Націонализмъ вообще мало присущъ народу, а потому подогрѣтое національное движеніе народа на Украинѣ противу *ляховъ* само по себѣ перешло на соціальный мотивъ. «Царь намъ волю давъ, а паны й забунтувались»,—такъ рассуждалъ украинецъ, не внимая разнымъ московскаго издѣлія памфлетамъ. Тогда появилось много брошюркъ, въ коихъ на всѣ лады пробирались поляки и ихъ возстаніе. Эти брошюрки были чуть не первымъ печатнымъ русскимъ словомъ на Украинѣ, если не считать «Положенія», официальныхъ бумагъ и лубочной литературы. Я помню эти брошюрки. Это было своевременная и даже послѣ-временная ругань на всѣ лады на поляковъ и на возстаніе со стороны тѣхъ, которые, будучи по натурѣ своей ругателями, почували въ то время свободу въ словоизверженіи. Мерзко вспоминать этихъ ругателей, не заслуживающихъ, собственно говоря, и воспоминанія. Украинцы-же, не умѣвшіе читать и не понимавшіе по русски, я думаю, мало знали всѣ эти словоизверженія. Одна изъ этихъ брошюркъ: «Польская кривда и русская правда», печатанная церковными буквами, и другая, которая раздавалась при иконкахъ Спасителя, почему-то въ нашей мѣстности получили особое, таинственное значеніе. Нѣкій Каллистратовъ въ Кіевѣ издалъ во многихъ экземплярахъ и въ разныхъ размѣрахъ писанную, а также хромолитографированную икону Спасителя въ память освобожденія крестьянъ. Это былъ поясной образъ Иисуса Христа, благословляющаго правой рукой, а въ лѣвой рукѣ держащаго открытую книгу, въ которой написаны слова: *Прійдите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы. У* нижняго бордюра, на краю синей тоги, буквами золотыми или желтыми (смотря потому, былъ-ли образъ писанный или литографированный) было написано: «19 февраля 1861 года». Кромѣ послѣдней надписи, образъ, собственно говоря, не имѣлъ ничего, что напоминало-бы это знаменательное событіе; но вся суть недостаточно ясно выраженной образомъ мысли издателя разъяснялась въ прилагаемой къ иконамъ брошюркѣ. Одновременно съ появленіемъ въ продажѣ этихъ иконокъ¹⁾, правительство вводило по селамъ *бляхи*—знави для по-

¹⁾ Начало продажи было рассчитано ловко, по коммерчески. Лѣтомъ въ Кіевѣ масса богомольцевъ—покупателей иконъ.

левыхъ и лѣсныхъ сторожей. Въ нашей мѣстности крестьяне толковали, что всякъ, принявшій для ношенія такой знакъ, будетъ закрѣпощень опять панамъ и если въ селѣ такихъ носителей будетъ десять человѣкъ, то и все село будетъ закрѣпощено. Единственнымъ спасеніемъ отъ закрѣпощенія, говорили въ народѣ, служатъ вышепомянутыя иконки. Все это я узналъ случайно.

Возвращался я изъ Кіева, гдѣ также купилъ икону Спасителя, изданія Калистратова. Высадившись съ парохода въ м. Х—ровѣ, я шелъ домой пѣшкомъ и несъ иконку въ рукахъ, такъ какъ она была въ рамкѣ за стекломъ и нужно было нести ее бережно. Встрѣтившіеся мнѣ х—вцы объяснили, что иконку слѣдуетъ прятать, чтобы паны не видали, что Василь Щука, односелець ихъ, черезъ одного монаха, ходившаго *на прощу* въ Кіевъ, получилъ отъ самаго митрополита такую иконку и къ ней двѣ грамотки, при чемъ ему велѣно иконку и грамотки прятать и не показывать *до слушного часу*, а также *знаковъ* по возможности не брать, ибо если кто возьметъ знакъ, то будетъ опять *паньскимъ*, а если въ селѣ наберется десять человѣкъ со знаками, то все село будетъ *паньскимъ*. Не смотря на всѣ мои просьбы, бывшій тутъ-же Василь Щука иконки и грамотки мнѣ не показалъ, а подосланный мною послѣ грамотѣй выдалъ у него брошюрку, разъясняющую смыслъ иконки, и другую: «Польская кривда и русская правда». На *разны* лады варьированныя подобныя-же толкованія я слыхалъ еще нѣсколько разъ.

Фактъ этотъ, какъ нельзя лучше, доказываетъ во первыхъ перазборчивость издателей и продавцевъ въ средствахъ къ наживѣ и во вторыхъ то, что народъ грамотокъ этихъ вовсе не читалъ.

Какъ извѣстно, украинцы, по случаю польскаго возстанія, при раздѣлѣ съ панами по выкупу земли остались въ выигрышѣ. Повѣрочныя комиссіи понизили по возможности выкупной платежъ и по мѣрѣ силъ соблюли интересы крестьянъ при разверсткѣ угодій. Насколько это повліяло на благосостояніе бывшихъ подданныхъ украинцевъ, я не имѣлъ случая провѣрить. Украинфильство, представшее по внутренней политикѣ правительства быть нужнымъ, какъ противувѣсь полонизму, было устранено. Явилась нужда въ «обрусѣннѣ» спасеннаго отъ полонизаціи украинца. *Обрусители* не замедлили явиться. На сколько удачно вели дѣло обрусѣнія эти «эле-

менты»¹⁾), я не знаю. Люди, предавшие украинскому народу, провели дѣло выкупа земли бывшими панскими крестьянами—*элементы* разводили бывшихъ государственныхъ крестьянъ съ казною, прихватывая остаточки въ видахъ того-же обрусѣнія края. Чигиринскія дѣла какъ чисто крестьянскія, такъ и въ компаніи съ социалистами, говорятъ сами за себя и о дѣяніяхъ *элементовъ*.

Любопытно-бы своими глазами посмотрѣть на Украину, увидѣть, что сдѣлано за эти 20 лѣтъ по части благосостоянія народа, его просвѣщенія и наконецъ обрусѣнія.

Въ 1866 году судьба съ по-Днѣпровья закинула меня на Донъ. То, что я видѣлъ здѣсь, что подмѣтилъ, расскажу въ слѣдующемъ за этимъ очеркѣ, а теперь, посмотрѣвши своею памятью-воспоминаніемъ

На ту Украину,
 Де ходили гайдамаки
 Зъ святыми ножами—
 На ти *тляхи*, шо я мирявъ
 Малыми ногами...

Заканчиваю скорбнымъ рассказомъ эту часть моей замѣтки.

Въ маѣ 1882 года проѣзжалъ я по Днѣпру изъ Кіева въ Кременчугъ. Видѣлъ я эти села

По-над-днѣпрянсьемъ не весели.

Тоскливо сжималось сердце, остарѣвшее, измученное. Въ памяти моей возставали цѣлой вереницей представленія моего прошлаго. По дѣламъ я не могъ имѣть даже одного свободного дня, чтобы высадиться на берегъ и побывать въ знакомыхъ мнѣ мѣстахъ, повидать прежнихъ друзей. Приглубый берегъ Днѣпра въ м. X—ровъ залился вынесеннымъ изъ яру муломъ, образовалась отмѣль, на которой устроена дровяная пристань. Празднующій «Зелени святки» людъ нестройной массой толпился къ пароходу; я впивался глазами въ эту толпу, стараясь угадать хоть одно знакомое лицо. Тщетно! все чужіе, незнакомые мнѣ. Но вотъ свистокъ, и мы понеслись внизъ

¹⁾ «Ты поплашешь, я здѣсь представляю собою русскій элементъ!» говорила, часто подъ куражемъ, эти гг. обрусители. Остроумные евреи такъ и звали ихъ: «г. Элементъ, г. элементъ! Пожалуйте...».

по теченію, объѣзжая Трахтемировскую гору. Отдаленный отъ берега рѣки Переяславъ, Трахтемировъ, Монастырнице, Зарубицы, Бучакъ, горы—все это таялось панорамой передъ моими глазами. Вотъ Селище, а далѣе за лугомъ на полугорѣ Каневъ. Я не сходилъ съ мостка парохода; весь отдавшійся воспоминаніямъ, я не хотѣлъ ничего и ни съ кѣмъ говорить; я смотрѣлъ на горы, села, убогія церкви, или всматривался въ группу богомольцевъ—черкапантъ, чигиринцевъ, помѣщавшихся внизу подъ мосткомъ на палубѣ парохода. Я ихъ узнавалъ по покроямъ свитокъ, по формѣ очипковъ и воротамъ рубахъ. Обойдя лугъ, за которымъ расположенъ самый городъ Каневъ, мы плыли прямо къ Тарасовой горѣ. На мостокъ вышло нѣсколько пассажировъ—какая-то пожилая дама полька, цѣлое отдѣленіе кievскаго окружнаго суда, ѣдущее въ Черкасы, и нѣсколько жидковъ. На пристани суета, изъ города въ галопъ мчатся жидки въ богуславскихъ бричкахъ. Мостковая публика смотритъ на виднѣющійся между жидкими деревцами крестъ на могилѣ Шевченка. Всѣ разговариваютъ.

— То крыжъ, поставленный надъ Шевченкомъ,—разъясняла, отдуваясь, запылавшаяся при входѣ на мостокъ дама полька, *по рос-сыйску*.

— Ахъ, да! Это тотъ народный поэтъ! надѣвая пенсне, замѣчалъ одинъ изъ членовъ суда.

Я отодвинулся отъ сосѣдей. Вдругъ слышу, у меня подъ ногами длиннополый еврей объясняетъ богомольцамъ украинцамъ.

— А хйба вы не знаете?! Та тожъ вапъ святий! то самъ Тарасъ, що вамъ книжки писавъ...

— А що мы знаємъ? Може й святий. Хйба мы письменни?—отвѣчали украинцы. Сняли шапки и набожно перекрестились.

— А онуки!...

— Имъ байдуже—жито соби сіють—подумалъ я.

Борисъ П—скій.

6 декабря 1884 года,

г. Павловскъ.

ПО ВОПРОСУ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ.

(Отвѣтъ С. Т. Голубеву).

Въ статьѣ: «Историческія замѣтки о Кіевѣ», помѣщенной въ октябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за прошлый годъ, мы признали вполне достовѣрнымъ высказанное въ свое время исторіографомъ Миллеромъ и принятое впоследствии митрополитомъ кіевскимъ Евгеніемъ мнѣніе о томъ, что кіево-братская обитель, съ братской при ней школой, впоследствии академіей, существовала раньше 1615 года, къ которому начало ихъ относятъ позднѣйшіе изслѣдователи этого вопроса, и что эту школу, бывшую при богоявленской церкви, благословилъ въ 1589 году константинопольскій патриархъ Іеремія II. Чтобы утвердить это мнѣніе, подрываемое гг. Максимовичемъ, Малышевскимъ и Голубевымъ, мы старались, путемъ сопоставленія прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ историческихъ свидѣтельствъ, доказать, что 1) богоявленская церковь въ Кіевѣ, на Подолѣ, существовала еще въ XVI ст. и что начатая постройкою при Сагайдачномъ, но не оконченная еще и въ 1625 году, церковь Богоявленія не была первоначальною церковью сего имени, а замѣнила собою церковь существовавшую раньше 1620 г. и даже раньше 1615 года; 2) что константинопольскій патриархъ Іеремія II былъ въ кіевской странѣ на возвратномъ пути изъ Москвы и слѣдовательно могъ благословить кіево-богоявленскую школу, какъ гласить о томъ дошедшее къ намъ издавна извѣстіе; 3) что на существованіе въ концѣ XVI ст. кіево-братскаго монастыря указываетъ одинъ изъ документовъ его, называемый въ числѣ прочихъ въ подтвердительной царской грамотѣ 1694 г., именно купчая Андрея Обуха

1594 г. на продажу сверщовскаго двора монастырю, названному кievо-братскимъ и 4) что существованіе кievо-братскаго монастыря и школы при немъ раньше 1615 г. очевидно изъ данной въ этомъ году записи Гальшки Гулевичевой-Лозкиной, въ которой она прямо говоритъ, что подарила свой дворъ на Подолѣ на монастырь *патріаршей ставропигіи* и ввела въ этотъ дворъ, при возномъ и свидѣтеляхъ, какъ школу, такъ и монашествующую братію, но отнюдь не даетъ и намека на то, что и монастырь, и церковь, и школа подлежатъ еще учрежденію и устройству.

Статья наша вызвала помѣщенное въ январской книжкѣ «Кievской Старины» за настоящій годъ обширное возраженіе извѣстнаго изслѣдователя исторіи южно-русской церкви С. Т. Голубева, въ его статьѣ: «Древнія и новыя сказанія о началѣ кievской академіи». Почтенный авторъ этой статьи не соглашается съ высказанными нами соображеніями и приведенными доводами. Изслѣдуя исторію мнѣній по вопросу о началѣ кievской академіи, онъ утверждаетъ, что 1) сказаніе о посѣщеніи Кіева константинопольскимъ патріархомъ Іереміею въ 1588—1589 г. и объ учрежденіи имъ здѣсь *высшаго училища* при богоявленскомъ братствѣ не есть древнее преданіе, какъ говорятъ нѣкоторые, а позднѣйшее мнѣніе, высказанное впервые въ 1765 г. корпораціею самой академіи въ запискѣ, представленной ею въ отвѣтъ на оффиціальныи запросъ о началѣ этого учрежденія и отвергнутое тою-же корпораціею и по такому-же поводу въ 1773 г.; 2) что патріархъ Іеремія ни въ 1588 г., ни въ 1589 г. не былъ въ Кіевѣ и что свидѣтельство о семъ Павла Алеппскаго не можетъ быть принято; 3) что существованія богоявленскаго братства и школы при немъ съ 1588 г. по 1615 годъ не доказываютъ документы того времени, именно «Листы королевскихъ урядниковъ» 1593 г. и «Купчая Андрея Обуха» 1594 г., такъ какъ они извѣстны по позднѣйшимъ указаніямъ, въ которыхъ названіе *братскаю монастыря* употреблено какъ современное этимъ указаніямъ, а не самымъ документамъ; 4) что учрежденіе кievо-богоявленскаго братства около 1615 года доказывается «Братскимъ уписомъ» и свидѣтельствомъ уніатскаго м. Рутскаго; 5) что мнѣніе о полученіи кievскимъ братствомъ отъ патріарха Іереміи правъ ставропигіи, т. е. подчиненности только патріарху, не имѣетъ подтвержденія въ дарственной записи Гулевичевой 1615 г. и стоитъ въ явномъ проти-

ворѣчи какъ съ грамотою патріарха Теофана 1620 г., такъ и съ письмами кіевскихъ братчиковъ къ царю Михаилу Теодоровичу 1625 г. и 6) что сравнительно позднее возникновеніе въ Кіевѣ братства и высшаго училища находится въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ ходомъ церковно-исторической жизни этого города.

Не смотря на полноту и обстоятельность изслѣдованія автора названной статьи, выводомъ его мы не считаемъ послѣднимъ словомъ по вопросу о началѣ кіевского богоявленскаго братства и его училища и находимъ возможнымъ противопоставить новыя возраженія его доводамъ и заключенію. Въ настоящемъ отвѣтѣ ему мы не коснемся названныхъ выше документовъ, именно: «Листовъ королевскихъ урядниковъ» и «Купчей Андрея Обука», такъ какъ первый изъ нихъ упомянутъ у Аскоченскаго, а не у насъ, относительно-же втораго мы готовы согласиться съ разъясненіемъ г. Голубева, что онъ могъ первоначально и не относиться къ братскому монастырю. Оставляемъ также въ сторонѣ и вопросъ о характерѣ кіево-братской школы до 1615 года, которой мы не усвоили значенія высшаго учебнаго заведенія. Послѣ этого спорный вопросъ о началѣ кіевской академіи можетъ касаться въ частности только слѣдующихъ 5-ти пунктовъ: 1) посѣщенія Кіева константинопольскимъ патріархомъ Іереміею, 2) учрежденія кіевского братства, 3) времени построенія братской богоявленской церкви, 4) учрежденія кіево-братскаго монастыря и 5) учрежденія братской школы, которая, постепенно развиваясь, стала кіевскою академіею. По каждому изъ этихъ пунктовъ мы дадимъ отвѣтъ.

Начнемъ съ вопроса о томъ, былъ-ли въ Кіевѣ въ 1588 году патріархъ Іеремія, которому древнее преданіе приписываетъ санкцію кіево-братской школы. Прямыхъ свидѣтельствъ того времени объ этомъ нѣтъ. Мы сдѣлали ссылку на пріѣзжавшаго въ Кіевъ въ 1654 г. съ антиохійскимъ патріархомъ Макаріемъ діакона Павла Алепскаго, который говоритъ, что видѣлъ въ кіево-софійскомъ митрополичьемъ домѣ портретъ патріарха Іереміи въ числѣ портретовъ другихъ восточныхъ патріарховъ, и замѣтилъ, что такой обычай въ той странѣ—списывать портреты съ патріарховъ въ томъ видѣ, какъ они посѣщали ее. Г. Голубевъ говоритъ, что это не доказательство, что страна не городъ, что Іеремія былъ только въ западно-русской странѣ, но не въ Кіевѣ, что портретъ могъ быть снятъ

съ него въ другомъ мѣстѣ и присланъ въ Кіевъ. Дѣйствительно, Павелъ діакопъ въ указанномъ нами мѣстѣ не говоритъ, чтобы патріархи, портреты которыхъ онъ видѣлъ, посѣщали именно Кіевъ; но говоря, что они посѣщали *эту страну*, безъ сомнѣнія онъ разумѣлъ то мѣсто, въ которомъ тогда находился самъ, т. е. *страну* кіевскую. Г. Голубевъ прибавляетъ, что о посѣщеніи Кіева патріархами антиохійскимъ Іоакимомъ и александрійскимъ Мелетіемъ нѣтъ вовсе письменныхъ свидѣтельствъ того времени; но, скажемъ мы, нѣтъ и тогочасовыхъ указаній на то, что они не были здѣсь. Что до Іереміи, то на чемъ нибудь основывали свое мнѣніе о посѣщеніи имъ Кіева въ 1589 г. составители академической записки 1765 году, на чемъ нибудь основывалъ свое извѣстіе о томъ-же російскій исторіографъ Миллеръ, который въ 1725 году былъ уже адъюнктомъ исторіи въ с.-петербургской академіи наукъ, на что нибудь опирался въ своихъ историческихъ трудахъ извѣстный Василій Рубанъ, который самъ обучался въ кіевской академіи въ первой половинѣ XVIII вѣка. Оба они—Миллеръ и Рубанъ, безъ сомнѣнія, могли имѣть документы о началѣ кіево-братскаго монастыря и его училища, не дошедшіе до насъ, и кое-что могли слышать о семъ отъ Теофана Прокоповича и другихъ старѣйшихъ воспитанниковъ и учителей кіевской академіи.—Г. Голубевъ слѣдитъ путь патріарха Іереміи въ Москву и изъ Москвы, съ цѣлію доказать, что онъ не могъ быть въ Кіевѣ; но изъ его-же свѣдѣній видно, что изъ обратнаго пути Іереміи болѣе двухъ мѣсяцевъ приходится на пребываніе его въ Замостьѣ. Точно-ли и жилъ онъ все это время въ Замостьѣ? Вѣдь главною цѣлію его путешествія былъ сборъ пожертвованій на патріархію. Можно-ли допустить, чтобы патріархъ столь долгое время сидѣлъ безъ дѣла въ маленькомъ городкѣ, въ которомъ и прежде уже былъ? Естественно-ли вообще думать, чтобы въ это или иное время патріархъ не посѣтилъ г. Острога, гдѣ была резиденція богатѣйшаго и могущественнѣйшаго защитника православныхъ князя Константина Острожскаго, и Кіева, бывшаго все-же главнымъ городомъ воеводства, важнымъ торговымъ пунктомъ и, по своей святынѣ, опорой православія въ Украинѣ?

По вопросу о времени учрежденія кіевскаго братства г. Голубевъ въ окончательномъ своемъ выводѣ утверждаетъ, что кіевское братство сформировалось около 1615 года; но раньше этого гово-

рять, что «братство не сформировалось еще окончательно въ то время, когда фундація Гальшки Гулевичевой приводима была въ исполненіе», т. е. въ 1615 г., и допускаетъ даже, что «пѣкоторое, очень непродолжительное время оно существовало уже при одной изъ кievо-подольскихъ церквей», словомъ: склоняется болѣе къ тому, что братство учредилося и существовало раньше 1615 года, а слѣдовательно онъ не стоитъ въ прямомъ противорѣчii съ нашимъ мнѣніемъ о существованіи кievскаго братства въ 1589 г., т. е. за 25 лѣтъ до записи Гальшки Гулевичевой. Мы не хотимъ однако пользоваться противорѣчіемъ въ словахъ г. Голубева, мы беремъ его окончательный выводъ, что кievо-богоявленское братство сформировалось около 1615 г. На чемъ основанъ этотъ выводъ? Г. Голубевъ ссылается на «Братскій упись». Но «упись» кievскихъ братчиковъ, помѣщенный во 2-мъ томѣ Памятниковъ кievской комиссіи, помѣченъ 1631 годомъ, на самомъ-же дѣлѣ принадлежитъ даже позднѣйшему времени, по отнюдь не 1615 году. Тутъ въ числѣ вписавшихся въ братство нѣтъ ни Елисея Плетенецкаго, ни Исаи Копинскаго, ни Иова Борецкаго, которые безъ сомнѣнія принадлежали къ братству 1615 года, а между тѣмъ есть подписи Исаи Трофимовича Козловскаго и Сильвестра Коссова, которые въ 1631 году находились еще въ Львовѣ и въ это время только еще приглашались прибыть въ Кіевъ для занятія учительскихъ должностей, и притомъ не въ братской, а въ лаврской школѣ Петра Могилы¹⁾.

Напрасно также г. Голубевъ полагаетъ, что пожертвованіе Анною Гулевичевою своего двора сдѣлано не кievскому братству, а «состоялось подъ вліяніемъ кievо-печерской лавры». О кievо-печерской лаврѣ въ записи нѣтъ и помину, между тѣмъ дворъ жертвуется не только для школы, но подъ гостинницу и богадѣльню, подъ такія учрежденія, которыя, какъ извѣстно, вѣдало тогда не школьное начальство, а церковныя братства; значитъ завѣщаніе Анны Гулевичевой необходимо даже предполагаетъ существованіе братства. И дѣйствительно братство не только существовало въ 1615 г. во время этой записи, но самая записъ эта дапа не кому иному, какъ братству, или, говоря словами записи, «правовѣрнымъ и благочестивымъ христіанамъ народу російскаго *духовнымъ и свят-*

¹⁾ Памятникъ кievской комиссіи, т. 2, стр. 97.

скимъ въ повѣstechъ воеводства кіевскаго, волинскаго и брацлавскаго». Г. Голубевъ, не желая подъ духовными и свѣтскими здѣсь лицами видѣть братчиковъ, говоритъ, будто «во всей довольно обширной западно-русской письменности того времени нельзя найти ни одного документа, касающагося братства, гдѣ-бы составлявшіе его члены не назывались этимъ именемъ», т. е. братствомъ. Но мы можемъ указать по крайней мѣрѣ три такихъ документа, именно: нисъмо кіевскихъ братчиковъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу отъ 10 апрѣля 1625 года, письмо ихъ-же къ московскому думному дьяку Ивану Грамотину отъ тогоже числа и письмо ихъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу отъ 17 января 1626 г. Ни въ одномъ изъ этихъ документовъ братчики не называютъ себя «братствомъ», но братіями духовными свѣтскими; такъ въ подписи подъ первымъ письмомъ значится: «всѣ о Христѣ братія православныи братства церковнаго кіевскаго *духовныи*, купно и *мирстїи*»; во второмъ «всѣ братія православныи братства церковнаго кіевскаго, *духовные* и *свѣтскїи*»; въ третьемъ «всѣ о Христѣ братія церковнаго соединенія при храмѣ Богоявленія въ Кіевѣ¹⁾). Если-же въ записи Гулевичевой не видѣть упоминанія о братчикахъ по отсутствію въ ней слова «братство», то возникаетъ неразрѣшимое недоумѣніе, кому-же дается эта записка? Кто владѣлецъ будущей фундаціи? Кто будетъ вѣдать богадѣльню, гостинницу и школу? Скажутъ: монастырь? Но, по мнѣнію гг. Малышевскаго и Голубева, въ 1615 году братскаго монастыря еще не было, онъ является у нихъ только съ 1620 г., съ прибытіемъ въ Кіевъ патріарха Ѳеофана. Г. Голубевъ свое мнѣніе о сформированіи богоявленскаго братства въ 1615 г. основываетъ еще на фразѣ: «начинаемъ братство церковное», употребленной въ «уписѣ» кіевскаго братства. Но, какъ замѣчено выше, этотъ «упись» не 1615 года, а 1631 года. Слово *начинаемъ* было стереотипною фразою не только первыхъ, но и послѣдующихъ дополнительныхъ «уписовъ», а патріархи, митрополиты и епископы въ благословенныхъ грамотахъ братствамъ нерѣдко давали благословеніе и утвержденіе братствамъ не только существовавшимъ раньше времени грамотъ, но и утвержденнымъ ихъ предшественниками, безъ упоминанія о томъ и другомъ. Такъ въ 1606 году львовскій епископъ Гедeonъ Бала-

) Архивъ юго-западной Россіи, т. VI, Приложенія, стр. 554, 556 и 573.

бапъ благословенною грамотою утвердилъ замостьское братство, учрежденное при церкви св. Николая славнымъ паномъ Феодоромъ Волосовичемъ до вступленія Гедеопа на львовскую кафедру и имѣвшее уже грамоту патриаршую на греческомъ языкѣ, «служащую тому братству св. Николая»¹⁾). Грамота эта, какъ полагаетъ профессоръ Петровъ, дана несомнѣнно въ 1588—1589 г. константинопольскимъ патриархомъ Іереміею; но объ ней въ грамотѣ Балабана вовсе не упоминается. Патриархъ іерусалимскій Теофанъ въ 1620 году, во время пребыванія въ Кіевѣ, утвердилъ уставъ виленскаго братства, которое раньше сего, въ 1588 года, было утверждено константинопольскимъ патриархомъ Іереміею. «Чинъ» этого братства напечатанъ былъ въ томъ-же 1588 г. въ Вильнѣ, хотя не дошелъ до насъ. Тотъ-же патриархъ Теофанъ въ томъ-же 1620 году благословилъ и утвердилъ *смуцкое* братство, основанное за 10 лѣтъ предъ тѣмъ, *мошлевское* братство, учрежденное въ 1588 году со школою и съ коллегіею ученыхъ и проповѣдниковъ, по грамотѣ испрошенной у патриарха Іереміи въ Вильнѣ и имѣвшее еще утвердительную грамоту отъ патриаршаго протосинкела Никифора, данную въ Варшавѣ 1597 года, и *муцкое* братство на Волини, сформировавшееся предъ тѣмъ²⁾). *Люблинское* братство имѣло привилей королевскій, писанный на пергаменѣ русскимъ письмомъ, раньше своего утвержденія, испрошеннаго въ 1594 г. у митрополита кіевскаго Михаила Рагозы³⁾). Такимъ образомъ утвержденіе братства патриаршею или митрополичьей грамотами не служитъ еще датой, опредѣляющей его начало. Съ другой стороны извѣстно, что братства гораздо древнѣе XVII вѣка, хотя прежде они имѣли нѣсколько иной характеръ, будучи болѣе церковными и благотворительными, чѣмъ просвѣтительными учрежденіями. Существованіе львовскаго братства относятъ къ первой половинѣ XV в. Греки еще въ 1498 г. устроили въ Венеціи братскій домъ во имя св. Николая. Особенную извѣстность приобрѣло братство на островѣ

¹⁾ «Кіевская Старина», 1882 г., мѣсяцъ іюль, стр. 29—30 и 153, гдѣ напечатана и грамота Гедеопа Балабана.

²⁾ Исторія русской церкви митр. Макарія, т. XI, стр. 246—247. Петръ Могила. С. Голубева, т. I, Приложенія, стр. 254—255.

³⁾ Архивъ юго-западной Россіи, т. VI, стр.

Корфу ¹⁾. Отъ чего-жъ не явиться братству раньше XVII вѣка и въ Кіевѣ, который всегда имѣлъ сношенія и съ Львовымъ и съ Греціей? Хотя кіевскіе митрополиты въ XVI вѣкѣ жили не въ Кіевѣ, а близъ Вильны—въ Новогрудѣ, но Кіевъ считался по прежнему ихъ стольнымъ городомъ, а св. Софія кіевская ихъ каѳедрою; при ней находились митрополичіе намѣстники, собиравшіе и доходъ съ земельныхъ митрополичьихъ здѣсь угодій, а потому *чинъ виленскаго церковнаго братства*, напечатанный въ 1588 г. по благословенію митрополита кіевскаго Описифора и распространенный по юго-западной Россіи въ такомъ числѣ, что 30 экземпляровъ онаго получено было въ одномъ Львовѣ, не могъ не быть извѣстнымъ тогда-же въ Кіевѣ. Могъ-ли онъ не встрѣтить себѣ сочувствія въ кіевскихъ гражданахъ и примѣненія въ тоже время, а не спустя уже 25 лѣтъ? Если вся Литва и Бѣлоруссія къ концу XVI вѣка была уже усѣяна братствами, если около того времени они существовали не только въ болѣе значительныхъ, но и въ меньшихъ городахъ и мѣстечкахъ кіевской митрополіи, каковыми были: Брестъ, Красноставъ, Бѣльскъ, Слуцкъ и др., то быть не можетъ, чтобы тогда не было братства и въ Кіевѣ. Изъ грамоты патріарха Теофана отъ 17 мая 1620 года видно, что въ бытность его въ Кіевѣ учреждено только *младенческое*, или младшее братство, «*старѣйшему* братству единомысленное и повинующееся», какъ говорится въ упомянутой грамотѣ. Когда-же учреждено это *старѣйшее* братство? Кіевскіе братчики въ письмѣ своемъ къ царю Михаилу Теодоровичу отъ 10 апрѣля 1625 г. прописываютъ, между прочимъ, что они «въ единство любви и въ тождество духа совокупились благословеніемъ и *грамотнымъ* утвержденіемъ вселенскаго патріарха *константинопольскаго*», а это ясно указываетъ на начало кіевскаго братства отъ константинопольскаго патріарха Іереміи, ибо никакой грамоты на это дѣло не привозили къ нимъ отъ константинопольскаго патріарха Тимофея ни самъ патріархъ Теофанъ, ни архархъ константинопольскаго патріарха. Вѣроятно, эта грамота сгорѣла въ пожаръ 1614 года. Наконецъ если въ грамотѣ патріарха Теофана 1620 г. видѣть начальное утвержденіе кіевскаго братства;

¹⁾ Мелетій Пигасъ, патріархъ александрійскій. И. Малышевскаго, т. I, стр. 40; 509—510.

то съ равнымъ правомъ надлежало-бы относить учрежденіе этого братства еще къ позднѣйшему времени—къ 1629 году, въ которомъ польскій король Сигизмундъ III грамотой объявилъ: «мы король на основаніе братства милосердія въ г. Кіевѣ на грунтѣ Лозкиной-Гулевичевой, и богадѣльни, и на устроеніе церкви соизволяемъ ¹⁾».

Время построенія въ Кіевѣ, на Подолѣ, богоявленской церкви, при которой учреждалось братство, основался монастырь и заведена школа, г. Голубевъ относить къ 1615 г. и дѣлаетъ это не на основаніи какого-либо историческаго свидѣтельства, а по простому соображенію, что разъ учреждено было братство и получило фундушъ отъ Анны Гулевичевой, то не могло-же оно не позаботиться о постройкѣ церкви. Но какъ быть съ противорѣчащими сему двумя прямыми указаніями, именно: упоминаніемъ о богоявленской церкви въ описи кіевского замка 1555 года и извѣстіемъ грамоты патріарха Ѳеофана 1620 года о строившейся въ его пріѣздъ церкви Богоявленія, между тѣмъ какъ самъ онъ имѣлъ служеніе также въ богоявленской церкви? Первое свидѣтельство г. Голубевъ отстраняетъ тѣмъ предположеніемъ, что существовавшая въ 1555 года церковь сгорѣла во время пожара 1614 года, и въ этомъ случаѣ дѣлаетъ ссылку на исторіографа Миллера, котораго извѣстію о началѣ кіевского братства и школы въ 1589 году онъ не вѣритъ. Но что-нибудь одно: нужно вѣрить или не вѣрить сообщенію Миллера. Если не вѣрить, то за чѣмъ на него и ссылаться? Во всякомъ случаѣ нужно помнить, что ни Миллеръ, ни Рубанъ, ни митрополитъ Евгеній не говорятъ, чтобы во время этого пожара сгорѣла богоявленская церковь. А если она существовала и позже—въ 1620 году, если въ ней служилъ и совершалъ архіерейскія хиротоніи патріархъ Ѳеофанъ въ томъ-же году, то нѣтъ сомнѣнія, что не она сгорѣла за 5 лѣтъ предъ тѣмъ, а сгорѣли только жилища, бывшія при ней постройки. Что касается извѣстія грамоты патр. Ѳеофана о новозаложенной предъ его прибытіемъ богоявленской церкви, которое не согласуется съ мнѣніемъ г. Голубева о построеніи въ 1615 г. братской того-же имени церкви, то это противорѣчіе Голубевъ объясняетъ тѣмъ, что послѣдняя церковь «стро-

¹⁾ Памятныи кіевскій комисіи, т. 2, стр. 86—90.

она была, безъ сомнѣнія, на скорую руку и не могла удовлетворять духовнымъ пуждамъ братства». Отъ чего-же на скорую руку? Церквей обыденныхъ и на скорую руку въ юго-западной Руси не строили, и если кіевскому братству въ 1620 г. потребовалось заложить новую церковь, то, конечно, за обветшаніемъ прежней отъ давности. Эта новая трех-престольная церковь, заложенная при участіи гетмана Сагайдачнаго и на основаніе которой «даровано первѣе отъ щедротныя и благоподатливныя десницы царской», была конечно обширнѣе и великолѣпнѣе первой; но все-же въ постройкѣ ея не представлялось надобности, если менѣе чѣмъ за пять лѣтъ предъ тѣмъ была построена уже церковь.

Для насъ въ данномъ случаѣ важно въ особенности то, что какъ первая, такъ и послѣдняя богоявленскія церкви носили названіе «братскихъ» церквей; такъ первую называютъ братскою Кассіанъ Саковичъ, бывшій ректоромъ кіевскихъ школъ въ 1622 г., а послѣднюю такъ называютъ сами братчики въ письмѣ къ московскому дьяку Грамотину.

Относя къ 1615 году построеніе богоявленской церкви, при которой получила свое начало школа—будущая академія, г. Голубевъ начало кіево-братскаго монастыря не допускаетъ даже и въ это, довольно позднее время. Онъ думаетъ, что Анна Гулевичева въ своей записи 1615 года выражаетъ лишь желаніе, или, точнѣе, ставитъ условіе, чтобы на ея фундушъ былъ устроенъ монастырь ставропигіальный, и прибавляетъ: «большаго вывода изъ этой записи сдѣлать нельзя». Въ самомъ изслѣдованіи Голубева находятъ два опредѣленныя, хотя и противорѣчащія другъ другу, давнія мнѣнія о времени устроенія кіево-братскаго монастыря. Такъ, въ исторической запискѣ 1773 г. о началѣ кіевской академіи говорится, что «гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный съ прочими христіанцами вновь своимъ иждивеніемъ церковь и обитель богоявленскую воздвигъ», и въ подтвержденіе этого дѣлается ссылка на грамоту іерусалимскаго патріарха Паисія, бывшаго въ Кіевѣ въ 1649 году; а составители такой-же записки 1765 года, «по соображенію нѣкоторыхъ обстоятельствъ», полагали, что кіево-братскій «монастырь со школою заложенъ въ 1588 году патріархомъ Іереміею, когда онъ былъ въ Россіи». Первое мнѣніе исключаетъ собою второе; но оно опирается на такомъ документѣ, который не имѣлъ въ виду исто-

рической точности въ передаваемомъ имъ случайно свѣдѣніи и потому этому мнѣнію нельзя отдать предпочтенія предъ другимъ, болѣе давнимъ. Тѣ «нѣкоторыя обстоятельства», которыя соображали, но о которыхъ умолчали составители записки 1765 г., понятны сами собою. Они, безъ сомнѣнія, имѣли подъ рукою неоспоримыя доказательства существованія братства и школы еще въ 1588—89 г., въ прїѣздъ константинопольскаго патріарха Іереміи, и исходя въ своихъ соображеніяхъ о прошломъ отъ современнаго имъ положенія, въ которомъ не академія содержала монастырь, но монастырь распоряжался школою, содержалъ ее и училъ въ ней, пришли къ заключенію, что монастырь заложенъ одновременно со школою въ 1588 г. Но если въ такомъ вопросѣ руководствоваться не одними соображеніями, болѣе или менѣе правдоподобными, а прямыми историческими указаніями, то и въ такомъ случаѣ начало кіево-братскаго монастыря нельзя относить позже 1615 года, какъ это дѣлаетъ почтенный нашъ возражатель. Въ 1625 году кіевскіе братчики писали думному дьяку Грамотину, между прочимъ, слѣдующее: «мы, братство сотворше, *монастырь* инокомъ и церковь Богоявленія Господня.... *здати* начахомъ». А какъ церковь, о которой писали братчики и на окончаніе которой они просили теперь царскаго пособія, несомнѣнно начата постройкою до 1620 года то изъ приведенныхъ словъ можно заключать, что и кіево-братскій монастырь существовалъ до 1620 года въ которомъ, въ прїѣздъ патріарха Теофана, получилъ подтвержденіе права ставропигіи. Когда-же именно онъ основанъ? Въ записи Анны Гулевичевой говорится, что она тогда-же, т. е. 15 октября 1615 г., въ пожертвованный ею братству дворъ ввела священпоинюка Исаію Купинскаго и прочихъ *монашествующихъ*, передавъ этотъ дворъ имъ, равно и всѣмъ православнымъ, духовнымъ и свѣтскимъ, въ дѣйствительное владѣніе и завѣдываніе, при возномъ и дворянахъ, т. е. судебнымъ порядкомъ. Итакъ, не должно быть никакого сомнѣнія въ томъ, что монастырь на нынѣшнемъ братскомъ дворѣ получилъ свое начало никакъ не позже 15 октября 1615 г., если не видѣть въ словахъ завѣщательницы того, что она перевела раньше существовавшей монастырь съ прежняго его мѣста въ свой дворъ. Если понимать слова завѣщанія въ прямомъ смыслѣ, то слѣдуетъ полагать, что основателями кіево-братскаго монастыря были кіевскіе братчики, обыватели

кіевскаго воеводства, которые и въ актѣ 30 декабря 1631 г., признающемъ Петра Могилу главнымъ распорядителемъ кіевскихъ школъ, называютъ кіево-братскую церковь своею, «нашею»¹⁾.

Понятно само собою, что когда рѣчь идетъ о началѣ кіевской академіи, явившейся первоначально въ видѣ братской школы при богоявленской церкви и братскомъ монастырѣ, то всѣ изслѣдованные доселѣ вопросы о посѣщеніи Кіева патриархомъ Іеремією, объ учрежденіи кіевскаго братства, о построеніи богоявленской церкви и основаніи кіево-братскаго монастыря имѣютъ значеніе лишь сопровождающихъ обстоятельствъ, хотя такихъ, отъ разъясненія которыхъ зависитъ рѣшеніе главнаго вопроса о началѣ самой академіи, или кіево-братско-богоявленской школы. Почтенный нашъ оппонентъ, рѣшая всѣ эти вопросы заразъ, только отчасти касается вопроса собственно *объ учрежденіи самой школы* — будущей академіи, ограничиваясь однимъ бездоказательнымъ предположеніемъ, что «школа, введенная Гулевичевою въ ея дворъ, вѣроятно же всего происхожденія лаврскаго, дѣло заботливости кіево-печерскаго архимандрита Елисея Плетенецкаго, «школъ на разныхъ мѣстахъ зычливаго фундатора» (стр. 30). Г. Голубевъ думаетъ, что *учредителемъ кіевской школы* было не братство, а Елисей *Плетенецкій* (1594—1624 г.), и это потому только, что въ надгробномъ словѣ Захарія Копыстенскій назвалъ Плетенецкаго «школъ на разныхъ мѣстахъ зычливымъ создателемъ». Но если основываться на одной любви вліятельнаго лица къ просвѣщенію, то почему основателемъ богоявленской школы не считать скорѣе кіевскаго воеводу Константина Острожскаго (1557—1608), учредившаго въ г. Острогѣ школу высшихъ наукъ около 1570 года, а въ 1602 г. устроившаго училище съ типографією въ Дермани? Вѣдь это былъ, помимо всего, воевода кіевскій, и въ дѣлахъ Кіева принималъ живое участіе. Въ 1603 г. онъ утвердилъ для Кіева протопопа Іоанна Мужилловскаго, въ 1605 г. назначилъ изъ Острога въ кіево-кирилловскій монастырь игумена Василя Красовскаго, а раньше въ 1599 году прислалъ въ Межигорье съ двумя иноками на игуменство воспитавшагося въ г. Острогѣ Аѳанасія, обновившаго древній межигорскій монастырь, надѣлялъ угодами кіево-михайловскій мо-

¹⁾ Памятники кіевской комисіи, т. II, № 8.

настырь и даже новопосвященному изъ сенаторовъ владимірскому епископу Ипатію Потѣю совѣтоваль, въ 1593 году, позаботиться «о закладаньи школъ и наукъ вольныхъ». Если-бы Елисей Плетенецкій хотѣлъ завести въ Кіевѣ училище, то первѣе всего онъ завелъ-бы таковое въ кіево-печерской лаврѣ, подобно Петру Могилѣ, который, только уваживъ просьбы кіевскихъ братчиковъ, духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, согласился соединить открытое имъ въ 1631 году въ лаврѣ училище съ кіево-братскимъ на Подолѣ. Впрочемъ то вѣрно, что училище братское существовало въ Кіевѣ до 1615 года, хотя съ меньшимъ курсомъ, чѣмъ послѣ 1615 года, и достаточнымъ доказательствомъ сего служить уже одно то, что училище, существовавшее только *in spe*, — *будущее*, какъ называлъ его И. И. Малышевскій, не могло быть введено въ дворъ Гулевичевой-Лозкиной 15 октября 1615 г. судебнымъ порядкомъ; при возномъ и при свидѣтеляхъ, а въ ея записи значится: «ввожу и ввела въ свой дворъ школу при возномъ и свидѣтеляхъ». Кажется, противъ этого возражать нечего. Потому нѣтъ основанія отвергать и вѣрность передаваемого исторіографомъ Миллеромъ свѣдѣнія о томъ, что зданіе кіево-братской школы сгорѣло въ 1614 году и что этотъ печальный для братства случай былъ поводомъ къ пожертвованію Лозкиной-Гулевичевой.

Закачивая нашъ отвѣтъ С. Т. Голубеву, замѣтимъ еще, что напрасно онъ въ состояніи Кіева въ концѣ XVI ст. усматриваетъ невозможность учрежденія училища до 1615 года, когда училища были уже въ Острогѣ, Вильнѣ, Львовѣ, Брестѣ, Могилевѣ, Слуцкѣ. Онъ старается подтвердить свое мнѣніе тѣмъ, что въ 1546 году кіево-софійскій соборъ, по свидѣтельству католическаго бискупа, былъ въ заустѣннѣ, что кіевскіе братчики въ «уписѣ» называютъ себя «пребывавшими въ долговременномъ нерадѣннѣ и лѣности и мрачной суетѣ мірской»; что самая печерская лавра не имѣла тогда ни училища, ни типографіи, ни богадѣльни. Но въ заустѣннѣ въ половинѣ XVI ст. стоялъ не одинъ софійскій соборъ, а и другіе древніе храмы такъ называемаго стараго Кіева и не отъ нерадѣннѣ кіевлянъ, не отъ упадка его жителей въ нравственномъ отношеніи, а отъ того, что этотъ старый Кіевъ, оставленный митрополитами и князьями влѣдствіе постоянныхъ нападеній и разореній татарскихъ, разбѣжался и почти не имѣлъ жителей; одни изъ нихъ переселились на Подоль, подъ защиту литовскаго замка на г. Кисилевѣ,

другіе удалились въ болѣе безопасную лѣсистую мѣстность. Но въ послѣднюю четверть XVI вѣка эта древняя часть города стала опять заселяться по вызову кіевского воеводы, князя Константина К. Острожскаго, который «на горѣ, подлѣ Софіи, межн валы, вкопалъ столбъ и зазывалъ на слободу». И возстановленіе кіевскихъ храмовъ начато было, какъ извѣстно, въ то-же время. Въ 1577 г. софійскій намѣстникъ Богушъ-Гулькевичъ-Глѣбовскій «своими власными пѣнязьми учинилъ не малый поратуновъ и подпоможенъ въ оправѣ великой церкви св. Софіи, ее покрылъ и побилъ», какъ значитъ въ грамотѣ митрополита Ильи Кучи ¹⁾. Кіево-михайловскій монастырь началъ возобновляться еще раньше, почти съ начала XVI вѣка; затѣмъ приступлено къ возобновленію и древнихъ загородныхъ монастырей: кирилловскаго, межигорскаго, выдубицкаго. Смиренные о себѣ отзывы братчиковъ не слѣдуетъ обращать въ обвинительный актъ противъ всѣхъ гражданъ Кіева. Отсутствие училища и другихъ учрежденій при печерской лаврѣ въ XVI вѣкѣ не можетъ давать основанія заключать о томъ, чего не было въ городѣ Кіевѣ. Печерская лавра въ то время была загороднымъ мѣстомъ и къ городу не принадлежала, а у насъ рѣчь о городѣ Кіевѣ, который въ XVI вѣкѣ существовалъ только на Подолѣ. Вообще г. Голубевъ, для подкрѣпленія своихъ доказательствъ, бросаетъ Кіеву такой упрекъ, который въ равной мѣрѣ могъ относиться ко всей западной Россіи до 2-й половины XVI вѣка, если не принимать во вниманіе положеніе православной церкви подъ гнетомъ полнизма и католицизма и подъ страхомъ непрекращавшихся татарскихъ набѣговъ.

Итакъ, на основаніи приведенныхъ соображеній, мы по прежнему считаемъ вполнѣ достовѣрнымъ, что кіевское братство со школой, будущею академіей, учреждено при Богоявленской церкви въ 1589 г., по благословенію патр. Іереміи—личному или данному чрезъ депутатовъ, посланныхъ къ нему въ Замостье, а въ 1615 г. оно, со школою-же, перешло на новое, сосѣднее мѣсто, во дворъ, пожертвованный ему Гулевичевою-Лозкиной.

п. л.

¹⁾ Описаніе кіево-софійскаго собора, 1882 г., стр. 81.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

(Продолженіе) ¹⁾.

VI.

Люблинская унія съ ея правами не относилась къ Галицкой Руси, еще раньше завоеванной Казиміромъ Ш, съ которой поляки обрачались, какъ обыкновенно побѣдители съ побѣжденными.

Законы составлялись для Литовской Руси. Правда Сигизмундъ Августъ незадолго до своей смерти уравниалъ также галицкую и подольскую шляхту съ польской; однако и послѣ того права уніи городельской и люблинской распространялись только на русскую шляхту, исповѣдывавшую латинскій обрядъ, а православная шляхта исключена была отъ урядовъ и должностей.

Поэтому въ томъ-же 1569 году депутаты львовскіе Васью Тихоновичъ и Хома Бабичъ, основываясь на актѣ соединенія, обратились къ королю съ такою петиціею, что русскіе всѣхъ польскихъ провинцій имѣютъ теперь равныя права съ поляками, а потому несправедливо, чтобы русскіе г. Львова лишались этихъ правъ. На варшавскомъ сеймѣ 1572 года 20 мая они получили дипломъ, по которому львовскіе жители, исповѣдывавшіе восточный обрядъ, пользуются равнымъ почетомъ, правами и привилегіями съ послѣдователями латинскаго обряда и могутъ производить всякую торговлю; запрещалось также, подѣ штрафомъ въ 20,000 злот. венгерскихъ, притѣснять или преслѣдовать какъ

¹⁾ См. январьск. кн. «Кіевская Старина», 1885 г., стр. 19—56.

ихъ самихъ, такъ и русское духовенство. Однако эта привилегія не была приведена въ исполненіе; король вскорѣ умеръ, а русскіе обыватели г. Львова терпѣли многочисленныя преслѣдованія.

Генрихъ Валуа подтвердилъ этотъ дипломъ своего предшественникъ, но рада города Львова, состоявшая изъ однихъ католиковъ, не хотѣла и слышать о томъ. Русскіе внесли въ урядъ протестацію, на которую радцы не обратили вниманія, когда-же они, во время ярмарки 1575 г. хотѣли публично продавать свои товары, бурмистры приказали разобрать ихъ лавки, а купца Дмитрія Красовскаго арестовать и подвергнуть штрафу. Дѣло представлено было на судъ короля Стефана, который самъ въ 1577 г. подтвердилъ было упомянутый дипломъ. Король рѣшилъ, что русскіе имѣютъ право продавать свои товары только во время ярмарки и то путемъ розничной продажи. Такимъ образомъ дипломъ Сигизмунда Августа, добытый съ большими препятствіями, издержками и усиліями, подтвержденный двумя королями, былъ уничтоженъ при третьемъ.

Говорить о благодѣяніяхъ люблинской уніи въ особенности для Галицкой Руси можетъ только тотъ, кто не знаетъ польской исторіи, или же упорствуетъ, поддерживая это заблужденіе. Во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія борьба двухъ противоположныхъ между собою элементовъ—польскаго и русскаго въ Червонной Руси. Край этотъ былъ ареной, на которой прежде всего столкнулись русскія и польскія силы, опъ былъ предметомъ споровъ въ теченіи девяти вѣковъ, какимъ остается и до настоящаго времени. Наводненная поляками Червонная Русь первая выработала идсю церковныхъ братствъ; она дольше всего удерживала православіе и позже всего приняла унію. Правда, она произвела Жолкевскаго, Собѣскаго и др., но изъ нея-же происходили: Петръ Сагайдачный, Іоаннъ Вишенскій и т. -п.

Послѣдствія люблинской уніи оказались еще менѣе благоприятными, вслѣдствіе новаго поворота въ сферѣхъ религіозныхъ отношеній. Для поддержанія католической церкви кардиналъ Гозиусъ водворилъ въ Польшѣ іезуитовъ и въ 1566 г. основалъ для нихъ коллегію въ Варми, а въ 1569 г. виленскій епископъ Валерій Протасевичъ вызвалъ ихъ въ Вильно. Іезуиты основали свои коллегіи въ Познапи, Пултускѣ, Вильнѣ и т. д. и вновь насаждали въ по-

лякахъ религіозную нетерпимость, которая, какъ гидра, до конца терзала Польшу, потому что іезуиты, ослабивъ протестантскую партію, всю свою энергію обратили на борьбу противъ православія.

Такимъ образомъ къ политической централизаціи, введенной посредствомъ люблинской уніи, прибавилась еще религіозная нетерпимость, окончательно сгубившая Польшу. Поэтому мы не отрицаемъ важность люблинской уніи и напротивъ приписываемъ ей огромное значеніе—это была одна изъ причинъ упадка Польши. Вслѣдствіе принесенія Руси въ жертву Польшѣ и происшедшихъ отсюда столкновеній, составныя части Рѣчи Посполитой до такой степени взаимно ослабились, что уже Янъ Казиміръ, на варшавскомъ сеймѣ 1661 г., былъ въ состояніи предсказать раздѣлъ Польши.

VII.

По смерти Сигизмунда Августа преемникомъ ему избранъ былъ Генрихъ Валуа. Король этотъ пробылъ на польскомъ тронѣ слишкомъ мало, чтобы можно было сказать о немъ что нибудь положительное. Слѣдуетъ развѣ вспомнить только о томъ, что онъ первый присягнулъ на таеъ называемыхъ *pacta conventa*, гдѣ между прочими статьями значилось: «никто не можетъ подвергаться наказаніямъ или преслѣдованіямъ за вѣроисповѣданіе», т. е. иными словами это означало, что диссиденты будутъ оставлены въ покоѣ.

Диссидентами называли всѣхъ иновѣрцевъ, но подъ этимъ именемъ слѣдуетъ по преимуществу разумѣть православныхъ русскихъ, которые были многочисленнѣе другихъ въ Польшѣ. Дѣйствительно-ли права и привилегіи диссидентовъ считались неприкосновенными въ Польшѣ, увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Какъ разумный политикъ, Стефанъ Баторій не только не преслѣдовалъ иновѣрцевъ, а напротивъ даже бралъ ихъ подъ защиту. Онъ говорилъ обыкновенно: «я король надъ людьми, а не надъ ихъ совѣстью». Когда Баторію представляли всѣ выгоды отъ соединенія русской церкви съ римскою для политической цѣльности и усиленія Рѣчи Посполитой, онъ не поддавался этимъ наговорамъ и сказалъ въ отвѣтъ слѣдующія памятыя слова: «Благодаримъ Бога за то, что вступивши на польскій престолъ,

мы нашли великій и сильный русскій народъ въ согласіи съ народомъ польскимъ и литовскимъ. У нихъ одни желанія, они равны между собою и взаимно уважаютъ другъ друга; между ними нѣтъ неприязни. Богослуженіе совершается спокойно и безпрепятственно въ римскихъ костелахъ и въ русскихъ церквяхъ. Мы радуемся такому согласію и не считаемъ нужнымъ принуждать къ объединенію двухъ церквей. Мы не знаемъ, что можетъ возникнуть и вырасти изъ такого положенія дѣлъ, но думаемъ и признаемъ, что въ случаѣ принужденія возникнетъ только неприязнь и борьба между Русью и Польшей, вмѣсто единенія и согласія, и послѣдуетъ паденіе и гибель обоихъ народовъ ».

Впрочемъ вліяніе католическаго духовенства на Руси было еще незначительно; ксензовъ было такъ мало, что не только въ кievской землѣ, но и на Волыни русскіе священники крестили польскихъ дѣтей, приобщали больныхъ и погребали умершихъ поляковъ, которые не дѣлали большаго различія между католическими и русскими священниками. Иерархія латинская считала необходимымъ выпросить у Баторія универсалъ, запрещающій подъ страхомъ наказанія православнымъ епископамъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла католиковъ.

Изъ приведенныхъ выше словъ короля Баторія ясно, что онъ предвидѣлъ тѣ бѣдствія, какія должны были наступить въ Польшѣ вслѣдствіе нетерпимости, и указывалъ, что она можетъ повести за собою гибель обоихъ народовъ. Но этотъ разумный король не предвидѣлъ, что орденъ іезуитовъ, которому онъ отдалъ виленскую академію и другія школы, вмѣсто распространенія просвѣщенія занялся впослѣдствіи исключительно преслѣдованіемъ иновѣрцевъ и что именно этотъ орденъ произвелъ упадокъ, который предвидѣлъ Баторій. Послѣ завоеванія Полоцка въ 1580 г. Баторій, по просьбѣ іезуита Скарги, отобралъ имѣнія четырнадцати русскихъ монастырей и церквей и подарилъ ихъ іезуитской коллегіи въ Полоцкѣ.

Въ 1582 г. введенъ новый грегорианскій календарь. Согласно съ планами іезуитовъ въ слѣдующемъ году прислана львовскому бурмистру королевская грамота, запрещающая православнымъ заниматься ремеслами и торговлею въ праздничные дни по новому календарю; іезуиты расширили это запрещеніе и на празд-

ники, чествуемые по старому календарю. Дѣйствуя по обыкновенію скрытно, они преслѣдовали православіе черезъ посредство львовскаго латинскаго архіепископа Суликовскаго. Тотъ поручилъ это дѣло своему брату Войцѣху, который наканунѣ русскаго праздника Рождества Христова ходилъ по церквамъ и монастырямъ въ сообществѣ канониковъ львовской капитулы и вооруженныхъ людей, изгонялъ народъ, вытаскивалъ священниковъ изъ алтарей, не позволяя оканчивать богослуженіе и наконецъ запиралъ и опечатывалъ церкви.

Русскіе мѣщане, сильно оскорбленные такимъ поступкомъ, сорвали печати съ церковныхъ дверей и, вмѣстѣ со своимъ епископомъ Балабаномъ, подали жалобу королю. Жалоба могла-бы имѣть не-пріятныя для Суликовскаго послѣдствія, такъ какъ здѣсь замѣшанъ былъ интересъ Балабана, принадлежавшаго къ знатному роду. Дѣло кончилось тѣмъ, что въ 1584 года Баторій дозволилъ русскимъ сохранить прежній календарь и запретилъ дальнѣйшее ихъ преслѣдованіе подъ угрозою тяжелыхъ наказаній. Однако тотъ-же самый король еще въ 1578 году запретилъ православнымъ публично и торжественно хоронить своихъ покойниковъ.

Со смертью Баторія оканчивается для Польши то свѣтлое, общее прошлое, на которое такъ охотно привыкли ссылаться поляки; то было время, когда не слишкомъ еще допытывались, кто какого вѣроисповѣданія, а больше обращалось вниманія на то, кто какой гражданинъ. Русская кровь проливалась за польскіе интересы и православные паны, какъ князь Константинъ Острожскій и другіе, такъ горячо защищали Польшу потому, что въ ея лицѣ защищали собственную свободу. Вмѣстѣ съ жизнью Баторія заканчивается свѣтлая и счастливая эпоха польской исторіи.

Здѣсь слѣдуетъ вспомнить о казни Подковы, потому что она также стоитъ въ связи съ политикою, какой держалась при Баторіи Польша по отношенію къ Руси.

Румынскій господарь Петръ угнеталъ молдаванъ. Братъ прежняго господаря, Ивони, поступилъ въ козаки, гдѣ за свою огромную силу былъ прозванъ Подковой, такъ какъ ломалъ подковы. Призванный на господарство частью молдаванъ, Подкова прогналъ Петра съ помощью козаковъ подъ предводительствомъ гетмана Шаха. На помощь изгнанному двинулся братъ Баторія Христофоръ,

господарь трансильванскій. Подкова возвратился на Украину, но здѣсь попалъ въ ловушку къ полякамъ: ему посовѣтовали явиться къ королю, чтобы оправдать свой поступокъ, но король не принявъ Подковы, приказалъ заключить его въ тюрьму и впоследствии казнить во Львовѣ.

Одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ, вызвавшихъ казнь Подковы, была его популярность среди козаковъ. Занятый войною съ московскимъ государствомъ, король нуждался въ повоѣ со стороны Турціи и для того хотѣлъ попридержатъ козаковъ. Крупные землевладѣльцы, въ видахъ обогащенія, раздѣляли взглядъ короля, такъ какъ при такихъ условіяхъ турки не должны были разорять ихъ помѣстья своими набѣгами; напротивъ мелкая русская шляхта считала войны съ невѣрными выгоднымъ промысломъ и даже пограничные старосты не пренебрегали этими походами совместно съ козаками, что давало поводъ къ постояннымъ недоразумѣніямъ съ турками.

VIII.

Теперь слѣдуетъ приступить къ разбору вопроса о козачествѣ, его происхожденіи и ростѣ на Украинѣ и на Запорожьѣ, иначе трудно понять дальнѣйшую судьбу этого края. Украина въ собственномъ смыслѣ обнимала всю юго-восточную часть Рѣчи Посполитой. По современнымъ понятіямъ поляковъ, козакъ—это разбойникъ или панскій слуга; даже въ литературѣ польской онъ не заслужилъ иной роли, кромѣ обязанности развозить панскія письма (Мальчевскій), напротивъ, для русскаго люда козакъ былъ идеаломъ свободного человѣка.

Начиная съ XV ст. недовольные жители Руси уходили въ степи, особенно на берега рѣкъ и днѣпровскіе острова, защищенные скалами, тростниками и болотами. Эти берега и острова представляли бѣглецамъ весьма выгодныя для поселенія мѣста, благодаря необыкновенному обилію рыбы, дичи и богатыхъ пастбищъ. И такъ рыбная ловля и охота первоначально составляли главное занятіе бѣглецовъ. Но съ теченіемъ времени частыя стычки съ татарами выработали изъ этаго свободного населенія христіанское рыцарство, названное козаками, которыхъ походы уже не ограни-

чиваются мелкими схватками съ татарами или грабежемъ купеческихъ каравановъ,—ихъ главною цѣлью въ жизни становится война съ невѣрными; отсюда неожиданныя набѣги на турокъ и въ особенности на татаръ, которыхъ грабили безъ милосердія за ту горькую долю, какую отъ нихъ терпѣла Русь.

Таково было происхожденіе козаковъ, т. е. легкихъ набѣдниковъ, свободныхъ и ненаемныхъ воиновъ, занимавшихся войною противъ мусульманъ. Процессъ роста козачества происходитъ при такихъ обстоятельствахъ: завоевавши Русь отъ татаръ, литовское правительство изгнало ханскихъ баскаковъ изъ русскихъ городовъ и сель. Однако татары не отказались отъ своихъ обычаевъ и, въ особенности послѣ основанія отдѣльнаго крымскаго ханства, не имѣя возможности по прежнему собирать дань, дѣлали набѣги на русскія земли цѣлою ордою и захватывали не только имущество, уводили въ плѣнъ и самое населеніе.

Въ силу внутренняго литовскаго распорядка, князья и крупные паны въ русской землѣ были пограничными королевскими старостами. Первоначально паны эти скликали охотниковъ до военныхъ походовъ, водили ихъ противъ татаръ и приучали въ военной службѣ. Въ первое время козаки были не болѣе, какъ старостинскою пограничною стражей; но выраженіе «ходить въ козаки» показываетъ, что козачество существовало также и независимо отъ пограничной службы.

Каждая козацкая группа звала своего предводителя гетманомъ (гетманствовать значило предводительствовать войсками), а вооруженная дружина называлась козаками. Такими гетманами были: Предславъ Ланцкоронскій, Дмитрій Вишневецкій, Богданъ Ружинскій и др.

Двое гетмановъ являются организаторами козацкаго сословія: Евстафій Дашковичъ, староста каневскій и черкасскій, и Предславъ Ланцкоронскій, староста хмѣльницкій. Часто пограничный староста держалъ себя, какъ удѣльный князь, и каждый изъ сосѣднихъ монарховъ заботился о дружбѣ съ нимъ, такъ какъ онъ могъ быть опасенъ каждому. Въ войнѣ между Польшею и Москвою Дашковичъ служилъ послѣдней, но впослѣдствіи, возвратившись въ Литву, получилъ въ управленіе два значительные замка—Черкасы и Каневъ, которые съ того времени становятся ядромъ козачества. Въ

1533 году онъ составилъ планъ защиты Украины посредствомъ устройства на берегахъ Днѣпра постоянной стражи въ двѣ тысячи козаковъ, которые препятствовали-бы татарамъ переходить на правый берегъ Днѣпра. Дашковичъ предлагалъ этотъ проектъ на сеймѣ въ Петроковѣ, но безуспѣшно. Очевидно, Сѣчь еще не существовала.

Дмитрій Вишневецкій слѣдовалъ по стопамъ Дашковича: онъ значительно содѣйствовалъ развитію козачества, принимая всѣхъ желающихъ, и когда король отказалъ ему въ какомъ-то требованіи, грозилъ перейти на службу къ султану. Во время управленія Черкасами и Канею Вишневецкій основалъ укрѣпленіе на островѣ Хортицѣ и, подобно Дашковичу, сражался противъ турокъ и татаръ. Въ январѣ 1557 г. ханъ осадилъ Хортицу, гдѣ Вишневецкій долгое время выдерживалъ осаду, пока наконецъ голодъ принудилъ его отступить къ Черкасамъ. Вишневецкій пытался завоевать для себя Молдавію, но въ послѣдствіи, побѣжденный и принуждаемый къ принятію магометанства, погибъ въ Стамбулѣ, ругая Магомета и его вѣру.

Первоначально, до гетманства Ружинскаго, главное значеніе въ козацкомъ войскѣ принадлежало намѣстникамъ великаго князя литовскаго, но въ послѣдствіи князь Богданъ Ружинскій становился выше всѣхъ другихъ предводителей и не столько военными подвидами, сколько благодаря братскому отношенію къ козакамъ. Всѣ прежніе намѣстники великаго князя смотрѣли на козаковъ съ выскоты панскаго величія, считали козацкія общества не болѣе, какъ вооруженною крестьянскою семьєю, и на самихъ козаковъ смотрѣли какъ на своихъ крѣпостныхъ слугъ; но Ружинскій, по козацки предводительствовавшій козаками въ походахъ, отказался отъ панской роскоши и въ своей домашней жизни; онъ предоставилъ козакамъ свободную раду, нимало не ограничивая ее своимъ правомъ намѣстника. Такимъ образомъ русское общинное право начинаетъ укрѣпляться среди козаковъ; вотъ почему козаки изъ другихъ округовъ начинаютъ стекаться подъ знамена Ружинскаго. Тогда цаны весьма настойчиво начинаютъ докучать королю жалобами на произволъ козаковъ, въ слѣдствіе чего король хотѣлъ было снова подчинить ихъ власти намѣстниковъ, но принужденъ былъ оставить ихъ въ покоѣ и не препятствовать ихъ устройству, такъ какъ Ружинскій съ козаками много помогалъ ему противъ турокъ. Съ тѣхъ

поръ какъ Ружинскій объединилъ козаковъ подъ одну гетманскую булаву, козачество почувствовало себя силой и стало считать себя свободнымъ сословіемъ, которое не отбываетъ никакихъ податей и повинностей и знаетъ одну только военную службу. Съ того времени козачество развиваетъ для себя громадское управление и самосудъ; козаки начинаютъ сами выбирать себѣ гетмановъ, не обращая вниманія на ихъ происхожденіе, состояніе и расположеніе короля. Въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ гетмановъ и не титулованныхъ, какъ: Шахъ, Подкова, Скалозубъ и др.—Козаки селились по обоимъ сторонамъ Днѣпра., заселяя территорію нынѣшнихъ губерній: кievской, полтавской и южной части подольской.

Первоначальной задачей козачества было—слѣдить за движеніями татаръ и препятствовать имъ переходить за Днѣпръ. Однако польское правительство не оказало поддержки ни Дашковичу въ его проектѣ объ учрежденіи сильной стражи на Днѣпрѣ, ни князю Вишневецкому во время его небезопаснаго пребыванія на островѣ Хортицѣ. Янъ Орышовскій, бывший запорожскимъ гетманомъ при Стефанѣ Баторіи, готовъ былъ самъ заняться этимъ дѣломъ, какъ видно изъ его словъ, записанныхъ Бѣльскимъ: «если-бы построить замки на днѣпровскихъ островахъ, то не лазили-бы къ намъ татары, мы могли-бы отнять у нихъ все поднѣпровье, если-бы только захотѣли, но мы предпочитаемъ отражать ихъ у Самбора».

Итакъ, оборона границъ зависѣла отъ доброй воли козаковъ. Охраняя «татарскіе шляхи», они были весьма полезны польскому правительству, поэтому-то короли дѣлали имъ уступки и не считали ихъ опасными. Между тѣмъ козачество распространяется все дальше и дальше, охватываетъ своими поселеніями цѣлую Кіевщину, Брацлавщину и Черниговщину, однимъ словомъ все, гдѣ только встрѣчались свободныя мѣста на Украинѣ. Козаки жили въ городахъ, хуторахъ и усадьбахъ. Съ теченіемъ времени городскіе жители раздѣлились на мѣщанъ и козаковъ, первые назывались «послушными», вторые «непослушными или городскими козаками».

Во времена литовскихъ намѣстниковъ и ихъ бояръ воля народа на Украинѣ не имѣла значенія. Впослѣдствіи Польша надѣлила бояръ шляхетскими правами и отсюда получила начало шляхетская юрисдикція; но, по мѣрѣ распространенія козачества, общинное право брало верхъ надъ шляхетскою юрисдикціею. Гдѣ-бы

ни поселился козакъ на занятомъ имъ грунтѣ, она не имѣла для него значенія,—онъ подчинялся только своему атаману и радѣ.

Полная личная свобода, неограниченное право земельной собственности, самоуправленіе, основанное на выборномъ началѣ, право собственнаго суда, полное равенство между членами общества, презрѣніе къ привилегіямъ и происхожденію, взаимная оборона противъ внѣшнихъ враговъ—вотъ въ чемъ состояли идеалы козачества. Съ особенной ясностью идеалы эти выступаютъ въ исторіи малорусскаго козачества въ то время, когда ему удалось распространить свое вліяніе на весь южно-русскій народъ.

Украинскихъ или осѣдлыхъ козаковъ нужно отличать отъ тѣхъ, которые жили дальше на югъ, за днѣпровскими порогами, отчего и назывались запорожцами. Хотя послѣдніе были причислены къ польскому королевству, но въ дѣйствительности представляли общество вполне свободное и не подлежали никакой посторонней власти. Козаки не забывали пути, указаннаго Дашёвичемъ и Вишневецкимъ, и нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя возникла Сѣчь Запорожская за скалистыми днѣпровскими порогами: на островѣ Томаковѣ козаки расположились кошею, т. е. лагеремъ, окружили его засѣками и назвали Сѣчью. Безъ этого укрѣпленія козакамъ не удалось-бы, съ одной стороны, избавиться зависимости отъ старостъ, съ другой они не были-бы въ состояніи удержать побережье Днѣпра отъ татаръ и турокъ.

Съ теченіемъ времени запорожцы образовали родъ военнаго братства, имѣвшаго свои оригинальные обычаи и законы. Высшая власть находилась въ рукахъ козацкаго вѣча или *рады*; рада избирала главнаго кошевого атамана, который пользовался неограниченною властью надъ козаками, но по истеченіи годичнаго срока давалъ отчетъ въ своей дѣятельности и въ случаѣ злоупотребленій наказывался смертью.

Первоначально кошевой избирался для каждаго предстоящаго похода и на то время былъ диктаторомъ. Если походъ былъ удаченъ, его ожидала слава,—въ случаѣ неудачи постигалъ военный судъ.

Старшины, оставившіе должность, по выборѣ на ихъ мѣсто другихъ, становились снова простыми козаками. *Коши* дѣлился на *курени*, изъ которыхъ каждый состоялъ подъ начальствомъ выборнаго куреннаго атамана. Сѣчевые козаки жили въ общихъ «куре-

няхъ» и обѣдали всѣ вмѣстѣ за общимъ столомъ.—Число запорожцевъ не было ограничено.

Впослѣдствіи, смотря по обстоятельствамъ, Сѣчь переносилась и на другіе днѣпровскіе острова;—это была военная школа для Руси; тамъ находилась войсковая казна, недоступная для непріятеля; тамъ строились чайки для походовъ по Черному морю. Ни одна національность не была исключена отъ доступа въ сѣчевое братство и выходъ изъ него былъ свободенъ во всякое время.

Населеніе Запорожья, какъ мы уже видѣли, состояло первоначально изъ однихъ мушкетъ, только временно проживавшихъ здѣсь для занятія рыбной ловлей, охотой, войной; но съ теченіемъ времени сюда начинаютъ переселяться семьями и образуются хутора. Территорія Запорожья простиралась отъ Днѣпра до Днѣстра и Чернаго моря. Занятый козаками край этотъ, называемый также «*Низомъ*», все больше пріобрѣталъ значеніе свободнаго пріюта для всѣхъ, кому плохо жилось на родинѣ, или кому правилась борьба съ невѣрными; часто также изъ Запорожья появлялись мстители за обиды, какъ свои, такъ и своихъ братьевъ. Запорожцы находились въ связи съ козаками не только украинскими, но и съ донскими, съ которыми предпринимали не разъ общіе походы. Поселенія низоваго войска не ограничивались одною Сѣчью,—на днѣпровскихъ островахъ и на обоихъ берегахъ рѣки возникали козацкія села и хутора, но центръ все-таки составляла Сѣчь, куда не допускались женщины. Поэтому низовые козаки дѣлились на женатыхъ и неженатыхъ, хотя между тѣми и другими была тѣсная связь. Контингентъ запорожскаго войска пополнялся главнымъ образомъ бѣглыми крестьянами, владѣльцы которыхъ не въ состояніи были преслѣдовать ихъ въ дикихъ степяхъ и заросляхъ за чертою заселенной Украины; доказательствомъ такого происхожденія запорожской общины можетъ служить господство въ ней правослвпной вѣры и малорусскаго языка.—Таково было войско низовое запорожское.

Развитію козачества наиболѣе способствовала близость татаръ, свирѣпствовавшихъ на границахъ Украины. Не занимаясь почти ни ремеслами, ни торговлею, ни какими-нибудь другими промыслами, татары привуждены были довольствоваться только скудными пастбищами на полуостровѣ; въ силу этого они не могли прожить безъ добычи и вотъ главная причина ихъ набѣговъ. Князь Криштофъ

Збаражскій, бывший посломъ въ Константинополь въ 1623 г., пишетъ въ своемъ отчетѣ: «Сама необходимость вынуждаетъ татаръ къ нападеніямъ; въ этомъ для нихъ большая выгода, иначе они вымерли бы съ голоду. Почти всѣ галеры, всѣ моря наполнены подданными Рѣчи Посполитой. Даже жены и красивѣйшая прислуга происходятъ оттуда-же. Земля татарская бѣдна скотомъ и стадами, все это добывается татарами изъ Польши». Итакъ татары угоняли скотъ, захватывали все безъ разбора, но больше всего предпочитали ясырь (плѣнниковъ), который продавали во всѣ восточныя страны: восточное общество нуждалось въ большомъ количествѣ слугъ—невольниковъ, которыхъ и поставляли татары. Охотнѣе всего они захватывали дѣтей, которыхъ, подъ названіемъ султанскихъ дѣтей, воспитывали въ султанскихъ сераялахъ для янычарства и другихъ услугъ. Такимъ образомъ христіане служили для поддержки магометанства,—отсюда и происходятъ тѣ исполненныя грусти народныя пѣсни, въ которыхъ воспѣвается разлука мужей съ женами, братьевъ съ сестрами, дѣтей съ родителями.

При Солиманѣ I было девять великихъ визирей и всѣ они происходили изъ дѣтей султанскихъ. Турція жила какъ вампиръ, высасывая свѣжую кровь изъ христіанскихъ народовъ и прежде всего изъ присоединенныхъ къ Польшѣ жителей Руси; поэтому никто не дѣлалъ такихъ усилій сломить турецкія силы, какъ южно-русское племя.

Заселеніе украинскихъ степей и развитіе въ нихъ козачества происходило, можно сказать, противъ воли правительства, которое не могло оказывать поддержку козачеству, усиливавшемуся бѣглецами изъ королевскихъ и панскихъ помѣстій. Развиваясь силою оппозиціи русскаго элемента противъ татарскаго, козачество съ одной стороны удерживаетъ главныя особенности своего возникновенія, а именно—христіанскую вѣру и рыцарскіе обычаи, съ другой-же усваиваетъ наѣздническіе обычаи и татарскую политику, безъ чего ему невозможно было-бы существовать. Татары брали быстротою и ловкостью нападеній и воздержаніемъ во время походовъ; тѣ-же качества должны были усвоить казаки еще въ большей степени, чтобы имѣть возможность противустать татарамъ. Какъ татары вторгались въ подніпровскую и подністровскую Русь, такъ и запорожцы нападали на татарскіе улусы и турецкія земли, за

разбой платили разбоемъ, за набѣгъ—набѣгомъ. Подобно татарамъ козаки жили добычей, которую брали, гдѣ только было можно, и служили тому, кто больше платилъ; козаки и добыча были тѣсно связанныя понятія.

Однако захватъ добычи не былъ единственною цѣлью козацкихъ походовъ, перевѣсъ надъ нимъ брала защита края и свободы, освобожденіе христіанскихъ плѣнниковъ; этимъ объясняется, почему и паны принимали участіе въ походахъ. Отсюда отличительныя черты козаковъ вообще и запорожцевъ въ особенности—стремленіе къ славѣ и добычѣ, свобода и безпредѣльное мужество въ битвахъ съ бусурманами, быстрота и ловкость въ набѣгахъ, необыкновенная выносливость въ походахъ и разгульная расточительность въ мирное время.

Между тѣмъ какъ въ польской исторіи мы встрѣчаемъ рѣзкіе факты утайки и расхищенія общественной казны, козаки грабятъ для своего вооруженія; гетманъ получалъ не больше простаго козака и между ними не было примѣра кровавыхъ столкновеній изъ-за раздѣла добычи. Отчетъ барскаго старосты Претвича оправдываетъ нападенія козаковъ на татарскіе улусы, указывая съ одной стороны ихъ необходимость, съ другой—выгоды, представляемая козачествомъ. Не смотря на то, король Сигизмундъ I по требованію хана предпочелъ перевести Претвича изъ Бара въ Теробовль. Король этотъ задумалъ было обратить козаковъ въ замковую службу, что, разумѣется, не отвѣчало ихъ желаніямъ; война съ невѣрными дала начало козачеству и должна была служить также основаніемъ ихъ быта.

Уже при Сигизмундѣ I козацкія силы вмѣстѣ съ поляками побѣдили турокъ подъ Аккерманомъ, но наиболѣе прославились козаки своими черноморскими походами, на которые отправлялись въ легкихъ чайкахъ,—такъ назывались ихъ лодки, обшитыя по краямъ тростникомъ и вмѣщавшія до шестидесяти человекъ. На такихъ чайкахъ пускались козаки въ открытое море, нападали на турецкіе города, грабили берега Анатоли и Румели, освобождали христіанскихъ плѣнниковъ изъ галеръ и тюремъ, разбивали турецкіе флоты, не разъ появлялись подъ стѣнами столицы падишаха, и слава козацкая расходилась по свѣту. Такъ въ 1593 г., при гетманѣ Богданѣ Микошинскомъ, императоръ германскій Рудольфъ

II отправилъ на Запорожье посольство, приглашая козаковъ на помощь противъ турокъ. Вслѣдствіе жалобъ и угрозъ турецкаго правительства, Сигизмундъ Августъ приказывалъ запорожцамъ возвратиться въ украинскіе города и замки и не беспокоить турецкихъ земель. Разумѣется, всѣ эти приказанія не имѣли силы.

Что касается внутренняго самоуправленія, то козацкая община обсуждала свои дѣла на сотенныхъ, полковыхъ и «великихъ войсковыхъ» радахъ. Конечно, въ то время козакамъ казалось невозможнымъ, чтобы ихъ рады могли стать наравнѣ съ панскими сеймами; паны въ свою очередь не думали, чтобы низовое братство сохранило въ своемъ «кошѣ» предковскіе народныя идеалы, какъ искры подъ пепломъ, изъ которыхъ со временемъ долженъ вспыхнуть на Украинѣ сильный пожаръ.

Несомнѣнно однако, что въ дѣлѣ внѣшнихъ отношеній государства борьба козаковъ съ татарами и турками была защитой свободы, личной, территоріальной и имущественной безопасности противъ дикихъ азіатовъ. Правда, послѣ объединенія Руси съ Польшею дѣло обороны края должно было выпасть на долю военнаго сословія Рѣчи Посполитой, если-бы она имѣла достаточно силы, чтобы безъ королевской помощи оказывать дѣйствительную защиту землямъ, которыя носили названіе королевскихъ. Однакоже государственная казна въ Польшѣ была пуста, постояннаго войска было очень мало, а *посполитое рушеніе* не отличалось военной дисциплиной, собиралось медленно и спѣшило расходиться по домамъ. Поэтому всѣ надежды на защиту края обращались къ козакамъ и надворнымъ милиціямъ, которыя содержали у себя паны.

Высшее дворянство отказывало королямъ въ средствахъ для содержанія войска, опасаясь съ ихъ стороны сокращенія своихъ вольностей; а въ тоже время козаки своими военными предпріятіями достигли того, что берега Чернаго моря готовы были признать надъ собою господство запорожской общины.

Мы не хотимъ этимъ доказать, чтобы польское правительство совершенно оставило въ сторонѣ войны съ татарами и турками, мы утверждаемъ только, что усилія его были недостаточны, въ то время какъ защита границъ была дѣломъ безпрестанной необходимости. Приведемъ нѣсколько примѣровъ въ доказательство.

Когда Янушъ Острожскій разбилъ у Пятки войско Косинскаго, паны поставили свою стражу противъ татаръ; между тѣмъ татары захватили стражу и такъ неожиданно ворвались на Волинь, что никто и не узналъ о набѣгѣ, и они удалились также безпрепятственно, какъ и пришли.

Въ слѣдующемъ году, въ то время какъ въ Венгріи шла война христіанъ противъ турокъ, императоръ Рудольфъ II просилъ польскаго короля не пропускать татаръ черезъ Польшу въ Венгрію на помощь туркамъ. Однако въ Польшѣ заняты были другими дѣлами, такъ какъ подготавлилась церемонія оглашенія канонизаціи св. Яцка. Въ то самое время, какъ въ Краковѣ проводили время въ процессіяхъ, обѣдахъ и публичныхъ диспутахъ о томъ, виднѣтъ-ли св. Яцекъ съ неба, что дѣлають его почитатели, зналъ-ли онъ, что будетъ причисленъ къ лику святыхъ и т. д., татары ворвались въ Покутье, разграбили и сожгли Снятинъ, Жуковъ, Толмачъ, Тисменицу, Галичъ, Калушъ, Долину и др. и прошли безпрепятственно до самаго Самбора.

Итакъ, Польша лишена была внѣшней безопасности, такъ какъ не имѣла внутренняго порядка. *Посполитое рушеніе* извѣстно было своею медлительностью, дававшей татарамъ возможность истребить шляхту, прежде чѣмъ она выйдетъ въ открытое поле. Впрочемъ, пусть примѣръ наглядно покажетъ, насколько можно было разсчитывать на посполитое рушеніе.

Въ 1537 г. молдавскій господарь Богданъ вторгся въ Покутье. Сигизмундъ I потребовалъ на время похода наложенія одновременной подати, но, получивши отказъ со стороны шляхты, объявилъ посполитое рушеніе. Правда, въ окрестностяхъ Львова собралось до 150,000 вооруженныхъ воиновъ, но вмѣсто того, чтобы воевать съ молдаванами, шляхта начала грабить имѣнія согражданъ изъ Червоной Руси и, не повинуюсь ни королю, ни сенату, вела споры о своихъ вольностяхъ. Только на Руси поддерживался еще военный духъ; неудивительно поэтому, что знаменитые гетманы были родомъ русскіе.

Самое положеніе Руси, сосѣдство дикихъ азіатскихъ ордъ, безпрестанныя ихъ нападенія и въ силу этого необходимость обороны границъ съ одной стороны и безсиліе Рѣчи Посполитой съ другой—должны были вызвать такую добровольную защиту, какою является козачество. Къ этому нужно прибавить, что польское правительство

даже не знало точно границъ польской Украины отъ татарскихъ степей, и козаки были тою передовою стражею, которая обозначала мечемъ эти границы. Но по мѣрѣ того, какъ козаки все дальше отгѣсняли мусульманъ за днѣпровскіе пороги, и паны все дальше подвигались со своею юрисдикціей, считая никому не принадлежащими занятія козаками земли.

Чтобы удержать напоръ кочевниковъ, Русь украинская высылала своихъ избранныхъ сыновъ, цвѣтъ своей молодежи въ широкія степи для войны съ невѣрными. Обороняя Русь и Польшу, козаки вмѣстѣ съ тѣмъ заслоняли отъ магометанъ и всю Европу, что составляетъ ихъ огромную заслугу въ исторіи общеевропейской культуры.

Польское правительство рано сѣумѣло оцѣнить значеніе того военнаго сословія, которое могло служить государству твердымъ оплотомъ со стороны сосѣднихъ татарскихъ ордъ; вотъ почему еще Сигизмундъ I пытался подчинить козаковъ военной дисциплинѣ и придать имъ опредѣленное устройство. Баторій также понялъ заслуги козачества и обратилъ на него вниманіе въ видахъ обезпеченія границъ своего королевства. Онъ укрѣпилъ живую преграду между Польшею и Крымомъ, въ лицѣ малорусскаго козачества, придавши ему войсковое управленіе, а для резиденціи гетмана городъ Трехтемировъ.—Занятія козаками области дѣлились на шесть округовъ или полковъ, получившихъ названіе отъ своего главнаго города; эти полки были: черкасскій, чигиринскій, каневскій, корсунскій, бѣлоцерковскій и переславскій. Баторій подтвердилъ право избранія гетмана, или предводителя всего козацкаго сословія, изъ среды старшины козацкой; послѣ избранія гетманъ утверждался королемъ; знаками его достоинства были: войсковое знамя, бунчукъ, булава и печать. За гетманомъ слѣдовала старшина, состоявшая изъ обознаго, судьи, писаря, асаула, полковниковъ, сотниковъ, атамановъ и хорунжихъ. Но и Баторій убѣдился, что войско козацкое трудно подчинить непосредственной королевской власти, такъ какъ немного было среди мѣщанства и сельскаго крестьянства такихъ семействъ, которыя-бы не имѣли чего нибудь общаго съ козаками. Любили «козакування» крестьяне, ремесленники, прославлялъ его въ своихъ пѣсняхъ весь южно-русскій народъ.

Въ то время козаковоало все, что только было молодаго и бойкаго на Украинѣ, а старики тоже когда-то были козаками; даже паны проникались козацкимъ духомъ. Отважнаго хвалили и уважали за храбрость, не различая, былъ-ли онъ гербовный или простой.

Въ своемъ универсалѣ король Стефанъ, въ числѣ прочихъ своихъ вольныхъ людей называетъ: бездомную шляхту, мѣщанъ и другихъ лицъ плебейскаго состоянія.

Ходили въ козаки не только русскіе мѣщане и крестьяне, угнетаемые шляхтою или принуждаемые къ панщинѣ, но и мелкая шляхта, состоявшая въ услуженіи у знатныхъ пановъ. Часто случалось, что города, сверхъ налагаемыхъ закономъ повинностей, терпѣли еще отъ произвола старостъ и воеводъ, вслѣдствіе чего мѣщане, въ особенности молодые и менѣе состоятельные, приставали къ козачеству. Были и такіе, которые просто желали сражаться съ невѣрными во славу Божію, или для своей собственной славы. По свидѣтельству герольдика Папроцкаго, не только рыцари изъ мелкой шляхты, но и сыновья знатныхъ пановъ ѣздили на Запорожье для изученія военнаго ремесла и военныхъ порядковъ.

Современный кievскій епископъ Верещинскій говоритъ: «многіе переселяются на Украину для защиты христіанства противъ невѣрныхъ, для славы Божіей и прославленія своего рыцарскаго званія».

По законамъ польскимъ каждый шляхтичъ приводилъ съ собою на войну столько вооруженныхъ слугъ, сколько приходилось пропорціонально съ количествомъ владѣемой имъ земли. Изучивши военное ремесло, эти слуги часто оставляли пановъ и приставали къ козакамъ.

Въ то время еще не было среди козачества общественной и національной розни, такъ какъ еще не были извѣстны тѣ противоположные интересы, которые впоследствии раздѣляли козаковъ и шляхту на два враждебные лагеря. Козаки дѣйствовали заодно съ пограничными старостами.

При началѣ козачества, какъ мы уже видѣли, простой народъ отправлялся за добычею подъ предводительствомъ шляхты, но по мѣрѣ развитія козачества шляхта въ свою очередь принимаетъ участіе въ военныхъ походахъ подъ предводительствомъ опытныхъ людей изъ народа. Пограничные жители, проникнутые военнымъ духомъ, выше всего цѣнили личныя качества, привилегіи не имѣли тамъ

значенія; защита края была здѣсь задачею жизни, которой все служило. Наконецъ, кто-бы ни приходилъ или не селился на Украинѣ, его имущественная и личная безопасность гарантировалась только полнымъ объединеніемъ съ массою простаго народа, и пограничная шляхта обоихъ народностей превращалась здѣсь въ демократическую козацкую Русь.

Видя такое положеніе дѣлъ, Баторій не рѣшался вооруженной силой сломить козачество, но желая однако обезопасить себя съ ихъ стороны, онъ рѣшился раздѣлить украинскихъ козаковъ. При введеніи реформы было объявлено, что «кто хочетъ оставаться въ волѣ королевской, тѣ будутъ вписаны въ реестръ и права ихъ будутъ подтверждены сеймовою конституціею».

Въ реестръ внесены были шесть тысячъ козаковъ, которые и названы реестровыми, всѣ-же остальные, по плану короля, должны были стать въ зависимыя отношенія къ панамъ. Реестровые казаки свободно владѣли своими землями, не платили никакихъ податей, не отбывали другихъ повинностей, кромѣ военной, и получали жалованье по козуху и по червопцу въ годъ на человѣка. Однако такое устройство было ничѣмъ инымъ, какъ надѣленіемъ почти шляхетскими правами болѣе зажиточныхъ изъ козаковъ, имѣвшихъ свои усадьбы въ хуторахъ и городахъ, чтобы устранить изъ числа ихъ бѣдняковъ, которыхъ польское правительство постановило уравнивать съ крестьянами.

Проектъ переписи козаковъ, обыкновенно приписываемый Баторію, восходитъ однако къ болѣе отдаленному времени. Въ письмѣ Сигизмунда I къ кievскому воеводѣ, князю Коширскому, отъ 1540 г. значитъ: «Посылаемъ нашего придворнаго, Стрета Солтовича. Мы приказали ему переписать всѣхъ козаковъ кievскаго воеводства и доставить намъ этотъ реестръ». Въ 1572 г. Сигизмундъ Августъ поручилъ также коронному гетману Юрію Язловецкому выбрать для королевской службы лучшихъ козаковъ, жалованье которымъ было опредѣлено изъ королевской казны.

Кромѣ реестровыхъ, польское правительство не хотѣло знать никакихъ другихъ козаковъ, между тѣмъ какъ въ южной Руси, напротивъ, всѣ стремились стать козаками, т. е. людьми свободными. Въ силу этого королевскіе приказы не выполнялись, и многіе жители вновь уходили на Запорожье. Реестровые казаки не считали нуж-

нымъ заключать реестры и охотно принимали новыхъ товарищей; правительство въ свою очередь пересматривало списки и выключало сверхкомплектныхъ козаковъ. Исключенные изъ реестровъ не переставали и впослѣдствіи считать себя козаками, съ которыми не разъ и подданные польскихъ пановъ собирались въ вооруженныя «громады» и выбирали своихъ гетмановъ. Такимъ образомъ, кромѣ козаковъ сбѣговыхъ и реестровыхъ, были еще и самостоятельные козаки на Украинѣ, и многое непонятное въ козацко-шляхетскихъ войнахъ объясняется тѣмъ, что были козаки осѣдлые и бездомные, богатые и бѣдные. Сущность этого различія заключалась въ томъ, что одни жили въ собственныхъ домахъ и хуторахъ, даже въ такихъ городахъ, какъ Кіевъ, тогда какъ другіе проводили лѣто въ степныхъ промыслахъ и походахъ, а зимою работали на винокурняхъ; эти послѣдніе всегда были готовы погулять на чужой счетъ.

Уже въ концѣ XVI в. самостоятельныя общины становятся опасными для Польши и вызываютъ противъ себя рѣзкія постановленія сеймовъ, которыя однако не приводились въ исполненіе, такъ какъ паны польскіе часто употребляли такихъ козаковъ въ наѣздахъ на своихъ противниковъ; Мнишки и Вишневецкіе съ ихъ помощью водили самозванцевъ въ Москву, даже сами короли употребляли этихъ козаковъ въ войнахъ съ Турціею, Москвою и Швеціею и т. д.

Сегодня король издавалъ универсалъ, направленный къ уничтоженію козаковъ, а на завтра приглашалъ ихъ къ участию въ походѣ, какъ-то случилось при походахъ подъ Можайскъ, Хотинъ и др.

Съ развитіемъ козачества русское общинное право, какъ мы уже упоминали, оживало и брало верхъ. Въ чемъ-же состояло различіе между русскимъ общиннымъ правомъ и установившимся въ Польшѣ правомъ шляхетскимъ?

1) По древне-русскому общинному праву всѣ люди признавались равными и свободными, кромѣ военно-плѣнныхъ. Согласно польско-шляхетскимъ законамъ свободою пользовалась только гербовная шляхта, простой-же народъ былъ закрѣпощенъ.

2) По русскому общинному праву земля считалась собственностью того, кто первый занялъ ее для своего пользованія. Въ силу польскаго законодательства земля принадлежала исключительно шляхтѣ, — кто не принадлежалъ къ дворянскому сосло-

вію, тотъ по исконнымъ обычаямъ лишался права приобрѣтать землю въ собственность.

3) Въ силу русскаго обычнаго права всѣ села и города могли посылать своихъ представителей какъ на малыя, такъ и на большія вѣча.—Въ Польшѣ напротивъ одна только шляхта посылала своихъ представителей на повѣтовые сеймики и большой сеймъ.

Вотъ основные принципы и различія между древне-русскимъ общиннымъ правомъ и правомъ польско-шляхетскимъ. Общая равноправность покоилась въ русскомъ правѣ, діаметрально противоположномъ шляхетскому. Итакъ, козацкая свобода коренилась глубоко въ сознаниіи русскаго народа—это была общинная равноправность, которую въ теченіи столѣтій наша Русь сохраняла въ своихъ вѣчахъ.

Три упомянутые принципа служили причиною постоянной борьбы между двумя республиками—шляхетской, принявшей въ себя литовско-русскихъ бояръ, и козацкой, бравшей подъ свою защиту крестьянъ и мѣщанъ. Отсюда ясно, что на Русь въ то время сохранялся тотъ внутренній строй, къ какому теперь стремятся многіе народы. Среди польскаго государства Русь была живымъ источникомъ народной свободы, не допустившей подавить себя.

Русское право укоренило принципы выборнаго устройства какъ въ государствѣ, такъ и въ церкви; принципы эти подготавливали реакцію противъ польскаго права, и козаки являются въ отношеніи пановъ такими-же революціонерами, какими были паны по отношенію къ королю.

IX.

Всѣ польскіе историки согласны между собою въ томъ, что упадокъ королевства и народа польскаго начинается со времени Сигизмунда III, но не могутъ согласиться относительно главныхъ причинъ этого упадка. Иные въ числѣ причинъ приводятъ козацкія возстанія, но весьма немногіе задумывались надъ тѣмъ, почему именно они начинаются при этомъ королѣ. Историки польскіе называютъ бунтами козацкія движенія, народъ украинскій—собраниемъ бунтовщиковъ, а войну 1648 г. относятъ къ личной обидѣ Хмельницкаго. Но если война безпрестанно возобновляется въ теченіи столѣтія слишкомъ, то это уже не бунтъ своевольной шайки,

а за личную обиду хотя-бы и Хмельницкаго не поднялось-бы 200,000 вооруженнаго люда. Тутъ должны быть иныя причины, потому что, гдѣ нѣтъ достаточно горючаго матеріала, тамъ не можетъ вспыхнуть сильный пожаръ.

Не будемъ спорить, что оскорбленіе Хмельницкаго подало поводъ къ войнѣ, но это была послѣдняя капля, переполнившая мѣру. Цѣлый народъ не подымается изъ-за чисто личныхъ матеріальныхъ причинъ; онъ встаетъ тогда только, когда дѣло идетъ о сохраненіи семейной безопасности, неприкосновенности вѣры или свободы. Польско-козацкія войны не были только борьбою двухъ народовъ и двухъ религій,—онѣ были также усиліемъ кореннаго населенія древне-русскихъ земель защитить права народныя по отношенію въ польскимъ панамъ.

Если въ развитіи рода человѣческаго поставить за правило, что богатство, власть, просвѣщеніе и свобода должны составить привилегію одного только сословія, тогда придется стать на сторонѣ пановъ. Если-же принять какъ несомнѣнную истину, что добрые нравы, честные поступки и непорочные характеры наиболѣе вырабатываются тамъ, гдѣ личная свобода и поземельная собственность достались на долю всей массы населенія, что право собственности есть необходимое условіе истинной свободы человѣка,—въ такомъ случаѣ трудно не признать справедливости на сторонѣ козаковъ. Тогда ясно выступаетъ впередъ вопросъ объ избыткѣ и бѣдности, демократіи и аристократіи, вопросъ о томъ, должно-ли взять перевѣсъ право шляхетско-польское или общинно-русское? За нимъ слѣдуетъ вопросъ религіозный.

Въ правительственныхъ актахъ временъ Сигизмунда III находимъ частыя упоминанія о неизмѣримыхъ пустыняхъ на Украинѣ. Въ силу польскаго законодательства земля должна принадлежать дворянамъ, и вотъ сеймовое постановленіе 1590 г. объявляетъ отъ имени короля: «чтобы земли эти не оставались впустѣ и приносили какую нибудь выгоду, будемъ раздавать эти пустыни лицамъ шляхетскаго происхожденія за государственныя заслуги».

Поэтому многочисленныя польскіе паны, заслуженные и незаслуженные, обезпечиваютъ себѣ у короля обширныя помѣстья въ Руси и на Украинѣ. Въ королевской канцеляріи также безъ разбору отмѣривались польскимъ панамъ на бумагѣ обширныя про-

странства отъ рѣчки до рѣчки, отъ дороги до дороги, отъ урочища до урочища. Такимъ образомъ кievская, брацлавская и подольская Украина, вмѣстѣ съ заднѣпровьемъ мало по малу очутилась въ рукахъ пемногихъ магнатовъ, которые съ теченіемъ времени завели собственныя укрѣпленія, артиллерію, войска, и по отношенію къ подданнымъ были неограниченными владыками. Такихъ пановъ по русски называли *королятами*.

Украинская Русь, Волинь и Подолье были вообще драгоценной сокровищницей для польскихъ пановъ, не даромъ поляки называли правобережную Украину раемъ польскаго міра. Однако таѣ называемыя пустыни не оставались въ то время незаселенными, иначе о нихъ-бы таѣ много не хлопотали; это значило только, что они до того времени не принадлежали никакому польскому пану и никому изъ нихъ не приносили дохода. Въ дѣйствительности-же эти земли принадлежали козакамъ; они были заселены людьми, искавшими свободы и бѣжавшими сюда изъ королевскихъ и шляхетскихъ имѣній.

Современные хроникеры и писатели не могутъ надивиться тому, какъ быстро подвигалась украинская колонизація, какъ въ дивныхъ степяхъ, на самихъ татарскихъ путяхъ, вся почти Украина покрылась селами и мѣстечками. Не смотря на то, что татары часто захватывали въ плѣнъ колонистовъ, опустошенныя мѣстности вскорѣ заселялись новыми выходцами. Въ полученныя земли, среди козацкихъ селъ и мѣстечекъ, втискивалась шляхта съ новыми переселенцами, которыхъ привлекала болѣе продолжительными льготами, и шляхетскія села и мѣстечки росли съ каждымъ годомъ.

Такъ существовали другъ подлѣ друга владѣнія козацкія и панскія. Первые часто искоса смотрѣли на сосѣдей, вторые въ свою очередь завидовали ихъ свободамъ. Въ общемъ козаки не препятствовали размноженію панскихъ имѣній на Украинѣ, они мало обращали вниманія на постановленія сеймовъ, и мѣстная шляхта шла одною съ ними дорогою, жила въ пріязни и отправлялась вмѣстѣ съ козаками на военный промыселъ. Уже самая необходимость защищать границы дѣлала каждого жителя воиномъ, поэтому-то въ теченіи условленнаго льготнаго времени на колонистахъ лежала только военная повинность; военная служба подъ начальствомъ

старосты или помѣщика не прекращалась и по истеченіи льготныхъ лѣтъ, и дѣла экономическія шли спокойнымъ чередомъ.

Въ Польшѣ къ тому времени развилось сильное магнатство, которое на сеймахъ и сеймикахъ издавало законы исключительно въ своихъ интересахъ. Народъ лишенъ былъ всѣхъ правъ, такъ какъ законъ отдавалъ крестьянина въ полную и безконтрольную власть пана, воля котораго была единственнымъ закономъ для подданныхъ. Польскіе паны вели роскошную жизнь, и въ ихъ обширныхъ дворахъ кормилось множество мелкой шляхты. Для удовлетворенія своей гордости вельможный панъ считалъ непремѣннымъ долгомъ держать въ своемъ дворѣ цѣлую толпу шляхтичей-приживальщиковъ, а жена его съ своей стороны держала такую-же стаю шляхтянокъ, что, очевидно, было напрасной тратой денегъ. Главной причиной развитія роскоши было крѣпостное право, дававшее панамъ возможность безъ личнаго труда имѣть постоянные доходы, окружать себя несвободной прислугой, и напротивъ усиливавшее народныя тягости. По свидѣтельству француза, жившаго въ то время въ Польшѣ, обмененный обѣдъ у польскаго пана стоилъ больше, чѣмъ званый обѣдъ во Франціи. Старовольскій пишетъ: «Всѣ деньги у насъ уходятъ на заграничныя вина, сахаръ и паштеты, а для защиты отечества и выкупа плѣнныхъ у насъ нѣтъ денегъ».

Не желая или не умѣя заниматься хозяйствомъ въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ и въ то же время заботясь объ умноженіи доходовъ, паны отдавали свои помѣстья въ аренду съ уступкой всѣхъ принадлежавшихъ имъ правъ и обязанностей. Переуступка владѣній казалась имъ очень выгодною, однако она не уменьшила, а напротивъ увеличила зло. Новыми арендаторами на Руси чаще всего являются евреи. Чтобы удовлетворить ненасытнаго пана, а вмѣстѣ съ тѣмъ наполнить и собственный карманъ, еврей придумывалъ такія подати, о которыхъ страшно и подумать. Правда панъ могъ казнить смертью еврея арендатора безъ всякой отвѣтственности передъ судомъ, но зато передавалъ ему всѣ свои права, въ томъ числѣ и право меча, т. е. смертной казни надъ подданными. Еврей арендаторъ носилъ при боку мечъ для отличія отъ невооруженнаго беззащитнаго люда и въ знаѣть того, что могъ каждаго казнить смертью за ослушаніе, за дерзкое слово или просто по подозрѣнію.

Жизнь и имущество крестьянина, его жена и дѣти были въ полной власти арендатора. Поэтому ничто такъ сильно не тяготѣло надъ русскимъ народомъ, ничто такъ не оскорбляло его, какъ власть евреевъ.

Чѣмъ болѣе, путемъ козацкихъ войнъ съ мусульманами, гарантировалась экономическая безопасность панскихъ имѣній, тѣмъ сильнѣе тѣснила шляхта мѣщанъ и сельскій людъ различными податями и налогами. Отправлялся-ли панъ на сеймъ, на свадьбу, или на отпускъ, подданные облагались какою-нибудь новою податью. Случается у пана семейная радость—свадьба или крестины, а поданнымъ бѣда,—они обязаны нести *поздравленіе*: вупцы несли матеріи, рѣзники—мясо, шивкарн—напитки, крестьяне—свои дары. Большую изобрѣтательность въ смыслѣ поборовъ обнаруживаютъ паны, старосты, державцы и евреи арендаторы, устанавливая чинши, «ставщину», роговое, выгонное, десятину отъ воловъ, лошадей, свиней, овецъ и пчель, очковое, долю съ помолу на мельницѣ, плату съ жернововъ, наконецъ такъ называемыя дудки, о которыхъ ниже, давъ хлѣбомъ, сборъ ваплуновъ, куръ и яицъ по нѣсколько разъ въ годъ. Крестьяне не имѣли права варить для себя напитки и покупать все необходимое иначе, какъ у арендатора.

Шляхта управлялась, какъ хотѣла и умѣла, но отъ ея управленія мало пользы было народу. Большинство пановъ не заботилось о томъ, что дѣлалось за ихъ спиною; обогащались они сами, получая панки и арендаторы, не наживался только народъ, надъ которымъ сверхъ того глумились и насмѣхались. Тѣ, кто не могъ стерпѣть воеводской, старостинской или жидовско-панской неволи, изъ сель, мѣстечекъ и городовъ уходили въ дикія степи и заселяли ихъ. Такъ являлись жители, колонизовавшіе Украину. Однихъ гнала неволя, другихъ привлекали плодородныя земли и большая свобода. Колонизаторы пустынной территоріи, эксплуатируя такое положеніе дѣлъ, приманивали къ себѣ бѣглецовъ обѣщаніемъ льготъ.

Такимъ образомъ Украина раздѣлилась на подчиненную панамъ и свободную, съ козацкой, или простонародной общинной юрисдикціей; эту послѣднюю и считали пустынной и раздавали панамъ. Что-же касается дикихъ степей за днѣпровскими порогами, это была территорія безплодная, часто опустошаемая саранчою, удаленная отъ людскихъ поселеній, и человекъ здѣсь обрекался на

голодную смерть. Только нѣкоторыя мѣста, представлявшіяся рѣдкими оазисами роскошной растительности, изобиловали рыбой и дичью, и для того, чтобы войско могло стоять лагеремъ въ этихъ степяхъ, отряды его должны были заниматься рыбной ловлей и охотой.

Удалаться за днѣпровскіе пороги значило обрѣзать себя на большія лишенія, поэтому козакъ и бѣдность, козакъ и нищета были родственныя понятія, и пограничнымъ жителямъ Украйны и Запорожья казалось, что для нихъ уже не можетъ быть другихъ тягостей, кромѣ бѣдности и грозившихъ на каждомъ шагу опасностей; но случилось иначе.

Поляки еще раньше подавили общинное право въ другихъ провинціяхъ и теперь, овладѣвши почти цѣлой Украйной, они не хотѣли оставить ее такою, какъ она была, а задумали сдѣлать изъ нея другую Польшу въ смыслѣ преобладанія польскаго права надъ русскимъ. Однако введеніе польскаго права встрѣтило здѣсь препятствія: большимъ искушеніемъ для народа украинскаго было добываніе свободы; у него передъ глазами было свободное сословіе, сложившееся изъ его братьевъ, по сосѣдству лежали днѣпровскіе острова, куда можно было бѣжать отъ тяжелой неволи; наконецъ близость татаръ пріучила къ оружію украинскій народъ, и сами паны не могли запретить крестьянамъ носить оружіе. Въ силу того въ русскомъ народѣ поддерживался бойкій военный духъ, несогласный съ пригнетеннымъ положеніемъ, какое создалъ для него польскій строй.

Вотъ почему со времени Сигизмунда III сеймъ начинаетъ стѣснять козачество. Конституціею 1590 г. постановлено, что козаки будутъ находиться подъ властью короннаго гетмана, который назначаетъ имъ всю безъ исключенія старшину изъ шляхты. Ни полковники, ни сотники не имѣли права принимать кого либо въ козаки безъ согласія старшаго, или гетмана, у котораго долженъ храниться списокъ всѣхъ козаковъ. Съ цѣлью затруднить крестьянамъ и мѣщанамъ переходъ въ козачество, панамъ и старостамъ предписывалось зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не оставлялъ своего мѣста жительства и не уходилъ въ Сѣчь или въ степи. Строго запрещалось продавать крестьянамъ порохъ, селитру, оружіе и т. д. Непослушные и виновные въ нарушеніи закона подверга-

лись слѣдствію и смертной казни. Эти и подобныя постановленія не имѣли другихъ послѣдствій, кромѣ раздраженія и ожесточенія козаковъ, которыхъ силы постоянно увеличивались. Поэтому къ концу XVI в., когда на Руси экономическіе интересы взяли среди шляхты перевѣсъ надъ интересами защиты края, козаки все болѣе и болѣе обособляются отъ шляхты. Такимъ образомъ Русь раздѣляется на два враждебные лагеря,—одинъ распространяетъ польское право, другой защищаетъ право русское.

Введеніе безъ всякихъ видоизмѣненій польскаго права, уничтожавшаго козацкія привилегіи, должно было вызвать оппозицію свободнаго люда, и дѣйствительно вызвало тѣ бури, которыя долго опустошали Русь и Польшу.

(Продолженіе с.ъдуетъ).

ХУДОЖНИКЪ КИРИЛЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛОВАЧЕВСКІЙ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Въ маѣ мѣсяцѣ 1885 года исполнится 150-ая годовщина со дня рожденія художника К. И. Гловачевского, который слишкомъ 60 лѣтъ провель на службѣ въ академіи художествъ въ качествѣ наставника-воспитателя. Но не одно это обстоятельство заставляетъ насъ сообщить о немъ свѣдѣнія; свѣтлая личность, достойная глубокаго уваженія, какъ ниже увидитъ читатель, олицетворяется въ этомъ въ высшей степени гуманномъ человѣкѣ, по тогдашнему времени, и если слава и знаменитость дѣло не всякаго, то во всякомъ случаѣ, быть можетъ, ни въ кому изъ педагоговъ нашей академіи художествъ нельзя болѣе кстати примѣнить слѣдующій эпиграфъ:

«Si le sort ne nous a pas donné le talent pour être célèbre,
Il est presque toujours possible de faire un travail qui nous rend utiles».

Гловачевскій родился 27 мая 1735 года, въ городѣ Коропѣ, черниговской губерніи; отецъ его былъ священникомъ коропской соборной церкви, изъ дворянъ, предки котораго въ концѣ XV вѣка основали городокъ Коропъ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ К. И. Гловачевскій былъ отправленъ для обученія въ кievскую академію, единственное того времени учебное заведеніе въ Малороссіи. По праздникамъ Гловачевскій ходилъ въ церковь братскаго монастыря и, полюбивъ церковное пѣніе, часто, во время службы митрополита

Рафаила, пѣлъ на клиросѣ. Въ декабрѣ пріѣхалъ въ Кіевъ отпращанный по высочайшему повелѣнію въ Малороссію для набора придворныхъ пѣвчихъ регентъ или, какъ тогда называли, «*уставщикъ*» Каченовскій, который, замѣтивъ хорошій голосъ Гловачевского, испыталъ его и, найдя вѣрный слухъ и способности къ музыкѣ, написалъ о немъ въ Петербургъ, вслѣдствіе чего приказано было императрицею Елисаветою привезть его въ столицу, куда онъ и прибылъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1748 года.

Находясь въ пѣвческомъ придворномъ хорѣ, Гловачевскій скоро обратилъ на себя вниманіе государыни, любившей музыку и обладавшей прекраснымъ голосомъ. Иногда императрица, рассказывалъ своимъ знакомымъ К. И., сама совзвояла пѣть въ хорѣ въ своихъ внутреннихъ комнатахъ; бывало, положивъ руку на плечо его, вторила она пѣнію Гловачевского, такъ какъ его голосъ очень нравился ей.

Вмѣстѣ съ Гловачевскимъ въ хорѣ находились Антонъ Павловичъ Лосенко, считающійся родоначальникомъ русской школы живописи, и Иванъ Семеновичъ Саблуковъ или Саблучокъ, портретистъ, рано умершій. При видѣ ихъ работъ въ Гловачевскомъ отозвалась его склонность къ рисованію, а голосъ его какъ-бы нарочно ослабѣлъ, и онъ началъ учиться съ ними у портретнаго мастера Ивана Аргунова, изъ крѣпостныхъ людей Шереметева, который учился за границую и былъ въ половинѣ XVIII в. очень извѣстенъ въ Петербургѣ.

Елисавета Петровна узнала о занятіяхъ Гловачевского, одобрила ихъ и всемилостивѣйше приказала ему по праздничнымъ днямъ представлять ей свои работы, при чемъ нерѣдко поощряла его особенными знаками монаршаго благоволенія. Такое отношеніе государыни объясняется тѣмъ, что въ то время она предполагала учредить уже академію художествъ; успѣхи Лосенка и Гловачевского естественно были ей пріятны. И дѣйствительно мы видимъ, что вскорѣ по переводѣ изъ московскаго университета студентовъ для опредѣленія въ открытую въ Петербургѣ академію художествъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1759 г. Лосенко, Саблуковъ и Гловачевскій опредѣлены, по именному ея величества повелѣнію, въ академію подмастерьями живописи. Въ томъ-же году для надзора Гловачевскому были поручены ученики академіи, а вмѣстѣ

... и это
... въ спискѣ слу-
... въ 1761 году, мы
... съ Сабурковымъ и Лосепка въ званіи
... изъ кабинета жалованье по
... Кирилль Ивановичъ
... въ августѣ 1762 г.
... въ званіи Гловачевскій
... о состояніи академіи художествъ отъ 28-го
... 1763 года (представленной президентомъ графомъ Иваномъ
... Шуваловымъ при донесеніи въ сенатъ), получающимъ
... 300 рублей уже въ годъ.
Въ 1765 г. 7 іюля, въ присутствіи императрицы Екатерины II,

послѣдовало торжественное открытіе академіи художествъ, или какъ
тогда говорили, праздникъ *ивангураціи*, выполненный по церемо-
ніалу, напечатанному и розданному посѣтителямъ съ медалями и
жетонами. При этомъ торжествѣ Кирилль Ивановичъ Гловачевскій
получилъ золотую медаль изъ собственныхъ рукъ императрицы вмѣ-
стѣ съ дипломомъ на званіе академика, такъ какъ адъюнкты были
уничтожены новыми штатами. Въ это новое званіе онъ пожало-
ванъ былъ 4 іюля 1765 года обыкновеннымъ соборіемъ господъ
членовъ совѣта вмѣстѣ съ другими 7 лицами.

Въ томъ-же году, по опредѣленію академическаго совѣта,
Кириллу Ивановичу Гловачевскому были ввѣрены: библіотека, казна
и все подвижное имущество академіи. Сдѣлавшись по этимъ дол-
жностямъ дѣятельнымъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, хозяиномъ
управляемыхъ имъ частей, Гловачевскій часто во время посѣщеній
академіи государынею и великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ
сопровождалъ ихъ по классамъ и заламъ академическаго зданія.
Цесаревичъ-же узналъ особенно Гловачевскаго, когда онъ былъ
назначенъ отъ академіи депутатомъ, для поднесенія его высоче-
ству трудовъ академіи, по случаю принятія наслѣдникомъ престола
званія почетнаго любителя художествъ, при чемъ Кирилль Ивано-
вичъ говорилъ рѣчь отъ лица академіи.

Въ августѣ мѣсяцѣ того-же 1765 года утвержденъ инспек-
торомъ академіи былъ г. Кювилье, а Гловачевскому поручено оста-
ваться при исполненіи другихъ своихъ обязанностей; въ 1766 году

сентября 4 дня, въ четырехъ-мѣсячномъ собраніи, «по предложеніи господина президента Ивана Ивановича Бецкаго, академикъ и казначей Кирилль Ивановичъ Гловачевскій, который какъ добрымъ своимъ поведенъ и талантомъ въ живописи портретовъ, такъ и ревностною службою въ должности казначея и хранителя вещей художественныхъ въ академіи заслужилъ себѣ честь, общаго собранія согласіемъ произведенъ въ совѣтники академіи». И тѣмъ-же собраніемъ, согласно указанію президента, «за неимѣніемъ довольнаго числа въ совѣтѣ членовъ, чтобы въ текущихъ дѣлахъ остановки не было», общимъ согласіемъ собранія назначено подписывать и засѣдать въ совѣтѣ: Гроту, Гловачевскому, профессору анатоміи Пеккеру и инспектору Кювилье. Въ слѣдующемъ 1767 году Гловачевскому поручены были: а) обученіе портретнаго живописнаго класса и б) ревизія построенія академическаго зданія; въ томъ-же году онъ женился на крестницѣ императрицы Елисаветы Петровны Ѳедосіи Прохоровнѣ Гнѣвушевой; въ 1771 года совѣтомъ академіи избранъ единогласно въ инспекторы, въ должности котораго пробылъ съ небольшимъ два года, а по увольненіи отъ нея, оставленный членомъ академическаго совѣта, провелъ около десяти лѣтъ въ любимомъ занятіи исключительно живописью. Въ это время произвелъ онъ большую часть своихъ работъ, изъ которыхъ если не всѣ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыя заслужили извѣстность.

Въ 1777 году Гловачевскій поступилъ въ вѣдомство медицинской коллегіи рисовальнымъ учителемъ; но въ 1783 году призванъ былъ вновь къ принятію должности инспектора въ академіи, въ которой и оставался уже по смерть свою. Президентъ академіи художествъ Ив. Ив. Бецкій, призвавъ Гловачевскаго въ общее собраніе, предложилъ ему должность инспектора такою рѣчью: «Я и академія не находимъ, кому приличнѣе можно поручить воспитанниковъ, вакъ вамъ; ибо вы имѣете всѣ качества достойнаго воспитателя. Живя безъ особенной должности и имѣя свободу заниматься художествомъ, вы можете быть полезны собственно для себя; но принявъ предлагаемое вамъ мѣсто, вы будете полезны для многихъ». Вступивъ въ исправленіе должности инспектора, Гловачевскій съ новою энергіею преданъ надзору за юношествомъ, которому принесъ громадную пользу. Говоря это, мы должны сказать, что виновницею удаленія его отъ академіи была коммисія разбора

счетовъ, которая раскрыла важныя злоупотребленія въ смыслѣ пользования академическими капиталами для многихъ нуждъ чиновниковъ. Оказался также недочетъ казенныхъ денегъ и у казначея Гловачевского, хотя не по винѣ этого честнаго служаки. Призывъ же опять въ академію Гловачевского былъ вызванъ докладомъ академическаго совѣта, что порядокъ заведенный инспекторомъ Кювиле въ воспитательномъ училищѣ не можетъ продолжаться далѣе, что приходится или совсѣмъ закрыть его, или распустить французовъ-гувернеровъ, между которыми завелись и скандалезныя исторіи, и что дѣти воруютъ и пьянствуютъ «при бдительномъ надзорѣ воспитателей». Вотъ при какихъ горькихъ результатахъ президенту Бецкому пришлось призвать Гловачевского, а на сколько этотъ выборъ былъ удаченъ и цѣлесообразенъ, мы видимъ, что и у преемниковъ президента онъ пользовался тѣмъ-же уваженіемъ и расположеніемъ. Такъ при вступленіи въ должность графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина въ 1794 году, по смерти Бецкаго, Гловачевскій подалъ въ торжественномъ собраніи списки всѣхъ воспитанниковъ и учителей, съ описаніемъ порядка ученія, при чемъ нѣкоторыми изъ питомцевъ говорены были приличныя случаи сему рѣчи на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Въ заключеніе-же всего пропѣтъ былъ съ аккомпаниментомъ музыки гимнъ сочиненія бывшаго ученика академіи Скокова, стихи котораго сохранились въ печати (Спб. 1794 г. типографія корпуса чужестранныхъ единовѣрцевъ). Во всемъ этомъ конечно принималъ самое дѣятельное участіе Гловачевскій, затѣмъ слѣдующій президентъ графъ Гавріиль Августовичъ Шуазель-Гуфье цѣнилъ тоже Кирилла Ивановича, чему служить доказательствомъ его представленіе совѣту отъ 16 сентября 1797 г. о выдачѣ Гловачевскому, «въ разсужденіе его усердія и ревностнаго исполненія возложенной на него должности 300 рублей», суммы весьма значительной для того времени. Съ новымъ президентомъ, графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Строгановымъ, смѣнившимъ вскорѣ Шуазеля, Гловачевскій находился также въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ: еще ранѣе занятія должности въ академіи графъ Строгановъ, по рекомендаціи Гловачевского, давалъ нѣкоторыя работы ученикамъ, за что дарилъ имъ деньги, которыя Гловачевскій представлялъ совѣту; напримѣръ въ собраніи 1797 г. ноября 17 опредѣлено: «подаренныя деньги 100 руб. графомъ уче-

нику 4-го возраста Ивану Мойсеевичу, записавъ въ приходъ въ настольной книгѣ, отдать надежнымъ людямъ на приращеніе до выпуска его изъ академіи». Наконецъ, уважая личность Кирилла Ивановича и цѣня его заслуги, графъ Строгановъ постоянно ходатайствовалъ о награжденіяхъ Гловачевскому; при немъ въ 1802 году онъ получилъ орденъ Владиміра 4 степени, весьма рѣдкое отличіе среди тогдашнихъ художниковъ; въ 1807 году получилъ онъ чинъ коллежскаго совѣтника, а въ 1811 году всемилостивѣйше награжденъ былъ пенсіономъ, съ обращеніемъ по смерти его, на жену и дочерей до выхода послѣднихъ въ замужество.

Государыни императрицы: Елисавета Алексѣевна и Марія Теодоровна знали лично Гловачевскаго и во время посѣщеній академіи оказывали ему милостивое вниманіе, которое К. И. считалъ отличною наградою за свою необыкновенно-долговременную службу. Всѣ однако перечисленные нами отличія не даютъ характеристики Гловачевскаго, какъ человѣка, почему мы для этого обратимся къ воспоминанію о немъ нашего извѣстнаго и маститаго профессора живописи и археолога Федора Григорьевича Солнцева (род. 14 апрѣля 1801 г.), напечатанному въ его автобіографіи.

Гловачевскій одѣвался просто, но довольно оригинально: бѣлые шелковые чулки, башмаки съ пряжками, синее короткое исподнее платье, черный суконный камзолъ, синій виць-мундиръ съ стоячимъ воротникомъ, сверху красный плащъ съ бѣлыми кистями, на головѣ академическая фуражка. Регулярно, въ 5-ти часамъ утра, Кириллъ Ивановичъ былъ уже на ногахъ, приходилъ въ спальни и будилъ воспитанниковъ, говоря: «вставайте, вставайте! старикъ во сто лѣтъ васъ будить!».

Затѣмъ онъ приводилъ воспитанниковъ на утреннюю молитву, и если очередной хорошо прочитывалъ ее, то Кириллъ Ивановичъ обыкновенно самъ приносилъ ему завтракъ—кусочъ ситнаго хлѣба. Случалось иногда, что кто-нибудь изъ учителей омаздывалъ или вовсе не приходилъ въ классъ. Чтобы ученики не шалили, Гловачевскій приносилъ книгу или газету, заставлялъ кого нибудь читать, а прочіе должны были слушать; впрочемъ чаще Кириллъ Ивановичъ рассказывалъ про старинное житье-бытье, что обыкновенно очень правилось воспитанникамъ, а позднѣе, при президентѣ А. Н. Оленинѣ, въ рекреационномъ залѣ, на столѣ, были припшпелены

нѣкоторые изъ журналовъ; приходя въ залъ, Кириллъ Ивановичъ предлагалъ воспитанникамъ, не желаетъ-ли это изъ нихъ почитать вслухъ, и если такой находился, то старикъ чрезвычайно былъ доволенъ, особенно если и другіе добровольно приходили слушать чтеніе. Гловачевскій давалъ также ученикамъ читать разныя книги, преимущественно классическія, какъ Иліаду, Одиссею, Энеиду, Овидіевы превращенія—все это разумѣется, въ русскихъ переводахъ; отечественные писатели тоже не были забыты: читали Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова и др.

Почтенный инспекторъ обращалъ особенное вниманіе на художественное развитіе воспитанниковъ. У него было заведено соревнованіе между ними, такъ что каждый старался отличиться другъ передъ другомъ. Кто получалъ большую медаль, инспекторъ обыкновенно поздравлялъ съ такою наградю; но съ малою медалью не считалъ нужнымъ поздравлять. Бывало, получишь серебряную медаль, онъ нашьетъ петлицы и потихоньку скажетъ: «я тебя не считаю медалистомъ; ты нашали, я петлицы-то спорю, а въ слѣдующую треть ты опять получи, тогда и будешь настоящій медалистъ».

Къ празднику Р. Х. Кириллъ Ивановичъ заставлялъ учениковъ писать картины на бумагѣ; кто ничего не выставялъ, онъ называлъ того «шелопаемъ», единственнымъ браннымъ словомъ, которое позволялъ себѣ почтенный инспекторъ. На свѣтлый праздникъ желающіе изъ воспитанниковъ могли писать транспаранты по указанію Гловачевскаго.

У каждаго воспитанника было по особой маленькой иконѣ; всѣ иконы помѣщались въ спальнѣ на стѣнѣ въ одномъ изъ простѣнковъ. Къ вербному воскресенью и въ Духовъ день инспекторъ требовалъ, чтобы ученики дѣлали для своихъ иконъ какое нибудь украшеніе, въ родѣ вѣнка, цвѣтнаго убора для люстры и т. д.

Такія требованія и желанія его исполнялись воспитанниками, по большей части, охотно. Да и какъ было не исполнять ихъ? Добродушный старикъ всегда обращался съ ними мягко, ласково; дѣйствовалъ преимущественно внушеніемъ, убѣжденіемъ, выговоромъ, несмотря на то, что воспитанники, происходившіе изъ разныхъ сословій, были народъ довольно буйный.

Одинъ изъ помощниковъ инспектора, Теглевъ, былъ человекъ строгій, изыскательный и грубый въ обращеніи съ учениками.

Бывало, слышитъ какой-нибудь шумъ у воспитанниковъ, прибѣжитъ къ нимъ и грозно крикнетъ:

— На что это похоже? Такъ дѣлаютъ только свиньи!

— А вы свинопасы, раздается въ отвѣтъ ему на это привѣтствіе.

Бывали случаи, когда воспитанники выражали Теглеву свое неудовольствіе и болѣе грубо. Теглевъ часто жаловался Кириллу Ивановичу, говорилъ, что ученики бьютъ въ него палками и кирпичами. На эти жалобы Кириллъ Ивановичъ обыкновенно отвѣчалъ:

— А какъ въ меня бросать, то я перескочу.

Разумѣется, въ него не бьдали, и прыгать Кириллу Ивановичу не доводилось.

Случалось иногда, что почтенный инспекторъ вынужденъ былъ прибѣгать къ розгамъ, какъ къ средству исправленія строптивыхъ и лѣнивыхъ воспитанниковъ; при этомъ онъ незамѣтно уводилъ виновнаго въ спальню и тамъ собственноручно отечески наказывалъ. Знаменитый художникъ Егоровъ, будучи воспитанникомъ, считался отчаяннымъ лѣнтяемъ; рисованіемъ онъ занимался очень плохо, а о другихъ предметахъ и говорить нечего. Однажды въ церкви Егоровъ начертилъ на своей ладони священника, который служилъ обѣдню, и началъ показывать этотъ рисунокъ близъ стоявшимъ товарищамъ. А сзади стоялъ инспекторъ, котораго Егоровъ не замѣтилъ. Старикъ увидѣлъ рисунокъ и, обращаясь къ Егорову, сказалъ:

— У, батинька! да у тебя талантъ есть!

По окончаніи обѣдни, Кириллъ Ивановичъ отвелъ Егорова въ спальню и наказалъ розгами: «не рисуй де въ церкви!» Послѣ этого лѣнь съ Егорова какъ рукой сняло.

Кириллъ Ивановичъ былъ образцомъ честности и воздержанія; пищу употреблялъ самую простую, вина никакого не пилъ; только три раза въ годъ, а именно въ день именинъ жены своей, въ Рождество Христово и на Пасху выпивалъ по одной рюмкѣ чихирю. Всѣ воспитанники любили и уважали своего престарѣлаго инспектора. Позднимъ вечеромъ, когда по окончаніи дневныхъ занятій Кириллъ Ивановичъ отправлялся въ свою квартиру, помѣщавшуюся въ зданіи академіи, двое изъ учениковъ старшаго возраста всегда его провожали; онъ давалъ имъ по чашкѣ чаю, по сухарю и затѣмъ говорилъ: «прощайте, господа». Умеръ Кириллъ Ивановичъ

совершенно спокойно, безъ всякой болѣзни и страданія. Это было съ субботы на воскресенье. Вечеромъ онъ былъ въ спальняхъ, два ученика пошли, по обыкновенію, провожать его; онъ при нихъ завелъ часы, простился и легъ въ постель, а черезъ часъ прибѣжали сказать, что Кирилль Ивановичъ приказалъ долго жить.

Умеръ Гловачевскій съ 27 на 28 число іюля мѣсяца 1823 г. 88 слишкомъ лѣтъ; 31 іюля его хоронили. Отпѣвали при собраніи всѣхъ воспитанниковъ въ академической церкви; питомцы вынесли его гробъ и провожали съ церемоніей до Смоленскаго кладбища. «День былъ жаркій, говоритъ В. И. Григоровичъ, стеченіе народа необыкновенное: президентъ академіи, художники и всѣ знавшіе Гловачевскаго почтили погребеніе его своимъ присутствіемъ. Слезы чувствительности невольно текли изъ глазъ, при возрѣніи на маститыхъ, временемъ убѣжденныхъ старцевъ членовъ академіи, съ чувствомъ нѣкоего благоговѣнія сопутствовавшихъ гробу бывшаго инспектора, наставника и втораго отца».

Гловачевскій имѣлъ несчастіе пережить многихъ своихъ дѣтей и въ томъ числѣ старшаго своего сына, который былъ уже въ чинѣ VI класса совѣтникомъ и повѣреннымъ въ дѣлахъ нашего посольства въ Испаніи, гдѣ умеръ несчастнымъ образомъ въ Мадридѣ. Эта потеря, а равно и другія неменѣе важныя огорченія, которыя онъ имѣлъ въ послѣднее время, были причиной его смерти. Наконецъ намъ остается сказать, что Гловачевскій свою молодость провелъ въ кругу самыхъ интеллигентныхъ современниковъ, какъ-то: Ломоносова, Хераскова, Княжнина; всѣ они были короткими его пріятелями, а Сумароковъ былъ его другомъ. Бесѣды съ ними развивали его способности, и благодаря ихъ обществу Гловачевскій обязанъ отличительными чертами своего характера, дѣлавшаго его изъ ряда вонъ выходящею личностью.

Изъ произведеній Кирилла Ивановича Гловачевскаго были извѣстны портреты: императрицы Екатерины Алексѣевны, Павла I въ молодости, фельдмаршала графа Захарова, графа Чернышева, фельдмаршала Миниха, графини Анны Родіоновны Чернышевой, а также графини Чернышевой, жены адмирала Ивана Григорьевича Чернышева, графа Петра Ивановича Шувалова, князя Григорія Григорьевича Орлова (находится въ академіи художествъ), Петра Ивановича Бакунина, директора театровъ Василя Ильича Биби-

кова, г-жи Швебе, грузинскаго князя Атара Егоровича Джапарі, графа Аркадія Ивановича Моркова, Алексѣя Яковлевича Римскаго-Корсакова, Лосенка, Саблукова; списалъ онъ также портреты съ брата своего Ивана Ивановича Гловачевскаго, себя и супруги своей, съ актера Шумскаго (читаетъ Сенеку—гравировалъ П. Лапинъ въ 1769 г.), актеровъ Волкова и Дмитревскаго, жены Дмитревскаго, друга своего А. П. Сумарокова, 2-хъ дочерей его, актрисы Т. Михайловны Троепольской и 90-лѣтней старушки Поморской, славившейся приготовленіемъ особенныхъ конфетъ, которыя нравились чрезвычайно при дворѣ. Послѣдній портретъ находили до того превосходно написаннымъ, что сравнивали оный даже со старухою Рембрандта. Черты-же Кирилла Ивановича Гловачевскаго сохранены для потомства кистью извѣстнаго художника Венеціанова, который написалъ его, окруженнаго воспитанниками всѣхъ возрастовъ, и за этотъ портретъ получилъ званіе академика. Кромѣ того существуетъ гравюра исполненная черной манерой Ухтомскимъ, на которой представленъ садъ академическій съ фасадомъ литейнаго зданія; ученики играютъ въ мячъ, а почтенный инспекторъ въ костюмѣ временъ Екатерины отдыхаетъ, сидя на скамейкѣ.

Сынъ Кирилла Ивановича—Александръ, ученикъ своего отца и Лосенка, занимался преимущественно миниатюрою, и въ академіи художествъ его работы есть миниатюрный портретъ Григорія Ивановича Угрюмова (1764 † 1823), писанный въ 1814 г., который считается единственнымъ изображеніемъ этого знаменитаго профессора.

И. Божерановъ.

АВТОБІОГРАФІЯ ЮЖНО-РУССКАГО СВЯЩЕННИКА 1-Й ПОЛОВИНЫ XVIII СТ.

Подъ этимъ заглавіемъ мы помѣщаемъ рѣдкій по простотѣ замысла и изложенія, по необработанности и безграмотности языка, но богатый историческими вообще и въ частности бытовыми свѣдѣніями, южно русскій письменный памятникъ половины XVIII ст. Авторъ помѣщаемой рукописи — простой, едва грамотный малорусскій священникъ первой половины прошлаго столѣтія, лѣвой стороны Днѣпра; тѣмъ болѣе удивительно, что въ умѣ его родилась мысль, выражаясь по нынѣшнему, пуститься въ писательство, «списать житіе и страданіе свое, на память дѣтямъ, внукамъ и всему потомству». Но этотъ фактъ свидѣтельствуетъ лишь о томъ, на сколько распространенъ былъ въ Малороссіи того времени обычай писать діаріуши, лѣтописи, дневники, автобіографіи и другихъ формъ записки. Обычай этотъ восходитъ къ XVI в., проходитъ чрезъ весь XVII вѣкъ и въ XVIII ст., проникая до низшихъ почти слоевъ, ясно говоритъ объ извѣстной умственной высотѣ и развитіи южно-русскаго общества тѣхъ временъ. Если въ началѣ 2-й четверти прошлаго столѣтія совсѣмъ неграмотный полковой асаулъ Михайло Мовчанъ, съ помощію посторонняго писца, ведетъ свою записную книгу, которую продолжаютъ его наслѣдники¹⁾, то въ началѣ 2-й половины того-же столѣтія «въ память потомству» пишетъ свое житіе простой іерей Ілія Турчиновскій, столь-же мало владѣвшій языкомъ, какъ и перомъ въ буквальной смыслѣ этого слова. Къ сожалѣнію, его автобіографія не дошла до насъ сполна и обрывается на самомъ оригинальномъ эпизодѣ тѣхъ его страданій, въ которыхъ едва-ли не самъ онъ былъ виновенъ болѣе всѣхъ его враговъ. Передадимъ въ кратцѣ главныя черты его скитальческой жизни и столкновеній, закончившихся весьма печальной катастрофой, послѣдній исходъ которой намъ неизвѣстенъ.

¹⁾ См. яв. кн. «Кіевской Старины» 1885 г., стр. 60.

Родился о. Ілія въ м. Березани, въ 12-ти верстахъ отъ г. Переяслава, полтавской губерніи. Отець его былъ сотникомъ березанскимъ и носилъ прозваніе Турчина, что указываетъ несомнѣнно на то, что самъ-ли онъ, или его отецъ былъ плѣнный турокъ. Слѣды восточнаго происхожденія сказались въ буйномъ и дикомъ нравѣ сына, тщательно скрывающаго эти черты въ своемъ разсказѣ. Природа надѣлила его хорошимъ голосомъ, и это опредѣлило его первоначальную профессию въ жизни, случайно разрѣшившуюся священствомъ, къ которому, какъ видно, авторъ «житія» не имѣлъ ни подготовки, ни призванія. Много лѣтъ провелъ онъ въ качествѣ вольнаго пѣвца и устроителя хоровъ, переходившаго съ мѣста на мѣсто.

Еще въ дѣтскомъ возрастѣ, подучившись грамотѣ у мѣстнаго дьячка, Ілія Турчиновскій былъ отданъ родителями въ Кіевъ для продолженія ученія; по обучаясь здѣсь въ низшихъ классахъ академіи, онъ состоялъ канонархомъ въ кіево-михайловскомъ монастырѣ. Въ шведскую войну, когда отецъ Іліи выступилъ въ походъ, мать взяла сына изъ Кіева для завѣдыванія хозяйствомъ; но хозяйничать онъ такъ плохо, что отецъ, по возвращеніи изъ похода, кромѣ укорины, не смало приложилъ ему и равъ». Именно это обстоятельство толкнуло его изъ дому родительскаго «по школамъ волочиться и для повиданія больше свѣту». Скитальчество съ цѣлію пріобрѣтенія знаній и опредѣленія занятій было тогда обыкновеннымъ явленіемъ, и мы видимъ автора «житія» въ этомъ положеніи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, которыхъ онъ съ точностію не опредѣляетъ: изъ Синявки онъ переходитъ въ Могилевъ, оттуда въ Шкловъ, Гомель, Черниговъ и наконецъ въ Переяславъ. Жизнь его за эту пору полна самыхъ разнообразныхъ приключеній, которыя онъ изображаетъ съ словоохотливостію простаго человѣка того времени; но именно благодаря этой словоохотливости автора, въ его незатѣйливомъ разсказѣ проскальзываютъ весьма интересныя свѣдѣнія объ условіяхъ тогдашняго обученія, о положеніи православія въ Бѣлоруссіи, объ устроеніи хоровъ въ томъ или другомъ мѣстѣ, о разыгранномъ имъ діалогѣ съ интермедією, привлекшемъ все мѣстное населеніе мелкаго города Шклова и вызваннои этимъ обстоятельствомъ жизненной бурѣ и проч. Служба Ілія Турчиновскаго въ званіи регента хора переяславскаго архіерея доставляетъ ему наконецъ священство въ родной Березани, а вмѣстѣ съ тѣмъ, казалось-бы, покойную и обеспеченную жизнь.

Но не таковы были нравъ и характеръ Іліи Турчиновскаго, не такова была его подготовка къ священству, чтобы онъ могъ спокойно жить на предоставленномъ ему мѣстѣ. Слухи о его похожденияхъ въ Бѣлоруссіи доходили вѣроятно до Березани, ибо протестъ противъ назначенія его на березанскій приходъ явился какъ до посвященія его, такъ и въ самый день рукоположенія. Главною противницею его въ этомъ дѣлѣ была вдова полковника Думитрашка, которую онъ и считалъ виновницею всѣхъ постигшихъ его потомъ бѣдствій. Она преслѣдовала его всякими способами, пока наконецъ съ помощію своего сына, уцѣлвагося за границей и став-

шаго сотникомъ въ Березани, не угодила его подь судъ. Обвинялся о. Ілія въ томъ, что вымогалъ отъ прихожанъ высокую плату за требы и многихъ изъ нихъ билъ, что не далъ причастія полковницѣ Думитрашчигѣ, ходилъ на медвѣдей, бѣлъ волковъ и зайцевъ ловилъ, по отягчили участь его продерзостныя рѣчи его противъ архіерея и консисторіи. Его судили и по совокупности всѣхъ преступленій, не смотря на ходатайство двухъ членовъ синода, испрошенное имъ чрезъ своего сына, служившаго въ Петербургѣ, опредѣлили, лишивъ прихода и права священнослуженія, заточить на три мѣсяца въ монастырь на тяжкія работы въ оковахъ; но кромѣ того, по писъму Румянцева къ переяславскому архіерею, ему дано еще сто плетей за какое-то буйство во время ареста, которое онъ называетъ взятіемъ «служебной колодницы съ цѣпью», по которое вѣроятно состояло въ разбитіи арестанскихъ кандаловъ. Въ разсказѣ о. Ілія, хотя и замаскированномъ, живо выступаетъ во всей суровой своей обстановкѣ строгій судъ церковный того времени. Сокрушенный имъ іерей, по видимо, повинился и обѣщаль удовлетворить обиженныхъ имъ прихожанъ, но, по доставкѣ на мѣсто съ нарочно посланными изъ консисторіи, отказался исполнить свое обѣщаніе. Посланные снова заковали его въ кандалы для доставки въ каведру, но, убоженные сотникомъ, на обратномъ пути въ ночную пору опрокинулись въ ровъ, гдѣ и остались отъ сильнаго опьяненія. Испуганныя лошади понесли по полямъ скованнаго о. Ілію... Но на этомъ и обрывается разсказъ въ его автографѣ, обязательно сообщенномъ намъ старѣйшимъ нашимъ этнографомъ, уважаемымъ П. А. Лукашевичемъ. Конецъ автографа очевидно оторванъ и затерялся, но читавшій его первоначальный владѣтель рукописи передавалъ Платону Акимовичу, что о. Ілія освободился отъ суда, возстановленъ въ священствѣ и послѣ новыхъ и долгихъ злоключеній умеръ въ глубокой старости, хотя и на другомъ уже приходѣ.

Самый автографъ представляетъ собою небольшую книжечку въ 16-ю долю листа сѣрой бумаги въ бумажной обклейкѣ, писанную непривычно къ писъму рукою, очень плохими, теперь совершенно уже выцвѣтшими чернилами. Пунктуация и вообще правописаніе таковы, что во многихъ мѣстахъ совершенно затемняютъ смыслъ рѣчи. Для облегченія читателей мы ввели современную пунктуацию, соответственно теченію рѣчи, а въ орфографіи прибавили твердый знакъ, отсутствующій въ подлинникѣ. Особенность правописанія подлинника заключается въ употребленіи повсюду *и* вм. *ы* и *и* вм. *і*, что въ большей части и нами удержано. Языкъ подлинника нельзя назвать ни народнымъ, ни книжнымъ; онъ приближается къ канцелярскому языку того времени, при очевидномъ влияніи русскаго языка и съ значительною склонностію къ славянизму, весьма повятовю въ авторѣ-священникѣ. Объединить мелкія бытовые черты, разбросанныя въ разсказѣ, не возможно; онѣ даются только чтеніемъ подлинника, котораго таксъ за симъ приводимъ.

Списася мною многогршнимъ, Ілиею Турчиновскимъ, священникомъ и намѣстникомъ Березанскимъ, житіе и страда-
ніе свое въ память дѣтямъ своимъ, и внукамъ, и всему
потомству.

Азъ многогршній Ілія рожденъ отъ благочестивыхъ родителей, въ городку Березанѣ въ 1695) року, іюля к днѣ, отъ отца Михаила, сотника березанскаго, и матки Анны Садковсковни; воспитанъ во благомъ наказаніи. Приспѣвшу возрасту моему, вдаша мя родителіе мои книжному ученію при церкви святоуспенской березанской, за священника и намѣстника той церкви Павла, и къ дяку Іоану Кудинскому, где я обучилъся граматки, часловця и Ѳалтири; и когда въ болший возрастъ достигшу ми, отецъ мой, отходя въ походъ военный, въ 1699 году, въ Полщу (где и въ Ляховичахъ полкъ увесь переславскій исъ полковникомъ Мировичемъ шведи чрезъ змѣну гетмана Мазепи взято), мнѣ приказалъ править господарствомъ; когда же отецъ мой съ походу съ-подъ Ляховичъ, отъ шведскихъ рукъ сохраненъ, самъ единъ (а сотня вся тамъ съ полкомъ пропала) пришелъ въ домъ, много мнѣ укоризни, зъ накладомъ немалихъ ранъ, за непорядокъ домовий наложилъ; чего я въ младихъ лѣтахъ не могълъ разумѣть.

Отъ того времени сталъ я сожалѣть о науцѣ своей, якую за господарствомъ позабилъ, и, оставя отца и матку, отийшолъ 1710 года изъ Березанѣ по школамъ волочитись. И шедши малий путь, достигъ града Чернягова и тамо при церкви Воздвиженія Господня малое время поживши, отийшолъ въ сотню, въ село Синявку, где черезъ годъ живши, тамъ, при церкви покровской, обучился книжняго чтенія и пѣнія, ибо хочай и трудился чрезъ три года въ богоспасаемомъ градѣ Києви, въ манастирѣ святомихайловскомъ, при игуменѣ Іоанниии Сенютовичи и при намѣстнику Варсонуфии и уставнику Гедеонѣ, за канархистру лѣваго клироса, та й то еще на коштѣ онаго ігумена и до школъ латинскихъ почаль былъ, за ректора Прокоповича, а подирофесора Загурскаго, ходить; отъ якого ученія, за отсутствіемъ отца моего у войско противъ шведа подъ Стародубъ, где въ 1711 года король шведскій въ Стародубѣ и вся армія его зимовала, маткою моею съ Києва взять и за домашнею суетою всего позабилъ. И въ той Синявцѣ обучившись, въ

сотника тамошнего Мандривы, за писара дворового былъ и сына его Петра Фалтири обучалъ. И оттоль, для повиданія болѣе свѣта и ученія, поишолъ зъ двома молодиками болшими, Семеномъ и Иваномъ, въ Литовское Княженіе, въ королевскій градъ Могилевъ. И шедши многимъ путемъ, пущею, дней два безъ людей, якіе молодики, видя въ мене деньги и одѣяніе не ветхое и уже надходящу вечеру, устремишася на мя не человѣческо, но аки звѣріе, хотя мене убить. Единъ тайно не малимъ древомъ хотѣлъ мене у главу уязвить, но Божиимъ защищеніемъ и Матере святой его защищенъ я отъ главы, но по книжкахъ, якіе на правомъ плечи мною несени били (ударилъ?), отъ котораго я бою упалъ о землю; и тамо мя лежащаго роздѣли изъ одѣянія и деньги, якіе при мнѣ были, изъ одѣяніемъ побрали. И чиняху, стоя, надо мною сваду: одинъ Іоанъ желаетъ мене убить у смерть и заволкти зъ дороги внутрь пущи, а другой, Симеонъ, якоби милосердуд о мнѣ, совѣтъ подая свести мя далечайше съ пути, и нага къ древу привязать на свѣденіе комарамъ, или звѣрямъ; но Божією силою и заступленіемъ моеи помощници Матери Божей, ощутиа акибы отъ сна, не чувствуя и мало болѣзни, схватяся въ одной кошулѣ, яся бѣгу обратно путемъ тимъ, отголь и шествовали. И бежа съ немалимъ риданіемъ, молилъ Матеръ Божію, да избавить меня отъ тихъ лютихъ Диоклитяновъ, и голосно кричалъ о ратунокъ; то оніе убийци, бѣжа за мною, аки звѣріе за агнцемъ, не малый путь; и яко оніе тѣломъ толсти, ктому же и пяни, не могли постигти и кричали голосно, даби я остановился, изъ немалою клятвою крестнымъ знаменіемъ утверждаа не убить мене, но ити купно къ Могилеву, зъ обѣщаніемъ мнѣ все плаття возвратить. Якой я отъ нихъ клятвѣ явъ вѣру, оградилъ себе крестнымъ знаменіемъ и, прочитавъ *Богородице Дѣво радуйся* и возложася на помощь и заступленіе Матери Божіей, пришолъ до онихъ. Якіе оба яша мя въ руцѣ и о землю вдарша, скрежетаху на мя зуби своими и связаша ми руцѣ и позѣ, покушася нести мя внутрь пустини и тамо мя смерти предать. Видя я остатное свое окончаніе и лютую смерть, лежа, сказывалъ онимъ: „та коли клятва ваша и крестное знаменіе въ правдѣ остается, усумнѣтесь и убойтесь Бога. За что вы мене желаете убить? И сами за убійство не избегнете лютѣйшей муки. и здѣсь, и на второмъ пришествии. А буде желаете денегъ и плата

моего, я вамъ вовсе дарую, и нѣкому сей тайны не явлю“. То оніе, полстившись деньгамъ и устрашая мя убійствомъ, ежели би кому объявилъ, развязали ми руцѣ и нозѣ и отдаша мнѣ одѣяніе и книжки съ торбою, якіе отъ срогаго вѣдари вѣоль-дощечки поламались, а деньги рублей десять къ себѣ взяли. И тако изъ оними злосниками ахомся въ путь свой. И дошли ночу до села, къ границѣ полской, мѣстности печерскаго монастыра, зоваемаго Попова Гора. Въ якой жіючий городничий, еромонахъ Феодосій, усмотря мене въ церкви въ пѣнію и чтенію искусства, сказалъ дячку того села, чтобы мя принялъ до половины дяковской: и потому мя и принято. Чему я и радъ былъ избыть своихъ враговъ; но они, когда почувствовали мое отъ нихъ отлученіе, весьма опечалились и скрежеща на мя зубами, пожелали тамъ бить, но дякъ той школы не допустилъ и пошедши до городничего, объявилъ, а я зъ оними много водился и тимъ часомъ служителѣ нашедши, отняли мя и онихъ изъ школы выгнали. Но оніе, умысля на мя злоковарніе вымысли, пишли до сотника компанѣйскаго, который на тотъ часъ въ томъ селѣ Поповой Горѣ стояли на квартирахъ и полкъ Чаусниковъ, и объявили, якобы я отъ нихъ отъ села Синявки уговорился, ежели доведутъ мене до Могилева, тамъ бы онимъ покупать по пари суконь; да и еще сказывали ложно, что де онъ, изъ нами идучи, не маліе обиди дячкамъ подѣлалъ по школамъ, и якъ котрый его дякъ не приметъ по его нравѣ, то розками безъ пощады обибьетъ ночу и пойдетъ, а у инихъ книжки позабиралъ, и тако намъ обратно ити невозможно; якіе де книжки и деньги и нинѣ въ него имѣются. То оний сотникъ, на тотъ часъ будучий въ корчми зъ своими козаками, прислалъ пяти компанѣйцовъ, и оніе взявъ мене насилне изъ школы и приведше предъ сотника, и плаття и книжки позабирали. Оній же сотникъ, не испрося мя, отъ якой страны и коего рода, но повелѣлъ изнати изъ мене кунтушъ и кафтанъ и отдать моимъ зломышленникамъ, а книжки шинкарцѣ отдалъ за цеберъ меду, ибо не худіе книжки били. И осталіе деньги, якіе отъ тихъ десяти рублей остались, что онимъ я злочинцамъ отдалъ, еще два рубля оніе отъ мене отибрали, где я тилко въ единой рубашци стою предъ ними, въ немалоъ риданни слези испущалъ; и прочіе мои ручники, хусти, кошулѣ, пояси на пропой шинкарцѣ вручили. Но я, стоя, сердцемъ ко Господу Богу

и Матери Божей, возводя очеса свои, молился тайно, прося избавленія отъ такой напасти и разоренія, и воспоминая свой отходъ отъ отца и матери тайный. И уже сотникъ, и козаки, и мои враги Семенъ и Иванъ, за мои книжки и прѣчее накупленнаго меду напившись, приказали спѣвать предъ собою изъ оними моими врагами: то и мене принуждали; однакъ я, хочай и покушался спѣвать, но за обліяніемъ слезъ не могль и гласу отвести. Гдѣ миѣ оный сотникъ приказалъ у двѣ колодѣ древаніе ноги забить: який крикъ и шумъ единый атаманъ компанійскій, лежа пянь за пѣчу, ощутилъ и всталъ, сказуя: „что де то у васъ за шумъ и пѣніе?“ Оный же сотникъ отвѣтствовалъ на тое ему атаману: „иди де за столъ, да пий медъ, намъ де злодѣи сіи молодики привели“. Який атаманъ, уже не младъ собою, сидя близъ сотника, сказывалъ: „где тотъ злодей?“ то сотникъ повелѣлъ мя съ подъ караула изъ сѣней привести въ двохъ колодахъ и въ одной кошулѣ. И приведоша мя предъ того атамана, який много мене присматривалъ у очи и спитую: „отъ якой ты де страны? чуть де ты миѣ не по зънаку“. То я зъ немалыми слезами отвѣтствовалъ: „я польку переяславскаго, изъ городка Березанѣ“. И оный атаманъ сказивалъ: „не ты ли Михайла Турчина, сотника сынъ?“ то я отъ той радости мало весь плачу не удавился и мало просилъ воды напиться. И оный атаманъ сталъ сотнику и козакамъ говорить: „вы де и сами въсѣ въ дому его отца були, и пили и ѣли, когда шествіе было государа перваго Петъра Алексѣевича въ 710 году подъ Прутъ, и онъ де насъ по повеленію отца своего частовалъ и правіянть, який намъ изъ сотнѣ належалъ, выдавалъ на сутки и записовалъ; почему онъ, сотникъ, примѣтилъ мя, что тако есть“. И почалъ я подробно оному сотнику и атаману сказывать, что оніе мои злочинцѣ изъ села Синявки добровольне зо мною пошли и что въ пути отъ нихъ миѣ приключалось, подробно розказалъ. И тогда онъ сотникъ и атаманъ повелѣли клади изъ моихъ ногъ розбить, да на моихъ супостатовъ, Семена и Ивана наложить и до другого дни въ немаломъ заключенни содерживать. И совлекши мою одежду со онихъ, миѣ отдали, и все имущество мое бѣдное и деньги отъ нихъ отибрали и что они били взяли, возвратили; что же цеберъ меду выпили, зъ моихъ денегъ заплатили; мене же онъ сотникъ взялъ на свою квартиру. По утру же, свѣтающу, онъ сотникъ, всѣмъ ата-

манашъ сошедшимся, судили моихъ клеветниковъ и когда велѣли бить безъ пощады, то онѣ всему своему злему дѣлу повинились: якихъ, еще приваливши бою, повелѣли козакамъ изъ села за границу, за рѣчку Сновку, въ польскую область выгнать и тамъ на границѣ немаліе раны наложить и, обидравши до кошуль, отпустить. Что и учинилось. Мене же онъ сотникъ, по совѣту атамановъ и козаковъ, принялъ за писара (ибо оныхъ писарь во отлучцѣ былъ въ комисіи польской), где и квартиру мнѣ опредѣленно. Будучи же въ него немалое число въ правленіи писарскомъ, понудило мя первое желаніе отійти въ Полцу, въ Могилевъ, для обученія языка латинскаго и провидѣнія по свѣту людскаго обхожденія. И упросилъ я сотника и атамановъ компанійскихъ, чтобы мя отпустили, отъ якихъ и отпущенъ. За Божією же помощію и Божіей Матере, тогожь времени прилучившемуся купцю зъ Могилева града Іоану Ронѣ, який изъ Стародуба везлъ желѣзо, и за упрошеніемъ моимъ онаго купца, взятъ и при возахъ его дошедъ града Могилева, який стоитъ надъ рѣкою Днѣпромъ, и отъ него Іоана Ронѣ залѣченъ въ школу при церкви святопокровской на Подолѣ; гдѣ и преозимѣлъ. По веснѣ, упрошеніемъ того же Іоана Ронѣ, принять до школъ латинскихъ язовитскихъ; и тамъ случалось ходить до церкви благочестивой Преображенія Господня, где домъ архіерейскій при той церкви. И ходя на клиросъ, услышаво отъ покойного архіерея Силивейстра Четвертинскаго мое пѣніе, и къ ему призванъ. Оній же епископъ испросилъ: „коя вѣры, и отъ какой страны и жительство, и гдѣ мое пребываніе?“ Оному епископу явилъ я свою вѣру и жительство, яко выше сего написано и гдѣ нынѣ пребываю. Оній же епископъ требовалъ мене съ прошеніемъ, чтобы я въ должность пѣвческую къ нему присталъ, зъ обѣщаніемъ награжденія, къ чему я охотне издался. И когда къ чину пѣвческому сталъ обучатись; то уже мене всензи до школъ и не пустили, сказуя, что ты де сизматикъ, цю у сизматиковъ жиєшь. Но когда обучился чрезъ годъ и разсмотривъ искусство партесное, то одинаго времени на Свѣтлое Воскресеніе на всенощной спѣваючи канонъ на хорахъ, реентъ, по единому его на мене гонительству, что за его пянство уже былъ отдаленъ отъ капелѣи, а мнѣ поручено, якобы за невыходъ концерта за дишкантами, пхнулъ мя исъ хоръ чрезъ желѣзные баляси. Где я исъ

хорь на долъ летѣлъ вишенѣ у пяти человекѣ, и ежели бы не потрапилъ на женскія главы, то бы о камѣнь мрамуръ разбился. И многнѣ женамъ повреждени были главы, а единой старуѣ и вся глава сломилась, якая у три дни и умерла. Мене же Господь и Матрѣь Божая сохранила невредима. Онъ жъ реентъ, убоаясь, бежалъ ись хоръ и поддадся на римскую релѣю, но не малимъ коварствомъ зъ римскими пѣвчими старался, якъ бы мене увѣчить, ктому жъ еще согласился ись теми моими врагами, Семеномъ и Ивановъ, кои предъ сего мене желали убить, но ихъ зъ села, Поповой Горы, бивши плетни, выгнали за границу, а теперъ въ Могилеви въ драгунскій полкъ при замѣку записались, якіе послѣ вскори православную церковъ выкрали, и онихъ повѣшано.

Бѣгая того зла, по прошенію случившихся въ Могилеви мѣщанъ изъ города Шклова, просился я отъ епископа могилевскаго отпуску, объявля ему своихъ гонителей, який и отпустилъ мя зъ немалою жалостію. И съ теми купцами Іоаномъ Мазуровичемъ да Михайломъ Косебучькимъ, имѣя изъ собою двоухъ пѣвчихъ, пойшолъ я въ городъ Шкловъ въ монастырь Благовѣщенія Господня, въ якомъ монастырѣ игуменъ Феодосій изъ братією приняли меня зъ охотою, зъ награженіемъ за содержаніе пѣвчихъ таларей десять битихъ, кромѣ дохода, ибо тотъ монастырь имѣеть приходъ,—всѣ благочестивіе къ тому монастыру складываются, где и тотъ городъ стоитъ надъ рѣкою Днѣпромъ. И тамъ я чрезъ четири года при томъ монастыри былъ реентомъ и отъ оныхъ мѣщанъ, такъ и отъ игумена имѣлъ довольствіе. Но и тамъ врагъ, искатель мнѣ зла и гоненія, завидя моему добру, воста на мя. Прилучившіися зъ Киева два студенти, желали у Орши или въ Могилеви ходить до школъ, но неприняти за тимъ, что благочестивіе. Съ ними я потрудился, и на Свѣтлое Воскресеніе выправили діалогъ зъ интермедією. На якій многолюдствіе благочестивыхъ собралось, и римлянъ, и самихъ езовитовъ, и доменѣканъ, и жидовъ. И всѣ тому удивлялись, яко тамъ, въ тихъ краяхъ, той вещи не видали. Не малую себѣ римляне болѣзнь и безчестіе принявши, умыслили, яко бы мя выгнать изъ города Шклова: просили губернатора, чтобы мнѣ на ихъ празники приходить въ кляшторъ доменѣканскій до аргановъ и съ пѣвчими своими спѣвать. Хочай же и былъ присилокъ отъ гу-

бернатора, то я много отказывался, яко намъ благочестивимъ въ римскій кляшторъ неприлично входить, да и правила святыхъ отецъ возбраняють. Но и пачей оніе римляне опечалились и наславши одной нощи въ монастырь на спѣварню, яко бы нечаянно, зъ лихтарнями, арганѣста зъ драгунами замковими, и начали бить всѣхъ пѣвчихъ и тихъ студентовъ, а мене съ чулана вытягши, безъмилосердне били и шаблями рубили, где главу мою у двоихъ мѣсцехъ до мозгу прорубали, и несли мене у Днѣпръ рѣку утопить. Но я, мало ощутився, просилъ онаго арганѣста, яко онъ исперва добръ былъ ко мнѣ, помилованія: якій объявилъ мнѣ, что посланъ отъ замку убить мене и у Днѣпръ уволокти. Однакожъ Божія помощь и Матерь Божія заступиста мя: случившіесь того града мѣщане ѣхали въ городи зъ крамами и наѣхавъ на тое, отняли мене и мало въ живыхъ унесли у спѣварню и объявили игумену. Отъ якого я порубанія много страдалъ и все свое имущество врачемъ раздалъ; но ничтоже не успѣлъ бы, ежелибы не одна вдова, женщина Евдокія Мащиха, излѣчила: ибо оніе римляне, ощутивши, якіе врачи до мене ходять (яко тамъ болѣе жидовъ не имѣется нѣкого), намовляли, чтобы мя умертвить. Когда жъ я отъ той старухи уврачеванъ и сталъ по прежнему спѣвать, то извѣщенно мнѣ отъ добрихъ пріятелей, что хотять мене, въ нощи напавши, извезать и воскори у Днѣпръ укинуть. Я, видя и тамъ гоненіе и что уже укрытись отъ паништаковъ невозможно, а случилось такимъ же способомъ, въ ночное время въ одномъ мѣсцу того арганѣсту самаго застать въ шинку, то тамъ зъ своими пѣвчими такожь ему отреванъжеваль кіями и шаблями, и забравши всѣхъ пѣвчихъ, дубомъ по рѣкѣ Днѣпру пустился внизъ.

О такой моей тайнѣ игумень и мѣщане извѣстни были и много обо мнѣ сожалѣли, тилько что сила римская, а на благочестіе гоненіе. И той нощи уплыли миль десять. И приплывши свѣтомъ къ городу, стоящему надъ Днѣпромъ, Гомлю, тамъ препочили дний два. И наки яшася плаванія. И отъ Гомля, когда тамъ же судное плаваніе возмижѣли, то въ единомъ мѣсцу, припознясь, случаемъ нагнали судно на древо, яко въ рѣцѣ отъ берега отвалилось, и тамъ всѣ шесть насъ человекъ изъ судна вывернулись. И такъ само судно внизъ Днѣпра пошло, а имущество наше, яко было, все затонуло, мы же храпеніемъ

Божимъ за лозы похватались, яко поблизу берега имѣли плаваніе, и много, гласомъ немалымъ, искали ратунку. Где почувши рыбалки наехали насъ и побралл у свои лотки. И тилько исъ тымъ остались платьемъ, въ якомъ выпали изъ судна. И оними рыбалками вывезены на брегъ, где и огонь отъ нихъ распаленъ ради огрѣтія и обсушенія отъ воды. И оттоль, преночевавши, въ пуци пѣшимъ путемъ немалый часъ шедши, dospѣли къ Лоеву городку, а послѣ до Рѣпокъ, и тамъ препочивши мало, дошли до города Чернѣгова, и тамо премедля, яшася и паки въ путь. Уже со мною были четири тилько пѣвчіе, а два въ Чернѣгови къ архіерею Радіону Жураковскому пристали.

И дошедше до городка Седнева, тамъ задержанъ упрошеніемъ господина обознаго генеральнаго Якова Лизогуба—при его церкви остатись за дячка изъ содержаніемъ пѣвчихъ. Видя я себе отъ потопленія и при мнѣ будучихъ пѣвчихъ весьма оскудныхъ на одѣваніе, принужденъ остатись. Въ ономъ Седневѣ жилъ я чрезъ годъ: и мало приодѣвшись, оттоль отийшоль, поблагодаря, и оставилъ при господину еще двоухъ пѣвчихъ, а зо мною единъ хлопецъ Іоанъ. И шедши дний не мало, достигъ до своего пристанища отческаго, и засталъ еще въ живыхъ отца и матку, и всѣхъ братий и сестеръ, и дѣда своего Стефана (якій уже живши купно зъ нами лѣтъ сто и тридцать и умре). Въ дому мало поживши, принятъ въ пѣвчіе въ катедру переясловскую къ преосвященному Кириллу Шумлянскому за реента. И тамо годъ выживши, изволеніемъ Божиимъ и за благословеніемъ родителей своихъ, въ 1718 году женился, февраля остатныхъ чисель, на дочери бывшаго сотника березанскаго Михайла Пилипенка, Анастасіѣ.

По отходѣ, того жъ года марта первыхъ чисель, отцеви моему въ походъ царичанскій за обознаго полкового, на тотъ часъ будущему гетманомъ наказнымъ господину Сулимѣ Іоану, хоружому генеральному, то я въ небытность отца моего, по умертвіи намѣсника березанскаго, Андреа Покоры, тымъ же архіереемъ Шумлянскимъ за заслуги мои пѣвческія, въ 1718 году въ ноябри 3-мъ числѣ, въ городку Березанѣ до храму Успенія Богоматери въ священника рукоположенъ. Еще въ тую пору въ Березанѣ една церковъ была, где со времени моего произвожденія много бѣдъ и гоненій отъ Забѣловни Дмитращици претерпѣлъ невыдаваніемъ презентовъ, но за выданіемъ отъ атамана Іоана Зуя исъ

козаками презента, принять я и рукоположенъ. Якая изъ ярости того же дни прислала до архіерея Шумлянскаго съ письменнымъ прошеніемъ, якобы я недостойнъ священства, а недостойнства неякаго не показала: то оное нисъмо Павло Греско того жъ дни идучему архіерею изъ церкви, въ якой я и рукоположенъ, подалъ. Якое письмо архіерей, когда вшедши по обычаю въ столовой розибранъ съ мантии, велѣлъ при старшинѣ полковой, якіе въ то время пригодились, писарю Савичу читать. И по вычитаню онаго письма, призвавши онаго Греска предъ себе и сказывалъ: „объяви де панюй своей, что она нехай знаетъ хлопа, а епископъ попа; а когда не похощетъ его Турчиновского въ руку цѣловать, то нехай где инде поцѣлуетъ“. И тако отправленъ. И отъ того времени не малыя отъ ней Дмитращиhi и сына еи Василя, хочай въ тую пору и младъ былъ, гоненіе и поруганіе претерпѣвалъ и во время моего прихода, по обычаю, зъ молитвою и въ празники съ крестомъ, немалое поруганіе и выгнаніе изъ дому еи принималъ. А всегда, бывало, лестію мя хотяще уловить, призывая въ домъ свой, нитіемъ изнуряетъ, чимъ бы въ словахъ уловить и обезчестить; но я, силою Вожескою и Матере Божіей, невредимъ отхожду. Видя оная Дмитращиha, что я не преодолѣванъ состою, на едину обиду якобы мою устроила въ 1719 году церковь другую на Заричи, съ помоществованіемъ прихожанъ, святаго Архангела Михаила, якая въ годъ состроина и освяшена покойными протопопами Григоріемъ Максимовичемъ да Павломъ Доброницкимъ. И стала (Дмитращиha) до того прихода рефероватись, а вмѣсто еи дому домъ отца моего къ моему приходу опредѣленъ. Къ якой церкви приданъ священникъ Курилло; но оная Дмитращиha и тимъ священникомъ вознегодовавши, почала искать духовныхъ себѣ по своей похоти: и во время святныа четыредесятницы для исповѣди отъѣхала въ село Семеновку и тамъ въ священника Григорія исповѣдалась, а до моей успенской церкви пришла, чтобы Святыхъ Таинъ сподобитись. Якую я видя пренебрегательку чина священническаго, послалъ пономаря Михайла, чтобы оная Дмитращиha съ церкви выступила и ѣхала бы туда причащатись, где исповѣдалась, якая принуждена ѣхать въ церковь Михайловскую и тамъ сподобилась Святыхъ Таинъ отъ Кирилла священника: ибо и указъ отъ архіерея Шумлянскаго во всю епархію былъ, чтобы священники не своихъ при-

хожанъ не принимали на духъ и пачей Святыхъ Таинъ не сподобляли. То отъ того времени и пачей немалою яростію наполнилась: начала гонить мене явно и тайно, насылая своихъ подданныхъ пьяныхъ на мой домъ, бранячи и на пути, и въ церкви, а я все снисходительными вещми сохранялся. Единаго же времени, зъ ярости, будучому въ доми ея полковнику Василю Танскому, много непотребностей приключила мнѣ наговоркою. Явий, призвавши мя въ домъ ея предъ себе, бранилъ, порываясь бить мене; но я и оттоль безбѣдно, оправдая себе, отийшолъ. А уже когда сынъ еи Василій, будучий въ тое время во училищахъ въ Шленску и въ Прагѣ, выучась, отъ Праги въ Петербурхъ дойшолъ и тамъ въ архіерея Лопатинскаго учителемъ при домѣ его сталъ; то уже я отъ оной Дмитрашихи весьма былъ поруганъ и гонимъ, съ похвалками оттогнать мене отъ парафіи изъ Березанѣ. Когда же сынъ еи пришедъ съ Петербурга, то уже незносіе мнѣ обиды и козакамъ сталъ приключать. А когда въ 1740 году сотникомъ березанскимъ сталъ; то и тоже гоненіе на мя востало: съ немалымъ угроженіемъ козакамъ и мужикамъ приказывалъ, чтобы у мене нѣхто не наймался работать, хотя уморить мя голодомъ и хладомъ. На остатокъ тогожь 1740 г. мои покупленіе гаи, поля, тако жъ и въ козаковъ, неправеднымъ слѣдствіемъ сотникомъ бубновскимъ Василю Савичемъ, да Крапивянскимъ Михайломъ Кандибою, да Капцевичемъ канцеляристомъ поотнимано и ему сотнику Василю Дмитрашку отдано. Но еще не утолясь на томъ, въ 1746 году подаль на меня доношеніе онъ, сотникъ Дмитрашко, епископу Никодиму, якобы я условне отъ прихожанъ за вѣнчаня и за сорокоуста бралъ, и за неданіе его матери причастія, и якобы я многихъ биль, отъ якого бою и смерть приключилась, и самъ за волками, и за зайцами, и медвѣдями ѣзжу, и бью, и ловлю. По якому его челомъ битю прислано съ катедры слѣдственниковъ: ермонаха Евксентія, да пона петропавловскаго Гошкѣвича, да канцеляристу Василя Козловскаго. Якіе, за прибытіемъ своимъ въ Березанъ, онымъ сотникомъ березанскимъ Василю Дмитрашкомъ подкуплены и неправедно людей, козаковъ и мужиковъ допрашивали безъ присяги. Къ тому-же онъ сотникъ всѣхъ устѣпалъ боемъ, ежели-бы кто за мною правду говорилъ, да къ тому-же и отъ епископа Никодима не малая посяжка была и того ради ни малѣйшаго оправданія вѣдствіи отъ мене не

принимано, а болѣе нѣ за что, яко сынъ мой Алексѣй, будучи въ Петербургѣ изъ Алексѣемъ Малиновскимъ, для свиданья зъ сыномъ-же моимъ Андреемъ, кой былъ въ службѣ въ тое время въ Петербургѣ, у Воронцова графа, испросили у членовъ синодальныхъ архіепископа московскаго Платона Малѣновскаго, да архіепископа псковскаго Симона Тодорскаго письма къ Никодиму, чтобы мя въ обиду сотнику Дмитрашку не попускалъ. Якій архіерей Никодимъ не только сотнику не возбранилъ, но самъ, согласясь изъ сотникомъ, гонителемъ былъ. И по окончаніи слѣдствія, за поданіемъ его Дмитрашка доношенія, чтобы до окончанія дѣла лишили мене священства и намѣстничества, тогожъ выше писаннаго года, сентября 14 числа, велѣно мнѣ указомъ явиться для выслушанія дѣла въ консисторію. Но когда я явился; то тоже сентября 19 дня велѣно всѣмъ священникамъ градскимъ переясловскимъ съ причетниками въ консисторію сходитись, а когда сойшлись, то при соборне, и при мнѣ, и ему Дмитрашку, приговорѣ лишили мене священства, и прихода, и намѣстничества воея, и въ кого взималъ за вѣчанья и за сорокоустное поминаніе, мнѣ козакакамъ и его подданнымъ деньги возвращать; за битые медвѣдя и волковъ и ловленія зайцовъ въ заточеніе сослать на дванадцать недѣль въ ссылку, за неданіе-же матери сотника Дмитрашка причастія уплатить девятьдесятъ и пять рублей безчестія. Все тое за то, что я во время слѣдствія сказалъ: буди де консисторія праведно не осудить, то небесная консисторія праведно осудить, онъ архіерей приключилъ. А что я взялъ былъ съ канцеляріи колодницу свою служебну, березанскую, и уже за тое, по жалобѣ отъ его Дмитрашка до Румянцева (якій тогда гетманствомъ правилъ), Румянцевъ писалъ къ архіерею Берлу, и за то я былъ штрафованъ, что взялъ самоуправне (колодницу) съ цепью, то и ще, по его доносу сотника, якобы за тое (присуждено) дать мнѣ плетей сто вдаровъ. Где и приказанно воловикамъ держать мене; но я, не даясь держать, объявилъ въ консисторіи: „буди не выдержу, то въ тую пору держать“. И такъ, сколько оніе мордерцѣ били плетьюми, я все читалъ: *Отче нашъ* да *Богородице Дѣво*, и тако Божією помощію и Матери Божіей и малѣйшей болѣзни не ощущалъ. А когда я всталъ, то повелѣнно мене заковать въ немаліе желѣза и залютовать воея, безъ замковъ, и въ хлѣбню посадить, и тамъ

полѣна рубать и дѣжу мисить, и всякое послушаніе работать. А послѣ того-же сентября 29 въ ссылку въ монастырь горскій Золотоносскій сосланъ въ желѣзахъ зъ подданнымъ коробовскимъ Василемъ Лепскимъ, який за привозъ въ горку и съ плечей остатную зъ мене реверенду зялъ. И тамъ я въ черной работѣ три мѣсяца, въ завѣдованіи игумена Дорофея Лебедевича, въ немалой нуждѣ страдалъ, еднакъ Божією силою и Матери Божіей былъ подкрѣпленъ. Зъ якой ссылки уже подбравъ 30 числа велѣно указомъ у желѣзахъ и паки въ катедру представить; где за представленіемъ моимъ подавалъ самому архіерею Никодиму доношеніе, чтобы мои, непріятыя въ слѣдствіи, оправданія въ консисторіи принято и разсматривано былобъ, и мене помилованобъ. Який архіерей оніе мои оправданіе и доношеніе, три дни держа въ себе безъ помѣты и безъ резолюціи, мнѣ чрезъ писаря Иринарха отдалъ; а когда уже декабря 10 расковали изъ желѣзъ, приказали ѣхать въ доиъ, чтобы матери сотниковой, якобы за безчестіе, такъ и козакамъ и мужикамъ за взятіе за вѣнчаня и поминовенія, не выключая того, что викарію, дьячку, панамару давано, все до остатка отъ мене-бы было награждено, и для того и послано изъ мною и съ катедры еромонаха Мелегія, да канцеляристу Василя Козловскаго. Якіе много принуждали мя, чтобы я матери его Дмитрашка, такъ козакамъ и мужикамъ уплатилъ; но я, видя оный въ консисторіи неправедный приговоръ, ни мало не повинился. Якіе и паки заковавши въ желѣза и положи на драбинчастій возъ, приказали дьячку Ивану Даниленку, да дьячку михайловскому Григорію везти мене въ катедру. Якіе когда попились въ его Дмитрашка Василя, и ночью везя мя въ Чирское, у великій ровъ изъ возомъ упали, и тамъ сами остались пьяни, мене-же лошади, когда спужась, стали по ролямъ оранымъ носить; но я, видя...

КЪ БІОГРАФИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

Собранія писемъ Достоевскаго и Тургенева, умершихъ какъ-бы вчера, служатъ свидѣтельствомъ того, какую важность стали давать въ послѣдніе годы частной перепискѣ крупныхъ писателей. Въ европейской и русской литературахъ она получила нынѣ почти значеніе литературныхъ памятниковъ. Заключая въ себѣ отзывы и мысли, касающіеся всего, на что наталкивала жизнь, вводя въ интимный міръ писателя, письма, эти неназначенныя къ печати бесѣды, справедливо признаны важнѣйшимъ біографическимъ подспорьемъ. Нельзя не выразить большого сожалѣнія о томъ, что не существуетъ до сихъ поръ хронологически изданной переписки Шевченка. Его писемъ одновременно напечатано было не мало; но разные періоды жизни поэта представлены въ нихъ чрезвычайно неравномѣрно, и эти пробѣлы, при дальнѣйшихъ поискахъ, могли-бы быть еще значительно пополнены, а главное—получилась-бы та цѣльность впечатлѣнія, которая такъ важна при изученіи всякаго большого писателя и такъ значительна въ особенности, когда дѣло идетъ о поэтѣ столь искреннемъ, какимъ былъ Шевченко. Нѣсколько сообщаемыхъ ниже писемъ и записокъ его къ Михаилу Александровичу и Марьѣ Васильевнѣ Максимовичамъ должны примкнуть къ этому будущему собранію, скорѣйшато появленія котораго вмѣстѣ съ нами пожелаютъ, конечно, весьма многіе.

Ничто такъ ни случайно, какъ судьба писемъ. Съ этой истиной можно согласиться, забывши даже о почтовыхъ порядкахъ. Такъ какъ сохраненіе писемъ обуславливается или особенной аккуратностью или счастливою случайностью, двумя вещами равно рѣдкими, то неудиви-

тельно, что и писемъ, даже людей выдающихся, сберегается немного. Переписка обитателя Михайловой горы съ Тарасомъ Григорьевичемъ въ этомъ случаѣ не составляетъ исключенія. Нѣсколько писемъ Максимовича къ Шевченку мы напечатали въ прошломъ году («Кіевск. Стар.» 1884 г., № 4, стр. 644), другія помѣстилъ въ своей книгѣ г. Чалый. Письма Шевченка, предоставленныя намъ теперь, не служатъ на нихъ отвѣтомъ. Очевидно, и то и другое—только клочки переписки, бывшей болѣе дѣятельной и обильной.

Изъ Нижняго Новгорода, мѣста извѣстной, невольной стоянки поэта при переѣздѣ его изъ ссылки въ Петербургъ, Шевченко посылаетъ Михаилу Алекс. три новыхъ стихотворенія («Доля», «Муза» и «Слава») и пишетъ нѣсколько взволнованныхъ, «оправдательныхъ» строкъ:

«10 февраля 1858 г. Дуже мій єдиний! Яка оце тобі сорока брехуха на хвості принесла, що я тутъ нічого не роблю, тільки бенкетую. Брехня, ей-же Богу брехня! Ты й самъ таки подумай гарненько: хто-жъ насъ шануватиме, якъ ми самі себе не шануємъ? Я-жъ уже не хлопець нерозумний и одъ старости, слава Богу, ще не одуривъ, щобъ таке вироблять, якъ ты пишешъ. Плюнь, мій голубе сызній, на цю паскудну брехню и знай, коли мене неволя и горе не побороли, то самъ я не звалюся. А тобі велике, превелике спасьби за щирюю любовъ твою, мій голубе сызній, мій друже єдиний. Я ажъ заплакавъ на старость, якъ прочитавъ твоє письмо, полное самои чыстои, некупленнои любви. Ще разъ спасьби тобі, мое сердце єдинее!

Я пославъ тобі письмо харьковского директора. Тытася цилує тебе, якъ батька ридного ¹⁾ и просить, щобъ ты робивъ зъ нею, якъ Богъ тебе навчить. На Вар—ва нема надіи. Дерево, та ще й дубове. Оставайся здоровъ, мій мылий друже. Незабаромъ прибуду до тебе. А поки що, люби мене оклеветаннаго твоего щырого друга Т. Шевченка.

Хочъ ты и не веливъ, а я таки не втершивъ, чмокнувъ сегодня разбѣчокъ нашу любую Тытасю. Чмокны за мене гарненько благороднаго Сергѣя Тимофеевича ²⁾.

¹⁾ Рѣчь идетъ вѣроятно объ актрисѣ Піуновой, на которой въ то время Шевченко думалъ жениться, и о ея переходѣ на столичную сцену.

²⁾ Аксакова.

Поэтъ «оправдывается» передъ своимъ другомъ очевидно противъ розказней тѣхъ непрошенныхъ и досужихъ моралистовъ, которые преслѣдовали его всю жизнь и не оставили и за гробомъ. Безупречные въ своемъ ничтожествѣ, не падавшіе сами никогда, потому что никто не давалъ себѣ труда ихъ толкать, они мѣряли на свой условный аршинъ каждый шагъ поэта и, глухіе сердцемъ къ его суровой долѣ, навидывались на каждую мелочь, сто разъ искупленную его тяжелымъ страданіемъ. Голоса такихъ господъ слышались при жизни и надъ гробомъ každого великаго поэта. Они желали-бы видѣть Данта—чиновникомъ, одинаково служащимъ во Флоренціи при всѣхъ политическихъ перемѣнахъ, Байрона, поэта страстей и тоски, «примѣрнымъ», окруженнымъ потомствомъ семьяниномъ...

Слыша эти елеинные голоса и вспоминая жизнь поэта, испытываешь неволью жгучую грусть. Искреннѣе и болѣе прямодушно, чѣмъ золотушные моралисты, искалъ онъ истинной любви, привязанности, всего того, что даетъ семья; но не такъ сложилась его жизнь. Ушли молодые годы. Къ извѣстнымъ, кончавшимся неудачами поискамъ невѣсты относятся три письма поэта къ Марьѣ Вас. Максимовичъ. Вотъ они въ хронологическомъ порядкѣ:

«С.-Петербургъ 22 ноября 1858 г. Вельмы и вельмы шанобная и любая Марье Васильевно! Спасыби вамъ, мое сердце еднее, за ваше щире ласкаве привитанни Я думавъ, що вы давно вже въ Москви сумуете, ажъ бачу, що вы теперъ по Михайловіи гори похажаете, на сини горы поглядаете, зъ Днипромъ розмовляете, та й мене сирому одынокого на чужини не забуваете. Спасыби вамъ ще разъ, мое сердце еднее. Якъ-бы вы ще згадали про те, що я просивъ васъ въ Москви, та заходылся гарненько коло сего святого (дила), то це було-бъ такъ. А вы мабуть уже и забулы мою прозъбу? то отъ вамъ нагадаю. Я васъ просивъ, щобъ вы мене оженылы. Оженить, будьте ласкави! А то якъ вы не оженете, то й самъ Богъ не оженить, такъ и пропаду бурлакою на чужини. Ня те лито, якъ Богъ поможе, буду въ Кієви и на Михайловіи гори, а вы тамъ де небудь пидъ яворомъ, або пидъ вербою и поставьте мою заквичану княгню, а я пиду погулять та й зострину ін. Бачыте, якъ просто и гарно Зробить-же такъ, мое сердце еднее, а я вамъ теперъ шлю, замісь парчового

очишка, мій невеличкій *Сонъ*, а литомъ привезу величнену поѣму, якъ зробіте по моему прошенію, а якъ-же ни—то ни».

Слѣдуетъ извѣстное, превосходное стихотвореніе «На панщини пшеницю жала...», отъ печатнаго текста отличающееся присутствіемъ въ срединѣ двухъ строкъ, вполнѣ уничтоженныхъ и дѣйствительно лишнихъ, и отсутствіемъ двухъ строкъ заключительныхъ, примиряющихъ и прибавленныхъ послѣ, при слухахъ про «волю». За текстомъ «Сна» приписка:

«Не здивуйте, якій удався. Не забудьте-жъ, моя голубко сызая, моею великою прозьбы и мене искреннего вашего Т. Шевченка».

Пять мѣсяцевъ спустя, поэтъ пишетъ изъ Петербурга тому-же лицу:

«25 марта 1859 г. Сегодня бувъ я у Александры Михайловны¹⁾. Вона мени показувала ваше послѣднее письмо до неи. Спасыби вамъ, мое серденько, що вы мене згадуєте и не забуваете мои прозьбы. Спасыби вамъ ще разъ и ще разъ. Якъ Богъ поможетъ мени до маія мисаця кончыть мои дила съ цензурою, то насыплю повну кышеню грошей, та й чкурну черезъ Москву прямо на Михайлову гору. Добре, дуже-бъ добре було, якъ-бы то воно такъ сталося, якъ гадаеця. Та вже нехай якъ буде, такъ и буде, а я хочъ безъ грошей прыдыбаю таки до васъ симъ литомъ, та якъ Богъ та вы поможете, то може й одружуся. Якъ-бы то такъ сталося, дуже добре було-бъ. Ажъ страхъ обисило вже мени бурлакуваты. На сей разъ посылаю вамъ свій натреть, тилько вы его не показуйте мойй молодій, а то злякаеця. Оставайтесь здорови, нехай вамъ Богъ поможетъ на все добре. Згадуйте инколы искренняго вашего Т. Шевченка».

«Передайте мойй будущій молодій княгыни оцю невеличку и не весильну писеньку:

Якъ-бы мени черевыки,
То пишла-бъ я на музыки,
Горенько мое! и т. д.²⁾

Отъ вамъ и друга невеличка:

Якъ-бы мени, мамо, намисто. .³⁾

¹⁾ Кулишъ?

²⁾ «Кобзарь», 1884 г., стр. 161. ³⁾ Ibid., таже страница.

Поздоровляю васъ зъ святымъ Вельводнемъ!

Фотографъ збрехавъ, не прынись мени портрета. Нехай до другого разу. А на сей разъ скажите *ій*, що я лысый и сивоусый, то вона сердешна и такъ злякаеця.

Якъ буде ласка напысать до мене, то напышитъ усе гарненько и дрибненько, та й адресуйте въ С.-Петербургъ, въ академію художествъ, такому-то, цебъ-то мени».

Поиски невѣсты, если они предпринимались г-жей Максимовичъ, успѣхомъ не увѣнчались. Тоже было и съ поисками другихъ лицъ и съ сватовствомъ самаго Шевченка. Въ первый разъ сватался онъ въ Нижнемъ Новгородѣ, на Піуновой. Ея артистическія способности заставляли поэта закрывать глаза на недостаткъ развитія и идеализировать свою избранницу. Когда это сватовство разстроилось, любимой мечтой Тараса Григорьевича стало жениться на женщинѣ изъ той среды, изъ которой онъ вышелъ самъ, и притомъ на самой бѣдной, сиротѣ и крепачкѣ. Наймичка родственника его Вареоламея Григорьевича Шевченка, сирота Харита, успѣла выйдти замужъ, пока велись переговоры о предполагаемомъ сватовствѣ. Позже женитьба Шевченка на горничной г. Макарова Лукерьи была очень близка къ осуществленію. Мало видѣвъ и зная ее, Тарасъ Григорьевичъ любилъ въ ней свой идеалъ женщины изъ народа, трогательной своей безпомощностью и силою чувства. Дѣйствительность, однако, скоро разочаровала его. Последнее изъ писемъ къ г-жѣ Максимовичъ относится къ тому времени, когда собственный выборъ поэта сдѣланъ еще не былъ и въ этихъ поискахъ онъ искалъ помощи друзей. Начинается это письмо, впрочемъ, рассказомъ о хлопотахъ совсѣмъ иного рода.

Спб. 10 мая 1859 г. Вонстинну Хрисосъ Воскресе, мій любый, мій единый друже! Спасыби вамъ, мое серденько, за вашее щырее, ласковее письмо. Въ той самый день, якъ я получывъ его, заходывся хлопотать о паспорти, та й доси ще не знаю, чы дадутъ мени его, чы ни. Перше въ столицю не пускалы, а теперь зъ ціей с... столици не выпускають. Доки вони будуть згнуцатись надо мною? Я не знаю, що мени робыть и що почать? Утекты хйба ныщечкомъ до васъ та одружившыся у васъ и заховатыця. Здаеця, що я такъ и зроблю. До 15 мая ждатыму паспорта, а тамъ що буде, то нехай те и буде

А поки що буде, посылаю вамъ свій портретъ, тилько будьте ласкави, не показуйте портретъ дивчатамъ, а то вони злякаютьця, подумаютъ, що я гайдамацкый батько, та ни одна и замизъ не пійде за такого палыводу. А тымъ часомъ одний, найкращій скажить тыхенько, щобъ рушныкы дбала, та щобъ на своєму огороди гарбузывъ не сажала. Такъ щожъ, позычыть, якъ на своєму не посадить. О! бодай такой сусиды одцуралысь!

Оставайтесь здоровы, мій любый, мій єдиный друже! Въ маи, або въ іюни побачимось, а поки що, де набачите, що гарбузы посажени, то такъ съ коринемъ и вырывайте. Искренний вашъ Т. Шевченко».

Лѣтомъ 1859 года Тарасъ Григорьевичъ дѣйствительно прїѣхалъ въ Малороссію и въ іюлѣ гостилъ у М. А. Максимовича. Въ тотъ-же прїѣздъ выбиралъ онъ на днѣпровскихъ берегахъ мѣсто своей будущей усадьбы. Но жить по сосѣдству съ Михайловой горой ему не было суждено. На томъ мѣстѣ, гдѣ думалось жить, онъ успокоился на вѣки и вмѣсто веселой хаты, на Днѣпровой кручѣ выросла черезъ два года высокая Тарасова могила.

КЪ ИСТОРИИ ПОГРАНИЧНЫХЪ НАШИХЪ СНОШЕНІЙ СЪ КРЫМСКИМЪ ХАНСТВОМЪ.

Путевой журналъ секундъ-маіора Матвѣя Миронова, въ командировку его къ крымскому хану, 1755 года.

Съ переходомъ запорожцевъ въ русское подданство въ 1733 г. явилась надобность въ частыхъ сношеніяхъ русскаго правительства съ крымскимъ ханомъ, по поводу непрерывныхъ пограничныхъ столкновеній и споровъ запорожцевъ съ татарами. Особого уполномоченнаго отъ Россіи при ханскомъ дворѣ не было; сношенія поручались обыкновенно кievскому генераль-губернатору, въ качествѣ «главнаго пограничнаго командира», и велись при посредствѣ Запорожскаго Коша. Кромѣ улаженія пограничныхъ споровъ, правительство имѣло надобность въ развѣдкѣ о настроеніи хана относительно Россіи, которое служило всегда почти вѣрнымъ отраженіемъ настроенія грозной еще тогда Турціи. Письма къ хану отъ кievскаго генераль-губернатора препровождались обыкновенно чрезъ нарочнаго рейтара при особомъ ордерѣ къ кошевому атаману въ Запорожскую Сѣчь, откуда уже командировались для доставленія писемъ въ Бахчисарай нарочные, два-три человекъ изъ «надежныхъ, искусныхъ и татарскаго языка знающихъ» козаковъ, которымъ при этомъ поручалось секретно вровѣдывать о разнаго рода «тамошнихъ обращеніяхъ». Козаки эти, по возвращеніи своемъ, представляли кошевому атаману «доѣздные репорты», копии съ которыхъ и препровождались къ генераль-губернатору при репортѣ кошеваго объ исполненіи порученія.

Но запорожцамъ въ свою очередь не всегда довѣряли и потому нерѣдко къ хану командировались и прямо изъ Кіева нарочные офицеры, которымъ также поручалось «секретное развѣдываніе» о крымскихъ дѣлахъ, и зачастую это развѣдываніе и бывало главнымъ предметомъ командировки, а письмо къ хану было только предлогомъ. Офицеры эти, по возвращеніи своемъ, представляли особый «журналъ», въ которомъ и давали обстоятельный отчетъ обо всемъ, что, по ихъ мнѣнію, было достойно вниманія и требовало донесенія.

У меня въ рукахъ находится пять такихъ журналовъ, относящихся къ 1750—55 годамъ. Журналы эти не представляютъ собою цѣльнаго историческаго интереса, касаясь мелкихъ отдѣльныхъ случаевъ и захватывая собою лишь самую незначительную часть нашихъ внѣшнихъ сношеній; тѣмъ не менѣе въ нихъ разбросано не мало цѣнныхъ историческихъ указаній и мелкихъ бытовыхъ чертъ и изданіе ихъ было-бы весьма полезно въ смыслѣ историческаго матеріала. Одинъ изъ такихъ «журналовъ» я предлагаю здѣсь вниманію любителей отечественной старины.

Секундъ-маіоръ Матвѣй Мионовъ командированъ былъ въ Крымъ въ августѣ мѣсяцѣ 1755 г. управлявшимъ тогда кіевскою губерніей и пограничными дѣлами вице-губернаторомъ Костюринымъ. Въ генварѣ этого года получено было извѣстіе о вступленіи на турецкій престолъ султана Османа, и это обстоятельство вызвало, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, усиленные съ нашей стороны заботы о «соблюденіи сосѣдственной съ турецкою стороною дружбы и объ отвращеніи всего того, что-бы къ малѣйшему несогласію и ссорамъ съ турками поводъ подать могло». Всѣмъ пограничнымъ начальникамъ предписывалось, чтобы они «старались съ тамошней стороны обо всемъ, что происходить будетъ, вѣрныя вѣдомости чрезъ нарочныя посылки доставить». Въ виду-то этого указа, Костюринъ и командировалъ Минова къ крымскому хану, съ цѣлію поздравить его со вступленіемъ на престолъ новаго султана и переговорить о нѣкоторыхъ пограничныхъ дѣлахъ, а при семъ удобномъ случаѣ и провѣдать о «тамошнихъ обращеніяхъ и воинскихъ приуготовленіяхъ».

Въ очень длинномъ письмѣ своемъ къ хану, наполненномъ объясненіями по заявленнымъ съ крымской стороны на запорожцевъ претензіямъ, Костюринъ, между прочимъ, предлагалъ хану допустить къ себѣ въ Бахчисарай настоящаго русскаго резидента. «Когда-бъ

кто при вашей ханской свѣтлости, писалъ онъ, отъ російской стороны авторизованной человѣкъ безвыѣздно былъ, имѣя власть представлять и доносить, то конечно-бы всѣ оныя жалобы сократились и послужилъ-бы къ поправленію всего случающагося и къ пріятному между нами сношенію, чего я искренне желателенъ, да и купечество-бъ съ обоихъ сторонъ въ случающихся между нами распряхъ по такому близкому порядку доволными находились и излишніе затѣвателствы и увеличиваніи прекратились бы».

Въ данной Миронову инструкціи также предписывалось ему непременно заговорить при свиданіи съ ханомъ «о учрежденіи при немъ съ російской стороны какой авторизованной персоны» и при этомъ примѣчать, какое на то отъ его ханской свѣтлости соизволеніе будетъ».

На путевые въ оба пути расходы выдано было Миронову 50 рублей.

Въ ордерѣ-же къ кошевому атаману отъ 11-го августа предписывалось: «выбравъ самыхъ лучшихъ и къ тому достойныхъ и вѣроятныхъ, доброконныхъ и оружныхъ, изъ запорожскихъ козаковъ трехъ человѣкъ, въ томъ числѣ одного за толмача, знающаго турецкой и татарской языкъ, отпратить и снабдить сек.-м. Миронова тремя подводами немедленно».

Изъ «журнала» Миронова видно, что ханъ крайне неблагожелательно отнесся къ предложенію Костюрина относительно «авторизованной персоны», что составляло одно изъ главныхъ порученій, данныхъ Миронову. Самый журналъ знакомитъ читателей и съ способами «развѣдыванія», и съ характеромъ нашихъ отношеній къ «пріятелямъ»-чужеземцамъ и нѣкоторыми другими подробностями, я-же считаю нужнымъ предварительно дать поясненіе лишь по двумъ пунктамъ этого журнала.

1) Подъ 23-мъ числомъ августа сек.-м. Мироновъ, говоря о встрѣчѣ своей съ нѣкимъ Гарбузомъ, считаетъ нужнымъ заявить, что Гарбузъ этотъ ѣхалъ безъ «печатнаго билета» и что вообще «многіе, особливо запорожскіе козаки, по своеволію своему, у Никитинской заставы не являются и безъ печатныхъ билетовъ въ Крымъ за солью ѣздятъ». Дѣйствительно, незадолго передъ этимъ, правительствомъ русскимъ, которое, не довѣряя запорожцамъ, рѣшилось зорко наблюдать за ними, учреждены были по рѣкамъ Бугу

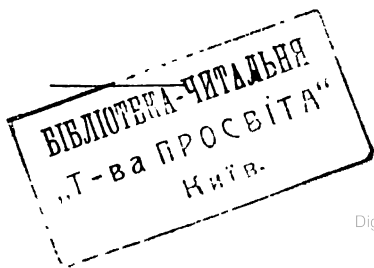
и Днѣпру особыя заставы, на которыхъ и выдавались всѣмъ, проѣзжавшимъ въ турецкую сторону, особые билеты. Съ этою цѣлью на Никитинскую заставу командированъ былъ, кромѣ караульной команды, переводчикъ Семеновъ, который весьма ревностно, помимо прямой своей обязанности, занимался «секретнымъ развѣдываніемъ заграничныхъ обращеній». Онъ не ладилъ ни съ запорожцами, ни съ караульнымъ офицеромъ и весьма часто писалъ въ кievскую губернскую канцелярію реляціи, а къ Костюрину письма, въ которыхъ жаловался на то, что установленныя заставы то и дѣло обходятся запорожцами и малороссійскими купцами, а билеты не берутся.

2) Сообщение секундъ-маіора Миронова (подъ 1-мъ и 2-мъ числами сентября) объ укрывавшихся въ Крыму сообщникахъ Мазепы Миновичъ и Нафимовскомъ возбудило, какъ это видно изъ имѣющагося у меня особаго дѣла, обширную переписку съ малороссійскими полковыми канцеляріями, которыя не могли однако добыть никакихъ свѣдѣній о томъ, «давно-ли оные Миновичъ и Нафимовскій и изъ которыхъ мѣстъ и какимъ случаемъ за границу бѣжали». Между тѣмъ русскія власти, очевидно, придавали большое значеніе этимъ бѣглецамъ и принимали энергическія мѣры къ развѣдыканію о томъ, «отъ помянутыхъ Миновича и Нафимовскаго изъ Бакцысарая или изъ Польши въ Сѣчь и въ Запороги къ кошевому и прочей старшинѣ и къ кому-нибудь, съ письмами или и безъ писемъ, не прислалъ-ли или собою не пріѣзжалъ-ли кто, и не имѣютъ-ли они чрезъ кого тайной пересылки за границу со означенными Миновичемъ и Нафимовскимъ».

Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ этихъ лицахъ получены были отъ упомянутаго выше переводчика Семенова, который въ октябрѣ мѣсяцѣ писалъ къ Костюрину: «Когда я посланъ былъ сего 1755 г. весною въ Крымъ, видѣлъ сего Миновича и Нафимовскаго у церкви и спрашивалъ у архіерея тамошняго и волоского господаря у резидента, которой находится при ханѣ въ Бакцысарай для исправленія господарскихъ дѣлъ; и они мнѣ о нихъ акуратно объявили, что они съ Мазепою измѣнили и пріѣхали въ турки съ нимъ и съ свейскимъ королемъ, и тогда ему Миновичу съ прочими отъ Порты опредѣлено жалованья въ каждый день по два ленка, т. е. по 1 р. 20 к., получать отъ крымского хана и жить въ Крыму; то онъ Миновичъ тогда немного жилъ въ Крыму и отлучился въ Польшу

и жилъ въ Польшѣ, а опредѣленное ему жалованье за отлучкою отъ хана не получалъ. А бывший Мировичъ-же, которой былъ при російской службѣ артилеріи поручикомъ, потомъ ушедъ изъ Россіи, былъ при крымскомъ ханѣ переводчикомъ и прошедшаго 1753 году здохъ; а сему Федору Мировичу онъ былъ братъ родной меньшей. И услыша сей Федоръ Мировичъ, что братъ его умре, изъ Польши того жъ году пріѣхалъ за братскими пожитками и, раздѣля тѣ пожитки съ женою брата своего, а его невѣсткою, остался въ Крыму и беретъ опредѣленное ему тогда отъ Порты вышеписанное жалованье или кормовые деньги. А Федора Нафимовскаго онъ держитъ при себѣ на своемъ коштѣ. А отъ поляковъ они не приславы, развѣ поляки что ему пишутъ, ибо присылаемыя изъ Польши къ хану письма нынѣшній переводчикъ Есиръ-мехметъ съ нимъ Мировичемъ переводить: Мировичъ читая сказываетъ, а переводчикъ по турецки пишетъ. Но и предъ хана хожденіе его Мировича въ годъ два три или четыре, и то постоя мало и поидеть; а чтобъ ханъ принималъ его въ такіе глубокіе совѣты, не слышно и не упователно; только, какъ я вижу, сіе дѣло не иное что, только сплетни запорожскаго толмача». При этомъ Семеновъ, распространяясь о ненадежности запорожскихъ толмачей, совѣтовалъ употреблять «киевскихъ толмачей». «Ко мнѣ иволите писать, прибавлялъ онъ, чтобъ сіе дѣло содержалъ я въ найвышемъ секретѣ и охраненіи, а старшина запорожская тая вся знаеть, понеже сіе дѣло толмачъ, пріѣхавши сюда въ Сѣчь, свосму атаману сказаль, а отъ него и всѣмъ объявлено». Поручикъ Шемаевъ, который ѣздилъ въ Крымъ для «развѣданія тамошнихъ обращеній» въ октябрѣ мѣсяцѣ 1752 года записалъ въ своемъ журналѣ, что видѣлъ «извѣстнаго Мировича» въ Бахчисараѣ на базарѣ и что «ханскій переводчикъ Али при разговорахъ ему поручику упоминалъ, что де помянутой Мировичъ ни къ какимъ дѣламъ нынѣ отъ хана не употребляется, затѣмъ де, что пришелъ онъ Мировичъ отъ пребезмѣрнаго ежедневнаго пьянства въ меланхолію». Видѣлъ-ли онъ Федора Мировича, или брата его Ивана,—неизвѣстно.

А. Андр.

Журналъ, содержанной кievскаго гарнизона стародубскаго полку секундъ-маіоромъ Матвѣемъ Мироновымъ во время послыки его въ Крымъ до Бакцысарая къ хану крымскому Арсланъ-Гирею съ письмами, а что имъ секундъ-маіоромъ въ бытность его въ Бакцысараѣ и въ проѣздъ въ оба пути о тамошнихъ обращеніяхъ развѣдано и присмотрѣно, явствуетъ ниже.

Мѣсяць августъ.

21. По отправленіи изъ запорожской Сѣчи зъ данными ему секундъ-маіору отъ кошеваго атамана Федора Толстоногова въ конвой двумя козаками и зъ двумя подводчиками, въ томъ числѣ за толмача однимъ козакомъ, да съ отправленнымъ изъ кievской губернской канцеляріи солдатомъ однимъ, да Бакцысарая зъ жителемъ грекомъ Ананіемъ, который былъ въ запорожской Сѣчи для купчества и къ россійской сторонѣ благосклоненъ, и прежде сего во всю бывшую съ татарами войну жилъ въ запорожской Сѣчи, а нынѣ жительство имѣеть въ Бакцысараѣ и весьма ему секундъ-маіору знакомъ и вѣренъ, — и будучи при никитинской заставѣ и ночевали.

22. Отъ никитинской заставы, гдѣ чрезъ Дѣбѣрь переправились, а по перевозѣ на татарской сторонѣ усмотрѣно имъ, секундъ-маіоромъ, у Каменного Затону на татарской землѣ купческімъ промысломъ торгуютъ запорожскіе козаки до 30 шалашей; а отъ Каменной Заставы не въ дальномъ разстояніи оныя-жъ запорожскіе козаки наосили въ урочищѣ Малой Цурки сѣна 5 скирдовъ. И отъ Каменной Заставы слѣдовали до р. Рогачика, гдѣ и ночевали.

23. Отъ р. Рогачика слѣдовали до р. Дурицкой, гдѣ и ночевали. Какъ слѣдуя отъ р. Рогачика до р. Дурицкой, наѣхалъ онъ секундъ-маіоръ на дорогѣ полтавскаго миргородскаго полку жителя Гарбуза, и данъ ему изъ сотенной полтавской канцеляріи пашпортъ за рукою той сотни атамана Ивана Миненка до запорожской Сѣчи, а не въ Крымъ, а печатного билета, гдѣ при никитинской заставѣ даются, не имѣеть. Да и многіе, особливо запорожскіе козаки, по своеволству своему, у никитинской заставы не являются и безъ печатныхъ билетовъ въ Крымъ за солью ѣздить.

24. Отъ р. Дурицкой слѣдовали до колодезей и, не доѣзжая тѣхъ колодезей, вышписанной грекъ Анапій остался на дорогѣ и ѣхалъ съ запорожскими козаками, которые ѣхали въ Крымъ за солью, чтобъ не подать въ Перекопѣ подозрѣнія, — гдѣ и ночевали.

25. Отъ колодезей въ Перекопѣ прибыли и отведены были оныя секундъ-маіоръ и съ будущими при немъ, по приказу коймакама Феди-

эфендія, съ чаушемъ и толмачемъ ихъ армяниномъ Шаганомъ, на квартиру. И по прїѣздѣ на квартиру онъ секундъ-маіоръ толмачу ихъ объявилъ: можно-ли съ коймакамомъ видѣться персонально? Ибо напередъ сего оной коймакамъ къ себѣ въ квартиру посланныхъ изъ Кіева офицеровъ не допускалъ. На что оной толмачъ отвѣтствовалъ, что онъ о томъ ему коймакаму доложить.

Находящійся въ Перекопѣ запорожскій козакъ иркльовскаго курена Максимъ Рудь, кой прїѣхалъ изъ запорожской Сѣчи для покупки соли, жаловался ему секундъ-маіору на крымскихъ чебановъ, что, не доѣзжая Перекопа верстъ съ пять у колодезей, хотѣлъ изъ тѣхъ колодезей воловъ напоить, то де напавъ на него безъ всякой причины, одинъ чебанъ гнался за нимъ съ ножомъ и ранилъ одного козака въ руку.

По полудни въ первомъ часу присланъ былъ къ нему секундъ-маіору коймакамскій толмачъ со объявленіемъ, дабы шель къ коймакаму въ квартиру, куда онъ, взявъ съ собою обиженного раненного козака, пошелъ. И по приходѣ въ квартиру, оной коймакамъ просилъ его сѣсть и сталъ спрашивать, откуда слѣдуетъ, отъ кого и съ чѣмъ; на что секундъ-маіоръ коймакаму отвѣтствовалъ, что отправленъ изъ Кіева отъ его превосходительства, г. генераль-маіора и кіевского губернскаго вице-губернатора Костюрина съ письмами къ его свѣтлости хану крымскому; и притомъ онъ секундъ-маіоръ дружелюбно просилъ его коймакама, чтобъ отправленъ былъ безъ умедленія, и требовалъ подводъ какъ подъ себя, такъ и подъ конвойныхъ козаковъ, и на то онъ коймакамъ объявилъ: что касается до отправленія, изволь де и сего числа слѣдовать, отправленіемъ не умедлю, а подводъ безъ ханскаго фермана дать не смѣтъ. А потомъ у секундъ-маіора онъ коймакамъ спрашивалъ о турецкомъ посланникѣ, гдѣ нынѣ находится, на что ему отвѣтствовано, что отъ всевысочайшаго ея императорскаго величества двора съ великимъ удовольствіемъ отпущенъ и слѣдуетъ на Кіевъ и надежно къ 14 числу сего августа въ Кіевъ прибудеть.

Оной-же коймакамъ спрашивалъ у секундъ-маіора: не имѣтъ-ли Россія съ шведскимъ или прусскимъ королевствами войны? У насъ-бы все хорошо было и проеждя обонми высочайшими имперіями, россійскою и турецкою, дружба происходила, токмо мѣшаютъ сосѣдственную дружбу запорожскіе козаки: сколько ни было комиссій, то никакого удовольствія обидящіе не получили. И на то отвѣтствовалъ секундъ-маіоръ: ни съ какимъ королевствомъ великороссійскіе войны не имѣютъ, но со всѣми сосѣдми имѣютъ покой и тишину; что-же мѣшаютъ дружбу запорожскіе козаки, кто изъ нихъ виненъ лвится, то таковыхъ безъ штрафа не оставляютъ; а что-же по многимъ комиссіямъ стороны татарской никакого удовольствія обиженные не получили, такъожъ изъ россійской стороны обидящіе отъ татарской стороны удовольствія не получили, но предано молчанію со обонхъ сторонъ и не упоминается; жалуетесь вы

на запорожскихъ козаковъ, что чинять татарамъ обиды, но и съ татарской стороны запорожскимъ козакамъ татары болѣе обиды приключаютъ, какъ-то и нынѣ въ проѣздъ его секундъ-маіора въ Бакцысарай запорожскій козакъ приносилъ жалобу на татарскихъ чебановъ, что-де не доѣзжая Перекопа верстъ съ пять, хотѣлъ напоить воловъ изъ колодезя, и напалъ на него безъ всякой причины чебанъ и гнался за нимъ съ ножомъ и ранилъ того козака въ руку, которого при томъ для лучшаго свидѣтельства предъявлялъ и просилъ онъ секундъ-маіору одного коймакама по сосѣдственной дружбѣ учинить сатисфакцію и обидного удовлетворить. И на то онъ коймакамъ ему секундъ-маіору объявилъ, что безъ сатисфакціи и безъ удовольствія обидимый оставленъ не будетъ. И по окончаніи вышенисанныхъ всѣхъ разговоровъ подносили ему секундъ-маіору кофе, а при коймакамѣ сидѣли старшина переконская человѣкъ до 12, въ томъ числѣ и яничарской ага. И съ тѣмъ онъ секундъ-маіоръ въ свою квартиру и отошелъ.

Въ Перекопѣ-же хлѣбъ, пшеница и ячмень, продается: пшеницы четверть по 1 р. 20 к., ячмень по 80 к.; да и во всемъ Крыму нынѣшняго лѣта хлѣбу былъ немалой урожай.

Того числа по полудни въ 4-мъ часу, по требованію его секундъ-маіора, присланъ къ нему на квартиру отъ переконскаго коймакама для препровожденія изъ Перекопа до Бакцысарая одинъ сеймень, и слѣдовали до Соленого озера, гдѣ и ночевали.

Нынѣшняго лѣта отъ многихъ дождей въ крымскихъ мѣстахъ соль по малому числу около береговъ родилась.

26. Отъ Соленого озера слѣдовали до села Бадыжа, гдѣ и ночевали.

27. А отъ села Бадыжа слѣдовали до г. Козлева, гдѣ и ночевали.

28. Отъ г. Козлева слѣдовали до Бакцысарая. И по пріѣздѣ къ Бакцысарая послалъ онъ секундъ-маіоръ даиного въ Перекопѣ татарскаго провозатаго, да состоящего при немъ секундъ-маіорѣ за толмача запорожскаго козака Ивана Орловскаго къ ханскому визиру съ требованіемъ, куда позволить ему секундъ-маіору съ будущими при немъ ѣхать; отъ котораго приказано чрезъ одного провозатаго отвезти ихъ, и отвезены, на квартиру.

29. По утру пришелъ къ нему секундъ-маіору ханскій переводчикъ Мегметъ и поздравлялъ съ прибытіемъ и спрашивалъ, откуда прибыли; и посадивъ нѣсколько времени, оной переводчикъ объявилъ секундъ-маіору: о прибытіи-де вашему его ханской свѣтлости донеслъ; и съ тѣмъ съ квартиры отошелъ. А потомъ, спустя часа съ 4, оной-же переводчикъ пришелъ къ нему секундъ-маіору со объявленіемъ, дабы шелъ къ хану для подаанія писемъ; но онъ секундъ-маіоръ ему переводчику объявилъ, чтобъ донесъ его ханской свѣтлости, чтобъ чрезъ

тотъ день позволилъ пребыть въ квартирѣ, для того, что еще зъ дороги здоровьемъ слабъ, а завтрешнего числа въ соизволеніи его ханской свѣтлости, какъ изволить приказать. И съ тѣмъ оной переводчикъ и отшелъ. А потомъ спустя часа съ два оной-же переводчикъ пришелъ къ нему секундъ-маіору и объявилъ: его-де ханская свѣтлость дозволялъ до завтрешнего числа пребыть въ квартирѣ. И сидѣлъ оной переводчикъ у него секундъ-маіора часа съ два и въ разговорахъ о себѣ объявилъ, какимъ образомъ по великороссійски говорить, читать и писать научился: въ прошломъ-де 1737 г. взятъ онъ былъ въ Очаковѣ малолѣтнимъ осьми годовъ въ полонъ и былъ прежде у Андрея Фелика, а Феликъ подарилъ его гвардіи капитану Чеботаеву, а Чеботаевъ Радіону Михайлову сыну Кошелеву, у которого будучи крещенъ въ православную христіанско-греческаго исповѣданія вѣру и нареченъ Елпидифоръ, и хотѣлъ-де его оной Кошелевъ въ подушной окладъ въ ревизію записать, и оттого онъ отъ него Кошелева бѣжалъ и записался въ сербской гусарской полкъ и былъ рядовымъ ротнымъ писаремъ и ротнымъ квартирмистромъ, и по одной причинѣ—а по какой, того не изъяснилъ—содержанъ былъ въ Москвѣ въ военной конторѣ подъ карауломъ и оттуда бѣжалъ и былъ нѣсколько времени въ Нѣжинѣ у грека нѣжинского во укывателствѣ, а у кого именно, того не объявилъ, и оной-де пріятель его грекъ препроводилъ его тайно чрезъ кременчужской форпостъ, а въ которомъ году, того не сказалъ, и былъ въ запорожской Сѣчи года съ два и для воровства ѣздилъ съ запорожскими козаками въ Польшу, и изъ запорожской Сѣчи бѣжалъ въ Бендеры къ отцу своему. И тѣмъ оной переводчикъ свой разговоръ кончилъ и отъ него секундъ-маіора съ квартиры отшелъ.

Вышенисанной-же грекъ Янакій (Ананій) 29 числа поутру въ Багцисарай пріѣхалъ.

30. По полудни въ 1-мъ часу присланъ былъ къ нему секундъ-маіору ханской переводчикъ Мегметъ со объявленіемъ, дабы шель къ хану для поданія писемъ; куда онъ секундъ-маіоръ съ письмами и пошелъ; и напередъ его шли ханской переводчикъ вада-баша и, пришедъ къ ханскому двору, остановили и привели въ одну камору, гдѣ ханскій лошадиной уборъ содержится, и трактованъ былъ кофіемъ. И погода тамо съ полчаса, пришелъ въ ту камору переводчикъ Мехметъ и объявилъ, дабы шель онъ секундъ-маіоръ къ хану для поданія писемъ, и въ тожъ время изъ оной каморы и пошли, и напередъ его секундъ-маіора шель онъ-же переводчикъ, а за нимъ секундъ-маіоромъ шли салдаты да за толмача запорожскій козакъ, въ диванъ. И пришедъ въ диванъ онъ секундъ-маіоръ, по приказу его превосходительства г. генераль-маіора и кіевскаго губернскаго вице-губернатора Костюрина, хана поздравлялъ благополучнымъ восшествіемъ на престолъ его солтанова величества, а при томъ онъ ханъ спрашивалъ: господинъ-де гене-

ралъ какъ въ своемъ здоровьи находится; на что онъ секундъ-маіоръ отвѣтствовалъ, что г. генералъ въ здоровьи своемъ находится благополучно. И принялъ отъ него секундъ-маіора письма ханской переводчикъ Мехметъ А до приходу въ диванъ секундъ-маіора поставленъ былъ стулъ близъ вхожихъ дверей, и приказалъ онъ ханъ чрезъ переводчика своего на томъ стулѣ сѣсть, и притомъ спрашивалъ о турецкомъ посланникѣ—гдѣ нынѣ находится; на что секундъ-маіоръ отвѣтствовалъ со учтивостію, что оной посланникъ отъ всевысочайшаго его императорскаго величества двора съ великимъ удовольствіемъ отправленъ и слѣдуетъ на Кіевъ и надежно къ 14 числу сего августа въ Кіевъ прибыть имѣеть и, что ко отправленію его изъ Кіева надлежитъ, въ его путь, какъ подводы и прочее все приуготовлено; причемъ трактованъ онъ секундъ-маіоръ конфектами и кофіемъ. И въ то время ханъ чрезъ оногo-жъ переводчика отъ него секундъ-маіора спрашивалъ: не имѣеть-ли еще отъ г. генерала словесного приказа, на что отъ него секундъ-маіора пристойнымъ образомъ со учтивостію отвѣтствовано: егда его ханская свѣтлость изволитъ изъ присланныхъ отъ него писемъ рассмотреть, то въ то время его ханской свѣтлости словесно, что ему секундъ-маіору отъ его превосходительства приказано, донести имѣеть; и потомъ уволенъ отъ него хана на квартиру по прежнему.

А какъ онъ секундъ-маіоръ приведенъ былъ въ тотъ диванъ, то ханъ сидѣлъ противъ дверей на сафѣ по срединѣ, а отъ хана по правой рукѣ на другой нижней сафѣ сидѣли муфтіи, ханской визирь Мехметъ и придворные его хана, которые всегда во всякихъ дѣлахъ съ ханомъ присутствуютъ, казначаръ баша, тефтердаръ кады и знатные мурзы; отъ хана-жъ по лѣвой рукѣ знатные-жъ мурзы сидѣли, всѣхъ до 40 человѣкъ, а прочіе ханскіе придворные и мурзы во оногo-же диванѣ стояли на ногахъ до 50 человѣкъ, а на ханскомъ дворѣ простыхъ татаръ было довольно число. Предъ приходомъ къ хану въ диванъ, какъ у него секундъ-маіора, такъ у салдата, шнагъ и у запорожскихъ козаковъ шабелъ не отбирали.

Того-жъ числа означенный грекъ Янакій, тайнымъ образомъ въ 5 часу ночи пришедъ въ квартиру, ему секундъ-маіору объявилъ: вчерашнего-де числа и сегодня былъ онъ грекъ у пріятели своего Халихаджи и, что-де вы приказывали о авторизованной персонѣ, Халихаджи ему греку обѣщался о томъ хану' внушить.

Да онъ-же грекъ Янакій о томъ Халихаджи ему секундъ-маіору объявлялъ, какимъ онъ Халихаджи образомъ при ханскомъ дворѣ содержится: мать-де его родная была гречанка вдовою, давнихъ годовъ ханъ ѣздилъ на охоту и усмотрѣлъ ее, что она лица краснаго и спросилъ, чья-де она жена, то донесли: греческая, а мужа у нея нѣтъ, вдова; и онъ ханъ прислалъ за нею коляску и взялъ къ себѣ во дворъ и содержалъ за жену, а оногo Халихаджу въ малолѣтнихъ лѣтахъ

побасурманить приказалъ; а годами оной Хали-хаджи болѣе шестидесяти лѣтъ; и нынѣ тайно вѣру греческаго исповѣданія содержитъ и черезъ одного грека Янакія даетъ тайно деньги по церквахъ, чтобъ ояъ покупалъ ладонь, свѣчи и вино разносилъ, и по тому случаю оной грекъ Янакій со онымъ Хали-хаджою довольно знакомство имѣеть.

А когда-де салтанъ желаетъ, чтобъ былъ ханомъ Шайнъ-Гирей или Аминъ-Гирей, которые живутъ въ Румиліи, а которые бахтигирейскіе сыны живутъ въ Черкесахъ, такожъ и вся ширинбейская фамилія желаютъ быть ханомъ калгу салтаномъ; а оная-де у нихъ ссора съ ханомъ происходитъ для того, чтобъ при немъ ханѣ не были визирь его и козлевской командиръ Эминъ-хасанъ, который раздаетъ на весь ханской дворъ провизію, да ханской сынъ сераскиръ салтанъ, который въ Буджакѣ живетъ.

А война-де у хана съ черкесами по той причинѣ, что черкесы не даютъ хану лсыря, и для того послано было отъ него хана военныхъ людей татаръ изъ Крыму впервые восемнадцать тысячъ, и съ того числа токмо возвратилось три тысячи человекъ, а тѣ-де всѣ съ голоду и съ холоду пропали, такожъ и лошади; въ другой разъ двадцать восемь тысячъ, а возвратилось оттуда изъ черкесъ токмо четыре тысячи семьсотъ человекъ, а прочіе всѣ такожъ съ голоду и съ холоду и лошади ихъ пропали.

А потомъ оной грекъ тайнымъ-же образомъ съ квартиры его секундъ-маіора въ тожъ ночное время и отошелъ.

Будучи-же въ Бахчисараѣ, увѣдалъ онъ, секундъ-маіоръ, что находятся при ханѣ бѣглецы малороссіяне: бывшаго-жъ при ханѣ умершаго Ивана Мировича братъ его родной Федоръ Мировичъ да малороссійскаго лубенскаго полку Федоръ Ивановъ сынъ Нафимовской, у которыхъ онъ секундъ-маіоръ въ квартирѣ ихъ былъ и ихъ склонялъ, чтобъ возвратились по прежнему въ отечество свое, но токмо они о томъ и слышать не хотѣли, а употребили такія рѣчи: знаемъ-де, что всемілостивѣйшая государыня монархиня премилосердая, а москаля-де злые напрасно нашу всю фамилію въ ссылку сослали, а иныхъ и кнутомъ били; и ежели-де мы возвратимся, то и намъ то же будетъ; и для того незачѣмъ-де намъ въ отечество возвращаться; и здѣсь намъ при ханѣ жить не худо: дается-де намъ на день обоимъ на содержаніе по 2 р. 40 к., и тѣмъ довольны. Опой-же Мировичъ двоекратно въ разговорахъ употреблялъ рѣчь: пообождите-де въ скоромъ времени; а къ чему та рѣчь, того не изъяснилъ. И съ тѣмъ онъ секундъ-маіоръ съ двумя вояками запорожскими съ квартиры ихъ и отошелъ и просилъ ихъ къ себѣ на квартиру, и общались они на другой день быть поутру на чай.

А при ханѣ оныя живутъ въ Бахчисараѣ Мировичъ и Нафимовскій годъ и восемь мѣсяцовъ, а прежде того жили они въ Польшѣ

въ разныхъ мѣстахъ, а гдѣ именно, такожь и о Нафимовскомъ, какимъ былъ человѣкомъ въ лубенскомъ полку, узнать не отъ кого; а годами они уже стары: Мировичъ 65-ти, а Нафимовской 66-ти.

Мѣсяцъ сентябрь.

1. Поутру рано ханскій переводчикъ приходилъ въ квартиру къ секундъ-маіору и секундъ-маіоръ объявилъ ему, чтобъ его ханской свѣтлости донесъ: имѣеть онъ секундъ-маіоръ, по приказу его превосходительства г. генераль-маіора и кіевской губерніи вице-губернатора, его ханской свѣтлости словесно донести, чтобъ дозволено къ его ханской свѣтлости быть; и онъ переводчикъ отъ него секундъ-маіора съ тѣмъ докладомъ къ хану и отошелъ.

Того-жь числа, по отходѣ ханскаго переводчика, посланы были отъ секундъ-маіора запорожскіе козаки: за толмача козакъ Иванъ Захарьевъ сынъ Орловской, да полтавскаго куреня козакъ Емельянъ Черевко ко онимъ Мировичу и Нафимовскому съ тѣмъ, чтобы ихъ просить въ квартиру къ секундъ-маіору на чай, какъ они вчерашняго числа и общались быть; токмо оныя Мировичъ и Нафимовской Орловскому и Черевку объявили: къ нему-де секундъ-маіору не пойдемъ и къ себѣ не просимъ, токмо васъ Орловскаго и Черевка къ себѣ на слово просимъ, когда-де оной секундъ-маіоръ будетъ спать; а то-де мы вѣдаемъ, каковы москали хитры, мало изъ глазъ своихъ выпускають. И съ тѣмъ оныя козаки отъ нихъ и отошли и по приходѣ къ секундъ-маіору о вышеписанномъ и донесли.

Того-жь числа по-полудни въ первомъ часу присланъ былъ отъ хана переводчикъ Мехметъ и объявилъ, чтобъ шель для принятія отвѣтныхъ отъ хана писемъ, съ которымъ переводчикомъ онъ секундъ-маіоръ къ ханскому двору, и пошелъ, а напередъ шли: оной переводчикъ и вада-баша да данной съ Перекопа татаринъ сойменъ Измаилъ. И оной переводчикъ привелъ его секундъ-маіора и съ будущими при немъ въ ту-жь камору, гдѣ и съ пріѣзду былъ, и трактванъ былъ кофіемъ, а потомъ, погода съ четверть часа, присланъ былъ отъ хана оной-же ханскій переводчикъ съ приказомъ, дабы къ нему хану идти; и по прибытіи не въ диванъ, но въ мамбчи-диванъ ввели; такимъ-же порядкомъ постувано, какъ и съ пріѣзду: въ томъ-же числѣ солдатъ и за толмача запорожскій козакъ и въ конвой одинъ козакъ допущены всѣ были, и до приходу секундъ маіора поставленъ былъ стулъ; а какъ онъ секундъ-маіоръ пришелъ въ мамбчи-диванъ, то ханъ чрезъ своего переводчика Мехмета приказалъ сѣсть, и въ то время, по данной изъ кіевской губернской канцеляріи запискѣ, ему хану онъ секундъ-маіоръ доносилъ, что его превосходительство, г. генераль-маіоръ приказалъ его ханской свѣтлости словесно донести о учрежденіи при его ханской

свѣтлости съ россійской стороны авторизованной персоны, когда его ханская свѣтлость оной персонѣ для общей на обѣ стороны пользы быть за полезное признать соизволить, о чемъ и письменно отъ его превосходительства къ его ханской свѣтлости, съ показаніемъ всего полезнѣйшаго обстоятельства, изъяснено.

На что оной ханъ черезъ своего переводчика Мехмета ему секундъ-маіору отвѣтствовалъ: какъ-де напередъ сего тамо со стороны россійской никакого человѣка не было, то и нынѣ-де быть не для чего, да и такое-де дѣло не генералу дѣлать; но токмо онъ генераль потабаегъ запорожскимъ козакамъ и не содержитъ ихъ крѣпко въ рукахъ; а ежели-бы-де содержалъ ихъ крѣпко, то такого-бъ воровства не было. Для чего-де у насъ съ поляками смирно живемъ: они-де на насъ не жалуются, а мы де на нихъ; сколько-де комиссій ни было, а обидящимъ монимъ подданнымъ отъ запорожскихъ козаковъ въ разныя времена разныхъ вещей и скота пограбленнаго ничего не возвращено. Скажи-де своему генералу объ оноиъ или, гдѣ у васъ надлежить, и выше донеси: долго-ли де мнѣ будетъ терпѣть; но и нынѣшнимъ лѣтомъ многое число запорожскіе козаки у моихъ подданныхъ отогнали лошадей.

И оныя рѣчи, по примѣчанію секундъ-маіора, ханъ съ превеликимъ сердцемъ говорилъ и приказалъ скоро отдать отвѣтныя къ его превосходительству письма и болѣе не сталъ ни о чемъ и говорить. Которыя принявъ и откланясь предъ ханомъ со всякою учтивостью, онъ секундъ-маіоръ отъ хана отпущенъ. А препровождалъ-же его секундъ-маіора переводчикъ Мехметъ даже за ханскія ворота, и притомъ секундъ-маіоръ переводчику объявилъ, чтобъ доложилъ его ханской свѣтлости, дабы дозволилъ ему секундъ-маіору еще переночевать; и онъ ходилъ къ хану и отъ него пришедъ объявилъ, что его-де ханская свѣтлость приказалъ: сію ночь переночевать, а завтрашняго числа въ свой надлежащій путь ѣхать. И шли напередъ до квартиры вада-баша да провожатый изъ Перекопа сеймень.

Того-жъ числа въ вечеру пріѣхалъ изъ г. Кефы въ Бавцысарай для купечества великороссійскій купецъ г. Воронежа, посадской купецъ Ивановъ сынъ Шумлиной и ему секундъ-маіору объявилъ: сего-де 1755 г. въ маѣ мѣсяцѣ былъ онъ въ Кубани и жилъ мѣсяца два для промыслу купеческаго, и слышалъ, что было въ Кубани войско крымское и кубанское, которое ходило подъ Черкесы для взятія ясыра, и оного ясыра требовалъ ханской сынъ, токмо оныя черкесы, согласясь съ султаномъ, бахтигиревымъ сыномъ, оного ясыра ему ханскому сыну не дали; которое войско стояло отъ самой зимы даже до весны и того войска съ холоду и съ голоду и во время происходившей промежъ ими съ начатія войны побито и померло и бѣжало съ крымской стороны 50,000, а до 30 человѣкъ повѣшено; оныя-жъ султаны и мурзы, видя себѣ гибель напрасную, учинили промежъ собою бунтъ и раздѣлились

на двѣ части: вышеписанному бахтигирееву сыну половина, а другая половина къ ханскому сыну, и бахтигиреевъ сынъ согласился съ черкесами и ханскаго сына съ немалымъ урономъ прогнали, и нынѣ какъ съ ханской стороны въ Кубань за показанными ссорами не вѣзжаютъ, такъ и съ кубанской стороны въ Крымъ не ѣздятъ.

Сего-жъ году мѣсяца іюля присланъ изъ Константинополя паша и съ нимъ мастеровыхъ людей сто человѣкъ для починки городовъ съ російской стороны, а именно Темрюка, Ачюева и Капыла.

Сего-жъ году въ Яникале развозили пушки, а сколько числомъ, того показанной купецъ неизвѣстенъ, и всякіе что принадлежитъ къ нимъ снаряды, т. е. ядры и порохъ. Оной-же купецъ слышалъ въ тамошнихъ мѣстахъ: бахтигиреевъ сынъ султанъ нынѣшняго хана крымскаго не желаетъ и всю орду на кубанскую сторону перевелъ и самъ нынѣ живетъ въ Капылѣ и сераскирскую должность править.

2. По утру, въ 10 часу, грекъ Янакій козаку Орловскому, увидясь тайно, объявилъ, чтобъ донесъ секундъ-маіору тайнымъ образомъ, чтобъ пришелъ въ церковь: нѣкоторые-де вѣдомости объявлю, а мнѣ-де самому днемъ въ квартиру подозрительно къ нему быть, чтобъ не дознались, а я-де у митрополита просилъ, чтобъ она церковь не заперта была. И та церковь отъ квартиры секундъ-маіора не въ дальномъ разстояніи, не будетъ и 50 сажень. И секундъ-маіоръ тайнымъ образомъ, никто его изъ тамошнихъ людей не видѣлъ, и пришелъ въ означенную церковь, и оной грекъ ему объявлялъ, что его пріятель Хаджи-али ему сказывалъ: во всемъ-де препятствовалъ визирь ханской и представлялъ хану во время совѣту ихъ, что съ російской стороны отнюдь не надлежитъ быть ихъ персонѣ при вашей ханской свѣтлости, а ежели-де изволишь допустить, то тотъ-же шпіонъ будетъ, и какъ-де будемъ спать ложиться и вставать, а онъ все то будетъ знать и писать, то нельзя будетъ и на дворъ выйти; а муфтіи и казаскоръ селонились было и хану представляли, чтобъ съ російской стороны былъ человѣкъ, токмо не допустилъ хана, всему тому препятствовалъ визирь.

А въ предбудущую весну велѣно все въ Крыму гдѣ крѣпости есть починять. А нынѣшнимъ лѣтомъ привезено изъ Константинополя моремъ въ городъ Козлевъ 80 пушекъ съ ядрами и перевезены нѣкоторое число въ Перекопъ.

Оной-же грекъ Янакій ему секундъ-маіору объявилъ: ежели-де что будетъ противъ російской стороны отъ хана происходить въ противность, то оной Хали-хаджи обѣщался ему Янакію сообщать, а ежели ему Хали-хаджи возможно будетъ, то и самъ онъ писать въ Кіевъ къ г. генералу будетъ, а грекъ Янакій что отъ него услышитъ, то будетъ находящимся въ Бахцысараѣ великороссійскимъ г. Путивля купцу Андрею Андрееву сыну Сушилину или кто будетъ великороссійскіе знатные купцы, сообщать; а Сушилину мало оттуда въ Россію

и выѣзжаетъ, но по большой части въ Бакцысараѣ и въ протчихъ крымскихъ городахъ торгуетъ; а я ежели-бы-де я самъ умѣлъ писать, то-бы никому ничего не объявлялъ, но самъ-бы писалъ. И на то ему греку Янакію секундъ-маіору отвѣтствовалъ: ежели-де твой пріятель Хали-хаджи будетъ въ Кіевъ къ г. генералу писать о предосторожности какой противъ російской стороны отъ хана противное, то они оба за то отъ стороны російской оставлены не будутъ. Да онъ-же грекъ Янакій секундъ-маіору объявилъ: ежели-де хана не переимѣнать, то намѣрены войну съ ханомъ имѣть бахтигиревы сыны. И болѣе ко увѣдомленію оной грекъ секундъ-маіору ничего не имѣлъ и тѣмъ всѣ разговоры кончилъ, и въ той церкви съ нимъ разстались, и напередъ секундъ-маіоръ изъ церкви тайнымъ образомъ, и никто изъ ихъ народу не видалъ, въ свою квартиру пришелъ.

Того-жъ числа, по доносу запорожскихъ козаковъ И. Орловскаго и Е. Черевка, которые посланы были вчерашнего числа звать Мировича и Нафимовскаго на чай, и ихъ, Орловскаго и Черевка, они къ себѣ на слово просили и оныхъ козаковъ секундъ-маіоръ къ нимъ отпущалъ и приказывалъ, что будутъ имъ они говорить, пичего-бъ, по присяжной своей должности, какъ вѣрные его императорскому величеству рабы, не утаили. И съ тѣмъ они къ нимъ пошли и были у нихъ въ квартирѣ, а оттуда возвратясь, донесли ему секундъ-маіору, что отъ нихъ, Мировича и Нафимовскаго, происходило. Во первыхъ, стали-де ихъ увѣщевать: что они, Мировичъ и Нафимовскій, будутъ имъ говорить, никому-бъ не сказывали, и приводили ихъ, козаковъ, къ присягѣ и прикладывались къ образу, и потомъ оные Мировичъ и Нафимовскій стали имъ, козакамъ, говорить: вы-де теперь присягали, мы вамъ объявляемъ, что душилъ москаль запорожцамъ головы и завладѣлъ-де отчину нашу Малую Россію, и такъ привели Малую Россію, какъ воловъ въ ярмо, а нынѣ король пруской, король французской и король шведской согласились-де между собою противъ Россіи и намѣрены войну имѣть, а мы-де присланы отъ польской стороны для того, чтобъ совокупить орду татарскую и нападеніе учинить на Россію со всѣхъ сторонъ въ декабрѣ мѣсяцѣ сего года или предбудущаго 1756 г. въ январѣ мѣсяцѣ; такъ мы москаля со всѣхъ сторонъ возьмемъ; а вы не сказывайте молодымъ козакамъ о семъ, а сказывайте такимъ, которые еще были во владѣніи подъ ханомъ, чтобъ они къ намъ писали и чтобъ согласились съ нами вмѣстѣ на москаля, а мы-де по времени будемъ и отъ себя къ старымъ козакамъ, кого знаемъ, писать, а къ кому именно, того не сказали, и тѣмъ разговоры кончились. А нынѣ де ногайская орда кочуетъ въ двухъ мѣстахъ, а именно: первая часть близъ Кинбурна, вторая часть за Очаковымъ.

Того-жъ числа по полудни въ 3-мъ часу съ приданнымъ изъ Перекопа сейменовъ изъ Бакцысарая отъѣхали и слѣдовали по дорогѣ, не доѣзжая Козлева, въ ханской постоялой дворъ, гдѣ и ночевали.

3. Отъ постоялаго двора слѣдовали до г. Козлева, гдѣ и ночевали.

Будучи-жъ въ Козлевѣ, запорожскій козакъ полтавскаго куреня Трофимъ Григорьевъ приходилъ къ секундъ-маіору и доложилъ, что хлѣба, пшеницы и ячменю въ турецкую сторону запрещено продавать, но зсыпаютъ въ каморы, а нѣкоторую часть возятъ въ Бакцысарай, какъ-де повидимому, заготовляютъ въ магазейны, 180 лавокъ насипано; а въ продажѣ тамо пшеница и ячмень четверть пшеницы по 1 р. 10 к. и по 1 р. 20 к., ячменя по 80 и по 90 к. Въ Козлевѣ на пристани лежатъ болшихъ мѣдныхъ новыхъ пушекъ десять, видѣлъ ихъ самъ секундъ-маіоръ.

4. Отъ Козлева слѣдовали до села Джи-алана, гдѣ и ночевали.

5. Отъ с. Джи-алана слѣдовали до Соленого озера, гдѣ и ночевали. И при томъ озерѣ находился г. Путивля купецъ А. А. Сушилинь и секундъ-маіоръ ему приказалъ: егда какія грекъ Янакѣи будетъ ему давать письма, то-бы онъ отъ него принималъ и секретно какъ найскорѣе съ нарочнымъ и надежнымъ или и самъ на никитинской заставѣ находящемуся переводчику Семенову отдавалъ, которой немедленно отправлять въ Кіевъ будетъ, или что оной-же грекъ и словесно будетъ ему объявлять, то-бы и о томъ какъ найскорѣе давалъ знать.

6. Отъ Соленого озера слѣдовали до Перекопа, гдѣ и ночевали.

7. Отъ Перекопа слѣдовали до урочища Чаплинки, гдѣ и ночевали.

8. Отъ урочища Чаплинки слѣдовали до Каиръ западнаго мѣстечка, гдѣ и ночевали. Того-жъ числа у секундъ-маіора на дорогѣ явился запорожскій незамаевскаго куреня козакъ Федоръ Чернявской и объявлялъ: пойманъ-де имъ воръ васюринскаго куреня козакъ Григорій Лукьяновъ сынъ Плакущій, которого онъ Чернявскій ему секундъ-маіору представлялъ, и онъ секундъ-маіоръ его Плакущаго спрашивалъ, которой сказалъ: самоволне-де изъ Сѣчи и безъ пашпорту поѣхалъ въ Перекопъ якобы лошадей продавать, а чрезъ Днѣпръ, не явясъ при никитинской заставѣ, перевезенъ платнеривскаго куреня козакомъ Ивановъ Тараномъ, и оной воръ отданъ въ смотрѣніе тому-жъ козаку Чернявскому и при-

казано ему Чернявскому, чтобъ его не упустилъ и, довезя въ Сѣчь, отданъ бы кошевому атаману.

9. Отъ Каиръ западного мѣстечка слѣдовали до рѣчки Рогачика, гдѣ и ночевали.

10. Отъ р. Рогачика слѣдовали до никитинской заставы, гдѣ чрезъ Днѣпръ переправились и ночевали.

Переводчику Семенову отъ него секундъ-маіора объявлено секретно: какіе будутъ пересылаемы изъ Бакцысарая письма отъ російскаго купца Андрея Шумилина, то бы не распечатывая отправлялъ какъ найскорѣе въ кievскую губернскую канцелярію съ нарочнымъ.

Того-жъ числа отъ никитинской заставы въ запорожскую Сѣчь благополучно прибыли.

Какъ ѣхали отъ запорожской Сѣчи до Перекопа и обратно до Сѣчи и отъ Сѣчи до Кременчука, то многіе ватажане секундъ-маіору жалобу приносили, что по дорогамъ чинятся днемъ разбои, а не отъ кого иного, какъ видно отъ запорожскихъ все козаковъ.

По прибытіи въ запорожскую Сѣчь онъ секундъ-маіоръ кошевого атамана въ Сѣчи не засталъ, и объявилъ судья: еще-де отъ розѣзду не бывалъ. Розѣздная-же команда, кая послана была внизъ р. Днѣпра на лодкахъ для поиску воровъ и разбойниковъ, не изымавъ ни одного человѣка, возвратилась въ запорожскую Сѣчь по прежнему, а какъ-де слышно, что тоже и у кошевого атамана чинится, но токмо единой скоть гонять, лошадей и воловъ.

Въ бытность въ запорожской Сѣчи бывшій кошевой атаманъ Якимъ Игнатовъ ему секундъ-маіору секретно, по присяжной своей должности, объявилъ, дабы ея императорское величество всемилостивѣйше пожаловали въ войскѣ запорожскомъ быть кошевому атаману безперемѣнно, да и великороссійскаго войска регулярнаго по крайней мѣрѣ 600 человекъ пѣхотныхъ, а драгунъ двѣ роты, при добромъ командирѣ, почему-де можно самовольцовъ злодѣевъ гайдамаковъ смирять и къ доброму и постоянному порядку привести, какъ на Дону; а ежели-де кошевые атаманъ и съ старшиною будутъ съ перемѣною по прежнему, то, по тамошнему ихъ обыкновенію, никимъ образомъ таковыхъ злодѣевъ искоренить невозможно и къ доброму и постоянному порядку привести, ибо-де отъ таковаго самовольнаго и чрезвычайно пьянаго народа, при такихъ перемѣнахъ, такъ какъ кошевого атамана, и старшину бьютъ и смертное убійство чинится, а отъ великаго пьянства пропьется, а взять негдѣ, только воровать и разбивать, болѣе не остается.

Будучи-же въ оба пути и въ бытность въ Бакцysарай, нигдѣ никакихъ татарскихъ войскъ въ собраніи и въ воинскому дѣйствію приуготовленій онъ секундъ-маіоръ не видалъ и никакихъ противныхъ къ Россіи съ татарской стороны поступковъ нигдѣ ни отъ кого не слыхалъ.

Какъ въ Крыму и въ самомъ Бакцysарай, въ бытность его секундъ-маіора, опасной болѣзни не было, и въ проѣздѣ отъ Перекопа до Бакцysарая и обратно до Перекопа нигдѣ оной опасной болѣзни не слышно.

Секундъ-маіоръ *Матвей Мироновъ*.

Кіевъ, сентября 1755 г.

Библиографія.

Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранящихся въ виленскомъ центральномъ архивѣ и виленской публичной библиотекѣ. Изданіе виленской археографической комисіи. Выпускъ I (1332—1548). Вильна. 1884 г.

Каждое новое изданіе виленской археографической комисіи естественно вызываетъ вниманіе къ себѣ и интересъ въ кievскихъ археографіяхъ, а потому и теперь, съ выходомъ въ свѣтъ названнаго «Сборника», мы чувствуемъ потребность сказать о немъ нѣсколько словъ.

Надо прежде всего отдать должную дань уваженія неустанному трудолюбію членовъ ¹⁾ виленской археографической комисіи и ея извѣстному ученому предсѣдателю Я. Ѡ. Головацкому, а вмѣстѣ съ тѣмъ и просвѣщенному вниманію и заботливости г. попечителя виленскаго учебнаго округа Н. А. Сергіевскаго, умѣющаго не только привлекать къ столь трудному и важному дѣлу, какъ археографія, достойныя силы, но и внушать имъ необходимость исполненія той или иной работы, вызываемой требованіями обстоятельствъ, не останавливаясь даже предъ денежными затратами изъ бюджета округа на нужды ученаго учрежденія, ему подвѣдомственнаго.

Привѣтствуемъ за симъ первый выпускъ «Сборника» палеографическихъ снимковъ, изданный комисіею въ видѣ опыта, полнымъ нашимъ сочувствіемъ, такъ какъ дѣло изданія снимковъ, поставленное на

¹⁾ Желающимъ ознакомиться подробнѣе съ дѣятельностію комисіи и содержаніемъ ея многочисленныхъ изданій мы рекомендуемъ помѣщенную въ 1-й книгѣ «Сборника археологическаго института» (Спб. 1878 г.) статью В. А. Лялина: «Виленскій центральный архивъ» (стр. 22—38).

строго научную почву, обѣщаетъ въ будущемъ обильный практической и научный плодъ. «Сборникъ» состоитъ изъ «Предисловія», объясняющаго задачу изданія и приемы его исполненія, съ изложеніемъ содержанія любопытныхъ актовъ. Предисловіе составлено членомъ комисіи С. В. Шолкевичемъ. Далѣе, въ «объяснительномъ текстѣ» напечатаны крупнымъ шрифтомъ та часть акта, съ которой сдѣланъ снимокъ, и мелкимъ та, которая опущена, причемъ въ заключеніе указывается, появляется-ли документъ въ первый разъ, или былъ уже гдѣ-либо напечатанъ. Къ «тексту» приложено оглавленіе съ указателями: личнымъ, географическимъ и предметнымъ. Самые «снимки», наконецъ, занимаютъ 30 отдѣльныхъ листовъ и потому, по желанію каждаго, могутъ быть сортируемы какъ угодно. Виѣшность «снимковъ» производитъ пріятное впечатлѣніе: самая главная, литографическая работа исполнена безукоризненно; совершенство сходства копированныхъ почерковъ съ дѣйствительными ясно для всякаго, кто когда-либо работалъ надъ западно-русскими рукописями. Одно неудобство, это—форматъ «сборника» in-folio; неловко читать, ни положи тетрадь на столъ, ни держи ее въ рукахъ. Таковы по формату (правда, не много меньше) и другія изданія виленской комисіи. Кіевская комиссія давно уже избрала для себя форматъ in-quarto; остается еще только пожелать, чтобы и объемъ томовъ былъ уменьшенъ ею на половину, а то шутка-ли, книга въ 700 и болѣе страницъ. Въ данномъ случаѣ виленская комиссія легко могла отступить отъ газетныхъ размѣровъ, разъ она вынуждена была, какъ сама заявляетъ это, отказаться отъ литографированія снимковъ во всю величину оригиналовъ; и форматъ in-octavo былъ-бы наиболѣе удобнымъ, какъ намъ кажется.

Цѣль изданія снимковъ выражена ясно и опредѣленно въ «предисловіи», гдѣ комиссія устами г. Шолкевича говоритъ, «что для цѣлей историческихъ ей казалось болѣе важнымъ представить просвѣщенному русскому обществу возможно большее количество образцовъ древней западно-русской письменности изъ разныхъ мѣстъ, временъ и учреждений, нежели останавливаться только на образцахъ извѣстныхъ» (последнія слова для насъ какъ-то не вполне понятны: какіе и кому это извѣстные образцы, на которыхъ не было необходимости останавливаться?). И эта цѣль будетъ достигнута вполне, если комиссія въ слѣдующихъ выпускахъ не отступитъ отъ намѣченной программы изданія снимковъ по мѣсту, времени и учрежденію. Все это весьма важно, но почему важно, въ «предисловіи» не объяснено и не видно, чтобы важность и плодотворность начатаго дѣла, научная и практическая, была ясна для самихъ издателей. Выраженіе, что снимки «наглядно покажутъ изслѣдователямъ

не только образцы западно-русской дѣловой рѣчи съ половины XV до половины XVI столѣтїя, но и характеристическія особенности очень разнообразныхъ почерковъ ея письменности и этимъ разширять сферу историческихъ свѣдѣній о сѣверо-западномъ краѣ, кажется намъ туманнымъ и неопредѣленнымъ, и потому мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ по поводу необходимости изданія снимковъ по мѣстностямъ и эпохамъ. Въ архивахъ, гдѣ собраны рукописи, обнимающія собою большой періодъ времени и притомъ въ болѣе или менѣе хронологической послѣдовательности, а равно добытыя изъ многихъ смежныхъ одна съ другою мѣстностей, занимающихъ значительное пространство, всегда наблюдается очень интересное явленіе, это—генерация почерковъ; каждая эпоха, каждая большая или малая административная единица имѣетъ свой особенный характеръ письма, причемъ въ большихъ единицахъ и разница въ характерѣ больше, въ меньшихъ—меньше. Бывшія воеводства юго-западнаго края: кїевское, волынское, подольское и брацлавское, каждое имѣетъ свои особенныя отличительныя черты письма, свидѣтельствующія о характерѣ культуры, развивавшейся въ той или иной мѣстности. Такъ напр., кїевское и волынское письма носятъ характеръ Византийской культуры почти до XVII вѣка, тогда какъ подольское весьма рано подвергается вліянію романо-германскому, которому было подчинено и польское письмо. Позже это вліяніе, распространявшіеся и на Волынь, доходило только до Кїева, который во всѣ вѣка сохранялъ особенный характеръ своихъ буквъ и лишь въ началѣ текущаго столѣтія началъ мало по малу утрачивать его по мѣрѣ того, какъ увеличивался въ городѣ велико-русскій элементъ. Однимъ словомъ, измѣненія въ характерѣ почерковъ указываютъ на развитіе и измѣненія въ культурѣ, и такимъ образомъ письмо служитъ столь-же достовѣрнымъ свидѣтелемъ пережитыхъ народомъ эпохъ, какъ археологическіе памятники и филологическія данныя ¹⁾. Только при правильной постановкѣ дѣла изданія палеографическихъ снимковъ мы получимъ и руководство для начинающихъ занятіямъ въ архивахъ и матеріалъ для ученыхъ изслѣдованій; вмѣстѣ съ тѣмъ мы будемъ имѣть основаніе для опредѣленія по вышнимъ признакамъ времени и мѣста составленія документа, а также его подлинности или подложности; при изданіи снимковъ съ бумажныхъ руко-

¹⁾ Будь у насъ подобныя палеографическія изданія, и проф. Н. П. Дашкевичъ приобрѣлъ-бы немало новыхъ фактовъ для выводовъ при изслѣдованіи вопроса о борбѣ культуръ и народностей въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Въ высокой степени интересное изслѣдованіе его объ этомъ печатается теперь въ «Университетскихъ Извѣстіяхъ» (см. № 10 за 1884 г.).

писей нужно обращать всегда вниманіе и на водные знаки бумаги, которые, въ свою очередь, помогают рѣшить безошибочно вопросъ, дѣйствительно-ли документъ написанъ въ томъ мѣстѣ и въ то время, которое обозначено въ немъ. Виленская коммисія упустила это изъ виду такъ-же, какъ упустила познакомить читателей съ особенностями бумаги и болѣе подробно съ внѣшнимъ видомъ оригиналовъ вообще. Сравнивши издавныя образцы почерковъ съ южно-русскими, мы находимъ, что они болѣе всего подходятъ къ волынскому письму и въ частности болѣе къ луцкому, чѣмъ къ владимірскому и кременецкому, съ кievскимъ-же и подольскимъ почти ничего общаго не имѣютъ. Но все это, конечно, только общія положенія; болѣе точно и опредѣленно можно будетъ высказаться тогда лишь, когда обѣ археографическія коммисіи: кievская и виленская дружно возьмутся за трудъ изданія палеографическихъ снимковъ, проведутъ его по строго научному плану и дадутъ этимъ необходимый матеріалъ для изслѣдованія. Поэтому, пожелавъ еще разъ успѣха такъ удачно и своевременно сдѣланному виленской коммисіей опыту, мы, въ надеждѣ на скорое появленіе слѣдующихъ выпусковъ «Сборника», перейдемъ къ разсмотрѣнію содержанія скопированныхъ въ немъ документовъ.

Нѣкоторые изъ 59 изданныхъ документовъ появляются въ печати въ первый разъ, другіе-же были напечатаны раньше въ разныхъ изданіяхъ виленской коммисіи; послѣдніе составляютъ почти четвертую часть (ихъ 14) общаго числа документовъ «Сборника».

Документы подъ №№ 1, 2, 5, 6, 12, 14, 20, 25 и 29 касаются разныхъ сторонъ исторической жизни бывшей литовской столицы, города Вильны,—ея внѣшняго и внутренняго благоустройства.

№№ 30, 35, 48, 49, 50 и 51 служатъ для исторіи города Ковно, центрального города Жмуди.

Подъ №№ 4, 8, 15, 16, 18, 21, 22, 24, 32, 34, 38, 39, 40, 41, 42, и 53 помѣщены грамоты и листы великихъ князей литовскихъ и польскихъ королей, касательно утвержденія за разными лицами правъ на владѣніе землями или на занятіе должностей.

Документъ подъ № 41 относится къ исторіи вѣстьянскаго землевладѣнія.

Юридическаго быта евреевъ касается актъ подъ № 45.

Документъ подъ № 36 указываетъ на время, когда вводится въ Литвѣ должность вознаго, а изъ акта подъ № 44 мы видимъ, что съ появленіемъ возныхъ и «вижи» еще не исчезаютъ изъ суда.

Изъ всѣхъ этихъ документовъ для юго-западной Россіи имѣетъ значеніе одинъ № 22; онъ содержитъ въ себѣ подтвердительную грамоту

короля Сигизмунда I отъ 30 іюня 1536 года на продажу познанскимъ бискупомъ Яномъ королевѣ Бопѣ селъ Дунаева, Куликова и Рутки, пмѣній Цециновець, опустѣвшаго села Демковецъ и хутора Верха-Вельп, лежащія въ кременецкомъ повѣтѣ волынскаго воеводства. Въ примѣчаніи къ этому акту издатели указываютъ на существованіе въ виленской публической бібліотекѣ другой грамоты, которою король подтверждаетъ дарственную запись того-же бискупа королевѣ Бопѣ на свои предмѣстья подъ замкомъ и городомъ Кременцемъ и Исаевскій хуторъ, на двухъ крестьянъ съ ихъ землею и сѣнокосомъ Хоженевымъ, Ловчимъ и Гремичимъ, и на второе предмѣстье, которое бискупъ заселилъ на полѣ онисковскомъ, гдѣ прежде было село Онисковцы.

Оканчивая нашу замѣтку о виленскомъ «Сборникѣ», позволяемъ себѣ въ заключеніе выразить несогласіе съ объясненіями г. Шолевича относительно того, будто въ актахъ подъ №№ 36 и 44 указывается на время, когда «дѣтскіе» замѣняются «возными». Не знаемъ, какія наблюденія по этому вопросу сдѣланы авторомъ въ западно-русскихъ актахъ, но въ южно-русскихъ мы замѣтили, что «дѣтскіе» всегда вручаютъ только «дѣцкованные листы», которыми тяжущіеся стороны призываются на судъ въ королевскую коммпсію, разбиравшую споры по землевладѣнію; при врученіи «дѣцкованнаго листа» присутствуютъ «вижи». Въ актѣ подъ № 36 дѣйствительно говорится о первомъ возномъ и изъ этого можно заключить, что должность вознаго введена въ Литвѣ въ самомъ началѣ XVI вѣка, тогда какъ въ юго-западной Руси появленіе возныхъ совпадаетъ со введеніемъ въ 1566 году втораго литовскаго статута; вѣрнѣе же, возный окончательно вытѣсняетъ бывшаго до него «вижа» со времени люблинской уніи 1569 года. Въ документѣ, помѣченномъ № 44, идетъ рѣчь о «вижѣ», котораго авторъ отождествляетъ съ вознымъ ошибочно; это были двѣ должности, хотя и родственныя между собою по нѣкоторымъ одинаковымъ обязанностямъ, но различныя по своимъ правамъ; попадаются акты, гдѣ вижи и возные фигурируютъ рядомъ. Во всякомъ случаѣ, болѣе опредѣленные документальныя данныя о «дѣтскихъ», если они встрѣчаются въ книгахъ виленскаго центрального архива, желательно было-бы видѣть напечатанными. «Дѣтскихъ», такъ-же какъ и «кошныя» суды, можно считать остатками удѣльно-вѣчеваго періода, свидѣтельствующими лишний разъ о вліяніи русской государственной жизни на литовскую.

И. Каманинъ.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей российскихъ при московскомъ университетѣ. 1884 годъ, книга вторая.

Передъ нами не одинъ изъ обыкновенныхъ томовъ изданій почтеннаго историческаго общества, а книга предназначенная къ поднесенію университету св. Владиміра въ день недавно миновавшаго его пятидесятилѣтняго юбилея. На второмъ листѣ настоящей книги напечатано: *посвящается императорскому кievскому университету св. Владиміра въ день полулѣтняго служенія его наукъ и русскому просвѣщенію.* А на челѣ содержанія помѣщенъ адресъ общества кievскому университету по поводу его 50-лѣтняго юбилея. Наша alma mater тѣсно связана съ старѣйшимъ и почтеннѣйшимъ изъ русскихъ ученыхъ обществъ дорогою памятью объ общихъ своихъ членахъ, особенно о незабвенномъ въ наукѣ южно-русской исторіи М. А. Максимовичѣ, первомъ ректорѣ университета св. Владиміра, и О. М. Бодянскомъ, знаменитомъ секретарѣ общества. Упомянувъ объ этомъ обстоятельстве, адресъ говоритъ между прочимъ: «Да хранитъ на долгія времена и вѣка университетъ св. Владиміра достославно держимый имъ полѣвка святой его завітъ: самобытно и независимо свѣтитъ Владиміровымъ солнцемъ русскому просвѣщенію, озарять исторію священнаго кievскаго края новыми и новыми изслѣдованіями на утвержденіе и укрѣпленіе русскаго-сознанія, какъ озарила и просвѣтила это русское сознаніе наша первая лѣтопись, написанная на тѣхъ-же кievскихъ святыхъ горахъ». Приведенными словами московское общество исторіи, и древностей ясно очерчиваетъ программу и способъ просвѣдательной дѣятельности кievскаго университета, миссію его въ нашемъ обширномъ отечествѣ. Въ соотвѣтствіе къ своимъ словамъ оно составляетъ и содержаніе посвящаемаго тома—исключительно почти изъ документовъ, относящихся къ исторіи «Кievскаго края». Въ высшей степени знаменательны и эти слова отъ лица многозаслуженнаго въ наукѣ русской исторіи московскаго общества, и этотъ подборъ содержанія подносимаго тома. Невольно задаешь себѣ вопросъ: самъ университетъ св. Владиміра такъ-же ли сознаетъ свою священнѣйшую обязанность—служить наукѣ роднаго края, этой исконной «русской земли», съ матерью городовъ русскихъ во главѣ?

Но перейдемъ къ содержанію разсматриваемой книги. Она по обыкновенію раздѣлена на 5-ть отдѣловъ: 1) матеріалы историческіе, 2) матеріалы историко-литературныя, 3) матеріалы иностранныя, 4) изслѣдованія и 5) смѣсь. Наибольшій интересъ для занимающихся южно-русской исторіей заключаютъ въ себѣ два первые отдѣла. Въ отдѣлѣ *матеріаловъ историческихъ* большую часть занимаютъ описанія актовъ

архива Маркевича. Всѣхъ актовъ перечислено здѣсь до 320; изъ нихъ до 300 относится къ 26 малороссійскимъ монастырямъ, преимущественно трехъ сѣверныхъ полковъ и города Кіева, остальные — къ раскольничьимъ слободамъ Стародубья. Акты монастырскіе въ большинствѣ представляютъ собою жалованныя грамоты и универсалы разныхъ гетмановъ на монастырскія владѣнія; но между ними попадаются и такіе, которые даютъ драгоцѣнныя бытовыя указанія, насколько, разумѣется, это можно заключить изъ краткаго описанія ихъ. Мы узнаемъ наиримѣрь, что гетману, какъ говорится, отбою не было отъ настоятелей многочисленныхъ монастырей, засыпавшихъ его поздравленіями съ разными праздниками, — поздравленіями, неизмѣнно сопровождавшимися просьбами. Игуменъ крушицкаго батуринскаго монастыря поздравляетъ Скоропадскаго даже «съ полпоприщемъ великаго поста» и при сей шаткой оказіи жалуется на чрезмѣрное отягощеніе постоями монастырскихъ подданныхъ. Иногда проскользнетъ образчикъ отношенія самихъ духовныхъ владѣльцевъ къ крестьянамъ, и обазывается, что отцы истязывали иногда ихъ не хуже польскихъ пановъ. Вотъ образчикъ другаго рода бытовыхъ указаній. Игуменъ братскаго монастыря Іосифъ, онъ-же и ректоръ кіево-могилянскаго училища, по запросу генеральной войсковой канцеляріи о людяхъ, знающихъ иностранныя языки, отвѣчаетъ: «Отнюдь такового челоуѣка изобрѣсти въ насъ не возмогаемъ, найбарзѣй же-бы кто нѣмецкаго языка къ переводу не только былъ искусенъ, но ниже и отчасти свѣдомъ, понеже въ насъ языка нѣмецкаго не учать, въ латинскомъ-же и польскомъ языку видно заповне ажъ и канцелярія войсковая искусныхъ, честныхъ и неподозрительныхъ людей имѣеть довольно, а ту студента отъ школы отдорвати, аще самъ добровольно не похочеть, не такъ есть удобно» (1724 г.). Кромѣ этого разряда документовъ, есть еще такіе, которые заключаютъ въ себѣ цѣлую исторію монастырей, нынѣ не существующихъ; таковы два документа спасскаго, рувимо-сосницкаго монастыря. Вообще всѣ документы, относящіеся къ монастырямъ, открываютъ для желающихъ массу новаго матеріала по исторіи ихъ.

Не менѣе важны описанія актовъ, касающихся раскольниковъ Стародубья. Поселившись колоніями среди мѣстнаго малорусско-бѣлорусскаго православнаго населенія нынѣшнихъ сѣверныхъ уѣзловъ черниговской губерніи, эти пришельцы съ замѣчательною устойчивостью сохраняютъ до сихъ поръ свой національно-великорусскій типъ и по сіе время живутъ совершенно обособленно. Тѣ черты ихъ характера, которыя и нынѣ непріятно поражаютъ сосѣдей, какъ-то: высокомѣріе, узкій обрядовой фанатизмъ и совершенно особый кодексъ нравственныхъ правилъ въ сношеніяхъ съ «хохлами-мазепами», особенно давали себя чувствовать

въ первые годы ихъ появленія. Помѣщенные въ разбираемой книгѣ акты именно содержать въ себѣ большую частію жалобы какъ разныхъ козацкихъ старшинъ, такъ и цѣлыхъ громадъ на наслія со стороны раскольниковъ; жалобы дышатъ взаимною ненавистью: «ругатели креста Господня... зъ укоризною и наруганіемъ иравоставной нашей вѣры, прельщеніемъ и превращеніемъ правовѣрныхъ на свое злочестіе наклоняють» (стр. 1); «если раскольщикамъ, яко теперь, расширятся въ полку нашемъ (стародубовскомъ; пишетъ полковникъ Журавка) допущено будетъ, много зъ полчанъ отъ утиску ихъ чуратися жилищъ своихъ мусять, поневажъ они самоволне, що хотять, чинить, а справедливости никто на ихъ поискати не можетъ, чого самъ дознаваемъ и дознаю» (стр. 2) и проч. До сихъ поръ въ литературѣ нашей нѣтъ сочиненія, которое-бы ознакомило публику съ бытомъ и исторіей расколичьихъ колоній Стародубья, и потому описанные документы тѣмъ цѣннѣе; къ нимъ вромѣ того приложена интересная карта этихъ колоній, видимо современная ихъ первому описанію. Добавимъ кстати, что въ «Черниговскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ» за прошлый годъ есть статья о Стародуби кандидата московской духовной академіи г. Доброгаева.

Въ томъ-же отдѣлѣ помѣщенъ еще весьма интересный документъ — «росписной списокъ города (крѣпости) Кіева 1677 г.». Это подробная опись всѣхъ боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ кіевской крѣпости, документовъ, знаменъ, казны, — вообще всего того, что вѣдалъ въ городѣ московскій воевода. Опись и составлена по случаю передачи воеводою кн. Алексѣемъ Андреевичемъ Голицынымъ Кіева своему преемнику Морозову. До сихъ поръ въ литературѣ были извѣстны подобнаго рода описи, относящіяся къ 1661 и 1682 гг. (См. «Сбор. матер. для ист. топогр. Кіева и его окрест., отд. 3, стр. 87 и 96). Собственно для топографіи Кіева, изъ трехъ нынѣ извѣстныхъ документовъ этого рода, болѣе всего данныхъ заключается въ «росписи» 1682 г.; наиболѣе-же подробный инвентарь представляетъ новая «роспись» 1677 года. «Росписи» даютъ точный матеріалъ для приведенія въ извѣстность длины въ цѣломъ и частяхъ валовъ «города» и крѣпостнаго имуществва, но не могутъ замѣнить, со стороны рельефности, описаній очевидцевъ современниковъ¹⁾.

¹⁾ Вотъ напрямѣръ какъ живо рисуетъ въ началѣ XVIII в. кіевскій замокъ поплъ Лукьяновъ: «*Верхній градъ* (на нынѣшнемъ старомъ городѣ) — валъ земляной весьма крѣпокъ и высокъ, а по градской стѣпѣ все караулы стоятъ крѣпкіе, по сто сажень караулъ отъ караула; и въ день и въ ночь все полковники ходятъ: тихонько осматриваютъ, таки-ли крѣпокъ караулъ; а ночи уснуть не да-

Перейдемъ ко второму отдѣлу—къ матеріаламъ историко-литературнымъ. Содержаніе этой части книги состоитъ изъ описанія нѣкоторыхъ южно-и западно-русскихъ рукописей изъ собранія Е. В. Барсова, дающихъ нѣкоторый матеріалъ для исторіи языка, и двухъ документовъ, по поводу которыхъ нельзя не сказать нѣсколько словъ. Первый памятникъ—«Лексисъ съ толкованіемъ словенскихъ мовъ просто». Это приписка на Острожской бібліи 1581 года, сдѣланная неизвѣстнымъ ея владѣльцемъ-читателемъ. Нынѣшній владѣлецъ этой замѣчательной книги, о. архим. Амфилохій, въ краткомъ предисловіи во 1) относитъ приписку къ XVII в., во 2) самого автора ея помѣщаетъ, по мѣсту жительства, «между поляками и жидами», въ западныхъ губерніяхъ. Къ сожалѣнію, почтенный ученый не приводитъ оснований, по которымъ онъ относитъ составленіе «Лексиса» къ XVII вѣку. Если-бы это было дѣйствительно такъ, то можно-бы было изъ «Лексиса» воспользоваться нѣкоторыми данными для исторіи языка, но вѣдь при такомъ заимствованіи чьего-бы то ни было увѣренія недостаточно, а внутреннихъ указаній на время составленія, при отсутствіи внѣшности подлинника, печатная копія «Лексиса» въ себѣ не заключаетъ. Нѣсколько наивнымъ представляется и заявленіе составителя предисловія о жительствѣ автора «Лексиса» между поляками на томъ основаніи, что въ одномъ мѣстѣ, «противъ словъ: *предъ судомъ Христовымъ*, на полѣ написано: *предъ судомъ панскимъ*», а между жидами потому, что «мѣсяцы въ мѣсяцесловѣ названы по жидовски русскими буквами». Мы не называемъ «Лексиса», обыкновеннаго словарчика, «украинскимъ азбуковникомъ», какъ это дѣлаетъ о. архимандритъ, потому что *азбуковники* были нѣчто другое, — скорѣе слабыя попытки энциклопедическо-филологическихъ словарей. Едва-ли не самый цѣнный документъ во всей книгѣ,—это «Слово на Сошествіе Св. Духа св. Димитрія Ростовскаго, произнесенное въ кievскомъ Кирилловскомъ монастырѣ въ 1693 году, «на украинскомъ наречіи». Нельзя не пожалѣть, что изъ сборника г. Титова, откуда взято «Слово», не напечатаны остальные малорусскіи проповѣди св. Димитрія, которыхъ тамъ числомъ 5. «Слово на Сошествіе св. Духа» помѣщено г. Барсовымъ въ книгѣ «Чтеній», какъ образецъ литературнаго южно-русскаго языка XVII вѣка, и то съ замѣчаніемъ, что при сравненіи великорусскихъ проповѣдей св. Димитрія съ его-же малорусскими, первыя выгодно отличаются отъ послѣднихъ «простотою, ясностью

дуть, все караулъ отъ караула кричатъ и окликають: кто идетъ? Зѣло опасно блюдутъ сей градъ; да надобе блюсти: прямой замокъ московскому государству». (Сборн. мат., отд. 2, стр. 119).

мыслей и художествомъ выраженій». Не говоря уже о томъ, что почтенный ученый забылъ на этотъ разъ, что ясное и простое въ одной сферѣ можетъ оказаться запутаннымъ и сбивчивымъ въ другой и что слѣдовательно рѣчи Димитрія Ростовскаго на разныхъ нарѣчіяхъ—вещи несоизмѣримыя (ибо нельзя-же называть запутаннымъ то, къ чему не пришло современное ухо), не говоря далѣе про то, что св. Димитрій въ послѣдствіи усвоилъ не великорусское нарѣчіе, а тотъ «высокій штиль», про который трактуетъ въ послѣдствіи Ломоносовъ въ извѣстномъ разсужденіи о пользѣ книгъ церковныхъ,—не говоря про все это, достаточно мелькомъ пробѣжать напечатанную рѣчь, чтобы видѣть, что она и картинностью отличается, и даетъ цѣнными религиозно бытовья указанія, стало быть имѣетъ историческое значеніе. Такъ какъ наша замѣтка и безъ того приняла размѣръ большій, чѣмъ слѣдуетъ, то мы ограничимся только двумя примѣрами для доказательства того и другого. Объясняя напр., въ чемъ должно состоять сыновнее почтеніе людей къ Богу Отцу, проповѣдникъ говоритъ: «а у людей той (изъ) сыновъ пана отца своего чтить, который не смѣетъ при немъ усѣсти, але стоитъ предъ нимъ учтиве, шапочку знявши, по словенску мовячи—благоговѣйно; таковымъ кпталтомъ чтять Бога Отца старши его сынове, святни ангелы»... «Или при толкованіи словъ *акція* и *контемляція* объясняется, что *праца* (*акція*) состоитъ «въ коленопреклоненіи, въ руку въздѣянніи, въ крестообразномъ на землю упанью» (*krzyżem leżeć*). Въ виду сказаннаго, весьма было-бы желательно видѣть въ печати и остальные малорусскія проповѣди св. Димитрія.

Остальные отдѣлы можно пройти молчаніемъ, потому что въ нихъ или помѣщаются отрывки большихъ сочиненій, какъ въ III и IV, не дающіе понятія о цѣломъ, или менѣе цѣнные историческіе документы, какъ въ отдѣлѣ смѣси. Въ заключеніе пожелаемъ московскому изданію большей аккуратности въ перепискѣ старыхъ бумагъ и корректированіи ихъ въ печати, такъ какъ въ настоящемъ томѣ встрѣчается огромное число недосмотровъ переписчика и опечатокъ, совершенно портящихъ научное значеніе печатаемыхъ матеріаловъ.

В. Н.

Dr. H. Michow. Die ältesten Karten von Russland, ein Beitrag zur historischen Geografie (Mit drei Karten und einer Skizze). Hamburg. 1884—91. (Древнѣйшія карты Россіи, докладъ до исторической географіи въ трехъ картахъ и въ одномъ очеркѣ, Гамбургъ. 1885—91).

Восточная европейская равнина, населенная русскимъ народомъ, долго была въ полномъ смыслѣ terra incognita для Запада. Причиной этому были неблагоприятныя условія, въ которыхъ находились русскія княжества въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. Кровавыя междоусобія и послѣдовавшее за ними монгольское иго не давали возможности подумать о чемъ иномъ, кромѣ самообороны отъ насильниковъ—своихъ и бусурманъ. О стремленіи къ лучшему во внутренней жизни, объ участіи въ международныхъ европейскихъ сношеніяхъ, о приданіи своей странѣ политическаго значенія—для чего потребовалось-бы общеніе съ Западомъ—между современниками этихъ мрачныхъ эпохъ въ исторіи русскаго народа не могло быть и рѣчи. Западно-европейскіе-же народы, не нуждавшіеся въ обитателяхъ сѣверо-востока Европы, мало ими интересовались, тѣмъ болѣе, что на Западѣ составилось самое фантастическое представленіе о нихъ, какъ о какихъ-то дваряхъ, попасть въ которыхъ значило обречь себя на гибель; а такъ какъ русскіе не показывались на Западѣ и своимъ появленіемъ не разсѣвали ходившихъ тамъ ложныхъ слуховъ, то западно-европейцы боялись даже помыслить о поѣздкѣ на «дикій сѣверъ». Только случайно изъ любопытства заходилъ туда смѣльчаки, какъ наприимѣръ рыцарь Николай Пошель, явившійся въ Москвѣ въ 1486 г. съ письмомъ императора Фридриха III, безъ опредѣленнаго порученія; по его собственнымъ словамъ, онъ сдѣлалъ этотъ рискъ изъ любопытства: «я видѣлъ столько странъ и городовъ, что мнѣ хотѣлось ознакомиться и съ русской страной»¹⁾.

Географическія познанія о сѣверо-восточной европейской равнинѣ, которыми, кстати сказать, и теперь не могутъ похвалиться западно-европейскіе народы, въ особенности французы, были микроскопическія.

Начиная съ послѣдняго десятилѣтія XV в., освободившіеся отъ монгольскаго ига русскіе завязываютъ довольно оживленныя дипломатическія сношенія съ Западомъ. Естественно, что вмѣстѣ съ этимъ постепенно разрастается кругъ свѣдѣній о нихъ на Западѣ.

Первое болѣе основательное историко-географическое ознакомленіе Запада съ территоріей, заселенной русскимъ народомъ, относится ко вре-

¹⁾ H. Michow, l. c. 7.

мени появленія труда извѣстнаго рыцаря Сигизмунда фонъ-Герберштейна, цесарскаго посланника въ Москвѣ въ 1516 г., издавшаго въ 1549 г. въ Вѣнѣ in f-o свое сочиненіе: «Regum Moscovitarum commentarii» съ географической картой. Эта карта была первой картой русской земли, какую только знаетъ наука землевѣдѣнія ¹⁾.

Извѣстный французскій географъ, Vivien de Saint-Martin, говоритъ, что описаніе русской земли Сигизмунда Герберштейна есть первое, какое только имѣлъ Западъ, а приложенная карта — первый опытъ графическаго изображенія сѣверо-восточной европейской равнины ²⁾.

Свѣдѣнія сообщаемыя Герберштейномъ подвергнуты основательному разбору въ трудѣ петербургскаго профессора Замысловскаго, помѣщавшемся сначала въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», а потомъ вышедшемъ отдѣльной книгой ³⁾.

Но Герберштейнъ скромно признается, что онъ имѣлъ предшественниковъ въ описаніи русской земли и поименовываетъ ихъ во введеніи къ своему труду.

Авторъ заинтересовавшей насъ книги, dr Н. Michow, задался мыслию отыскать труды этихъ предшественниковъ Герберштейна въ области русской географіи и провѣрить сообщаемыя ими свѣдѣнія, которую и выполнилъ съ успѣхомъ. Онъ останавливается на Себастьянѣ Мюнстерѣ, Антонѣ Видѣ и Павлѣ Ювіи.

По части географіи южной Россіи мы находимъ у нихъ очень мало свѣдѣній. Вотъ все, что можно ихъ нихъ почерпнуть: на картѣ (1544 г.) Себастьяна Мюнстера помѣщенъ на р. Днѣпрѣ (Neper) только одинъ Кіевъ (Kioff); изъ притоковъ Днѣпра упомянута только Десна (Desna), на сѣверъ отъ Десны указанъ Почепъ ⁴⁾ (Potzar). У Антоніи Вида (карта издана въ 1555 г., но составленіе ея нужно отнести къ гораздо болѣе раннему времени) указаны въ области р. Днѣпра (Nepper): Кіевъ (Kioff), Почепъ (Potzar), Стародубъ (Staridob), Черниговъ (Szerniho), Новгородъ-Сѣверскъ (Novigrad Siderszki). Антоній Вида снабдилъ топографическимъ матеріаломъ бывший окольничій Иванъ Лятцкій, бѣжавшій изъ Москвы вмѣстѣ съ княземъ Симеономъ Бѣльскимъ къ королю польскому Сигизмунду

¹⁾ O. Peschel. Geschichte der Erdkunde. Ed. 2 von S. Kuge. München. 1848, стр. 318.

²⁾ Vivien de Saint-Martin. Histoire de la géographie et des découvertes géographiques. Paris. 1873, стр. 379.

³⁾ Е. Замысловскій, Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи XIV-го вѣка. Спб. 1884 г. in 8°.

⁴⁾ М. Почепъ — нынѣ ильинскаго уѣзда, черниговской губерніи.

послѣ смерти (1533 г.) великаго князя Василя Іоанновича, во время правленія великой княгини Елены, матери Іоанна IV ¹⁾. Сигизмундъ думалъ воспользоваться малолѣтствомъ Іоанна IV, чтобы возвратить прежде отнятыя Москвой у Польши области. Военныя дѣйствія, въ которыхъ участвовалъ и Лятцкій, происходили въ области Десны, Днѣпра и верхняго теченія западной Двины, оттого Лятцкій и могъ сообщить Антону Виду топографическій матеріалъ. На картѣ (1525 г.) Павла Іовія, или, какъ предполагаетъ d-g Michow, собственно Баптиста Аноезе, на сѣверъ отъ Дуная помѣщена подольская земля (Podolia); у устья Днѣпра указаны два города—находящіеся на правомъ берегу названъ Ганапе (?); изъ притоковъ Днѣпра указаны: Psola (Псѣль), Arela (Орель).

Герберштейнъ тоже упоминаетъ: Potzap, Staridob и Czernigow.

Описанія и карты русской земли, упомянутыя нами, были переведены на многіе европейскіе языки и не разъ издавались, такъ какъ представляли едва-ли не все то, откуда можно было почерпнуть географическія свѣдѣнія о русской землѣ.

N. S.

Ив. Франко.—Захаръ Беркутъ. Образъ громадскаго житія Карпатской Руси въ XIII вѣкѣ. Львовъ. 1884 г.

Въ дѣлѣ развитія историческаго самосознанія исторической беллетристикѣ суждена не маловажная роль. Будучи доступною той массѣ, которая не привыкла къ дѣловитости и строгости ученыхъ трудовъ и еще менѣе къ наивному и энигматическому языку первоисточниковъ, она даетъ не сводъ «сухихъ» фактовъ, не послѣдованіе вырванныхъ у прошлаго свѣдѣній о событіяхъ и лицахъ, а приподнимаетъ завѣсу, за которой виднѣтся вся совокупность жизни даннаго времени, вводитъ въ кругъ живыхъ людей той или другой эпохи. Безъ сомнѣнія очень часто «исторической» она бываетъ только по имени. Ея герои напоминаютъ столько-же своихъ былыхъ прототиповъ, какъ маскараднй рыцарь напоминаетъ настоящаго. Но въ рукахъ писателя талантливаго и добросовѣстнаго, изучившаго прошлое научнымъ путемъ и постигнувшаго его поэтическимъ проникновеніемъ, историческая повѣсть можетъ стать великой силой. Нигдѣ, однако, роль ея не можетъ быть столь значительной, какъ въ литературахъ молодыхъ, какъ въ обществахъ

¹⁾ Карамзинъ. Ист. госуд. рос., т. VIII, гл. 1, стр. 9. Изданіе Эйнерлинга. Спб. 1842 года.

странъ, переживающихъ эпоху культурнаго и политическаго возрожденія. Въ литературѣ родной намъ, возрождающейся Галиціи историческая поэзія еще не имѣла виднаго представителя. Доселѣ галицкіе авторы разрабатывали преимущественно историческую драму. Но, при всей симпатіи къ дѣятельности и цѣлямъ этихъ авторовъ, трудно было побороть въ себѣ возбуждаемое чтеніемъ ихъ произведеній чувство тоски. Дѣло въ томъ, что драма, вся основанная на рисованіи отдѣльныхъ лицъ и характеровъ и на взаимныхъ ихъ коллизіяхъ, едва-ли возможна изъ эпохъ отдаленныхъ, если она не задается изображеніемъ общечеловѣческихъ чертъ и страстей. А галицкіе авторы именно излюбили сѣдую древность. Какъ очертанія отдѣльныхъ предметовъ на извѣстномъ разстояніи, такъ и облики отдѣльныхъ лицъ во времени сливаются и скрадываются, и глазъ можетъ угадывать только общіе признаки, массовые контуры. Въ этомъ отношеніи форма романа гораздо благодарнѣе. Рисуя эпоху, извѣстный строй жизни, такой или иной фазисъ и типъ народнаго развитія, романистъ изображеніемъ общихъ чертъ времени сообщаетъ колоритъ эпохи своимъ героямъ, представленнымъ въ приблизительно намѣченныхъ и скорѣе угаданныхъ, чѣмъ изученныхъ образахъ. Широкія рамки романа, не принуждая писателя держаться одной только психологической области, допускаютъ всѣ виды воспроизведенія жизни и позволяютъ автору обставить свой вымыселъ какъ солиднымъ оружіемъ, взятымъ изъ кладовыхъ науки, такъ и болѣе легкимъ, добытымъ изъ творческаго воображенія.

Названная выше книга молодого писателя г. Франка является въ галицкой литературѣ прекраснымъ опытомъ. Не смотря на отдаленность времени дѣйствія, повѣсть полна живого интереса. Авторъ взялъ одну изъ любопытнѣйшихъ эпохъ въ исторіи Червоной Руси — время Данила Романовича. Изображеніе сельскаго общиннаго быта, съ его правдою и младенчески патріархальными порядками, распространеніе губительнаго боярскаго вліянія и ужасное народное бѣдствіе — нашествіе монголовъ — таковы главныя мотивы повѣствованія. Общинные порядки и типы того далекаго вѣка занимаютъ центръ картины и изображены съ большою любовью. «Злая доля, говоритъ авторъ, издѣвалась вѣка надъ нашимъ народомъ. Тяжелые удары подкосили его благосостояніе, нужда сломила его могучую, свободную постать. И теперь только смутныя воспоминанія напоминаютъ правнучкамъ о далекомъ, счастливомъ житьѣ предковъ. Но мысль поэта летитъ въ тѣ давніе часы и воскрешаетъ давнихъ людей. И у кого чистое сердце и истинно-человѣческое чувство, тотъ въ нихъ увидитъ своихъ братьевъ, живыхъ людей, а въ ихъ жизни, хоть и столь

не похожей на нашу, увидеть кое что такое, чего можно-бы пожелать и нашему «культурному» вѣку».

Дѣйствіе начинается весною 1241 года. Бояринъ Тугарь Вовкъ, вновь прибывшій въ горную тухольскую околицу, охотится на медвѣдей съ обывателями Тухли. Обокъ съ нимъ, не уступая никому изъ охотниковъ ни въ ловкости, ни въ отвагѣ, идетъ его дочь — Мирослава. Въ главѣ тухольскихъ охотниковъ шествуетъ молодой горецъ Максимъ, неустранимый и достойный сынъ главы тухольской общины, 90-лѣтняго мудреца Захара Беркута. На этой охотѣ молодые люди видятся въ первый разъ и тутъ-же, среди опасностей и на краю смерти, зарождается ихъ любовь. Максимъ спасаетъ жизнь Мирославѣ, неосторожно отставшей отъ охотниковъ и вступившей въ единоборство съ медвѣдицей. Такова экспозиція романа.

Своеобразие изображаемаго міра и свѣжесть письма приятно дѣйствуютъ съ первыхъ двухъ его главъ. Въ третьей главѣ это впечатлѣніе усиливается. На сценѣ общинная рада и изображеніе порядковъ общиннаго быта. Руководитъ радю умудренный жизнью, но чистый душою, какъ голубь, беззавѣтно преданный общему благу, старый Беркутъ. Бояринъ является на раду и заявляетъ свои притязанія на господство въ общинѣ и свои требованія подчиненія. Рада встрѣчаетъ эти заявленія крайне враждебно, а когда, какъ аргументъ въ свою пользу, Тугарь Вовкъ приводитъ то, что онъ проливалъ кровь за народъ, изъ толпы выступаетъ безрукій человекъ, при видѣ котораго бояринъ мѣняется въ лицѣ. Этотъ человекъ былъ свидѣтелемъ того, какъ Вовкъ измѣнилъ своимъ и предалъ ихъ въ битвѣ при Калкѣ. Зато князь Данилъ, ненавидѣвшій его, но боявшійся, какъ всѣхъ подкапывавшихся подъ него бояръ, усадилъ его въ дальнюю Тухлю. Бояринъ убиваетъ безрукаго человека, прежде чѣмъ тотъ успѣваетъ открыть все громадѣ. Послѣ этого онъ бѣжитъ изъ Тухли, увлекая за собой и дочь и пристраетъ къ монголамъ, о приближеніи которыхъ уже носились тревожные слухи. Съ небольшимъ отрядомъ монголовъ онъ нападаетъ на село въ то время, когда тухлинская молодежь, съ Максимомъ во главѣ, уничтожала его жилище и разбирала его домъ. Одного Максима шадилы стрѣлы, вслѣдствіе слова, даннаго бояриномъ дочери. Онъ становится плѣнникомъ монголовъ. Взбѣшенный бояринъ, потерявшій почти весь свой отрядъ, возвращается къ монгольскому табору и уговариваетъ полководца Бурундая идти на Тухлю, обѣщая указать ему тамъ проходъ черезъ горы. Приводимъ картину одного изъ эпизодовъ нашествія варваровъ, чтобы познакомить съ манерой автора.

„Монголы! Монголы!—и вслѣдъ за тѣмъ приближали сторожевые люди, бряца, что монголы въ безчисленномъ количествѣ показались въ долинѣ надъ Опоромъ. Теперь приходилось рѣшать немедленно, что дѣлать и какъ защищаться? Захаръ Беркутъ еще разъ сталъ на томъ, чтобы выустить монголовъ въ тухольскую котловину и тутъ, окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ, вырѣзать или выморить всѣхъ до одного.

Теперь не раздавалось уже возраженій противъ этого совѣта и быстро громада рѣшилась дѣйствовать. Всѣ устремились къ своимъ хатамъ, чтобы прятать имущество въ лѣсахъ. Воины изъ сосѣднихъ селъ двинулись сейчасъ на противоположную сторону долины, чтобы сдѣлать въ выходѣ изъ нея засѣки и не дать монголамъ туда пройти. Страшный переполохъ сдѣлался въ селѣ. Крики, рассказы, распросы, ревъ воловъ и скрипъ деревянныхъ двухколесныхъ телегъ раздавались со всѣхъ концовъ, наполняя воздухъ какимъ-то стономъ, отдававшимся эхомъ въ горахъ. Съ тоской прощались тухольцы съ своими хатами, подворьями и огородами, съ засѣянными пивами, которые сегодня же должны были истребить и вытоптать страшный наплывъ монголовъ. Матери несли на рукахъ и вели своихъ плачущихъ дѣтей, отцы гнали скотъ, везли на телегахъ домашніе пожитки, мѣшки съ хлѣбомъ, одежду; облака пыли стояли надъ селомъ. Только горный потокъ шумѣлъ, какъ и всегда, серебряной волною.

Уже совсѣмъ опустѣло село. Хаты потонули въ вечернемъ туманѣ. Пыль улеглась на дорогѣ. Замолкли голоса и крики, какъ будто въ этой долинѣ никогда и не было жизни. Солнце садилось за тухольскія горы, утопая въ легкихъ, красноватыхъ облакахъ. Темные сосновые лѣса, окружавшіе Тумлю, шептали тихо, таинственно, какъ будто бесѣдовали о какой-то злобщей новости. Только земля, неизвѣстно почему, глухо стонала какъ-бы отъ отдаленнаго топоту. Въ воздухѣ, хоть чистомъ и ясномъ, переливались какіе-то необычайные, смѣшанные звуки, отъ которыхъ дрожь проходила самого смѣлаго. А далеко-далеко въ лѣсахъ, въ глубокихъ, темныхъ ярахъ, въ недоступныхъ чащахъ пыли волки, отрывисто лаяли лисицы, блеяли олени, рычали туры. А въ селѣ такъ тихо, такъ мертво! А на небѣ такъ ясно и спокойно! Но чѣтъ! Вотъ свѣтъ потемнѣлъ отъ какой-то черной тучи. Эта живая туча сплошною массою движется съ запада, оглашая воздухъ дикимъ барканьемъ и спускаясь надъ Тухлей. Это вѣстники и не отступные спутники орды—хищные вороны тянутся безчисленными стадами, чуждъ поживу. Зловѣщее пернатое ополченіе билось въ воздухѣ, разрывалось огромными черными платками и металось, какъ мечутся тучи передъ бурей. Мирная кровля тухольскихъ хатъ въ одинъ мигъ покрылась черными гостями и ихъ немолчный клекотъ раздавался, какъ кипѣнье воды въ какомъ-то гигантскомъ котлѣ. Безъ словъ, неподвижно стояли тухольцы надъ обрывистыми берегами своей котловины, смотрѣли на отвратительныхъ птицъ и проклинали въ душѣ тѣхъ вѣщунговъ смерти и разоренія.

Но вотъ видъ измѣнился. Какъ вода, прорвавъ плотицу, такъ начали вваливаться въ котловину массы темнолицыхъ воиновъ, съ страшнымъ крикомъ. Ряды тѣснились за рядами, безъ конца и края. Какъ вода внизу водонада, такъ остановились они, вышедши изъ тѣснины и стали устлавливаться въ длинныя ряды, двигаясь свободно и заливая пустую равнину. Впереди всѣхъ, дорогою, ѣхалъ на бѣломъ конѣ огромный великанъ—Бурундай-бегадиръ, а рядомъ съ нимъ меньшій всадникъ, Тугаръ Волкъ⁴.

Опустѣлая Тухля разсвирѣпѣлыми хищниками была предана пламени и сравнена съ землей. Закованный въ цѣпи Максимъ сидѣлъ на сельской улицѣ во время пожара. Предъ нимъ горѣла его родная хата. Между тѣмъ Мирослава, еще до вторичнаго нападенія монголовъ на Тухлю, будучи не въ состояніи больше оставаться въ монгольскомъ лагерѣ съ измѣнникомъ-отцомъ и пользуясь правомъ свободнаго прохода черезъ кордонъ, бѣжала къ тухольцамъ. Здѣсь она принесла Захару Беркату вѣсть о томъ, что сынъ его живъ. Старикъ, относившійся къ ней сперва недовѣрчиво, побѣжденъ былъ ея самоотверженіемъ, храбростью и умомъ. Когда завязалась битва съ монголами, Мирослава совѣтами, указаніями и личной дѣятельностью принесла великую пользу тухольцамъ. По ея наставленіямъ, ночью, устроены были изъ наскоро срубленныхъ деревьевъ метательныя орудія, осыпавшія камнями стоявшихъ въ долинѣ варваровъ. Но безирремѣнный уснѣхъ выпалъ на долю тухольцевъ, благодаря мудрости Захара. По его совѣту заваленъ былъ каменными глыбами выходъ изъ котловины, и вода горнаго потока, не имѣя болѣе выхода, стала заливать долину, затопила стоявшее на ней монгольское войско. Затопое водой и осыпаемое сверху камнями, погибло полчище Бурундая. На глыбѣ камней, по поясъ въ водѣ, стоялъ еще самъ предводитель, съ сотней воиновъ, между которыми былъ Тугаръ Вовкъ и плѣнный Максимъ. Его шадили до сихъ поръ, надѣясь цѣною его выдачи купить у тухольцевъ право спасенія хотя остатками войска. Но Захаръ Беркату отвергъ такую сдѣлку, рѣшившись лучше пожертвовать сыномъ, чѣмъ оставить горсть готовыхъ къ мести враговъ. Уже мечъ Бурундая занесся надъ головой плѣнника, но Тугаръ Вовкъ отрубилъ руку монгола. И Бурундай и Максимъ исчезли подъ водой. Прибывшіе на импровизированномъ плоту тухольцы спасли выплывшаго изъ воды монгольскаго плѣнника. Максимъ съ торжествомъ отвѣдентъ былъ къ своимъ, къ потрясенному и умирающему отцу, гдѣ,— нужно ли прибавлять?—испросилъ его благословенія на бракъ съ Мирославой. Старикъ не перенесъ гибели роднаго села, волненій и бѣдствій этой ужасной ночи. Онъ умеръ въ тотъ-же день на рукахъ дѣтей, обращаясь къ односельцамъ съ словами возвышеннаго напутствія. Вотъ эти слова, заключающія въ себѣ «мораль» разсказа:

„Братья! сегодняшняя наша побѣда имѣетъ для насъ великое значеніе. Чѣмъ мы побѣдили? Только-ли нашимъ оружіемъ? Нѣтъ. Одною-ли нашей хитростью? Тоже нѣтъ. Мы побѣдили нашимъ общественнымъ согласіемъ, единодушіемъ и дружностью дѣйствій. Не забывайте этого никогда! Пока будемъ жить въ общемъ согласіи, дружно держаться вмѣстѣ, несокрушимо стоять всѣ за одного и одинъ за всѣхъ, до тѣхъ поръ никакая вражеская сила не побѣдитъ васъ. Но я знаю, братья, и чуетъ это душа моя,

что то не былъ послѣдній ударъ на нашу общинную твердыню, что за нимъ послѣдуютъ другіе и разобьютъ въ концѣ концовъ нашу общину. Для нашего народа настанутъ тяжелыя времена. Отстранится братъ отъ брата, отмежуется сынъ отъ отца и начнутся великія междоусобія и раздоры въ русской землѣ и сокрушатъ они силу народную и попадетъ тогда народъ въ неволю чужимъ и своимъ собственнымъ грабителямъ, которые сдѣлаютъ изъ него покорнаго раба своимъ прихотей и рабочую скотину. Но среди тѣхъ невзгодъ вспомнитъ народъ свой давній общинный бытъ, и благо ему будетъ, если во время и быстро вспомнитъ онъ о немъ: это избавитъ его отъ цѣлаго мора слезъ и крови, отъ дѣлныхъ столѣтій неволи. Но рано или поздно онъ вспомнитъ непременно жизнь своихъ предковъ и захочетъ пойти ихъ путемъ. Счастливы тотъ, кому суждено будетъ жить въ тѣ дни! Это будутъ дни прекрасной весны, дни народнаго возрожденія!“.

«Съ того времени, кончается свою повѣсть г. Франко, многое измѣнилось. Но въ точности сбылись предсказанія стараго общинника. Великія напасти грозowymi тучами пронеслись надъ русскою землей. Давній общинный бытъ давно преданъ забвенію и казалось-бы похороненъ. Такъ нѣтъ-же! Не нашимъ-ли днямъ суждено видѣть, какъ онъ оживаетъ вновь? Не живемъ-ли мы въ ту счастливую пору возрожденія, о которой говорилъ умирающій Захаръ? О, пусть наше время будетъ хоть предразсвѣтными часами той счастливой поры!»

Мы по возможности подробно и близко изложили произведеніе молодого галицкаго писателя, такъ какъ, во первыхъ, съ талантомъ его у насъ совсѣмъ еще не знакомы, а во вторыхъ въ такомъ детальномъ изложеніи могутъ стать болѣе замѣтными какъ сильныя, такъ и слабыя стороны романа. Слабою частью надо признать нѣкоторую искусственность въ развитіи фабулы. Событія являютъ немного по шучьему велѣнію, какъ *deus ex machina*, и благополучный случай ждетъ непременно героевъ въ самую критическую минуту. Подчасъ просвѣчиваетъ и даетъ себя чувствовать «мораль», тамъ гдѣ достаточно было-бы голоса однихъ художественныхъ образовъ. Но эти недостатки выкупаются симпатичностью всего замысла, оригинальностью и неподдѣльной поэзіей нѣкоторыхъ мѣстъ разсказа. Какъ на самыя сильныя страницы, можно указать на приведенный уже эпизодъ вторженія монголовъ и послѣдующій за нимъ пожаръ Тухли и на сцену языческаго моленія Захара, на разсвѣтъ, передъ рѣшительной битвой. Эта сторона борьбы стародавнихъ языческихъ понятій съ новыми, христіанскими, изображена вообще еще очень своеобразно. Захаръ, человекъ стараго вѣка, остается еще поклонникомъ силъ природы и шлетъ свою молитву къ солнцу, Дажьбогу,—источнику жизни. Образъ стараго общинника наиболѣе удался автору и отъ него вѣдетъ эпическимъ величіемъ.

Рисуя общинный строй и общую картину времени, г. Франко не стремится къ фактической точности и беретъ своими героями лицъ вымышленныхъ. Проводникамъ писателя въ тѣ давніе вѣка могли быть только народныя преданія и безхитростныя слова галицко-волынскаго лѣтописца. Страницы ипатъевской лѣтописи, полныя горячаго патріотизма и чувства, нашли въ душѣ романиста живой отголосокъ. Онъ невидитъ отвратительныхъ прошлыхъ хищниковъ не меньше своего древняго предшественника. «О злѣ зла честь татарская!» готовъ онъ воскликнуть вмѣстѣ съ нимъ и вмѣстѣ-же съ нимъ позарать горячимъ словомъ крамола, бывшія «въ безбожныхъ боярѣхъ Галицкихъ». Мотивъ борьбы боярства съ народомъ—не выдуманный, это историческій фактъ, гибельно отразившійся на судьбѣ юго-западной Руси на самой зарѣ ея историческаго существованія. Тамъ ранѣе всего стали образовываться туземный, мѣстный классъ угнетателей народа. «Здѣсь, говоритъ Н. И. Костомаровъ, прорывалось уже начало того панства, которое подъ польскимъ владычествомъ охватило страну и, противопоставивъ себя массѣ народа, вызвало наконецъ еена борьбу въ лицѣ козачества». Начавшись при Ярославѣ Осмомыслѣ и при Романѣ Мстиславовичѣ, боярская «брамола» усилилась особенно при Данилѣ и на борьбу съ собой отвлекла силы этого князя, который при другихъ условіяхъ сдѣлалъ-бы, можетъ быть, болѣе для будущности своей страны и народа, такъ какъ былъ человекомъ рѣшительно выдающимся по уму и достоинствамъ, «бѣ бо, какъ говорить лѣтописецъ, дерзъ и храборъ, отъ главы и до ногу его не бѣ на немъ порока». Имя главнаго монгольскаго предводителя, названнаго въ рассказѣ г. Франко Бурундаемъ, принадлежитъ дѣйствительно историческому лицу, предводителю позднѣйшаго монгольскаго нашествія. Авторъ или взялъ Бурундаю изъ народной легенды, всегда склонной къ вольному обращенію съ хронологіей, или назвалъ тѣмъ-же именемъ начальника какого-нибудь частнаго монгольскаго отряда. Лѣтописный Бурундаю остался непобѣжденнымъ и верховодилъ въ галицко-волынской землѣ, заставляя самихъ князей разрушать города. Такъ, по его приказанію, княземъ Василькомъ былъ разрушенъ городъ Володимерь. Онъ былъ начальникомъ нашествія 1229 года.

Нельзя въ заключеніе не обратить вниманія на хорошій языкъ повѣсти г. Франко, какимъ вообще не особенно избаловали насъ галицкіе писатели. Онъ очень близокъ къ малорусской литературной рѣчи, если

не считать небольшого количества мѣстныхъ словъ и нѣкоторыхъ особенностей. Къ этимъ вполне законнымъ особенностямъ привыкаешь, впрочемъ, скоро и не потому только, что во всему привыкнуть можно, но потому, что въ этомъ говорѣ, столь близкомъ къ украинскому, встрѣчаешь ту-же звуковую прелесть простонародной, «на лонѣ природы» выросшей рѣчи.

Г.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

РУССКАЯ СВЯТЫНЯ НА ЗАПАДѢ ЕВРОПЫ.

Въ столицѣ панства, въ Римѣ, въ церкви св. Петра хранится таинственный образъ Спасителя. Никому онъ не доступенъ, никто его не видитъ и только три дня въ году,—въ среду, четвергъ и пятницу страстной недѣли, образъ этотъ выставляютъ для поклоненія молящимся, но... съ высоты подкупольнаго балкона. «Вблизи, говоритъ одинъ изъ нашихъ путешественниковъ по Риму, никто, кромѣ членовъ соборнаго причта, не можетъ видѣть этого образа. Даже вѣнценосцы западные не иначе были допускаемы до цѣлованія этой иконы, какъ по предварительномъ возведеніи ихъ въ санъ канониковъ св. Петра. Видѣвшіе-же этотъ образъ въ тѣ дни, въ которые его показываютъ, единогласно утверждаютъ, что сколько они ни напрягали свое зрѣніе, не могли, даже при помощи увеличительныхъ стеколъ, разглядѣть что либо, кромѣ какого-то чернаго пятна. А члены соборнаго причта, когда обращаются къ нимъ за разъясненіями относительно лика Спасителя на этомъ образѣ, обыкновенно отвѣчаютъ, что они не рассматривали его вблизи»¹⁾.

Что же это за таинственный образъ?

Въ эстампныхъ магазинахъ Рима продаются, по весьма не дорогой цѣнѣ, литографированные, различной величины, снимки съ него, а въ каждому снимку дается печатное на латинскомъ языкѣ,

¹⁾ Путеводитель по Риму, Вл. Мордвинова, 1875 г., стр. 36—37

за подписью одного изъ членовъ соборнаго причта, удостовѣреніе въ томъ, что снимокъ дѣйствительно сходенъ съ подлинникомъ, который называется изображеніемъ Спасителя, даннымъ отъ него св. Вероникѣ. Но это названіе въ свою очередь требуетъ объясненія. Надо сказать, что въ христіанской церкви съ первыхъ вѣковъ существовало преданіе о такъ называемомъ у насъ *нерукотворенномъ* образѣ Иисуса Христа, т. е. не писанномъ кистью художника, а чудесно отпечатлѣвшемся на холстѣ, которое Спаситель приложилъ къ своему лицу. По римскому преданію это изображеніе явилось такимъ образомъ. Когда Иисуса Христа вели на Голгофу для распятія и Онъ, изнемогая подъ тяжестью креста, обливался потомъ, шедшая въ толпѣ одна сострадательная дѣвица, по имени Вероника, подала Ему свой платокъ, чтобы Онъ могъ отереть потъ, крупными каплями катившійся съ Его божественнаго лица. Спаситель отеръ потъ и возвратилъ платокъ, но на платкѣ Вероника увидѣла изображеніе лица божественнаго Страдальца. Иначе получилось это изображеніе по преданію восточной церкви. Современный Иисусу Христу едесскій царь Авгарь, слышавшій много о Его чудесахъ, пожелалъ списать съ Него портретъ и для того прислалъ къ Нему живописца. Живописецъ явился съ вѣстями, красками и холстомъ и объяснивъ, отъ кого и за чѣмъ присланъ, просилъ позволенія приступить къ работѣ. Спаситель взялъ холстъ, приложилъ къ своему лицу и отдалъ назадъ живописцу для передачи царю Авгарю. На холстѣ оказалось точное изображеніе Его лица. Какъ извѣстно, православная церковь ежегодно, 16 августа, празднуетъ память объ этомъ чудесномъ событіи и самомъ образѣ.

Напоминаетъ-ли собою то или другое преданіе обруженный таинственностью образъ Спасителя въ римскомъ соборѣ св. Петра?

Этого образа никто, какъ сказано выше, не видѣлъ и видѣть не можетъ; но есть копія съ него, притомъ очень древняя. Объ этой-то копіи мы нашли любопытныя свѣдѣнія въ одномъ старинномъ французскомъ изданіи половины XVIII ст., заключающемъ въ себѣ описаніе городовъ, королевскихъ дворцовъ, замковъ и болѣе замѣчательныхъ памятниковъ Франціи ¹⁾. По тому, что говорится здѣсь о копіи, легко разгадать и самый подлинникъ, такъ тща-

¹⁾ Nouvelle Description de la France. Paris. 1753. T. I, pag. 427—430.

тельно скрываемый служителями Ватикана. Передадимъ вратцѣ сообщеніе автора указаннаго описанія.

Въ женскомъ монастырѣ, называемомъ Montreuil-les-Dames, близъ г. Лаона ¹⁾, у подошвы горы, на которой расположенъ этотъ городъ, славится убрусъ или платъ св. Вероники съ ликомъ Спасителя, привлекающій множество богомольцевъ изъ разныхъ мѣстъ. По мѣстному преданію подлинникъ этого изображенія на убрусѣ или на платѣ изъ Іерусалима принесенъ въ Римъ, гдѣ находится и нынѣ въ храмѣ св. Петра, а копія съ него, хранящаяся въ монастырѣ Montreuil-les-Dames, дана сюда въ 1246 году папою Урбаномъ IV, въ бытность его еще архидіакономъ Лаонскимъ и капелланномъ папы Иннокентія IV. Въ верхней части этого образа начертаны буквы I. C., X. C., которыя означаютъ *Iesus Xristosъ*, а въ нижней виднѣется надпись, надъ прочтеніемъ которой долго и тщетно трудились многіе ученые. Патеръ Мобильонъ, сообщая объ этой надписи въ одномъ изъ своихъ сочиненій, сознался, что характеръ ея письменъ остается неизвѣстнымъ. Впрочемъ онъ полагалъ, что здѣсь начертано слово *Abrasax*, употреблявшееся на талисманахъ или филактерахъ. Другой славный своею ученостію писатель, изслѣдовавъ эту надпись въ 1707 году, нашелъ, что это греческій спонданческій стихъ, но спустя 10 лѣтъ послѣ этого призналъ, что это стихъ гекзаметра. Кармъ Дешосса (*Carne Déchausse*), получившій названіе почетнаго патера св. Маріи, во 2 томѣ своихъ изслѣдованій о правилахъ критики помѣстилъ цѣлое разсужденіе объ этомъ изображеніи Спасителя и пришелъ наконецъ къ заключенію, что находящаяся на немъ надпись не греческая, а славянская. Такое свое мнѣніе этотъ ученый подкрѣплялъ отзывами москвитянъ, къ которымъ онъ обращался по сему предмету. Но авторитетъ ихъ не признанъ достаточнымъ для рѣшенія даннаго вопроса. Сомнѣніе ученыхъ оставалось-бы надолго еще неразрѣшеннымъ, если-бы не прибылъ въ Парижъ русскій царь Петръ Великій. Почтенный патеръ de S. Marie чрезъ маршала де Мессъ обратился тогда къ сопровождавшему царя князю Куракину съ просьбой взглянуть на мѣстно чтимый св. ликъ Спасителя и сказать, дѣй-

¹⁾ Лаонъ — *Laon*, въ древности *Lugdunum Clavatum* — епископскій городъ, былъ некогда главнымъ городомъ Пикардіи.

ствительно-ли буквы, находящіяся на немъ, могутъ быть признаны за славянскія и что они означаютъ. Князь, которому французскій языкъ былъ извѣстенъ почти столько-же, какъ и русскій, письменно удостовѣрилъ, что находящіяся на иконѣ слова значать: «Образъ Спасителя или Господа, отпечатлѣнный на платѣ», или что тоже «Образъ Вероники». Это объясненіе оказалось совершенно согласнымъ съ отвѣтомъ, даннымъ прежде почтенному патеру однимъ москвитяниномъ, а бывшій у князей Нарышкинскихъ, во время пребыванія ихъ въ Парижѣ, духовникомъ монахъ прочелъ надпись такъ: *Образъ Господень на убрूसъ*, что по латыни значить: *Imago Domini in lintea*. Что русскій монахъ прочелъ безошибочно, въ этомъ удостовѣряетъ представляемое здѣсь *fac simile* надписи: •

ΩБРАЗЪ ГСПАРНАУЗРУСЪ

Въ заключеніе своего сообщенія авторъ упомянутого выше описанія замѣчаетъ: «если подлинникъ изображенія дѣйствительно сходенъ съ его копіей, данной папою Урбаномъ IV монастырю Монтрель, то весьма сомнительнымъ должно быть то значеніе, которое усвоится хранящемуся въ церкви св. Петра въ Римѣ изображенію лица Спасителя на холстѣ, извѣстному *il Santo Sudario* (св. убрूसъ) и ни для кого недоступному, а лишь въ нѣкоторые дни выставляемому предъ народомъ съ высоты подкупольнаго балкона».

Это сказано за 130-ть съ лишнимъ лѣтъ предъ симъ и еще раньше разъяснились и всѣ недоумѣнія относительно загадочной надписи на иконѣ Спасителя въ монастырѣ Монтрель, подлинникъ которой увезенъ въ Римъ. Но не смотря на то, служители Ватикана и доселѣ окружаютъ таинственностью этотъ образъ, выдавая его за святыню 1-го христіанскаго вѣва, ежегодно десятками тысячъ распродаютъ снимки съ него и печатныя удостовѣренія въ сходствѣ его съ подлинникомъ, а самый подлинникъ прячутъ отъ всѣхъ, не давая взглянуть на него никому и лишь однажды въ годъ показывая его съ высоты, можно сказать, птичьяго полета... Не потому-ли они такъ тщательно и скрываютъ этотъ образъ, что опасаются, какъ-бы кто не примѣтилъ на немъ славянской надписи?

Что образъ этотъ славянскаго, точнѣ русскаго происхожденія, въ этомъ едва-ли можетъ быть сомнѣніе. Кѣмъ однако и когда могъ быть занесенъ во Францію, а оттуда въ Римъ нашъ *нерукотворенный образъ Спасителя*? Съ вѣроятностью можно полагать, что это одна изъ святынь, принесенныхъ во Францію въ XI вѣкѣ нашей княжной Анной Ярославной, супругой французскаго короля Генриха 1-го; копія съ нея въ XIII вѣкѣ оставлена въ монастырѣ Монтрель, а подлинникъ увезенъ въ Римъ французскимъ прелатомъ; вступившимъ на епископскую кафедру въ Римѣ.

СЕРБЫ ВЪ КІЕВѢ.

(1753—1754).

Въ срединѣ прошлаго столѣтія, при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ явилась мысль устроить въ сѣверной окраинѣ теперешней Новороссіи военное поселеніе преимущественно изъ австрійскихъ сербовъ, также изъ болгаръ, волоховъ и пр. Какъ извѣстно, раньше другихъ вышелъ изъ Австро-Венгріи Хорватъ и съ 1752 года принялся за поселеніе своихъ полковъ въ сѣверной части нынѣшней херсонской губерніи; за нимъ послѣдовали другія партіи сербовъ, подъ командой Шевича и Прерадовича, которыя поселены въ сѣверо-восточной части екатеринославской губерніи. Сербы—колонисты слѣдовали на Кіевъ, откуда ихъ и отправляли на мѣста, предназначенныя для поселенія. Хорватъ оставался въ Кіевѣ зиму 1751 г. и отправился въ свою Новую Сербію весною 1752 г., а Шевичъ съ Прерадовичемъ провели здѣсь 1753 годъ и только въ первыхъ числахъ августа 1754 г. тронулись въ путь. Этимъ продолжительнымъ пребываніемъ Шевича и Прерадовича въ Кіевѣ объясняется документальный слѣдъ ихъ, оставшійся въ видѣ связки дѣлъ, съ которой мы познакомились, благодаря любезности А. А. Андриевскаго. Большинство документовъ связки представляютъ «доношенія» и указы касательно выдачи денежныхъ суммъ и потому не имѣютъ важности; но мы отобрали нѣсколько такихъ, которые характеризуютъ нѣкоторыя стороны внутренней жизни будущихъ колонистовъ, ихъ взаимныхъ отношеній и самый способъ ихъ отправленія. Все это—мелочи, конечно, но мелочи, не лишеныя интереса.

Поселившись въ Кіевѣ временно, въ ожиданіи передвиженія, сербы предались пресловутой славянской розни. Главнымъ поводомъ для нея было взаимное переманиваніе людей изъ одной команды въ другую, отъ чего не отставалъ и Хорватъ, хотя его въ это время не было уже въ Кіевѣ.

Прерадовичъ переманилъ у Шевича троихъ гусаръ; тотъ жаловался военной коллегіи; военная коллегія приказала, чтобы Прерадовичъ возвратилъ гусаръ по принадлежности и чтобы впередъ чужихъ людей не переманивалъ, потому что такіе за нимъ зачисляемы не будутъ, а старался-бы комплектовать свою команду вызовомъ изъ-за границы (16 ноября 1753 г.).

Но оказывались безсильными и указы военной коллегіи. Вслѣдъ за указомъ, Прерадовичу опять удалось переманить изъ команды своего соперника какого-то капрала. Послѣдовала жалоба, за нею новый указъ; въ результатъ получилось «доношеніе» кіевскому вице-губернатору слѣдующаго содержания: 16 января 1754 г. команды генераль-майора Шевича подполковникъ Шевичъ отправилъ къ Прерадовичу адъютанта съ просьбою прислать двухъ офицеровъ для выслушанія указа военной коллегіи; Прерадовичъ послалъ капитановъ Радовановича и Губера; когда они пришли къ подполковнику Шевичу, то капитанъ Шевичевой команды, Юзбаша, назвалъ перебѣжавшаго капрала шпиономъ и добавилъ, что его надо бить батошьемъ, чтобы онъ изъ команды не уходилъ; парламентары оскорбились и одинъ изъ нихъ, Радовановичъ, съ чувствомъ достоинства замѣтилъ, что онъ съ Губеромъ присланы не съ Юзбашею разговаривать, а выслушать указъ ея императорскаго величества; въ отвѣтъ на это, Юзбаша, восточная кровь котораго вскипѣла, представилъ резоны не словесно, а дѣйствіемъ: бросился на Радовановича, «билъ по щекамъ, и таскалъ за волосы и лицо все ободралъ до крови, а потомъ секундъ-майоръ Шевичъ прискоча, такожь и прочіе оберъ-офицеры и офицеры и гусары, таскали за волосы», пока Радовановичъ не спасся на квартиру подполковника Шевича. Прерадовичъ съ своей стороны не оставилъ этого дѣла, а просилъ вице-губернатора «куда надлежитъ представить» о происшествіи, изъ опасенія обидъ, «а паче смертнаго убивства». Чѣмъ кончилась распря—не извѣстно.

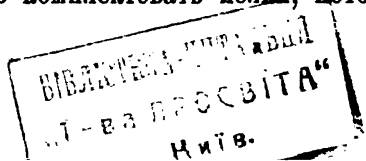
А вотъ волошенинъ Аѳанасій Кору перекочевываетъ изъ Новой Сербіи къ тому-же Прерадовичу, какъ-бы въ утѣшеніе за понесенную его офицеромъ обиду. Этотъ Аѳанасій очень хотѣлъ выбиться въ аристократію. Онъ вывелъ въ Новую Сербію девять волоховъ и одного грека, всего десять человѣкъ, «съ такимъ на-мѣреніемъ, чтобы за то награжденъ былъ по вступленіи въ службу какимъ по разсмотрѣнію рангомъ»; но Хорватъ ни чина не доставилъ предприимчивому колонизатору, ни издержекъ не возвратилъ: вотъ причина, побудившая Кору перейти къ Прерадовичу.

Утѣшившись въ горѣ, Прерадовичъ опять принялся за свое. 24 марта 1754 г. Шевичъ жаловался, что пятеро его гусарь, «по наущенію и подговору постороннихъ, многія упрямства и ослушности приставленнымъ надъ ними вахмистрамъ чинять» и отказываются явиться за жалованьемъ, говоря, что они въ командѣ Прерадовича и жалованье получаютъ отъ него; Шевичъ, указывая на то, что до сихъ поръ эти гусары жалованье получали у него, о чемъ, замѣчалъ онъ, правительствующему сенату и военной коллегіи извѣстно, не безъ ядовитости прибавлялъ: «а чтобы таковыхъ въ другую команду отдать, о томъ ни откуда указа у меня не имѣется»; поэтому онъ просилъ предписать Прерадовичу возвратить перешедшихъ къ нему гусарь. О послѣдствіяхъ жалобы не знаемъ.

Бывали случаи, когда, не смотря ни на что, удавалось Прерадовичу оттягать у противника людей. Такъ, собираясь въ путь, 23 іюля онъ доноситъ вице-губернатору, что къ его командѣ причислено трое гусарь «изъ спорныхъ команды генераль-майора Шевича», и проситъ увеличить число подводъ.

Интриговалъ въ Кіевѣ и Хорватъ черезъ своихъ агентовъ. 29 іюля подполковникъ его команды Дмитрій Перичъ обратился въ кіевскую губернскую канцелярію за справкою о томъ, по какой срокъ выдано жалованье четыремъ называемымъ имъ гусарамъ команды Шевича: они, «по желанію ихъ», находятся въ Новой Сербіи, и Хорватъ хлопочетъ въ сенатѣ объ опредѣленіи ихъ къ себѣ на службу. Подобную-же справку дѣлалъ послѣ и самъ Хорватъ о четырехъ другихъ гусарахъ, «дезертировавшихъ» отъ Шевича, и кіевская губернская канцелярія удовлетворила просьбу.

У всѣхъ троицъ генераловъ чувствовалась нужда въ людяхъ, надо было кѣмъ нибудь комплектовать полки, потому что выведены

ими едва какія нибудь сотни людей, а надобность предстояла въ тысячахъ. Поэтому-то съ такимъ азартомъ они охотились за людьми, поэтому такъ настойчиво просили начальство ловить бѣглецовъ. Губернская канцелярія предписывала объявлять о бѣглыхъ съ барабаннымъ боемъ, а пойманныхъ забивать въ ручныя и ножныя колодки и присылать немедленно; иногда посылались въ погоню гусары-же. Такое свѣдѣніе имѣемъ отъ 1753 г. о прапорщикѣ Дмитріѣ Марковичѣ, котораго, послѣ по возвращеніи изъ неудачной поѣздки за границу, обвиняли въ ограбленіи жидовки, ѣхавшей съ фастовской ярмарки; было наряжено по этой жалобѣ слѣдствие, но явныхъ уликъ не оказалось; однако истица опредѣлительно заявляла, что ограблена гусарами.

Понятно, что при такой крайней нуждѣ въ гусарахъ, они своевольничали, зная, что не тутъ, такъ тамъ будутъ приняты съ распростертыми объятіями. Интересно напр. слѣдующее «доношеніе», поданное въ губернскую канцелярію муровщикомъ Яковомъ Бубликомъ: изъ 25 работниковъ, данныхъ ему, четверо бѣжали и были замѣнены другими; одинъ изъ бѣжавшихъ, Кирилъ Шапочникъ, явился въ Кіевъ и записался «въ новобранные сербы», по документальному выраженію,—и, ставши «Сербомъ», напалъ на домъ Бублика, разорилъ и обидѣлъ его (подробностей въ документѣ нѣтъ); не удовольствовавшись и тѣмъ, 13 декабря 1753 г. встрѣтилъ Бублика на улицѣ, напалъ съ «другими» сербами и «хотѣлъ ободрать», но тотъ откупился полтиною; Бубликъ утверждаетъ, что Шапочникъ ни сербъ, ни волохъ, а слобожанинъ, въ чемъ, конечно, нельзя и сомнѣваться. Видно, сербскимъ командамъ не приходилось безговать и такими самозванными сербами.

Но вотъ, наконецъ, послѣ долгихъ междоусобій, колонисты собираются въ путь. Вѣрный своему праву, Прерадовичъ просилъ отправить его раньше Шевича, на томъ основаніи, что въ его командѣ все обстоитъ благополучно, а въ командѣ его соперника предстоитъ еще разбирать какіе-то споры. Однако, къ обидѣ его, раньше выѣхалъ Шевичъ, а не онъ.

Отправка ихъ не обошлась безъ затрудненій. Надобно было всего 405 подводъ; изъ этого числа 100 подводъ по закону объязанъ былъ поставить магистратъ, остальное число разложено было на кіевскіе монастыри, съ 8 дворовъ по 1 подводѣ; пора была

рабочая (конецъ іюля), раскладка сдѣлана только на правобережныя волости, и потому какъ консисторія, такъ и монастыри согласились удовлетворить требованіе на подводы со стѣсненнымъ сердцемъ, прося выдать впередъ прогоны и увѣдомить, до какихъ мѣстъ наряжаются подводы, а когда вице-губернаторъ потребовалъ добавочныхъ 12 подводъ, духовная консисторія отказала, ссылаясь на то, что повинность должна лечь на весь кіевскій полесъ; указывая, что магистратъ принимаетъ на себя слишкомъ малую долю подводъ и наконецъ жалуясь, что передъ тѣмъ съ великою нуждою поставлены подводы и работники для работъ въ Новой Сербіи, консисторія просила прислать въ копіи указъ, которымъ подобныя повинности налагаются только на правобережныя вотчины.

По требованію губернской канцеляріи, войсковая канцелярія разослала приказы по полкамъ, чтобы сербскимъ командамъ, во время слѣдованія черезъ полки, ставилось достаточное число подводъ и наряжались комиссары для сопровожденія ихъ.

Наконецъ въ первыхъ числахъ августа двинулся Шевичъ; Прерадовичу пришлось подождать нѣсколько дней, за недостаткомъ подводъ. По отъѣздѣ ихъ, Хорватъ заявилъ еще о 13 гусарахъ, «дезертировавшихъ» отъ Шевича еще во время пребыванія послѣдняго въ Кіевѣ; заявилъ о нихъ и на этотъ разъ не съ цѣлью возвратить, а наоборотъ, присвоить. Впрочемъ и по отъѣздѣ Шевича, съ самаго мѣста его поселенія побѣги продолжались. Ему, замѣтно, въ этомъ не везло,—быть можетъ оттого, что онъ былъ скромнѣе другихъ.

ВОЛЫНСКАЯ ВЪВАЛЬЩИНА.

Въ мѣстныхъ архивахъ, при бѣгомъ ихъ осмотрѣ, намъ удалось найти нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о дѣлахъ и лицахъ той поры, когда край нашъ присоединился къ Россіи послѣ распаденія Польши. Они не имѣютъ между собою близкой связи и мы передадимъ ихъ въ порядкѣ простой нумераціи.

1) Въ настоящее время болѣе и болѣе разъясняется, что при воссоединеніи нашего края съ остальной Россіей нѣкоторыя имѣнія, принадлежавшія польской коронѣ и находившіяся во времен-

номъ или пожизненномъ владѣніи нѣкоторыхъ пановъ, обращены ими въ свою личную собственность. Незнаніе русскими властями законовъ и обычаевъ вновь присоединеннаго края, завѣдомый обманъ со стороны низшихъ властей и сообщеніе ими невѣрныхъ свѣдѣній о землевладѣніи и пр., были причиною того, что нѣкоторыя казенныя имѣнія остались въ частномъ владѣніи.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, генераль-лейтенантъ русской службы, князь Сангушко 2-й, заявилъ, что ему принадлежить г. Кременецъ и приносить ежегодно дохода 50 тысячъ польскихъ злотыхъ. Дошло дѣло до сената, который, усмотрѣвъ, что сообщеніе о принадлежности Кременца князю Сангушко сдѣлано только на основаніи показанія, даннаго управляющимъ имѣніями Сангушко, поручилъ произвести по этому дѣлу новое разслѣдованіе.

Бывшій въ то время волынскимъ вице-губернаторомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателемъ казенной палаты, Грохольскій донесъ военному губернатору минской, подольской и волынской губерніи, графу Гудовичу, что г. Кременецъ не принадлежитъ Сангушко, а находится у него въ пожизненномъ владѣніи на правѣ старостинскомъ. Вѣроятно это добросовѣстное разслѣдованіе Грохольскаго и спасло г. Кременецъ изъ частнаго владѣнія.

2) Около 1798 года возникло подозрѣніе о томъ, что наши жидаы, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ жидами заграничными, а особенно французскими, усвоили себѣ тотъ взглядъ на Бонапарта, что «якобы онъ есть Мессія, долженствующій освободить народы отъ рабства». Завѣдывавшій въ то время нашимъ краемъ, графъ Гудовичъ, предписалъ секретно всѣмъ начальникамъ округовъ наблюдать за образомъ мыслей нашихъ евреевъ по отношенію къ Бонапарту. Никакихъ свѣдѣній объ этомъ начальники округовъ Гудовичу не сообщили; но надо полагать, что евреи, находясь въ постоянномъ ожиданіи Мессіи, дѣйствительно обращали свои мечты и на Бонапарта. Затѣмъ, когда Наполеонъ, сдѣлавшись французскимъ императоромъ, постоянными войнами препятствовалъ правильному ходу торговыхъ дѣлъ, а реквизиціями и всесловными рекрутскими наборами сильно огорчалъ всѣхъ капиталистовъ и особенно евреевъ, то становится весьма понятнымъ, почему евреи во время нашествія Наполеона не особенно ему сочувствовали и даже дѣлали довольно серьезныя пожертвованія на военныя надоб-

ности въ пользу русскаго правительства, представляя въ этомъ отношеніи совершенную противоположность помѣщикамъ, которые одни только изъ всѣхъ сословій волынской губерніи отъ пожертвованій на военныя надобности въ 1812 году отказались и въ свою очередь смотрѣли на Наполеона, какъ на Мессію. Къ сожалѣнію, во время нашествія Наполеона, помѣщики производили замѣшательства, заявляя то изъ того, то изъ другаго уголка губерніи о мнимыхъ возстаніяхъ крестьянъ противъ владѣльцевъ и требуя для усмиренія ихъ военную силу. Политика хорошо рассчитанная: поставить въ непріязненное отношеніе крестьянское народонаселеніе къ властямъ и постоянно беспокоить и разобщать наши войска посылкой отдѣльныхъ отрядовъ для усмиренія мнимыхъ бунтовъ крестьянъ.

3) Лѣтомъ 1795 года распространились на Волыни слухи, что чернь намѣрена рѣзать шляхту и евреевъ и что днемъ всеобщаго избіенія назначенъ праздникъ св. Петра и Павла 29-го іюня. Многіе помѣщики сообщили объ этомъ брацлавскому губернатору Берхману, требуя строгихъ мѣропріятій противъ крестьянъ и посылки войскъ для усмиренія бунтовщиковъ. Но Берхманъ къ такимъ заявленіямъ отнесся очень осторожно и предварительно отправленія военной силы по просьбѣ помѣщиковъ, затребовавъ свѣдѣнія отъ начальниковъ округовъ, а особенно винницкаго, такъ какъ слухи объ избіеніи шляхты и евреевъ шли преимущественно изъ этого округа. Оказалось впослѣдствіи, что слухи эти неизвѣстно кѣмъ распущены: бригадиръ и кавалеръ Исаевъ слышалъ отъ вице-губернатора Кублицкаго, а Кублицкій отъ судьи кіевскаго воеводства Ивановскаго, сей-же послѣдній никакъ не могъ припомнить, отъ кого дошли къ нему слухи о предполагаемомъ избіеніи шляхты и евреевъ.

4) Въ 1794 г. нѣкто Сафоновъ, какъ видно, лице официальное, донесъ по начальству, что профессора житомирской католической академіи на вечеринкѣ у ксендза Венціовскаго пили за здоровье Костюшки. Губернаторъ Шереметевъ поручилъ предсѣдателю уголовной палаты Батурину произвести по сему предмету строгое разслѣдованіе. Но при допросѣ профессоровъ и ксендзовъ на Сафонова полетѣло столько грязи и завѣдомой лжи, что бѣдный доноситель на профессоровъ и ксендзовъ, не имѣя, вѣроятно, понятія

о людяхъ, съ которыми пришлось ему вести дѣло, горько раскаялся въ своемъ неосторожномъ сообщеніи по начальству.

Одинъ изъ ксендзовъ показалъ, а остальные ксендзы и профессора подтвердили, что незадолго передъ этимъ они имѣли въ виду подать губернатору на Сафонова меморіаль, что онъ взялъ у нихъ пять эстамповъ, изображающихъ два образа и три портрета и по требованію не возвратилъ, что онъ, Сафоновъ, также взялъ у нихъ шкатулку, погребецъ, ланкарту для путешественниковъ Царства Польскаго и два червонца, и по требованію ихъ также не возвратилъ, а чтобы предупредить на него жалобу послалъ доносъ. Кончилось тѣмъ, что ксендзы и профессора вышли сухи изъ воды, а Сафоновъ обвиненъ въ ложномъ доносѣ. Да и какъ было повѣрить, что ксендзы и профессора могли пить за здоровье Костюшки...

5) Русскій посланникъ графъ Панинъ извѣщалъ изъ Берлина начальника присоединеннаго края графа Гудовича, что Костюшко, оставивъ свое мирное пребываніе въ Америкѣ, появился въ Парижѣ, изъ котораго затѣмъ отправился неизвѣстно куда, подъ именемъ Дюфренуа. Одни говорили, что онъ выѣхалъ въ Гамбургъ, съ намѣреніемъ отправиться въ бывшую Польшу, для возмущенія своихъ соотечественниковъ, забывъ данное имъ обѣщаніе не служить противъ Россіи, другіе же полагали, что онъ ѣдетъ въ Италію, для соединенія съ извѣстнымъ Домбровскимъ. Вслѣдствіе такого сообщенія, графомъ Гудовичемъ было сдѣлано строгое распоряженіе о томъ, чтобы начальники округовъ наблюдали за появленіемъ между помѣщиками какихъ-либо воззваній или подозрительныхъ лицъ и въ особенности было усилено наблюденіе по границѣ. Поэтому, хотя и были попытки со стороны нѣкоторыхъ мечтателей и почитателей Костюшки пробраться на Волынь изъ Польши съ цѣлью поднятія бунта противъ Россіи, иногда въ составѣ небольшихъ вооруженныхъ шайкъ, какъ напр. шайка подъ предводительствомъ шамбеляна Деныска; но эти шайки немедленно были уничтожаемы занимавшими границу донскими козаками.

6) Шамбелянъ Деныско, «вой нынѣ», какъ доносилъ 14 октября 1794 года губернатору Шереметеву секундъ-маіоръ Евдокимъ Степановъ, «называется бригадиръ», принадлежалъ къ старой южно-русской дворянской фамиліи, окатоличившейся и ополчив-

шейся, вмѣстѣ съ прочими волынскими и русскими дворянами, въ XVI столѣтіи. Онъ былъ помѣщикъ с. Лысогорки, близъ м. Ямполя, кременецкаго уѣзда. Послѣ разбитія Суворовымъ арміи Костюшки, остатки ея разсѣялись по всей Польшѣ и подъ предводительствомъ различныхъ безповойныхъ личностей стремились прорваться и на Волынь, предполагая найти здѣсь удобную почву для своего, какъ они думали, еще не потеряннаго дѣла, несмотря на извѣстное изреченіе Костюшки: *«finis Poloniae»*. Деныско съ шайкою болѣе 300 вооруженныхъ воиновъ бродилъ по границѣ ровенскаго и дубенскаго уѣзда. Вотъ какія свѣдѣнія о его шайкѣ даны однимъ изъ невольныхъ участниковъ въ его затѣяхъ.

Шляхтичъ Жабинскій, слѣдовавшій за границу по порученію своего довѣрителя князя Четвертинскаго, былъ захваченъ шайкою Деныска. По показанію Жабинскаго, шайка состояла болѣе, чѣмъ изъ 200 человекъ; при ней было четыре плѣнныхъ русскихъ солдата, въ синихъ мундирахъ съ красными обшлагами; ни одинъ изъ плѣнныхъ не былъ раненъ. При дальнѣйшихъ переходахъ шайки, Жабинскій услышалъ въ лѣсу мелкую перестрѣлку, а затѣмъ вскорѣ привели къ обозу донскаго козака, котораго одинъ изъ бунтовщиковъ тутъ-же застрѣлилъ въ упоръ изъ ружья. Затѣмъ привели къ обозу другого донскаго козака, въ богатомъ козацкомъ одѣяніи, котораго также застрѣлили, отобравъ у него предварительно вещи и деньги. Шайка продолжала двигаться по направленію къ Дубно и перешла муравецкую дорогу, идущую отъ Тарговицы и Дубно къ Варковичамъ. Здѣсь попался отряду ѣхавшій верхомъ донской козацъ, котораго также схватили; но когда одинъ изъ бунтовщиковъ взялся за ружье, чтобы застрѣлить козака, также какъ и первыхъ двухъ, то козацъ сильно увернувшись, вырвался и скрылся въ лѣсу, такъ что мятежникъ не успѣлъ и выстрѣлить по немъ. Отсюда опять поворотили къ Дубно, перешли р. Икву, ночевали при с. Садахъ. Деныско распустилъ свой обозъ и усилилъ маршъ; видя, что Жабинскій, имѣя грыжу, не можетъ слѣдовать за отрядомъ, Деныско отпустилъ его. Отправляясь по направленію къ Ровно, Жабинскій видѣлъ отрядъ русскихъ войскъ, очевидно разыскивающихъ бунтовщиковъ.

На этомъ оканчиваются показанія Жабинскаго; но о дальнѣйшей судьбѣ Деныска есть еще сказаніе.

Отрядъ Деныска увеличился присоединеніемъ къ нему еще другихъ мелкихъ шаекъ польскихъ мятежниковъ; но близъ м. Козина былъ разбитъ русскими войсками. Затѣмъ Деныско съ своимъ отрядомъ направился къ г. Кременцу; но подъ Кременцемъ настигъ его донской козацій отрядъ подъ командой подполковника Ребрикова и окончательно разсѣялъ шайку Деныска. Козаки, преслѣдуя Деныска, направились въ его имѣніе Лысогорку; но тамъ его уже не напли; убѣжалъ изъ имѣнія также и комиссаръ Деныска, Александровичъ. Начались допросы; оказалось, что многіе изъ крестьянъ Деныска находились въ шайкѣ мятежниковъ; но были забраны туда насильно. Затѣмъ Деныско очутился въ предѣлахъ Турціи и, тоскуя по родинѣ, находился въ постоянномъ сношеніи съ Волинью, посредствомъ жидовъ. Фамилія Деныска угасла, кажется, вмѣстѣ съ нашимъ героемъ; но отъ родныхъ его по женской линіи намъ приходилось слышать, что по просьбѣ сенатора графа Ильинскаго Деныскѣ было разрѣшено возвратиться въ Россію и представиться императору Павлу I-му. Плѣвившись красивой и осанистой наружностью Деныска, императоръ наградилъ его чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а взамѣнъ конфискованной Лысогорки подарилъ большое селеніе «Гетманцы» на Подольѣ, кажется, балтскаго уѣзда.

7) Въ 1800 году состоялось Высочайшее повелѣніе о высылкѣ за границу французскихъ монаховъ ордена трапистовъ, главный религіозный подвигъ которыхъ состоялъ въ обѣтѣ молчанія. Высочайшее повелѣніе о высылкѣ трапистовъ мотивировано тѣмъ соображеніемъ, что траписты принимаютъ въ себѣ на воспитаніе дѣтей мужскаго пола и не обучаютъ ихъ ничему другому, какъ только подвигу «молчанія», почему повелѣно учениковъ трапистовъ, взявъ изъ монастырей, возвратить на прежнее ихъ мѣсто жительства. Въ волинской губерніи траписты находились въ двухъ монастыряхъ, въ то время еще униатскихъ, жидичинскомъ, лудскаго уѣзда и дерманскомъ, дубенскаго уѣзда. Обязанность высылки трапистовъ за границу, чрезъ радзивилловскую таможеню, была возложена на фискала волинской губерніи, надворнаго совѣтника Маньковскаго. Изъ представленнаго Маньковскимъ списка высланныхъ за границу трапистовъ видно, что въ дерманскомъ монастырѣ было трапистовъ:

Хорныхъ священниковъ	7 человекъ.
Братіи	10 »

Послушниковъ или служителей	3	человѣка.
Учителей	4	»
Обучающихся, отъ 10 до 26 лѣтъ	29	»
	<hr/>	
Всего	53	»

В ъ ж и д и ч и н с к о м ъ :

Хорныхъ священниковъ	11	человѣкъ.
Братіи	10	»
Учителей	12	»
Учащихся, отъ 8 до 17 лѣтъ	27	»
	<hr/>	
Всего	60	»

Замѣчательно, что всѣ ученики трапистовъ оказались иностранными подданными и названы французскими фамиліями, такъ что учениковъ изъ мѣстныхъ жителей, по изысканіямъ Маньковскаго, оказалось только 10-ть, которые и возвращены въ свои дома. Видно, что школы трапистовъ не были пустыми и обучали въ нихъ не одному молчанію; но странно, что при высылкѣ трапистовъ за границу всѣ ихъ ученики, даже до десятилѣтняго возраста, оказались французами и выѣхали за границу, а мѣстныхъ учениковъ оказалось будто-бы только 10 человѣкъ.

И. А. Шафарукъ.

ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ, КАКЪ ПОСОВІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФІИ.

Въ 1838 году вышло правительственное распоряженіе объ изданіи въ губернскихъ городахъ официальныхъ печатныхъ листовъ, или вѣдомостей. Правила изданія Губернскихъ Вѣдомостей предписывали различать отдѣлы официальный и неофициальный. Въ первый входили всякаго рода административныя распоряженія и предписанія должностныхъ лицъ. Границы неофициальнаго отдѣла были строго опредѣлены. Статьямъ полемическимъ и беллетристическимъ доступъ въ Губернскія Вѣдомости былъ строго воспрещенъ. Нельзя не признать разумности этого запрещенія. И въ столичныхъ журналахъ тридцатыхъ годовъ полемика стояла на низкой ступени личныхъ нападокъ, клеветы и брани. Тѣмъ менѣе могла обстоять благополучно и прилично провинціальная полемика. Несомнѣнно, она

выродилась-бы въ сплетничество. Беллетристика была также совѣмъ не по плечу областной официальной печати. Лучшее, чего можно было ожидать отъ провинціальной беллетристики тридцатыхъ годовъ,—это сентиментальныя повѣстухи и хвалебныя стихы разнымъ чиновнымъ милостивцамъ. Правила совѣтовали помѣщать въ неофициальномъ отдѣлѣ вѣдомостей статьи по мѣстной археологіи, исторіи и этнографіи. Тридцатые годы были временемъ пробужденія въ русскомъ образованномъ обществѣ склонности къ археологическимъ и историческимъ изслѣдованіямъ, временемъ дѣятельности графа Румянцева, Строева, Востокова. Правительственное указаніе редакціямъ Губернскихъ Вѣдомостей о помѣщеніи статей археологическихъ, этнографическихъ и историческихъ, отвѣчало желаніямъ наиболѣе просвѣщенныхъ русскихъ людей того времени. Много позже, лѣтъ на тридцать, такое желаніе высказывалось самими редакціями Губернскихъ Вѣдомостей. Такъ въ 38 № Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1864 г. редація съ провинціальной развязностью и словоохотливостью ставитъ такой упрекъ мѣстнымъ, т. е. иркутскимъ пишущимъ людямъ: «статьи этнографическія у насъ рѣдкость; мы больше склонны къ писанію à la Щедринъ (!); насъ все пороки людскіе занимаютъ; мы и Губернскія Вѣдомости старались-бы превратить въ газету сатирическую по преимуществу. А между тѣмъ въ интересахъ края не ощущается именно въ этомъ надобности, при избыткѣ сатирическаго элемента во всѣхъ почти журналахъ и газетахъ и въ особенности при существованіи газетныхъ корреспонденцій.

Не подлежитъ сомнѣнію, что большая часть Губернскихъ Вѣдомостей на длинномъ протяженіи 47 лѣтъ, отъ 1838 до 1885 года, представляетъ бумажный хламъ, обращенный практичными провинціалами на обертку салныхъ свѣчей и вяленой рыбы. Но въ общей громадной массѣ областныхъ вѣдомостей встрѣчаются весьма цѣнные номера, цѣнные именно для этнографа и историка. Перелистывая Губернскія Вѣдомости пятидесятихъ, шестидесятихъ и семидесятихъ годовъ въ петербургской публичной библіотекѣ, гдѣ, кстати замѣтить, только и можно отыскать за старыя годы Губернскія и разныхъ областей Вѣдомости, я довольно часто находилъ въ этихъ изданіяхъ драгоцѣнныя въ историческомъ отношеніи замѣтки. Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько примѣровъ.

Для историка русскихъ народныхъ вѣрованій интересно напечатанное въ 64 № « Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей » 1864 года донесеніе псковскаго уѣзднаго священника Яковлева 1783 года о поклоненіи крестьянъ его прихода соснѣ. Яковлевъ доносилъ псковской духовной консисторіи: « усмотрѣно де имъ въ Зачеренскомъ погостѣ, въ церковной оградѣ, на бую, близъ храма, за часовнею лежитъ спадшая великая похиловая сосна съ нѣсколькими на маковѣхъ струтѣвшими (?) сучьями, оберегаемая отъ прельщеннаго невѣжествующаго народа, чрезвычайною отмѣнностью почитаемая; на которую сосну отъ околностей собирающееся повсегда множество народа къ празднуемой іюля мѣсяца въ разныхъ числахъ Ильинской пятницѣ приносятъ обѣты свои слѣдующіе: шерсть, сыры, масло, хлѣбы, свѣчи, кои свѣчи на той соснѣ прилѣпленныя палятся, и иные капли съ тѣхъ свѣчъ собираютъ себѣ въ тряпочки и въ дома свои носятъ для незнаемыхъ выгодъ; иные отъ той сосны отламываютъ себѣ гнилушки и берутъ въ дома яко бы для излѣченія животныхъ отъ болѣзней ». По просьбѣ консисторіи, намѣстническое правленіе приказало военной командѣ срубить сосну и сжечь. Дополненіемъ къ этому документальному свидѣтельству о сохранившемся мѣстами поклоненіи народа деревьямъ можетъ служить корреспонденція изъ г. Славянска, напечатанная въ 174 № « Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей » 1880 года. « 3 іюля по нашему городу пронесся слухъ, говоритъ корреспондентъ, что будто въ саду одного мѣстнаго обывателя, близъ минеральныхъ водъ, появился какой-то мальчикъ въ красной шапочкѣ, трехъ четвертей росту. Мальчикъ этотъ будто-бы обладаетъ свойствами сверхъестественными; онъ, напримѣръ, внезапно является, внезапно исчезаетъ; для взрослыхъ онъ невидимъ. Последнее обстоятельство варьировалось, впрочемъ, различнымъ образомъ; говорили, что онъ является изъ дупла дерева и видимъ только мужчинами; другіе увѣряли, что онъ прыгаетъ по деревьямъ... Иные стали утверждать, что мальчикъ говоритъ; но говоритъ только съ другимъ мальчикомъ, сыномъ хозяйки сада. Последній мальчикъ 8—10 лѣтъ увѣряетъ cadaго, что онъ не одинъ разъ бесѣдовалъ уже съ чудеснымъ мальчикомъ въ красной шапочкѣ. 4 іюля къ мѣсту явленія мальчика хлынула масса любопытныхъ. Наши набожныя старушки начали уже таскать пироги къ дуплу дерева, клали деньги и восковыя свѣчи. Дерево срубили, въ дуплѣ ничего

не оказалось; но мальчиѣ, сынъ хозяйки, вѣняется, что онъ не одинъ разъ говорилъ съ чудеснымъ мальчикомъ. Показанія мальчика подтверждаетъ парень лѣтъ 18, который будто-бы видѣлъ однажды мальчика въ красной шапочкѣ и хотѣлъ поймать его; но тотъ внезапно исчезъ. Въ это время въ городѣ былъ уѣздный исправникъ, который посѣтилъ мѣсто происшествія». — Между донесеніемъ Яволева и корреспонденціей изъ Славянска лежитъ промежутокъ времени въ сто лѣтъ; одно извѣстіе идетъ изъ сѣверной Россіи, другое изъ Россіи южной, и однако какое поразительное сходство между ними! Въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ объ очевидномъ проявленіи языческихъ вѣрованій и языческихъ жертвъ, причемъ въ обоихъ случаяхъ обнаруживается вмѣшательство администраціи.

Значительное число небольшихъ статей и замѣтокъ о южно-русскихъ народныхъ повѣрчяхъ разбросано въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» пятидесятихъ годовъ. Такъ въ № 22 1859 г. Томиинъ приводитъ интересный народный рассказъ объ ужѣ. Ужа не слѣдуетъ трогать; въ противномъ случаѣ, если его обидѣтъ, онъ отомститъ. Въ доказательство мстительности ужа приводится слѣдующее: однажды мужикъ, поправляя свою комору, нашелъ подъ гнилымъ столбомъ яйца ужа, взялъ ихъ и спряталъ. Ужъ поползъ въ погребъ и напустилъ отраву въ молоко. Мужикъ не захотѣлъ уничтожать яицъ ужа и положилъ ихъ на прежнее мѣсто. Провѣдавъ объ этомъ, ужъ быстро поползъ въ погребъ и вывернулъ отравленное молоко на землю. Въ 23 № Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1859 г. П. С. Ефименко сообщаетъ нѣсколько народныхъ повѣрій о волкахъ, о томъ, что волки дѣлается по уздамъ, имѣютъ своего бога Палисуна и высшимъ управителемъ св. Георгія. «Святый Юръ звиря пасе».

Наплывъ историческаго и этнографическаго матеріала въ тѣ или другія Губернскія Вѣдомости является спорадически, по мѣрѣ того, какъ появляется тамъ или здѣсь страстный и вмѣстѣ свободный любитель археологіи и этнографіи. Такъ въ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ оставилъ въ этомъ отношеніи слѣды своего нахождения не удѣлъ извѣстный В. И. Аскоченскій, въ Черниговскихъ отмѣтилъ время своей тамъ службы А. М. Лазаревскій, въ Архангельскихъ записалъ годы своего заточенія П. П. Чубинскій, и т. д., и т. д.

Болѣе, кажется, этнографическаго, чѣмъ строго историческаго матеріала находимъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ,—множество загадокъ, пословиць и особенно пѣсенъ. Встрѣчается много описаній свадебныхъ обрядовъ. Такъ въ 23 и 24 №№ Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1880 годъ помѣщенъ весьма интересный этнографическій очеркъ свадебныхъ обычаевъ устюгскаго уѣзда. По какой-то счастливой случайности, въ библиографической литературѣ оказывается хорошій указатель напечатанныхъ въ Губернскихъ Вѣдомостныхъ статей о свадебныхъ обрядахъ. Указатель этотъ составленъ Якушкинымъ и носить названіе «Обычное право». Нужно замѣтить, что описанія свадебъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ грѣшатъ однообразнымъ изложеніемъ, пропускомъ важныхъ бытовыхъ подробностей и, за немногими исключеніями, пропускомъ пѣсенъ.

Что касается былевыхъ и семейно-родственныхъ пѣсенъ, напечатанныхъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, то между ними встрѣчаются искусственныя, ошибочно принятыя за пѣсни народныя; такова, напримѣръ, малорусская пѣсня: *Ой вышла зоря*, сообщенная Косменкомъ въ № 24 Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1861 г. Весьма дѣльное и основательное критическое и историко-литературное изложеніе пѣсенъ мы встрѣтили только въ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ конца 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ. Изложеніе это сдѣлано г. Новицкимъ. Такъ въ 87 № этихъ Вѣдомостей за 1867 г. находится пѣсня: *Родился Травинъ сынъ на чужинѣ самъ одинъ*, представляющая интересный вариантъ пѣсни о «Травинѣ сынѣ»; напечатанной позднѣе въ V т. «Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русской край». У Чубинскаго Травинъ сынъ косить въ степу одинъ. Онъ увидѣлъ табунъ лошадей, погналъ ихъ въ Ротмистровку и продалъ за сорокъ тысячъ. Наѣхали паны, поймали Травина сына, связали его, заковали въ цѣпи и отдали въ Черкасахъ въ солдаты. Въ вариантѣ, записанномъ Новицкимъ, Травинъ сынъ родился на чужбинѣ. Онъ имѣлъ «стадовья» (рѣдко встрѣчающееся малорусское слово), продалъ ихъ на базарѣ и собралъ много золота и серебра. Онъ сталъ громко звать своего брата. Его поймали, связали и въ тюрьму посадили. Неожиданно явилась дѣвушка съ черными глазами и серебряными ключами. Она выпустила заключенныхъ въ темницѣ, а Травина сына вывела за руку на улицу. Въ 76 № тѣхъ-же Вѣдомостей за

1871 г. Новицкій напечаталъ три варианта малорусской пѣсни о состязаніи коня съ орломъ, причемъ въ примѣчаніи пѣсня эта отнесена къ козацкому періоду южно-русской исторіи; въ 104 № напечатана пѣсня объ отравленіи брата сестрою и при этомъ указаны пункты сходства этой пѣсни съ пѣснями сербскими, чешскими и польскими. Г. Новицкій полагаетъ, что пѣсня объ отравленіи брата сестрою занесена въ Малороссію сербами въ XVIII ст. Въ 106 № г. Новицкій помѣстилъ 4 варианта пѣсни о женитьбѣ сына на матери и указалъ сходную сербскую пѣсню о Находѣ Симеунѣ. Вообще, малорусскія пѣсни, напечатанныя г. Новицкимъ въ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, замѣчательны какъ по содержанію, такъ и по остроумнымъ историко-литературнымъ примѣчаніямъ Новицкаго.

Не желая дѣлать настоящую статью обширной и спеціальной, прохожу молчаніемъ Минскія Губернскія Вѣдомости 1865 г., гдѣ напечатана масса бѣлорусскихъ народныхъ пѣсень, Черниговскія Губернскія Вѣдомости 1859 съ малорусскими пѣснями, собранными г. Ефименкомъ въ харьковской губерніи, Черниговскія Губернскія Вѣдомости 1861 г., гдѣ находится много малорусскихъ пѣсень, сообщенныхъ Лавренкомъ, Дорошенкомъ и Косменкомъ, Гродненскія Губернскія Вѣдомости 1868 г., гдѣ въ №№ 23—36 напечатаны бѣлорусскія пѣсни съ соблюденіемъ фонетическихъ особенностей; прохожу молчаніемъ также народныя загадки, напечатанныя Носомъ въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1861 г. Нельзя не сказать хоть двухъ словъ о сборникахъ пословицъ, напечатанныхъ въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1857 и 1859 гг. Шипацкимъ-Иличемъ и П. С. Ефименкомъ. Сборники эти очень маленькіе; но заслуживаютъ вниманія потому, что нѣкоторыя пословицы сопровождаются объясненіемъ. Есть, дѣйствительно, пословицы очень темныя, объясненіе которыхъ издателемъ со словъ народа необходимо, напримѣръ: «годуи мене до Ивана, а я зроблю съ тебе пана (хозяинъ долженъ кормить дома скотъ по крайней мѣрѣ до 19 апрѣля,—дня Іоанна Ветхопещерника); «Иванъ несе плахту, а Настя булаву» (историческая пословица, намекающая на слабохарактерность гетмана Скоропадскаго, которымъ помылка жена его Настасья); «мовчи видьма! каянська ты дочка!» (приводится народный рассказъ о происхожденіи вѣдьмъ отъ Канны); «що пьяна жинка, що скажена кишка, що зъ Баришполя чоловѣкъ—то все

одно» (Борисполь—мѣстечко переяславскаго уѣзда, полтавской губ., жители котораго отличаются задорливостью и страстью въ тяжбамъ).

Историко-литературный интересъ представляетъ малорусскій рассказъ о цыганѣ въ 29 № Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1859 г. У цыгана было денегъ всего одинъ шагъ, и вотъ онъ накупилъ на него хрѣну. Ёсть бѣдный, слезы изъ глазъ катятся, а онъ все улетааетъ хрѣнъ, приговаривая: «бачили чортови очи, що куповали». Подобнаго рода рассказъ, какъ извѣстно, легъ въ основаніе повѣсти Квитки-Основьяненка: «Пархимово сніданне».

Въ южно-русскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, харьковскихъ, черниговскихъ, полтавскихъ и др., находится довольно много историческаго, археологическаго и этнографическаго матеріала. Такъ, въ первомъ № Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1838 г. находится статья Квитки: «Краткое историческое свѣдѣніе о харьковской губерніи». Впослѣдствіи въ Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ были помѣщены статьи о харьковскомъ коллегіумѣ, о городищахъ, о В. Н. Каразинѣ, о Запорожьѣ. Въ 1853 г. г. Лазаревскій помѣстилъ въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ біографическую статью о замѣчательныхъ людяхъ Малороссіи. Въ 1855 г. Геннади напечаталъ въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ дополненіе къ этой статьѣ. Въ №№ 20—21 тѣхъ-же Вѣдомостей за 1859 г. появились добавочныя дополненія Григорія Милорадовича. Въ № 24 Милорадовичъ помѣстилъ списокъ иностранныхъ сочиненій о Малороссіи съ 1855 до 1857 г. Весьма важнымъ и любопытнымъ матеріаломъ для бытовой украинской исторіи представляются старинныя духовныя завѣщанія или «духовницы», помѣщенные г. А. Лазаревскимъ въ 19 № Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1857 г. Въ этихъ «духовницахъ» находится подробное перечисленіе предметовъ стариннаго домашняго быта, перечисленіе, бросающее яркій свѣтъ на домашнюю жизнь украинскаго панства конца XVII и начала XVIII ст. «Духовницы» интересны также съ историко-юридической точки зрѣнія. «Духовницы» начинаются длинными разсужденіями о кратковременности человѣческой жизни, а оканчиваются цѣлымъ громомъ проклятій противъ того, кто дерзнетъ нарушить выраженную въ духовномъ завѣщаніи волю умершаго. «А на остатокъ, говорится въ концѣ духовницъ, замыкаючи сей моею остатней воли тестаментъ, въ таковый способъ оный оба-

ровую: да будетъ проклятъ анаема и марапафа вшеяки въ якомъ колвекъ пунктѣ параграфѣ оный нарушитъ и да низверженъ будетъ силою Всевышняго Бога до ада преисподняго живо, и да постигнетъ его тутъ въ временномъ житіи казнь Вожія, а въ будущемъ пекельная да ожогнетъ его мука, каждого, кто только важитеметца оный нарушити >...

Черезъ три года исполнится пятидесятилѣтіе существованія Губернскихъ Вѣдомостей. Пятьдесятъ лѣтъ въ жизни органа печатнаго слова срокъ большой. Губернскія Вѣдомости сослужили свою просвѣтительную службу, да,—просвѣтительную. Нельзя не признать, что эти скромныя изданія вносили въ провинціальную глушь кое-какія свѣдѣнія о мірѣ и людяхъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ числѣ Губернскихъ Вѣдомостей встрѣчаются Вѣдомости хорошо поставленныя и разумно веденныя, такія напримѣръ содержательныя газеты, какъ Вѣдомости харьковскія, екатеринославскія и нѣкоторыя другія. Можно надѣяться, что редакціи Губернскихъ Вѣдомостей ознаменуютъ пятидесятилѣтній юбилей Вѣдомостей составленіемъ указателя ихъ содержанія за все пережитое ими время. Это было-бы прямой услугою наукъ. Въ настоящее время такихъ указателей нѣтъ или почти нѣтъ. Мы знаемъ только одинъ указатель,—къ Владимірскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ, составленный Тихонравовымъ, и слышали еще, что есть указатель Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, но о послѣднемъ только слышали. Указатель Тихонравова составленъ довольно хорошо и могъ-бы послужить до нѣкоторой степени образцомъ (находится въ петербургской публичной бібліотекѣ). Тотъ планъ и распорядокъ содержанія, по какому составленъ указатель содержанія Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, нуждается въ измѣненіи, въ расширеніи, согласно съ мѣстными, краевыми особенностями извѣстныхъ Вѣдомостей. Такъ нѣкоторыя Вѣдомости имѣли свою исторію, и потому не лишнимъ представляется сообщеніе при указателѣ краткой исторической записи.

Время отъ времени въ печати проходитъ слухъ, что Губернскія Вѣдомости въ скоромъ времени подвергнутся преобразованію. Тутъ могутъ быть предъявлены многія пожеланія и требованія, болѣе или менѣе основательныя, и въ числѣ такихъ требованій навѣрно крупное мѣсто займетъ требованіе приблизить Губернскія

Вѣдомости въ массѣ народной. Въ интересахъ этнографіи и исторіографіи вообще, въ особенности этнографіи и исторіи южно-русской, намъ представляется желательнымъ сохранить и, болѣе того, расширить тѣ требованія, которыя были заявлены и выражены въ правительственныхъ правилахъ при самомъ возникновеніи Вѣдомостей, именно требованія этнографическія, историческія и археологическія. Желательно, при этомъ, чтобы малорусскія преданія, пѣсни, заговоры, загадки, историческія сказанія, дневники и письма не были отвергаемы потому только, что изложены языкомъ того народа, среди котораго возникли и сохраняются. Въ строгой наукѣ факты или явленія жизни и слова, ихъ выражающія, неотдѣлимы одно отъ другаго, и полнота смысла и значенія открывается только въ ихъ внутреннемъ органическомъ соединеніи.

Н. Сумцовъ.

ПРЕБЫВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го ВЪ КІЕВѢ ВЪ 1816 Г.

Объ этомъ памятномъ Кіеву посѣщеніи его императоромъ Александромъ помѣщено было въ минувшемъ году въ «Русскомъ Архивѣ» извлеченіе изъ письма бывшаго тогда намѣстника кіевопечерской лавры, впоследствии архіепископа воронежскаго Антонія Смирницкаго, перепечатанное въ нѣкоторой части во всѣхъ почти газетахъ. Помимо того разсказывается объ этомъ-же посѣщеніи въ статейкѣ *Кіевской Старины*, помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ того-же года, подъ заглавіемъ: *Кіевскія Лѣтописныя Замѣтки XVIII и XIX ст.* Шестидневное пребываніе этого государя въ Кіевѣ (съ 7-го по 12-е сентября) описано Миславскимъ очень кратко. Но и это своего рода находка для лѣтописной исторіи Кіева. Ибо время съ 1812 по 1830 г. лишено лѣтописныхъ замѣтокъ о кіевскихъ событіяхъ и у Закревскаго, и у Сементовскаго. На основаніи записи Миславскаго исправляется напр. ошибка Аскоченскаго, который, упоминая вкратцѣ о пребываніи императора Александра 1-го въ Кіевѣ, между прочимъ говоритъ: «день 2-го сентября навсегда останется памятнымъ въ лѣтописяхъ кіевской академіи, т. е. вслѣдствіе посѣщенія ея Александромъ 1-мъ. Оказывается, что этотъ день былъ не 2-го сентября, а 11-го.

Любителямъ лѣтописной исторіи Кіева пріятно будетъ узнать, что существуетъ *подробное описаніе* пребыванія императора Александра въ Кіевѣ въ 1816 г. Мы нашли его лѣтомъ 1883 г. въ архивѣ одной изъ сельскихъ церквей подольской губерніи, именно въ селѣ *Слободо-Вербкѣ*, ольгопольскаго уѣзда. Туда занесъ его каковой-нибудь изъ старыхъ кіевскихъ студентовъ-академистовъ; ибо въ архивѣ томъ нашлись и проповѣди нѣкоторыхъ учителей старой кіевской академіи, напр. *Стефана Семьяновскаго*. Старый священникъ села *Слободо-Вербки* *Тома Новицкій*, коего бумаги преимущественно составляютъ архивъ церкви этого села, очевидно, имѣлъ сношенія съ кіевскою академіею. Самое *описаніе* это принадлежитъ, по всей вѣроятности, перу какого-нибудь кіево-академическаго учителя. Оно, кромѣ сообщенія многихъ подробностей пребыванія Александра 1-го въ Кіевѣ, интересно вообще для характеристики этого государя, особенно со стороны его *религіозности*, которая наложила на него свою сильную и неизгладимую печать послѣ великихъ событій *отечественной войны*. Къ сожалѣнію, рукопись *описанія* не вездѣ осталась въ цѣлости... Именно, въ концѣ, гдѣ описывается посѣщеніе государемъ кіевской академіи, чернила совсѣмъ поблекли—отъ сырости, и нельзя ничего разобрать. Впрочемъ видно, что до конца рукописи уже оставалось немного. Вотъ это краткое описаніе.

«Достоверное извѣстіе о вѣздѣ, пребываніи и выѣздѣ Его Императорскаго Величества изъ Кіева въ 1816 году.

7-го сентября, въ 4 часа по полудни, начался звонъ въ одинъ колоколъ въ лаврѣ, и митрополитъ во всемъ облаченіи съ архимандритомъ и двадцатью парами іеромонаховъ въ богатыхъ ризахъ вышли во святія врата, и ожидали Его Императорскаго Величества. Лишь только узнали, что Государь въ Красномъ трактирѣ остановился для обозрѣнія лавры съ той стороны Днѣпра,—вдругъ въ лаврѣ и во всемъ городѣ ударили во всѣ колокола. Всякая встрѣча со стороны военной и гражданской была запрещена. Его Величество ѣхалъ тихонько въ открытой дорожной коляскѣ съ княземъ Волконскимъ, въ шефскомъ конно-егерскомъ мундирѣ, и прибылъ къ святымъ лаврскимъ вратамъ въ совершенные сумерки. Колокольня и весь монастырь освѣщены были плошками, а у всѣхъ іеромонаховъ были въ рукахъ бѣлыя горяція большія свѣчи. Митрополитъ привѣтствовалъ Его Величество комплементомъ (рѣчью) и началось шествіе въ церковь,

освѣщенную всѣми, гдѣ только ни находятся, лампадами, при пѣніи всѣми духовными и пѣвчими стиха: *Днесъ благодать св. Духа насъ собра* и прочая. Приблизившись къ церковнымъ дверямъ, Государь отдалъ свою шпагу генераль-адъютарту Уварову и, положивши троекратные земные поклоны, приложился къ образу чудотворныя Богоматере и мощамъ, почивающимъ въ большой церкви, предводимъ будучи митрополитомъ; во время лобызанія пѣвчіе пѣли: *Достойно есть*, а по облобызаніи Государь сталъ не на приготовленномъ для него подлѣ праваго клироса тронѣ, но подлѣ онаго, и пропѣта эктенія малая и многолѣтіе.

Послѣ сего Государь поѣхалъ въ приготовленный для него домъ г. Оболенскаго, ибо дворецъ, хотя совершенно очищенъ и правленъ послѣ саксонцевъ, но какъ никто еще тамъ не жилъ, то и разсудили всѣ остановиться Государю тамъ, гдѣ и ангелоподобный братъ Его останавливался. Дорога отъ лавры до квартиры Государя была иллюминирована и дома всѣ.

8-го сентября, въ день рождества Божія Матере, Государь былъ въ разводѣ предъ дворцемъ. Весь генералитетъ пѣшкомъ, кромѣ верхами государя, графа Сакена, прибывшато на сей случай изъ Полтавы, графа Милорадовича, князя Волконскаго и ген. Уварова. Послѣ разводу Государь прибылъ въ Софійскъ въ 11 часовъ для слушанія литургіи. Встрѣченъ былъ въ колокольнѣ отъ митрополита комментомъ, архимандритами и знатнѣйшимъ духовенствомъ. Прибывши въ церковь, приложился къ иконамъ и почивающимъ мощамъ и слушалъ всю обѣдню, стоя почти неподвижно, кромѣ поклоненія при изображеніи креста. Обѣдня была пѣта вся напѣвомъ простымъ по присланнымъ книжкамъ изъ Синода,—пять человекъ Государевыхъ пѣвчихъ пѣли вмѣстѣ съ архіерейскими, справившись поутру: и самъ Государь, стоя подлѣ клироса, подпѣвалъ низко баскомъ. По окончаніи обѣдни, Государь осматривалъ митрополичью ризницу и удостоилъ его въ комнатахъ его—угощаемъ былъ богатымъ *столомъ*—завтракомъ. Толпа людей подлѣ дома архіерейскаго была чрезвычайна. Лишь только Государь сѣлъ въ коляску, вдругъ раздалось повсемѣстно: ура! Въ сей день Государь обѣдалъ у себя съ своимъ штатомъ. Въ вечеру Государь подѣ именемъ князя Волконскаго посѣтилъ невидящаго совершенно схимника въ лаврѣ *Вассіана* (что былъ нѣкогда казначеемъ въ академіи—*Вавила*) въ глубокія

сумерки; побесѣдовавъ съ нимъ предовольно, какъ поклонникъ, по самымъ словамъ Государевымъ, ищущій путей спасенія, просилъ дать ему исповѣдь, что и совершено, и потомъ созналъ свое имя. Туда въ 9 уже часовъ призванъ намѣстникъ лавры *Антоній Смирницкій* и удостоился говорить съ Государемъ по откровенности. Затѣмъ Государь удалился въ квартиру.

9-го сентября, въ 7 часовъ утра Государь изволилъ ходить по пещерамъ съ намѣстникомъ и казначеемъ только, да съ княземъ *Волконскимъ* и *Виле*, лейбъ-медикомъ, и благоговѣнно прикладывался ко всѣмъ мощамъ, разспрашивалъ о житіи всякаго святого съ удивленіемъ, како Господь удивилъ вся хотѣнія своя въ нихъ. По полудни въ часъ митрополитъ съ духовенствомъ допущенъ на аудіенцію: отъ академіи архимандриты—ректоръ и префектъ съ богато-оправленою одою; отъ лавры—старцы съ иконою, хлѣбомъ и книгами; отъ собора—протоіерей *Снигиревичъ* и ключаръ *Семяновскій* съ иконою и хлѣбомъ; отъ флоровскаго—монахини съ иконою и хлѣбомъ, и все принято было ласково. Къ вечеру у генерала корпуснаго *Раевского* былъ на балу, данномъ на большомъ государевомъ дворцѣ, и участвовалъ въ танцахъ съ хозяйкою Раевского, покойнаго *Прозоровскаго* женою и статсъ-дамою *Браницкою*.

10-го сентября за золотыми воротами, что на Старомъ Кіевѣ дѣлалъ смотръ тремъ полкамъ, гдѣ проходило войско два раза мимо его величества церемоніальнымъ маршемъ. Въ 11 часовъ изволилъ прибыть въ лаврскую большую церковь для слушанія литургіи, которую совершалъ митрополитъ; и приказано было отъ его величества пѣть обѣдню лаврскимъ напѣвомъ, и совершали одни монахи по обѣихъ клиросахъ, и Государю сіе пѣніе понравилось и утверждено навсегда для одной лавры. Государь въ сей день былъ въ полномъ генеральскомъ мундирѣ безъ всякихъ лентъ, кромѣ звѣзды и англійской подвязки, чему подражали всѣ генералы. Послѣ обѣдни, въ архіерейскомъ лаврскомъ домѣ Государь угощаемъ былъ богатымъ завтракомъ; но онъ, кромѣ одной рюмки шампанскаго и одного пирожка, ничего не употреблялъ. Митрополитомъ

выѣхалъ къ подольскимъ лавкамъ,

на флоровскомъ монастырѣ, былъ въ андреевской церкви и въ михайловскомъ монастырѣ. Послѣ обѣда Государь осматривалъ прежнюю крѣпость и арсеналь, а къ вечеру

былъ на балу, данномъ кievской губерніи дворянствомъ, въ красномъ мундирѣ, въ чулкахъ, башмакахъ и участвовалъ въ танцахъ съ княгинею Шуйскою и прежде сказанными дамами. Потомъ, уѣхавши изъ дому дворянскаго, призвалъ лаврскаго намѣстника въ кабинетъ свой, возложилъ на него брилліантами украшенный крестъ, равно поручилъ для доставки такой-же крестъ и схимнику, яко духовному своему отцу.

11 сентября въ 10 часовъ чрезъ полковника гвардіи посланы были митрополиту отъ Государя брилліантовыя знаки Андрея Первозваннаго и объявлено симъ полковникомъ, что Государь изволить быть въ академіи послѣ обѣда въ 4 часа. Предъ обѣдомъ осматривалъ Государь крѣпость, ходилъ часа четыре пѣшкомъ. былъ въ военномъ госпиталѣ...

Наступало вождельнное время посѣщенія его академіи

Сообщ. Левъ Мацѣвичъ.

СЛѢДЫ ПОСЕЛЕНІЯ ЗАПОРОЖЦЕВЪ ВЪ СВАНЕТІИ.

(Изъ письма въ редакцію).

Въ почтенномъ вашемъ изданіи за 1882 годъ, въ іюньской книжкѣ сдѣлано было крайне любопытное сообщеніе о живущихъ и въ настоящую пору въ Банатѣ потомкахъ запорожцевъ, неизмѣнно сохранившихъ свою вѣру, языкъ и обычаи, рѣзко отличающіе ихъ отъ окружающаго ихъ венгерско-сербскаго поселенія. Къ сожалѣнію, это сообщеніе, давая точныя свѣдѣнія о времени поселенія тамъ запорожцевъ и первоначальномъ ихъ устройствѣ и положеніи, содержитъ лишь слабыя и случайныя указанія на мѣсто нахождения и положеніе ихъ потомковъ. Тѣмъ не менѣе и эти указанія не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что подъ режимомъ цесарско-австрійскимъ и подъ гнетомъ венгерскимъ, совершенно изолированно, живутъ потомки вольныхъ запорожцевъ, лишь въ позднѣйшее время, къ немалому своему удивленію, узнавшіе о томъ, что невдалекѣ отъ нихъ, въ Галиціи находятся люди, говорящіе однимъ съ ними языкомъ и имѣющіе книги на томъ-же, природномъ и имъ языкѣ. Никто однако не взялся подробно изслѣдовать этотъ любо-

пытѣйшій оазисъ малорусской жизни въ мадыарско - нѣмецкой Сахарѣ.

Г. Кондратовичъ въ своемъ драгоценномъ изслѣдованіи о Сѣчи задунайской, помѣщенномъ въ вашемъ изданіи 1883 года, говоря, со словъ уцѣлѣвшаго 120 лѣтнаго запорожца Ананіи Коломыйца, о выселеніи запорожцевъ послѣ 1775 г. въ Турцію, Австрію и даже якобы и на островъ Мальту, ни словомъ не упоминаетъ о выселеніи ихъ въ какое-либо другое мѣсто, въ такую напр. неприступную, холодную горную страну, какова Вольная Сванетія, хотя, понятно, не за Дунаемъ можно было искать преданія объ этомъ. А между тѣмъ фактъ выселенія нѣкоторой части запорожцевъ въ Вольную Сванетію имѣетъ за собою нѣкоторыя основанія и при тщательныхъ поискахъ могъ-бы быть установленъ и болѣе прочно.

Не давно попали мнѣ въ руки Записки полковника Бартоломея, который еще при императорѣ Николаѣ Павловичѣ былъ командированъ въ Вольную Сванетію, съ цѣлію привлечь и ее въ такую-же зависимость отъ русской власти, въ какую уже приведена была Княжеская или Дадешкеліановская Сванетія. Записки эти изданы были отдѣльной книжечкой въ 90 стр. въ 8-ю долю листа, подъ заглавіемъ: «Поѣздка въ Вольную Сванетію полковника Бартоломея въ 1853 году». Въ самомъ концѣ обращенія къ читателю отъ редакціи и находится упоминаніе объ интересующемъ насъ предметѣ. Привожу его цѣликомъ.

«Оканчивая печатаніе сочиненія полковника Бартоломея, редакція получила отъ автора еще нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія и замѣчанія. «Тамъ, гдѣ я говорю, пишетъ намъ авторъ, о сходствѣ Дадаша Курбіани съ портретомъ одного изъ малороссійскихъ гетмановъ, слѣдуетъ дополнить, что мнѣ случалось слышать на Кавказѣ, будто въ Вольной Сванетіи, въ Муллакѣ, живутъ потомки запорожцевъ, бѣжавшихъ туда неизвѣстно въ какое время. На одной изъ старинныхъ картъ Кавказа я даже видѣлъ въ верховьяхъ Ингура надпись: *мулаки или запорожцы*. Но кромѣ случайнаго сходства Дадаша Курбіани, о которомъ я упомянулъ и которое, конечно, ничего не доказываетъ, въ муллаевскомъ обществѣ нѣтъ никакого признака, отличающаго здѣшнихъ сванетовъ отъ жителей прочихъ сванетскихъ обществъ въ верховьяхъ Ингура и Цхенисцхали».

Въ добавокъ къ этому отдаленному и недостаточно опредѣленному сообщенію мнѣ удалось получить на дняхъ новыя и болѣе рѣшительныя указанія на тотъ-же предметъ. Сынъ бывшаго владѣтельнаго князя Сванетіи Кукансинъ Дадешкеліани въ случайномъ разговорѣ о его родинѣ передавалъ мнѣ, что когда онъ поступалъ въ ставропольскую гимназію для обученія и ему попались на глаза въ Ставрополѣ какія-то картины, изображавшія малороссіявъ и запорожцевъ, то его, никогда не видавшаго этого племени, поразило сходство изображенныхъ лицъ въ костюмахъ и другихъ типическихъ особенностяхъ съ видѣнными имъ въ дѣтствѣ жителями трехъ сельскихъ обществъ, живущихъ и доселѣ въ Вольной Сванетіи, не подчинявшейся никакимъ князьямъ. Впослѣдствіи во время своихъ поѣздокъ по Сванетіи онъ посѣщалъ эти общества и на мѣстѣ получилъ отъ тамошнихъ жителей свѣдѣнія, что они не тамошніе аборигены, а вышли съ Кубани въ лицѣ своихъ предковъ. Вѣроисповѣданія они православнаго, но говорятъ языкомъ туземцевъ, а изъ обычаевъ у случайнаго туриста осталось въ памяти лишь обыкновеніе ихъ подбривать голову вокругъ и чубъ распускать по бритой уже головѣ. Общества эти: Мужальское, Мулакское и Местійское; всѣ члены ихъ называютъ себя выходцами съ Кубани.

Сопоставляя сообщеніе полковника Бартоломея, въ особенности его упоминаніе о названіи *запорожцы* на старинной картѣ Кавказа, съ тѣми свѣдѣніями, какія вскользь брошены кн. Дадешкеліани, нельзя не видѣть въ общей ихъ совокупности вѣснаго указанія на слѣды поселенія запорожцевъ въ Вольной Сванетіи. Можно сожалѣть, что ни тотъ, ни другой не занялись нарочитымъ и обстоятельнымъ наблюденіемъ надъ языкомъ, вѣрованіями, преданіями, обычаями и домашнимъ бытомъ членовъ названныхъ обществъ. Быть не можетъ, чтобы во всемъ этомъ не оказалось другихъ болѣе существенныхъ указаній на ихъ пришельство, если они сами считаютъ себя пришлецами. Впрочемъ князь Дадешкеліани собирается съ наступленіемъ лѣта вновь посѣтить свою родину, и я надѣюсь, что онъ не откажетъ моей просьбѣ нарочито побывать въ названныхъ выше поселеніяхъ и собрать обстоятельныя и подробныя свѣдѣнія объ ихъ происхожденіи и настоящемъ видѣ. Если въ нихъ дѣйствительно утратились всѣ признаки малорусской рѣчи, то это можно объяснить развѣ тѣмъ предположеніемъ, что сюда забрели

истые безсемеинные сѣчевики, что здѣсь они переженились на туземкахъ и что настоящее ихъ потомство произошло отъ смѣшанныхъ браковъ. Подобное перерожденіе, по словамъ очевидцевъ, постигаетъ не только единичныхъ русскихъ, попадающихъ въ Польшу и женящихся на полькахъ, но и переселяющихся туда семьями и обществами нѣмцевъ. Тутъ дѣло не въ культурѣ, а въ изолированности переселенцевъ отъ сродныхъ имъ элементовъ жизни и продолжительности воздѣйствія элементовъ иноплеменныхъ. Языкъ матери является въ такихъ случаяхъ главнымъ и рѣшающимъ факторомъ.

Г. Лебединецъ.

1 янв. 1885 г.
Уроч. Манглись.

А. О. КІОТЯКОВСКІЙ.

(Некрологъ).

Въ ночь съ 12 на 13 генваря совершенно неожиданно смерть вырвала изъ нашей среды, не богатой умственными силами и нравственными качествами, еще одну крупную научную и общественную силу, еще одного талантливаго и честнаго дѣятеля. Безжалостно унесла она въ могилу человѣка, еще полнаго умственныхъ силъ и энергіи, обѣщавшаго многое сдѣлать для русской науки, и унесла въ тотъ моментъ, когда онъ готовился подарить насъ рядомъ трудовъ по самымъ интереснымъ и для *ученаго* юриста, и въ особенности для историка, вопросамъ. Унесла она лучшаго, выдающагося изъ профессоровъ кіевскаго университета, одного изъ самыхъ симпатичныхъ людей, и оставила мѣсто, занимаемое Александромъ Федоровичемъ, какъ ученымъ, профессоромъ и человѣкомъ, пустымъ...

15 генваря, въ послѣдній разъ, но уже бездыханный оставлялъ Александръ Федоровичъ горячо любимый имъ университетъ. Тридцать съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ, вступалъ онъ въ него, въ качествѣ студента, исполненный надеждъ, богатый молодыми силами. и почти ни разу не оставлялъ уже его. Въ немъ онъ воспитался, въ немъ началъ и кончилъ свою учено-педагогическую дѣятельность, ему посвящалъ всецѣло все свои силы. Искренно и горячо предан-

ный своей родной almae matris, дорожившій ея успѣхами и процвѣтаніемъ, онъ не могъ и не рѣшался бросить ея, разорвать съ нею связи даже въ самыя тяжелыя для него лично дни, въ минуты тяжелыхъ испытаній, горькихъ разочарованій, трудной борьбы... Съ университетомъ связывали его юношескія воспоминанія, любовь глубокая къ родной ему странѣ.

Покойный былъ сынъ сельскаго священника черниговской губерніи и семинарскій курсъ ученія окончилъ въ 1853 г. двадцатилѣтнимъ юношей (род. 14 марта 1833 г.). Предъ нимъ открывались двери академіи, обезпеченная жизнь въ школѣ, а въ будущемъ, быть можетъ, карьера, но онъ рѣшился искать высшаго образованія въ храмѣ свѣтской университетской науки. Тяжело и неприглядно было то время, не мало способныхъ людей заглохло въ тогдашней атмосферѣ. Но Александръ Ѳедоровичъ, перенесшій тяжелую ломку въ бурсѣ, испытавшій ферулу ея съ малыхъ лѣтъ и не исковерканный ею, стумѣлъ и въ средѣ университетской сохранить тѣ нравственныя качества и начала, которыя онъ вынесъ изъ своей семьи, встрѣчалъ и въ окружавшей его съ дѣтства простой крестьянской средѣ. Глубокая, искренняя привязанность къ родной семьѣ не исчезала въ немъ до послѣднихъ минутъ жизни, глубокое уваженіе къ отцу высказывалось Александромъ Ѳедоровичемъ и потомъ, въ поздніе годы, и выразилось внѣшне въ посвященіи ему одной изъ научныхъ работъ. Ту-же привязанность, ту же горячую любовь сохранилъ онъ и къ народу, съ которымъ связывали его воспоминанія дѣтства.

Два года спустя по вступленіи А. Ѳ. въ университетъ (на юридическій факультетъ), стало обозначаться новое движеніе, въ обществѣ, занималась заря ипой, невиданной жизни, и уже на студенческой скамьѣ его увлекла за собой волна новаго движенія, зародившая въ немъ новыя стремленія и еще болѣе укрѣпившая его нравственныя начала. Любовь къ народу, вопросы о его свободѣ и дальнѣйшей судьбѣ каждаго волновали умъ юнаго студента, страстное желаніе видѣть господство началъ права и справедливости,—этого девиза всей послѣдующей жизни Александра Ѳедоровича,—преданность общимъ интересамъ, хотя-бы и вопреки личнымъ выгодамъ, уже и тогда, и даже въ рѣзкой формѣ, проявлялась въ немъ. Лица, близкія къ нему, уже тогда подмѣчали, съ какимъ увлеченіемъ онъ

относился къ интересамъ товарищей, къ вопросамъ общественной жизни, съ какимъ упорствомъ и горячностью проводить и отстаивалъ свои убѣжденія, несмотря на личныя послѣдствія. То было проявленіемъ юношескаго увлеченія, но Александръ Федоровичъ сумѣлъ сохранить эти качества и до самой смерти. Одна черта его нравственнаго характера уже и на студенческой скамьѣ бросалась въ глаза: это—симпатическое отношеніе къ человѣку, любовь къ нему, вѣра въ него, вѣра въ то, что самый дурной человѣкъ способенъ исправиться, что въ немъ всегда рядомъ съ дурными существуютъ и хорошія стороны, что его проступки—временное заблужденіе—черта, не утраченная Александромъ Федоровичемъ и въ послѣдующіе годы, на аренѣ дѣйствительной жизни. Человѣконенавистничество и тогда, и позже, было ему чуждо, просто непонятно. Человѣкъ пятидесятихъ годовъ, онъ представлялъ изъ себя одну изъ тѣхъ цѣльныхъ, нераздвоенныхъ натуръ, по которымъ не прошелъ разрушающій вихрь скептицизма и отчаянія, натуръ, нерѣдко встрѣчавшихся въ то время и составляющихъ сильный контрастъ съ людьми послѣдующаго времени.

Эта цѣльность природы, эта вѣра въ человѣка, человѣчество и будущее, которая не оставляла его въ самыя тяжелыя минуты жизни, эта сила и искренность убѣжденій, и дѣлали Александра Федоровича прочнымъ и устойчивымъ противъ невзгодъ, не допускали его отступать отъ разъ усвоенныхъ убѣжденій.

«Задача юриспруденціи, высказалъ однажды Александръ Федоровичъ, состоитъ въ томъ, чтобы раскрыть основныя начала человѣческаго правосудія и *справедливости*. Тотъ не судья, кто не воодушевленъ мыслию, что онъ въ своей дѣятельности долженъ, насколько возможно для человѣка даннаго общества, стремиться при дѣйствующихъ законахъ къ осуществленію *идеала справедливости*; тотъ не достоинъ имени юриста, кто поставитъ задачей своей дѣятельности только одинъ успѣхъ внѣшній, матеріальный, личный, торжество во чтобы-то ни стало своей стороны, съ забвеніемъ началъ права, которыя въ концѣ концовъ суть начала справедливости,—съ поправленіемъ посредствомъ уловокъ, изворотовъ, софизмовъ того, что совѣсть человѣческая издавна признала справедливымъ и истиннымъ. Воплощеніе въ мірѣ человѣческомъ идеи справедливости путемъ дѣятельности практическаго юриста способствовать

въ высокой степени благосостоянію и процвѣтанію человѣческихъ обществъ, возвышенію ихъ индивидуальной и общественной морали, водворенію лучшихъ способовъ общежитія и человѣческихъ отношеній. Напротивъ, правосудіе, не воодушевленное идеею справедливости, не руководящееся принципами, равнодушное къ добру и злу, погрязшее въ одномъ только лишенномъ духа формализмѣ, въ казуистикѣ, уловкахъ и тонкихъ хитросплетеніяхъ, бываетъ источникомъ большихъ общественныхъ бѣдствій, задерживаетъ развитіе истинно нравственныхъ, справедливыхъ и возвышающихъ общественное благосостояніе отношеній». Въ этихъ словахъ—полное и настоящее profession de foi Александра Федоровича. Правда, они были произнесены по одному частному случаю, касаются лишь одной изъ сферъ общественной дѣятельности,—судебной, но то, что сказано имъ было въ 1880 г., при открытіи засѣданій юридическаго общества, повторялось имъ много разъ и раньше по разнымъ другимъ случаямъ, въ отношеніи къ другимъ сферамъ и сторонамъ жизни. Кто встрѣчалъ Александра Федоровича еще юнымъ человѣкомъ, въ скромномъ званіи домашняго учителя, вскорѣ по выходѣ его изъ университета въ 1857 г. (у М. А. Маркевича), кто видѣлъ и сталкивался съ нимъ, простымъ чиновникомъ сначала сената, а потомъ департамента министерства народнаго просвѣщенія (съ 1858 по 1863 г.), кто зналъ его въ Кіевѣ въ первые годы пребыванія его здѣсь (съ 1863 г.), когда онъ проходилъ цѣлую лѣстницу ученыхъ степеней отъ кандидата (1863) до доктора (1868) включительно, тому не разъ приходилось слышать такіа-же рѣчи и мнѣнія, дышавшія всегда тономъ глубокаго и искренняго убѣжденія. Убѣжденіе въ высококомъ значеніи и силѣ идеи справедливости Александръ Федоровичъ вынесъ еще съ студесческой скамьи, хранилъ и поддерживалъ въ теченіе всей своей жизни и могъ сказать съ полнымъ правомъ, что не измѣнялъ ему никогда. Онъ не зналъ, что такое честолюбіе, не искалъ почестей и съ постояннымъ усердіемъ проводилъ вездѣ, гдѣ могъ, чистую идею правды. Проводилъ онъ ее и на каедрѣ, и въ частныхъ бесѣдахъ, и въ ученыхъ трудахъ, и въ публицистическихъ статьяхъ, и въ рефератахъ, читанныхъ имъ въ кіевскомъ юридическомъ обществѣ, и наконецъ въ собственной жизни. Лицамъ, знавшимъ его близко, либо дѣйствовавшимъ вмѣстѣ съ нимъ, не разъ приходилось видѣть, какъ горячо

отставлялъ онъ то, что считалъ справедливымъ, съ какою энергією, а иногда и забвеніемъ своихъ личныхъ интересовъ заступался онъ за тѣхъ, кто представлялся ему несправедливо обиженнымъ или оскорбленнымъ, защищалъ тѣхъ, чьи труды подвергались несправедливымъ нападкамъ, злобой и, по его мнѣнію, несправедливой критикѣ. И это не только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ шло дѣло объ его друзьяхъ... Будущему исторнику университета прійдется не разъ помянуть въ этомъ смыслѣ покойнаго, какъ прійдется помянуть его и тогда, когда рѣчь пойдетъ о лучшихъ членахъ университета, выдающихся научныхъ его силахъ, которые, благодаря его личнымъ усиліямъ, достигли университетской каѳедры. Здѣсь, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, Александръ Федоровичъ является уже какъ дѣятель науки, какъ защитникъ ея интересовъ.

Но не одни нравственно-общественные идеалы вынесъ Александръ Федоровичъ изъ любимаго имъ университета. Еще на студенческой скамьѣ приобрѣлъ онъ здѣсь любовь къ наукѣ, къ научнымъ занятіямъ, къ тому научному труду, который постепенно создалъ ему почетное положеніе въ русской наукѣ. Еще здѣсь зародились въ немъ нѣкоторыя изъ тѣхъ научныхъ тенденцій, которыя не позволили ему сдѣлаться зауряднымъ, цеховымъ ученымъ, погрузиться въ узкую сферу изученія исключительно правовыхъ отношеній самихъ въ себѣ, безъ отношенія ихъ къ жизни, къ окружающей обстановкѣ. Въ средѣ тогдашнихъ профессоровъ, въ лицѣ покойнаго Иванишева, къ которому Александръ Федоровичъ не переставалъ питать чувства глубокаго уваженія, какъ къ выдающемуся русскому ученому дѣятелю, онъ встрѣтилъ рѣзко отличавшагося отъ цеховыхъ юристовъ, профессора-человѣка юриста, который стремился перенести изученіе права на *научную* историческую почву и одинъ изъ немногихъ мечталъ о разработкѣ вопросовъ исторіи права помощью сравнительно-историческаго метода. Вліяніе Иванишева сказалось уже рано на Александрѣ Федоровичѣ, и молодой юристъ-студентъ ревностно изучалъ не только право, но и чуждыя тогда юридическому факультету науки: всеобщую исторію и политическую экономію.

Не переставая быть юристомъ, не переставая интересоваться юридическими вопросами самими по себѣ, но съ той точки зрѣнія,

которая составляла его profession de foi, Александръ Федоровичъ, усиленно работавшій по выходѣ изъ университета въ императорской публичной библиотекѣ, старался всегда находить объясненіе нормамъ и институтамъ права въ ихъ историческомъ развитіи. Уже въ первые годы своей ученой дѣятельности, къ которымъ относятся первый его статьи по уголовному праву (объ уголовномъ судопроизводствѣ въ Англіи 1860 г.), онъ обнаружилъ свои историко-юридическія наклонности въ своей небольшой, но и до сихъ поръ цѣнной статьѣ объ исторіи крѣпостнаго права въ Малороссіи (въ 1861 году). Въ этой полно, обстоятельно и съ большимъ знаніемъ дѣла написанной статьѣ онъ далъ первый и весьма удачный опытъ той исторіи, которую нѣсколько позже, на основаніи новыхъ данныхъ, разработалъ А. М. Лазаревскій въ своей книгѣ «О посполитыхъ». Наклонность къ изслѣдованію вопросовъ права на исторической почвѣ получила еще большее развитіе, болѣе яркое выраженіе въ томъ трудѣ Александра Федоровича, который создалъ ему сразу высокое положеніе въ научномъ мірѣ, именно въ его «Изслѣдованіи о смертной казни» (Кіевъ 1867 года). «Взявшись за изслѣдованіе этого предмета, заявилъ авторъ въ предисловіи, я обратилъ большую часть вниманія и работы на историческую сторону смертной казни, на связь этого наказанія съ общественнымъ и умственнымъ развитіемъ человѣка». И это была не обыденная фраза съ его стороны: какъ-бы мы не относились къ тѣмъ общимъ выводамъ и заключеніямъ Александра Федоровича относительно послѣдовательныхъ примѣненій, чрезъ которыя прошло развитіе смертной казни, для каждаго знакомаго съ его трудомъ несомнѣнно, что онъ имѣетъ дѣло съ недюжиннымъ изслѣдователемъ, съ глубокимъ знатокомъ своего дѣла. Болѣе того: читающій наталкивается здѣсь на ученаго, понявшаго вполне, что изучать кодексы прошлаго можно и должно не такъ, какъ изучаемъ мы современные кодексы, а съ иной научно-исторической точки зрѣнія, что юристу мало знать тѣ или другіе писанные законы, но необходимо знать обычаи и воззрѣнія и первобытныхъ, дикихъ народовъ, и народныхъ массъ вообще.

Эта точка зрѣнія, которой придерживался Александръ Федоровичъ въ своемъ трудѣ «О смертной казни», являющемся первымъ опытомъ исторіи смертной казни не въ одной только русской

литературѣ, была всегда основною и неизмѣнною во всѣхъ чисто научныхъ его работахъ. Она привела его и къ тому ряду работъ по обычному праву, которыя остались, къ сожалѣнію, не оконченными. Тѣмъ не менѣе его труды въ этой области (изслѣдованія о волостныхъ судахъ, о цензурѣ правовъ у народа и т. д.) составили крупный вкладъ въ науку, а его заботы о собираніи этого рода матеріала, составленная имъ программа для собиранія юридическихъ народныхъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву, возбудили общее вниманіе. За такіе труды свои Александръ Ѳедоровичъ избранъ былъ членомъ императорскаго русскаго географическаго общества и награжденъ отъ того-же общества серебряною медалью. Въ то же время, въ признаніе ученыхъ заслугъ Александра Ѳедоровича въ той-же области, московское общество любителей естествознанія, антропологии и этнографіи избрало его своимъ дѣйствительнымъ членомъ. Но Александръ Ѳедоровичъ не только работалъ самъ лично, но своимъ вліяніемъ возбуждалъ къ работамъ такого-же рода и другихъ, старался создать цѣлую школу работниковъ въ важной области изученія народныхъ обычаевъ и народнаго обычнаго права (часть трудовъ напечатана была въ «Университетскихъ Извѣстіяхъ» кievскаго университета) и для болѣе быстрой и усиленной разработки матеріаловъ этого рода создалъ при кievскомъ юридическомъ обществѣ специальное отдѣленіе обычнаго права. Благодаря усердной и постоянной своей дѣтельности, Александръ Ѳедоровичъ успѣлъ скопить массу матеріала по обычному праву и началъ даже разработку его, когда смерть прервала драгоцѣнные его труды...

Исторія Малороссіи и сама по себѣ, внѣ специально научныхъ цѣлей сравнительнаго изученія права, нашла въ лицѣ Александра Ѳедоровича не менѣе усерднаго и плодovitаго работника. Достаточно упомянуть изданный имъ сборникъ Малороссійскихъ правъ, его изслѣдованіе по исторіи этого права, столь мало извѣстнаго до него, чтобы оцѣнить тѣ заслуги, которыя онъ и въ этой области оказалъ наукѣ.

Намъ долго пришлось-бы говорить, если-бы мы стали перечислять въ подробности все то, что сдѣлано уже для науки покойнымъ А. Ѳ. и что предполагалъ онъ сдѣлать. Полная оцѣнка его трудовъ—дѣло исторіи; но можно и теперь уже сказать, что во всѣхъ тѣхъ

сферахъ знанія, въ которыхъ работалъ онъ, имя его останется навсегда въ русской наукѣ. Уже и при жизни ученые заслуги Александра Ѳедоровича были единогласно признаны всѣми выдающимися дѣятелями науки въ Россіи. Избраніе его почетнымъ членомъ московскаго юридическаго общества, почетнымъ членомъ двухъ русскихъ университетовъ, сосредочивающихъ въ себѣ наиболѣе видныхъ дѣятелей въ области науки, одно уже говоритъ за то, съ какого рода научною силою мы имѣли дѣло въ лицѣ Александра Ѳедоровича. Смерть его въ самомъ разгарѣ его научной дѣятельности является, поэтому одному уже, крупною и трудно вознаградивимою потерю.

Научный авторитетъ Александра Ѳедоровича, его личные качества, та постоянная, неустанная дѣятельность, которую обнаруживалъ онъ и какъ ученый, и какъ членъ юридическаго общества, не говоря уже о другихъ сторонахъ его жизни и дѣятельности, легко объясняютъ то отношеніе, то глубокое уваженіе къ нему интеллигентнаго общества, которыя ярко сказались въ тотъ день, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что этого выдающагося дѣятеля науки не стало.

Похороны А. Ѳ. Кистяковскаго не были похоронами зауряднаго человѣка, не были они и простымъ выполненіемъ долга, обязанности, но были яркимъ выраженіемъ сознанія той горестной утраты, которую въ лицѣ покойнаго понесла наука.

14 января при громадномъ стеченіи публики, состоявшей изъ лицъ самыхъ разнородныхъ сферъ дѣятельности: профессоровъ, учителей, членовъ судебнаго міра, студентовъ и т. д., тѣло Александра Ѳедоровича было вынесено изъ его дома на рукахъ его бывшихъ товарищей и учениковъ въ университетскую церковь. 15 числа въ зданіи университета, въ университетской церкви совершенно отпѣваніе дорогаго и уважаемаго покойника. Все время службы церковь и корридоръ подлѣ нея были запружены толпою, чрезъ которую поминутно и съ большимъ трудомъ протискивались лица, приносяшія вѣнки, эту послѣднюю дань уваженія покойнику. Вскорѣ вѣнки покрыли весь гробъ. Тутъ были вѣнки отъ ученыхъ обществъ: общества пр. Нестора Лѣтописца, московскаго и кіевскаго юридическихъ обществъ, уважаемымъ и полезнѣйшимъ членомъ которыхъ былъ Александръ Ѳедоровичъ, масса вѣнковъ отъ бывшихъ

его слушателей и учениковъ и отъ студентовъ всѣхъ факультетовъ, вѣнки отъ присяжныхъ повѣренныхъ, отъ чиновниковъ канцеляріи 2-го гражданскаго отдѣленія кіевскаго окружнаго суда, отъ рубежовской колоніи малолѣтнихъ преступниковъ и т. д., и т. д. Въ половинѣ перваго часа окончилось отпѣваніе; началось послѣднее прощаніе съ покойнымъ. Снова поднять оупъ былъ руками товарищей и слушателей и вынесенъ изъ церкви на парадный выходъ изъ университета. Въ предверьи университета гробъ былъ поставленъ, чтобы можно было сказать послѣднее «прости» покойному; всякій чувствовалъ, что не одно лишь тѣло многолѣтняго дѣятеля науки выносилъ изъ своего зданія университетъ. Огромныя массы почитателей покойнаго толпились вездѣ и кругомъ. Оупъ наполняли всю громадную переднюю университета, обѣ широкія лѣстницы, ведущія къ большой актовому залу университета, скрывались отъ глазъ стоявшихъ внизу въ корридорахъ верхняго этажа. Въ простомъ гробу, въ простомъ костюмѣ лежалъ этотъ дорогой дѣятель съ спокойнымъ лицомъ, застывшимъ въ ту минуту, когда мысль его неслась въ залу суда присяжныхъ. Послѣднее слово ему сказалъ отъ лица университета проф. Тальбергъ, ученикъ и преемникъ его по кафедрѣ, воздавъ должное заслугамъ и трудамъ покойнаго. Похоронное шествіе тронулось, направляясь къ самому скромному изъ кіевскихъ кладбищъ, къ Байковой горѣ. Все время длиннаго пути покойнаго несли на рукахъ, катафалкъ слѣдовалъ пустымъ до самой могилы. Процессія растянулась болѣе чѣмъ на полверсты: за хоругвями и крестами слѣдовалъ хоръ пѣвчихъ, шли факельщики, тянулся длинный рядъ представителей разныхъ учрежденій съ вѣнками въ рукахъ, шель второй хоръ, сформировавшійся экспромптомъ на пути изъ любителей, а съ боковъ и сзади гроба, во всю ширину улицъ, колыхалась трехтысячная масса сопровождавшихъ, главнымъ образомъ изъ лицъ учебнаго и вообще интеллигентнаго міра. Около 3-хъ часовъ похоронная процессія достигла Байковой горы, гдѣ въ уютномъ и отдаленномъ уголѣ вырыта была простая яма близъ могилы матери покойнаго, по его личному желанію.

Три рѣчи произнесены были у могилы: проф. В. Б. Антоновича, пишущаго эти строки и рѣчь П. И. Жытецкаго, прерванная рыданіями. Среди родной семьи и друзей пропѣли въ послѣдній разъ

«вѣчную память». Гробъ былъ опущенъ въ могилу, и чрезъ нѣсколько минутъ земля навсегда раздѣлила покойнаго съ тѣмъ міромъ, который онъ такъ любилъ и отъ котораго такъ часто страдалъ.

Честнаго человѣка, выдающагося ученаго, любимаго учепиками профессора—не стало!

И. Лучицкій.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢЩЕНІЕ.

Съ новаго года періодическая печать въ Галиціи увеличилась однимъ органомъ, возникшимъ въ наиболѣе глухомъ и отдаленномъ ея уголкѣ: въ Черновцахъ, столицѣ маленькой Буковины, стала выходить два раза въ мѣсяць русинская газета, посвященная исключительно народнымъ дѣламъ и интересамъ. Въ первомъ номерѣ «Буковины», редація состоящая, какъ видно, изъ кружка мѣстныхъ патріотовъ, высказываетъ въ такихъ словахъ свой взглядъ на задачи и значеніе политическихъ органовъ, желающихъ служить народу: «газеты должны быть зеркаломъ нашей духовной жизни, голосомъ нашихъ желаній и мѣстомъ обмѣна нашихъ мыслей и думъ. Въ нихъ должны мы встрѣчать совѣтъ и утѣшеніе на всѣ наши душевныя боли—отъ нашихъ учителей, наставниковъ, голосъ которыхъ научилъ-бы насъ жить полнотою народпой жизни, хранить и оберегать нашу народную честь и пробуждалъ-бы въ насъ народное самосознаніе. Ихъ голосъ долженъ скликать насъ на борьбу съ неправдой и на смѣлое отстаиваніе справедливости и предоставленныхъ намъ законныхъ правъ». Единственною цѣлью, которую ставить себѣ газета—это «способствовать тому, чтобы буковинскій русскій народъ сталъ на равную степень моральнаго и духовнаго развитія съ остальными народами австрійской монархіи и вступилъ равноправнымъ членомъ въ общую жизнь страны».

Въ статейкѣ о сеймовыхъ выборахъ и господствующихъ на нихъ порядкахъ газета горько жалуется на отсутствіе въ сеймѣ, не смотря на предоставленную закономъ возможность, истинно мѣстныхъ представителей. Съ 1868 года въ сеймѣ не засѣдаетъ ни одинъ русинъ. Объясненіе этого факта авторъ статьи видитъ въ томъ, что ближе къ 1848 году еще жива была въ народѣ память о крѣпостномъ правѣ и онъ относился съ недовѣріемъ ко всѣмъ обществен-

нымъ элементамъ, чуждымъ крестьянству. Но когда черезъ 20 лѣтъ у него явилась своя интеллигенція, то онъ привыкъ въ «сюртучникамъ», принимая ихъ всѣхъ за происходящихъ изъ подъ сельской «стрѣхи». Передъ выборами всѣ эти господа объявляютъ себя русскими, обѣщаютъ стоять за учрежденіе русской гимназіи въ Коцмани и т. п. и задаютъ угощеніе народу. Главная причина неудовлетворительности буковинскаго представительства—народное легвовѣріе, оружіе противъ этого зла—просвѣщеніе.

Особая рубрика заключаетъ въ себѣ обзоръ дѣятельности русскихъ буковинскихъ обществъ. Въ Черновцахъ ихъ нѣсколько: «руска Бесѣда» (библіотека и клубъ), драматическое общество, русский народный домъ, академическій союзъ и мѣщанская читальня. Изъ этихъ обществъ «Союзъ» собирается въ нынѣшнемъ году праздновать десятилѣтіе своего существованія изданіемъ литературнаго альманаха.

Въ «Мелкихъ Извѣстіяхъ» встрѣчаемъ новости объ успѣхѣхъ народнаго дѣла въ Галиціи: близкомъ открытіи школы въ Львовѣ съ обученіемъ на мѣстномъ языкѣ, учрежденіи тамъ-же пѣвческаго общества, благопріятныхъ для русиновъ распоряженіяхъ министра торговли Пино на галицкихъ желѣзныхъ дорогахъ и т. п.

Но чисто литературный интересъ обѣщаетъ сообщать газетѣ участіе извѣстнаго, талантливаго беллетриста Осипа Федьковича. Въ настоящемъ номерѣ помѣщенъ его очеркъ «Сафатъ Зиничъ», вышедшій въ собраніе его повѣстей, вышедшее въ 1874 году въ Кіевѣ, но, вѣроятно, еще неизвѣстный на родинѣ писателя. Федьковичъ въ галицкой да и во всѣхъ славянскихъ литературахъ представляетъ совершенно своеобразное явленіе. Никто лучше его не владѣетъ искусствомъ развернуть на двухъ-трехъ страничкахъ текста цѣлую бытовую драму, дать въ этихъ крошечныхъ рамкахъ отличающуюся глубиной бытовую картину. Это настоящій «мапьятуристъ» блестящей поры искусства, особенно интересный тѣмъ, что въ его талантѣ, какъ въ фокусѣ, сосредоточиваются типичныя черты народности, къ которой онъ принадлежитъ. Возвращеніе его на литературную арену нельзя поэтому не привѣтствовать истиннымъ сочувствіемъ.

Г.

У2 AUG 29

ЕЖЕМЕСЯЧНОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛЪ
МАРТЪ.
1885 г.

Кіевъ.

Въ типографіи Г. Т. Корчанъ-Новицкаго.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

Мартъ, 1885 г.

	СТР.
I. РЕЛИГИОЗНО-МИОИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ МАЛОРУССКОЙ СВАДЬБЫ. Н. О. Сумцова	417
II. ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. (<i>Продолженіе</i>)	437
III. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ. (<i>Продолженіе</i>). Н. М.	465
IV. БАПТИЗМЪ ИЛИ ШТУНДА ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ. П. Л—ва.	500
V. ЕЩЕ ЩЕПОТКА НА МОГИЛУ ШЕВЧЕНКА. О. Каминскаго.	519
VI. КЪ ИСТОРИИ КОЛОНИЗАЦІИ НОВОРОССІИ.	501
VII. УНИВЕРСАЛЪ ЧЕРНИГОВСКАГО ПОЛКОВНИКА ЛИЗОГУБА 1690 Г. (Въ разрѣшеніе земельныхъ притензій польской шляхты, изгнанной въ Черниговщины при Хмельницкомъ)	529
VIII. СУПЛИКА, АБО ЗАМЫСЛЪ НА ПОПА	543
IX. БИБЛЮГРАФІЯ: а) Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 году. Издалъ Л. Майковъ. С.-Петер- бургъ. 1884 г.—Н. О. Сумцова.—б) Харьковскій календарь и па- мятная книжка на 1885 г. Изданіе харьк. губ. статист. комитета.— Дм. Багалъя.—в) О первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода. І. Сенигова. Спб. 1884 г.—П. Голубовскаго.—г) Писцовыя книги пинскаго и клецкаго княжества. Изданіе виленской археографической комиссіи. Вильна. 1884 г.—И. Каманина	551
X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ статьѣ г. Берхина „О посольствахъ Владимира св. для испытанія вѣрѣ“.—П. Голубовскаго.—б) Архе- ологическія находки въ гомельскомъ уѣздѣ моголевской губерніи.—А. Лоначевскаго—в) Гегманскій городъ.—В. Е. Бучневича.—г) Вул- канъ въ Тавридѣ въ концѣ XVIII ст.—Сообщ. С. Н. И.—д) Кіевъ въ 1799 году.—В. Горленка.—е) Малоруская историческая ша- рада.—ж) Евгений Желеховскій. (Некрологъ).—з) Журнально-газетныя статьи и матеріалы по южно-русской исторіи.—О. Н.	569
XI. ДБЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) (<i>Продол- женіе</i>).	129—144
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1885 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8.—Оставшееся незначи- тельное число экземпляровъ журнала за 1882, 1883 и 1884 гг. высы- лается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ ХІ.

МАРТЪ.

1885 г.

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Київъ, 27-го февраля 1885 года.

РЕЛИГИОЗНО-МИФИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МАЛУРУССКОЙ СВАДЬБЫ.

Къ торжественнымъ днямъ бракосочетанія приурочено множество разнообразныхъ повѣрій, примѣтъ, пѣсенъ, обрядовъ и поговорокъ, въ совокупности выражающихъ не только общую психологию, свойственную всѣмъ народамъ на опредѣленной ступени образованія и культуры, но и психологию опредѣленнаго народа, напримѣръ, малорусскаго, великорусскаго, польскаго, другими словами, обрисовывающихъ въ совокупности то особое направленіе духовной дѣятельности народа, которое обусловлено всей бытовой его обстановкой, особенностями климата, почвы, труда. Свадьба въ цѣлости, со всѣми своими религіозно-мифическими, религіозно-христіанскими, юридическими и житейски-бытовыми чертами, служить довольно полнымъ и весьма яркимъ проявленіемъ личности народа, какъ живаго организма, выраженіемъ его матеріальной и соціальной развитости и культуры.

Свадебные обряды и пѣсни давно уже обратили на себя вниманіе ученыхъ разныхъ специальностей, и литература предмета представляется громадной.

Истории быта останавливаются на свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ въ силу того обстоятельства, что нѣкогда свадьбы завязывали узелъ общности, поддерживали ее и развивали, содѣйствовали сближенію людей на почвѣ общей молитвы и общаго веселья, вообще были однимъ изъ главныхъ двигателей древней гражданственности.

Археологи и миѳологи рассматриваютъ свадебные обряды, какъ достопримѣчательныя ископаемыя народнаго быта или какъ нуждающіеся въ научномъ разъясненіи символы обоготворенія внѣшнихъ силъ и явленій природы.

Исслѣдователи словеснаго народно - поэтическаго творчества стремятся или, по крайней мѣрѣ, начинаютъ стремиться къ сравнительно-критическому исслѣдованію свадебныхъ пѣсенъ, съ цѣлью опредѣлить ихъ внутреннее единство и пути распространенія и затѣмъ указать на связь свадебныхъ пѣсенъ съ колядками, заговорами, загадками и сказками.

Этнографы съ живымъ интересомъ относятся къ свадебнымъ пѣснямъ и обрядамъ на томъ основаніи, что въ нихъ просвѣчиваютъ краевыя особенности русскаго народнаго духа. Въ странѣ столь обширной, какъ Россія, областная жизнь въ прошломъ и настоящемъ должна представлять немало разнообразія. Вопросъ о разностороннемъ изученіи краевыхъ особенностей имѣетъ не только научную важность, но и серіозное общественное значеніе, такъ какъ это изученіе должно привести къ извѣстному равновѣсію въ степени жизненности областей и центровъ.

Въ языкѣ и бытѣ индоевропейскихъ народовъ свадьба имѣетъ значеніе величайшаго на землѣ веселья и торжества. Въ языкахъ малорусскомъ, сербскомъ, польскомъ, въ старинныхъ русскихъ лѣтописяхъ брачное торжество носить характерное названіе *веселья*. Весьма распространено выраженіе «играть свадьбу», причемъ слово «играть» указываетъ на проявленіе вакхическаго экстаза и сильное напряженіе жизненныхъ силъ. Значеніе свадьбы, какъ величайшаго, доступнаго человѣку, веселья, сложилось въ древнюю эпоху подъ непосредственнымъ вліяніемъ религіозно-миѳическихъ воззрѣній на творческія силы внѣшней природы и естественныя проявленія половой зрѣлости физической природы человѣка. «Природа, — это живой предметъ, говоритъ Карлейль, предметъ невыразимый и божественный, передъ которымъ лучшее наше положеніе есть благоговѣніе». Къ такому воззрѣнію на природу знаменитый англійскій ученый пришелъ путемъ отвлеченнаго мышленія, построеннаго на пантеистическихъ началахъ германской философіи. Для древняго чело-

вѣка, въ частности славянина, мысль о божественности природы вытекала непосредственно изъ всей окружавшей его міровой и бытовой обстановки. Со всѣхъ сторонъ охваченный могущественной внѣшней природой, онъ на каждомъ шагу ощущалъ свою отъ нея зависимость, сознавалъ по доводамъ горькаго житейскаго опыта ея капризное и деспотическое господство во всѣхъ проявленіяхъ сельскохозяйственной, даже семейной и общественной жизни. Судьба его, его благосостояніе, миръ его души, его радости и печали были обусловлены обстоятельствами, которыхъ нельзя ни предвидѣть, ни отворотить, въ случаѣ неприятнаго ихъ склада. Древній человѣкъ не исчезалъ во внѣшней природѣ и даже не всегда покорно склонялъ голову передъ ея велѣніями и мановеніями. Онъ постоянно стремился освободиться изъ-подъ ея гнетущей власти, обуздать ея произволь силой своего разума, по крайней мѣрѣ, отгадать ея тайны и такъ или иначе, молитвой или заклинаніемъ, жертвоприношеніемъ или угрозой, обратить ея могущественныя силы въ свою пользу, и въ этомъ свѣтломъ стремленіи онъ мало по малу успѣвалъ. Прокладывая пути для своего развитія, преслѣдуя цѣли улучшенія по всѣмъ направленіямъ жизни и быта, внося нравственно-гуманитарное начало въ пользованіе матеріальными благами, доставляемыми землей-кормилицей, древній человѣкъ, подобно человѣку современному, измѣнялъ извѣстныя сочетанія природныхъ явленій сообразно съ своими матеріальными нуждами и духовными потребностями. Все это однако происходило чрезвычайно медленно, постепенно, съ громадной затратой силъ и труда. Господство человѣческой мысли надъ грубой міровой матеріей и созданіе или сочетаніе ея элементовъ въ такія благопріятныя для человѣка отношенія, какихъ внѣшняя природа не можетъ представить помимо человѣческой воли и многовѣковыхъ усилій творческаго разума, при постоянно усиливавшемся теченіи нравственно-гуманитарныхъ идей, отъ перваго шага въ устраненіи канибализма до евангельскаго требованія возлюбить ближняго, какъ самого себя,—такого рода побѣда человѣка надъ внѣшнимъ міромъ и животной стороной собственной природы является результатомъ многовѣковой культуры.

Религіозно-мнѣческая свадьба возникаетъ въ героической періодъ жизни человѣчества, въ періодъ значительнаго подъема духовныхъ силъ и широкаго развитія поэтического воззрѣнія на природу.

Грубое насилие со стороны мужчины и тупая покорность со стороны женщины, характеризующія дикую эпоху коммунальнаго брака и полудикую эпоху «умыванія», отошли въ примитивную древность и сохранились лишь въ формѣ большею частью бессмысленнаго обряда. Въ бракъ вмѣшалась уже религія и осватила и очистила его. Коммунистическій бракъ совпадалъ съ самой грубой формой фетишизма, съ крайней матеріальной бѣдностью и умственнымъ ничтожествомъ. Но лишь только улучшилась жизнь бытовая, съ появленіемъ огня и опьяняющихъ напитковъ, съ прирученіемъ живѳтныхъ, наконецъ, съ возникновеніемъ культурнаго воздѣлыванія дико-растущихъ хлѣбныхъ злаковъ, высоко поднялся общій уровень матеріальнаго благосостоянія, соотвѣтственно съ тѣмъ поднялся весь строй міровоззрѣнія, и грубый фетишизмъ возвысился до весьма высокой сравнительно съ нимъ формы обоготворенія небесныхъ свѣтилъ, съ перенесеніемъ на нихъ всего лучшаго, что было на землѣ, и прежде всего семейныхъ связей и отношеній.

Въ благоговѣйномъ созерцаніи обоготворенной природы славянинъ небесное и земное сливалъ въ одно нераздѣльное цѣлое, внушительное и таинственное. Событія человѣческой жизни были перенесены на небо; небесныя явленія приближены къ скромному человѣческому существованію. Съ зарожденіемъ личнаго брака, какъ определенной формы соединенія двухъ половъ, возникло вѣрованіе въ супружескія связи неба и земли, солнца и земли, солнца и мѣсяца, мѣсяца и вечерней звѣзды, причемъ солнце и мѣсяць или выступаютъ, какъ отзвукъ коммунальнаго брака, являются не только мужемъ и женой, но и братомъ и сестрой, съ прямымъ смѣшеніемъ брачной связи съ связью родственной по крови, или выступаютъ исключительно супругами, имѣя дѣтьми звѣзды, что соотвѣтствуетъ историко-культурному различенію брачной связи отъ связи родственной по крови, различенію, выразившемуся въ исторіи брака въ видѣ весьма распространенной формы экзогаміи. Небесныя свѣтила получили значеніе живыхъ, человѣкоподобныхъ существъ, любящихъ другъ друга, по временамъ страдающихъ ревностью, впадающихъ въ гнѣвъ, не чуждыхъ зависти. Они не замедлили въ зооморфической или чаще антропоморфической формѣ явиться верховными устроителями человѣческаго брака, причемъ придали по-

слѣдному величіе и блескъ, облили его небеснымъ свѣтомъ радости и силы.

Время бракосочетанія поставлено было въ зависимость отъ извѣстныхъ солярныхъ явленій. Весною и лѣтомъ въ природѣ торжествуетъ благотворный повелитель планетной системы—солнце, выражавшее собой начало свѣта, тепла, производительности, добра, поэзій. Празднуя обновленіе и оплодотвореніе земли, земледѣлецъ язычникъ въ то-же время въ самомъ себѣ чувствовалъ обновленный позывъ къ любви, къ супружеству, къ основанію семьи. Свадьба получила значеніе міроваго торжества и веселья. Боги и люди принимали въ немъ дѣятельное участіе. Всѣ предметы царства растительнаго и царства животнаго сливались въ одномъ неудержимомъ стремленіи къ любви и производительности. Внѣшняя природа, какъ-то: свѣтила небесныя, флора и фауна, все это, отъ ливанскаго кедра до послѣдней полевой былинки и дождеваго червяка, непосредственно было заинтересовано въ здоровьѣ и благополучіи невѣсты и обнаруживало самое теплое ей сочувствіе, не чуждое мистической таинственности и поэтической прелести. Грандіозное языческое воззрѣніе на всеобъемлющую сущность свадьбы превосходно выразилось, между прочимъ, въ слѣдующемъ древне-индусскомъ изреченіи, которое жрецъ произносилъ передъ отъѣздомъ молодой замуженной женщины изъ родительскаго дома въ домъ новобрачнаго: «Всѣ травы, рѣки, поля и лѣса тебя, несущую мужу потомство, сохранять отъ вреда»¹⁾).

Г. Кавелинъ высказалъ мнѣніе, что свадьба въ незапамятныя времена была частью извѣстнаго языческаго праздника, отъ котораго и получила свое религіозное освященіе. Послѣ она отдѣлилась отъ годоваго праздника и совершалась особо²⁾). Мнѣніе это подтверждается свидѣтельствами языка и народныхъ обычаевъ. Такъ, нѣмцы для обозначенія свадьбы имѣютъ слово *Hochzeit*, древ.-сакс. *hōgetidi*, слово, нѣкогда обозначавшее высшее и священное время въ году³⁾). У поляковъ *gody*—свадьба; у ниже-лужицкихъ сербовъ *gody*—праздникъ Рождества Христова⁴⁾). Изъ первоначаль-

¹⁾ *Weber*, *Indische Studien*. V. 394.

²⁾ *Кавелинъ*, Сочиненія. IV, 184.

³⁾ *Hamerle*, Salzburg. *Hochzeit-gebr.* 2.

⁴⁾ *Haupt u. Smoler*, *Volkslieder*. II, 270.

наго понятія *godly*—время возникло понятіе о времени праздничномъ по преимуществу, и празднованіе свадьбы названо тѣмъ-же словомъ, что и празднованіе Рождества Христова;—обстоятельство, свидѣтельствующее, что въ древнее время совершеніе свадебъ было приурочено ко времени празднованія рожденія солнца. Въ подтвержденіе мнѣнія г. Кавелина можно привести еще весьма замѣчательное по глубокой архаичности обыкновеніе македонскихъ болгаръ мяяковъ назначать для обрученія и свадьбы одно опредѣленное время въ году. Того, кто обручается или женится не въ установленное время, община наказываетъ и считаетъ его несчастнымъ человекомъ¹⁾. Въ древности уклоненіе подобнаго рода, вѣроятно, было невозможнымъ по самому существу дѣла. Виновный являлся своего рода изгоемъ, нарушителемъ божескихъ и человѣческихъ законовъ, и потому былъ и несчастнымъ и преступнымъ, и община могла карать виновнаго смертью или изгнаніемъ.

Присутствіе боговъ на свадьбѣ представлялось или посредственнымъ или непосредственнымъ. Первое выражалось символически посредствомъ корова, вѣнка, зажженной свѣчи или факела. Въ древности предметы эти въ обрядовомъ ихъ употребленіи имѣли почти такое-же значеніе и играли въ народной жизни почти ту-же роль, что въ позднее христіанское время предметы иконописи и религіозной скульптуры. Скульптурныя изваянія Спасителя и святыхъ, наполняющія храмы католической Европы, чествуются во имя чувства, влекущаго благочестиваго католика къ тѣмъ, кого они изображаютъ; славяне, въ частности русскіе, считали себя внуками бога солнца, на что есть указанія въ Словѣ о полку Игоревѣ («Дажьбога внука» ...) и въ народной поэзіи («Дѣдушка—солнышко, выгляни въ окошечко» и проч.). Естественно, славяне дорожили короваемъ и вѣнкомъ, какъ ближайшими къ человѣку вещественными подобіями или символами своего божественнаго и вѣчнаго предка, всевѣдущаго дѣда. Внѣшнее сходство между языческими и христіанскими вещественными символическими выраженіями божества можетъ быть проведено даже въ подробностяхъ, въ наглядныхъ параллеляхъ. Передъ иконописными и скульптурными изображеніями Спасителя и святыхъ становятся на колѣни, прикладываютъ къ нимъ голову и лобызаютъ

¹⁾ *Верковичъ*, Опис. быта болг. 1868 г., 8.

ихъ. Въ юго-западной Россіи и въ Галиціи преклоняють голову передъ короваемъ и цѣлуютъ его. Въ народныхъ легендахъ преступникъ въ сознаніи своей виновности не рѣшается приложиться ко кресту или иконѣ. Въ старинной галицкой пѣснѣ молодая женщина, убившая своего незаконнорожденного ребенка, не рѣшается надѣть на голову вѣнокъ, вслѣдствіе чего и открывается ея преступленіе. Подобно тому, какъ въ христіанское время грубый умъ символъ предмета принималъ за самый предметъ и впадалъ въ поклоненіе дереву и камню, а не духу и истинѣ, упуская основное христіанское ученіе, что *Богъ есть духъ*, и въ дѣтски-наивной и довѣрчивой древности символическій образъ божества заслонялъ собой самое божество и, принявъ на себя всѣ главныя его черты и особенности, дѣлался самостоятельнымъ предметомъ поклоненія. Коровой и вѣнокъ, какъ символическія выраженія поклоняемаго и славимаго божества, явились звеномъ общественнаго соединенія и знаменемъ религіи, нравственнаго добра, поэзій. Это былъ языкъ краткій и простой, но понятный каждому. Благодаря, между прочимъ, этимъ предметамъ, люди понимали другъ друга и сходились на одной общей мысли.

Вѣрованіе въ невидимое личное присутствіе на свадьбѣ обоготворенныхъ небесныхъ свѣтилъ вполнѣ отвѣчало складу древняго народнаго міросозерцанія, признававшего самое близкое и подробное участіе божества въ дѣлахъ людей. Красное солнышко въ томъ или другомъ антропоморфическомъ образѣ приготавливало приданое и снаряжало молодыхъ къ вѣнцу. Свѣтлый мѣсяцъ съ своей лучезарной супругой—вечерней звѣздой выдавали дѣвушку замужъ и надѣляли ее счастьемъ—долей.

Съ цѣлью задобрить боговъ—покровителей брака и расположить ихъ въ пользу новобрачныхъ имъ предлагали угощеніе. Предметы и приемы кормленія боговъ измѣнялись съ развитіемъ культуры, сообразно съ мѣстными условіями домашняго быта и со степенью зажиточности вступающихъ въ бракъ. Въ древнѣйшее время, при господствѣ пастушескаго быта, жертвоприношеніе богамъ состояло въ закланіи животныхъ, преимущественно коровы, и въ возіянніи молока. Съ развитіемъ земледѣльческаго быта стало преобладать жертвоприношеніе хлѣба. Въ пустынныхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ грубыя формы жертвоприношенія удерживались долѣе, чѣмъ

въ странахъ, самой природой расположенныхъ въ производительному труду, или странахъ по бойкому водному торговому пути. По консервативности быта, въ особенности въ дѣлахъ религіозныхъ, богатые люди и въ періодъ земледѣльской культуры предпочитали животныя жертвоприношенія, причѣмъ подъ ножъ шли крупныя животныя, часто корова или быкъ, въ торжественныхъ случаяхъ въ большомъ даже числѣ (гекатомбы). Бѣдные люди поневолѣ ограничивались жертвоприношеніемъ мелкихъ животныхъ, чаще всего цѣтуха. Но такъ какъ жертвоприношеніе коровы въ нѣкоторыхъ случаяхъ было необходимо, по религіозно-миоическимъ представленіямъ, связаннымъ съ этимъ животнымъ, и въ то же время матеріальныя средства не допускали такой, такъ сказать, роскоши, то возникло обыкновеніе приносить въ жертву ихъ изображенія изъ тѣста. Самое жертвоприношеніе хлѣба прошло нѣсколько ступеней развитія, согласно съ способами приготовленія хлѣбной пищи. Можно думать, что прежде чѣмъ появился хорошій печеный хлѣбъ, на низшей ступени земледѣльской культуры въ пищу, а слѣдовательно и для жертвоприношенія употреблялись или хлѣбныя зерна, болѣе или менѣе поджаренныя, или хлѣбная каша, т. е. тѣ же поджаренныя хлѣбныя зерна, только въ размельченномъ и смоченномъ водой видѣ.

Жертвоприношеніе богамъ не ограничивалось животными, хлѣбомъ, молокомъ и опьяняющими напитками, какъ то: сомой у индусовъ, гаомой у иранцевъ, винограднымъ виномъ у греко-италійцевъ, пивомъ и медомъ у германцевъ и славянъ. Въ число важныхъ предметовъ жертвоприношенія входили также волосы ребенка или новобрачныхъ. Волоса были приносимы въ смыслѣ *pars pro toto*; по внутреннему своему значенію, это прямая замѣна жертвоприношенія человѣка, такого рода религіозно-миоическое и бытовое явленіе, которое слѣдуетъ непосредственно за эпохой канибализма, какъ проявленіе значительной степени культуры. Общеизвѣстнымъ проявленіемъ жертвоприношенія волосъ служатъ постриги младенца и обрѣзываніе или только подрѣзываніе косы невесты передъ вѣнчаніемъ. Спенсеръ и Тэйлоръ сообщаютъ нѣсколько любопытныхъ проявленій жертвоприношенія волосъ солнцу среди дикихъ и варварскихъ народовъ: отрѣзываютъ клокъ волосъ и бросаютъ его вверхъ, точно также, какъ нынѣ на свадьбахъ плескаютъ вверхъ

въ потолокъ виною; по основному своему значенію обряды эти тождественны. Бросаніе вверхъ волосъ и брызганіе молокомъ или опьяняющимъ напиткомъ были однимъ изъ многочисленныхъ проявленій обрядовой обстановки жертвоприношенія.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ есть прямыя указанія, что жертвоприношеніе сопровождалось слѣдующими торжественными дѣйствіями: поднимались и опускались, клали на молодыхъ правую руку, обращались въ правую сторону, соблюдали круговращательное движеніе или танецъ, приводившій при усиленномъ темпѣ въ вавхическій религиозный экстазъ.

Приношеніе яствъ и напитковъ богамъ сопровождалось торжественными молитвами и гимнами. Поэтическая сила славянъ никогда не истощалась. Измѣнялись лишь внѣшнія формы поэтического творчества, согласно съ измѣненіемъ культуры. Всѣ проявленія мысли и чувства изливались въ формѣ болѣе или менѣе восторженной пѣсни, принимали стихотворный ритмъ, что въ значительной степени зависѣло отъ внутренней пластичности и образности самаго языка. Языческая молитва по содержанію близко подходит къ заговору. Она имѣла стихотворную форму и пѣлась однимъ лицомъ или большею частью цѣлымъ собраніемъ молящихся. Въ древнее время многія свадебныя пѣсни представляли собой молитвы, обращенныя въ богамъ повровителямъ брака и заключавшія въ себѣ просьбу новобрачныхъ и всего ихъ рода о ниспосланіи имъ богатства и чадородія. Были особаго рода религиозныя пѣсни, *certa et solemnia verba* римлянъ, свободныя отъ узкихъ утилитарныхъ цѣлей. Въ нихъ воспѣвался небесный бракъ, какъ священный прототипъ брака человѣческаго. Между молитвами и религиозными пѣснями не было рѣзкой разграничительной черты, и религиозная пѣсня въ честь и славу боговъ легко переходила въ молитвенную просьбу о ниспосланіи благъ земныхъ, какъ это, между прочимъ, можно и нынѣ видѣть въ колядкахъ, гдѣ прославленіе солнца и мѣсяца послѣдовательно переходитъ въ прославленіе домохозяина и его жены. Музыка существовала изстари; только въ древности она не имѣла самостоятельнаго значенія и служила акомпаниментомъ пѣнію.

Культь солнца проникаетъ весь свадебный ритуаль славянскихъ народовъ, и культу громовника и домашняго огня или печи

остается здѣсь немного мѣста. Въ свадебныхъ обрядахъ сохранились черты древеснаго анимизма и даже обоготворенія предметовъ растительнаго міра. Поклоненіе деревьямъ сказалось, между прочимъ, въ малорусскихъ и великорусскихъ свадьбахъ, быть можетъ, въ зависимости отъ того, что русская страна въ древности была покрыта дремучими лѣсами, дѣйствовавшими импонирующимъ образомъ на духъ древняго русскаго земледѣльца.

Выдающееся положеніе солнца въ свадебныхъ обрядахъ славянскихъ народовъ обусловлено было ихъ преданностью землѣдѣлю. Хлѣбопашцу естественно твердо стоять въ томъ убѣжденіи, что *«alles keimet in der Sonne zu der Bauern Lust und Wonne»* (слова Г. Гейне). Солнце даетъ свѣтъ и теплоту. Съ восходомъ солнца вся природа пробуждается отъ ночнаго сна. Весенніе лучи солнца побѣждаютъ суровую зиму и ведутъ за собой «тихихъ майскихъ теплыхъ дней румяный, свѣтлый хороводъ» (слова Ѡ. Тютчева). Люди науки движенія земнаго шара и окружающей его атмосферы, проявленія органической жизни на землѣ, экономической и соціальнаго строя народовъ ставятъ въ полную зависимость отъ великаго повелителя планетной системы. Гершель полагалъ, что цѣна пшеницы зависитъ отъ солнечныхъ пятенъ. По мнѣнію Гана, появленіе саранчи совпадаетъ съ *минимумомъ* солнечныхъ пятенъ. Древній человѣкъ, по настоятельнымъ доводамъ житейскаго опыта, дошелъ до признанія солнечнаго могущества и сильно выразилъ его въ религіи. При полной зависимости человѣка отъ положенія солнца, культъ солнца естественно получилъ въ жизни культурныхъ земледѣльческихъ народовъ громадное значеніе и выразился во всѣхъ проявленіяхъ религіозно-нравственной жизни народовъ, въ вѣрованіяхъ, священныхъ дѣйствіяхъ и манипуляціяхъ, пѣсняхъ, сказаніяхъ, молитвахъ, заговорахъ, поговоркахъ и на всѣхъ крупныхъ проявленіяхъ семейной и общественной жизни, на родинахъ, на свадьбѣ, на жатвѣ, на годовыхъ праздникахъ, на общественныхъ пирахъ, на похоронахъ.

Религіозно-мифическіе элементы свадьбы у однихъ славянскихъ народовъ сохранились лучше, у другихъ слабѣе. Юго-восточные славяне въ этомъ отношеніи оказались болѣе консервативными, чѣмъ славяне западные.

По обилію религіозно-миѣическихъ элементовъ на первомъ мѣстѣ стоятъ свадьбы малорусская и бѣлорусская, преимущественно первая. Южно-русская свадьба отличается торжественностью и цѣльностью; пѣсни и обряды распределены довольно равномерно по всѣмъ отдѣламъ свадьбы; соблюдено строгое различіе между отдѣльными актами свадебной драмы. Любопытной особенностью малорусской свадьбы представляется обиліе хлѣбныхъ обрядовъ и хлѣбныхъ пѣсень. Обрядовое употребленіе хлѣба на малорусской свадьбѣ не представляется сухой и безсмысленной формальностью. Оно оживлено и объяснено пѣснями и, благодаря пѣснямъ, представляется въ большинствѣ случаевъ явленіемъ живымъ и органическимъ, съ плотью и кровью ¹⁾).

Великорусской свадьбы, какъ цѣльнаго и своеобразнаго проявленія всего великорусскаго быта, нѣтъ. Въ научномъ отношеніи слѣдуетъ строго отличать свадьбу средне-русскую отъ сѣверно и восточно-русской. Между ними мало сходства. Средне-русская свадьба имѣетъ общеславянскій характеръ, походитъ на бѣлорусскую, малорусскую, сербскую, болгарскую, какъ по пѣснямъ, такъ и по обрядамъ. Россія сѣверная и сѣверо-восточная относительно свадебнаго ритуала представляетъ нѣчто исключительное въ славянскомъ мірѣ, весьма своеобразное. Обряды немногочисленны и однообразны. Пѣсни чрезвычайно длинны и тоскливы. «Вытье» невѣсты и ея подругъ наполняетъ брачный пирь. На свадьбѣ первую роль играетъ колдунъ. Всѣ его боятся, угощаютъ и ублажаютъ. Колдунъ чванится и ломается, задаетъ тонъ всей свадьбѣ и подчасъ деспотически командуетъ молодыми и поѣзжанами. Обрядовый хлѣбъ на великорусскихъ свадьбахъ представляется явленіемъ второстепеннымъ. Важную роль здѣсь играетъ, между прочимъ, баня. Вообще, во всемъ строѣ и тонѣ сѣверно-русской свадьбы проглядываетъ что-то суровое, жесткое и тоскливое ²⁾).

¹⁾ Главные источники для ознакомленія съ малорус. свадьбой: сборники Чубинскаго и Головацкаго; этнограф. сборники; Основа 1862 г., IV; Киевск. Старина 1883 г., II; Nowosielski, Lud ukraiń., I—II.; Воронежская Бесѣда.

²⁾ О великор. и бѣлорус. свадьбахъ см. Шейна, бѣл. пѣс.; Этногр. Сборн.; Терещенко, Бытъ рус. нар., II; Пермск. Сборникъ, II; разн. журн. и газет. статьи. Особ. много въ Губ. Вѣд. Подроб. перечисл. въ «Обычн. правѣ» Якушкина.

Характерной особенностью болгарской свадьбы представляется *кишкекъ* или каша пшеничная, приготовленная торжественнымъ образомъ. *Кишкекъ* представляется древнѣйшей формой жертвоприношенія хлѣба. Рядомъ съ *кишкекомъ* стоитъ *кравай*. Замѣчательна еще болгарская *бучка*, какъ остатокъ жертвоприношенія волосъ ¹⁾.

Въ сербской и хорватской свадьбахъ сохранились многія черты древняго поклоненія домашнему очагу ²⁾.

Въ чешской свадьбѣ характерную роль играетъ пѣтухъ. Вообще въ Чехіи изъ древняго быта полнѣе всего сохранилось жертвоприношеніе пѣтуха богамъ ³⁾.

Польская свадьба растеряла почти все древнее, архаическое. Она состоитъ изъ двухъ или трехъ болѣе или менѣе роскошныхъ угощеній родныхъ и знакомыхъ новобрачныхъ ⁴⁾.

Главныя религіозно-миѳическія черты малорусской свадьбы проявились въ высоко торжественномъ и обрядовомъ приготовленіи и употребленіи *коровая*. Свадебный коровай играетъ также важную роль въ Бѣлоруссіи, Болгаріи (кравай) и Сербіи (краваль). По удачному выраженію Новосельскаго, въ короваѣ «скрывается великая общественно-религіозная тайна славянскихъ народовъ» ⁵⁾. О свадебномъ короваѣ я уже два раза имѣлъ случай подробно говорить въ печати; въ магистерской моей диссертациі «О свадебныхъ обрядахъ» 1881 г. подробно изложенъ порядокъ приготовленія и употребленія свадебнаго хлѣба у разныхъ славянскихъ народовъ. Здѣсь указаны четыре религіозно-миѳическія и бытовыя стороны свадебнаго коровай: 1) коровай, какъ предметъ жертвоприношенія богамъ, 2) коровай, какъ символъ небесныхъ супруговъ солнца и мѣсяца, 3) коровай, какъ символъ жениха и невѣсты и 4) коровай, какъ символъ благополучной домашней жизни. Въ изслѣдованіи «Обрядовое употребленіе хлѣба» 1885 г. я подробно остановился

¹⁾ О болгар. свадьбѣ см. у Верковича, Качановскаго, Чолакова, Каравелова, Княжескаго, Миладиновы (собраніе пѣсень и сборники обычаевъ).

²⁾ О сербской свад. см. Гласникъ 1867 г., V; Kanitz, Serbien, Rajaczich, Das Leben d. Südslav.

³⁾ О чешск. свад. см. Sumlork, Staroč. obyc. I; Erben, Prost. čes. pis.; Časop čes. Musea 1859 g., I; Kulda, Swadba.

⁴⁾ О польск. свад. см. Kolberg, Lud; Wojcicki, Piesn. ludu.

⁵⁾ Nowosielski, Lud ukraiński. I, 167.

на первой сторонѣ свадебнаго хлѣба. Я высказалъ здѣсь мнѣніе, что громадная роль въ славянскомъ, особенно въ малорусскомъ мѣрѣ корова обусловлена тѣмъ, что коровай замѣнилъ собою главное жертвенное животное арійцевъ—корову. Корова у арійцевъ имѣла огромное значеніе. Въ индійскихъ «Ведахъ» она очень часто упоминается по различнымъ поводамъ. Древніе арии время дня раздѣляли по тому, когда скотъ идетъ на пастьбу, на водопой. Богатство опредѣлялось числомъ головъ рогатаго скота. Войны обыкновенно возникали изъ-за того, что одно родовое колѣно отнимало скотъ у другаго. Корову закаляли въ жертву богамъ и на шкурѣ убитаго для жертвоприношенія животнаго сажали жениха и невѣсту. Наивное воображеніе пастушескаго народа усматривало коровъ даже въ облакахъ и звѣздахъ. Солнце и мѣсяцъ выступали въ такомъ случаѣ пастухомъ или быкомъ. Во всякомъ случаѣ, жертвоприношеніе коровы было до нѣкоторой степени роскошью, которую могли позволить себѣ люди богатые или съ достаткомъ. Бѣдность придумала замѣнить корову изображеніемъ ея изъ тѣста. Первоначально коровай представлялъ собой подобіе коровы. Не даромъ и теперь на свадьбахъ въ Малороссіи и въ Бѣлороссіи сверху коровай налѣпливаютъ рожки и въ пѣснѣ поютъ: «А рогать я и богатъ—въ печь не влѣзу». Болгарская *боговица*, представляющая замѣну коровай, имѣетъ форму продолговатой булки—витушки съ рожками на концѣ. Въ Малороссіи торжественное приготовленіе коровай называется «бгати коровай», причемъ слово «бгати», по моему мнѣнію, находится въ ближайшемъ родствѣ съ болгарскимъ названіемъ обрядоваго рождественскаго хлѣба *боговицей*. Какъ характерно встрѣчающееся въ Великороссіи, напримѣръ въ орловской губерніи, выраженіе «молить коровай», такъ не менѣе характерно малорусское выраженіе «бгати» коровай. Замѣчательно, что слово «бгати» прилагается лишь къ торжественно приготовляемому свадебному хлѣбу. Что для самаго народа слово «бгати» представляетъ нѣчто глубоко архаическое и непонятное, видно изъ замѣчаемаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи стремленія замѣнить его другими словами. Такъ вмѣсто «бгати» говорятъ гбати, гибати, вить, гафтовать. Въ большинствѣ случаевъ, однако, выдерживается правильно древняя форма «бгати», въ смыслѣ готовить коровай для Бога или, быть можетъ, боготворить. Въ Малороссіи, напримѣръ въ полтавской гу-

берни, пекутъ еще на свадьбахъ въ дополненіе къ короваю, изрѣдка въ его замѣну, особый хлѣбъ: *дивень*, въ формѣ большого бублика. Что *дивень* относится къ солнечному культу, видно, между прочимъ, не только изъ его круглой формы, но изъ того еще, что невѣста смотритъ черезъ него на востокъ. Полагаю, что *дивень* есть позднее сравнительно дополненіе къ короваю и возникъ собственно изъ эпитета коровай «дивный». Эпитетъ этотъ очень обыченъ въ коровайныхъ пѣсняхъ. Сначала былъ только «дивный коровай», т. е. свѣтлый, какъ солнце; потомъ получились «дивень» и «коровай», — первый, впрочемъ, въ подчиненномъ положеніи.

Малорусское *вилце* или *илце*—большая вѣтвь, зимою всегда сосновая, лѣтомъ яблоневая, грушевая, вишневая или черемуховая. Вильце украшаютъ обыкновенно дѣвушки, очень рѣдко парубки, каждую вѣточку украшаютъ небольшими букетами изъ калины, овса, барвинка, перевязываютъ цвѣтнымъ шелкомъ и лентами и втыкаютъ вильце въ свадебный хлѣбъ. Вильце стоитъ въ теченіи свадьбы въ красномъ углу. Обыкновеніе «вить вильце» встрѣчается въ Малороссіи почти повсемѣстно. Изрѣдка вильце встрѣчается въ Великороссіи, подъ названіемъ «дѣвья красота», въ Чехіи подъ названіемъ «stromek rajski», у куявянъ подъ названіемъ «Jablonke». Свадебное вильце—символь жизни. Зеленое и украшенное выражаетъ молодыхъ, другими словами выражаетъ начало, разцвѣтъ новой жизни, супружество. Такое воззрѣніе на бракъ свойственно разнымъ народамъ. У бедуиновъ Синая свать получаетъ отъ отца невѣсты, въ знакъ его согласія на бракъ, зеленую вѣтку и втыкаетъ ее въ тюрбанъ въ знакъ того, что просваталъ дѣвушку¹⁾. Существуетъ глубоко-древняя пословица: «вѣнчали вокругъ ели, а черти пѣли». Самая пословица могла возникнуть въ первыя времена христіанства въ Россіи. Древне, можно сказать, первобытно отмѣченное ею явленіе. Обхожденіе вокругъ зеленѣющаго дерева входило въ древне-славянскій свадебный ритуалъ, и свадебное вильце служило замѣной этого обычая въ зимнее время. Нечего, разумѣется, посвящать, что обрядовой пляской вокругъ зеленого дерева не ограничивалось свадебное празднество, и хожденіе вокругъ дерева, нахо-

¹⁾ Klemm, Allgem. Kulturgesch. IV, 148.

дившееся въ связи съ поклоненіемъ деревьямъ, нисколько не исключало обрядовъ солнечнаго культа.

Нерѣдко замѣчается на небѣ явленіе, что какая-нибудь звѣзда какъ будто идетъ рядомъ съ мѣсяцемъ. Отсюда возникло представленіе, что звѣзда сопровождаетъ мѣсяцъ, какъ его жена, сестра или товарищъ. У мѣсяца изъ многихъ звѣздъ есть своя любимая звѣздочка. Есть одинъ прекрасный народный рассказъ о братѣ и сестрѣ, нѣжно любившихъ другъ друга и потомъ разлученныхъ. Сестра, обратившись въ вечернюю звѣзду, повсюду ищетъ брата и плачетъ по немъ; она вѣчно орошаетъ поля своими слезами (роса), а братъ груститъ по сестрѣ и ходитъ по всему міру, превратившись въ печальный мѣсяцъ ¹⁾. Подобный рассказъ только въ приложеніи къ солнцу и лунѣ распространенъ у разныхъ народовъ и нашелъ себѣ превосходное поэтическое выраженіе въ стихотвореніи Генриха Гейне «Солнечный закатъ» (одно изъ стихотвореній «Нѣмецкаго моря»): «Нѣкогда въ небесныхъ пространствахъ лучезарно свѣтили въ супружескомъ мирѣ и согласіи солнце—богъ и луна—богиня. Вокругъ нихъ весело толпились звѣзды, ихъ маленькія, невинныя дѣти. Злые языки вызвали раздоръ высокихъ и свѣтлыхъ супруговъ, и они враждебно разошлись. Днемъ проходитъ по небу въ одинокомъ величій богъ-солнце, и гордые, жестокосердые люди возносятъ къ нему молитвы и слагаютъ въ честь его пѣсни. Ночью по небу шествуетъ луна, бѣдная мать, съ своими осиротѣвшими дѣтьми-звѣздами. Въ тихой грусти она свѣтитъ; влюбленные дѣвушки и тихіе поэты посвящаютъ ей свои слезы и пѣсни. Луна, какъ женщина, неизмѣнно любитъ своего прекраснаго супруга. Вечеромъ, дрожащая и блѣдная, смотритъ она на него изъ-за прозрачнаго облака и, кажется, готова воскликнуть: «остановись! Дѣти тоскуютъ по тебѣ»; но упрямое солнце, при взглядѣ своей жены, краснѣетъ отъ гнѣва и грусти, и неумолимое спѣшитъ спуститься въ глубину водъ на свое вдовье ложе» ²⁾. Стихотвореніе это должно пояснить намъ родственныя ему по содержанію малорусскія народныя пѣсни. Такъ, я готовъ думать, что въ малорусской пѣснѣ:

¹⁾ *Терещенко*, Быть рус. народа. II, 573.

²⁾ *Heines*, Sämtliche Werke, XV, 223—225.

Ой ты, зирочко вечерняя,
 Чому рано не зиходыла?
 Чомъ мисяца не догонила?

скрывается такая-же полнота содержания, какъ въ Гейновскомъ «Солнечномъ закатѣ».

Встрѣча мѣсяца со звѣздой въ малорусскихъ колядкахъ знаменуетъ имѣющійся совершиться на землѣ брачный союзъ:

Ишовъ-перейшовъ мисяць по неби,
 Та стрився зъ ясною зорѣю...

Вечерняя звѣзда говоритъ мѣсяцу, что она остановится надъ дворомъ NN (имя хозяина, которому колядуютъ), надъ его хатой:

У его хати дви радости буде:
 Першая радость—сына женити,
 Другая радость—дочку отдавати ¹⁾).

Послѣ такого заботливаго участія вечерней звѣзды въ устроеніи земнаго брака понятна галицкая коломійка:

Ой упала звѣзда зъ неба, та й ся розсыпала,
 Дѣвчинонька позбирала, та й ся затыкала;
 Ой упала звѣзда зъ неба, та й упала ясна,
 Та на тое подвиренько, де дѣвчина красна ²⁾).

Въ Малороссіи мать невѣсты, отправляя новобрачнаго въ домъ мужа, даетъ ей въ покровители и проводники мѣсяць и звѣзду:

Отсе тоби проводничокъ
 Ясный мисячокъ;
 Отсе тоби проводничка
 Ясна зирныця ³⁾).

Въ коровайной пѣснѣ:

Де-жъ ты бувавъ,
 Що ты чувавъ,
 Святыи короваю?
 Бувавъ же я, чувавъ же я
 Мисяця зъ зорѣю ⁴⁾).

¹⁾ Чубинскій, Труды Этно.-Стат. Эксп., т. Ш, стр. 415.

²⁾ Головацкій, «Чтенія въ моск. общ. ист. и древ.» 1872 г., I, 471.

³⁾ Метлинскій, Южно-рус. пѣс., 225.

⁴⁾ Чубинскій, Труды Э.-С. Э. Ш, 463.

Подобнаго рода малорусскихъ пѣсенъ довольно много, и нельзя потому не признать, что древнее представленіе о брачной связи мѣсяца и вечерней звѣзды въ Малороссіи сохранилось отчетливо, въ силу поэтичности этого представленія.

Въ малорусской народной поэзіи мѣсяць иногда называется «перебирчикомъ», потому что любить перебирать звѣзды, пока не выберетъ себѣ одну звѣздочку. Невѣрный, нарушившій любовныя обѣщанія парубокъ сравнивается съ мѣсяцемъ. Полюбить молодца «по мисяцю стоя» — не будетъ добра. Въ поясненіе этихъ и подобныхъ малорусскихъ пѣсенныхъ выраженій можно привести индусское и литовское объясненіе мѣсячнаго ущерба. У древнихъ индусовъ существовалъ такой рассказъ о любви луннаго бога Сомы ¹⁾ къ созвѣздію Рогини. У Праджапати было тридцать три дочери, которыхъ онъ отдалъ за царя Сому. Изъ нихъ только одна сдѣлалась дѣйствительною женою Рогини. Прочія жены разгнѣвались и ушли къ отцу; но Сома пошелъ за ними и требовалъ ихъ къ себѣ. Праджапати согласился возвратить зятю дочерей только съ условіемъ, чтобы тотъ раздѣлялъ брачное ложе поочередно со всѣми; но Сома по прежнему любилъ только Рогини, и за это имъ овладѣла немочь. Древнеиндусское объясненіе ущерба мѣсяца его исключительной любовью къ созвѣздію Рогини въ литовской мѣологіи съ незначительными измѣненіями выразилось въ сказаніи о брачной связи мѣсяца и солнца въ первую весну. Однажды солнце встало рано и отправилось въ прогулку. Мѣсяць отдѣлился отъ него и отправился въ свою очередь въ одиночку гулять по небу. Онъ увидѣлъ утреннюю звѣзду и влюбился въ нее. Перкунъ разгнѣвался на мѣсяць и разрубилъ его ликъ мечемъ ²⁾).

Обрядовымъ проявленіемъ древняго религіозно-миѣического представленія мѣсяца и вечерней звѣзды супружеской парой является соблюдаемое въ Малороссіи обыкновеніе отправлять новобрачную въ домъ мужа съ восходомъ звѣзды.

¹⁾ Культъ божества Сомы въ древней Индіи подробно разобранъ въ изслѣдованіи Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго «Опытъ изученія вакхическихъ культовъ индоевропейской древности» 1884 г. Здѣсь представлена характеристика Сомы, какъ божества экстаза, божества солнца и божества мѣсяца.

²⁾ Сумцовъ, О свадеб. обряд., стран. 51 и слѣд.

Если по короваку, гильцу и остаткамъ вѣрованія въ супружескія отношенія свѣтилъ небесныхъ малорусская свадьба выдвигается изъ всѣхъ славянскихъ свадебъ, не въ томъ смыслѣ, чтобы эти проявленія мифологии не встрѣчались у сербовъ или чеховъ, а въ томъ, что они въ малорусской свадьбѣ сохранились гораздо полнѣе, то въ другихъ проявленіяхъ религіозно-мифическаго міросозерцанія малорусская свадьба или стоитъ наравнѣ, или уступаетъ свадьбѣ великорусской, чешской, сербской, болгарской. Такъ, малорусское «колупаніе» печи невѣстой, находящееся въ связи съ древнимъ поклоненіемъ домашнему очагу, въ гораздо болѣе ясной и полной формѣ, съ гораздо болѣе отчетливымъ указаніемъ на поклоненіе печи встрѣчается въ свадьбѣ бѣлорусской, гдѣ на печи сидитъ особый пѣвецъ и поетъ таинственныя пѣсни, хлопая пироги о пироги, и въ свадьбѣ хорватской и сербской, гдѣ невѣста ходитъ около печи и цѣлуетъ печь. Малорусское обсыпаніе молодыхъ хлѣбнымъ зерномъ представляется явленіемъ общеславянскимъ, и съ характерной обрядностью оно совершается какъ въ южной, такъ и въ средней Россіи, а также въ Болгаріи. Подрѣзываніе у молодой косы или, что гораздо чаще встрѣчается, торжественно-обрядовое ея завиваніе—также явленіе общеславянское, съ особенной полнотой проявлявшееся въ старинное время въ Великороссіи. Обрядовое употребленіе на свадьбахъ вѣнка, чаши, красныхъ лентъ—также явленія общеславянскія, причемъ чаша въ особенности видную роль играла на старинной великорусской свадьбѣ.

Особенность малорусской свадьбы состоитъ въ томъ, что въ ней встрѣчаются въ большей или меньшей степени всѣ проявленія религіозно-мифическаго міровоззрѣнія, причемъ проявленія наиболѣе торжественныя и поэтическія сохранились въ замѣчательной чистотѣ и отчетливости. Религіозно-мифическіе элементы свадьбы главнымъ образомъ выразились въ обрядовомъ употребленіи и приготовленіи коровака, что собственно составляетъ главный актъ свадьбы. Наибольшей архаичностью отличается свадьба въ глубинѣ Малороссіи, въ Полтавщинѣ и Кіевщинѣ. На крайнемъ западѣ малорусскаго племени, въ Галиціи, обнаруживается ослабленіе религіозно-мифическаго элемента свадьбы.

Жестоко ошибется тотъ, кто, судя по религіозно-мифической архаичности малорусской свадьбы, придетъ въ мысли, что въ

нравственно-культурномъ отношеніи малорусскій народъ отсталъ отъ другихъ славянскихъ народовъ. Архаичность его свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ стоитъ рядомъ съ проявленіями мягкости и нѣжности его семейныхъ отношеній, уваженія къ личности челоуѣка вообще, женщины въ частности. Въ немъ, напр., нѣтъ того рѣзкаго выраженія подчиненности женщины, какое удержалось отъ временъ дикости въ великорусской свадебной обрядности и выражается въ томъ, что отецъ, въ присутствіи жениха и родственниковъ, подходитъ въ своей засватанной дочери и даетъ ей пощечину. Ничего подобнаго въ малорусской свадьбѣ и быть не можетъ при той роли, какую занимала всегда въ семейной жизни малорусская женщина, при ея полной здѣсь равноправности, при значительной свойственной ей энергіи и предприимчивости, при женственной мягкости и чувствительности малорусса. «Однимъ махомъ дерево не можъ истяти», говорятъ малороссіане при выдачѣ дѣвушки замужъ, и въ этомъ выраженіи уже обнаруживается признаніе нравственнаго достоинства личности женщины. Въ Малороссіи получило полное право гражданства и всеобщее распространеніе заключеніе бракосочетаній по взаимному договору самихъ молодыхъ людей. Противъ воли здѣсь ни женятъ, ни отдаютъ замужъ. Дѣвушка договоръ родителей сверѣпляетъ своимъ согласіемъ, что, между прочимъ, выражается обрядовымъ положеніемъ руки невѣсты на руки ея отца и женихова свата во время рукобитія:

Змовленная Марусенька

Положила билу руку на заруку¹⁾.

По заключеніи брачнаго договора въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи родня невѣсты, отецъ, мать, кто либо изъ близкихъ родственниковъ и она сама идутъ къ жениху ознакомиться съ его семейнымъ и имущественнымъ положеніемъ²⁾. Въ малорусскомъ свадебномъ ритуалѣ, при всей его обрядовой архаичности, нѣтъ ни одной черты, оскорбляющей нравственное достоинство личности невѣсты, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда невѣста не признается сохранившей дѣвственную честь, и потому она и въ особенности

¹⁾ *Метлинскій*, Южно-русск. пѣсн, 124.

²⁾ *Кіевская Старина* 1883. II, 368.

ея родители подвергаются осмѣянію, въ послѣднее время, впрочемъ, сильно ослабѣвшему. Бракосочетаніе по взаимному согласію и любви жениха и невѣсты отразилось въ народной поэзіи веселой пѣсней. Невѣста нашла возможнымъ надѣяться на привѣтъ и ласку со стороны свекра и свекрови. Во всякомъ случаѣ она, отдаваясь любимому человѣку, съ увѣренностью могла выразиться въ пѣснѣ: «лучше миленькій, якъ братъ ридненькій».

Н. О. Сумцовъ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

(Продолженіе) ¹⁾.

Х.

Опасаясь, чтобы Польша не возвратилась вновь къ тому печальному состоянію, въ какомъ находилась до объединенія съ Литвою, поляки боялись также, чтобы Русь литовская современемъ не отдѣлилась и не присоединилась къ Руси московской. Слѣдствіемъ того являются уніи: городельская и люблинская, имѣвшія цѣлью слить литовцевъ и русскихъ въ одинъ народъ съ поляками. Но и этого было мало,—для полнаго сліянія все еще не доставало внутренней основы, и главнымъ препятствіемъ къ тѣсному сближенію русской и польской народности было различіе вѣроисповѣданія.

Не смотря на то, что поляки уже приучили русскую шляхту къ польскимъ порядкамъ и привилегіямъ, что шляхта эта породнилась съ польской, усвоила себѣ польскій языкъ, нравы, обычаи и весь польскій бытъ,—поляки замѣтили, что растерзанная Русь сдерживается единствомъ вѣры, такъ какъ еще оставалась нетронутой русская православная церковь, этотъ важный элементъ русской народности. Подстрекаемые своими менторами іезуитами, поляки рѣшились измѣнить религію, а съ нею вмѣстѣ и народность въ великомъ княжествѣ литовскомъ, т. е. рѣшились окатоличить и ополачить всѣхъ русскихъ до послѣдняго пана, до послѣдняго шляхтича и мѣщанина. Представленіе о вѣрѣ сливалось здѣсь съ

¹⁾ См. февральск. кн. «Кіевской Старины», 1885 г., стр. 283—307.

представленіемъ о національности; всякій католикъ былъ уже полякомъ, напротивъ, кто былъ православнымъ, уже по тому самому признавался и назывался русскимъ.

Король Сигизмундъ III всю славу своего царствованія видѣлъ въ томъ, чтобы всѣхъ инновѣрцевъ обратить въ католичество, а потому и русскую церковь въ Литвѣ желалъ соединить съ римскимъ костеломъ; и король, и все польское общество сходятся здѣсь въ своихъ намѣреніяхъ относительно ополяченія Руси. Обыкновенно бываетъ такъ, что высшая цивилизація побѣждаетъ низшую. Если дѣйствительно польская культура того времени была выше русской, какъ то утверждаютъ поляки, то Русь могла-бы ополячиться постепенно безъ насилія и принужденія; и нужно признать, что во время либеральнаго правленія первыхъ Сигизмундовъ и Баторія польскій языкъ дѣлалъ успѣхи на Руси. Но потому-ли, что поляки слишкомъ горячо принялись за дѣло національнаго обезличенія русскихъ, потому-ли, что духъ русской обладалъ огромнымъ запасомъ жизненныхъ силъ,—уничтоженіе Руси оказалось дѣломъ неисполнимымъ. Давленіе вызвало отпоръ, наступили кровавыя внутреннія войны, которыя потрясли всѣ основы польскаго государства, ослабили его и подготовили его паденіе. Мы видѣли, что уже Ягайло пытался Литву и Русь обращать въ католичество, но это вѣроисповѣданіе не привлекало русскихъ. Послѣ стойкаго протеста православнаго населенія противъ новой вѣры, іезуиты, недовольные слабыми успѣхами католицизма на Руси, возобновили проектъ уніи съ Римомъ, которымъ усердно занимались Скарга и Поссевинъ.

Для поддержки политической люблинской уніи, рѣшено было ввести унію церковную подъ тѣмъ предлогомъ, какъ говорилось, чтобы не было споровъ между двумя церквями, восточной и западной, при чемъ первая должна была удержать свои обряды и богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Унія должна была только соединить православныхъ и католиковъ подъ властью римскаго папы и одинаково уважать обряды восточной и западной церкви. Такою повидимому казалась сущность церковной уніи, но это было только повидимому, на самомъ-же дѣлѣ имѣлось въ виду національное вырожденіе. Оказалось, что католическая подделка въ православной вѣрѣ должна была служить только новымъ орудіемъ къ обращенію православныхъ въ католичество, или что-тоже, къ превращенію русскихъ въ по-

ляковъ, таѣ какъ унiя считалась переходной ступенью отъ одного исповѣданiя къ другому, или переходомъ изъ одной народности въ другую.

И на этотъ разъ унiя также не могла легко привиться на Руси, какъ не оказала она никакого влiянiя при митрополитѣ Исидорѣ; дѣло это требовало сперва надлежащей подготовки; необходимо было съ одной стороны путемъ школы и воспитанiя расположить къ унiи подростящее русское поколѣнiе, съ другой всѣ мѣста въ церковной русской iерархiи замѣстить лицами, симпатизировавшими Польшѣ и унiи.

Высшiй общественный классъ былъ полновластнымъ въ Польшѣ; поэтому, пока русская шляхта твердо держалась языка и вѣры своихъ предковъ, до тѣхъ поръ трудно было думать о введенiи унiи и ополяченiи. Слѣдовательно, необходимо было обратить особенное вниманiе на русскую шляхту. Чего не могли сдѣлать политическiя унiи — городельская и люблинская, то должны были довершить школы. Орудiемъ для того служили коллегiи, заводимыя iезуитами одна за другою.

Главной и, можно сказать, исключительной цѣлью iезуитскаго воспитанiя того времени въ русскихъ областяхъ было приготовить возможно больше adeptовъ католицизма и вмѣстѣ съ тѣмъ привить въ нихъ пренебреженiе и даже презрѣнiе къ православию. Для этой цѣли iезуиты пользовались не столько научными доказательствами, сколько разными другими приѣмами, влiявшими на молодые умы. Внушая не столько глубокой внутренней смыслъ религiи, которая должна все человѣчество соединять узами любви, сколько по преимуществу внѣшнiя ея формы, они прививали своимъ ученикамъ пагубный для народа фанатизмъ и вмѣсто любви учили ненависти.

Католики имѣли несравненно болѣе возможности и способствъ къ образованiю, нежели православные, и потому-то дѣти православныхъ пановъ воспитывались у iезуитовъ. Предки наши думали, что, получивши изъ рукъ иновѣрцевъ духовное оружiе, молодое поколѣнiе русскихъ людей употребить его на защиту православiя. Но iезуиты умѣли привязывать къ себѣ дѣтей, внушая имъ въ тоже время согласныя со своими цѣлями убѣжденiя о превосходствѣ католическаго исповѣданiя. Путемъ такого воспитанiя ученики такъ искусно

приучены были оказывать предпочтенеіе католичеству и презирать православіе, что сами, какъ-бы на перекоръ своимъ воспитателямъ, спѣшили принимать католичество, и тогда іезуиты приписывали такое обращеніе дѣйствию благодати.

Итакъ, одни оставляли свою народность благодаря іезуитскому воспитанію, другіе — вслѣдствіе браковъ съ поляками и т. д. Несмотря на блестящіе успѣхи, римско-католическая пропаганда не могла, однако, быстро достигнуть намѣченныхъ цѣлей. Православіе поддерживалось съ одной стороны церковными братствами и просвѣщеніемъ, которое уже начало развиваться, съ другой стороны на защиту его выступилъ народъ и козаки. Правда, церковная іерархія рѣдко употребляла въ дѣло козаковъ, однако не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что между корпораціями духовной и военной существовала тѣсная связь. Какъ представители православнаго духовенства, такъ и знаменитые козацкіе гетманы происходили обыкновенно изъ того класса русской шляхты, который не искалъ карьеры при дворахъ крупныхъ магнатовъ, а самъ прокладывалъ себѣ дорогу къ независимому положенію въ обществѣ.

Братства сами избирали своихъ старшинъ, открывали школы для обученія дѣтей безъ различія сословій, основывали больницы и типографіи, а въ религіозномъ отношеніи, заручившись значительными привилегіями отъ восточныхъ патріарховъ, старались поднять церковь изъ того состоянія упадка, въ какое она приведена была панскимъ патронатомъ.

Магдебургское право, связывавшее мѣщанъ въ цехи, навело русскихъ мѣщанъ на мысль о церковныхъ братствахъ; являются братства съ характеромъ опекуновъ надъ церквами и монастырями, они становятся патронами не на словахъ, а на дѣлѣ; они слѣдятъ за поведеніемъ духовенства и даже за дѣйствіями епископовъ.

Братства являются главнымъ орудіемъ развитія просвѣщенія въ краѣ; они быстро возникаютъ одно за другимъ, и вездѣ, гдѣ появляется братство, тотчасъ отерывається школа. Братства посылали способныхъ молодыхъ людей въ западные университеты для высшаго образованія и подготовки къ преподаванію въ братскихъ школахъ. По мѣрѣ размноженія братскихъ школъ и типографій увеличивалось и число тѣхъ, кто писалъ, читалъ и думалъ надъ вопросами,

касавшимися ихъ духовной и національной жизни и въ состояніи былъ бороться противъ іезуитской пропаганды.

Такъ какъ шляхта представляла собою силу въ Польшѣ, то братства стараются вербовать для себя членовъ среди богатой и сильной шляхты православнаго вѣроисповѣданія и часто находятъ содѣйствіе въ томъ-же домѣ и даже въ томъ-же лицѣ, что и іезуиты. Больше значение получали братства, когда въ спискахъ ихъ фигурировали имена магнатовъ, приносящія имъ впрочемъ больше блеску, нежели дѣйствительной пользы. Сами эти паны говорили: «мы не живемъ въ городахъ и рѣдко въ нихъ бываемъ, поэтому возлагаемъ надзоръ и передаемъ все дѣло меньшимъ нашимъ братьямъ съ тѣмъ, чтобы они сносились съ нами, а мы, въ свою очередь, обязуемся помогать имъ». Не смотря на свой характеръ, братства церковныя были явленіемъ болѣе или менѣе кратковременнымъ. Они могли держаться только до тѣхъ поръ, пока католической пропагандѣ не удалось обратить въ католичество высшіе слои русскаго общества и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабить мѣщанство. Случилось это въ теченіи XVII ст., и братства сами собою потеряли значеніе.

Что касается церковно-іерархическаго устройства, то предки наши избирали громадской волей достойныхъ лицъ не только на приходы и архимандріи, но и для замѣщенія епископскихъ и митрополичьихъ каяедръ. Церковь русская сохраняла тотъ основной принципъ, что пастыри церковныя выбираются для народа, для него и надъ нимъ существуетъ духовная власть; поэтому только народъ, а не кто иной, долженъ избирать пастыря изъ среды себя, такъ какъ онъ лучше всего можетъ знать жизнь и способности избираемаго. Но со времени политическаго объединенія Литвы съ Польшею короли польскіе распространяютъ и на православную церковь захваченное ими раньше въ церкви католической право подаванія «духовныхъ хлѣбовъ» и зачастую раздаютъ епископскія мѣста лицамъ, никогда не приготовлявшимся къ занятію духовныхъ должностей.

Русскія епископскія каяедры замѣщались придворными или чиновниками безъ всякаго богословскаго образованія. Кліентъ кн. Радзивилла, впоследствии востелянъ брестскій, Адамъ Поцѣй, измѣнившій православію ради реформатства, а этому послѣднему для католичества, по совѣту близкихъ и вліятельныхъ людей по смерти

жены своей возвратился снова къ вѣрѣ отцевъ и принялъ монашество, чтобы достигнуть епископской кафедры. Такимъ образомъ Поцѣй, бывшій еще въ мартѣ кастеляномъ, въ апрѣлѣ того же года былъ уже епископомъ.

Илія Мороховскій изъ королевскаго секретаря сдѣлался епископомъ владимірскимъ.

Арсеній Желиборскій, на двадцать третьемъ году жизни, изъ придворнаго короля Владислава IV сдѣланъ былъ епископомъ львовскимъ.

Кирилль Терлецкій, епископъ луцкій, до поставленія во епископы былъ писаремъ литовскаго скарбника Ниволоя Тризны.

Янъ Рутскій, прежде кальвинистъ, обращенъ былъ въ католичество и затѣмъ, по совѣту іезуита Бокса и по приказанію папы, перешелъ въ православіе, чтобы быть поставленнымъ русскимъ епископомъ.

Такъ продолжалось до самаго конца XVII и начала XVIII ст. Юсифъ Шумлянскій изъ солдата сдѣлался епископомъ львовскимъ и т. д.

Однимъ словомъ, люди свѣтскіе, безъ малѣйшаго богословскаго образованія, постригались въ монахи, чтобы вслѣдъ за тѣмъ быть поставленными въ русскіе епископы. Для дополненія картины нужно вспомнить православнаго кіевскаго митрополита Онисифора Дѣвочку, чтобы имѣть понятіе о томъ, какими владыками управлялась православная церковь подъ польскимъ патронатомъ.

Русская шляхта, собранная на сеймѣ варшавскомъ въ 1585 г., указываетъ митрополиту на безпорядки въ русской церкви: «много зла произошло въ нашей церкви во время пастырскаго правленія вашей милости: оскорблялась святыня, запирались св. дары, опечатывались церкви, воспрещался колокольный звонъ, священниковъ отрываютъ отъ алтарей и сажаютъ въ тюрьмы, а мірянамъ запрещаютъ молиться, изгоняя ихъ изъ храмовъ Божіихъ. Но того мало,—рубятъ кресты, по требованію жидовъ берутъ на замокъ колокола, а ваша милость своими сочиненіями еще помогаетъ противъ церкви на радость жидамъ, на приниженіе святой вѣры и на нашу погибель. Сверхъ того обращаютъ церкви въ іезуитскіе костелы и въ ихъ пользу записываютъ церковныя имѣнія. Въ монастыряхъ, вмѣсто игумена и братіи, живутъ игумены съ женами и дѣтьми, и то, что

должно-бы служить къ славѣ Божіей, осквернено святотатствомъ... Но хуже всего то, что ваша милость сами ставите епископовъ безъ свидѣтелей и безъ насъ, своей братіи, что воспрещается и уставами церкви,—въ слѣдствіе того являются недостойные епископы, которые въ своихъ епархіяхъ, на поруганіе святой вѣры, живутъ съ женами и имѣють дѣтей»...

Въ 1588 г. константинопольскій патриархъ Іеремія по пути въ Москву испросилъ у короля Сигизмунда III позволеніе воспользоваться принадлежавшимъ ему правомъ суда и расправы надъ русскимъ духовенствомъ. Патриархъ зналъ о беспорядкахъ въ церковномъ управленіи на Руси и намѣревался низложить митрополита Онисифора Дѣвочку, тѣмъ болѣе, что оказалось, что онъ жилъ въ двоеженствѣ. Католики не противились этому намѣренію—они готовили на этотъ важный постъ своего кандидата, минскаго архимандрита Михаила Рагозу, воспитаннаго іезуитами. А патриархъ, не собирая справокъ, удовольствовался только рекомендаціей воеводы Скумина Тышкевича, будущаго противника униі, да немногихъ русскихъ пановъ, подготовленныхъ къ возвышенію Рагозы на митрополию, и возвелъ послѣдняго въ санъ митрополита.

Между тѣмъ Рагоза получилъ отъ іезуитовъ особую инструкцію относительно подготовки русскаго духовенства и народа къ униі; за успѣшное выполненіе этого дѣла они обѣщали сдѣлать его примасомъ восточной церкви и доставить ему первое мѣсто въ сенатѣ послѣ короннаго или католическаго примаса. Въ инструкціи между прочимъ значилось: «поучать декановъ, налагать подати на священниковъ и слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не осмѣливался устраивать собориковъ или съѣздовъ. Непослушныхъ сажать въ тюрьму. Не вводить сразу новыхъ церковныхъ обрядовъ,—обряды могутъ быть замѣнены постепенно. Не пренебрегать диспутами и спорами для виду съ представителями западной церкви, чтобы тѣмъ легче отводить глаза шляхтѣ и черни. Не вступать въ открытую борьбу противъ черни, но вести ее тайно и постепенно. Основывать особыя школы для русской молодежи, но не препятствовать имъ посѣщать католическіе костелы и оканчивать образованіе въ школахъ отцевъ іезуитовъ и т. д.» Такъ-то, вмѣсто того, чтобы привязать къ себѣ Русь путемъ удовлетворенія справедливыхъ ея интересовъ, старались усилить дѣло объединенія путемъ деморализаціи.

Деморализація охватила въ особенности высшее русское духовенство. Достигшіе епископскихъ кафедръ путемъ вышеуказаннымъ заботились о себѣ, а не о церкви, ихъ привлекали церковныя имѣнія, а не духовныя интересы, они вели свѣтскую и даже семейную жизнь,—однимъ словомъ жили, какъ магнаты, предпринимали другъ противъ друга походы за обладаніе церковными имѣніями, налагали на низшее духовенство большія подати и тягости, а между тѣмъ церковь разрушалась, приходила въ сильное разстройство и клонилась къ упадку.

Неудивительно поэтому, что такіе пастыри, не задумываясь, принимали унію, къ чему обыкновенно обязывались еще до посвященія, а потомъ принуждали къ тому свои епархіи.

Скарга приписывалъ упадокъ русской церкви семейной жизни православнаго духовенства, богослуженію на славянскомъ языкѣ и вмѣшательству свѣтской власти въ церковныя дѣла. Іезуитскій духъ мѣшалъ ему видѣть, или, правдоподобнѣе, онъ не хотѣлъ сознаться, въ чемъ состояла причина зла.

Послѣдняя изъ указанныхъ имъ причинъ, именно присвоенное королями право назначенія русскихъ епископовъ по своему произволу имѣло здѣсь огромное значеніе,—оно сдѣлалось вскорѣ источникомъ многихъ золъ для православной церкви; но было-бы несправедливо приписывать все іезуитской пропагандѣ и полякамъ: они только эксплуатировали въ свою пользу положеніе вещей.

Русскому обществу не доставало просвѣщенія, и до второй половины XVI в. оно не имѣло другой литературы, кромѣ хроникъ, актовъ и рукописныхъ церковныхъ книгъ. Правда, во времена Ярослава и его преемниковъ, по свидѣтельству ученыхъ и между прочимъ Шафарика, просвѣщеніе на Руси стояло выше, нежели въ большей части европейскихъ странъ; но съ тѣхъ поръ Русь пережила княжескія междоусобія, татарское иго и религіозно-политическое давленіе Польши сперва въ отдѣльныхъ частяхъ, а потомъ и въ цѣломъ.

Упадокъ богатой древне-русской культуры долженъ былъ произойти не столько подъ вліяніемъ первыхъ двухъ причинъ, сколько отъ продолжительнаго и сильнаго дѣйствія послѣдней. Съ тѣхъ поръ, какъ Русь пришла въ политическое соприкосновеніе съ Польшею, польское правительство не только не способствовало развитію,

а напротивъ не пренебрегало ничѣмъ, что могло повести къ ослабленію и уничтоженію русской народности,—лучшія силы и способности народа должны были ослабнуть. Когда обрекались на упадокъ церкви и школы, когда ограничивались гражданскія и общественныя права приверженцевъ православія, отнималось ихъ имущество и собственность, когда хитростью или силою отрывали отъ народа русскую шляхту и ополячивали ее,—то каждый легко пойметъ, что остатокъ русскаго народа былъ низведенъ до состоянія матеріальнаго безсилія и политическаго нуля, а по тому самому и языкъ народный оставался въ пренебреженіи.

Собравшись на сеймъ, патроны не разъ толковали объ упадкѣ русской церкви, обращались иногда къ русскимъ епископамъ съ рѣзкими замѣчаніями, какъ мы это видѣли въ письмѣ къ митрополиту Онисифору, и однако ни разу отъ словъ не перешли къ дѣлу.

Правда, явилась было мысль—поднять просвѣщеніе, сдѣлавъ общедоступнымъ для массы священное писаніе; но какъ достигнуть этого, когда долгое время не было ни школъ, ни типографій? Полочанинъ Скорина перевелъ библію на современный русскій языкъ, каковой употреблялся высшими сословіями, т. е. болгарскій, уснащенный полонизмами. Эту библію онъ напечаталъ въ чешской Прагѣ. Въ 1562 г. основана первая типографія въ Несвижѣ. Здѣсь Симеонъ. Будный напечаталъ протестантскій ватехизисъ и предложилъ его русскому обществу. Нѣсколько позже литовскій гетманъ Григорій Ходкевичъ основалъ типографію въ своемъ имѣніи Заблудовѣ, и здѣсь бѣжавшіе изъ Москвы типографщики Иванъ Федоровъ и Петръ Мстиславецъ напечатали евангеліе съ толкованіемъ. Наконецъ основана на Руси знаменитая острожская типографія, въ которой тотъ-же Федоровъ напечаталъ въ первый разъ полную церковную библію на славянскомъ языкѣ. Это было первымъ важнымъ шагомъ на пути къ просвѣщенію русскаго общества.

Давая у себя приютъ московскимъ типографщикамъ, русскіе паны—Ходкевичъ и Острожскій оказали великую заслугу не только типографскому дѣлу, которое впоследствии расширили братства, но и всей Руси. При посредствѣ книгопечатанія Несвижъ, Заблудовъ, Острогъ, Львовъ, Вильна, затѣмъ Кіевъ и многіе другіе города пришли къ сознанию русскаго единства, а дѣйствовавшіе въ этихъ

городахъ станки сблизили Литву съ Червоною Русью, а вскорѣ потомъ—съ 1580 г. сблизили съ обѣими и Украину.

Въ XVII ст. южная Русь значительно возвысилась въ европейской цивилизаціи своими школами и типографіями, своими духовными писателями и учеными во время борьбы противъ униі и католицизма (Смотрицкій, Копыстенскій, Могила, Гизель и др.). Между тѣмъ исходъ борьбы между двумя враждебными элементами долго оставался сомнительнымъ.

Въ толпѣ гостей, безпрестанно окружавшихъ магната, ни одинъ изъ элементовъ не имѣлъ перевѣса: ни польскій, ни русскій, ни православный, ни католическій, ни новое реформаціонное ученіе. Домъ магната уподоблялся рынку, на которомъ встрѣчались всевозможные товары; это было какъ-бы порто-франко, куда свозилось все безъ контроля. На столѣ знаменитаго защитника православія, князя Острожскаго, лежали сочиненія Поссевина и Скарги рядомъ съ сочиненіями князя Курбскаго или аѳонскаго монаха Іоанна Вишенскаго; іезуитъ Мотовило былъ его любимымъ собесѣдникомъ. Въ дворецъ Острожскаго собирались для диспутовъ и пріятельскихъ бесѣдъ представители католицизма и православія вмѣстѣ съ представителями лютеранства, кальвинизма и соцініанства. Неудивительно поэтому, что Янушъ Острожскій еще при жизни отца отрекся отъ вѣры и національности своихъ предковъ и сдѣлался полякомъ.

Итакъ, не патроны охраняли русскую народность. Охраняли ее стойкость мѣщанъ съ одной стороны, монастырскій аскетизмъ съ другой, и наконецъ храбрость запорожцевъ; простой народъ былъ четвертымъ консервативнымъ элементомъ, но онъ находился въ рукахъ тѣхъ, кто владѣлъ имъ.

Въ одномъ изъ параграфовъ инструкціи митрополиту Рагозѣ значилось: православную церковь унижать во всѣхъ отношеніяхъ.

Для уясненія этого пункта нужно указать, какимъ имуществомъ владѣла русская церковь и что сдѣлано съ нимъ мало по малу. До водворенія польскаго правительства на Руси, здѣсь не было ни одной епархіи, ни одного прихода католическаго, поэтому всѣ церковныя имѣнія составляли собственность православныхъ церквей. Пожертвованія на церкви и монастыри были такъ значительны,

что давали полную возможность епископамъ удовлетворять ихъ миссіи, поддерживать учебныя и благотворительныя заведенія, украшать храмы и т. д. Чтобы унижить русскую церковь, іезуиты задумали лишить ее имущества, что и было постепенно исполнено съ теченіемъ времени. Исторія не знаетъ ничего о томъ, чтобы польское правительство учреждало новыя православныя епархіи, или надѣляло бенефиціями уже существующія; напротивъ, извѣстно огромное число фактовъ отобранія православныхъ церквей и обращенія ихъ въ латинскіе костелы.

Еще Ягайло отбиралъ у православныхъ церкви и отдавалъ ихъ католикамъ. Когда въ 1414 г. сдѣлалась вакантною галицкая митрополія, православные въ теченіи 125 лѣтъ не получали для себя епископа, вслѣдствіе чего церковныя имущества перешли въ частныя руки. Гораздо позже начали надѣлять латинскіе епископства и костелы и то по большей части имѣніями, принадлежавшими русскимъ церквамъ, что вызывало вооруженныя схватки и порождало ненависть.

Вмѣстѣ съ отобраніемъ церквей отнимались у православнаго духовенства и всѣ средства къ существованію. Десятина, предназначенная для русскихъ церквей, послѣ обращенія ихъ въ католическія, переходила къ послѣднимъ. Такимъ образомъ бѣднѣли православные епископы, духовенство, учебныя и богоугодныя заведенія приходили въ упадокъ и научная подготовка бѣлаго духовенства становилась невозможной, блѣднѣлъ старинный блескъ русской церкви, исчезало ея значеніе и вліяніе. Препрежее богатство монастырей и другихъ учрежденій смѣнилось бѣдностью и нуждою. Для враговъ православія это было самое желательное положеніе вещей, когда духовенство, обнищавшее, погрязшее въ невѣжествѣ и лишенное значенія вмѣстѣ съ церковью, которой оно было представителемъ, могло быть выставлено на позоръ и осмѣяніе. Въ видахъ униженія православія русскихъ епископовъ называли владыками, священниковъ полами, а церкви синагогами.

Такъ, путемъ воспитанія русской шляхты въ іезуитскихъ школахъ, замѣщенія епископскихъ кафедръ удобными для іезуитовъ лицами и обнищанія русскихъ церквей подготовлялось введеніе униі. Послѣ такихъ подготовительныхъ мѣръ агенты римской куріи считали Русь вѣрною и легкой добычей для латинской церкви. Однако

на дѣлѣ оказалось, что добыча далеко не была такъ легка и что невѣжественныхъ православныхъ поповъ и неграмотный русскій народъ гораздо труднѣе заставить переимѣнить вѣру, нежели образованныхъ патროновъ православія.

XI.

Русскіе имѣли много поводовъ задуматься надъ униєю. Съ одной стороны имъ говорили: «примите унию и будете уравнены въ правахъ съ поляками»; съ другой—православные епископы и русская шляхта уже въ теченіи двухъ столѣтій привыкли къ союзу съ католической Польшей.

Долгій путь, исполненный терпѣнія съ одной стороны и всевозможныхъ притѣсненій съ другой, заставилъ многихъ православныхъ освоиться съ мыслью о необходимости какимъ-бы то ни было образомъ положить конецъ двухвѣковой враждѣ одноплеменныхъ народовъ. Мысль эта поддерживалась еще тѣмъ соображеніемъ, что и въ старину обѣ церкви, западная и восточная, были объединены, не смотря на различіе ихъ обрядовъ; поэтому надѣялись, что униія не измѣнитъ православной вѣры.

Съ другой стороны Константинополь находился во власти турокъ, отъ которыхъ зависѣлъ и православный патріархъ; ограбленные турками, патріархи не разъ находились въ необходимости собирать на Руси подаяніе; то-же происходило и при смѣнѣ духовныхъ начальниковъ. Слѣдствіемъ такого положенія дѣлѣ являлись большіе беспорядки и униженіе высокаго значенія патріарха.

Упадокъ православной церкви порождаетъ религіозный индифферентизмъ среди русскихъ пановъ; неудивительно поэтому, что послѣдніе такъ быстро переходятъ въ лоно католической церкви, особенно съ того времени, какъ начинаютъ вступать въ родственныя связи съ польскими домами. Вотъ причины, почему даже такіе столпы православія, какъ князь Константины Острожскій, входятъ въ переговоры объ униі. Острожскій, вмѣстѣ со многими другими панами, надѣялся, что покровительство папы можетъ защитить русскую церковь отъ притѣсненій со стороны поляковъ и прекратить неурядицы въ православной іерархіи. Такъ думало и большинство; всѣ надѣялись на возможность сохранить во всей чистотѣ греко-восточное испо-

вѣданіе, пока не убѣдились наконецъ въ истинномъ значеніи уніи.

Что князь Острожскій понималъ унію, какъ дѣйствительное объединеніе церквей, видно изъ того, что онъ предпринималъ соединеніе не одной только западно-русской церкви, но и всей восточной, и съ этою цѣлью началъ сношенія съ московской Русью. Иначе смотрѣли на дѣло русскіе епископы: они думали только о присоединеніи одной западно-русской церкви, находившейся въ польскомъ государствѣ, и для того нѣсколько разъ съѣзжались на совѣщанія, пока наконецъ не подписали согласія на унію. Поцѣй извѣстилъ о случившемся князя Острожскаго, который былъ этимъ сильно раздраженъ.

Душою уніатской партіи были: Кириалъ Терлецкій, епископъ луцкій, и Ипатій Поцѣй, епископъ владиміро-волинскій.

Возобновленіе уніи, популярное въ средѣ польской шляхты, которая усматривала въ ней еще одну сильную связь съ короной, не было однако популярнымъ среди русскаго народа, который предчувствовалъ, что это нововведеніе не будетъ въ его пользу. Если мѣщане и крестьяне и принимали унію, то дѣлали это изъ страха и въ теченіи долгаго времени готовы были отпасть отъ нея. Между тѣмъ на Украинѣ, гдѣ народъ въ силу долговременной привычки къ войнѣ былъ отважнѣе и менѣе проницателенъ, невольничьимъ страхомъ, унія прививалась съ большимъ трудомъ. Сверхъ того отвращеніе къ уніи усиливали тѣ приемы, какими сопровождалось ея насажденіе въ краѣ.

Когда вѣсти о принятіи уніи дошли до народа, со всѣхъ сторонъ поднялись голоса, требовавшіе всеобщаго собора. Между тѣмъ митрополитъ колебался или дѣлалъ видъ, что не можетъ оставить своей церкви; онъ объявилъ главнымъ дѣтелямъ уніи, Терлецкому и Поцѣю, а черезъ нихъ и королю, что не отказывается отъ уніи,—готовъ принять ее, если она будетъ принята на соборѣ духовенства и мірянъ, до отправленія депутаціи въ Римъ. Князь Острожскій въ свою очередь заявилъ, что такое важное дѣло не можетъ быть рѣшено безъ общаго собора. Этотъ путь былъ самымъ естественнымъ.

Сперва король согласился созвать соборъ и даже распорядился изготовить универсалъ, но, убѣдившись въ невозможности ожидать

общаго согласія на унію, не выпустилъ его изъ канцеляріи и приказалъ Поцѣю съ Терлецкимъ ѣхать въ Римъ. По крайней мѣрѣ сдѣлали видъ, что унія не была навязана, но что ее приняли даже русскіе епископы.

Между тѣмъ, пока Поцѣй и Терлецкій успѣли съѣздить въ Римъ и возвратиться, въ Украинѣ вспыхнуло первое козацкое возстаніе подъ предводительствомъ Косинскаго. Позволительно еще сомнѣваться въ томъ, чтобы возстаніе Косинскаго поднялось изъ чисто религіозныхъ побужденій. Вначалѣ у козаковъ освобожденіе братьевъ изъ неволи считалось лучшимъ дѣломъ благочестія. Если когда-нибудь козакъ задумывался о своемъ душевномъ спасеніи, то навѣрно представлялъ его себѣ не иначе, какъ въ размѣрѣ того вреда, какой онъ наносилъ татарамъ и туркамъ. Какъ люди необразованные и не посвященные во всѣ тайны богословія, казаки знали только, что вѣра ихъ—не шляхетская; они знали, что ихъ предки, какъ и сами они, убѣгали въ степи отъ пановъ-католиковъ; поэтому пань-католикъ является для нихъ такимъ-же враждебнымъ существомъ, какъ бусурманинъ, набѣгающій съ лукомъ и арканомъ, или еврей арендаторъ.

Теперь казаки нападаютъ на панскіе дворы, разоряютъ ихъ, уничтожаютъ шляхетскіе документы, они сильнѣе борются противъ польскихъ порядковъ, которые усматриваютъ также и въ подчиненіи русской церкви папѣ. На эту мысль наводитъ то обстоятельство, что Косинскій завѣщаетъ и опустошаетъ имѣнія князя Острожскаго, котораго считали польскимъ магнатомъ за то, можетъ быть, что онъ хлопоталъ объ уніи.

Овладевъ многими украинскими городами и даже Кіевомъ, безъ особаго ихъ сопротивленія, Косинскій вездѣ отбиралъ присягу на вѣрность украинскому войску. Онъ уже составляетъ планъ—отторгнуть Русь отъ Польши, разрушить въ ней аристократическій распорядокъ, ввести козацкое устройство и распространить его равно на лицъ шляхетскаго и не шляхетскаго происхожденія, чтобы не было различія сословій, чтобы всѣ были равны и на равныхъ правахъ владѣли землею. Такой планъ угрожалъ Польшѣ опасностью политическаго и общественнаго переворота, поэтому король обратился къ дворянству южно-русскихъ воеводствъ, призывая его къ оружію противъ врага.

Князь Острожскій вооружилъ шляхту въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ и послалъ ее противъ возставшихъ, подъ начальствомъ своего сына Януша. На этотъ разъ Косинскому не посчастливилось: послѣ неудачнаго боя подъ Пяткой козаки принуждены были дать обѣщаніе выбрать себѣ другаго предводителя,—тѣ-же, которые не были подъ Пяткой, не думали о новомъ выборѣ и, напротивъ, побуждали Косинскаго къ новому возстанію, говоря: «Абожь то не наша земля? чи-жь не мы ии видѣ орды одибрали? Чіе-жь тутъ право?» Косинскій не могъ противиться общественному давленію, но, пока стягивались новыя силы, онъ погибъ во время пирушки въ Черкасахъ; тамъ поднялся споръ, перешедшій въ драку, и одинъ ударъ измѣнника, или просто пьянаго, пресѣкъ бурную жизнь Косинскаго. Козаки избрали послѣ него гетманомъ Лободу.

Такъ начались продолжительныя войны между тѣми, кто считалъ землю своею собственностью на основаніи королевскихъ привилегій, и тѣми, которые признавали ее своею собственностью, приобрѣтенною путемъ завоеванія отъ татаръ; между тѣми, кто смотрѣлъ на свободу, какъ на гербовую привилегію, и тѣми, кто считалъ ее природной и неотъемлемой собственностью каждаго человѣка. Силы были неравны и если борьба не имѣла слѣдствіемъ завоеванія свободы, то все таки приготовила упадокъ Польши.

Обыкновенно шляхетская партія, съ помощію наемныхъ регулярныхъ войскъ, одерживала верхъ надъ возставшими, предводители возстанія подвергались строгимъ карамъ, а Украина—еще болѣе тяжкимъ притѣсненіямъ.

Изъ вождей козацкихъ, въ эпоху между 1593—1638 гг., особенно прославились борьбою съ поляками: Наливайко, Тарасъ Трасило, Павлюкъ, Острианинъ. Одному только Сагайдачному, вѣрному защитнику православія, удалось достигнуть почета отъ польскаго правительства и жить въ мирныхъ отношеніяхъ съ шляхетскою партією, какъ то увидимъ ниже.

Между тѣмъ какъ поляки стараются всѣми силами подавить возстаніе Косинскаго, Поцѣй и Терлецкій приносятъ присягу на вѣрность папѣ, обѣщая ему всегдашнее послушаніе въ дѣлахъ вѣры, а на родинѣ всѣ возмущаются самовольнымъ ихъ поступкомъ.

Въ это время, кромѣ реестровыхъ козаковъ, состоявшихъ подъ начальствомъ Лободы, появляется другое козацкое войско, возникшее

по собственной инициативѣ, подъ предводительствомъ Наливайка. Возстаніе его, начавшись на Волыни, носить до нѣкоторой степени религиозный характеръ. Наливайко нападаетъ на имѣнія русскихъ епископовъ и мірянъ, склонныхъ къ униі, занимаетъ Луцкъ, гдѣ мѣсть козаковъ обращается на сторонниковъ и слугъ Кирилла Терлецкаго; затѣмъ поворачиваетъ на Бѣлоруссію, добываетъ Слуцкъ, гдѣ находитъ большой запасъ оружія, занимаетъ Могилевъ, захватываетъ спрятанныя въ Пинскѣ драгоценныя церковныя вещи, принадлежавшія Терлецкому, и овладѣваетъ важными документами на пергаментѣ съ подписями духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, изъявившихъ согласіе на унию.

Зимой 1595—1596 г. Наливайко соединился съ козацкимъ гетманомъ Лободою и возстаніе начало принимать грозные размѣры. Король посылаетъ противъ козаковъ короннаго гетмана Жолѣвскаго и война между ними продолжается упорно до конца мая 1596 г. Для обѣихъ сторонъ рѣшался вопросъ о жизни и смерти, вопросъ о томъ, быть-ли на Руси польскимъ или русскимъ порядкамъ. Стѣсненные польскими войсками, казаки переправились на лѣвый берегъ Днѣпра и были осаждены подъ Лубнами. Тутъ между козаками начались несогласія; сначала Наливайко низложилъ съ гетманства и убилъ Лободу, а самъ сдѣлался гетманомъ, но въ свою очередь былъ схваченъ, выданъ полякамъ и казненъ въ Варшавѣ.

Какой-то *fatum* тяготѣлъ надъ Польшей. Едва казнили одного Наливайка, какъ къ тому времени уже появлялся другой; у воротъ новаго замка въ Жолквѣ явился Михайло Хмѣльницкій, отецъ Богдана, называя себя банитомъ, и этого было достаточно, чтобы онъ былъ принятъ въ замкѣ. Недостатокъ людей близъ границъ не позволялъ слишкомъ критически относиться къ ихъ прошлой жизни. Послѣ брака дочери Жолѣвскаго съ богатымъ паномъ Даниловичемъ, Михайлъ Хмѣльницкій былъ причисленъ къ свитѣ, сопровождавшей молодую въ домъ ея мужа.

Даниловичу принадлежала вся Корсунщина и Чигиринщина и онъ поручилъ Хмѣльницкому управленіе этими обширными имѣніями. Тотъ, съ разрѣшенія своего пана, завелъ собственное хозяйство въ лѣсистой мѣстности Суботовѣ, на лѣвомъ берегу рѣчки Тясмина; позиція была опасная—еще недавно за Тясминою кочевали татары, да и теперь появлялись они на лѣвомъ берегу Днѣпра.

Тавъ возникло Суботово, послужившее въ непродолжительномъ времени послѣднимъ поводомъ къ всеобщей внутренней войнѣ.

Правда, на Украинѣ съ давнихъ поръ шли споры съ козаками за поземельную собственность. Шляхта старалась захватить козацкія земли въ фактическое владѣніе и обратить жителей въ крѣпостныхъ, что впрочемъ не такъ-то легко удавалось; но непрерывныя требованія шляхты о распространеніи польскаго права были главнымъ поводомъ непріязненныхъ отношеній между козаками и шляхтой, превратившихся вскорѣ въ упорную борьбу. Козаки видѣли, что тѣ порядки, отъ которыхъ ихъ предки уходили изъ центра шляхетства, послѣдовали за ними и на Украину, а отсюда уже нѣкуда было уходить, развѣ въ турецкую или татарскую неволю. Оставалось на выборъ изъ двухъ одно: или склонить голову подъ панское ярмо, или защищать свободу до послѣдней капли крови. Убѣгая изъ-подъ власти пана или старосты въ козачество, крестьянинъ приносилъ туда глубокую ненависть ко всему, что было панскимъ, шляхетскимъ и польскимъ, тавъ какъ ненавистный ему панъ былъ или становился полякомъ. Наравнѣ со всѣмъ панскимъ ненавистна была козаку католическая вѣра, а еще нестерпимѣе была унія, какъ одинъ изъ признаковъ панскаго гнѣта, насильно навязанный его совѣсти; православная вѣра, напротивъ, была для русскаго народа признакомъ свободы. Съ этого времени козачество, которое теперь пополняется исключительно изъ простаго народа, готово защищать съ оружіемъ въ рукахъ все, что было дорогаго для этого народа. Съ этого времени козачество становится народнымъ представительствомъ на Руси.

Въ началѣ 1596 г. возвратились на родину Поцѣй и Терлецкій. Кромѣ писемъ къ православнымъ епископамъ и митрополиту, привезли они отъ папы письмо на имя короля Сигизмунда III съ просьбою возвратить несправедливо отнятыя церковныя имѣнія, русское духовенство уравнять въ правахъ съ польскимъ, а именно—дать мѣста въ сенатѣ русскимъ епископамъ, однимъ словомъ удовлетворить представленнымъ епископами условіямъ, пополненіе которыхъ зависѣло отъ короля. Однако просьба папы осталась безъ послѣдствій.

Между тѣмъ унія встрѣтила въ краѣ сильное противодѣйствіе со стороны церковныхъ братствъ и даже на сеймѣ варшавскомъ

1596 г. враждебно смотрять на введеніе уніи, предвидя могущія произойти отсюда волненія. Но не смотря на то, что всѣ опасались народнаго возстанія и предвидѣли большія несчастья, Сигизмундъ III рѣшился ввести унію и созвалъ соборъ въ Брестѣ литовскомъ на 6 октября 1596 г. для ея утвержденія. Съ своей стороны князь Острожскій извѣстилъ о томъ восточныхъ патріарховъ; по его просьбѣ присланы были протосинкелы (намѣстники) отъ константинопольскаго патріарха Никифора и александрійскаго Кирилла. Острожскій также дѣлалъ приготовленія къ собору. Собравшись въ назначенный срокъ, соборъ тотчасъ раздѣлился на два лагеря, изъ которыхъ каждый по своему относился къ уніи. Уніатскій лагерь составляли католическіе бискупы, іезуиты, поляки и униаты, явившіеся съ митрополитомъ Рагозою. Засѣданія уніатской партіи происходили въ каедральномъ соборѣ. Православный лагерь образовали экзархи двухъ восточныхъ патріарховъ, сербскій митрополитъ Лука, русскіе епископы: львовскій Гедeonъ и перемышльскій Михаилъ, и другіе сановники церкви, далѣе со стороны мірянъ—князь Острожскій, представители братствъ, земскіе послы и т. д.

Брестъ принадлежалъ къ епархіи Поцѣя, который приказалъ запереть всѣ остальные церкви, чтобы лишить православныхъ мѣста для собраний, такъ что они были принуждены собираться въ частномъ домѣ.

Православные въ свою очередь раздѣлились на двѣ партіи: духовную и свѣтскую. Согласно древнимъ обычаямъ восточной церкви, для измѣненія догматовъ вѣры недостаточно было постановленія одного только духовенства, требовалось также согласіе свѣтскихъ лицъ какъ шляхетскаго сословія, такъ и простаго народа. Въ силу этого принципа, на созванный въ Брестѣ соборъ для совѣщанія объ уніи явились многіе изъ свѣтскихъ сановниковъ литовскихъ и русскихъ. Между тѣмъ какъ духовенство занялось обсужденіемъ уніи со стороны религіозной, свѣтская партія, не вдаваясь въ богословскіе диспуты, защищала свою вѣру на основаніи правъ, обеспечивавшихъ свободу вѣроисповѣданія и подтвержденныхъ какъ великими князьями литовскими, такъ и польскими королями. Глава православнаго собора, протосинкель Никифоръ, три раза приглашалъ кievскаго митрополита на засѣданія собора, но когда онъ не явился и отвѣтилъ, что подчинился уже западной

церкви, православный соборъ объявилъ лишенными сана какъ самаго митрополита, такъ и епископовъ, признавшихъ унию. Эти съ своей стороны отвѣтили тѣмъ-же, т. е. низложили православныхъ іерарховъ.

Послѣ отказа со стороны духовной партіи, свѣтская единогласно объявила, что весь литовско-русскій народъ настроенъ противъ униі. Составленъ былъ протестъ какъ противъ самой униі, такъ въ особенности противъ способовъ ея введенія, объявлено низложеніе принявшихъ унию священниковъ и послана королю просьба о назначеніи новыхъ епископовъ на мѣсто отпавшихъ отъ православія.

Уніатскій лагерь уже не обсуждалъ вопроса объединенія церквей,—оно еще раньше было рѣшено безъ собора и утверждено папою. Прочитанъ былъ только папскій декретъ, т. е. объявлена униа, которую нужно было ввести насильно.

Такое объявленіе униі сильно возмутило русскихъ пановъ. Всюду ожидали страшныхъ волненій; дѣйствительно, шляхта, мѣщане и козаки могли на этотъ разъ соединиться для общаго дѣла, но іезуиты рассчитывали иначе: они знали, что будетъ волненіе только на словахъ—дворянское волненіе. Они знали также, что мѣщане не пользуются правомъ голоса на сеймѣ, патроны ограничатся одними словами и не подымутся на дѣло, а козаки были разбиты. Патроны были прежде всего русско-польскими панами и самъ Острожскій, грозившій собрать 15—20,000 вооруженнаго войска, не собралъ ни одной тысячи, а братству львовскому писалъ въ то же время: «терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе».

Обѣ стороны—уніатская и православная обратились за рѣшеніемъ дѣла къ королю; православные протестовали, ссылаясь на существовавшія права. Король принялъ сторону уніатовъ; онъ не признавалъ другой восточной церкви, кромѣ объединенной уже съ Римомъ. Всѣ не принявшіе униі были въ его глазахъ не исповѣдниками греко-восточной вѣры, а ея отступниками, схизматиками.

Съ этого времени начинается преслѣдованіе православныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и оппозиція съ ихъ стороны. Михаилъ Рагоза вскорѣ умеръ; преемникъ его по митрополичьей кафедрѣ, Поцѣй, такъ усердно распространялъ унию, что едва не былъ убитъ виленскими мѣщанами. Но еще тяжелѣ личной неволи оскорбляло народъ униженіе православной церкви. Въ свою очередь евреи, пользуясь такимъ положеніемъ, надумали пановъ уступить имъ въ

аренду, вмѣстѣ съ прочими статьями дохода, и православныя церкви; тутъ началась новая эксплуатація. Родится ребенокъ у крестьянина, прежде всего нужно заплатить жиду, иначе дитя останется некрещенымъ; женить крестьянинъ сына, или отдаетъ дочь замужъ, опять плати жиду, иначе не будетъ вѣнчанья; нуждался-ли крестьянинъ въ какой-нибудь требѣ или церковной службѣ,—за ключи отъ церкви, за веревки отъ колоколовъ, за все нужно было платить еврею. Даже пасху для освященія нужно было покупать у евреевъ, или оплачивать право печь ее дома. Жалобы народа на все это отзываются и понинѣ въ его пѣсняхъ.

Неудивительно поэтому, что народъ, выведенный наконецъ изъ терпѣнія подобными порядками, толпами обращался въ козачество, неудивительно, что возникали возстанія за возстаніями.

Послѣ казни Наливайка польское правительство издаетъ грозное постановленіе противъ козаковъ; всѣ низовые козаки объявляются врагами отечества и стоящему въ Украинѣ «кварцяному» войску вмѣняется въ обязанность истреблять ихъ; у козаковъ отнимаютъ ихъ старинныя права, земли и даже данный имъ Баторіемъ Трехтемировъ.

Но всѣ эти постановленія только сильнѣе раздражали козаковъ. Напрасно поручалось панамъ и «дозорцамъ» ловить бродягъ и доставлять на мѣсто жительства, гдѣ ихъ могли навазывать смертью безъ суда и слѣдствія; пока Запорожье не находилось во власти пановъ, невозможно было подавить козаковъ. Между тѣмъ сами паны своими колонизаціонными приѣмами способствовали росту козачества, зовывая народъ на слободы, куда принимали всѣхъ безъ разбора, даже разбойниковъ. Украинскіе паны жили между собою несогласно, наѣзды были для нихъ явленіемъ ежедневнымъ; поэтому каждый нуждался въ козакахъ, какъ для наѣздовъ, такъ и для защиты. Но эти козаки готовы были, при первомъ неудовольствіи, поступить съ своими панами также точно, какъ поступали по ихъ приказанію съ сосѣдями.

Смѣлость козаковъ возрасла до такой степени, что рѣдко выдавался годъ, въ который не бывало похода; такъ въ 1601 г. со стороны крымскаго хана жаловался Ахметъ Калга на набѣгъ запорожцевъ на Крымъ, а уже въ слѣдующемъ 1602 г. жалуются турки на то, что атаманъ Килей разбилъ на Черномъ морѣ отрядъ

Гассана аги, что козаки захватили турецкій купеческій корабль, шедшій изъ Кафы и т. д. Чѣмъ-же отвѣчали поляки? Пясочинскій объяснялъ, что козаки не были подданными польской короны и король не могъ отвѣчать за своевольныхъ людей, уходившихъ въ степи,—пусть ихъ истребляютъ татары.

Всѣ указанная выше обстоятельства и жалобы вызвали рѣзкія постановленія противъ козаковъ со стороны сейма 1607 г. Та-же конституція повторена была и въ 1609 г.; козаки подчинены власти старостъ и пановъ, имѣвшихъ надъ ними право смертной казни, а старшій войска запорожскаго долженъ былъ назначаться изъ лицъ шляхетскаго происхожденія. Однако вскорѣ, вслѣдствіе появленія самозванцевъ и войны Сигизмунда III съ московскимъ государствомъ (1609 г.), правительство нашлось въ необходимости понизить тонъ; вербовали всевозможныхъ бродягъ и составляли отряды, часть которыхъ отправилась съ польскимъ войскомъ подъ Смоленскъ, а другіе разошлись на слободы, или прямо въ Сѣчь, а оттуда на Черное море. Наконецъ магнатъ Стефанъ Потоцкій вторгся въ 1612 г. въ Молдавію, съ цѣлью удержать низложеннаго господаря, и польское правительство могло опасаться мести со стороны турокъ—все это способствовало лишь росту козачества.

ХІІ.

Вступая въ тѣсную связь съ Польшей, русское боярство старалось обезпечить свою народность отъ чуждыхъ вліяній, а главными основами русской національности были—языкъ и православная вѣра. Однимъ изъ важнѣйшихъ условій, поставленныхъ при объединеніи Руси съ Польшею, была гарантія русскаго языка во всѣхъ официальныхъ актахъ. Вслѣдствіе того, когда въ 1576 г. король Стефанъ Баторій вызвалъ ко двору нѣкоторыхъ брацлавскихъ бояръ польскимъ письмомъ, боярство брацлавское запретило своимъ братьямъ исполнить королевскій приказъ и напомнило королю, что всѣ предписанія должны дѣлаться на русскомъ языкѣ, который въ старину употреблялся въ Литвѣ и на Руси во всѣхъ письменныхъ памятникахъ. На этомъ языкѣ писались лѣтописи, законы, княжескія грамоты и т. д. Самъ Ягайло не говорилъ иначе, какъ по русски и мѣстные бояре въ теченіи долгаго времени старались

сохранить непривосновеннымъ свой языкъ. На конвокаційномъ варшавскомъ сеймѣ 1632 г. въ число его постановленій занесено слѣдующее (Art. 27): «всѣ русскіе законы, какъ того требуетъ старинное право и какъ то понынѣ было въ обычаѣ, всѣ привилегіи, письма, мандаты и всѣ прочія дѣла воеводствъ: кіевскаго, волынскаго и брацлавскаго, выпущенныя изъ канцеляріи его королевской милости, должны быть написаны на русскомъ языкѣ *sub nullitate* всего дѣла».

Что касается религиозныхъ отношеній, то для защиты вѣры, какъ мы уже видѣли, учреждались церковныя братства, куда вступали членами представители знатнѣйшихъ русскихъ родовъ. Предметомъ особаго попеченія русскихъ пановъ была кіево-печерская лавра. Король Сигизмундъ III, вмѣстѣ съ іезуитами, понялъ ея огромное значеніе въ краѣ, поэтому, едва только нѣкоторые изъ русскихъ епископовъ изъявили согласіе на унію, какъ Сигизмундъ, еще раньше ея опубликованія, испросилъ у папы Климента VIII особую буллу, отдававшую кіево-печерскую лавру, со всѣми ея имѣніями и доходами, въ полное владѣніе кіевскихъ митрополитовъ подъ условіемъ, что эти послѣдніе будутъ пребывать въ единеніи съ римскою церковью. Отсюда произошло такое раздраженіе, что самъ король нашелся вынужденнымъ просить папу оставить лавру въ прежнемъ положеніи.

Со времени брестскаго собора, на которомъ была принята унія, ни одинъ сеймъ не проходилъ безъ того, чтобы не подымались на немъ голоса въ защиту православной вѣры. Цѣлый рядъ жалобъ, начатый соборнымъ посланіемъ къ митрополиту Онисифору въ 1585 г., тянется до временъ Хмѣльницкаго. Въ 1606 г., волынскіе бояре въ союзѣ съ боярами кіевскаго воеводства, съѣхавшись подъ Сандомиромъ, постановили просить короля объ уничтоженіи уніи. Напуганный конфедератами король обѣщалъ, что православный русскій народъ на будущее время не станетъ подвергаться преслѣдованіямъ за вѣру. На сеймѣ варшавскомъ 1607 г. внесено было особое предложеніе о православной вѣрѣ. Король обязался не нарушать правъ русскаго народа въ религиозномъ отношеніи и не запрещать ему свободнаго отправленія церковныхъ обрядовъ. Но все это было бесполезно—всѣ королевскія обѣщанія и постановленія польскихъ сеймовъ оставались мертвой буквой. Въ дока-

ательство приведемъ, на примѣръ, жалобу русской шляхты, поданую въ сенатъ во время сейма 1623 г.

«Мы—русскій народъ въ теченіи двадцати восьми лѣтъ докладываемъ вамъ на каждомъ сеймѣ о великихъ несправедливостяхъ и притѣсненіяхъ, какія терпимъ отъ нашихъ отщепенцевъ—митрополита и епископовъ уніатскихъ. Мы просили со слезами вступиться предъ королемъ за освобожденіе русскаго народа отъ упомянутыхъ притѣсненій, но и понынѣ не достигли просимаго. Теперь, если русскій шляхтичъ стараго греческаго вѣроисповѣданія бываетъ въ необходимости обращаться къ властямъ, его спрашиваютъ—уніатъ онъ или нѣтъ?»

Во многихъ городахъ наши отступники отобрали у насъ церкви, а въ другихъ запечатали; духовенству нашему запрещено крестить или погребать публично; все это нужно совершать ночью, тайно, такъ какъ схваченныхъ при этомъ мѣщанъ строго наказываютъ, а священниковъ арестуютъ и изгоняютъ изъ города».

Однако всѣ хлопоты, просьбы и жалобы оставались безъ всякихъ послѣдствій. И король, и сеймы, каждый съ своей стороны, или не обращали на нихъ вниманія, или откладывали разсмотрѣніе дѣла до слѣдующихъ сеймовъ, или, наконецъ, объявляли свободу православною вѣры, не принимая никакихъ мѣръ къ ея защитѣ. Впрочемъ, Сигизмундъ III, всецѣло преданный іезуитамъ, умѣлъ вновь обходить постановленія сеймовъ и давать поддержку религиозной нетерпимости. Такъ брестскіе мѣщане, оставшіеся вѣрными религіи своихъ предковъ, были отлучены отъ церкви Поцѣмъ, взяты королемъ изъ подъ защиты закона и объявлены «банитами», слѣдствіе чего товары ихъ были опечатаны.

Раньше другихъ выказалъ нетерпимость къ православнымъ полоцкій архіепископъ, Іосафатъ Кунцевичъ. Всѣ жалобы на насилія, несправедливые процессы, самоуправства, грабежи, запираніе и запечатаніе церквей православныхъ, выставленіе ихъ на посмѣшище кощунство, лишеніе народа богослуженія и св. Тайнъ—все это подтвердилъ католикъ и государственный человѣкъ, литовскій канцлеръ князь Левъ Сапѣга, въ письмѣ къ Іосафату Кунцевичу.

Далѣе можно замѣтить, что болѣе образованные изъ католиковъ приходятъ наконецъ къ сознанію, что объединять путемъ насилія не слѣдуетъ различать; въ сочиненіяхъ, дошедшихъ отъ того времени,

часто встрѣчаются слова: «въ воздухѣ пахнетъ кровью и пожаромъ». Ясно предвидѣлъ канцлеръ Сапѣга смутныя послѣдствія религіознаго фанатизма какъ для государства, такъ и для самой униі, но предотвратить грозившей опасности уже не было возможности. Иосафатъ самъ вызвалъ въ народѣ раздраженіе, достигшее такой степени, что онъ былъ убитъ въ 1623 г. Вотъ подробности этого дѣла.

Явившись въ Витебскѣ, Кунцевичъ, при помощи войскъ, начиналъ православнымъ обычныя насилія, отбиралъ церкви, запиралъ ихъ, печатывалъ, или обращалъ въ униатскія. Православные жители терпѣливо переносили эти насилія, но отказались посѣщать униатскія церкви, построили за городомъ палатки и тамъ отправляли свое богослуженіе.

Утромъ 12 сентября, въ воскресенье, архидіаконъ Кунцевичъ Дорофей напалъ на православнаго священника, переправлявшаго черезъ Двину для совершенія службы Божіей. Избивъ священника, онъ связалъ его по рукамъ и по ногамъ и заперъ въ архіерейскую кухню. Вѣсть объ этомъ новомъ насиліи потрясла весь городъ, терпѣливые до того времени граждане Витебска наконецъ заволивались; ударили въ набатъ; толпа раздраженныхъ людей ворвалась въ домъ архіепископа, православный священникъ былъ освобожденъ, а руководитель ненавистой униі палъ среди своихъ искалѣченныхъ слугъ и трупъ его брошенъ въ рѣку.

Вѣсть объ убійствѣ полоцкаго архіепископа быстро облетѣла всю Польшу. Вначалѣ ее сочли сигналомъ къ истребленію католиковъ, опасались козацкихъ волненій въ Бѣлоруссіи и т. Черезъ два мѣсяца и десять дней прибыла въ Витебскѣ комиссия для наказанія бунтовщиковъ. Около ста человѣкъ были осуждены на смерть, но большинство заблаговременно успѣло скрыться, только двадцать душъ было обезглавлено; однако имущество всѣхъ осужденныхъ конфисковано. Сверхъ того Витебскъ утратилъ магдебургское право и старинныя привилегіи, городская ратуша разрушена, соборную церковь Богородицы, близъ которой исполнено убійство, рѣшено снести съ тѣмъ, чтобы на счетъ жителей витебскихъ построить новую, болѣе обширную и величественную и т. д. Всѣ церкви отданы униатамъ, всѣ жители безъ исключенія принуждены принять унию; а вслѣдъ за тѣмъ королевскими декретами запрещено была «схизма» въ Полоцкѣ, Могилевѣ, Оршѣ и Мстиславлѣ; запрещено

строить и починять православные храмы и всѣмъ жителямъ бѣлоусскимъ нешляхетскаго сословія приказано принять унію.

Короля поддерживали въ такой политикѣ не одни іезуиты, но также декретъ папы Урбана VIII, отъ 10 февраля 1624 г., въ которомъ сказано: «не щадите ни огня, ни меча». Иоасафатъ признанъ блаженнымъ и вскорѣ послѣ того былъ канонизованъ и объявленъ святымъ.

Между тѣмъ унія не имѣла того успѣха, на какой рассчитывали католики; все дѣло ея ограничивалось печатаніемъ церковей и монастырей и отнятіемъ принадлежавшаго имъ имущества. Сельскіе жители просто отказывались отъ церковей, отданныхъ уніатамъ, но мѣщане часто оказывали активное сопротивление, чѣмъ и навлекали на себя гнѣвъ правительства. Потеря торговыхъ правъ, опечатываніе товаровъ, исключеніе изъ городской общины, лишеніе покровительства законовъ—всѣ эти репрессіи постигли прежде всего мѣщанъ того города, гдѣ засѣдалъ соборъ.

Главной причиной такого стойкаго отпора уніи со стороны мѣщанъ и бѣднѣйшаго духовенства было стремленіе сохранить вѣрность; главною ихъ цѣлью было—спасти предковскія преданія и отстранить отъ своихъ святынь всѣхъ чужихъ и отступниковъ. Если католицизмъ приводилъ католиковъ къ нетерпимости, то православными руководилъ духъ консерватизма.

Впрочемъ, въ правленіе уніатскаго митрополита Вельямина Рутскаго борьба уніи съ православіемъ въ Червоной Руси и на Волыни теряетъ до нѣкоторой степени тотъ воинственный характеръ, какой она носила при Поцѣѣ. Болѣе тихая пропаганда Рутскаго примиряла стремленія православныхъ и уніатовъ и тѣмъ самымъ была еще опаснѣе для православія. Онъ какъ-бы стремился отыскать *modus vivendi*,—извѣстную терпимость между уніатами и православными; подавалъ мысль создать для польской Руси патриаршество, которому были-бы равно подчинены какъ православные, такъ и уніаты. Православные сложа руки обсуждали проектъ Рутскаго, но ислыственные поступки Кунцевича побудили ихъ снова стать на защиту своей вѣры и народности, а когда собственныя силы оказались недостаточными, тогда начали искать другую точку опоры.

Въ 1622 году епископъ сѣверскій Исаія Копинскій посылаетъ ященика Гедеона къ московскому воеводѣ въ Путивль съ до-

несеніемъ о томъ, что христіане въ южно-русскомъ краѣ терпятъ отъ поляковъ притѣсненія. «Князей и бояръ православныхъ ужь нѣтъ,—всѣ отступили отъ нашей вѣры,—одни поляки, другіе уніаты третьи еретики... Нигдѣ нѣтъ отъ нихъ покою и всѣ мы, православные, тѣснимся пока на Украинѣ въ кievской землѣ и освѣдомляемся: не дозволить-ли царь монахамъ изъ сѣверской земли переселиться въ свое царство».

Подобное-же посольство отправилъ въ Москву двумя годами позже православный кievскій митрополитъ Іовъ Борецкій съ просьбою принять Малороссію подъ свое покровительство. Тоже самое и въ то-же время сдѣлалъ Исакій Борисковичъ, епископъ луцкій и острожскій, недопущенный уніатами въ свою епархію.

Итакъ, ни одна изъ желанныхъ уній, ни политическая, ни религиозная, не достигли намѣченной цѣли—дѣйствительнаго отдѣленія юго-западной Руси отъ восточной и слиянія ея съ Польшею въ одно государство, въ одинъ народъ. Онѣ, напротивъ, вызвали тяжелую борьбу между обоими вѣроисповѣданіями—борьбу, продолжившую въ населеніи юго-западной Руси стремленіе къ соединенію съ сѣверо-восточной и подготовившую упадокъ Польши.

Если и было когда лучшее прошлое и общія цѣли, то теперь они окончательно прекращаются. Необузданное посяганіе чужеземцевъ на чуждые права и свободы совѣсти вынуждаютъ обитателей южной Руси искать иныхъ путей для будущаго, а поляки, упоенны мнимымъ торжествомъ подавленія схизмы въ одной половинѣ Россіи, простираютъ свои виды на другую. Завоеваніе московскаго государства, подчиненіе московской церкви Риму становится польскою національною политикою.

Первый самозванецъ, Димитрій, появился въ предѣлахъ Польши а именно при дворѣ Адама Вишневецкаго; іезуиты объявили ея царевичемъ Димитріемъ и подъ этимъ именемъ представили королю который назначилъ ему на содержаніе 40,000 злотыхъ ежегодно. Въ то же время, чтобы не нарушать мирныхъ отношеній съ Россіею Сигизмундъ, не объявляя войны, разрѣшилъ польскимъ панамъ помогать Димитрію въ отысканіи престола. Подъ знаменами самозванца собралось до 1600 человекъ шляхты; къ нимъ присоединились нѣсколько тысячъ козаковъ.

Самозванецъ съ триумфомъ вступилъ въ Москву и, по предварительному соглашенію съ царицей иновиной Марѳой, былъ признанъ ею за сына и царевича. Но царствованіе его продолжалось всего одиннадцать мѣсяцевъ,—его сгубили пренебреженіе къ старымъ русскимъ обычаямъ и дружба съ поляками и іезуитами. По убіеніи его царемъ избранъ Шуйскій, но и тотъ не долго пользовался добрымъ расположеніемъ народа.

Между тѣмъ, по примѣру перваго самозванца, стали появляться и другіе обманщики; полякамъ понравилось вторгаться въ Россію при посредствѣ самозванцевъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Сигизмундъ III, находя это время удобнымъ для исполненія своихъ замысловъ, нарушилъ наконецъ миръ и началъ войну съ Россією, намѣреваясь завоевать ее уже не для самозванца, а для себя, и со временемъ обратить въ католичество. Коронный гетманъ Жолѣвскій совѣтовалъ королю идти прямо на Москву, но король предпочелъ начать съ осады Смоленска, считая за лучшее сперва овладѣть этимъ пунктомъ. Между тѣмъ въ Москвѣ, по низложеніи Шуйскаго, наступила семибоярщина и среди борьбы различныхъ партій стали наконецъ думать объ избраніи царя. Когда Жолѣвскій подступилъ къ Москвѣ, партія королевича получила перевѣсъ, бояре заключили съ нимъ договоръ и принесли присягу на вѣрность Владиславу, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы королевичъ самъ принялъ на себя правленіе и чтобы царская власть была ограничена боярскою думою и вліяніемъ высшаго духовенства. Для завершенія договора отправлено къ Сигизмунду подъ Смоленскъ посольство, потребовавшее отступленія отъ Смоленска, прекращенія войны и прибытія королевича Владислава въ Москву для принятія царскаго престола. Но Сигизмундъ не снялъ осады Смоленска, не пустилъ сына въ Москву и, вопреки международному праву, отправилъ пословъ въ качествѣ плѣнниковъ въ Польшу.

Такимъ образомъ, тѣ-же самыя причины, которыя помѣшали удержать при польской коронѣ юго-западную Русь, принесенную ей въ даръ Литвою, помѣшали полякамъ создать великое славянское государство. Это были: гордость и тщеславіе поляковъ, религіозный фанатизмъ, презрѣніе и ненависть къ православной вѣрѣ и народности, оскорбленіе національнаго русскаго достоинства. Съ другой стороны опасность общаго польскаго ярма и нерасположенность къ катинскому исповѣданію пробудили въ московскомъ народѣ сознаніе необходимости согласной дѣятельности; собравшійся въ Москвѣ земскій соборъ избралъ на царство Михаила Ѳедоровича Романова.

Народъ сплотился вокругъ своего молодаго царя, а королевичъ Владиславъ, оставленный среди непріятелей половиною польскаго войска, которое не получало жалованья, довоевался до того, что едва не погибъ подъ Можайскомъ.

Въ такомъ критическомъ положеніи польское правительство волею-неволею принуждено было обратиться за помощію къ козацкому гетману Сагайдачному, котораго до той поры отказывалось признать въ гетманскомъ достоинствѣ.

Съ того времени, какъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный началъ управлять козаками, ихъ морскіе походы выигрываютъ въ значеніи; въ 1613 г. козаки взяли приступомъ Кафу и освободили множество христіанскихъ плѣнниковъ; въ 1614 г. разрушили Синошь и т. д.

По призыву короля, Сагайдачный спѣшить на выручку Владислава съ 20,000 тѣхъ самыхъ козаковъ, число которыхъ еще недавно было ограничено до одной тысячи, и освобождаетъ королевича съ остатками польскаго войска изъ осады. Получивъ такое значительное подерѣпленіе, Владиславъ обратился на Москву, но, послѣ неудачнаго приступа, принужденъ былъ, въ силу Деулинскаго договора, отказаться отъ титула царя.

Не смотря на только что оказанную козаками важную услугу, Жолѣвскій, по требованію пановъ, мечтавшихъ о подчиненіи своей власти козаковъ, выступилъ противъ нихъ съ войскомъ и обязалъ козаковъ подчиниться сеймовымъ конституціямъ, ограничивавшимъ до минимума ихъ число и права, и не нападать на турецкую землю. Однако требованія эти плохо исполнялись. Послана была комиссія для усмиренія козаковъ, а они снова отправились на море и на этотъ разъ опустошили окрестности самаго Константинополя. Непривыкшіи переносить такое безчинство, султанъ, какъ пишетъ Жолѣвскій, былъ до крайности раздраженъ тѣмъ, что козаки, разрушивъ множество турецкихъ городовъ, осмѣлились еще зажечь свои походные огни передъ окнами серала. По удаленіи козаковъ, порта рѣшила выслать большое войско съ цѣлью истребить козаковъ и заселить Украйну мусульманами. Уже Скандеръ паша вошелъ въ предѣлы Подолія; но какъ война съ Россіей еще не была окончена, то Жолѣвскій просилъ о мирѣ, обѣщая усмирить козаковъ. Снова учреждена комиссія, снова вымогаютъ у козаковъ обѣщаніе прекратить морскіе походы; въ Константинополь донесли, что козаки урощены, а между тѣмъ походы ихъ продолжались по прежнему.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІА.

(Продолженіе)¹⁾.

VIII.

Дорога изъ Бакоты въ Старую Ушицу.—Общій видъ города.—Экскурсія въ хороборскія пещеры.—Историческія воспоминанія объ Ушицѣ.—Мѣстные промыслы.

Верстахъ въ десяти или двѣнадцати къ юго-востоку отъ Бакоты расположенъ одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ подольскихъ, теперь запатный городъ, Старая Ушица. Само названіе указываетъ на древность города и отличаетъ его отъ Новой Ушицы, носившей до недавняго времени названіе Летневцы. Тотчасъ по выѣздѣ изъ Бакоты дорога дѣлаетъ весьма крутой подъемъ и, удаляясь отъ Днѣстра, прорѣзываетъ надднѣстрианскія горы.

Характеръ мѣстности здѣсь чрезвычайно напоминаетъ военнo-грузинскую дорогу, правда въ миниатюрѣ; налѣво подымается высокая и обрывистая, мѣстами совсѣмъ отвѣсная, стѣна изъ фіолетоваго и зеленаго глинистаго сланца, съ нависшими утесами, которые повидимому ежеминутно готовы обрушиться. Дорога такой ширины, что двумъ экипажамъ едва можно разминуться, и то не совсѣмъ ровная, а нѣсколько наклонная къ обрыву; вправо глубокой, тоже почти отвѣсный обрывъ, куда и заглянуть страшно. Кавказскія дороги по крайней мѣрѣ хорошо вымощены и на всѣхъ сколько-нибудь опасныхъ мѣстахъ ограждены каменными парапетами, такъ что въ лѣтнее время путешественникъ отдѣляется

¹⁾ См. «Кіевская Старина», 1884 г., октябрьск. кн., стр. 254—275.

только головокруженіемъ, здѣсь-же, хотя обрывъ не сравнится глубиною съ кавказскими пропастями, за то не полагается ни мостовой, ни какой-бы то ни было ограды, не только каменной, но даже простаго плетня. Удивительно право, какъ мѣстные крестьяне умудряются провозить здѣсь тяжело нагруженные возы съ сѣномъ и снопами, когда возъ и безъ того въ наклонномъ положеніи, а разбросанные на дорогѣ камни, разумѣется, мало способствуютъ ровности хода. Впрочемъ крушенія здѣсь сравнительно весьма рѣдки, благодаря выносливости крестьянскихъ лошадей, привычныхъ къ такимъ дорогамъ, какъ это вообще бываетъ въ горныхъ мѣстностяхъ.

За нѣсколько дней до нашего приѣзда случился сильный проливной дождь, значительно повредившій дорогу: множество камней осыпалось сверху, а между тѣмъ водою до такой степени снесло наносную почву съ дороги и размыло ее край, что мѣстами случилось, что одно изъ колесъ нашего воза висѣло въ воздухѣ надъ обрывомъ, а остальные поминутно прыгали съ камня на камень. Не смотря на то нашъ возница погонялъ своихъ лошадокъ и самъ бѣжалъ за возомъ, какъ по самому удобному пути, а мы—пассажиры, давно уже вставшіе изъ экипажа, издали слѣдовали за нимъ, теряя его изъ виду при поворотахъ и мысленно прощаясь со своими пожитками.

Во время этого крутого подъема намъ удалось видѣть довольно интересную картинку изъ мѣстной жизни—починку подольской дороги. Эта повинность лежитъ на мѣстномъ крестьянскомъ населеніи, и по распоряженію ушницкаго урядника жители окрестныхъ селъ выслали опредѣленное число рабочихъ; но время было лѣтнее, «жнивѣ» и «возовицѣ» въ полномъ разгарѣ, и каждый скольконибудь сильный человѣкъ необходимъ дома, поэтому на обязательную работу вышли только старики да дѣти, большею частью дѣвочки, примѣрно отъ десяти до пятнадцати лѣтъ. Явились они съ запасомъ хвороста и, размѣстившись группами на нѣкоторомъ разстояніи вдоль дороги, закладывали фашиникомъ промоины по краямъ, сверху присыпали землею и щебнемъ ровно на столько, чтобы первый сильный дождь разрушилъ всѣ ихъ труды; дѣйствительно, отважившись заглянуть на дно оврага, я замѣтилъ огромную массу хвороста и земли, снесенныхъ предшествующими дождями. Рытвины и ухабы

мѣстами замащивали кремнемъ и другими мелкими камнями, а большею частью и такъ оставляли, по пословицѣ: «якось-то буде».

Подъемъ на гору продолжается около версты или немного больше, послѣ чего дорога выходитъ на возвышенную плоскогорную равнину и сперва удаляется отъ Днѣстра, затѣмъ у села Гораевки, на половинѣ разстоянія между Бакотой и Ущицей, снова приближается къ Днѣстру и до конца тянется вдоль вершины надднѣстрянскихъ горъ, хотя самой рѣки не видно. Мало по малу замѣчается спускъ къ рѣкѣ, сначала очень пологій, прямо по наклонной плоскости горы, но, чѣмъ дальше впередъ, все болѣе крутой и неровный; влѣво отъ дороги показывается глубокой оврагъ, вдоль котораго расположено одно изъ предмѣстій Ущицы.

Ущицу составляютъ два ряда большихъ бѣлыхъ хатъ съ просторнымъ, опрятнымъ дворомъ и прилегающимъ къ нему огромнымъ фруктовымъ садомъ; одни спускаются къ Днѣстру, другіе—на дно оврага, затѣмъ снова выныряютъ новыя улицы и доходятъ до рѣки Ущицы. Судя по вѣшнему виду предмѣстій, населеніе Ущицы должно быть довольно зажиточно: при каждой хатѣ много разныхъ хозяйственныхъ построекъ, по двору прогуливаются въ значительномъ количествѣ домашняя птица и животныя; въ огородѣ, кромѣ обычныхъ овощей и цвѣтовъ передъ домомъ, замѣтны довольно обширныя плантаціи аниса, но несомнѣнно, что самыми доходными статьями въ мѣстномъ крестьянскомъ хозяйствѣ являются, кромѣ хлѣбопашества, садоводство и воздѣлываніе табаку. Какъ вездѣ почти по Днѣстру, хлѣбъ сѣется для продажи, а кукуруза для собственнаго потребленія; въ каждомъ огородѣ, а весьма часто и на поляхъ видны болѣе или менѣе значительныя плантаціи табаку, какъ бессарабскаго, такъ и турецкаго, отличающагося своими розовыми цвѣтами среди зеленовато-желтыхъ цвѣтовъ бессарабскаго табаку. Въ обширныхъ садахъ разводятся главнымъ образомъ сливы лучшей венгерской породы и различные сорта яблокъ. Проѣзжая вдоль улицы, мы замѣтили разостланныя на крышѣ и на «призбѣ» почти каждой хаты рядна, на которыхъ сушились раннія сливы и порѣзанныя въ куски яблоки и груши, между тѣмъ какъ вдоль стѣнъ красуются гирлянды изъ табачныхъ листьевъ и наизанныхъ на шнурокъ яблокъ, также развѣшанныя для просушки.—Всѣ эти продукты закупаются мѣстными евреями, разумѣется, по самымъ

ничтожнымъ цѣнамъ, но все таки они составляютъ значительное подспорье въ крестьянскомъ хозяйствѣ и расходятся отсюда по всѣмъ рынкамъ южной Руси.

Наконецъ, главная улица поворачиваетъ параллельно теченію Днѣстра, и мы въѣжаемъ въ глубокое ущелье, окаймленное высокими горами; въ глубинѣ долины, въ углу при впаденіи въ Днѣстръ небольшой рѣчки Ушицы, расположенъ самый городъ въ видѣ треугольника, котораго двѣ равныя стороны сходятся почти подъ прямымъ угломъ у подножія параллельныхъ имъ горъ; третья сторона, самая длинная, тянется вдоль днѣстровскаго берега. Посреди города по обыкновенію находится рынокъ, весьма обширный; ратушу замѣняетъ въ южной сторонѣ продолговатой площади большая каменная корчма съ прилегающимъ къ ней зданіемъ самой заурядной уѣздной архитектуры, кажется, мѣстнымъ полицейскимъ управленіемъ или думою. Рынокъ, разумѣется, окруженъ еврейскими заѣздами и лавками, послѣднія дѣйствительно скорѣе напоминаютъ городъ, чѣмъ мѣстечко; сохранилось еще нѣсколько каменныхъ двухъэтажныхъ домовъ съ балконами, галереями, мезонинами подъ острой крышей, повидимому армянской архитектуры, какихъ много еще уцѣлѣло въ Могилевѣ, Каменцѣ и другихъ городахъ. Здѣсь помѣщаются лучшіе ушицкіе магазины, въ которыхъ производится торговля самыми разнообразными товарами и даже такими предметами роскоши, какихъ мы не встрѣчали отъ самаго Хотина. Очевидно Ушица служитъ промышленнымъ центромъ для весьма значительнаго округа, и дѣйствительно въ ярмарочные дни сюда съѣзжаются столько окрестныхъ помѣщиковъ, что трудно бываетъ найти квартиру, какъ это и случилось съ нами: хотя ярмарокъ уже разъѣзжался, когда мы прибыли въ городъ, но пришлось порядочно таки потолкаться на площади отъ заѣзда къ заѣзду, отыскивая «станцію»; къ счастью одинъ старый еврей выручилъ насъ изъ затрудненія, согласившись уступить свою парадную комнату.

Пока мы располагались на жительство, начались обычные распросы: кто, какъ, куда, зачѣмъ, откуда и т. д., и затѣмъ въ общихъ чертахъ рассказываетъ біографія самихъ хозяевъ. Въ этой квартирѣ намъ въ первый разъ пришлось встрѣтить извѣстный комфортъ и даже буржуазную роскошь въ еврейскомъ жилищѣ. Большая парадная комната, замѣнявшая гостинную и залу, совмѣщала

въ себѣ всѣ самыя лучшія и дорогія вещи въ домѣ: подъ стѣнами два или три дивана, покрытыхъ вѣсенкою и ситцемъ, и нѣсколько разнокалиберныхъ мягкихъ стульевъ; правда, обивка нѣсколько потерлась, но все таки мягкая мебель бываетъ не въ каждомъ домѣ; въ углу стеклянные шкафики, наполненные лучшей праздничной посудой, подсвѣчниками и т. д., и шкафикъ съ книгами; на стѣнахъ красуются нѣсколько канделябровъ, а между ними множество картинъ и литографій. Вся эта разнокалиберная обстановка,—ломберные столы, зеркала и пр. очевидно была куплена по случаю и свидѣтельствуетъ объ эстетическихъ потребностяхъ своего владѣльца. Дѣйствительно хозяинъ съ гордостью сообщилъ намъ, что мебель привезена изъ Каменца, куда онъ нарочно ѣздилъ за этой покупкой. Вниманіе наше особенно привлекли поставленные на самомъ видномъ мѣстѣ огромный контрабасъ, скрипка и нѣсколько другихъ музыкальныхъ инструментовъ. Оказалось, что хозяинъ нашъ—музыкантъ по профессіи и въ свое время имѣлъ большіе заработки, играя на еврейскихъ свадьбахъ и въ особенности при различныхъ торжествахъ въ домахъ окрестныхъ помѣщиковъ; тогда-то была куплена и драгоценная мебель. Но мало по малу времена измѣнились: самъ хозяинъ теперь слишкомъ старъ, чтобы заниматься прежнимъ ремесломъ, и вѣзется извлекаетъ только незначительный доходъ изъ своихъ инструментовъ, отдавая ихъ на прокатъ другимъ артистамъ. Сыновья его не хотятъ заниматься отцовскою профессіею, и вообще въ семьѣ замѣчается разладъ: младшее поколѣніе въ лицѣ двухъ сыновей, уже семейныхъ, возстаетъ противъ старшаго. Мы не знаемъ поводовъ этого разлада, выражающагося совсѣмъ непривычнымъ образомъ для нашей мѣщанской среды, именно необыкновенной въ евреяхъ пассивностью и отсутствіемъ всякой дѣятельности; въ семьѣ тихо, не замѣтно ни враждебнаго взгляда, ни грубаго слова, но чувствуется, что тишина эта чисто вѣшняя, и люди не могутъ придумать удовлетворительнаго выхода изъ труднаго положенія; женщины по крайней мѣрѣ занимаютъ хозяйствомъ, а мужская половина просто сплыветъ изъ угла въ уголь и не знаетъ, куда себя дѣвать. Чѣмъ-бы ни сдерживалось проявленіе рѣзкаго протеста съ одной стороны и проявленіе насилія съ другой, часто не знающее удержу въ соотвѣтственной средѣ нашего мѣщанства,—сдерживается-ли оно патріархальнымъ воспитаніемъ,

убѣжденіями, нравственнымъ давленіемъ еврейской общины, религіей или другими мотивами, по во всякомъ случаѣ сдержанность служить доказательствомъ сравнительно высшей культуры. При тѣхъ же самыхъ условіяхъ у насъ не только необразованный классъ, но зачастую и представители высшей интеллигенціи умѣютъ временно устроить себѣ адъ на этомъ свѣтѣ, вѣроятно въ видахъ подготовки къ будущей жизни, а здѣсь люди едва грамотные все таки живутъ безъ взаимныхъ оскорбленій.

Увидя наши книги и инструменты, старикъ тотчасъ принялся ихъ разсматривать, спрашивать о ихъ назначеніи, и наконецъ замѣтилъ, что хотя самъ онъ человѣкъ неученый и читаетъ только по еврейски, но тѣмъ не менѣе очень уважаетъ всякую науку. Подтверженіемъ тому дѣйствительно можетъ служить его умная рѣчь, маленькая бібліотека и наконецъ множество портретовъ различныхъ еврейскихъ знаменитостей, большею частью заграничныхъ ученыхъ, раввиновъ и т. д. Замѣчу кстати для характеристики еврейскаго племени, что подобное уваженіе и интересъ къ наукѣ мы встрѣчали почти въ каждомъ евреѣ, съ которымъ приходилось сталкиваться и который узнавалъ, что мы заняты не коммерческими или промышленными интересами. Эта черта бываетъ только у народа, очень долго прожившаго культурною жизнью.

— Устроившись какъ можно удобнѣе, мы отправились осматривать городъ.

Рынокъ составляетъ центръ города, отъ котораго подобно радіусамъ во всѣ стороны расходятся улицы и переулки, узкіе, кривые, невымощенные; сперва идутъ по обыкновенію еврейскіе дома, затѣмъ у подножія горы лѣпятся окруженныя садами жилища мѣщанъ и крестьянъ. На продолженіи главной улицы виднѣтся съ одной стороны каменное зданіе костела и при немъ маленький домикъ для ксендза; по другую сторону возвышается православная церковь, построенная въ 1792 г.; въ настоящее время она перестраивается заново изъ камня по общему типу церквей въ уѣздныхъ городахъ и составляетъ предметъ гордости ушницкаго православнаго населенія, Въ южной части города, примыкающей къ Днѣстру, живутъ мѣстные нотабли, представители интеллигенціи и администраціи.

Мы рассчитывали отыскать въ костелѣ какія-нибудь древнія книги или рукописи, но ожиданія наши не сбылись, и кромѣ простыхъ

метрическихъ книгъ въ архивѣ не оказалось ничего интереснаго. Нужно было свою жажду открытій направить въ другую сторону.

Мы знали еще раньше, что существуетъ нѣсколько пещеръ гдѣ-то въ окрестности Ущицы, и обратились за необходимыми свѣдѣніями къ мѣстному священнику, извѣстному своимъ радушнымъ гостепріимствомъ. Онъ весьма обязательно указалъ намъ средства пробраться въ село Хороборъ или Хоробрівъ, гдѣ находились пещеры, и сверхъ того сообщилъ много интересныхъ свѣдѣній о бытѣ и промыслахъ ущицкихъ жителей и ихъ общественныхъ отношеніяхъ. Такъ мы узнали, между прочимъ, что въ лѣтнее время сюда съѣзжаются для пользованія цѣлебными двѣстровскими водами купальщики изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстъ такъ-же, какъ въ Жванецъ и Студеницу. Приѣзжіе живутъ въ свое удовольствіе, проводятъ время въ полномъ бездѣйствіи и отдыхѣ и, конечно, поправляются, хотя трудно сказать, что больше помогаетъ разстроенному здоровью—спокойная, беззаботная жизнь или *soi disant* минеральная вода Днѣстра.

Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, мы въ тотъ-же день наняли подводу и отправились осматривать пещеры.

Село Хороборъ лежитъ на лѣвомъ берегу р. Ущицы верстахъ въ четырехъ отъ ея устья. Миновавъ костель и церковь, дорога выходитъ на довольно крутой подъемъ по направленію къ рѣчкѣ; поднявшись на гору, замѣчаемъ на самой вершинѣ влѣво отъ дороги отдѣленное отъ нея оврагомъ земляное городище, съ округленными контурами, окруженное валами. Отсюда начинается спускъ къ рѣкѣ. Вдоль берега тянутся баштаны съ обычными пугалами и «куреньемъ» по срединѣ, съ привязанной у входа собакой и т. д. Каждый баштанъ представлялъ весьма оживленную картину: хозяева всей семьей вышли для сбора спѣлыхъ овощей; старый «дѣдъ баштаникъ», осторожно ступая среди полусахощей «огудины», осматриваетъ арбузы и дыни и обрываетъ спѣлые экземпляры; за нимъ со смѣхомъ и шутками бѣгутъ дѣти, собираютъ ихъ и складываютъ въ кучи возлѣ куреня, а старшіе тѣмъ временемъ выбираютъ огурцы и другія овощи и складываютъ все это на возы. Едва удалился нагруженный возъ, какъ на баштанѣ воцаряется спокойствіе,—старшіе сѣли отдохнуть, рѣжутъ и пробуютъ лучшей арбузъ и чинно бесѣдуютъ о своихъ дѣлахъ: о возможной выручкѣ съ баштана,

засухѣ и т. д., между тѣмъ какъ дѣти, получивъ по «кавунчику» или дынькѣ, сбились въ кучу, и каждый ѣстъ самъ свою добычу, разбивая ее объ землю, за отсутствіемъ ножа или для большей скорости; иной, желая лучше полакомиться, продавлиываетъ пальцемъ дырочку въ спѣлой дынькѣ и сперва выпиваетъ сокъ, а затѣмъ съѣдаетъ и мясо. Тутъ конца нѣтъ шуткамъ и остроумъ, друзья угощаютъ другъ друга корками, и нерѣдко взаимныя любезности оканчиваются рукопашной схваткой. Способъ выраженной самый энергичный, благодаря вліанію сосѣдства съ молдаванами.

Спустившись съ горы, переѣзжаемъ въ бродъ р. Ушицу, настоящую горную рѣчку, неглубокую, но чрезвычайно быструю, извилистую и довольно широкую; высокіе глинистые берега густо заросли вербами и лозою. Дорога все время идетъ вдоль берега, и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, параллельно теченію р. Ушицы, тянутся высокія горы, частью поросшія лѣсомъ. При одномъ поворотѣ рѣчки нѣсколько душъ крестьянъ, подъ руководствомъ побережника, заняты починкой плотины, поврежденной недавнимъ ливнемъ. Распросивши, куда и зачѣмъ мы ѣдемъ, побережникъ очень настойчиво увѣрялъ насъ, что пещеръ невозможно найти и намъ лучше безъ хлопотъ возвратиться въ городъ. Впрочемъ спектицизмъ его не убѣдилъ насъ, и мы отправились дальше.

Обогнувъ крутой выступъ у берега, сразу въѣзжаемъ въ Хороборъ. Большое село чрезвычайно живописно раскинулось далеко вдоль берега у подножія горы, въ которой по нашимъ соображеніямъ должны были находиться пещеры. Стояла рабочая пора, село почти совсѣмъ опустѣло, на улицѣ живой души не видно, и только послѣ многихъ поисковъ и усилій удалось намъ найти крестьянина, согласившагося служить нашимъ проводникомъ.

Въ разстояніи около версты къ востоку отъ села пролегаетъ глубокой оврагъ съ болѣе или менѣе пологими склонами, поросшими лѣсомъ и въ свою очередь изрѣзанными глубокими рывтинами; на днѣ оврага въ глинистой паносной почвѣ протекаетъ маленькій ручеекъ. Мѣстами каменистая подпочва обнажается въ видѣ огромныхъ скалъ, покрытыхъ мхомъ и горнымъ папоротникомъ; среди этихъ скалъ расположены двѣ пещеры. Снаружи онѣ совсѣмъ незамѣтны—просто скалы нависли на склонѣ горы, и мы-бы преспокойно прошли мимо, если-бы проводникъ не сказалъ, что это и

есть входъ въ пещеры. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ въ нихъ можно было входить ползкомъ, но теперь входы настолько обрушились и заплыли землею, что проникнуть внутрь нѣтъ никакой возможности; одна изъ пещеръ закрылась герметически, другая представляется въ видѣ небольшого углубленія у подножія скалы, образующей какъ-бы навѣсъ, куда едва можно влѣзть ползкомъ и лежать совершенно неподвижно. По словамъ проводника, здѣсь недавно въ теченіи нѣсколькихъ дней скрывался солдатъ-дезертиръ, и съ того времени, какъ его убѣжище было открыто, входъ въ пещеру засыпанъ по распоряженію властей. Проводникъ нашъ очевидно рѣдко бывалъ здѣсь и не могъ сообщить ничего положительнаго о внутреннемъ устройствѣ пещеръ, или о какихъ-нибудь находкахъ внутри ихъ, но случай смилостивился надъ нами и вознаградилъ за неудачу. Пытаясь проникнуть хоть въ ту пещеру, гдѣ скрывался дезертиръ, я замѣтилъ, что входъ въ нее переполненъ сухими листьями, какъ будто нарочно сложенными здѣсь въ такомъ количествѣ. Пока я выгребалъ листья, проводникъ рассказывалъ, какъ зимою во время охоты случается загнать сюда лисицу или зайца, и тогда звѣрь исчезаетъ безслѣдно; очевидно, должно существовать хоть небольшое сообщеніе съ самой пещерой, и я старался всѣми силами отыскать ощупью эту лисью норку, чтобы расширить ее и проникнуть въ подземелье. Но всѣ усилія были напрасны—нигдѣ ни малѣйшаго выхода, зато въ самомъ далекомъ углу оказались сложенными десятка два папушъ табаку, бережно прикрытыя древесными листьями; табакъ нѣсколько отсырѣлъ, но все таки можно было закурить и, попробовавши, мы нашли, что это очень хорошій турецкій табакъ мѣстнаго производства. Теперь становилось понятнымъ, почему побережникъ такъ старался отговорить насъ отъ экскурсіи и осмотра пещеръ. Посмѣявшись надъ его предусмотрительностью, мы хотѣли положить находку на прежнее мѣсто, но проводникъ рѣшительно воспротивился этому; онъ тоже подозрѣвалъ побережника, но былъ съ нимъ не въ ладахъ и считалъ своимъ долгомъ воспользоваться находкой. «Аже-жъ вы не вкрали его, а знайшли, то й треба взяти, а якъ не хочете, то я визьму»,—отвѣчалъ онъ на всѣ наши доводы и убѣжденія. «тутъ жадного гриха нема, а табакъ дуже добрый,—нехай не роскладае по лисахъ. За решту, мени нема чого ся турбувати: винъ на мене не подумае, а на васъ, то й не посміе ся посвар-

жита, а вы-жь не забаромъ и поидете зъ Вушици». Пришлось согласиться съ этимъ неопровержимымъ аргументомъ; проводникъ сложилъ табакъ за пазуху, расщелину прикрылъ листьями, такъ что не было замѣтно признаковъ похищенія, затѣмъ пригласилъ насъ на свой баштанъ, угостилъ «кавунами» и братски раздѣлилъ свою находку съ нашимъ извощикомъ и со всѣми бывшими на баштанѣ. «Отъ воно и до ладу: поки ще свій табакъ поспіе, а тутъ Богъ пославъ готовый, та ще й добрый», такъ рѣшила публика, а гласъ народа—гласъ Божій. Начались догадки и предположенія о томъ, гдѣ и какъ достался этотъ табакъ побережнику, но время уже не позволяло намъ ожидать рѣшенія этого минутнаго вопроса,—солнце садилось за высокими горами, и уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы возвратились въ Ушицу.

Что касается историческихъ воспоминаній объ Ушицѣ, то въ этомъ отношеніи мнѣ удалось собрать весьма немного.

Первое лѣтописное извѣстіе объ этомъ городѣ встрѣчается подъ 1144 годомъ. Къ этому времени всѣ галицкія земли успѣли объединиться въ рукахъ Владиміра Володаревича, одного изъ самыхъ энергичныхъ и даровитыхъ представителей вообще чрезвычайно даровитой династіи Ростиславичей. Князь этотъ былъ очень ловкій и дальновидный политикъ, извѣстный централизаторъ, человекъ въ высшей степени самостоятельный, скептикъ и реалистъ своего времени, не останавливавшійся ни предъ какими мѣрами, прибѣгавшій то къ жестокости, то къ хитрости и обману для достиженія своихъ цѣлей. Правда, что касается внѣшней политики, то цѣли, къ которымъ онъ стремился, не были предосудительны, хотя это не всегда можно сказать о его внутреннихъ отношеніяхъ. Воспользовавшись смертью своихъ родственниковъ, Владиміръ Володаревичъ присвоилъ себѣ ихъ удѣлы и устранилъ послѣдняго удѣльнаго князя, своего племянника Ивана Ростиславича, называемаго *берладникомъ*, который представляетъ весьма симпатичный типъ князя кондотьера, скитающагося по чужимъ краямъ и въ то-же время глубоко преданнаго народнымъ интересамъ своей родной земли.

Оставшись единственнымъ распорядителемъ галицкой земли, Владиміръ всю свою дѣятельность и способности направлялъ прежде всего на то, чтобы какъ можно прочнѣе сплотить между собою всѣ

удѣлы и подавить всѣми мѣрами непокойные внутренніе элементы, главнымъ образомъ вѣчевую партію, державшую сторону Ивана Берладника. Владиміръ не стремился къ завоеваніямъ внѣ Галичины, но зато ревниво оберегалъ ея неприкосновенность и безопасность отъ покушеній со стороны сосѣдей; онъ зорко слѣдилъ за политическими событіями на Руси и, какъ опытный политикъ, умѣлъ заручиться выгодными союзниками, какъ въ русской землѣ, такъ и за границей, умѣлъ при случаѣ путемъ ловкихъ переговоровъ разъединить непріятельскія силы, давалъ обѣщанія, которыхъ и не думалъ исполнять и т. д. Но съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за тѣмъ, чтобы на границахъ его княжества не появлялся таковой сильный сосѣдъ, который могъ-бы угрожать силѣ и внутреннему росту галицкой земли. Между тѣмъ около половины XII ст. перевѣсъ на Руси получили на время князя черниговской вѣтви. Старшій изъ нихъ, Всеволодъ Ольговичъ, сдѣлавшись великимъ княземъ кievскимъ, по обыкновенію принялся раздавать лучшіе удѣлы своимъ близкимъ родственникамъ, въ томъ числѣ Владиміръ Волынскій отдалъ своему сыну Владиміру. Галицкій князь смотрѣлъ съ неудовольствіемъ на чрезмѣрное усиленіе одного рода—политика его требовала равновѣсія между всѣми или по крайней мѣрѣ ближайшими къ нему русскими областями—и онъ потребовалъ удаленія новаго владимірскаго князя, но, получивъ отказъ, сталъ готовиться къ войнѣ и призвалъ на помощь венгровъ.

Зная могущество, ловкость и изворотливость Владиміра Володаревича, Всеволодъ собралъ противъ него цѣлую коалицію изъ русскихъ князей и съ огромнымъ войскомъ вошелъ въ галицкую землю. Пока союзники осаждали Владиміра у Звенигорода, одинъ изъ нихъ Изяславъ Давидовичъ съ помощью половцевъ овладѣлъ двумя пограничными подольскими городами: Ушицей и Микулинымъ. Между тѣмъ Владиміръ, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятельскими войсками, значительно превосходившими его силы, не могъ рассчитывать на побѣду и прибѣгнувъ къ дипломатіи—сначала ловкими переговорами перессорилъ между собою союзниковъ и затѣмъ безъ боя сдался на капитуляцію, заплативъ за военныя издержки 1,400 гривенъ серебра, послѣ чего ему возвращены Ушица и Микулинъ.

Не смотря на умѣнье ловко обойти непріятелей и выйти изъ труднаго положенія, Владиміръ не могъ быть покойнымъ, пока оставался на волѣ Иванъ берладникъ, проживавшій на службѣ у различныхъ русскихъ князей и неоднократно пытавшійся возвратить себѣ отцовскій удѣлъ. Онъ умѣлъ хорошо ладить съ народомъ, сочувствовалъ его интересамъ, поэтому галичане предпочитали его своему суровому князю, и при каждомъ удобномъ случаѣ тотъ или другой городъ призывалъ его къ себѣ на княженіе, но подобныя попытки всегда подавлялись вооруженной силой. Послѣдняя попытка въ этомъ смыслѣ случилась въ 1159 году.

Вѣроятно одно имя бѣднаго изгоя было грознымъ для могущественнаго галицкаго князя, и вотъ въ 1159 г. сынъ и наследникъ Владимірка Володаревича, знаменитый Ярослав Осмомыслъ, собираетъ противъ него огромный союзъ, состоявшій изъ русскихъ и польскихъ князей и венгерскаго короля. Иванъ Ростиславичъ находился въ это время на службѣ у кіевскаго великаго князя Изяслава, который пытался защищать его путемъ дипломатическихъ переговоровъ. Встревоженный однако военными приготовленіями, злополучный князь ушелъ за помощью въ половецкія степи, нанялъ здѣсь орду кочевниковъ и отправился съ нею къ низовью Дуная, чтобы отрѣзать пути для греческой торговли, которою очень дорожили русскіе князья. Расположившись «въ городѣхъ подунайскихъ, избидѣвъ кубарѣ и взя товара много въ нею, и паскостяше рыболовомъ галичскимъ». Вскорѣ явилось къ нему сильное подкрѣпленіе изъ множества половцевъ и шести тысячъ берладниковъ¹⁾, и съ этими силами онъ направился къ галицкимъ предѣламъ. Городскія общины, все болѣе и болѣе подавляемыя боярской партіей, которая въ это время брала перевѣсъ надъ княжеской властью, охотно поддерживали симпатичнаго для себя князя, который сверхъ того былъ бы имъ всѣмъ обязацъ и потому долженъ былъ отстаивать ихъ интересы. Поэтому первый пограничный городъ въ галицкой землѣ

¹⁾ Жителей берладскаго удѣла въ низовьяхъ Дуная. Иванъ Ростиславичъ по смерти отца владѣлъ нѣкоторое время берладскимъ удѣломъ, отчего и получилъ названіе берладника; кажется, онъ былъ вытѣсненъ отсюда Владиміромъ и съ того времени скитался на Русь, но и вдали отъ родины продолжалъ пользоваться симпатіями галицкаго населенія.

Кучелминъ съ радостью принялъ Ивана Ростиславича, который отсюда направился къ Ушицѣ, бывшей въ то время укрѣпленнымъ городомъ. Но здѣсь онъ встрѣтилъ гарнизонъ, присланный заблаговременно галицкимъ княземъ, узнавшимъ уже о народномъ движеніи въ пользу его соперника. Хотя гарнизонъ храбро защищался, но общественное мнѣніе ушицкихъ гражданъ было на сторонѣ осаждавшихъ, и многіе изъ нихъ, именно простой народъ, при удобномъ случаѣ перебѣжали въ лагерь Ивана берладника: «и вошла баше засада Ярославля въ городъ, говорить лѣтопись, и начаша ся бити крѣпко засадници изъ города, а смерди скачуть чересь забораля (ограда) къ Иванови, и перебѣже ихъ 300».

Не напрасно народъ такъ сочувствовалъ Ивану берладнику, который особенно наглядно оправдалъ довѣріе народныхъ массъ во время осады Ушицы. Наскучивъ сопротивленіемъ гарнизона и продолжительной осадой, половцы, составлявшіе главный контингентъ въ войскѣ берладника, предлагали князю взять городъ приступомъ. Но Иванъ Ростиславичъ, знавшій обычай кочевниковъ, зналъ, что въ такихъ случаяхъ половцы, ворвавшись въ городъ, грабятъ и захватываютъ все, что только можно взять, и уводятъ жителей въ рабство; онъ велъ борьбу только съ великокняжескимъ гарнизономъ, а не съ горожанами и, не желая вредить имъ, запретилъ половцамъ идти на приступъ. Обиженные отказомъ и лишеніемъ добычи, половцы возвратились въ свои кочевья, а Иванъ берладникъ, оставшись съ незначительными силами, принужденъ былъ снять осаду и удалился въ Кіевъ.

На этомъ обрываются лѣтописныя свѣдѣнія объ Ушицѣ. Вѣроятно укрѣпленія ея были уничтожены въ 1240 г. татарами, какъ и повсюду въ Подоліи; можетъ быть слѣды ихъ уцѣлѣли въ невысокихъ валахъ на одной изъ возвышенностей, господствующихъ надъ нынѣшней Ушицей: Затѣмъ свѣдѣнія наши объ этомъ городѣ прерываются почти въ продолженіи пяти съ половиною столѣтій.

Въ 1702 году жители Ушицы потерпѣли какіе-то убытки отъ сосѣдняго помѣщика Станислава Кавецкаго, владѣльца села Лоевецъ (ниже по Днѣстру); они призвали на помощь молдаванъ изъ-за Днѣстра и въ числѣ 150 душъ конницы напали на Лоевцы, ограбили дворъ помѣщика и забрали пасѣки. Сеймикъ подольскаго воеводства того-же года постановилъ употребить противъ нихъ строгія

мѣры взысканія, которыя впрочемъ не могли быть приведены въ исполненіе, такъ какъ жители Ушицы, наравнѣ со всѣмъ населеніемъ подпѣстровья отъ Студеницы до Могилева, возстали противъ Польши и, перейдя въ козачество, избрали своимъ полковникомъ Шпака и применили къ движенію Самуса и Палія. Вѣроятно воспоминаніе объ этомъ движеніи сохранилось понынѣ въ южной Подоліи въ названіи главнаго чумацкаго пути, пролегающаго по водораздѣльной линіи между системами Буга и Днѣстра. Дорога эта носитъ названіе *шпаковъ шляхъ*. Когда это движеніе было подавлено въ Подоліи, жители Ушицы переселились въ Молдавію, откуда напрасно требовали ихъ выдачи дворяне подольскаго воеводства¹⁾. Около этого времени Ушица вошла въ составъ королевскихъ имуществъ и затѣмъ обращена въ самостоятельное староство, къ которому принадлежало нѣсколько селъ. Заселился городъ вновь вѣроятно благодаря бывшему тогда во всеобщемъ употребленіи колонизаціонному приему «*скиликать слободы*». Въ 1722 г. владѣльцемъ ущицкаго староства былъ князь Юрій Доминикъ Любомірскій²⁾. Въ люстраціи 1765 г. Ушица описывается, какъ мѣстечко, къ которому принадлежатъ села: **Плжовка, Горселка и Коноховка**, между которыми происходили частыя столкновенія и захваты вслѣдствіе несогласія въ разграниченіи земель. По недостатку земли на подольской сторонѣ жители Ушицы по большей части пользовались полями, лѣсами и пастбищами на молдавскомъ берегу, внося за нихъ арендную плату волохамъ и туркамъ. Староство приносило чистаго дохода 14,500 зл. Въ 1770 году жителямъ ущицкаго староства пришлось вѣроятно испытать общее народное бѣдствіе, постигшее всю подольскую землю—чуму и военныя замѣшательства по поводу барской конфедераціи: однако, не смотря на то, производительность староства не только не уменьшилась, но даже нѣсколько поднялась въ это время. Такъ по словамъ люстраціи 1789 г. оно приносило уже чистаго дохода 19,000 зл.; владѣльцемъ староства въ это время былъ Станиславъ Садовскій, получившій его въ силу привилегіи 1772 г. Люстрація замѣчаетъ, что притѣсняемые подданные въ значительномъ количествѣ ушли за границу, къ чему правительство

¹⁾ Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. II, стр. 430—561.

²⁾ Ibid., ч. VI, т. II, приложеніе, стр. 329.

не можетъ относиться безразлично. Въ мѣстечкѣ съ давнихъ поръ производилась торговля солью и существовалъ значительный складъ этого продукта; сверхъ того было двѣ мельницы на р. Ушицѣ и фолюша на Днѣстрѣ.

Не знаемъ, пользовалась-ли Ушица когда либо магдебургскимъ правомъ, но послѣ присоединенія края къ Россіи, она сдѣлана уѣзднымъ городомъ и получила городское самоуправленіе. Такъ просуществовалъ городъ до 1826 года, когда уѣздъ перенесенъ въ м. Летневцы, переименованное въ Новую Ушицу, а Старая Ушица осталась заштатнымъ городомъ, который и до настоящаго времени управляется выборною думой.

Памятниками старины здѣсь остались только полуразрушенное городище, православная церковь, построенная въ 1792 г. и костель, по преданію основанный еще въ XIV ст. Когда онъ пришелъ въ упадокъ, на мѣстѣ его въ 1742 г. построенъ былъ ксендзомъ Мѣрошевскимъ другой деревянный костель, сгорѣвшій въ 1790 г.; постройка нынѣшняго начата въ 1816 году, приходъ его очень малъ и бѣденъ, по словамъ нынѣшняго его настоятеля.

Въ настоящее время промыслы жителей весьма немногочисленны: они занимаются воздѣлываніемъ аниса и табаку, приготовленіемъ однихъ фруктовъ, преимущественно сливъ, рыболовствомъ и заработками на днѣстровской пристани. Впрочемъ торговые обороты пристани весьма незначительны и ограничиваются почти исключительно сплавомъ зерноваго хлѣба, да можетъ быть съ недавняго времени вывозомъ за-границу фосфоритовъ, какъ изъ всего средняго подднѣстровья. Изъ статистическихъ данныхъ мы знаемъ, что напримѣръ въ 1868 г. изъ ушицкой пристани отпущено въ Одессу 13,125 пудовъ хлѣба. Что касается рыболовства, то оно не составляетъ правильнаго промысла и носить таковой-же случайный и первобытный характеръ, какой мы замѣчали повсемѣстно на берегахъ Днѣстра. Чѣмъ дальше внизъ по Днѣстру, тѣмъ встрѣчающіеся сорта рыбъ все лучше и разнообразнѣе, ихъ ловятъ постоянно и не готовятъ въ прокъ.

IX.

Лядава.—Пещерная церковь.—Эпизодъ съ графомъ Дуинскимъ-Борзовскимъ.—Нагорная-пещеры и рисунки на камняхъ.

Между Старой Ушицей и Могилевомъ, верстахъ въ восемнадцать къ сѣверо-западу отъ послѣдняго, при впаденіи въ Днѣстръ горной рѣчки Лядавы раскинулось небольшое село того-же имени. Въ этомъ мѣстѣ Днѣстръ дѣлаетъ крутой поворотъ съ сѣвера на югъ, при чемъ лѣвый берегъ носитъ постоянный общій характеръ подольскихъ береговъ, — это узкая, низменная береговая полоса, окаймленная сплошною стѣной высокихъ горъ, почти отвѣсныхъ въ верхней своей части; ниже осыпи камня и земли облегчаютъ подъемъ до половины горы. Въ самой глубинѣ залива горы прорѣзываются широкой, но неглубокой рѣчкой Лядавой, протекающею среди такихъ-же высокихъ скалистыхъ береговъ. На противоположной сторонѣ бессарабскій берегъ представляетъ низменную равнину, шириною въ нѣсколько верстъ, покрытую наносною почвою; равнина эта окаймлена высокими, пологими горами, пролегающими параллельно теченію Днѣстра; она покрывается водою во время половодья, а лѣтомъ составляетъ прекрасный сѣнокосъ.

Само по себѣ село Лядава не представляетъ ничего особеннаго: если не считать прекраснаго мѣстоположенія, это самое обыкновенное подольское село, расположенное у подножія горы въ самомъ углу при устьи р. Лядавы; тѣ-же просторныя бѣлыя хаты, тѣ-же огороды и густые тѣнистые сады, обнесенные низкою каменною оградой. Но достопримѣчательность села, которая привлекаетъ сюда огромное количество посѣтителей, составляетъ весьма интересный, удѣлѣвшій здѣсь памятникъ старины—древній скальной монастырь, обращенный теперь въ приходскую церковь во имя св. Николая.

Къ церкви ведетъ широкая, довольно крутая тропинка, очищенная по склону горы и обнесенная со стороны обрыва легкою деревянною рѣшеткой; по одну сторону тропинки тянется рядъ фонарей, по другую—рядъ крестовъ, высѣченныхъ изъ мѣстнаго бѣловатаго известняка. Въ двухъ мѣстахъ дорога прерывается глубокими оврагами, вырытыми протекающимъ на днѣ ихъ источникомъ; черезъ нихъ перекинуты деревянные мостики; при болѣе крутыхъ

подъемахъ въ скалѣ вырублены ступеньки. Однимъ словомъ сдѣлано все, что можно, чтобы облегчить для посѣтителей доступъ къ храму во всякое время и во всякую погоду. Поднявшись на большую половину горы, мы выходимъ на довольно обширную площадку, разчищенную искусственно еще въ незапамятныя времена у подножія отвѣсныхъ скалъ. Справа крутой спускъ къ Днѣстру, слѣва каменные ворота съ жилищемъ для сторожа, вырубленная въ скалѣ часовня съ ярко раскрашенными иконами по стѣнамъ, передъ ними разноцвѣтныя лампадки, а по срединѣ часовни чистой хрустальной струею бьетъ фонтанъ, для котораго воспользовались естественнымъ источникомъ, прорывавшимся въ этомъ мѣстѣ изъ скалы. Вода, холодная какъ ледъ и необыкновенно пріятная на вкусъ, собирается въ резервуаръ, откуда чрезъ закрытыя трубы проходитъ подъ площадкой и затѣмъ, въ видѣ маленькаго водопада, сбѣгаетъ по склону горы. Подъ праздникъ, когда во время вечерняго богослуженія зажигаютъ лампадки и разноцвѣтныя огни отражаются въ мелкихъ струйкахъ и безчисленныхъ брызгахъ, фонтанъ долженъ представлять волшебное зрѣлище для богомольцевъ. Влѣво отъ него гостинница—двухъ-этажное зданіе, пристроенное къ скалѣ, съ весьма изящными открытыми галереями для лѣтняго помѣщенія; по обѣ стороны отъ нихъ находятся двѣ крытыя двухъ-этажныя пристройки съ номерами. На другомъ концѣ площадки, прямо противъ воротъ, возвышается довольно обширная церковь—двухъ-этажное квадратное зданіе съ непропорціонально низкимъ восьмиграннымъ куполомъ; колокольни нѣтъ, а возлѣ церкви обыкновенная малороссійская «дзвиница». Какъ церковь, такъ и всѣ остальныя постройки, за исключеніемъ гостинницы, отдѣланы заново стараніемъ мѣстнаго священника, употребившаго массу времени и труда на украшеніе своего храма. Все это блистать самыми разнообразными красками всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, отъ чего церковь представляетъ издали подобіе хорошенькой игрушки, чрезвычайно рельефно выдѣляющейся на темномъ фонѣ известковыхъ скалъ, поросшихъ лѣсомъ. Возлѣ церкви возвышается огромный монументъ—неотесанная глыба известняка около двухъ сажень вышиною, сверху до низу испещренная надписями, по большей части на языкахъ русскомъ и польскомъ, гербами и различными эмблематическими изображеніями, иногда весьма сложными.

Это богомольцы и туристы различныхъ временъ, народовъ и сословіи вырѣзывали свои имена на память о посѣщеніи лядавскаго монастыря; современные посѣтители, за недостаткомъ времени, поручаютъ эту работу мѣстному причетнику, который за извѣстное вознагражденіе стираетъ старыя надписи и вырѣзываетъ новыя.

Еще до недавняго времени на мѣстѣ нынѣшняго новаго храма видна была въ своемъ первоначальномъ видѣ старая пещерная церковь, высѣченная въ скалѣ монахами въ незапамятныя времена; въ настоящее время она совершенно скрыта новою церковью. Отдавая полную справедливость благочестивому чувству, побуждавшему мѣстнаго священника и его паству къ украшенію ихъ святыни, мы не можемъ не пожалѣть о томъ, что задача эта была ими не совсѣмъ правильно понята и что ихъ старанія, заслуживающія полного уваженія, были обращены на обновленіе церкви. Въ настоящее время, когда въ обществѣ уже ясно сознается необходимость сохраненія и изученія всевозможныхъ памятниковъ старины, между которыми весьма видное мѣсто должно принадлежать памятникамъ старинной архитектуры, сохранившимся у насъ почти исключительно въ остаткахъ церквей и монастырей, когда специалисты занялись уже реставраціей такихъ драгоценныхъ остатковъ древнерусской культуры, какъ кievскіе софійскій и кирилловскій соборы и другіе храмы, нельзя не пожалѣть, что таковой рѣдкій и интересный памятникъ, какъ древній скальный монастырь, не сохраненъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, а замаскированъ новою церковью самой обыденной архитектуры, чѣмъ въ значительной мѣрѣ затрудняется изученіе основнаго архитектурнаго типа. Впрочемъ большая часть древней церкви вошла въ составъ новой, такъ что по уцѣлѣвшимъ частямъ можно, безъ большихъ погрѣшностей, представить себѣ цѣлое. Отъ древней церкви сохранился главный престолъ, два выступа на подобіе колоннъ, къ которымъ придѣланы клиросы; самое помѣщеніе для вѣрующихъ и надъ нимъ сводъ, довольно высокій для одного этажа, ходъ на хоры и ризница—все это высѣчено въ цѣльной скалѣ и хотя въ настоящее время заново оврашено и заштукатурено, но все таки и съвозъ краску ясно видны слѣды древней насѣчки. Алтарная часть значительно расширена: пристроены два боковые престола, которыхъ не было въ древней церкви, иконостасъ, наружная двухъ-этажная стѣна и сводъ надъ

алтаремъ. Всѣ основныя части церкви: престолы, аналой, амвонъ, клиросы и т. д. все это высѣчено въ цѣльной скалѣ. Какъ главную святыню лядавской церкви, показываютъ старинный образъ главы Іоанна Крестителя, который считается чудотворнымъ и пользуется большимъ почетомъ среди населенія. Ежегодно, въ день Усѣкновенія главы Предтечи, въ честь этого образа бываетъ «отпустъ», на который стекается огромное количество богомольцевъ изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстностей какъ Подолиа, такъ и Бессарабіи; гостинница и церковный дворъ не могутъ вмѣстить всей массы приходящаго люда, многіе должны искать пріюта у мѣстныхъ жителей, и тогда тихое молчаливое сельце на нѣсколько дней принимаетъ оживленный, праздничный видъ; но разѣдутся гости и все снова обращается къ обычнымъ, мирнымъ занятіямъ.

Тотчасъ за церковью начинается лѣсъ: здѣсь въ скалѣ виднѣется искусственно вырубленный гротъ, повидимому составлявшій часть монастырскихъ построекъ; онъ могъ служить малой церковью или трапезкою; въ настоящее время здѣсь помѣщается складъ старой церковной утвари и гротъ запирается деревянною дверью. Нѣсколько дальше, одна надъ другою идутъ три—четыре келіи, которыя сообщаются между собою высѣченными въ скалѣ ступеньками. Еще выше, уже совсѣмъ въ отвѣсной скалѣ, расположено нѣсколько пещеръ съ выходами, обращенными на югъ, также какъ и въ келіяхъ; доступъ въ эти пещеры весьма затруднителенъ, особенно въ верхнія, куда можно пробраться не иначе, какъ съ помощью канатовъ, лѣстницъ и другихъ приспособленій. Мы не имѣли достаточно времени для подобнаго восхожденія, но проводникъ нашъ, молодой причетникъ, показывавшій намъ церковь и до мельчайшихъ подробностей изслѣдовавшій мѣстность, рассказывалъ, что онъ нѣсколько разъ лазилъ въ пещеры, которыя образуютъ болѣе или менѣе глубокіе корридоры; на днѣ пещеръ попадаются въ значительномъ количествѣ огромной величины кости, принадлежащія по всей вѣроятности ископаемымъ животнымъ, и кремневые орудія. По его мнѣнію кости могли быть занесены сюда орлами, которые и понынѣ гнѣздятся въ пещерахъ; но, кажется, вѣроятнѣе будетъ предположить, что эти пещеры могли служить жилищемъ или убѣжищемъ для первобытнаго человѣка-современника ископаемой фауны. Подтверженіемъ тому можетъ служить: во первыхъ

самый видъ пещеръ, очевидно искусственно вырубленныхъ, или по крайней мѣрѣ поддѣланныхъ, съ выходами, обращенными на юго-западъ, а во вторыхъ рисунокъ, вырѣзанный на скалѣ у подножія одной изъ болѣе доступныхъ пещеръ. Мѣстные жители видятъ въ немъ «лемишъ» отъ плуга и приписываютъ его изображеніе монахамъ. О сюжетѣ рисунка, мнѣ кажется, можно еще поспорить: онъ можетъ дѣйствительно представлять часть плуга, но можетъ съ одинаковымъ успѣхомъ изображать и многіе другіе предметы; что-же касается характера выполненія, то онъ повидимому носитъ признаки самаго древняго стиля. Кажется, здѣсь повторилось тоже самое, что мы уже видѣли въ Бакотѣ: первобытное населеніе воспользовалось естественными пещерами и гротами, или искусственно произвело ихъ для своего поселенія. Когда исчезла древнѣйшая человѣческая раса и перемѣнились условія быта, пещеры были оставлены, но съ введеніемъ христіанства онѣ были заново отдѣланы и приспособлены для благочетивыхъ цѣлей, какъ нельзя болѣе удовлетворяя потребностямъ монастырскаго пустынножительства. Такимъ образомъ изъ готовыхъ пещеръ были устроены келии и церкви. Къ сожалѣнію мы не имѣли возможности вполне точно провѣрить свою догадку о доисторическомъ происхожденіи и заселеніи пещеръ.

По словамъ проводника, въ окрестностяхъ Лядавы весьма часто находятся огромныя кости допотопныхъ животныхъ, по всей вѣроятности, мамонта, который встрѣчается повсюду въ известковыхъ и глинистыхъ горахъ Подолія. Сверхъ того эта мѣстность изобилуетъ огромнымъ количествомъ фосфоритовъ, обстоятельство, которое подольскіе геологи и естествоиспытатели ставятъ въ извѣстную зависимость отъ присутствія болѣе или менѣе значительнаго количества остатковъ мамонта въ каждой данной мѣстности.

Разсказываютъ, что прибывшій сюда нѣсколько лѣтъ назадъ изъ Галичины графъ Дунинъ-Борковскій, во время своего путешествія по Подоліи, посѣтилъ знаменитый лядавскій монастырь и такъ плѣнился красотою мѣстоположенія и прекраснымъ климатомъ, что задумалъ здѣсь поселиться со всѣмъ семействомъ, по крайней мѣрѣ на лѣтнее время. Получивъ необходимое разрѣшеніе, графъ выписалъ архитектора, всевозможныхъ мастеровыхъ, техниковъ, живописцевъ и въ самое непродолжительное время выстроилъ рядомъ съ церковью то изящное зданіе, состоящее изъ двухъ флигелей,

соединенныхъ галлерейми, которое теперь обращено въ гостинницу. Не было недостатка въ рѣзныхъ и лѣпныхъ украшеніяхъ, стѣны расписаны снаружи и изнутри прекрасными рисунками, наконецъ окончено изящное жилище, черезчуръ роскошное для такого села, какъ Лядава, и графъ перевезъ свою семью на лѣтнюю резиденцію. Хотя графская крыша была увѣнчана крестомъ, но все таки религиозное чувство поселянъ возмущалось такою близостью мірянъ, да еще въ добавокъ иновѣрцевъ, къ ихъ древней, уважаемой святынѣ, гдѣ спасались въ старину благочестивые отшельники. Мало по малу росло въ народѣ раздраженіе и наконецъ приняло такой угрожающій характеръ, что графъ принужденъ былъ удалиться изъ Лядавы, а домъ его, по приговору громады, поступилъ въ пользу церкви. Послѣ того, въ pendantъ къ нему, построена новая церковь, которая своимъ стилемъ и яркой окраской рѣзко отличается отъ графской постройки, хотя, по всей вѣроятности, вполне удовлетворяетъ эстетическому вкусу мѣстныхъ жителей.

Впрочемъ графъ не безъ пользы для себя провелъ время въ Лядавѣ. Не смотря на свое непродолжительное пребываніе въ этой мѣстности, онъ обратилъ вниманіе на ея минеральные богатства и, замѣтивъ чрезвычайное обиліе фосфоритовъ, закупилъ на известное число лѣтъ право сбора ихъ въ цѣломъ округѣ и въ свою очередь заключилъ контрактъ съ какой-то иностранной фирмой, обязавшись поставлять ежегодно 600 пудовъ этого минерала.

Въ такомъ видѣ намъ передали этотъ рассказъ на мѣстѣ. Хотя вывозъ такого полезнаго удобрения, какъ фосфориты, въ недалекомъ будущемъ долженъ вреднымъ образомъ отозваться на экономіи края, но по крайней мѣрѣ онъ могъ-бы хоть для настоящаго времени составить сколько-нибудь доходный промыселъ для мѣстнаго населенія, если-бы это дѣло было иначе поставлено. Между тѣмъ повсюду въ Подоліи сборомъ и сбытомъ фосфоритовъ, какъ и всякаго другаго продукта, занялись евреи, которые, обладая наличными капиталами, съ свойственною имъ ловкостью какъ-бы взяли на откупъ эту отрасль промышленности: они закупаютъ фосфориты у крестьянъ за баснословно дешевую цѣну—до десяти копѣекъ за пудъ, немедленно доставляютъ на ближайшія днѣстровскія пристани и сплавляютъ на галарахъ къ ближайшей желѣзнодорожной вѣтви.

Проходя по горной тропинкѣ вдоль берега Днѣстра отъ Лядавы до Нагорянъ, я могъ наглядно убѣдиться въ изобиліи фосфоритовъ въ этой мѣстности: вдоль отвеса на пути довольно часто встрѣчались его экземпляры, имѣющіе всегда видъ шара болѣе или менѣе объемистаго, величиною въ орѣхъ и больше, до размѣра крупнаго апельсина. Поверхность шара гладкая, какъ-бы отполирована, темно-коричневаго цвѣта.

Кромѣ фосфоритовъ въ ущельи на берегахъ Лядавы и въ Днѣстрѣ крестьяне находятъ дорогіе камни: разноцвѣтные колчеданы, аквамарины, рубины и въ большомъ количествѣ темные камни (гранаты?) ¹⁾, покрытые кремнистой массой, но эти находки не составляютъ правильнаго промысла и не приносятъ дохода крестьянскому хозяйству.

Мнѣ почти ничего не удалось собрать о минувшей судьбѣ Лядавы. Вѣроятно и въ старину это было такое-же небольшое и незначительное поселеніе, какъ и теперь, входившее въ составъ могилевскаго или калюскаго староства, и потому оно не упоминается отдѣльно ни въ польскихъ, ни въ русскихъ источникахъ. Единственное извѣстіе, какое мнѣ встрѣтилось, состоитъ въ томъ, что всѣ жители Лядавы въ 1702 году ушли въ Молдавію. Изъ этого намека можно догадываться, что они жили общеою жизнью и раздѣляли общіе интересы со всѣмъ населеніемъ Поднѣстровья, которое, какъ извѣстно, въ 1702 г. примкнуло къ движенію Палія, но потерпѣвъ неудачу, удалилось на молдавскій берегъ.

Осмотрѣвши лядавскія достопримѣчательности, оставалось еще увидѣть нагорянскія пещеры, чтобы покончить съ этой мѣстностью. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, мы сѣли на свою подводу, переѣхали въ бродъ рѣчку Лядаву и, поднявшись версты двѣ вверхъ по Днѣстру, очутились противъ Нагорянъ. Это огромное село съ двумя или тремя церквями, вытянутое по вершинѣ горы. Въ противоположность зеленѣющей лядавской возвышенности, болѣе полной и покрытой остатками нѣкогда огромнаго лѣса, нагорянскія горы значительно обрывистѣе и выше и совершенно лишены растительности, если не считать тощаго дерна, пріютившагося мѣстами на уступахъ, по берегамъ микроскопическихъ источниковъ, которые по

¹⁾ Очеркъ Днѣстра, стр. 208.

капелькѣ сочатся изъ камня. Нѣсколько ниже села, почти у самой вершины горы выдѣляется пластъ отвѣсныхъ скалъ отъ двѣнадцати до пятнадцати сажень вышины, повидимому отполированный движеніемъ льдовъ въ ледниковый періодъ. Въ этихъ скалахъ видѣны цѣлый пещерный городъ,—до двадцати пещеръ и гротовъ, расположенныхъ въ пять ярусовъ одинъ надъ другимъ. Крутой склонъ горы покрываютъ осыпи вывѣтривающагося известняка, съ каждымъ шагомъ почва уходитъ подъ ногами, стараешься удержаться за выдающіеся камни, но и они начинаютъ по немногу спускаться, лишая путника послѣдней точки опоры,—все это сильно затрудняетъ подъемъ на гору.

Наконецъ кое какъ послѣ многихъ усилій добрались мы къ нижнимъ пещерамъ. Это два-три обширные, высокіе грота съ широкими выходами, обращенными на югъ къ Днѣстру; самый большой гротъ представляетъ обширную залу въ 14 сажень длиною и 9 шириною; потолокъ его состоитъ изъ цѣльной горизонтальной скалы,—дно представляетъ наклонную плоскость, постепенно понижающуюся отъ глубины до входа. Среди мусора на днѣ грота намъ попадались отбитыя кремневые орудія, указывающія, правдоподобно, на то, что гротъ могъ служить жилищемъ для древнѣйшихъ обитателей Поддѣстровья въ доисторическую пору. Это еще болѣе подтверждается множествомъ круглыхъ углубленій на подобіе чашекъ, вырѣзанныхъ на стѣнахъ у входа; такого рода изображенія относятся археологами специалистами къ самой отдаленной порѣ человѣческой культуры.

Кое какъ, съ опасностью для жизни, намъ удалось еще пробраться во второй ярусъ пещеръ, откуда вылетѣлъ огромный орелъ, спугнутый появленіемъ человѣка въ своемъ неприступномъ жилищѣ; мы были испуганы, вѣроятно, не меньше его самого, но все таки взяли изъ гнѣзда огромное перо въ видѣ трофея. Второй ярусъ мало чѣмъ отличается отъ перваго—это тѣ-же гроты, только поменьше, лучше закрытые и неиспорченные посѣщеніемъ пастуховъ. Пробраться выше не было возможности; въ верхній ярусъ можно было проникнуть только спускаясь на канатѣ сверху, но мы не рѣшились рисковать жизнью изъ любви къ научнымъ изысканіямъ и предпочли возвратиться назадъ.

На склонѣ горы, среди осыпей попадаются фосфориты въ такомъ количествѣ, что мы сперва начали собирать ихъ на память о Нагорянахъ, но, собравши въ нѣсколько минутъ порядочную пошу, стали подымать только лучшіе экземпляры.

Утомленные и огорченные неудачнымъ посѣщеніемъ пещеръ, которыхъ даже нельзя было осмотрѣть надлежащимъ образомъ и въ которыхъ, исключая чашечныхъ углубленій по стѣнамъ, не встрѣтилось ничего замѣчательнаго, бѣдные, голодные туристы медленно возвращались назадъ, но вдругъ были вознаграждены за неудачу самымъ неожиданнымъ образомъ.

Мы замѣтили на южномъ склонѣ горы рядъ огромныхъ глыбъ известняка, числомъ около десяти, расположенныхъ правильнымъ полукругомъ прямо противъ пещеръ. Спѣшимъ туда и видимъ, что это скалы не природныя, а искусственно поставленныя на мягкой почвѣ. Въ самомъ центрѣ стоитъ огромный монолитъ, въ которомъ вырубленъ цѣлый гротъ, довольно помѣстительный, обращенный къ Днѣстру; его поддерживаютъ нѣсколько камней поменьше. Вся поверхность этого камня, такъ-же какъ и всѣхъ остальныхъ, покрыта весьма сложнымъ рисункомъ изъ черточекъ, крестиковъ и весьма замысловатыхъ фигуръ, на подобіе крылатаго человѣка, звѣрей, птицъ и другихъ изображеній; все это испещрено огромнымъ количествомъ чашечныхъ углубленій, величиною отъ орѣха до небольшой тарѣлки, расположенныхъ то единично, то въ видѣ крестиковъ, розетокъ и различныхъ геометрическихъ фигуръ. Рисунки вырѣзаны весьма глубокими чертами и по большей части разбросаны безъ опредѣленной системы, но иногда они располагаются рядами, на подобіе строкъ на страницѣ, и тогда чрезвычайно напоминаютъ іероглифическія надписи, только болѣе условныя, чѣмъ египетскіе іероглифы.

Повидимому мы имѣемъ здѣсь дѣло съ рѣзами или рунами древнихъ обитателей нагорянскихъ пещеръ. Было-бы чрезвычайно интересно прочесть эти надписи,—можетъ быть въ нихъ заключаются біографіи знаменитѣйшихъ гражданъ этого поселенія, или разсказаны важнѣйшія событія изъ его жизни, или изложены религіозный кодексъ того народа... Къ сожалѣнію для насъ утеряны ключъ къ этой грамотѣ; остается только надѣяться, что со временемъ, когда наука сдѣлаетъ большіе успѣхи, какой нибудь специа-

листь найдеть возможность объяснить таинственный смысл нагорянских надписей. Пока можно сказать только, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ мегалитическими сооруженіями, что подтверждается и находкою отбивныхъ кремневыхъ орудій на склонѣ горы у подножія пещеръ. Если допустить, что въ лядавскихъ пещерахъ мы имѣемъ постоянныя или временныя жилища первобытнаго племени, то Нагоряны, гдѣ пещеръ гораздо больше и слѣдовательно населеніе должно было быть многочисленнѣе, могли служить центральнымъ пунктомъ для извѣстнаго района и здѣсь легко могли создаваться и уцѣлѣть какіе нибудь памятники религіозныхъ вѣрованій того народа.

Мѣстное преданіе рассказываетъ, что во время существованія лядавскаго монастыря жили отшельники и въ нагорянскихъ пещерахъ, они-то и вырѣзали всѣ рисунки на камняхъ и на стѣнахъ пещеръ. Но достаточно только взглянуть на эти изображенія, чтобы убѣдиться въ невѣрности этого преданія; монахи дѣйствительно могли жить въ пещерахъ и уничтожить здѣсь слѣды древнѣйшаго поселенія, но несомнѣнно, что творческая фантазія христіанскихъ иноковъ должна была обратиться къ религіознымъ предметамъ и выразить ихъ церковно-славянскимъ шрифтомъ; притомъ культура въ христіанское время стояла у насъ несравненно выше, между тѣмъ какъ эти изображенія отличаются совершеннымъ отсутствіемъ религіозно-христіанскихъ сюжетовъ и напротивъ носятъ несомнѣнные слѣды древнѣйшей культуры.

К. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БАПТИЗМЪ ИЛИ ШТУНДА ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Изъ представленныхъ нами въ минувшемъ году на страницахъ «Кіевской Старины» матеріаловъ для исторіи появленія и распространенія штунды на югѣ Россіи ¹⁾ всякій не предубѣжденный читатель могъ до очевидности удостовѣриться въ томъ, что такъ называемая у насъ штунда есть ничто иное, какъ нѣмецкій баптизмъ, занесенный въ наши нѣмецкія колоніи нарочитыми миссіонерами изъ Гамбурга и что первыми его адептами изъ среды малорусскаго православнаго населенія были лица, случайно, въ качествѣ рабочихъ, попавшіе въ колонистамъ,—люди оторванные отъ дома и семьи, отъ общенія въ молитвѣхъ церкви и таинствахъ, отъ поученія своихъ пастырей, чувствовавшіе быть можетъ именно поэтому потребность въ духовной пищѣ и подвергшіеся дѣйствию искусныхъ и фанатичныхъ проповѣдниковъ новаго ученія. Съ появленіемъ первыхъ послѣдователей этого ученія въ средѣ православныхъ малороссіянъ, съ увеличеніемъ числа нарочитыхъ проповѣдниковъ онаго въ средѣ нѣмецкихъ колонистовъ и учрежденіемъ правильно организованныхъ баптистскихъ общинъ въ разныхъ пунктахъ Новороссіи и между прочимъ въ Одессѣ, дальнѣйшее распространеніе баптизма въ малорусскомъ населеніи того края не представляетъ ничего удивительнаго, или непонятнаго. Зараза душевная съ такою-же легкостію и быстротою, какъ и физическая, передается людямъ, находящимся въ постоянномъ и тѣсномъ общеніи съ зараженнымъ; всякое новое религіозное ученіе дѣйствуетъ съ неотразимою силою во образѣ живаго убѣжденнаго человѣка той-же среды, того-же близкаго, особливо родственнаго круга. Но то удивительно, что зараза, о

¹⁾ См. «Кіевскую Старину» за 1884 годъ, октябр. и ноябр. книжки.

которой у насъ рѣчь, сдѣлала быстрый скачекъ съ крайняго юга въ глубь кіевской губерніи,—сдѣлала при отсутствіи вышеуказанныхъ обстоятельствъ, проникла въ сплошную православную среду, ничѣмъ въ ней не предрасположенную.

Пользуясь и на этотъ разъ офіціальными данными, мы передадимъ кратко о томъ, когда и какъ проникла къ намъ штунда, каковъ былъ первоначальный ея ходъ, при какихъ обстоятельствахъ она распространялась, какъ локализовалась и какова теперь численность ея послѣдователей, какія общія мѣры принимались къ ея пресѣченію и что способствовало ея распространенію у насъ.

Занесеніе штунды въ кіевскую губернію относится къ 1870 г. Первоначально она появилась въ с. Плосскомъ, таращанскаго уѣзда, потомъ перешла въ с. Чаплинку, а отсюда въ с. Косяковку того-же уѣзда. Вблизи этихъ приходовъ, да и вообще въ таращанскомъ уѣздѣ, никакихъ нѣмецкихъ сектантовъ не было какъ до этого времени, такъ и послѣ; весь уѣздъ представлялъ сплошное православное населеніе, кромѣ 3,367 лицъ римско-католическаго исповѣданія, находящихся и теперь въ разныхъ селахъ этого уѣзда. Въ названныхъ приходоухъ священниками въ ту пору были: въ с. Чаплинкѣ Димитрій *Низодинскій* 38 л. изъ окончившихъ курсъ духовной семинаріи, имѣвшій въ семьѣ только жену; въ с. Косяковкѣ—Корнилій *Леоновичъ* 41 года, также изъ окончившихъ курсъ духовной семинаріи, состоявшій вмѣстѣ съ тѣмъ и помощникомъ благочиннаго; въ семействѣ у него было 8 дѣтей; въ с. Плосскомъ—Тимофей *Руткевичъ* 59 лѣтъ; послѣдній хотя не получилъ семинарскаго образованія, но былъ подготовленъ къ пастырскому званію самообразованіемъ и прохожденіемъ діаконской должности, а въ санѣ священника состоялъ уже 26 лѣтъ; въ семействѣ у него было 4 дѣтей. Какихъ либо жалобъ на этихъ священниковъ не поступало отъ прихожанъ ни къ духовному, ни къ гражданскому начальству и всѣ они находились въ добрыхъ отношеніяхъ съ своими пасомыми, аттестовались всегда съ лучшей стороны въ своемъ поведеніи и свои обязанности исполняли примѣрно. Въ свою очередь ихъ прихожане и въ религіозномъ и въ нравственномъ отношеніяхъ стояли нисколько не ниже прихожанъ другихъ церквей той-же мѣстности. Такимъ образомъ въ мѣстной почвѣ не было никакихъ задатковъ или поводовъ къ возникновенію какой либо противуцерковной секты.

И вдругъ неожиданно ни для кого являются здѣсь лица, возстающія противъ православныхъ священниковъ, чуждающіяся церкви и богослуженія, отвергающія таинства и обряды и глумящіяся надъ тѣмъ, что дорого и священо было для нихъ, какъ и для всякаго православнаго христіанина. Что-же возмутило душевный миръ этихъ благоговѣнно набожныхъ людей, что толкнуло ихъ на путь сомнѣнія въ дѣлѣ вѣры, которую они воспринимали и хранили въ простотѣ сердець своихъ, что привело ихъ къ отрицанію завѣта отцевъ, святыхъ всего народа, кровію его въ теченіи вѣковъ испущенной и освященной?

Зараза пришла отъинуды—изъ нѣмецкихъ колоній херсонской губерніи; тамъ ученіе баптистовъ раньше было посѣяно и распространено прусскими миссіонерами изъ Гамбурга, тамъ заразились имъ случайные выходцы изъ кіевской губерніи и принесли оное на свою родину. Нѣмцамъ, а не кому либо другому, мы обязаны появленіемъ у насъ штунды. Вотъ съ чего началось и какъ шло это дѣло.

Село Плоское, въ которомъ баптистское ученіе появилось раньше, чѣмъ въ другихъ приходахъ, въ значительной части населено однодворцами. Не имѣя земельного надѣла, они въ лѣтнее время отправляются обыкновенно для заработковъ въ херсонскую губернію, иногда цѣлыми семьями. Въ числѣ другихъ часто ходили туда изъ с. Плоскаго однодворцы: *Тышкевичъ, Богдашевскій* и родные братья *Яковъ и Павелъ Цыбульскіе*. Яковъ Цыбульскій былъ на заработкахъ въ Одессѣ, а прочіе около 2-хъ лѣтъ прожили близъ с. Николаевки. Судьба привела ихъ на службу къ нѣмцамъ-баптистамъ, которые принялись завлечь ихъ въ свои собранія и знакомить съ особенностями своего вѣроученія; но совращеніе ихъ произошло не вдругъ и обнаружилось не скоро. Первымъ отсталъ отъ православія Яковъ Цыбульскій. Въ Одессѣ онъ жилъ въ домѣ купца Ксиды, прикащика одного изъ главныхъ членовъ баптистской секты Карла Шутца, чрезъ котораго шла корреспонденція одесскихъ баптистовъ съ ихъ колоніей въ Добруджѣ и получались оттуда брошюры баптистскаго содержанія; здѣсь и произошло совращеніе его въ штунду, обстоятельства котораго намъ неизвѣстны. Извѣстно только, что, совратившись самъ въ новую нѣмецкую вѣру, Яковъ Цыбульскій совратилъ въ нее своего брата Павла Цыбульскаго и односельцевъ своихъ Тышкевича и Богдашевскаго. Число послѣдователей новой вѣры

увеличилось съ возвращеніемъ Павла Цыбульскаго домой въ с. Плоское, въ концѣ 1868 года; въ эту и слѣдующую зиму къ нему собирались по вечерамъ для чтенія евангелія и пѣнія стиховъ Тышкевичъ, Флоринскій, Богдашевскій и сестра послѣдняго Ѳебля Богдашевская, хотя эти собранія велись втайнѣ и долго объ нихъ не было извѣстно никому. Въ концѣ-же 1868 года, однодворецъ с. Розумницы Хмѣлевскій, проживая по найму въ экономіи с. Рожевъ, познакомился съ Павломъ Цыбульскимъ, а чрезъ него и съ ученіемъ баптистовъ. Сперва Хмѣлевскій ходилъ изъ Рожевъ въ с. Плоское къ Павлу Цыбульскому на ночныя собранія, въ которыхъ толковалось евангеліе и пѣлись духовные стихи изъ книги «Приношеніе православнымъ христіанамъ.—С.-Петербургъ 1864 года», а потомъ такія-же собранія захотѣлъ открыть у себя въ с. Рожкахъ, привлеки въ нихъ двухъ молодыхъ крестьянъ изъ бывшихъ учениковъ церковно-приходской школы. О ночныхъ собраніяхъ у Павла Цыбульскаго мѣстный священникъ Руткевичъ узналъ лишь въ сентябрѣ 1869 года, и тотчасъ донесъ объ этомъ благочинному. Благочинный поспѣшилъ для дознанія дѣла на мѣстѣ; но въ это время Павелъ Цыбульскій отлучился въ херсонскую губернію, а участники его собраній отреклись отъ всего, въ чемъ ихъ обвиняли, и въ доказательство своей вѣрности православію полагали на себѣ крестное знаменіе, цѣловали крестъ и евангеліе. Скоро однако Цыбульскій возвратился въ с. Плоское, а съ возвращеніемъ его возобновились и ночныя собранія у него. Сектанты настолько утвердились въ своихъ вѣрованіяхъ, что когда священникъ предъ праздникомъ Рождества Христова посѣщалъ съ молитвою и ихъ дома, наравнѣ съ другими прихожанами, они отказались уже цѣловать крестъ. Священникъ опять отрапортовалъ благочинному, а благочинный вновь прибылъ на мѣсто сколько для обстоятельнаго обслѣдованія обнаруженной секты, столько и для увѣщанія сектантовъ. Произведя новое дознаніе и предоставивъ священнику Руткевичу и его сыну, ученику богословія, продолжать увѣщанія заблудшихъ, благочинный Петрушевскій о появленіи секты сообщилъ тогда-же таращанскому исправнику, а отъ 4 января 1870 г. донесъ уѣздному протоіерею Пахаловичу, который донесъ о томъ митрополиту Арсенію, равно какъ исправникъ губернатору. Въ началѣ того-же января 1870 г. становой приставъ, по порученію исправника, производилъ дознаніе

о совратившихся. При этомъ дознаніи головщики Цыбульскій и Тышкевичъ оказались упорными въ своихъ убѣжденіяхъ, а ихъ послѣдователи показали раскаяніе. Къ концу января хотя иконы находились еще въ домахъ Цыбульскаго и Тышкевича и содержались въ приличныхъ мѣстахъ, но стало уже извѣстнымъ о хулахъ, провозносимыхъ на иконы Тышкевичемъ, а потому какъ Тышкевичъ, такъ и Цыбульскій, по распоряженію полиціи, были арестованы и отправлены въ таращанскую тюрьму. Въ с. Рожвахъ дознаніе о сектѣ произведено благочиннымъ Павломъ Забужскимъ въ началѣ февраля. При дознаніи оказалось, что молодые крестьяне—Кошель и Петрукъ еще прежде перестали посѣщать Хмѣлевскаго; Хмѣлевскій повинился въ своемъ заблужденіи и обязался не ходить въ село Плосское на ночныя собранія и не отерывать таковыхъ у себя. Между тѣмъ во время нахождения подъ арестомъ въ Таращѣ Цыбульскаго и Тышкевича увѣщаніемъ ихъ занимался соборный священникъ г. Таращи Игнатовичъ. Цыбульскій и Тышкевичъ сначала отъ всего отказывались, утверждая, что они ни въ чемъ неповинны, что во всемъ слѣдуютъ ученію православной церкви и если дѣлаютъ иногда частныя собранія въ домахъ, то только для молитвы, для чтенія св. писанія и для пѣнія духовныхъ стиховъ, напечатанныхъ въ С.-Петербургѣ; но послѣ долгихъ увѣщаній, они высказали наконецъ такія свои вѣрованія: Богородица и святые ничѣмъ не отличались отъ прочихъ людей и потому не могутъ ходатайствовать за насъ предъ Богомъ; каждый человекъ долженъ самъ за себя молиться, не надѣясь на молитвы церкви и святыхъ; внѣшнее богослуженіе не нужно; Богу слѣдуетъ поклоняться только духомъ и истинною; поклоненіе кресту и иконамъ есть идолопоклонство; мощи святыхъ не могутъ быть предметомъ поклоненія; увеселенія предосудительны; употребленіе хмѣльныхъ напитковъ, хотя-бы то въ маломъ количествѣ, противно христіанскому ученію.

Не оставалось никакого сомнѣнія, что въ лицѣ увѣщаемыхъ и ихъ немногихъ сообщниковъ появлялась въ средѣ мѣстнаго православнаго населенія особая религіозная секта съ опредѣленными, твердо усвоенными мнѣніями, хоть и не получившая еще прочной организаціи. Тѣмъ не менѣе относительно подавленія ея, по самой новости дѣла, не было еще придумано опредѣленныхъ и рѣшительныхъ мѣръ. Сношенія властей только еще начинались; самое про-

исхожденіе секты не было достаточно выяснено. Митрополитъ кіевскій Арсеній находился въ то время въ Петербургѣ для обычнаго присутствованія въ св. синодѣ. Завѣдывавшій на мѣстѣ дѣлами кіевской епархіи, пр. викарій Порфирій въ столь важномъ дѣлѣ не могъ предпринять чего-либо особеннаго самъ собою. Въ началѣ феврала онъ получилъ отъ кіевскаго губернатора составленное на основаніи донесенія таращанскаго исправника увѣдомленіе о появленіи секты въ сс. Плоскомъ и Рожвахъ и въ то-же время препровождено ему тѣмъ-же губернаторомъ въ копіи сообщеніе херсонскаго губернатора о появленіи такой-же секты въ херсонской губерніи и о предполагаемой высылкѣ изъ херсонской въ кіевскую губернію, на мѣсто жительства, одного изъ пропагандистовъ секты, крестьянина с. Чаплинки Герасима Болобана. Преосвященный Порфирій донесъ обо всемъ митрополиту Арсенію, испрашивая его дальнѣйшаго распоряженія. По резолюціи митрополита необходимыя распоряженія сдѣланы, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по собственному почину преосвященнаго Порфирія, въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ напечатано извлеченіе изъ упомянутаго сейчасъ сообщенія херсонскаго губернатора, въ тѣхъ, конечно, видахъ, чтобы сдѣлать извѣстнымъ для всего духовенства кіевской епархіи опасное лжеученіе, прокрадывавшееся темными путями, указать источникъ, изъ котораго оно исходитъ, и признаки, по которымъ оно могло-бы быть отрываемо. При этомъ однако опущено изъ виду, что это сообщеніе, составленное первоначально какимъ-либо полицейскимъ слѣдователемъ со словъ, конечно, преслѣдуемыхъ сектантовъ и прошедшее нѣсколько другихъ редакцій, въ неумѣломъ изложеніи представляло собою порицаніе православныхъ поселянъ и похвалы нравственности послѣдователей баптистскаго ученія и пастору Бонекемферу, а самое происхожденіе лжеученія затемнялось и извращалось; въ сообщеніи, напримѣръ, говорилось, что «Павель Цыбульскій, приобрѣвъ нѣсколько книгъ духовнаго содержанія, вычиталъ въ нихъ наставленія проводить время въ чтеніи св. книгъ и пѣніи псалмовъ, узналъ о необходимости вести жизнь трезвую и благочестивую и согрѣтый сими наставленіями (а не совращенный въ баптистскую секту своимъ братомъ Явовомъ Цыбульскимъ), сталъ приглашать своихъ односельцевъ для чтенія, пѣнія и толькованія св. евангелія». Въ такомъ видѣ сообщеніе способно было привести священниковъ въ недоумѣніе, а на

сектантовъ, если оно достигло ихъ, произвести возбуждающее и ободряющее дѣйствіе.

Не смотря впрочемъ на изложенный первоначальный ходъ дѣла, опасность дальнѣйшаго распространенія ереси скоро какъ будто миновалась и въ маю 1870 года секта какъ-бы совсѣмъ заглохла въ с. Плосскомъ. Богдашевскій былъ отданъ въ военную службу, а Тышкевичъ, по возвращеніи изъ херсонской губерніи, въ наступившій великій постъ говѣлъ въ приходской церкви, раскаялся въ своихъ заблужденіяхъ и причащался св. тайнъ. Когда вскорѣ потомъ умерло его дитя, онъ не только позаботился о его погребеніи по христіанскому обряду, но просилъ священника отслужить еще и заупокойную литургію. Въ августъ того-же года возвратились въ православіе Павелъ Цыбульскій и Флоринскій.

Но въ то время, какъ огонь потухалъ зъ одномъ мѣстѣ, онъ неблагоприятно разведенъ въ другомъ, недалекомъ отъ прежняго мѣстѣ, именно въ с. Чаплинкѣ тарашанскаго уѣзда; разгораясь здѣсь постепенно, онъ охватилъ и сосѣдніе приходы. Дѣло было такъ.

Въ м. Игнатовкѣ одесскаго уѣзда проживалъ, какъ упомянуто выше, крестьянинъ с. Чаплинки кievской губерніи, тарашанскаго уѣзда, Герасимъ Болобанъ; онъ скрывался здѣсь изъ опасенія отвѣтственности по дѣлу о выпускѣ фальшиваго 10-рублеваго кредитнаго билета. Для большей безопасности Болобанъ перемѣнилъ свою фамилію и сталъ называться Витенкомъ. Въ Игнатовкѣ обзавелся онъ и семьей, женившись на православной крестьянкѣ, вдовѣ Матренѣ Ивановнѣ Довгошеевой. Совратившись здѣсь въ баптизмъ, при участіи извѣстнаго пропагандиста этого ученія, крестьянина д. Основы, одесскаго уѣзда, Михаила Ратушнаго, Болобанъ сталъ ближайшимъ его сотрудникомъ въ дѣлѣ совращенія православія и распространенія баптизма между православнымъ населеніемъ раснопольскаго прихода. Его участіе въ этомъ дѣлѣ обнаружено въ 1870 году, а вмѣстѣ съ тѣмъ открылось, что онъ проживалъ подъ чужимъ именемъ и безъ письменнаго вида. Болобану предстояло подвергнуться судебному преслѣдованію за совращеніе другихъ въ баптистскую ересь; но херсонское губернское начальство сочло почему-то за лучшее выслать его на мѣсто приписки въ с. Чаплинку кievской губерніи. О выселеніи Болобана и его противоправослав-

номъ образѣ мыслей херсонскій губернаторъ увѣдомилъ кіевскаго митрополита Арсенія 20 іюня 1870 года, по резолюціи коего отъ 23 сентября кіевская консисторія предписала священнику села Чаплинки Низгодинскому и мѣстному благочинному Забузскому наблюдать за образомъ мыслей и за дѣйствіями Болобана и о послѣдствіяхъ своихъ наблюденій доносить преосвященному митрополиту полугодично. Но Болобанъ прибылъ въ Чаплинку еще раньше полученія этого указа. Не имѣя здѣсь ни кола, ни двора, онъ первоначально поселился въ сельской корчмѣ, у еврея, гдѣ всего чаще могъ видѣться и бесѣдовать съ народомъ. Въ Чаплинкѣ находилось волостное управленіе, а волостнымъ писаремъ при немъ состоялъ солдатскій сынъ Иванъ Лясоцкій. Болобанъ постарался сблизиться съ нимъ и нашель въ немъ столько сочувствія, что отъ чаплинскаго волостнаго правленія не замедлило поступить къ таращанскому исправнику донесеніе, будто въ дѣйствіяхъ Болобана не оказывается ничего предосудительнаго, а исправникъ отрепортовалъ такимъ-же образомъ губернатору. Это было въ концѣ августа, а вскорѣ послѣ того, при участіи писаря Лясоцкаго, Болобанъ получилъ отъ чаплинскаго волостнаго правленія отпускъ въ херсонскую губернію на 28 дней. Указъ консисторіи о наблюденіи за Болобаномъ не засталъ уже его на мѣстѣ. Но пребываніе Болобана въ херсонской губерніи было открыто, и 20 ноября 1870 года, по распоряженію херсонской полиціи, онъ снова препровожденъ въ кіевскую губернію и водворенъ на жительство въ Чаплинкѣ. Тутъ ждалъ его духовный надзоръ; но Болобанъ, какъ видно, мало имъ смущался: въ церковь онъ приходилъ, но порядка не соблюдалъ и стоялъ въ ней небрежно, увѣщаніямъ священника Низгодинскаго не подчинялся и приходилъ къ нему въ домъ для собесѣдованія отказался, а между тѣмъ начиналъ уже вести тайно пропаганду—днемъ въ корчмѣ, ночью въ волостномъ правленіи. Священникъ Низгодинскій, навѣщая Болобана, по долгу пастыря, три раза заставлялъ его за чтеніемъ и толкованіемъ евангелія въ русскомъ переводѣ при двухъ или трехъ посѣтителяхъ, причемъ пѣлись также стихи изъ книжки: «Приношеніе православнымъ христіанамъ». Для подкрѣпленія духовнаго или матеріальнаго Болобанъ успѣлъ снова побывать у своихъ единомышленниковъ въ херсонской губерніи, куда отлучался съ 19-го декабря по 6-е января, а

возвратясь оттуда, сталъ уже открыто говорить противъ соблюденія постовъ, почитанія иконъ и св. креста, противъ таинствъ и обрядовъ православной церкви и ожесточенно злословилъ православное духовенство, прилагая къ нему все, что сказано въ евангеліи въ обличеніе книжниковъ и фарисеевъ. Впрочемъ, первая проповѣдь Болобана къ народу въ корчмѣ была неудачна, его даже поколотили за кощунство надъ священными предметами; не помогли и угощенія водкой, къ которымъ прибѣгалъ Болобанъ, пользуясь деньгами, принесенными изъ херсонской губерніи. Хотя нельзя сказать, чтобы бесѣды Болобана не заронили въ нѣкоторыхъ изъ прихожанъ с. Чаплинки сомнѣній въ истинности исповѣдуемой ими вѣры, но до конца января 1871 года къ нему никто еще не приєднался открыто, кромѣ писаря Лясоцкаго, какъ объ этомъ доносили священникъ Низгодинскій и благочинный Забудскій.

Въ маѣ дерзость Болобана достигла крайнихъ предѣловъ; онъ всепародно кощунствовалъ, богохульствовалъ, разбилъ даже икону св. Николая. Сельская власть арестовала его и передала въ руки уѣздной полиціи, а полиція отнеслась къ прокурорской власти о возбужденіи противъ Болобана судебного преслѣдованія. Консistorія не была увѣдомлена объ этомъ ни полиціей, ни судебною властью, но, усматривая изъ донесеній священника, что мѣры, принимаемыя имъ къ вразумленію Болобана, оказываются неэффективными, потребовала, чтобы онъ высланъ былъ къ ней на увѣщаніе. Изъ отвѣта таращанскаго уѣзднаго полицейскаго правленія на это требованіе консисторіи видно, что Болобанъ отправленъ въ кіевскій тюремный замокъ 13 іюля; но въ консисторію онъ присланъ только 24 августа, а между тѣмъ раньше сего въ консисторіи было получено отъ судебного слѣдователя таращанскаго уѣзда требованіе объ отпускѣ къ нему Болобана въ Таращу по касающемуся его дѣлу, которое въ бумагѣ слѣдователя не было объяснено.

И консисторія, и судебный слѣдователь, и самъ Болобанъ были одинаково въ недоумѣніи: первая—зачѣмъ не высылаютъ къ ней Болобана на увѣщаніе, второй—почему консисторія не отпускаетъ привлекаемаго къ слѣдствію, а третій—зачѣмъ безъ надобности томятъ его въ тюрьмѣ. Впрочемъ дѣло скоро разрѣшилось вполне благополучно для Болобана, благодаря съ одной стороны его притворству, а съ другой недоразумѣнію, если не намѣренному

снисхожденію судебного слѣдователя. Началось съ того, что Болобанъ, явясь въ присутствіе консисторіи, принесъ, такъ сказать, полную повинную: тутъ онъ съ клятвою увѣрялъ присутствующихъ, что никогда не отступалъ отъ ученія, таинствъ и обрядовъ православной церкви, полагалъ на себѣ крестное значеніе съ земными поклонами предъ иконой, общалъ и впредь неизмѣнно слѣдовать уставамъ церкви и требованіямъ духовной власти и далъ собственно-ручную подписку въ вѣрности своихъ словъ. Консисторія повѣрила искренности заявленія Болобана, признала оное за раскаяніе въ заблужденіяхъ и, отправляя его обратно въ кіевскій тюремный замокъ, сообщила смотрителю онаго, что Болобанъ можетъ быть отправленъ въ г. Таращу къ судебному слѣдователю, согласно требованію этого послѣдняго, а при этомъ въ предѣлахъ своей юрисдикціи заявила, что Болобанъ можетъ считаться свободнымъ по тому дѣлу, по которому былъ вызываемъ въ консисторію. На основаніи этого заявленія судебный слѣдователь счелъ себя въ правѣ дать Болобану полную свободу и отпустить его на жительство въ с. Чаплинку, прекративъ начатое противъ него преслѣдованіе за богохульство, кощунство и разбитіе иконы св. Николая. Ловкому пропагандисту развязаны были теперь руки. О привлеченіи его къ слѣдователю по означеннымъ дѣламъ консисторія узнала изъ донесенія благочиннаго лишь 2-го сентября, и хотя этому послѣднему тогда-же предписано было имѣть наблюденіе за положеніемъ сего дѣла, по до января слѣдующаго 1872 года епархіальное начальство оставалось въ полной неизвѣстности о томъ, что дѣлается въ с. Чаплинкѣ и какъ ведетъ себя состоящій подъ полицейскимъ и духовнымъ надзоромъ Болобанъ, а тамъ дѣлалось многое такое, чего впоследствии и болѣе серьезными мѣрами нельзя было ни измѣнить, ни остановить.

Освобожденный судебнымъ слѣдователемъ подъ поручительство чаплинскихъ крестьянъ, подставленныхъ конечно волостнымъ писаремъ Иваномъ Ласоцкимъ, и водворившись опять въ Чаплинкѣ, Болобанъ началъ увѣрять своихъ односельцевъ, что его ученіе и въ Кіевѣ и въ Таращѣ признано истинно евангельскимъ. Устроивъ затѣмъ почныя собранія для молитвы, пѣнія псалмовъ и толкованія евангелія въ нѣсколькихъ хатахъ, онъ попеременно паставлялъ тамъ и здѣсь и широко развернулъ свою проповѣдь. Плоды этой

проповѣди не замедлили обнаружиться: крестьянка Дарія Швыдка, оповѣщавшая сектантовъ о времени и мѣстѣ ночныхъ собраній, обозвала самымъ поноснымъ именемъ икону Спасителя; Гавріиль Шмель публично издѣвался надъ таинствомъ крещенія; до открытаго кощунства и поруганія святыни дошли также Иванъ Свириденко, Агафія Муzychиха и Евгенія Цымбалова. Зная, что успѣшнѣе можно дѣйствовать на молодое поколѣніе, писарь Лясоцкій, по предложенію Болобана, вызывалъ изъ с. Косяковки и д. Шушевки въ чаплинское волостное правленіе молодыхъ парней будто для исполненія обязанности разсылныхъ или вѣстовыхъ и удерживалъ ихъ здѣсь по цѣлымъ недѣлямъ, а Болобанъ совращалъ ихъ въ секту особымъ толкованіемъ разныхъ мѣстъ евангелія. Чтобы расширить дѣло пропаганды новаго ученія, Гавріиль Лясоцкій, родной братъ волостнаго писаря, тайно обучилъ грамотѣ совращеннаго уже изъ православія въ баптизмъ крестьянина села Косяковки Аванасія Курку, 20 лѣтъ, по ремеслу кравца или портнаго. Проповѣдь Курки имѣла большой успѣхъ, чему помогало его ремесло. Это была такъ сказать передвижная школа нововозникшей ереси. Переходя изъ избы въ избу для шитья крестьянскихъ свитокъ и другой одежды, Курка превратнымъ толкованіемъ нѣкоторыхъ стиховъ евангелія разсѣвалъ всюду сомнѣнія относительно церкви, церковной іерархіи, таинствъ и обрядовъ. На такую пропаганду употреблены были 4 мѣсяца: сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь. Неудивительно поэтому, что въ началѣ января 1872 года на ночномъ собраніи въ домѣ крестьянки Швыдкой, въ ночь съ 6 на 7-е января, присутствовало до 60 сектантовъ изъ разныхъ сосѣднихъ селъ. Сектанты оставили соблюденіе постовъ, отвергали таинства, кощунствовали надъ иконами и мощами и глумились надъ духовенствомъ. Хотя священникъ с. Чаплинки съ своей стороны употребилъ всѣ мѣры для противодѣйствія ереси: проповѣдывалъ во всѣ воскресные и праздничные дни, отерыл воскресныя послѣобѣденныя собесѣдованія съ прихожанами въ школьномъ домѣ, нерѣдко и у себя въ домѣ собиралъ прихожанъ для разъясненія основъ истинной вѣры и возбуждалъ сельское начальство содѣйствовать охраненію православной вѣры; но всѣ эти мѣры оказывались уже тщетными. Прибѣгли опять къ содѣйствію судебной власти. 9 января Болобанъ былъ наконецъ арестованъ и преданъ суду за

распространеніе ереси, кощунство и поруганіе святыни. Спустя немного за тѣ-же преступленія изъ послѣдователей Болобана привлечены къ судебной отвѣтственности Иванъ и Гавріиль *Лясоуки*, Яковъ *Коваль*, Климентъ *Терецукъ*, Евгенія *Цымбалова*, Агафія *Музычица*, Оекла *Богдашевская* и еще 5 лицъ, всего 12; но по извѣстной быстротѣ нашихъ судовъ дѣло о нихъ затянулось надолго.

Между тѣмъ для увѣщанія оставшихся на свободѣ сектантовъ, по распоряженію епархіальнаго начальства, командированы въ Чаплинку, Косяковку и Плоское протоіереи г. Таращи Андрей Пахаловичъ и г. Севиры Іаковъ Сташевскій съ нѣсколькими священниками. При увѣщаніи чрезъ протоіерея Пахаловича 25 лицъ изъ числа совратившихся дали подписку оставаться въ православіи; при двукратномъ увѣщаніи чрезъ протоіерея Сташевского въ мѣсяцѣ сентябрѣ и октябрѣ до 40 лицъ совратившихся также изъявили раскаяніе въ своемъ заблужденіи и желаніе быть православными по прежнему. Къ несчастію, въ это время приходъ с. Чаплинки лишился своего дѣятельнаго и вліятельнаго пастыря, священника Нигодинскаго; въ октябрѣ, возвращаясь изъ Кіева по желѣзной дорогѣ, онъ скоропостижно скончался въ вагонѣ, какъ полагаютъ, отъ огорченія, что мало нашелъ въ Кіевѣ утѣшенія по дѣламъ своего прихода. Оставшись безъ пастыря хотя и на короткое, но самое горячее время приходъ сталъ болѣе и болѣе наполняться сектантами; число ихъ вскорѣ возросло до 145. 19 ноября 1872 г. всѣ совращенные публично наконецъ заявили свое отступленіе отъ православной церкви; въ этотъ день они вынесли изъ своихъ домовъ иконы и сложили ихъ въ колокольнѣ. Эта фанатическая выходка сектантовъ вызвала въ Чаплинкѣ цѣлую бурю: волостной старшина арестовалъ зачинщиковъ сходки, арестованные вырвались изъ заключенія и избили старшину.

Болобана и его первыхъ послѣдователей не было въ это время на мѣстѣ; они содержались въ кіевскомъ тюремномъ замкѣ въ ожиданіи суда по обвиненію—одни въ распространеніи ереси, другіе въ богохульствѣ и кощунствѣ. Въ высшей степени любопытно и важно, какъ отнесся судъ къ этому новому явленію въ народной нашей жизни, такъ глубоко ее взволновавшему и смутившему. Рѣшеніе суда имѣло огромное вліяніе на дальнѣйшую судьбу вновь зарождавшейся секты. Судились правда наши сектанты въ старомъ

еще или переходномъ судѣ, въ такъ называемой Соединенной Палатѣ уголовного и гражданскаго суда, гдѣ было, можно сказать, и *вино ново* и *мыши ветхи*; но едва-ли это обстоятельство могло дѣлать разницу въ оцѣнкѣ такого жизненнаго факта, каковымъ являлась нововозобрѣтенная прусскими нѣмцами и пересаженная на малорусскую почву штунда. Если и вообще теологическія познанія судей были не выше такихъ-же познаній какого-либо исправника или становаго пристава, то въ данномъ случаѣ и обвинительная власть и самый судъ не имѣли никакого почти представленія о томъ жизненномъ явленіи, которое подлежало ихъ обсужденію и опредѣленію. Баптистская секта, съ послѣдователями которой суду приходилось теперь имѣть дѣло, не была предъусмотрѣна никакими статьями закона; она являлась впервые, въ самыхъ неясныхъ очертаніяхъ, сами послѣдователи мало откровенничали и опытно научились, гдѣ и что говорить, чего и когда не слѣдуетъ открывать. По тѣмъ отрывочнымъ и неяснымъ даннымъ, какія давались сельскимъ протоколомъ или судебнымъ слѣдствіемъ, въ родѣ напр. чтенія евангелія или собраній для молитвы и пѣнія духовныхъ стиховъ, надо было опредѣлять новую ересь, искать въ ея обнаруженіи состава преступления и подтягивать оное къ той или другой статьѣ закона... Путь столько-же трудный, какъ и скользкій. Судъ, насколько можно судить по его рѣшенію, шелъ ощущею, терялся, искалъ опоры то въ сознаніи подсудимыхъ, то въ свидѣтельскихъ показаніяхъ и въ концѣ концовъ видимо предрасположенъ былъ не придавать новообнаруженному явленію серьезнаго значенія со стороны его преступности или вреда для церкви и общества.

Послѣ того, что намъ уже извѣстно о дѣйствіяхъ Болобана и его послѣдователей, читатель будетъ удивленъ, узнавъ, что кіевскій судъ самый фактъ существованія секты въ таращанскомъ уѣздѣ кіевской губерніи въ данное время призналъ сомнительнымъ. Суду какое дѣло до того, что въ какой-то Чаплинкѣ или Плесскомъ идетъ чуть не ежедневная, ожесточенная борьба между проповѣдниками господствующей вѣры и проповѣдниками какого-то новаго, малоизвѣстнаго религіознаго вольномыслія, подрывающаго въ основѣ самое существованіе церкви,—что борьба эта оглашается всюду, что она волнуетъ общество и доводитъ до рукопашныхъ схватокъ, что она вноситъ раздоръ въ семьи, тотъ раздоръ, котораго сила и значе-

ніе понятны лишь тому, кто постигъ глубину словъ самаго Христъ а *не приидохъ на землю воорещи миръ, но мечъ*, что духовная и гражданская власть выбиваются изъ силъ, чтобы потушить поднимающійся пожаръ, способный принять обширные и опасные размѣры,—какое до всего этого суду дѣло? Онъ дѣйствуетъ въ своемъ строго-опредѣленномъ, точнѣе замкнутомъ, узкомъ кругѣ; онъ не руководитъ слѣдствіемъ, не направляетъ, не расширяетъ, не пополняетъ его, онъ имѣетъ дѣло съ тѣмъ матеріаломъ, какой данъ ему обвинительною властію, ему притомъ нужны формальныя доказательства, указанные закономъ. Мы не касаемся личныхъ убѣжденій обвинителей и судей и ихъ симпатій, которыя тѣмъ не менѣе могли имѣть здѣсь мѣсто, давать извѣстную постановку дѣлу, руководить подборомъ или оцѣнкою доказательствъ. Какъ-бы впрочемъ ни было, судъ разсудилъ и рѣшилъ такъ о Болобанѣ, Лясоцкомъ и другихъ по предмету обвиненія ихъ въ распространеніи ереси: «ни одинъ изъ обвиняемыхъ не сознался въ распространеніи ереси, а большая часть изъ нихъ не сознались даже и въ томъ, чтобы усвоили себѣ какую-либо ересь, и такъ какъ и тѣ изъ нихъ, между которыми распространена будто ересь, не сознались, чтобы они сообразились въ какую-либо ересь, то и самый фактъ распространенія ими ереси между другими является ничѣмъ неподтвердившимся, ибо при обнаруженіи того, чтобы кто-либо былъ совращенъ ими въ ересь, выставляемая противъ *Болобана, Лясоцкаго, Швыдкой и Богдашевской*, въ смыслѣ уликъ, собранія ихъ для чтенія св. писанія и письма Богдашевской къ Болобану, сами по себѣ ничего не доказываютъ еще въ этомъ отношеніи, вслѣдствіе чего и не представляется достаточныхъ основаній къ обвиненію поименованныхъ лицъ въ распространеніи между другими ереси».

Отстранивъ такимъ образомъ обвиненіе названныхъ лицъ въ распространеніи штундистской ереси, не признавъ и самаго существованія ереси, кіевская палата уголовного и гражданского суда, продолжая сужденіе по обвиненію тѣхъ-же и другихъ лицъ въ богохульствѣ и кощунствѣ, относительно главнаго вожака Болобана наткнулась на такіе факты, которыхъ никакими толкованіями отстранить было невозможно, но которыхъ значеніе можно было особыми объясненіями ослабить, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабить и самое наказаніе. Болобанъ поносилъ священниковъ, хулилъ иконы, вѣреть, таин-

ства, обряды: это подтверждалось «многими свидѣтельскими, присяжными и безприсяжными показаніями». Палата готова была признать Болобана изобличеннымъ въ порицаніи православной вѣры и церкви; но, разсуждала она, «съ одной стороны имѣются указанія, что Болобанъ во время совершенія упомянутыхъ дѣйствій былъ въ *пьяномъ видѣ*, съ другой нельзя не прійти къ заключенію, что преступленіе это учинено имъ по *невѣжеству*... Какъ же быть?— Но это сейчасъ увидимъ.

Изъ остальныхъ 11-ти подсудимыхъ лишь относительно *Цымбаловой* и *Музычихи* найдены Палатой такія доказательства по обвиненію ихъ въ богохульствѣ и кощунствѣ, которыхъ ни отвергнуть, ни обойти было невозможно. Два присяжные свидѣтельскія показанія удостовѣрили, что Цымбалова съ язвительною насмѣшкою отзывалась о чудотворныхъ иконахъ и приносимой ими людямъ помощи, и Палата призвала ее изобличенною въ кощунствѣ, доказывающемъ явное неуваженіе къ правиламъ церкви православной. Относительно Музычихи было одно лишь такое показаніе, и въ виду его Палата прішла къ заключенію, что Музычиха навлекаетъ на себя *подозрѣніе* въ томъ, что произносила хулу на иконы Спасителя и Божіей Матери. По соображеніи всѣхъ приведенныхъ доказательствъ и подведеніи къ нимъ соответственныхъ статей свода законовъ, Палата, въ концѣ концовъ постановила: Болобана, Швыдкую, Ивана Лясоцкаго и Богдашевскую по обвиненію въ распространеніи ереси освободить; изобличеннаго въ порицаніи православной вѣры и церкви Болобана подвергнуть заключенію въ тюрьмѣ на одинъ годъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ; Евгенію Цымбалову 19 лѣтъ, какъ несовершеннолѣтнюю, подвергнуть заключенію въ тюрьмѣ на два мѣсяца, Агаѳію-же Музычиху оставить въ подозрѣніи по обвиненію въ богохульствѣ и отдать на поруки. Остальные подсудимые были признаны совершенно свободными отъ суда.

Рѣшеніе Палаты состоялось въ самомъ концѣ 1872 г., именно 22 декабря. Судъ оказался не скорымъ, какъ и подобало старому суду; но чтобы онъ былъ не малостивымъ, этого никто сказать не могъ. Газеты привѣтствовали такое рѣшеніе полнымъ сочувствіемъ, громкими похвалами; но что вышло изъ него для дѣла и жизни, какъ отразилось оно по дальнѣйшей судьбѣ секты—это вопросъ другой. Палата и относительно признанныхъ ею на сей разъ винов-

ними нашла много смягчающихъ обстоятельствъ, и между прочимъ невѣжество въ дѣлахъ вѣры. Замѣчательно, что и во всеподданнѣйшемъ отчетѣ кіевскаго губернатора за 1872 годъ, извлечение изъ котораго по Высочайшему повелѣнію было сообщено кіевскому митрополиту, возникновеніе и распространеніе штунды между православнымъ крестьянскимъ населеніемъ кіевской губерніи поставлялось въ зависимость главнымъ образомъ отъ его невѣжества въ дѣлахъ вѣры. Но, что болѣе достойно вниманія, таже кіевская Палата, отнесаяся такъ милостиво къ насадителямъ штунды въ таращанскомъ уѣздѣ кіевской губерніи, не дала никакого снисхожденія православнымъ крестьянамъ с. Новой Гребли уманскаго уѣзда, которые, поревновавъ о вѣрѣ не по разуму, разорили хату своего односельца, совратившагося въ штунду и начавшаго пропагандировать ее въ своемъ селѣ: обвиненные въ насиліи, они сосланы въ Сибирь на поселеніе. Тутъ не было уже ничего приведено въ видѣ смягчающаго обстоятельства для тѣхъ, которые не могли стерпѣть безнаказаннаго кощунства надъ святыней, дорогой ихъ вѣрующему сердцу. Позже присяжные засѣдатели повгородскаго окружнаго суда оправдали крестьянъ, сжегшихъ, конечно, по невѣжеству, вмѣстѣ съ избой и женщину, заподозрѣнную ими въ колдовствѣ; кіевскіе коронныя судьи не вошли въ душевное состояніе лицъ, которыя также по невѣжеству не нашли другаго средства выжить изъ своей среды челоуѣка, потрясавшаго душевный миръ ихъ и посягавшаго на ихъ святыню.—Но пойдемъ далѣе.

Присужденное Болобану годичное тюремное заключеніе, въ срокъ котораго зачтено было и содержаніе его въ тюрьмѣ во время суда, ни мало не повліяло на него и не охладило его ревности въ распространеніи штунды. Явившись въ маѣ 1873 г. въ с. Чаплинѣу, онъ снова сталъ воодушевлять сектантовъ и дѣлать сходки, но вновь взятъ въ таращанскую тюрьму. Что могло ждаты его здѣсь, судить не беремъ; но вдругъ судьба перебрасываетъ его на мѣсто прежней его дѣятельности, въ херсонскую губернію и приводитъ его снова на скамью подсудимыхъ. 15 октября 1873 г. Болобанъ, по требованію судебного слѣдователя 2-го участка одесскаго уѣзда, былъ отправленъ къ нему изъ таращанской тюрьмы и вскорѣ, вмѣстѣ съ прежними своими сообщниками, судился въ одесскомъ окружномъ судѣ за распространеніе штунды между православнымъ

населеніемъ херсонской губерніи; но, будучи и здѣсь оправданъ, поселился при своей семьѣ въ м. Игнатовкѣ одесскаго уѣзда, среди первыхъ своихъ послѣдователей, и съ того времени открыто не появлялся въ кіевской губерніи.

Между тѣмъ посѣянныя имъ въ Чаплинѣ и сосѣднихъ селахъ сѣмена продолжали расти и увеличивать годъ за годомъ число послѣдователей штунды. Принимавшія епархіальнымъ начальствомъ мѣры не приводили къ желаемой цѣли и были лишь слабою преградою къ дальнѣйшему распространенію секты. Въ мартѣ 1873 года для ознакомленія съ ученіемъ сектантовъ на мѣстѣ и для воздѣйствія на нихъ командированъ былъ въ Чаплинву іеромонахъ Владиміръ Терлецкій, докторъ богословія и медицины, служившій нѣкогда миссіонеромъ въ латинской церкви. Въ лѣтніе мѣсяцы того-же года вызывались для увѣщаній въ кіевскую консисторію лица, болѣе выдающіяся по своему вліянію между совращенными: солдатъ Григорій Демчукъ, Василь Музыка—казначей совращенныхъ, Романъ Слипенко, Агаѳія Музычиха, Пелагія Ковалева, Тарасъ Болобанъ, Митрофанъ Ковтунъ, Макаръ Горovenko, Дарія Дзюменкова, Евгенія Диденкова, Анастасія Орлюкова, Аѳанасій Курка и нѣкоторые другіе. Послѣ сдѣланнаго имъ увѣщанія въ консисторіи, признано было полезнымъ размѣстить нѣкоторыхъ изъ нихъ въ мужскіе кіевскіе монастыри и въ кіево-фроловскій женскій. Въ числѣ намѣченныхъ къ водворенію въ монастырѣ находился извѣстный уже намъ пропагандистъ новаго ученія Аѳанасій Курка; онъ былъ помѣщенъ въ кіево-братскій монастырь въ томъ предположеніи, что на исправленіе его увѣжденій повліяетъ и помѣщающаяся тамъ духовная академія. Входилъ-ли кто изъ академической корпораціи въ собесѣдованія съ нимъ, неизвѣстно; но два мѣсяца спустя настоятель монастыря, онъ-же и ректоръ академіи, въ отзывѣ своемъ въ консисторію призналъ дальнѣйшее пребываніе здѣсь Курки не только бесполезнымъ для него, но и вреднымъ для другихъ. Изъ числа всѣхъ удержанныхъ въ Кіевѣ для увѣщаній только Василь Музыка и его жена раскаялись повидимому въ своемъ заблужденіи, другіе показали притворное раскаяніе, а большая часть, особенно женщины, остались упорными. Оказалось потомъ, что бывшіе на увѣщаніи въ Кіевѣ сектанты, возвращаясь домой, становились болѣе дерзкими въ отношеніи къ своимъ властямъ и

мѣстному духовенству, а по пути не удерживались отъ внушенія своихъ убѣжденій лицамъ, встрѣчающимся съ ними на ночлегахъ и отдыхахъ; вслѣдствіе этого епархіальное начальство признало за лучшее дѣлать увѣщанія совращеннымъ на мѣстѣ ихъ жительства.

Умножаясь въ числѣ и становясь смѣлѣе, сектанты чаплинскіе стали вліять и на сосѣдніе съ Чаплинкою приходы звенигородскаго уѣзда, гдѣ имѣли родственныя связи, и вотъ штунда появляется въ м. Виноградѣ, с. Вотилевкѣ и въ м. Бояркѣ. Совращенные въ новую секту все болѣе отдѣляются отъ церкви и организуются въ строго замѣнутую самостоятельную общину съ своею особою обрядностію и даже особыми лицами для исполненія оной, которымъ усвоили названіе пресвитеровъ. Тогда какъ прежде совратившіеся въ штунду отказывались только приносить своихъ дѣтей къ крещенію, теперь они совершаютъ перекрещиваніе надъ взрослыми, погребаютъ своихъ умершихъ съ пѣніемъ лишь употребительныхъ у нихъ псалмовъ, вступаютъ и въ бракъ безъ благословенія церкви, по своему обряду. Пресвитерами у нихъ явились Яковъ Коваль въ Чаплинкѣ, а въ Косяковкѣ Сляпенко, Демчукъ и Полѣщукъ. Тайныя сношенія мѣстныхъ сектантовъ съ херсонскими вожаками Болобаномъ и Рабопаккой не прекращались; въ свою очередь эти послѣдніе тайно навѣдывались въ Чаплинку, а нѣкоторые изъ мѣстныхъ штундистовъ, какъ напримѣръ Григорій Демчукъ, отправлялись въ херсонскую губернію, откуда приносили и денежную помощь, получаемую отъ тамошнихъ баптистовъ. Оказалось наконецъ у нашихъ штундистовъ и письменное вѣроученіе, въ переводѣ съ нѣмецкаго, подъ названіемъ: «Правила новообращеннаго русскаго братства». Ихъ молитвенныя собранія, не въ тайнѣ, какъ прежде, устраиваемыя, ихъ смѣлыя и дерзостныя бесѣды съ оставшимися вѣрными православію, ихъ наконецъ своеобразныя требы, открыто совершаемыя, побудили гражданскую власть для прекращенія вѣшняго оказательства ереси помѣстити полицейскаго чиновника въ самой Чаплинкѣ; но и онъ не могъ ничего почти сдѣлать. Посѣщеніе митрополитомъ Арсеніемъ Чаплинки и Косяковки въ іюлѣ 1874 года и не долгая его бесѣда со штундистами могла повліять только на укрѣпленіе вѣры въ тѣхъ, которые еще не совратились въ секту. Ходатайство о выселеніи хотя вожаковъ ереси въ отдаленныя губерніи по представленнымъ приговорамъ сельскихъ обществъ не имѣло успѣха у министра внутреннихъ дѣлъ. Г. ми-

нистръ отвѣтилъ чрезъ оберъ-прокурора св. синода, что, по его мнѣнію, противодѣйствиємъ распространенію ереси можетъ служить «единственно неусыпное пастырское попеченіе духовныхъ лицъ о вѣрнной имъ паствѣ, забота о просвѣщеніи оной словомъ евангельской истины и всегдашняя готовность разяснять возникающія религиозныя заблужденія и недоразумѣнія». Въ 1875 году на новое ходатайство объ удаленіи хотя главныхъ вожаковъ-пропагандистовъ ереси, министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣтилъ оберъ-прокурору св. синода, что едва-ли высылка можетъ привести къ благопріятнымъ результатамъ, а скорѣе послужитъ поводомъ къ распространенію заблужденій въ мѣстностяхъ еще не зараженныхъ, какъ случилось съ Болобаномъ, высланнымъ изъ херсонской въ кіевскую губернію.

Мѣстныя духовныя и гражданскія власти терялись въ изысканіи средствъ для того, чтобы какъ нибудь остановить дальнѣйшее распространеніе ереси. Мѣстная власть употребила было такую мѣру: воспретивъ штундистамъ сходки и публичныя оказательства ереси, виновныхъ въ томъ или другомъ она отсылала къ мировому судѣ, какъ ослушниковъ полицейскихъ распоряженій. На признанныхъ виновными мировой судья налагалъ денежные штрафы, и мѣра эта дѣйствительно сдерживала отчасти развитіе ереси, но конечно не могла вразумить и переубѣдить заблуждающихся. Кіевская духовная консисторія въ тѣхъ-же видахъ сдѣлала попытку тѣхъ изъ сектантовъ, которые носили званіе пресвитеровъ, привлечь къ суду по 289 и 290 статьямъ уложенія о наказаніяхъ за самовольное присвоеніе ими названія и должности, предоставляемыхъ закономъ только лицамъ, опредѣляемымъ духовною властію и особо на это посвящаемымъ. Поводомъ къ этому послужило повѣнчаніе извѣстнымъ уже намъ Яковомъ Ковалемъ штундиста Кириленка съ штундисткою Михаленковою. Но кіевскій губернскій прокуроръ нашелъ, что «лжепресвитеръ могъ-бы подлежать судебному преслѣдованію по означенной статьѣ только въ томъ случаѣ, если-бы онъ, выдавъ себя за пресвитера православной церкви или инаго, признаннаго нашимъ правительствомъ, исповѣданія, пресвитеры коего утверждаютъ въ семь званіи установленною властію, совершилъ-бы бракосочетаніе по правиламъ этого исповѣданія, въ настоящемъ-же случаѣ бракосочетаніе совершено не по правиламъ православной церкви и не по правиламъ одного изъ

признанныхъ закономъ христіанскихъ или нехристіанскихъ вѣроисповѣданій, совершившій бракосочетаніе Кириленка и Михаленковой Коваль не выдавалъ себя за пресвитера православной церкви или иного признаннаго закономъ вѣроисповѣданія и совершеніе Коваль бракосочетанія не составляетъ самостоятельнаго преступленія, а есть лишь фактъ, указывающій на принадлежность Коваль, Кириленка и Михаленковой къ штундистской ереси». Такимъ образомъ еще разъ духовная власть сбманулась въ своихъ надеждахъ на содѣйствіе суда въ борьбѣ съ возникавшею сектою. Приходилось ей возвратиться къ словамъ министерскаго отвѣта, что единственнѣйшимъ свойственнымъ ей оружіемъ въ семъ дѣлѣ можетъ быть «только неуспѣшное пастырское попеченіе духовныхъ лицъ о вѣренной имъ паствѣ, забота о просвѣщеніи паствы словомъ евангельской истины и всегдашняя готовность разъяснять возникающія религіозныя заблужденія и недоразумѣнія».

Прекрасныя, возвышенныя слова! Правъ былъ министерскій чиновникъ, изъ-подъ пера котораго такъ плавно вылились они. Правъ былъ кіевскій прокуроръ, съ такою тонкостію отличавшій законное пресвитерство всѣхъ признанныхъ исповѣданій съ его функціями отъ пресвитерства самозваннаго, никѣмъ не признаннаго. Правъ былъ даже и тотъ товарищъ прокурора, который разъяснялъ арестованнымъ въ г. Таращѣ первымъ послѣдователямъ Болобана, что за принадлежность къ сектѣ никто по закону не принадлежитъ отвѣтственности, а только за пропаганду ереси. Но какая глубокая пропасть лежитъ между этими сужденіями и взглядами, позади которыхъ стоитъ возвышенный идеалъ свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, и дѣйствительною нашею жизнью, всѣмъ ея строемъ общественнымъ и политическимъ, между умственнымъ, нравственнымъ и общественнымъ состояніемъ нашихъ учителей вѣры и тѣмъ-же до безконечности разнообразнымъ состояніемъ поучаемаго народа! Надо различать однако между свободою совѣсти и индифферентизмомъ въ дѣлахъ вѣры, между идеалами и согласованіемъ ихъ съ дѣйствительнымъ строемъ жизни и примѣненіемъ ихъ къ данному времени и данной мѣстности. Мы готовы стать на какую угодно высоту, начертить такіе возвышенные идеалы, до которыхъ не достигнуть и американскому баптисту, но примѣнить ихъ къ жизни—это не наше дѣло. У насъ все власти и глѣсти и каждая

власть имѣетъ свою строго отграниченную сферу дѣйствія, и блюдетъ извѣстную серію закона. Гражданская власть мнитъ себя на высотѣ своего призванія, когда никакое исповѣданіе, признаніе законовъ, не нарушаетъ общественнаго внѣшняго порядка и тишины, судебная—когда во взаимныхъ соприкосновеніяхъ признанныхъ и даже не признанныхъ еще исповѣданій нѣтъ нарушенія письменнаго закона, нарушеній въ опредѣленной формѣ и извѣстномъ образомъ доказанныхъ, духовная... по ея высшее призваніе въ томъ, какъ видѣли мы выше, если она просвѣщаетъ словомъ евангельской истины. А жизнь течетъ предъ ними, пѣнясь и шумя, течетъ своимъ широкимъ русломъ и тайными новыми извилинами и углубленіями, и лишь когда она прорвется наружу и подѣлаетъ серьезные обрывы, провалы и опустошенія,—мы начинаемъ, если дойдемъ до соглашенія властей, дѣлать искусственныя запруды, чтобы ввести жизнь въ ея нормальное теченіе и загладить, на сколько можно, слѣды причиненныхъ ею опустошеній...

Не таково-ли было положеніе наше въ виду распространенія у насъ штунды?—Первое появленіе ея у насъ почти не было замѣчено: прусскіе нѣмцы свободно насаждали ее у насъ, какъ-бы картофель или сѣмена горчицы. То вѣдать былъ долженъ особый далекій отдѣлъ власти. Мы спохватились, когда посѣянная штунда сдѣлала значительные успѣхи въ рядахъ православнаго населенія, а пока мы переписывались, не спѣша, по всѣмъ правиламъ канцеляризма и съ неизбѣжнымъ пререканіемъ властей, штунда пробралась въ большіе центры юга—Одессу, Николаевъ и даже въ Крымъ, проникла въ Курляндію, мельнула въ Польшѣ, прошла по Волини, свила то тамъ, то здѣсь прочныя гвѣзда и почти офиціально пересажена съ юга на юго-западъ Россіи, въ губернію кіевскую. Тутъ всѣ власти, повидимому, бодрствовали и что-то дѣлали, но каждая отдѣльно, въ кругѣ своихъ обязанностей, по своимъ традиціоннымъ воззрѣніямъ, зачастую, какъ мы видѣли, съ признаками несомнѣннаго либерализма и самыхъ высокихъ принциповъ, а штунда коренилась и ширилась на глазахъ всѣхъ дѣйствовавшихъ властей.

Число сектантовъ увеличивалось въ такой постепенности по годамъ: въ 1875 г. ихъ было 561, въ 1876 г. 706, въ 1877 г. 946, въ 1878 г. 1100, въ 1879 г. 1196, въ 1880 г. 1380, въ 1881 г. 1294 душъ обоого пола съ дѣтьми. Возвратилось въ православіе

въ 1877 г. 18, въ 1878 г. 51, въ 1879 г. 109, въ 1880 г. 58 и въ 1881 г. 36. До 1875 г. ересь ограничивалась 7-ю приходами таращанскаго уѣзда: Чаплинкой, Косяковкой, Плосскимъ, Веселымъ Кутомъ, Попружной, Малой Березяной и Жидовской Греблей. Въ 1876 г. она появляется въ с. Вотилевкѣ, Виноградѣ и Бояркѣ звенигородскаго уѣзда; въ 1878 г. въ с. Шубинныхъ Ставахъ, Моринцахъ, Каменномъ Бродѣ, Рѣпкахъ и Яблуновкѣ того-же уѣзда; въ 1879 г. въ с. Тиновкѣ, Розумницѣ и Крутыхъ Горбахъ таращанскаго уѣзда и въ с. Чижевкѣ и Красногородкѣ звенигородскаго уѣзда; въ 1880 году пропикаетъ въ сквирскій и чигиринскій уѣзды, наконецъ въ 1883 г. появляется и въ предмѣстьѣ г. Кіева Дыміевкѣ. Положеніе секты за 1883 и 1884 годы относительно числа ея послѣдователей и мѣстностей, въ которыхъ они находятся, представляемъ въ слѣдующей таблицѣ:

Мѣстности, въ которыхъ находятся сектанты. Число сектан-
товъ въ 1883г. Число сектан-
товъ въ 1884г.

I. Кіевъ.

1. Предмѣстье Дыміевка	—	15
Саперная слободка звѣринецкаго прихода. —	—	26
Кіево-лыбедской владимірскій приходъ	—	60
Итого	—	106

II. Васильковскій уѣздъ.

4. С. Яблуновка	9	—
С. Прусы.	39	—
Итого	48	—

III. Звенигородскій уѣздъ.

6. С. Рижановка	7	8
С. Кобеляки.	18	13
С. Вотылевка	39	88
С. Чижевка	8	9
С. Шубины Ставы	20	11
С. Яблуновка	26	28
С. Каменный Бродъ	175	178
С. Рѣпчи.	81	70
М. Боярка съ д. Порадовкой и Долгой Греблей	49	72
С. Моринцы.	34	13
Итого	508	561

Мѣстности, въ которыхъ находятся септанты. Число септантовъ въ 1883г. Число септантовъ въ 1884г.

IV. Сквирскій уѣздъ.

	Число септантовъ въ 1883г.	Число септантовъ въ 1884г.
17. С. Свѣбинцы	38	Свѣд. нѣтъ
С. Капустинцы	16	—
С. Дѣдовщина	—	6
С. Лучинъ	19	12
С. Турбовка	—	6
Д. Кошланы, при м. Романовки	12	—
Д. Ерчики жидовецкаго прихода	3	—
Итого	88	24

V. Уманскій уѣздъ.

24. С. Русановка	4	—
С. Новая Гребля	4	—
Итого	8	—

VI. Таращанскій уѣздъ.

25. Г. Тараща	16	23
С. Кирданы	99	91
Д. Болкунъ, принадл. въ церкви с. Степка	38	—
С. Ставишевка	19	15
С. Рожки	18	22
С. Брилевка	17	16
С. Лѣсовичи	15	36
С. Веселый Куть	54	32
С. Косяковка съ д. Шушковой и Антоновкой	242	226
С. Чаплинка съ д. Поповкою	268	221
С. Жидовская Гребля	42	60
С. Попружная	86	97
С. Плосская	58	59
С. Малая Березянка и д. Малая Волнянка	80	97
С. Крутые Горбы	48	81
С. Синьковка	50	55
С. Розумница	35	24
С. Антоновка	5	—
С. Свѣбинъ	—	13
Итого	1190	1163

Мѣстности, въ которыхъ находятся сектанты. Число сектан-
товъ въ 1883г. Число сектан-
товъ въ 1883г.

VII. Чигиринскій уѣздъ.

45.	С. Мордва	—	2
	С. Топиловка	104	155
	Всего .	1946	2006

Для противодѣйствія распространенію баптистской ереси, или такъ называемой штунды, кіевское епархіальное начальство, кромѣ увѣщаній, какія дѣлались совратившимся чрезъ приходскихъ священниковъ и особо командированныхъ лицъ, принимало еще нѣкоторыя общія мѣры. Такъ, на первыхъ порахъ развитія ереси въ с. Чаплинкѣ, кіевская консисторія, давъ знать по епархіи о появленіи новой противоправославной секты, въ мартѣ 1873 г. предписала всѣмъ священникамъ тщательно слѣдить за отношеніемъ прихожанъ къ ученію православной церкви, богослуженію и таинствамъ, и употребить все стараніе для удовлетворенія тѣмъ потребностямъ духовнымъ, которыя людей простодушныхъ, подстрекаемыхъ лжеучителями, влекутъ къ новопоявившейся сектѣ. Съ этой цѣлью требовалось отъ священниковъ, чтобы они объясняли своимъ прихожанамъ св. писаніе въ поученіяхъ, учили истинамъ вѣры и нравственности, въ особенности-же старались разяснять ученіе о призваніи святыхъ, почитаніи св. иконъ, о постахъ, о необходимости таинствъ и богослуженія, предотвращали отъ разврата, пьянства, сквернословія и тому подобныхъ пороковъ; сверхъ того священникамъ предлагалось въ помѣщеніяхъ церковно-приходскихъ школъ, въ извѣстные дни, въ неучебные часы, открыть чтенія для возрастныхъ прихожанъ изъ житій святыхъ и другихъ назидательныхъ книгъ. Въ ноябрѣ того-же года консисторія выслала въ с. Чаплинку, Косяковку, Плосское и Тарашу нѣсколько экземпляровъ книгъ: «Камень вѣры», «Постановленій апостольскихъ» и «Полемическаго богословія» — архимандрита Иннокентія. Впослѣдствіи эти-же приходы и другіе, куда проникла ересь, снабжены «Толковымъ Евангеліемъ» архимандрита Михаила, бесѣдами о штундѣ и молоканской сектѣ, посланіями апостольскими въ русскомъ переводѣ и разными брошюрами, заключающими въ себѣ отдѣльныя житія святыхъ. Въ слѣдующемъ 1874 г. консисторія проектировала образовать въ с.с. Чаплинкѣ,

Косяковѣ и Плоскомѣ бібліотеки книгъ, касающихся тѣхъ предметовъ христіанской вѣры, которые отвергаются сектантами, приобретаемая таковыя книги на счетъ суммъ св. владимірскаго братства и кіевскаго отдѣла миссіонерскаго общества. Подтвердивъ вновь объ открытіи послѣобѣденныхъ воскресныхъ чтеній для народа въ церковно-приходскихъ школахъ, консисторія тогда-же предложила настоятелямъ церквей, чтобы эти чтенія происходили въ опредѣленные часы и чтобы о началѣ ихъ даваемо было знать прихожанамъ посредствомъ трехкратнаго удара въ церковный колоколь; а чтобы священники могли дѣйствовать съобща и съ большимъ успѣхомъ въ борьбѣ со штундою, для этого вмѣнялось имъ въ обязанность одинъ разъ въ мѣсяцъ собираться у благочиннаго для совѣщанія о мѣрахъ противъ распространенія ереси, обмѣниваться при этомъ своими наблюденіями и помогать другъ другу совѣтами. Въ 1875 г. предписано было открыть въ Чаплинкѣ и Косяковѣ церковно-приходскія попечительства, съ тѣмъ, чтобы члены его не менѣе одного раза въ недѣлю собирались у приходскаго священника для совѣщаній объ охраненіи оставшихся вѣрными православію отъ вреднаго вліянія ереси и для принятія мѣръ къ возвращенію заблудшихъ; но благочинный донесъ, что открытіе церковныхъ попечительствъ соединено съ большими затрудненіями и почти невозможно при шаткости убѣжденій и тѣхъ, которые еще сохраняютъ въ себѣ привязанность къ православной церкви. Въ августѣ 1882 г. священникамъ кіевской епархіи разослано было наставленіе о мѣрахъ для противодѣйствія штундѣ, составленное архіепископомъ могилевскимъ Евсеіемъ для духовенства могилевской епархіи и сообщенное г. обер-прокуроромъ святѣйшаго синода преосвященному митрополиту кіевскому, хотя слѣдуетъ замѣтить, что мѣры эти и раньше сего были практикованы по кіевской епархіи. Наконецъ, въ виду повторяющихся случаевъ совращенія въ новую ересь, кіевской консисторіей въ августѣ 1883 года разосланъ чрезъ благочинныхъ циркуляръ, въ которомъ сведены, обобщены и точнѣе опредѣлены тѣ мѣры, которыя разновременно прежде рекомендованы были приходскому духовенству для борьбы со штундою, а въ частности опредѣленъ порядокъ и характеръ увѣщаній и обличеній совратившихся. Конечно, дѣло не въ однихъ мѣрахъ, какъ-бы онѣ цѣлесообразны и практичны не были, а въ ихъ примѣненіи, частиѣе въ способности

ихъ исполнителей, въ ихъ энергіи, одушевленіи, въ ихъ нравственномъ авторитетѣ, простотѣ, огнѣ и силѣ слова. Мы далеки отъ мысли, что всѣ предложенныя мѣры въ каждомъ приходѣ выполнялись всегда съ точностію и съ должнымъ усердіемъ, но во всякомъ случаѣ онѣ сдерживали развитіе секты въ теченіи 15 лѣтъ со времени ея появленія въ предѣлахъ кіевской губерніи. Если въ сектѣ числится теперь не болѣе 2,000 душъ обоюго пола съ малолѣтними дѣтьми, то уже по этому одному нельзя сказать, чтобы развитіе ея шло у насъ свободно, безъ препятствій.

Но то и составляетъ особенность всякаго новаго ученія, что совершенно остановить его безсилны бываютъ самыя энергическія и рѣшительныя мѣры. Это свидѣтельствуютъ опыты всѣхъ вѣковъ и всѣхъ религій. Сила новаго религіознаго ученія—въ обольстительности того представленія, что это есть истинная вѣра, и той страстности и горячности чувства, съ которою оно воспринимается всякимъ новымъ послѣдователемъ. Мѣры преслѣдованія только углубляютъ и распалаютъ этотъ внутренній огонь и сторонники новой идеи, какъ-бы она ни была несостоятельна, готовы бываютъ перенести какія угодно испытанія, претерпѣть самую смерть за вѣру, которую считаютъ единою истинною. А мы противопоставляемъ имъ спокойное разсужденіе, тотъ сухой, нерѣдко холодный анализъ, какой свойственъ доктринамъ установившимся. сражаемся оружіемъ неравнымъ, безъ одушевленія, свойственнаго христіанамъ первыхъ вѣковъ, стоя далеко не на высотѣ апостольства.

Но помимо этого было много другихъ, нерѣдко случайныхъ причинъ, благопріятствовавшихъ распространенію у насъ штунды, не смотря на всѣ противопоставляемыя ей преграды. Убѣжденные въ правотѣ своего ученія, наши штундисты пользовались для цѣлей пропаганды всякою нашею оплошностію, всякимъ спихожденіемъ власти, всякимъ сочувственнымъ, неосторожнымъ или съ заднею мыслию пущеннымъ либеральнымъ словомъ. Не даромъ Болобанъ и его послѣдователи, возвращаясь изъ Кіева послѣ увѣщаній и суда, увѣряли всѣхъ и cadaго при всякомъ подходящемъ случаѣ, будто ихъ ученію сочувствуютъ «кіевскіе паны».

Большое удобство для ихъ проповѣди представляло распространеніе, съ иными конечно цѣлями, въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, по крайне дешевой цѣнѣ, въ маленькомъ форматѣ

Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ. Съ карманнымъ евангеліемъ въ рукахъ они проповѣдывали всегда и вездѣ—на работѣ, въ полѣ, въ кузницѣ, на мельницѣ, въ семейныхъ собраніяхъ, извращая смыслъ отдѣльно взятыхъ текстовъ и отвергая всякое св. преданіе. Насколько распространеніе Новаго Завѣта и евангелія въ переводѣ на русскій языкъ по дешевой цѣнѣ послужило уясненію христіанскаго вѣроученія въ массѣ народа, это еще неизвѣстно; а что въ рукахъ нѣмецкихъ миссіонеровъ и малорусскихъ сектантовъ оно сдѣлалось орудіемъ протестантской пропаганды для совращенія изъ православія въ баптизмъ, то не подлежитъ сомнѣнію.

Ничѣмъ почти не сдерживаемые въ своей проповѣди, за которою и услѣдить не представлялось подѣ часъ никакой возможности, наши сектанты сильны были тѣмъ единодушіемъ, какого нерѣдко не доставало въ средѣ православныхъ, особливо-же власть имущихъ. Пропагаторы штунды въ таращанскомъ уѣздѣ кіевской губерніи сносились съ проповѣдниками того-же ученія въ херсонской губерніи и даже нѣмецкими миссіонерами, на подмогу которымъ не замедлили прійти и наши пашковцы. Болобанъ, какъ уже извѣстно намъ, не разъ уходилъ въ херсонщину къ своему тамошнему сообщнику Ратушному и каждый разъ возвращался оттуда болѣе нафанатизированный и съ большею смѣлостію принимался за распространеніе штунды на своей родинѣ. Съ Ратушнымъ переписывались Созонтъ Капустяный и Никита Исаіевъ Воронинъ, а также другія лица изъ крестьянъ Чаплинки и Косяковки. Въ 1873 г. въ Чаплинку пріѣзжалъ самъ Ратушный, давалъ деньги, воодушевлялъ и обѣщаль помощь. Въ 1876 году задержаны полиціей въ с. Топорищахъ житомирскаго уѣзда, волинской губерніи, жители с. Плюсскаго таращанскаго уѣзда, кіевской губерніи, Павелъ Цыбульскій и Исидоръ Красовскій и с. Веселаго Кута Симеонъ Величукъ. При допросѣ они показали, что прибыли туда якобы для знакомства съ нѣмцами и займа денегъ, а по справкѣ оказалось, что они были изъ числа уличенныхъ въ порицаніи православной вѣры и обрядовъ. Годомъ раньше, именно въ 1875 году посѣщаль с. Чаплинку и Косяковку графъ Корфъ, сообщникъ Пашкова. Отъ самаго Пашкова чаплинскій пресвитеръ Яковъ Коваль часто получалъ письма и деньги, а въ 1879 г. получилъ отъ него одновременно 200 р.

Содѣйствіе пашковцевъ распространенію и укрѣпленію штунды среди православнаго населенія кіевской губерніи проявилось набо-

нецъ еще въ особой формѣ, которой подозрѣвать было невозможно. Извѣстна исторія учрежденія въ Петербургѣ общества распространенія св. писанія и книгъ для религіозно-нравственнаго чтенія. Общество состояло подъ Высочайшимъ покровительствомъ; ему сыпались со всѣхъ сторонъ похвалы и пожеланія, о его дѣйствіяхъ печатались отчеты и сообщенія. Пашковцы слумѣли воспользоваться имъ для своихъ цѣлей. Его агенты, подъ названіемъ книгоношъ, не замедлили появиться и въ кіевской губерніи, преимущественно тамъ, гдѣ посѣяна была штунда. Поселяясь здѣсь, они не только бесплатно раздавали книги Новаго Завѣта въ русскомъ переводѣ, но принимали на себя обязанность благовѣстниковъ новаго пути ко спасенію, являлись какъ-бы новыми апостолами. По донесенію учителя церковно-приходской школы с. Плосскаго, окончившаго курсъ семинаріи, Василя Стрижевскаго, въ февралѣ 1876 г. туда являлся въ качествѣ книгоноши рядовой Василій Васильевъ. Поселившись въ домѣ одного изъ начальныхъ сектантовъ—Богдашевскаго, этотъ не призванный проповѣдникъ собиралъ къ себѣ послѣдователей штунды для молитвы и духовныхъ бесѣдъ, руководилъ собиравшимися, читалъ имъ евангеліе, толковалъ его, пѣлъ съ ними духовныя пѣсни, раздавалъ брошюры, внушалъ, что ходить въ церковь не за чѣмъ, что тамъ люди только больше грѣшатъ, присматриваясь, кто во что одѣтъ и т. п. Видно, проповѣдь его была сильна, такъ какъ, по донесенію того-же учителя, въ извѣстные моменты участники собранія, вмѣстѣ съ своимъ наставникомъ, повергались на землю и плакали. И не мудрено: предъ бѣдными, простыми жителями глухой деревни, склонившимися уже на сторону новаго ученія, но принужденными таиться съ нимъ и терпѣть разныя стѣсненія, являлся не просто убѣжденный человекъ, но человекъ бывалый, прошедшій тысячи верстъ и забредшій сюда изъ столицы, съ патентомъ отъ общества, состоявшаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ.

Въ высшей степени любопытна эта связь нашихъ штундистовъ съ сектою пашковцевъ, возникшею на огромномъ отъ нихъ разстояніи, въ иной совершенно средѣ, при иныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ. Но чтобы понять и эту связь, и силу и опасность закравашагося къ намъ новаго ученія, доселѣ извѣстнаго подъ именемъ штунды, надо заглянуть туда, откуда оно вышло, прослѣдить его развитіе тамъ и причины, обусловившія его возникновеніе, обо-

зрѣть современное положеніе этой секты и ея видоизмѣненія на Западѣ Европы и въ Новомъ Свѣтѣ и наконецъ уяснить ея историческое начало, а также ея мѣсто въ ряду другихъ сектъ и учений, волновавшихъ не одну Европу, но и отдаленный древній Востокъ. Только тогда мы можемъ понять сущность и характеръ отразившагося и у насъ религіознаго движенія, установить для него точное названіе и знать навсегда, съ чѣмъ имѣемъ мы дѣло. Сдѣлать это мы считаемъ тѣмъ болѣе необходимымъ въ виду не перестающаго практиковаться у насъ простаго, домашняго такъ сказать способа рѣшенія вопроса о происхожденіи нашей штунды, формулируемаго приблизительно такъ: «народъ-де нашъ подвинулся въ своемъ развитіи, назрѣли новыя духовныя потребности, а наше отсталое духовенство не могло удовлетворить имъ»... Но это должно составить предметъ особаго очерка, который мы не замедлимъ представить.

П. Л—въ.

ЕЩЕ ЩЕПОТКА НА МОГИЛУ ШЕВЧЕНКА.

Ziarko do ziarka—
To zbierzesię miarka.
(Зерно къ зерну
И соберется мѣрка).

Польск. пословица.

Нѣсколько писемъ Т. Г. Шевченка къ М. А. Максиновичу, помѣщенныхъ въ февральской книжкѣ «Кіевской Старины» за нынѣшній годъ, съ симпатичными поясненіями къ нимъ неизвѣстнаго автора, дополнили и уяснили кое-что изъ скорбной жизни поэта. Его письма, поэтическія его произведенія, работы граверныя далеко не всѣ приведены въ извѣстность; многія изъ нихъ разошлись по рукамъ при жизни и особливо по смерти его и гдохнуть въ безизвѣстности, забытыя не рѣдко самими владѣльцами ихъ. Долгъ каждаго изъ насъ собирать и приводить въ извѣстность все, что можетъ относиться къ характеристикѣ и жизни поэта, какъ-бы не были незначительны тѣ данныя, которыми кто-либо располагаетъ, ибо, только собирая по крохамъ, мы можемъ съ теченіемъ времени приготовить достаточный матеріалъ для полной біографіи и надлежащей оцѣнки Т. Г. Шевченка.

Тѣ немногія и, можетъ быть, очень незначительныя данныя, которыя я намѣренъ предложить здѣсь въ видѣ матеріала для біографіи Т. Г. Шевченка, стали извѣстны мнѣ совершенно случайно и приводятъ меня къ мысли, что такимъ-же путемъ, тѣмъ болѣе при доброй волѣ, можетъ быть найдено еще многое и гораздо болѣе важное для уясненія свѣтлаго образа славнаго нашего поэта. Вотъ что я могу предложить почитателямъ его.

Въ фундаментальной библиотекѣ лубенской мужеской гимназiи есть «Кобзарь» Шевченка, издание Семиренка 1860 г., печат. въ типографiи Кулиша. Въ этомъ экземплярѣ, въ трехъ мѣстахъ извѣстной поэмы «Катерина» нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя строки наклеены; если-жъ приподнять наклейки, то подъ ними видны точки. Ясно, что издание вышло съ точками или пропусками въ тѣхъ мѣстахъ, а наклейки сдѣланы послѣ. Когда, кѣмъ и по какому случаю? Но прежде ознакомимся съ этими таинственными строками. Всѣхъ ихъ счетомъ 28 и содержанiе ихъ не представляетъ ровно ничего особеннаго, запретнаго.

Вотъ эти строки:

Въ главѣ 3-й, за словами: «А серденько одпочине, поки слезы льются», слѣдуетъ.

*Отъ-таке то лихо, бачите, дивчата,
Жартуючи кинувъ Катрусю москаль.
Недоля не бачить, съ кимъ їй жартувати,
А люде хочъ бачать, та людяжъ не жалъ:
«Нехай», кажуть, «гине ледача дитина,
Коли не ззумила себе шанувать».
Шануйтесе жъ, любви, въ недобру юдину
Щобъ не довелоса москаля шукать.*

Поводомъ къ недоразумѣнiю и цензурному запрещенiю приведенныхъ строкъ послужило, кажется, слово: *москаль*. Но въ смыслѣ великорусской національности это слово никогда не употреблялось и осталось съ этимъ значенiемъ лишь въ польскомъ языкѣ. Въ малорусскомъ говорѣ оно употреблялось и употребляется какъ однозначущее слову: *солдатъ* и въ этомъ смыслѣ употреблено и поэтомъ. Тѣмъ не менѣе изъ-за него, по очевидному недоразумѣнiю, выпущено цѣлыхъ 8 строкъ. Даже въ пражскомъ изданiи «Кобзаря», гдѣ приведены первыя двѣ изъ этихъ строкъ, стоитъ: «*кинувъ Катрусю свою*», а не *москаль*, какъ въ наклейкѣ.

Въ главѣ 3-й, послѣ словъ: «що мени робити?» читаемъ въ наклейкахъ слѣдующiе заключительные стихи:

*«Сирота собака мае свою долю,
Мае добре слово въ свити сирота;
Ею бьють и лаютъ, закують въ неволю,
Та никто про матиръ на смихъ не спита.*

*А Ивася спитають, заранне спитають,
 Не дадутъ до мовы дитини дожити.
 На кого собаки на улици лають?
 Что голый, голодный пидъ тыномъ сидитъ?
 Что лобуря водить? Чорняви байстрята...
 Одна ёю доля—чорни бровинята,
 Та й тихъ моде заздри не дають носитъ».*

Трудно и теперь понять, что могло быть поводомъ къ пропуску въ печати этихъ вполне невинныхъ строкъ.

Наконецъ 4-я глава начинается одинадцатью слѣдующими прелестными стихами:

*« По пидъ гороу, яромъ, доломъ,
 Мовъ ти диды високочили,
 Дубы зъ четьманщины стоять;
 У яру чребля, вербы въ рядъ,
 Ставокъ пидъ криюю въ неволи,
 И ополонка—воду брать...
 Мовъ покотело червоніе,
 Кризь хмару—солнце занялось,
 Надувся витерь; якъ повіе—
 Нема ничого, скризь биліе...
 Та тилько лисомъ загуло».*

Высоко-поэтическая картина природы и больше ничего.

Меня до крайности заинтересовало происхожденіе наклеекъ, текстъ которыхъ приведенъ. Экземпляръ «Кобваря», въ которомъ онѣ находятся, подаренъ гимназій землевладѣльцемъ лубенскаго уѣзда Ѡ. И. Дейкуномъ-Мочаненко: къ нему я и обратился за разъясненіемъ. Даритель рассказалъ мнѣ объ нихъ слѣдующее.

Бывши въ 1860 г. въ Петербургъ, я зашелъ въ типографію Кулиша; чрезъ нѣкоторое время быстро вошелъ туда Шевченко и торопливо спрашивалъ:

— А что, готово? готово?

— Готово, отвѣчали ему, и подали нѣсколько листовъ съ напечатанными стихами.

На вопросъ мой: что это такое? покойный Каменецкій, завѣдывавшій тогда типографіей Кулиша, объяснилъ, что это не пропущенныя цензурою мѣста изъ «Катерины», для наклейки въ

экземплярахъ, предназначенныхъ для поднесенія нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ, между прочими, бывшему тогда министру народнаго просвѣщенія Ковалевскому. Я выпросилъ и для себя такой листокъ и наклеилъ его въ своемъ экземплярѣ.

Вотъ этотъ самый экземпляръ и хранится въ настоящее время въ библиотекѣ лубенской гимназiи.

У г-на же Дейкуна нашлась давняя тетрадка съ малорусскими стихами. Въ ней рядомъ съ «Хустиною» Шевченка, напечатанною лишь недавно въ кievскомъ альманахѣ «Луна», нашелъ я другое, также неизвѣстное еще стихотворенiе Шевченка. Вотъ его заглавiе и самый текстъ.

ДО СЕСТРЫ.

*Не питай ты моихъ писень,
Сестро моя мила!
Цуръ имъ: вони сумни, смутни,
Мовъ тая могила.*

* * *

*Нащо слухать, якъ на хрести
Пугачъ завывае,
Коли въ саду соловейко
Весело співає.*

* * *

*Намъ зъ тобою, моя сестро,
Не ходити въ пари:
Твое сонце свитить ясно,
Мое жъ давно въ хмарі.*

* * *

*Нехай твои квіти квітять
На твоій дорозі,
Нехай твою минутъ весну
Витри та морозы.*

* * *

*Нехай доля, що змалечку
Мене не злюбила,
Тебе щиро привитає,
Сестро моя мила!...*

Я сказалъ уже, что прелестное это стихотвореніе въ тетрадиѣ Ѳ. И. Дейкуна стоитъ рядомъ съ «Хустиною». Дѣлаю это для опредѣленія времени, когда написана «Хустина». Оба стихотворенія сохранились въ однихъ и тѣхъ-же рукахъ, въ рукописи слѣдуютъ одно за другимъ и участь обоихъ одинакова—забыты они и авторомъ, и хранителемъ, не разысканы и издателями; да и настроеніе поэта въ обоихъ глубоко-грустное, хотя спокойное:—поэтъ, какъ-бы упоенный прелестью самой этой грусти, ищетъ и находитъ и сердечно улыбается этому горькому успокоенію; наконецъ и игривая легкость стиха одинакова въ обоихъ; отсюда можно заключить, что и писаны они одновременно, въ одномъ и томъ-же мѣстѣ, навѣянные одними и тѣми-же обстоятельствами. Даже одни и тѣже предметы сравненія при писаніи обоихъ носились въ воображеніи автора.

Въ «Хустины».

Ой заплакавъ сивый пугачъ
Въ степу на могыли.

Въ стихотвореніи «До сестры»:

На що слухать, яєъ на хрести
Пугачъ завыває.

Еще одно обстоятельство: стихотвореніе «До сестры», а также и «Хустина» списаны г. Дейкуномъ въ 1855—1856 г. изъ рукописи В. В. Т—скаго, въ которой они находились вмѣстѣ съ другими произведеніями Шевченка и тоже ему приписывались, но почему-то въ собраніе его сочиненій не вошли. Подъ обоими датами нѣтъ; но когда они были списываемы г. Дейкуномъ, поэтъ давно уже надъ Араломъ *мичивъ въ неволи дни и ночи, и ликъ забуваєъ*; значить, позже 1-й половины 1847 года, т. е. времени ареста и ссылки Шевченка, написанными они быть не могли. А гдѣ предъ тѣмъ былъ поэтъ и что особеннаго, выдающагося случилось въ его жизни?—Сообразивъ это, можно съ большею вѣроятностію опредѣлить, къ кому относилось стихотвореніе «До сестры», а за тѣмъ и время, раньше котораго оно не могло быть написано, и даже довольно точно опредѣлить его дату. Если эти соображенія покажутся достаточно убѣдительными, тогда менѣе всего можно рисковать ошибаться, относя къ тому-же времени и «Хустину».

Какія у Шевченка были сестры?—Двѣ родныя: Катря, о которой онъ рѣдко вспоминалъ, и Ярина, которую величалъ «многострадалною и святою»... но была у него и названная сестра—княжна Рѣпина. Не въ родной, конечно, сестрѣ относятся слова:

Намъ зъ тобою, моя сестро,
Не ходити въ пари.

Сестрѣ Иринѣ посвящено совсѣмъ другое стихотвореніе, въ которомъ братъ лучемъ надежды ободряетъ ее въ тяжкомъ прожженіи *колючей нивы*:

Молися, сестро! Будемъ живи,
То Богъ поможетъ перейти.

Если мы при этомъ вспомнимъ все, что намъ извѣстно о жизни юнаго (29 л.) художника—поэта, уже пользовавшагося извѣстностію, въ 1843 г. въ Яготинѣ, то у насъ не только мало останется сомнѣнія, что стихотвореніе «До сестры» писано княжнѣ Варварѣ Николаевнѣ Рѣпиной, но, сверхъ того, оно броситъ яркій лучъ свѣта на тѣ ихъ взаимныя, для нихъ самихъ какъ будто темныя отношенія, надъ формулированіемъ которыхъ ими, особенно княжной, потрачено столько тревожныхъ усилій.

«Княжна Варвара Николаевна, обладая серьезнымъ образованіемъ и неистощимой добротой души, съ высоты своего общественнаго положенія снизошла къ плебею—Шевченку на степень дружескихъ, чисто братскихъ отношеній и т. д. Шевченко благоговѣлъ передъ этой необыкновенной женщиной и т. д. Чувства, питаемыя къ ней, поэтъ выразилъ въ посвященіи ей стихотворенія «Тризна», написанномъ въ 1843 г.» Такъ говоритъ г. Чалый въ своей біографіи Шевченка.

«Княжна, обладая неистощимой добротой души, снизошла къ плебею—Шевченку», и въ то-же время вошла въ *дружескія, чисто братскія* отношенія съ 29-лѣтнимъ художникомъ—поэтомъ. Отношенія эти вышли такъ необыкновенны, такого сложнаго свойства, что у обоихъ вызвали тревожную потребность разобраться въ нихъ, формулировать и дать имъ имена. Окрестили ихъ искренней дружбой—мало, назвали братскими отношеніями—еще не то, понадобилось измѣнить обыкновенное значеніе словъ: *братъ, сестра*, придавъ имъ болѣе глубокой смыслъ, повысивъ ихъ значеніе; но все это не удовлетворяло, чувствовалось еще нѣчто не досказанное, еще одно

слово,—слово, которое въ силу общественныхъ условій не только не могло быть произносимо, но должно было быть исьключеннымъ изъ самой мысли; княжна, судя по извѣстнымъ даннымъ, первая произносить это слово, хотя и въ смыслѣ отрицательномъ, желая такъ сказать документально устранить его изъ отношеній.

По отъѣздѣ Шевченка изъ Яготина, при одномъ изъ своихъ писемъ къ поэту, княжна прилагаетъ длинное разсужденіе о томъ, что такое *сестра* и *возлюбленная*. Въ немъ проводитъ она параллель между этими двумя понятіями, очевидно перенося многое лучшее со втораго понятія на первое, оставляя за вторымъ только очень вульгарное значеніе, и такимъ образомъ разъясняетъ, какъ она понимаетъ принятую на себя роль «сестры» поэта. Если понадобилось устранять слово *возлюбленная*, значить въ отношеніяхъ прокрадывалось нѣчто такое, для выраженія чего напрашивалось уже это слово. Да и устраняется оно не прямо, а съ особенной тревожной заботливостью, чтобы, устраняя слово, не затронуть самыхъ отношеній, сохранить чувства, замѣнивъ ихъ имя. Все это затѣмъ, чтобы чрезъ исключеніе неудобнаго слова, такъ сказать, очистивъ, освятивъ существовавшія отношенія передъ другими и даже передъ самими собою формально, выработать право на ту долю высшаго наслажденія, которая очевидно чувствовалась въ продолженіи этихъ отношеній. Такъ деликатно дѣйствовала въ этомъ дѣлѣ княжна. Поэтъ-же, не мудрствуя лукаво, въ приводимомъ стихотвореніи назвалъ настоящимъ именемъ тѣ послѣдствія, которыя въ обыденной жизни слѣдуютъ за подобными отношеніями:

Намъ зъ тобою, моя сестро,

Не ходитъ въ пари.

«Я, я—сестра ваша, вашъ искренній другъ—ваша обвинительница» и т. д., пишетъ княжна въ іюнѣ 1844 года.

Очень ужъ старая и слишкомъ извѣстная пѣсня. Когда различіе общественнаго положенія или другія условія устраняютъ всякую возможность проявленія питаемыхъ чувствъ, когда самая возможность существованія этихъ чувствъ даже самимъ дѣйствующимъ ладамъ кажется неумѣстною, преступною, тогда инстинктивное влеченіе между двумя различными пблами дѣлаетъ обходъ и продолжаетъ свое дѣйствіе въ болѣе терпимой формѣ, въ формѣ игры въ брата и сестру и въ очень ужъ искреннюю дружбу.

Итакъ, въ этихъ отношеніяхъ была, конечно осложненная многими другими чувствами, и... *нѣмая любовь*; мы здѣсь, въ стихотвореніи «До сестры» — свидѣтели этой любви и горькаго, но спокойнаго сознанія бѣднякомъ-поэтомъ всей ея неумѣстности.

На що слушать, якъ на хрести
Пугачъ завывае,
Коли въ саду соловейко
Весело снивае.

* * *

Намъ зъ тобою, моя сестро,
Не ходити въ пари,—
Твое сонце свитыть ясно,
Мое жъ давно въ хмари.

Такъ какъ извѣстно, что на письмо, писанное княжною въ январѣ 1844 г., отвѣта не получено, и переписка на долго прервалась, то является возможность предположить, что именно отвѣтомъ на это письмо и было стихотвореніе «До сестры», въ которомъ такъ глубоко-грустно ноютъ и *прощальныя* пожеланія.

Нехай твои квіты квітять
На твой дорози,
Нехай твою минутъ весну
Витры та морозы.

* * *

Нехай доля, що змалечку
Мене не любила,
Тебе щиро привитае,
Сестро моя мила!...

Если это такъ, то и дата приведеннаго стихотворенія будетъ январь—февраль 1844 г. Былъ-ли посланъ княжнѣ этотъ поэтический отвѣтъ, или нѣтъ—миѣ неизвѣстно и я не имѣю никакихъ данныхъ, чтобы судить объ этомъ хотя гадательно.

Перехожу къ гравернымъ работамъ Шевченка.

Весьма желательно поспѣшить собрать свѣдѣнія о художественныхъ произведеніяхъ Шевченка всѣхъ родовъ—авось когда-нибудь явится возможность собрать все это вмѣстѣ. Отмѣчаемъ здѣсь одинъ

изъ фактовъ. Въ 1845 г. вышло иллюстрированное изданіе Исакова: «Наши, списанные съ натуры», теперь уже очень рѣдкое. Въ немъ, между прочимъ, есть «Знахарь» Гр. Основьяненка, украшенный значительнымъ числомъ весьма хорошихъ виньетокъ изъ малорусскаго быта. Виньетки въ другихъ статьяхъ подписаны Тимомъ, Клодтомъ и еще вѣмъ-то (неразборчиво); виньетки-же въ «Знахарѣ» не подписаны никѣмъ, кромѣ первой большой—на всю страницу, изображающей знахаря, гдѣ имѣется весьма отчетливая подпись: *Шевченко*. Не принадлежать-ли и остальные виньетки «Знахаря» Шевченку?—Хорошо, если-бы люди знающіе, кому это удобно, успѣли рѣшить этотъ маленький, но не безынтересный вопросъ, пока, можетъ быть, еще не утрачена возможность его *рѣшенія*.

Отмѣчаю еще одинъ, не замѣченный другими, столь-же незначительный, но не лишенный смысла фактъ изъ жизни поэта: *правописание предсмертнаго его письма* къ одному изъ земляковъ и пріятелей, правителю канцеляріи оберъ-полиціймейстера И. Н. Мокрицкому. Привожу самое письмо съ удержаніемъ подлиннаго его правописанія.

Многоуважаемый Иванъ Николаевичъ!

Поздравляю васъ съ вождеденнымъ днемъ вашего святаго ангела извините что я не могу лично принести моего искренняго поздравленія я боленъ «другой мѣсяць не только на улицу меня и въ коридоръ не поскאותъ... и не знаю чемъ кончится мое затворничество? Глубоко кланяюсь марьи львовни, и лобизаю вашихъ дѣточокъ. отъ души желаю вамъ повеселится по прошлогоднему Досвиданія. Искренній вашъ

Т. Шевченко.

24 февраля

1861 г.

Письмо это списано мною, съ точнымъ соблюденіемъ правописанія самага автора, въ 1876 г. въ г. Лубнахъ съ подлинника, хранившагося у г. Мокрицкаго, сына Ивана Николаевича, которому оно адресовано. Текстъ письма приведенъ уже въ книгѣ г. Чалаго, только безъ удержанія правописанія автора, а мнѣ кажется, что именно въ этомъ письмѣ правописаніе подлинника и имѣеть зна-

ченіе. Т. Гр. Шевченко не проходилъ старо-адемическаго класса «грамматики», да и вообще никакихъ классовъ, но въ ряду поэтовъ самоучекъ могъ-бы похвалиться своею грамотностію, въ особенности предъ Кольцовымъ, котораго удобочитаемымъ дѣлали лишь воронежскіе семинаристы. Откуда-же здѣсь полное почти отсутствіе всякой орфографіи? Писано письмо 24 февраля, за день до смерти Шевченка. Смыслъ его еще довольно бодръ, поэтъ не видитъ быстро приближающейся роковой развязки, хотя въ письмѣ прорывается заврашаяся уже съ нѣкотораго времени тревога: «и не знаю, чѣмъ кончится мое затворничество?» Но правописаніе ясно свидѣтельствуеетъ, что болѣзнь успѣла уже разстроить и ослабить организмъ. Поэтъ и прежде относился къ правописанію небрежно; но кто видѣлъ подлинники его писемъ, для того ясно, что хотя въ этомъ письмѣ есть общее съ другими, но что все-таки это—не то. Это одно изъ проявленій приближавшейся смерти, та болѣзненная слабость, когда человѣкъ не совсѣмъ отчетливо относится къ вѣшнему міру, самъ того не сознавая.

А «хочется... Боже милый!
 Якъ хочется жити,
 И любити твою правду,
 И весь свить обняти!»

На другой день, 25 февраля утромъ, М. М. Лазаревскій засталъ поэта въ ужасныхъ мученіяхъ—съ ночи началась у него сильная боль въ груди, не позволявшая лечь. Такъ продолжался день, и всю ночь онъ провелъ, сидя на кровати, упершись въ нее руками, а въ половинѣ 6-го утра 26-го февраля поэта не стало¹⁾. Значитъ, послѣ написанія приводимаго письма оставалась еще въ жизни поэта только 2-я половина дня 24 февраля, когда онъ могъ-бы еще что-либо написать; а потому можно съ большою вѣроятностію предположить, что изъ чувствъ и мыслей, выраженныхъ поэтомъ на бумагѣ, это были послѣднія—къ пріятелямъ-землякамъ.

Упоминаемая въ письмѣ Марья Львовна—жена имянинника, уроженка лубенскаго уѣзда полтавской губерніи. Въ дневникѣ Шевченка есть нѣсколько словъ объ этомъ знакомствѣ. «6-го апрѣля (1858 г.). Познакомился съ женою правителя канцеляріи оберъ-

¹⁾ Разсказъ А. М. Лазаревскаго въ 3-мъ т. «Основы», 1861 г.

полиціймейстера И. Н. Мокрицаго. Она урожденная Свичка и настоящая моя землячка. Мы съ нею встрѣтились, какъ старые знакомые».

«Разставшись съ милѣйшею землячкою, прошелъ я въ академію художествъ на выставку».

Привожу наконецъ послѣднее свидѣтельство на проживаніе Шевченка въ Петербургѣ, съ помѣтами полиціи и съ засвидѣтельствомъ священника о его смерти и погребеніи.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО
ОБЕРЪ - ПОЛИЦІЙМЕЙСТЕРА.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Канцелярія.

столь 1.

7-го апрѣля 1860 года.

№ 142.

Дано сіе отставному рядовому Оренбургскаго Линейнаго № 1-й баталіона Тарасу Шевченку, для свободнаго проживанія въ С.-Петербургѣ, въ теченіи одного года, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи срока свидѣтельство это было представлено мнѣ.

Свиты его величества генераль-маіоръ (подпись неразборчива).

Правитель канцеляріи *Мокрицкій.*

(М. П.)

На обратной сторонѣ свидѣтельства читаемъ:

Означенный въ семъ свидѣтельствѣ Тарасъ Шевченко сего 1861 года 16 февраля волею Божіею умеръ отъ водяной болѣзни и сего-же февраля 28-го дня погребенъ на Смоленскомъ православномъ кладбищѣ. Въ чемъ свидѣствуется. Марта 2 дня 1861 г.

Екатерининской церкви, что при академіи художествъ,

Священникъ *Илья Денисовъ.*

(М. П.)

На послѣдней страницѣ свидѣтельства слѣд. помѣты:

№ 50. По Большой Морской.

1 часть, 3 кварталъ. Запис. на квартирѣ 11 апрѣля 1860 года.

За надзирателя *Дсвидовъ.*

№ 1/6

Васильевская часть, 1 кварталъ. Записанъ на квартирѣ 22-го апрѣля 1860 года.

За надзирателя *Астафьевъ.*

№ 1 и 6 по 5 линіи

На квартирѣ у Назаровскаго
(Лазаровскаго?)

№ 50

Большая Морская. На квартирѣ
возобновлено.

Это копія съ подлинника, хранящагося при фундаментальной библіотекѣ лубенской гимназіи, за № 3257. Подлинникъ въ траурной рамкѣ за стекломъ, подаренъ гимназіи В. Я. Яновскимъ, землевладѣльцемъ лубенскаго уѣзда, а имъ пріобрѣтенъ отъ П. Н. Мокрицкаго, брата раньше упоминаемаго Ивана Николаевича, бывшаго правителемъ канцеляріи с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера.

Съ небольшимъ мѣсяца не дожиль поэтъ по выданному ему свидѣтельству и пошелъ въ путь, изъ котораго никто не возвращается, въ званіи отставного рядового оренбургскаго линейнаго баталіона. Въ этомъ главный интересъ сохраненнаго документа, разрѣшающій вопросъ о томъ, было-ли Шевченку послѣ ссылки возвращено званіе художника. Свидѣтельство причта удостовѣряетъ болѣзнь, которая привела поэта къ смерти, а полицейскія помѣты указываютъ, гдѣ жилъ онъ по возвращеніи изъ Кіева до перехода въ зданіе академіи художествъ.

О. Каминскій.

КЪ ИСТОРІИ КОЛОНИЗАЦІИ НОВОРОССІИ.

(*Письмо знаменскаго священника Маркіанова о заселеніи нѣкоторыхъ мѣстъ бывшей елисаветградской провинціи*).

Письмо это получено нами отъ достопочтеннаго историка «Новой Сѣчи» А. А. Скальковскаго. Авторъ его, священникъ с. Знаменки, херсонской губерніи, современникъ и отчасти очевидецъ описываемаго въ письмѣ, что даетъ его свѣдѣніямъ большую историческую достовѣрность. Письмо писано въ послѣдніе годы прошлаго или первые нынѣшняго столѣтія, по просьбѣ неизвѣстнаго лица, очевидно занимавшагося собираніемъ свѣдѣній о заселеніи Новороссіи. Мелкоствоиъ мелкихъ, но яркихъ штриховъ оно рисуетъ намъ разные моменты и стороны этой достопамятной колонизаціи: тутъ и всемогущество Потемкина, которому не доставало лишь власти цареградскаго патріарха, и его желаніе порисовать предъ Екатериною дутыми плодами насаждаемой имъ культуры, — мелькають темныя фигуры узурпаторовъ и прилебателей всемогущаго временщика, въ траги-комическомъ положеніи выступаютъ французскіе эмигранты и обманутые въ своихъ надеждахъ старообрядцы, въ жалкомъ видѣ паріевъ, изъ-за спины налетѣвшихъ со всѣхъ концевъ колонизаторовъ, выглядываетъ та *сволочь*, которую разными льготами влекутъ въ яря неволи и которыхъ кабалнымъ трудомъ дикія степи и луга должны превратиться въ цвѣтущій садъ, а мимоходомъ проскальзываютъ и тѣ естественныя условія, въ которыхъ по мѣстамъ должны были жить новыя поселенцы; есть нѣкоторыя частныя историческія и даже археологическія указанія. Вообще, это частное, простое и не затѣйливое, письмо даетъ болѣе для исторіи, чѣмъ десятки официальныхъ бумагъ.

М И Л О С Т И В Ы Й Г О С У Д А Р Ъ !

Между тѣмъ временемъ, какъ я обѣщался доставить вамъ вѣдомость о поселеніи здѣшняго округа, довольно я промедлялъ, ибо есть человѣческое: «не еже бо иногда хочу, то и творю». Надѣюсь въ томъ отъ васъ имѣть прощеніе.

Вамъ уже извѣстно, что когда въ 1781 году въ Кременчугѣ, по открытіи намѣстничества, была учреждена таврическая губернія, князь Потемкинъ, яко намѣстникъ новыхъ, но малолюдныхъ губерній, а паче таврической, изыскивалъ способъ къ населенію. Ему открывался тогда случай слѣдующій. Старообрядцы, живущіе въ Москвѣ и иныхъ городахъ, равно и черниговской губерніи, слободъ стародубскихъ, сословія купческаго и мѣщанскаго, находя себя недостаточными въ разсужденіи церковнаго чиновачалія, безъ коего живши цѣлый вѣкъ, многіе изъ нихъ, какъ-бы отъ забвенія опомнившись, стали свое состояніе подозрѣвать въ неправильности, такъ какъ оно было и есть, судили за благо, чтобы секту свою, довольно устарѣлую, возобновить, или только починить, и какъ нужно было на то имѣть духовный матеріалъ, согласились требовать не отъ святѣйшаго синода, какъ-бы слѣдовало, но устремились къ его свѣтлости, какъ-бы къ царградскому патріарху, съ прошеніемъ, дабы онъ исходатайствовалъ имъ епископа особеннаго для старообрядцевъ, подъ названіемъ «хорепископъ», то есть селской. Сему ихъ предпріятію былъ я самовидецъ, когда отъ московскихъ и стародубскихъ повѣренныя два человѣка—одинъ чернецъ, другой старикъ изъ купцовъ, повсюду князя преслѣдовали, даже и въ Елисаветградѣ въ домѣ Красноглазова. Когда позванъ былъ я къ его свѣтлости, князь лично у меня спросилъ: 1) здѣшніе стародубскіе слободы имѣютъ-ли желаніе имѣть законныхъ священниковъ и церкви на старыхъ обрадахъ? 2) знаю-ли я повѣренныхъ, отъ старообрядцевъ уполномоченныхъ, требующихъ епископа себѣ особеннаго? И когда отвѣчалъ я, что знаю, князь промолвилъ: «объяви имъ, чтобы они оставили епископа просить; священниковъ дадутъ имъ и церкви на старыхъ обрадахъ имѣть позволять, если въ таврическую область на жительство пожелаютъ». Вышедши я отъ князя, приказаніе его исполнилъ. Между тѣмъ князь, вышедши, намѣривался садиться въ карету; повѣренныя, подошедши, подали князю бумагу.

— Вамъ сказано? князь промолвилъ.

— Слышали, отвѣчали они.

Князь поѣхалъ къ обѣденному столу, который купечествомъ былъ изготовленъ у Никиты Ивановича Масляникова. По обѣдѣ тотчасъ ускорилъ въ Кременчугъ, и миѣ на почтовыхъ лошадяхъ приказано было слѣдовать. На канунѣ открытія намѣстничества я прибылъ, видѣлъ все, что только въ глаза попадалось. Въ ту самую пору въ Кременчугѣ открылась чумная зараза; по сему случаю вся губернія была переведена въ Полтаву. Послѣ тридневнаго торжества и я туда-жъ отправленъ былъ съ курьеромъ и писмомъ княжескимъ къ преосвященному для постриженія въ попы. Все сіе происходило въ Петровъ постъ. По прибытіи посвященъ я въ Петровъ день въ соборѣ. На другой день преосвященный отправилъ меня съ письмомъ къ его свѣтлости; но его въ Кременчугѣ уже не было,—по окончаніи открытія не медля отправился въ Петербургъ, откуда въ слѣдующемъ 1785 году, по высочайшей волѣ, князь учинилъ къ старообрядцамъ письменное воззваніе, и оное разпубликовано было внутри Россіи, и виѣ оной: желающіе высокомонаршею милостію пользоваться какъ духовными правами, равно и всѣми чувственными выгодами, приходили-бы въ таврическую область. Тогда-жъ отъ князя и къ знаменскимъ молдавскимъ выходцамъ, въ елисаветградской провинціи жившимъ, прислана грамота о переселеніи, что и было въскорѣ исполнено. Князь надѣялся своими обѣщаніями выманить отовсюду старообрядцевъ, но на опытъ оказалось противное: черниговской губерніи семей до 60 толко согласились и пришли тогда, какъ земли были розданы; знаменскіе, не смотря на выгодное переселеніе: 1) что дома ихъ, иные ничего не стоящіе, были щедро заплачены, 2) по 50 рублей на каждаго изъ казны и 3) льгота 8-лѣтняя, не хотѣли переселяться. Князю угодно было назначить имъ къ поселенію мѣсто противъ Никополя, гдѣ теперь стоитъ Малая Знаменка, съ такимъ намѣреніемъ, чтобы въ путешествіи государинѣ изъ никопольскаго дворца показать селеніе въ мѣстахъ, дотолѣ не обитаемыхъ; но знаменскіе не захотѣли тамъ селиться. Имъ дано было на волю, только-бы не упорствовали. Князь однако-жъ не оставилъ своего предположенія,—приказалъ моему отцу, чтобы непременно выходцами, какого-бы званія не были, водворять противъ Никополя на первый

разъ хотя одну Набережную улицу, которая удобнѣе могла быть видима изъ никопольскаго дворца во время шествія и пребыванія государини въ дворецъ. Князь столько былъ доволенъ, что не оставилъ о томъ доложить государинѣ, какъ о томъ я словесно вамъ повѣдалъ.

Князь, видя, что старообрядцы его воззванія не внемлютъ, бросилъ ихъ, а дабы земли, въ пустѣ лежащія, населить, было позволено всякаго званія бродягъ принимать, отъ чего въ Россіи помѣщики многіе лишились крестьянъ. Тогда-жъ земли стали быть раздаваемы помѣщикамъ, начиная отъ устья Конской рѣчки, да многія пространства степей, и Великій Лугъ, запорожцами прозванный, г. Поповъ занялъ, ниже того—Бродскій, Ливанидовъ, Синельниковъ.

Слѣдуетъ теперь о Днѣпровкѣ упомянуть. Выше объявленные черниговской губерніи старообрядцы, семей до 60-ти, за дальнимъ разстояніемъ, опоздали сюда притить и не зная, что земли уже назначены помѣщикамъ, избрали себѣ мѣсто ниже болшой Знаменки, верстахъ въ 10-ти поселились, въ землянкахъ перезимовали, весною старались о водвореніи; кромѣ всякаго пособія, изнурились и до послѣдняго имущества истожились, стараясь вповѣ землю распахали, не зная того, что отъ знаменской межи по теченію рѣчки верстъ до 30-ть, до урочища Лепатики, земля князю Вяземскому уже назначена. Между тѣмъ къ нимъ-же присовокупилися старообрядческій архимандритъ съ чернецами, тотъ самый, котораго собили епископомъ. И сему князь обѣщала много, но ничего не исполнилъ, потому что старообрядцы въ Крымъ не пожелали. Сей архимандритъ, не находя себѣ пристойнаго монастыря для мѣста, расположился въ концѣ новой усадьбы и было построилъ нѣсколько келій. Отъ сего поселене вознегодовали, а тѣ въ Симферополь ходили къ губернатору на разрѣшеніе. Тогда былъ Каховскій Михаилъ Васильевичъ; онъ имъ объявилъ, что земля, ими занятая, принадлежитъ князю Вяземскому. Тогда онъ съ плачемъ, разорившись, принуждены переселяться. Архимандритъ прибѣгнулъ къ знаменскимъ; сія во уваженіе уступили полосу земли, на которой, въ горѣ Мамайсуркѣ, и былъ построенъ монастырь съ церковью, а поселене избрали себѣ мѣсто выше селенія Водяной. Поселясь и тамъ, нашли неудобство: песчаные кочугуры затрудняли проѣздъ въ пахатное поле, что и понудило ихъ къ вторичному переселенію въ *подоы*, отъ чего

название получила Подовка. Сначала они, держась старообрядчества, воздвигнули самобѣднѣйшую церковь, которая и теперь, имѣли и священника; но когда присовокупились къ нимъ народы, въ множествѣ старообрядства не знающіе,—уничтожили старообрядство. Слобода Водная сначала ея водворенія заселена людьми бывшими прежде елисаветградскаго уѣзда; они жили въ сосѣдствѣ съ знаменскими и вообще всѣ занимались тамъ гончарствомъ; слобода ихъ и тамъ имѣла тоже название—Водяна балка. На водвореніе имъ здѣсь было выдано только по 15 рублей на хозяина. Вотъ все то, что я знаю о населеніи здѣшней округи народами, по волѣ князя Потемкина селившимися. Изъ нихъ многіе на прежніе свои жилища возвращались по причинѣ чрезвычайной трудности, когда селились: 1-е воздухъ дикой, не очищенной отъ паровъ, происходившихъ изъ плавень, не проходимыми камышами и трощебникомъ лѣснымъ покрытыхъ; 2-е мошка столько была сильна—душила даже рогатый скотъ, въ ноздри набившись, въ день нельзя было работать, а ночью комарь не давалъ покою. Этой бѣды едва могли переносить. Ктому еще третья: оврахи или суслики въ такомъ были множествѣ въ полѣ, чтобы не было посѣянное, истребляли все до послѣдняго на нивѣ, тоже самое, какъ и сарана. Для истребленія разные опыты отъ поселянъ были: выливали водою, но безуспѣшно, дѣлали самострѣлы и надъ норами ставили, но надобно было сидѣть и заводить; наконецъ вздумали съ огня кипяткомъ. Хотя истребляли, но на мѣсто того годъ отъ года болѣе ихъ выпложивалось; поселяне отчаялись было имѣть когда либо свой хлѣбъ, въ елисаветградскомъ и павлоградскомъ уѣздахъ зажинали и покупали, наконецъ отъ овраховъ чудомъ спасены: Богъ знаетъ откуда, появились въ множествѣ хори; сіи истребили овраховъ почти безъ остатка; послѣ того и хори скрылись и до нынѣ не видно тѣхъ и другихъ. По истинѣ чудное въ натурѣ дѣйствіе!

Слѣдуетъ теперь упомянуть о земляной крѣпости, что у переправы подлѣ казармъ; хотя вся уже развалилась и пескомъ засыпалась, но отъ западной стороны есть цѣлость правильнаго треугольника и часть стѣны и ровъ видны. Надобно думать, что сія крѣпость была сдѣлана при Петрѣ, когда Азовъ былъ взятъ, а когда обратно отданъ туркамъ, тогда оставлена. Сіе повѣствованіе яко не сомнительное есть,

потому что я имѣлъ карту, доставшуюся по кончинѣ графа Клермонтера, тамъ означена сія крѣпость и названіе выставлено «Затонъ», потому что соединяется тутъ зъ Днѣпромъ Конская рѣка;—соединилась и какъ-бы утонула,—или потому что было запинаніе татарамъ. Я узнать хотѣлъ отъ старыхъ запорожцевъ; но они помнятъ то только, что крѣпость она была россійская. Доказательствомъ еще и то, что подлѣ крѣпости на берегу находили серебряныя старинныя копѣйки,—болѣе о семъ ничего не могу сказать. Что-же по сю сторону Лимана къ слободѣ Знаменкѣ видна крѣпость и отъ оной валъ, простирающійся къ Лиману и по ту сторону до селенія Малой Знаменки и въ самомъ берегу Конки кончившійся, такъ объ ономъ для себя разумѣй: быть можетъ или половцами, или печенѣгами и козарами неправильно построенный. Хищные отъ хищныхъ защищались. Въ срединѣ самой крѣпости было строеніе похожее на дворецъ; знаменскіе рыли и доставали въ землѣ камень тесанный и кирпичъ жженный, весьма прочный, болѣе никакихъ нѣтъ признаковъ. Еще въ вершинѣ Лимана есть окопы или ретраншаменты, имѣющіе правильныя тригольниги. Когда князь готовился къ взятію Очакова и самъ во всю зиму до самой весны находился въ крѣпости елисаветградской, въ ту самую зиму отъ него былъ присланъ подполковникъ инженерный, нѣкто Андрей Алексѣевичъ Темкинъ, въ здѣшнія плавни для заготовленія туровъ и фашинъ; онъ любопытствовалъ оный окопъ и увѣрялъ, что во время Минихова похода здѣланъ. Тамъ же, по теченію рѣки въ верхъ, примѣтно былъ лѣсъ: находили коренья не у самой рѣчки, но въ полу-горѣ, слѣдовательно не вербовой, но иного рода,—думать надо, войска истребили. Годовъ пять или шесть тому прошло, какъ знаменской мужикъ скотоводникъ въ степи, верстъ за 50-тъ, на казенномъ участкѣ для скота рылъ колодезь; вырвыши аршинъ 6, открыли необыкновенной величины кость. толщиною едва можно обхватить двумя четвертьми аршина, излучистая, похожа какъ-бы на ребро какого звѣря; они по глупости разбили и раздробили; потомъ, не нашедши воды, оставили и завалили. Сіе есть доказательство бывшаго всемірнаго наводненія.

Минуя Рогачинъ, бывшее имѣніе князя Вяземскаго, скажу нѣчто мимоходомъ о Лепатихѣ. Сіе мѣстоположеніе, не бывъ удобное къ населенію, оставалось никѣмъ не занятое до дней извѣстныхъ француз-

ской революціи. Въ то самое время два графа, извѣстные Шуазель и Клермонтеръ, избѣгнувши, получили здѣсь въ удѣлъ себѣ землю лепатихскую, гдѣ теперь казенное селеніе. Тамъ они графы водворились по обѣ стороны балки: Клермонтеръ восточную сторону занялъ, а Шуазель западную. Имѣя деньги, старались во первыхъ о населеніи людьми всякою сволочью, не надежными бродягами; записывали имена и прозванія, какіе были фальшиво показаны, между тѣмъ (записавшіеся) для заработковъ отходили и не возвращались. Когда учинена была ревизская перепись, тогда графы увидѣли, что со временемъ платить надобно подати, у нихъ-же, кромѣ изнуренія и убытковъ, все пустое, языка россійскаго, ни его свойства не знали; хотя и былъ переводчикъ, молодой, 18-ти лѣтній, но и тотъ былъ утопленъ также въ рѣкѣ. За тѣмъ Клермонтеръ помре; тамъ и погребенъ, не имѣя памятника. Имущество его, какое оставалось, земскою полиціею продано. Тогда и мнѣ досталось имѣть карту, объемлющую одну только крымскую область по самый Днѣпръ. Оставался Шуазель; онъ просилъ императрицу, было повелѣно принять землю и людей по списку въ казну; взамѣнъ ему дано въ Бѣлоруссіи; такъ о томъ слышалъ я отъ его превосходительства Семена Семеновича Жегулина. Лепатиха слава должна быть по первому заведенію!

Ниже Лепатихи было занято Самойловымъ; онъ потомъ продалъ Раханову; сей своими людьми населилъ большую слободу. За Рахановымъ земля принадлежала прежде Завадовскому и во многіе годы не была населена такъ, какъ теперь: у графа Кочубея здѣлалось селеніе многолюдное. Казенные Каиры есть давніе, также какъ и Знаменка; тамъ отставной былъ капитанъ, старикъ смолдавскій (изъ Молдавіи), подъ его смотрѣніемъ она слобода населялась. Дурицкая земля и слобода прежде всего принадлежала принцу Нассау. Его жена, неизвѣстно по какимъ причинамъ, года два или три жила однихонька, претерпѣвая оводъ, мошку и комары, въ простой хижинѣ, никуда не выѣзжая. Однажды пріѣзжала къ Дмитрію Матвѣевичу Куликовскому, болѣе никуда; имѣла прилежаніе къ разведенію разныхъ садовыхъ и иныхъ деревъ, наипаче-же акацій, но увидя изъ опыта, что здѣшній климатъ ей не благопріятствуетъ, продала Константинову и навсегда удалилась въ родину свою.

Каховка имѣеть названіе въ честь бывшаго первоначально въ Крыму генераль-губернатора Михаила Васильевича Каховскаго. Дмитрій Матвѣевичъ Куликовскій, имѣвши тогда случай, занималъ земли, гдѣ только пожелалъ; онъ имѣлъ тѣсную дружбу съ Василиемъ Степановичемъ г. Поповымъ. По княжескому благоволенію Куликовскій опредѣленъ былъ къ соли; свои земли заселилъ людьми и Васильеву г. Попова слободы. Государь Павелъ когда воцарился, фельдъ-егерь, подхватя Куликовскаго, отвезъ въ кievскую крѣпость, гдѣ около двухъ лѣтъ содержался, потомъ освободился. Тогда прѣисходили поиски за военныхъ, оставившихъ службу и въ поселяне приписавшихся, подъ видомъ бродягъ. Гдѣ только таковыя были отысканы, были штрафованы наборомъ два рекрута за одного; въ Большой и Малой Знаменкахъ штрафныхъ человѣкъ 20 отдали; тоже самое и у помѣщиковъ. Дабы освободиться отъ помѣщиковъ, не бывъ никогда служивыми показывались.

Вотъ все, что я знаю о населеніи здѣшней округи. Благоснисходительно за медленное донесеніе и за всю въ письмѣ неисправность, — ибо ни ладу, ни складу, — простите.

Честь имѣю пребыть къ вамъ навсегда съ истиннымъ высокопочитаніемъ и преданностью,

Милостивый государь, вашъ всеохотнѣйшій слуга

Карлъ Маркіановъ.

День Преполовенія.

Знаменка.

УНИВЕРСАЛЪ

ЧЕРНИГОВСКАГО ПОЛКОВНИКА ЛИЗОГУБА¹⁾ 1690 Г.

(Въ разрѣшеніе земельныхъ претензій польской шляхты, измнанной изъ Черниговщины при Хмельницкомъ).

Какъ ни страннымъ можетъ казаться въ настоящее время, но то несомнѣнный историческій фактъ, что до половины XVII ст. нынѣшняя черниговщина и полтавщина находились въ фактическомъ владѣніи польскихъ паповъ, а польская культура и языкъ господствовали тамъ, особливо въ Черниговщинѣ, до половины XVIII в. Дальнѣйшія измѣненія въ землевладѣніи лѣвобережной Украины являются результатами переворотовъ въ политической исторіи Украины.

Въ началѣ XVII вѣва, говоритъ Багалъй въ своей статьѣ: «Займанщина въ лѣвобережной Украинѣ XVII и XVIII ст.»²⁾, начинается усиленное пашествіе польскихъ пановъ..., ко второй половинѣ XVII в., т. е. къ эпохѣ Богдана Хмельницкаго, шляхта пустила уже прочные корни въ Черниговщинѣ... Возстаніе Хмельницкаго произвело цѣлый социально-экономическій переворотъ въ лѣвобережной Украинѣ—крупное землевладѣніе совершенно почти исчезло..., земля сдѣлалась собственностью всего народа малороссійскаго... Займанщина—вотъ та типичная форма землевладѣнія, которую народъ малороссійскій избралъ себѣ, освободившись отъ всяческихъ

¹⁾ Биографическія о немъ свѣдѣнія см. въ явв. кн. «Кіевской Старины» 1884 г., въ статьѣ А. М. Лазаревскаго: «Лизогубы».

²⁾ «Кіевская Старина», декабрь, 1883 г.

экономическихъ оковъ... Постепенно количество земли должно было уменьшиться какъ отъ естественнаго прироста населенія, такъ и отъ прилива новыхъ переселенцевъ съ праваго берега Днѣпра... Не едва ли не самую важную роль въ этомъ случаѣ играетъ также развитіе крупной земельной собственности, которая произошла путемъ пожалованія, скупки и захватовъ».

Помѣщаемый ниже универсалъ черниговскаго полковника Якова Кондратовича Лизогуба (1687—1698) можетъ служить дополненіемъ къ упомянутому изслѣдованію г. Багалѣя, иллюстрируя положеніе землевладѣнія въ Черниговщинѣ послѣ возстанія Хмельницкаго и установленіе въ немъ новаго, прочнаго порядка, безобиднаго для обѣихъ столкнувшихся на этомъ сторонѣ.

Извѣстно, что польская шляхта бѣжала изъ Украины безъ оглядки при первомъ громѣ козацкаго оружія: дома, грунты, поля опустѣли. Послѣ первой войны Москвы съ Польшей (1653), перяславской рады и второй войны, окончившейся андрусовскимъ договоромъ (1667), лѣвобережная Украина фактически присоединилась къ Москвѣ. Пока прежніе владѣльцы земельной собственности скитались по разнымъ областямъ польскаго государства, спасаясь отъ ужасовъ народнаго возстанія, ихъ имущества попали въ другія руки: давно уже кто хотѣлъ, тотъ и занималъ ихъ, иное же отдало было за военныя заслуги чинамъ войска запорожскаго, но за все, какъ говоритъ универсалъ, «великіе государи православно-россійскіе черезъ мирніе договоры сумою своею монаршою королю польскому и Речи Посполитой оплачивали».

Но вотъ, послѣ андрусовскаго договора, когда въ Украинѣ наступили относительно тихія времена, шляхта начала мало по-малу возвращаться на свои старыя гнѣзда и нашла тамъ другой режимъ, другіе порядки: чужіе люди полноправно владѣютъ ея прежними имуществами. Шляхта не желаетъ примириться съ совершившимся фактомъ, подаетъ жалобы высшему малороссійскому уряду, ведетъ процессы съ новыми землевладѣльцами и добивается возвращенія своихъ прежнихъ имуществъ *statu quo ante*. Эти-то «частыя докучки и упрікренія» и заставили высшій урядъ страны войти въ обсужденіе вызваннаго предшествовавшею бурей жгучаго земельного вопроса. Дѣло обсуждалось по полкамъ: полковники, совмѣстно с

старшиной и значнымъ войсковымъ товариствомъ, придумывали исходъ изъ такого положенія дѣль и результаты своихъ обсужденій объявляли особыми универсалами во всеобщее вѣдѣніе. Одинъ изъ такихъ универсаловъ предъ глазами читателя. Вотъ его текстъ:

Изъ царскаго пресвѣтлаго величества войска запорожскаго

Полковникъ черниговскій Яковъ Кондратовичъ Лизогубъ.

Вѣсь, кто-бы потребенъ того былъ вѣдати, теперъ и въ пришліи часи, а особливе вѣсь жителемъ постовбицкимъ, слободскимъ, золубицкимъ, Гогопаловскимъ, даницкимъ, гусинскимъ войсковымъ и посполитымъ людемъ, ознаймую, ижъ, узнаючи я, за ураду моего, частіи доуки и уприкренія черезъ заводы неуспокоення о кгрунтахъ, на которихъ описанніи сидятъ села, же ославляючіися шляхтою въ тыхъ селахъ, за антецесоровъ моихъ, прошлихъ пановъ полковниковъ, черезъ всѣ мѣнуціе лѣта, не обзивалися до тыхъ кгрунтовъ и не доходили ихъ, ажъ теперъ, давнимъ шляхецкимъ правомъ, якъ передъ войною было, почали себѣ за отчизніе винаходити и трудности немалии чинити. Для успокоення того, за сполною обрадою, съ полковою старшиною и значнимъ войсковимъ товариствомъ, казалемъ видати сей мой унѣверсалъ зъ такимъ постановленнемъ и вырокомъ: поневажъ якъ война першая наступила и освободивши съ подданства лядского войско запорожское отчизну свою, увесь малороссійскій край, волне и свободне помежи тими и на тыхъ то шляхецкихъ кгрунтахъ поседали селами войсковіе и посполитіе люде, а оніи тіи-жъ шляхецкіе кгрунта заупустѣли зостали, которіе, или тутъ у Сѣверщинѣ лежачіе, Пресвѣтлѣйшіе и Державнѣйшіе Великіе Государи наши православно-россійскіе, обнявши въ свою державу Украинну, черезъ мирніе договори сумою своєю монаршною королеви полскому и Речи Посполитой оплачували, и годніи особы заслугуючіеся у войску запорожскомъ, за унѣверсалами рейментарскими, одержали тие-жъ ку пожитковъ своему кгрунта, теди на чомъ хто оседѣлъ зъ шляхти и всякихъ людей по селахъ описанихъ прошлими часи и теперъ сколько собою розробленихъ своихъ уживае и держить кгрунтовъ, а болше роспахати и розробити самъ не може, събы тимъ ся контентовали, и тыѣ за власность свою мѣли, а що над-то иними хто розробилъ, и еще не розробленихъ и заупустѣлихъ мѣло-бы

бути въ тѣ околичности крентовъ, которіе за отчискіе собѣ изе шляхта звикла ославлювати, и давнимъ шляхецкимъ правомъ граничити, при-своюють и не допускають сполмешканцомъ своимъ розробляти и поседати, тое цале касую и овшемъ, жебы ровне и спокойне зъ шляхтою и всякіе люде, якихъ хто може, кождіе селяне въ своемъ ограниченію лежачіе пустуючіе крента посѣдали, розробляли и ку пожитковѣ своему, безъ жаднихъ заводовъ и турбаціи, приводили, нынѣшнимъ, подѣ щасливов Пресвѣтлѣйшихъ и Державнѣйшихъ православно-россійскихъ монарховъ нашихъ державою, власти войскової служачимъ правомъ, теперъ и на потомніе часы, подѣ винами и карою сроегою на сопротивнихъ и упорнихъ, утверждаю.

Данъ въ Чернѣговѣ 13 септеврія року 1690.

Вышменованный полковникъ чернѣговскій.

(М. П.)

Приписка. Тутъ-же и тое докладю, не отпустною виною на маетеку и не легкою карою на здоровю варую, и срокгій заказъ чиню, абы ниhto зъ тихъ-же селянъ и въ тихъ крентахъ давно и ново-прибранныхъ сѣножатахъ не важился орати, яко мѣло уже свовольно и допустно поорано, иле рачей гдѣ прибрано на сѣножать, нехай тое сѣножатию буде, а що на поле пахатне, абы кождый працею своею старался робити, албо на томъ пересталь, що хто старого розробленія мае.

СУПЛИКА, АБО ЗАМЫСЛЪ НА ПОПА.

Подъ этимъ заглавіемъ дошла до нашего времени и циркулируетъ не въ однихъ спискахъ, но даже въ живомъ изустномъ обращеніи одна изъ такъ называемыхъ *интермедій*, начало которыхъ теряется въ первыхъ годахъ XVII ст., но которыя полное свое развитіе получили въ срединѣ прошлаго столѣтія и дожили до самаго почти конца онаго. Печатаемую теперь интермедію мы слышали въ дѣтствѣ, въ звенигородскомъ уѣздѣ кievской губерніи, отъ многихъ лицъ и знали ее наизусть; но это было лѣтъ 50 назадъ. Интермедія давно была забыта нами, какъ вдругъ въ минувшемъ году съ одной почтой мы получили два списка оной: одинъ сдѣланный первоначально въ Бессарабіи, но циркулировавшій въ Галиціи и пріобрѣвшій тамъ особенности галицкаго правописанія, а другой болѣе близкаго и, такъ сказать, живаго происхожденія—онъ сдѣланъ въ м. Новомъ Ропскѣ, черниговской губерніи, новозыбковскаго уѣзда, подъ диктовку 73-лѣтняго, уже ослѣпшаго старика изъ крестьянъ Алексѣя Лисовскаго, совершенно неграмотнаго, но въ молодости бывшаго частнымъ дьячкомъ, по выбору прихожанъ. Обѣ редакціи значительно повреждены—первая неизвѣстными переписчиками, а вторая ослабѣвшею памятью старика, но обѣ въ такой степени другъ друга исправляютъ и пополняютъ, что остается одно лишь мѣсто, въ которомъ чувствуется нѣкоторый пропускъ, что и отмѣчается нами въ самомъ текстѣ интермедіи. Смыслъ искаженныхъ и непонятныхъ словъ намъ легко было возстановить по памяти, и по ходу рѣчи.

Содержаніе интермедіи—простая, несложная сцена изъ жизни галорусскаго народа той отдаленной эпохи, когда дѣйствовалъ еще

гетманскій режимъ и существовалъ козацкій строй въ нашей гражданско-общественной жизни. Авторъ интермедіи неизвѣстенъ, но конечно это было лице, принадлежавшее къ составу старой кievской академіи, и самая интермедія—произведеніе школьное, хотя довольно уже обшлифовавшееся въ народномъ обращеніи, съ размѣромъ стиха силлабическимъ. Дѣйствіе происходитъ вѣроятно всего во второй уже половинѣ XVIII столѣтія и несомнѣнно на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Селомъ отъ имени громады править атаманъ, но тутъ-же и резиденція сотника. Священникъ этого села втерся въ приходъ путемъ окольнымъ, помимо выбора громады, женившись на воспитанницѣ сотника. Онъ изъ молодыхъ, сторонится отъ народа, не раздѣляетъ его предковскихъ, нерѣдко суевѣрныхъ обычаевъ, борется съ предрассудками и невѣжествомъ народа, заводитъ школу для дѣтей, энергически преслѣдуетъ нравственную распущенность прихожанъ и ихъ охлажденіе къ церкви. Недовольные давно уже своимъ священникомъ прихожане, въ случайно сошедшемся кружкѣ толкуютъ о томъ, какъ-бы избавиться не милаго и строгаго священника, перечисляютъ всѣ его выдумки и затѣи, сравниваютъ его порядки и поступки съ тѣмъ, что было при прежнемъ ихъ священникѣ старикѣ, ничѣмъ не отличавшемся отъ нихъ въ жизни, не превосходившемъ ихъ въ своихъ религіозно-нравственныхъ и другихъ воззрѣніяхъ и потому не преслѣдовавшемъ того, что издавна вошло въ ихъ общую жизнь. Результатомъ этого случайнаго совѣщанія нѣсколькихъ громадянъ является рѣшимость ихъ идти гуртомъ къ протоіерею и архіерею съ письменною просьбою о перемѣнѣ священника, за составленіемъ которой они и направляются къ дьячку. Тутъ толки о винахъ священника продолжаются; подходятъ еще нѣсколько стариковъ. Дьячекъ не слушаетъ, что говорятъ, строчитъ свое, безъ подготовки и записки сочиняетъ жалобу—*суплику* (supplicare—жаловаться, доносить) въ непроглядно-темныхъ общихъ фразахъ, пересыпанныхъ церковно-библейскими словами и съ соблюденіемъ тогдашней формы прошеній; но когда онъ кончилъ и прочелъ, громада, толковавшая уже о необходимости поддержанія просьбы обычною тогда во всѣхъ сферахъ и слояхъ общества посулою, ничего не понявъ изъ прошенія, пришла въ смущеніе, изъ котораго выручилъ одинъ изъ стариковъ, заявивъ, что причина зла въ сотникѣ, вліяніемъ котораго верховодитъ священникъ, и что надо начинать съ

сотника, а потомъ уже приниматься за священника. Но какъ подобная борьба казалась почти невозможною, то собравшіеся громадяне, признавъ, что тщетно было-бы сыпать противъ вѣтра пескомъ, предпочли, какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, направиться въ корчму и запити неудавшуюся попытку водкой. Уходя, они приглашаютъ съ собою составителя прошенія, но тотъ отказывается въ виду скорого начатія вечерни.

Драматичности дѣйствія, комичности сцены въ общемъ и мелочахъ и глубокой вѣрности ея съ жизнію интермедія обязана своею долговѣчною и широкою распространенностію. Она даетъ намъ яркую картину нравовъ и понятій, господствовавшихъ въ сельской средѣ далекаго отъ насъ времени, меткими чертами рисуетъ происходившую тогда борьбу привычекъ и воззрѣній старихъ съ новопроторгавшимися и рисуетъ, надо сказать, такъ вѣрно, что многія, даже мелкія явленія можно подтвердить архивными ссылками. Такимъ образомъ помѣщаемая нами интермедія есть не только литературный, но вмѣстѣ и историческій памятникъ. Вотъ ея любопытный текстъ:

Пархимъ. Охримъ!

Охримъ. А що, Пархимъ?

Пархимъ. А нумо лишъ, свату Охриму, думати, гадати,
Якъ бы намъ попа свого у шоры вбрати.
Геть винъ силоमितю влизъ въ нашу парафію,
Та дивисъ, яку надъ нами крутить веремію.
Чого наши диды й батьки не чували,
То щобъ мы ёму на сповиди слезували.
Та щежъ выдумавъ яку затію,
Щобъ мы давали дитей у винацію! ¹⁾...

Охримъ. Геть я вамъ самъ казавъ: не дуже вы на ту оковитку! ²⁾
А въ решти хто-жъ те знавъ? винъ добрымъ казався зъ дитку.

Пархимъ. Нема на свѣти, якъ нашъ бувъ пипъ старій,
Що ёго и доси згадуе велькій и малій.

Охримъ. Та й будемо, свату, довго споминати,
Бо вже не будемо такого попа мати.

¹⁾ *Винація*—обученіе, школа, отъ лат. *vinacea* въ производ. или перен. смыслѣ.

²⁾ Намекъ на выборы священника и подпаванье при томъ водкой.

Умивъ бо, свате, изъ людьми обходиться,
 Та ще було де й горилки напиться.
 Хочъ за винчана и добре бравъ,
 Та добре объ храми й людей напувавъ.
 Попили, голубчики, теи оковитки,
 Та ще не тилько мы, але и наши дитки.
 А до сего але ниякъ и приступиться,
 Не тилько щобъ коли горилки напиться.
 Хоть и за диломъ прійдешъ, то все рыло дуге,
 А якъ чого попросишъ, то мовъ и не чуе.

Тарасъ. Нехай але то насъ не шануе,

А то й Грицька Дяденка, що ще й титаруе.

Опанасъ.

Та винъ и отамана ни въ-вищо не ставить:

Хочъ той що скаже, то винъ свое все править.

Лецько.

Хоть е за що, хоть нема, а сажас въ куну,

Ось якъ посадивъ и Хиврю, мою куму;

А то тилько за те, що согришила,

Выбачайте, якъ дижу мисила.

Хоми причастя зовсимъ не давъ,

Що до церкви йдучи, горилки покуштувавъ.

И Семена старого за то въ куну державъ,

Що якось разъ съ кумою пожартувавъ;

Педора передъ причастямъ кваши покуштувала

Та й за те въ куну весь день стояла;

Снигуръ Гарасимъ тилько въ пятинку скорому наився,

То й за то въ куну добре насыдився;

И Кирикъ Овадченко не втикъ сѣго сороба:

Залицався на Настю, а вона ёго кума;

Та й Левко Музыка три дни въ куну-жъ сидивъ,

Що куми, выбачайте, щось не до ладу зробивъ.

А Процько за куму хочъ въ куну й не сидивъ,

Такъ на саме Риздво весь день повлоны гривъ;

Зинець изъ ридною кумою женихався,

Та и за то неборава у куну попався.

Педько.

Ходимъ лишъ до дяка, та все ёму гарненько росважимо,

Та ще й хороше ёго попросимо.

Приходять до дяка.

Свиридъ. Здоровъ будь, пане дяче, якъ соби маешъ?

А за чимъ прійшли, чомъ не питаешъ?

Дякъ. Почтенніи парафіяне, извольте сидати,
Коли въ гости прійшли, то будемъ витати.

Миرونъ. Та спасмби, пане дяче, за твою ласку,
Послухай насъ, яву мы скажемо тоби казеу:
Возьми лишъ каламаръ и перо, та напиши круто,
Щобъ радили на нашего попа зализнее путо.

Дякъ. Почтенніи миряне, извольте казати;
Чернилиця готова, що маю писати?

Педько. Ой пиши, пане дяче, що не веливъ челяди колядувати,
На улицю ходити и на Купайла черезъ огонь скавати;
Объ клечинни заказавъ винцивъ робити
И тихъ въ почи на воду до рички носити.
Не вольно вже парубкамъ зъ дивчатами гуляти;
По чимъ же вони молодистъ свою будуть знати?

Охримъ. А праздныкивъ наказавъ—що може зъ пивкою буде
И щобъ кожного свята ходили до церкви вси люде.

Пархимъ. А коли жъ, пане свате, будемо робити,
Якъ станемо що свята до церкви ходити?
Старый, небижчикъ, не знавъ тихъ винацій,
Та й не було тоди ніякихъ затій:

До церкви ходили не кожнои недели,
А говили тильки тіи, котри сами хотили.
А сей же молодойъ выдумавъ таку затію:
Не сповидае, хто скаже, що *Отче нашъ* не вмію,
А хто *Тройци* не скаже, то й не причащае,
А самъ зъ дякомъ въ церкви що день галагалае.

Педько. А жежъ старый небижчикъ пиць не разъ и въ шинеу
хрестивъ,

И на Купайла скававъ, и колядувати ходивъ,
А по весилляхъ не тилько було старостуе,
—Ходить у придани, та ще було й задружкуе;
И винчавъ, небижчикъ, не тилько що зъ кумою,
А хочъ прійди до ёго изъ ридною сестрою.
Аже винъ, повійнигъ, не менше грихавъ знавъ,

Та парафіянъ своихъ такъ не мордувавъ
И хочъ мы тогда помолиться и не вмили,
А все жъ таки насущный хлибъ ѡли.

Супрунъ. Тогда, пане Педьку, и Богъ лучше годивъ,
Отъ тилько що народъ до церкви не ходивъ;
А при сѣму то и Богъ не хоче годити,
Бо цей ставъ дитей въ винаціи вчити.

Стецько. Геть правду казала небижчиця Настя,
Що не буде народъ мати билше щастя;
Бо вона бачила, якъ замирала,
Шо пятинка свята Пречисту прохала:
«Перестали люди Пречисту давно шанувати,
Не дай-же имъ щастя и доли мати.
Все кажуть: николи й погуляти;
А коли-жъ пятинку святую шанувати»¹⁾?

Федько. Чи любо дивиться на дивку Стицькивну,
Що волосъ побиливъ, та не найде соби ривню?
Бо теперъ безъ вина²⁾ не до порога.
Ось якъ дивче Иваська—небога,
Що до неи нихто и не заглядае,
Геть тимъ, що въ бодни ничого немає.

Лавринъ. Прийдется и нашимъ дочкамъ дѣвувати,
Якъ сей довго буде попувати.

Буць Илюко. Не бѣйся, пане Лецьку, не буде довго попомъ.
Отъ якъ до хурхурей вси пидемъ гуртомъ,
А тамъ якъ роскажемъ, якъ винъ нами крутить,
Або и суплику якъ розбере,
То може й самого до рукъ прибере.
Та якъ крутопопа попросимъ старого,
То, не бѣйся, заразъ дадутъ другого.
Тоди перестане намъ за шкуру сала заливати,
Вывчимо мы ёго, якъ мае попувати;
Буде випъ памятати, що робивъ тутъ тартаръ,
Якъ одъвидае хурхурейськихъ барбаръ.

¹⁾ Послѣ этого чувствуется въ обоняѣ спускагъ пропускъ.

²⁾ *Въно*, приданое.

Винтикъ. Колибъ, Нячипоре, хоть по мошличку таки зложили,
Та пиднесли-бъ хурхуреви, щобъ его виддалили;
Тай крутопопи треба щось дати,
Бо правду вазала небижчиця мати,
Що безъ грошей не доступити до пана,
Якъ безъ сукна до гетмана.

Естухъ. То правду, пане вуме, оце ты кажешъ;
Бо й цеи справы дурницею не розвяжешъ.
Пиди лишъ, влиени мого Демка кума,
Тай попросите сюда Безпалька Наума,
Вони люде стари и всюди бували,
Тобъ може й вони що небудь сказали.
А ось вони й сами сюда чимчикують...
Читай лишъ, пане дяче, нехай и вони почують.

Дякъ читае:

«Въ Бозѣ Преосвященнѣйшему, надъ Владиками
владичествующему, Божіей церкви и Христовой невѣсти
красителю, премудрѣйшему учителю, усердному всѣхъ
бидныхъ защитителю, епархіи новгороденской архіепис-
копу, смиреннѣйшему Егору Своевольскому отъ право-
славныхъ парахвіянъ села Нерушъ-мене, пресвятой елен-
ской церкви, премного грешныхъ рабовъ;

Слѣзное доношеніе:

Мы низжайшіи раби просимо и молбы дѣємо, услыши
святій, пресвятій Владико просящихъ и молящихъ Тебѣ,
припадающихъ и цѣлующихъ святѣйшіи нози твои, прося-
щихъ милосердія твоего.

Избави насъ отъ хищнаго волка, бѣснословлющаго
латинника, недостойнаго пресвитерскаго сана.

Ібо яко волеъ овцы пожераеть, а не яко пастиръ
во едино стадо собираеть, и яко левъ свирѣпствующій
ищетъ кого поглотити, тако и сей нашъ по Божому до-
пущенію, грѣхъ ради нашихъ винаціанъ. У вѣчной памяти
бувъ Хома Боголюбскій, не воспрещавшій, но еще поучав-
шій такову паству. На всякомъ мѣстѣ владычества твоего
благослови душе моя Господа!

- Наумъ.* А щожъ вы це написали?
Аже вы сами себе извязали.
Аже-жь винъ не самъ се крутить,
То все ёго панъ сотникъ учить.
- Демко.* Та винъ-же ёго сюда и втоптавъ,
Бо за нёго свою годованку видавъ.
- Терешко.* Та вже-жь, Демку, хоть грунты позбуваемъ,
А таки его съ попивства зипхаемъ.
- Супрунъ.* Ты гляди, Терешку, не дуже тупай,
Та старихъ людей послухай.
Бо въ ихъ багацько грошей и вопи розумни люде,
То куда не пидуть, то ихъ правда буде.
- Наумъ.* Треба першъ сотника спахлювати,
То тоди будемо и на попа подавати.
- Лавринъ.* Та вже жъ, Терешку, не сыпать противъ витру пискомъ,
А черезъ позовы будемо ходити пишкомъ.
Ходимъ лучше до Манайла горѣлки пити,
Чимъ маемъ, врагъ знае, що робити.
- Стецько.* Кликнить-же и дяка, нехай и винъ выпье чарку.
- Супрунъ.* Ходимъ зъ нами, пане-дяче, Марку!
- Дякъ.* Благодарю покорно за ваши привиты,
Бо йде паламаръ до церкви звонити!
-

Библиографія.

Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 г. Издавъ Л. Майковъ. С.-Петербургъ. 1884 г.

«Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ» Новицкаго изслѣдователямъ этнографіи и исторіи Сибири было извѣстно въ рукописи съ тридцатыхъ годовъ. Въ истекшемъ году это описаніе было издано обществомъ любителей древней письменности подъ редакціей Л. Н. Майкова. Изъ небольшого предисловія Л. Н. Майкова видно, что свѣдѣній объ авторѣ «Краткаго описанія», Григоріѣ Новицкомъ, очень мало, и извлекаются они почти исключительно изъ его сочиненія. Языкъ «Описанія», манера изложенія, а равно и фамилія автора несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что Григорій Новицкій былъ малороссіянинъ, по всей вѣроятности, питомецъ кіево-могилянскаго коллегіума. Новицкій былъ по невзвѣстной причинѣ сосланъ въ Сибирь въ 1712 году. Въ бытность свою въ Сибири Новицкій пользовался расположеніемъ губернатора кн. М. П. Гагарина и митрополита Филоея Лещинскаго; послѣдняго Новицкій сопровождалъ въ его путешествіяхъ для проповѣди христіанской вѣры остякамъ и вогуламъ; эти поѣздки подали Новицкому поводъ къ сочиненію «Описанія» въ 1715 г. При преемникѣ Филоея митрополитѣ Антоніѣ Стаховскомъ Новицкій назначенъ былъ въ кондинской волости надзирателемъ за исполненіемъ новокрещенными остяками христіанскихъ обязанностей и тамъ впоследствии убитъ. Изъ «Описанія» видно, что авторъ его былъ человѣкъ весьма образованный и любознательный; онъ зналъ латинскій языкъ, читалъ римскихъ поэтовъ, самостоятельно ознакомился съ прошлыми судьбами сибирскаго края по лѣтописи Саввы Есипова. Несомнѣнно, Новицкій обладалъ свѣтлымъ умомъ и энергіей. Много малороссіянъ въ разное время было заброшено на дальній сѣверъ, гдѣ

пришлось имъ быть превозвѣстниками научнаго и литературнаго развитія краевой жизни, и среди нихъ Григорій Новицкій занимаетъ почетное мѣсто. Уважаемый редакторъ изданія даетъ «Краткому описанію» слѣдующую оцѣнку: «Крайне замѣчательно сочиненіе Новицкаго по внутреннему своему содержанію. Извѣстія его о миссіонерской дѣятельности пресовъ. Филовея даютъ «Краткому описанію» значеніе первоисточника въ этомъ отношеніи; а сообщаемые имъ многочисленныя факты о древнемъ бытѣ западно-сибирскихъ инородцевъ ставятъ его на ряду съ записками старинныхъ католическихъ миссіонеровъ въ Америкѣ, наприѣръ, Лафито и Шарлева, съ «Описаніемъ Камчатки» Крашенинникова и съ описаніями путешествій кругосвѣтныхъ мореплавателей прошлаго вѣка, изъ которыхъ новѣйшіе этнографы почерпаютъ столько важныхъ извѣстій по сравнительной исторіи культуры. Относительно этнографіи сибирской это—первое по времени специальное сочиненіе. Да и вообще ему слѣдуетъ отвести почетное мѣсто въ русской ученой литературѣ петровскаго времени; въ ряду литературныхъ памятниковъ, оставленныхъ писателями, воспитавшимися на почвѣ схоластическаго направленія, не много найдется произведеній, которыя были-бы столь богаты фактическимъ содержаніемъ самаго живаго интереса»

Н. Ѡ. Сумцовъ.

Харьковскій календарь и Памятная книжка на 1885 годъ. Изданіе харьковскаго губернскаго статистическаго комитета, подъ редакціей дѣйствительнаго члена-секретаря П. С. Ефименка. Харьковъ, X, 674, 128, 41 стр. Цѣна 1 рубль.

Съ тѣхъ поръ, какъ харьковскій календарь сталъ издаваться подъ редакціей нынѣшняго секретаря статистическаго комитета, П. Е. Ефименка, онъ совершенно преобразился: изъ обыкновеннаго сборника справочныхъ свѣдѣній онъ обратился въ солидную книгу, заключающую множество интересныхъ данныхъ по харьковской губерніи. Редакторъ, очевидно, поставилъ себѣ задачу группировать въ своемъ изданіи всѣ данныя (преимущественно-же статистическія), на основаніи которыхъ можно начертать картину быта какъ города Харьковъ, такъ отчасти и всей харьковской губерніи. Въ этомъ и заключается на нашъ взглядъ задача статистическихъ комитетовъ. Никакой частный предприниматель не сможетъ дать такого календаря, какой даетъ харьковскій статистическій комитетъ, во первыхъ потому, что подъ руками у него не будетъ такихъ богатыхъ матеріаловъ, а во вторыхъ потому, что онъ не получитъ

барышей, а въ убытокъ себѣ благодѣтельствовать не пожелаетъ. Въдѣ продавать по 1-му рублю книгу, заключающую въ себѣ болѣе 53-хъ печатныхъ листовъ, врядь-ли кто согласится.

По содержанію своему харьковскій календарь распадается на три отдѣла—справочный, статистическій и литературно-научный.

Уже и первый справочный отдѣлъ заключаетъ въ себѣ интересныя свѣдѣнія (напримѣръ о количествѣ газетъ и журналовъ, выписываемыхъ въ Харьковѣ, о числѣ книгъ, напечатанныхъ въ харьковскихъ типографіяхъ); но ихъ гораздо больше во второмъ—статистическомъ отдѣлѣ; этотъ послѣдній представляетъ намъ дѣйствительное положеніе губерніи и города Харькова въ разныхъ отношеніяхъ—экономическомъ, хозяйственномъ и т. д.

Но мы не будемъ останавливаться даже и на этомъ отдѣлѣ, а обратимся непосредственно къ третьему, литературно-научному отдѣлу, болѣе интересному для читателей «Кіевской Старины».

Здѣсь мы находимъ слѣдующія статьи: 1) «Статистическіе и описательные труды по харьковской губерніи», 2) «Отходъ крестьянъ изъ харьковской губерніи», 3) Нѣсколько данныхъ о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ въ харьковской губерніи, 4) Торговля г. Бѣлополя, 5) Замѣчательные уроженцы и дѣятели харьковской губерніи, 6) Архивы харьковской губерніи, 7) Харьковъ въ семнадцатомъ столѣтіи, 8) Городъ Харьковъ полтора столѣтія назадъ, 9) Выписка изъ фамиліи записи Квитокъ и 10) Мандрованные дяки въ слободской Украинѣ. Минувъ первыя четыре статьи, остановимся только на шести послѣднихъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ южно-русской исторіи.

Въ статьѣ о замѣчательныхъ уроженцахъ и дѣятеляхъ харьковской губерніи помѣщены краткія біографіи слѣдующихъ лицъ: малорусскихъ поэтовъ отца и сына Александровыхъ, извѣстнаго русскаго писателя Григорія Петровича Данилевскаго, Ковалевскихъ, пр. Черниева, малороссійскаго поэта Я. И. Щоголева, малороссійскаго поэта Кореницкаго, извѣстнаго педагога бар. Корфа, пр. Осиповскаго, малороссійскаго поэта Писаревскаго и знаменитаго астронома Савича. Не зачѣмъ доказывать, какъ важно подводить итоги дѣятельности разныхъ лицъ, стяжавшихъ себѣ большую или меньшую извѣстность на разныхъ поприщахъ дѣятельности; достаточно сказать, что къ этому насъ побуждаетъ и нравственная обязанность, ибо это есть своего рода *jus tantum*. И мы въ значительной степени выполняемъ эти обязанности по отношенію къ наиболѣе выдающимся дѣятелямъ—ученымъ, писателямъ и т. п. Но заслуги болѣе скромныхъ, въ особенности провинціальныхъ труженниковъ, предаются забвенію. Ихъ-то именно поэтому и нужно заносить на страницы

провинціальнихъ изданій, чтобы ихъ знали по крайней мѣрѣ въ томъ краѣ, которому они посвящали свои силы и способности, и чтобы при мѣрѣ ихъ ободряли другихъ. Это до нѣкоторой степени могло бы содѣйствовать подъему энергій и общественной самодѣятельности въ провинціи; съ другой стороны полученныя такимъ путемъ цифры могли бы разрѣшить намъ любопытный вопросъ—въ состояніи-ли процвѣтанія или оскудѣнія находится научная, литературная и общественная дѣятельность въ томъ или иномъ уголкѣ нашего обширнаго отечества. Рассматривая съ этой точки зрѣнія біографіи уроженцевъ и дѣятелей харьковской губерніи, невольно наталкиваешься на грустные мысли. Болѣе выдающіяся лица сдѣлали для своего края гораздо менѣе, чѣмъ позволяли имъ ихъ таланты; иные не сдѣлали ничего. Въ видѣ рѣдкихъ исключеній являются такіа лица, которымъ удалось найти желанное равновѣсіе и которые одинаково дороги и для своего роднаго края и для всей Россіи.

Къ такимъ именно лицамъ нужно причислить Григорія Петровича Данилевскаго. Его «Украинская Старина» надолго останется настольною книгою для всякаго, интересующагося судьбами слободской Украины нынѣшней харьковской губерніи. Но эта-же самая книга была цѣлымъ владомъ и въ общую русскую историческую литературу; не даромъ-же авторъ ея былъ награжденъ уваровскою преміею отъ академіи наукъ! Въ другихъ своихъ произведеніяхъ Григорій Петровичъ Данилевскій также затрагиваетъ темы, касающіяся исторіи, археологіи и этнографіи южной Россіи. Романы изъ жизни новороссійскаго края—«Бѣглые въ Новороссіи», «Бѣглые воротились»—создали ему славу романиста.

Статья «Архивы харьковской губерніи» составлена на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя были собраны статистическимъ комитетомъ. Всякому занимающемуся и интересующемуся южно-русскою исторіею извѣстенъ тотъ грустный фактъ, что исторія слободской Украины почти совершенно не разработана. «Съ трудомъ вѣрится, говоритъ авторъ разбираемой нами статьи, «что этотъ интеллигентно ученый центръ (т. е. Харьковъ) за весь не малый періодъ своего существованія, почти ничего не сдѣлалъ для исторіи своего края, бывшей слободской Украины, и что только теперь начинаются заботы о сохраненіи источниковъ для его исторіи, теперь, когда многое безвозвратно утрачено».

Нельзя не согласиться съ этимъ. Въ настоящее время въ Харьковѣ имѣется историческій архивъ (малороссійской коллегіи), перевезенный изъ Чернигова и заключающій въ себѣ богатые матеріалы для исторіи лѣвобережной Украины, т. е. гетманщины въ XVIII и даже отчасти въ XVII вѣкѣ. Но документы бывшей слободской Украины частью отсыла-

лись въ Москву въ архивъ министерства юстиціи, а частью были разбросаны по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ. Недавно въ мѣстномъ историко-филологическомъ обществѣ было выражено желаніе по крайней мѣрѣ привести ихъ въ извѣстность для того, чтобы потомъ принять какія нибудь мѣры для сосредоточенія ихъ въ какомъ нибудь надежномъ хранилищѣ. По собраннмъ статистическимъ комитетомъ свѣдѣніямъ оказалось, что сохранились доселѣ еще нѣкоторые любопытные документы, но исключительно только XVIII вѣка; среди нихъ на первомъ планѣ нужно поставить дѣла харьковской полковой канцеляріи, ахтырской полковой канцеляріи, переписную книгу харьковскаго полка, перепись лейбъ-гвардіи майора Хруцова 4-хъ слободскихъ полковъ, комиссарскія вѣдомости и др. Въ настоящее время харьковское историко-филологическое общество обратилось съ ходатайствомъ къ подлежащимъ властямъ о передачѣ ему старыхъ дѣлъ, хранищихся при губернскомъ правленіи. Ходатайство это, нѣтъ сомнѣнія, будетъ уважено и тогда нынѣшній архивъ малороссійской коллегіи, хранящійся при историко-филологическомъ обществѣ, сдѣлается центральнымъ хранилищемъ матеріаловъ харьковской, черниговской и отчасти полтавской губерніи. Но харьковское историко-филологическое общество располагаетъ совершенно ничтожными средствами (сторублевой субсидіей и членскими взносами на такую-же сумму). Поэтому организовать и поставить прочно на ноги своего архива оно не можетъ. Остается единственная надежда на помощь правительства. Въ послѣднемъ своемъ засѣданіи историко-филологическаго общества мною была прочитана записка объ историческомъ архивѣ, принадлежащемъ обществу, гдѣ высказана мысль о необходимости болѣе прочной постановки архивнаго дѣла въ Харьковѣ; въ виду этого я предложилъ войти съ ходатайствомъ къ г. попечителю харьковскаго учебнаго округа о передачѣ архива въ непосредственное распоряженіе университета, на подобіе нумизматическаго кабинета и музея изящныхъ искусствъ, и объ ассигнованіи ему извѣстной штатной суммы. Историко-филологическое общество единогласно рѣшило войти съ такимъ ходатайствомъ черезъ историко-филологическій и юридическій факультеты къ г. попечителю округа. Если это ходатайство увѣнчается успѣхомъ, то въ Харьковѣ, по всей вѣроятности, образуется и архивная коммиссія, которая съ энергіей и любовью отнесется къ своей задачѣ; тогда судьба документовъ, разбросанныхъ по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ, будетъ вполне обезпечена и явится возможность разрабатывать и мѣстную исторію, которая играла нѣкогда столь важную роль въ обще-русскихъ событіяхъ. Извѣстный архивистъ Ник. Вас. Калачовъ отнесся съ большимъ сочувствіемъ къ мысли объ устройствѣ въ Харьковѣ истори-

ческаго архива и архивной комисіи; и это одно уже обстоятельство служить хорошимъ признакомъ.

Статья «Харьковъ въ семнадцатомъ столѣтіи» принадлежитъ мнѣ и потому распространяться о ней я не буду. Состоитъ она изъ документа, представляющаго описаніе города въ 1686-мъ году, и предисловія къ нему.

Слѣдующая статья «Городъ Харьковъ полтора ста лѣтъ назадъ» является какъ-бы продолженіемъ предшествующей. Она основана исключительно на данныхъ, заключающихся въ переписной книгѣ харьковскаго полка, составленной лейбъ-гвардіи майоромъ Хрущовымъ въ 1732 г. и хранящейся въ мѣстной казенной палатѣ. Главную массу населенія въ то время составляли козаки и ихъ подпомощники; первыхъ было — 171 дворъ, 247 хатъ и 775 душъ (мужескаго пола); вторыхъ — 422 двора, 515 хатъ и 1,531 душа (мужескаго пола); громадное большинство ихъ были малороссіяне или, какъ ихъ тогда называли, черкасы; великороссіяны, записанныхъ въ козацкую службу, было всего 13 дворовъ. Въ XVII ст. они составляли особый классъ служилыхъ людей и находились въ непосредственной зависимости отъ московскихъ воеводъ; но въ началѣ XVIII вѣка они стали записываться въ козацкую полковую службу и перешли вмѣстѣ съ тѣмъ въ вѣдѣніе слободскихъ полковниковъ. Въ переписи харьковскаго полка 1722 года мы находимъ цѣлый рядъ грамотъ, позволяющихъ такой переходъ отдѣльнымъ лицамъ. Другою видною группою населенія въ Харьковѣ были ремесленники; ихъ было 65 дворовъ, 190 хатъ и 492 души (мужескаго пола); среди ихъ встрѣчаются ткачи, шевцы, котляры, ковали, рымари, музыки, скляри, шаповалы, гончари, кравцы, кушнери, тесли, олейники, винники, солодовники, кацари. Но если въ Харьковѣ цеховые составляли менѣе видную группу, тѣмъ козаки, то въ другихъ городахъ (Ахтыркѣ, Сумакъ, Изюмѣ) козачество достигло еще большаго преобладанія. Очевидно, что въ слободской Украинѣ города по составу своего населенія отличались такимъ-же характеромъ, какъ и въ гетманщинѣ, съ тою только разницею, что въ гетманщинѣ было нѣсколько городовъ, выдававшихся по своему торговому и промышленному значенію (въ родѣ, напримѣръ, Нѣжина или Стародуба), а въ слободской Украинѣ такихъ городовъ не было ни одного. Наконецъ, третью и самую меньшую группу составляли разночинцы; въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ грековъ, армянъ, поляковъ. Въ предмѣстьяхъ города на подворьяхъ и въ хуторахъ жили *подданные* разныхъ владѣльцевъ; ихъ нужно отличать отъ крѣпостныхъ крестьянъ, приведенныхъ ихъ владѣльцами изъ разныхъ великороссійскихъ губерній. Всего въ Харьковѣ въ 1732 году считалось 950 дворовъ, 1280 хатъ и 3965 душъ (мужескаго пола); общее количество душъ обою

пола правдоподобно простиралось до 7,435 душъ. На это число приходилось 5 церковно-приходскихъ школъ съ 19 учителями, одинъ коллегіумъ, 3 шпитала и 25 шинковъ. Таковы интересныя свѣдѣнія о городѣ Харьковѣ, извлеченныя изъ переписной книги харьковскаго полка лейбъ-гвардіи майора Хруцова; такія-же свѣдѣнія имѣются относительно всѣхъ городовъ и селеній 4-хъ слободскихъ полковъ. Всѣ цифровыя данныя изъ этихъ книгъ извлечены мною и будутъ напечатаны въ Сборникѣ матеріаловъ для исторіи слободской Украйны.

Слѣдующая статья «Выписка изъ фамиліной записи Квитокъ» затрогиваетъ любопытный вопросъ о мемуарахъ, касавшихся южной Руси. Мы знаемъ, что въ слободской Украйнѣ велись записи представителями разныхъ дворянскихъ фамилій—Квитеами, Тевяшовыми, Лесевичами, Ковдратьевыми и, можетъ быть, еще многими другими. Этотъ фактъ имѣетъ полную аналогію съ тѣмъ, что мы видимъ въ гетманщинѣ, гдѣ въ теченіе XVII и XVIII в. появилось нѣсколько лѣтописцевъ, историковъ и мемуаристовъ (въ родѣ, напримѣръ, Самойла Зорки, Самуила Велича, Самовидца, Грабянки, Ханенка, Марковича и друг.). Къ несчастью даже тѣ произведенія, которыми пользовался преосвященный Филаретъ харьковскій, не дошли до насъ; не избѣжали общей участи и фамиліныя записи Квитокъ, сохранилась только незначительная выписка изъ нихъ, напечатанная теперь въ харьковскомъ календарѣ. Если судить о содержаніи записей по тому отрывку, который теперь напечатанъ, то это скорѣе была *лѣтописная замѣтка*, чѣмъ фамиліныя мемуары; но если даже большинство извѣстій тамъ относилось къ фамиліи Квитокъ, то и въ такомъ случаѣ нельзя не пожалѣть объ ихъ утратѣ, такъ какъ фамилія эта играла видную роль въ судьбахъ Слободской Украйны и ея исторія пролила-бы свѣтъ и на судьбы всей Слобожанщины. Въ приведенномъ отрывкѣ представляютъ значительный интересъ рассказы о моровой язвѣ въ харьковскомъ полку въ 1738 году и о нашествіи татарскихъ ордъ. Главное достоинство этихъ отрывочныхъ замѣтокъ заключается въ томъ, что онѣ писаны современниками и очевидцами событій; замѣтки одного члена фамиліи потомъ продолжались другими, такъ что получились записи на протяженіи почти цѣлаго столѣтія.

Наконецъ, послѣдняя историческая статья въ харьковскомъ календарѣ «Мандрванные дяки въ слободской Украйнѣ» передаетъ намъ біографію одного дячка-учителя, переходившаго изъ одного селенія въ другое; мандрванными такіе дячки назывались потому, что постоянно перекочевывали съ одного мѣста на другое; вся жизнь ихъ проходила «въ мандривахъ». Любопытный примѣръ такого мандрваннаго дячка представляетъ изъ себя и тотъ «безпаспортный» дячокъ и учитель,

Козьма Порадинъ, о свнтальческой жизни котораго разсказывается въ документѣ, разысканномъ пр. А. С. Лебедевымъ и воспроизведенномъ на страницахъ харьковскаго календаря. Происхожденіе этого оригинальнаго явленія мѣстной жизни объясняется тѣмъ рѣшительнымъ вліяніемъ, которое имѣли на выборъ священника и причетниковъ прихожане; вотъ почему такихъ-же кочующихъ священниковъ и причетниковъ мы встрѣчаемъ въ древней новгородской области, а съ другой стороны въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи; и тамъ и здѣсь отношенія прихожанъ къ священно и церковно-служителямъ опредѣлялись свободнымъ договоромъ, который, конечно, могъ быть прекращенъ, если одна изъ сторонъ плохо исполняла свои обязанности. Нельзя также не поставить этого явленія въ связь съ тою свободою передвиженія, которою въ то время пользовались всѣ классы южно-русскаго общества, начиная отъ шляхты и оканчивая *подданными*, т. е. посполитыми крестьянами. Въ Слободской Украинѣ въ частности постоянное передвиженіе населенія было еще болѣе господствующимъ явленіемъ, такъ какъ край заселялся исключительно пришлымъ людемъ, являвшимся сюда изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей. Подобно тому, какъ въ средніе вѣка въ Западной Европѣ, а потомъ и у насъ, ремесленники переходили изъ одного города въ другой съ цѣлью усовершенствованія въ своемъ ремеслѣ,—и лица, готовившія себя къ учительской или причетнической профессіи, посѣщали болѣе извѣстныхъ учителей и обучались у нихъ школьной премудрости, нотному иѣнію и т. п. Такимъ путемъ выработывалась страсть къ постояннымъ путешествіямъ, при чемъ вѣрнымъ пристанищемъ бывала школа, иногда церковный приходъ, а иногда и помѣщичій дворъ, гдѣ «мандривнымъ» получалъ кондицію. Нѣсколько любопытныхъ подробностей изъ быта такихъ мандрованныхъ дячковъ, школьниковъ и учителей можно найти въ «Украинской Старинѣ» г. Данилевскаго и въ недавно вышедшемъ отдѣльнымъ изданіемъ сочиненіи М. И. Семевскаго «Слово и дѣло».

Таковы интересныя историческія статьи, помѣщенныя въ харьковскомъ календарѣ на 1885-й годъ.

Дм. Багалъй.

*О первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода. І. Сенинова.
Спб. 1884 г.*

«Основная задача предлагаемаго изслѣдованія, говоритъ авторъ,—опредѣлить время возникновенія первоначальной новгородской лѣтописи». Въ первой части этого труда приводятся мнѣнія по вопросу о возникно-

веніи новгородской лѣтописи, уже существующія въ наукѣ. Въ этомъ перечнѣ авторъ упустилъ лишь мнѣніе, высказанное въ послѣднее время г. Голубинскимъ, который признаетъ всю Іоакимовскую лѣтопись за подлогъ¹⁾. Мы позволяемъ себѣ не согласиться съ мнѣніемъ уважаемаго ученаго и вполне раздѣляемъ мнѣніе г. Линниченка, что отношенія Татищева къ источникамъ, которыми онъ пользовался, не оставляютъ никакой возможности подозрѣвать его въ фальсификаціи²⁾. Изъ приводимыхъ г. Сениговымъ мнѣній о первоначальной новгородской лѣтописи ясно видно, «что никто изъ нашихъ ученыхъ не сомнѣвался въ древности новгородскаго лѣтописанія, при чемъ одни изъ нихъ относятъ начало новгородской лѣтописи къ первой половинѣ XI в., а другіе полагаютъ возможнымъ существованіе лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ въ X в. до Владиміра св.»

Затѣмъ авторъ разбираемой статьи анализируетъ тѣ лѣтописныя извѣстія, которыя служатъ основаніемъ для мнѣнія о существованіи лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ въ X в. до Владиміра св. Нельзя не согласиться съ г. Сениговымъ, что эти извѣстія не даютъ возможности признать этого мнѣнія. Подобныя записи, какъ о св. Ольгѣ, о мѣстѣ погребенія Олега, о построеніи Ладоги и Новгорода, объ избраніи перваго новгородскаго посадника Голтомысла и т. п., внесены въ лѣтопись изъ устъ народа, у котораго всѣ эти событія могли долго сохраняться въ памяти и переходить отъ предковъ къ потомкамъ путемъ устной передачи, и прибавимъ, съ присоединеніемъ новыхъ подробностей, создаваемыхъ народою фантазіей. Противорѣчія въ хронологіи этихъ преданій съ хронологіей «Повѣсти временныхъ лѣтъ» также доказываютъ, что всѣ эти записи нельзя считать современными самымъ событіямъ, въ нихъ описываемымъ. Если это такъ, заключаетъ авторъ, то нѣтъ основанія предполагать существованіе лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ до Владиміра св. — Намъ кажется, что авторъ не совсѣмъ правъ, дѣлая подобный выводъ. Можно сказать, что *въ дошедшихъ до насъ спискахъ новгородскихъ лѣтописей нѣтъ данныхъ, указывающихъ, что начало лѣтописанія въ Новгородѣ относится ко времени до Владиміра св., но, можетъ быть, существовали списки, которые содержали записи событій до принятія христіанства и притомъ записи, современныя самымъ событіямъ.* Авторъ останавливается на этомъ вопросѣ. Еще Срезневскій, на основаніи утраты начала синодальнаго и академическаго списковъ новгородской лѣтописи, предполагалъ, что въ Новгородѣ существовала обширная лѣтопись о древ-

¹⁾ См. его Исторію Русской Церкви и Актъ московской дух. академіи, 1881 г.

²⁾ Краледворская рукопись и Іоакимовская лѣтопись. Въ Ж. М. Н. Пр.

нѣйшихъ событіяхъ, какъ и такъ называемая Несторова ¹⁾, а недавно г. Янишъ высказывалъ мысль, что въ начальныхъ тетрадяхъ синодальнаго списка утратился не какой-нибудь клочекъ кievской «Повѣсти временныхъ лѣтъ», а самостоятельная новгородская начальная лѣтомисъ и вмѣстѣ съ нею значительное количество мѣстныхъ извѣстій и преданій о древнихъ судьбахъ Новгорода и объ отношеніяхъ его къ остальной Русн. Это предположеніе весьма правдоподобно. Г. Сениговъ старается доказать его несостоятельность на основаніи слѣдующихъ соображеній.

Первый зародышъ лѣтописей заключается въ потребности сохранить воспоминаніе о достопамятныхъ дняхъ и случаяхъ. Такими достопамятными событіями у всѣхъ народовъ считались событія политической жизни. Въ древнѣйшей жизни В. Новгорода не было такихъ событій, которыя-бы свидѣтельствовали о политическомъ ростѣ новгородской области, о расширеніи предѣловъ и т. д.; политической силы В. Новгородъ не имѣлъ и находился въ полной зависимости отъ князей кievскихъ. Стало быть, въ В. Новгородѣ не могло зародиться лѣтописаніе въ первый періодъ его исторіи. Этотъ выводъ логически вѣренъ, но не вѣрны самыя послышки этого умозаключенія. По нашему мнѣнію, категорически ставить ихъ нельзя. Укажемъ на нѣкоторые факты, ослабляющіе категоричность этихъ выводовъ. Авторъ считаетъ В. Новгородъ слабымъ, находящимся въ полной зависимости, подчиненіи у кievскихъ князей; онъ приводитъ мнѣніе С. М. Соловьева, что междоусобія въ русекой землѣ дали силы этому вольному городу. Но подъ 970 г. лѣтопись рассказываетъ, что новгородцы пришли просить себѣ князя у Святослава, который отвѣчалъ: «абы кто къ вамъ шелъ;» Ярополкъ и Олегъ дѣйствительно отказались. Новгородцы говорятъ: «аще не пойдете къ намъ, то налѣземъ князя себѣ». Неужели этотъ фактъ указываетъ на слабость В. Новгорода? Напротивъ видно, что новгородцы не церемонились съ своими князьями и третировали ихъ и въ это время уже такъ, что князья боялись сидѣть у нихъ. Угроза—отыскать себѣ князя въ другомъ мѣстѣ также могла быть слѣлана только при сознаніи своей силы. Припомнимъ дальше, что въ 1014 г. Ярославъ отказался платить дань Кіеву. Очевидно, онъ рассчитывалъ на силы Новгорода въ борьбѣ, которая неминуемо должна была открыться съ кievскимъ княземъ: Владиміръ св. уже приказалъ: «теревите путь и мосты мостите», приготовляясь идти на Новгородъ, и только смерть помѣшала ему исполнить свое намѣреніе ²⁾. Если до второй четверти XII в. кievскіе князья садили въ Новго-

¹⁾ Срезневскій, Чтеніе о лѣтописяхъ, 1862 г., стр. 16.

²⁾ Ипатск. лѣт., стр. 89.

родѣ своихъ сыновей, то это еще нисколько не указываетъ на слабость этого города. Что и самъ Новгородъ сознавалъ свою силу, и князья признавали ее, лучше всего видно изъ слѣдующаго факта. Между Святополкомъ кievскимъ и Владиміромъ Мономахомъ заключенъ былъ договоръ, по которому В. Новгородъ долженъ былъ принадлежать Святополку, а Владиміръ Волынской—Мономаху. Въ силу этого договора Святополкъ хотѣлъ отправить въ В. Новгородъ своего сына. Но новгородцы прислали въ Кіевъ пословъ, которые сказали Святополку: «се мы, княже, прислани къ тобѣ, и рекли намъ тако: «не хоцемъ Святополка, ни сына его; аще-ли двѣ головѣ имѣеть сынъ твой, то послѣи». Святополкъ долго спорилъ съ ними, но новгородцы не уступили и взяли себѣ снова Мстислава, сына Мономаха¹⁾. Если-бы В. Новгородъ былъ слабъ, неужели-бы кievскій князь такъ легко уступилъ постановленію его вѣча. Не въ половинѣ XIII в., не вслѣдствіе междоусобій на Руси возросла сила Новгорода, когда уже въ 1102 г. мы видимъ, что новгородцы грозятъ смертью князю, принять котораго не хотять. Сила В. Новгорода заключалась въ матеріальныхъ средствахъ. Что изъ Новгорода князья въ случаѣ опасности бѣгали за море для найма варяговъ (напр. Ярославъ),— это не показываетъ слабости его: средства на всемъ западныхъ дружинъ давали тѣ-же новгородцы. Кароагенъ былъ могучъ, но имѣлъ также наемныя войска и распускалъ ихъ по минованіи надобности, но, повторимъ, онъ былъ могучъ. Сила В. Новгорода заключалась въ его торговлѣ. Богатства были у Новгорода всегда, и, пока можно было нанимать въ Западной Европѣ войска, до тѣхъ поръ онъ могъ бороться со всякими притязаніями, и сила его сознавалась и уважалась современниками. Мы привели эти лѣтописныя извѣстія только потому, что авторъ разбираемой статьи не обратилъ на нихъ должнаго вниманія. Не станемъ приводить фактовъ, доказывающихъ древность торговли В. Новгорода: желающіе могутъ найти ихъ въ нашей лѣтописи, у Адама Бременскаго; они сгруппированы въ сочиненіяхъ гг. Костомарова, Аристовъ, Фортинскаго²⁾. Въ трудѣ г. Григорьева о кувическихъ монетахъ находятся указанія, что онѣ были открываемы на шведскомъ материкѣ, и еще болѣе на островѣ Аландѣ и Готландѣ. Онѣ относятся къ промежутку времени VII—X в.³⁾ Заходить на Балтійское побережье онѣ могли только чрезъ Русь, кото-

¹⁾ Ипатск. лѣт., стр. 181—182.

²⁾ Костомаровъ, Сѣверно-Русскія народоправства; Аристовъ, Промышленность древней Руси; Фортинскій, Ганзейскіе города.

³⁾ Записки одесскаго общества исторіи и древностей, 1848 г., т. II; затѣмъ въ Сборникѣ «Россія и Азія».

рая была съ востокомъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ. Слѣдовательно съ огромною вѣроятностію можно относить торговлю Новгородѣ съ берегами Балтійскаго моря еще къ VII в.

И такъ въ силѣ В. Новгорода, намъ кажется, сомнѣваться нельзя. Соглашаясь съ г. Сениговымъ, что до официального введенія христіанства въ В. Новгородѣ не могло быть тамъ важныхъ событій церковнаго характера, мы не можемъ согласиться съ нимъ въ томъ, что во внутренней жизни этого города не было фактовъ, которые могли-бы быть записаны въ первоначальной новгородской лѣтописи. Если была обширная торговля, сношенія со всѣми берегами Балтійскаго моря, то смѣло можно предположить, что было много достопамятнаго для занесенія въ лѣтопись. Исторія Новгорода стояла въ тѣсной связи съ его торговыми сношеніями. Извѣстно, что прекращеніе торговли съ югомъ или низовыми городами служило сильнымъ орудіемъ у князей въ послѣдующій періодъ для ослабленія силы Новгорода и подчиненія его своей власти. Не станемъ приводить фактовъ. Если такова была зависимость политической жизни Новгорода отъ его торговли, то понятно, что всякій выдающійся фактъ ея, всякое событіе, способствовавшее развитію его торговыхъ сношеній или приносившее имъ вредъ, могло служить матеріаломъ для первоначальной лѣтописи.

Нисколько нельзя сомнѣваться въ томъ, что письменность существовала въ Кіевѣ до принатія христіанства; несомнѣнно существовала она и въ Новгородѣ, и, насколько мы поняли, самъ г. Сениговъ не сомнѣвается въ этомъ. Кто могъ принадлежать къ числу грамотныхъ людей? Прежде всего, конечно, христіанское духовенство, существовавшее на Руси еще до Владиміра св. Въ договорѣ съ греками 944 г. читаемъ: «мы же свѣщаное все положихомъ на двою харатью, и едина харотья есть у царства нашего, на нейже есть крестъ и имена наша написана, а на другой послѣ ваша и юстье ваши» ¹⁾. Въ договорѣ 912 г. также говорится о двухъ хартіяхъ ²⁾. Не имѣло-бы никакого смысла оставлять одинъ экземпляръ договора на Руси, если-бы въ ней не было людей грамотныхъ. Договоры эти по преимуществу касаются торговыхъ сношеній Руси съ Византіей, а стало быть и точное выполненіе заключающихся въ нихъ условій интересовало главнымъ образомъ купцовъ, которые подъ договорами и подписываются. Въ договорѣ 944 г. между прочимъ находимъ; «иже посылаеми бывають отъ нихъ послы и гостье, да приносятъ

¹⁾ Ипатск. лѣт., стр. 32—33.

²⁾ Ibidem., стр. 22.

грамоту, пишуще сие ¹⁾)... Что купцы умѣли писать, это видно изъ сообщенія арабскаго писателя Ибнъ-Фозлана, видѣвшаго ихъ на Волгѣ. По его разсказу, купцы поставили на курганѣ, насыпанномъ надъ пепломъ ихъ умершаго товарища, столбъ, на которомъ написали имя покойника и имя князя, при которомъ онъ умеръ ²⁾. Слѣды хронологіи до-христіанской, когда счетъ времени велся по годамъ правленія правившаго князя, мы находимъ и въ періодъ христіанскій, на первыхъ страницахъ древнѣйшихъ лѣтописныхъ списковъ и въ похвалѣ Владиміру св. Іакова Мнѣха ³⁾. Если сохранилась такая хронологія, значить, она и употреблялась раньше, слѣдовательно существовали записи и въ языческой періодъ. Въ разсказахъ нашихъ лѣтописей, въ очень и очень многихъ мѣстахъ, видно, что писавшіе были лица не духовныя; тѣмъ съ большимъ основаніемъ можно предположить это для времени языческаго. Первоначальная лѣтопись В. Новгорода могла вестись и въ языческой періодъ людьми мірскими; въ нее могли входить записи о фактахъ внутренней жизни В. Новгорода, о его торговыхъ предпріятіяхъ, о распространеніи его колоній. Что съ утвержденіемъ христіанства, особенно въ первое время, лѣтопись слѣдитъ, главнымъ образомъ, за фактами религіозной жизни и дѣйствіями князей, а на первыхъ страницахъ дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ списковъ почти нѣтъ извѣстій о внутренней жизни, это не можетъ служить доказательствомъ отсутствія подобныхъ записей и въ тотъ періодъ, когда лѣтопись велась лицомъ не духовнымъ. Итакъ, намъ кажется, что *дѣлать категорическій выводъ* объ отсутствіи лѣтописи въ В. Новгородѣ въ періодъ до утвержденія тамъ христіанства нельзя. Можно только сказать, что *имѣющіяся у насъ лѣтописныя данныя* не могутъ служить къ утверженію мнѣнія о существованіи первоначальной новгородской лѣтописи до Владиміра св... Словомъ, лѣтописи, если основывать все дѣло на ихъ содержаніи, не говорить ни за, ни противъ. Но нѣкоторые факты, сообщаемые нашими древнѣйшими лѣтописями и другими источниками, скорѣе даютъ право предполагать существованіе въ В. Новгородѣ лѣтописныхъ записей и въ до-христіанскій періодъ.

П. Голубовскій.

¹⁾ Ипатск. лѣт., стр. 30.

²⁾ Разсказъ Ибнъ-Фозлана у Френа въ Ibn-Fozlan's und andere Araber Berichte.

³⁾ Ипатск. лѣт., стр. 10; Лавр. лѣт., стр. 17. Похвала въ послѣдній разъ напечатана у г. Голубинскаго въ Исторіи Русской церкви, т. I, стр. 2.

Писцовая книга пинскаго и клецкого княжества, составленная Станиславомъ Хвальчевскимъ въ 1552—1555 г. Изданіе виленской археографической комисіи. Вильна. 1884 г.

«Читали-ли вы писцовыя книги? А если вы ихъ не читали, то я съ вами и разговаривать не буду!» такъ рѣзко иногда обрывалъ покойный А. П. Щаповъ горячіе споры свои съ товарищами. Мы вспоминаемъ его слова не съ тѣмъ, конечно, чтобы отнестн ихъ къ нашимъ благосклоннымъ читателямъ и самимъ отказаться отъ пріятной бесѣды, но съ тѣмъ, чтобы указать на то, какое важное значеніе этимъ книгамъ придается лучшими изслѣдователями въ наукѣ русской исторіи. Хотя наши историки давно уже обратили на нихъ должное вниманіе и время отъ времени подвергали ихъ разработкѣ, тѣмъ не менѣе этотъ родъ книгъ не только еще не весь изданъ, но и изданный далеко еще не весь изслѣдованъ. Въ особенности мало писцовыхъ книгъ издано для исторіи южной и западной Россіи. Въ этомъ отношеніи виленская археографическая комисіи, надо отдать ей справедливость, сдѣлала больше другихъ. Благодаря ея неутомности, мы имѣемъ:

- 1) Ревизію пуцъ и переходовъ звѣриныхъ въ бывшемъ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ Григорія Воловича 1559 года. Вильна. 1867 г.
- 2) Ординацію королевскихъ пуцъ въ лѣсничествахъ бывшаго Великаго Княжества Литовскаго 1641 года. Вильна. 1877 г.
- 3) Писцовую книгу пинскаго староства Лаврина Войны. Часть I и II. Вильна. 1874 г.
- 4) Ревизію кобринской экономіи 1563 года. Вильна. 1876 г.
- и 5) Писцовую книгу гродненской экономіи (XVI ст.). Вильна. 1881 г.

Каждая изъ названныхъ книгъ ждетъ еще до сихъ поръ своего изслѣдователя, такъ какъ обычныя предисловія кого либо изъ членовъ археографической комисіи знакомятъ только съ памятникомъ въ самыхъ общихъ чертахъ и далеко не исчерпываютъ всѣхъ заключающихся въ немъ данныхъ. Этими словами мы вовсе не хотимъ упрекнуть авторовъ «предисловій» за то, что они не обработали своего матеріала во всемъ его объемѣ или въ какой либо части его, съ большей полнотой, но имѣемъ въ виду указать лишь на ту «жатву многу», для которой «дѣлателей» у насъ мало, да и тѣ немногіе, которые есть, не всегда знаютъ, гдѣ ея искать, и напоминаютъ судьбу крестьянъ, пускающихся зря въ отхожіе промыслы. Что дѣйствительно «жатва» въ писцовыхъ книгахъ «многа», въ добазательство этого мы позволимъ себѣ напомнить кратко объ ихъ происхожденіи и содержаніи, конечно, не для тѣхъ почтенныхъ специалистовъ, которые могутъ еще и насъ поучить. Цѣль составленія

писцовыхъ книгъ была двоякая: съ одной стороны имѣлось въ виду укрѣпить права частныхъ лицъ на владѣніе въ опредѣленныхъ границахъ и извѣстнаго рода и качества поземельной собственностью, съ другой—доставить правительству свѣдѣнія: а) о всѣхъ земляхъ и угодьяхъ извѣстной области, б) о ея населеніи и в) о податяхъ и повинностяхъ его. Попытки привести въ извѣстность и исчислить имущество, съ котораго собиралась подать, дѣлались со времени основанія русскаго государства; опредѣленіе всего это выражено въ разсказѣ Нестора лѣтописца о княгинѣ Ольгѣ, которая, съ сыномъ своимъ и дружиной, ходила по землѣ древлянъ, «устанавливающи уставы и уроки»¹⁾. Въ первое время, за недостаткомъ письменности, все основывалось на памяти, и едва-ли князья прибѣгали къ тѣмъ «чрѣтамъ и рѣзамъ», которыми сначала славяне «чѣтяху и гадаху». Въ удѣльно-вѣчевой періодъ дальнѣйшее развитіе писцовыхъ книгъ К. А. Неволинъ видитъ въ грамотѣ великаго князя Всеволода Юрьеву монастырю въ Новгородѣ, въ уставѣ новгородскаго князя Святослава о церковной дани (1137 г.) и въ уставныхъ грамотахъ (1150 г.), данныхъ смоленскимъ княземъ Ростиславомъ смоленской епископіи²⁾. Потомъ дѣло описанія продолжали въ восточной Руси монголы, а въ западной литовскіе князья, а за ними и польскіе короли. Разъ начатое дѣло продолжалось и позже, становясь все болѣе необходимымъ, постепенно развиваясь и совершенствуясь. Дальнѣйшая судьба писцовыхъ книгъ въ Россіи изложена обстоятельно въ актовомой рѣчи К. А. Неволина, читанной имъ въ с.-петербургскомъ университетѣ и помѣщенной въ томъ же томѣ «Полнаго Собранія его сочиненій» подъ заглавіемъ: «Объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи до императрицы Екатерины II» (стр. 431—517). Къ тому времени, къ которому относится писцовая книга пинскаго и клецкаго княжествъ, оно велось уже весьма обстоятельно. Въ этихъ книгахъ мы находимъ богатый матеріалъ для исторической географіи: указанія на характеръ мѣстности, перечисленіе рѣкъ, рѣчекъ, болотъ, озеръ, лѣсовъ и проч., описаніе путей сообщенія, свѣдѣнія объ административномъ дѣленіи страны, топографіи городовъ и селъ, съ опредѣленіемъ занимаемаго ими пространства, количествомъ улицъ, общественныхъ зданій, частныхъ домовъ, съ опредѣленіемъ величины усадьбъ, перечнемъ домохозяевъ, ихъ семей и съ указаніемъ на занятія жителей; въ селахъ описывалось, кромѣ вели-

¹⁾ Лавр. лѣт., т. I, стр. 25. Полагаютъ, что описаніе земель заимствовано изъ Греціи, вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства. Мы думаемъ, что потребность въ такихъ описаніяхъ возникла еще до принятія христіанства, какъ доказываетъ примѣръ кн. Ольги (Полное собраніе сочиненій К. А. Неволина. Спб. 1859, т. VI, стр. 446).

²⁾ При этомъ Неволинъ предлагаетъ гипотезу о заимствованіи обычая.

чины крестьянских надѣловъ, качество и количество обрабатываемой земли, размѣръ и все разнообразіе крестьянскихъ платежей и натуральныхъ повинностей и проч. Какъ видите, Щаповъ отчасти правъ былъ, пожалуй, упрекая изслѣдователей въ томъ, что они обходятъ этотъ главный матеріалъ для выводовъ и заключеній при рѣшеніи вопросовъ о судьбахъ общества и государства. Историческая географія, политическая экономія и статистика должны быть и будутъ, въ числѣ другихъ вспомогательныхъ наукъ исторіи, краеугольными камнями, на которыхъ только, съ увѣренностью въ прочность, и можно будетъ построить законы развитія общества. Кто-же послѣ этого не пожелаетъ, чтобы изданіе и разработка такого рода данныхъ нашли себѣ побольше преданныхъ работниковъ? Кто-же послѣ этого не порадуетъ, вмѣстѣ съ нами, выходу въ свѣтъ новой писцовой книги, заглавіе которой мы привели выше и къ обзорѣннѣ которой мы и приступимъ теперь?

Названіе «писцовая книга» усвоено только описаніямъ земель, производившимся въ восточной половинѣ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ, а рассматриваемый матеріалъ получилъ его впервые отъ своихъ издателей; въ дѣйствительности-же заглавіе книги таково: «Regestr pomierzania ziem na włoki powiatow u these kxiestwa Pynskiego, Kliczkiego» ест. ¹⁾). Это уволочное измѣреніе начато было весной 1552 года, а окончилось также весной въ 1555 году. Приказъ объ измѣреніи былъ данъ королевой Боней пинскому и клецкому старостѣ Станиславу Хвальчевскому, который, въ свою очередь, поручилъ исполненіе этого дѣла дворянину Яну Горецкому и землемѣрамъ Яну Дубовскому и Богушу Михновичу. Измѣреніе было произведено въ пинскомъ и клецкомъ княжествахъ ²⁾, которыя, принадлежа сначала князьямъ Ярославичамъ, Ивану и его сыну Теодору, перешли потомъ по наслѣдству къ королю Сигизмунду I, отдавшему ихъ въ пожизненное владѣніе своей женѣ королевѣ Бонѣ. Одной изъ главныхъ задачъ при назначеніи измѣренія земель было округленіе крестьянскихъ земельныхъ участковъ посредствомъ размежеванія ихъ съ сосѣдними землевладѣльцами, при чемъ интересы частныхъ лицъ, если они сталкивались съ интересами королевскихъ крестьянъ, всегда приносились въ жертву послѣднимъ. Издаваемому «регистру» предшествуетъ обычное предисловіе, авторомъ котораго на

¹⁾ Вообще подобныя описанія въ западномъ краѣ носятъ названіе: люстрацій, ревнзій, тарифовъ, инвентарей и проч.

²⁾ Г. Пинскъ, уѣздный городъ, и м. Клецкъ, слудкаго уѣзда, оба въ ивнско-й губерніи, были въ XVI и слѣд. вѣкахъ повѣтовыми городами брестъ-литовскаго воеводства, граничившаго на югѣ съ кіевскимъ и волынскимъ воеводствами.

сей разъ является г. Снитко. Въ своей статьѣ онъ касается всего по немножку: и экономическаго положенія крестьянъ въ королевскихъ имѣнiяхъ, и администраціи сихъ послѣднихъ, и состава населенія по профессіямъ, и количества земли въ волокахъ подъ землями разнаго назначенія, и количества населенія, съ выдѣленіемъ въ главныхъ городахъ евреевъ, и описанія городовъ и мѣстечекъ, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на состояніе православія, количество церквей и монастырей и надѣлы духовенства. Правду сказать, статья читается легко и не безъ удовольствія, хотя пониманіе ея затрудняется постояннымъ употребленіемъ древнихъ мѣръ: земельной и денежной, безъ перевода ихъ на современныя¹⁾; самый главный отдѣлъ статьи—объ экономическомъ положеніи крестьянъ—изложенъ нѣсколько неясно, и чтобы ориентироваться въ немъ, приходится прочитывать одно и то-же два, три раза. Но такъ какъ этотъ отдѣлъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и наиболѣе интересный, то мы извлечемъ изъ него общіе выводы и сопоставимъ ихъ съ имѣющимися у насъ данными о положеніи крестьянъ въ юго-западномъ краѣ. Оказывается, что повинности, наложенныя на крестьянъ пинскаго и клецакаго княжествъ королевою Боной, были ниже повинностей, въ общей сложности, ложившихся на крестьянъ по «уставѣ на волоки» короли Сигизмунда-Августа (приблизительно, будто-бы, для тяглыхъ на 65 коп., и для осадныхъ на 1 руб. 43 коп., по современному счету). Въ имѣнiяхъ-же частныхъ владѣльцевъ крестьянскія повинности были гораздо разнообразнѣе и вообще обременительнѣе, нежели въ королевскихъ. Сравнивая теперь брестъ-литовскихъ крестьянъ съ сосѣдними волынскими того-же времени, находимъ, что положеніе однихъ ничуть не было лучше положенія другихъ. Какъ брестъ-литовскіе, такъ и волынскіе крестьяне въ королевскихъ имѣнiяхъ должны были работать въ году отъ 108 до 128 дней или, перелагая натуральныя повинности на денежные, платить около 10 рублей, тогда какъ въ имѣнiяхъ частныхъ лицъ число рабочихъ дней въ году возвышалось отъ 190 до 290, что, въ переводѣ на деньги, равнялось 15—20 рублямъ. Мы не говоримъ о кievскомъ воеводствѣ, особенно южной половинѣ его, гдѣ постоянно

1) Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ авторъ говоритъ, что уволока равна 19 десятинамъ съ половиной (почти), а жеребей равняется уволокѣ; причемъ переводъ уволоки заимствуется изъ «Словаря древняго актовaго языка» г. Горбачевскаго, безъ указанія источника, а при переводѣ жеребья дѣлается ссылка на сочиненіе г. Ярошевича: «Obraz Litwy», тогда какъ гораздо лучше и проще было-бы ссылаться на наши русскіе законы («Законы гражданскіе и межевые», часть 2-я, статьи 500—502), гдѣ прямо сказано, что уволока равна 19 десятинамъ, 2010 квадратнымъ саж.; швуръ—23 саж.; служба—190 десятинамъ и 900 квадратнымъ сажениамъ; сѣнные покосы—100 копнамъ или 10 десятинамъ; моргъ—1452 квадратнымъ сажениамъ, а жеребей—20 десятинамъ.

крестыянскія повинности и платежи были не высоки, вслѣдствіе близости Запорожья и частыхъ побѣговъ туда крестыянъ, искавшихъ приволья и независимости. Къ концу XVIII столѣтія число рабочихъ дней на Волинн увеличилось до 320; въ пинскомъ и клецкомъ повѣтахъ, само собою разумѣется, оно должно было быть не меньше, если еще не больше. Окраины-же кievскаго и подольскаго воеводства и въ это время находились въ болѣе выгодныхъ условіяхъ.

Характеръ землевладѣнія былъ подворный, хотя есть указаніе и на общинный; напримѣръ: въ селѣ Матвѣевичахъ, послѣ исчисленія крестыянскихъ надѣловъ (средній надѣлъ въ обоихъ княжествахъ равняется 20 десятинамъ или одной уволокѣ), говорится, что крестыяне *«rzyeły wszysthkimъ zywolemъ na czynszu w tymъ ze obrubye szochu nye rozganianychъ wlokъ 3 (60 десятинъ) grunthu szrednyego»*. Подобныя-же указанія встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ вниги. Пожертвованіе крестыянами земли въ пользу церквей («мужицкое наданье», фундушъ) въ свою очередь служить, по нашему мнѣнію, доказательствомъ общиннаго землевладѣнія.

О католическихъ церквяхъ и монастыряхъ, равно какъ и объ ихъ служителяхъ упоминается рѣдко, вслѣдствіе того, конечно, что католицизму въ это время далеко не принадлежала здѣсь преобладающая роль и всюду, напротивъ, господствовало православіе, хотя польская колонизація края уже даетъ себя чувствовать и сказывается въ языкѣ.

Евреи въ пинскомъ и клецкомъ княжествахъ составляли самый незначительный процентъ (въ городахъ около 4%). Изъ 28 домохозяевъ въ Пинскѣ, напримѣръ, только два занимались земледѣіемъ, остальные довольствовались усадьбами и огородами въ городѣ и принадлежали, по мнѣнію г. Снитко, къ торговцамъ; въ селахъ-же, какъ видно изъ нѣсколькихъ примѣровъ, евреи чаще всего отдавались земледѣлію (стр. 75 и 76).

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе этой богатой новыми и при томъ, что особенно важно, точными данными.

Въ заключеніе пожелаемъ, чтобы въ будущемъ изданіе всякаго рода люстрацій, ревизій, тарифовъ и другихъ книгъ со статистическимъ матеріаломъ приняло болѣе широкіе размѣры, пбо только цифры могутъ дать незыблемое основаніе историческому знанію. Старая, правда, это истина, но она долго еще будетъ нова.

И. Каманинъ.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

КЪ СТАТЬѢ Г. ВЕРХИНА „О ПОСОЛЬСТВАХЪ ВЛАДИМИРА СВ. ДЛЯ ИСПЫТАНІЯ ВѢРЫ“¹⁾.

Нельзя сказать, чтобы исторія нашего древняго періода изобиловала источниками, а поэтому всякое новое извѣстіе, дополняющее наши свѣдѣнія, встрѣчается съ большимъ интересомъ. Извѣстіе Іегуды о посольствѣ Владимира св. въ Хозарію для испытанія вѣры іудейской несомнѣнно заслуживаетъ полнаго вниманія, но признать его достовѣрность можно только послѣ тщательнаго критическаго изслѣдованія. Главнымъ образомъ вопросъ о подлинности самого этого документа можетъ быть рѣшенъ только ориенталистами. Въ настоящей нашей замѣткѣ мы хотимъ сказать лишь нѣсколько словъ о легендѣ лѣтописной, которую подвергаетъ разбору и г. Берхинъ.

Г. Гаркави въ своемъ разборѣ извѣстія Іегуды указываетъ весьма справедливо, что въ Кіевѣ были евреи при Владимірѣ св. и что поэтому испытать іудейскую вѣру можно было, и не посылая въ Хозарію. Г. Берхинъ, возражая г. Гаркави, говоритъ, «что это возраженіе можно съ такой-же силой направить и противъ подлинности такъ называемой лѣтописи Нестора». Онъ приводитъ цѣлый рядъ извѣстныхъ доказательствъ о существованіи въ Кіевѣ христіанъ и до Владимира св. и при немъ и въ заключеніе спрашиваетъ: «для чего Владиміръ св. отправилъ пословъ въ Грецію, когда онъ могъ

¹⁾ «Кіевская Старина» 1884 г. Декабрь.

увидѣть христіанское богослуженіе въ самомъ Кіевѣ?» Совершенно вѣрно. Если было безъ всякой нужды отправлено посольство въ Грецію, то могло быть послано и въ Хозарію. Но тутъ произошло недоразумѣніе. Г. Берхинъ ошибочно предполагаетъ, будто наукой признается фактъ отправки посольства въ Грецію: онъ отрицается, какъ и фактъ посольства въ Болгарію. Посольства были не нужны, потому что представители христіанства, мусульманства и іудейства были тогда въ Кіевѣ, какъ въ важномъ торговомъ центрѣ. Тутъ путями греческимъ, залознымъ и соленнымъ сходились купцы изъ Греціи, Хозаріи и культурнаго арабскаго юга. Фактъ посольства въ Грецію не подтверждается при томъ извѣстіями иностранныхъ писателей. Византійскіе хроникеры рассказываютъ о крещеніи св. Владиміра, о женитьбѣ его на Аннѣ, но ничего не упоминаютъ о посольствѣ для испытанія вѣры. Нужно замѣтить, что византійцы были народъ весьма самолюбивый. Они могли умолчать о завоеваніи руссами Корсуни (Херсонеса), но не преминули-бы рассказать о подавляющемъ впечатлѣніи, произведенномъ на руссовъ пышностью и торжественностью ихъ богослуженія. Кедринъ и другіе не преминули-бы разукрасить это событіе, какъ льстившее ихъ національной гордости. Писатель западный, Дитмаръ Мерзебургскій, также знаетъ о крещеніи св. Владиміра и его женитьбѣ на Аннѣ, которую смѣшиваетъ съ Еленой, но ему ничего неизвѣстно о посольствѣ для испытанія вѣры. Говорятъ объ этомъ событіи и восточные писатели, Ибнъ-эль-Атиръ и Яхія антиохійскій. Они раскрываютъ намъ дѣйствительную причину фактовъ. Императоры Василій и Константинъ просили у Владиміра помощи, обѣщая выдать за него свою сестру. Крещеніе совершилось, и съ обѣихъ сторонъ было исполнено условіе ¹⁾. Таково извѣстіе Ибнъ-эль-Атира, заслуживающаго полного нашего довѣрія по своей добросовѣстности и обширнымъ свѣдѣніямъ ²⁾. Оказывается, что внутреннія неурядицы въ самой Византіи дали толчекъ къ женитьбѣ Владиміра св. на Аннѣ. Стало быть,

¹⁾ D'Ohsson. Les peuples du Caucases, pag. 240.

²⁾ О немъ см. «Записки академіи наукъ», по I и III отд. 1854 г., т. II, а также Defrémerey. Fragments des géographes et d'historiens... О Ибнъ-Яхія антиохійскомъ см. статью г. Флоринскаго въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ: «Новыя книги по южно-славянской исторіи».

извѣстіе лѣтописи о посольствахъ для испытанія вѣръ не можетъ быть признано исторически достовѣрнымъ. Такимъ образомъ, фактъ посольства въ Хозарію отрицается не вслѣдствіе умолчанія о немъ лѣтописи, а вслѣдствіе непризнанія достовѣрнымъ *всего* разсказа лѣтописи о всѣхъ посольствахъ для испытанія вѣръ.

Г. Берхинъ дѣлаетъ остроумное замѣчаніе, что разсказъ о крещеніи Руси былъ написанъ послѣ взятія Іерусалима крестоносцами. Это по нашему мнѣнію вполнѣ вѣрно. Въ самомъ дѣлѣ, не могли-же іудейскіе проповѣдники говорить: «и предана бысть земля наша христіанамъ»¹⁾, пока крестоносцы не основали іерусалимскаго королевства. Слѣдовательно весь разсказъ о принятіи Владиміромъ св. христіанства явился въ послѣдней своей редакціи послѣ 1099 г. Источниками этого разсказа признаются: Палея, житія Владиміра св. Іакова Мниха, исповѣданіе вѣры Михаила Синкела²⁾, но несомнѣнно также сюда вошли и народныя преданія, а можетъ быть и мѣстныя русскія литературныя произведенія, существовавшія до составленія лѣтописнаго свода Сильвестромъ. «Се-же не свѣдуше право, глаголють, яко крестился есть въ Киевѣ, инии-же рѣша въ Василевѣ, друзии-же рѣша, ино сказующе», говоритъ Сильвестръ³⁾. Итакъ Владиміръ св. крестился въ Корсунѣ, въ Киевѣ, въ Василевѣ и еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Существовало значитъ нѣсколько преданій, привязанныхъ къ извѣстнымъ мѣстностямъ; можетъ быть, каждое изъ нихъ существовало въ формѣ литературнаго произведенія. Но несомнѣнно, что народныя преданія, съ характеромъ своего особеннаго творчества, послужили въ сильной степени для послѣдняго редактора: живость и юморъ—вотъ двѣ характеристическія черты всего разсказа о крещеніи Руси. Народная память разукрасила фактъ, расширила его несуществовавшими подробностями. Выкиньте исповѣданіе вѣры, поученіе о вѣрѣ греческаго философа, что все есть несомнѣнная вставка; оставьте только діалогъ Владиміра св. съ этимъ философомъ въ видѣ краткихъ вопросовъ и отвѣтовъ, и тогда весь разсказъ о приходѣ проповѣдниковъ и о докладѣ возвратившихся пословъ приметъ харак-

¹⁾ Ипатск. лѣт., стр. 57.

²⁾ См. работы: Сухомлинова, Бестужева-Рюмина, Костомарова и др.

³⁾ Ипатск. лѣт., стр. 76.

теръ народной пьесы, въ родѣ вертепнаго представленія объ Иродѣ. Южно-русскій народный юморъ, который былъ таковъ-же прежде, какъ и теперь, вывелъ на сцену своихъ сосѣдей и заставилъ ихъ предстать въ комическомъ видѣ, не упустивъ случая посмѣяться надъ врагомъ и недругомъ. Составитель лѣтописи сгладилъ нѣсколько этотъ колоритъ народнаго творчества, внесъ поученіе и исповѣданіе вѣры, а также то извѣстіе обо всѣхъ этихъ событіяхъ, которое существовало, можетъ быть, въ какомъ-нибудь письменномъ документѣ. Интересно, что рассказъ Ибнъ-эль-Атира въ одномъ мѣстѣ вполне согласенъ съ лѣтописнымъ. Хозарское владычество заставило тѣсно сблизиться Русь съ Хозаріей. Припомнимъ, что титулъ «каганъ», придаваемыйъ митрополитомъ Иларіономъ русскому князю, есть наслѣдіе хозарское. Въ южной Руси до сихъ поръ сохранились названія: Козаровка, Козари, Козаричи, что ясно указываетъ на пребываніе козаръ среди туземнаго населенія. Тѣмъ болѣе они должны были существовать въ Кіевѣ.

Остановимся еще на одномъ соображеніи г. Берхина. Предположеніе, что лѣтописецъ или составитель духовнаго званія выпустилъ извѣстіе о посольствѣ къ хозарамъ по своей враждѣ къ іудейству и евреямъ, не имѣетъ твердаго основанія. Наша лѣтопись отличается вообще большою религіозною и національною терпимостью. Лѣтописцы наши готовы были представить всѣхъ иностранцевъ, не только евреевъ, въ смѣшномъ видѣ, рассказать ужасныя вещи про ихъ нравы и обычаи, но нѣтъ у нихъ нигдѣ при этомъ и тѣни враждебности. Что-же касается евреевъ, то въ рассказѣ о крещеніи Руси лѣтопись не только не относится къ нимъ враждебно, но даже какъ-бы старается охотить ихъ, не позволяетъ въ отношеніи ихъ ни одной насмѣшки, никакого преувеличенія. Прочтите, что рассказывается въ этой повѣсти о католикахъ, а особенно о магометанахъ. Ничего подобнаго лѣтопись не допускаетъ, говоря объ евреяхъ.

Извѣстіе Іегуды само по себѣ можетъ быть не поддѣлано, потому что и въ древности, и въ средніе вѣка не было цѣли этой поддѣлки, но нужно доказать, что дѣйствительно существовалъ съ давнихъ поръ (съ древности) этотъ документъ, эта бумажка или пергаментъ съ надписью, что эта бумажка съ этою надписью не есть плодъ поддѣлки ни собирателя коллекціи рукописей, ни болѣе

ранняго владѣтеля, знакомыхъ, по всей вѣроятности, съ русской исторіей. Словомъ, повѣрить можно тогда, когда вполне ясно будетъ представлена исторія рукописи, при чемъ ни малѣйшаго вниманія не должно быть обращено на сообщенія собирателя коллекціи. Исторія рукописи, ея переходы изъ рукъ въ руки, должны быть прослѣжены какъ можно тщательнѣе. Когда ориенталисты разскажутъ намъ эту исторію, укажутъ, подлинникъ-ли это или копія, и если копія, ясно обнаружатъ, что оригиналъ существовалъ или существуетъ и гдѣ именно, только тогда извѣстіе Іегуды можно будетъ принять, какъ доказательство вѣрности во всѣхъ подробностяхъ лѣтописнаго разсказа о посольствахъ къ Владиміру св.

П. Голубовскій.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ НАХОДКИ ВЪ ГОМЕЛЬСКОМЪ УѢЗДѢ МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Года два назадъ, когда я уѣзжалъ въ Гомель, Владиміръ Бонифатьевичъ Антоновичъ не преминулъ, по обыкновенію, попросить и меня поискать на мѣстѣ моего жительства археологическихъ памятниковъ.

Мнѣ дѣйствительно удалось кое-что ъесли не найти, то разузнать, и какъ гомельскій уѣздъ принадлежитъ къ мѣстностямъ, наименѣе изслѣдованнымъ въ археологическомъ отношеніи, то полагаю, что сообщаемыя теперь мною свѣдѣнія не сѣуть лишними для нашихъ археологовъ.

Свѣдѣнія, которыя хочу здѣсь передать, получены мною, главнымъ образомъ благодаря М. М. Филонову. Состоя болѣе двадцати лѣтъ землемѣромъ въ имѣніи князя Паскевича, онъ собралъ, согласно желанію князя, значительную коллекцію древностей, которая и хранится въ гомельскомъ дворцѣ князя.

Наибольшее число предметовъ найдено на берегу озера, которое на картѣ генеральнаго штаба обозначено подписью: «оз. Козарино», а по мѣстному «озеро Козара». Находится оно на лѣвомъ берегу р. Сожа (съ которымъ сливается во время весенняго разлива) верстахъ въ 40 отъ устья рѣки, противъ села Новые Дят-

ловичи, расположеннаго на противоположномъ берегу рѣки. Озеро имѣетъ форму буквы С, написанной обратно—отверстіемъ къ рѣкѣ.

Исторія произведенной здѣсь раскопки очень своеобразна.

Однажды г. Филоновъ работалъ надъ измѣреніемъ земли возлѣ озера и замѣтилъ, что весь восточный берегъ его усѣянъ небольшими курганами, разбросанными безъ всякой системы на значительномъ пространствѣ. У него явилось желаніе ознакомиться съ содержаніемъ кургановъ, но не имѣя свободнаго времени, по причинѣ спѣшной работы въ другой мѣстности, онъ обратился къ одному изъ крестьянъ сосѣдней деревни съ такимъ предложеніемъ: если онъ раскопаетъ указанный ему курганъ и найдетъ какую-нибудь вещь, глиняную, каменную или металлическую, то получить за нее рубль, хотя-бы эта вещь была негодна ни для какого употребленія. Черезъ нѣкоторое время крестьянинъ явился къ г. Филонову: «Пожалуйте, баринъ, рубль!» — «За что?» — «А вотъ за это!» и крестьянинъ подалъ мѣдный браслетъ, найденный имъ на ногѣ скелета въ курганѣ. Черезъ нѣкоторое время опять явился тотъ-же крестьянинъ: «Пожалуйте, баринъ, и другой рубль вотъ за эту штуку». На этотъ разъ онъ принесъ еще браслетъ, снятый съ руки того-же скелета.

Г. Филоновъ сообщилъ князю о козарскихъ курганахъ и о найденныхъ тамъ браслетахъ. Князь поручилъ ему распорядиться относительно раскопки этихъ кургановъ, при чемъ и самъ пожелалъ присутствовать на мѣстѣ раскопки, когда все уже будетъ готово. Г. Филоновъ послалъ рабочихъ къ оз. Козара и приказалъ имъ снимать верхи кургановъ, пока не наткнутся на скелетъ или на какой-либо предметъ, а если ничего не найдутъ, то копать до цѣлины. Когда такимъ образомъ было препарировано около двадцати кургановъ, пріѣхалъ г. Филоновъ и затѣмъ князь съ семействомъ. Изъ кургановъ выбрали всѣ предметы, которые признаны были достойными вниманія, и приобщили ихъ къ археологической коллекціи въ гомельскомъ дворцѣ князя.

Г. Филоновъ доставилъ мнѣ возможность ознакомиться съ этой коллекціей; съ помощью горнаго инженера М. П. Мельникова составлено мною слѣдующее описаніе археологическихъ предметовъ, найденныхъ въ гомельскомъ уѣздѣ.

Прежде всего предметы, найденные во время описанной выше раскопки козарскихъ кургановъ:

Два глиняныхъ кувшина, въ 4 и 8 д. высоты, по формѣ похожи на нынѣшніе молочные кувшины. У каждаго по 2 ушка съ дырочкой. Снаружи—орнаментъ въ видѣ зигзагообразной линіи.

Бѣлый глиняный горшечекъ, около 5 д. высоты. Снаружи—орнаментъ изъ зигзагообразной линіи въ три пояса.

Глиняная «мысочка», величиною въ обыкновенную тарелку; по формѣ похожая на теперешнія.

Каменный топоръ изъ мелкозернистаго гранита, около 5 д. высоты. Неполированъ, очень грубой работы. Найдень на ребрахъ скелета.

Ожерелье изъ семи продолговатыхъ зеренъ, около полудюйма длиною—пять сердоликовыхъ и два янтарныхъ. Зерна различной формы—цилиндрическія, призматическія и проч. Всѣ отшлифованы и хорошо полированы. Попали-ль эти зерна на одну нитку случайно, или-же потому, что найдены были въ одномъ курганѣ—свѣдѣній не имѣется; это замѣчаніе относится и къ остальнымъ ожерельямъ: на предметахъ коллекціи имѣется одна лишь надпись—въ какой мѣстности предметы найдены.

Ожерелье изъ нѣсколькихъ десятковъ одинаковыхъ зеренъ синеватаго цвѣта, лишь немного больше зеренъ проса.

Ожерелье изъ 30-ти зеренъ длиною отъ $\frac{2}{3}$ до $\frac{1}{4}$ дюйма; преимущественно стекляныя, нѣкоторыя—будто фарфоровыя. Формы самой разнообразной. Нѣсколько штукъ, изъ числа имѣющихъ цилиндрическую форму, позолочены снаружи; остальные по цвѣту бѣлыя, синія, желтоватыя и черныя.

Два браслета красной мѣди, сдѣланные изъ проволоки.

Семь мѣдныхъ колець для пальцевъ. Два изъ нихъ плоской формы, широкія, съ орнаментомъ въ видѣ какихъ-то фигурокъ.

16 серебряныхъ ушныхъ колець, серегъ.

8 подвѣсковъ къ серьгамъ изъ какого-то сплава. Состоятъ изъ пластинокъ, причудливо по краямъ обрѣзанныхъ,—такъ что можно принять ихъ, при пылкомъ воображеніи, за намеки на изображенія животныхъ. Формы различной.

7 подвѣсковъ къ серьгамъ изъ какого-то сплава,—замѣчательно изящной формы. Сдѣланы изъ тончайшей проволоки (филигреновыя) и имѣютъ видъ ажурныхъ бубенчиковъ.

Изъ козарскихъ кургановъ только три желѣзныхъ предмета попали въ коллекцію: что-то въ родѣ клинка кинжала, гвоздь въ 3 д. длиною и обыкновенное огниво.

Къ великому сожалѣнію, во время раскопки на берегу озера Козара никто никакого журнала не велъ, и потому не осталось никакихъ по этому предмету свѣдѣній. Воспоминанія г. Филонова, за давностію времени, ступеваются относительно подробностей. Однако-жъ онъ съ увѣренностію утверждаетъ, что во 1-хъ, чуть-ли не въ каждомъ курганѣ попадались человѣческія кости (одинъ скелетъ головы попалъ и въ коллекцію, а вещи найдены лишь въ нѣсколькихъ изъ числа раскопанныхъ кургановъ, и во 2-хъ, что кости и вещи лежали на уровнѣ земли, т. е. что при погребеніи покойниковъ не дѣлали углубленій въ почвѣ—могилъ не копали.

Кромѣ поименованныхъ предметовъ, найденныхъ возлѣ озера Козара, въ коллекціи князя Паскевича есть еще слѣдующіе предметы, найденные въ другихъ мѣстахъ гомельскаго уѣзда.

Нѣсколько глиняныхъ черепковъ, вѣроятно изъ большой урны, съ острымъ коническимъ дномъ,—самой первобытной грубой работы. Черепки оволо дюйма толщины, снаружи красно-желтые, а съ внутренней стороны—черные. На нѣкоторыхъ простой орнаментъ. Найдены возлѣ села Осовцы, въ 6-ти верстахъ на ю.-з. отъ Гомеля.

Обручъ изъ сплава въ родѣ бронзы, $\frac{3}{4}$ арш. длиною. Состоитъ изъ четырехъ нитокъ проволоки, сплетенныхъ въ видѣ обыкновенной веревки. Концы застегиваются, обвивая другъ друга, подобно концамъ обруча на боченкѣ. Найдень на шеѣ скелета въ курганѣ возлѣ м. Добруша, на рѣкѣ Ипути, въ 30 верстахъ отъ Гомеля.

Два каменныхъ топора, съ сквозными отверстіями, найденные крестьянами въ полѣ, при раскопкѣ нови, — одинъ возлѣ деревни Вылевъ (7 верстъ отъ Гомеля, на сѣверо-западѣ), а другой возлѣ села Волковичи, на рѣкѣ Ипути, выше Добруша. Послѣдній изъ нихъ (5 $\frac{3}{4}$ д. длины) изъ зеленоватаго порфира; онъ представляетъ рѣдкій и поразительный примѣръ красоты и изящества, какъ по формѣ, такъ и по чистотѣ отдѣлки; украшенъ кольцевымъ валикомъ вокругъ отверстія. Не имѣетъ ни малѣйшей царапинки и вообще такъ хорошо сохранился, будто только что вышелъ изъ рукъ художника-мастера. Можно полагать, что этотъ топоръ предназначался не для

обыкновеннаго практическаго употребленія, а служилъ атрибутомъ какого-либо сана или священнодѣйствія.

Слѣдуетъ еще упомянуть о костяхъ мамонта и другихъ допотопныхъ животныхъ, которыхъ достаточное количество собрано въ коллекціи князя Паскевича. Г. Филоновъ сообщилъ, что подобныя кости ежегодно обнажаются весною на берегахъ Сожа, версть 15 ниже Гомеля, возлѣ селъ Бобовичи и Терешковичи.

Полагаю, что нашимъ археологамъ пригодятся и свѣдѣнія, собранныя мною относительно мѣстонахожденія въ гомельскомъ уѣздѣ кургановъ и городковъ.

Курганы находятся возлѣ селъ: Абрамовки, Жгуня, Студеной Гуты, Осовець, Якубовки и возлѣ Романовскаго парома.

Городки возлѣ Добруша, Любень, между Покалюбичами и Хохлицей, между Иваками и Хохлицей.

Послѣ этого я въ правѣ разсчитывать, что Владиміръ Бонифатьевичъ не откажется посѣтить нашъ уѣздъ съ археологическою цѣлью. На сочувствіе и содѣйствіе князя Паскевича въ его обширныхъ владѣніяхъ можно съ увѣренностью разсчитывать. Чтобы еще болѣе подвинуть къ этому дѣлу нашего уважаемаго археолога, я ему напомню одно обстоятельство. Въ 1873 году я уѣзжалъ на жительство въ г. Лубны, и Владиміръ Бонифатьевичъ тоже напутствовалъ меня пожеланіями доставить ему археологическія свѣдѣнія. Результатомъ моихъ сообщеній была хорошо извѣстная всѣмъ археологамъ раскопка, произведенная въ с. Гонцахъ г. Каменскимъ и г. Теофилактовымъ. Можетъ и теперь посчастливится...

До сихъ поръ гомельскій уѣздъ совсѣмъ неизвѣстенъ относительно археологическихъ памятниковъ; но, какъ видно изъ приведеннаго сообщенія, вовсе не потому, что этихъ памятниковъ нѣтъ, а потому лишь, что такая уже доля радимичей съ незапамятныхъ поръ. Оказывается однако-жъ, что хотя почтенные здѣшніе аборигены и имѣли странную натуру (сохраненную и до сего дня) бѣгать Волчьа Хвоста, тѣмъ не менѣе и послѣ нихъ остались историческіе памятники. Впрочемъ я боюсь, чтобы господа археологи не вздумали доказывать, будто эти памятники остались послѣ тѣхъ, кому радимичи такъ смиренно платили по шелягу отъ рала (встати и помянутое озеро называется такимъ именемъ)...

А. Лоначевскій.

ГЕТМАНСКІЙ ГОРОДЪ.

Въ любопытной замѣткѣ г. Баяя о Гадячскомъ рукописномъ сборникѣ XVIII ст., помѣщенной въ декабрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1884 годъ, о самомъ Гадячѣ сказано лишь нѣсколько словъ. Но подобныя замѣтки вызываютъ собою цѣлый рядъ историческихъ воспоминаній, и только иллюстрируемая ими всякая такая замѣтка способна оживить заглохшую старину. Хочу поэтому дополнить почтеннаго автора, къ его немногимъ словамъ о Гадячѣ хочу прибавить еще нѣсколько словъ.

Я назвалъ Гадячъ гетманскимъ городомъ не въ смыслѣ постоянной резиденціи гетмановъ. Въ этомъ смыслѣ ни одинъ малорусскій городъ не можетъ быть названъ такимъ именемъ. Гетманство въ томъ видѣ, какъ оно прошло въ исторіи, и не могло имѣть постоянной резиденціи. Это была особаго рода военно-административная функція, доведенная едва не до степени верховной власти силою исключительнаго положенія народа, но случайная и временная, какъ и самое это положеніе. Въ вихрѣ кровавой борьбы и случайностей военнаго счастья, гетманская власть витала на всемъ пространствѣ борьбы и не могла установиться на одномъ мѣстѣ прочно и на долго, пока сама не испарилась съ измѣненіемъ политическаго положенія народа. Самъ «батько козачій» всю жизнь носился на поляхъ битвъ и лишь кости свои сложилъ въ родномъ ему Суботовѣ. Наиболѣе продолжительное время резиденціею гетмановъ былъ Глуховъ, за нимъ Гадячъ въ гетманство Брюховецкаго и потомъ Батуринъ при Мазепѣ и Разумовскомъ. Но Гадячъ сверхъ того былъ жалусемъ въ собственность тремъ гетманамъ и потому ему по преимуществу можетъ принадлежать названіе гетманскаго.

Гадячъ основанъ въ 1634 году польскимъ шляхтичемъ *Жолкевскимъ*. Съ присоединеніемъ Малороссіи къ московскому государству, городъ этотъ царскою грамотою 1654 г., марта 24 дня, со всѣми угодьями, составлявшими имѣніе королевское, пожалованъ былъ въ вѣчность гетману Богдану Хмельницкому и его потомкамъ. Въ 1726 году, 25 іюля, князь Меншиковъ получилъ отъ Екатерины I во владѣніе Гадячъ съ принадлежащими къ нему мѣстечками, селами и слободами; но въ малолѣтство Петра II сильный временщикъ, помолвивъ за него дочь свою, вмѣсто Гадяча взялъ себѣ

лучшія и доходнѣйшія мѣста. Императрица Анна Іоанновна, въ 1730 году, подарила Гадачъ гетману Данилу Апостолу († 17 января 1734 года), а Екатерина II пожаловала тотъ-же городъ въ потомственное владѣніе графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому, при увольненіи его отъ гетманства въ 1764 году, 10 ноября. Но въ 1785 году императрица выкупила въ казну Гадачъ съ волостью, гдѣ считалось крестьянъ 9,948 душъ мужескаго пола, заплативъ 596,880 рублей, т. е. по 60 рублей за душу. Въ 1791 году Гадачъ съ округомъ былъ причисленъ къ кievскому намѣстничеству, а въ 1802 году, 9 марта, вошелъ въ составъ полтавской губерніи.

Вотъ важнѣйшія историческія событія, свидѣтелями которыхъ былъ Гадачъ.

Когда писарь Хмельницкаго Выговскій, принявъ сторону Польши, достигъ гетманства, имъ заключенъ былъ здѣсь (1658 года, 16 сентября) договоръ съ крымскимъ ханомъ и польскимъ королемъ. Ведя потомъ войну съ Москвою, Выговскій въ 1659 году цѣлыя три недѣли держалъ Гадачъ въ осадѣ и снялъ ее лишь послѣ того, какъ всѣ его приступы съ великою потерею были отражены донскимъ козачьимъ полковникомъ Ефремовымъ, а за Днѣпромъ появился Юрій Хмельницкій и провозглашенъ гетманомъ. Выдержавшіе осаду жители Гадача, за вѣрность царю, получили въ награду, въ числѣ 922, по полтинѣ на брата. Во время возстанія Мартина Пушваря, нѣжинскій полковникъ Григорій Гуляницкій взялъ приступомъ этотъ городъ, державшій тогда сторону соперника Выговскаго. Въ памятную эпоху вторженія Карла XII въ Украину Гадачъ былъ занятъ шведами и, осажденный войсками Петра I-го, видѣлъ подъ стѣнами своими самаго Карла, поспѣшившаго на помощь осажденнымъ.

Бывъ такимъ образомъ не разъ мѣстомъ и предметомъ военныхъ дѣйствій, Гадачъ имѣлъ укрѣпленіе, слѣды котораго замѣтны еще и теперь въ той части города, которая обращена къ р. Пслу. Гадачъ долгое время былъ полковымъ городомъ сперва лубенскаго, а потомъ и собственнаго имени полка. Нѣкоторое время, какъ сказано выше, онъ былъ и гетманскою резиденціею. Здѣсь имѣлъ свое мѣстопребываніе гетманъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій, убитый въ маѣ 1668 года въ мѣст. Опошнѣ (зеньковскаго уѣзда). Внутри гадачскихъ укрѣпленій находился замокъ, а въ немъ дере-

ванный дворецъ гетмана. Здѣсь-же была и полковая деревянная церковь Богоявленія Господня, построенная тѣмъ-же гетманомъ Брюховецкимъ: въ ней онъ и былъ погребенъ. Въ настоящее время не осталось никакихъ слѣдовъ прежнихъ укрѣпленій, а равно церкви и замка.

Къ городу Гадячу приписаны были села: Вельбовка, Свиарное, Лютенька, Будище, Плѣшивецъ, Книшовка, Подолки, Капустинцы, Сергѣевка, Липовая Долина, Красная Лука, Крутьки и деревня Млины, за исключеніемъ жительствовавшихъ въ этихъ мѣстахъ козаковъ. Эти имѣнія составляли такъ называемый *гадячскій ключъ*.

Каковъ былъ гербъ города Гадяча въ прежнее время, точныхъ свѣдѣній не имѣемъ. При Екатеринѣ II, въ 1782 году, 4 іюня Гадячу присвоенъ слѣд. гербъ: въ красномъ полѣ архангелъ Михаилъ въ голубомъ военномъ одѣяніи; онъ поражаетъ золотымъ копьемъ лежащаго змія, стоя лѣвой ногой на его животѣ.

В. Е. Бучневичъ.

ВУЛКАНЪ ВЪ ТАВРИДѢ ВЪ КОНЦѢ XVIII СТ.

Недавно всѣ газеты обошло извѣстіе изъ смоленской губерніи о примѣченномъ тамъ будто-бы вулканѣ. Оно вызвало множество опроверженій и насмѣшекъ и лишь одно научное объясненіе описаннаго въ немъ явленія, да и это объясненіе признано излишнимъ.

Упомянутое извѣстіе припомнило намъ другое извѣстіе, не надѣлавшее въ свое время столько говору лишь потому, что во время появленія его не было такого множества газетъ. Извѣстіе это найдено нами въ видѣ замѣтки на отдѣльномъ листѣ, въ ворохѣ фамильныхъ нашихъ бумагъ, и гласитъ слѣдующее.

«Изъ Санктпетербурга, апрѣля 14 дня.

Сообщенно отъ таврическаго генераль-губернатора Зубова.

Прошедшаго февраля 27 дня въ области таврической, управленію его вѣренной, случилось достойное примѣчанія явленіе природы. Въ половинѣ 9 часа, при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, слышенъ былъ близъ сѣверной косы, разстояніемъ отъ города Тамани въ прямую линію на 12, а въ объѣздъ на 60, въ состоящей при урочищѣ Пущукоѣ—небольшой горѣ великой шумъ и трескъ, по-

добный грому; послѣ чего вскорѣ изъ вершины ея появился густой черной дымъ столбомъ и чрезъ минуту началъ изъ нея пылать огонь съ высокимъ преужаснымъ пламенемъ, которое поднималось перпендикулярно вверхъ до 30-ти сажень и продолжалось около полчаса. Потомъ гора изъ отверстія навер гося стала выбрасывать вокругъ себя ящую глинистую матерію и камѣнья угой день земля была покрыта отъ полутора до четырехъ аршинъ вышиною сими изверженіями; а мѣстами составились изъ нихъ большія кучи въ три сажени и болѣе вышиною. Выбрасываніе глинистой матеріи продолжалось еще и на третій день, временно показывалось пламя и слышенъ былъ внутри горы шумъ на подобіе кипящей воды. Явленіе сіе тѣмъ паче заслуживаетъ примѣчаніе и любопытство, что имѣетъ великое вліяніе въ естественную исторію края сего; ибо посредствомъ онаго докажется, отъ куда произошли издавна уже извѣстныя на нѣкоторыхъ на островѣ Фанагоріи находящихся горахъ и холмахъ круглыя отверстія, изъ коихъ выбрасывается безпрестанно солонцоватой жидкой иль, мѣстами съ горнымъ масломъ, или съ нефтью смѣшанными. Такожъ подтвердится тѣмъ и мнѣніе то, что въ нѣдрахъ всего острова сего должны сокрыты быть многія горючія вещества. При томъ нужно еще и сіе замѣтить. что со временъ Плинія, описавшаго въ письмѣ своемъ къ Тациту страшное изверженіе горы Везувія, не было еще въ Европѣ подобнаго явленія.

Сіе извѣстіе есть только предварительное для дальнѣйшаго освидѣтельствованія на мѣстѣ сего явленія и снятія плана съ горы и вида оной, также и для собранія разныхъ веществъ, изъ горы сей выкинутыхъ, отправленъ землемѣръ, коего замѣчанія обнародованы будутъ въ удостовѣреніе любителей естественной исторіи».

Сообщ. С. Н. И.

КІЕВЪ ВЪ 1799 ГОДУ.

Весною 1799 года изъ Москвы на Серпуховъ выѣзжала дорожная коляска. Въ коляскѣ сидѣлъ баринъ, державшій на рукахъ «англинскую собачку». На возлахъ сидѣло двое крѣпостныхъ «людей». Баринъ ѣхалъ обозрѣвать свое отечество и направлялся на югъ, «въ прекраснѣйшую его часть». Это былъ начинающій писатель

Владиміръ Измайловъ. Черезъ три года, плодомъ его поѣздки явилось нѣсколько томиковъ дорожной болтовни, названной «Путешествіемъ въ полуденную Россію».

Болтливость,—сама по себѣ вещь несносная,—при наблюдательности и въ путевыхъ запискахъ превращается чуть не въ достоинство. Было-бы счастіемъ, если-бы нашъ путникъ, человѣкъ не безъ способностей, оставилъ правдивый, богатый наблюденіями дневникъ своихъ странствій по Украинѣ и югу въ то далекое время. На бѣду онъ больше занятъ былъ своими чувствованіями, чѣмъ тѣмъ, что мелькало передъ его глазами, и смотрѣлъ внимательно внутрь себя, чѣмъ по сторонамъ. Это былъ путешественникъ *сентиментальный*.

Въ то время въ Европѣ сентиментализмъ доживалъ свои дни. На сценѣ оставались только третъестепенные послѣдователи Руссо и Ричардсона. Въ Англии это направленіе дошло до уродливыхъ крайностей. Послѣ романа Мекэнзи «Чувствительный человѣкъ» идти дальше было некуда. Герой этой удивительной повѣсти, нѣжный, деликатный, волнуется чувствами разъ шесть въ день, отъ избытка чувствъ впадаетъ въ чахотку, рѣшается открыть свою любовь только передъ смертію и, потрясенный признаніемъ, умираетъ... Въ Россіи сентиментализмъ переживалъ тогда блистательную пору. Дорогу ему проложили «Письма русскаго путешественника». Одинъ изъ самыхъ горячихъ и ревностныхъ карамзинистовъ, Измайловъ задумалъ въ томъ-же духѣ описать поѣздку по Россіи.

Его вниманіе занято тѣмъ, чтобъ передать какъ можно больше ощущеній, обличающихъ чувствительность души. Въ каждомъ лѣсу онъ прислушивается къ пѣнію птичекъ, на каждой горѣ приходитъ въ восторгъ, на холмахъ и долинахъ вспоминаетъ о своей юности, каждое утро неистово восхищается восходомъ солнца... Эпиграфомъ къ книгѣ онъ ставитъ слова дю-Патти: «пусть другіе путешественники привозятъ изъ посѣщенныхъ странъ медали, статуи и произведенія природы. Я возвращаюсь съ идеями и чувствами!» При такомъ настроеніи, озабоченный выкладкой своихъ чувствъ, онъ говоритъ о мѣстахъ и людяхъ въ однообразныхъ, общихъ выраженіяхъ. Тѣмъ не менѣе отрывочныя, случайныя его замѣтки—голосъ живаго очевидца. Въ помощь имъ возьмемъ двѣ-три старыхъ

книги и попробуемъ представить себѣ хоть уголокъ того стараго Кіева, какой Измайловъ видѣлъ своими глазами.

Дорога путника по Малороссіи есть рядъ умиленій и трогательныхъ сценъ. Но описываемые имъ люди какъ-то космополитично-добродѣтельны. Въ разговорѣ съ «поселянами», гдѣ нибудь на греблѣ близъ Сумъ, подъ высокими осокорами, въ бесѣдѣ съ семействомъ «малороссійскаго дворянина Карпова», видятся не старосвѣтскіе украинцы, а швейцарцы «Пишемъ русскаго путешественника». Полевые курганы, какъ памятники войны и борьбы, наполняютъ его нѣжное сердце ужасомъ. Онъ «не можетъ ихъ видѣть безъ содроганія». Зато видъ какихъ-то счастливыхъ супруговъ распаляетъ его воображеніе, и вотъ уже готовъ планъ, какъ «въ низкой хижинѣ» будетъ жить онъ «съ нѣжною подругою и еще нѣжнѣйшими плодами любви». О малороссіянахъ у него вырывается нѣсколько искреннихъ строкъ. Уроженцу сѣвера, ему любя и чистота жилищъ и живописность мѣстностей, независимый характеръ народа и самый національный типъ. «Малороссійскій народъ, заключаетъ онъ, достоинъ любопытства и можетъ быть славы, если не одинъ наружный блескъ въ состояніяхъ человѣческихъ заслуживаетъ уваженія».

Не останавливаясь нигдѣ, Измайловъ спѣшитъ къ Кіеву и «любопытство его обвиняетъ въ медленности природу». Наконецъ, подлѣ бориспольскихъ болотъ, онъ дышетъ смолистымъ воздухомъ броварскаго бора. «Мрачныя сосны возносились къ облакамъ, святая древность цвѣла на ихъ кудрявыхъ вершинахъ». Какъ видитъ читатель, это было задолго до процесса, предъявленнаго броварскимъ лѣснымъ казеннымъ управленіемъ. Броварской боръ не похожъ былъ на свои теперешніе остатки. Подъ его сѣнью укрывались не только грѣхи лѣсничихъ, но и усталые путники. Но вотъ сквозь просвѣты лѣса мелькнулъ золотой куполь печерской колокольни. Кіевъ вдали! «Зеленая отдаленная гора, бѣлыя кучи песковъ, нѣсколько блестящихъ главъ показались сквозь ряды деревъ и снова скрылись». Вотъ открылась наконецъ и вся, милая сердцу южанина, гористая панорама древняго города. Вмѣстѣ съ сотнями богомольцевъ путникъ переплываетъ черезъ Днѣпръ, къ ночи водворяется въ Кіевъ.

Гдѣ поселился онъ? Обуреваемый ощущеніями, онъ забываетъ сообщить о такой мелочи, но по всѣмъ признакамъ—на Печерскѣ,

обстроивавшемся тогда казенными и частными зданіями. Онъ что-то толкуеть объ «отелѣ», но очевидно это такая-же гипербола, какъ «сосны, уходящія въ облака». По «Краткой вѣдомости о числѣ публичныхъ мѣстъ и строеній въ городѣ Кіевѣ», изданной 17 лѣтъ спустя¹⁾, видно, что въ городѣ Олега и Владиміра было въ то время только четыре постоялыхъ двора. Конечно одинъ изъ нихъ пріютить и сентиментальнаго путешественника.

По обычаю странниковъ всѣхъ временъ и народовъ, онъ спѣшитъ бросить взглядъ на городъ, чтобы составить о немъ общее представленіе. Предъ нимъ какъ-бы три отдѣльныхъ поселенія, раздѣленныхъ рощами и пустырями. «Съ одной стороны печерская крѣпость съ ея предмѣстьями и зеленымъ валомъ, на высокой горѣ надъ Днѣпромъ, съ другой стороны, на нѣсколькихъ холмахъ, съ Михайловскимъ и Софіевскимъ монастыремъ въ видѣ замковъ, съ домами и садами лежитъ старый Кіевъ. Внизу, къ самому Днѣпру, подобно островоконечному мысу, видѣнъ Подоль, украшенный громадою зданій». Все залито веселымъ блескомъ майскаго солнца. Оно горитъ на золотыхъ главахъ церквей, играетъ въ днѣпровскихъ волнахъ, по которымъ плывутъ медленно барки. Эта зелень, солнце и блескъ, далекіе днѣпровскіе луга и пески, синіе лѣса, уходящіе на горизонтъ тонкой опушкой, вся эта лѣтняя кіевская картина наполняетъ путника неподдѣльнымъ восторгомъ. «Если-бы любовь къ природѣ и къ изящному могла когда нибудь угаснуть въ душѣ человѣческой, восклицаетъ онъ, то одинъ взглядъ на Кіевъ возжегъ бы ее снова».

Посѣщеніе Лавры—первое дѣло каждаго путника въ Кіевѣ. Наружный видъ лаврскихъ зданій, въ описаніи Измайлова, не разнится отъ нынѣшняго. Святые ворота и тогда украшены были изображеніями праведниковъ, по его словамъ, «оживленныхъ конечно не кистью эспаньоleta». Но описаніе Великой церкви и живописи ея стѣнъ говоритъ о вещахъ безвозвратно исчезнувшихъ. «На лѣвой рукѣ отъ большаго входа написаны на стѣнѣ портреты великихъ мужей нашего отечества. Великіе князья и малороссійскіе гетманы являються одинъ за другимъ къ великому удовольствію того, кто любить отечество и славные подвиги его сыновъ». Отдѣльно отъ

¹⁾ «Краткое описаніе Кіева», Берлинскаго, 1820 г.

другихъ, за лѣвымъ клиросомъ, былъ портретъ Хмельницкаго, о которомъ упоминаетъ еще въ 1820 г. Берлинскій. По его словамъ портреты князей русскихъ и литовскихъ были плохи и испорчены реставрировкой. Интересъ подлинности имѣли конечно портреты позднѣйшаго времени, когда искусство живописи поднялось до известной высоты. Взглянувъ на Хмельницкаго, нашъ путникъ наивно ищетъ портрета Наливайка и восклицаетъ съ огорченіемъ: «Нѣтъ сего великаго мужа!» Онъ не зналъ еще той истины, что изображеній лицъ отъ эпохъ столь отдаленныхъ и смутныхъ искать въ храмахъ и общественныхъ зданіяхъ напрасно: всѣ онѣ находятся въ галереяхъ любителей, у которыхъ коллекціонерская рьяность побѣждаетъ научныя познанія.

«Князь Острожскій, изваянный изъ бронзы, лежитъ на одрѣ подъ балдахиномъ. И онъ имѣетъ право на признательность малороссійскаго народа». Надгробный памятникъ князя Острожскаго описываетъ и позднѣйшій путешественникъ, Левшинъ, видѣвшій его въ 1815 году ¹⁾. Оба они, да и прочіе описатели стараго Кіева, считаютъ этотъ исчезнувшій памятникъ надгробіемъ славнаго князя Константина Константиновича. Но какъ помирить съ этимъ мнѣніе ученѣйшаго и всезнающаго начетчика, почтеннаго М. А. Максимовича? Онъ утверждаетъ рѣшительно, что то была могила отца князя Константина, великаго гетмана литовскаго ²⁾. Надо думать что великій знатокъ кіевской старины былъ и въ этомъ случаѣ правъ.

Надпись надъ прахомъ Румянцева—«Внемли, Россѣ!»... сдѣлана была, кажется, позже. Поклонникъ эффектныхъ словъ, Измайловъ не упоминаетъ о ней, описывая могилу фельдмаршала. Но мы замѣтимъ къ слову, что мѣсто постановки доски съ этой надписью ставить и понынѣ умиленнаго Расса въ нѣсколько странное положеніе: прахъ полководца въ дѣйствительности покоится не «предъ тобою», а какъ разъ въ противоположномъ концѣ храма.

Замѣтки о живописи другихъ древнихъ церквей Кіева, какъ у Измайлова, такъ и у позднѣйшихъ описателей, крайне поверхностны. Какъ ни старайся, ничего не представишь себѣ изъ отзывовъ въ

¹⁾ «Письма изъ Малороссіи», Харьковъ, 1816 г.

²⁾ Сочиненія, т. III, стр. 717.

родѣ слѣдующаго: «Живопись образовъ сей церкви, хотя не соответствуетъ вѣку, но довольно разительна!»

Отъ древностей взоры путника обращаются къ окружающей дѣйствительности. Съ своими пышными представленіями о предметахъ, онъ не удовлетворяется тою въ сущности скромною картиною, какую представляла фізіономія Кіева въ ту эпоху. Какъ пришельцу, ему ничего не говоритъ та сила воспоминаній, преданій прошлой жизни, которая мѣстамъ и предметамъ самымъ бѣднымъ сообщаетъ неотразимую прелесть. Онъ оставилъ хотя сухую, но по счастью довольно точную страницу описанія общей внѣшности города. «Нѣтъ домовъ каменныхъ, нѣтъ порядка въ строеніи, нѣтъ регулярности и архитектуры. Улицы не мощены, песьи покрываютъ ихъ. Пѣшеходецъ глотаетъ несносную пыль и туманный столбъ вьется безпрестанно вокругъ проѣзжающихъ. Самый Подоль, болѣе населенный, нежели другія части города, не имѣетъ совсѣмъ вида города. Деревянные кровли, низкія хижины прикрываются церквями и монастыремъ. Улицы такъ узки на Подолѣ, что едва-ли двое дрожекъ могутъ разѣхаться. Соебщеніе между тремя частями города чрезвычайно затруднительно, оттого что горы отдѣляютъ ихъ одна отъ другой. Кажется, что вы видите три разныхъ селенія. Я говорю селенія, ибо и весь Кіевъ едва-ли заслуживаетъ названія города». Не забудемъ, что рѣчь идетъ о Кіевѣ конца прошлаго вѣка. Въ то время Подоль сохранялъ еще свой старыи видъ, совершенно измѣнившійся послѣ страшнаго пожара 1811 года, а Печерскъ и Старый городъ не приняли еще того строгаго отгѣнка, какой придавъ былъ имъ казенными постройками къ концу царствованія Николая I. Какъ сказочная красавица, за руку которой спорили нѣсколько богатырей, надѣвала въ угоду имъ разные уборы, сохраняя все ту-же красоту, тѣ-же прекрасныя очи, такъ нашъ Кіевъ мѣнялъ не разъ свой видъ въ теченіи своей исторической судьбы. Къ картинкѣ Измайлова подставимъ цифры. Ихъ сохранилъ усердный Берлинскій. Въ этомъ деревянномъ городкѣ отдѣльныхъ домовъ было тогда много: 3,968. Изъ нихъ каменныхъ было только 49. Лавою деревянныхъ городскихъ и партикулярныхъ—214, каменныхъ—147. Послѣднія—почти всѣ (136) на Подолѣ, на Печерскѣ же была большая часть деревянныхъ (147). Было 17 «навахтерскихъ будоэкъ», три гостинныхъ двора, два каменныхъ, одинъ

деревянный. Противъ нынѣшняго подольскаго гостиннаго двора стояло, уничтоженное пожаромъ 1811 года, огромное каменное зданіе магистрата, а въ началѣ нынѣшняго Крещатива, покрытаго устой растительностью,—деревянный театръ. Жителей обоего пола, всякаго званія и состоянія, числилось около 40 тысячъ. Самою бойкою и торговою частью былъ Подоль. Тамъ-же «цвѣла» и еще (реформенная академія. Странствуя по Кіеву, въ одинъ изъ дней нашъ путникъ попалъ туда на ученый диспутъ.

«Святилище искусствъ и наукъ, получившее свое имя отъ гревовъ», ввело у себя обычай диспутовъ со времени Петра Могила. Диспуты были третные, еженедѣльные, годичные и двухгодовые, одни—какъ замѣна экзаменовъ, другіе—какъ торжественные акты. Со свойственнымъ ему легкомысліемъ, нашъ путникъ не допрашиваетъ себя хорошенько о значенія явленія, происходящаго передъ нимъ и, говоря о самомъ диспутѣ въ 50—60 строкахъ, на нѣсколькихъ страницахъ распространяется о чувствахъ, вызванныхъ въ немъ ученымъ поединкомъ. «Я пришелъ требовать позволенія видѣть академію и напелъ у префекта собраніе духовныхъ. Это былъ день диспутовъ, и господинъ префектъ пригласилъ меня съ собою. Зданіе древнее, но достойное служить театромъ академическихъ лекцій, возносится съ прекрасною галлереею и колоннадою изъ стѣнахъ монастыря. Въ огромной залѣ, на каедрѣ, студентъ ожидалъ слушателей. Хоръ пѣвчихъ встрѣтилъ духовенство. На листѣхъ, поданномъ при входѣ, написаны были утверждаемые и испариваемые тезисы. Всѣ сѣли по своимъ мѣстамъ и студентъ, принявъ благословеніе архипастыря, началъ говорить на латинскомъ языкѣ. Послѣ того начались споры». Они показались нашему слушателю какъ-бы затверженными. Весьма возможно, что это и было такъ. Въ то время академія находилась уже въ состояніи упадка, да къ тому-же еще едва оправилась отъ постигшаго ея неожиданнаго сюрприза. Въ 1786 году та школа, «гдѣ цвѣли науки въ то время, когда нравъ невѣжества покрывалъ почти всю Россію», однимъ почеркомъ пера переведена была въ кіево-печерскую лавру, а слава Кіева, братскій монастырь превращенъ былъ въ военный госпиталь. Черезъ нѣсколько времени дѣло поправилось, но вся эта перетасовка не могла не отразиться на ходѣ академической жизни.

Не такой видъ имѣли диспуты въ блестящую пору академіи. Въ своемъ любопытномъ трудѣ о «Кіевѣ, съ его древнимъ училищемъ» Аскоченскій довольно живо рисуетъ ученые споры томъ времени. Годичные диспуты, гдѣ возражатели являлись изъ охотниковъ, были очень любимы и посѣщаемы кіевлянами. Но самыя торжественными были диспуты, происходившіе по окончаніи двухъ-годоваго курса. «Наканунѣ назначеннаго дня на большихъ вѣстахъ братскаго монастыря прибывали большой, вычурно раскрашенный листъ или афишу, извѣщавшую кіевлянъ о времени, а иногда о самомъ предметѣ ученыхъ состязаній. Такой листъ обыкновенно назывался *конклюдіей*. Это уже были подготовленные диспуты, и самыя темы избирались какъ можно ближе къ понятію большинства посѣтителей. А чтобы сдѣлать ихъ сколько-нибудь вразумительнѣе и для простаго народа, незнакомаго съ языкомъ латинскимъ на какомъ преимущественно производились эти ученныя состязанія, — нѣкоторыя изъ положеній были переводимы на русскій языкъ. По прибытіи митрополита въ академическую залу, произносились привѣтствія на разныхъ языкахъ и потомъ начинались диспуты, и промежуткахъ между которыми ученики низшихъ классовъ произносили діалоги и читали стихи собственнаго сочиненія. Въ аналахъ академіи особенно памятнымъ остался диспутъ, на которомъ присутствовала въ 1744 году императрица Елисавета Петровна. Здѣсь ректоръ Сильвестръ Думницкій произнесъ рѣчь о томъ, «какое счастье государству бываетъ, гдѣ свободныхъ ученій любитель государя, а профессоръ греческой словесности, іеромонахъ Варлаамъ Лящевскій, поднесъ наслѣднику престола Петру III переведенную книгу «Зерцало должности государей»¹⁾).

Немалый блескъ сообщало диспутамъ участіе знаменитыхъ академическихъ цѣвческихъ хоровъ. Инструментальная музыка была въ академіи также въ ходу, и прекрасный оркестръ исполнялъ произведенія западныхъ композиторовъ. Чубатые студенты-любители въ киреяхъ и цвѣтныхъ «сапьянцахъ» разыгрывали сочиненія Палестрины и Скарлати.

Библіотека академіи, посѣщенная также нашимъ путешественникомъ, не разъ подвергалась пожарамъ. Она пострадала не задолго до этого

¹⁾ Аскоченскій, т. 2, стр. 96.

в 1780 году. Однако, по свѣдѣніямъ Берлинскаго, до новаго пожара 1811 года, въ ней было опять 10,000 томовъ.

На общую легкость сентиментальнаго путешественника придается сѣтовать еще разъ, переходя къ его замѣткамъ о кievскомъ обществѣ. Ему не по силамъ, разумѣется, подмѣтить тѣ видоизмѣненія, ту ломку, какая происходила въ общественномъ, бытовомъ проѣздѣ Кіева въ ту переходную эпоху. О цѣлыхъ классахъ, о народѣ, духовенствѣ, онъ прямо отказывается говорить и ограничиваетъ свои наблюденія «высшимъ состояніемъ». Отзывъ получается однако вольно кислый. «Здѣшняя жизнь ограничивается кругомъ простой, домашней жизни и тѣмъ состояніемъ, гдѣ человѣкъ находитъ мирное счастье въ удовлетвореніи мирныхъ потребностей и въ умѣренномъ дѣйствіи своихъ способностей». За то изъ поведенія онъ ставитъ кievлянамъ хорошій балъ. «Счастье и вѣрность сохраняютъ дружеское состояніе, согласіе обитаетъ въ семействахъ, цвѣтъ долговѣчности не увядаетъ на лицѣ невинности». Онъ приписываетъ эти совершенства первобытному строю жизни и не сомнѣвается, что, «при сближеніи нравовъ и народовъ», кievскіе жители позастыдуются новыя обычаи и мнѣнія. «Пройдетъ немного времени, и вообще предрекаетъ онъ, и они потеряютъ все доброе, что покажется въ нихъ юность рода человѣческаго». Они пріобрѣтутъ нѣкоторыя, недостающія имъ «блестящія качества», но вмѣстѣ съ ними захватятъ и развратности, сопряженныя съ дальнѣйшимъ шагомъ просвѣщенію».

Изъ отдѣльныхъ лицъ Измайловъ упоминаетъ о какой-то богоугодной старушкѣ Б. и о генералѣ К., съ которымъ можно пріятно провести время, «говоря не объ изящной словесности, и не объ предметахъ философіи и метафизики».

Старушки, болѣе или менѣе богомольныя, генералы, военные чины, болѣе или менѣе храбрыя, конечно не характеризовали тогда и ничего. Интересны воспоминанія объ извѣстномъ проѣздникѣ Левандѣ. Измайловъ нѣсколько разъ посѣтилъ его въ его домикѣ на Подолѣ и, согласно со всѣми другими, говоритъ о его значительномъ образованіи, простотѣ и рѣдкомъ словѣ. Сынъ подольскаго сапожника Сизачки, принявшій при тупленіи въ братскую школу имя благоухающаго цвѣтка, Леда, въ одинъ моментъ своей жизни, явился истиннымъ народнымъ

человѣколюбъ и историческимъ лицомъ. Это было во время морскаго язва 1770 года, когда своими огненными проповѣдями въ подольской церкви Успенія онъ поднималъ духъ народа и призывалъ его къ высокой задачѣ самоисправленія. Популярность его въ Кіевѣ въ послѣдствіи была громадна. Біографъ его, покойный Ф. А. Терповскій, отдаетъ впрочемъ преимущество въ его дѣятельности первой половинѣ его жизни, и чтеніе рѣчей Леванды подтверждаетъ это мнѣніе. Въ послѣдствіи Леванда стала, такъ сказать, присяжнымъ ораторомъ, и «его рѣчь сдѣлалась такой-же необходимою принадлежностью кіевскаго праздника, какъ колокольный звонъ, басъ протодіакона и громкій хоръ пѣвчихъ». Это былъ ораторъ по призванію, надѣленный блестящими внѣшними средствами; насколько велика была въ немъ склонность къ публичному слову, показываютъ тѣ двѣ рѣчи которыя онъ произнесъ *на собственной свадьбѣ*, одну передъ вѣнцомъ, другую послѣ вѣнца.

Изъ замѣтныхъ людей того времени Измайловъ упоминаетъ (цитованномъ нами нѣсколько разъ Максимѣ Берлинскомъ, «профессорѣ натуральной исторіи въ главной школѣ»). Къ сожалѣнію изъ бесѣдъ своихъ съ этимъ знатокомъ кіевскихъ древностей, нашъ путникъ приводитъ только какую-то «философическую прю» самаго общаго содержанія, гдѣ Берлинскій будто-бы заявлялъ, что «для великаго веселѣе быть отцомъ семейства и любить натуру, нежели гоняться за блестящими призраками». Этому Берлинскаго, почтеннаго ученаго не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣмъ почти сказочнымъ Кесаремъ Берлинскимъ, о которомъ талантливый г. Лѣсковъ, на этихъ самыхъ страницахъ, рассказалъ столько уморительныхъ анекдотовъ.

Вѣрный своей задачѣ—все видѣть, путешественникъ не преминулъ посѣтить одно изъ ежедневныхъ общественныхъ гуляній въ дворцовомъ саду. Въ качествѣ столичнаго франта и поклонника красоты, онъ позаботился конечно о своей внѣшности. Отдаленно подобіе парижскихъ «мюскаденовъ» и *incroyable* той поры, во время выступления онъ по кіевскимъ улицамъ въ предвечерній часъ, когда спала уже дневная жарь. Зеленый фракъ, вздернутый выше ушей огромный галстухъ, треугольная шляпа, пудренные волосы съ косой кривая палка и четырехугольный монокль въ рукахъ—таковъ его уборъ. По кривой улицѣ идетъ онъ къ «большой площади, которая какъ кажется, составляетъ украшеніе города». Тамъ дворецъ, тамъ

присутственныя мѣста, дома частныхъ лицъ, тамъ рядъ молодыхъ березокъ, изъ-за которыхъ синѣетъ Днѣпръ и отдаленныя окрестности Кіева. «Кареты скачутъ, форейторы кричатъ: *поди!* Пыль вьется толбомъ, и вашъ философствующій пѣшеходъ, скрываясь въ пыльномъ туманѣ, но счастливіе Діогена, находятъ между собою и олицемъ не страшныхъ Александровъ, но кроткихъ красавицъ, распудренныхъ петиметровъ и старушекъ, забывшихъ на часъ бо-гомолье». Вступивши въ тотъ садъ, гдѣ нынѣ бродитъ угрюмый босаятъ, а прежде гуляли нарядныя пары, столичный человекъ прислушивается къ разговорамъ. Онъ находитъ, что въ нихъ нѣтъ души и «не проглядываетъ основательный разумъ», Но онъ съ избыткомъ утѣшенъ другимъ: «я сижу въ царствѣ красоты. Женщины, одна другой прелестнѣе, мелькаютъ предо мною и взоръ не успѣваетъ ловить всѣ черты нѣжности, любви и безстрастія». Его взоры привлечены преимущественно одной, и онъ готовъ отыгиваться о пей стихами той поры:

На лицахъ прелести у многихъ раздѣленны,
Въ ея лица чертахъ цвѣтутъ совокупленны!..

«Она улыбулась, ея улыбка принадлежитъ мнѣ, я имѣю на нее право. Ахъ! Одна улыбка дала мнѣ предчувствовать всѣ вос-орги любви!»

Подъ вліяніемъ этой невѣдомой, давно забытой въ могилѣ іевской розы, онъ окончательно впадаетъ въ сентиментальный кстазъ. Только на обратномъ пути домой, нѣсколько приходитъ нъ въ себя и занимается параллелями между женщинами кіевскими московскими. Побѣда остается за кіевлянками. «Въ Кіевѣ болѣе расавицъ, но въ Москвѣ болѣе грацій. Москвички милѣе для олоднаго разсудка, а кіевлянки для пламеннаго сердца».

Прощаніе странника съ Кіевомъ—трогательно. «Прости Кіевъ, простите мѣста прекрасныя!» Въ послѣдній разъ гуляетъ онъ по зеленымъ горамъ и даетъ обѣтъ привезти сюда, подъ это ласковое ебо, своего будущаго сына. Мечты объ этомъ сынѣ и о семейныхъ адостяхъ увлекаютъ его. Незамѣтно для него самага волны Днѣпра же уносятъ его изъ Кіева. Своей мечтою онъ наслаждался до амага вечера. Когда онъ очнулся на ночлегѣ, то оказался вдали тъ Кіева, «безъ подруги, безъ сына!.. Одинъ!» ...

На этой скорби объ отсутствіи сына и потомства,—скорби наименѣе допускающей постороннее вмѣшательство, простимся съ сентиментальнымъ странникомъ и мы. Лѣтъ пятнадцать спустя, мы встрѣчаемъ его уже издателемъ «Вѣстника Европы», переданнаго ему Карамзинымъ. Въ этомъ журналѣ появились первые опыты Пушкина. Если-бы печатавшій простые, глубоко-реальные стихи юнаго поэта представитель сентиментализма зналъ, кого онъ выпускаетъ въ домъ, то навѣрное закрылъ-бы передъ нимъ двери. Рассказываютъ, что когда одинъ изъ министровъ Людовика XVI явился къ доеладу въ простомъ черномъ платьѣ и безъ парика, то церемоніймейстеръ въ ужасѣ воскликнулъ: теперь все кончено! Дѣйствительно это была минута, съ которой измѣнилось все.

В. Горленко.

МАЛОРУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ШАРАДА.

Въ доставшейся намъ отъ г. Григоріади записной книгѣ рода Забѣлъ, напоминающей собою записную книгу асаула Мовчана, описанную В. Б. Антоновичемъ, но болѣе пространную, мы нашли въ ряду другихъ любопытныхъ замѣтокъ и слѣдующую запись:

«Року 1733, октовріа 10 въ Глуховѣ получено: Игра ломберъ знатнѣйшихъ европейскихъ дворовъ.

Папа. Еслибъ я болше козирей, нежели иныхъ картъ, имѣлъ, то и я сталъ играть.

Цезарь. Я имѣю добрихъ козирей: три короля и даму одну, однако-жъ я подожду, пока другіе станутъ играть.

Англѣя. Пусть играютъ, какъ хотятъ, только-бы козири роздѣлены били.

Францѣя. Я стану грать, когда мой король прикрытъ будетъ.

Пруссія. Я радъ былъ, только опасуюсь, что перебьютъ.

Швейцарская Земля. Когда будутъ играть, то надлежащіе игри отъ мене не уйдутъ.

Россія. Я нарочитую игру имѣю, и выиграть допустить могу.

Швеція. Я не буду играть, если-жъ мнѣ гоноровъ не заплатятъ.

Гишпанія. Моя игра не весьма важна, развѣ въ черной масти.

Данія. По малой мѣрѣ не буду играть безъ матадоровъ.

Польша. Отъ одного короля, котораго у мене нѣтъ, могу всё програть.

Имперія. Мнѣ троухъ картъ не достаётъ, и я опасаюсь, чтобъ ремиза не заплатитъ.

Португалія. Я не буду играть, ежели стадали мои не принудятъ.

Савойская Земля. Я прежде не играю, пока не имѣю надежной игри.

Голандія. Когда всё памуютъ, то и я такъ.

Бурфиреть Саксонскій. Я напрасно пашоваль, а теперь я подиймаю играть, хотя можетъ быть и лабетъ поставлю, чтобъ проклятого хлопа до игри не допустити.

Король Станиславъ. Пождѣте, моѣ господа, я не отрелкъся и не хочу лабетъ дважди поставитъ.

Пріймась. Играйте, какъ изволите, а я одинъ зъ сихъ лабетъ озьму.

Республика полская. Я ставлю карты, и сущіе прибилъ всегда на моей сторонѣ.

Nev patior telis vulnera facta meis.

Pro patria et in patria dulce est mori.

Vir honestus, sincerus, nemini molestus, omnibus gratus.

Prima philosophia est meditatio mortis.

Pódź, Polska, zamaż, iesli dziweczka!

Oy, nie póyde, francuzowie, oz nie póyde, alendrowie,

Bom nie całeczka.

Zgwałcili mnie w Litwie panowie,

Wzieli wianek mey czystosci

I nabytey znak wolnosci

Zli synowie.

Saturnus in Roma infortunatus, super alios elevatus, malum per-
tendet ex frigiditate et infortunio, quod totam terram premet.

Предлагаемъ читателямъ разгадать эту шараду, а мы пока воздержимся отъ объясненія оной.

ЕВГЕНІЙ ЖЕЛЕХОВСКІЙ.

(Некрологъ).

Маленькая, родная намъ Галиція, живущая въ иныхъ политическихъ и соціальныхъ условіяхъ и несущая непосильную борьбу за свою вѣру и народность съ польскою «справою», теряетъ годъ за годомъ своихъ лучшихъ дѣятелей. Въ короткое время похоронивъ Барвинскаго, Навроцкаго, Заклинскаго и Шашкевича, 6-го сего февраля она лишилась Желеховскаго.

Умершій Евгений Желеховскій извѣстенъ у насъ, и лишь весьма незначимъ, какъ составитель малорусско-нѣмецкаго Словаря, не доведеннаго имъ до конца. Въ единоплеменной намъ Галиціи его смерть составляетъ событіе дня и вызвала болѣзненный стонъ во всей странѣ. Что-же такое самъ Желеховскій? Сынъ мѣщанина, если не крестьянина, жившаго частною службою, воспитанникъ львовскаго университета, учитель, выражаясь по нашему, русскаго языка и словесности въ гимназій маленькаго городка Станиславова. У насъ съ подобнымъ положеніемъ и формуляромъ, въ случаѣ смерти, можно занять мѣсто лишь въ ряду произшествій, и то въ случаѣ напр. тифозной или иной эпидеміи, какъ упомянуто было недавно въ кievскихъ газетахъ о смерти одного изъ учителей кievской гимназій. Въ Галиціи вѣсть о смерти Желеховскаго передавалась изъ конца въ конецъ страны, а его похороны собрали до 50-ти священниковъ, мѣстный муниципалитетъ, подняли на ноги всю мѣстную интеллигенцію и большую часть населенія Станиславова, вызвали множество телеграммъ, до 20 депутацій, массу вѣнковъ и цѣлыя группы крестьянъ изъ ближнихъ и дальнихъ селъ. Статьями о смерти, погребеніи и дѣятельности Желеховскаго переполнены теперь всѣ русскія газеты въ Галиціи, какъ у насъ въ свое время объ И. С. Тургеневѣ. Даже польскія газеты пишутъ объ немъ и отдають честь своимъ противникамъ за то, что они умѣють чтить память своихъ дѣятелей.

Что-же сдѣлалъ Желеховскій для своей родины, за что такъ ублажаетъ она его память и такъ горячо оплакиваетъ его смерть?

Онъ былъ «гимназіальнымъ» учителемъ..., онъ участвовалъ въ учрежденіи общества «Просвѣты» въ Львовѣ, учредилъ отдѣленіе этого общества въ Станиславовѣ, выдавалъ изъ его бібліотеки книги

приходившимъ изъ селъ крестьянамъ, содѣйствовалъ учрежденію дамскаго станиславовскаго кружка, былъ членомъ уѣзднаго и городскаго совѣта, сотрудничалъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, издавалъ, хотя и не довелъ до конца, малорусско-нѣмецкій Словарь. Вотъ и все.

У насъ малопонятна будетъ вызванная смертію Желеховскаго общественная, почти всенародная скорбь въ Галиціи, и мы считаемъ нужнымъ пояснить ее.

Наши братья галицкіе живутъ не похоже на насъ. Они представляютъ собою общество, не подраздѣленное ни на какіе классы. У нихъ нѣтъ ни высшаго, ни средняго классовъ, нѣтъ магнатовъ, ни богачей, нѣтъ сановниковъ, графовъ и князей,—не только политическая, даже административная власть не въ ихъ рукахъ. Это въ собственномъ смыслѣ народъ, который изъ среды себя путемъ образованія, но отнюдь не богатства, выдвигаетъ интеллигенцію—священниковъ, учителей, незначительное число чиновниковъ на не важныхъ постахъ и еще меньшее число людей торговыхъ. И этотъ столь бѣдный народъ находится подъ двойнымъ—нѣмецкимъ и особенно польскимъ гнетомъ и ведетъ непрерывную тяжкую борьбу за свою политическую равноправность и сохраненіе своей вѣры и національности. Но именно эти обстоятельства даютъ ему то единство, котораго мы не имѣемъ, и ту сплоченность, которой не можетъ одолѣть съ своими громадными средствами польская пропаганда. Непрерывная жизненная борьба выдвигаетъ дѣятелей, увлекаетъ ихъ въ свой водоворотъ и надѣляетъ ихъ тѣми свѣтлыми качествами и дѣлами, которыя влекутъ къ нимъ симпатіи всего народа и даютъ популярность въ его средѣ. Такими дѣятелями являются здѣсь и священникъ, и чиновникъ, и торговецъ, и редакторъ газеты, и учитель гимназій, даже учитель сельской школы. Тутъ общественнымъ, народнымъ дѣятелемъ, даже противу воли, сдѣлаться легко, но быть имъ необычайно трудно. Патріотизмъ всасывается, можно сказать, съ молокомъ матери и воспитывается всею послѣдующею жизнью. Это не тотъ патріотизмъ, о которомъ пишутъ въ книгахъ, который высказываютъ въ застольныхъ рѣчахъ или проявляютъ на поляхъ битвъ, это жизненный стимуль, непрерывною питью идущій отъ колыбели до гроба. Но и патріотомъ надо умѣть и имѣть твердость духа быть. И въ средѣ галичанъ находятся люди равнодушные къ

судьбамъ родины, непостоянные, колеблющіеся, даже «перекивчики», или-же патриоты односторонніе, не умѣлые, не въ мѣру рьяные. Борьба воспитываетъ не одинъ патриотизмъ, но вмѣстѣ тактъ, умѣлость, твердость, энергію, честность, мягкость души, любовь къ ближнему—высія качества, составляющія лучшее украшеніе чело-вѣка. И такимъ именно былъ, судя по отзывамъ всѣхъ галицкихъ газетъ, преждевременно скончавшійся Желеховскій. Его научный трудъ—Малорусско-нѣмецкій Словарь, для котораго онъ приготовилъ весь необходимый матеріалъ и окончаніе котораго завѣщалъ въ предсмертный часъ своему товарищу и другу—Недѣльскому, еще ждетъ своей оцѣнки, а его патриотическая дѣятельность очерчивается и долго еще будетъ очерчиваться въ родной ему странѣ на всѣ лады.

Только сообразивъ все вышесказанное, мы поймемъ то глубоко трогательное объявленіе о смерти Желеховскаго, какое мы нашли въ наиболѣе распространенной галицкой газетѣ «Дѣло». Оно стоитъ на первой страницѣ, непосредственно послѣ заголовка, и занимаетъ мѣсто строкъ въ 20-ть во всю ширину большого газетнаго листа. Въ траурной широкой рамкѣ—осьмиконечный въ сіяніи крестъ, а подъ нимъ слѣдующія скорбныя слова:

«Съ тяжкимъ болемъ въ серцю, зъ дрожакою одъ зворушена рукою приходится намъ сегодня дѣлиться съ Вп. читателями печальною вѣсткою: *Евгеній Желеховскій*, профессоръ русскаго языка при гимназій въ Станиславовѣ, взорець (образецъ) русина патриота, найчестнѣйшого характеру, ангельской доброты сердца, довголѣтний неумимый предсѣдатель филии товариства «Просвѣта» и членъ другихъ русскихъ товариствъ, одинъ зъ першыхъ найгорячѣйшыхъ піонеровъ просвѣты народнои, чоловікъ неусыпнои науковои працѣ, авторъ першого руско-нѣмецкаго «Словаря», упоковвся вчора, дня 6 лютого 1885 р., о 5 годинѣ по-полудни, въ Станиславовѣ, на рукахъ опечаленной дружины, дѣточокъ и друговъ. Въ субботу рано мощѣ покойного Евгенія прийме свята земля русска, а память его буде жити у насъ и у грядучихъ поколѣнь на Руси—на вѣки!»

Буди вѣчная память ему!—скажемъ и мы, знавшіе покойнаго еще скромнымъ юношею, стремившимся къ намъ для довершенія образованія и возвратившимся на родину по исключительному случаю, о которомъ расскажемъ когда нибудь впоследствии.

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНЫЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО ЮЖНО-РУССКОЙ ИСТОРИИ.

(*Русскій Вѣстникъ*. — *Новь*. — *Кіевлянинъ*. — *Заря*).

Въ январьской книжкѣ «Кіевской Старины» мы рассмотрѣли съ точки зрѣнія нашей программы содержаніе столичныхъ *историческихъ* журналовъ прошлаго года; обратимся теперь къ остальнымъ. Какъ извѣстно, на страницахъ «толстыхъ» журналовъ иногда являютя весьма цѣнныя монографіи нашихъ историковъ, которыя часто выходятъ потомъ отдѣльными книгами. Таковы по южно-русской исторіи извѣстныя статьи Костомарова, печатавшіяся въ «Вѣстникѣ Европы» и «Русской Мысли». Истекшій годъ, въ сожалѣнію, не далъ намъ ничего подобнаго. Мы имѣли возможность рассмотреть всѣ книги за прошлый годъ журналовъ: «Вѣстника Европы», «Русской Мысли», «Наблюдателя», «Русскаго Богатства», и ни въ одной изъ нихъ не нашли ничего, на чемъ можно было бы остановить вниманіе. Только въ мартовской книгѣ «Русскаго вѣстника» была статья А. Воронова о штундизмѣ («Штундизмъ. Очеркъ религіозно-бытовой жизни въ Малороссіи», 4—45 стр.), о которой скажемъ нѣсколько словъ,—кстати для сопоставленія ея съ помѣщаемымъ въ этой-же книгѣ «Кіевской Старины» очеркомъ штунды въ кіевской губерніи.

Статья носитъ чисто публицистическій характеръ. Сначала авторъ разсматриваетъ, въ чемъ состоитъ ученіе штундистовъ и откуда оно появилось. На первый вопросъ отвѣчаетъ весьма неясно, въ нѣсколькихъ общихъ выраженіяхъ о сходствѣ ученія штундистовъ съ протестантами-анабаптистами; на второй,—что штундизмъ явленіе заносное, пришедшее къ намъ отъ цѣмцевъ. По словамъ автора, онъ 10 лѣтъ наблюдаетъ за штундою въ центрѣ ея развитія, тарашанскомъ уѣздѣ кіевской губерніи, и констатируетъ, что въ эту мѣстность она занесена изъ Новороссіи, отъ херсонскихъ колонистовъ. Вслѣдъ за этимъ разсматриваются элементы общества, среди котораго появилась штунда: крестьянство, духовенство, интеллигенція (русская и польская) и евреи.

Изъ крестьянъ уклонились въ штунду большею частію низшіе слои, голяки, необезпеченные матеріально на родинѣ и потому принужденные искать пропитанія на сторонѣ. Долгія свитанія по раз-

нымъ краймъ приучаютъ къ разнообразію, воспитываютъ индиферентизмъ ко всѣмъ формамъ быта и проявленіямъ жизни, въ томъ числѣ и къ религіи,—ослабляютъ традиціонную привязанность къ родной вѣрѣ и обрядамъ и слѣдовательно дѣлаютъ человѣка болѣе воспримчивымъ къ стороннимъ влияніямъ. А тутъ экономическое и нравственное давленіе нѣмца хозяина. Не мудрено, что голякъ уступаетъ. Вотъ какъ описываетъ авторъ, словами мужичковъ, то положеніе, въ которое попадаютъ они у нѣмцевъ-хозяевъ на заработкахъ, и которое подготавливаетъ ихъ къ штундѣ:

«Нанялись мы до нипца, та й не знали потнѣть, якъ выбратца одъ ёго. Въ середу и пятницу обидь скоромный: все зъ молокомъ та зъ мясомъ; въ Петровку тожъ скоромне. Стали казать, щобъ намъ писный варили, такъ де тоби! не хоче ниець: каже, косыть не будешъ за ти гроши, що даю. Та ще таке тоби верзе про посты, що лучче уши заткни. Цялыхъ 2 — 3 мѣсяця праздника не знаешь, все на роботѣ, въ церкви не буваєшь; руськи слободы не близько, а стань просытьца въ недѣлю у хозяина до церкви, то вниъ заразъ тоби каже: вди въ нашу кярку, та все смѣтля зъ насъ» (стр. 16).

Нѣкоторые убѣгають домой отъ такой обстановки, другіе привыкають къ ней, и почва для штунды готова.

Что касается духовенства въ зараженномъ ересью краѣ, то оно, по мнѣнію автора, совсѣмъ не такъ низко стоитъ въ нравственномъ отношеніи, какъ пишутъ обыкновенно либералы; напротивъ, оно стоитъ на высотѣ своего призванія; жаль только, что не обезпечено матеріально и лишено возможности вліять на народъ посредствомъ школы. Далѣе—длинный панегирикъ церковно-приходскимъ школамъ. Причина появленія ереси та, что послѣ вѣрнопостнаго права, когда народъ очутился въ возможности, сверхъ насущнаго хлѣба, думать и о духовныхъ нуждахъ. онъ не былъ до сихъ поръ обезпеченъ надлежащимъ образомъ въ своемъ нравственномъ развитіи, не былъ надлежаще охраняемъ и утверждаемъ въ вѣрности кореннымъ основамъ и вѣковымъ формамъ своего бытія» (стр. 32). Жаль, что «охраненія» не дали въ руки духовенству.

Интеллигенція, напротивъ, не соотвѣтствуетъ своему высокому положенію—учителей простаго народа; она не утверждаетъ его въ вѣрѣ, но даже хвалитъ штунду въ печати, какъ «религію прогресса». Особенно развращающимъ образомъ, за немногими исключеніями, дѣйствуетъ мѣстная польская интеллигенція.

Евреи въ корчмахъ тоже помогаютъ проповѣдникамъ штунды, ругая поповъ и иконы.

Въ концѣ прошлаго года сталъ выходить въ Петербургѣ новый двухнедѣльный журналъ «Новь», съ неслыханно пестрымъ содержаніемъ. Въ двухъ его книгахъ (т. I, № 4—вторая половина декабря 1884 г., и т. II, № 5—первая половина января 1885 г.), въ отдѣлѣ критики и библіографіи, пріютилась весьма интересная историко-литературная статья г. Н. М. В. подъ заглавіемъ: *Иванъ Петровичъ Котляревскій. Критико-біографическій очеркъ.*

Русская литература, начиная авторъ, выгодно отличается отъ другихъ европейскихъ литературъ однимъ весьма важнымъ достоинствомъ, подмѣченнымъ уже давно и повтореннымъ покойнымъ Тургеневымъ въ рѣчи на пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ,— «прямодушной правдою, отсутствіемъ лжи и фразы, простотою, откровенностью и честностью ощущеній». Достоинство это принадлежитъ ей давно, съ первыхъ шаговъ ея самостоятельнаго развитія, тогда какъ иностранная литература начинаетъ выставлять эти начала только теперь, и то какъ *ria desideria*. Какія-же причины этого явленія?

«Одна изъ причинъ, недостаточно выясненная нашей критикой, заключается въ томъ, что въ созданіи русской поэзіи участвовала не одна народность, но двѣ, хотя единовѣрные и единокровныя, но выработавшія свою духовную фізіономію подъ такими различными условіями быта, исторіи, климата и почвы, что было-бы негѣпно изъ національныхъ свойства смѣшивать въ одну народную сущность. Наоборотъ, въ русской литературѣ отразились и слились двѣ народныя сущности, не противоположныя, но взаимно восполняющія одна другую, и въ этомъ заключается тайна ея скорого и пышнаго разцвѣта. Подобное сліяніе имѣло мѣсто не только у насъ, но и въ другихъ европейскихъ литературахъ и вездѣ служило залогомъ высокаго развитія... Каждая народность, предоставленная самой себѣ, спѣшитъ довести свои врожденные свойства до крайняго развитія, — и цивилизація такой народности будетъ отличаться исключительной односторонностію, а литература, въ которой долженъ преобладать элементъ или разсудочный, или чувствительный, будетъ носить въ себѣ признаки разложенія и фальши... Исключительность и правда враждебны одна другой. Только при сочетаніи двухъ элементовъ является художественная правда. Тургеневъ эти два элемента называетъ воспріимчивостью и самодѣятельностью, началомъ женскимъ и мужскимъ.

Въ русской литературѣ, къ счастью, эти два элемента слились во единое, потому что въ ея созданіи участвовали двѣ народности, общія по происхожденію, но различныя по характеру, — народности великорусская и малорусская». (Т. I, № 4-й, стр. 702—703).

Участіе малороссовъ въ выработкѣ обще-русской культуры начинается очень рано.

«Въ XVI и XVII столѣтіяхъ кіевская ученость была возбуждающей силой для Москвы. Константинъ Острожскій, Смотрицкій, Петръ Могіла, Елифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій — вотъ единственные проводники между европейскою ученостью, правда — схоластическою, и допетровскою Москвою. Петръ выбиралъ среди малороссовъ ревностныхъ поборниковъ своихъ реформъ, какъ напримѣръ Стефана Яворскаго, Дмитрія Ростовскаго, Оеофана Прокоповича, Варлаама Коссовскаго, Феодосія Яновскаго, Гедеона Вишневскаго, Теофилакта Лопатинскаго и др.» (Ibid., стр. 703).

Впослѣдствіи малороссы Гнѣдичъ первый создаетъ русскій гекзаметръ и двадцать лѣтъ трудится надъ переводомъ Иліады, Капнистъ своей «Ябедой» первый послѣ Фонвизина создаетъ серьезную общественную комедію, Богдановичъ «Душенькой» освободилъ русскую литературу отъ оковъ ложно-классицизма и «оживилъ ее духомъ шутки и бодрой веселости».

«Но центральнымъ поэтомъ, сосредоточившимъ въ себѣ весь своеобразный геній Малороссіи и приобщившимъ этотъ геній нашей литературѣ, былъ Гоголь. Онъ, можно сказать, вдохнулъ душу живую въ нашу поэзію и первый придалъ ей тотъ характеръ правдивости и человѣчности, которымъ мы по справедливости такъ гордимся. Да, этотъ характеръ придалъ ей Гоголь, а не Пушкинъ, не потому чтобы онъ былъ талантливѣе Пушкина, а потому, что онъ заставилъ звучать въ великорусской поэзіи струны ей дотолѣ чуждыя, — примиряющаго юмора, непритворной чувствительности и горячей любви къ человѣку, ко всякому человѣку вообще. Только Гоголь сдѣлалъ у насъ навсегда невозможнымъ возвращеніе къ фальши и условности, только онъ приготовилъ появленіе Тургенева, Достоевскаго и Льва Толстого». (Ibid., стр. 704).

Послѣ Гоголя малорусская народность, почувявъ собственныя силы, направила ихъ къ созданію собственной литературы. Пока литература эта воспроизводила чисто народные идеалы, ей достаточно было и исключительно малороссамъ свойственныхъ качествъ — сосредоточенной глубины чувства и юмора, «въ которомъ нераз-

рывно сливаются злоба и нѣжность, пасмѣшка и любовь». Апогеемъ развитія въ этомъ направленіи были произведенія Шевченка. Но лишь только малорусскіе писатели захотѣли коснуться культурныхъ сторонъ общественной жизни, національныхъ качествъ малорусскаго характера оказалось недостаточно; а такъ какъ они пожелали замѣнуться исключительно въ кругу этихъ качествъ, то вырожденіе малорусской поэзіи пошло быстрымъ шагомъ.

Всѣ малорусскіе писатели, до Шевченка, должны быть изучаемы, какъ элементы, подготовлявшіе почву для появленія его генія.

«Но есть и другая исходная точка при изученіи украинскихъ писателей. Юморъ и чувствительность малорусскаго генія оказали громадное вліяніе на нашу литературу, служили основнымъ элементомъ при ея созиданіи,—и поэтому всякое проявленіе этого генія для насъ фактъ не случайный, а глубоко поучительный, имѣющій связь съ нашей родной поэзіей. Изученіе малорусскихъ писателей для насъ крайне важно, и въ особенности такихъ, въ произведеніяхъ которыхъ наиболѣе ярко отразились основныя свойства малорусской натуры. Родоначальникомъ этихъ писателей по справедливости слѣдуетъ считать Котляревскаго, и потому его жизнь и поэтическая дѣятельность имѣютъ такое-же право на наше вниманіе, какъ и на вниманіе природныхъ малороссовъ». (Ibid., стр. 705).

Затѣмъ авторъ излагаетъ біографію Котляревскаго, совмѣстно съ его литературной дѣятельностью и оцѣнкой его произведеній. На фактахъ біографіи мы не будемъ останавливаться, такъ какъ они и безъ передаваемой нами статьи хорошо извѣстны, а посмотримъ, какъ г. Н. М. В. смотритъ на «Энеиду», «Наталку-Полтавку» и другія творенія Котляревскаго.

По окончаніи полтавской гимназіи Иванъ Петровичъ поступилъ домашнимъ учителемъ къ одному помѣщику малороссу. Здѣсь, къ концу 1795 года, 26 лѣтъ отъ роду, онъ начинаетъ набрасывать начерно строфы «Энеиды».

«Прежде чѣмъ выяснитъ значеніе этой поэмы, намъ сперва необходимо опредѣлять, какъ она зародилась въ мозгу поэта, какія жизненныя явленія вызвали идею о ней. Глухая Украина конца прошлаго столѣтія и пародія Виргилія, патриархальные помѣщики С—іе съ ихъ балбесами-племянниками и пасмѣшка надъ классическими богами и героями, все это такіе разительные контрасты, которые невольно наводятъ на размышленіе. Какимъ образомъ бурсацкій виршеплетъ поваялъ художественную несостоятельность «Энеиды», какъ Эней очутился въ золотонош-

сколь уѣздѣ полтавской губерніи, переодѣтый въ малороссійскую свиту и чоботы? Въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ очутиться въ такомъ недѣлькѣмъ углу, Эней совершилъ довольно далекое странствіе, переиѣнивъ на себѣ не одинъ костюмъ и не одну маску». (Ibid., стр. 706).

Впервые «Энеида» подверглась пародированію у француза Скаррона, этого «шута, поэта и философа въ одно и то-же время». Другая замѣчательная передѣлка Энеиды появилась въ 80-хъ гг. прошлаго вѣка въ Вѣнѣ и принадлежала перу нѣмца Блумауера. Эта пародія попала въ руки россійскаго стихотворца Ниволая Осипова и окончательно «раздѣлана имъ подь орѣхъ», выражаясь примѣнительно къ кабацкому языку произведенія Осипова. Въ то время какъ Скаррону и Блумауеру нуженъ былъ только предлогъ для сатиры надъ ихъ отечественными пороками, дѣль Осипова заключалась единственно въ кабацкомъ смѣхотворствѣ, такъ какъ публика, которой адресована была россійская «Энеида» не имѣла ровно никакого представленія о предметѣ, подвергшемся вывороту на изнанку. Эта-то знаменитая поэма Осипова «въ Энеевомъ вкусѣ» и попалась Котляревскому и послужила стимуломъ къ его «Виргиліевой Энеидѣ, на украинскую мову перелицованной». Вопросъ о томъ, кто для кого послужилъ образцомъ, Котляревскій-ли для Осипова, или наоборотъ, рѣшается авторомъ въ пользу первенства Осипова на основаніи слѣдующихъ соображеній:

«Первое изданіе «Энеиды» Котляревскаго было сдѣлано въ 1798 г., безъ его вѣдома, какинъ-то черниговскимъ помѣщикомъ Пурпуромъ, которому авторъ далъ поэму только для списанія. Вотъ этотъ-то Пурпура, по отзывамъ всѣхъ биографовъ Котляревскаго, былъ осмѣянъ въ строфѣ о «мацапурѣ» и осмѣянъ не за присвоеніе себѣ чужаго творчества (въ изданіи г. Пуриуры авторомъ названъ Котляревскій), а лишь за промыселъ чужимъ добромъ. Первое-же изданіе «Энеиды» Осипова появилось въ 1791 году, слѣдовательно за семь лѣтъ раньше малороссійской передѣлки. Но мы знаемъ, что еще къ концу 1795 года Котляревскій писалъ на лоскуткахъ свою «Энеиду», въ то время никому неизвѣстную даже въ Малороссіи, а тѣмъ менѣе въ Петербургѣ. Въ 1791 году Котляревскому было всего 21 годъ; онъ былъ еще въ бурсѣ, но ни одинъ изъ его товарищей по бурсѣ не упоминаетъ, что-бы онъ уже тогда писалъ свою «Энеиду». Принимая-же во вниманіе, что «Энеида» Осипова представляетъ искаженную копию съ передѣлки Блумауера, мы приходимъ къ неопровержимому выводу, что первенство

по времени принадлежатъ поэмѣ Осипова, которому несомнѣнно подражаетъ Котляревскій». (Ibid., стр. 708).

Какъ-же вышло, что подражаніе такому шутовскому произведенію, какъ «Энеида» Осипова, сдѣлалось безсмертнымъ твореніемъ? Причины этого—какъ въ талантѣ писателя, такъ и въ историческихъ обстоятельствахъ времени появленія поэмы. Малороссы, обреченные на усвоеніе чуждыхъ, сосѣднихъ культуръ, всегда однако хранили въ себѣ безсознательно любовь къ родному языку, обычаямъ и, главное, къ славнои своей исторіи. Усвоенная культура обрекала всѣ эти вещи на посмѣяніе, какъ принадлежащія просто-народью, а внутреннее чувство тяготѣло къ нимъ. Вотъ почему малороссійскіе паны упивались смѣшными украинскими анекдотами, полными національнаго юмора. Они относились къ нимъ свысока голько потому, что ложный стыдъ культурнаго человѣка мѣшалъ признаться къ народнымъ произведеніямъ, стать открыто на сторону народнаго генія. Нуженъ былъ только писатель, «который, подѣ предлогомъ насмѣшки, раскрылъ-бы предѣ культурными людьми всѣ зокровища языка и духа украинскаго простонародія, предѣготовывая гакимъ образомъ путь для будущаго вдохновеннаго пѣвца».

«Этимъ писателемъ и былъ Котляревскій, который, приступая къ своей поэтической дѣятельности, имѣлъ вначалѣ только одну сознательную цѣль: смѣшнить образованную публику сценами изъ просто-народнаго быта, написанными на малороссійскомъ языкѣ. Но, изучая для этого народный языкъ и нравы, Котляревскій безсознательно исполнялъ великую историческую миссію. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того какъ онъ пропикалъ все глубже въ народную жизнь, его отношеніе къ ней мѣняется, безсознательная миссію разъясняется въ его душѣ, и онъ пользуется яніемъ народной жизни не для издѣвательства надъ ней, а для поэтическаго ея юспроизведенія, пробудивъ своими прежними произведеніями интересъ и любовь культурныхъ читателей къ языку и быту простонародья. Такимъ образомъ дѣятельность Котляревскаго распадается на два періода: безсознательнаго народничества и сознательнаго. Къ первому періоду относится большая часть «Перелюбованной Энеиды», ко второй—послѣднія пѣсни этой поэмы и, главнымъ образомъ, драматическія произведенія Котляревскаго». (Стр. 709—710).

Изъ сказаннаго вытекаютъ и достоинства и недостатки «Энеиды».

«Главное достоинство ея—народность, выражающаяся, во первыхъ, въ языкѣ, юдслушанномъ у народа и впервые отлитомъ въ литературныя формы, во вто-

рыгъ, въ народномъ бытѣ, описанномъ живыми и талантливыми штрихами и въ третью, въ народномъ юморѣ, разлитомъ по всему произведенію. Главный недостатокъ «Энеиды» — отсутствіе цѣльности въ замыслѣ и въ исполненіи: народная поэма была задумана съ намѣреніемъ позабыться на счетъ народа!... Цѣльность поэмы страдаетъ и отъ того, что послѣднія пѣсни, когда отношеніе Котляревскаго къ народу стало измѣняться, написаны въ другомъ тонѣ, нежели первыя». (Ibid., стр. 712).

Успѣхъ «Энеиды» имѣла колоссальный. Она разошлась въ громадномъ количествѣ списковъ до напечатанія, а по напечатаніи въ 1798 году, въ теченіи 11 лѣтъ, выдержала 4 изданія. Одинъ экземпляръ попалъ даже въ походную бібліотеку Наполеона I и завезенъ имъ въ Парижъ. Общественное мнѣніе признало «Энеиду» основаніемъ малорусской поэзіи, «но не столь согласны были разговоры о ней критики».

Далѣе разбирается двукратное сужденіе объ «Энеидѣ» Кулиша: одно, 60-хъ годовъ, въ которомъ онъ не находитъ словъ для порицанія Котляревскаго за карикатурное изображеніе малорусскаго народнаго характера и за насмѣшку надъ народнымъ языкомъ, другое 80-хъ годовъ, гдѣ Котляревскій превозносится за демократизмъ, за то, что «онъ стащилъ съ олимпійскихъ высотъ боговъ и богинь съ полубогами... и все олимпійское барство обратилъ въ мужицкую простоту». «Выходитъ, слѣдовательно, остроумно замѣчаетъ г. Н. М. В., что Котляревскій имѣлъ намѣреніе смѣяться не надъ простолюдиномъ, а надъ барствомъ, надъ сильными міра, но такъ искусно скрылъ свое намѣреніе, что г. Кулишу понадобилось 20 лѣтъ размышленій, чтобы проникнуть въ него».

Выше авторъ замѣтилъ, что во второму періоду настроенія Котляревскаго, времени искренней любви къ народу, относятся созданіе его драматическихъ произведеній: «Наталки-Полтавки» и «Москаля-Чаривныка». Первую пьесу г. Н. М. В. называетъ «комедіей типовъ» и защищаетъ ее отъ упрека въ тогдашнемъ общерусскомъ литературномъ сентиментализмѣ.

«Правда, въ «Наталкѣ-Полтавкѣ» несомнѣнно звучитъ сентиментальная нота: правда и то, что въ русской литературѣ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка господствовало сентиментальное направленіе; но между сентиментальностью Карамзина и его послѣдователей, съ одной стороны, и Котляревскаго — съ другой, лежитъ цѣлая бездна. У Карамзина чувствительность была болѣзненная, засти-

нанная съ Запада, чуждая великорусскому характеру, и потому успѣхъ ея былъ крайне недолговѣченъ... Не то было съ Котляревскимъ. Чувствительность въ его пьесахъ была ничуть не заимствованная извнѣ, а почерпнутая изъ самыхъ тайниковъ національнаго духа украинцевъ» (Ш. II, № 5-й, стр. 129).

Затѣмъ авторъ для иллюстраціи въ только что высказанному имъ проводитъ параллели между аналогичными положеніями персонажей Карамзиновской «Бѣдной Лизы» и «Наталки-Полтавки» Котляревскаго, и каждый разъ находитъ, что лица «Наталки-Полтавки» поступаютъ вполне естественно, сообразно съ данными обстоятельствами и своимъ національнымъ характеромъ, между тѣмъ какъ въ «Бѣдной Лизѣ» они просто ломаются.

«Москаля-Чаривныка» авторъ называетъ «забавнымъ водевишемъ изъ народной жизни, въ которомъ много шаржа и случайностей, но веселье котораго нѣтъ ни одной пьески среди всѣхъ, посвященныхъ изображенію народнаго быта».

Художественная дѣятельность Котляревскаго оканчивается 1819 годомъ. Въ 1822 году его избрали членомъ петербургскаго общества любителей россійской словесности; литературная извѣстность его въ этому времени достигла довольно обширныхъ размѣровъ. Иванъ Петровичъ умеръ въ 1838 году, на 70-мъ году жизни, въ родной Полтавѣ, среди всеобщей любви и почитанія.

«Въ 1869 г. кружокъ полтавцевъ торжественно отпраздновалъ столѣтній юбилей дня рожденія Котляревскаго, имя котораго навсегда останется памятнымъ. Малороссія не столько потому, что Котляревскій былъ великій талантъ, какъ помню, что ему вышло счастье быть инициаторомъ, первымъ народнымъ поэтомъ, цомъ малорусской литературы. Струны юмора и чувствительности, впервые имъ гронутыя, продолжали звучать во всѣхъ послѣдующихъ произведеніяхъ украинской эзны. Но особенно явное подражаніе Котляревскому видно въ слѣдующихъ произведеніяхъ малорусской литературы: въ «Горинидѣ» П. И. Бѣлецкаго-Носенка, «Мараськиныхъ одахъ» П. П. Артемовскаго-Гулака, «Жабомышдраківкѣ» К. Д. Митрашкова, «Патретѣ» Квитки-Основьяненко, затѣмъ—въ комедіяхъ и операхъ Голя—отца, Я. Кухаренка и др. Котляревскій принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ герагурнымъ инициаторамъ, произведенія которыхъ имѣютъ не одно историческое, и художественное значеніе и спустя почти столѣтіе послѣ своего написанія еще гаются съ живымъ интересомъ. Котляревскій бросилъ первое зерно той богатой гвы, которую впоследствии собралъ Шевченко, и недаромъ этотъ въ лучшемъ

смыслѣ слова народный пѣвецъ посвятилъ памяти Котляревскаго одну изъ самыхъ прочувствованныхъ своихъ думъ... (Ibid., стр. 133).

Хорошо сдѣлалъ авторъ переданной нами статьи, что въ концѣ ея приложилъ для интересующихся предметомъ «библіографическій указатель сочиненій Котляревскаго и о Котляревскомъ», который мы дополнимъ указаніемъ на статью о Котляревскомъ въ галицко-русскомъ журналѣ «Світъ» за 1881 годъ, гдѣ между прочимъ высказано объ одѣ Котляревскаго «до князя Куракина» мнѣніе замѣчательно сходное съ мнѣніемъ о томъ-же г-на Н. М. В.

Замѣтимъ встать, что въ одной изъ тѣхъ-же книжекъ «Новыя» именно въ т. I, № 4-мъ, напечатанъ новый рассказецъ П. А. Кулиша—«Дядушкинъ завѣтъ», заслуживающій упоминанія на страницахъ нашего журнала хотя-бы потому, что самъ г. Кулишъ теперь нѣкоторымъ образомъ принадлежитъ уже исторіи.

Объ кievскія газеты, «Кіевлянинъ» и «Заря», впродолженіе истекшаго года не только своевременно отзывались на извѣстныя явленія, такъ или иначе относившіяся къ мѣстной исторіи, но удѣляли на своихъ столбцахъ мѣсто даже историческимъ документамъ. На статьяхъ, вызванныхъ злобой дня, мы останавливаться не будемъ, а только перечислимъ ихъ параллельно въ обѣихъ газетахъ; помѣщенные-же документы, въ интересахъ исторіи, позволимъ себѣ привести цѣликомъ.

Въ январѣ прошлаго года, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, скончался заслуженный въ наукѣ южно-русской этнографіи Павелъ Платоновичъ Чубинскій. Въ «Кіевлянинѣ» (№ 17) помѣщенъ некрологъ его, написанный Ив. Новицкимъ. Въ «Зарѣ» (№ 15), кромѣ некролога, принадлежащаго г. В. А., напечатаны и подробныя рѣчи сказанныя на похоронахъ Чубинскаго гг. Кулябкой, Науменкомъ и покойнымъ А. О. Кистяковскимъ.

2 февраля исполнилось 100 лѣтъ со дня рожденія Гнѣдича автора приснопамятной «Иліады», родившагося и воспитывавшагося въ Полтавѣ. Обѣ газеты почтили память его статьями: въ «Зарѣ» въ день годовщины (№ 27) памяти Гнѣдича посвящена передовая статья, а въ «Кіевлянинѣ», тоже начиная со 2 февраля, въ трехъ номерахъ (№№ 27, 28 и 29) помѣщены довольно обстоятельно

біографическія замѣтки г-на П. С., подъ заглавіемъ «Къ столѣтней годовщинѣ Николая Ивановича Гнѣдича».

По выходѣ въ свѣтъ книги г. Петрова: «Очеркъ исторіи украинской литературы XIX ст.», въ обѣихъ газетахъ помѣщены рецензіи на нее, въ «Кіевлянинѣ» (№ 43) г. Ив. Новицкаго, въ «Зарѣ» (№ 48) обстоятельная рецензія г. М-на, и еще раньше, въ № 37, замѣтка на ту-же книгу: «Судьбы украинской литературы въ девятнадцатомъ столѣтіи».

Обѣ газеты въ теченіи августа и сентября, по случаю 50-лѣтняго юбилея университета св. Владимира, помѣстили массу замѣтокъ, такъ или иначе касающихся исторіи университета, причемъ «Кіевлянинъ» очевидно пользовался офіціальными свѣдѣніями и потому далъ болѣе матеріала. Всѣ эти замѣтки, впрочемъ, утратили свой интересъ послѣ появленія исторіи университета профессора Владимірскаго-Буданова.

Та и другая газета своевременно давала публикѣ отчетъ о засѣданіяхъ и чтеніяхъ мѣстнаго историческаго общества Несторалѣтописца.

Остановимся теперь на каждой газетѣ отдѣльно. «Кіевлянинъ» помѣстилъ въ нѣсколькихъ номерахъ (№ 60, 61, 65 и 66) «Очеркъ развитія малорусской штунды», неизвѣстнаго автора. Очеркъ написанъ на основаніи газетныхъ корреспонденцій и журнальныхъ статей; о достоинствѣ его можно судить по отзыву объ этомъ очеркѣ г-на П. Л. въ ноябрьской книжкѣ «Кіевской Старины».

Въ той-же газетѣ два неодинаковой достовѣрности сообщенія. По поводу помѣщеннаго въ іюльской книжкѣ «Кіевской Старины» портрета русской княжны Анны Ярославны, вышедшей замужъ за французскаго короля Генриха I, въ № 152 сообщалось, будто объ этой княжнѣ готовится ученымъ православнымъ монахомъ о. Августиномъ Мовильономъ, французомъ по происхожденію, цѣлое сочиненіе, основанное въ значительной степени на неизвѣстныхъ доселѣ источникахъ. Извѣстіе это, обошедшее всѣ почти газеты, оказалось ни на чемъ не основаннымъ. Иного рода сообщеніе о томъ, что высокопреосвященный митрополитъ Платонъ испросилъ у Государя Императора позволеніе возстановить славную межигорскую обитель, эту драгоцѣнную по историческимъ воспоминаніямъ руину, храмы которой стоятъ почти въ запустѣніи съ 1798 года, когда она по

распоряженію правительства обращена была въ финансовую фабрику («Кіевлянинъ», № 148).

Не лишены интереса также выдержки изъ доставшагося редакціи «Кіевлянина» «*Росписанія доходовъ и расходовъ губернскаго города Кіева, 17 сентября 1831 года*» (№ 16).

«Изъ документа этого видно, что въ 1831 г. всѣ доходы города равнялись 243 тыс. руб. ассигнац., что составляетъ рублями металлическими около 81,000 р., между тѣмъ какъ по отчету 1882 года доходы города равняются почти миллионъ рублей кредитныхъ, или считая по курсу въ 60 коп. металлическихъ, 600 тысячъ руб. металлическихъ. Расходы въ то же время были опредѣлены въ 209 тыс., такъ что предполагалось сбереженія 34 тыс. руб.»

Газета сравниваетъ дальше различныя статьи дохода и расхода того времени съ настоящими и отмѣчаетъ несуществующіе нынѣ источники доходовъ, напр. питейный откупъ, или «съ эквилибристовъ, ташеншпилеровъ, штукмейстеровъ и отъ театра—500 р.» Изъ статей расхода интересна—содержаніе городского общественнаго управленія, которое обходилось въ 20,270 руб., причемъ войтъ получалъ 700 р., два бухгалтера по 250 р., четыре ратсгера по 200 р.

«Содержаніе словеснаго суда обходилось всего въ 420 р., изъ конгъ лавникъ получалъ 100 р., истигаторъ 80 р., урядникъ 80 р., и 2 разсылщика по 80 р.» «На народное образованіе расходовалось 4,000 руб. въ настоящее время до 65,000 р.: расходы на врачебную помощь заключались въ платѣ городовому врачу, въ настоящее время на больницы и врачей расходуется 72 т. рублей» («Кіевл.», № 16).

Но дѣйствительно важное историческое значеніе имѣютъ два документа, напечатанные «Кіевляниномъ» и относящіеся къ извѣстной успенской церкви въ г. Переяславѣ, въ которой по преданію присягалъ на вѣрность московскому царю Богданъ Хмельницкій. 10 августа (№ 178) въ газетѣ помѣстилъ какой-то «любитель старины» замѣтку, въ которой негодуетъ на то, что по распоряженію епархіальнаго начальства имѣетъ быть въ скоромъ времени разрушена въ Переяславѣ успенская церковь, стоящая въ центрѣ города, въ «Замковищѣ», въ которой по преданію присягалъ 8 января 1654 г. Богданъ Хмельницкій и въ которой хранятся до сихъ поръ крестъ и евангеліе, употребленные при присягѣ. Разнохарактерность постройки зданія собственно и дала поводъ автору замѣтки думать, что старая успенская церковь, обреченная на сломъ, въ своемъ остовѣ

есть именно знаменитая церковь Хмельницкаго. Эту ошибку раздѣляли многіе. Было доведено о церкви до свѣдѣнія президента академіи художествъ, великаго князя Владиміра Александровича, который озаботился дать средства для поддержанія древняго храма и командировалъ на мѣсто депутата отъ академіи художествъ для осмотра зданія. Но мѣстное епархіальное начальство и предсѣдатель мѣстнаго комитета о. Терлецкій не соглашались почему-то съ мнѣніемъ нѣсколькихъ членовъ на счетъ древности церкви и приготавливали матеріалъ для постройки новой, каменной на ея мѣстѣ. Пошли пререканія съ обѣихъ сторонъ, члены комитета раздѣлились, почетныя лица города перестали въ немъ участвовать. Дѣло принимало неблагоприятный оборотъ. Къ счастью, мѣсяца черезъ два послѣ замѣтки «любителя старины» въ редакцію «Кіевлянина» была прислана изъ Переяслава другая замѣтка, г. Т., съ двумя документами, которые рѣшили споръ. Оказалось, что нынѣшняя обветшавшая успенская церковь построена прихожанами въ 1767 году, на мѣстѣ сгорѣвшей исторической. Одинъ изъ документовъ—копія указа епархіальнаго архіерея о постройкѣ нынѣшней успенской церкви, другой—копія контракта мастера съ причтомъ и прихожанами. Вотъ эти документы: («Кіевлянинъ», № 229).

I. «Божію милостію смиренный Гervasій, епископъ переяславскій и бориспольскій. Всечестному протопопу переяславскаго полку Скрышинскому, Божіе благословіе препосылая, предлагаемъ. Настоящаго 1767 года іюня 1 дня, священникъ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы верхняго горнизоннаго переяславскаго города Андрей Берло съ прихожанами той церкви поданнымъ намъ пастыревѣ доношеніемъ представили: прошлаго де 1761 года, изволеніемъ Божіимъ, церковь ихъ приходская большая Успенія Богоматере, бывшая о трехъ престолахъ, до основанія сгорѣла, на мѣсто которой устроена была небольшая съ хоромнаго строенія, пока къ строенію по надлежащему большой церкви дерева и прочихъ принадлежащихъ матеріаловъ изготовили. А яко де нынѣ уже какъ деревьевъ, такъ и другихъ матеріаловъ довольное число приуготовленно, и майстеръ уконтрактывавъ и за Божіимъ благословіемъ желаютъ оную начать на прежнемъ мѣстѣ, такъ же о трехъ престолахъ, съ конхъ будетъ первый, средній, престоль во имя Успенія Пресвятыя Богоматере, другой, по правую сторону, во имя святаго Іоанна Предтечи, третій, съ лѣвой стороны, во имя святыхъ апостолъ Петра и Павла, для того прогнали на заложеніе показанной ихъ о трехъ престолахъ церкви нашего благословія; того ради мы пастыръ всечестности вашей предлагаемъ и показанную новую цер-

ковь во имя Господне, въ честь Успенія Пресвятыя и Преподобноу Владычицы Богородицы и Приснодѣвы Маріи и во имя святыхъ великаго Іоанна Предтечи и первоверховныхъ апостолъ Петра и Павла, по чиноположенію святыя восточныя церкви, заложити благословляемъ, а по заложеніи въ консисторію нашу репортовати; 1767 года іюля 2 дня. Въ подлинномъ тако: вышеименованный Гервасій епископъ ».

II. « 1766 года ноября 6 дня. Я нижеподписавшійся полку переяславского, житель сѣтъ бубновской, села Сошховъ, майстеръ Евстратій Прохоровъ, даю сей контрактъ церкви Успенской переяславской презвитеру Андрею Берлу съ прихожанами въ томъ, что порадился я нижеподписанній строить церковь Успенія Богоматере кривую (въ формѣ креста) на три престола съ предѣлами, на коей и главъ три имѣть быть... за цѣну денгами сто девяносто рублевъ, съ харчей, яко то: житнаго борошна четвертковъ новой мѣры 40, гречавого тоже, пшеничного 10, сала пудовъ 10, пшона 10, олѣи три ведра, сивухи здѣшней работы 10, кадокъ, рыбы игольѣ (иголкою низанной) 4 тысячи, барановъ 10, когда востребуется, работникамъ капуста дѣжка, бураковъ дѣжка, квартера, кухарь, горшки, миски и ложки, при закладѣ сукна на кунтушъ товароваго пять локоть съ половиною, и за всю вышеписанную сумму имѣю я нижеподписанній означенную церковь строить съ крайнимъ имѣньмъ раченіемъ, скоропоспѣшно и неостановительно, подъ потераніемъ, за составкою моего дѣла, всей посуленной отъ нихъ суммы, въ томъ я подписуюся. Майстеръ Евстратій Прохоровъ ».

« Изъ приведенныхъ документовъ, говоритъ г. Т., ясно видно, что зданіе успенской церкви XVII вѣка, въ коей присягалъ Богданъ Хмельницкій, 8 января 1654 года, съ малороссійскимъ народомъ на вѣрноподданство Россіи, сгорѣло до основанія въ 1761 г. На мѣстѣ сгорѣвшей церкви построена была маленькая церковь, въ родѣ часовни, на время, пзъ простаго жилища зданія. Затѣмъ уже въ 1767 году, прихожане, собравшись съ силами, начали строить на старомъ мѣстѣ новую деревянную церковь о трехъ престолахъ и трехъ главахъ. Но похожа-ли эта церковь была на сгорѣвшую въ своемъ планѣ и фасадѣ, изъ документовъ не видно. Несомнѣнно только, что церковь построена на прежнемъ мѣстѣ и что главный престолъ во имя Успенія Божіей Матери. Значить, памятникомъ XVII вѣка служить не зданіе церкви, а мѣсто, ею занимаемое, и ея имя. Это-то и нужно сохранять и увѣковѣчивать, если не сохранилось самое зданіе ».

Въ 47 номерѣ «Зари» также помѣщенъ любопытный документъ, дополняющій извѣстный «Сборникъ матеріаловъ для исторіи»

рической топографіи Кіева» и трактующей о «Шевномъ дворѣ» на Подолѣ. Документъ появился въ газетѣ по слѣдующему поводу. Въ январѣ прошлаго года окончился процессъ между кіевскимъ сапожнымъ цехомъ и мѣщанами г. Кіева о владѣніи *Шевнымъ дворомъ*, что на Подолѣ, противъ такъ называемой толкучки. Дворъ этотъ купленъ былъ кіевскимъ шевскимъ цехомъ въ 1609 г. у бѣлгородскаго священника Кириака Исаевича, за 140 копъ литовскихъ. Король Сигизмундъ III выдалъ сапожному цеху въ 1619 году грамоту на право пользованія купленнымъ дворомъ, а Владиславъ II впоследствии подтвердилъ ее. Но такъ какъ *шевцы* прежде составляли часть мѣщанъ кіевскихъ, то дворомъ владѣли вообще мѣщане. Мѣщане продолжали владѣть имъ и по отдѣленіи отъ ремесленниковъ сословно. Но нынѣшній сапожный цехъ г. Кіева, считая себя прямымъ преемникомъ «шевскаго цеху», предъявилъ къ мѣщанской управѣ искъ о «Шевномъ дворѣ» и отобралъ его у мѣщанъ по рѣшенію окружнаго суда, причемъ дѣло въ пользу сапожниковъ, по сообщенію редакціи, рѣшила упомянутая выше грамота Сигизмунда III, которая читается такъ:

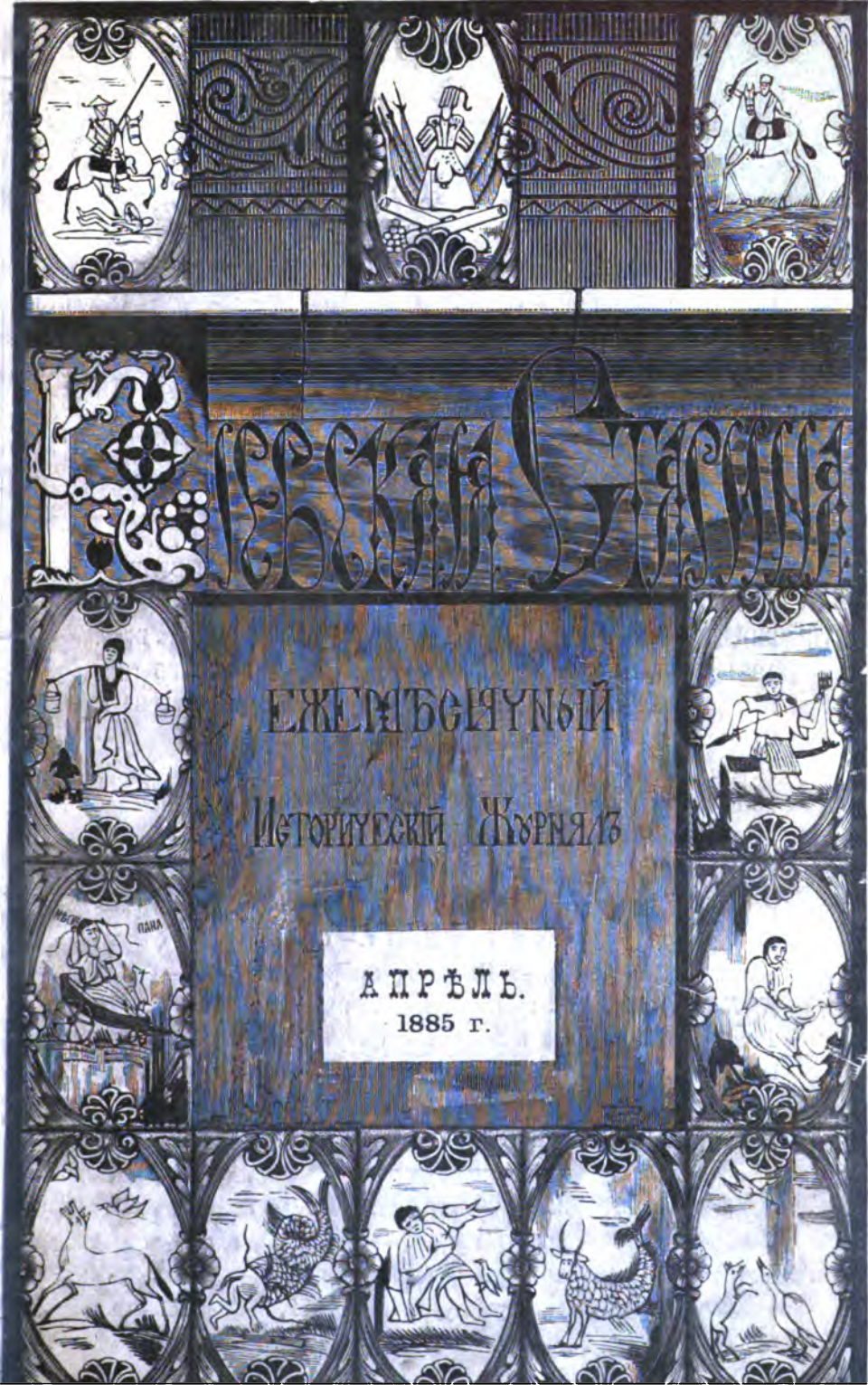
«Жикгимонтъ третій, Божію милостію король полскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, мазовецкій, жимонтскій, инфлянтскій, шведскій, готскій, вандалскій, дедичный король. Ознаймуемъ тымъ листомъ нашимъ всѣмъ посполите и каждому зособна, нынешнимъ и напотомъ будучимъ: показывали передъ нами мещане киевские присуду замкового, то есть цехмистръ швецкій и все братте цеху швецкого и гарбарского (кожемяки) выпись съ книгъ земскихъ киевскихъ, подъ датою року тысяча шестсотъ девятого, мясца октября пятого дня для продажи вечистое пляцу и дому съ коморами и всимъ будованемъ въ месте нашомъ киевскомъ, межи домами съ одное стороны Макаровича, зъ другое монастыра печерского, тыломъ къ дому Севасткова, а воротами ку улицы рыноковой лежачий, котораго-то пляцу и дому (у) Кирияка Исаевича попа белгородскаго и у жены его за певную суму пенезей, то есть за сто и сорокъ копъ литовскихъ достали и купили на вѣчность себе самимъ и наступникомъ своимъ, яко-то въ томъ выписе выражено есть; и были намъ челомъ преречовые мещане, абыхмо ихъ при томъ пляцу и дому, яко власное купили ихъ вечистое, заховали и водлугъ давнихъ правъ и звычайевъ ихъ на томъ пляцу шопы и коморы для продаваня товаровъ разныхъ побудовать позволили. А такъ мы, король, бачечи бытъ въ томъ челомбите ихъ слушное, того всего, чого рѣчь и слушность самая потребуеть, не одмовилисмо, и овшемъ, заховавши ихъ самихъ и наступниковъ ихъ при томъ пляцу и доме, яко

при власномъ кгрунте ихъ, на вѣчныя часы, надто шопы и коморы, для продаваня товаровъ ихъ, тымъ то мещаномъ цобудовати цозволили есмо и тымъ листомъ нашимъ затвержене тое купли позволяемъ; волни водлугъ волности и правъ давныхъ ихъ, наданныхъ тежъ, шевци, яко и гарбари, ганделевати и оныя продавати, и ихъ наступники на всѣ потомныя часы, безъ вшелякихъ податковъ местскихъ, въ чести ихъ мещане киевскіе права майдебургского и тежъ врадъ замковий киевскій жалное перешбоды и перевагабаны чинити не мають и не будутъ съ повинности своей и для ласки нашея королевское. И на то далисмо сей нашъ листъ съ подписомъ руки нашея, до которого и печать нашу коронную притиснути есмо казали. Писано у Варшаве, лета Бжого нароженя тысяча шестсотъ девятнадцать, мѣсяца марта дванадцатаго дня, наповавя нашего полского тридцать второго, а шведского двадцать шестого року. Sigismundus Rex. Florian Oleszko, woisky Wlodzimirsky Pisarz. 3 Maja 1619, cechmistrz pomieniony per oblatam podał do Ksiąg grodzkich Kijowskich. Przyiołem Michał Myszka Choloniewsky. Conserwacja placu kupnego mieszczanom kijowskim szewskiego cechu na zbudowanie kramnic i na sprzedawanie towarow ich szewskich». («Заря» 1884 г., № 47).

Отмѣтимъ въ заключеніе, что въ той-же газетѣ, №№ 229 и 231, напечатанъ краткій очеркъ исторіи кирилловской церкви и сообщеніе о ходѣ работъ въ ней проф. Прахова; въ № 273—рецензія на вторую часть украинскаго альманаха «Рада».

В. Н.

Y2AUG29

ВЕЩА СЛАВЯН

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

АПРѢЛЬ.
1885 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Апрѣль, 1885 г.

	стр.
I. КИРИЛЛЪ И МЕФУДИЙ—ПРОСВѢТИТЕЛИ СЛАВЯНСКІЕ	I—IV
II. ВОРОНЕЖСКІЕ ХОХЛЫ. (Изъ случайныхъ замѣтокъ, воспоминаній и наблюдений). Бориса П—скаго	613
III. ЮАННЪ ВЫШЕНСКІЙ. (Южно-русскій помещицъ начала XVII ст.). Н. Ф. Сумцова	649
IV. ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. (Продолженіе)	678
V. ЮЖНО-РУССКІЙ ДВОРЯНИНЪ XVIII ВѢКА. Николая Бакая	716
VI. УНИВЕРСАЛЬ КІЕВСКАГО ПОЛКОВНИКА ВАСИЛІЯ ДВОРЕЦКАГО 1660 ГОДА. (Объ отдачѣ церкви Николая Добраго въ Кіевѣ бернар- динскихъ, іезуитскихъ и армянскихъ грунтовъ)	743
VII. ПРОЕКТЪ КАЗЕННАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ ПРИСОЕДИНЕН- НЫХЪ ОТЪ ПОЛЬШИ КЪ РОССИИ ОБЛАСТЯХЪ	746
VIII. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Памятники императорской академіи наукъ въ Вѣнѣ. 1884 годъ.—Н. Сумцова.—б) Виленскій календарь на 1885 годъ. Вильна. 1884 года.—в) Холмскій народный календарь на 1885 г. Кіевъ, 1884 года. Изданіе холмскаго свято-богородицкаго братства.— И. Каманина.—г) П. Л., Кіево-михайловскій златоверхій монастырь въ его прошлое и настоящее. Кіевъ, 1885 годъ.—И. Каманина.	755
IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Кураковскій договоръ козаковъ съ поля- ками 1625 года.—Свящ. В. Никифорови.—б) Кіевская актовая рѣчь 1841 года.—Сообщ. прот. Е. Потруженко.—в) Къ характе- ристичѣскимъ шляхетско-козацкаго быта XVIII в.—Ф. Н.—г) Изъ фамилі- ныхъ преданій.—С—ка.—д) Наслѣдники запорожскихъ земель.—Сообщ. Д. Багалій.—е) Изъ временъ польскаго возстанія 1863 года.—И. Ревы.—ж) Малорусская политическая сатира на Польшу по поводу ея раздѣла.—з) Три малорусскія члѣны изъ періода крымской компа- ніи.—Сообщ. Н. И Барсовъ	767
X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) (Продолженіе) 145-160	

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1885 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8.—Оставшіеся въ незначительномъ числѣ экземпляры журнала за 1882, 1883 и 1884 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ ХІ.

АПРѢЛЬ.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Київъ, 20-го марта 1885 года.

КИРИЛЛЪ И МЕОДИЙ — ПРОСВѢТИТЕЛИ СЛАВЯНСКІЕ.

6-го апрѣля 885 г. въ столицѣ моравскаго княжества Велеградѣ, нынѣ заброшенномъ и малоизвѣстномъ городкѣ, мирно опочилъ отъ апостольскихъ трудовъ святитель Меодій, архіепископъ моравскій, который, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Константиномъ, въ схимѣ Кирилломъ, ранѣе его скончавшимся, увѣковѣчили память свою проповѣдію христіанской вѣры среди языческихъ славянскихъ племенъ и колоссальнымъ трудомъ перевода св. писанія и церковно-богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ. Смерть этого дивнаго по своимъ подвигамъ святителя прошла въ то время мало кѣмъ замѣченною, какъ обыкновенное явленіе въ мірѣ человѣческомъ. Враги его, враги славянскаго слова, жизни и силы — утѣшились, ученики и друзья его со слезами опустили гробъ его въ могилу, и только въ ихъ сердцахъ, да въ переложѣнныхъ св. Меодиѣмъ, вмѣстѣ съ братомъ, словенскимъ языкомъ книгахъ святыхъ, хранилась скромная память объ немъ. Вскорѣ потомъ ученики его были изгнаны изъ Моравіи и дѣло св. братьевъ солунскихъ — православная греко-восточная вѣра, славянское богослуженіе, славянская проповѣдь — стерто, сглажено, прахомъ покрылось на мѣстахъ ихъ апостольскаго служенія.

Теперь, когда съ 6-мъ апрѣля сего 1885 г. наступаетъ тысячелѣтіе со дня кончины святаго Меодія, дѣло первоучителей славянскихъ разрослось широко и слава ихъ гремитъ повсюду. Волнуется католическій Западъ и какъ-бы оспариваетъ

у православія право чествованія священной ихъ памяти. На самомъ дѣлѣ со стороны католическаго Запада это только давнее, нынѣ уже тысячелѣтнее приязаніе его къ православному Востоку съ цѣлю подорвать его авторитетъ, унижить, раздѣлить, ослабить православное и неправославное славянство и рано или поздно привести его въ подчиненіе римскому престолу. Къ счастью всего славянскаго міра, во главѣ его стоитъ стомилліонная Россія и не страшны ему никакія ухищренія и подходы соединеннаго католическаго ультрамонтанства. Православная Россія, поддерживаемая симпатіями всего почти славянства, готовится со всѣмъ великолѣпіемъ и торжествомъ отпраздновать тысячелѣтнюю память первоучителей славянскихъ, св. Кирилла и Меодія, въ день кончины послѣдняго, 6 апрѣля с. г. Во всѣхъ церковно-общественныхъ, правящихъ и умственныхъ центрахъ ея идутъ дѣятельныя приготовленія къ этому великому торжеству. Вѣдомства духовное, военное, гражданское и учебное то раньше, то позже сдѣлали соответственныя распоряженія. Города и села, думы и приходы, благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія, духовные и міряне, ученые и простые, художники и артисты—все стараются чѣмъ нибудь выразить свое сочувствіе памяти святыхъ учителей, общими силами создать всей Россіи великое торжество. Изготовлены или изготовляются въ различныхъ концахъ и кружкахъ хромофотографированныя изображенія св. братьевъ и иконы на доскахъ, пространныя и краткія ихъ жизнеописанія для бесплатной раздачи въ десяткахъ и сотняхъ тысячъ экземпляровъ, ученые изслѣдованія и карты славянскаго міра IX вѣка, церковныя, академическія, кружковыя рѣчи и просто рѣчи, идутъ пожертвованія, проэктируются учрежденія и постройки съ цѣлю увѣковѣчить въ народѣ память славянскихъ первоучителей. Въ день кончины святителя Меодія, 6-го апрѣля, во всей православной Россіи совершатся торжественныя богослуженія, крестные ходы, молебствія; милліоны людей сольются въ одномъ народно-историческомъ представленіи и сознаніи знаменательности и величія празднуемаго событія, милліоны голосовъ вознесутся къ небу съ

прославленіемъ дивнаго во святыхъ своихъ Господа и памяти св. братьевъ—учителей нашихъ. Отнынѣ день св. Кирилла и Меодія станетъ снова праздникомъ всей православной Россіи и память о нихъ и великомъ, совершенномъ ими для всего славянства и для насъ дѣлѣ возрастетъ и укрѣпится незыблемо въ сознаниіи народномъ. Да будетъ великъ и святъ этотъ день!

Какъ фактъ исторической, какъ фактъ даннаго времени и мѣста, жизнь и смерть св. Кирилла и Меодія и все совершенное ими для славянства выступаютъ изъ сферы специальныхъ нашихъ изслѣдованій; но разсматривая трудъ великихъ учителей и проповѣдниковъ, какъ событіе обозначившееся въ исторіи различныхъ славянскихъ племенъ и ихъ соотношеніяхъ многочисленными и весьма важными послѣдствіями, мы не можемъ не остановиться предъ нимъ съ чувствомъ благоговѣйнаго воспоминанія и тѣми думами, что навѣваются невольно какъ самымъ празднуемымъ событіемъ, такъ и близкими и далекими судьбами всего славянства и въ частности нашими.

Потому мы участники въ наступающемъ торжествѣ, что мы воспользовались, хотя и значительно позже другихъ, плодами письменности славянской, созданной трудами братьевъ солунскихъ; потому еще празднуемъ мы тысячелѣтную память ихъ, что они лично были въ нынѣшнихъ предѣлахъ земли нашей, видѣли разцвѣтавшее христіанство въ древнемъ Херсонесѣ, по берегамъ понта Эвксинскаго и пронесли слово ученія Христова до береговъ моря Хвалынскаго, въ страну невѣрныхъ хозаръ. И только,—если не считать того, что намъ досталась часть обрѣтенныхъ ими мощей св. Климента, которую мы не умѣли или не могли сохранить. Хотѣлось-бы однако думать, что мы нѣсколько болѣе близкіе участники предстоящаго торжества тысячелѣтія славянской письменности, хотѣлось-бы вѣрить, что св. братья Кириллъ и Меодій просвѣтили свѣтомъ ученія Христова не однихъ инопорядцевъ тогдашней Россіи, но и коренныхъ, хотя и не многихъ ея обитателей.

Начало нашей письменности теряется въ сумракѣ вѣковъ; но то извѣстный и неоспоримый фактъ, что невдалекѣ отъ Чернаго моря обитали какіе-то *русы* и что св. братья Константинъ и Меодій нашли въ Херсонесѣ «евангеліе и псалтырь руськими письмены писано». Каковы были эти письмены, какъ отнеслись къ нимъ св. братья, въ особенности Константинъ, будущій изобрѣтатель славянской азбуки, — остается неизвѣстнымъ. Позволительно однако-жъ думать, что не однимъ сорокадневнымъ постомъ Константинъ философъ подготовилъ себя къ начертанію письменъ славянскихъ...

Еще болѣе невыясненнаго, не досказаннаго, но, какъ намъ кажется, не лишенаго связи съ настоящимъ празднованіемъ въ сказаніи о началѣ у насъ христіанства. Позднѣйшая историческая критика отвергла все лѣтописное сказаніе о посольствахъ къ Владиміру и посольствахъ отъ него, оставивъ лишь голый фактъ крещенія его и имъ кіевлянъ и назвавъ все остальное легендою. Откуда однако самая легенда, откуда въ ней это имя Константина философа и не названнаго по имени его спутника? Въ эпоху крещенія Владиміра эти лица и ихъ дѣйствія стоятъ однако лишь въ нашей лѣтописи и ничего общаго имъ и всему лѣтописному сказанію мы не находимъ ни въ византійскихъ, ни въ болгарскихъ, ни въ иныхъ хроникахъ и преданіяхъ, а сто съ небольшимъ лѣтъ назадъ, когда въ Кіевѣ княжили Аскольдъ и Диръ, принявшіе крещеніе отъ грековъ, эти самыя лица и дѣйствія какъ разъ на мѣстѣ и почти тождественны у насъ, какъ и у грековъ и болгаръ. Почему нибудь патріархъ Фотій да говоритъ въ своемъ посланіи о томъ, что онъ просвѣтилъ *русскихъ* свѣтомъ вѣры Христовой, а св. братьевъ солунскихъ называетъ своими учениками и сотрудниками въ дѣлѣ благовѣстія Христова. Тутъ есть надъ чѣмъ призадуматься и покопаться. Путь Константина и Меодія изъ Херсонеса къ хозарскому хану не вполне опредѣленъ, а обратный и совсѣмъ неизвѣстенъ. Между тѣмъ примѣры перенесенія народною памятію преданій и легендъ съ одного времени и лица на другое позднѣйшее столько-же нередки во всеобщей и въ частности въ нашей южно-рус-

ской исторіи, какъ и примѣры подтвержденія позднѣйшими розысканіями и письменными памятниками того, что считалось долго только легендами, плодомъ фантазіи народной. Не мѣсто и не время останавливаться здѣсь на подведеніи такихъ примѣровъ; но кто можетъ поручиться, что при дальнѣйшихъ историческихъ изысканіяхъ отвергнутая теперь легенда о пришествіи къ Владиміру греческихъ проповѣдниковъ, и одного съ именемъ Константина философа, не найдетъ себѣ дѣйствительнаго историческаго примѣненія и, быть можетъ, въ направленіи нами намѣчаемомъ...

Кстати припомнить здѣсь мнѣніе польскаго ученаго Мацѣевского о томъ, что «страна между р. Стырью, г. Лудкомъ и р. Бугомъ нѣкогда входила въ составъ епархіи св. Меодія», а мнѣніе это онъ основываетъ на официальномъ актѣ 973 г. о присоединеніи моравскаго архіепископства къ пражскому.

Участіе наше въ празднованіи тысячелѣтней памяти первоучителей славянскихъ расширяется, когда мы обратимся къ тѣмъ великимъ и благотворнымъ послѣдствіямъ, какія имѣли для насъ и другихъ славянъ изобрѣтенныя ими славянскія письмена и полученный отъ нихъ славянскій переводъ св. писанія и богослужебныхъ книгъ. Мирное и скорое распространеніе у насъ православно-христіанской вѣры, возможность созданія національной іерархіи, послѣдующее богатство и широкое развитіе нашего языка, обогащеніе нашей древней литературы переводными и оригинальными произведеніями, удобство умственнаго общенія съ другими славянскими народами—все это было и всеѣмъ этимъ мы обязаны безсмертному труду св. Кирилла и Меодія.

Съ грустью однако мы должны припомнить при этомъ, что дѣло сцѣпленія славянскихъ племенъ единствомъ греко-восточнаго ученія и общей всеѣмъ имъ письменности, такъ славно начатое св. братьями солунскими, еще при жизни ихъ было поколеблено своекорыстіемъ нѣмецко-католическаго духовенства и коварною искони политикою Рима, то признававшаго, то отвергавшаго славянскую службу. Послѣдствія сего не замедлили обнаружиться: въ единый славянскій міръ внесено раздѣленіе, племена западныя, путемъ вѣковыхъ

насилій и неправдъ, отторгнуты отъ духовнаго единенія съ юго-восточными, обрядъ ихъ и самыя письмена замѣнены латинскими. Не будь этого, духовное развитіе славянства пошло-бы инымъ путемъ и значеніе и положеніе его въ Европѣ было-бы, безъ сомнѣнія, иное. Отнимите и теперь отъ западныхъ славянъ гнетущую его силу Рима, снимите латинскій покровъ съ ихъ обряда и письменъ, и единство славянъ возстановится, національное развитіе ихъ быстро пойдетъ, сила ихъ возрастетъ и окрѣпнетъ. Но не къ тому стремился въ теченіе всего тысячелѣтія Римъ, заправлявшій романскимъ міромъ, не того онъ хочетъ и теперь, и самый праздникъ тысячелѣтней памяти славянскихъ просвѣтителей задуманъ имъ лишь въ подрывъ славянству. Пойметъ-ли онъ или его клеветы, что самый праздникъ этотъ служитъ обличеніемъ ихъ неправды и ухищреній, а кости первопродвижниковъ славянства, мирно почиющія въ Велеградѣ и Римѣ, нѣмымъ для нихъ укоромъ?

Что до насъ, то мы, какъ и оставшіеся единовѣрными и единомысленными съ нами славяне южные, съ чистымъ сердцемъ, съ непомятымъ прошлымъ, съ неподавленною совѣстію встрѣтимъ и почтимъ тысячелѣтній праздникъ просвѣтителей славянскихъ. Прямыми наслѣдниками и вѣрными хранителями богатаго достоянія ихъ мы были и будемъ навсегда. Да будетъ радостенъ и свѣтелъ нашъ праздникъ, а объ отторгнутыхъ отъ насъ неправдами и насиліемъ братьяхъ нашихъ будемъ молить Бога, да придутъ и они въ единеніе вѣры, духа и слова!

ВОРОНЕЖСКІЕ ХОХЛЫ¹⁾.

(Изъ случайныхъ замѣтокъ, воспоминаній и наблюденій).

Въ 1866 году изъ Поднѣпровья судьба занесла меня въ воронежскую губернію на Донъ. Чужо все казалось мнѣ. Таже русская рѣчь, которую я съ дѣтства привыкъ слышать въ городахъ на Украинѣ, въ школѣ и дома—здѣсь на чужбинѣ показалась мнѣ иною, мало знакомою. На самомъ дѣлѣ и теперь я могъ-бы указать на многія особенности тамошняго нарѣчія. Въ мѣсто моего водворенія—г. Павловскъ я прибылъ, послѣ недолгаго переѣзда, 30 іюля и на другой день по прибытіи устроился на дешевой квартирѣ у мѣщанина, на самомъ берегу р. Дона. Большая рѣка всегда хороши, а Донъ, въ зеленой рамкѣ луговой поросли, съ его мѣловыми горами, съ темнѣющими по-верхъ ихъ кустами чагарниковъ, съ его свѣтложелтыми отмелями, быстротекущей чистою водою, восхитительно прелестенъ. Съ особеннымъ какимъ-то упоеніемъ я пожиралъ глазами просторный пейзажъ, освѣщенный яркимъ утренимъ солнцемъ. Рѣка, луговой, въ ту пору еще густой, старый лѣсъ, горосія кустарникомъ высокія мѣловыя горы, теряющіяся въ си

¹⁾ Въ воронежской губерніи великорусскіе поселенцы называютъ малороссовъ *хохлами* и ихъ женъ *хохлушами*, а малороссы въ свою очередь зовутъ великороссовъ *москалями* и великорусскихъ женщинъ *московками*.

нѣющей дымкѣ по мѣрѣ удаленія къ краю горизонта, бѣлыя хатки задонскаго какого-то села... все это я обводилъ глазами, во всемъ этомъ душою искалъ успокоенія. Вдругъ слышу—трезвонъ, и городской берегъ рѣки сталъ сначала испещряться, а послѣ и вовсе потемнѣлъ отъ массы вытиснувшейся изъ улицы толпы народа. Показались кресты и хоругви. Это былъ крестный ходъ къ рѣкѣ по случаю праздника Маккавеевъ (1 августа). Насворо пріодѣвшись, я поспѣшилъ къ берегу и тутъ сразу попалъ въ кучку малороссіянь,—по воронежскому хохловъ. Какими-же родными показались они мнѣ тогда!... Подстриженные въ кружокъ чубы, *очинки*, жупаны, лица родственныя, крестятся безъ отмахиванія головою нависающихъ на глаза волосъ... Ну, какъ есть свои, родные украинцы. Это, оказалось, были жители ближайшей къ городу задонской деревни изъ хутора Босовки, острогожскаго уѣзда. Считаю нужнымъ пояснить, что въ воронежской губерніи, въ мѣстностяхъ, населенныхъ малороссами, поселенія большія, гдѣ есть церковь (часто болѣе одной, ибо села здѣсь многолюдны), называются *слободами*. меньшія-же поселенія безъ церквей, а особенно безъ базаровъ, называются *хуторами*. Слобода вообще соотвѣтствуетъ великорусскому селу и украинскому мѣстечку, хуторъ—великорусскимъ поселку, выселкамъ, дворикамъ, починкамъ и т. п. Хуторами, кромѣ того, называютъ одинокія фермы, займища и пасѣвы.

Моя квартирная хозяйка послѣ рассказала мнѣ, что недалеко отъ города на той (правой, западной) сторонѣ Дона есть святое мѣсто—Бѣлогорскія пещеры, основанныя какою-то святою женщиною. «Идите, побудете на всенощной, переночуете тамъ, отстовете обѣдню и къ обѣду домой—такъ-то почти всѣ дѣлаютъ»,—убѣждала она меня. «Это недалеко, версты четыре, много пять отсюда», добавила она, какъ-бы догадываясь о моей неохотѣ къ пѣшему путешествію. Я съ удовольствіемъ согласился съ совѣтомъ хозяйки, чтобы чѣмъ нибудь разсѣять давившую меня на первыхъ порахъ тоску, и сейчасъ-же отправился въ мою комнату захватить съ собою кое-что въ дорогу. Вотъ какъ отмѣченъ мною этотъ эпизодъ моихъ здѣсь походовъ въ замѣткахъ, какія я тогда писалъ про себя.

... Четыре часа по полудни. Жара спала. Надъ городомъ пронесся густой звукъ большого соборнаго колокола. Завтра большой праздникъ Преображенія Господня, Спаса по нашему (6 августа).

Я поднялся съ лежанки въ полутёмной съ закрытыми ставнями комнатѣ, умылся, взялъ краюху хлѣба и отправился въ путь. Подъ городомъ переправился я на паромѣ черезъ Донъ и, не торопясь ко всеобщей, поплелся лугомъ по-надъ рѣкою вверхъ по теченію, останавливаясь, любясь видами. Такъ дошелъ я до горы. Измятая ногами богомольцевъ песчаная тропка, то спускающаяся къ самой водѣ, то прячущаяся въ прибрежныхъ поросляхъ лозы, вербы и тополи, довела меня къ быстро-текущему протоку. Это обновляющееся русло Дона, который въ этомъ мѣстѣ поворачиваетъ отъ горъ на юго-востокъ, обходя луговой лѣсъ и поднимаясь къ г. Павловску. Вѣроятно, Донъ когда-то протекалъ сплошь подъ горами, что доказывается ихъ обрывистостью и обнаженіемъ мѣла. Теперь вода опять стала прорываться подъ гору и, нужно думать, когданибудь Донъ пророетъ себѣ свое старое русло. Черезъ этотъ протокъ, не широкій, но быстрый и глубокій, устроенъ до пельзя плохой мостикъ. Это попросту звеня плетня, уложенныя на плоскихъ утлыхъ козлахъ. Весь этотъ мостикъ до того скрипѣлъ и шатался, что я, боясь полетѣть въ воду, пролѣзъ по немъ на четверенькахъ. Тоже пролѣзвали, какъ я увидѣлъ на другой день, и другіе.

За протокомъ дорожка пошла подъ крутыми мѣловыми горами. Мѣль торчалъ громадными потрескавшимися слоями по склону горы и различной величины глыбами и даже розсыпями доходилъ до самой воды. Сапоги побѣлѣли. Высоко вверху надъ мѣломъ виднѣлся обрѣзъ покрывающей мѣль почвы, на которой сплошь поросъ мелкій орѣшникъ. Недалеко отъ протока гора прерывалась долиною. Тропка раздѣлилась на трое по склону горы, обрамляющей долину: одна пошла въ сторону отъ рѣки, одна повилась надъ самою водою, опять по-подъ кручею, а одна полѣзла на бѣлую, лишнюю растительности «Лысую» гору. Я полѣзъ на гору.

Взобравшись на гору, я очутился недалеко отъ баштана, бакчи, по здѣшнему, около куреня которой раздавался веселый женскій смѣхъ. Это были хохлушки, стерегшія баштанъ, за отсутствіемъ сторожа—двое *дивчатъ* и одна *молодица*. Посидѣлъ я около нихъ, покурилъ. Но очевидно мое присутствіе ихъ стѣсняло. Шутки и смѣхъ ихъ выходили какимъ-то неудачными и натянутыми. Не будучи настроенъ поддерживать, подзадоривать веселость, смѣхъ

и шутки, я ограничился нѣсколькими распросами у молодежи о шитыхъ золотомъ очипкѣ и висѣвшемъ на ея поясѣ, «кармошѣ», и съ удовольствіемъ услыхалъ чистый малорусскій «живочій» говоръ. Кромѣ того я наскоро срисовалъ узоры обшивки корсетовъ и шейные *хресты* и *дукачи*. Знакомство не ладилось. Я былъ слишкомъ объективенъ съ моими распросами при моей городской одеждѣ. Пораспросивши, куда идти, я пошелъ отъ нихъ, не оглядываясь и какъ-бы не слыша вновь раздавагося смѣха и задѣвающихъ шутокъ.

Отошедши за бугоръ, такъ что стало не видно ни бакчи, ни куреня, я улегся надъ крутымъ обрывомъ, закурилъ трубку и, всматриваясь въ обширную, открывшуюся предо мною картину, предался невеселымъ размышленіямъ.

Вѣдь шель-то я за Доцъ именно къ этимъ или, лучше сказать, къ такимъ *дивчатамъ*—миѣ нужно было найти, увидѣть когонибудь изъ родныхъ людей. И что-же?! При первой встрѣчѣ я наткнулся на чужихъ, я самъ оказался чужимъ для нихъ, смѣшнымъ съ моею хоть-бы только наружною панскостію, съ моимъ деликатничаньемъ, съ моимъ любопытствомъ относительно такихъ обыкновенныхъ на ихъ взглядъ вещей, какъ *очипокъ*, *лядунки*, *хрестъ* или *дукачъ*. Чужой я имъ. А еще такъ недавно я былъ своимъ въ средѣ подобныхъ людей. Думы мои, какое-то жалкое, большое чувство, понеслись далеко, далеко на западъ, на Поднѣпровщину, въ не-далекое утерянное, прошлое...

Уже совсѣмъ повечерѣло. Даль затянулась туманомъ. Поднявшаяся высоко луна то и дѣло заволакивалась тучками, изъ которыхъ одна побольше крапнула дождемъ, прервавшимъ мою задумчивость и заставившимъ подумать о приютѣ на ночь. Монастырекъ былъ близко. Это я зналъ по недавно умолкнувшему звону колоколовъ по доносящимся голосамъ людей. Я пошелъ надъ обрывомъ, стараясь рассмотреть впереди себя колокольную монастыря. Тучки совсѣмъ заволокли луну. Прошедши немного, я натѣнулся на какой-то курень. Нужно было спросить дорогу. Это была опять бакча. Осторожно переступая огудину, я подошелъ къ самому куреню: луна, вынырнувшая изъ-за тучекъ, освѣтила на минуту плетеный шалашъ, кучу арбузовъ и бѣлаго, какъ лунъ, дѣда-сторожа. Старый дѣдъ весь былъ бѣлый, начиная съ волосъ, подстриженныхъ спереди только надъ глазами, и бороды, и кончая длинною, на выпускъ, ру-

бахою и бѣлыми спущенными на босмя ступни ногъ штанами. Послѣ привѣтствія дѣдъ пригласилъ меня ѣсть сочный кавунъ. Разговорились мы съ нимъ. Оказался хохломъ и чуть не землякомъ. Еще маленькимъ онъ былъ завезенъ сюда изъ-подъ Кіева «изъ якоисъ Обуховой слободы» (не Обуховъ-ли кіевскій). Разказала мнѣ дѣдъ кое-что про монастырекъ, при которомъ онъ состоитъ братчикомъ, и совѣтовалъ идти ночевать «на гостину». Послышались женскіе голоса. По межѣ подошли къ куреню нѣсколько велико-русскихъ бабъ, московокъ по тамошнему. Дѣдъ и ихъ поподчивалъ арбузами; поѣли онѣ и, помолившись, поблагодарили дѣда, на что тотъ отвѣчалъ: *«Богу святому дякуйте»*. Пошли бабы въ «гостину», поплелся и я вслѣдъ за ними.

Черезъ какой-то перелазъ, по узкой тропкѣ между кустами, обдававшими насъ рососою, дошли мы до большой простой хаты,— одной изъ нѣсколькихъ здѣсь жилыхъ построекъ, изъ-за крышъ которыхъ виднѣлся шпигъ колокольни. Окна были освѣщены, и было людно на крыльцѣ и въ сѣняхъ. Мои спутницы, видно, бывали уже здѣсь, отправились прямо въ хату, а я остался на крыльцѣ съ какими-то бабами. Вообще мужчинъ здѣсь не было видно.

— Что-же ты стоишь тутъ? Иди, родимый, въ избу-то! обратилась ко мнѣ какая-то богомолка.

Я пошелъ. Большая, просторная изба была выбѣлена и убрана чисто по малорусски: передній уголъ уставленъ образами, обвѣшанъ рушниками, лампадами и *«голубцями»*... Тѣ-же лавки подъ стѣнами, тотъ-же большой накрытый *настолиникомъ* столъ у *покутя*. Бабъ было полно. Были хохлушки, были и московки. Сидѣли на лавкахъ и на полу. Сидѣли и лежали. Лампадки у образовъ и нѣсколько восковыхъ свѣчей мигали въ духотѣ, слабо освѣщая всѣхъ Богомольцевъ.

— А вотъ, можетъ быть, онъ намъ прочитаетъ какуюнибудь *заповѣдь изъ божества*... отозвалась какая-то русачба.

— И то, родимый, почитай, потѣшь душу—ты, надо быть, грамотный...—пристали еще голоса. Вотъ она-то жажда духовной пищи, подумалъ я. Хохлушки молчали, а больше приставали московки. Я согласился читать. Нѣсколько книгъ духовнаго содержанія нашлось у завѣдующей этой избой женщины, которая вынесла ихъ изъ *валькиря*. Я выбралъ Четыи Минеи. Нашлось «Житіе св. Ольги»

княгини, заложеное какъ на то-жъ тоненькой книжечкой московскаго изданія: «Житіе равноапостольнаго князя Владиміра». Я порѣшилъ это читать.

Меня усадили за столъ въ передній уголъ. Нѣсколько восковыхъ свѣчекъ въ рукахъ ближе ко мнѣ сидящихъ дали больше свѣта. Нѣсколько не зажженныхъ свѣчей было подано прямо на книгу, какъ-бы приношеніе. Все, что было въ избѣ, сдвинулось къ столу. Сцена меня воодушевляла. Я читалъ и неудобопонятное объяснялъ по русски и по малорусски. Бабы только вздыхали и были въ восторгѣ отъ меня

— И никто-жъ, никто намъ николи такъ не читавъ!...

— Такъ прямо въ душу владе! слышались возгласы, сопровождаемые вздохами.—Отъ такъ читае, наче розсказуе!...

Прочиталъ я житіе св. Ольги и передъ чтеніемъ житія св. Владиміра рассказалъ связующія событія. Жарко было невыносимо. Бабы спяли съ меня жакетку, утирали руками потъ на моемъ лицѣ, припесли воды напиться, утирали мокрымъ полотенцемъ лицо мое—и все это такъ ласково, любяще. Я былъ растроганъ, воодушевленъ, читалъ и говорилъ до изнеможенія. Эта обстановка, эти добрыя, простыя, вѣрующія лица, эта искренняя вѣра и жажда слова живаго, все это было необычайно трогательно и возбуждающе.

Далеко за полночь продлилось наше засѣданіе. Дальше помѣстившіяся отъ стола, наморенныя—уснули. У меня кружилась голова, во рту все больше и больше пересыхало. Наконецъ я дочиталъ книжку и всталъ изъ-за стола. Всѣ перекрестились и я съ ними. Бабы стали прискивать мнѣ мѣсто на лавкѣ, но я отказался и, напутствуемый благодарностями, направился къ выходной двери: мнѣ нуженъ былъ свѣжій воздухъ, возбужденные нервы не располагали ко сну.

— Пойдемъ-те вмѣстѣ, тамъ гдѣ нибудь примостимся заснуть,—отозвался изъ угла избы густой мужской басъ, и предо мною предсталъ высокій, не старый еще мужчина, въ подрасникѣ, съ широкою бородою и подстриженными въ скобку волосами.

Какъ грѣхъ какой явился предо мною этотъ молодецъ. Я мнилъ себя совершенно однимъ съ богомолками, вовсе ни кѣмъ стороннимъ не наблюдаемымъ, и вдругъ обазывается, что этотъ человекъ все время сидѣлъ здѣсь и слушалъ.

Мы вышли изъ избы, переступая размѣстившихся въ сѣняхъ и на крыльцѣ богомольцевъ. Небо было чисто и безоблачно; луна ярко освѣщала все, тѣни рисовались отчетливо. Я положительно не зналъ, куда идти. Хотѣлось остаться самому, хотѣлось при томъ покурить, что было неловко дѣлать въ оградѣ, особенно между постройками, крытыми соломой. Вообще мнѣ было, что называется, *не по себѣ*. Мой новый знакомецъ предложилъ расположиться подъ навѣсомъ амбара, куда онъ еще съ вечера принесъ сѣна. Мы пачали моститься. Онъ все хвалилъ мое чтеніе.

— Вотъ-бы вамъ почитать у черницъ... онъ-бы васъ озолотили... Вѣдь вы читаете на славу и еще лучше объясняете. А знаете что?! произнесъ онъ шепотомъ, и обратился ко мнѣ съ такимъ предложеніемъ, которое заставило меня заподозрить въ немъ случайнаго пришлеца и большой руки проходимца, что вскорѣ вполнѣ подтвердилось.

Я отказался отъ предложенія и пошелъ за ограду. Кстати, въ томъ мѣстѣ, гдѣ я сидѣлъ передъ приходомъ на бакчу къ дѣду, я забылъ носовой платокъ. Нашелъ платокъ и долго сидѣлъ надъ обрывомъ, покуривая трубку и мечтая.

Да! Мечталъ и думалъ... Вспоминая теперь, много лѣтъ спустя, мимовольно призадумался, и что-то болѣзненное, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріятное, повѣетъ въ душу. Чужой всѣмъ, никѣмъ незнаемый, сидѣлъ я надъ глухимъ обрывомъ въ какомъ-то отупѣніи уставшихъ нервовъ. Нашелъ-же я тогда возможность воспрянуть духомъ, удовлетворилъ-же я требованію этихъ чужихъ мнѣ людей, которымъ не было дѣла до того, кто я и откуда! Нашлась-же у меня точка соприкосновенія съ этими чужими людьми! Да! Все это, вся эта сцена въ избѣ, эта глушь надъ обрывомъ, эта лунная, тихая, мергвая спасовская ночь—все это живо встаетъ въ моей памяти. Это моя молодость, это моя, теперь поломанная жизнью, молодая сила души, души еще не зачерствѣвшей, свѣжей:

Молодое лихо! якъ-бы ты вернулось,

Проминявъ-бы долю, що маю теперь.

Продолжаю выписку изъ замѣтокъ, пополняя и исправляя ихъ.

Когда я вернулся подъ навѣсъ амбара, моего знаконца не было. Шушуканье въ закутѣ указывало, гдѣ онъ. Я заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Еще солнце не подымалось, какъ уже началось движеніе въ монастырѣ: раздался благовѣсть, бабы умывались, оправлялись, переязывали головные платки и шли въ пещерную церковь. Мой знакомецъ, лѣниво позѣвывая, поднялся съ сѣна и сейчасъ-же назвался проводить меня всюду, куда я пожелаю. Мнѣ положительно нельзя было отвязаться отъ него.

Монастырь этотъ или, какъ здѣсь говорятъ, монастырекъ, былъ еще только, такъ сказать, въ зачаточномъ состояніи. Полагаю, что начало устройства этого, выросшаго на моихъ глазахъ монастыря можетъ служить объясненіемъ устройства и другихъ, если не всѣхъ, монастырей на Руси. Разница будетъ развѣ только въ подробностяхъ или въ фонѣ эпохи, въ которую устраивались обители. Поэтому-то считаю не лишнимъ разсказать здѣсь все, что мнѣ извѣстно про этотъ монастырь—Бѣлогорскія пещеры въ простонародьи.

Въ концѣ прошлаго столѣтія въ слободѣ Бѣлогорьѣ жила вдова козачка Марія Константиновна Шерстюкова. Она вела разгульную жизнь, доведшую ее до омерзительной болѣзни—половой истерической раздражительности. Омерзительна она стала цѣломудреннымъ хохламъ, особенно когда болѣзненная страсть заставляла ее выдаться на всякаго мужчину. Отверженная, презираемая всѣми, она бродила по полямъ, гдѣ отъ нея положительно отбивались всѣ мужчины. Не знаютъ, какимъ образомъ она очутилась въ Кіевѣ, и тамъ какой то схимникъ убѣдилъ ее бросить эту грѣховную жизнь, смирить бушующую плоть трудомъ, постомъ и молитвою. Знакомый съ по-донскою мѣстностью схимникъ посовѣтовалъ Маріи предпринять тяжелый трудъ—копаніе пещеры въ мѣловыхъ горахъ. Возвратившись изъ Кіева въ 1796 г., Марія стала неузнаваемою. Вдали отъ всякаго жилья, въ дикомъ и глухомъ мѣстѣ мѣловыхъ надъ-донскихъ обрывовъ, она начала рыть пещеру, постоянно пребывая въ постѣ и молитвѣ. Этимъ она обратила на себя вниманіе однослобжанъ: на нее стали смотрѣть, какъ на спасающагося человѣка и, руководимые сначала любопытствомъ, а послѣ и набожностію, ея однослобжане приходили въ свободное время помогать ей, при чемъ приносили харчи и восковыя свѣчи. Такимъ образомъ рылись эти пещеры, и мѣсто это пріобрѣтало себѣ все большую и большую извѣстность въ мѣстномъ народонаселеніи. Твердый сплошной мѣлъ далъ возможность устроить правильные своды корридоровъ, изъ

которыя кое-гдѣ выдѣляются особыя помѣщенія, въ родѣ келій и олтарей. Пещеры совершенно такія-же, какъ и кievскія, только бѣлый мѣлъ, менѣе скрадывая свѣтъ, дѣлаеть ихъ будто-бы болѣе свѣтлыми. Меньше кievскихъ эти пещеры только по протяженію.

Такія-же пещеры по Дону, въ предѣлахъ воронежской губерніи, въ мѣстностяхъ, населенныхъ малороссами, кромѣ Бѣлогорья, находятся и въ другихъ мѣстахъ: въ Лыскахъ, въ Костомаровой, въ Шатрищѣ, около Богучара,—но всѣ онѣ малонзвѣстны и нигѣмъ не заняты. Всѣ эти пещеры вырыты въ этомъ уже столѣтіи. Можетъ быть, эта работа Маріи осталась-бы безъ всякаго особаго значенія, какъ и подобныя работы другихъ безвѣстныхъ тружениковъ-пещерокопателей по-донскихъ, но одно обстоятельство помогло ей. Мѣстное, слободы Бѣлогорья, духовенство обратило вниманіе на то, что по праздникамъ много народу ходитъ помогать Маріи и кромѣ того носятъ туда восковыя свѣчи, чѣмъ уменьшаютъ доходъ церкви. Въ то время выдѣлка и продажа восковыхъ церковныхъ свѣчей не составляла еще своего рода церковной монополии, не была стѣснена и такъ сказать специализировапа: приходящіе приносили въ церковь свѣчи своего издѣлія, какъ это и теперь кое-гдѣ можно видѣть на Украинѣ, но именно это вызывало неудовольствіе причтовъ въ сельскихъ приходдахъ, гдѣ главный источникъ содержанія церкви заключался въ продажѣ свѣчей. Въ это-же время пошли въ ходъ разныя репрессаліи правительства, направленные противъ раскола. Отвлеченіе нѣкоторой части доходовъ было такъ сказать внутреннимъ стимуломъ борьбы, которую мѣстное духовенство повело противъ пещерокопателей, вышнимъ-же предлогомъ для нея выставялись подозрѣнія въ возникновеніи какаго-то толка. Пошли доносы, вмѣшалась свѣтская власть. Сначала ограничились удаленіемъ пещерокопателей и Маріи и забитіемъ (въ 1807 г.) входа въ пещеры; но когда пещеры опять были народомъ открыты и стали опять раздѣливаться, тогда Марію арестовали и посадили въ тюрьму (1808 г.). По дознанію начальства тогдашней слободско-украинской губерніи ничего въ этомъ дѣлѣ противозаконнаго не оказалось. Марія была освобождена изъ заключенія и возвращена въ Бѣлогорье. Ея односельцы-хохлы, и безъ того не расположенные ко всѣмъ этимъ предержавшимъ властямъ, поверставшимъ ихъ дѣдовъ-возаковъ въ войсковыхъ обывателей, а теперь пре-

вращавшимъ ихъ въ государственныхъ крестьянъ, съ уничтоженіемъ привилегіи винокуренія, стали на сторонѣ Маріи, увидѣли въ ней мученицу, гонимую за спасеніе души. Къ счастью, острогожскій уѣздъ въ это время отдѣлепъ былъ отъ слободско-украинской губерніи и присоединепъ къ воронежской. Новыя власти забыли про Марію и пещерокопаніе. Работа, моленіе, посѣщеніе пещеръ—пошли своимъ чередомъ, явилось подвижничество, самомученичество, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалось и почитаніе Маріи и больше рвенія къ помощи ей. Ближайшія мѣстныя власти не переставали донимать Марію и ея почитателей, но разъ начатое дѣло двигалось въ силу своей внутренней интенсивности. Случайныя обстоятельства помогали ему и отклоняли отъ него преслѣдованіе.

Мѣстнаго священника, ѣхавшаго съ цѣлію разгонять молящихся въ пещерахъ, понесли лошади; священникъ испугался и подумалъ, что это Богъ караетъ его за преслѣдованіе Маріи. При этой мысли его лошади остановились на краю обрыва, и онъ былъ спасенъ. Понявъ это, какъ особое знаменіе Божіе, священникъ изъ преслѣдователя обращается въ покровителя пещерокопанія. Въ это время у Маріи появился постоянный сотрудникъ, какой-то Иванъ. Пещеры разрабатывались, слава о нихъ распространялась. Проѣзжала черезъ Павловскъ богатая донская козачка Иловайская, направляясь къ Сергію-Троицѣ и далѣе въ Петербургъ. Услыхавъ про Бѣлогорскія пещеры, она посѣтила ихъ и общала свое содѣйствіе защитѣ этого дѣла отъ притѣсненій. Извѣстно, что послѣ отечественной 1812 году войны донцы были въ милостяхъ у правительства. Пріѣзжавшіе въ Питеръ донцы были тамъ обласкиваемы, были принимаемы въ высшихъ кружкахъ. Вотъ эта-то Иловайская и рассказала въ Петербургѣ про пещеры, про Марію. Сейчасъ-же послѣдовалъ запросъ (1818 г.) мѣстнымъ, воронежскимъ уже властямъ о томъ, какой такой скитъ завелся на Дону около Павловска и не есть-ли это раскольничій скитъ. Власти испугались и донесли о скитѣ, выгораживая себя, какъ о дѣлѣ святомъ и богоугодномъ, ничего общаго съ расколомъ не имѣющемъ. Иловайская знала объ этой перепискѣ и на обратномъ пути, посѣтивъ опять Марію, посоветовала ей заняться устройствомъ церкви и съ своей стороны сдѣлала пожертваніе, подарила между прочимъ въ пещеры икону въ серебрянной ризѣ. Это поощрило Марію и ея приверженцевъ.

Скоро, испросивъ разрѣшеніе, приступили здѣсь къ устройству церкви во имя св. Алоксандра Невскаго (въ 1819 г.). Марія задумала устроить женскій монастырь. Между тѣмъ молва о Бѣлогорьѣ прошла по Дону, и въ чаяніи учрежденія тамъ монастыря, къ Маріи прибыло до 30 дѣвушекъ-козачекъ съ Дону. Въ 1821 г. Марія видѣла монастырь какъ-бы уже на дѣлѣ. Окруженная ищущими спасенія, она старалась и обставить себя по монастырски, но духъ гордыни проникъ въ ея сердце: она стала одѣваться въ черное длинное платье, затруднила доступъ къ себѣ проходящихъ, появляясь только послѣ доклада очередной келейницы, стала давать цѣловать свою руку—однимъ словомъ изображала изъ себя настоятельницу. А тутъ какой-то ворожей-татаринъ (sic), проживавшій въ г. Бирючѣ (воронежской губерніи), прорекъ Маріи, *что за ея гордыню* Богъ не сподобитъ ее увидѣть осуществленіе ея желаній—жепскій монастырь въ *пещерахъ*. Кто-то не изъ знахарей объяснилъ ей, что, если разрѣшать устроить обитель, то игуменьей назначена будетъ не она, рачительница, а пришлютъ кого-нибудь *зъ вельможного якою роду*. Разрѣшеніе какъ на бѣду не приходило; оно задерживалось просто неимѣніемъ достаточнаго фонда для обезпеченія существованія монастыря. Ничего этого не соображала Марія; напуганная знахаремъ и всякими толками, она озлобилась и, чтобы уничтожить всякій зачатокъ обители, разогнала дѣвиць-козачекъ. «Щобъ и духу московскаго тутъ не було», говорила Марія, разгоняя келейницъ; «бо вже вони й такъ остогыдили. Хай имъ сей та той, щобъ вони моими трудами користувались!» добавлялъ разсказывавшій мнѣ хохоль-старикъ.

Такъ и умерла Марія (въ 1822 г.), не видѣвъ монастыря. Къ ея не долго еще жившему сотруднику—Ивану *поприставали* кое-какіе старцы и, составивъ родъ братства, вѣдали дѣла этого скита. Такииъ и я засталъ въ 1866 году этотъ монастырекъ. *Братчики* завѣдывали хозяйствомъ и церковью, находившеюся въ вѣдѣніи Бѣлогорскаго благочинія, и имѣвшей особаго, назначаемаго на жалованья священника.

Хорошіе эти были старики-братчики, хорошо, умѣло они хранили это почитаемое народомъ мѣсто. Окрестные жители-селяне *ю мѣрѣ* возможности оказывали поддержку имъ—хлѣба давали, *мѣску* на постройки и ремонтъ, какую-нибудь нивку сѣнокосную...

кромѣ денежныхъ церковныхъ приношеній. Бабы—крестьянки окрестныя въ огородахъ всегда назначали грядку-другую капусты или картофеля на братію. Ладили Божіе старцы съ народомъ. Шли всѣ туда, какъ къ своимъ, простолюдинъ чуялъ себя своимъ челоувѣкомъ въ этой обители: отдохнулъ, помолился, поѣлъ въ общей трапезѣ, привѣтствованный, приласканный, напутствуемый благодарностями за его неотвергнутую скудную лепту, богомолецъ уходилъ съ добрымъ чувствомъ, съ чувствомъ любви къ этому мѣсту, къ этимъ братчикамъ. Все это просто, любовно, сердечно. Любили ихъ и уважали за ихъ любовь, за ихъ труды, за строгость подвижнической жизни и главное за то, что это были свои люди.

Помню я одного изъ этихъ старцевъ—Андрій Николаевичъ Васильченко, въ монашествѣ Антоній († 1876 г.) Его всѣ помнятъ и вспоминаютъ. Онъ былъ главнымъ распорядителемъ въ обители. Тихій, степенный, кроткій такой, привѣтливый. Только густыя, не сѣдѣющія брови, да каріе, пытливые глаза выказывали силу воли, какъ-бы какую-то властность его. Успокоивающее, умиротворяющее чувство навѣвали на душу бесѣды съ нимъ. Онъ не былъ ханжа, но его искренняя вѣра, религія души, если такъ можно выразиться, побѣждали холодность, индиферентизмъ собесѣдника. Въ немъ понималось *спасеніе въ Бозѣ*, уразумѣвалась возможность обрѣтенія благодати въ самомъ себѣ, сочетаніе наружной обрядности съ душевными вѣрою, надеждою и любовью. Жилъ онъ въ небольшомъ особливомъ домикѣ-келіи, построенномъ надъ самымъ обрывомъ. Около келіи чисто выметено. На дверяхъ въ рамкѣ за стекломъ церковно-славянскимъ письмомъ написано было.

Аще не увидишь въ дверяхъ ключа,

Отыди, другъ мой, молча, не стуча.

Аще же имѣешь ко мнѣ дѣло,

Толцы въ двери смѣло.

Въ домъ вошедъ, молитву сотвори,

А лишняго ничего не говори.

Не помню больше. Въ келіи чисто, скромно. Иконы, лампадки, рушникъ, простая скамья широкая, на которой онъ и спалъ. Книги подъ иконами.

Въ 1867 или въ 1868 году скитомъ этотъ причислили къ митрофаньевскому воронежскому монастырю. Стали называть его филиаль-

нымъ монастыремъ, а по просту подворьемъ. Выслали туда часть братіи. Я слыхалъ, что высылались провинившіеся въ чемъ-либо за наказаніе. Воображаю, какъ больно это было старцамъ-братчикамъ. Андрій Николаѣвичъ принялъ монашество. Онъ скорѣ умеръ іеромонахомъ. Остальные митрофаньевскіе монахи и послушники далеко не споспѣшествовали доброй славѣ монастыря.

Относительно ихъ неприглядной жизни многое рассказывалъ мнѣ одинъ старикъ-хохолъ изъ ближайшаго хутора, желая охарактеризовать духъ ново-поселенной монастырской братіи. Иного и нельзя было ожидать отъ тѣхъ, которые посылаемы были сюда въ наказаніе. Естественно, что, вмѣсто исправленія, они только портили доброе имя зарождавшейся обители и производили смущеніе въ народѣ.

Въ 1870-хъ (1873—1875) годахъ случился въ монастырѣ скандалъ: два послушника удушили какую-то женщину изъ тѣхъ, что странствуютъ подъ названіемъ черничекъ, и стащили ее въ монастырскую баню. Водовозъ, которому приказали остатокъ воды въ банѣ слить въ чанъ, наткнулся на трупъ несчастной чернички и оповѣстилъ дѣло. Началось слѣдствіе. Настоятель, іеромонахъ Аврамій, спасая репутацію обители, вздумалъ послать судебному слѣдователю сто рублей. Судили въ острожскомъ окружномъ судѣ; присяжные признали виновными и послушниковъ и настоятеля; всѣхъ тронхъ сослали.

Для устроенія монастыря присланъ новый настоятель, о. Петръ, бывший духовникомъ воронежскаго архіепископа Серафима. Энергичный и строгій, онъ, какъ видно, хорошій хозяинъ. Обитель теперь, по разрѣшенію св. синода, признана самостоятельнымъ монастыремъ. Теперь тамъ, кромѣ пещерной, устроены еще двѣ церкви, подъ одной изъ коихъ открыты гробы Маріи и Ивана. Это самопростѣйшіе саркофаги изъ того-же мѣла. Нѣсколько иконъ и лампадокъ, аналой—вотъ все убранство этого склепа, кромѣ того у входа на стѣнѣ два большаго формата портрета пещерокопателей, Маріи и Ивана. Марія написана одѣтою въ бѣлую свитку, какія и по сю пору носятъ крестьянки-хохлушки, и въ *намиткѣ*, повязанной по *очипку*, Иванъ въ обыкновенномъ халатѣ, въ длинныхъ волосахъ, расчесанныхъ по духовному по обѣ стороны головы. Приставленный къ этимъ гробамъ старикъ-монахъ читаетъ по книгѣ,

хотя, говорятъ, онъ неграмотный, и прикладывающихъ въ иконѣ окропляетъ водою, при чемъ престонародію совѣтуетъ смачивать этою водою глаза: «многимъ помогаетъ...» говоритъ онъ. Монастырь за настоящее время приобрѣлъ небольшое имѣніе, въ которомъ исполняютъ «послухъ» испытываеме разнаго рода послушники, готовящіеся къ иноческой жизни. Трудность добыванія воды устранена устройствомъ водокачальной машины, устроенной подъ горою на берегу Допа при чертѣ найвысшаго весенняго подъема воды¹⁾. Вообще, повторяю, о. Петръ оказывается хорошимъ устройтеземъ обители; по виѣшнему виду она приобрѣтаетъ все больше благолѣпія, по внутреннему—порядка и постепеннаго совершенствованія, хотя трудно подиять сразу ту репутацію, которую такъ уронили ссыльные монахи. Какъ о всякомъ монастырѣ, и о бѣлогорскомъ пришлось выслушать мнѣ немало всякихъ разсказовъ: въ иныхъ видѣль отголоски прежней неурядицы, въ другихъ какое-то недо-разумѣніе.

Не такъ давно въ пещерахъ объявился схимникъ-затворникъ. Пребывалъ онъ *замурованнымъ* въ особой келійкѣ. Сквозь окошечко приходящіе подавали ему приношеніе и выслушивали его наставленія. Послѣ оказалось, что тутъ повторилась исторія, такъ огорчившая въ свое время въ кіево-михайловской обители пр. Пирнея Фальковского²⁾; роль схимника здѣсь разыгрывалъ пребывавшій на послушаніи отставной солдатъ К..., который, будучи выпущеннымъ изъ затворничества, не стѣсняясь, разсказывалъ подъ выпивкой о своемъ заточеніи.

Во время послѣдней турецкой 1877—1878 гг. войны въ монастырѣкъ проживалъ какой-то паломникъ, направлявшійся ко ст. мѣстамъ изъ астраханской губерніи, но остановившійся здѣсь въ виду того, что пропускъ за границу по случаю войны былъ невозможенъ. Вступивъ въ обитель, внесъ онъ на храненіе или навсегда 600 руб. Когда война окончилась, паломникъ вздумалъ отправиться въ дальнѣйшее странствованіе и потребовалъ возврата внесенныхъ денегъ. Денегъ почему-то не выдали. Возникло дѣло. Паломникъ

¹⁾ Хронологическія данныя я почерпнулъ изъ описаній этой обит.ли проф. Данскаго, изд. въ 60-хъ годахъ, и нѣкоего Н. Краховецкаго, изд. въ 1878 году. Остальное изъ разсказовъ.

²⁾ См. «Кіевскую Старину» за 1883 годъ, августъ, стр. 696.

долго таскался по судамъ, но въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства ничего не смогъ сдѣлать, такъ какъ у него не было во первыхъ никакой сохранной росписки, а во вторыхъ по дѣйствующему закону (2101 ст. X т., ч. I) монахи не могутъ принимать на сохраненіе денегъ или иного имущества. Неудовлетворенный судомъ, паломникъ затѣвалъ идти въ Питеръ, но гдѣ-то пропалъ безслѣдно.

Нѣкая старая дѣвица, мѣщанка Анастасія Рѣзанова, не живя постоянно дома, а путешествуя по святымъ мѣстамъ, отдала также на храненіе, но не въ кассу монастырскую, а одному изъ іеромонаховъ бѣлогорскаго монастыря, два билета внутренняго займа съ полными купонными листами. Послѣ одной изъ отлучекъ, возвратясь въ г. Павловскъ, она узнала, что іеромонахъ умеръ. Въ припятіи имъ билетовъ Рѣзановой никакой росписки и никакой замѣтки не было, да и самъ онъ о томъ, умирая, не успѣлъ сказать; найденные по смерти его билеты причтены къ числу имущества умершаго и по закону обращены въ собственность монастыря. Единственнымъ доказательствомъ права на билеты у Рѣзановой имѣлись квитанціи страхованія ихъ отъ погашенія въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Но ничто, кромѣ ея слезныхъ увѣреній, не доказывало, что билеты не подарены умершему, или чрезъ него монастырю. Братія не поддались ни на какія просьбы Рѣзановой, ни на ходатайство одного изъ сопровождавшихъ сенатора-ревизора чиновника, ни даже на высказанное въ письмѣ къ настоятелю желаніе высокопреосвященнаго Серафима воронежскаго уладить это дѣло, и билеты остались собственностію монастыря.

Еще одинъ случай. Устраивалась водокачалка, о которой я выше упоминалъ; дѣло какъ-то не ладилось. Монахи узнали, что въ слободѣ Бутурлиновкѣ есть механикъ-самоучка, нѣкій Григорій Матвѣевичъ Крайно, пользующійся извѣстностію. Его пригласили устроить водокачалку и согласились на предложенную имъ цѣну 800 рублей, но съ тѣмъ, чтобы принять водокачалку на ходу, въ дѣйствиіи. Крайно проработалъ тамъ съ помощниками 26 дней; водопроводъ оказался устроеннымъ вполне удовлетворительно. Но тогда братія предъявила ему письмо изъ какого-то механическаго заведенія, которое обѣщало прислать монастырю механика съ платою по 10 руб. въ день. Письменнаго договора не оказалось, и

Крайно долженъ былъ удовольствоваться 260 рублями; за то братіа обѣщала записать его имя на вѣчное поминовеніе.

Не въ осужденіе бѣлогорской братіи я привелъ всѣ эти случаи, но лишь для того, чтобы показать, какъ отклонялась жизнь обитатели отъ первообраза пещерокопателей и братчиковъ-пещерниковъ, и какъ отодвигалась отъ народнаго идеала сама обитель. регламентируясь по общему типу и проникаясь заботами о «благоприобрѣтеніи» и «благоукрашеніи».

Руководясь въ моихъ замѣткахъ и воспоминаніяхъ единственно желаніемъ очертить развитіе народной жизни въ подпадавшей моему наблюденію мѣстности, я остановился, можетъ быть, болѣе долго, чѣмъ-бы слѣдовало, на описаніи бѣлогорскаго монастыря. Но мнѣ кажется, что возникновеніе, возростаніе и наконецъ доведеніе этой обители до степени самостоятельнаго монастыря, со всѣми присущими монастырямъ квалификаціями, есть тоже одно изъ явленій развитія духовной жизни народа. Насколько удачно проведено регламентированіе этого проявленія, на сколько осталось оно схожимъ со своимъ первообразомъ, судите сами, читатели.

Возвращаюсь къ прерванному разсказу о моемъ первомъ посѣщеніи монастырька.

У заутрени вчерашнія слушательницы привѣтливо кивали мнѣ головами. Передъ ранней обѣдней я ходилъ съ богомольцами въ пещеры, и провожавшій насъ старецъ вывелъ насъ оттуда особымъ ходомъ, находящимся въ склонѣ той-же горы, но ниже сажени на 5 отъ фронтона пещерной церкви. Я всегда, какъ вѣроятно, и всѣ, испытываю особое облегченіе, выходя изъ всякаго рода подземелій, какъ будто-бы освобождаешься отъ угнетавшаго чувства страха. Но это отрадное чувство въ данномъ случаѣ усугублялось прелестію утра, яснаго солнца, обливавшаго весь обширный видъ, открывавшійся съ небольшою площадки, прокопанной въ цѣльномъ мѣлу передъ выходомъ изъ пещеры. Вида этого, его всей величавой прелести я не стану, да и не сумѣю описывать. Скажу только, что этотъ не менѣе какъ сорокаверстный видъ совмѣщаетъ въ себѣ и широкую рѣку Донъ, и зеленый лугъ, и синѣющія въ дали горы, и села, и городъ Павловскъ, и безконечную, уходящую за край горизонта задонскую степь, и все это сразу охватывается глазами человѣка, только что освободившагося отъ гнетущаго чувства. Я

думаю, что и всѣ богомольцы испытывали тоже, что и я. Всѣ мы стали и смотрѣли. Даже мой соночлежникъ молчалъ, оставивъ свои комментаріи, съ которыми онъ не отставалъ отъ меня все утро.

— Что-жь, пойдѣте въ лѣсокъ; тамъ тоже хорошо и все видно... покурить можно,—прервалъ онъ мое любованіе картиной.

Я пошелъ за нимъ, всматриваясь въ его статную фигуру, въ эти могучія плечи, надъ которыми, точно стрѣха новопокрытой хаты, оттопыривались изъ-подъ измятаго картуза въ линію высоко отхваченные ножницами густые бѣлокурые волосы. Могучая фигура! Смотря на него и на лѣсокъ, поросшій по ложбистому скату горы, куда онъ велъ меня, мнѣ пришлось мимовольно вспомнить спрятанный за жилеткой, не покидавшій меня никогда татарскій ножикъ. Береженаго Богъ бережетъ.

Мы поднялись къ постройкамъ и оттуда, переступивъ ветхій плетень, вошли въ лѣсную ложбину; большія деревья глушили свою тѣнью мелкую поросль, но въ лѣсточкѣ было не густо, и видъ передъ нами оставался почти тотъ-же, съузвившись только рамкою ложбины и закрывши отъ насъ рѣку.

Очевидно, мой спутникъ искалъ случая быть со мною съ глазу на глазъ. Едва успѣли мы закурить, какъ сейчасъ онъ принялся рассказывать о себѣ, начавъ съ того, что онъ родомъ съ Кавказа, ставропольской губерніи, причемъ показалъ паспортъ, гдѣ значилось, что ему 46 лѣтъ, росту средняго и волосы, брови, борода и усы темно-русые. Я уже послѣ, разставшись съ нимъ, вспомнилъ это несходство примѣтъ: ему нельзя было дать болѣе 30 лѣтъ и притомъ онъ былъ свѣтлый блондинъ. Смотря на паспортъ, я былъ все еще въ мечтательномъ состояніи. Кромѣ того у него имѣлось увольнительное свидѣтельство, данное ему на предметъ поступленія въ монахи. Былъ онъ, по его словамъ, въ донецкомъ монастырѣ, во святыхъ горахъ, былъ уже разъ и здѣсь, послѣ въ Воронежѣ и наконецъ въ Задонскѣ. Тамъ случилось съ нимъ что-то неприятное, недостаточно ясно объясненное имъ мнѣ. Жилъ онъ тамъ у какого-то мѣщанина, *благодѣтельствовалъ* его, далъ ему нѣсколько рублей, но послѣ этотъ мѣщанинъ что-то на него выдумалъ, почему-то вмѣшалась полиція, кто-то ему обрѣзалъ волосы, и онъ уже, не заходя въ Воронежъ «отъ стыда», очутился здѣсь *въ критическомъ* положеніи, изъ котораго, какъ онъ наконецъ открылся мнѣ, я могъ-бы выру-

чить его, давъ ему нѣсколько рублей... Въ карманѣ у меня было ровно пять копѣекъ, что тоже равнялось *критическому* положенію, а потому въ этомъ разѣ не вышелъ плюсъ отъ помноженія минуса на минусъ. Въ умѣ у меня промелькнули было соображенія объ отрѣзываніи кося дѣвицамъ и хвостовъ лошадямъ, но благовѣсть къ обѣднѣ прервала развитіе дальнѣйшаго осужденія *друпа*, и мы, какъ-бы немного отчуждившіеся, пошли по направленію къ церкви.

Въ цѣлой цѣпи вытянувшихся по береговой тропѣ богомольцевъ я возвратился въ городъ.

Возлюбилъ я эту обитель и частенько хаживалъ туда. Старцы узнавали меня и всегда привѣтливо встрѣчали. Въ обители и по пути къ ней и обратно я успѣвалъ знакомиться съ тамошними хохлами. На баштанахъ, при оранжѣ и посѣвѣ, а послѣ и въ домахъ, я былъ знакомъ съ ними. Мнѣ всегда становилось какъ-то неловко, когда приходилось быть въ компаніи занятыхъ дѣломъ и трудомъ крестьянъ празднующимся человѣкомъ. Моя наружная панскость мало извиняла мое бездѣлье и, что хуже, какую-то, что называется, *неприкаянность*. Люди работаютъ, трудятся, заняты дѣломъ, а я болтаюсь, бездѣльничаю. Эту неловкость я испытывалъ, будучи школьникомъ, въ каникулярное время. Это самое пришлось испытывать и во время моихъ задонскихъ отлучекъ изъ г. Павловска. Во извѣненіе этой моей неприкаянности мнѣ пришлось объяснять моимъ новымъ знакомцамъ обстоятельства, приведшія меня сюда. Это еще болѣе располагало ихъ ко мнѣ, усиливало ихъ привѣтливость, вызвало на распросы.

— Що-жь у тебе й сямъ е—жинка, дити? участливо спрашивали меня.

— Бачь, ягъ-то воно придетца чоловікови!—и т. п.

Старцы монастырскіе мою досужестъ объясняли, но всему вѣроятію, какъ и досужестъ иныхъ посѣтителей городскихъ, притомъ же я бывалъ у нихъ обыкновенно днемъ и не разъ съ охотничьимъ ружьемъ, а иногда и съ добытою на охотѣ дичью. Къ осени приходящихъ богомольцевъ стало меньше—монастырекъ опустѣлъ. Ставропольскаго знаконца я разъ только встрѣтилъ идущимъ куда-то изъ монастырка, по направленію къ слободѣ Бѣлогорью, по какому-то дѣлу. Но почему-то я все еще мнилъ его постояннымъ жителемъ пещерной обители.

Разъ позднею осенью, уже подъ вечеръ, возвращаясь съ охоты, я подходилъ къ монастырскому плетню (каменной ограды тогда еще и помину не было). За плетнемъ высился только что сметанный стожокъ привезеннаго сѣна, видѣлись выпряженные волы. Андрій Николаевичъ стоялъ тутъ-же, опершись на вилы, другіе старцы подгребали сѣно и оправляли стогъ.

— Богъ въ помощь! привѣтствовалъ я старцевъ.

— Спасыби! отвѣчали мнѣ.

— Отъ бачъ, раньше не приходили—усебъ таки помогли дадамъ трудитьца—отозвался Андрій Николаевичъ, а то отъ якъ помо-
рились...

— Та хйба-жъ на цей разъ у васъ никого й не лучилось зъ бого-
мольцывъ, щобъ пособить? У васъ-же тутъ усе проживае отой боро-
датый москаль, чи що воно таке. Вы-бъ ёго заставили, не пору-
шнвся-бъ,—сказалъ я.

— О! це той ставропольсьвій! Богъ зъ нимъ! Винъ намъ оце
якого хлопоту наробивъ! Богъ зъ нимъ!

— Якого хлопоту?!

— Та такъ, просто халепа! У насъ тутъ усяки люде бувають...
Хйба-жъ намъ билеты у нихъ спрощувать? Всяки бувають... Такъ
и винъ. Оце навернется, поживе днивъ два-три, тай зайде кудысь.
Приходящи у насъ уже на гостыни ночують. Оце соберуться, сви-
чечки свои свитать, що небудь читають, або тамъ инколи псалмы
якои заспивають, або що списують... Ну, пройдешь, подивнися—
усе тихо, по Божому, ну и Богъ зъ ними! Коли оце разъ, саме
у глузу ничъ, чуемо, прибигае становый, старшина зъ понятами...
Такъ и накрыли ихъ рабивъ Божихъ. Оцей бородань, та ще явійсь,
та три якихсь-то черныци у насъ на гостыни за столомъ хвальшнви
билеты-паспорты списують. Й печати захватили у нихъ. Господь
ёго знавъ, що вони таке діють! Отъ вамъ й богомольци! Коли-бъ
ще й намъ чого не було?! Богъ зъ ними!

И такъ здѣсь на Дону я сразу натолкнулся на піэтическую
жажду слушать чтеніе «изъ божества», «заповѣдь какую-нибудь» и
въ то-же время на поддѣльвателей паспортовъ. Жажда грамотности
и практическое примѣненіе ея—піэтизмъ и крайняя проза жизни.

Воронежскую губернію, а особенно ея южныя уѣзды, я знаю
лѣтъ семнадцать. Многое измѣнилось со времени моего перваго

пріѣзда сюда. Крестьянское самоуправленіе укрѣпилось (къ лучшему-ли—это другой вопросъ), крестьяне постепенно начинаютъ сознать себя въ земствѣ; на моихъ глазахъ устроились сельскія школы. *Школьники*, какихъ я знавалъ по началу, теперь уже своихъ дѣтей посылаютъ въ школу. Человѣкъ, занятый постоянно наблюденіями народной жизни, могъ-бы многое сказать про эту жизнь, про эту хотя-бы сторону жизни народной—грамотность. Но я обстоятельствами былъ оттолкнутъ отъ народа, тѣсныхъ непосредственныхъ связей у меня съ селомъ не было; и потому приходится сводить только случайныя наблюденія, которыя давались мнѣ по старой привычкѣ, по не оставшему съ лѣтами интересу ко всему народному. Разумѣется, меня въ моихъ хотя-бы и случайныхъ наблюденіяхъ больше занимали хохлы, какъ народъ родной, болѣе мнѣ понятный.

Воронежскій хохоль не похожъ на украинца: онъ живѣе, неворотливѣе, нѣтъ въ немъ украинской недовѣрчивости, угрюмости, не глядитъ онъ изъ-подлобья, какъ по-днѣпровецъ. Здѣшній, донской хохоль—коловнсть, совершенно потерявшій традицію и отдавшійся всецѣло устроению себя на новомъ мѣстѣ. Далекіе предки его, умирая на первоначально занятыхъ ими, ближайшихъ къ роднымъ степямъ теперешней харьковщины, въ могилу унесли и ихъ исторію, ихъ прошлое; а они, здѣшніе теперешніе хохлы, не знаютъ даже, откуда пришли ихъ отцы, а ужъ не говорю о томъ, что не знаютъ, кто были ихъ отцы. Столкнувшись здѣсь, даже не на рубежѣ, а на нейтральной, брошенной ордою степи, съ великорусскими поселенцами подъ суровой, по тѣмъ не менѣе умиротворяюще регламентирующей властью, хохлы не воевали съ сосѣдями, съ сопосельниками мечемъ, но не избѣгли войны экономической, культурной. Въ этой борьбѣ съ колонистомъ сопосельникомъ хохлы остались побѣдителями, но въ свою очередь были побѣждены культурой метрополи. Здѣсь въ южныхъ уѣздахъ воронежской губерніи торговля вся и вся промышленность въ рукахъ хохловъ. Великорось преимущественно пахарь. Это отчетливо выражается тѣмъ, что здѣсь на югѣ торгово-промышленныхъ великорусскихъ селъ нѣтъ, а торгуютъ хохлацкія слободы,—разумѣется не всѣ, есть и хохлы пахари, торговыхъ-же русскихъ селъ въ южныхъ уѣздахъ воронежской губерніи нѣтъ положительно. Но этотъ

торгашъ-хохоль значительно обрусѣлъ. Обрусѣлъ онъ всетаки не по здѣшнему, а по общерусскому образцу. Онъ, можно сказать, обрусѣлъ, но не обмосковился. Это опредѣленіе лучше всѣхъ поймутъ сами здѣшніе хохлы, если кто изъ нихъ прочитаетъ эти строки. Онъ ничего общаго не имѣетъ со своимъ великорусскимъ сопосельникомъ пахаремъ; онъ говоритъ языкомъ русскимъ, но не языкомъ своего сосѣда, нарѣчіе котораго онъ передразниваетъ; онъ не брачится съ великороссами, между ними есть какой-то особый антагонизм¹⁾. Онъ вообще на пути въ такову обрусѣпію, какову подпали мы люди книжные. Но тѣмъ не менѣе этотъ коверкающій русскій языкъ, этотъ бородатый, даже иногда подстриженный въ скобку и размашисто, «якъ отъ московскія купца», крестящійся хохоль все таки нашъ природный малороссіянинъ. Нельзя-же на самомъ дѣлѣ въ этихъ названіяхъ: Персвертайловка, Нехотійловка, Голивка, Загузничка, Церанка, Дуванка, Бжджолинка, Пилипенкова, Макогоновъ, Хорольскій и т. п. видѣть московскія поселенія. Не могу-же я въ этихъ Кащенко-выхъ, Яцько-выхъ, Боровиковыхъ, Сыроватскихъ, Масцѣевыхъ, Ругахъ, Зозулиныхъ, Дудецкихъ, Ляпогузахъ, Мерзлосадахъ, Рыбалкахъ, Лозовыхъ, Старосвѣтскихъ и т. п. и т. п., какъ-бы они ни *русски*, видѣть русаковъ, а не хохловъ, особенно если я знаю ихъ происхожденіе, ихъ домашній бытъ, ихъ родъ-племя. Между собою, а особенно въ семьяхъ, они говорятъ по малорусски, ругаются, если въ мѣру, тоже по малорусски: «бисовъ сынъ, побила-бъ тебе ляха година» и т. п.; подъ чаркою у хохла вы тоже слышите родную рѣчь; но если нужно говорить съ чужакомъ, нужно превозноситься, если нужно въ сласть выругаться, тогда ужъ пачинается говореніе *по росейскому*. Забогатѣвшій купецъ-торговецъ усвоиваетъ себѣ всѣ приемы русскаго купца, у него уже *не челядь*, а *молоды*, у него уже рѣчь русская звучитъ при обращеніи къ мелкой сошкѣ, онъ уже выражается о сѣромъ хохлѣ: «*хохла необразованна*». Онъ весь скрон-

1) Замѣчательно то, что антагонизмъ этотъ проявляется совершенно въ тавнихъ формахъ, въ какихъ, по рассказамъ, онъ встрѣчается у порубежныхъ русиновъ съ мазурами. Также воронежскій хохоль осмѣиваетъ простоватость москаля сосѣда, какъ любляскій русавъ приглупость мазура. Анекдоты объ этомъ совершенно аналогичны; разнятся вставкою передразниваемой рѣчи и именами націй.

вается на образецъ виданнаго имъ московскаго купца, по купечески московски и въ церкви крестится—размахисто, патлами вскидываетъ. Это его идеаль вѣдь! Онъ даже, какъ я самъ видѣлъ, подписывается по неграмотному замоскворѣцкому образцу: Василей, вмѣсто Василій, и все это нарочно, сознательно, подражая своему идеалу. У стариковъ это выходитъ комично. Эта русская рѣчь смѣшна: старые захолустные священники на Украинѣ, писцы кievской, полтавской и черниговской консисторій, *шеви* съ Кожемякъ говорятъ похжимъ языкомъ. Что-жъ дѣлать?! Это существующій фактъ; это тоже стадія культуры. Вѣдь не такъ еще давно на Подоліи, Волини въ особенноти, польская рѣчь была въ употребленіи въ семьяхъ мѣстныхъ священниковъ православныхъ, вѣдь постъ же австрійскій солдатъ-мазуръ въ пѣснѣ «*nie masz jak w Miłańskiem landzie*», вѣдь осталось по сю пору въ русскомъ и малорусскомъ и даже въ польскомъ языкѣ много татарскихъ словъ. Жизнь беретъ свое! Хорошо-бы было умѣло изобразить разноэпохныя стадіи развитія села. Меня давно занимаетъ эта мысль, кстати образци передъ глазами. Я знаю слободы здѣсь, которыя на моихъ глазахъ растутъ, если такъ можно выразиться, цивилизуются. Мерзвыи сами по себѣ эти проявленія цивилизаціи, онѣ отталкиваютъ отъ себя своимъ внѣшнимъ видомъ, тѣмъ, что начинаются съ гніенія стараго строя, а всякое гніеніе противно; но такъ оно всегда бываетъ. это въ порядкѣ вещей. И зерно, проростая, истлѣваетъ, чтобы дать жизнь растенію.

— Що-жъ була ты, Галько, въ Воронцевій на ярмарку? Бачил тамъ хлопцивъ? Хороши?—спрашивалъ я въ 1867 году молодую хохлушку-*дивчину* въ Михайловкѣ, пахарской хохлацвой слободѣ, вернувшуюся съ ярмарки въ большой торговой слободѣ Воронцовкѣ.

— А то-жъ и не бачила! Тамъ парубки не нашеньськи-прости: усе въ *пиддѣвахъ* (крытыхъ полупубкахъ), въ *брюкахъ* (на выпускъ, поверхъ голенищъ штаны).

А теперь, въ 1884 году, и въ Михайловкѣ уже *парубки* носятъ и *пиддѣвки* и брюки, помадятъ волосы, *въ гармонію грають* и сама Галька, которой вскорѣ послѣ моего съ нею разговора «на-сунули за весильнымъ столомъ очипокъ», врядъ-ли носитъ это характерное головное малорусское украшеніе, а вѣроятно «на-криваетьця шалью». Да!

По разсказамъ, лѣтъ 30—40 тому назадъ рязанская и орловская губернія дали сюда много выходцевъ, занявшихся здѣсь въ воронежской губерніи торговлею. Елецъ (орловской губерніи), онъ же по пословицѣ «всѣмъ вораѣ отецъ», особенно много своихъ обывателей вылустилъ въ эти южныя края для промысловъ, и «елецкіе», какъ ихъ здѣсь называютъ, торговали въ этихъ мѣстахъ на славу. Шибайный, скотный, хлѣбосыпочный промыслы были въ ихъ рукахъ. Послѣ крымской войны на югѣ воронежской губерніи по торговымъ слободамъ явилось много греческихъ торговыхъ по ссыпкѣ зерна конторъ. Вальяно, Зидлы, Маврокордаки, и другіе *раки* южныхъ портовыхъ городовъ—Ростова, Таганрога забросали край этотъ если не золотомъ, то кредитными билетами,—они тогда были дешевы въ Ростовѣ и Нахичевани,—и тащили за море пшеницу и ленъ съ нововспаханыхъ степей. Конторы греческія приглушили было *елецкихъ*. Но въ концѣ концовъ обучившіеся у нихъ хохлы превзошли и тѣхъ и другихъ. Греки сошли со сцены на взморѣ, а *елецкіе* большею частію служатъ теперь *молодцами* у тѣхъ хохловъ, которыми они прежде помывали и которыхъ прежде обманывали.

Развитіе торговли и промысла на югѣ Россіи ожидаетъ еще своего историка. Эту исторію многое-бы объяснилось въ нашей отечественной исторіи: объяснилось-бы стремленіе новгородцевъ на сѣверо-востокъ, объяснилось-бы современное намъ стремленіе на югъ и юго-востокъ, разъяснилось-бы, почему это воронежскіе хохлы еще такъ недавно, уступая у себя арену торговли ельчанамъ, сами промышляли *на линіи* въ ставропольской губерніи, здѣсь даже понаседляли цѣлыя слободы; объяснились-бы эти параллели переселенческихъ теперешнихъ путей съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Много-бы мы поняли. Но я отказываюсь разсуждать объ этомъ, а возвращаюсь къ описанію замѣченныхъ мною у здѣшнихъ хохловъ стремленій къ грамотности, къ цивилизаціи.

Въ 1866—1867 годахъ я не видалъ еще повсемѣстно по селамъ училищъ. Были училища, устроенныя помѣщиками, были школы частныя, случайныя. Чернички-келейницы, отставные солдаты, изрѣдка дьячки имѣли по нѣсколько учениковъ.

— Оце, спасибі вамъ, вона стала трохи на ноги, а то мы вже думали отдавати їи до черниць грамоти учитця, объясняла мнѣ

мать одной излеченной по моему указанію и рекомендаціи докторомъ дѣвушки.

— А теперь може й замижъ згодитьця, объясняла заботливымъ мать мнѣ, ставшему причиною неграмотности дѣвицы.

Новыя, и даже можно сказать вдругъ поновляющіяся условия жизни потребовали и грамотности. Сначала министерство народного просвѣщенія, а послѣ и явившееся земство созидали сельскія школы. Требованіе отъ окончившихъ семинарію пребыванія извѣстнаго срока въ должности учителя дали немалый контингентъ учителей. Новые суды, земство, всеобщая воинская повинность вызвали грамотность въ народѣ. Дѣло это вѣдь изъ самого себя растетъ: грамотные родители непременно захотятъ видѣть грамотными своихъ дѣтей. При этомъ, разумѣется, потребность эта регулировалась спросомъ. Въ слободахъ торговыхъ, промышленныхъ потребность грамотности была большая, чѣмъ въ слободахъ пахарскихъ, гдѣ подростокъ съ еле сознанными имъ силами утилизировался, какъ погоничъ, пастухъ и т. д.

Мнѣ случилось проживать въ большой торговой слободѣ, Бутурлиновкѣ. Это впрочемъ самая большая слобода въ воронежской губерніи; въ ней еще по ревизіи 1857 года считалось свыше 10,000 душъ. Слобода эта по ея оригинальному социальному строю, по условіямъ жизни, достойна особой монографіи, которою я займусь со временемъ. Промышленность и торговля создали въ ней съ одной стороны крупныхъ денежныхъ тузовъ, а съ другой горьчайшій пролетаріатъ—двѣ крайности экономическаго быта, экономической борьбы капитала и труда.

Въ Бутурлиновку я попалъ въ то время, когда дѣла греческихъ конторъ падали, когда мѣстные доки захватывали дѣло въ свои руки. На моихъ глазахъ росли тамошніе богачи, разумѣется, въ различныхъ степеняхъ богатства. Эти-то вожаки торговой и промысловой предпріимчивости почти всѣ были кое-какъ грамотны—читали, умѣли кое-какъ писать. Но дѣти ихъ уже пишутъ бойко, одѣваются чисто по европейски и не прочь щегольнуть иностранными словами, говорятъ чисто по русски. Все это съ извѣстными градаціями. Купцы тамошніе, недавніе *господа купцы*, повторяя употребляютъ иностранныя слова, изъ коихъ нѣкоторыя получили такъ сказать, право гражданства въ ихъ рѣчи. Наприм: «снжетъ».

«мараль» (вмѣсто сюжетъ, мораль). «*Мы имѣли съ нимъ по этому поводу сюжетъ*», т. е. сужденіе. «*Я не хочу ни за что взять на себя этой марали*», т. е. чего-то грязнаго, стыднаго, марающаго меня. А то напримѣръ не угодно-ли:

— Тамъ, братецъ ты мой, у нихъ такая *библіотека* произошла, что только ну, тай годи. И, чортъ ихъ знаетъ, *зъ чою* эта у нихъ *инструкція* почалась?! Амбариска, собственно говоря, самъ по себе пустой! Разви ужъ *внутреннее убѣжденіе* въ немъ (т. е. въ амбарѣ-то) что пибудь стоило?! А вѣдь *сюжетъ* (молва, разговоръ) пошелъ по всей ярмаркѣ—*мараль* такая! Вѣдь допли до того, что чуть не за бороды другъ друга *мотивировали*! *Карамболь* просто!

И это вѣдь не выдуманное, а слышанное.

— Що це вы такъ занехаяли кимнату! Заразъ-же приберить! Це *вовси не согласно зъ мненіяма*!—понукаль хозяинъ постоялаго двора семью, сводя меня въ комнаты. Такъ и видно, что мужъ сей былъ гласнымъ въ земскомъ собраніи. Или: «теперь они заключили между собою *междуметію*».

А ужъ дѣти этихъ людей, ихъ меньшіе братья и сестры учатся уже въ прогимназіяхъ, гимназіяхъ, пансіонахъ и даже въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Уже я знаю бутурлиновцевъ, вышедшихъ и выходящихъ въ близкомъ будущемъ технологами, прокурорами, врачами, инженерами, пепиньерками при институтѣ—ужъ мои уши услаждались музыкою бутурлиновской рояли. Положимъ, что это только въ Бутурлиновѣ, но вѣдь эта Бутурлиновка не можетъ-же не представлять изъ себя хоть и крайняго, но все-же народнаго стремленія къ цивилизаціи. Школьность и грамотность несомнѣнно развиваются. Въ самыхъ черноземныхъ слободахъ и хуторахъ пахарскихъ, особенно зимою, натыкаешься на хлопчиковъ съ сумочками, изъ которыхъ торчатъ книжечки, тетрадки и грифельная доска. Земство, воинская повинность дѣлаютъ свое. Многого еще можно желать, но немало уже и имѣемъ по сравненію съ недалекимъ прошлымъ.

Я помню случай въ началѣ 70-хъ годовъ, когда въ одномъ хуторѣ общество порѣшило на зиму учителя не нанмать, а швольный домъ сдать подъ кабакъ (Юниковъ хуторъ, семеновской волости павловскаго уѣзда). Теперь такой случай невозможенъ. Это тоже вѣдь крайность. Въ пахарскихъ слободахъ и теперь еще можно

видѣть, что грамотность не составляетъ пасущей жизненной, лучше связать сельской потребности. Мало-мальски обучившіеся грамотѣ выбиваются изъ сельской пахарской жизни и попадаютъ въ дѣло далеко не пахарское: идутъ въ писаря, приказчики, служатъ мелкими сошными въ штатѣ желѣзно-дорожной службы. Это объясняется спросомъ на грамотныхъ въ государствѣ и тяжелою обстановкою крестьянской сельской жизни.

— Виня у насъ школьникъ; вывчитца, писаремъ буде.

— Вона каже, буду вчить хлопцевъ, въ школу отдамъ, вони въ мене будуть образовани, въ очкахъ будутъ ходить...

Такія *ria desideria* чадолюбивыхъ родителей слыхалъ я. Не улыбайтесь! Вѣдь эти пожеланія совершенно равнозначущи пожеланіямъ такимъ:

— Учись сынокъ, будешь попомъ, прокуроромъ, инженеромъ, докторомъ и т. п.

Разумѣется послѣднія пожеланія высказываются родителями, которые сами только попы, прокуроры, инженеры, доктора, люди не крѣпкіе земли, а граждане доходовъ и требовательныхъ вѣдомостей, люди, испытавшіе всю выгоду этихъ профессій, а не селяне, которые должны-бы учиться только ради ученія, ради того, чтобы умѣть лучше, осмысленнѣе жить въ своей сферѣ. Но такъ какъ пока еще у насъ грамотность не даетъ примѣнительнаго къ обыденной жизни знанія, и такъ какъ жизнь пахаря у насъ слишкомъ сурова, малоотраднa и многотрудна; то желаніе видѣть дѣтей своихъ живущими болѣе легкимъ трудомъ, ядущихъ болѣе вкусный кусокъ—простительно и понятно. Эти желанія родителей вполне совпадаютъ съ желаніями и самихъ дѣтей. Я знаю много грамотныхъ молодыхъ крестьянъ, которые попали въ военную службу или остались тамъ служить по окончаніи обязательнаго срока службы, либо вышедши въ запасъ, пристраивались вѣтъ условій сельско-пахарской жизни, и въ то-же время не могу припомнить ни одного хорошо знающаго грамотѣ солдата изъ крестьянъ, который занялся-бы въ возвращеніи со службы пахарствомъ.

Разумѣется, это еще пока только стадія обще-народной грамотности; со временемъ, когда число грамотныхъ увеличится до того, что спросъ на нихъ во вѣтъ-пахарской жизни будетъ менѣе предложенія и когда самыя условія жизни пахаря потребуютъ болѣе

чѣмъ непосредственнаго примѣненія физической силы къ землѣ,— грамотность займетъ надлежащее мѣсто и въ быту сельскомъ, хлѣборобномъ. Но пока еще, повторяю, грамотность крестьянъ сильно развивается въ слободахъ торговыхъ и промышленныхъ и слабо въ сѣромъ, пахарскомъ быту.

Въ ноябрѣ 1864 г. мнѣ пришлось быть въ слободѣ Бутурлиновкѣ во время призыва. Мѣстный учитель двухкласснаго училища рассказывалъ мнѣ, что въ этотъ призывъ попали почти всѣ его ученики начала семидесятыхъ годовъ. Если принять во вниманіе, что въ Бутурлиновкѣ, кромѣ двухкласснаго училища, еще имѣется пять сельскихъ земскихъ училищъ, да еще много обучающихся у черницъ, солдатъ и дьячковъ, то выйдетъ, что громадное число новобранцевъ этого года грамотны.

Говоря вообще о здѣшной грамотности, нельзя обойти молчаніемъ народныя школы. Лучшія изъ этихъ училищъ, это тѣ, которыя находятся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, а именно двухклассныя училища. Какъ образцовое во всѣхъ отношеніяхъ училище, я знаю двухклассное училище въ слободѣ Бутурлиновкѣ. Можетъ быть и это училище не выдавалось-бы ничѣмъ изъ числа другихъ, но въ началѣ 70-хъ годовъ въ это училище учителемъ попалъ очень хорошій человекъ, окончившій курсъ воронежской духовной семинаріи первымъ студентомъ Василій Андреевичъ Тихоновъ. Вообще нужно сказать, что въ воронежской семинаріи долго не выдыхался духъ начала 60-хъ годовъ, когда и въ Воронежѣ была литературная жизнь. Тогда издались сочиненія Никитина, издавалась «Воронежская Бесѣда», мѣстная интеллигенція отзывалась на общероссійскій призывъ къ движенію впередъ, къ духовной жизни. «Записки семинариста» Никитина оказали свое вліяніе на воронежскихъ семинаристовъ, указали имъ жизнь внѣ стѣнъ бурсы, вызвали въ нихъ критику по отношенію къ своему положенію, охоту читать, самообразовываться, совершенствоваться. И по сию пору въ Воронежѣ можно услышать, что всѣ или, по крайней мѣрѣ, лучшія стихотворенія Кольцова написаны вовсе не имъ—Кольцовымъ, а семинаристомъ, вѣкиимъ Серебрянскимъ. Это убѣжденіе твердо особенно у семинаристовъ. Разъ я видѣлъ въ Воронежѣ памятникъ Кольцова съ лицомъ обращеннымъ назадъ, на пьедесталѣ видны были грязныя слѣды сапогъ. Говорили, что эту штуку не разъ уже

продѣлывали семинаристы именно потому, что Кольцова считают похитителемъ славы семинариста Серебрянскаго.

Тихоновъ былъ изъ числа семинаристовъ, хранившихъ хорошія традиціи 60-хъ годовъ. Не чувствуя призванія къ священству, онъ, не смотря на всѣ преимущества, не взялъ на себя этого сана, а всего себя отдалъ дѣлу ученія. Училъ онъ другихъ и училъ себя. Состоя учителемъ бутурлиновскаго 2-хъ класснаго училища, онъ въ тоже время подготовлялся къ поступленію въ Петровско-разумовскую академію, куда и попалъ въ семидесятыхъ годахъ. Въ академіи онъ шелъ по двумъ отдѣламъ—лѣсному и сельско-хозяйственному, не зная, на какомъ изъ нихъ откроется прежде стипендія, которая дала-бы возможность ему учиться. Получивъ наконецъ стипендію, онъ, по выраженію его товарищей, «такъ засмаковалъ въ обонхъ отдѣлахъ, что и до окончанія курса шелъ по обонмъ и при томъ со скучивѣйшимъ однообразіемъ въ отмѣткахъ: не имѣлъ ни по одному изъ предметовъ менѣе 5». Теперь уже г. Тихоновъ возвратился изъ двухгодичной съ ученою цѣлью поѣздки за границу, и мы всѣ его знакомые ждемъ отъ него чего нибудь больше обыкновеннаго завѣдыванія какимъ нибудь лѣсничествомъ. Вотъ этотъ-то Тихоновъ, при его умѣни и добросовѣстности, и умѣлъ хорошо поставить бутурлиновское 2-хъ классное училище. Память о немъ на долго сохранилась въ Бутурлиновѣ. Я такого другого учителя не видалъ, не видалъ и не знаю такъ отдавагоса обученію дѣтей человѣка, какимъ былъ Тихоновъ. Онъ смотрѣлъ на свою обязанность вполнѣ серьезно и отдавался ей съ увлеченіемъ. Къ каждому уроку онъ готовился самымъ усерднымъ образомъ, много читалъ по части педагогіи, умѣлъ снискать любовь своихъ учениковъ, заохотить ихъ. Школьные пособія, небольшая, но избранная бібліотека и даже сильный музей,—все это дѣло Тихонова, но что всего важнѣе, это то, что онъ сдумѣлъ это собственное сознаніе важности и неукоснительности дѣла обученія дѣтей всецѣло влить въ своего помощника, а теперь преемника, зятя своего Ив. Гр. Зеленскаго, который достойно продолжаетъ по сю пору дѣло, начатое Тихоновымъ. Да, это образцовое училище!

Не то, разумѣется, представляютъ собою инныя училища. Много недостатковъ можно-бы въ нихъ указать, но пока еще слава Богу и за то, что и тавія училища есть у насъ. Училищные совѣты по

уѣздамъ, дирекція училищъ губернская дѣлають по возможности свое дѣло. Я думаю, что сельское учительство, представляя собою убѣжище отъ воинской повинности, временную жизненную станцію для окончившихъ духовную семинарію, но не получившихъ мѣста священника и временное занятіе для молодыхъ дѣвиць, кончающихъ свою карьеру выходомъ замужъ, много теряетъ въ своей профессиональности. Всѣ эти временные учителя, не видя въ учительствѣ исключительной цѣли жизни, недостаточно усердные и часто мало-способные преподаватели. Въ земствѣ все дѣло школьное находится въ прямой зависимости отъ предсѣдателя управы, взгляды коего на степень нужды и важность народнаго образованія, ставятъ это дѣло въ уѣздѣ на лучшую и худшую ногу, влияя на успѣшность дѣла какъ подборомъ учителей, такъ и контролемъ надъ ними, а равно и заботливостію о возможно лучшемъ вознагражденіи ихъ труда. Послѣднее особенно важно, ибо размѣромъ жалованья опредѣляется и качественность учителей. Цифры этого жалованья отъ 100 до 240. Ну, какого въ самомъ дѣлѣ учителя, который не рвался-бы изъ своей профессіи, нанять можно за 100 рублей?! Разумѣется, при такомъ мизерномъ содержаніи и ютятся на учительствѣ или временные станціонеры, или то, что уже ни на что большее въ жизни и рассчитывать не можетъ, или, въ крайнемъ разѣ, тотъ, кто умѣетъ къ дѣлу учительства пристегнуть какіе нибудь иные заработки—частные уроки, посѣвы, занятіе въ правленіи ссудосберегательныхъ товариществъ, регенство и т. п. Я знаю одного учителя, который живетъ верстахъ въ трехъ отъ школы, арендуя водяную мельницу. Непригодность многихъ учителей, безконтрольность школы и по просту неразвитіе школьнаго дѣла лежать вполне на отвѣтственности предсѣдателей земскихъ управъ, какъ почти самовластныхъ распорядителей земскихъ дѣлъ и большею частію инициаторовъ всякихъ вопросовъ въ земствѣ. Училищный совѣтъ только вѣдаетъ школы въ уѣздѣ въ установленныхъ рамкахъ. Не говоря уже о томъ, что въ совѣты эти часто попадаютъ люди еле грамотные, но, что тоже отчасти зависитъ отъ предсѣдателя, совѣтъ не можетъ прибавить содержанія учителямъ и училищамъ. А это самое важное: «дешева рыбка—погана юшка», гласитъ народная пословица. И вотъ попалась въ одномъ селѣ эта «дешева рыбка» въ видѣ учительницы, съ жалованьемъ по 8 р. въ мѣсяцъ, и,

по словамъ одного изъ членовъ училищнаго совѣта, которому было поручено произвестъ о ней и ея дѣянiяхъ дознание, учила дѣтей только кричать «ура» (это ей особенно нравилось), пьянствовала и напоминала собою Марію Египетскую до ея покаянiя. На самомъ дѣлѣ это была особа, не годившаяся даже въ горничныя и получавшая жалованье меньшее, чѣмъ жалованье горничной. Но все таки въ виду существованiя въ каждомъ селѣ школы, такъ или иначе контролируемой, въ виду существующихъ уже на этотъ предметъ цифръ земскихъ бюджетовъ, нельзя не сказать и за это—слава Богу.

Да, село за послѣдніе 20 лѣтъ много прошло впередъ по пути цивилизаціи, которую нельзя не видѣть даже въ ея мерзвѣйшихъ проявленiяхъ. Цивилизація на столько заполониваетъ село, что съ каждымъ годомъ подвластныхъ режиму *ржаного колоса* (Гл. Успенскаго) мужиковъ становится все меньше и меньше. Колосъ-ли этихъ стало меньше, или ужъ *мудрствованіе* крестьянское такъ развивается?... А это *мудрствованіе* тоже вѣдь результатъ цивилизаціи и въ нѣкоторыхъ случаяхъ деревенской грамотности. До 60-хъ годовъ крестьянинъ былъ положительно, такъ сказать, подъ игомъ всего, что было тогда мало мальски грамотно. Грамотѣ господствовалъ надъ нимъ, гнулъ его въ бараній рогъ, выжималъ его въ свою пользу, замкнувшись въ непроницаемую для крестьянина сферу грамотности во всѣхъ ея проявленiяхъ, начиная отъ прикащичьяго наряда до распоряженій и узаконеній правительственной власти. Какъ изъ черной тучи метались на мужика изъ этой сферы громы и молніи, заставлявшіе его корчиться, сжиматься, припадать къ землѣ. Онъ видѣлъ, осозналъ дѣйствiя этой незнаемой имъ силы, но ея, самой-то силы не понималъ. И вдругъ ему дается въ руки эта самая сила, онъ узнаетъ ее, самъ грамотится, въ судахъ, въ волости, въ земствѣ уразумѣваетъ эту силу. Возчувствовалъ это, онъ, этотъ пахарь-мужикъ, начинаетъ *мудрствовать*, старается по своему эксплуатировать это новое приобрѣтеніе: дѣлается кулакомъ, ищетъ жизненной удачи въ примѣненіи этой силы въ жизни. дѣлается сутягою, пускается во всѣ тяжкія. «Такъ вотъ въ чемъ вся сила!»—разсуждаетъ онъ, «это и я могу не хуже другихъ». И дѣйствительно можетъ! Посмотрите, какъ скоро этотъ мудрствующій мужикъ понялъ законъ о томъ, что долгъ доказывается только письменнымъ документомъ, какъ ловко научился во избѣжаніи

платежа долговъ переводить свое имущество на родичей, давать дутые векселя и т. п. Многое онъ можетъ. Умѣетъ наприимѣръ подписывать, не будучи грамотнымъ, свое имя и фамилію на векселяхъ или роспискѣ съ вынутаго изъ кармана образца и послѣ увѣрять, что онъ не могъ подписываться по своей неграмотности; увѣрять, что его сына, котораго на самомъ дѣлѣ онъ-же заставлялъ подписаться на договорѣ, подарками прельстилъ подписаться за него его контрагентъ, помимо его о томъ вѣдома... А подлоги, а шантажи деревенскіе?! Это все дѣла прозрѣвшаго, начинающаго *мудрствовать* мужичка. Судъ въ его упрощенномъ видѣ тоже манитъ его. Въ средѣ крестьянъ развивается сутяжничество и при томъ съ полнѣйшею вѣрою въ то, что и самое неправое дѣло при умѣнии и ловкости можно выиграть. Онъ самъ при малѣйшемъ смеканіи судебной процедуры лично ведетъ процессы или старается закупить ту, не такъ давно еще непосредственно давившую его, грамотную силу—разнаго рода ех-чиновниковъ, стоящихъ не у дѣлъ, бывшихъ крючковъ, послугивается ими. Въ крайнихъ случаяхъ онъ становится больнымъ процессоманіей, въ лучшемъ разѣ онъ вѣрится въ силу всякой шельмографіи: у него постепенно теряется традиція Соломоновской правды, замѣняясь вѣрою въ крючкотворство.

— Оце тобі четвертний (25 р. билетъ) и ще дамъ, мени не треба вже высужувать дила, а зроби тильки такъ, що ото у ёго (противника) есть витрякъ, такъ щобъ винъ ёго просудивъ, щобъ извився... излагаеть одинъ изъ тяжущихся свое желаніе адвокату.

— Это онъ, ваше высокородіе, меня за себя жаеаетъ *отговорщикомъ* поставитъ—свое недоуміе мене передать,—т. е. мнѣ передаетъ защиту дѣла по своему неумѣнію.

— Я вотъ, что хочу попросить тебя: купи ты мнѣ *законъ*,—просилъ одинъ крестьянинъ знакомаго грамотника. Что онъ будетъ стоять?

— Какой *законъ*?

— Да вотъ такой, какъ у тебя есть, этоть размалёванный самый (судебные уставы изд. Анисимова, съ разноцвѣтнымъ обрѣзомъ). У меня теперь внукъ грамотѣ обучень,—я самъ стану судиться.

— Ничого не высудишь, хоть и не судись; въ тебе клепки не стане перехитрить мене: не таки дила повертали, куды схотили.

Я уси уходы знаю, вразъ закручу тебе,—нагло увѣряетъ мудроватый хохоль болѣе простоватаго противника.

Вотъ вамъ на выдержку нѣсколько случаевъ, но ихъ-бы можно набрать массу въ подтвержденіе вѣры мужика въ крючкотворство, въ силу грамотности, въ возможность извернуться, обойти законъ. Въ гражданскомъ процессѣ отвѣтчикъ прибѣгаетъ къ уловкамъ, къ изворотливости, въ уголовномъ онъ прибѣгаетъ съ полною вѣрою къ защитнику. Въ томъ и другомъ случаяхъ ему присуща вѣра въ то, что при умѣннн можно выйти изъ воды сухимъ.

— Эхъ вы! Аблакаты! Вывозите!—кричитъ лихой ямщикъ на свою тройку, замаявшуюся въ глубокомъ сугробѣ.

Пока еще, разумѣется, это только явленія, но въ нихъ нельзя не видѣть явленій, подтверждающихъ вполне теорію Гл. Успенскаго о *мудрствованіи* мужика, выбивающагося изъ сферы *ржаного колоса*. И все это нечто иное, какъ цивилизація, какъ тоже самое извѣчное вкушаніе плода съ древа познанія добра и зла. Вся вина наша общества-государства, въ томъ, что этотъ аппетитъ ко злу мы ничѣмъ не воздерживаемъ, ничѣмъ не развиваемъ вкуса къ добру. Гдѣ село цивилизованнѣе, тамъ и зла этого больше. А такъ какъ на югѣ воронежской губерніи малороссіяне культурнѣе великороссіяны, то съ политическою грустью приходится сознаться, что хохлы здѣсь en masse порочнѣе москалей. Москаль, преимущественно пахарь, дичѣе хохла, а потому самому онъ примитивнѣе сохранилъ въ себѣ простоту, наивность, благодушіе селянина; онъ болѣе остался тѣмъ мужикомъ, къ которому мы въ 60-хъ годахъ простирали свои объятія.

Но тѣмъ не менѣе, повторяю, это все таки цивилизація, это истлѣваніе старыхъ формъ жизни и созиданіе новыхъ.

«Що було, те бачили, а що буде, побачимо». Нельзя не предугадывать того, что будетъ. Культура сдѣлаетъ свое—измѣнитъ понятія, взгляды, обряды и вѣрованія, передѣлаетъ весь строй жизни сельской вообще и жизни малорусскаго села въ частности. У москаля еще остается нетронутымъ крестьянскій костюмъ—нагольный тулупъ, лапотъ, малахай, панѣвка, самодѣльное бѣлье и сукно, кичка; но и у него уже по праздникамъ является кумачевая рубашка, витайчатые синіе портки, *храниузская* шаль, покрывающая кичку или вокошникъ. У хохла этого уже мало: *ниддѣвка* (крытые сук-

номъ, казинетомъ, трикомъ полушубки) замѣнили коужу, *чосане* (лавочнаго сукна) пальта самодѣлковаго сукна—*чалаты* и *черкески*, ситець—домашнее полотно и плахту, *гарнитурови* (шелковое) платки—очипокъ, *штиблеты*—черевики, *вытяжки*—прежній чоботь. Не говорю уже про большія торговныя слободы, гдѣ уже въ ходу сюртуки, *шлейхи*, *панье*, *визѣтки*, *картузы* и даже зонтики и непремѣнно глубокія калоши, надѣваемыя на высокіе сапоги съ дутыми голенищами, не снимаемыя въ самую сухую погоду и даже въ комнатахъ. Только въ захолустныхъ, пахарскихъ слободахъ и хуторахъ у хохловъ остается простое сукно, нагольная или дубленая овчина, бѣлый домашній холстъ, очипокъ и изрѣдка, при черной работѣ, *дерга*, т. е. *запаска—охватъ*. У необразованныхъ осталась пѣсня, свадебный обрядъ, выставка красныхъ флаговъ, въ смыслѣ доказательства дѣвственности *молодой*, *щедривка*, *посивання*, *колядка*, *кутя* на сочельникъ, *жарене порося* на Пасху. У образованныхъ торговыхъ слобожанъ молодежь не *постъваетъ*, не *колядуетъ*, у нихъ не *верещать* дружки, не ходять *колядовать*, стыдятся по простому заявлять о дѣвственности *молодой*. Между этими крайностями, разумѣется, можно-бы размѣстить много такого, что посредствовало-бы между той или другою формою, приближаясь или отдаляясь къ крайностямъ, но нельзя не замѣтить прогрессивнаго уничтоженія *старовины*, старыхъ обрядовъ и формъ жизни. Слободской-сельскій строй жизни переходитъ въ мѣщанскій и затѣмъ, какъ это я имѣлъ уже случай указать, говоря о Бутурлиновкѣ, въ купеческій и даже совершенно европейскій—цивилизованный.

Сношенія съ торговымъ людомъ, знакомство съ городами, облегченное желѣзными дорогами и возникшими потребностями бывать въ судѣ и земствѣ, ознакомленіе села посредствомъ своихъ новыхъ солдатъ со внѣ-сельскою жизнью—значительно измѣняетъ фizioномію села. Новостроющаяся церковь уже не размалевывается своимъ доморослымъ маляромъ, а украшается работою болѣе умѣлыхъ живописцевъ и рѣзчиковъ. Въ сѣромъ селѣ можно еще видѣть передній уголъ хаты уставленнымъ иконами сельскихъ живописцевъ, можно еще примѣтить на иконахъ предковскія украшенія шитыми *рушниками*, барвинкомъ, любисткомъ и другими цвѣтами, но въ торговыхъ слободахъ, въ домѣ молодоженовъ, въ углу стоитъ икона въ ризахъ, хотя и фольговыхъ, и за стекломъ въ ней видны вѣн-

чальныя свѣчи, а у болѣе богатыхъ серебряныя и золотыя ризи, часто даже не тисненныя, а рѣзныя образцевъ сазиковской, овчиниковской и хлѣбниковской работы.

Я самъ видѣлъ на стѣнѣ въ крестьянской избѣ *заведенный за склю* безъ-гѣневой рисунокъ солдата,—ни дать ни взять вазетъ карточный, который изображалъ собою портретъ сына солдата. «Це сынокъ патреть свій приславъ», говорила мнѣ умильно хозяйка дома—мать этого солдата. Ее удовлетворяло это дѣтски-примитивное рисованіе. Я знаю въ одной слободѣ живописца, надѣляющаго молодыхъ солдатъ расположенныхъ тамъ эскадроновъ *готовыми* (sic) портретами ихъ—самыхъ этихъ солдатъ на лошади, для отсылки роднымъ. Такой *патреть* стоитъ 50 коп. и малюется акварелью очень скоро. Готовые контуры солдата и лошади красятся только нужною краскою—мундиръ голубой или черной, лошадь гвѣдая или сѣрая.

Но и теперь уже въ селѣ появились фотографическія карточки, присылаемыя солдатами, портреты, воспроизведенные заѣзжими фотографами, снятые при случаѣ въ городѣ. Я помню, въ домѣ одного сельскаго кулака видѣлъ въ рамкѣ шесть одинаковыхъ фотографій формата Cabinet-portrait, изображающихъ самого хозяина съ женою и дочерью. «Въ Воронежѣ снимались, запросилъ, знаете 12 рублей за дюжину. Ну, ужъ мы не какіе нибудь простые, чтобы одинъ портретъ заказывать... я и заказалъ поль-дюжины»,—объяснял мнѣ превозносящійся своимъ богатствомъ хозяинъ.

А прогорос фотографическихъ карточекъ. Фотографія особенно припала по вкусу хозяевъ слобожанъ. Часто можно видѣть въ домахъ за стекломъ въ большихъ рамкахъ массу карточекъ, между коими очень много неизвѣстныхъ владѣльцу лицъ. Въ такой коллекціи я разъ увидалъ карточку какого-то католическаго ксендза.

— Это такъ *соби*. Въ *Харсоны* былъ—понравилось, я и купилъ,—отвѣчалъ мнѣ на мой вопросъ владѣлецъ дома.

Старинныя масляной краски портреты съ ихъ серьезными, часто безобразными фізіономіями, съ неловко-растопыренными руками, становятся рѣдки, картины запорожцевъ съ извѣстными подписями еще рѣже (мнѣ удалось достать одну такую картину). Первые замѣняются фотографіями, вторыя литографированными картинами: охота на слона, охота на крокодила, взятіе Карса,—портретами гене-

раловъ, царей, архіереевъ, видами святыхъ мѣстъ и т. п. Въ послѣднее время стали появляться олеографіи—преміи нашихъ журналовъ и нѣмецкія жанровыя картинки.

Музыка, пѣсня села подверглась той-же участи измѣненія, и если нельзя жалѣть исчезновенія примитивныхъ формъ живописи, то во всякомъ случаѣ съ истиннымъ сожалѣніемъ слѣдуетъ отнести къ замѣнѣ прекрасной, душевной музыки малорусской пѣсни новыми мотивами, новосложившимися пѣснями. Я уже говорилъ, что здѣшній хохоль утерять историческую традицію и ему неизвѣстны историческія пѣсни; но бытовыя, любовныя, чумацкія, игриво-шуточныя пѣсни ему знакомы. Это варианты тѣхъ-же украинскихъ пѣсенъ, очень часто сохранившіе основные мотивы музыки. Есть несомнѣнно отличія, но они не отнимаютъ у здѣшней пѣсни ея чисто малороссійскаго характера. Отличія эти заключаются въ протагиваніи послѣднихъ нотъ при концѣ куплета, стиха или музыкальнаго колѣна, въ примѣшиваніи великорусскихъ словъ, наприм. «прекрасная», «дѣвушка», «больно», «цвѣты лазореви» и пр. Много множество такихъ словъ входитъ въ разговорную рѣчь и само собою и въ пѣсню. Но я напомню, что въ пѣсняхъ западнаго малоросса въ свою очередь есть много полонизмовъ.

Въ торговыхъ слободахъ прежде всего поражаетъ васъ усвоеніе молодежью какъ мотивовъ, такъ и манеры церковнаго пѣнія. Такъ я слышите, что въ уличномъ хорѣ участвуютъ пѣвчіе церковной капеллы. Это тоже вліяніе грамотности. Хоры эти, особенно, когда поютъ парубки съ дѣвчатами, бываютъ безупречны, и остается только пожалѣть, что они распѣваютъ не родныя малорусскія пѣсни, а *романсы*, или тѣ пѣсни, которыя я отношу къ особому циклу южно-русскихъ низовыхъ пѣсенъ. Ухо оскорбляется коверканіемъ непонятыхъ пѣвцами словъ и даже цѣлыхъ фразъ, въ родѣ «зачѣмъ съ нѣпоной сналожился» и т. п. Гораздо пріятнѣе слышать чисто русскія пѣсни, которыя здѣшніе хохлы исполняютъ иногда очень хорошо. Особенно помню одну хохлушку *Олену*—гулевую молодицу, которая обладала прекраснымъ голосомъ и «Лучинушку» исполняла артистически. Вообще хохлы здѣшніе музыкальны. Въ каждой хохлацкой слободѣ можно найти инструментальную музыку, а въ большихъ торговыхъ слободахъ цѣлыя оркестры. Гармонія-же повсемѣстна у хохловъ, и частенько можно услышать артистическую игру на этомъ

инструментъ. Во время призыва нашъ городъ оглашается звуками армоніи, аккомпанирующей пѣснямъ *южицъ*, т. е. призываемыхъ партей. Въ слободскихъ церквяхъ всегда имѣются сносные хоры пѣвчихъ, а въ большихъ торговыхъ слободахъ, особенно въ базарныхъ церквяхъ, содержатся на счетъ церкви и общества хорошіе регенты.

И такъ, сводя итоги сказаннаго, нельзя не видѣть, что здѣшнее малорусское населеніе цивилизуется, грамотѣетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, подчиняясь общерусской культурѣ, утрачиваетъ свою національность. Проявленія обрусѣнія наиболѣе замѣтны въ людѣ торговомъ, промышленномъ. Здѣсь дѣлается тоже, что съ кievскими старожилами, что можно встрѣтить въ мѣщанахъ южныхъ новороссійскихъ городовъ. Условія жизни тамъ и здѣсь неотразимо влекутъ къ такой культуризаціи; сѣрое пахарское село еще пока чисто малорусское, но и въ немъ нельзя не видѣть проявленій той-же русификаціи, вліянія той-же культуры. Что-жъ, это существующій фактъ, это въ порядкѣ вещей! Одно непріятно поражаетъ въ этомъ явленіи: оно возникаетъ не изъ сознательнаго стремленія къ обрусѣнію, а изъ желанія только стать выше мужика, достигать положенія русскаго купца. Стараясь выйти изъ мужичества и передѣлываясь въ *кутцисъ*, здѣшніе хохлы въ силу лишь этого отстраняются отъ одной рѣчи, обряда и обычая, а затѣмъ, чувствуя совершившуюся надъ ними перемѣну, не знаютъ уже, какъ и назвать себя.

— Положимъ, что мы не великороссы, но ужъ и малороссами, юстыми хохлами насъ нельзя назвать.

— А какъ-же васъ назвать?—спросилъ я.

— Ну, ужъ по крайней мѣрѣ *блороссами*: всетаки мы почище торскихъ хохловъ, необразованныхъ.

Бѣлая и черная кость, или одѣваться просто, черно и чисто, *мо*—вотъ источникъ этого слова: *блороссъ*, какъ видите, еще не думался до объединяющаго слова *русскій*.

— Нѣтъ! Это што! Давайте заспиваемъ нашей хохлацкой: «Нагда зъ-друзьями растаюся я...» или «Не бѣли снѣжки...» или «Звейся пташка...» Это все пѣсни *наши хохлацки* потому, что мы не поютъ сѣрые москали, а поютъ хохлы *образованни*.

Да! эти хохлы потеряли сознание себя, своей національности еще до доспознанія ея у другихъ.

Борисъ П—скій.

ЮАННЪ ВЫШЕНСКІЙ.

(Южно-русскій полемистъ начала XVII ст.).

«Всякій человекъ рано или поздно нападаетъ на свою палочку»,—говорилъ В. Г. Бѣлинскій. Изреченіе вѣрно. Важное, однако, значеніе имѣетъ то обстоятельство, когда и при какихъ условіяхъ происходитъ распредѣленіе дѣятелей науки, литературы и искусства по историко-культурнымъ полкамъ. Однѣ знаменитости забыты быстро и навсегда. Историкъ не останавливается надъ мигнующими величіями. Интереснымъ въ данномъ случаѣ представляется лишь рѣшеніе вопроса, какова была общественная среда и условія быта, вызвавшія появленіе ложныхъ и безпочвенныхъ знаменитостей на поприще общественной или литературной дѣятельности, что выдвинуло ихъ на высоту, что дало имъ имя и извѣстность. Многие дѣятели проходятъ свое жизненное поприще скромно, безъ шума, безъ прославленія. Слава ихъ вырастаетъ впоследствии при безпристрастной исторической оцѣнкѣ. Жаль только, что правильная оцѣнка таланта бываетъ иногда слишкомъ поздней, настолько поздней, что дѣлается очевиднымъ, какъ много потеряла извѣстная общественная среда, что по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, по собственной или культурной отсталости или по причинѣ внѣшнихъ давленій и формазовъ, своевременно не оцѣнила вышедшій изъ ея глубины талантъ и не воспользовалась плодами его духовной дѣятельности. Любопытнымъ явленіемъ въ исторіи культуры представляется то обстоятельство, что нѣкоторые общественные и литературные дѣятели сто-

своей жизни пользовавшіеся среди современниковъ почетной извѣстностью, потомъ въ водоворотѣ событій были забыты. Въ теченіе десятилѣтій, даже столѣтій дится забвеніе. Впослѣдствіи потомство отдать должное давнопрошедшему дѣятелю, извлекаетъ дорогое имя изъ забвенія и, страхнувъ пылъ съ драгоценныхъ литературныхъ произведеній, разъясняетъ скрывавшіеся въ нихъ элементы любви къ истинѣ, правдѣ и добру.

Южно-русскій писатель начала XVII ст. Іоаннъ изъ Вышпи входитъ въ разрядъ временно забытыхъ. Среди современниковъ онъ пользовался извѣстностію и уваженіемъ. Лучшіе люди Малороссіи дорожили имъ. Его выдвигали, какъ энергическаго, умнаго и образованнаго защитника православнаго южно-русскаго народа отъ нападений латино-уніатовъ, пановъ и епископовъ. Ближайшее потомство его забыло. Два съ половиною вѣка длилось это забвеніе, рѣшительное и полное. Лишь въ послѣдніа два десятилѣтія люди науки выдвинули имя Іоанна Вышенскаго и его сочиненія на видное мѣсто въ исторіи южно-русской литературы.

Въ 1865 г. археографическая коммисія издала второй томъ Актовъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи. Сюда вошли акты отъ 1599 до 1637 г. Въ концѣ тома помѣщено четыре сочиненія афонскаго монаха Іоанна Вышенскаго и одно сочиненіе іеродіакона печерскаго монастыря Леонтія о церковно-общественныхъ пестроеніяхъ въ южной Россіи. Эти сочиненія извлечены были изъ рукописи, хранящейся въ императорской публичной бібліотекѣ, писанной бѣлорусскимъ полууставомъ въ концѣ XVII в., въ 4-ку, на 203 листахъ. Іоанну Вышенскому принадлежатъ:

1) *Посланіе ко князю Василію Острожскому и ко вельмъ православнымъ христіанамъ въ Малой Россіи*, стр. 205—224. Здѣсь говорится о римско-католической гордости, даются совѣты объ очищеніи церкви отъ «прелестей и забобовъ еретическихъ» и предлагается подробное объясненіе значенія иноческаго сапа, иноческой жизни и въ особенности иноческой одежды.

2) *Посланіе ко вельмъ православнымъ жителямъ юго-западной Руси и Польско-Литовскаго королевства*, стр. 224 — 227. Здѣсь находится краткое перечисленіе церковно-общественныхъ пестроеній, обличеніе владыкъ и пановъ въ отступничество отъ вѣры, въ корыстолюбіи и роскоши и приглашеніе пребывать въ царство

небесное путемъ терпѣнія и благочестія, не возлагая надеждъ на епископовъ.

3) *Посланіе къ митрополиту и епископамъ юго-западной Руси, принявшимъ унию*, стр. 227—254. Въ этомъ обширномъ посланіи находится строгое обличеніе епископовъ отступниковъ въ корыстолюбіи, роскоши, жестокости, гордости, превышенія власти, доказывается право мірянъ осудить измѣнщиковъ вѣрѣ духовныхъ лицъ, оправдываются мѣры патріарха Іеремія, направленные къ ограниченію епископской власти нравственнымъ контролемъ со стороны церкви, и подтверждается случившееся въ одной православной церкви чудо, что при совершеніи въ пей латинской «мши» во время таинства свхаристіи вино обратилось въ воду. Въ подтвержденіе этого чуда вставленъ довольно длинный рассказъ о нападеніи латинокъ на афонскую гору слѣдующаго содержанія: одни монахи защищались, изъ другихъ монахи разбѣгались по лѣсамъ; въ одномъ монастырѣ привѣтливо приняли католиковъ, приняли католицизмъ и стали служить латинскую обѣдню; во время этого служенія увидѣны стѣны; латинцы, увидѣвъ это знаменіе гнѣва Господня, посѣшлы удалиться.

4) *Сочиненіе о заблужденіяхъ римской вѣры*, стр. 254—270. Здѣсь находится опредѣленіе прелесть и мудрости змѣиной и опроверженіе латинскаго ученія *de Filioque*, древности римской церкви, главенствѣ папы и чистильщѣ.

Въ 1883 г. С. Т. Голубевъ въ приложеніяхъ къ первому тому своего изслѣдованія о Петрѣ Могилѣ помѣстивъ «*Зачанку мѣрово латынника съ лучшимъ русиномъ въ диспутацию*» воеводскаго воеводы Христофора. «Зачанка» извлечена издателями изъ рукописей кіевской духовной академіи. Составлена она въ началѣ XVII столѣтія. Имя автора Христофоръ мы считаемъ псевдонимомъ, подъ которымъ скрывается Іоаннъ Вышенскій. Доказательства находятся въ самой «Зачанкѣ». Предметы сужденія въ посланіяхъ Вышенскаго и въ «Зачанкѣ» сходны, иногда тождественны. То, что въ посланіяхъ изложено особенно усердно и страстно, въ чемъ обнаруживается личное чувство автора, и въ «Зачанкѣ» изложено съ увлеченіемъ, бойко, оживленно. Въ языкѣ «Зачанки» и посланій явное сходство; конструкція фразъ, словесные обороты, сложныя словъ,—все это чрезвычайно сходно; попадаются тождественныя

риторическія фигуры вопроса и отвѣта: «а то чомъ?—для того»... «а то якъ и для чого? для того»... тождественныя фигуры заключенія мысли: «о семь доздѣ», тождественныя эпитеты и характеристики предметовъ: «коварная діалектика, поганскій красномовный Аристотель, мистръ и мудрецъ прелестнаго вѣка сего (дьяволь), глухая Русь, мудрый латынниче» (въ пролическомъ смыслѣ). Псевдонимъ въ данномъ случаѣ могъ возникнуть или по чувству само-сохраненія или изъ желанія автора выразить однимъ словомъ свою близость къ источнику всякой истины и правды—Христу, вѣроятноже, изъ послѣдняго побужденія. Иоаннъ Вышенскій былъ человекъ не робкій. «Не для далекости отъ васъ будучи, писалъ онъ латиноушнѣатамъ, я правду смѣле мовлю и правдою васъ постигаю, але за правду и умрети изволю». «Зачанка» — одно изъ самыхъ большихъ посланій Иоанна. Въ книгѣ г. Голубева она занимаетъ стр. 67—108. Достоинства этого памятника—содержательность и сила. По ясности и простотѣ изложенія «Зачанка» немного уступаетъ «Посланіямъ», нужно думать, по той причинѣ, что автору пришлось тутъ вдаться въ богословскія разсужденія болѣе обширныя и сложныя, чѣмъ тѣ разсужденія, которыя находятся въ «Посланіяхъ».

Кромѣ четырехъ «Посланій» и «Зачанки» Иоанну Вышенскому, по свидѣтельству архіепископа Филарета, принадлежатъ еще: 1) *Наставленіе въ благочестіи старинъ Доминики* и 2) *Позорище мысленное* (Обзоръ I. 244; ссылка на рукопись Царскаго № 486). Можно думать, что поименованными сочиненіями Иоанна не ограничивается его литературное достояніе. Можно думать, что въ теченіе четырехъ столѣтій нѣкоторыя сочиненія Иоанна Вышенскаго погибли. Такъ, авторъ «Зачанки» въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что онъ послалъ въ южную Русь три цвѣточка: 1) «Древо зовомое разумное, философія не поганскаго учителя Аристотеля, але православныхъ Петра и Павла; 2) Церковцу, въ которой о учтивости оной короткимъ писемомъ изображено есть и 3) Маленькую пѣсенку церковную». Цвѣточки эти не сохранились до настоящаго времени. Предлагая православнымъ издать «Соборникъ», Иоаннъ писалъ: «дайте намъ гласъ и поможемъ вамъ своимъ трудомъ на тоє дѣло»... Какъ предложеніе Иоанна Вышенскаго было принято, и трудился-ли онъ по этому дѣлу—неизвѣстно.

Краткія замѣчанія, въ нѣсколько строкъ, объ Іоаннѣ Вышенскомъ находятся въ I томѣ «Обзора», въ III томѣ «Историческія Монографіи» Н. И. Костомарова, въ «Исторіи возсоединенія Руси» г. Кулиша, во II томѣ «Изученіе византійской исторіи» Ф. А. Терновскаго, въ концѣ X тома «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева, въ «Приложеніяхъ» г. Голубева къ I тому сочиненія о Петрѣ Могилѣ, въ сочиненіи г. Завитневича о «Палиподіи». Большая статья С. Л—ва объ Іоаннѣ Вышенскомъ напечатана была въ «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» 1875 г., № 15, 17—21. Мы не могли достать этой статьи. Заимствовавъ для біографическія извѣстія у Терновскаго и г. Голубева, мы все свое изслѣдованіе построили на «Посланіяхъ» и «Зачахъ», преимущественно на «Посланіяхъ» Іоанна Вышенскаго.

Іоаннъ родомъ галичанинъ изъ мѣстечка Вышня, землякъ и современникъ Сагайдачнаго. Гдѣ онъ получилъ образованіе, гдѣ постригся въ монашество—вопросы открыты. Документальныя памятники не даютъ на нихъ отвѣта. Изъ сочиненій Вышенскаго легко убѣдиться, что онъ свой сильный отъ природы умъ развилъ чтеніемъ сочиненій отцовъ и учителей церкви, въ особенности чтеніемъ книгъ св. писанія. Постриженіе въ монашество и удаленіе на афонскую гору произошло въ концѣ XVI ст. Дѣлая мимоходомъ замѣчаніе объ одномъ чудѣ, бывшемъ вскоре послѣ брестскаго собора, Іоаннъ замѣчаетъ: «самъ на той часъ у нашихъ краевъ нѣсмь былъ». Неизвѣстныя обстоятельства, вѣроятно, недовольство господствовавшими на родиѣ порядками, привели Іоанна на Афонъ. Отсюда онъ посылалъ южно-русскому народу и магнатамъ суровыя и краснорѣчивыя посланія. Афонъ былъ какъ нельзя болѣе подходящимъ мѣстомъ жительства для малоросса эмигранта XVII ст. Православный малороссіянинъ-афонитъ могъ сохранять самыя тѣсныя связи съ православнымъ украинскимъ народомъ, получать вѣрныя свѣдѣнія о событіяхъ въ родномъ краѣ, безпрепятственно изучать греческую и славянскую церковную науку и наносить латино-уніатамъ тяжелые полемическіе удары, не подвергаясь опасности встрѣчи со стороны противниковъ гоненіе или покушеніе на жизнь. Вышенскій, повидимому, превосходно воспользовался благопріятными условіями пребыванія на Афонѣ. Онъ внимательно слѣдилъ за церковными общественными движеніями въ южной Руси начала XVII ст.

своевременно сдѣлать нѣсколько весьма важныхъ разъясненій за-
путовавшихся религіозныхъ дѣлъ. Признавая въ Іоаннѣ Вышенскомъ
религіозно-политическаго эмигранта, нельзя однако, не замѣтить,
что ему не было закрытъ доступъ въ Украину. Сколько-бы враговъ
ни было у Іоанна, враговъ по религіознымъ вѣрованіямъ, по полити-
ческимъ и соціальнымъ принципамъ, никто не могъ лишить его
возможности по временамъ являться въ Малороссію и живымъ сло-
вомъ, личнымъ впливіемъ укрѣплять впечатлѣніе, произведенное по-
сланіями. Польско-турецкія границы были очень неопредѣленны,
шатки, и никто ихъ не оберегалъ въ смыслѣ воспрепятствованія
перехода въ предѣлы польскаго государства лицъ вредныхъ или
почитаемыхъ за вредныхъ. Въ южно-русскомъ обществѣ находились
люди разнообразныхъ вѣрованій и убѣжденій, люди притомъ на-
столько сильные и могущественные, что на ихъ покровительство и
защиту можно было вполне положиться. Іоаннъ Вышенскій при-
ходилъ съ Аѳона въ Украину, на что имѣется весьма цѣнное указа-
ніе въ житіи Іова Квятиницкаго, составленномъ современникомъ
Іоанна Вышенскаго іеромонахомъ Ігнатіемъ изъ Любарова. Говоря
о томъ, что знаменитый подвижникъ Іовъ Квятиницкій построилъ
въ Галиціи скитъ, іеромонахъ Ігнатій замѣчаетъ, что «въ той часъ
(въ началѣ XVII ст.) отецъ Іоаннъ Вышенскій, другъ его, отъ
святыхъ горы пріиде и поживъ съ ними нѣсколько время». При
этомъ іеромонахъ Ігнатій отзывается объ Іоаннѣ Вышенскомъ та-
кимъ образомъ: «быше бо и той зѣло любя безсловіе и святъ бѣ
мужъ и трудолюбець, яко же и отъ многихъ слышится» (Голуб.,
прилож. 229). Эта любовь къ иноческому аскетизму не давала
Іоанну возможности остаться въ Малороссіи, влекла его на таин-
ственный Востокъ, на Аѳонъ; Іоаннъ Вышенскій, повидимому, не
долго пробылъ въ Малороссіи. Онъ снова удалился на Аѳонъ; со-
боръ кіевскій 1621 г. опредѣлилъ: «послать на аѳонскую гору, вы-
звать и привести преподобныхъ мужей русскихъ, въ томъ числѣ
блаженныхъ Кириана и Іоанна, прозваніемъ Вышенскаго, и про-
чихъ, тамъ находящихся, процвѣтающихъ жизнью и богословіемъ»
(Гернов. II, 24). Это соборное постановленіе показываетъ, гдѣ луч-
шіе южно-русскіе люди 20 годовъ XVII ст. искали духовной под-
держки и просвѣщенія, въ чемъ они усматривали источникъ муд-
рости, куда склонялись ихъ симпатіи. Нужно пожалѣть, что векорѣ

вторглась въ южно-русскую науку чуждая ей римско-католическая схоластика, мало по малу заглушившая хорошіе всходы національной украинской письменности на греко-славянскихъ началахъ. Въ можетъ, званіе не пришли; быть можетъ, они во вредъ роду краю добровольно похоронили себя въ крайнемъ аскетизмѣ и молвіи; быть можетъ, ихъ было недостаточно... А жили не зная потребности борьбы съ врагами вѣры и народности была слишкомъ велика, и черезъ десять лѣтъ пришлось уже схватиться за кіевскую коллегію, какъ за наиболѣе подходящее орудіе религіозной борьбы и самозащиты. Какъ-бы то ни было, историческіе памятники не болѣе не говорятъ объ Іоаннѣ Вышенскомъ, и остается неизвѣстнымъ, пошелъ-ли онъ по призыву кіевского собора на родную землю, здѣсь кончилъ свои дни, или отказался отъ всѣхъ мірскихъ дѣлъ, скончался на Афонѣ въ безмолвіи и неизвѣстности. Можно думать, что Іоаннъ Вышенскій всецѣло ушелъ въ безмолвіе и въ молву, отказавшись на старости лѣтъ отъ всего, даже отъ горячо любимой православной Руси. Войти въ сдѣлку съ міромъ онъ не могъ. Онъ былъ чересчуръ строгъ, слишкомъ требователенъ. При всей любви къ родинѣ, при высокомъ патріотизмѣ, Іоаннъ Вышенскій былъ нессимистъ. Прилагая къ дѣйствительной жизни строгую нравственную мѣрку, онъ открывалъ въ современникахъ всеобщій недостатокъ духовной жизни, крайнее развращеніе, и горевалъ, страдалъ за угнетенныхъ, рвалъ въ куски и давилъ своимъ чоботомъ угнетателей, ни мало не смущаясь тѣмъ, что подъ его «невысокимъ черевичникомъ» оказывались цари, короли, епископы, свѣтскіе магистры.

Мрачное, нессимистическое воззрѣніе Вышенскаго на русское общество обнаруживается во многихъ мѣстахъ посланій. «Поеретичѣхомъ вси обитальници Малої Россіи, писаль онъ къ кн. Острожскому, и отъ Бога устранихомся далеко невѣрїю и зло житіе припрагани». Въ другомъ мѣстѣ того-же посланія онъ обращается къ малоросіянину съ упрекомъ: «Ты бывшій благочестивый христіанинъ прежде и цѣломудрецъ, а живущій нынѣ одѣтинѣль еси и раздѣвился». Съ особенной силой Іоаннъ обличаетъ южно-руссковъ въ посланіи своемъ ко всѣмъ славянскимъ жителямъ юго-западной Руси и польско-литовскаго края: «Отъ главы и до ногъ оступили есте, отъ началъ и до концевъ отъ священникъ и до простыхъ онечистили есте, осмрадили есте».

воемъ міролюбія; образъ Божій огноили есте; нѣсть мѣста цѣлота, грѣховнаго педуга,—все струпъ, все рана, все цухлина, все пилство, все огонь пекельный, все болѣзнь, все грѣхъ, все неправда, все лукавство, все хитрость, все коварство, все кознь, все лжа, все мечтаніе, все сѣнь, все пара, все дымъ, все суета, все тщета, все привидѣніе; сущее-же нѣсть ничтоже, нѣсть гдѣ пластра приложить на исцѣленіе нѣкоей части,—все смертоносный грѣхъ, все некломъ, адомъ и гееною вѣчною смердитъ».

Обличая южно-руссовъ въ упадкѣ духовной жизни и въ разпояженіи грѣховъ, Іоаннъ Вышенскій въ посланіи къ православнымъ жителямъ юго-западной Россіи замѣчаетъ: «Озпаймую вамъ, яко земля, по которой ногами вашими ходите и въ ней-же въ жизнь еію рожденіемъ произведени есте и вынѣ обитаете, на васъ передъ Господомъ Богомъ плачетъ, стоицетъ и воиетъ, просячи Сотворителя, яко да пошлетъ серпъ смертный, серпъ казни погибельной, яко-же древле на содомляны, и всемірнаго потоку, который-бы васъ погубити и искоренити могъ, изволяючи лепше пуста въ чистотѣ стояти, нежели вашимъ безбожествомъ населена и беззаконными дѣлы оквернена и запустошена». Подобнаго рода сѣтованіе земли на человечество за его грѣхи встрѣчается въ апокрифахъ, откуда оно проникло въ духовные стихи. Нельзя, однако, съ достовѣрностію сказать, вмѣль-ли Іоаннъ Вышенскій подъ руками извѣстный апокрифъ съ сѣтованіемъ земли, или воспользовался имъ случайно по памяти, вспоминая кетати то, что давнымъ давно было прочитано, или наконецъ, воспользовался апокрифическимъ сѣтованіемъ земли, какъ общимъ мѣстомъ, странствующимъ благочестивымъ разсказомъ, независимо отъ того апокрифическаго цѣлага, изъ котораго онъ взятъ. Навѣрно, что подобнаго рода поэтическія мѣста апокрифовъ превращались въ отдѣльные разсказы и духовные стихи, которые путемъ письменной и устной передачи свободно странствовали въ народѣ, вполне удовлетворяя его набожности и благочестію.

На вопросъ о томъ, какія явленія южно-русской жизни представлялись Іоанну наиболѣе порочными и дурными, отвѣтить легко; это прежде всего и болѣе всего явленія религіозно-правственной жизни народа и затѣмъ стоящія отъ нихъ въ зависимости явленія социальныя. Въ эпоху наибольшаго возбужденія религіозныхъ споровъ, сильнаго проявленія, можно сказать, рѣшительнаго господства

въ народной жизни религіозныхъ вѣроисповѣдныхъ началъ, а эпохой было XVII столѣтіе, вниманіе Іоанна Вышенскаго ственно болѣе всего было обращено на поддержку православія на устраненіе постороннихъ, противныхъ православію вѣр парода. Онъ боролся съ остатками язычества, съ ересями особенности съ латинствомъ и уніей.

Такіе глубоко укоренившіеся въ народѣ языческіе при какъ Коляда и Купало, такія языческія формы жертвопри и славословія, какъ щедрилки, волочельныя пѣсни, помин пироги вызывали въ Іоаннѣ негодованіе и суровое слово обѣ Въ посланіи къ князю Острожскому находится любопытнѣш чень южнорусскихъ праздниковъ и обрядовъ языческаго хар

«Коляды зъ мѣсть и сель ученіемъ выженѣте; не хв Христось, да при Его рождествѣ дьявольскія коляды мѣще але нехай собѣ ихъ въ пронасть свою запесеть.

Щедрій вечеръ изъ мѣсть, изъ сель въ болота зажен хай зъ дьяволомъ сѣдить, а не съ христіанъ ся ругаетъ.

Волочельное по Воскресеніи, зъ мѣсть и зъ сель выш утошьте. Не хочеть бо Христось при своемъ славномъ Вос того смѣху и руганя дьявольскаго имѣти.

На Георгія мученика праздникъ дьявольскій на поле исп сатанѣ офѣру тапцами и скоками чинити разорѣте; гнѣвает на землю вашу Георгій мученикъ, што не мать христіанни славнаго, которій ругане тое діавольское очистити и изгнати.

Пироги и яйца надгробные въ Острожѣ и гдѣ бы с дило упразднѣте, да ся въ христіанствѣ тотъ квастъ пога знаходитъ.

Купала на Крестителя утошьте и огненное скаканіе гнѣваетъ бо ся Креститель на землю вашу, што ся на деп его попускаете діаволу ругатися вами зъ васъ же ся самы

Петръ и Павелъ молятъ васъ, если хочете отъ нихъ мѣти, да потребите и попалите колыски и шибеници, на чипенье на Волицю и Подолу, и гдѣ бы ся только тое мѣло; мерзко бо имъ на землю съ небеси смотрѣти на тое ское позорище, христіанскимъ людемъ збираючися *.

Не мало Іоаннъ Вышенскій заботился о томъ, чтобы сіине не «раздирали церковь мнѣніемъ,... прилагатоще с

умысла что или отъимающе безстудіемъ». Онъ стремился очистить церковь отъ «прелестей и забобовъ еретическихъ». Еретическихъ «забобовъ» въ его время было много въ юго-западной Россіи. Сюда проникло раціоналистическое ученіе Фауста Социна, требовавшее для разума полнаго простора въ объясненіи священнаго писанія, отвергавшее божественность Іисуса Христа, нѣкоторыя таинства и многіе обряды. Цвѣтущимъ періодомъ соцініанства было время отъ 1585 до 1638 г., т. е. какъ разъ то время, когда жилъ Іоаннъ Вышевскій. Соцініанскія общины были во многихъ городахъ Литвы и южной Россіи. Гнѣздомъ польско-литовскаго соцініанства былъ городъ Раковъ, гдѣ находилась соцініанская церковь, школа и типографія. Соцініанство распалось на многіе толки. Въ одномъ посланіи Іоаннъ указываетъ на разнообразіе религіозныхъ вѣроисповѣданій въ южной Россіи въ началѣ XVII ст. «Овъ бо зовется панекникъ; овъ зась нынѣ зъ евангелія выльзъ—евангелиста; овъ зась недавно выкрещеный; овъ зась—субботникъ». Вліяніе раціоналистическимъ сектъ въ Малороссіи было настолько сильно, что въ однихъ случаяхъ происходилъ открытый и рѣшительный переходъ въ секту, въ другихъ возникало равнодушное отношеніе къ православію, соблюденіе его внѣшней обрядовой стороны, да и то не всегда. Въ силу религіознаго индиферентизма, изъ опасенія подвергнуться насмѣшкамъ иновѣрцевъ, православные уклонялись отъ поклоненія иконамъ, въ особенности отъ поклоненія кресту. Іоаннъ находилъ необходимымъ напомнить своимъ соотечественникамъ: «Иконное поклоненіе съ утливостью почитайте, и въ домѣхъ, идѣже пребываете, образъ Матери Божіа съ предвѣчнымъ ея Младенцемъ на стѣнахъ въ концѣ трансезы вашей пригвоздите. Крестомъ Христовымъ, до церкви пришедши, креститесь,—не соромѣте. Або вѣмъ, нынѣ христіане Малыя Россіи всѣ поеретичѣни, яко Креста Христова, славы своея, на Немъ же намъ спасеніе содѣяся, соромѣются. И не только въ церкви, але и на трансезу сѣдаючи, крестомъ знаменайте. Если-бы и латина, и еретки быти съ тобою ся придучили, не соромейтесе рода ради предлюбодѣйнаго живзни сея, да не посрамлени будете на все иенскомъ позорѣнцѣ, ибо нашея вѣры таинства весь мѣръ извѣстити не можетъ; ишиіе же вѣры всѣ суть прелести».

Если вліяніе иновѣрцевъ на православныхъ было такъ велико, что послѣдніе стѣснялись при постороннихъ, въ присутствіи ерети-

ковъ, покланяться иконамъ и кресту, то тѣмъ болѣе они до
 были стѣсняться въ присутствіи иновѣрцевъ входить въ общи-
 нѣ неприглядными православными монахами. «Иноческаго чина
 поругивайте...; благочестіе стратили и съ иноческаго чина ся смѣ-
 и духомъ проклятаго дьявола хулите», обращается Іоаннъ къ по-
 славнымъ. Такимъ образомъ оказывается, что православные мо-
 не пользовались въ южной Россіи въ началѣ XVII ст. уваженіемъ,
 что надъ ними смѣялись иновѣрцы, отчасти, должно быть, въ
 вліяніемъ иновѣрцевъ. Со стороны откормленныхъ, выхолецъ
 иногда даже elegantныхъ и образованныхъ латино-уніатовъ,
 ятно, сыпался градъ насмѣшекъ и колкостей на неприглядны-
 темныхъ православныхъ монаховъ. Къ такому предположенію
 водятъ посланія Іоанна Вышенскаго. Самыя страстныя и гру-
 выраженія употреблены имъ въ защиту православныхъ монаховъ
 отъ изводимыхъ на нихъ латино-уніатами обвиненій въ гру-
 пьянствѣ и невѣжествѣ. Защита православнаго иночества со-
 ляетъ весьма характерную часть своеобразныхъ сочиненій
 Вышенскаго, характерную по содержанію и формѣ, по образцу
 личности автора и всего общества.—«Чому ся ты, римлянинъ,
 смѣеши зъ духовнаго иноческаго чина? спрашиваетъ Іоаннъ
 шенскій, и предугадываетъ далѣе отвѣтъ католика: «Ты же
 вѣдаю, отповѣсь: для того ся смѣю, ижъ катуръ или стрі-
 на головъ носить,—што мы зовемо клубукъ,—и зась смѣюсе
 волосе долгое носить и не подгольвесе, и зась простое одѣне
 што некишталтовне, яко въ мѣхъ, оболочесе, и зась поясище
 носе скужаное или ременное, черевичище—не маишь ва што по-
 или чоботища невьтертин, ажъ гадитесе поглядѣвши на нихъ
 того—хлонтъ простый, не знаеть и проговорити съ чловѣкомъ
 его што запытаешъ». Этими, однако, не ограничивались пер-
 ния стороны православнаго монашества. Іоаннъ Вышенскій
 чловѣкъ искренній, прямой, не скрываетъ, что были и другія
 невія, болѣе существенныя: «Але зась речени, яко зло личіе
 иноки, по корчмахъ ходять и ушнваются, и по господахъ обѣди
 и пріятельство собѣ зъ мірскими еднають, и до того грошн-
 ютъ и на лихву дають». Во всѣхъ этихъ обвиненіяхъ, несом-
 было много правды. Іоаннъ Вышенскій, какъ чловѣкъ
 вѣстнѣй, искренній, не могъ не признать извѣстной доли

тельности упрековъ православнаго монашества въ пьянствѣ и корыстолюбіи. «Не все бо шпеница въ посѣваню ся находить, говорить онъ по этому поводу, але знайдешь другую пиву, которая больше куколю, нежели шпеницы пародить. Также и межи иноки въ досѣваню на звѣтяжество того чрева мало ихъ есть». Опроверженія латино-уніатскихъ нападокъ на православные монашество, приводимыя малороссомъ-афонитомъ, съ логической стороны мало убѣдительны, по всѣ они въ высшей степени своеобразны и характерны, горячи и сильны. Защита Іоанна Вышенскаго распадается на двѣ части, на защиту внѣшнихъ сторонъ монашества,—иноческой одежды и на защиту моральной стороны современныхъ ему православныхъ монаховъ. Сначала Іоаннъ объясняетъ и оправдываетъ внѣшнюю неприглядность монашескаго клобука, пояса, сапогъ. Клобукъ, съ хвостомъ назадъ—страшило для бѣсовъ и знакъ презрѣнія къ міру и земной красотѣ. Длинныя, не знающіе гребенки, волоса на головѣ—средство «женскую плоть въ огиду и мерзость на себя воздвигнуть», чтобы женщины при взглядѣ на косматаго и неумытаго монаха мыслью похотною не блудили, а «отъ мерзкия некраснаго образа помысломъ скоро отскочили и не согрѣшили». Ремешный поясъ убиваетъ «подъ ремешемъ тѣлесныя кожи внутрь крыючіяся страсти, похоти и великія прагненія грѣхолобивыя, придавлиючи кожу кожею и моцно стягивая черево». Нехорошую обувь монахъ для того носить, чтобы «безчечно на змію наступить и василиску голову сокрушить... Черевичице невытертое иноково якъ стало на одномъ мѣстѣ отъ вечера предъ Богомъ на молитву, тогда, яко камень неподвижный, доколь ажъ день освѣтитъ, стоитъ и бѣсы отъ той коморки, гдѣ ся молить, далеко отгоняетъ». Что касается до опроверженія нравственныхъ недостатковъ монашества, корыстолюбія, пьянства и невѣжества, то первое Іоаннъ признаетъ и не оправдываетъ, второе признаетъ и оправдываетъ, а третье рѣшительно не признаетъ. Тѣхъ монаховъ, которые собираютъ деньги и отдаютъ ихъ въ ростъ, онъ называетъ хулой на иноческое имя, Гудами и христовопродавцами. Наклонность къ выпивкѣ и излишеству въ ѣдѣ Іоаннъ называетъ «грошовымъ» грѣхомъ и замѣчаетъ при этомъ: «трафится ему (т. е. православному иноку) отъ того чрева и отъ того горла звѣтяжится, тому не мало не чудуеся, и я тому вѣрую, што трафляется и то въ вашей землѣ иноку, ижъ часомъ

и перепочуетъ въ корчмѣ». Въ другомъ мѣстѣ Іоаннъ въ одаіе допускаемой монахами случайной выпивки говоритъ: «неборакони въ мѣсяцъ разъ трафитея напиться, и то безъ бѣды найдеть, горькое-ли, или красное, пиво албо медъ, тое глати только-бы тую поганку утробу наситити могль, а по насыченіи терпѣть, въ келію влѣзши, доколя ся ему другій такий празди трафункомъ памѣритъ (т. е. случится)... А оны зась, отшедши корчмы въ свою келію, тотъ кусъ смачный и куфель овлади отжаловавъ и прощеніе отъ Бога пріялъ». Что касется общаго православнаго монашества въ невѣжествѣ, то Іоаннъ Вышенскій не отвергалъ, что южно-русскіе монахи малознающіи; оны не вѣдали лишь на томъ, что ихъ малое знаніе есть дѣйствительно богоугодное знаніе, а латинско-уніатская мудрость—предельно сего. «Тое признаваю, што еси рекль, яко ве вмѣеть иношь зраны, смѣхотворци, курцааны шуурты и блязны (шутки) говора а то для того, ижъ оны тые бесѣды и прожновества умъ убилъ и память тую мірскихъ справъ завамятанемъ погребль, простоту отъ мірскихъ хитростей ся переселилъ, только да съ Богомъ и къ Богу мыслію и памятью будетъ... А што-жь инокъ не умѣеть бесѣдовати съ тобою: албо его пытаешы о борбѣ духу съ тѣмъ албо его пытаешы о дьявольскихъ прилогахъ, албо его пытаешы о скорбѣхъ внутреннихъ, албо его пытаешы о томъ, въ чомъ званіи вѣчный крестея?.. Чѣмъ же ся ты ругаешъ съ инока, и съ тобою не умѣеть бесѣдовати? Албо мнимаешъ, ижъ ты чого точнаго въ замгузѣ научилъ? албо мнимаешъ, ижъ ты што-нибудь у курвы слышалъ? албо мнимаешъ, ижъ ты што-нибудь отъ шинкарки навывкъ? албо мнимаешъ, ижъ ты што-нибудь отъ дудки и свиринки и фриорника (польск. *frujer*—волочитабравль? албо мнимаешъ, ижъ ты отъ трубача, сурмача, ница, шамайника, органисты, регташты, инструментисты и бубна что о дузѣ и духовныхъ рѣчахъ коли слышалъ? албо мнимаешъ, ижъ ты отъ всѣхъ пастыревъ, мысливцовъ (охотниковъ) илвозовъ, возницъ или скачомудрецъ, кухаровъ или широгахъ и пекаровъ што о богомыслии навывкъ? Чѣмъ ся ругаешъ, дворянище, зъ инока, ижъ не умѣеть съ тобою говорити? А ты маешъ за скарбъ разуму, да инокъ зъ тобою говори што-жь за пожитокъ говорки или бесѣды инокови съ тобою

ного-жъ ся инокъ отъ тебе научить?... Зась оборачиваюся къ тобѣ, ругателеви иноческаго чина и чудуюся тому твоему песноному осѣдланю тымъ тяжкимъ и бременипоснымъ сѣдломъ глупства? Чому ся смієшь зъ инока, ижъ онъ не умѣеть съ тобою говорити и трактовати, якъ пустое коло млынное, крутячи и выворочаючи безпожиточный тотъ языкъ? А што-жъ ты здороваго знаєшь да говоришь? Глубокимъ презрѣніемъ и страшнымъ негодованіемъ дышуть въ одномъ мѣстѣ опроверженія латино-уніатскихъ обличителей и поругателей малорусскаго народа, въ особенности его скромнаго и пониженнаго духовенства. «Подвигъ и борба есть жизнь тая (т. е. монашеская), которой ты не знаєшь; бо еще еси на войну не выбрався, еще еси доматуря, еще еси кровоѣдъ, мясоѣдъ, волоѣдъ, скотоѣдъ, зѣброѣдъ, свиноѣдъ, куроѣдъ, гусоѣдъ, птахоѣдъ, сьтоѣдъ, сластоѣдъ, маслоѣдъ, пироѣдъ; еще еси периносналь, мягкосналь, подушкосналь; еще еси тѣлу угодникъ; еще еси тѣлолюбитель; еще еси кровопрагнитель; еще еси перцолубецъ, шафраплюбецъ, имберолубецъ, ктвоздиколубецъ, кмвинолюбецъ, цукролюбецъ и другихъ брѣдень горько и сладколубецъ; еще еси конфектолюбецъ; еще еси чревобѣсникъ; еще еси гортановстекъ; еще еси гортаногратель, еще еси гортаномудрецъ; еще еси дѣтина, еще еси младенецъ; еще еси мвскопій. Якъ же ты хочешь бѣду военника, бячючюся и борючюся, — у цицки матернои у дома сидячи, розознати, розсудити?... Я васъ упевляю и тую тайну вамъ открываю: если-бы тые каптуреници межи вами не были, уже бо есте давно погибли, — яко слина исчезнете и запусѣете».

«Тернить Богъ латину — тое таємницы не знаєшь? спрашиваетъ далѣ Вышенскій и затѣмъ продолжаетъ: «але Руси (т. е. уніатовъ) не тернить, але змѣниковъ русскихъ искореняеть!» Разъ Господь тернить латину, — Вышенскій, можно думать, и не трогать-бы ее, не вступать-бы съ нею въ борьбу, если-бы сама латина не выступала грубо завоевательнымъ образомъ. Латина внесла въ южную Русь раздоръ, кары, убійства, братонезавистничество. Латина разрывала южную Русь на части. Всѣ дурныя стороны человѣческой природы были взбудоражены и подняты латиной для того, чтобы бросить малоросіянъ подъ туфлю римскаго папы: корыстолюбіе, лъцемѣріе, обманъ, ложь, клятвопреступничество, грубое насиліе, тѣлесное наказаніе, убійство. Возбуждали и усиливали корыстолюбіе

православныхъ іерарховъ, чтобы обѣщаніемъ папскихъ и вскихъ наградъ привести ихъ къ уни; поддѣлывали богослужбнныя книги и юридическія акты, чтобы дать церковной уни канонныя и археологическія основанія; упорнымъ противникамъ подотраву, или бросали ихъ въ тюрьму, или подсылали подкубийцу. Всѣ мѣры, направленныя къ духовному порабощенію Россіи, получали въ Римѣ религіозную санкцію, въ Варшавѣ нистративное одобреніе, и мерзвѣйшія проявленія угнетенія, рабства, холопства совершались на законномъ основаніи маіорем глоріамъ римскаго папы. Іоаннъ Вышенскій въ своемъ заблужденіяхъ римской вѣры перечисляетъ главныя провоздвигнутыя католиками на православныхъ малоруссовъ и сиче нынѣ латина христіанамъ православнымъ творить, о юще прежде бывшее идолопоклонство и гоненіе, глаголюще: нися папѣ, прійми его календарь новоутворенный, на насъ ничтоже не глаголи... Аще-же не хотите, то имѣте ихъ и досадами и бѣдами. Вы, войтове, бурмистрове, ландвойтове, мірская градская и повсюду, не дадѣте Руси ни едино прство въ жизни ихъ, въ судехъ по Руси не поборайте, паче крыдите, въ сусѣдствѣ любви не показывайте, ниже съ в общѣте, паче-же ихъ ненавидите, въ купляхъ, торгахъ, ре русинъ съ панешникомъ волности единой да не имать; въ ремесницкихъ русину быти не достоятъ, доколѣ ся не пона на власти войтовства и бурмистровства и прочихъ строит отъ русскаго народа да ся не поставляютъ, доколѣ ся у не увѣруютъ. Аще-же сямъ Руси не досадите и папѣ идолнитися не хоцутъ, пабоженство ихъ разорѣте, на празднираго календаря звонити не дадѣте, новый-же святити и вати съ силою понудѣте; аще-же и еще не послушаютъ, сак Христовъ обезчѣтете, на землю пролейте и погами попрѣтончѣте, церкви запечатайте и отъ всѣхъ страпъ бѣдно тидосаждайте, да попе сими бѣдами и досадами повинуются зпятся папѣ и костелеви римскому; аще-же и сими досадами одолѣте, въ темницахъ затворяйте и безъ вины вины па тлагайте, бійте, безчестите и убійте во имя папѣсвятѣйшаго

Но долгу чести, по чувству справедливости, по любви ному краю Іоаннъ Вышенскій не могъ остаться равнодушн

болчавымъ зрителемъ южно-русскихъ религіозно-общественныхъ настроеній и латино-уіатскихъ козней. Онъ сталъ въ ряды мало-численныхъ защитниковъ православнаго южно-русскаго народа противъ нападеній могущественной и безцеремонной въ выборѣ средствъ «латины». Іоаннъ Вышенскій является однимъ изъ самыхъ раннихъ православныхъ религіозныхъ полемистовъ въ южной Россіи XVI—XVII столѣтій. Его религіозно-полемическая дѣятельность была отчасти опредѣлена предшествовавшими религіозно-церковными полемистами, преимущественно острожскимъ священникомъ Василіемъ, авторомъ небольшого противо-латинскаго сочиненія, вышедшаго въ 1588 г. «Хотѣхомъ, говоритъ Іоаннъ Вышенскій въ сочиненіи о заблужденіяхъ римской вѣры, о таинственной вечерѣ, календарѣ и прочіихъ премѣненіяхъ ихъ латинскихъ (отъ истины ложь и прелесть) обличительно писати; по занеже видѣхомъ, яко о всемъ томъ довольно Василій отъ божественнаго писанія писавъ, сего ради оставихомъ о семъ писати. Сіе Василіево писаніе иснутахомъ извѣстно и увидѣхомъ, яко не отъ своеса фантазіи новоизобрѣтеннаго помысла, но отъ божественнаго писанія писавъ, яже писавъ». Содержаніе сочиненія Василія острожскаго распадается на шесть частей: 1) о единой, истинной, православной вѣрѣ; 2) о схожденіи св. Духа; 3) о первенствѣ римскомъ; 4) объ опрѣснокахъ; 5) о перемѣнѣ въ празднованіи Пасхи, или о календарѣ и 6) о храмахъ и почитаніи иконъ (Филар., Обзоръ I, 237). Полемикой противъ римской церкви Іоаннъ Вышенскій занимается въ одномъ посланіи подъ названіемъ «Зачащѣ». Въ сочиненіи о заблужденіяхъ римской вѣры Іоаннъ Вышенскій сначала останавливается на опредѣленіи того, что такое прелесть и змѣнная мудрость, потомъ болѣе или менѣе подробно касается слѣдующихъ вопросовъ: 1) объ исхожденіи св. Духа, 2) о церкви старшей и начальнѣйшей, 3) о началестѣ римскихъ папъ; 4) о послѣдні быти хотящихъ плодѣхъ латинскихъ перемѣнахъ праздниковъ, крестнаго знаменія и др.) и 5) о чистилищѣ. Въ «Зачащѣ» находится опроверженіе двухъ мифовъ Скарги: 1) «Грехи словенскому языку науки своей не повѣдали» и 2) «Счастливымъ есть востецъ латинскій, изъ всюды, по всѣхъ сторонахъ своего послушенства науки и школы фундоваль».

Опроверженія латино-уіатскихъ мифовъ въ сочиненіяхъ Іоанна Вышенскаго не представляютъ глубокаго и разпосторонняго разбора

разностей между восточною и западною церквами; они не блещутъ вышней, формальной стороной, со стороны фактической аргументаціи¹⁾; при всемъ томъ они убѣдительно, потому что просто и ясно изложены и при этомъ выдвинуты немногія, характерныя доказательства, легко укладываемыя въ память; но самое главное, что они проникнуты необыкновенной нравственной силой и искренностью. Иоаннъ Вышенскій писалъ,—употребляемъ выраженіе Бёрне,—кровью своего сердца (*mit dem Blute des Herzens und des Saftes der Nerven*), и потому все имъ написанное такъ сильно, горячо и, растворенное безкорыстной любовью къ родинѣ, такъ отрадно и убѣдительно.

Въ началѣ посланія къ князю Василію Острожскому Иоаннъ Вышенскій выдвигаетъ сильное обвиненіе латино-униатовъ къ гордости. Гордость, какъ извѣстно, выдающійся порокъ латинства, естественно вытекающій изъ властопобія Рима. «Римъ всегда хотѣлъ властвовать», говоритъ Г. Гейне. «Когда легіоны пали, онъ послалъ въ провинцію догматы. Какъ гигантскій паукъ, гнѣздясь въ Римѣ въ центрѣ міра и заволокъ его безконечною сѣтью». Превосходно очерчена римско-католическая гордость въ романѣ О. М. Достоевскаго «Братья Карамазовы», въ главѣ «Великій инквизиторъ». Спаситель пожелалъ появиться на время къ угнетенному всякаго рода бѣдствіями народу и спустился на землю въ Испанію, въ Севилью, въ самое страшное время инквизиціи. Народъ непобѣдимой силой стремится къ Нему, слѣдуетъ за Нимъ. Онъ молча проходитъ среди нихъ съ тихою улыбкою безконечнаго состраданія. Солнце любви горитъ въ Его сердцахъ; лучи свѣта, просвѣщенія и силы текутъ изъ очей Его и, изливаясь на людей, сотрясаютъ ихъ сердца и вѣтною любовью. Онъ простиралъ къ нимъ руки, благословлялъ ихъ, исцѣляетъ отъ недуговъ. Въ это самое время проходитъ площади самъ кардиналъ великій инквизиторъ. Онъ сразу почувствовалъ, что передъ нимъ Спаситель и приказалъ стражамъ взять Его и отвести въ тюрьму. Толпа пережнчива и робка. Она преклоно-

1) Ученіе о Філіоке отвергается, какъ не подтверждаемое евангелиемъ, чтательное толкованіе; ученіе о первенствѣ римской церкви на времени возникновенія опровергается указаніемъ на возникновеніе христіанства и церкви Христовы въ Іерусалимѣ и т. д.

передъ великимъ инквизиторомъ, и Спасителя безпрепятственно от-
 водятъ въ тюрьму. Здѣсь къ Нему является самъ великій инквизи-
 торъ и говоритъ Спасителю, что пришествіе Его излишне и не-
 мѣстно. Весь смыслъ суровой рѣчи инквизитора сводится къ тому:
 все, дескать, передало Тобою папѣ, и все стало быть теперь у
 папы, а Ты хоть и не приходи теперь вовсе, не мѣшай до времени
 крайней мѣрѣ». «И примкнулъ къ сонму тѣхъ, которые испра-
 вили подвигъ Твой», говоритъ великій инквизиторъ и грозитъ Спа-
 сителю костромъ. Латинское высокомѣріе, римско-католическая
 гордость всегда выступали ярко; въ особенности-же эти тяжелыя
 свойства латинства обнаруживались въ періоды гоненій за вѣру,
 гдѣ прочимъ, въ періодъ разыгравшейся и разбушевавшейся ла-
 тинской пропаганды въ южной Россіи въ XVII столѣтіи. Здѣсь
 латинское высокомѣріе тѣмъ болѣе подняло свою голову, что опи-
 раясь на виѣшнее, такъ сказать, количественное, но тѣмъ не менѣе
 истинное превосходство польской цивилизаціи надъ цивилизаціей
 южно-русской, имѣло на своей сторонѣ и въ свою пользу польско-
 литовскія коллегіи, широкообъщательныя казанья, историческую и
 словескую литературу. Южно-руссамъ конца XVI и начала
 XVII столѣтія пришлось испытать на себѣ всю тяжесть латинскаго
 высокомѣрія, гордости и властолюбія, и потому такъ умѣстнымъ
 представляется суровое и правдивое обличеніе Іоанна Вышенскаго.
 «... той . . . книжкѣ (т. е. католической «Обороны брестскаго
 собора») знаешь еси яму глубокую, говоритъ Іоаннъ Вышенскій,
 которая ядовитыхъ послѣднихъ концовъ досягаетъ, тая яма,
 которую духозрители пронастію вѣчною называютъ, тотъ ровъ зна-
 еши, который изривши его, самъ его ся вмѣтаетъ, тую глу-
 бинашю еси, съ которіи погразнувшій николиже вернутися
 можетъ. Которій-же то мененый ровъ, яма, глубина, пропасть?
 Въ превозлѣтающая мнѣмаемъ выше всѣхъ, звиходящая-же
 усомъ ниже всѣхъ гордость, тая гордость, въ которой препо-
 нѣ вѣка сего танчество, тая гордость, которая высокое чинить
 о которой рече Премудрый, яко есть передъ Господомъ
 , тая гордость, которая истекаетъ отъ высокаго сердца и
 стезя нагло гвалтовнымъ языкомъ наивно; тая гордость, ко-
 торая преисполненія сердечнаго вытискается въ широко-вечистые
 валтомъ и языкоднымъ гласомъ ураняетъ слышащихъ. И

что много мовити? Въ томъ гласѣ видѣлемъ явнаго фарисейства. Въ другомъ мѣстѣ посланія Юаннъ Вышенскій даетъ краткую довольно выразительную характеристику того, въ чемъ преимущественно проявлялась въ его время латинская гордость: «то шевіе есть, который самого себя быти лѣпшимъ, зацѣпѣи мудрѣйшимъ отъ другихъ разумѣти и павно тоє розумѣніє гласомъ изъясляетъ». Какъ ни теменъ языкъ приведенныхъ въ нихъ нельзя не видѣть, что основой латино-польскаго мѣрія во время Юанна Вышенскаго были старожитность и чистота рода и построєнная на польско-латинскихъ пачалахъ обрѣтенность; это такъ сказать два краеугольные камни польско-латинскаго высокоомѣрія. Послѣ этого понятно, почему Юаннъ Вышенскій пускаетъ сильные перуны своего краснорѣчія противъ и постоянно приравниваетъ ихъ въ религіозно-правственномъ отношеніи къ хловамъ; понятна и его ненависть къ Аристотелю, основателю схоластической основѣ латинскихъ коллегій.

Въ одномъ мѣстѣ Юаннъ Вышенскій затрогиваетъ корень вѣрца. Предлагаая православнымъ выбирать достойное лицо епископа и просить короля о его утвержденіи, нашъ полемиста замѣчаетъ: «котораго (т. е. духовнаго пастыря) если не вамъ подати и не послушаетъ васъ, узрите его (т. е. скоро оглохнувши и онѣмѣвши; зане поставленъ судъ надъ нимъ судити, а не своей вѣри прелести фалковати» (содѣйствуй). Такой тонъ рѣчи относительно высшей предержанной власти Польши, короля, къ которому малороссіане всегда, начиная съ половины XVII ст., при возстаніи Хмельницкаго, относились почтительно и искали въ немъ защиты, заранее показывая, какомъ духѣ будетъ говорить Юаннъ Вышенскій о тѣхъ вѣщахъ — свѣтскихъ и духовныхъ магнатахъ, которые при Рѣчь-Посполитую въ панскій рай и мужицкій адъ, причезавши власть короля, такъ что отъ этой власти остались одни обрывки. Отзыви Юанна Вышенскаго о польской аристократіи свѣтской и духовной, жестки, суровы, часто проникнуты горькой насмѣшкой. «Посраждуть власти мірскія, — они же добры, отъ Бога имъ данный, въ своихъ похотяхъ и сластолюбствѣ тѣлеснаго погрєбають, о размноженіи же хвалы Божіей

не дбають... Постраждуть и власти разумомъ владѣющія духовно, санеже за спасеніе душъ небрегутъ».

«Князья (польскіе) закону Божію не покарются, обѣщаницы едемъ, любяще мзду, гоняще за посулами, сиротамъ не судяще и суду вдовиць не внемлюще». Русскіе паны не далеко ушли отъ пановъ польскихъ: «на пановъ-же вашихъ русскаго рода не паѣйтеся, говоритъ Іоаннъ Вышенскій; въ нихъ-же нѣсть спасенія! съ бо живаго Бога и вѣры въ Него отступили, прелести-же еретической, любви духа тцеславнаго, жизнлюбію и лихоимству склонили». Мало того: «ныгѣ межъ ляхи князья русскіе всѣ еретичѣли и христіанства, истинной вѣры отступили, протчскій нѣ ругаютъ, другъ, клеветуютъ»... Въ подтвержденіе своихъ словъ панъ Вышенскій указываетъ на князей Слуцкихъ, которые «въ нежа хвтраго увѣрили, простоту русскую отбѣгли, и потому домъ ѣ сталъ пустъ»... Главные недостатки польско-русскаго панства — роскошіе, неправосудіе и въ особенности сластолюбіе и роскошь. Панове надъ Богомъ богатами вышними надъ своими подручными данными ся починили и надъ Творца, ровнымъ зданіемъ образа его всѣхъ почтивнаго, судомъ беззаконнымъ вознеслися». «Неценые турки честиѣише суть предъ Богомъ въ судѣ и правдѣ — такой, нежели крещеные ляхи». Паны «въ златоглавыхъ полахъ и китайчаныхъ пелюхахъ рождаются». «Чрево ихъ сластолюбое, поправки богато утворенные, транеза сребро-полмисная». Чрево ихъ обнаруживается «во многихъ мисахъ, полмисахъ, явкахъ черныхъ и сѣрыхъ, червонныхъ и бѣлыхъ юхахъ и ихъ склянницахъ и келишкахъ, и винахъ-мушкателяхъ, малва, аляконтахъ, ревулахъ, нивахъ розманныхъ, въ барилахъ съ и, барылкахъ съ винами, шкатулахъ съ флягами, наполнен-виномъ, горѣлкою горко-дорогою, въ гордыхъ бадавѣяхъ): валихахъ, дрыгантахъ, стунакахъ, едноходникахъ,—ко-тъ, лектыкахъ, брожкахъ, карытахъ (экинажахъ), въ обилии. Франтовство и щегольство панское выражалось въ низкомъ нинъ володѣ: «обычай бо есть мірекимъ на облупленую гор-голенца выструганаго, мыломъ вышарованаго и вымак-го нильно смотрѣти и мыслью похотною блудити». На го-дѣвали красивую шапку и ея кичились, «косичку или пер-ши», «перекривляючи макгерку то на той, то на сей боѣ»,

шію напяливши, яко индійскій куръ»; разными одеждами себѣ украшали, имѣя ненасытную любовь «къ прелести шматъ товъ, златолаву или ядамашку, шкарлату и ипшихъ суконъ». Тутъ упоминается и «златоглавая дѣля» и «алтебасовый коцешитъ», продающіе въ адѣ. Одной изъ забавъ польскихъ и русскихъ пановъ были «хорты, выжлы сытые и другіе кундысы (т. е. псы), а заботоудобы «имъ боки полны, хребты ровны и гладки были». Любопытнымъ представляется еще слѣдующее обвиненіе пановъ въ сдѣлѣ шинковъ евреямъ: «ты всегда въ корчмѣ живешь и самъ шивкарати еси корчмы запроедши, людскія сумиѣни оцощиваеши скучностью корчемнаго торгу, зъ Афраимами жидовскими людское чрево оцщиваеши, и тоѣ поганство видѣти не хочещи, и очю, суда себе не видѣти, зажмурить еси».

Римско-католическое и униатское духовенство въ погонѣ за благами міра сего не отставало отъ людей свѣтскихъ. «Днесъ бо въ лядской землѣ, говоритъ Юаннъ Вышенскій, священники всѣ, якоже древле пѣвогда Елзавелины жерци, черевомъ, а не духомъ оффрують». Высшее латино-униатское духовенство, какъ извѣстно, комплектовалось изъ людей знатныхъ, «уроженныхъ», причемъ переходъ съ одной іерархической ступени на другую, высшую совершался очень быстро. «Не днесъ-ли каштеляне, говоритъ Вышенскій, дворяне, жоліѣры, воины, кровопродійцы, купцы, медіциники, а утро поцами, а поутру бискунами, а поутру утрешнею арцибискупами починилися есте». Такое быстрое повышение обусловливалось или милостью короля, или, что гораздо чаще и обильнѣе было, являлось слѣдствіемъ подкуповъ. «Вамъ помогли (въ достиженіи іерархическаго сана), продолжаетъ Вышенскій, «румянцы (червоныя, золотыя) съ бѣлыми великими талари, по таларками, орты, четвертаки и потройники. А то якъ? Ого такъ что славнѣйшимъ секретарямъ и рефендарамъ, похлѣбциамъ и другимъ згарямъ его королевской милости, абы ся причинили и оцщили, якъ годный человекъ на панствозаня бискупскихъ доходовъ и пожитковъ и своевольнаго и вшестачнаго мешканя на тыхъ имѣніяхъ и селяхъ, бискупству валежачихъ, за которую причину тол особѣ завивши въ шапирецъ сто, или якъ ся трафитъ, червоныя золотыхъ въ руку тыць, другому зась тыхъ-же шафрашцовъ отъ любныхъ, завивши также, въ руку тыць; отираивши-же румянцы

любцовъ, потомъ ступимо до панеславнѣйшихъ особъ, тымъ зась ворочки (т. е. мѣшочки) понаполнявши овымъ великихъ бѣлыхъ талайровъ, овымъ зась полталайрковъ, овымъ ортовъ и четвертаковъ, тому съ руку тыць, овому тыць и сему тыць, а писаредрачи южь не бракують, и потройники съ грошами берутъ и деруть». Захвативъ такимъ способомъ духовную должность и связанная съ нею маестности, пастыри занимались только тѣмъ, что пили молоко овецъ и спинали съ нихъ волну, «алчными и жаждными чинили бѣдныхъ подданныхъ». Обращаясь къ латино-уніатскимъ владыкамъ, Іоаннъ Вышенскій говоритъ: «зъ сихъ, на сироты церковныя и прекормленіе ихъ отъ благочестивыхъ христіанъ наданныхъ, лупите и съ гумна стогн абороги (рогатый скотъ) волочите; сами и съ своими слуговинами прекормлюетея, оныхъ трудъ и потъ кровавый, лежачи и свдючи, бѣючися и граючи, пожираете, горѣлки припущаные курите, пиво оякое превыборное варите и въ пропасть несмытнаго чрева влиете; сами и съ гостями своими пресыщаете, а сироты церковныя чуютъ и жаждутъ, а подданные бѣдные въ своей неволѣ рочного ходу удовлѣти не могутъ, съ дѣтьми ся стискають (горюють), року собѣ уймають, боячися, да имъ хлѣба до пришлаго урожая ягнеть!»... «Нынѣ владыкове проклятїи фольварки собѣ починили общицхъ монастырей и мысливства (охотничьи своры) прекормлюють въ нихъ; съ тыхъ доходовъ, на богомольцы наданныхъ, дѣвкамъ тмъ вино (*вино*, придаюе) готують, сыны одѣвають, жоны украють, слуги умножаютъ, барвы (родъ ливрей) справують, прїяте-обогачають, караты зиждутъ, возники сытые и единообразные гають». Страстью къ роскоши и корыстолюбіемъ вышешаго дукства Іоаннъ Вышенскій объясняетъ его переходъ въ унію. Предомъ въ унію оно рассчитывало «прагнене ненасычюное утолить» и тѣлительно напозненїя сундуковъ и удовлетворенїя разныхъ похотей. Понятно, что о соблюденїи церковныхъ уставовъ и о правильности вной службы духовныя іерархи мало заботились. Словесныхъ на-й можно было узнать только «по брюху и самолюбїю», говорить въ Вышенскій. Не ограничиваясь обвиненїемъ латино-уніатскаго дукства въ цѣломъ его составѣ, онъ дѣлаетъ иѣсколько упренъ въ сластолюбїи и роскоши Рагозѣ, Терлецкому, Потѣю и дру-высшимъ іерархамъ русскимъ, перешедшимъ въ унію, причемъ дѣлаетъ объ убійствѣ Филиппа маляра Терлецкимъ.

Іоаннъ Вышенскій возмущался тѣмъ, что свѣтскіе и духовные магнаты, при всей своей глубокой испорченности, списоки, презрительно и жестоко относились къ горожанамъ и крестьянамъ, жили всецѣло на ихъ счетъ и ихъ-же третировали *en saignée*, возмущался тѣмъ болѣе, что горожане и крестьяне составляли самый дорогой и нравственно-чистый слой населенія. Онъ возмущался тѣмъ, что лучшіе южно-русскіе люди-братчики ипаче не слыли у епископовъ какъ сапожники, кожемяки, хлопцы. «Якъ-же вы духовными, а не вѣрными званіемъ можете, коли брата своего, въ единой купели крещенія вѣрою и отъ единой матери благодати ровню съ собой породившагося, подлѣйшимъ отъ себѣ чините, уничижаете и ни за что быти вмѣняете, хлопаете, кожемякаете, сѣдельникаете, шеццами изпоруганіе прозываете... Пытаю тебя, ругателя имени, чимъ ты дѣлшій отъ хлопа; албо ты не хловъ таіей-же, скажи ми; албо ты шатаяжъ матерія, глина и персть, ознайми ми; албо ты не тое тѣло и кровь; албо ты не тая жъ желчь хракотины, слина и тѣлце; албо ачей ты отъ камня утесаиъ и не маешъ кышокъ и слюзу холоу-скаго; ознайми ми... А егда показати не можешъ, яко ты еяеишнн, костяный или наветъ и золотый, только таіей-же гной, и тѣло, и кровь, яко и всякъ челоуѣкъ, чимъ-же ты ся дѣлшннмъ показати можеши надъ хлопомъ? Явно, явно ничимъ другимъ, только хубою и величаніемъ гордости предъ челоуѣки, а предъ всеиудннцямъ обож-окаиннѣишннй и всѣхъ тварей безчестнѣишннй еси». Іоаннъ Вышенскій съ любовью останавливается на южно-русскихъ крестьянахъ и горожаныхъ. «Вани милости, обращаетъ онъ къ униатскимъ иудннцамъ, обнажаете изъ оборо кони, волю, оицы у бѣдннхъ подднннхъ, волочите данн иѣннжнннн, данн пота и труда отъ нихъ вытгаете и онихъ живо лупите, обнажаете, мучите, томите, до комнншкуютъ (рѣчныхъ суденъ) безвременно зимою и лѣтомъ въ непогод время гоните... бѣдннн подданнне день и ночь на васъ труднн мучать,—которыхъ кровь, силъ и працы, и подвннн выссавннн, и гннхъ въ оборѣ и коморѣ учиннвннн, выранцовъ вашннхъ, вамъ цстоящихъ, фалондышамн, утрофннамн и каразіямн одѣваете, днн сноглэдствомъ тыхъ слуговнн око накормите; а тые бѣднннцн даннне и простой сермяжкн доброй, чнмъ-бы наготу покрннн глн, не мають. Зѣ ихъ пота мѣшки, полнн грошнн золотымн, ташнн полталаркн, орты, четвертакн и потройнннкн, ганнхаете, суви

«ладаете, а тѣ бѣдники шеляга, за что соли купити, не мають!» Иоаннъ Вышенскій съ особенной силой и очевиднымъ сочувствіемъ говоритъ о простой жизни горожанъ и крестьянъ, о хлопахъ, которые «съзъ одной мысочки борщикъ хлебчуть, бицькимъ або муравсимъ кгермачкомъ (т. е. свитой) покрываються и сами себѣ панове слуги суть». Понятно, что Иоаннъ вполне одобрялъ то предположеніе, которое константинопольскій патріархъ оказывалъ братствамъ въ дѣлахъ церкви, причемъ указывалъ на Господа, не призваннаго ни у Каиафу въ проповѣдники спасенія.

Одной изъ главныхъ причинъ высокомерія, гордости и праведной распущенности латино-уніатовъ Иоаннъ Вышенскій призывалъ, что они съѣли «много поганскихъ наукъ свѣди», «во ѣ поганскихъ наукъ затворилися». Злоковарная латинская душа выщеплена языческими (поганскими) тщеславными и гордыми догмами. «Нынѣ поганскіе учителя, жалуется Иоаннъ Вышенскій, стотели, Платоны и другіе тымъ подобные манкарники и комедики въ дворахъ Христа Бога владѣють». Очевидно, Иоаннъ Вышенскій имѣлъ слишкомъ смутное представленіе о великихъ грекахъ философахъ и судилъ о нихъ лишь по той «злоковарной» поддѣлкѣ, въ которой они явились въ южной и западной части. Онъ латино-уніатскую науку, построенную на схоластическихъ началахъ, считалъ продолженіемъ древней классической музыки, и потому такъ энергично обрушился на «поганскихъ даскалъ, Платона и Аристотеля. Въ его «Посланіяхъ» и въ «Зачапкѣ» много колкостей на счетъ «философскаго ученія», «художества риторскаго ремесла», «хитродіалектичскихъ силлогизмъ», «помовнаго Аристотеля». Относясь вполне отрицательно къ латино-уніатской наукѣ, Иоаннъ Вышенскій отвергалъ все съ нею связанное, латино-уніатскія школы, латинскій языкъ, сценическія представленія. Школы латино-уніатскія—пропасть и погибель въчуть ихъ выходятъ славолюбцы, болтуны, самохвалы, гордые и. Иоаннъ Вышенскій гордился тѣмъ, что православные латино-уніаты знаютъ и комедій и манкаръ въ іезуитскихъ коллегіумахъ и дѣють.

Зависавшую въ Малороссіи латино-польскую культуру Иоаннъ Вышенскій ни во что ставилъ, потому что она покупалась цѣной родной вѣрѣ и родной народности. Его, однако, никомъ

образомъ нельзя назвать обскурантомъ, врагомъ знанія, Іоаннъ принципиально не отвергалъ знанія. Онъ требовалъ только, чтобы южно-русская наука питалась греко-славянскими источниками и служила всей народнои массѣ; онъ не отдѣлялъ науку отъ православія и народности. Рѣшительно возставая противъ отдачи дѣтей православныхъ родителей въ латинско-уніатскія школы, Іоаннъ въ то-же время предлагалъ отдавать ихъ въ школы, находившіяся при православныхъ церквяхъ: «Боячися, говорить онъ въ «Зачашкѣ», чтобы есте дѣти свои хитростію и ересью латинскою не отравили и не поморили, заецаю вамъ православнымъ правдивную школу, и по раду даю, чого ся учити имѣють, чтобы дѣти ваши спасли и во васъ благочестіе задержали и христіанство своей вѣры не стратили. Вопервыхъ Ключъ, или грецкую или словенскую грамматику да учать. По грамматикѣ-же, во мѣсто лживой діалектики, изъ бѣлаго въ черное, а изъ чернаго бѣлое перетворати учащей, тогда-бо учать богомолѣбнаго и праведно-словнаго Часословца; во мѣсто хитровѣрныхъ силлогизмъ и велерѣчивой риторики тогда учать богоугодно-молѣбный Псалтырь; во мѣсто философіи, по воздуху мысль разумную скитатися зиждущей, тогда учать плачевный и смиренномудрый Охтанкъ, та-же конечное и богоугодное предсѣваніе въ разумѣ—дѣльное богословіе; тогда учать святую евангельскую и апостольскую проповѣдь, съ толкованіемъ простымъ, а не хитрымъ, не служа (рѣчь умудривши токмо) чесати словомъ проповѣднымъ, але свѣтъ св. Духа влагати въ слышащихъ сердца». Требованія, очевидно, не малыя, вполне согласныя съ церковно-общественными потребностями южно-русскаго народа въ началѣ XVII ст. Тутъ предсмотрѣно все главное въ религіозно-правственномъ образованіи народа: воспринятіе науки на излюбленныхъ въ народѣ греко-славянскихъ началахъ и передача ее другимъ въ духѣ любви въ живомъ проповѣдномъ словѣ.

Замѣчательнымъ проявленіемъ національнаго самосознанія Вышенскаго служить, между прочимъ, энергическое отстаиваніе имъ въ посланіи къ кн. Острожскому и въ Зачашкѣ славянскаго языка, подъ который подкапывались латинско-уніаты, отъ котораго мало кому отказывались и православные подъ вліяніемъ обольстительнаго богатства западной, латинской науки. «Книги церковныя вси уставы словенскимъ языкомъ друкуйте, говорить Іоаннъ Вышенскій».

скій... Нѣкоторые наши на словенскій языкъ хулятъ и не любятъ, — да знаешь заочно, яко того майстра дьявола дѣйствомъ творять. А то для того дьяволъ на словенскій языкъ борьбу тую маеть, понеже есть плодоноснѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любимѣйшій; понеже безъ поганскихъ хитростей и руководствъ, се же есть грамматикъ, риторикъ, діалектикъ и прочіихъ ихъ коварствъ щеславныхъ простымъ прилежнымъ чтеніемъ, безъ всякаго ухищренія къ Богу приводить.

Малорусскій языкъ въ произведеніяхъ Іоанна Вышенскаго играетъ почетную роль образовательнаго элемента въ жизни народа, является средствомъ духовной бесѣды и нравственнаго назиданія. Евангелія и Апостола, говоритъ Іоаннъ, въ церкви на литургіи простымъ языкомъ не выворачайте; по литургіи-же, для выразумѣнія народа, по просту толкуйте и выкладайте*.

Идеаль Іоанна Вышенскаго состоялъ въ томъ, чтобы малороссы, или, употребляемъ терминъ Іоанна, русины, достигли научнаго образованія и гражданскаго благосостоянія посредствомъ нѣчужаго труда, не разрывая связей съ своимъ прошлымъ, на основаніи главныхъ краевыхъ особенностей, православной вѣры, славяно-славянскаго и малорусскаго языковъ, признанія за личную крестьянина права на самостоятельность и свободу. «Не и насъ спасуть, писалъ онъ южнорусскому народу, не владыки, ни трополиты, но вѣры таинство нашей православной, храненіе вѣдѣй Божіихъ». Предлагая православнымъ издать «Соборъ» и предвидя со стороны послѣднихъ замѣчаніе о недостаткѣ средствъ, Іоаннъ совершенно ясно высказываетъ свой идеаль общенароднаго единенія для достиженія цѣлей образованія и гуманизма: «Тое вамъ отповѣмъ добрый способъ еврейскаго разума: общій карванъ¹⁾, кто вдовица ницетою двѣ ленты, шелюгъ, а кто доволнѣйшій или панъ — золотый, десять, а панъ сто за общую пользу и за свое спасеніе; ничто же дорожитъ отъ душа, и въ то бы тое дѣло быти могло». Въ Вышенскомъ подъ скромной монашеской рясой, подъ «страшнубоукомъ», въ «невытертыхъ черевичицахъ» скрывался вели-

¹⁾ Карванъ — церковное казнохраняще въ древнѣхъ іерусалимскыхъ П. С.

гражданинъ южнорусской страны. Это былъ человекъ, кото-
 многое отрицать, но и многое могъ создать; его духовно-
 ческія стремленія основывались на народныхъ идеалахъ, сли-
 ваясь съ стремленіями и пожеланіями южнорусскихъ горожанъ и
 крестьянъ. Іоаннъ Вышенскій до нѣкоторой степени напоминаетъ
 кипскаго пророка. Томимый духовной жаждой, онъ удалился въ
 египетскія пустыни; здѣсь явился къ нему шестикрылый Серафимъ—
 возлюбленный къ угнетенной, обманутой, осмѣянной родинѣ,—вынулъ изъ
 груди трепетное сердце и вложилъ въ нее уголь, плакающей
 и стонущей гнѣва и негодованія, открылъ ему зѣныцы и обратилъ его
 вниманіе на всѣ современныя ему явленія южнорусской жизни,
 добрыя и дурныя, радостныя и печальныя, и бѣдный, малообра-
 зный малороссіянинъ—заболѣлъ сразу прозрѣть въ глубину
 южнорусской жизни, увидѣлъ тайные ходы латино-уніатскихъ гадъ,
 возмущилъ прозябаніе хлопа, и пошелъ на родину жечь сердца людей
 своимъ горячимъ, одухотвореннымъ словомъ. Можетъ быть, онъ,
 подобно Лермонтовскій пророкъ, былъ угрюмъ, худъ, блѣденъ, нагъ и
 безъзубъ; навѣрно, латино-уніатскіе владыки и попы презирали его;
 но все-таки онъ посылно исполнилъ святой завѣтъ, который
 Божья сила влагаетъ въ сердце каждому человеку,—завѣтъ «про-
 славлять любви и правды чистыя ученія».

Въ заключеніе намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о
 полемическомъ тонѣ и о языкѣ Іоанна Вышенскаго. Многочислен-
 ные извлеченія изъ его Посланій и Зачанки, сдѣланныя нами, да-
 ютъ намъ уже достаточно полное представленіе о рѣзкости и су-
 ровости полемическаго тона. Любопытнѣе всего то, что самъ
 авторъ Посланій сознавалъ эти особенности своей полемики; онъ
 оправдывалъ ихъ такимъ образомъ: «А если-бы засѣлъ кто... на мене
 зависти потварь сложити хотѣлъ, мовячи, яко доразливне и
 разливне въ томъ писаню мовить, на тоє вамъ такъ отповѣмъ:
 «Съшелъ отъ Христа истини безъ похлѣбства ложъ лжею, вольа
 злодѣя злодѣемъ, разбойника разбойникомъ, дьявола дьяво-
 ломъ звати». Рѣзкость и суровость полемическаго тона вытекаютъ у
 него изъ силы и искренности, что выразилось, между прочимъ, въ слогѣ
 и языкѣ. Фраза Іоанна Вышенскаго не длинна и не коротка, послед-
 ственно разчленена на части, льется плавно, постепенно пере-
 ходитъ съ одной степени усиленія на другую высшую степень и

удачно замыкается пемпогими сильными и выразительными словами. Скрытая въ ней сила авторскаго одушевленія тѣмъ выражается, что слова иногда начинают рифмоваться, напримѣръ: «Запевне вѣдайте, схай васт тое гѣрдое дмухане и пашное фукане и широкословное лекотане, грозное розказанье и толстое отрыганье того вашего африкани, яко мы прелюбодѣйчищами быти бы мѣли отъ своей вѣры, не увѣиаетъ». Сила рѣчи обнаруживается въ сравненіяхъ, ипотазахъ и иносказательныхъ выраженіяхъ; таковы выраженія: «ождевидное пролитіе мечтательнаго мнѣніа (т. е. мнѣніа)»; «рушь гласа панежекаго невѣрія, пагло здохлый»; «къ курвѣ римой па блудъ убѣгать» (переходъ въ унию); четверо-рогатые Іисусотатели (іезуиты). Разрѣшеніе вопроса—развязываніе узелка; разрѣть прошлое—отвалить надгробный камень; нападеніе православаго на католицизмъ—налетъ шершни на паутину; переходъ унию—лакомство па пироги. Сила рѣчи достигается, между прочимъ, употребленіемъ сложныхъ словъ: «аеровымслный, скачомудръ, грошовладатель, богочревици, мясочревохотный, безхриstopриный, писародрачи», сопоставленіемъ синонимовъ: «буаетъ, хвалитъ, проситъ, щедруетъ» и т. п., изрѣдка употребленіемъ глаголовъ, взведенныхъ отъ именъ существительныхъ: «кожемякать, сидѣть». Переводъ словъ довольно рѣдко встрѣчается: «студня или пникъ», «паздѣря или паутина», «уфундувати или осповати», «птарство или преложонство». Такой переводъ очевидно вѣсти изъ желанія Вышневака сдѣлать свои Посланія доступными слѣхъ грамотныхъ людей южной Россіи. Лексиконъ Іоанна Вышневака—церковно-славянскій, съ значительной примѣсю парод-малорусскихъ и польскихъ словъ. Большинство малорусскихъ словъ Іоанна Вышневака встрѣчается и нынѣ въ Малороссіи повсемѣстно, напримѣръ: мусыть, пожитокъ, заховать, никчемный, омылка, «подбгаты (подъ себя подвернуть въ борьбѣ), тесля, бридкій, — на хорошо извѣстная. Въ Посланіяхъ и Зачанѣхъ находится много любопытныхъ въ историко-культурномъ отношеніи словъ, и цѣлыя объясненія, напримѣръ: «кучка» въ значеніи дома, «простые въ своихъ кучкахъ и домкахъ сидать» (стр. 242); «малорусская куча, кучка употребляются въ значеніи кѣлти (т. е. кѣлти) подъ печкой или подъ постельнымъ поломъ (см. Зап. Р. Геогр. Общ. II. 140); въ сербск. кутя—домъ; «алтемба-

совый кофенякъ» — свита или кафтанъ изъ дорогой матеріи, шенный золотомъ; оба слова турецкаго происхожденія; alten-золотая матерія, Goldleinwand; кобенякъ, коренекъ — плащъ (sich, Denkschrift, d. kais. Akad. d. Wissensch. in Wien 1884. XX XXXV); «златоглавая деѣя» — епанча изъ золотистой матеріи; «и комяга утробнаѣ» — въ польскомъ языкѣ *szkuta* — барка, *kon* — водоходное большое судно, «кермаши широкныѣ» — подарки польск. *kiermasz*, храмовый праздникъ, ярмарка, ширѣ: «махтовный» — большой хорошо убранный домъ. Къ числу темныхъ, непонятныхъ для малороссійнина польскихъ словъ въ Посланіяхъ и Запискѣ относятся: вынальзокъ (изобрѣтеніе, открытіе), прагноче (жизнь), паздѣри (наутина), сакъ (мѣшокъ, сума), сакюлюбець (барыбиня), статечность (постоянство, вѣрность), змази (пятно), заклеветать, хулить), стлумить (укротить, упятъ), окгарь (огнебець), выжла (лягавый щенокъ), хортъ (chart, борзая собака), шутка), обора (стойло, хлѣвъ), кудысь (дворовая собака), конь, лошады), валахъ (меринъ, — встрѣчается и въ малорусскомъ языкѣ, между прочимъ въ фамильныхъ названіяхъ), дры (жеребець), лектыкъ (носилки), шафарь (ключница, экономъ), упованіе), встеклый (бѣшеный), хелнить (гордиться), отухрость, мужество), кукловать (кривляться, шалить). Внимательный разборъ лексической стороны Посланій и Записки Юанна Вознесенскаго можетъ послужить предметомъ особаго, строго филологическаго изслѣдованія. Такого рода изслѣдованіе представитъ большой интересъ, если въ него войдутъ все южнорусскіе, украинскіе памятники конца XVI и начала XVII столѣтій, сравнительно съ «словено-россійскимъ лексикономъ». Пэмъ Бернадский при подобнаго рода филологическомъ трудѣ, разумѣется, можетъ играть видную роль и занять въ изслѣдованіи первое мѣсто.

Н. В. Сумцо

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

(Продолженіе) ¹⁾.

XIII.

Будучи противниками поляковъ и турокъ, козаки въ то же время являются поводомъ къ враждебнымъ столкновеніямъ между этими двумя народами.

Если-бы не козаки на Украинѣ, Польша была-бы безопасна со стороны турокъ, говорили поляки.

Если-бы не козаки, разсуждали турки въ свою очередь, Турціи не пужно было-бы заботиться о защитѣ своихъ приднѣстровскихъ колоній и береговъ Чернаго моря, она могла-бы все свои усилія обратить на завоеваніе христіанскаго міра. Тогда могъ-бы создаться калифатъ, достойный пророка, все короли платили-бы султану дань... и въ то время, какъ вся Европа дрожала передъ турками, одни только козаки осмѣливались мечтать объ уничтоженіи гвдры, за-сѣвшей въ Цареградѣ. Неустрашимость ихъ передъ турками выражается и въ пѣсняхъ, наиримѣръ:

Та вже шабли поржавили,
Мушкеты безъ куркинь,
А ще серце козацькее
Не боиться туркивь.

Побуждаемые угрозами султана, поляки пытались своєю удержанть козаковъ отъ походовъ на Черное море, и выстроили крѣпость у днѣпровскихъ пороговъ, но все эти мѣры только раздражали

¹⁾ См. мартовск. кн. «Кіевской Старина», 1885 г., стр. 437—464.

козаковъ. Неудивительно, что въ Польшѣ шли оживленные споры о мѣрахъ, какія должно принять противъ нихъ, такъ какъ организація, подобная козачеству, не могла быть терпима въ краѣ, гдѣ господствовали паны.

Шляхта роптала на произволь козаковъ, а о своемъ собственномъ не хотѣла и слышать; войны турецкія приписывала козацкимъ набѣгамъ, а не вспоминала о своихъ походахъ на Молдавію и на Москву. Шляхтѣ все было дозволено, особенно въ мирное время. Такъ во время мира съ Турціей паны Потоцкій, Корецкій и Вишневецкій доставили своему родственнику Могилѣ молдавскій престолъ и тѣмъ самымъ вызвали турецкую войну. Съ Москвою также былъ миръ въ то время, какъ Мнишекъ велъ своего зятя, самозванца Дмитрія на московскій престолъ. И такъ, не одно простое южно-русское козачество создавало затрудненія польскимъ королямъ: кромѣ козаковъ на Запорожьи и на Украинѣ, были въ Польшѣ и вельможные козаки, какъ Потоцкіе, Корецкіе, Мнишки, Вишневецкіе и др., предпринимавшіе въ мирное время походы противъ сосѣднихъ государствъ на собственные средства.

Для усмиренія козаковъ правительство назначило комиссію, которая собралась надъ рѣчкой Раствайцею, ниже Паволочи, гдѣ стояло королевское войско. Комиссія поставила такія требованія: «козаки пообщаются и присягнутъ на томъ, что не только сами не станутъ тревожить султанскихъ владѣній, но и другимъ этого не дозволятъ и уничтожатъ свои морскія лодки. Отъ козаковъ не должны терпѣть вражды жители королевскихъ, церковныхъ и панскихъ имѣній, и изъ козацкихъ реестровъ будутъ исключены ремесленники, купцы, шинкари, войты, бурмистры, рѣзники, портные и т. п.; они должны подчиниться старостамъ, «державцамъ» и панамъ, на землѣ которыхъ живутъ. Кто не захочетъ остаться крѣпостнымъ у пана, долженъ удалиться изъ его имѣнія ко дню св. Іліи 1620 г.» Само собою разумѣется, что принятія украинскими козаками условія не имѣли силы на Запорожьи; реестровые козаки избрали своимъ гетманомъ Бородавку, вслѣдствіе давленія со стороны поляковъ, которымъ желательно было сдѣлать противобѣсъ власти Сагайдачнаго.

Новая война съ Турціей дала возможность козакамъ возобновить ихъ морскіе походы; они опустошили побережье европейской Турціи и взяли богатый городъ Варну.

Въ 1621 г. посланъ былъ противъ турокъ коронный гетманъ Ходкевичъ, но силы его были слишкомъ ничтожны сравнительно съ турецкими; едва удалось собрать до 30,000 войска, да и тѣ бунтовались и расходились частью отъ страха, частью вълѣдствіе неуплаты жалованья и совсѣмъ разбѣжались-бы изъ лагеря, если-бы правительство не обратилось къ козакамъ для спасенія государства. Явившись съ 30,000 запорожцевъ, Сагайдачный удвоилъ силы Ходкевича, избавилъ поляковъ отъ страха и, благодаря ему, подъ Хотиномъ сломаны были турецкія силы. Но Сагайдачный былъ тяжело раненъ и вскорѣ умеръ. Между тѣмъ заключенъ миръ съ турками, при чемъ поляки обязались усмирить козаковъ въ награду за оказанную ими помощь; между прочимъ козакамъ строго воспрещалось отправляться на море и беспокоить татаръ и турокъ.

Но помимо мѣръ, принимаемыхъ противъ козачества, еще большія притѣсненія терпѣлъ весь южно-русскій народъ въ религіозномъ отношеніи. Со времени введенія уніи, принятой кievскимъ митрополитомъ, православные до 1620 г. не получали себѣ отдѣльнаго митрополита, не стало также и епископовъ и некому было рукополагать священниковъ; но въ 1620 г. случилось важное событіе, удержавшее быстрые успѣхи колонизаціи. Проѣзжалъ въ Москву черезъ Кіевъ іерусалимскій патріархъ Теофанъ. По просьбѣ гетмана Петра Конашевича-Сагайдачнаго и представителей русской шляхты, патріархъ рукоположилъ имъ православнаго митрополита Іова Юрецакаго и епископовъ въ Полоцкѣ, Луцкѣ, Владиміръ-Волинскій, Перемышль, Холмъ и Пинскѣ. Такимъ образомъ въ каждой изъ этихъ епархій являются по два епископа, православный и униатскій.

Возстановленіе православной іерархіи было тяжкимъ ударомъ польской пропагандѣ, для которой главнымъ условіемъ успѣха было именно отсутствіе православнаго духовенства. Разумѣется, такое нарушеніе королевскихъ привилегій было очень смѣлымъ поступкомъ, но это была реакція, вызванная введеніемъ уніи. Король Сигизмундъ и всѣ ревностные католики были сильно раздражены этимъ фактомъ. Видя свои планы парализованными, король по

жалобамъ уніатскихъ епископовъ объявилъ новоосвященныхъ православныхъ іерарховъ самозванцами и отступниками; правительство требовало ихъ ареста и смертной казни, но король все таки принужденъ былъ терпѣть возстановленіе іерархическаго строя русской церкви, уступая ходатайству русскихъ пановъ и въ особенности требованіямъ гетмана Сагайдачнаго, пока пуждался въ козацкой помощи. Такъ Сагайдачному удалось склонить козаковъ къ участию въ хотинскомъ походѣ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы правительство утвердило митрополита Борецкаго и православныхъ епископовъ въ ихъ епархіяхъ.

Козаки ненавидѣли поляковъ также, какъ и крестьяне, но они понимали, что самоуправленіе ихъ зависитъ отъ ихъ собственной силы, а не отъ милости пановъ. Легко понять ненависть къ полякамъ крестьянъ—потомковъ тѣхъ козаковъ, которые сложили головы подъ Лубнами, но Сагайдачный умѣлъ примирять самыхъ непокорныхъ; политика его вполне соотвѣтствовала современному положенію вещей.

Украина лежала между двухъ враждебныхъ силъ; между тѣмъ какъ Польша стремилась къ моральному уничтоженію Руси, татары разоряли ее матеріально. Вести борьбу съ обоими врагами одновременно не было возможности, и Сагайдачному приходилось раздумывать, съ кѣмъ воевать раньше. Война съ невѣрными, у которыхъ томились въ неволѣ христіанскіе плѣнники, поминутно ожидая освобожденія отъ своихъ братьевъ, была главнымъ призваніемъ козаковъ; въ эту сторону имъ нужно было направить всѣ свои силы, по отношенію-же къ полякамъ слѣдовало сохранять оборонительное положеніе. Заслуга козачества для Руси состояла въ противодействіи двумъ враждебнымъ силамъ, и Сагайдачный понималъ эту задачу. Онъ избѣгалъ вооруженныхъ столкновеній съ поляками, зная хорошо ихъ обычай—фактически отмѣнять то, что еще вчера было подтверждено юридически. Поэтому его мало занималъ вопросъ о количествѣ вписанныхъ въ реестръ козаковъ, такъ какъ и не вписанные отъ этого не страдали, и дѣйствительно всякій, бравшійся за оружіе, становился козакомъ. Въ подтвержденіе сказаннаго приведемъ нѣсколько фактовъ: на сеймѣ варшавскомъ 1616 г. поляки даютъ торжественное обѣщаніе туркамъ усмирить козаковъ; въ слѣдующемъ году повторяютъ тоже обѣщаніе надъ Днѣстромъ, а

въ 1618 г. обращаются къ козакамъ съ просьбою избавить отъ опасности московскаго плѣна королевича Владислава съ остатками польскаго войска; то же повторилось въ 1621 г. и т. д.

При Сагайдачномъ поляки считаются уже съ козачествомъ, какъ съ силой и, пока нуждаются въ ней, до тѣхъ поръ Украина пользуется отъ нихъ нѣкоторымъ спокойствіемъ, но едва миновала опасность, какъ о заслугахъ козаковъ тотчасъ забываютъ; паны по прежнему настаиваютъ на постановленіяхъ раставицкой комисіи и предлагаютъ козакамъ, недовольнымъ мѣстными порядками, уходить, куда захотятъ. Поэтому народъ съ давнихъ поръ направлялся въ степи и, чтобы не погибнуть, шелъ туда, гдѣ не было произвола челоуѣка надъ челоуѣкомъ, и куда сверхъ того привлекала добыча на счетъ невѣрныхъ. Но мало по малу эти выходцы очутились между поляками съ одной стороны и татарами съ другой. Куда-же теперъ идти? развѣ изъ польской неволи попасть въ татарскую или турецкую. Оставалось на выборъ—или подчиниться польскому праву, или защищать до послѣдней капли крови древне-русское общинное право. Уже въ другихъ русскихъ областяхъ шляхта овладѣла и землею, и крестьянами и подавила своими законами общинное право, поэтому не хотѣлось ей оставить и Украину съ ея прежнимъ внутреннимъ строемъ. Но паны не предвидѣли, сколько крови должно пролиться вслѣдствіе ихъ домогательствъ.

Казалось-бы по справедливости, что за помощь въ войнахъ: шведской, московской и турецкой козаки заслужили отъ короля если не благодарность, то по крайней мѣрѣ право гражданства для своей вѣры и народности. Но не смотря на все это, Сигизмундъ III рѣшается искоренить въ предѣлахъ своего государства и православленную вѣру, и ея защитниковъ козаковъ. Напрасно самъ королевичъ Владиславъ заступался за угнетаемыхъ козаковъ, Сигизмундъ не обратилъ вниманія на его ходатайство.—Наконецъ въ 1625 г. козаки отправляютъ депутацію на сеймъ для предъявленія своихъ требованій: 1) обезпечить свободу православленной вѣры; 2) возвратить церкви и церковныя имѣнія, отданныя уніатамъ; 3) признать законнымъ поставленное іерусалимскимъ патріархомъ духовенство; 4) дозволить козакамъ жить въ коронныхъ и панскихъ имѣніяхъ кіевскаго воеводства; 5) разрѣшить имъ собственный судъ, право завѣщать свое имущество и т. д. Сверхъ того, къ этимъ пунктамъ присоеди-

вентъ былъ меморіалъ, перечислявшій всѣ обиды, какія терпѣли православные въ предѣлахъ Литвы и Короны.

Впрочемъ козаки не ограничивались одной юридической защитой своей вѣры; приходилось имъ отстаивать свои права и другимъ путемъ. Такъ на примѣръ, козаки убили кievскаго войта Ходыку за то, что тотъ запечатывалъ православныя церкви. Въ то-же время, по совѣту митрополита Іова Борецкаго, отправлено было къ московскому царю посольство съ просьбой—принять козаковъ подъ свое покровительство; во главѣ посольства стоялъ лудкій православный епископъ Исаакій Борисковичъ.

Этого не могло спокойно перенести польское правительство, и гетманъ Конецпольскій получилъ приказъ усмирить козаковъ вооруженной силой. Потерпѣвъ поражение при Куруковскомъ озерѣ, козаки, стѣсненные со всѣхъ сторонъ, обѣщали покориться. Заключенъ былъ договоръ, въ силу котораго число козацкаго войска сводилось до 6,000; изъ нихъ тысяча человекъ должны были поочередно находиться за порогами, чтобы препятствовать переправамъ непріятеля. Строго запрещалось ходить на море, или какимъ-бы то ни было образомъ нарушать миръ съ Турціею и Крымомъ; всѣ чайки должны быть сожжены. Не вошедшіе въ реестръ козаки должны подчиниться старостамъ или панамъ.—Въ такомъ смыслѣ заключенъ въ 1625 г. договоръ на урочищѣ «Медвѣжьи лозы» при Куруковскомъ озерѣ, и козаки присягнули на этихъ статьяхъ.

Нуждаясь прежде въ военныхъ силахъ, польское правительство при Сагайдачномъ допуская и большее количество козаковъ сравнительно съ установленнымъ реестромъ; теперь-же куруковская коммисія большинство изъ нихъ обращаетъ въ крѣпостныхъ. Съ этого времени является названіе *выписчиковъ*, т. е. козаковъ, выписанныхъ изъ реестра. Выписчики избрали себѣ особаго гетмана Тараса Трисяла въ 1627 г.

Послѣ пораженія, понесеннаго козаками при Куруковскомъ озерѣ, усиливается притѣсненіе православной вѣры, церкви русскія остаются въ пренебреженіи, въ городахъ увеличивается число религиозныхъ процессовъ, православные подвергаются арестамъ и т. д. Таково было положеніе дѣлъ, когда польскія войска расположились на постоя на лѣвомъ берегу Днѣпра, гдѣ никогда еще не квартировали до того времени. Отсюда среди народонаселенія распро-

страшился слухъ, будто польскіе солдаты присланы для искорененія православной вѣры и истребленія южно-русскаго народа; а пьяные солдаты, изъ ненависти къ схизматикамъ, съ своей стороны похвалялись уничтожить всѣхъ украинцевъ до самой московской границы.

Тогда гетманъ Тарасъ, выйдя изъ Запорожья, издалъ универсалъ, которымъ народъ украинскій призывался къ возстанію противъ поляковъ, и объявлялось, что всѣ желающіе могутъ поступать въ козаки; въ то-же время онъ отправилъ посольство къ коронному гетману съ требованіемъ, чтобы польскія войска не квартировали на Украинѣ восточнѣе Бѣлой-Церкви и чтобы отмѣнены были куруковскія статьи.

Между тѣмъ распространившіяся въ народѣ опасенія вполне подтвердилъ своими поступками коронный стражникъ Самуиль Ляць. На первый день Пасхи 1630 г. панъ этотъ вырѣзалъ поголовно все населеніе мѣстечка Лысянки безъ различія пола и возраста; жители искали спасенія въ церкви, но солдаты ворвались туда и всѣхъ истребили. Другой его отрядъ вырѣзалъ всѣхъ жителей мѣстечка Дымера. Понятно, что народъ убѣгалъ къ Тарасу, вокругъ котораго вскорѣ собралось нѣсколько десятковъ тысячъ душъ, но войско это было не обучено и не вооружено.

Мы уже видѣли причины, усиливашія составъ козацкаго войска; теперь-же къ прежнимъ контингентамъ прибавился еще одинъ. Принужденіе мѣщанъ къ принятію уніи, лишеніе ихъ магистратскихъ должностей, наказанія за сопротивленіе при опечатываніи церквей и отбираніи церковныхъ имуществъ и т. д.,—все это увеличивало количество бѣглецовъ.

Въ Переяславѣ сошлись всѣ козацкія силы, туда-же направился и Конецпольскій. Исходъ этой войны описываютъ различно, но свидѣтельства историковъ, какъ польскихъ, такъ и русскихъ сходятся въ одномъ, что Конецпольскій потерялъ подъ Переяславомъ больше войска, чѣмъ стоила ему трехлѣтняя шведская война. Наконецъ гетманъ Тарасъ попалъ въ руки поляковъ и былъ казненъ; это подтверждается и свидѣтельствомъ посла Пясочинскаго, извѣщавшаго Порту о томъ, что гетманъ козацкій и его старшина наказаны смертию.

Сигизмундъ III тѣшился мыслью, что ему удалось наконецъ обратить южно-руссовъ въ унію и католичество, и не замѣчалъ

въ своемъ ослѣпленіи, что навсегда разрознилъ своихъ подданныхъ, поселивши въ нихъ ненависть другъ къ другу по религиознымъ вопросамъ, ослабилъ Польшу путемъ пониженія культуры и приготовилъ могилу для государства, котораго онъ былъ королемъ. Внутреннее разстройство Польши при Сигизмундѣ III въ первый разъ породило мысль о раздѣлѣ этого государства. Молдавскій господарь Михайлъ, поддерживаемый австрійцами и турками, подумывалъ уже о раздѣлѣ Польши, основываясь на ненависти малорусскаго народа къ брестской уніи. А между тѣмъ король не обращалъ вниманія на разстройство государственнаго организма, онъ всецѣло занятъ былъ диссидентами. Если признать, что упадокъ Польши начинается со времени Сигизмунда III, то спрашивается, чѣмъ-же вызвалъ его этотъ король? Исторія отвѣчаетъ: ввелъ унію.

XIV.

Смерть Сигизмунда III, случившаяся въ 1632 г., оживила подавленные надежды русскаго народа. На провинціальный сеймъ въ Луцкѣ съѣхались около двухсотъ волынскихъ дворянъ и главнымъ предметомъ ихъ совѣщаній была православная вѣра. Остальные православные паны собрались въ Варшавѣ вокругъ Петра Могилы, явившагося въ качествѣ уполномоченнаго отъ митрополита Исаи Копинскаго, и пытались юридическимъ путемъ принудить правительство къ возвращенію всѣхъ прежнихъ правъ и гарантій для православной церкви.

Главными дѣятелями православной партіи были въ то время: Адамъ Кисель, Лаврентій Древинскій и Вороничъ. Они требовали уничтоженія всѣхъ предписаній, издаваемыхъ съ 1596 г. и направленныхъ въ пользу уніатамъ и во вредъ православнымъ, которыми не только стѣснялась свобода совѣсти, но и запрещалось православнымъ строить церкви, занимать магистратскія должности и т. п. Требовали полной свободы совѣсти какъ въ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ и королевскихъ имѣніяхъ не только для лицъ, удержавшихся въ православіи, но и для тѣхъ, которые пожелали-бы оставить унію и возвратиться къ прежней вѣрѣ. Далѣе требовали права основывать школы и типографіи, права свободно издавать и читать книги, не содержащія въ себѣ ничего противъ короля и Рѣчи Поспо-

литой, чтобы никто изъ-за этихъ причинъ не привлекался ни къ духовному, ни къ свѣтскому суду, а чтобы, напротивъ, подвергался отвѣтственности каждый, кто причинить насиліе церкви, или будетъ препятствовать собраніямъ православныхъ. Требовали также, чтобы признано было законнымъ посвященіе кіевскаго митрополита патріархомъ, чтобы всѣ епархіи, коллегіи, типографіи и госпитали вмѣстѣ съ фундами, назначенными для ихъ содержанія и захваченными уніатами, были возвращены православнымъ, чтобы всѣ опечатанныя церкви были открыты для православнаго богослуженія, а паны католики разрѣшили-бы своимъ православнымъ поданнымъ строить церкви въ ихъ имѣніяхъ. Наконецъ требовали, чтобы русскимъ духовнымъ властямъ возвращены были всѣ захваченные уніатами церковные акты и метрики, чтобы на будущее время всѣ спорныя дѣла между греческимъ и латинскимъ духовенствомъ разбирались не въ Римѣ, а смѣшаннымъ судомъ въ мѣстныхъ трибуналахъ, чтобы въ своихъ занятіяхъ православные купцы и ремесленники пользовались равными правами съ католиками, наконецъ, чтобы шляхта православная не устранилась отъ должностей за свое вѣроисповѣданіе. Всѣ эти условія, по требованію православной партіи, должны быть внесены въ королевскую присягу.

Того-же самаго требовали для себя и лица другихъ вѣроисповѣданій.

Послѣ долгихъ безплодныхъ споровъ православные съ диссидентами обратились къ посредничеству Владислава и, благодаря его вліянію, проэктировано было соглашеніе между уніатами и православными на слѣдующихъ условіяхъ: православнымъ возвращены будутъ кіевская митрополія со всѣми церквями и монастырями, за исключеніемъ Софійскаго собора и Выдубецкаго монастыря, львовская епархіа со всѣми церквями и монастырями, не принявшими уніи, епархіи луцкая и перемышльская, когда сдѣлаются вакантными, архимандріи печерская и жидичинская, въ Литвѣ епархіи пинская и мстиславская, и вездѣ объявлена будетъ свобода богослуженія; останутся неприкосновенными братства, школы, семинаріи и госпитали съ правомъ открывать новыя, а не-униты будутъ допущены къ занятію общественныхъ должностей въ городахъ; наконецъ прекращены будутъ всѣ религиозные процессы, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ священникъ привязъ

унію, а прихожане не пожелаютъ къ ней пристать, церковь должна быть отдана прихожанамъ.

Впрочемъ, ни католики, ни православные не удовлетворились такими уступками; послѣднимъ хотѣлось, чтобы этотъ компромиссъ послужилъ только основаніемъ для дальнѣйшихъ уступокъ въ будущемъ.

На избирательномъ сеймѣ явились также послы отъ козаковъ, которые съ своей стороны жаловались какъ на притѣсненіе своей вѣры, такъ и на сокращеніе своихъ правъ. «Всѣмъ извѣстно, какія тяжкія обиды переносили мы въ царствованіе покойнаго короля. Въ теченіи слишкомъ тридцати лѣтъ мы на каждомъ сеймѣ просили со слезами о неприкосновенности нашей древней церкви, но насъ постоянно обманываютъ, откладывая рѣшеніе этого вопроса отъ сейма до сейма, до настоящаго времени. Паны украинскіе не желаютъ терпѣть козаковъ въ своихъ имѣніяхъ, и въ тоже время не даютъ намъ возможности удалиться, запрещая своимъ подданнымъ покупать наши дома и имущества, и т. д.»

Требуя полнаго уничтоженія уніи и терпимости для православныхъ, козаки обѣщаютъ, вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ народомъ, не жалѣть жи ни для защиты отечества. Итакъ не православіе, а религиозная нетерпимость навлекла на Польшу грозныя опасности.

На избирательномъ сеймѣ опять возобновился религиозный споръ и когда православные депутаты отказались заняться другими вопросами, пока ихъ дѣло не будетъ покончено, рѣшено было, чтобы обѣ стороны избрали не заинтересованное лицо для третейскаго суда. Такимъ третьимъ лицомъ могъ быть одинъ королевичъ Владиславъ, кандидатъ на престолъ. Къ нему и обратились депутаты обѣихъ сторонъ; по просьбѣ ихъ Владиславъ согласился принять роль полюбовнаго судьи и пригласилъ къ участію въ этомъ дѣлѣ двухъ сенаторовъ и четырехъ пословъ. Судьи признали справедливыми уступки, означенныя въ меморіалѣ конвокаціоннаго сейма, и рѣшеніе ихъ утверждено избирательнымъ сеймомъ.

Послѣ избранія его королемъ, Владиславъ выдалъ православнымъ грамоту, въ которой ясно опредѣлялась данная православной церкви свобода. Каждому дозволилось переходить въ унію, или изъ уніи въ православіе; православнымъ предоставлено право избранія

епископовъ и митрополита, послѣдній долженъ получать посвященіе отъ константинопольскаго патріарха; луцкая епархія должна быть отдана немедленно, а перемышльская и львовская послѣ ихъ освобожденія; въ Литвѣ должны быть учреждены епархіи мстиславская, оршанская и могилевская; всѣ религіозные процессы прекращены, и наконецъ кромѣ всѣхъ уступокъ, означенныхъ въ меморіалѣ, кievскому митрополиту возвращенъ и Софійскій соборъ. Уніатскому митрополиту предоставлена была власть только надъ уніатами и для его жительства назначенъ Выдубицкій монастырь. Послѣ всѣхъ этихъ компромиссовъ обѣ стороны обязаны были жить въ мирѣ и согласіи.

Новый король благосклонно относился къ козакамъ, помня ихъ услуги въ московскихъ походахъ и нуждаясь въ ихъ помощи для новой войны съ русскими, уже осадившими Смоленскъ.

Однако доброе расположеніе короля не могло защитить козаковъ отъ ненависти шляхты, которая усматривала въ нихъ элементъ, опасный для государства.

Какъ мы уже видѣли, взгляды и стремленія шляхты и козаковъ были діаметрально противоположны между собою. Шляхта считала землю своею исключительно собственностью и не могла понять своего существованія иначе, какъ съ подданными, съ панциной и другими видами неволи. Напротивъ козаки, а за ними и весь народъ, признавали землю собственностью того, кто первый занялъ ее для обработки. Находясь подъ властью козаковъ, народъ платилъ только подать въ войсковую казну, былъ вполнѣ свободнымъ и не испытывалъ никакихъ препятствій въ своихъ земледѣльческихъ занятіяхъ.

Хотя Владиславъ и уравнивалъ въ правахъ православныхъ съ уніатами, но тѣмъ не менѣе свобода греко-восточной вѣры должна была остаться только на бумагѣ, такъ какъ на сторонѣ уніатовъ было почти все дворянство въ краѣ, между тѣмъ какъ за православіе стояла только небольшая часть шляхты и козаки, т. е. именно та часть народа, которая силилась только вырваться изъ неволи. Сверхъ того, такъ какъ сеймъ постановилъ одни церкви отдать православнымъ, другія уніатамъ, то потребовалась особая коммисія для выполненія этого дѣла; вмѣстѣ съ вопросомъ о церквахъ шелъ вопросъ о церковныхъ имуществвахъ, приводившій къ спорамъ, въ

которых одерживала верхъ та сторона, за которую стояло большинство шляхты.

Въ послѣдній день коронаціоннаго сейма была прочитана грамота въ пользу православныхъ; католики приняли ее съ большимъ раздраженіемъ.

И такъ примирительные пункты сейма и грамота короля Владислава IV, выданная русскому народу, не примирили религиозныхъ раздоровъ и не прекратили преслѣдованія православной вѣры, такъ какъ въ государственномъ организмѣ Польши укоренилась иноземная, чуждая государственнымъ интересамъ, власть, которая стремилась наложить оковы на разумъ и совѣсть народа. Представителями этой власти было католическое духовенство и въ особенности іезуиты.

Едва изданы были вышеуказанные примирительные пункты, какъ тотчасъ поднялись протесты отъ всего католическаго и униатскаго духовенства. Примазь королевства, а вслѣдъ за нимъ и вся клерикальная партія заявили, что никакія постановленія короля и сейма, направленные въ пользу православныхъ, не могутъ имѣть законной силы до тѣхъ поръ, пока не получаютъ утвержденія отъ папскаго престола. Вслѣдъ затѣмъ отъ лица католическаго и униатскаго духовенства послана была депутація къ папѣ Урбану VIII съ жалобою на распоряженія польскаго правительства, «нарушавшія права римскаго костела въ пользу еретиковъ и отступниковъ».

Владиславъ IV, ясно сознававшій, что интересы церкви не сходятся съ государственнымъ интересами, которые въ свою очередь подвергаются опасности, напрасно старался убѣдить намѣстника св. Петра въ томъ, что возвращеніе русскому народу его религиозныхъ правъ основано на строгой справедливости, что въ противномъ случаѣ неизбежно должна вспыхнуть междуусобная война, и что наконецъ самое дѣло объединенія церквей подвергается опасности, если папа не утвердитъ пунктовъ, поставленныхъ сеймомъ для прекращенія религиозныхъ раздоровъ.

Урбанъ VIII передалъ дѣло на разсмотрѣніе конгрегаціи *de propaganda fidei*, которая отвергла какъ сеймовыя постановленія въ пользу православной вѣры, такъ и королевскую грамоту къ русскому народу, объявивши ихъ противными всѣмъ божескимъ и человеческимъ законамъ. Такъ были парализованы спасительныя для

Польши попытки Владислава IV, и унія, какъ и предсказывалъ этотъ король, римской политикой обрекалась на погибель, что вполнѣ подтверждалось дальнѣйшими событіями. Въ то-же время папскому нунцію въ Польшѣ предписывалось издать отъ имени апостольской столицы манифестъ, уничтожающій всѣ права, какія-бы ни были предоставлены православной церкви.

Вотъ почему въ то-же время уніатскій митрополитъ Рутскій получилъ на сеймѣ 1655 г. королевскую грамоту, обезпечивавшую уніатскимъ епископамъ все, что до того времени находилось во владѣннн уніатовъ, и предписывавшую, чтобы схизматики не имѣли ни одной церкви въ Витебскѣ, Полоцкѣ и Новогородѣ.

Со времени введенія уніи и до смерти Владислава IV польское правительство издаетъ 10 конституцій въ пользу греко-восточнаго ѡбъединенія, но всѣ онѣ остались безъ послѣдствій 1) потому, что католическое духовенство, ставившее церковь выше государства, не считало себя обязаннымъ подчиняться этимъ предписаніямъ, а 2) и потому, что всѣ конституціи касались одной только шляхты.

Православный панъ могъ, если хотѣлъ, въ своемъ имѣннн или староствѣ строить церкви и монастыри, покровительствовать духовенству и т. д.; но для нетолерантнаго католика всѣ конституціи оставались безсилны, помѣщики по прежнему захватывали церковныя имущества и самыя церкви обращали въ уніатскія; въ городахъ одни католики избирались на магистратскія должности, а во Львовѣ православнымъ запрещено было не только участвовать въ городской радѣ, но даже заниматься торговлею и вписываться въ ремесленные цехи. Львовскій магистратъ не позволялъ русинамъ ни спокойно жить, ни даже спокойно умирать¹⁾.

Въ 1634 г. воспитанники іезуитской коллегіи въ Луцкѣ напали на православный монастырь св. Креста, избили монаховъ, преподавателей, учениковъ и нищихъ въ госпиталѣ, разграбили кассу братства, затѣмъ разбивали дома, били хозяевъ и нѣсколько человекъ убили на смерть; но, не подвергаясь никакой отвѣтственности, хвастали своими подвигами, называя ихъ дѣломъ богоугоднымъ.

На пространствахъ всей русской территоріи возникло безчисленное множество религіозныхъ процессовъ. Іезуиты подстрекаютъ като-

¹⁾ Bantke, t. II, str. 367.

ликовъ и униатовъ доносить на православныхъ и обвинять ихъ въ оскорбленіи римско-католической вѣры; обжалованныхъ заковывали въ цѣпи и подвергали болѣе или менѣе продолжительному тюремному заключенію. Дизуниты вынуждены представлять на сеймъ горькія жалобы на то, что законы, изданные при вступленіи Владислава на престолъ, не приводятся въ исполненіе и церковь православная страдаетъ по прежнему. Подобныя жалобы продолжаются до самаго 1648 г., но всегда остаются безъ послѣдствій.

Между тѣмъ какъ религіозный фанатизмъ мало по малу приводилъ государство къ паденію, ненормальность общественныхъ отношеній съ своей стороны неизбѣжно должна была привести къ тому-же результату.

Въ 1635 г. гетманъ Конецпольскій, въ видахъ укрощенія козаковъ, основалъ на низовьяхъ Днѣпра крѣпость Кодакъ. Въ іюлѣ того-же года козаки подъ предводительствомъ Сулимы возвращались изъ морскаго похода; замѣтивъ новую крѣпость, козаки бросились на нее, взяли приступомъ и вырѣзали весь гарнизонъ. Подымалось новое возстаніе.

Подъ знамена Сулимы пришли и реестровые козаки. Посоль ихъ сказалъ запорожскому войску: «Ляхи хочуть выгубить насъ усихъ до щенту; приймить насъ до себе, то будемо разомъ боронитись». Самовольные козаки, не довѣряя реестровымъ, отвѣчали: «заприсягнуть намъ, що не маєте на думци ничого злого». Реестровые принесли присягу; вооруженный отрядъ ихъ, высланный Конецпольскимъ для прекращенія бунта и превосходившій числомъ войска Сулимы, вошелъ въ окопы. Вскорѣ они арестовали Сулиму съ пятью старшинами и выдали ихъ Конецпольскому, который отослалъ плѣнниковъ въ Варшаву, гдѣ они были казнены по требованію татаръ и турокъ. Послѣ того гетманомъ избранъ Томиленко. Конецпольскій получилъ приказъ размѣстить свое войско на постой въ Украинѣ; солдаты выказывали въ отношеніяхъ къ народу большую жестокость и произволь. Козаки съ своей стороны обращались съ жалобами къ королю и требовали уплаты слѣдующаго имъ жалованья.

Въ это время крымскій ханъ воевалъ съ буджацкими татарами, часто тревожившими Польшу своими набѣгами. При этомъ случаѣ онъ вошелъ въ пріятельскія отношенія съ польскимъ пра-

вительствомъ, которое позволило козакамъ оказать ему помощь. Между тѣмъ какъ отрядъ смѣльчаковъ изъ запорожцевъ и выписчи-ковъ, подъ предводительствомъ Павлюка, отправился на помощь къ хану, оставшіеся дома послали на сеймъ депутатовъ съ жалобами и съ требованіемъ уплаты. Но и на этотъ разъ на свои жалобы козаки, какъ и всегда, получили неблагопріятный отвѣтъ съ извѣ-стіемъ, что прислана будетъ коммисія для разслѣдованія дѣла. Коммисія состояла изъ Станислава Потоцкаго и Адама Киселя.

Козаки требовали возврата Корсуня «на гармату», но съ своей стороны не соглашались отдать пушки, захваченныя въ Кіевѣ. Когда-же коммисія не могла успокоить козаковъ, Потоцкій обра-тился къ нимъ съ энергичною рѣчью: «Напрасно бунтуетесь, панове молодци; если-бы даже Рѣчь Посполитая нашлась вынужденною обнажить противъ васъ мечъ, она его обнажить и изгладить самое имя ваше». Такъ аргументировалъ польскій панъ, и свойственное его племени самоиѣніе не позволяло ему допустить и мысли о томъ, чтобы козаки могли подчиниться кому-нибудь другому.

Между тѣмъ Павлюкъ возвратился изъ похода и, узнавъ, что дѣлается на Украинѣ, сдѣлалъ набѣгъ на Черкасы, забралъ пушки и увезъ на Запорожье и вмѣстѣ съ тѣмъ разослалъ универсалы, въ которыхъ значилось, «что никто, желающій быть козакомъ, не долженъ быть принуждаемъ въ подданству панамъ». Сочувствіе къ Павлюку возрастало и среди реестровыхъ, часть ихъ низложила Томиленка съ уряда и выбрала на его мѣсто Савву Кононовича; Конецпольскій утвердилъ выборы, но утвержденіе уже не застало Кононовича въ живыхъ, такъ какъ Павлюкъ, услыхавъ о перево-ротѣ, захватилъ Савву и нѣкоторыхъ старшинъ; по козацкому обы-чаю имъ прочитанъ приговоръ за измѣну ихъ козацкому дѣлу, послѣ чего они были казнены. Та-же самая рада, что судила Ко-ноновича, объявила гетманомъ Павлюка, которому подчинился и Томиленко.

Убѣдившись, что поляки вмѣсто того, чтобы при помощи коза-ковъ держать турокъ въ повиновеніи, предпочитали покупать данью ихъ дружбу, чтобы имѣть возможность всѣ свои силы обратить про-тивъ козаковъ, Павлюкъ разсылаетъ универсалъ, призывая народъ въ оружію, оставляетъ на Украинѣ чигиринскаго полковника Ску-дана, а самъ отправляется на Запорожье собирать силы. Между

тѣмъ Конецпольскій приказалъ польному гетману Николаю Потоцкому стягивать войска, которыя впрочемъ бунтовались, не получая жалованья. Время было весьма удобное для успѣшнаго нападенія на поляковъ и козаки съ нетерпѣніемъ ожидали Павлюка; но онъ напрасно потратилъ время, трактуя съ ханомъ о помощи. Ханъ отказалъ въ содѣйствіи, а между тѣмъ правительство дозналось о планахъ Павлюка.

Рѣшительная битва поляковъ съ козаками произошла подъ Кумейками. Вытѣспенные изъ лагеря, козаки окопались вблизи мѣстечка Боровицы; Потоцкій далъ отдыхъ своему войску, а козакамъ послалъ универсалъ, въ которомъ именемъ короля обѣщаль прощеніе, если они покорятся и будутъ просить милости. Между тѣмъ въ козацкомъ лагерѣ происходили несогласія. Полковники Скиданъ и Чечуга, видя свое дѣло проиграннымъ, ушли изъ лагеря въ надеждѣ сохранить себя на будущее время. Между тѣмъ появились универсалы Потоцкаго и письмо Киселя; реестровые забунтовались, сваливая всю вину на Павлюка, который подстрекнулъ ихъ, а самъ ушелъ въ Сѣчь и потерялъ удобное время. Нашлись ораторы, говорившіе, что слѣдуетъ выдать Павлюка и тѣмъ загладить свою вину передъ правительствомъ; этихъ послѣднихъ удерживалъ Гуня, распорядительности котораго козаки обязаны были своимъ спасеніемъ подъ Кумейками.

Когда Потоцкій приблизился къ Боровицѣ, реестровые козаки выдали Павлюка, Томиленка и Ивана Злого. Послѣ того имъ приказано было собраться на раду, сюда явились комиссары, вычитали козакамъ ихъ вины, объявили утрату прежнихъ правъ, низложили старшину и назначили новую. Козаки принуждены были дать письменное обязательство, скрѣпленное присягою, въ томъ, что будутъ повиноваться правительству, прекратятъ морскіе походы, сожгутъ лодки и т. д. Грамота эта, подписанная въ числѣ прочихъ и Хмельницкимъ, ставшимъ черезъ десять лѣтъ послѣ того во главѣ козачества и всего русскаго народа, можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ того, до какой степени безсильны всевозможные договоры, если они заключаются вопреки естественной логикѣ фактовъ и вопреки законамъ историческаго развитія.

По усмиреніи возстанія, Потоцкій отправился для наказанія крестьянъ въ свое имѣніе Нѣжинъ, гдѣ также подымались волне-

ніа; нѣсколько дней продолжалась экзекуція, послѣ чего, проѣзжмъ черезъ Кіевъ, Потоцкій приказалъ посадить на колы полковника Кизима съ сыномъ. Павлюкъ, Томиленко и Иванъ Злой съ двумя товарищами въ цѣпяхъ доставлены въ Варшаву и здѣсь казнены, не смотря на усиленное ходатайство Киселя о дарованіи имъ жизни. «Они сдались добровольно, говорилъ онъ; я поручился, что республика оставитъ имъ жизнь; если теперь они будутъ казнены, народъ утратитъ довѣріе какъ къ поручителю, такъ и къ самому правительству». Однако заступничество его не помогло.

Послѣ казни Павлюка сеймъ варшавскій 1638 г. опредѣлялъ уничтожить всѣ права и привиллегіи, какими пользовались еще козаки, ихъ самихъ обратить въ крѣпостныхъ и принудить къ уни. вмѣстѣ съ тѣмъ постановили овладѣть Запорожьемъ и организовать въ немъ постоянную стражу, которая не допускала-бы скопленія бѣглаго люда для морскихъ походовъ и возмущенія Украйны; что же касается реестровыхъ козаковъ, то имъ хотѣли поручить охрану днѣпровскихъ бродовъ, поставивъ ихъ сперва въ зависимость отъ короннаго гетмана, который долженъ былъ держать ихъ въ повиновеніи посредствомъ назначаемаго имъ самимъ комиссара и т. д.

Коммисары прибыли на Украйну, привели козаковъ къ обычной присягѣ: повиноваться правительству, не ходить на море, не созывать черной рады, никого не принимать въ свои ряды; два поля, чигиринскій и бѣлоцерковскій, подъ начальствомъ полковника Мѣлецкаго, назначеннаго коммисаромъ, отправлены на Запорожье съ предписаніемъ выгнать бѣглецовъ и остаться въ качествѣ пограничной стражи.

Между тѣмъ польскія войска занимають и лѣвый берегъ Днѣпра и безчеловѣчно обращаются съ народомъ: повсюду торчали висѣлицы и колы. Народъ толпами бѣжалъ отъ притѣсненій въ московское государство, гдѣ украинцы получали достаточно земли для поселенія; иные по прежнему уходили въ Сѣчь.

Въ мартѣ 1639 г. полковникъ Мѣлецкій, приблизившись къ границамъ Запорожья, послалъ козацкихъ старшинъ объявить запорожцамъ королевскую милость и петребовать выдачи Скидаана, Чечуги и другихъ предводителей, ушедшихъ изъ-подъ Боровицы. Въ отвѣтъ на эти требованія запорожцы арестовали пословъ. Мѣлецкій попросовалъ было употребить въ дѣло оружіе, но вскорѣ убѣдился, что

реестровые козаки весьма неохотно шли противъ своихъ братьевъ, а часть ихъ прямо перешла на сторону запорожцевъ. Въ виду необходимости защиты запорожцы выбрали новаго гетмана, Остриянина.

Весною того-же года Остриянинъ и Скиданъ вышли въ Украйну: козаки одержали сперва побѣду подъ Голтвой, затѣмъ встрѣтились съ поляками у Жовнива. Послѣ упорной битвы, продолжавшейся цѣлый день, поляки прорвали козацкій таборъ, отняли четыре орудіи и множество возовъ съ провіантомъ. Остриянинъ съ частью конницы успѣлъ переправиться вплавь черезъ р. Сулу и уйти. Этимъ поражениемъ оканчивается военная дѣятельность Остриянина. Козаки тотчасъ выбрали предводителемъ Гуню и продолжали отстрѣливаться въ лагерь, отражая всѣ приступы Вишневецкаго въ надеждѣ вскорѣ получить изъ-за Днѣпра подкрѣпленіе отъ Скидана; но узнавши, что на помощь полякамъ идутъ свѣжія силы, сняли лагерь и, отстрѣливаясь шагъ за шагомъ, направились къ югу и окопались при впаденіи рѣчки Старицы въ Днѣпръ, въ ожиданіи подкрѣпленія. Въ теченіи шести недѣль продолжалась осада, сопровождавшаяся постоянными стычками; положеніе козаковъ становилось все болѣе критическимъ; начались переговоры о мирѣ,—Гуня наконецъ соглашался сдаться на милость короля. Это одно доказываетъ уже, что козаки подымали оружіе не противъ короля, а противъ распоряженій польской шляхты и сеймовъ.

Начавъ переговоры о мирѣ, Гуня рассчитывалъ на подкрѣпленіе, которымъ предводительствовалъ Филоненко, но поляки тоже одновременно узнали о приближеніи этой помощи и выслали свои отряды, чтобы разбить подошедшихъ козаковъ или по крайней мѣрѣ не допустить ихъ соединиться съ осажденными. Правда, Филоненку удалось прорваться въ козацкій лагерь, но въ схваткахъ съ поляками онъ потерялъ столько провіанта и аммуниціи, что оставшихся въ дѣлности припасовъ едва могло достать на два дня. Не оставалось другаго исхода, какъ снова заключать договоръ съ поляками, но Гуня уже не принялъ въ немъ участія—онъ ушелъ изъ лагерь вмѣстѣ съ Филоненкомъ.

Козаки отправили пословъ къ королю съ просьбою о мирѣ. 1 декабря польный гетманъ созвалъ ихъ на урочище «Масловъ тавъ» для выслушанія отвѣта короля и Рѣчи Посполитой. Отвѣтъ былъ короткій: козаки лишаются всѣхъ прежнихъ правъ, въ томъ

числѣ и права избранія своихъ старшинъ, а вмѣсто выборнаго гетмана и прочей старшины, отнынѣ будутъ получать назначенныхъ правительствомъ чиновниковъ изъ шляхты.

Между тѣмъ Острианянь и Гуня удалились въ предѣлы московскаго царства; съ ними ушло также значительное количество козаковъ, селившихся хуторами на плодородной равнинѣ нынѣшней харьковской и курской губерній.

Послѣ усмиренія козацкаго возстанія шляхта обратила всю свою месть противъ народа, но и реестровому козачеству пришлось немногимъ лучше; полковники и комиссары присваивали въ свою пользу ихъ жалованье, обращались съ козаками, какъ со своими подданными и обогащались на ихъ счетъ.

Между тѣмъ на Украинѣ начинаетъ устанавливаться повѣй экономическій распорядокъ, знатные магнаты, какъ Вишневецкіе, Конецпольскіе, Калиповскіе, Потоцкіе и др. получаютъ въ собственность огромные участки земли. По свидѣтельству Боцлана, онъ осповаль для одного только короннаго гетмана сто селъ на территории бывшихъ свободныхъ козацкихъ поселеній; козакамъ запрещено было даже занятіе рыбной ловлей и охотой въ новыхъ панскихъ имѣніяхъ, а по мѣрѣ ихъ распространенія водворялись въ краѣ іезуиты и распространялась унія. Однако занятіе обширныхъ пространствъ панами, вмѣсто желаннаго спокойствія, послужило залогомъ новыхъ неурядицъ въ будущемъ. Для того, чтобы имѣнія могли приносить доходы, они нуждались въ рабочихъ силахъ, которыя можно было привлечь только обѣщаніемъ льготъ на продолжительные сроки, по истеченіи которыхъ они становились поводомъ къ новымъ волненіямъ.

Мы видѣли, что кромѣ мѣщанъ и козаковъ и среди высшего класса на Руси находились люди, подымавшие свой голосъ на защиту своей вѣры и народности, но заступничество ихъ дѣлалось все рѣже, пока наконецъ совѣтъ не прекратилось. Правда, среди русской шляхты были еще люди, преданные православію, но двойственность стремленій дѣлала ихъ неспособными къ энергичному протесту; между тѣмъ какъ симпатіи религіозныя могли связывать ихъ съ русскимъ народомъ, соціальныя выгоды привлекали ихъ на польскую сторону. Въ результатахъ получались жалобы отъ лица русской шляхты, но мы не встрѣчаемъ въ исторіи никакихъ

рѣшительныхъ дѣйствій, никакихъ жертвъ съ ихъ стороны на пользу православія. При возрастающихъ козацкихъ волненіяхъ многіе изъ русской шляхты, дзя сохраненія своей жизни и имущества, находились вынужденными или пристать къ козачеству, или сдѣлаться поляками, т. е., отрекшись отъ своей народности, принять католичество, чѣмъ только и обезпечивались для нихъ права польской шляхты и открывался путь къ полученію староствъ и другихъ должностей.

Отсюда происходило также, что по мѣрѣ того, какъ народное возстаніе принимаетъ болѣе широкіе размѣры и грозитъ большимъ опустошеніемъ края, измѣняется и смыслъ сеймовыхъ постановленій; въ постановленіяхъ этихъ мѣстные дворяне уже не трактуютъ ни о русской народности, ни о православной вѣрѣ, напротивъ, заявляютъ себя ревностными католиками. Правда, волынское дворянство проситъ еще о возвращеніи церквей, отнятыхъ у православнаго духовенства, но руководится въ этомъ случаѣ уже не преданностью вѣрѣ предковъ, а только желаніемъ предотвратить новое народное возстаніе.

Такая перемѣна въ духѣ сеймовыхъ постановленій доказываетъ, какъ быстро шла колонизація русской шляхты, благодаря постановленіямъ, правамъ и привилегіямъ, какими пользовались одни католики, въ особенности-же благодаря іезуитскому воспитанію; съ перемѣною религіи русскіе паны утрачивали и свою народность, усвоивъ польскій духъ и языкъ, нравы и обычаи; принявъ католичество и пользуясь всѣми правами, они уже считали себя поляками.

Правда, со времени введенія униі въ русскомъ обществѣ появилось было стремленіе поднять русскую униатскую церковь, а съ нею вмѣстѣ и русскую народность; желая парализовать православіе, хотѣли было создать новое русское просвѣщеніе, по крайней мѣрѣ религіозное, но это направленіе явилось уже слишкомъ поздно для ополяченнаго зажиточнаго класса. Въ польской Руси трудно уже было представить себѣ лицъ, по происхожденію и состоянію принадлежащихъ къ высшему классу, иначе какъ съ польскимъ языкомъ и польскими правами. Подчиняясь польскому вліянію, этотъ высшій классъ уже не нуждался въ прежнихъ традиціяхъ и относился свысока ко всему русскому.

Простой народъ хотя и огорчался униженіемъ вѣры своихъ предковъ, но, какъ сословіе безсильное и безправное, ничѣмъ не могъ помочь горю и съ теченіемъ времени могъ-бы забыть прежнюю религію. Въ свою очередь и мѣщанство также не имѣло нужныхъ силъ для того, чтобы самому оказывать вѣское сопротивленіе, и потому, въ силу естественнаго хода вещей, современемъ все было-бы окатоличеннымъ и ополяченнымъ. Но, къ неудовольствію католиковъ и поляковъ, подымается противъ нихъ вооруженное козачество—цвѣтъ и матеріальная сила русскаго народа.

Время доказало, что упія, придуманная первоначально для привлеченія высшаго сословія, не понравилась ему,—паны предпочитали просто сдѣлаться католиками; въ концѣ концовъ оставался для обращенія въ унию только простой народъ, который прежде не имѣлся въ виду; вотъ почему новая вѣра и не могла пользоваться такимъ почетомъ, какъ вѣра пановъ. Итакъ, съ теченіемъ времени, католическая пропаганда начинала уже достигать намѣченной цѣли—русская шляхта подчинилась ей и ополячилась. Переманивъ на свою сторону такіе вліятельные русскіе роды, какъ Жолкевскіе, Сапѣги, Чарторыйскіе, Реи и, что еще хуже, такихъ ученыхъ, какъ Сабо-вичи, Смотрицкіе и др., Польша, повидимому, отняла у Руси все, что составляло самый прочный жизненный элементъ соціальнаго организма. Въ дѣйствительности-же оказалось, что она украсила свой латинскій бытъ только свѣжими вѣтвями русскаго дерева, между тѣмъ какъ корни и стволъ его остались невредимы и при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ въ состояніи были дать новые побѣги и цвѣты. Вотъ почему католическая пропаганда не могла уничтожить русскаго народа, какъ не могла къ нему привиться. Только разладъ становился сильнѣе, такъ какъ дворянство, отрекшись отъ своей вѣры и народности, порвало внутреннюю моральную связь съ русскимъ народомъ, сдѣлалось чуждымъ по отношенію къ нему, а власть, какую оно сохранило надъ мѣстными крестьянами, получаетъ характеръ иноземнаго господства. Отказавшись отъ своей національности, русскіе паны перестаютъ быть представителями русскихъ интересовъ и теряютъ свои національныя и политическія традиціи.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ существовала тѣсная связь между тѣмъ, какъ народъ смотрѣлъ на свое прошлое и тѣмъ, какъ

онъ относился къ своему настоящему. Только забвеніе своего прошлаго или, что тоже, охлажденіе къ роднымъ преданіямъ было причиною перехода южно-русскаго общества отъ русскаго элемента къ польскому, отъ собственнаго центра къ чуждому. Однако, несмотря на всѣ препятствія, естественный ходъ народной жизни южно-русскаго края не прекратился. Связь Руси съ ея прошлымъ опиралась не на шляхтѣ, не на Смотрицкихъ или Саковичахъ, она поддерживалась русскимъ народомъ и его представителями—Могилами, Борецкими, Вышенскими. Они-то и спасли русскую національную самобытность.

Причины, вызывавшія полоизацію русской шляхты, не имѣли вліянія на всю народную массу. Въ то время, какъ верхніе слои русскаго общества превращаются въ польскій элементъ при посредствѣ католической культуры, низшіе слои, при всей своей бѣдности и необразованности, не обрываютъ связи съ тѣмъ, что создало русскую жизнь еще во времена дотатарскія, они по прежнему остаются *русскимъ* народомъ, свято охраняющимъ основы своей національной самобытности—языкъ, вѣру предковъ и, по мѣрѣ возможности, общинное устройство.

Послѣ отпаденія дворянства мѣщане вмѣстѣ съ убогимъ духовенствомъ остаются защитниками края и вѣры во имя Руси. Благодаря своей стойкости, мѣщанство послужило твердымъ оплотомъ въ дѣлѣ обороны русской народности и если гдѣ нибудь, то прежде всего въ Кіевѣ, олицетворяло собою русскій народъ среди польскаго. Не на шляхту кіевской земли, а на кіевскихъ мѣщанъ смотрятъ теперь православные жители Вильны, Полоцка, Могилева, Луцка, Львова и др. съ готовностью подражать имъ въ трудныхъ случаяхъ. Центръ тяжести національной жизни фактически перемѣстился въ Кіевъ—центръ Украйны. Этимъ объясняется тотъ фактъ, почему внослѣдствіи унія, съ цѣлью привлеченія мѣщанъ, начинаетъ искать прозелитовъ среди городскихъ ремесленниковъ и, будучи прежде доступной только для лицъ высшаго сословія, начинаетъ съ теченіемъ времени возвышать людей низкаго происхожденія, какъ на примѣръ Іоасафата Кунцевича.

Кромѣ церкви православной, представителями которой являются духовенство и мѣщанство, на защиту русскаго дѣла, какъ мы видѣли, поднимаются прежде всего козаки. Хотя обѣ эти стороны и

не всегда соображались другъ съ другомъ въ своихъ дѣйствіяхъ, онѣ тѣмъ не менѣ шли въ одномъ направленіи и къ одной цѣли. Русскій народъ видѣлъ себя оставленнымъ панамъ, въ особенности послѣ того, какъ со смертью князя Константина Василія Острожскаго (1608 г.) погибла послѣдняя опора православной вѣры; легальные протесты оставались безъ послѣдствій, отъ короля тоже нельзя было ожидать никакихъ уступокъ,—выведенный изъ терпѣнія народъ долженъ былъ искать другой поддержки. И вотъ онъ начинаетъ группироваться вокругъ козацкихъ гетмановъ, пока наконецъ не подымается цѣлою массою подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ разрѣшить тотъ вопросъ, который не могъ быть разрѣшенъ русскою шляхтою путемъ сеймовыхъ совѣщаній. Такъ протестуетъ Русь сперва при посредствѣ своего дворянства, затѣмъ при посредствѣ мѣщанскихъ корпорацій и наконецъ переноситъ духъ оппозиціи противъ польщизны въ козацкія громады. Такимъ образомъ козакамъ суждено было сдѣлаться борцами за русскую народность противъ Польши, защитниками православія, поборниками свободы и независимости южной Руси.

Послѣ неудачнаго возстанія подъ предводительствомъ Острина и Гуни казалось, что силы козачества и всей Руси сломлены, и Украина должна утихнуть; но прошло всего лишь десять лѣтъ, и вспыхнуло возстаніе цѣлаго народа.

Какъ мы уже видѣли, послѣ подавленія возстанія 1638 г. козакамъ объявлено отъ польскаго правительства, что они навсегда теряютъ право избирать гетмана и старшину, подъ страхомъ смерти запрещалось имъ плавать по Черному морю или уходить на Запорожье. Сожжены козацкія чайки, артиллерія отобрана, въ старшины надъ реестровыми козаками назначены лица изъ польской шляхты, а вмѣсто гетмана присланъ польскій комиссаръ. Теперь вольные слобожане обращены въ панщинныхъ крестьянъ, а на свободныя общины старосты возлагали обязанность охраненія границъ: сверхъ того старосты захватываютъ въ свои руки всѣ наиболѣе обильные источники городскихъ доходовъ, мѣщане становятся въ подчиненіе владѣльцу города; подобно тому, какъ въ королевскихъ городахъ они находились въ зависимости отъ короля, въ панскихъ признавались подданными пановъ. Съ той поры гнетъ

польскій всею своею тяжестью ложится на Украину. Тихо и без протеста склонилъ свои головы русскій народъ; развѣ только тотъ, кто былъ посмѣльѣе, предпочиталъ скитаться по степямъ, или, оставивъ все родное и дорогое, уйти на Запорожье; но и сюда достигала уже рука правительства.

Такое положеніе дѣлъ въ теченіи десяти лѣтъ держалось по всей русской землѣ; но самому тяжелому гнету подпало то сословіе, которое стало во главѣ народа и которое могло, какъ того и справедливо опасались, разрушить шляхетскіе порядки и ввести народно-общинные. Вельможные паны и шляхта съ пренебреженіемъ смотрѣли на козака-хлопа, а козачество, еще недавно свободное и почти равное шляхетскому сословію, а теперь закрѣпощенное, думало объ улучшеніи своей участи и обсуждало въ подробностяхъ средства для возврата къ прежнему состоянію.

Лѣтопись Самовидца¹⁾ такъ отзывается о причинахъ, вызвавшихъ войны Хмельницкаго: «начатокъ и причина войны Хмельницкаго есть едино отъ ляховъ на православіе гоненіе и козакомъ отягощеніе; тогда бо онымъ не хотячи, чога не звикли были, панщини робити, на службу замковую обернено, которыхъ зъ листьями въ городѣ до хандоженія коней старостове держали, въ дворахъ грубу, то есть печи топяти, псовъ хандожити, дворѣ змѣтати и до иншихъ незноспихъ дѣлъ приставляли. Знову зась которіе zostавали козаками реестровими, а надъ оными полковникове шляхта панове отъ гетмана коронного насиланіи были, которіе-бъ объ ихъ волности бинамнѣй не дбаючи, але, яко могучи, оныхъ мѣрвали, легче поважаючи; плату которая постановлена была на козаки отъ короля его милости и Рѣчи-Посполитой по золотыхъ тридцать на рокъ, тое на себе отбѣрвали, зъ сотниками дѣлячися; бо сотниковъ не козаки оббирали и настановляли, але полковники кого хотѣли зъ своей руки, жебы онымъ зячливими были. Такъ-же полковникове козаковъ до всякой домовои незвычайной работы пристановляли; въ поля зась пойшовши, любо якій козакъ достане у татаръ коня доброго, того отоймутъ; знову зась, хочай бы якого язика татарскогого поймали козаки, то зъ язикомъ татарскимъ, на кого ласкавъ

¹⁾ Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г., стр. 3—4.

полковникъ, якого жолнѣра своего высылаеть до гетмана коронного, а козацкую отвагу потлумляють» и т. д.

Итакъ горячаго матеріала слишкомъ много собрано было на Украйнѣ. Государство, изъ-за религіознаго вопроса лишившее всѣхъ правъ производительную массу народную, т. е. большую часть народонаселенія, неизбѣжно должно было очутиться въ борьбѣ съ нею и подвергнуться ея ударамъ. Неудивительно поэтому, что на призывъ Хмельницкаго подымается весь южно-русскій народъ.

Желая удержать козаковъ отъ избранія гетмана, польское правительство само назначаетъ одного изъ старшинъ козацкихъ, Барабаша, наказнымъ гетманомъ въ зависимости отъ короннаго, а генеральнымъ писаремъ—Богдана Хмельницкаго. По совѣту этого послѣдняго Барабашъ дѣлаеть представленіе королю о всѣхъ притѣсненіяхъ; король съ своей стороны дѣлаеть въ этомъ смыслѣ представленія въ сенатъ, но безуспѣшно. Тогда король отвѣтилъ козакамъ: «вы сами рыцари, имѣете ружья и сабли, и можете сами защищать свои права; я-же вамъ не могу помочь».

Въ это самое время случилось, что чигиринскій подстароста Чаплинскій отнялъ у Хмельницкаго хуторъ съ пасѣкой и мельницей на урочищѣ Суботовѣ, взялъ его жену и избилъ сына, отъ чего тотъ вскорѣ умеръ. Хмельницкій также искалъ правосудія въ Варшавѣ, но тамъ его осмѣяли. Возвратившись на Украйну, Хмельницкій задумалъ было отомстить панамъ войною, но былъ схваченъ Потоцкимъ и приговоренъ къ смертной казни; онъ успѣлъ бѣжать въ Сѣчь, но, не чувствуя себя въ безопасности и тамъ, принужденъ былъ уходить дальше на низъ Днѣпра и наконецъ въ Крымъ.

Что не одна личная обида послужила причиною къ войнѣ, доказываютъ слова Хмельницкаго на радѣ въ Запорожьѣ: «оскорбляютъ святую вѣру, почтенныхъ епископовъ и монаховъ лишаютъ насущнаго хлѣба: ругаются надъ священниками; іезуиты преслѣдуютъ вѣру панихъ предковъ, а униаты пристають съ ножомъ къ горлу. На сеймахъ издѣваются надъ нашими просьбами и отвѣчаютъ на нихъ презрѣніемъ. Мало того, что безъ повода угрожаютъ нашей жизни, войска подъ предлогомъ усмиренія беспорядковъ ходятъ по селамъ и нерѣдко разрушаютъ до основанія цѣлыя города, какъ-бы намѣреваясь истребить все наше племя...

А въ довершеніе всѣхъ этихъ мученій отдали насъ въ неволю проклятому жидовскому племени *)).

Всѣ возстанія, бывшія до Хмельницкаго, уже по тому одному не имѣли желаннаго успѣха, что козаки заботились исключительно о своихъ правахъ, оставляя въ сторонѣ народныя интересы. Сознавая эту слабую сторону и желая достигъ цѣли, Хмельницкій призываетъ универсаломъ весь южно-русскій народъ къ возстанію противъ Польши, обѣщая всѣмъ доставить козацкія права, или что то же, освободить народъ отъ тяжкаго подданства. Вотъ почему въ новой борьбѣ козачества противъ шляхты на сторонѣ козаковъ становится не одна голота, но вмѣстѣ съ нею идутъ также почетные селяне и мѣщане. Мало того, когда Хмельницкій явился подъ Замостьемъ, католическіе крестьяне изъ окрестностей Варшавы готовы были пристать къ нему, и по свидѣтельству Станислава Радзивилла, если-бы хоть одинъ козацкій полкъ явился подъ Варшаву, всѣ вельможные папы были-бы принуждены бѣжать изъ города.

Излагая причины и ходъ народныхъ возстаній въ южной Руси, мы не имѣемъ намѣренія описывать войны Хмельницкаго, обратимъ только вниманіе на главный интересъ борьбы.

Чего просить Хмельницкій послѣ побѣды при Желтыхъ Водахъ, подъ Корсунемъ и Баромъ? Того-же, чего еще раньше добивались другіе предводители, т. е. свободы вѣроисповѣданія и гарантіи козацкихъ правъ. Король по прежнему усиленно хлопочетъ, чтобы сенатъ прекратилъ кровопролитіе и не подвергалъ опасности цѣлое государство, но по прежнему безуспѣшно. Видя свои просьбы напрасными, Хмельницкій тайнѣ начинаетъ переговоры съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ о принятіи Украины подъ его покровительство.

Польскіе моралисты, отстаивающіе аристократическіе принципы, тоскуютъ надъ упадкомъ цивилизаціи, вызваннымъ по ихъ мнѣнію козацкими возстаніями. Правда, что польская цивилизація пострадала отъ нихъ, но она и не была тою истинною цивилизаціею, которая приходитъ къ народу путемъ экономическаго и умственнаго развитія массы; напротивъ она развивалась исключительно

*) Коховскій, Annal., I, 25.

среди одного сословія на счетъ другихъ и приводила къ деморализаціи цѣлаго общества. Идеаломъ того культурнаго быта, каковой завели паны на Украинѣ, была панщина, такъ какъ подчиненіе и неволя народа были неразлучны съ польской культурой.

XV.

По смерти Владислава до избранія новаго короля Хмельницкій не предпринималъ никакихъ дѣйствій противъ Польши и стоялъ со своимъ войскомъ, одинаково готовый на войну и миръ.

Однако польское правительство не умѣло разумнымъ образомъ воспользоваться козаками и подвластнымъ ему народомъ для блага Польши, а конвокаціонный сеймъ предложилъ Хмельницкому такія унизительныя условія, какъ если-бы онъ понесъ сильное пораженіе, и въ то же время, не рассчитывая на принятіе условій, выслалъ противъ него свои войска, которыя, встрѣтивъ козаковъ подъ Пилявцами, разбѣжались безъ малѣйшей битвы, оставивъ Хмельницкому весь свой обозъ. Послѣ этого скандала войска въ Польшѣ какъ не бывало. Сами поляки недоумѣвали, почему Хмельницкій оставался въ бездѣйствіи цѣлыхъ три недѣли, когда могъ за это время завоевать всю Польшу; одни считали это чудомъ, другіе—ослѣпленіемъ гетмана.

Между тѣмъ Хмельницкій ожидалъ выбора короля, такъ такъ онъ не былъ буптовщикомъ и не думалъ о завоеваніи Польши, онъ думалъ только о сохраненіи того, что всего дороже для человѣка, — свобода и неприкосновенность семьи, имуществъ и вѣры предковъ. Съ другой стороны онъ разсуждалъ, что, послѣ завоеванія слѣдующихъ Руси правъ, выгоднѣе всего будетъ сохранить ихъ и на будущее время въ союзѣ съ Польшей.

Наконецъ избранный королемъ Янъ Казиміръ отправляетъ къ Хмельницкому свое извѣстное посольство съ предложеніемъ мира. Во время переговоровъ съ Адамомъ Киселемъ въ Переяславѣ, гетманъ, отзываясь о королѣ съ должнымъ уваженіемъ, въ то же время рѣзко упрекаетъ польскихъ пановъ и латинское духовенство за притѣсненіе козаковъ и ихъ вѣры и предлагаетъ слѣдующія условія мира:

1) Будутъ возвращены козакамъ всѣ прежнія права и привилегіи.

- 2) Удалены будутъ изъ предѣловъ Руси іезуиты и евреи.
- 3) Унія будетъ уничтожена.
- 4) Постоянный комплектъ козацкаго войска увеличится до 40,000.
- 5) Православный кievскій митрополитъ получитъ право засѣдать въ сенатѣ.
- 6) Всѣ должности и достоинства на Руси могутъ раздаваться только православнымъ.

Польскіе сенаторы не хотѣли и слышать о такихъ условіяхъ. Пока Хмельницкій осаждалъ въ Збаражѣ отрядъ Вишневецкаго, Янъ Казиміръ выступилъ противъ него съ войскомъ и былъ разбитъ подъ Зборовымъ; здѣсь козаки одержали такую блестящую побѣду, что легко могли взять въ плѣнъ самаго короля, но гетманъ приказалъ имъ «не касаться королевской особы». Король просилъ мира и получилъ его на указанныхъ выше условіяхъ съ однимъ дополненіемъ, чтобы коронное войско не могло квартировать въ тѣхъ городахъ, гдѣ будутъ жить козаки.

Но недолго народъ радовался своей побѣдѣ, вскорѣ наступило разочарованіе. По смыслу договора число реестровыхъ козаковъ сводилось до 40,000; всѣ остальные, принимавшіе участіе въ войнѣ должны были изъ войска возвратиться въ подчиненное состояніе и снова работать на тѣхъ самыхъ пановъ, которыхъ только что выгнали изъ своей земли. Когда гетманъ попытался привести въ исполненіе это условіе, противъ него поднялось такое сильное недовольство, что онъ принужденъ былъ оставить свое намѣреніе. Съ своей стороны и поляки также не выполнили условій, поэтому зборовскій договоръ не продержался и года. Правда король выдалъ грамоту, подтверждавшую права православной церкви, но она имѣла не больше силы, чѣмъ подобныя-же указы короля Владислава IV.

Итакъ зборовскій договоръ не удовлетворилъ ни той, ни другой стороны; нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ онъ могъ-бы привести къ извѣстнымъ результатамъ, но теперь было уже слишкомъ поздно; онъ не могъ уже быть исполненъ. «Не всѣхъ-ли насъ призывали сражаться за свободу? Не всѣ-ли мы были козаками?» — ропталъ русскій народъ. «Или мы слагали свои головы только за свободу этихъ сорока тысячъ, а остальные снова должны пойти въ неволю? Гдѣ-же обѣщанія Хмельницкаго?»... Крестьяне, не желавшіе возвращаться подъ власть пановъ, подвергались наказаніямъ со сто-

роны гетмана, отъ чего терялась его популярность, и войска становилось еще меньше, чѣмъ до возстанія.

Въ свою очередь и поляки не думали о выполненіи договора; не только унія не была отмѣнена, но даже митрополить кievскій не былъ допущенъ въ сенатъ послѣ того, какъ католическіе бискупы объявили, что сами оставятъ сенатъ, если въ немъ покажется схизматикъ. Поэтому обѣ стороны снова начинаютъ готовиться къ войнѣ. Коронный гетманъ Потоцкій нарушилъ границу, обозначенную зборовскимъ трактатомъ, и расположился съ войскомъ въ Подоліи подъ предлогомъ водворенія спокойствія среди крестьянъ. Пока Хмельницкій велъ новые переговоры о томъ-же съ сенатомъ, поляки напали ночью на стоявшій подъ Краснымъ брацлавскій козацкій полкъ и разбили его на голову; узнавъ о такомъ пораженіи своихъ земляковъ, полковникъ Богунъ переправился со своимъ отрядомъ черезъ р. Богъ и также неожиданно напалъ на поляковъ въ то самое время, когда они торжествовали свою побѣду, и нанесъ имъ сильное пораженіе.

Снова начинается кровопролитная война, которая носитъ уже явно религіозный характеръ. Янъ Казиміръ вторично получаетъ изъ рукъ папскаго нунція освященное знамя, а въ козацкомъ лагерѣ военнымъ лозунгомъ было: *«за вѣру, братья, за вѣру»*.

Послѣ битвы подъ Берестечкомъ польское войско вступило въ Украйну, но здѣсь встрѣтило неожиданное сопротивленіе; все народонаселеніе вмѣстѣ съ козаками защищается до послѣдней крайности, пока всѣ не погибнуть; женщины сражаются наравнѣ съ мужчинами. Наконецъ обѣ враждующія стороны, нуждаясь въ отдыхѣ, заключаютъ въ Бѣлой-Церкви миръ на невыгодныхъ для козаковъ условіяхъ; вмѣсто сорока тысячъ войска Хмельницкому оставлено только двадцать тысячъ, а евреямъ и иезуитамъ разрѣшено жить на Руси. Между тѣмъ народъ, стремившійся къ освобожденію изъ подъ панской зависимости, ропталъ и искалъ выхода.

Уже съ давнихъ поръ начались переселенія за Днѣпръ въ предѣлы Россіи, гдѣ съ теченіемъ времени появляются южно-русскія слободы вблизи Рыльска, Путивля и Бѣлгорода; послѣ того какъ обѣщанія Хмельницкаго не были исполнены, переселеніе принимаетъ все болѣе и болѣе обширные размѣры, такъ какъ даже многіе изъ козаковъ не хотѣли жить вблизи польской границы.

Первый примѣръ переселенія подали жители Волыни. Заручившись царскимъ разрѣшеніемъ, волынскіе выходцы основали на берегу рѣчки Тихой Сосны поселеніе Острогожскъ. Вслѣдъ за козаками начинаютъ переселяться въ большомъ количествѣ русины съ береговъ Днѣстра, Бога и т. д. въ вольныя степи московскаго царства, гдѣ не было ни польскаго шляхтича, ни ксендза, ни полновластнаго еврея арендатора, и основываютъ тамъ слободы: Ахтырку, Изюмъ, Корочу, Бѣлополе, Сумы, Харьковъ, Лебединъ и другія. Оставляя родное село, переселенцы сжигали свои хаты и гумна, чтобы они не достались полякамъ.

Такъ недальновидная и эксклюзивная политика поляковъ привела только къ уменьшенію польскаго населенія и къ заселенію Россіи.

Сомнѣваясь въ возможности вести борьбу съ одними наличными силами, Хмельницкій еще при началѣ возстанія входилъ въ переговоры съ московскимъ дворомъ и просилъ царя принять южную Русь подъ свое покровительство. Послѣ заключенія бѣлоцерковскаго трактата, онъ еще съ большей настойчивостью возобновляетъ свои просьбы.

Вскорѣ поляки нарушили и бѣлоцерковскій договоръ. Когда Тимофей Хмельницкій отправился въ Молдавію, чтобы жениться на дочери тамошняго господаря Лупулы, польный гетманъ Калиновскій преградилъ ему путь подъ Батогомъ, но былъ разбитъ и отрядъ его истребленъ. Этотъ случай подалъ поводъ къ новой войнѣ. Гетманъ Богданъ въ союзѣ съ крымскимъ ханомъ осадилъ короля подъ Жванцемъ. Ханъ преслѣдовалъ только собственную выгоду и согласился отступить, если поляки заплатятъ ему контрибуцію въ 100,000 червонныхъ злотыхъ и дозвоятъ брать плѣнниковъ на возвратномъ пути. Поляки приняли условія и выговорили себѣ только одну уступку, а именно, чтобы татары грабили только въ теченіи зорока дней и брали въ плѣнъ однихъ русиновъ. Ханъ обѣщалъ съ своей стороны помогать впослѣдствіи полякамъ противъ козаковъ, чтобы совершенно истребить ихъ.

Трудно было Хмельницкому одновременно вести войну съ поляками и татарами, приходилось соглашаться на миръ, какія-бы ни были условія. Въ такомъ критическомъ положеніи гетманъ, послѣ долгаго раздумья, снова обращается къ царю съ просьбою принять

южную Русь въ свое подданство, въ противномъ случаѣ она принуждена будетъ подчиниться султану. Наконецъ Алексѣй Михайловичъ созываетъ земскій соборъ для обсуждения этого вопроса; рѣшено принять предложеніе Хмельницкаго и объявить войну Польшѣ.

Въ 1654 г. собранная въ Переяславѣ великая рада козацкая приняла присягу на вѣрность царю.

Мы говорили въ свое время о люблинской уніи, не слѣдуетъ опускать и постановленій переяславской рады, на которую собралась вся старшина и множество козаковъ, и куда прибыли также и царскіе послы. Гетманъ Хмельницкій сказалъ собравшимся: «Нѣтъ нужды и напоминать вамъ о притѣсненіяхъ польскихъ пановъ,—сами знаете, что они жида и собаку ставили выше нашего брата христіанина, а православный восточный царь одной съ нами вѣры. Великій государь христіанскій жалился надъ тяжкимъ оскорбленіемъ церкви православной въ Малой Руси, не пренебрегъ нашими шестилѣтними просьбами, обратилъ къ намъ благосклонно свое царское сердце и прислалъ пословъ съ царскою милостью. Нигдѣ не пайти намъ такого вѣрнаго пріюта, какъ подъ его высокой рукой, а если кто не согласенъ съ нами, пусть идетъ куда угодно,—пусть свободенъ». Раздались возгласы: «Хотимъ подъ царя восточнаго». Переяславскій полковникъ, обходя присутствующихъ, спрашивалъ: «Всѣ-ли на то согласны?»—«Всѣ соглашаемся,—отвѣчали ему».

Послѣ того прочтаны были составленныя раньше условія новаго договора, слѣдующаго содержанія. Вся украинская козацкая земля присоединяется къ московскому царству подъ именемъ Малороссіи съ правомъ избранія гетмана, который могъ принимать иностранныхъ пословъ и сноситься съ другими государствами, съ правомъ выборнаго самоуправленія и самосуда. Гарантируется неприкосновенность правъ духовнаго и мѣщанскаго сословія. Число реестровыхъ козаковъ ловышено до 60,000, но сверхъ того разрѣшалось имѣть и больше охочихъ козаковъ. Въ договорѣ Хмельницкаго отъ имени народа ясно сказано: «Мы сами разберемъ между собою, кто козакъ, а кто земледѣлецъ», и дѣйствительно болѣе состоятельные остались козаками, бѣднѣйшіе крестьянами. Козаки понимали свои вольности также какъ и поляки; они желали пользоваться привилегіями, какихъ не имѣли другіе. Значительное большинство поземельной собственности находилось въ рукахъ коза-

ковъ и приставшей къ нимъ шляхты. Даже среди самаго привилегированнаго козацкаго сословія утрачено прежнее равенство; оно распадается на *значныхъ* и *чернь*. Такое положеніе вещей начинается развиваться еще при Хмельницкомъ, окончательно-же вырабатывается послѣ его смерти.

Такъ уничтоженъ былъ трактатъ люблинской уніи переяславскими статьями. Религіозная нетерпимость, соединенная съ ополяченіемъ Руси, привела къ результатамъ прямо противоположнымъ тѣмъ, какіе имѣлись въ виду.

Подчиненіе Хмельницкаго Россіи влечетъ за собою новую войну, которая вспыхнула одновременно въ Литвѣ и на Украинѣ, и здѣсь съ особенною силою. Весною 1654 г. польская армія вошла въ Подоліе; какою пріемъ встрѣтила она отъ мѣстнаго народопоселенія, могутъ показать нѣсколько примѣровъ. Послѣ упорнаго сопротивления городъ Немировъ былъ разрушенъ до основанія; въ большомъ каменномъ погребѣ заперлось до трехъ тысячъ человѣкъ; поляки обѣщали имъ пощаду, если выдадутъ старшинъ, но предложеніе отвергнуто; тогда ихъ начали выкуривать дымомъ: всѣ погибли, но никого не выдали.

Въ мѣстечкѣ Бушѣ собралось до 12,000 человѣкъ. Всѣ убѣжденія начальниковъ польскаго войска Чарнецкаго и Любомирскаго относительно сдачи не имѣли вліянія; тогда поляки отрѣзали воду и начали послѣдній приступъ: осажденные, видя свое безвыходное положеніе, сами зажгли свои дома и начали убивать другъ друга; женщины бросали дѣтей въ колодцы и сами бросались въ слѣдъ за ними. Жена сотника Зависнаго, зарѣзавши мужа, сѣла на бочку съ порохомъ и взорвала себя на воздухъ. Семдесятъ другихъ женщинъ съ оружіемъ въ рукахъ скрылись въ пещерѣ; полковникъ Целариусъ предлагалъ имъ сдаться, обѣщая оставить въ живыхъ, женщины отвѣчали выстрѣлами; тогда полковникъ приказалъ проесть въ пещеру воду изъ источника: всѣ погибли, но не сдались. Подобные факты повторялись повсюду, русины вездѣ защищались о крайности; «лучше погибнуть, чѣмъ подчиниться полякамъ», говорили они. Коронный гетманъ писалъ королю: «горько будетъ лышать объ опустошеніи государства, по инымъ мѣрами трудно подавить злость хлоповъ».

Въ 1656 г. союзными шведскими и русскими войсками заняты были сѣверныя и западныя польскія области, взяты также обѣ столицы: Краковъ и Варшава и паденіе Польши казалось неизбежнымъ. Въ такомъ отчаянномъ положеніи Янъ-Казиміръ, по совѣту своихъ сенаторовъ, обращается къ царю Алексѣю Михайловичу, обѣщая ему польскую корону послѣ своей смерти. Получивъ надежду наследовать польскій престолъ, Алексѣй Михайловичъ смотритъ уже на Польшу, какъ на свою собственность, и не смотря на предостереженія Хмельницкаго, что поляки не сдержатъ условія, военныя дѣйствія были приостановлены. Тогда Хмельницкій, предвидя для Украйны въ будущемъ прежнее подчиненіе полякамъ, входитъ въ договоръ съ трансильванскимъ княземъ Рабочи и шведскимъ королемъ Карломъ X о раздѣлѣ Польши. То былъ уже второй проектъ раздѣла Польши, причиною которому служило озлобленіе малороссіянъ.

Между тѣмъ, едва только положеніе дѣлъ въ Польшѣ измѣняется къ лучшему, какъ къ виленскому трактату перестаютъ относиться серьезно, какъ и предсказывалъ Хмельницкій; онъ вскорѣ умеръ и не видѣлъ уже исполненія своихъ словъ.

Между тѣмъ подчиненіе Украйны Россіи было смертельнымъ ударомъ для Польши; оно ослабило ее настолько, насколько усилило Россію. Поэтому время Богданъ Хмельницкаго имѣетъ огромное значеніе въ исторіи обоихъ этихъ государствъ.

Въ семьѣ славянскихъ народовъ и Польша, и Русь являются съ самобытною исторической жизнью преимущественно передъ всѣми другими народами славянскаго племени, которые или раньше подпали чуждой власти и чуждому вліянію, или-же проявили свою историческую жизнь только противодѣйствіемъ иноплеменному натиску. Не смотря на сходныя, родственныя основы, государственныя и гражданскія строю, историческая дѣятельность и національный характеръ русскій и польскій разнились между тобою и даже приняли у обоихъ народовъ не только различное, но прямо противоположное и взаимно враждебное другъ другу направленіе. Вотъ почему эти два народа, объединенные въ теченіи многихъ столѣтій, ведутъ между собою непрерывную, упорную борьбу. Польша стремилась пересоздать русиновъ на свой образецъ и долгое время перевѣсъ былъ на ея сторонѣ. Овладевъши значительною частью рус-

свихъ земель послѣ присоединенія Червоной Руси и Литвы, Польша подвигается шагъ за шагомъ въ глубь русскаго міра и едва не овладѣваетъ имъ совершенно въ началѣ XVII ст. Мы видѣли выше, какія причины помѣшали ихъ сліянію, а эпоха Хмельницкаго дала другое направленіе старинному спору; на пути историческаго развитія она является поворотнымъ пунктомъ къ паденію Польши и усиленію Россіи; съ этого времени падаетъ окончательно перевѣсъ Польши въ борьбѣ между двумя народностями. Было, правда, еще нѣсколько попытокъ воротить его, но уже безуспѣшныхъ.

Такъ напримѣръ, Выговскій, получивъ гетманскую булаву, хотѣлъ было снова привести Украину къ союзу съ Польшей, и въ этомъ смыслѣ заключенъ былъ 1658 г. извѣстный гадячскій договоръ съ поляками, съ цѣлю поставить южную Русь въ такія отношенія къ Польшѣ, въ какихъ стояла къ ней Литва. На основаніи этого трактата Рѣчь Посполитая на будущее время должна была слагаться изъ трехъ равноправныхъ народовъ: польскаго, русскаго и литовскаго. Къ вновь возстановляемому княжеству русскому должны были принадлежать три восводства: волинское, подольское и кіевское. Русь получала своего канцлера, маршалка, сенаторовъ, собственное судопроизводство, университетъ и школы; православный митрополитъ и епископы получаютъ мѣста въ сенатѣ; унія должна быть упразднена и обезпечена свобода православнаго вѣроисповѣданія. Русскимъ предоставлено право имѣть 40,000 постоянного козацкаго войска и выбирать самими нѣсколькихъ кандидатовъ на гетманское достоинство, изъ которыхъ одинъ утверждался королемъ. Русскому духовенству и церквамъ обѣщана свобода отъ всѣхъ повинностей, отъ суда и патроната надъ ними польскихъ пановъ. Въ городахъ и поляки, и русскіе должны были пользоваться равными правами на занятіе городскихъ должностей и т. д.

Насколько неискренно было отношеніе поляковъ къ союзу съ русью, можно видѣть уже изъ того, что когда гадячскій договоръ вызвалъ сильную оппозицію въ Варшавѣ, то самъ инициаторъ его Бѣневскій говорилъ: «Извѣстно, въ какомъ положеніи находится теперь Рѣчь Посполитая—съ одной стороны угрожаютъ шведы, съ другой Москва; раздражать теперь козаковъ значило-бы отвергать и ту помощь, какая предлагается. Въ настоящее время намъ нужно ласкою привлечь къ себѣ козаковъ, а впоследствии

можно будетъ все переимѣнить на прежній ладъ». Мысль эта была принята, и на гадячскихъ пунктахъ присягаетъ самъ король Янъ Казиміръ, а за нимъ примасъ Польши, бискупъ виленскій, польскіе гетманы, королевскій канцлеръ, маршалокъ сейма и другіе сановники, которые, принося присягу, мысленно клялись нарушить ее при первой возможности. Поэтому договоръ, утвержденный наконецъ сеймомъ 1661 г., а не былъ исполненъ. Съ другой стороны не пользовался онъ популярностью и на Украинѣ, гдѣ никто не могъ довѣрять ему послѣ столькихъ тяжелыхъ опытовъ.

Наконецъ гадячская конституція явилась уже слишкомъ поздно для русскаго народа. Выполненная добросовѣстно во времена Хмельницкаго и Киселя, она могла-бы утишить народныя волненія, теперь же однимъ изъ сильнѣйшихъ побужденій русскаго народа было стремленіе освободиться отъ польско-панскаго гнета, отъ безусловной зависимости, основанной на принципахъ, на которыхъ развивалась польская жизнь. Послѣ договоровъ зборовскаго и бѣлоцерковскаго народъ понялъ, что служить только орудіемъ въ рукахъ козаковъ; потерявъ довѣріе къ козакамъ, онъ охладѣваетъ къ ихъ борьбѣ и начинаетъ переселяться въ предѣлы Россіи, въ такъ называемые вольные полки. Съ того времени всѣ надежды народа обращаются къ Россіи.

Между тѣмъ въ Украинѣ нерѣдко происходятъ волненія, по большей части изъ-за гетманскаго достоинства, зависѣвшаго отъ свободнаго выбора всѣхъ козаковъ; на гетманскую булаву являлось одновременно по нѣскольку претендентовъ, каждый со своею партією. Въ теченіи первыхъ пяти лѣтъ по смерти Богдана Хмельницкаго бывало по нѣскольку самозванныхъ гетмановъ заразъ, взаимно истреблявшихъ другъ друга съ помощью козацкаго войска; по какъ простой народъ, такъ и чернь козацкая поддерживаютъ только гетмановъ вѣрныхъ Москвѣ и не признаютъ тѣхъ предводителей, которые пытаются сблизиться съ Польшей. Причины такого нерасположенія кроются какъ въ религіозныхъ и соціальныхъ отношеніяхъ, такъ и во враждѣ, которая выработалась, какъ результатъ вѣковой борьбы съ польскимъ государствомъ. Но еще большее значеніе имѣетъ въ этомъ случаѣ то инстинктивное чувство народа, которое подсказало ему, что старшина козацкая стремится создать изъ себя новую шляхту по образцу польской; народъ опасался, что въ союзѣ съ

Польшей цѣль эта легко будетъ достигнута, между тѣмъ какъ подъ покровительствомъ Россіи дѣло можетъ пойти иначе,—но и эта послѣдняя надежда не оправдалась.

Этимъ только и можно объяснить огульное нерасположеніе массы народной противъ гадячскихъ статей; народъ не переносилъ самой мысли о шляхтѣ во всѣхъ ея видахъ.

Въ силу указанныхъ причинъ противъ Выговскаго подымается значительное большинство козаковъ, которые и пристають въ московскимъ воеводамъ. Въ 1659 г. гетманъ съ помощью крысаго хана разбилъ своихъ противниковъ подъ Конотопомъ, но вскорѣ послѣ того оставленъ былъ татарами и принужденъ бѣжать въ Польшу.

Вслѣдствіе подчиненія Выговскаго Польшѣ и невыполненія послѣднею виленакаго договора, Россія начинаетъ новую войну съ Польшей, продолжавшуюся съ перемѣннымъ счастьемъ въ теченіи восьми лѣтъ. Въ этотъ краткій промежутокъ гетманы съ чрезвычайной быстротой смѣняють другъ друга на Украинѣ.

Сперва пародъ вмѣстѣ съ козаками въ противовѣсъ Выговскому выбираютъ гетманомъ Юрія Хмельницкаго, котораго утверждаетъ и царь. Но, разбитый поляками, Юрій Хмельницкій также измѣняетъ Россіи подъ вліяніемъ старшинъ, совѣтовавшихъ ему помириться съ поляками на условіяхъ гадячскаго договора. Въ Чудновѣ подписанъ былъ миръ, подтвердившій всѣ гадячскія статьи за исключеніемъ одной, касавшейся образованія русскаго княжества изъ трехъ воеводствъ. Впрочемъ король не могъ выполнить чудновскаго договора, какъ не выполнилъ и гадячскаго, благодаря постоянному противодѣйствію со стороны шляхты, магнатовъ и духовенства.

Послѣ измѣны Юрія Хмельницкаго черная рада, собранная въ 1663 г. въ Нѣжинѣ, выбрала на его мѣсто Брюховецкаго. Въ 1665 гетманъ этотъ отправился въ Москву, женился тамъ на боярской дочери и получилъ отъ царя титулъ боярина и богатые помѣстья. Въ угоду московскому правительству самъ Брюховецкій совѣтовалъ сократить козацкое самоуправленіе и увеличить число московскихъ воеводствъ въ Малороссіи.

По возвращеніи своемъ изъ Москвы Брюховецкій становится во враждебныя отношенія ко всей Украинѣ; всѣхъ поражалъ титулъ боярина, но раздраженіе еще больше усиливается, когда явились, въ сопровожденіи стрѣльцовъ, новые воеводы, соединявшіе въ своихъ рукахъ власть военную, гражданскую и судебную. Наступаютъ новыя волненія; народъ отказывается платить подати воеводамъ и начинаетъ избивать московскихъ солдатъ; считая Брюховецкаго главнымъ виновникомъ всѣхъ бѣдъ, все населеніе—мѣщане, козаки и крестьяне—сражается съ гетманскими козаками, собиравшими подати.

Вторая русско-польская война оканчивается въ 1667 г. миромъ, заключеннымъ въ Андрусовѣ, по которому Смоленскъ, Сѣверская земля, вся Малороссія по лѣвую сторону Днѣпра и Кіевъ съ прилежащимъ къ нему округомъ на правомъ берегу рѣки отошли къ Россіи, а правобережная Украина, подъ начальствомъ своего особаго гетмана, досталась Польшѣ.

Такимъ образомъ гетманщина была раздѣлена на двѣ части, восточную и западную, или на правобережную и лѣвобережную Украину. Вслѣдствіе этого происходятъ неурядицы, которыхъ не слѣдуетъ оставлять въ сторонѣ, для выясненія вопроса о ростѣ Россіи и ослабленіи Польши.

Когда объявленъ былъ андрусовскій договоръ, паническій страхъ охватилъ все населеніе праваго берега Днѣпра; начинаются постоянныя волненія, какъ посольство, такъ и козаки впали въ уныніе: оказалось, что всѣ кровавыя возстанія и тяжелыя жертвы, всѣ бѣды и лишенія, испытанныя народомъ, не привели ни къ какимъ результатамъ. Если силы цѣлой Украины оказались недостаточными для борьбы съ поляками, то что могла сдѣлать теперь половина края, обезлюдѣвшая и опустошенная въ теченіи продолжительныхъ войнъ? Снова возвратятся ненавистные паны и стануть обращать въ крѣпостное состояніе народъ, привыкшій уже къ свободѣ. Еще скорѣе найдутъ ненавистные всенѣзды латинскіе и униатскіе и снова начнутъ силою обращать народъ въ унию и католичество, отбирать церкви, изгонять духовенство и т. д. Народъ южно-русскій зналъ по опыту, что условія договора, обеспечивающія свободу совѣсти и личности, не

будутъ исполнены и кромѣ обычныхъ притѣсненій придется еще испытывать всю тяжесть мести за возстанія, опустошенія и войны.

Впрочемъ поляки сами идутъ на встрѣчу всѣмъ опасеніямъ въ этомъ смыслѣ. Региментарь Маховскій, явившись съ отрядомъ войска въ Брацлавщину, начинаетъ опустошать ее огнемъ и мечемъ подъ предлогомъ приведенія жителей къ подчиненію республикѣ.

Послѣ того, какъ восточная половина Украйны вмѣстѣ съ Кіевомъ отошла къ Россіи, всѣ помыслы жителей западной половины направляются къ тому, чтобы не отдѣляться отъ правобережной Украйны. Гетманъ лѣвой стороны Днѣпра Дорошенко обращается къ царю съ просьбою принять его съ краемъ въ свое подданство; но царь съ своей стороны не желаетъ нарушать мира и народъ волею-неволею принужденъ покориться своей участи. Такимъ образомъ пустыни, усѣяныя пожарищами и человѣческими костями, въ силу андрусовскаго договора снова достаются въ руки шляхты.

Народъ назвалъ козацко-польскія войны *руиною*, потому что козаки разрушили, «*зруйновали*» въ древне-русскихъ земляхъ шляхетскіе порядки. Съ одной стороны вельможные паны сѣлаются изъ Украйны другую Польшу и утвердить въ ней польское право; съ другой природная приднѣпровская Русь, предчувствуя въ этихъ стремленіяхъ свою гибель, опустошаетъ и разоряетъ города и села, грабитъ и сожигаетъ панскіе замки, а въ особенности католическіе костелы и монастыри, выгоняетъ пановъ и евреевъ арендаторовъ, сноситъ польское право, желая сохранить общинный порядокъ и свою вѣру и удержать въ рукахъ народа тѣ земли, которыя паны раздѣлили только между дворянами.

Резюмируя всѣ указанные факты, становится яснымъ, что вся исторія Украйны характеризуется стремленіемъ южно-русскаго народа и его представителей козаковъ къ демократическимъ институтамъ. Войны козацкія представляютъ борьбу народной демократіи съ шляхетскою. Затѣмъ слѣдуетъ ясно отвѣтить на вопросъ: почему среди православнаго южно-русскаго народа замѣчается такой сильный антагонизмъ именно противъ католиковъ и католицизма?

а) Паны католики захватили въ собственность всѣ земли и обращали свободный народъ въ крѣпостное состояніе.

б) Католицизмъ въ Польшѣ стремился къ полному уничтоженію православія и русской народности.

Итакъ ничто иное, какъ любовь къ свободѣ и родной землѣ, любовь къ вѣрѣ отцевъ и собственной національности порождаетъ этотъ антагонизмъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЮЖНО-РУССКІЙ ДВОРЯНИНЪ XVIII ВѢКА.

Еще со второй половины XVII вѣка среди южно-русскаго общества начала мало по-малу обособляться отдѣльная сословная группа — козацкая старшина, дѣлившаяся на генеральную, полковую и сотенную. Въ составъ этой соціальной группы входили только лица, занимавшія въ край видныя административныя посты — то были: полковники, обозные, судьи, писаря, асаулы, хорунжіе, бунчучные, сотники и проч. Всѣ эти лица выполняли военныя и гражданскія обязанности, насколько вторыя проникались первыми. Они предводительствовали въ походахъ, засѣдали въ судахъ, распоряжались общественными суммами, слѣдили за общественными нуждами, являлись представителями интересовъ края и проч. Въ первой половинѣ XVIII вѣка эта сословная группа въ количественномъ отношеніи настолько успѣла расшириться, что представляла уже изъ себя какъ-бы сословіе съ особенными правами, лично впрочемъ присвоенными. Въ это-же время она успѣла значительно обособиться, замкнуться отъ другихъ сословій, насколько конечно позволяла тогдашняя общественная жизнь южной Руси.

Интересы козачей старшины XVIII вѣка дѣлаются діаметрально противоположными интересамъ другихъ соціальныхъ группъ: козачества, мѣщанства и крестьянства.

Всѣ приобретаемыя старшиною права, ея матеріальное благосостояніе создаются въ ущербъ этимъ общественнымъ группамъ. Нѣтъ болѣе въ жизни фактора, который сглаживалъ-бы возникшую сословную рознь. Въ будущемъ видѣлось одно только дальнѣйшее обособленіе

старшины, которая съ нетерпѣніемъ лишь ждала легальнаго расширенія своихъ правъ и преимуществъ. Это-то расширеніе не только прежнихъ правъ, но и дарованіе новыхъ законодательнымъ порядкомъ и произошло сто лѣтъ тому назадъ, въ достопамятный день 21-го апрѣля 1785 года, когда Екатерина II даровала грамоту на права и привилегіи русскому дворянству, въ составъ котораго должна была войти и южно-русская козачая старшина. Далеко не вдругъ конечно совершился переходъ южно-русской козачей старшины въ дворянство. Много было истрачено представителями послѣдней труда на хлопоты въ дворянскихъ присутствіяхъ, въ герольдіи и проч., чтобы досказать свои права на дворянство. Не мало было при этомъ и злоупотребленій, но объ этомъ въ другой разъ... Теперь-же посмотримъ, какъ жилъ, что дѣлалъ, чѣмъ занимался южно-русскій дворянинъ въ теченіи прошлаго вѣка, каковы были его стремленія, идеалы, потребности. Предупреждаемъ читателя, что отнюдь не претендуемъ на полную и всестороннюю характеристику.

Проста и незатѣйлива была домашняя жизнь южно-русскаго дворянина XVIII вѣка, чуждая лоска и моды, лишенная въ большинствѣ случаевъ искусственности и иноземщины.

Не въ палатахъ бѣлокаменныхъ жилъ онъ, а въ будынкахъ простыхъ, выстроенныхъ почти всегда доморощенными мастерами, обращавшими вниманіе не на вычурность и архитектурность строенія, а на то, чтобы оно было пообширѣе, да «во углахъ и замкахъ крѣпче, а въ стѣнахъ прямо и ровно». Образцемъ для постройки панскаго дома служила простая крестьянская изба, раздѣленная сѣнями на двѣ половины. Такія сѣни дѣлили на двѣ части и панскіе будынки, состоявшіе изъ четырехъ и болѣе комнатъ¹⁾.

Внутренняя обстановка дома тоже лишена была особеннаго блеска и также не поражала посѣтителя, какъ не поражалъ его и внѣшній видъ дома. Внутреннія стѣны его бѣлились или оклеивались шпалерами (обоями), разрисованными большею частію мѣстными малярами, и оби-

¹⁾ Сулимовскій Архивъ, № 168. Судіевко, Матеріалы для отечественной исторіи, т. I, отд. 3, стр. 5, 17 и др. Москвитянинъ, 1852 г., № 17. Историческіе матеріалы, стр. 25.

вались плахтами. Въ покояхъ (комнатахъ) разставлены были «ослонци» мѣстной фабрикаціи, выкрашенные дубовые стулья, два три кресла, обитыхъ «красною шкурою», канале стоячее, набойкою выбитое, столы дубовые, покрытые скатертями мѣстныхъ ткачей, на стѣнахъ «картины новоманерные», портреты: Богдана Хмельницкаго, хозяина и его родственниковъ близкихъ, кисти малара-иконописца, подчасъ глиняныя статуи, росписанныя разными красками, твореніе рукъ доморощеннаго скульптора-гончара изъ Лубенъ, часы, купленные съ большимъ коштомъ— вотъ почти и вся обстановка комнатъ южно-русскаго дворянина прошлаго вѣка ¹⁾). Не щедры на украшенія и мебель, дворянинъ щедрѣе былъ на посуду, которая отличается даже нѣкоторою роскошью. Тутъ находимъ: серебряныя доски на чай, серебряныя кубочки, ложки и чайники, фарфоровыя чашки и тарелки, хрустальныя стаканы и рюмки; впрочемъ, здѣсь-же блюда, полумиски и тарелки «цѣны аглицкой», а не то и прямо деревянныя ²⁾).

(Но если не особенно красна была наша дворянская изба XVIII вѣка углами, то за то красна была она пирогами.) Гостепрѣимство и радушіе, составляющія до сихъ поръ отличительную черту малоросса, въ XVIII вѣкѣ среди дворянства южной Руси было чрезвычайно распространено. Не проходило недѣли, чтобы у того или у другаго державцы (помѣщика) не собирались сосѣди на обѣдъ, семейную вечеринку, приватный бенкетъ и проч. Главною, почти единственною забавою на такихъ собраніяхъ была игра въ карты: марьяжъ, кадрилиа, ломберъ, пикетъ, три листа—были въ полномъ ходу. Въѣстъ съ карточной игрою ³⁾ воздавалось, конечно, достодолжное поклоненіе Бахусу. Гости на вечеринкахъ «куликали, подпивали зѣло, гуляли шумно», а иногда цѣлый слѣдующій день проводили «въ веселой и шумной компаніи, переходя отъ снѣданія къ обѣду, отъ обѣда къ полудню, отъ полудня къ пидвечерку, отъ пидвечирка къ вечери, а въ промежуткахъ занимаясь все

¹⁾ Сулимовскій архивъ, № 82, 91; Дневникъ Н. Хавенка, «Кіевская Старина» 1884 г. № 5, стр. 43, № 3, стр. 11, № 4, стр. 20; Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 51 и 289; ч. II, стр. 185, 305, 97.

²⁾ Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 289; ч. II, стр. 131, 180, 183; Сулимовскій архивъ, № 162.

тѣми-же кадрилиями. Самые обѣды на этотъ разъ подслащаемы были, съ одной стороны, домашними настойками — циномоновыми, курдымоновыми, персиковыми и другими, венгерскимъ, бургонскимъ и волоскииъ винами, съ другой стороны легоминками: маковниками, вафлями, марцѣпаннами и проч. ¹⁾). Кромѣ частныхъ бенкетовъ, въ которыхъ принимали участіе лишь близкіе знакомые державци, устраивались еще «бенкеты публичные» по случаю какого либо особенно-радостнаго общественнаго событія: восшествія на престолъ новаго государя, выбора гетмана, полковника, дарованія милостей и проч. Устраивали такіе бенкеты или гетманъ, или полковникъ, или наконецъ какой нибудь присланный въ Малороссію правитель: число гостей на этомъ празднествѣ было весьма значительно, такъ какъ тутъ принимала участіе почти вся мѣстная старшина ²⁾).

Но главное значеніе въ дворянскомъ быту XVIII вѣка, какъ источникъ продолжительныхъ увеселеній, имѣли дворянскія свадьбы. Много простоты, общенародныхъ чертъ можно найти въ этой свадьбѣ, отличавшейся отъ крестьянской лишь большей роскошью, большимъ просторомъ, но не носившей еще вполне характера сословной исключительности. Не стѣснительный, многосложный свадебный этикетъ, и привнесенныя церемоніи, лишеныя нерѣдко смысла и значенія, а простые народные обычаи имѣли главное мѣсто въ «весельномъ» ширествѣ нашего дворянина прошлаго вѣка. Посмотрите на самое высватываніе, какъ просто, незатѣйливо, при полномъ отсутствіи современныхъ интригъ, подходцевъ и заднихъ цѣлей—совершается оно... Завидитъ бывало какой нибудь панъ ѣдущихъ черезъ деревню знатныхъ молодыхъ людей, приглянутся эти люди, «запроситъ онъ до себе на вечеру и при той вечери скажетъ своей дочцѣ частовать; и почнетъ самъ свадьбу заводить, мовячи: если кому панна потребна, то смотрите! чаю не встанѣ буде до Чернигова (родины жениха) привезти. Потомъ на завтрашній день, запросивши на обѣдъ, да и свадьбу учинитъ и знаки свѣ-

¹⁾ Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 18, 30, 35, 44, 104; ч. II, стр. 6, 18, 70 и другія; «Кіевская Старина» 1883 г. № 10 и 12 (Разновидности марцѣпаннъ и ганусковой горѣлки).

²⁾ Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 119, 247, 429; ч. II, стр. 43, 108.

себные подаетъ»¹⁾. Приѣдетъ женихъ домой, расскажетъ о случившемся, спроситъ согласія у отца и матери, а затѣмъ отправятся родственники ваты къ намѣченной женихомъ невѣстѣ. Приѣдутъ они къ родителямъ и съ хлѣбомъ-солью, уговорятся о приданомъ, передадутъ подарокъ невѣстѣ отъ жениха и заключатъ все это обильнымъ «куликаньемъ»²⁾. Пройдетъ мѣсяцъ, другой въ приготовленіи къ свадьбѣ... Возвратится выправленный для купленія подарковъ и для спораженія деякихъ вещей, потребныхъ до того акту весельного» женихъ, окончательно приготовится гардеробъ невѣсты, состоящій изъ десятка кунтушовъ, пуровокъ аксамитовыхъ и квѣтчастыхъ, сподницъ гранѣтуровыхъ, записокъ красныхъ златоглавыхъ, а за это-же время родители новобрачныхъ успѣютъ, частію лично, частію при посредствѣ писемъ, пригласить своихъ родныхъ и знакомыхъ «допомогти весельной компаніи», мотивируя свое приглашеніе тѣмъ, что «таковіи весельные акты найвыяще приукрашаемы бывають собраніемъ друзей и пріятелей»³⁾. Если приглашаемый на свадьбу не могъ прибыть лично, то онъ присылалъ родителямъ новобрачныхъ поздравительныя письма съ пожеланіемъ, чтобы Господь Богъ благословилъ честное это намѣреніе совершить весьмалагополучно, укрѣпилъ-бы союзъ супружескій счастіемъ, долголѣтіемъ, дравіемъ и «сыны сыновъ своихъ видѣть дароваль»⁴⁾... Но вотъ становилось нѣсколько дней «до весельного акта». Въ домѣ державцы, правлявшаго весельный актъ, въ это время шли самыя тщательныя приготовления: вычищали посуду, прибирали комнаты, подметали дворъ; собенно-же рьяно мѣстныя поварихи работали на кухнѣ. Да и было адъ чѣмъ поработать, ибо гостепріимный державца «на зарѣзъ для веселья вылучилъ въ хуторѣ барановъ 40, яловиць старыхъ двѣ, молодую одну, воловъ двухъ»⁵⁾. На канунѣ дня свадьбы на дворѣ пана

¹⁾ Записки черниговскаго статистическаго комитета. Выпускъ 5 и 6 (Черты быта и нравовъ XVII и XVIII в., ст. Лазаревскаго).

²⁾ Ibid., стр. 25. Дневникъ Марковича ч. I, стр. 72. Сулямовскій архивъ, № 153-я.

³⁾ Записки черниговскаго статистическаго Комитета. Выпускъ 5, 6, стр. 86. Сулямовскій архивъ № 154, 158, 68.

⁴⁾ Ibid., 70, 71.

⁵⁾ Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 409.

появлялись рыдванъ и повозки кованне, а въ нихъ державцы въ жупанахъ съ широкими гаптованными золотомъ поясами, къ которымъ привѣшены были сабли; въ высокихъ козацкихъ шапкахъ, въ красныхъ сафьяныхъ сапогахъ; а тутъ-же и жены ихъ, разодѣтыя въ штофныя цвѣтныя кунтуши, полутабенковыя желтыя, грезетовыя голубыя, обложенныя серебряннымъ и золотымъ газомъ, съ бархатными и парчевыми закладками, съ блестящими кораблями на головахъ¹⁾... Всѣ эти гости или размѣщались въ домѣ державцы, или-же его родныхъ, ожидая вѣнчанія. Передъ вѣнцомъ слѣдовало обычное благословеніе родителей, наконецъ послѣ вѣнчанія наставало самое свадебное гулянье съ музыкой, съ хорами, съ обильнымъ поклоненіемъ Бахусу, съ легоминками и закусками, съ продолжительнымъ хожденіемъ перезвы по роднымъ и знакомымъ новобрачныхъ²⁾. Около недѣли тянулся свадебный ширъ южно-русскаго дворянина XVIII вѣка, требовавшій много средствъ, много хлопотъ отъ хозяевъ, но доставлявшій не мало удовольствія и имъ и гостямъ посѣтителямъ. Шумная дворянская свадьба заканчивалась одариваніемъ новобрачныхъ на первое хозяйство³⁾.

Другимъ семейнымъ праздникомъ было рожденіе ребенка. И тутъ рассылались пригласительныя письма, но послѣднія сопровождалась всегда посылкой родильнаго хлѣба и родильнаго взвара, т. е. сушеныхъ фруктовъ: яблокъ, грушъ, сливъ, изюма, сваренныхъ въ водѣ; позже, къ концу XVIII в., родильный взваръ замѣнился у дворянъ посылкой бутылки вина и пряниковъ. Пріѣхавшіе гости ко дню крещенія новорожденнаго привозили подарки державцѣ, посвящая нѣсколько дней куликанью и выпиванью⁴⁾.

Не менѣе удовольствій дворянской семьѣ приносили наступавшіе праздники Рождества Христова и Пасхи, въ особенности послѣдніе. И старъ, и младъ изъ семьи дворянина принималъ участіе на первый

¹⁾ Сулимовскій архивъ, № 154, 162; Куляшъ, Михайль Чарнышенко, стр. 10.

²⁾ Дневникъ Ханенка, «Кіевская Старина» 1884 г., № 4, стр. 27.

³⁾ Дневникъ Марковича, ч. II, стр. 13. Сулимовскій архивъ № 42. Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 410, 417.

⁴⁾ Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 69, 72; Шафонскій, Топографическое описаніе черниговскаго намѣстничества, стр. 27; Сулимовскій архивъ, № 31, 67.

день въ розговѣнахъ; мало этого—въ обѣдѣ принимали участіе и «честнѣйшіе служители»¹⁾.

Открытие праздника принадлежало юнымъ членамъ семьи—дѣтямъ дворянина, приготовлявшимъ для поздравленія вирши, написанныя учителемъ ихъ—какимъ либо студентомъ или дьячкомъ. Пріятно было родителямъ видѣть своихъ юныхъ грамотѣевъ, пріятно было воспитателю услышать благодарность отъ хозяевъ; вирши, наполненныя непонятной для ребенка мнѳологіей о томъ, напримѣръ, какъ Плутонъ похитилъ Діану, приспособлялись иногда имъ самимъ къ семейному торжеству. Неприличнымъ казалось ему для поздравленія имя Плутона и вотъ недолго думая переимѣнялъ онъ его на знакомое имя тутъ-же стоявшаго дяди Платона²⁾. А не то бывало полѣнится воспитатель написать виршу, а подъ руками реторика, возьметъ оттуда готовое стихотвореніе, придѣлаетъ въ концѣ: «чего и вамъ желаю, съ праздникомъ поздравляю» и отдаетъ ученику. Выступаетъ тотъ съ знакомыми ему стихами и начнетъ декламировать:

Лишь дневной шумъ замолкъ,
Надѣлъ пастушьѣ платье волкъ,
Привѣсилъ къ поясу рожокъ
И крался тихо сквозь лѣсокъ...

Въ семьѣ смущеніе: отецъ улыбается, мать тихо укоряетъ дядю-воспитателя, дѣдъ и бабка умильно поглядываютъ, а грамотѣй все больше и больше воодушевляется:

А притчу всю короткимъ толкомъ,
Позвольте, господа, сказать:
Бто въ свѣтѣ семьъ родился волкомъ,
Тому лисицей не бывать,

«чего и вамъ желаю, съ праздникомъ поздравляю». Родительскія объятія были лучшей наградой виновнику семейной утѣхи³⁾. На другой и на третій день праздниковъ къ дворянину (если онъ жилъ въ городѣ)

¹⁾ Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 68; Москвитянинъ, № 17, 1852 года, Историческіе матеріалы, стр. 17.

²⁾ Москвитянинъ, № 17, 1852 г., стр. 15.

³⁾ Ibid., стр. 16—17.

приходили съ поздравленіемъ цехи: кушнѣрскій, кузнецкій, ткацкій, рѣзницкій, неся въ подарокъ что либо отъ своихъ издѣлій. Приходили также крестьяне и казаки тоже съ даяніемъ, что называлось дачей на «ралець»¹⁾. Лѣтомъ много удовольствія доставляли для дворянина южно-русскаго поѣздка по пасѣкамъ. Въ такихъ поѣздкахъ принимали участіе всѣ домашніе, а подчасъ и сосѣди державцы²⁾.

Среди всѣхъ этихъ семейныхъ увеселеній, число которыхъ, какъ мы видимъ, было значительно, дворянинъ не забывалъ своихъ нравственно-религіозныхъ обязанностей. Постройка и украшеніе на свой счетъ церквей, содержаніе священниковъ и всего церковнаго причта, отписываніе имущества на монастыри—явленія заурядна въ прошлой жизни нашего дворянина³⁾. При этомъ, заботясь объ устройствѣ церкви, онъ заботился въ тоже время и о нравственной сторонѣ священника-пастыря, который обязывался державцѣ: «съ парафіянами обходиться ласкаво и тихо, въ лишніа гулянья, непристойныа мѣста и шинки не ходить, не униваться, парафіянь-же обучать христіанскимъ обрядамъ, какъ почитать Всевышняго Творца и ему молиться»⁴⁾.

Мало того, даже въ домашней жизни религіозные обряды исполнялись строго; назначались домашніа эпитеміи: «Новый Завѣтъ прочесть черезъ годъ и внимательно набоженства слушать, мыслію не скитаяся», или «псалтырь прочесть не въ зачетъ обыкновеннаго чтенія», «по средамъ и пяткамъ по три каөизмы»⁵⁾. По умершемъ справлялись частіе обѣды: третинный, девятинный, полусорочинный, сорочинный, роковий (голичный) обѣдъ и на святой въ четвергъ. Обѣды сопровождаліся щедрой раздачей денегъ: церковному причту, школьнымъ молодыкамъ, старцамъ, въ шпитали, на бурсу, наконецъ на «тѣхъ, которые по турмахъ сидятъ». Сорочоусты при этомъ справлялись въ двадцати и болѣе церквяхъ. Голичный расходъ на поминки доходилъ до нѣсколькихъ сотъ рублей⁶⁾.

¹⁾ Дневникъ Ханенка, «Кіевская Старина», № 10, стр. 103.

²⁾ Дневникъ Марковича, ч. II, стр. 144.

³⁾ Сулимовскій архивъ, № 166, 168, 180.

⁴⁾ Сулимовскій архивъ, № 472.

⁵⁾ Дневникъ Марковича, ч. II, стр. 106, 200.

⁶⁾ Сулимовскій архивъ, № 40, 47, «Кіевская Старина» 1883 г., № 11. Завѣщаніе Григорія Галагана, стр. 466; Записки черниговскаго статистическаго комитета. Выпускъ, 1 и 2, стр. 77, ст. Лазаревскаго.

Но какъ ни важны и ни дорого стоящи были все эти заботы о спасеніи души и въ тоже время о разныхъ удовольствіяхъ, не онѣ главнымъ образомъ охватывали жизнь нашего дворянина, не въ нихъ онѣ видѣлъ счастье своей жизни, не здѣсь сосредоточивалось главное его вниманіе. Были въ его жизни болѣе дорогія, болѣе близкія заботы, на которыя посвящалось много времени, силъ, труда. То были попеченія о семьѣ. Каковъ былъ идеалъ семейныхъ отношеній, лучше всего видно изъ слѣдующаго завѣщанія одного дворянина прошлаго вѣка (1746 г.): «всѣмъ вамъ дѣтямъ моимъ, старшимъ и меньшимъ, когда придутъ въ возрастъ сей крайній, предаю завѣтъ, дабы вы, яко единокровные, другъ друга любили, житіе свое при всякихъ добродѣтеляхъ по заповѣдемъ Божиимъ производили и всякіе дѣла не сами собою, но за совѣтомъ старшихъ сестеръ и братьевъ, а паче въ малженствѣ (супружествѣ) и другихъ станахъ вѣщали, и порученіе вамъ отъ мене имѣнія у добромъ порядкѣ содерживали и не расточевали оныхъ». Если-же кто нибудь изъ дѣтей расточалъ имѣніе, то другіе должны были лишиться его части наслѣдства и раздѣлиться ею; въ случаѣ-же несчастнаго разоренія имѣніе потерявшаго должно было поступить въ залогъ или продажу, но только его родственникамъ¹⁾.

Семья дворянская никакимъ образомъ не допускала выдѣлять своего члена прежде женитьбы. Холостая жизнь внѣ семьи считалась новшествомъ, позорящимъ семью, удручающимъ родителей, противнымъ общенароднымъ обычаямъ. Даже женатые сыновья не всегда выдѣлялись изъ семьи, предпочитая жизнь подъ родительскимъ кровомъ, при взаимной помощи, жизни самостоятельной, внѣ семьи²⁾. Много лежало заботъ у отца и матери о семьѣ; но главными изъ нихъ были воспитаніе дѣтей и возможно большее матеріальное ея обезпеченіе.

Первоначальное воспитаніе дѣтей велось на дому: съ этою цѣлью нанимаемы были дѣяки и семинаристы для мальчиковъ, учительки или инспекторки для дѣвочекъ. Дѣячки, собравъ достаточное число мальчиковъ, заводили нѣчто въ родѣ школы, гдѣ столы замѣняли классы.

¹⁾ Завѣщаніе бунчуковаго товарища Бутовича. Записки черниговскаго статистическаго комитета, Выпускъ 1 и 2, стр. 119, ст. Лазаревскаго.

²⁾ Сулимовскій архивъ, № 60.

Назывались они по предметамъ преподаванія: букварь, часословъ и псалтырь. «Школьники дѣлились на мальчиковъ, подростковъ и взрослыхъ. Писали сначала разведеннымъ мѣломъ на опаленныхъ воскомъ черныхъ дощечкахъ не слонстаго дерева, съ простроченными линейками, а приученные писали чернилами на бумагѣ. Изъ третьяго-же отдѣленія набирались охотники въ особый ирмолойный классъ для церковнаго пѣнія, уроки котораго производились раза три въ недѣлю: зимою въ комнатѣ дьяка, а по веснѣ подъ навѣсомъ... А для вспоможенія себѣ дьякъ старшимъ поручалъ меньшихъ. Отцы за науку платили дьяку по условію за каждый классъ натурою и деньгами. Окончаніе класса школьникомъ было торжествомъ всей школы. Окончившій привозилъ въ школу большой горшокъ сдобной каши, покрытый полотнянымъ платкомъ. Дьякъ съ особымъ обрядомъ бралъ платокъ себѣ, школьники съѣдали кашу, а горшокъ разбивали палками гдѣ либо на пустырѣ въ мелкіе куски. Въ праздникамъ дьякъ давалъ ученикамъ поздравительныя вирши»¹⁾.

Болѣе состоятельные дворяне предпочитали имѣть у себя дома учителя. Бывало и такъ, что два или три семейства совмѣстно доваривали воспитателя. Предметами обученія были: латинскій, нѣмецкій, французскій языкъ, политика, поэтичное искусство и учтивость. Съ учителемъ заключался обыкновенно контрактъ, чему онъ долженъ учить, а также, какое ему вознагражденіе. Вотъ, для примѣра, такой контрактъ: «Иванъ Аркадійскій обязался учить сына Мишу по латыни и по нѣмецки, а ему за ученіе 20 р въ годъ, за столъ-же и прочее 50 р., муки пшеничной 1 четверть, гречневыхъ крупъ 1 четверть, муки житной 4 четверти, пшона полъ-четверти, сахару двѣ головы». «Учителемъ» къ подобнымъ условіямъ прилагались еще «лигоминки»²⁾.

Домашними учителями являлись чаще всего семинаристы, бродившіе по городамъ и селамъ за денежными пособіями. Прийдя въ деревню, семинаристы пѣли по церквямъ, затѣмъ посѣщали господскіе дома, гдѣ, вручивъ предварительно хозяину свои ораціи, играли интермедіи и распѣвали духовные стихи³⁾. Державца, нуждавшійся въ воспитателѣ,

¹⁾ Москвитянинъ, 1852 г., № 17, стр. 7.

²⁾ Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 392, 399, 403, 225, 264.

³⁾ Дневникъ Ханенка, «Кіевская Старица» 1884 г. № 3, стр. 7, 16.

заставлялъ одного изъ принадлежавшихъ семинаристовъ что нибудь прочесть, прочитать, а затѣмъ уже заключался контрактъ ¹⁾.

Научившись первоначальной грамотѣ, дворянскія дѣти поступали въ латинскія школы, гдѣ совершенствовались въ латинскомъ языкѣ, постигали затруднительное, темное стихотворство, краснорѣчіе, философію и отчасти новые языки. Такія латинскія школы существовали въ Кіевѣ съ именемъ академіи, Черниговѣ, Переяславѣ и Харьковѣ подъ названіемъ коллегій. Но главное мѣсто, куда направляли свои стопы дворяне, былъ Кіевъ. Здѣсь поступали они въ академію, живя на частныхъ квартирахъ подъ присмотромъ инспектора, привезеннаго изъ дому. На обязанности инспектора лежало веденіе продовольственной части, наблюденіе за исправнымъ посѣщеніемъ уроковъ воспитанниками, за хожденіемъ въ церковь, баню и проч. Инспекторъ поступалъ съ дѣтьми гуманно: ему не только не позволялось «за лобъ рвать, по головѣ бить, но даже назвать дѣтей мужикомъ или свиньей» ²⁾. Ученіе, происходившее въ неизмѣнныхъ классахъ: Фарм, Инфимы, Грамматики, Синтаксиски, Поэзіи, Риторики, Философіи и Богословіи, носило характеръ безжизненности, темноты и схоластичности. Покончивъ ученіе въ мѣстныхъ школахъ, часть воспитанниковъ поступала въ гражданскую службу, начинал ея въ войсковой генеральной канцеляріи, а позже въ малороссійской коллегіи ³⁾. Но значительное число покончившихъ съ домашней наукой продолжали искать свѣта въ польскихъ училищахъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, а съ половины XVIII в. и въ нѣмецкихъ университетахъ. Охота продолжать ученіе въ заграничныхъ школахъ была настолько велика у воспитанника, что даже матеріальная нужда не страшила его. «Когда мнѣ не пришлютъ денегъ, пишетъ воспитанникъ изъ Вроцлава, и то, хочъ хлѣба просячи, буду учиться. Богъ мене не оставитъ... Але теперь познаю, що то есть наука, що то учений человекъ? який зъ его пожитокъ! Также вѣра святая не можетъ стояти безъ науки: якъ можемъ церковь святую отъ еретиковъ чисту сохранить безъ науки? Не могу словами выразити» ⁴⁾.

¹⁾ Москвитянинъ, *ibid.*, стр. 9.

²⁾ Суляковскій архивъ, № 143. Дневникъ Марковича, ч. II, стр. 275.

³⁾ Шафонскій, стр. 35.

⁴⁾ Суляковскій архивъ, № 34.

Интересны по своей значительности и разнообразію тѣ требованія, которыя предъявлялись подчасъ сыну со стороны отцовъ при отправкѣ его въ заграничный университетъ. Требовалось изучить латинскій, французскій, нѣмецкій языки настолько, чтобы «чинно и свободно оными разговаривать и самимъ изряднымъ стилемъ писать», но главное «высокихъ авторовъ на тихъ языкахъ не токмо читать, но и переводить и толковать»; сверхъ языковъ полагалось пройти: церковную и свѣтскую, генеральную и партикулярную исторію, поэтику, риторику, логику, физику, метафизику, отчасти ариметику, астрономику, геометрію, тригонометрію, архитектуру, географію, этику, экономику, политику, юриспруденцію и механику, да еще «живописства, музыки, либо какого другого мастерства». При этомъ все это требовалось постигнуть такъ, чтобы «за возвращеніемъ въ отечество показать въ самой вещи, яко не воуе въ чужихъ краяхъ было обращеніе и въ наукахъ не напрасно потеряно время»¹⁾. Допустимъ, что это максимумъ требованій, предъявляемыхъ учащемуся, допустимъ, что писавшій это письмо генеральный хорунжій, Николай Ханенко былъ человѣкъ въ то время по образованію и уму не заурядный, но все таки, если возьмемъ даже минимумъ требованій, то и тогда они будутъ значительны. Здѣсь мало одного формальнаго отношенія къ дѣлу. Нужна любовь къ наукѣ, особенная страсть и уваженіе къ просвѣщенію, чтобы, терпя значительныя матеріальныя средства, претерпѣвая нерѣдко лишенія, вѣхать учиться въ чужія страны и одолѣть такую массу научнаго матеріала.

Что привязанность къ наукѣ была въ значительной степени развита среди южно-русскаго дворянства прошлаго вѣка, объ этомъ свидѣтельствуютъ литературныя занятія дворянина у себя на дому. Желаніе знать современныя событія понуждало его выписывать газеты французскія, нѣмецкія и русскія. Выписка заграничныхъ газетъ затруднена была тѣмъ обстоятельствомъ, что приходилось сначала высылать деньги въ Москву къ почтмейстеру и уже оттуда выписывались заграничныя газеты²⁾. Кромѣ газетъ, выписывались еще книги изъ Гданска (Дан-

¹⁾ Дневникъ Ханенка. Предисловіе А. Лазаревскаго, «Кіевская Старина» 1884 г., № 3, стр. XI и XII.

²⁾ Дневникъ Ханенка, «Кіевская Старина» 1884 г., № 6, стр. 62; Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 181, 126; ч. 1, стр. 62.

цага), Москвы и другихъ мѣстъ. Постепенное накопленіе книгъ способствовало составленію домашнихъ библиотекъ, число томовъ которыхъ доходило иногда до нѣсколькихъ сотенъ ¹⁾. Иная книга переходила долго изъ рукъ въ руки прежде, чѣмъ бывала возвращена въ библиотеку. Судя по книгамъ, особенный интересъ среди дворянства имѣли сочиненія историческія: *Sulpitii Severi—historia sacra*; *Buddei—historia ecclesiae*; *Cleverii—introductio in universam geographiam*; *Puffendorfi—introductio ad historiam Europae*; *Historia Poloniae*; *Historia rerum in Europa*; *De bello scytico cosacico*; *Woyna domowa*; *geographia antiqua et nova—Celarii* и проч.

Непомѣрное чтеніе доводило иной разъ слишкомъ усерднаго читателя до сумашествія. Въ 1740 г. бунчуковый товарищъ Лаврентій Борозна помѣшался, началъ буйствовать, выгоняя изъ дому дѣтей и жену. Послѣдняя жаловалась на мужа за его «непотребніе затѣйки», объясняя, что «то все ему не съ чего иного приходитъ, какъ толко зъ его одного во умѣ помѣшателства, которое ему болѣе, уповаю, приключилось отъ излишняго иного напитку, такожъ многого писання и излишняго тожъ чтенія книгъ, ибо опъ, мужъ мой, и нинѣ не токмо, чтобъ куда преездился или за экономію господарскую имѣлъ какое радѣние, кромѣ одного разоренія, не прибавля по экономіи ничего, но здержуя и готовие, по излишеству его, денги, а болѣе, затворясь крѣпко въ избѣ, пишетъ и читаетъ и чрезъ восьмь лѣтъ уже, по закону христіанскому, не сообщается всенайсвятѣйшимъ тайнамъ и въ церковь никогда не ходитъ; но когда пойдеть, то развѣ подъ алтаремъ постоитъ мало, а внутрь церквѣ никогда ходу не имѣеть, имѣя о томъ нѣкоторое умовредное мнѣніе: взялъ-же себѣ въ мысль, что ежели неправедного, по его мнѣнію, человѣка убить, нѣкакова отвѣта предъ Богомъ не дать, но еще, за то и особливое получить спасеніе» ²⁾.

Трудно опредѣлить въ данномъ случаѣ содержаніе книгъ, чтеніе которыхъ такъ губельно отразилось на умственномъ состояніи Борозны.

¹⁾ Дневникъ Хавенка, «Кіевская Старина» 1884 года, № 8, стр. 67-Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 121, 225; ч. 1, 267.

²⁾ Записки черниг. статист. комитета. Вып. 1 и 2, стр. 73.

Видно одно только, что помимо чтенія въ данномъ случаѣ работала мысль и работала, по всей вѣроятности, сильно...

Послѣ всего сказаннаго о степени и характерѣ образованности южно-русскаго дворянства, намъ станутъ вполне понятны его просьбы къ русскому правительству объ открытіи въ краѣ университетовъ и гимназій. Первая попытка (1760 г.) въ этомъ родѣ принадлежитъ гетману Разумовскому, который внушилъ члену малороссійской коллегіи Теплову составить проектъ относительно учрежденія университета въ Батуринѣ. Мотивами къ устройству университета были выставлены, съ одной стороны, склонность малороссійскаго народа къ наукамъ, съ другой отсутствіе удовлетворительныхъ школъ для высшихъ занятій, ради которыхъ «желающіе понять свыше того, что въ школахъ малороссійскихъ преподается, добровольно, положи надежду на щедрость подателей, выходятъ въ польскія училища, нѣмецкіе университеты, а иногда и до Рима, почитал оный, по ихъ мнѣнію, за древній Коринфъ». На постройку университета предполагалось часть суммы собрать изъ дворянъ «по пропорціи своего имущества», такъ какъ «сіе учрежденіе для воспитанія господскихъ дѣтей постановляется». Въ студенты университета могли поступать воспитанники, окончившіе курсы въ кievской, переяславской, черниговской, бѣлгородской и польскихъ школахъ. Курсъ ученія полагался трехгодичный. Лекціи должны были читаться по слѣдующимъ каедамъ: 1) латинскаго краснорѣчія; 2) логики, метафизики, философіи практической; 3) натуральному праву и юриспруденціи; 4) древностямъ, исторіи literalной и политической, генеалогіи и геральдики; 5) физикѣ теоретической и практической; 6) физикѣ экспериментальной и математикѣ со всѣми ея частями; 7) анатоміи; 8) химіи; 9) ботаникѣ и исторіи натуральной¹⁾.

Въ 1764 году было подано Екатеринѣ II прошеніе южно-русскаго дворянства о восстановленіи разныхъ старинныхъ правъ Малороссіи, гдѣ между прочимъ была выражена просьба объ основаніи въ Малороссіи двухъ университетовъ: въ Кіевѣ съ четырьмя факультетами, въ Батуринѣ съ тремя. Въ этомъ-же прошеніи возбуждалось ходатай-

¹⁾ Чтенія московскаго общества исторіи и древностей руссійскихъ 1863 г. книга 2, стр. 67—85.

ство объ основаніи гимназій¹⁾. Три года спустя, когда выбирались депутаты въ «комиссію для сочиненія новаго уложенія», наше дворянство въ своихъ наказахъ снова проситъ императрицу пожаловать ихъ высочайшею милостію, учредить университетъ въ Переяславѣ, «яко сей городъ не послѣдній между малороссійскими городами»; затѣмъ проситъ учредить шляхетскій корпусъ, гимназію и «домъ воспитательный для дѣвицъ, ибо и женскій полъ имѣетъ необходимую нужду въ добромъ воспитаніи». Но не суждено было осуществиться этимъ благороднымъ порывамъ южно-русскаго дворянства²⁾. Ни одинъ изъ проектируемыхъ университетовъ не былъ открытъ, а гимназіи начали открываться только въ началѣ XIX вѣка. Становится въ данномъ случаѣ непонятнымъ тотъ индеферентизмъ, съ какимъ правительство Екатерины II отнеслось къ просьбамъ дворянства о расширеніи мѣстнаго просвѣщенія, тѣмъ болѣе, что сама Екатерина любила просвѣщеніе и глубоко уважала дворянское сословіе. Нельзя думать, чтобы тутъ была боязнь или какое-нибудь преднамѣренное желаніе задержать образованіе края. По всей вѣроятности, военныя предпріятія екатерининской эпохи и другія дѣла внутри государства заставляли откладывать просвѣщеніе южной Руси въ долгій ящикъ.

Подводя теперь итогъ потребностямъ южно-русскаго дворянина прошлаго вѣка, мы увидимъ, что онѣ были довольно значительны. Начиная съ увеселеній, переходя къ религіознымъ потребностямъ и кончая стремленіемъ къ наукамъ и воспитанію дѣтей—все требовало значительныхъ матеріальныхъ затратъ, болѣе или менѣе высокой матеріальной обеспеченности, а также хорошаго состоянія тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ добывались средства, говорю хорошаго, такъ какъ въ противномъ случаѣ нужно было находить другія лазейки. Къ сожалѣнію, южно-русское дворянство прошлаго вѣка, стремясь къ обогащенію, сосредоточивало свои заботы только на количествѣ доходовъ, а какимиъ образомъ они добывались, объ этомъ, какъ увидимъ, мало думали наши дворяне.

¹⁾ «Кіевская Старина» 1883 г., № 6, стр. 344.

²⁾ Авсѣенко, Малороссія въ 1767 г., стр. 48.

Главнымъ источникомъ матеріальныхъ средствъ для нашего дворянина служила земля, приобрѣтеніе которой большею частію обходилось безъ затратъ, а если и съ затратами, то самими незначительными: получались земельные участки съ хуторами и селами въ подарокъ отъ государя или гетмана за службу, отъ родныхъ по наслѣдству, отъ козаковъ путемъ покупки и отбиранія за долги, наконецъ присваивались ранговья имѣнія, т. е. отданныя на время занятія извѣстной должности. Такимъ образомъ составлялись громадныя имѣнія въ нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ земли, съ даровыми рабочими руками, являвшимися въ лицѣ крестьянъ, жителей полученныхъ помѣстій¹⁾. Большая часть земель засѣвалась рожью, но послѣдняя рѣдко шла въ продажу. Для нея было другое употребленіе—это винокурение. Производство водки было сильно распространено между дворянскимъ сословіемъ XVIII в., что является вполне понятнымъ, если принять во вниманіе съ одной стороны полную свободу выкуриванія и продажи водки, безъ всякихъ налоговъ, а съ другой невозможность сбывать на рынкѣ рожь за отсутствіемъ большаго спроса. Вотъ почему въ XVIII в. почти въ каждомъ помѣщичьемъ хуторѣ находилась винокурня, выкуривавшая десятки куфъ (бочекъ) водки, которая путемъ продажи распространялась на мѣстѣ, а еще больше въ Великороссіи, на Кавказѣ и за границей²⁾. Каждый державца, имѣвшій винокурню, имѣлъ въ то-же время нѣсколько шинковъ по городамъ и селамъ. Шинки эти отдавались иногда въ аренду евреямъ, а иногда помѣщикъ садилъ туда честнѣйшаго изъ своихъ слугъ. Торговля въ шинкахъ была очень выгодна для державцы. Она доставляла ему и деньги и рабочую силу, ибо всякій крестьянинъ и козакъ, набравшій въ долгъ водки и не имѣвшій средствъ уплатить долга—поступалъ въ услуженіе къ державцѣ³⁾. Кромѣ земледѣлія, державцы занимались еще скотоводствомъ и пчеловодствомъ. Число овецъ державцы простиралось до нѣсколькихъ тысячъ; но содержаніе овецъ велось небрежно, что вызвало извѣстныя

¹⁾ Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 213; см. вын. 62.

²⁾ Авсѣенко, Малороссія въ 1767 г. Прибавленіе, стр. 142. Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 339.

³⁾ Дневникъ Марковича, стр. 256, ч. 2.

мѣропріятія Петра I, разславшаго по Малороссіи регулы, т. е. правила, какъ содержать овецъ. Больше цѣнились волы, которыхъ много продавали въ Силезіи и Москвѣ. Распространены были также конскіе заводы, гдѣ содержались лошади разныхъ породъ: неаполитанской, англійской, гишпанской, датской, барбарской и проч. Лошади сбывались преимущественно въ Польшу¹⁾. Но самымъ любимымъ занятіемъ для дворянина было пчеловодство. Пасѣнки были громадны: каждая вмѣщала до 200 пней, а такихъ пасѣкъ бывало 4, 5 и больше. Непосредственное веденіе пасѣки поручалось пасѣчнику, на обязанности котораго лежало: ульи дѣлать, аккуратно пчолъ кормить медомъ, выскивать удобныя мѣста для перевозки лѣтомъ пасѣки, стараться объ увеличеніи прибыли, ставить ульи въ погребъ на зиму и навѣдываться туда²⁾. Существовало еще дупляное пчеловодство, иначе бортничество, особенно распространенное въ лѣсныхъ мѣстностяхъ.

Не менѣе было развито производство пеньки, особенно въ Стародубовщинѣ. Мало того, что дворяне сами разводили ее; они давали еще мужикамъ въ долгъ деньги, требуя возврата пенькой. Пеньку для продажи отправляли въ Ригу, Петербургъ и Архангельскъ, гдѣ частію продавали за деньги, частію-же прожѣивали на сукна и вино и на товары, необходимыя для домашняго обихода³⁾.

Существовали еще тютюнные (табачныя) плантаціи, преимущественно въ полкахъ черниговскомъ и яѣжинскомъ, въ сотняхъ конотопской и борзенской, отчасти въ полкахъ полтавскомъ, гадацкомъ, прилуцкомъ и сотнѣ роменской. Табакъ производился: простой, виргинскій, амерфордскій, турецкій и гадацкій. Для продажи его отправляли въ Вѣлоруссію, Сибирь, Петербургъ, Польшу, Крымъ, Курляндію и Запорожье⁴⁾. Что касается до заводовъ и фабрикъ, то ихъ, кромѣ винокуренъ и будъ (селитренныхъ заводовъ), въ южно-русскомъ краѣ было мало.

У нѣкоторыхъ державцевъ были заводы желѣзные въ лѣсныхъ и болотистыхъ мѣстностяхъ. Руда, добываемая изъ болота, годилась только

¹⁾ Шафонскій, Топограф. опис. черн. нап., стр. 533. Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 316; ч. 1, стр. 253.

²⁾ Сулимовскій архивъ, № 98.

³⁾ Сулимовскій архивъ, № 129.

⁴⁾ Шафонскій, стр. 10. Дневникъ Марковича, ч. 1. стр. 21, 39.

для плавленія чугуна и мелкихъ полосъ желѣза. Последнее употреблялось исключительно на мѣстѣ ¹⁾. Больше было развито стекляное производство. На гутахъ (такъ назывались въ южной Руси стеклянные заводы) выдѣлывалась посуда для домашняго обихода, часто изъ простаго зеленого стекла; бѣлаго-же оконнаго и хрустала почти не выдѣлывалось. Въ большомъ распространеніи, какъ я уже сказалъ, было селитренное производство. Въ каждомъ полку и сотнѣ находились буды, выдѣлывавшія селитру. Главнымъ мѣстомъ продажи ея были шостенскіе пороховые заводы ²⁾.

Наконецъ у помѣщиковъ въ домахъ выдѣлывались: домашніе холсты, скатерти, серветки, ковры, простыя бѣлыя и черныя сукна для домашняго употребленія и продажи ³⁾. Если товары продавались дворяниномъ на мѣстныхъ деревенскихъ и городскихъ ярмаркахъ, то покупателями ихъ чаще всего являлись мѣстные торговцы, называвшіеся «гандлювными людьми». Эти гандлювные люди покупали: водку, тютюнь, вовну, воскъ, лой, ганушъ (анисъ) и проч., ведя торговлю въ Силезіи, Крелевцѣ прусскомъ, Слуцкѣ, Вильнѣ, Данцигѣ, Могилевѣ и проч. ⁴⁾.

Такимъ образомъ предметомъ торговли въ большинствѣ случаевъ были сырые матеріалы.

Вообще-же обрабатывающая промышленность и торговля края были весьма неразвиты и среди низшихъ сословій, и среди дворянства, такъ что съ «великою нуждою можно какуюнибудь порядочно сдѣланную вещь получить, а должно почти все изъ Москвы или Петербурга доставать» ⁵⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 20; Сулимовскій архивъ, № 141.

²⁾ Шафонскій, стр. 21, 328, 412, 628. 650. Сулимовскій архивъ, № 142. Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 310. Въ предѣлахъ молтавской и черниговской губерній до сихъ поръ сохранились названія селъ и хуторовъ: Буды, Рудня, Гуты. мѣста, гдѣ были въ XVIII в. заводы.

³⁾ Шафонскій, стр. 616 и др. Намъ приходилось видѣть въ Гадячѣ изъ этихъ издѣлій ковры; цвѣта шерсти подобраны были удачно. Рисунки выполнены удовлетворительно и взяты изъ мѣстной жизни: бабурнистъ спящій, крестьяне въ національныхъ костюмахъ и проч.

⁴⁾ Архивъ малороссійской коллегіи при харьковскомъ университетѣ, № 3216. Сообщеніемъ этого документа мы обязаны проф. Д. Н. Багалъю.

⁵⁾ Шафонскій, *ibid.*, стр. 21.

Вотъ эта-та невозможность удовлетворять большую часть своихъ потребностей у себя дома, а также мѣстными произведеніями, въ связи съ неумѣренной страстью къ обогащенію заставляла дворянина искать другихъ источниковъ доходовъ. Этими источниками явились непоумѣрныя повинности крестьянъ, выражавшіяся въ двухъ ихъ положеніяхъ: одни «крестьяне панщину робили», другіе на «чиншѣ сидѣли». Кромѣ этого крестьяне должны были давать державцѣ еще такъ называемую осенщину. Она собиралась съ урожая по числу рогатаго скота: помимо хлѣба осенщина выплачивалась деньгами, домашней птицей, овцами, мотками нитокъ, орѣхами, хмѣлемъ, лядцами, произведеніями домашней утвари и проч. Платили также за позволеніе жениться, что называлось «куничными грошами». Съ насѣкъ брали пчелиную десятину (1 улей отъ десятины), очковое (отъ улья), съ тютюна-же — тютюнную.

Что касается до количественныхъ размѣровъ этихъ повинностей, то они опредѣлялись исключительно самимъ державцею. Отъ его воли зависѣло уменьшить или увеличить требованія, щадить крестьянъ и ихъ имущество, заботиться о развитіи ихъ хозяйства или, игнорируя все это, стараться только лишь о возможно большемъ полученіи прибыли. Къ сожалѣнію среди южно-русскаго дворянства прошлаго вѣка проявились стремленія лишь втораго рода. Какъ панщина, такъ и другія повинности были неумѣренны, и тяжело ложились на крестьянское сословіе. Панщина, ограниченная 2-мя днями въ недѣлю, дошла до 4-хъ и 5 дней, благодаря чему крестьяне жаловались, что «нимъ не можно и хлѣба лѣтомъ заработать»¹⁾. Размѣры другихъ повинностей были настолько значительны, что окончательно разоряли крестьянское хозяйство²⁾. Большой зависимости крестьянъ отъ державцы способствовали также частыя ихъ займы денегъ и продуктовъ. Державца, дабы побольше получить себѣ выгоды, запрещалъ своимъ крестьянамъ зани-

¹⁾ См. Посполитые крестьяне, А. Лазаревскаго, стр. 48, 46.

²⁾ Ibid. Въ м. Шаповаловкѣ (борзеньской сотня) крестьянъ считалось 78 домохозяевъ: многоземельныхъ 5, малоземельныхъ 27, огородниковъ 8 и безземельныхъ 38. Одни отдавали державцѣ жита батуринской мѣры 50 осмачковъ, овса 75 осмачковъ, пшеницы 3 четвертя, пшона 3 четвертя, гороху 3, сѣмена конопля-

мать что-либо у кого другаго, кромѣ себя. Заемъ для большей гарантіи производился иногда цѣлому обществу. Вотъ для примѣра условія займа: «слотцы дали обликъ на 50 р., имъ данные займы, съ условіемъ возить намъ 10 лѣтъ дрова и дерево и всякаго года давать намъ на 1 или 2 дня косарей по 20 человекъ»¹⁾.

Нѣкоторые державцы, занимавшіеся торговлей, имѣли обыкновеніе раздавать крестьянамъ для продажи свои товары: шелкъ, сафьянъ, вино и др. Цѣны на товаръ выставялись высокія, такъ что крестьяне отъ продажи товара получали значительные убытки; но державца требовалъ означенную плату сполна, что и долженъ былъ выполнить посполитый, ибо въ противномъ случаѣ ему грозили «кіевіе побоища, мордерское обращенье», наконецъ тюрьма, куда сажали подъ часъ и ни въ чемъ неповинную жену должника²⁾. Результатомъ такихъ угнетеній крестьянъ было то, что они бросали свои дома, бросали свое имущество и уходили искать лучшей жизни; но бывали еще худшія послѣдствія—крестьяне поднимали буйства, обанчивавшіяся весьма плохо для державцы: «онъ бывалъ забить, пробить и носъ ему отрѣзанъ»³⁾.

Коснувшись крестьянскихъ повинностей, какъ источника доходовъ южно-русскаго дворянина XVIII вѣка, нельзя тутъ-же не упомянуть о другой общественной группѣ XVIII вѣка—козачествѣ, приносившемъ то-же немало прибыли дворянину. Правда, добываемыя изъ этого источника средства, являются результатомъ насилія, цѣлаго ряда несправедливостей, нарушенія войсковаго права и носятъ какъ-бы частный, случайный характеръ, но они настолько все-таки значительны, что не упомянуть о нихъ нельзя. Прежде всего козаки являлись рабочей силой для нашего дворянина. Недостатокъ въ работникахъ при обширности

наго 3 четверти; кромѣ того 300 кварть масла (по кварть отъ вола), 300 кварть олѣи, овецъ 230, кабаньихъ годованыхъ 60, гусей 300, утокъ 300, курей 600, яицъ 5000, грошей 200 золотыхъ (золотой 20 коп.), не говоря уже о томъ, что эти-же крестьяне бесплатно орали поле, косили сѣно, убрали хлѣбъ, возили подводами въ Москву пашню и горѣлку. Въ большей или меньшей степени такой-же характеръ носили повинности и у другихъ державцевъ. Ibid., стр. 36—68.

¹⁾ Дневникъ Марковича, ч. 1, стр. 391; ч. 2, стр. 377, 387.

²⁾ Лазаревскій. Посполитые крестьяне, стр. 51, 63.

³⁾ Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 122.

маетностей побуждалъ державцу, занимавшаго извѣстный урядъ (должность), произвести давленіе на козаковъ и заставить ихъ не только плотины гатить, дерево возить на разныя постройки, землю пахать своими плугами, хлѣбъ жать, но даже печи топить, дрова рубить, коней поить и проч. Вдовъ козачьихъ также сгоняли для всякой работы: бѣлье мыть, посуду чистить, хаты бѣлить и всякое дѣло дѣлать, что прикажутъ наравнѣ съ наемными работницами ¹⁾.

Да при этомъ «жельзъ внушенія» имѣлъ большое приложеніе, такъ что козаки заявляли, что «не мордовали такъ паны лядскіе (польскіе) своихъ подданныхъ и не забивали до смерти кіями», какъ панъ свой, «препровождавшій до смерти и калѣцтва» ²⁾.

Но на этомъ власть дворянина не останавливалась, она шла дальше; она посягала не только на личныя, но и на имущественныя права козака. Захватывали державцы у козаковъ поля, рыбныя ловли, млины, сѣнокосы; при этомъ съ такимъ «гвалтовнымъ нападеніемъ», что выбирали изъ жилыхъ хатъ двери и окна ³⁾.

Пути, которыми производились захваты козацкаго имущества, были разныя.

Купить бывало державца въ своемъ полку часть земли и начнетъ отсюда мало по малу распространять свое давленіе на козаковъ, приобрѣтая все больше и больше грунтовъ. Заплатить одному, другому за землю, «а сотни людей неволею должны свое имущество оставлять; да настроить хуторовъ на свободныхъ степяхъ, и такое стѣсненіе сдѣлаетъ хуторами въ полку, что куда не глянешь, все его хутора и все будто купленные, а купчія беретъ, хотя и не рады продавать» ⁴⁾. А вотъ и другой путь. Отдастъ державца козаку изъ извѣстной части «вышинковать» въ своей деревнѣ водки, «а ищетъ къ такому дѣлу гаккихъ козаковъ, которые-бы удобнѣе у него забратъся и замотатъся могли» и достигнетъ своей цѣли. Пройдетъ извѣстный срокъ, помѣ-

¹⁾ Русскій Архивъ 1864 г., № 5, стр. 494. Жалоба лубенскаго козака на пана Марковича Петру II. «Кіевская Старина» 1882 г., № 3. Люди старой Малороссіи, Лазаревскаго, стр. 425.

²⁾ Русскій Архивъ 1875 г., № 7, стр. 252.

³⁾ Русскій Архивъ, 1875 г., № 3, стр. 324.

⁴⁾ Ibid., 1875 г., № 7, стр. 252.

щикъ задасть козаку столько вина, что онъ не въ состояніи за него потомъ всё деньги улатить. Тогда начинается судебный процессъ по козацкому обязательству; въ итогъ получается потеря козакомъ грунтовъ своихъ, если-же ихъ мало, то и самъ поступалъ къ державцѣ въ отслугу ¹⁾).

Такими или иными путями, козакъ, доведенный южно-русскими дворяниномъ до крайняго убожества и скудости, нерѣдко бросалъ свою козацкую службу, отказывался отъ присвоенныхъ ему правъ и поступалъ къ державцѣ въ качествѣ простаго работника, крестьянина.

Другаго исхода отъ насилій у козака не было, такъ какъ дворянинъ, являвшійся въ данномъ случаѣ его угнетателемъ, былъ вѣстѣ съ тѣмъ его военный и гражданскій начальникъ. Онъ могъ тѣснить на каждомъ шагу. Поданная въ судъ жалоба въ большинствѣ случаевъ не имѣла значенія, ибо была парализуема судьями, представлявшими собою людей, которые установили за принципъ: спльнаго млювать, слабого тѣснить. По саламъ процвѣтали корчемные суды, т. е. судили въ шинкахъ, гдѣ можно было скорѣе прийти къ желаемымъ результатамъ, благодаря спиванію. Въ городахъ дѣйствовала взятокъ и насиліе. Не сдерживаемый на урядѣ властію, смотрѣвшій на свои служебныя обязанности лишь только съ точки зрѣнія наживы, державецъ бывалъ плохимъ общественнымъ дѣятелемъ, еще худшимъ общественнымъ борцемъ, въ особености, когда его личные интересы были въ сторонѣ. Въ походахъ, въ судахъ, въ канцеляріяхъ, словомъ, гдѣ только можно было поживиться, онъ жила, не стыдился взятокъ, насилій, утаиваній общественныхъ денегъ и проч. Ни слезы, ни мольбы потерпѣвшихъ не могли смягчить его сердца. Стремленіе къ наживѣ, къ приобрѣтенію богатства—все заслоняло предъ его глазами ²⁾. И дѣйствительно дворянинъ южно-русскій въ значительной степени этой цѣли

¹⁾ Кулишъ, Записки о южной Руси; Записка Теплова, стр. 193.

²⁾ Желających подробно ознакомиться съ общественною дѣятельностію украинскаго дворянства прошлаго вѣка отсылаемъ къ статьямъ почтеннаго изслѣдователя южно-русской старины А. Лазаревскаго. См. Записки черниговскаго статистическаго комитета, Вып. 1 и 2; Русскій Архивъ, Очерки малорусскихъ фамилій, 1875 г., т. I, II, III; 1880 г., т. I; «Кіевская Старина» 1882 г., № 1, 3; 1884 г., № 1.

достигалъ. Матеріальное его положеніе въ XVIII в. было, какъ мы видѣли, весьма удовлетворительно.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о тѣхъ государственныхъ повинностяхъ, которыя лежали на южно-русскомъ дворянинѣ.

Главныя изъ нихъ были: 1) содержаніе войскъ на зимнихъ квартирахъ, 2) раціи и порціи, взимавшіяся во время войнъ, 3) наконецъ участіе на свой счетъ лично въ походахъ и посылка крестьянъ въ такіе походы.

Всѣ эти повинности тяжело отражались на хозяйствѣ державцы. Размѣры порцій и раціи на консистентовъ (квартирующихъ солдатъ) и на армію не были строго установлены, почему эти налоги взимались большею частію безъ мѣры, притомъ взимались экстренно, такъ что не было никакой возможности приготовиться заранѣе или просить отсрочки. При этомъ, если не выполнялось то или иное требованіе, то прибѣгали къ весьма строгимъ мѣрамъ. Чтобы показать, насколько эти требованія были разнообразны и значительны, я приведу два три примѣра. Староста державцы Марковича заявляетъ ему «о нуждахъ людскихъ, что были поборы людей съ подводами отъ квартирующихъ военныхъ воронежскаго полка, а также возка двойнаго провіанта и фуража, перевозка изъ магазиновъ кулей и возка сѣна кобылицамъ государевымъ въ два мѣста. На армію брали по 20 тысячъ и болѣе муки, овса, крупъ; брались раціи по нѣсколько разъ въ годъ; дача сѣна простирала до 500 тысячъ пудовъ, которое нужно было еще везти въ какую нибудь Царицанку за 993 версты. А тутъ переходила артиллерія, требовали отъ каждаго двухъ дворовъ по надежной подводѣ. Приѣхавши, прапорицкъ ярославскаго полка требовалъ въ это-же время воловъ съ чиновниковъ: съ полковниковъ по тридцати, съ бунчуковыхъ по 15, со значковыхъ по 1¹⁾). Много страдало хозяйство державцы отъ повинностей, но еще больше отъ насильственныхъ захватовъ солдатами продуктовъ, скота и проч. Солдаты забирали хлѣбъ у крестьянъ державцы, и не только тотъ, что на верху былъ, но и изъ ямъ; воловъ уводили, токъ палили, иногда нападали въ день на домъ державцы, со шпагами галасовали, а когда слуги державцы отняли у нихъ

¹⁾ Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 62, 82, 105.

шпаги, то солдаты занесли жалобу своему капитану, и слуги были побиты въ наказаніе палками. Или найдеть какой нибудь капраль на избу державцы и начнеть здѣсь требовать себѣ незаконно постоя. Хозяинъ отказывается; тогда капраль дѣйствуетъ внушительнѣе: приводитъ на подмогу товарищей, нападаетъ на хозяина съ палашами, валитъ его на землю, таскаетъ за волосы, «поричая зѣвникожъ и другими скверными словами.» И прибѣтъ капраль державцу настолько сильно, что тѣло его опухнетъ, и самъ онъ «съ минуты на минуту смерти ожидаетъ»¹⁾.

Для предотвращенія такихъ притѣсненій на будущее время, шляхетство просило Екатирину II вновь подтвердить, чтобы своевольтвъ солдаты не дѣлали: «лагерями безъ отводу не становились, излишнимъ употребленіемъ дровъ и обращеніемъ огорожи и другихъ строеій для топленья не наносили убытковъ, безденежно у обывателей хлѣбозъ и ничѣмъ не довольствовались, въ подводы и ни въ какія работы безъ добровольнаго найма и заплаты людей и скота ихъ не брали и неспособнѣйшему озлобленію боями и безчестіями никому обидѣ не наносили, а паче злости военные начальники въ городахъ и землѣ подданныхъ нашихъ къ себѣ не брали и пристрастными розысками или наказаніями ихъ не озлобляли²⁾. Не меньше ущерба хозяйству державцы приносили частыя высылки посполитыхъ для различныхъ сооруженій, а также и военные походы въ качествѣ погонщиковъ. Высылки такія доходили до десяти и болѣе тысячъ. Большая часть высланныхъ крестьянъ отъ тяжелаго климата и трудныхъ работъ умирали въ походѣ. «Съ выправленныхъ мною Сваржовцевъ (13 человекъ), замѣчаетъ Яковъ Марковичъ, въ походѣ прошлаго года (1738 г.), возвратился одинъ зайченокъ, да и у того ноги отморожены, о протчихъ объявляется, что всѣ померли»³⁾.

Въ этихъ-же походахъ принимали личное участіе и сами дворяне. То была одна изъ самыхъ тяжелыхъ ихъ обязанностей. Многіе не хо-

¹⁾ Записки черниговскаго статистическаго комитета. Вып. 1 и 2, стр. 43-Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 26, 40.

²⁾ Авсѣнко, стр. 53.

³⁾ Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 40.

тѣли идти, отриѣкивались, но отказаться трудно было, такъ какъ въ будущемъ грозилъ большой штрафъ.

Приходилось дворянину идти, приходилось бросать родной кровъ, родную семью, излюбленное хозяйство, покидая все на попеченіе жены. Наставалъ тяжелый, грустный день проводъ; сумрачнымъ онъ казался державцѣ, страшило его неизвѣстное будущее, нелегкая походная жизнь, не совсѣмъ пріятное сосѣдство чужихъ людей; провожали его за 20, 30 верстъ жена, близкіе родные и знакомые и «гладили» на остановкахъ дорогу... Долго тянулось скучное шествіе въ походѣ, много истрачивалъ средствъ дворянинъ на содержаніе себя и своихъ слугъ. Придя къ мѣсту, гдѣ строилась линія или крѣпость, или усмирялись возставшіе горцы, дворяне болѣли отъ тяжелаго климата десятками; но возвращались домой, до окончанія похода, только тогда, когда нѣсколько докторовъ давали удостовѣреніе въ дѣйствительности болѣзни ¹⁾: Да и вообще положеніе ихъ было тяжелое... «О здешнемъ нашемъ поведеніи,» пишетъ дворянинъ матери съ сулацкаго похода, «не освѣдчаю, бо гидко и освѣдчати, тилко еще милостію Божію ненарушимо въ здоровю застаемъ. Денегъ сколко возьмемъ отъ вашей родительской милости, толко есть третья часть при мнѣ; много стратилемъ дороженетою купуючи.. А о всякихъ болшь нуждахъ не освѣдчаю, толко добродѣйку матку мою о призрѣніи добродѣйское на мене, здесь страждущого, всепокорнѣйше прошу» ²⁾.

Другой державца въ своей автобіографіи замѣчаетъ: «въ 1760 году отправленъ былъ тысячною командою въ прусскій походъ и тамъ чрезъ цѣлій годъ при арміи, въ чрезвычайныхъ трудахъ и бѣдахъ, з немалымъ убиткомъ имѣній моихъ, обрیتالся» ³⁾. Кратки эти замѣтки, но понятны... Вотъ почему возвращеніе дворянина домой съ походу было вторымъ свѣтлымъ праздникомъ для семьи. Выстрѣлы изъ полковыхъ пушекъ возвѣщали домашнимъ о возвращеніи съ похода. Дома же, въ этомъ случаѣ, не только устраивались бенкеты, но даже сочиняли близкіе родственники вирши, которыя и читали при встрѣчѣ съ возвратившимся».

¹⁾ Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 9, 10, 16, 183, 196, 209.

²⁾ Сулимовскій архивъ, № 39.

³⁾ «Кіевская Старина» 1883 г., № 11, стр. 450.

Такова была жизнь южно-русского дворянина XVIII в. до той знаменательной поры, когда пришлось ему переменить кунтушъ на вицмундиръ, шапку на шляпу, подбитый чубъ на искусственную косу, саблю козачку на короткую шпагу. Станнымъ онъ казался въ такомъ нарядѣ среди своей семьи; но еще болѣе страннымъ представлялся онъ крестьянамъ, съ усмѣшкой смотрѣвшимъ теперь на своего пана. «То таки бывало выйде,» говорили они, «або на коня сѣде, уже панъ якъ панъ; а теперь—абы-що; немецъ не немецъ, такъ собі пидципаный»¹⁾.

Николай Бакай.

¹⁾ Москвитянинъ 1852 г., № 17. Исторія Малороссіи, стр. 13.

УНИВЕРСАЛЬ

КІЕВСКАГО ПОЛКОВНИКА ВАСИЛІЯ ДВОРЕЦКАГО 1660 ГОДА.

(Объ отдачу церкви Николая Добраго въ Кіевъ бернардинскихъ,
іезуитскихъ и армянскихъ урунтовъ).

Приводимый здѣсь универсаль, какъ крѣпостной документъ на недвижимую собственность церкви Николая Добраго въ Кіевѣ, давно утратилъ свое значеніе, но сохранилъ свою цѣну историческую. Въ немъ содержится яркое указаніе на то, какъ ширялись поляки, ихъ ксендзы и костелы въ Кіевѣ, въ самой торговой его части—Подолѣ, до половины XVII вѣка, какъ увеличивали они недвижимую собственность, какъ тѣснили православныхъ, съ участіемъ жидовъ и армянъ, и какъ радикально отдѣлялись отъ всѣхъ этихъ пришельцовъ козаки въ эпоху возстанія Хмельницкаго. Фактически всѣ они изгнаны при занятіи Кіева восторжествовавшей козацкою силою; но тогдашній полковникъ кіевскій Василій Дворецкій не удовольствовался этимъ, а испросилъ особую царскую грамоту, воспрещавшую кому-бы ни было изъ названныхъ пришельцовъ селиться въ Кіевѣ,—иѣра, сохранявшая относительно евреевъ всю свою силу до 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, точнѣе до генераль-губернаторства князя И. И. Васильчикова и Н. Н. Анненкова.

Въ этомъ-же документѣ находимъ подтвержденіе существованія полумножескаго въ исторіи козачества гетмана Кушки, но съ именемъ Матфея, а не Самойла, какъ въ думаютъ. Онъ былъ строителемъ церкви Добраго Николая, и это, кажется, обстоятельство послужило поводомъ для полковника Дворецкаго отдать въ вѣчное владѣніе означенной церкви всѣ не козаками занятыя грунты бернардинскіе, іезуитскіе и орменскіе, съ обращеніемъ въ доходъ церкви и обычной отъ тѣхъ грунтовъ *кулицы*, т. е. денежной платы и натуральной повинности отъ тѣхъ мѣшанъ, которые построились на нихъ. Гетманская де-скать, козачья церковь, пусть-же она и владѣть добромъ,

козачею шаблею добытымъ, «абы въ ней богомоліе было за его пресвѣтлое царское величество и на войско его запорозское изъ домовъ Божиихъ благословеніе зоставало, абы изъ Господь Богъ на каждыя мѣсяцахъ благословилъ и надъ неприятеля вѣры нашей православной побѣду и одолѣніе подасть».

Универсалъ заимствованъ нами изъ документовъ церкви Добраго Николая, гдѣ онъ хранится въ подлинникѣ, съ именной восковою печатію, на которой въ изящной орнаментикѣ въ самой серединѣ помѣщенъ фамильный гербъ полковника, въ видѣ серпа и звѣзды въ центрѣ его, а на верху его инициалы: *В. Д.* На оборотѣ слѣдующая надпись, сдѣланная почеркомъ XVII ст.: *Фундуишъ, або универсалъ пана Василія Дворецкого, полковника кіевскаго, на владѣніе фундуишовъ шляхетскиихъ, на церковь свято-добро-николскую данный.*

Василій Дворецкій, полковникъ его царского пресвѣтлого величества войска запорозского кіевскій.

Всімъ вобще и каждому зъ-особна, кому-бы о томъ вѣдать належало, а меновѣте ихъ милостямъ паномъ полковникомъ, эсавуломъ, сотникомъ, атаманомъ, городовымъ и всей черни козакамъ зъ войска его царского пресвѣтлого величества запорозского и каждое кондичіи людемъ, на урядахъ въ городе Кіеве теперь и въ потомніе часы зостаючимъ, тымъ писанемъ моимъ до вѣдомости доношу, иже мы, видечи, счо предъ часы одъ многихъ шляхтичовъ, въ Кіеве дворы для приѣзду своего маючихъ, дѣялося стиснене церквамъ Божиимъ и знищене оттолъ уростало знаменитыхъ фундацій отъ православныхъ князей малороссійскихъ кіевскихъ и уйма чиниласе, а ляхи—одни кадуками (захватами), а другіе беручи себе одъ мѣщанъ дочки за жены, пососорами добръ по мѣщанахъ, у Кіеве будучихъ, ставалнея; теды въ тотъ часъ кождый ляхъ, ку вѣры своей ближнимъ будучи, на своихъ пляцахъ костелы побудовали, а другіе и помуровали, утискъ великій церквамъ Божиимъ, обывателемъ и мѣщаномъ кіевскимъ за своего панства чинили и силомоцю грунта и плицы одніймовали, где мы о томъ добре вѣдаючи и знаючи и тому въ потомные часы запобѣгаючи, жебы болшей мешканцами въ Кіеве ляхи, ормяне, жиды не были вѣчными часы, одъ его царского пресвѣтлого величества на покрипость и грамоту городу Кіеву, за нашимъ старанемъ даную, выправилисмо; теды теперь, угледаючи,

жебы стислымъ церквамъ Божиимъ кievскимъ цвинтари, где бы могли людей мертвыхъ класти, розширены и гробовиска не по улицахъ были, але абы въ опасаню ширшомъ коло церковей Божихъ мертвыхъ кладено и ховано было, на церковъ святого Николы доброго, которую то церковъ небожчикъ славной памяти Матфей Кушка, гетманъ войска запорозского, фундацію заложивши, побудоваль, пляцы ксендзовъ барнадиновъ и езовѣтовъ и ормянскіе, якне въ своей долгости и широкости мають зъ усими пожитками и куничниками, на нихъ будучими, хто колвекъ зъ мещанъ, окромъ козаковъ, на вышпомененныхъ пляцахъ кляшторныхъ побудовался, надаемо и вѣчно лекгуемо, абы хвала Божая розширалася, а за его царское пресвѣтлое величество и за увесь сунклить его богомоліе было, и на войско его царского пресвѣтлого величества запорозкое изъ домовъ Божихъ благословеніе zostавало, абы ихъ Господь Богъ на кождыхъ мѣсцахъ благословиль, и надъ непріятелы вѣры нашей православной побѣду и одолѣніе подалъ; стороны зась козаковъ, которые собѣ волныхъ пляцовъ шляхетскихъ шаблей добыли и, за вѣдомостю прежнихъ полковниковъ и моею побудовавшися, живутъ, за заслуги на то листы одъ насъ и одъ ихъ милостей, пановъ гетмановъ войска запорозского даные мають и ведлугъ пунктовъ въ статяхъ на столицы при его царскомъ пресвѣтломъ величествѣ поставленыхъ, козаки зъ дѣтками и жонами своими зъ вышпоменонныхъ пляцовъ кляшторныхъ и шляхецкихъ отъ подачокъ и куніцъ волными быти мають. Которое то писаніе наше для болшое и далшое вѣры и певности паномъ ктиторомъ и парафіяномъ церкви святого Николы доброго съ подписомъ руки наше и при печати полковой даемо. Дѣялося въ Кіеве, мая 12 дня 1660 року.

Вышменоваанный рукою власною.

(М. П.)

Проектъ казеннаго сельскаго хозяйства въ присоеди- ненныхъ отъ Польши къ Россіи областяхъ.

Проектъ этотъ официальнаго происхожденія. Онъ составленъ правителемъ канцеляріи литовскаго генераль-губернатора, надворнымъ совѣтникомъ Иваномъ Щепановскимъ въ 1801 г., подъ скромнымъ названіемъ «Записки», а достался намъ въ современной копіи въ числѣ бумагъ покойнаго профессора кievскаго университета Ставровскаго, извлекашаго этотъ, какъ и массу другихъ документовъ изъ архива потемкинскаго секретаря В. Попова.

Основная мысль проекта заключается въ томъ, чтобы въ ново-присоединенныхъ отъ Польши провинціяхъ, выѣшнемъ сѣверозападномъ и юго-западномъ краѣ, въ оставшихся за казною населенныхъ мѣстностяхъ вести въ широкихъ размѣрахъ сельское хозяйство, съ помощію особой казенной администраціи, проектируемой къ учрежденію запиской Щепановскаго. Ближайшимъ поводомъ или исходной точкой такого проекта служатъ мысль о необходимости содержать въ новоприсоединенныхъ областяхъ огромную военную силу, по крайней мѣрѣ въ числѣ 150,000 душъ. Содержаніе такой арміи обычнымъ и тогда подряднымъ способомъ заготовленія фуража по смѣтнымъ цѣнамъ обходилось-бы очень дорого, а получая главные предметы продовольствія—хлѣбъ и сѣно изъ казенныхъ мѣстностей въ натурѣ, можно было не только значительно уменьшить цифру содержанія войскъ, но и доставить казнѣ знатный доходъ, въ особенности при чрезвычайномъ плодородіи земли въ юго-западномъ краѣ. Такъ рассуждалъ авторъ проекта, и его рассужденіе, въ условій практическаго примѣненія, было вполне справедливо и основательно. Расходы не достигаютъ и 100,000, а барыши могли быть миллионныя. Кого не могла прельстить подобная мысль? Самъ составитель проекта настолько увлекся ею, что предлагалъ не только прекратить дальнѣйшую раздачу земель, но взять въ казну старостинскія и католическія духовныя, равно выкупить пожалованныя прежде въ этихъ провинціяхъ мѣстности, владѣльцы которыхъ въ самое короткое время успѣли такъ обременить ихъ долгами, что были-бы только рады казенной отъ нихъ покупкѣ.

Нимѣлъ ли проектъ въ такомъ или иномъ видѣ дальнѣйшій ходъ, ни откуда не видно. Едва-ли однако записка столь важнаго содержанія, составленная притомъ въ центрѣ управленія присоединеннымъ краемъ, могла быть писана такъ сказать на вѣтеръ, или для любопытства потомства. Самая мысль записки едва-ли

принадлежала тому, кто на ней подписался полнымъ своимъ титуломъ и именемъ. Мысль эта могла принадлежать лишь людямъ, облеченнымъ болѣе широкою властью, надѣющимся на проведеніе самыхъ широкихъ плановъ. Такая мысль могла быть тогда въ ходу въ сферахъ вліятельныхъ, если не принадлежала самому тогдашнему генералъ-губернатору; а сопоставляя ее съ основною мыслью проекта устройства военныхъ поселеній, нельзя не видѣть между ними большого сходства. Въ послѣдней проектѣ вся и разница въ томъ лишь, что военная администрація замѣняетъ не ясно очерченную здѣсь гражданскую сельско-хозяйственную администрацію. Промежутокъ времени между тѣмъ и другимъ проектомъ весьма незначительный. Помѣщаемый проектъ могъ пройти нѣсколько инстанцій, претерпѣть измѣненія, быть болѣе разработаннымъ и точнѣе опредѣленнымъ, на что указываютъ и заключительныя слова записки, но едва-ли мы ошибемся, предположивъ въ найденной нами Запискѣ первоначальныя зародыши военныхъ поселеній. Не даромъ военныя поселенія являются главнымъ образомъ въ сѣверо и юго-западномъ краѣ, на сѣверѣ же Россіи, кромѣ печальной извѣстности Грузина, резиденціи Аракчеева, никакого другаго военнаго поселенія не находимъ.

Помню этого записка даетъ цѣнныя указанія на экономическій строй присоединенныхъ провинцій, вмѣстѣ съ взглядами на оныя новыхъ правителей, и любопытна, какъ давнишній проектъ довольствія войскъ безъ посредства подрядовъ.

Физическое положеніе присоединенныхъ отъ Польши къ Россіи провинцій по всѣмъ политическимъ правиламъ требуетъ, чтобы содержать въ нихъ преимущественно предъ другими знатную военную силу.

Пространство же и изобиліе въ оныхъ позволяютъ удобно расположить и продовольствовать до 150,000 войска, которыя, кромѣ нужной преграды отъ чужихъ земель, еще въ разные виды удовлетворятъ полезныя государственныя предположенія.

Отмѣнная государственная польза будетъ та, что сіи войска въ тѣхъ мѣстахъ продовольствоваться могутъ провіантомъ и фуражемъ по цѣнамъ, не превосходящимъ штатнаго положенія, такъ что въ сравненіи съ состоящими нынѣ тамъ цѣнами останутся, за продовольствіемъ вышеписаннаго количества войскъ, по меньшей мѣрѣ двѣ трети издерживаемой нынѣ суммы въ казнѣ.

Вѣрнѣйшее и не опровергаемое средство къ достиженію сей знатной прибыли для казны есть—учредить въ присоединенныхъ отъ Польши провинціяхъ *казенныя земледѣльческія правленія*.

Для удостовѣренія въ томъ, что цѣна и количество собираемаго зерна въ помѣстьяхъ провинцій соотвѣтствуютъ выше упомянутому пред-

положенію, довольно истребовать, гдѣ слѣдуетъ, вѣдомость всѣмъ въ казенныхъ имѣніяхъ по инвентарямъ количествомъ и цѣною въ доходъ показаннымъ продуктамъ.

Таковыя вѣдомости не только ясно докажутъ, что даже при нынѣшнемъ весьма нерадивомъ домоводствѣ продукты къ продовольствію войскъ способные, состоятъ не свыше штатной цѣны положенія, но что, замѣняя прочіе плоды земли и наличные доходы въ главной предметъ продовольствія войскъ, цѣна провіанту и фуражу гораздо уменьшится, такъ что казна изъ своего земледѣлія, кромѣ другихъ выгодъ (о которыхъ ниже сказано будетъ), вѣрныхъ до 25 процентовъ изъ своего капитала получить ежегодно. Къ тому же добавить должно неминуемо ежегодно возрастающую прибыль отъ удобренія земли и порядочнаго соблюденія земледѣльческихъ правилъ.

Полагая содержать въ присоединенныхъ провинціяхъ 150,000 войскъ, а именно; въ бѣлорусскихъ, минской, виленской, гродненской, кіевской, подольской и волынской губерніяхъ, должно быть казеннаго имѣнія по малой мѣрѣ 100,000 дымовъ или 200,000 мужеска пола душъ, дѣйствительно къ земледѣлію опредѣленныхъ. Въ кіевской, волынской и подольской губерніяхъ, по поводу доброты земли, меньше казеннаго имѣнія имѣть нужно, нежели въ другихъ губерніяхъ.

Извѣстно, что при присоединеніи сихъ провинцій къ Россіи количество дымовъ въ казенныхъ имѣніяхъ превосходило выше сказанное предполагаемое количество; но какъ послѣ того Высочайше угодно было всемилостивѣйше пожаловать разнымъ чинамъ знатное изъ нихъ число въ вѣчно потомственное, а инымъ во временное владѣніе, почему уповательно, нынѣ толикое количество не состоитъ въ казенномъ вѣдѣствѣ; то къ приобрѣтенію онаго представляются слѣдующія средства:

1 - е.

Отнынѣ впредь не давать въ награжденіе никому никакое казенное имѣніе во временное владѣніе; удостоившихся же монаршей милости мужей государь довольно имѣеть способовъ жаловать, а истинный сынъ отечества не можетъ того желать, что есть съ ущербомъ онаго.

2 - е.

Состоящіе нынѣ казенныя всякаго рода имѣнія *по привилегіямъ польскимъ* во времянномъ владѣніи у помѣщиковъ взяты въ казенное владѣніе (разумѣется само про-себя, что государю императору чинить изъятіе предоставляется), въ мѣсто же того опредѣлить имъ (такъ, какъ въ Пруссіи здѣлано) на томъ же имѣніи получать ежегодно деньгами ту часть доходовъ, которая имъ по послѣдней 1798 года люстраціи предоставлена была по значенію инвентарей.

Кромѣ очевидной казенной пользы, всѣ правила политической экономіи и моральности одобряютъ сіи распоряженія, *во первыхъ* по тому, что рѣдко которые изъ сихъ владѣльцовъ могутъ доказать, что они свою привилегію получили за оказанную отечеству полезную услугу. Напротивъ того произшествія минувшаго столѣтія доказываютъ ясно, что оныя имѣнія были въ слабыхъ рукахъ королей польскихъ орудіемъ разстройки, а по интригамъ вельможей и причиною уничтоженія отечества, *во вторыхъ*, всѣ безъ изъятія казенныя во времянномъ владѣніи у дворянъ состоящія имѣнія, по той-же самой причинѣ, находятся по всѣмъ частямъ въ отчужденно худомъ состояніи; всякій владѣлецъ старается какъ можно скорѣе и больше получить пользы, не употребляя на нужные издержки ко удобренію оныхъ даже и тѣ способы, которые дозволяютъ мѣсто, положеніе и угоды, *въ третьихъ*, почти всѣ таковыя имѣнія по древнему обыкновенію отданы владѣльцами въ откупъ небогатымъ дворянамъ за возвышенную противу инвентаря цѣну; сіи откупщики употребляютъ всякіе чрезвычайные способы, дабы на сроки заплатить за откупъ и себѣ получить пользу, что безъ тягости для крестьянъ, изнуренія земель и прочихъ угодій статься не можетъ; и въ семъ-то видѣ предстаетъ ошутительная картина нерадѣнія, ибо настоящій помѣщикъ государь покупаетъ нынѣ для удовольствія войскъ, назначенныхъ къ защищенію отечества, провіантъ и фуражъ у старостинскаго откупщика, платитъ ему трижды дороже, нежели въ инвентарѣ сихъ имѣній цѣна положена онымъ продуетамъ; староста же и его откупщикъ въ воздаяніе раззоряютъ часъ отъ часу больше имѣнія, а что всего хуже отягощаютъ крестьянъ посредствомъ изобрѣтенія особенныхъ прибылей, а тѣмъ самымъ уничтожаютъ источ-

ники главной (по политической экономіи) государственной пользы, понеже утружденные крестьяне, не имѣя защиты, бѣгутъ за границу, гдѣ нарочито привлекаютъ земледѣльцовъ отѣнными выгодами; государь для содержанія войскъ, къ сохраненію государственной и частной безопасности необходимыхъ, платитъ дорого за собственной свой хлѣбъ тѣмъ, которые для полученія сей прибыли уменьшаютъ число поданныхъ, предопредѣленныхъ къ военной службѣ и къ продовольствію военно-служащихъ. *Четвертое*, продолжающееся и по нынѣ въ силѣ провинціяхъ обыкновеніе, что дворяне отдають собственныя и по привилегіямъ состоящія у нихъ во временномъ владѣніи казенныя имѣнія въ срочные откупы дворянамъ, противно основнымъ законамъ самодержавнаго правленія.

Утвердительно доказать можно, что къ паденію Польши сіе обыкновеніе было главною причиною, ибо дворяне откупщики не знали привязанности къ отечеству, а единственно къ знатнымъ помѣщикамъ, которые давали имъ съ выгодною свои имѣнія на откупъ; но за то въ время сеймовъ употребляли ихъ голоса по своимъ прихотямъ, то есть по мѣрѣ, какъ они королямъ или какою сосѣдственною державою обольщаны были.

Сей однако же порокъ былъ такъ сказать извинительнымъ слѣдствіемъ непростительной погрѣшности главнаго постановленія, по которому всѣ государственныя гражданскія должности бесплатно дворянамъ исполняемы были, равно какъ и военныя офицерскія чины покупаны быть могли заживными только дворянами, небогатые же принуждены были откупами и служеніемъ у богатыхъ заниматься; но въ самодержавномъ государствѣ, а особливо Россіи, гдѣ гражданскіе и военскіе мѣста доставляютъ дворянству и пропитаніе и всякаго рода чести должно употребить всѣ способы, дабы устранить сіе вредное обыкновеніе, ибо хотя въ самодержавномъ правленіи вліяніе вельможей не должно быть можетъ предосудительнымъ въ отношеніи самаго правленія, но меньше того таковыя откупы отвлекаютъ большую часть дворянъ от государственной службы, не считая и того, что сіи откупщики пользуются защитою правительства и благоденствіемъ государства, не чувствуя никакой тягости прочихъ согражданъ, поелику обыкновенно и

государственныя подати платимы суть дѣйствительными помѣщиками, а откупщикъ и самъ безъ всякихъ податей пользуется и не рѣдко бываетъ причиною, что притѣсенные имъ крестьяне бѣгутъ за границу, а по меньшей мѣрѣ дѣлаются бесполезными своему отечеству.

Изъ сего явствуется необходимость, чтобы, пока помѣщики, узнавши сіе зло, свои возьмутъ мѣры, казна не отлагательно собственными своими имѣніями сама управляла.

Полезныя слѣдствія изъ такового правленія неизчислимы, ибо кромя дешеваго продовольствія войскъ, въ тѣхъ мѣстахъ преимущественно нужныхъ, количество доходовъ безпрерывно возрастать должно по мѣрѣ порядочнаго управленія.

Извѣстно, что въ домоводствѣ перѣдко одинъ рабочій день одного человѣка приноситъ пользу до 5-ти рублей, удобреніе земли, возведеніе казенныхъ строеній, даже крѣпостей и по положенію мѣсть юотвѣтственныхъ разнаго рода заводовъ, при которыхъ ручная работа крестьянина заступасть знатныя денежныя издержки, всѣ сіи источники суть неизчисленные прибыли для государя, а крестьянину доставить чрезъ непосредственную защиту и пособія приличное благоденствіе.

3 - е.

По тѣмъ же самымъ причинамъ слѣдуетъ (также не безъ изысканія) взять въ казенное вѣдомство всѣ казенныя имѣнія, кои всеишлостивѣйше пожалованы разнымъ чинамъ во временное владѣніе, назначивъ нынѣшнимъ владѣльцамъ, какъ выше сказано, ту часть доходовъ, которая по инвентарю того имѣнія значить, наличными деньгами. Можно даже надѣяться, что многіе изъ нихъ охотно на сіе согласятся, потому что они, будучи въ отсутствіи внутри Россіи по мѣгамъ, принуждены или отдавать въ откупъ свои имѣнія, или поручать оныя за глазами въ управленіе неспособныхъ и невѣрныхъ слушителей, а въ обоихъ случаяхъ едва могутъ надѣяться получать и инвентарнаго дохода, а особливо когда со стороны казны соблюдены будутъ всѣ способы къ прекращенію всякаго злоупотребленія.

4 - е.

Казна можетъ пріобрѣсть имѣній въ знатномъ количествѣ, взявъ свое вѣдомство всѣ римско-католическія духовныя имѣнія; повodomъ

самымъ справедливымъ къ тому служить могутъ въ особой здѣсь предлагаемой запискѣ показанныя причины, равно и способы, которые употребить можно для содержанія въ тѣхъ мѣстахъ сего званія людей.

5 - е.

Приобрѣтеніе въ казну имѣній въ тѣхъ провинціяхъ производимо еще быть можетъ посредствомъ покупки, особливо у тѣхъ помѣщиковъ, кои въ всемилостивѣйшее жаловано тамъ изъ казенныхъ имѣній въ вѣчно потомственное владѣніе.

Извѣстно, что большая часть сихъ помѣщиковъ, живучи внутри Россіи, принуждены или отдавать въ откупъ, или заочно управлять своими имѣніями; а потому охотно согласятся за сходную цѣну продать оныя въ казну.

Таковая покупка и потому для казны выгодна, что почти всѣ сіи имѣнія находятся въ закладѣ въ государственныхъ банкахъ, и по расчету казнѣ доплатить не много придется, помѣщики же, освобождаясь симъ способомъ отъ долговъ, остальные деньги по своей волѣ употребятъ въ свою пользу.

Для облегченія таковой покупки можно выпустить единственно къ тому предмету служащія, нужное количество особенныхъ государственныхъ обязательствъ, кои быть могутъ отъ 50, 100, 200, 300 и до 1,000 рублей цѣны, съ тѣмъ, что капиталъ по истеченіи 15 лѣтъ по частямъ и по очереди платимый будетъ; а между тѣмъ вѣдѣтели оныхъ получать будутъ по четыре процента въ годъ противъ существующихъ нынѣ государственныхъ ассигнацій.

Сии обязательства служатъ помѣщикамъ по всѣмъ ихъ надобностямъ наравнѣ, какъ и наличные деньги, въ теченіи же 15-ти лѣтъ уповательно казна выручитъ всѣ тѣ суммы изъ доходовъ купленныхъ имѣній.

Покупка имѣній въ казну должна быть производима съ крайнею разсмотрительностію, дабы приобретеніе оныхъ соответствовало и по положеніемъ мѣстъ и угодами ожидаемой отъ того вышесказанной государственной пользѣ; особливо бдѣть должно о приобретеніи лѣсныхъ дачъ, безъ которыхъ домоводство удобно производимо быть не можетъ.

Покупка имѣній въ тѣхъ провинціяхъ произведена быть можетъ отъ 150 до 200 рублей за одну мужеска пола душу, которыя деньги безъ всякаго сомнѣнія въ теченіи пятнадцати лѣтъ въ казну возвращаются, не считая политическихъ польвъ, какія отъ таковаго распоряженія неминуемо воспослѣдуютъ.

Наконецъ казенное домоводство въ тѣхъ провинціяхъ по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ доставить, кромѣ провіанта и фуража, кожи, полотна, холста и сукна для войскъ, и сіи вещи навѣрно не превзойдутъ цѣнъ, по штату положенныхъ.

Казенныя *земледѣльческія правленія*, подъ названіемъ *казенныхъ имѣній администраціи*, должны быть въ тѣхъ провинціяхъ три. А именно: *первое* для виленской, гродненской и минской губерній, *второе* для бѣлорусскихъ и *третье* для волынской, подольской кievской губерній.

Всѣ сіи администраціи, подъ защитою губернскаго начальства, гносятся будутъ непосредственно къ министру финансовъ, который размѣрно съ важностію предмета, положеніемъ и образомъ домоводствования въ тѣхъ мѣстахъ составитъ и дастъ имъ особенныя наставленія.

ШТАТЪ ОДНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ.

1-нъ главный администраторъ,	5-го класса.
ему жалованья въ годъ 4,000 рублей, казенная квартира, цѣль и канцелярія будетъ, и отопка съ казенныхъ лѣсовъ.	
1-нъ вице-администраторъ, ему жалованья 2,500	6-го класса.
блей, квартира и дрова казенныя.	
2-ва секретаря по 1,200 рублей каждому.	8-го класса.
6-ть ревизоровъ по 800 рублей каждому.	9-го класса.
3-хъ землемѣровъ по 800 рублей каждому.	9-го класса.
2-хъ архитекторовъ по 600 рублей одному.	9-го класса.
1-нъ казначей 1,000 рублей.	8-го класса.
1-нъ стряпчій 1,000 рублей.	8-го класса.
1-нъ переводчикъ 600 рублей.	9-го класса.
3-ри магазейна смотрители по 1,200 рублей каждому	8-го класса.
4-хъ канцеляристовъ по 350 рублей каждому.	
8-мъ писарей по 250 рублей каждому.	14-го класса.
На канцелярскіе расходы 1,000 рублей въ годъ.	
На разные проѣзды и экстренныя надобности 3,600 рублей въ годъ.	

Итого для одной администраціи 31,500 рублей въ годъ.

А для трехъ 94,500 рублей.

Сумма, по сему штату положенная, можетъ казаться велика; но важность предмета и необходимость, дабы служащіе при администраціи чиновники, имѣя достаточное содержаніе, изъ опасенія лишенія онаго, не покушались ни на какое злоупотребленіе, оправдать должны сіе положеніе.

Содержаніе для мѣстныхъ по фольваркамъ управителей не можетъ быть навѣрно опредѣлено, а платимы будутъ соразмѣрно трудовъ ихъ и пространства управляемаго ими имѣнія, однако-же смотря по обыкновеннымъ установленіямъ въ тѣхъ мѣстахъ, содержанія ихъ, не превосходятъ 12-й или 15-й части собираемыхъ съ имѣнія продуктовъ; но для сбереженія и по сей части казеннаго интереса можно опредѣлить къ таковымъ мѣстамъ выслуженныхъ грамотныхъ военныхъ нижнихъ чиновъ.

Смотря на нынѣшнее разстроенное состояніе казенныхъ имѣній въ тѣхъ мѣстахъ, нужно будетъ въ первые годы для скорѣйшаго исправленія онаго принимать по контрактамъ землемѣровъ и ревизоровъ и сверхъ штата, нужнаго по обстоятельствамъ числа.

Когда состоится учрежденіе сихъ администрацій, то состоящіи нынѣ по казеннымъ палатамъ камеральныя экспедиціи, яко не нужны, уничтожены быть могутъ, и положенная для оныхъ по штату сумма, обращена будетъ на штатное содержаніе экономической администраціи.

Не меньше того обращены быть могутъ къ сему предмету и положенныя нынѣ суммы на содержаніе въ тѣхъ мѣстахъ оберъ-форштмейстеровъ, въ коихъ тогда не будетъ надобности; ибо кромѣ того, что администрація непосредственнымъ своимъ управленіемъ чрезъ нижніе лѣсные служители удобнѣе и по сей части сбережетъ казенную пользу: но и существо домоводства того требуетъ, чтобы лѣсныя угоды, столь сопряженныя съ земледѣльческою статью, имѣли и взаимно воздавали себѣ немедлительное пособіе, что при раздѣленномъ и независимомъ начальствованіи почти никогда сбыться не можетъ.

А наконецъ и въ содержаніи по провіантской части чиновниковъ въ тѣхъ мѣстахъ не будетъ надобности; ибо расположенные войска безъ затрудненія продовольствоваться могутъ изъ казенныхъ экономическихъ магазиновъ; относительно-же расчетовъ военныхъ и финансовъ министры учинить могутъ свои соображенія.

Подробнѣйшія объясненія по сему предмету, по востребованію, доставлены будутъ.

Библіографія.

Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. 1884. XXXIV—XXXV B-de. (Памятники императорской академіи наукъ въ Вѣнѣ. 1884 годъ).

Серьезный историко-культурный интересъ представляетъ разложе-
ніе лексическаго состава языка, какъ отдѣльнаго народа, такъ и отдѣль-
наго замѣчательнаго писателя на части, съ опредѣленіемъ, что оригина-
льно и что заимствовано, когда и отъ кого заимствовано. Большая
ли меньшая обширность лексикона опредѣляется степенью и силой
умоваго развитія народа или автора, широтой и разносторонностью
природныхъ дарованій и благопріобрѣтенныхъ познаній о мірѣ и чело-
вѣчествѣ. У народовъ, стоящихъ на низкой ступени цивилизаціи, мало
опытій, мало знаній, потому мало словъ. Съ развитіемъ образованности,
съ накопленіемъ знаній, съ возникновеніемъ и усиленіемъ международ-
ныхъ отношеній и связей усиливается лингвистическій составъ языка,
прочемъ только до извѣстныхъ предѣловъ, преимущественно до того
периода духовнаго народнаго творчества, когда слово начинаетъ терять
свой этимологическій смыслъ и превращается въ отвлеченное обозна-
ченіе предмета, дѣлается механическимъ орудіемъ для выраженія мысли.
Предѣленіе состава лексическаго достоянія народа—дѣло крайне труд-
ное и, можно сказать, никогда вполнѣ неисчерпываемое словарями. Не
мало труднымъ дѣломъ представляется опредѣленіе лексическаго бо-
гатства и разнообразія отдѣльнаго писателя, такъ какъ самый гениаль-
ный писатель не пользуется всѣмъ достояніемъ языка роднаго народа,
не овладѣваетъ даже пятой его частью. Лексиконъ Шекспира—самый
бѣгатый и однако въ немъ насчитываютъ немного болѣе десяти тысячъ
словъ. Такъ какъ въ исторіи культуры важное значеніе имѣетъ изло-

женіе взапмныхъ вліяній народо́въ, то особенный интересъ получаетъ опредѣленіе иноземныхъ элементовъ народнаго или авторскаго лексикона. Есть такіе языки, напр. англійскій, гдѣ, строго говоря, все лингвистическое цѣлое построено на симметрическомъ сочетаніи разнородныхъ элементовъ, такъ что нельзя опредѣлить, въ чемъ состоитъ главное лингвистическое ядро языка. Огромное однако большинство народо́въ, всѣ славянскіе народы обладаютъ такимъ лингвистическимъ ядромъ. У славянъ — лингвистическое ядро вполне славянское, и рѣчь можетъ идти только о наслоеніяхъ постороннихъ лингвистическихъ элементовъ, наслоеніяхъ болѣе или менѣе густыхъ и крупныхъ.

Составные элементы малорусскаго народнаго лексическаго достоянія весьма разнообразны. Малороссіянамъ приходилось входить въ близкія связи со многими иноплеменными народами, съ румынами, вѣнцами, татарами, греками. Естественно, происходилъ обменъ предметовъ понятій и *eo ipso* словъ. Въ однихъ случаяхъ проникали слова церковныя, въ другихъ слова, касающіяся военнаго дѣла, скотоводства или огородничества. Для опредѣленія инородныхъ элементовъ лексическаго состава малорусскаго языка сдѣлано очень мало; намѣчены лишь пути, указаны исходные пункты; на первое время и этому немногому нужю порадоваться, тѣмъ болѣе, что указателями пути въ данномъ случаѣ явились такіе авторитетные и строгіе ученые, какъ Миклошичъ и Потебня.

Въ настоящей заміткѣ я намѣренъ остановиться на появившемся въ печати обширномъ изслѣдованіи Миклошича о тюркскихъ элементахъ въ языкахъ южной и восточной Европы, греческомъ, албанскомъ, румынскомъ, болгарскомъ, сербскомъ, малорусскомъ, великорусскомъ и польскомъ. Трудъ Миклошича напечатанъ въ XXXIV—XXXV томѣ Записокъ вѣнской академіи наукъ прошлаго 1884 года и затѣмъ вышелъ отдѣльно въ двухъ частяхъ.

Миклошичъ указываетъ на три періода, когда приливъ тюркскихъ словъ въ славянскіе языки обнаруживался съ большой силой. Первый періодъ относится къ первымъ столѣтіямъ христіанской эры, до переселенія славянъ на западъ. Къ этой отдаленной эпохѣ отнеситъ заимствование словъ: *клубокъ*, *колпакъ*, *топоръ*. Второй періодъ относится ко второй половинѣ седмаго столѣтія, ко времени подчиненія славянъ на правомъ берегу Дуная тюркскимъ болгарамъ. Къ этому времени Миклошичъ относитъ заимствование слова *санъ* (по турецки — уваженіе), перешедшее потомъ чрезъ церковныя книги въ Россію. Третій періодъ начинается съ половины XIV ст., когда турки твердо стали на Балканскомъ полуостровѣ. Миклошичъ дѣлаетъ, между прочимъ, оговорку, что въ рус-

скій языкъ тюркскіи слова проникли не только съ юга, но и съ сѣвера и востока.

Теперь остановимся на нѣкоторыхъ малорусскихъ словахъ тюркскаго происхожденія.

Арлянь — кислое козье молоко изъ аѣпан — сыворожка, кислое молоко.

Лембикъ (слово, пропущенное Миклошичемъ), болгарское аламбикъ, сербское ламбикъ, польское alambik. Въ арабскомъ, по Миклошичу — alambik — Gefäß zum destilliren. Миклошичъ указываетъ при этомъ и греческій *амбика*, *амбикось* — чаша. Малорусское лембикъ — сосудъ для перегонки воды.

Лоша, *лошыця*, русское лошадь, сербское алаша — тюркское alaşa въ значеніи лошади.

Альтембаъ, польское altembas, изъ alten и bazz, Goldleinwand; alten — золото, деньги, отсюда алтынъ.

Андаракъ — женское платье, болгарск. и сербск. антерія изъ турецкаго anteri — нижнее платье.

Балабанъ — въ старинное время весьма извѣстная малорусская фамилія; въ турецкомъ balaban — толстый, густой. Русское балобанить — пустомелить.

Балта, *балда* — изъ турецкаго balta — слуга при дворцѣ. Здѣсь можно припомнить прозваніе Вишневецкаго балдой.

Базаръ, въ болгарскомъ и сербскомъ *пазиръ*, польское и великорусское, румынское, албанское базаръ изъ турецкаго bazar — торговое мѣсто, рынокъ.

Бакиръ (шапка на бакирѣ) вѣроятно изъ турецкаго bekri — пьяница; въ румынскомъ bekriu — распутный, невоздержный.

Баштанъ, болгарское, румынское, сербское *боштанъ*, персидское и гурдское bustan, греческое *миостани*, — изъ турецкаго bostan — огородъ, Gemüsegarten, Melonengarten.

Будыханъ, въ сербскомъ, болгарскомъ, русскомъ, польскомъ, чешскомъ, румынскомъ, греческомъ и мадыарскомъ звучитъ какъ будыганъ, буздоганъ, бузоганъ, — изъ турецкаго bozdogan — дубина, жезлъ, булава, keule, Streitkolben.

Бюлюкъ — въ Малороссіи довольно распространенное фампльное прозваніе. Въ турецкомъ bölük — отрядъ солдатъ, bölük başı. Слово бюлюкъ стрѣчается въ болгарскомъ, сербскомъ, албанскомъ, греческомъ языкахъ. Юда примыкаетъ фампльное прозваніе Булюбашъ.

Бре — ранѣе было объяснено профессоромъ А. А. Потебней въ III ч. *Иъ исторіи звуковъ русскаго языка*, стр. 15. Гуцульское бре, сербское ре, новогреческое мире; у Намвы Берынды — море — сирѣчь юроде, дурню. *Миклошичъ* указываетъ на турецкое bre.

Буджакъ, татары буджацкіе—въ турецкомъ budzak—уголъ; въ румынскомъ буджакѣ называется Бессарабія.

Бокай, *Бакай*—въ Малороссіи встрѣчаются крестьяне съ такимъ фамильнымъ названіемъ; въ болгарскомъ букаджія, букай, бокай, польскомъ bugajce въ значеніи kajdanu, —отъ турецкаго bukadze—налагать цѣпи, приковывать, retten, fesseln.

Булава—знакъ гетманскаго и полеовничьяго сана, русское булава. отъ турецко-татарскаго bulava—знакъ военачальника, Commandostab.

Бунчукъ отъ турецкаго bundžuk—раковина, жемчугъ, Muschel, Perle.

Черга. У Миклошича приводится одно турецкое слово, которое можно объяснить малорусское слово черга (пропущенное *имъ-же*). Въ персидскомъ находится čeragah—въ значеніи пастбища, Weideplatz, Wiese; у сербовъ чергія—лугъ.

Дерга—часть женскаго костюма, верхнее платье въ родѣ короткой юбки, плотно охватывающее тѣло; въ болг. черга—грубый коверъ; у сербовъ черга—цыганскій шатеръ; румын. черге или джерче—покрывало, коверъ,—отъ турец. čerge въ значеніи палатки, хижины, Zelt, Hutte.

Члчка, у Іоанна Вишенскаго часто встрѣчается въ смыслѣ цаца, игрушка, должно быть, происходитъ отъ упоминаемаго Миклошичемъ турецкаго слова čiček—цвѣтокъ, Blume.

Чижмы—сапоги; слово вполне турецкое; кромѣ малороссійскаго оно встрѣчается въ польскомъ, сербскомъ, румынскомъ.

Чабанъ—въ турецкомъ и персидскомъ пастухъ; вошло въ сербскій, болгарскій, малорусскій, польскій, румынскій, греческій языки.

Чуай—родъ архаука или свиты, болгарское, сербское чога, въ турецкаго čoha—сукно, Fuch.

Драбантовать, *драбантъ* встрѣчается во многихъ европейскихъ языкахъ, между прочимъ, и въ малорусскомъ, происходитъ отъ турецкаго derban—привратникъ, Thorwart.

Доломанъ, въ сербскомъ и болгарскомъ *долама*, русскомъ и польскомъ *долома*, изъ турецкаго dolama—платье, которое носили янычари въ торжественныхъ случаяхъ.

Душманъ—зашло въ Малороссію изъ турецкаго или персидскаго языка, гдѣ слово это означаетъ врага.

Ариать—работникъ, наемникъ (см. «Къ ист. звук.» Потебни III, 15)—не отъ греческаго слова, а повидному, вмѣстѣ съ греческимъ *ерятеся*, болгарскимъ и румынскимъ *ариать* изъ турецкаго erged—наемщикъ, Fagelöhner.

Фирезья, *ферязъ*, болгарское и сербское *фереджа* изъ турецкаго efradže—верхняя одежда женщинъ.

Пундыки—родъ прожняго; у Котляревскаго «полтавськи пундыки пражени». Кажется, что объясненія этого слова надо искать въ находящемся у Миялошича персидскомъ fendeke—въ смыслѣ орѣшка или ружейной пули.

Фудульнѣй, фудулатый—гордый изъ турецкаго fodul—гордый.

Гайда, айдукъ отъ турецкаго hajde—пошелъ, hajdud—разбойникъ.

Гайдамакъ—въ турецкомъ погонщикъ стада, eine Herde Vieh-treiber.

Кобзарь, вѣроятно изъ персидскаго hokka—baz—скоморохъ, музыкантъ, gaukler, въ румынскомъ kabaz.

Гарбузь (тыква), арбузь изъ персидскаго karbuz—дыня, тыква.

Кавунъ (у малороссовъ арбузь) изъ турецкаго kavun—сахарная дыня.

Козакъ въ турецкомъ языкѣ значитъ легко вооруженный воинъ, искатель приключеній.

Кунтушь изъ турецкаго kontoş—родъ одежды.

Калика, калѣва отъ персидскаго kalak—уродливый, безобразный.

Таково-же происхожденіе древне-русскаго калики (перехожаго), въ польскомъ kaleka, въ румынскомъ kalik; въ румынскомъ kaliçi—просить милостыню.

Кобенякъ отъ турецкаго kerenek—родъ плаща изъ шерстяной матеріи, войлокъ.

Кишень—тур. kese—кошелекъ.

Килимъ—персидскій kilim—коверь; въ болгарскомъ, сербскомъ, польскомъ, русскомъ и румынскомъ *килимъ* также означаетъ коверъ.

Ни—ничъ, въ смыслѣ «вовсе нѣтъ», ранѣе было объяснено Потебней въ III вып. «Къ ист. звук.» стр. 15. Миклошичъ приводитъ самый турецкій оригиналъ малороссійскаго слова: güc—сила, Gewalt.

Локшина, русское лапша отъ персидскаго lakše,—то-же, что русская лапша или вермишель, Art Nudeln.

Левенець—у Миклошича пропущено; но въ словарѣ приведено одно персидское слово, какъ нельзя болѣе подходящее для объясненія малорусскаго значенія слова левенець. Въ персидскомъ levend—солдатъ (бровонецъ на турецкихъ галерахъ, бродяга, должно быть первоначально значало левантинца. Въ малорусскомъ левенець—рослый человѣкъ, бродяга, негодяй.

Лиманъ—въ турецкомъ гавань, Hafen; встрѣчается въ сербскомъ, польскомъ, румынскомъ, греческомъ.

Люлька, люля—персидское lule—трубка, Röhre, Pfeife.

Мозоричъ—отъ арабскаго maḥaridž—расходъ, выдача, Ausgaben; въ славянскіе языки вошло черезъ турецкій.

Гамазыя, магазинъ—отъ арабскаго maḥzan—лавка, торговый домъ.

Мандрыка — сырое кушанье, родъ пампушекъ изъ сыра овечьяго. Не отъ турецкаго-ли mandra — ограда, овчарня, Hürde?

Манжура — фамильное прозваніе. Не стоитъ-ли оно въ связи съ турецкимъ — manzig — любимый, geliebt?

Мартолось — фамильное прозваніе, происхожденія турецкаго; въ турецкомъ martolos — солдатъ христіанской вѣры.

Машкара, маска, изъ арабскаго maskara — насмѣшка, Gespött.

Майданъ — изъ арабскаго mejdan — открытое мѣсто, площадь, мѣсто сраженія; встрѣчается въ сербскомъ, болгарскомъ, польскомъ, русскомъ, румынскомъ, греческомъ.

Мелешъ — фамильное прозваніе; въ исторіи извѣстенъ Мелешко; въ турецкомъ meles — незаконнорожденный, смѣшанный, Rastard, gemischt.

Бешикетъ (оскорбленіе, обида), изъ персидскаго pēskeš — почетъ, награда, Trinkgeld, Ehrengabe.

Шабашъ — довольно, по Миклошичу, отъ персидскаго šabaš — хорошо. отлично.

Шарка — въ турецкомъ šarka — картузь, Hut.

Таборъ — въ турецкомъ tabor — войско, отрядъ.

Потебня — фамильное прозваніе. Миклошичъ въ объясненіе малорускаго слова тебеньки (на что указано у Потебни «Къ ист. звуковъ IV, 49) приводитъ турецкое tebengii — боковыя части сѣдла, Sattelriemen.

Торба — болгарское, сербское, польское, малорусское — изъ турецкаго, torba — мѣшокъ, Sack.

Товаръ — рогатый скотъ отъ турецкаго скотъ, Zieh, Reitthier, Schaf.

Туманъ — въ турецкомъ tuman — туманъ, десять тысячъ.

Учкурь — въ турецкомъ uçkur — носъ, Nosenband.

Оставляемъ въ сторонѣ тюркскія слова, вошедшія въ малорусскій и великорусскій языки и довольно извѣстныя; на примѣръ: яръ, барышъ, башмакъ, чанъ, чабанъ, чамаданъ, чай, чекмень, чума, ботанъ (по турецки гусь, въ старин. книгахъ баснословная птица), вивжалъ, амбаръ.

Турецко-татарскій міръ, судя по словарю Миклошича, оказалъ на малороссіянь вліяніе относительно вѣшнихъ знаковъ власти, вооруженія, скотоводства и огородничества.

Н. Сумцовъ.

Виленскій календарь на 1885 годъ. Вильна 1884 года.

Холмскій народный календарь на 1885 г. Кіевъ, 1884 г. Изданіе холмскаго свято-богородицкаго братства.

Пересматривая огромную массу календарей, этихъ особаго рода періодическихъ изданій, являющихся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ,

быстро раскупаемых и едва-ли кѣмъ изъ интеллигентныхъ покупателей читаемыхъ, пересматривая всѣ эти календари, начиная отъ календарей «всеобщихъ» до «календарей для учащихся», отъ объемистыхъ, цѣною въ рубль, до крошекъ, цѣною въ копейку, — календари ученые (къ сожалѣнію, не многіе) и юмористическіе (для большаго числа праздныхъ людей), «русскіе», народные вообще и въ частности по мѣстностямъ, мы не можемъ не замѣтить, что каждый изъ нихъ старается, по мѣрѣ своихъ силъ и умѣнья, отвѣтить требованіямъ мѣста, времени и обстоятельствъ. Само собою разумѣется, что виленскій и холмскій календари подчиняются этому общему правилу, и намъ остается только указать по характеру календарныхъ статей на ту злобу текущей годины, которая волнуетъ нашъ западъ и сѣверо-западъ, и опредѣлить, насколько умѣло ведутся такіа изданія въ городахъ, далекихъ отъ центровъ умственной жизни и дѣятельности и удовлетворяются-ли ими означенныя требованія.

Начнемъ съ виленскаго календаря.

Это весьма изящная книжка, разумно и цѣлесообразно составленная. Въ ней выдается прежде всего церковный отдѣлъ; тутъ помѣщены житія не только мѣстныхъ святыхъ, но и вообще русскихъ. Для насъ важнѣе, конечно, первыя, такъ какъ въ нихъ излагается, вмѣстѣ съ тѣмъ, и исторія внутренней жизни сѣверо-западнаго края. Къ сожалѣнію, редація календаря на каждое житіе, безъ различія мѣста дѣятельности святаго, удѣлила по одинаковому числу страницъ. Изъ числа житій западно-русскихъ святыхъ мы отмѣтимъ только малонзвѣстныхъ. Напримѣръ, подъ 20-мъ апрѣля разсказывается о печальной судьбѣ св. Гаврііла, заблудовскаго мученика-младенца, мощи котораго хранятся теперь въ слудкомъ монастырѣ. Редація чрезвычайно осторожно даетъ понять, что этотъ св. младенецъ былъ замученъ евреями въ 1690 году съ фанатически-религіозною цѣлю, и ссылается на судебныя книги заблудовскаго городского магистрата, гдѣ это дѣло было разобрано. Подъ 5-мъ сентября изложена кратко жизнь преподобно-мученика Аѳанасія Филипповича, Брестскаго игумена, а подъ 7-мъ — преподобно-мученика Макарія, бывшего сначала настоятелемъ въ овручскомъ, а потомъ въ каневскомъ монастырѣ, и обезглавленнаго въ 1678 году, при нападѣніи на Каневъ турокъ. Далѣе слѣдуютъ житія преподобнаго Іова, почаевскаго игумена, князя Θεодора Острожскаго и другихъ святыхъ, проведшихъ свою жизнь въ борьбѣ за вѣру и народность. Изложеніе житій строго объективно и сжато; главные факты нигдѣ не опущены, выдвинуты на первый планъ и выразительно говорятъ сами за себя. Такихъ-же достоинствами отличается и «отрывокъ изъ исторіи уни въ Бѣлоруссін», въ которомъ изображена полная трагизма борьба витебскихъ и полоцкихъ мѣщанъ

со своимъ епископомъ Іосафатомъ Кунцевичемъ, преданнымъ униі до фанатизма. «Краткое описаніе супрасльскаго благовѣщенскаго монастыря», а равно біографія недавно умершаго минскаго архіепископа Антонія Зубка заставляеть авторовъ этихъ статей коснуться исторіи униі за все время ея господства, т. е. отъ конца XVI-го и до первой почти половины XIX-го вѣка. Объ архіепископѣ Антоніѣ достаточно замѣтить, что онъ былъ школьнымъ товарищемъ, другомъ, а потомъ и главнымъ сотрудникомъ митрополита Іосифа Симашева въ дѣлѣ воссоединенія униатовъ. Всѣ статьи, при полной точности и историческомъ безпристрастїи, изложены литературнымъ языкомъ, легкимъ и удобопонятнымъ. Приложенный къ календарю, литографированный, прекрасной работы, портретъ цесаревича Николая Александровича напоминаетъ намъ приложенія, какія въ былое время давались «Кіевскимъ Народнымъ Календаремъ». И все это за 30 копѣекъ!

Нельзя не отдать полной справедливости умѣнью и такту редакціи виленьскаго календаря: при выборѣ статей она руководилась исключительно желаніемъ познакомить своихъ читателей съ роднымъ прошлымъ. воздерживаясь отъ полемики, хотѣла дать имъ духовное оружіе для духовной-же борьбы съ католицизмомъ и полонизмомъ, этимъ большимъ мѣстомъ сѣверо-западнаго края. Въ пользѣ такихъ изданій сомнѣваться нельзя, за успѣхъ ихъ ручаться можно.

Холмскій народный календарь, изданный холмскимъ свято богородицкимъ братствомъ, которое ставитъ цѣлью своего существованія въ дѣятельности поддержаніе и распространеніе православія въ Забужной Руси, имѣеть національно-религіозный полемическій характеръ; этотъ послѣдній образно выражается въ виньеткѣ оберточного листа, гдѣ представлено преніе о вѣрѣ князя Романа Галицкаго съ посланн папы Иннокентія III. Содержаніе виньетки передано словами Радзивиловской лѣтописи (на второмъ листѣ), которыя и составляютъ такимъ образомъ эпитафію книги. Обычныя календарныя свѣдѣнія здѣсь совершенно отсутствуютъ, если не считать правилъ о приѣмѣ учениковъ въ холмское духовное училище да списка ярмарокъ въ губерніяхъ привислянскаго края (даже нѣтъ разбора вексельной и гербовой бумаги). Святцы православной и католической церкви, а также все, что касается богослуженія и праздни-ковъ, сообщено весьма обстоятельно. Рядомъ со святцами и обычнымъ историческимъ календаремъ помѣщены народные примѣты о погодѣ и урожаяхъ; но это примѣты великорусскаго происхожденія и едва-ли подходятъ подъ климатическія условія Холма и его окрестностей. Мы думаемъ, что въ каждой мѣстности есть своя особенная метеорологія и свои обычаи въ сельскомъ хозяйствѣ, которымъ и слѣдовало-бы дать здѣсь мѣсто.

какъ сдѣлано это, напр., въ Календарѣ юго-западнаго края на 1873 годъ, лучше и полнѣе котораго у насъ до сихъ поръ не появлялось въ Кіевѣ ни одного. Остальныя статьи въ холмскомъ календарѣ историческаго содержанія и приближаютъ его нѣсколько къ древнимъ сборникамъ XIV и XV вѣковъ (Златая Чепь, Матица Златая или Жемчугъ, Измарагдъ, Маргаритъ и проч.), особенно-же къ тѣмъ изъ нихъ, которые назывались хронографами или палеями и въ которыхъ, по преимуществу, помѣщались историческія и полемическія прозведенія. Первая изъ его статей излагаетъ исторію «города Холма и его святыни», чудотворной иконы Божіей Матери, отчетливое изображеніе которой и приложено при этомъ. Авторъ предполагаетъ основаніе города еще при Владимірѣ св. и заканчиваетъ рассказомъ о неудачной попыткѣ татаръ взять городъ въ 1260 году; неудача приписывается заступничеству Божіей Матери, которой икона, израненная татарами, стала съ тѣхъ поръ чествоваться христіанами. Это серьезная статья и одна изъ лучшихъ въ календарѣ. Далѣе слѣдуетъ житіе «св. преподобномученика Афанасія Филипповича, игумена брестскаго», составленное по его «Діаріушу»; оно выиграло-бы въ жнвности изложенія и въ точности характеристики этого святого, если-бы авторъ воспользовался очеркомъ жизни и дѣятельности Филипповича, напечатанномъ г. Орестомъ Левицкимъ въ «Университетскихъ Извѣстіяхъ» за 1878-й годъ. «Житіе преподобнаго пустынножителя Снуфрія», подвизавшагося въ Өивандской пустынѣ, изложено весьма подробно, въ ущербъ житію Филипповича, имѣющему мѣстный интересъ. Первое съ удобствомъ могло-бы быть сокращено, по крайней мѣрѣ, въ пять разъ. Статьи: «Наша родная исторія» и «О томъ, какъ древняя Польша любила Русь послѣ брестской церковной уніи», очерчиваютъ кратко исторію козацкихъ войнъ до Богдана Хмельницкаго и въ его время; ради послѣдовательности слѣдовало-бы переставить ихъ одну на мѣсто другой; вторая статья—простая перепечатка изъ извѣстнаго «Вѣстника Юго-Западной Руси» г. Говорскаго. Слѣдуетъ затѣмъ сказаніе 1766 года о страданіяхъ мліевскаго старосты Данила Кушипра, замученнаго поляками за преданность православію. Сказаніе передается безъ обработки, какъ сырой матеріалъ, въ такомъ видѣ оно не разъ уже переходило изъ одного сборника въ другой и приобрѣло большую извѣстность, благодаря своей характерности. Честь открытія свазанія принадлежитъ о. П. Г. Лебединцеву; въ первый разъ оно было напечатано нмъ въ «Руководствѣ для сельскихъ пастырей» за 1860 г., потомъ вошло въ составъ брошюры, предназначенной для народнаго чтенія: «Сказанія о стародавнихъ людяхъ кіевской земли» (Кіевъ. 1865 года), затѣмъ помѣщено въ «Собраніи сочи-

невій М. А. Максимовича» (стр. 555), наконецъ перепечатано въ «Сборникѣ документовъ пропаганды» (стр. 239) и отсюда уже заимствовано редакціей календаря. Краткій, но любопытный «Разсказъ восьмидесятилѣтняго старика объ обрядахъ, сохранившихся въ народѣ со временъ древняго благочестія», касается лишь обрядовъ при вѣнчаніи, крещеніи и панихидѣ, которые, выведенные въ эпоху уни изъ употребленія въ церкви, стали исполняться съ тѣхъ поръ православными дома; это—обведеніе жениха и невесты вокругъ аналоя, наложеніе вѣнцовъ на нихъ, обведеніе кума и кумы вокругъ купели и служеніе панихиды на заупокойной просфорѣ. «Отношенія южно-русскаго народа къ полякамъ и жидамъ во времена уни» изображены по народнымъ пѣснямъ хотя рѣзко, но живо и обстоятельно. Этотъ трудъ г. Явковскаго производитъ на читателя тяжелое впечатлѣніе, вызывая горькое чувство при мысли о пережитыхъ народомъ страданіяхъ. «Поѣздка въ Кіевъ и Почаевъ въ 1884 году» описана весьма подробно священникомъ Алек. П...пль; въ описаніи не мало сценъ, вызывающихъ умиленіе; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ на тотъ весьма прискорбный фактъ, что католичество и до сихъ поръ, не будучи господствующимъ исповѣданіемъ, продолжаетъ вести, и не безъ успѣха, борьбу съ православіемъ. Этотъ-же фактъ еще убѣдительно подтверждается Виленскимъ Календаремъ, по которому въ Супрасльскомъ имѣнніи (бѣлостовскаго уѣзда, гродненской губерніи) въ 1867 году было 1327 человекъ обоюга пола православныхъ, а въ 1884 году всего 125; остальные католики и лютеране.

«Выписки изъ древняго историческаго календаря» привели насъ просто въ недоумѣніе. Ни на какой древній историческій календарь здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго указанія. Это ничто иное, какъ переданныя словами неувѣстнаго автора выдержки мѣстной извѣстныхъ историковъ Карамзина, Кояловича, Даниловича, Петрушевича, Шараневича и другихъ по разнымъ вопросамъ мѣстной исторіи. Трудно понять, почему потребовалось несоотвѣтствующее содержанію заглавіе. Въ календарѣ есть не мало историческихъ изреченій и анекдотовъ, характеризующихъ враждебныя отношенія народностей въ краѣ. Все это заканчивается древними духовными виршами и нотами къ нимъ. Въ календарѣ для тамошняго народа это едва-ли не лучшее.

Сопоставляя оба названные календаря, мы видимъ, что содержаніе ихъ отъ начала до конца вызвано и обусловлено потребностями культурной и религіозной борьбы національностей и оба они имѣютъ въ виду эту именно цѣль; тѣмъ не менѣе они замѣтно отлпчаются другъ отъ друга. Въ то время какъ Виленскій Календаръ старается излагать печальные факты исторіи безъ всякихъ прикрасъ и комментариевъ, въ виду, конечно,

того, что факты сами за себя и отъ себя говорятъ, — Холмскій, напротивъ, давая извѣстный отгѣнокъ этимъ фактамъ, получаетъ весьма замѣтный полемическій характеръ. Само собою разумѣется, что эта разница должна быть объясняема взглядами и характеромъ самихъ редакцій.

Искренне желаемъ успѣха обоимъ изданіямъ въ достиженіи намѣченной цѣли. Указывая на слабыя стороны календарей, мы съ удовольствіемъ отгѣчали все, что заслуживаетъ вниманія и уваженія въ нихъ. Въ заключеніе, не можемъ не выразить надежды, что полезное это дѣло не прекратится и въ будущемъ году и что обѣ редакціи, снабжая народную массу хлѣбомъ духовнымъ, не откажутъ ей въ указаніяхъ, необходимыхъ иногда при добываніи и хлѣба насущнаго. Въ этомъ случаѣ мы позволяемъ себѣ указать, какъ на примѣръ, на календари кіевскіе.

И. Наманинъ.

П. Л., Кієво-михайловскій златоверхій монастырь въ его прошломъ и настоящемъ. Кієвъ. 1885 годъ.

Ну, чтобы, кажется, проще, какъ имѣть нашему «Богомъ хранимому граду Кіеву» свою подробную исторію? А между тѣмъ мы, не смотря на близящееся трехсотлѣтіе духовной академіи и недавно исполнившееся пятидесятилѣтіе университета, до сихъ поръ не имѣемъ ни исторіи городской общины, ни исторической топографіи города. Собираются пока матеріалы. Исторія отдѣльных мѣстъ, древностей, зданій, хотя и давно уже разрабатывается многими славными мужами, но цѣльнаго до сихъ поръ еще нѣтъ ничего. Капитальный трудъ г. Закревскаго: «Описаніе Кіева» требуетъ пересмотра, исправленій и дополненій и скорѣе можетъ служить сводомъ матеріала для исторіи, чѣмъ самой исторіей. Весьма многіе вопросы разрѣшаются гадательно и верѣдко даютъ поводъ къ продолжительнымъ и горячимъ спорамъ. Разрѣшенію мѣстныхъ вопросовъ посвящаетъ свои труды и уважаемый авторъ названной брошюры П. Л. Онъ не первый годъ работаетъ по исторіи нашего края вообще и города въ частности, и это не первая его работа; каждая изъ нихъ всегда заключала въ себѣ что-либо новое и неожиданное. Благодаря глубокому знанію нашихъ лѣтописей и подробному критическому анализу мелкихъ данныхъ лѣтописи и ихъ удачной комбинаціи, у автора всегда получается въ результатъ такое рѣшеніе затронутого вопроса, что оно, будучи наиболѣе вѣроятнымъ, измѣняетъ

сложившіяся раньше мѣнія. Цѣль брошюры «Описаніе михайловскаго монастыря» дать кievскимъ паломникамъ краткое руководство при обзорѣ одной изъ древнихъ мѣстныхъ святинь. Составленное вполнѣ научно и обстоятельно, это описаніе, при бѣдности у насъ такого рода произведеній, является вполнѣ желанной и отрадной новинкой. Авторъ описанія, хорошо знакомый съ литературой своего предмета, сообщает новыя и выбираетъ наиболѣе основательныя мѣнія. Такъ подъ рубрикой: «начало монастыря» онъ излагаетъ свое мѣніе о томъ, что на мѣстѣ теперешняго златоверхо-михайловскаго монастыря существовалъ прежде дмитріевскій, основанный въ 1060 году великимъ княземъ Изяславомъ-Дмитріемъ Ярославичемъ, около 1086 г.—св. Петра, а въ 1108 году заложена была церковь во имя архистратига Михаила великимъ княземъ Святополкомъ-Михайломъ Изяславичемъ. Въ 1128 г. «переша печеряне (т. е. власти печерскаго монастыря) церковь св. Димитрія и нарекоша ю Петра». Съ этого времени исчезло названіе церкви св. Димитрія; поведеніе печерянъ лѣтописецъ называетъ «великимъ грѣхомъ и неправдою». По мѣнію автора церковь св. Димитрія погибла среди запустѣнія Кіева въ теченіи XV вѣка, уцѣлѣла-же только михайловская, которая и даетъ теперь монастырю свое имя, вошедшее въ употребленіе не ранѣе XVI вѣка¹⁾. Далѣе авторъ излагаетъ исторію сооруженія и расположенія храмовъ монастыря, плюстрируя ее приложеннымъ въ концѣ книги планомъ, описываетъ иконостасъ, отдѣльныя замѣчательныя иконы, алтарь и мозаику въ немъ; передаетъ разсказъ о судьбѣ мощей св. великомученицы Варвары, исчисляетъ лицъ, погребенныхъ въ михайловскомъ храмѣ и его придѣлахъ, описываетъ колокольню, оградъ, гостинницу, архіерейскій домъ и монашескія келіи, а равно земельныя угодья, прежде принадлежавшія и нынѣ принадлежащія, и монастырь, зависимыя отъ михайловскаго. Авторъ говоритъ кратко, между прочимъ о ризницѣ и библиотекѣ; о послѣдней только упоминаетъ, а между тѣмъ людямъ, наученнымъ книжному искуству (какъ мѣстнымъ, такъ и посѣщающимъ Кіевъ) прежде всего интересно было-бы имѣть, конечно, не каталогъ, а хотя-бы общее знакомство съ содержаніемъ книгъ в рукописей и временемъ ихъ изданія; этихъ-то указаній въ брошюрѣ и нѣтъ, къ сожалѣнію. Наконецъ въ ней приводится списокъ настоятелей кіево-михайловскаго монастыря, начиная съ 1503 года и до благополучно правящаго имъ нынѣ преосвященнаго Виталія Іосифова; въ заключеніе описана живописная дача монастыря—Еофанія.

И. Каманинъ.

¹⁾ Подробности объ этомъ см. въ «Чтеніяхъ историческаго общества Нестора лѣтописца, кн. I, 1873—1877 г. стр. 28—36.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

КУРАКОВСКІЙ ДОГОВОРЪ КОЗАКОВЪ СЪ ПОЛЯКАМИ 1625 ГОДА.

Кураковскій договоръ принадлежитъ къ числу самыхъ тягостныхъ и унижительныхъ для козаковъ. Мѣсто заключенія его опредѣляется въ исторіи Кураковымъ озеромъ и урочищемъ «Медвѣжьи лозы». Очевидно, договоръ былъ заключенъ вдали отъ населенныхъ мѣстъ, на походѣ или на мѣстѣ сраженія. Опредѣленіе мѣста его заключенія, кромѣ прямаго своего интереса, можетъ служить объясненіемъ невыгодности самаго договора и его тяжелыхъ условій. Въ этомъ и заключается поводъ и цѣль настоящей замѣтки.

Для ясности дѣла очертимъ вкратцѣ политическое положеніе козаковъ и всего православнаго населенія южной Россіи въ 20-хъ годахъ XVII ст. и вызванное имъ вооруженное столкновеніе между козаками и польскими силами, закончившееся кураковскимъ договоромъ, а затѣмъ уже попытаемся съ возможною точностію опредѣлить мѣсто заключенія этого договора.

Двадцатые годы XVII ст. были однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ періодовъ въ жизни южной Руси. Длилось царствованіе фанатика-короля, игралица магнатовъ, орудія римской куріи, слуги іезуитовъ. По побужденіямъ внутренней и внѣшней политики правительство Сигизмунда III напрягало всѣ усилія къ тому, чтобы сломить вырославшую на его глазахъ грозную козачую силу, мѣшавшую давно задуманной имъ и всѣми мѣрами проводимой полити-

ческой и церковной униі; но въ тоже самое время ему пришлось не разъ искать спасенія въ этой самой силѣ отъ виѣшнихъ враговъ, какъ было въ войны шведскую и турецкую. Судьба козаковъ и всего православнаго населенія Польши облегчалась по мѣрѣ неудачъ поляковъ въ войнахъ съ сосѣдями. Гетману Сагайдачному, выручившему дважды изъ неминуемой гибели королевича Владислава, удалось отстоять права козаковъ, возстановить православную іерархію, съ возвратомъ отнятыхъ униатами церквей и монастырей, и добиться провозглашенія свободы православнаго исповѣданія; но лишь только онъ скончался отъ ранъ, полученныхъ въ битвѣ подъ Хотинной, какъ всѣ плоды его умной и твердой политики обращены въ ничто. И при жизни впрочемъ его притѣсненія козаковъ, гоненія на православныхъ не прекращались. Правительство польское давало самыя противурѣчивыя обѣщанія, которыхъ никогда не думало да и не могло исполнить. Не разъ отъ лица сейма оно торжественно обязывалось смирить козаковъ и не допускать ихъ до набѣговъ на турецкія и татарскія владѣнія; но, прибѣгая къ помощи тѣхъ-же козаковъ для собственной защиты, оно должно было дѣлать уступки въ пользу ихъ и всего южно-русскаго народа, а между тѣмъ никогда не отступало отъ своего давняго плана совершеннаго уничтоженія православія и народности русскаго, поддерживаемое въ этомъ всѣми силами польской шляхты, іезуитовъ и самаго папы. Неудивительно, что со смертію Сагайдачнаго строгости противъ козаковъ, стѣсненія православныхъ усилились вновь. Православный митрополитъ не былъ признанъ въ своемъ званіи, прочіе православные епископы были вовсе изгнаны изъ своихъ епархій, возвращенныя недавно церкви и монастыри вновь отняты, исповѣдники православія подвергались самымъ тяжкимъ оскорбленіямъ и преслѣдованіямъ. Въ 1625 году православные епископы отправили своихъ посланцевъ на сеймъ съ цѣлію добиться легальнымъ путемъ возстановленія похищаемыхъ повсюду ихъ правъ. Но въ то время, когда они съ нетерпѣніемъ ждали, какую-то вѣсть принесутъ имъ депутаты съ сейма, гоненія на православіе открылись въ самой колыбели его Кіевѣ. Представитель общественнаго здѣсь самоуправленія, кіевскій войтъ Θεодоръ Ходыка, уступая давленію польско-униатской партіи, началъ въ самомъ Кіевѣ печатать церкви, отнимать у нихъ угоды, имущества. При первой вѣсти объ этомъ козаки двинулись на

Кіевъ, отпечатали церкви, возвратили имъ отнятыя угодыя, убили самаго Ходыку. Сеймъ требовалъ увротить козаковъ силою оружія, и противъ нихъ двинуть былъ Конецпольскій съ войскомъ.

Козаки оставили Кіевъ и поспѣшили отступить къ Каневу, куда не замедлилъ прибыть и Конецпольскій. Козаки просили его не начинать противъ нихъ войны, заявляя, что они желаютъ войти съ Рѣчью-Посполитою въ переговоры, лишь только прибудетъ съ Низу ихъ гетманъ Жмайло. Между тѣмъ, часть козаковъ, числомъ 3 тысячи, ушла изъ Канева по направленію къ Черкасамъ, а затѣмъ къ Боровицѣ. За ушедшими послана погоня. Пользуясь раздѣленіемъ силъ Конецпольскаго, и остальные козаки ушли изъ Канева по направленію къ тому-же мѣсту, т. е. Черкасамъ и Боровицѣ, куда и прибыли 19 октября. Здѣсь опять обратились козаки къ Станиславу Конецпольскому съ просьбою пріостановить военныя дѣйствія, направленныя противъ нихъ.

Не получая отвѣта, козаки опять отступаютъ и достигаютъ 25 октября мѣстечка Крылова, находящагося въ углу, на лѣвой сторонѣ р. Тясмина, при впаденіи ея въ Днѣпръ. На другой день прибылъ сюда и Конецпольскій и тотчасъ-же послалъ условія козакамъ. Условія были невыгодныя, унижительныя; козаки собрали раду и тутъ-же отвергли ихъ.

Конецпольскій, разсмотрѣвъ съ высокаго кургана въ зрительную трубу козацій лагерь и замѣтивъ его слабыя стороны, быстро ударилъ на козаковъ; тѣ дали отчаянный отпоръ. Битва продолжалась цѣлый день, до поздняго вечера, и все таки осталась нерѣшительною. На другой день Конецпольскій отдаетъ приказъ штурмовать козацій таборъ. Находясь въ невыгодной позиціи и ослабѣвъ въ силахъ, козаки не надѣялись устоять противъ настойчиваго и опытнаго вождя Рѣчи-Посполитой, а потому рѣшились тайно переправиться на лѣвый берегъ Днѣпра; но поднявшаяся буря не допустила ихъ до переправы. Нѣкоторые смѣльчаки бросились вплавь, но тутъ-же, на глазахъ своихъ, потонули. Что оставалось дѣлать? Козаки опять рѣшаются отступить, рассчитывая, быть можетъ, на помощь запорожцевъ. Переправясь черезъ рѣчки (*Тясминъ* и *Цыбульникъ*), они достигаютъ «старога городища» надъ Кураковымъ озеромъ, на Медвѣжьихъ Лозахъ». Конецпольскій по пятамъ слѣдуетъ за ними, пославъ предварительно кавалерійскій отрядъ окружнымъ

путемъ, чтобы перерѣзать отступавшимъ путь. Увидѣвъ себя окруженными съ двухъ сторонъ, козаки приостановились, рѣшившись еще разъ попытать счастья на полѣ битвы. Нѣсколько разъ они бросались въ битву, но безуспѣшно. Не видя ни откуда помощи, истощивъ свои огнестрѣльные припасы, козаки согласились наконецъ на условія, предложенныя имъ Конецпольскимъ, и заключили съ Рѣчью-Посполитою, такъ называемый, *Кураковскій договоръ въ 1625 году, 6-го ноября.*

Теперь перейдемъ къ вопросу, гдѣ найти, къ чему приурочить то мѣсто, на которомъ козаки, побѣжденные Конецпольскимъ, рѣшились на тяжелыя условія, выраженныя въ кураковскомъ договорѣ?

Чтобы отыскать это мѣсто, рассмотримъ тѣ примѣты и названія, которыя упоминаются историками, повѣствующими объ изложенныхъ выше событіяхъ.

Припомнимъ, что козаки начали отступление свое отъ Крылова 28 октября, что еще нѣсколько дней прошло въ битвахъ и что самый кураковскій договоръ окончательно заключенъ только 6-го ноября того-же, т. е. 1625 г., мы легко придемъ къ тому заключенію, что козаки отъ мѣста своего послѣдняго отступления не могли далеко уйти внизъ по Днѣпру. Большіе пески, находящіеся ниже Крылова, въ днѣпровскихъ плавняхъ, задержали отступление козачковъ, потому они успѣли пройти, быть можетъ, не болѣе 20—25 верстъ. На такомъ разстояніи мы и будемъ искать историческихъ слѣдовъ мѣста заключенія этого договора.

Первая примѣта, обозначающая мѣсто заключенія кураковского договора, есть «старое городище», а въ районѣ разсматриваемой мѣстности есть три городища: *табурищенское, камяно-потоцкое и кременчугское.*

Табурищенское городище находится на мысу, образуемомъ впаденіемъ рѣчки Цыбульника въ Днѣпръ. На этомъ самомъ мѣстѣ Эрихъ Лясота, плывшій по Днѣпру въ Запорожье въ 1593 г., видѣлъ татарскую мечеть; а если была мечеть, то существовало, конечно, и не малое поселеніе, отдѣльныя-же поселенія не обходились въ то время безъ какихъ либо укрѣпленій. И дѣйствительно тутъ долго существовали остатки стараго укрѣпленія. Въ 1860 г., по словамъ прежняго священника с. Табурица (теперь оны въ Новогеоргіевскѣ, бывшемъ Крыловѣ), жилъ въ этомъ селѣ столѣтній

старикъ, который передавалъ, что въ дѣтствѣ своемъ онъ еще видѣлъ полусгнившiе дубы, окружавшiе частоволомъ городище и что тогда уже этимъ дубамъ, по ихъ ветхости, давали болѣе ста лѣтъ. Итакъ лѣтописное «старое городище» легко приурочивается къ нынѣшнему селенiю Табурище. Здѣсь Днѣпръ близко подходитъ къ Табурищу. Далѣе горы, идущiя вдоль праваго берега Днѣпра, отходятъ отъ него на разстоянiи отъ 1 до 7 верстъ. Затѣмъ горы опять понижаются къ Днѣпру и упираются въ него при самомъ селенiи Камяно-потоцкомъ. Между Табурищемъ и Камяно-потоцкимъ мы видимъ прекраснѣйшую долину, испещренную лѣсками, рощами, наполненную озерами, ручьями, извѣстную въ народѣ подъ названiемъ «Днѣпровскихъ плавень». Разстоянiе между двумя пунктами, указанными выше, будетъ 20—25 верстъ.

Камянопотоцкое городище находится на скатѣ горы, въ селѣ этого имени, возлѣ самой церкви. Относительно времени его происхожденiя я не имѣю никакихъ свѣдѣнiй: ни письменныхъ, ни печатныхъ, ни устныхъ.

Городище кременчугское находилось на лѣвой сторонѣ Днѣпра тамъ, гдѣ теперь Кременчугъ. Въ татарскiй періодъ здѣсь была крѣпость, называвшаяся по татарски «Керменчикъ». Послѣднее слово въ устахъ нашего народа могло легко измѣниться въ Кременчугъ, подобно тому, какъ Херсонесъ въ Херсонѣ. Лясота видѣлъ и это городище. Если авторъ повѣствованiя о возстанiи козаковъ въ 1625 г. подъ именемъ «старога городища» разумѣлъ именно кременчугское, въ такомъ случаѣ его слова надобно понимать такъ: уходя изъ-подъ Крылова, козаки пришли къ тому мѣсту, которое находится противъ «старога городища», лежащаго на лѣвой сторонѣ р. Днѣпра.

Второй признакъ, указывающiй на мѣсто заключенiя кураковскаго договора, есть Кураково озеро.

Названiе это у разныхъ авторовъ приводится различно именно: Кураково и Краково, Куруково и Круково. Послѣднее слово въ устахъ народа измѣнилось въ Крюковъ. Въ настоящее время нѣтъ ни озера, ни рѣчки съ именемъ «Крюковъ». Но въ прошломъ столѣтiи одна изъ рѣчекъ въ днѣпровскихъ плавняхъ называлась «Крюковъ». Объ этомъ свидѣтельствуетъ Семень Степановичъ Пишчевичъ въ своихъ «Запискахъ», издавшихъ въ прошломъ году профес-

соромъ московскаго университета г. Поповымъ. При этомъ меня не затрудняетъ то обстоятельство, что Пишчевичъ прилагаетъ названіе «Крюковъ» не къ озеру, а къ рѣчкѣ. Кто видѣлъ днѣпровскія плавни въ разное время года, тотъ не могъ не замѣтить, какъ лѣтомъ и осенью, особенно при сушѣ, рукава, заливы и ручьи обращаются въ озера, а при возвышеніи воды изсохшіе ручьи опять наполняются водою. Поэтому не будетъ съ моей стороны ошибки, если я скажу, что «Кураково озеро» у польскихъ писателей и рѣчка «Крюковъ» у Пишчевича, жившаго въ прошломъ столѣтіи, есть одно и то же. Кураковскій договоръ заключенъ въ началѣ ноября, когда убывъ воды, особенно въ сухую осень, достигаетъ самаго большаго пониженія и когда, слѣдовательно, многія рѣчки обращаются въ озера, а въ томъ числѣ, конечно, и Крюковъ. Пишчевичъ же переѣзжалъ черезъ рѣчку Крюковъ раннею весною, когда, слѣдовательно, вода прибавляется отъ таянія снѣговъ и когда потому многія озера обращаются въ рѣчки, а въ томъ числѣ и Крюково (Крюково).

Наконецъ третій признакъ, указывающій на мѣсто заключенія кураковскаго договора, есть урочище: «Медвѣжи Лозы».

Въ днѣпровскихъ плавняхъ, въ окрестностяхъ Крюкова, лоза растетъ въ большомъ изобиліи. Она бываетъ разныхъ сортовъ: бѣлая, красная, черная. Лозы здѣсь названы медвѣжьими, конечно потому, что въ нихъ водились медвѣди. Лясота, возвращаясь сухимъ путемъ изъ Запорожья по направленію къ Чигирину, проѣзжалъ отъ окрестностей нынѣшняго Крюкова не болѣе какъ въ двадцати верстахъ, гдѣ повстрѣчался съ медвѣдемъ. Да и писатели XVIII и даже XVII столѣтій упоминаютъ между прочимъ о медвѣдяхъ, водившихся въ лѣсныхъ мѣстахъ сѣверо-западной части нынѣшняго александрійскаго уѣзда.

Припомнимъ теперь кратко путь, по которому двигались козацкія и польскія силы, и мы увидимъ ясно мѣсто послѣдней ихъ стычки и самаго договора. Козаки, переправившись черезъ рѣку Тясминъ, пошли вдоль праваго берега Днѣпра, перешли рѣчку Цыбульникъ и пройдя мимо «старога городища», которое называю табурищенскимъ, вступили въ днѣпровскую долину, или плавни. Осенью и лѣтомъ здѣсь очень хорошо и удобно проходить и проѣзжать. Конецпольскій съ главными силами пошелъ вслѣдъ за коза-

ками, а обходной отрядъ слѣдовалъ конечно по горѣ, идущей въ 6—7 верстахъ отъ Днѣпра. Возлѣ нынѣшняго Крюкова и было то мѣсто, гдѣ козаци, увидѣвъ себя атакованными съ двухъ сторонъ, вынуждены были согласиться на тяжкія условія, предложенныя имъ Конецпольскимъ, заключивъ кураковскій или куруковскій договоръ 6 ноября 1625 года. Это именно мѣстности нынѣшняго посада Крюкова, лежащаго на правой сторонѣ Днѣпра, насупротивъ уѣзднаго города Кременчуга, полтавской губерніи. Тутъ, какъ и подъ Крыловымъ, козаци очутились какъ-бы въ западнѣ: спереди и сзади ихъ давили поляки, съ боковъ были Крюково озеро и горы, Медвѣжьи Лозы и за ними Днѣпръ. Какъ ни были тяжки условія, предложенныя Конецпольскимъ, козаци должны были принять ихъ. Это вынуждала не только слабость ихъ силъ, но и позиція, въ которую они попали, тщетно ожидая съ низу подкрѣпленія.

Свящ. В. Никифоровъ.

КІЕВСКАЯ АКТОВАЯ РѢЧЬ 1841 ГОДА.

Въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ кіевскихъ, да и другихъ, публичныя акты явились недавно, съ 60-хъ годовъ. Прежде ихъ замѣняли публичныя экзамены, соединявшіеся до 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія съ публичными-же диспутами. Тогда какъ теперь ядро актовъ заключается въ составляемыхъ по неизмѣнной формѣ отчетахъ и жизнь заведенія, даже званія и поведеніе учениковъ представляются въ цифрахъ, тогда все это выставялось, такъ сказать, натурою. Да, это въ собственномъ смыслѣ была выставка знанія и успѣховъ учащихся и притомъ съ казоваго конца. Испытаній въ обыкновенномъ смыслѣ тутъ не было,—они производились раньше при закрытыхъ, такъ сказать, дверяхъ, для публичныхъ-же не только въ училищахъ и семинаріяхъ, но даже въ академіи назначалось заранѣе, кто и что долженъ отвѣчать по тому или другому предмету. Назначались, конечно, лучшіе и болѣе казистые студенты, по два на предметъ. Предсѣдательствовавшій владыка объявлялъ лишь предметъ, по которому слѣдуетъ испытаніе; кого и объ чемъ именно спросить—предоставлялось профессору. Конечно, отвѣты не могли быть иными, какъ только самыми лучшими по

всѣмъ вообще предметамъ. Въ частности интересъ отвѣта зависѣлъ не только отъ темы, удачно выбранной, но и отъ бойкости отвѣчавшаго, такъ какъ владыка дѣлалъ свои замѣчанія, поправки и возраженія, на которыя долженъ былъ отвѣчать испытуемый студентъ. Въ такомъ видѣ публичные экзамены отнюдь не были обманомъ публики, но только выставкою предъ нею знанія и науки, точь въ точь какъ производили это наши дворяне XVIII ст. предъ роднею и сосѣдами съ своими Петрусами и Ясами, по обученіи ихъ дома или за границей. Роль отца здѣсь занималъ владыка и ему конечно должны были выразить публично свои чувства и испытуемые имъ дѣти и приставленные къ нимъ учителя, а онъ публично-же ихъ похвалялъ и благодарилъ. Выраженіе чувствъ производилось въ двухъ рѣчахъ: привѣтственной предъ началомъ экзамена и благодарственной по окончаніи онаго. Рѣчи обращались обыкновенно къ лицу владыки. Конечно, рѣчи готовились заранѣе, прочитывались, исправлялись и даже прослушивались, а для составленія и сказыванія рѣчей выбирались самые рѣчистые и съ хорошою дикціею студенты. Все это лежало на заботѣ и обязанности профессора краснорѣчія. Въ 40-хъ годахъ такимъ профессоромъ въ кievской академіи былъ глубоко памятный намъ Яковъ Козьмичъ Амфитеатровъ. Это былъ человѣкъ оригинальнаго ума и высокихъ дарованій. Однообразіе связываемыхъ на публичныхъ экзаменахъ рѣчей и выражаемыхъ ими чувствъ претило ему, и вотъ въ X курсѣ академіи, оканчивавшемся въ 1841 году, онъ пожелалъ пооригинальничать рѣчью и для этой цѣли выбралъ въ ораторы оканчивавшаго тогда курсъ молдома Василя Скрибана-Попеску, впоследствии архіепископа яскаго Филарета. Рѣчь имъ сказанная произвела глубокое, поражающее впечатлѣніе. Плакалъ старецъ—владыка Филаретъ, глоталъ слезы говорившій, прослезились многіе и многіе изъ слушавшихъ. О рѣчи говорили много и долго, студенты и семинаристы списывали ее и теперь она циркулируетъ во многихъ и многихъ спискахъ. Вотъ эта блестящая, глубоко трогающая рѣчь.

Высокопреосвященнѣйшій владыко!

Милостивый архипастырь и отецъ!

Я здѣсь чужеземецъ; мой родъ, мое отечество далеко отсюда, и языкъ у насъ иной; но здѣсь, въ этой колыбели вѣры и просвѣщенія величайшей въ свѣтѣ монархіи, я принять какъ свой, и, можетъ быть, болѣе чѣмъ свой. Два года провелъ я здѣсь, подѣ твоимъ отеческимъ покровительствомъ, подѣ руководствомъ добрыхъ наставниковъ, въ пріязни отъ всѣхъ меня окружающихъ, и эти два года почитаю лучшими въ своей жизни. Кто болѣе меня обязанъ глубочайшею благодарностію и сему святилищу наукъ, и особенно твоимъ, милостивѣйшій архипастырь, попеченіямъ и христіанской любви? Мои сотоварищи по наукѣ, братья по вѣрѣ, други по душѣ и юношеской пріязни оспаривали у меня слово благодаренія, но я сказалъ имъ; «вы свои, вы имѣете право на благодаренія, и вамъ остается цѣлая жизнь для подвиговъ благодарности: предоставьте мнѣ, страннику, послѣднюю минуту и послѣднее слово благодаренія для изліянія священныхъ чувствій души, глубоко признательной. Они предоставили, и я почитаю себя вполне счастливымъ, что могу изречь предѣ тобою, милостивѣйшій архипастырь, тѣ чувствованія, съ которыми оставляю сіе незабвенное для меня мѣсто, гдѣ обрѣлъ я сокровище истинной христіанской мудрости и православнаго ученія вѣры, которыхъ не находилъ я нигдѣ.

Если возвращусь на мою родину, и мое отечество спроситъ у меня: позналъ-ли ты истинную мудрость и благочестіе христіанское? я скажу имъ: не только позналъ, но и видалъ ихъ, и укажу на тебя, іерархъ благочестивый.

Если сосѣдній моему отечеству гордый мусульманинъ спроситъ у меня: чѣмъ твоя вѣра лучше другихъ? я скажу ему: христіанскою безкорыстною любовію, и укажу на тебя, іерархъ христіолюбивый! на великодушіе и гостепрѣимство великаго народа русскаго, воспитаннаго въ вѣрѣ православной и видимо осѣняемаго благословеніемъ Вышняго.

Если похваляющійся всезнаніемъ европеецъ войдетъ со мною въ состязаніе, я скажу ему: можетъ быть, вы и все знаете; но вы не видали православной церкви въ древней чистотѣ и благолѣшии, и я не видалъ между вами особъ православныхъ.

Такъ милостивѣйшій архипастырь и отецъ, въ твоей паствѣ, въ твоей академіи изучалъ я обширную науку вѣры православной, здѣсь видѣлъ я чинъ и устройство истинной церкви Христовой, видѣлъ благолѣпіе церковное во всей красѣ и чистотѣ древней; при твоёмъ священнослуженіи молился въ древнѣйшихъ храмахъ Руси православной; и все, что могъ познать, могъ видѣть, все понесу въ мою любезную родину, и все постараюсь обратить въ назиданіе себѣ и своимъ соотечественникамъ. Это мой святой обѣтъ, и кромя исполненія сего обѣта мнѣ печѣмъ возблагодарить великій народъ, у котораго жилъ я гостемъ;—нечѣмъ возблагодарить тебя, милостивѣйшій архипастырь.

И у меня есть владыка, старецъ благоговѣнный и милостивый. О, какъ будетъ радоваться духъ его, когда я приѣду къ нему, и принесу ему твою любовь, и твое христіанское лобзаніе! Какъ возжелѣнно будетъ для цѣлаго моего отечества, когда принесу ему плоды христіанскаго просвѣщенія изъ того самаго вертограда, который насаждалъ одинъ изъ сыновъ его, столь извѣстный своею ревностію по вѣрѣ христіанской.

Посторонніе посѣтители публичнаго экзамена академіи въ тотъ день, слыша эту рѣчь, получили конечно высокое представленіе объ ораторскомъ талантѣ студента-молдована и о томъ, какъ быстро и превосходно овладѣлъ онъ русскою рѣчью; для насъ-же сокурсниковъ Скрибана-Понеску ясно было лишь то, что онъ отличн о усвоилъ эту рѣчь, проникся ея духомъ и мастерски произнесъ ее своимъ особымъ акцентомъ, но ни для кого не составляло секрета, что настоящимъ ея авторомъ былъ все тотъ-же знаменитый и приспомятннй нашъ Яковъ Козьмичъ.

Сообщ. прот. Е. Попруженко.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ШЛЯХЕТСКО-КОЗАЧАГО БЫТА XVIII В.

(*Два партикулярныя письма*).

Ниже приводятся два частныхъ письма первой половины XVIII ст., совершенно различныя по содержанію, но имѣющія, кромя своей характерности, еще то общее качество, что оба относятся къ

обыденной, домашней южно-русской жизни первой половины прошлаго вѣка. Даже скудные, отрывочныя бытовыя указанія на пережитыя формы жизни весьма цѣнны для исторіи. Тѣмъ цѣннѣе для нея указанія точныя, недвусмысленныя, яркія. А такія именно и заключаются въ приводимыхъ письмахъ, заимствованныхъ нами изъ фамильныхъ бумагъ А. С. Лашкевича, частью которыхъ мы еще воспользуемся при удобномъ случаѣ.

Вышедшій въ прошломъ году въ Петербургѣ 8-й томъ «Исторической библіотеки», издаваемой археографической комиссіей (рецензія—въ октябр. кн. «Кіев. Стар.» за 1884 г.) помѣстилъ подробную опись *скарбовъ* низложеннаго гетмана Самойловича, и читающая публика получила понятіе о поражающемъ множествѣ и разнообразіи цѣнностей гетманскаго имущества. Между прочимъ въ описи сразу бросается въ глаза то, что въ безконечномъ ряду описываемыхъ предметовъ—чарокъ, кубковъ, кружекъ, четвертинъ, братинъ, блюдъ, чашъ, поясовъ, перстней, шубъ, сподницъ, сѣделъ, ружей и проч. и проч.—нѣтъ, какъ у насъ теперь, или по крайней мѣрѣ весьма мало—«дюжинъ», «сервизовъ», «костюмовъ», вообще того, что приобрѣтается нарочито, съ подборомъ. Тамъ каждый слѣдующій предметъ только по названію похожъ на предыдущій, всѣмъ остальнымъ—вѣсомъ, формой, матеріаломъ—отличается отъ него. Это обстоятельство какъ нельзя лучше подтверждаетъ историческія свидѣтельства, что колоссальныя «скарбы» гетманскіе собирались по крупинамъ. Собственно о Самойловичѣ лѣтопись говоритъ, что этотъ человѣкъ отличался большимъ «здритствомъ», слѣдовательно сокровища его въ значительной долѣ и составлены именно путемъ неустаннаго насильственнаго извлеченія изъ чужихъ рукъ всего, что только удостоилось непосредственнаго или посредственнаго вниманія его ясновельможности.

Но составъ имущества Самойловича можно, не рискуя ошибиться, принять за типическій, что подкрѣпляется извѣстными доселѣ многочисленными описями приданнаго богатыхъ и знатныхъ малороссіянокъ,—«виновными записями» (отъ слова вѣно), какъ онѣ иногда назывались.

Какъ составлялись скарбы, подобныя Самойловичевскому, у другихъ гетмановъ? Несомнѣнно, что въ значительной степени изъ подарковъ. Дарили всѣ сословія и по всѣмъ случаямъ: являлась-ли

генеральная старшина и всѣ бывшіе «при боку гетманскомъ», по случаю какого-либо семейнаго или иного праздника; пріѣзжали-ли въ гетманскую резиденцію полковая старшина; прибывалъ-ли какой «посоль государевъ» или просто купецъ «россійской породы»; поздравлялъ-ли письменно какой-либо игумень «съ полпоприщемъ великаго поста»; добивался-ли кто-нибудь юстиціи «рейментарской», а тѣмъ паче вниманія и милостей—все это непремѣнно сопровождалось приношеніями всѣхъ видовъ, сортовъ и способовъ. Въ напечатанной въ прошедшемъ номерѣ нашего журнала «Супликъ на попа», чисто народной и нѣкогда весьма распространенной пьескѣ, прямо говорится, что къ гетману безъ сукна не ходи. Отсюда, рядомъ съ произведеніями художествъ, въ родѣ «золотаго корабля съ человѣчьими парсунами, щоглами и пупечками», рядомъ съ нѣмецкими картинами, часами и проч. въ гетманскихъ кладовыхъ оказываются старыя пистолеты, сѣдла, собольи шубы, ларчевыя «спидницы», ломъ серебра, «люльки», нагайки, сукно и проч. Жаль, что червонцы не имѣли особыхъ примѣтъ, а то-бы и они показали, что сплылись къ гетману изъ разныхъ источниковъ, иногда въ дарахъ, вовсе несоотвѣтствующихъ, на нашъ современный взглядъ, гетманскому великолѣпію.

Послѣднее обстоятельство подтверждаетъ и помѣщаемый ниже документъ. Пишетъ полковникъ стародубовскій, извѣстный Лукьянъ «Журавко» ¹⁾ стародубовскому войту Симеону Тихоновичу, изъ Глухова въ Стародубъ, что пять червонныхъ золотыхъ, присланные паномъ войтомъ чрезъ нарочнаго «на поклонъ пану гетмановъ», онъ полковникъ получилъ, но вручить его ясневельможности тотчасъ не можетъ, «понеже не по тому теперъ часъ», т. е. неподходящее время. Дѣло происходитъ 8 октября 1718 года. Почему время было неудобно для «ознаймения» о панѣ войтѣ предъ ясневельможнымъ, находимъ отвѣтъ въ «Дневныхъ запискахъ» Якоба Марковича, гдѣ на стр. 4, подъ 1718 годомъ, читаемъ: «Мѣсяца октовріа 12, въ недѣлю, въ Глуховѣ веселье было. Гетманъ Скоропадскій дочь свою Уліяну отдалъ за Петра Петровича Толстаго,

¹⁾ Журавка былъ сотникомъ новгородскимъ; возведенъ на полковничій урядъ самимъ Петромъ Великимъ въ 1708 году, за проведеніе царскихъ войскъ въ укрѣпленный Мазепю Новгородсѣверскъ.

сына тайнаго совѣтника Петра Андреевича». Разумѣется, гетману, въ хлопотахъ по приготовленію къ свадьбѣ было не до войта стародубовскаго.

Письмо Журавки написано на полулистѣ, замѣчательно красивымъ почеркомъ. Вотъ текстъ его.

Пане вуйте майстрату стародубовскаго!

Червонныхъ золотихъ пять, на поклонъ ясневелможному пану гетмановѣ отъ вми презъ козака посланные, дошли рукъ нашихъ. Съ взглядомъ самого вми и его войтовскаго уряду, не предкладалисмо еще его панской велможности, понеже не потому теперь часъ. Однако же потрафивши благополучное время, ознаймити не забудемъ о вми, и якій будетъ его рейментарской на тое отвѣтъ, листовне не замедлимъ о томъ дати вѣдомо. А теперь похваляемъ вми, же имѣете коло оправованя города нашего полковаго старанне, и не лѣнивое о томъ же имѣти тцаніе пидно, пилю жадаемъ, и ему жъ добраго отъ Господа Бога здоровья зичимъ. Зъ Глухова. октоврія 8, 1718 року.

Вми зичливий его царскаго пресвѣтлоо величества войска запор.

Полковникъ стародубовскій *Лукианъ Журавко*.

А найбарзвѣй о войсковомъ погребѣ имѣйте попечение зъ господаремъ.

На другой сторонѣ:

Пану Сумеону Тихоновичу, майстрату стародубовскаго войтовѣ, подати.

Изъ дневниковъ Марковича, Ханенка, изъ находящагося въ редакціи «Кіевской Старины» рукописнаго дневника Лашкевича и другихъ источниковъ мы знаемъ, что малороссійская козацкая старшина прошлаго вѣка, рядомъ съ веденіемъ обширнаго хозяйства, занималась и торговлею, сбывая преимущественно продукты собственнаго хозяйства. Торговля не ограничивалась предѣлами Малороссіи; очень часто партіи товаровъ и скота препровождались въ Великороссію и даже за границу: стада воловъ гоняли въ Москву и Данцигъ, табакъ и водка шли въ Персію или Сѣчь, хлѣбъ въ Азовъ и т. д. Во всѣхъ этихъ рынкахъ поставщики-помѣщики имѣли знако-

мыхъ купцовъ и факторовъ, съ которыми вели даже дѣловую переписку, поручая имъ разныя комиссіи.

Второй изъ нашихъ документовъ и есть именно образчикъ такого дѣловаго письма. Пишетъ въ 1739 году изъ Риги нѣмецъ, какой-то Готгардъ Христіанъ Гартманъ братьямъ Тиценкамъ, помѣщикамъ Стародубовщины, ископи отличавшейся производствомъ пеньки, вывозимой оттуда и въ настоящее время въ огромномъ количествѣ. Нѣмецъ пишетъ по польски, довольно чистымъ языкомъ и нѣмецкимъ почеркомъ. Въ концѣ письма приложенъ характерный счетъ предметовъ нарочитой покупки, порученной Гартману Тиценкамъ. Между сельдями, рукавицами и окулярами фигурируетъ неизмѣнный «пургандъ», которымъ, сколько можно судить по тѣмъ же дневникамъ, считали долгомъ время отъ времени полѣчиться люди, обладавшіе вполне здоровыми желудками.—Мы передаемъ письмо по русски, удержавъ (въ русской транскрипціи) только непереводимое обращеніе тогдашнихъ польскихъ и южно русскихъ писемъ.

Мнѣ велце мосци пане и добродію,

Мосци пане Тыценскъ! (sic.)

За письменное увѣдомленіе покорнѣйше благодарю, отъ души желая, что-бы Всевысочайшій Богъ и ваши милости, пановъ, благоволилъ сохранять и содержать на долгія времена въ добромъ здоровьѣ и всякомъ счастіи. Какъ мнѣ пріятно было изъ письма вашего получить свѣдѣнія о товарахъ тамошнихъ, такъ и я готовъ вашимъ милостямъ объяснить, какъ здѣсь дѣла стоятъ въ торговлѣ. До сихъ поръ мало вѣрнаго касательно будущей весенней цѣны, потому что главныхъ сдѣлокъ еще не слыхать. Было нѣсколько—по 9 талеровъ за берковецъ чистой пеньки, заплативъ половину наличными деньгами; безъ денегъ—9 съ половиною талеровъ. Пенька *половая* ¹⁾ по 6¹/₄ талеровъ. Изъ Польши все пишутъ, что тамъ пенька уродила очень короткая и ожидается небольшое количество; поэтому по веснѣ, при малой партіи оттуда, цѣна можетъ быть гораздо выше; я такъ полагаю, что по крайней мѣрѣ чистая пенька ниже не будетъ, какъ 10 талеровъ или 10¹/₂.

¹⁾ Сѣрожелтая, худшій сортъ.

рублей, половая—по 6 съ половиной. Последнюю пеньку, которая тутъ была и которую доставили къ осени, продали по 10 талеровъ чистую и по 6 талеровъ половую. Такъ взялъ Петръ Вольскій за свою партію, которую теперь имѣлъ здѣсь доставленною; еще и самъ онъ тутъ. Рожь что-то идетъ въ гору: лѣтомъ продали по 19 талеровъ ластъ, теперь даютъ 23—24 талера за полноувѣсную. Конопля по 17 шестаковъ, иль по 90 копѣекъ за бочку. Сѣмя льняное, если имѣеть 108 фунтовъ вѣсу, по 7 съ половиною тымфовъ или 120 коп. Пакля ни по чемъ и рѣшительно не слѣдуетъ отправлять, никто не покупаетъ. Цѣна на золото высока: платили 2 битыхъ талера и 11 грошей за червонный золотой,—мало имѣется этой монеты. Талеры теперь идутъ по 105 коп. Такъ какъ тутъ теперь много купцовъ смоленскихъ, пріѣхавшихъ за деньгами, то и золото дорого стало: на рубли—2 руб. 24 коп. Сообразно съ этимъ благоводите, милостивые государи, сдѣлать свои соображенія, и зимою—дай Боже, въ добромъ здоровьѣ—пріѣхать сюда, что-бы я могъ сторговать что-либо порядочное и продолжать съ вашими милостями давнее знакомство. Требуемая вещи, перечисленные въ письмѣ, что только могъ достать, я постарался, и посылаю вашей милости съ сей оказіей, какъ ниже показано. Желая, что-бы все дошло въ цѣлости. Оносително очковъ для его милости родителя вашего, не знаю, поспѣль-ли во время; поклонъ мой низайшій посылаю ему, при желаніи здоровья и всякаго спокойствія въ его старости. Желая того-же самаго и вашимъ милостямъ, панамъ братьямъ, отдаю себя въ неизмѣнную доброжелательную дружбу вашу, подписываясь вашей милости пана и благодѣтеля моего низайшимъ слугою.

Готгардъ Христіанъ Гартманъ.

Въ Ригѣ 31 октября
1739 года.

Р. S. Прошу васъ, постарайтесь, по добротѣ своей объ общемъ долгѣ отъ извѣстнаго вамъ Семена (?); хорошо было-бы взыскать сколько нибудь и употребить въ помощь (?).. Весьма рекомендую этотъ интересъ и готовъ отслужить.

2 осьмушки свѣжей сельди по 5 орт. 2 тал. 45 гр.

4 барилка лямпреды (миноги) по 1/2

талер. и 2 шост. 2 — 40 —

60 коль (? не разобрано) сухихъ миногъ			
едва досталь по 12 за кал.	5 тал. „	гр.	
2 пары лосинныхъ рукавиць, одна 3			
орт., друга 3 ^{1/2}	1 —	56 ^{1/2} —	
7 фунтовъ сахару леденцу	1 —	„	—
Пурганцу (слабительнаго) за ¹ / ₂ тал.	„ —	45	—
Окулярн съ футляромъ.	„ —	40	—
	<hr/>		
Итого	13 тал.	36 гр.	
		0. н.	

ИЗЪ ФАМИЛЬНЫХЪ ПРЕДАНІЙ.

Во второй половинѣ прошлаго вѣка въ пирятинскомъ повѣтѣ жило семейство Александровичей. Предки его занимали разныя уряды въ гетманщинѣ. Тогдашній представитель этого рода, бунчуковый товарищъ, Иванъ Ильичъ Александровичъ былъ сначала дубенскимъ подкоморіемъ, а потомъ прилучшимъ полковымъ писаремъ.

У Ивана Ильича было много дѣтей: два сына—Варооломей и Порфирій—и пять дочерей, младшую изъ нихъ звали Ульяной. Судьба Ульяны Ивановны настолько своеобразна, что мы позволимъ себѣ остановить на ней вниманіе читателя.

Когда М. И. Голенищевъ-Кутузовъ, будущій князь смоленскій, еще въ маленькомъ чинѣ стоялъ съ полкомъ въ Пирятинѣ, онъ познакомился съ семей Александровичей и сталъ часто бывать на ихъ хуторѣ Великой Кручѣ (нынѣ село). Ему приглянулась красивая Ульяна, взаимно его полюбившая, и онъ хотѣлъ на ней жениться; но влюбленные ничего еще не говорили родителямъ, какъ вдругъ Ульяна опасно заболѣваетъ. Всѣ лѣченія ничего не помогали и мать въ отчаяніи дала обѣтъ, что если дочь выздоровѣетъ, то останется всю жизнь дѣвственницей. Ульяна выздоровѣла, вмѣстѣ съ этимъ возросла взаимная любовь молодыхъ людей. Когда мать объявила Улянѣ, чему обязана она, по ея мнѣнію, спасеніемъ отъ смерти, они было призадумались, но вскорѣ любовь превозмогла другія чувства и они просили у родителей благословенія на бракъ. Мать отговаривала, боясь кары Божіей, но потомъ не препятствовала счастью любимой дочери. Уже былъ назначенъ день свадьбы, какъ

вдругъ, невѣста заболѣваетъ горячкой. Женихъ былъ въ страшномъ отчаяніи и принималъ всѣ мѣры къ спасенію несчастной невѣсты — она не умерла, но поразившій ее параличъ сдѣлалъ ее калѣкою на вѣки. Всѣ видѣли въ этомъ черсть Провидѣнія. Хотя Кутузовъ все настаивалъ на совершеніи брака, но несчастная Ульяна рѣшительно не захотѣла «завязывать ему свѣтъ». Она стала постоянно молиться и сохранила къ любимому человѣку тихую святую привязанность и добрую память до послѣднихъ дней своихъ († 1836 г.). Кутузовъ постоянно съ ней переписывался; когда-же Ульяна Ивановна умерла, то приказала положить ей въ гробъ подъ голову письма къ ней Кутузова.

Порфирій Ивановичъ Александровичъ служилъ въ военной службѣ и участвовалъ, въ чинѣ маіора, въ турецкой войнѣ 1789 года, въ корпусѣ Суворова.

Однажды Суворовъ дѣлалъ смотръ. Былъ жаркій день; Суворова долго не было; а тутъ море влекло къ себѣ томившихся отъ жары воиновъ. Порфирій Ивановичъ, рассчитывая, что успѣетъ выкупаться до пріѣзда Суворова, быстро раздѣлся и бросился въ воду. Вдругъ какъ-то незамѣтно подѣхалъ Суворовъ. Увидѣвъ купающагося, онъ крикнулъ: «что ты тамъ дѣлаешь, маіоръ Александровичъ». Злосчастный маіоръ нашелся: «въ измѣряю, ваш... ство, глупицу моря!» бойко отвѣчалъ онъ.

Суворовъ засмѣялся, и Порфирій Ивановичъ моментально одѣлся и побѣжалъ къ своей части.

С—ко.

НАСЛѢДНИКИ ЗАПОРОЖСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ.

Громадныя степныя, луговныя и лѣсныя пространства, составлявшія территорію Запорожья, по уничтоженіи самой Сѣчи въ 1775 году, стали достояніемъ людей привилегированныхъ классовъ, которые, по понятіямъ того времени, одни считались правоспособными владѣть землею и поселенными на нихъ людьми. Въ августовской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1882 г. помѣщена была инструкція относительно раздачи этихъ земель, въ размѣрѣ отъ 1,500 до 12,000 десятинъ на одно лице съ микроскопическою помѣрною платою и съ обязательствомъ заселить въ извѣстный срокъ дозволенными зако-

номъ людьми податнаго класса. Тамъ-же замѣчено, что главными участниками въ наступившемъ раздѣлѣ явились самъ Потемкинъ, генераль-прокуроръ князь Вяземскій и князь А. Прозоровскій, послѣдніе получили по 100,000 десятинъ; сколько взялъ Потемкинъ, остается неизвѣстнымъ.

Намъ удалось найти довольно длинный списокъ другихъ лицъ, получившихъ большія или меньшія доли изъ запорожскаго пастѣдства, но... въ одномъ лишь екатеринославскомъ уѣздѣ бывшей азовской губерніи, составлявшей лишь половину бывшей Новороссійской провинціи, которая образована была изъ запорожской территоріи и которой генераль-губернаторомъ былъ назначенъ самъ Потемкинъ. Списокъ этотъ интересенъ для исторіи заселенія Новороссіи, представляя имена небольшого числа первыхъ ея колонизаторовъ и полученныхъ ими земельныхъ участковъ. Приводимъ этотъ списокъ въ современной копіи, обязательно сообщенной намъ г. Манджуруп.

Копія.

Екатеринославъ.

Вѣдомость учиненная въ азовской губернской канцеляріи, во-
лжкое число въ екатеринославскомъ уѣздѣ состоятъ вновь
отведенныя къ отводу назначенныхъ помещикамъ земель.

1776 ГОДЪ.

	Число десятинъ удобной. верст.	
Отставному секундъ-маіору <i>Василію Лосеву</i> на реке Большой Терновке по теченію правой стороны .	6000	50
Старшине <i>Караванцу</i> на речке Богатой по те- ченію правой стороны	1500	32
Отст. сек.-маіору <i>Неплюеву</i> по теч. реки Боль- шой Терновки слѣвой стороны	12000	400
Прем.-маіору <i>Сергею Неплюеву</i> на р. Большой Терновке по теченію слѣвой стороны	3000	70
Сек.-маіору <i>Наковальнину</i> на р. Дитирѣ на реч. Вороной по теченію правой стороны	2500	1275
Капитану <i>Работу</i> на речкѣ Кельгени	9000	87

Число десятинъ
удобной. неуд.

Провіантмейстеру <i>Синельникоу</i> на р. Днѣпрѣ при устьи реч. Вороной по теченію слѣвой стороны .	3000	1700
Подполковнику <i>Синельникову</i> на р. Днѣпрѣ при устьи реч. Вороной по теченію слѣвой стороны .	3000	1644
Маіору <i>Герсеванову</i> на р. Орель по теченію слѣвой стороны къ реч. Богатой	6400	182
Подполков. <i>Колпаку</i> на р. Орели по теч. слѣв. стор. при устьи реч. Богатой	4500	450
Самарскому жителю <i>Ненійбриги</i> на р. Кильгени по теченію правой стороны	3000	218
Бывшему запорожскому полковнику <i>Гараджѣ</i> на р. Большой Терновкѣ по теченію правой стороны . .	3005	38
Поруч. <i>Легкоступу</i> про Солономъ Лимапѣ и на реч. Волчой по теченію слѣвой стороны.	3000	840
Поручику <i>Лосеву</i> на реч. Большой Терновке по теченію слѣвой стороны.	3000	43
Прапорщику <i>Лосеву</i> на реч. Большой Терновке по теченію слѣвой стороны.	3000	31
Полковому старшипѣ <i>Хижняковскому</i> на реч. Орели и Орелки по теченію слѣвой стороны . . .	1500	400
Ротмистру <i>Вишневецкому</i> на реч. Нижней Терсѣ по теченію слѣвой стороны	3000	300
Маіору <i>Карпову</i> между реч. Осокировка и Отногой Осокировка	1500	150
Порутчику Николаю <i>Черткову</i> на р. Самарѣ по теченію слѣвой стороны.	9000	6570
да къ мельнице	150	
Ген. - порутчику князю <i>Прозоровскому</i> на р. Волчей при устьи Нижней Терсы	10000	3200
да на р. Днѣпрѣ и реч. Татаркѣ	3000	3562
Маіору <i>Мерлину</i> на реч. Нижней Терсѣ по теченію слѣвой стороны	3000	330

	Число десятинъ удобной. неух.	
Подполк. <i>Лалашу</i> на реч. Орели по теченію слѣвой стороны	3000	600
Порутчику <i>Озерову</i> на реч. Осокировки по теч. слѣвой стороны	3000	300
Порутч. Алексѣю <i>Попову</i> на реч. Большой Тер- новка по теченію правой стороны	3000	45
Прапорщ. <i>Пекезину</i> въ вершинѣ реч. Осокировки по теченію правой стороны	1500	150
Полковому старшинѣ <i>Попову</i> на реч. Протоичи по теченію слѣвой стороны.	1500	541
Маіору <i>Мерлину</i> на реч. Волчей по теченію слѣвой стороны	3000	300
Прапорщику <i>Тимофееву</i> при балкѣ Берсенюго- ватою	3000	150
Старшинѣ <i>Рудю</i> въ вершинѣ реч. Осокировки по теченію правой стороны	3000	300
Капитану <i>Черткову</i> на реч. Самарѣ по теченію правой стороны	3000	300
Маіору <i>Выротову</i> на реч. Самарѣ по теченію правой стороны	4500	160
Отставному сотнику <i>Коростовцу</i> на реч. Боль- шой Терновкѣ по теченію правой стороны	1500	36
Порутчику <i>Павлову</i> на реч. Богатой по теченію правой стороны	1500	30
Полковому старшинѣ <i>Рудю</i> на вершинѣ Нижней Терси	9000	300
Оборъ - полицмейстерской канцеляріи переводчику <i>Коростовцу</i> на реч. Большой Терновкѣ по теч. пра- вой стороны	1500	40
Подпоручику <i>Косинскому</i> на речки Большой Терновкѣ по теченію правой стороны	6000	406
Провіантъ-комиссару Коху на реч. Большой Тер- новкѣ по теченію правой стороны	1500	21

	Число десятинъ удобной. неуд.	
Прокурору <i>Ракицкому</i> на Нижней Терсѣ справой стороны	3000	300
Адъютанту <i>Турченеву</i> на вершинѣ реч. Вороной справой стороны	3000	540
Прем.-маіору <i>Заврову</i> на реч. Малой Терновкѣ по теченію слѣвой стороны	4500	350
Прапорщику князю <i>Муселову</i> на реч. Малой Терновкѣ по теченію слѣвой стороны	3000	260
Маіору <i>Гиржеву</i> на реч. Малой Терновкѣ по теченію слѣвой стороны	4500	210
Секундъ.-маіору <i>Герсеванову</i> между реч. Днѣпра и Протовчи	1500	1585
Полевоому старшинѣ <i>Гордѣнку</i> на реч. Малой Терновкѣ справой стороны	3000	46
Маіору <i>Герсеванову</i> на реч. Малой Терновкѣ по теченію слѣвой стороны	3000	270
Полковому старшинѣ <i>Высочину</i> на реч. Волчей и верхней Терси по теченію слѣвой стороны	3000	300
Маіору <i>Лисовицкому</i> на реч. Малой Терновкѣ по теченію справой стороны	3000	98
Вахмистру <i>Лисовицкому</i> на реч. Малой Терновкѣ по теченію слѣвой стороны	6000	
Осадчему <i>Мураеву</i> при Дубовой балкѣ	1500	13
Порутчику <i>Головатому</i> на реч. Кильчени по теченію справой стороны	3000	593
Ген.-порутч. <i>Спиридову</i> по реч. Волчей по теченію слѣвой стороны	12000	400
Маіору <i>Надоржинскому</i> по р. Самарѣ по теченію справой стороны	3000	200
Бригадиру <i>Куредову</i> на р. Кильчени по теченію справой стороны	1500	
Прокурору <i>Сабурову</i> на р. Волчей по теченію слѣвой стороны	6000	600

	Число десятков удобной. метд.	
Маіору <i>Суханову</i> по р. Протовчи по теченію слѣвой стороны	4500	312
Порутч. <i>Черткову</i> на р. Самарѣ по теченію справой стороны	3000	70
Порутч. <i>Александрову</i> на верш. р. Вязовской по теченію справой стороны	3000	17
Прапор. <i>Шцу</i> на р. Нижней Терсѣ по теченію справой стороны	1500	120
Полковому старшинѣ <i>Кобезчину</i> на р. Самарѣ по теченію справой стороны	4500	136
Полскому полковнику <i>Джараю</i> на р. Самарѣ по теченію справой стороны	6000	136
Сотнику <i>Коростовцу</i> на р. Опалихѣ по теченію справой стороны	1500	29
Порутчику <i>Минину</i> на р. Малой Терновкѣ по теченію справой стороны	3000	63
Прапорщику <i>Виллимову</i> на р. Малой Терновкѣ по теченію справой стороны	1500	52
Оберъ-провіантмейстеру <i>Бунину</i> на р. Большой Терновкѣ слѣвой стороны	6000	120
Сек. - маіору <i>Писемскому</i> на р. Самарѣ по теченію справой стороны	4500	520
Бригадиру <i>Балабину</i> на р. Бритой по теченію слѣвой стороны	6000	200
Маіору <i>Герсеванову</i> къ тремъ плотинамъ по р. Самарѣ по теченію справой стороны	360	90
Сарш. <i>Попатенку</i> между дачъ поруч. <i>Легко-</i> <i>стуня</i> и прапорщ. <i>Тимофѣева</i>	1500	480
Ген.-порутч. <i>Черткову</i> на р. Волчей по теченію слѣвой стороны къ устью Солоненькой	3000	800
Ген.-порутч. князю <i>Прозоровскому</i> для коло- нистовъ на р. Волчей при мельницѣ Кологечиной	3000	1210

	Число десятинъ удобной. неуд.	
Поручику <i>Писменному</i> на р. Нижней Терсѣ по теченію правой стороны	6000	600
Регистратору <i>Ставровскому</i> на р. Нижней Терсѣ по теченію правой стороны	1500	60
Надворному Совѣтнику <i>Шалигину</i> на балкѣ Охтырѣ	4500	350
Маіору <i>Лаврову</i> по теченію р. Вороной правой стороны	9000	700
Полковнику <i>Мартинову</i> на р. Днѣпрѣ при устьѣ реч. Осянкоровки по теченію правой стороны	3000	920
Пустынниколаевскому монастырю на р. Самарѣ по теченію слѣвой стороны и при балкѣ Лозоватой	1500	240
Дачѣ <i>Хоцовой</i> мельницѣ	120	
Старшинѣ <i>Корневскому</i> на р. Кильчени по теченію правой стороны	1500	125
Полковому старшинѣ <i>Балицкому</i> на р. Волчей по теченію слѣвой стороны	1500	50
Сек. - маіору <i>Надаржинскому</i> на р. Опалихѣ по теченію оной слѣвой стороны	3000	120
Статскому совѣтнику <i>Самичеву</i> на р. Самарѣ по теченію слѣвой стороны и при балкѣ Скотоватой Имачки	4500	450
Ему же <i>Семичеву</i> на р. Самарѣ по теченію правой стороны	1000	300
Генераль-маіору и кавалеру <i>Потемкину</i> на р. Нижней Терсѣ слѣвой стороны	12000	2680
Полковому старшинѣ <i>Щекину</i> въ вершинѣ балки Скотоватой	1500	90
Прапорщику <i>Галичу</i> на р. Опалихѣ слѣвой стороны	1500	210
Генераль-маіору <i>Юзюпову</i> по правой сторонѣ р. Самары	12000	600
Капитану <i>Чернявскому</i> при р. Орели по теченію слѣвой стороны	3000	189

	Число десятинъ удобной. вед.	
Коллежскому ассессору <i>Титову</i> на вершинѣ реч. Вязовской	3000	30
Екатеринославскому купцу <i>Фалтеву</i> по правой сторонѣ р. Самары для фабрики	12000	400
Сек.-маіору <i>Наковальнину</i> въ верш. р. Ниж- ней Терсы	6000	620
Дивизионъ-квартирмистру <i>Федорову</i> на р. Ниж- ней Терсѣ по теченію слѣвой стороны	6000	560
Валдмейстеру <i>Кесареву</i> на р. Нижней Терсѣ справой стороны	3000	80
Вагмейстеру Ивану <i>Горленскому</i> на р. Нижней Терсѣ справой стороны	3090	30
Регистратору <i>Башнатову</i> на р. Нижней Терсѣ по теченію справой стороны	1500	50
Архивариусу <i>Бурманъ</i> на р. Нижней Терсѣ отъ дачи регистратора Башнатова внизъ	1500	50

• На подлинномъ тако подписано по листамъ:

Въ должности секретаря поручикъ *Петръ Осиповъ*.

Регисторъ *Антонъ Степановъ*.

На копіи по листамъ написано: подлинное читалъ копистъ

Павелъ Перекрестовъ.

Съ копіей вѣрно *Ив. Манжура*.

Сообщ. *Д. Багалъй*.

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ 1863 ГОДА.

Однимъ изъ польскихъ помѣщиковъ кievской губерніи, наиболѣе человѣчно относившихся къ своимъ крестьянамъ, былъ панъ Бардашевицкій, помѣщикъ с. Кожанки, липовецкаго уѣзда. Онъ не иначе называлъ ихъ, какъ дѣтьми, и никогда между нимъ и крестьянами не было никакихъ враждебныхъ столкновеній. Крестьяне въ свою очередь любили своего «пана» и всегда охотно «слушали его», если пану что-либо требовалось сверхъ обязательной ихъ работы.

Но вотъ вспыхнуло возстаніе и крестьяне получили возможность выместить на нелюбимыхъ ими панахъ свои старыя обиды. Бардашевицкій на ту пору заболѣлъ, слегъ въ постель и не принималъ никакого участія въ творившейся вокругъ суматохѣ. Однажды, въ самый разгаръ возстанія, ему докладываютъ, что пришла «громада» и желаетъ его видѣть.

— Скажите имъ, отвѣтилъ панъ, что я боленъ, лежу и никого принять теперь не могу; пусть прійдутъ послѣ.

Но громада не уходила и настойчиво домогалась свиданія съ паномъ. Не видя возможности отдѣлаться отъ посѣтителей, Бардашевицкій позвалъ крестьянъ въ свою спальню и ласково спросилъ ихъ:

— Чого вамъ треба, дитки? Аджэ вы бачите, що я слабый... лежу...

— Та воно такъ, паночку, отвѣчала ему громада; бачити мы бачимо, але діло, знаете, у насъ таке...

— Яке-жъ тамъ у васъ діло?

— Таке діло, паночку, що якъ-же це тепера буде? Вже вси люди своихъ панивъ повязали та у городъ позавозили, а мы васъ ще й доси не займали!.. Ждали мы, ждали, та дали думаемо, що вже й намъ безъ того ниякъ обійтися не можна...

И крестьяне связали Бардашевицкаго и отправили его у «городъ»...

Комментаріи излишни тутъ; замѣчу только, что эта «исторія» рассказана мнѣ тѣми самими крестьянами, которые были въ ней дѣйствующими лицами.

И. Рева.

МАЛОРУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ САТИРА НА ПОЛЬШУ ПО ПОВОДУ ЕЯ РАЗДѢЛА.

Враждебныя отношенія, вѣками установившіяся между поляками и малороссіянами, давали послѣднимъ побужденіе при всякомъ политическомъ кризисѣ Польши выражать свои дѣйствительныя чувства къ ней, азвить ее игривой насмѣшкой, или злой сатирой. Примѣръ первой представленъ нами въ мартовской книжкѣ журнала въ письменномъ памятникѣ 1733 года, названномъ нами «Политическая шарада», въ которой неизвѣстный малорусскій поэтъ того времени мѣтко и съ добродушнымъ смѣхомъ рисуесть

политику европейскихъ державъ въ вопросѣ о послѣдствѣ польскаго престола и безпачашно равнодушное и самодовольное положеніе въ этомъ дѣлѣ Рѣчи Посполитой, заключаая тонкой, но полной глубокаго политическаго знанія ироніей надъ жалкимъ разложеніемъ государственно-общественнаго организма Польши, какимъ-то робомъ, подъ влияніемъ Сатурна, обездоленнаго въ Римѣ (намекъ на польско-католическій ультрамонтанизмъ), выдыхающей изъ себя политическій хладъ и несчастье и ими гнетущей всю страну, все подвластное ей населеніе. Образчикъ второй мы видимъ въ помѣщаемой ниже политической сатиры позднѣйшаго времени, когда наступили уже раздѣлы Польши. Форма этой сатиры, безъ сомнѣнія, страшная для нашего времени, но мы имѣемъ дѣло съ историческимъ памятникомъ и тѣмъ отдаленнымъ временемъ, когда подобныя, крайне разнообразныя формы были въ ходу и даже доживали свои послѣдніе годы. Онѣ не будутъ удивлять насъ, если мы вспомнимъ памфлеты виленскихъ іезуитовъ XVI и XVII столѣтія, въ родѣ листовъ съ неба, писемъ и молитвъ къ апостолу Петру отъ лица православнаго мѣщанина, пробирающагося въ рай, — переполненныхъ грубою, циничною бранью. Чѣмъ язвили католики православныхъ, тѣмъ платили православные католикамъ. Мы читали въ старой рукописи конца XVII в. политическій памфлетъ, написанный замѣчательно чистымъ южнорусскимъ языкомъ въ формѣ священной исторіи, начинающейся сотвореніемъ міра и оканчивающейся крестною смертію Иисуса Христа. Распинателями и мучителями Спасителя міра представлены здѣсь поляки и жидаы, а защитниками Его козаки, тщетно пытающіеся избавить отъ смерти невинную жертву злобы и мщенія за праведное обличеніе. Въ настоящемъ памятникѣ формою сатиры избранъ такъ называемый польско-католическій *паціержъ*, или повседневныя молитвы: *Ойче-нашъ, Здравась Марія, Віерже въ Боа и дізсіенціоро пржиказанъ Бозскихъ*. Такимъ образомъ историческому и политическому шляхтичу, куралесившему столько вѣковъ и теперь погибавшему отъ собственнаго своевольтва и безпутства, приходится самому, какъ-бы въ молитвѣ къ Богу, исповѣдывать вины и виновниковъ его политической гибели и произносить приличныя, такъ сказать, случаю мольбы и пожеланія. Форма даетъ сатиру всю соль и ядъ и заставляетъ шляхтича изрекать горькія для него, но глубоко вѣрныя истины. «Да изыдетъ царствіе твое изъ нашей Польши,

вопить обезумѣвшій шляхтичъ; «права нашего не ламай намъ и оставь намъ нашу волность». Вотъ единственное его желаніе при послѣднемъ издыханіи ойчизны! Иноземныя войска входятъ и выходятъ изъ нея и располагаются въ ней, какъ дома, забирая у пановъ провіантъ по квитанціямъ, а уплаты надо долго, даже тщетно ожидать. Отсюда полное самаго ѣдкаго сарказма *прошеніе*: «И остави намъ долги наша, якоже и мы отпускаемъ фуражъ должникомъ нашимъ». Неповорность королю, пренебреженіе имъ, обуявшая шляхтича страсть къ мятежнымъ политическимъ союзамъ, раздѣрвавшимъ Польшу на части, вызываетъ не менѣе ядовитую насмѣшку въ 3-й по польско-католическому счету заповѣди: «шесть лѣтъ конфедерацію твори, да совершиши все безстрашіе твое; на единое лѣто суббота королю-господу твоему». Испытанное уже барскими конфедератами (1768 г.) многолѣтнее пребываніе въ Сибири вызываетъ еще болѣе злую насмѣшку въ 4-й заповѣди: «И да долголѣтенъ будеши на Сибири, которую Господь твой далъ тебѣ за неповорность твою». Характеренъ конецъ 5-й заповѣди: «не убій москалей, не дадутся бо тебѣ». «Не лжесвидѣтельствуй въ газетахъ, уже бо никто не вѣритъ» — записано можно сказать съ живаго голоса всей Европы. «Не пожелай» въ 10-й заповѣди — послѣднее, самой злой ироніи полное указаніе на тѣ нестерпимые поборы, которыми шляхта обременяла беззащитныхъ своихъ «подданныхъ»: Достоинно особаго примѣчанія, что въ этой политической исповѣди польскаго шляхтича, — свидѣтеля паденія Рѣчи Посполитой, онъ съ особою яростію обрушивается на короля Фридриха и тѣмъ выставляетъ его во главѣ послѣдовавшихъ раздѣловъ, вопреки распространенному и теперь мнѣнію *яеллончиковъ*, что всему злу виною была Екатерина II. Изъ этой сатиры не мѣшало-бы многое припомнить затѣйщикамъ современной польской справы.

Списокъ приводимой за симъ сатиры заимствуемъ изъ огромной записной книги (конца прошлаго вѣка) нѣкоего «капитана Ивана Михайлова сына Новаковича», принесенной въ даръ редакціи многоуважаемымъ А. А. Скальковскимъ. Къ этому богатому сборнику любопытнѣйшихъ памятниковъ южно-русской письменности XVIII ст. намъ придется не разъ еще обращаться, а пока дѣлаемъ изъ него это первое заимствованіе.

Во имя цесарское государство и короля прусскаго (здѣсь въ рукописи пропускъ).

Аминь.

I.

Отче нашъ, иже еси въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Петербургѣ! Да святится имя твое въ тѣхъ областяхъ, да изидеть царство твое изъ нашей Польши, да будетъ воля твоя, яко въ Австріи, Брандбургіи, такъ и въ Москвѣ; права нашего насущнаго не ламай намъ, но оставь намъ нашу волность, якоже и мы отпущаемъ фуражъ должниковъ нашимъ, и не введи насъ во искушение, но избави насъ отъ удушения или давленія. Аминь.

II.

Радуйся Марія Терезія, благодати полской полная, Фридерихъ съ тобой! Благословенна ты въ австрійцахъ и благословенъ плодъ чрема твоего, Іосифъ цесарь.

III.

Вѣрую въ Екатерину императрицу россійскую, самодержицу всея Россіи, вѣрую въ Фридерика брандбургскаго, короля прусскаго, предателя единого, воплотившагося отъ духа военного и вочеловѣчаша отъ неосторожности полской, страдавшаго подъ русскимъ адомъ, распятаго при Лаудонѣ и Даунѣ, но не умершаго, погребеннаго и снисходнаго во адъ и съ подчиненности полской воскресшаго при третемъ королѣ, возшедшаго на тронъ королевскій, и сѣдящаго одесную всѣхъ монарховъ, и грядущаго трясти живыми и мертвыми; вѣрую въ Іосифа цесаря христіанскаго, святую соборную христіанскую церковь, а не въ едину затѣю католицкую, монарховъ за погибель нашу отмщеніе, домовъ разореніе, тела паденіе, волности потеряніе, и муку вѣчную. Аминь.

IV.

1. Азъ есмь Станиславъ-Августъ король твой, изведый тя изъ распутивства полскаго, изъ дому смятенія; не будутъ тебѣ короли иные, развѣ мене.

2. Не приеми всеу имени короля господствующаго тобою, и скаль бо будетъ мстити тебѣ за сие.

3. Помни день снисхожденія или пощущенія святити, шесть лѣтъ конфедерацію твори, да совершиши все безстрашия твое, на седмое лѣто суббота королю—господу твоему.

4. Чти пруссакъ отца твоего, императрицу мать твою, да благо ти будетъ и долгодѣтенъ будеши на Сибири, которую Господь твой далъ тебѣ за непокорливость твою.

5. Не убій ты, ни маршалокъ твой, ни конфедерація твоя, ни съ чуждей ограды взятый скотъ, ни французъ, пришлецъ твой, прелстившій тебе во вратахъ твоихъ; не убій москалей, не дадутся бо тебѣ.

6. Не прелюбодѣйствуй, да не умножишия помощію прелюбодѣянна.

7. Не украдеши, уже бо ничего.

8. Не лжесвидѣтельствуй въ газетахъ, уже бо никто не вѣритъ.

9. Не пожелай ни оружія, ни подружія или жены ближняго твоего.

10. Ни коня его, ни слуги его, ни вола его, ни барана его, ни петуха его, ни гуся его, ни поросенка его, ни теленка его, ни всего, еже есть ближняго твоего, но довольствуйся кускомъ сухаря, отъ фуража оставшаго.

ТРИ МАЛОРУССКІЯ ПѢСНИ ИЗЪ ПЕРІОДА КРЫМ-СКОЙ КОМПАНИИ ¹⁾).

Пѣсня графу Паскевичу-Эриванскому.

То не ясный соколъ

Яструбовъ взбивае:

То Паскевичъ за Кавказомъ

Басурманъ ганяе.

* * *

То не буйный вихорь

Сосны вывертае:

То Паскевичъ у Варшавѣ

Ляховъ присмиряе.

¹⁾ Малорусское пѣсенное творчество не оскудѣваетъ. Мы знаемъ мѣстности, гдѣ и теперь простой крестьянинъ слагаетъ пѣсни, отмѣчая событія текущей ихъ жизни. Время освобожденія крестьянъ оставило намъ рядъ пѣсень, между которыми

То не сиза хмара
Громоу выгремляе:
То Паськевичъ за Дунаемъ
Супостать караетъ.

* * *

Слава-жь тобі, пане,
Великая слава,
Що ворогамъ святой Руси
Ты якъ Божа кара!

* * *

Честъ и тобі, мати,
Стара Украини,
Що ты на свѣтъ породила
Багатыря—сына ¹⁾!

Пѣсня греко-славянска.

Гомонъ, гомонъ по Востоку
Зашумѣли вербы;
Стрепенулись наши греки,
Болгары и сербы.
Натерпѣлись, кажутъ, лиха,
Подъ турчиномъ лютымъ,
Прійшла пора розирвати
Залѣзныи пута!
Прійшли жнива великии,
Житечко поспѣло...
Нуте-жь, братья, живо, живо!
Нуте въ дѣло смѣло!

много часто народныхъ. Приводимыя здѣсь три пѣсни не принадлежатъ къ числу народныхъ, но въ нихъ очень замѣтно стремленіе приблизиться къ типу и складу народныхъ, что мѣстами и удается неизвѣстному ихъ слагателю. Проникли-ли онѣ въ народъ, не знаемъ. Всѣ три пѣсни взяты изъ одного рукописнаго сборника 1850—1860 годовъ. Очевидно онѣ относятся къ событіямъ русско-турецкой войны 1853—1854 годовъ.

¹⁾ Князь Паськевичъ—уроженецъ полтавской губерніи.

Святыи Богъ намъ помогае
 За наши молитвы:
 Русь святую посылаетъ
 На святыи битвы.
 Зъ врагомъ Христа зъединились
 Галлы вѣтрогоны,
 И ты, многихъ водъ царица,
 Дочка Вавилона!
 Блаженъ, хто дастъ вамъ отплату
 За ваше безчиные!
 Хто разобѣе ѿ дѣтей вашихъ
 Объ бѣле камѣня!

Пѣсня про турковъ.

Бѣе и вѣе хуртовина
 На морѣ глыбокѣмъ
 Згнушается лютей турокъ
 Надъ святымъ Востокомъ.
 Ой часъ-пора, хуртовино,
 Покой морю дати!
 Годъ тебѣ, вражій турче,
 Годъ лютовати!
 Спустошивъ ты край веселый,
 Ставь вѣднъ якъ темница:
 Наглумився ты зъ христьянства
 Якъ зъ бидной вдовици...
 Летить орелъ отъ пѣвночи,
 Якъ синяя хмара:
 То-жъ на тебе, вражій турче,
 Летить Божя кара!
 Орелъ летить, перо дзвенить,
 Крикнули орлята;
 Стрепенулись, обозвались
 Ясни соколята...
 Бѣда тоби, вражій турче,
 Бѣда неминуча!

Дивись: летить одъ Западу
Вже воронѣвъ влюча.
Вже почули твою гибель,
Кругомъ тебе грають,
Тобѣ въ вѣчи заглядають,
Трупа пѣдждають.
Згинь-же вража злая сило,
У мори глыбокѣмъ!
Засвѣтися сонце правды
Надъ святимъ Востокомъ!

Сообщ. Н. И. Барсовъ.

Отъ редакціи. Прилагавшійся доселѣ отдѣльно къ каждому тому журнала Указатель личныхъ и географическихъ именъ редакція «Кіевской Старины» признаетъ за лучшее издать въ концѣ въ видѣ Общаго Указателя во всему годовому изданію, находя это болѣе удобнымъ и для единства Указателя и для справокъ, какія понадобятся читателю.

16. Парфененку даны за медь 12 рублей.

17. Золотарю Ивану Сергупу дань на позолоту чирвоный, ему-жъ на живое сръбро 18 к. Ивану Пицолцѣ дань до оправованя рондзикъ и 30 к. Отехалъ зъ Стародуба, ночовалъ въ Левенцѣ.

18. Рано одтоль вѣхавши, обѣдалъ въ Случку и тамъ за скопщину взято у Киселка конь и кобилка. На ночь прибылъ въ Перегонтъ.

19. Отехалъ въ Погаръ и тамъ ночовалъ.

20. На силу приняли гнѣдого коня за Борщовцѣвъ въ 10 р., которій и посланъ чрезъ погарского человѣка, якому на дорогу даны 1 р. 50 к. Обѣдали у мене прапорщикъ тоболского полку Алексій Ивановичъ Темиразовъ и сотникъ новгородскій Христочевскій. Драгуну дано 5 к. На рыбу пошло 22 к.

21. Послѣ службы Божой посвящали дворъ и хати на Василювцѣ. Священникамъ и прочимъ причетникамъ дапо 47 к. Иванъ Мелниченко отелонился, которому и дано 25 к. За Гришка Шрама Миврунова, на линіи работавшого, который долженъ былъ 11 осмачокъ овса, заплатили Куровци шесть рублей. Нѣмому данъ кунтушъ зеленій мой.

22. Виехалъ зъ Перегону, былъ въ Левенцѣ, прибылъ въ Стародубъ. Переездомъ въ Случку за Рубанову кобилу велѣлъ заграбить у Романовичового подданного Клима Мигаля два конѣ, обѣдаючи у Коменка.

23. Ради тезоименитства у полковника нашего обѣдали, которому окончилось 63 года, и до позна гуляли.

24. За офарбованне габи 25 к., за вичинку лисицъ и зайцовъ Чубѣ 15 к. Розышлося на розницю 9 к. Прапорщикъ Темиразовъ и сотникъ новгородскій были у мене. За муку бранную передъ симъ у колачниковъ 36 к., за булки 24 к.

25. Даны до роблення Максиму шапочнику два муфи зъ медведя для мене и для Василка, а для паней зъ огонковъ кунчихъ, да на шію ожерѣля съ огонковъ-же и кучму зъ черного баранка. На нитки 3 к.

26. Купили до кузнѣ дворовой ковадло и мѣхъ за 3 р. 50 к. у коваля Силка, которому данъ 1 р. Кунтушъ мнѣ покроенъ зъ кофейного сукна, до которого дано на нитки и шовкъ 7 к. Василковѣ кунтушикъ, кафтаникъ и штаны покроены; на потребности дано

8 к. Куплено выбойки 3 локтя зъ $\frac{1}{4}$, за которую дано 81 к. Далъ Пleshковъ зять на пенку 10 р. Шабелнику дано 10 к. Посланы письма въ Глуховъ, чрезъ сторожа Ивана Гриневича, до пана Скоропадского, до Валкевича и привилегіи и маппу, и до Юркевича.

27. Даны остальныя Парфененку за медь 10 р. Розышлося на розницу 6 к.

28. За шлеи до станка конского, що подковать коней, 18 к., живодіорамъ 4 к. Розышлося 6 к.

29. За шкуру Чубъ овечую 18 к. На нитки и кузъби 4 к. Карноуху 16 к., за 2 смушки бѣлыхъ 8 к.

30. За пошите коври 20 к. Привозившему родинный хлѣбъ молодику 20 к., отъ п. Андрея Миклашевского, которому вчера родилась дочь Екатерина. На ниткѣ Чубъ и кравцю 10 к. На розницу розышлося 5 к. Куплено жита осмачокъ, дано за оное 14 р. 16 к. Дѣвцѣ за булки и за кури 18 к. Малярю Петру 3 р. 50 к.

Декабрь.

1. Confessus communicavi. Розышлося на розницу 46 к. За пошите кунтушика Васевъ 10 к. За зелъзо Евдашцѣ 5 к.

2. Рано отехали до Нижнего на крестины и тамъ весь день пробавили и ночовали. Розышлося 55 к.

3. И весь день тамъ-же въ Нижніомъ пробавили и уже на ночь пріехали въ Стародубъ.

4. За роботу жупана и габяна блакитного для Ивана Лучаевского 20 к.

5. Віехали зъ Стародуба и пообѣдавши въ Левенцѣ, прибыли до Перегону.

6. Обѣдали у насъ въ Перегонѣ Григоріева Гамалина, Дзевульская и Галецкая. Священнику зъ причетниками 25 к. Въ кануѣ на медь 20 к.

7. Въ Погарѣ ¹⁸⁴⁾

¹⁸⁴⁾ За сию въ рукопись вилетено нѣсколько листовъ чистой бумаги, вѣроятно въ замѣнъ утерянныхъ тетрадей Дневника. Между чистою бумагою вилетена тетрадка въ 12-ть страницъ съ черными отпусками партикулярныхъ писемъ, изъ которыхъ нѣкоторые будутъ напечатаны въ приложенияхъ. Затѣмъ начинается Дневникъ за 1742 г.

1742 году.

Мѣсяцъ генварь.

1. По поздравленіи г. генералу лейтенанту, генералу крингс-комиссару и кавалеру Александру Борисовичу Бутурлину, нынешнему малороссійскому главному командиру, нового году, слушали службы Божой въ церкви св. Николая, а молебствія публичного въ церкви св. Варвары, бывшего при однократной пушечной палбѣ. Потомъ обѣдали и до позна гуляли у оногo-жъ г. генерала Бутурлина, а въ вечеру былъ феерверкъ съ пуцаніемъ по землѣ и вверхъ многихъ ракетъ, которые дѣлали и справляли п. Максимъ Турковскій и п. Андрей Кондзеровскій.

3. Рано посѣщали насъ судія енералный, его м. п. Федоръ Лисенко зъ сожительноницею своею, п. Якубовичъ, асаулъ енералный, и другіе; и весь день, послѣ вчерашнего гулянія, въ домѣ пребыть принужденъ.

3. Послѣ обѣда многіе посѣщали насъ въ кварталѣ, да и я къ нѣкоторымъ ездилъ.

4. Обѣдалъ я зъ женою у асаула енералного п. Якубовича и весь день у него пробавили, а оттуду какъ возвратился, то и у насъ гостѣ были.

5. Службы Божой и водосвятіе слушалъ въ церквѣ св. Николая; потомъ заездилъ до п. Андрея Миклашевского, а одтолъ возвратись въ домъ, вечерялъ зъ хоружимъ полковымъ чернѣговскимъ п. Леонтовичемъ. П. п. Федоръ и Александръ Корецкіи прибыли въ Глуховъ и стали квартерою въ домѣ полковника гадацего п. Галецкого.

6. Слушали обѣднѣ въ церкви св. Варвары, а потомъ какъ генераль, такъ и прочіе гг. великороссійскіе и малороссійскіе пошли за процессіею церковною къ водосвятію на рѣку, где устроенъ былъ полкъ глуховского гварнізону и сотня глуховская и пушки поставлены; и когда водосвятіе окончилось, то перве солдаты и возаки бѣглымъ огнемъ выпалили, потомъ зъ мартирѣ и пушекъ многихъ палено. По водосвятіи были у генерала многіе господа, а также и мы на водцѣ у асаула енералного п. Якубовича; потомъ прибывъ, въ домѣ я обѣдалъ. Сего-жъ числа подписовали писма къ

Государыни и къ гг. сенаторамъ, чрезъ отправляющихся депутатовъ въ С. П. Бурхъ посилаючись. Вечеромъ были у мене въ домъ разные персоны, въ томъ числѣ и гг. подскарбій енералный Скоропадскій и полковникъ лубенскій Апостоль.

7. Отклонились генералу наши депутаты и приняли свою экспедицію.

3. Оные депутаты отехали въ путь свой зъ Глухова, чрезъ которыхъ и я писалъ до Михайла Ивановича Новоторжцова секретаря, до канцеляриста Федора Афанасіевича Инихова и до суди полкового миргородского Федора Остроградского о дѣлѣ моемъ, стороны жалованной грамоты на деревнѣ Куровъ и Чубаровъ.

9. На вечери сздили въ Дунаецъ¹⁸⁶⁾, для посѣщенія болного сына и тамъ почовали.

10. Рано одтоль возвратяся, слушали службы Божой въ церкви св. Николая; а потомъ будущому мнѣ у генерала, объявлено ехать по станамъ, для турецкого посла учрежденнымъ, даже до самого Кіева, свѣдѣтельствовать заготовленные подводы, провизію и прочее. Сего жъ числа прибылъ изъ С. П. Бурха новопожалованный полковникъ, г. подполковникъ гусарского полку Божичъ, которому вручить клейноты полковые и опубликовать егожъ мнѣ поручено¹⁸⁵⁾.

11. Огобравши я по порученныхъ мнѣ оныхъ дѣлахъ инструкціи и указы, отехалъ зъ Глухова на почтѣ и прибылъ на сумерку въ Кролевецъ. Въ Глуховѣ сегодня трактовалъ у себе г. генералій подскарбій Михайло Василювичъ Скоропадскій генерала Бутурлина и прочихъ. Въ Кролевцѣ взявъ у сотника подписку, что провизія для турецкого посла вся въ готовности, отехалъ на почтѣ къ Алтыновцѣ¹⁸⁷⁾, а оттоль до Батурина, куда прибылъ въ полночь, а передъ свѣтомъ тамъ же опостигъ мене полковникъ нѣжинскій Иванъ Пантилимоновичъ Божичъ. Одтоль же зъ Батурина писалъ въ войсковую енералную канцелярію о томъ, что пятого числа подводу на станъ батуринскій зъ полковъ черниговского и прилуцкого не по-

¹⁸⁵⁾ Село глуховскаго уѣзда.

¹⁸⁶⁾ Иванъ Хрущовъ былъ назначенъ полковникомъ въ октябрѣ 1727 года, вмѣсто зятя Скоропадскаго—Толстого; смѣщенъ онъ былъ послѣ долговременныхъ жалобъ нѣжинскихъ полчанъ, за его «здривственныя прихоти». Въ архивѣ генеральной канцеляріи нѣтъся цѣлое дѣло, наполненное жалобами на Хрущова (№ 3804).

¹⁸⁷⁾ Село кролевецкаго уѣзда.

ставлено; о чемъ и тѣхъ полковъ къ полковникамъ отъ мене предложено писменно.

12. Въ 8-мъ часу пополуночи вѣхавъ зъ Батурина, прибыли въ Борзну купно зъ полковникомъ Божичомъ; и тутъ откушавши у сотника борзенского Пантелімона Забѣлы, разехались: онъ въ свой дворъ въ Буромку, а я къ Нѣжини, куда прибылъ уже ночью и сталъ квартерою у судіи полкового Леонтія Грановского, за городомъ.

13. Рапо былъ у полковника Івана Семеповича Хруцова и объявилъ ему інструкцію, данную мнѣ зъ войсковой енеральной канцеляріи, объ отказѣ ему-жъ отъ деревень, на рангъ полковничества нѣжинского надлежащихъ, о опредѣленіи полковника Божича и о прочемъ. Потомъ обеждали зъ полковникомъ и нѣжинскимъ комендантомъ Михайломъ Петровичемъ Пуццинымъ дворы, въ которыхъ провизія для турецкого посла заготовлена и станѣ (конюшни) для лошадей строены; и всего того осмотрѣвъ, обѣдали у овогожь полковника Хруцова; а ввечеру, взявъ у него реверсъ о отездѣ его жъ до Глухова, чтобъ тамъ сталъ къ 18 числу сего генваря, и отобравъ отъ него перначъ, а прочіе клейноты приказавъ поутру отобрать, былъ у отца архимандрита нѣжинского Модеста Велецкого и, позабавившись вночь до нѣсколько часовъ, отехалъ по почтѣ до Носовки, где прибывъ по полуночи въ 1 часу, сталъ квартерою у обозного полкового кіевского Андрея Шаулы.

14. Рапо явились у мене гварнізону глуховского поручикъ Михайло Фомичъ Динисевъ и канцеляристъ войсковый Костенецкій, да сотникъ носовскій Карпъ Шаула и прочіи приставленни къ заготовленію провизіи, подводъ и прочего для посла турецкого; и въ чемъ отъ мене усмотрѣна неисправность, о томъ отъ мене жъ писано въ полковыи канцеляріи нѣжинскую, кіевскую и переясловскую; да о томъ же и въ войсковую енеральную канцелярію послалъ репортъ; а за сотникомъ кобизкимъ Мандрыкою посланъ по інструкціи ундеръ офіцеръ, чтобъ его взять въ Носовку за ослушаніе въ непоставки провизіи и прочего; потомъ зъ Носовки отехалъ и проехалъ Козарѣ, прибылъ въ Козелець по полудни въ 1-мъ часу, и обѣдалъ у брата отца Іоанна. Послѣ у полковника кіевского г. Танского и у дядка Федора Ханенка былъ, а квартерою сталъ въ домѣ князя Никиты Юревича Трубецкого.

15. Была у мене изъ села Лемешовъ ¹⁸⁶⁾ новопожалованного дѣйствительнаго камергера Алексія Григоріевича Розумовскаго матка Наталія Демянова дочь и вручила письмо для пересылки къ оному сину своему. Осматривалъ я квартиру и стаень для турецкаго посла заготовленныхъ; потомъ обѣдалъ у полковника, а по обѣдѣ былъ у асаула полковаго Матвѣя Шума, у Іосифовой сватовой, у Івана Покорскаго и у п. дядка Федора Ханенка; а потомъ ночью отехалъ въ Носовку, где прибылъ по полуночи въ 1-мъ часу и сталъ квартирою у намѣстника тамошняго отца Малютина.

16. По пересмотрѣ приуготовленныхъ въ Носовкѣ квартиру и конюшень и прочего и пообѣдавши у одного жъ намѣстника носовскаго, отехалъ оттолъ и прибылъ въ Нѣжинъ коло вечерень, где сталъ квартирою у Димитрія Николаева, откущика индукты. Тутъ же въ Нѣжинѣ засталъ я уже прибывшаго полковника Божича и у него въ кватерѣ, а въ домѣ здѣшняго войта Петра Стеріевича Тарнавіота до позна въ ночь забавлялись.

17. Рано приказъ отдалъ собрать полкъ и отведши отъ моеѣ квартири, съ знаменами полковими и музикою и перначемъ, такожъ съ сотенными корогвами, устроить въ монастырѣ; потомъ приехалъ ко мнѣ на квартиру полковникъ Божичъ и тутъ мало пообождавши, поки полкъ устроень, отехали съ нимъ въ однихъ саняхъ къ монастырю, где за прїѣздомъ нашимъ, съ музикою и приклоненіемъ знамень, честь отдана. Послѣ того весь полкъ съ знаменами окружилъ насъ, а я съ полковникомъ Божичомъ, ставъ при знакахъ полковыхъ и созвавъ всю старшину полковую и сотниковъ, объявилъ имъ и всему полку, что ея императорское величество всемилостивѣйше пожаловала его, Божича, изъ гусарскихъ подполковниковъ полковникомъ въ полкъ нѣжинскій, и на то ему полковнику данный изъ войсковой енеральной канцеляріи унѣверсалъ велѣлъ читать вслухъ, который и читалъ писарь полковаго Василь Кулаковскій; а по прочитаню взялъ я большое полковое знамя, вручилъ полковнику, потомъ пѣрначъ и значокъ полковый; и стали одного полковника

¹⁸⁶⁾ Козелецкаго уѣзда, мѣсто рожденія Разумовскихъ. Еще десять лѣтъ назадъ на одномъ изъ огородовъ небольшого владѣнія Тарховой, въ с. Лемешагъ видѣли мы кирпичный столбъ, обозначающій по преданію то мѣсто, гдѣ находилась хата, въ которой родились Алексѣй и Кирилль Разумовскіе.

поздравлять милостію ея императорского величества, и какъ по здешнему обычаю покрыли его шапками, то знову музыка полковая играла. Потомъ я зъ полковникомъ и всѣ присутствовавшіе, якъ то: полковникъ и нѣжинскій комендантъ Михайло Петровичъ Пущинъ, полковникъ отставный гамбургского полку Зотъ, подполковникъ Карнѣй Ивановичъ Басмановъ, нарвского драгунского полку маіоръ Богданъ Михайловичъ Приклонской и проч. многіе офицеры и старшина полковая и сотники, пошли въ церковь и слѣшали службы Божой и молебствіе, которое отправоваль его преподобіе отецъ Модестъ Велецкій, архимандритъ здѣшняго монастыря нѣжинского. зъ многими священниками, монахами и мірскими, и по окончаніи оногo молебствія была одиножды изъ 9 пушекъ пальба; потомъ отъ церкви пошли церемоніально зъ знаками полковыми, а полковникъ самъ имѣлъ въ рукахъ перначъ, при играню музыки полковой до квартиры его въ войтовъ домъ, тоже стали за приготовленными столами кушать и при пушечной палбѣ гуляли долго вночь, а на остатокъ были еще и у отца архимандрита. Пришла свита посла турецкого.

18. У полковника-жъ Божича обѣдали; потомъ пролежалъ весь день въ домѣ послѣ вчерашнего трапезенту.

19. Рано приехалъ въ Нѣжинъ генераль маіоръ Даревскій; потомъ прибылъ и полномощный турецкій посоль зъ всею своею свитою, которого встрѣчею и пушечною палбою почтено; онъ же вездилъ изъ своею музикою, а по прибытіи его въ квартиру были мы у него жъ, посла, зъ енераломъ маіоромъ Даревскимъ, зъ которыми онъ лежа на своихъ подушкахъ, мало де що чрезъ переводчика говорилъ, а потомъ зъ нимъ же генераломъ и прочими обѣдали у полковника Божича.

20 и 21. Отправленіе чинили зъ маіоромъ Іаковомъ Любимовичемъ Полянскимъ въ полки чернѣговскій, прилудскій, переясловскій и нѣжинскій о наборѣ подводъ подъ посла.

22. Учинили турки нападеніе на дворъ войта нѣжинского Тарнавіота и взяли у него двоухъ дѣвокъ крещеныхъ, одну жъ отпустили, а другую увели къ послу. Отправленъ отъ мене репортъ до Глухова въ войсковую енералную канцелярію.

23, 24, 25 и 26. За наборомъ подводъ же отправленія чинили.

27. Кушалъ я зъ маіоромъ Полянскимъ у отца Стефана Олховского, протопопа нѣжинского.

28. Самъ посель зъ своею свитою ездилъ до деревнѣ Спяковѣ и тамъ нападеніе учинилъ на дворъ полковника Зота и немалое разореніе тамъ починилъ. Сего жъ числа отъ комиссіи при поселствѣ турецкомъ обрѣтающейся, чтобъ вмѣсто саней заготовлять подъ оное поселство телѣги и роспуски, объявлено.

29. Объявлено жъ, что посель турецкій совсѣмъ ити намѣренъ на Переволочную, о чемъ отъ насъ посланъ репортъ въ Глуховъ, чрезъ Стефана Карпѣку.

30. Явился сотникъ столинскій ¹⁸⁹⁾ Іванъ Бобирь къ подводамъ изъ полку черніговского набраннымъ. Отправлены писма въ Товкачовку ¹⁹⁰⁾, до старосты тамошнего и до суднича о стадникѣ нашей.

31. Набѣрали вездѣ, у кого ни сискались, коляски, возы, колеса и роспуски.

Февраль.

1. Принесены чрезъ Стефана Карпѣку указы зъ Глухова до мене и до маіора Полянского, чтобъ для слѣдованія посла турецкого отъ Нѣжина до Переволочной учинить по опредѣленнымъ станамъ надлежащее приуготовленіе, чего для присланные зъ Глухова поручикъ Цурковъ и канцеляристъ Костенецкій по тракту на Прилуку, Піратинъ, Лубягъ, Хороль и потомъ къ Переволочной отправлены.

2. Для того жъ приуготовленія и судія полковый нѣжинскій Леонтій Грановскій, по инструкціи отъ насъ данной, тѣмъ же трактомъ отпавленъ къ Переволочной; а ночью прислано требованіе отъ полковника Алсуфева, все ли уже по оному до Переволочной тракту заготовлено и не будетъ ли ни за чимъ остановки или неудовольствія поселству.

3. Въ 8-мъ часу предъ полуднемъ оный же полковникъ Алсуфевъ объявилъ, что посель знову на Кіевъ свой путь воспріемлетъ и на Переволочную не пойдетъ, о чемъ отъ мене и къ полковнику прилюдному Галагану для сообщенія и въ другіе полевые полки писано.

¹⁸⁹⁾ Мѣстечко Стольное, сосницкаго уѣзда.

¹⁹⁰⁾ Село прилуцкаго уѣзда.

4. Турки ввечеру и вночь долго отправляли свои молитвы зъ музыкаю своею и бубнами ради байрама, завтра у нихъ праздноваться имѣющаго.

5. Первей въ поселской квартере музыка ихъ турецкая играла и самъ посель нѣкоторые свои церемоніи по ихъ набоженству отправлялъ, потомъ оная жъ музыка и по другимъ квартерамъ до знатнѣйшихъ турковъ ходила зъ поздравленіемъ, а съ полдня стали собираться къ походу и нѣкоторая знатная часть поселской свиты ночью изъ Нѣжина пошла до Носовки.—Василю, шведской націи столяру нѣжинскому, который договорился сдѣлать мнѣ шафу, даны 4 р., а еще ему надлежитъ добавить 50 к.

6. По полуночи въ 8-мъ часу и самъ посель зъ остальною свитою поднялся зъ Нѣжина, котораго препровождено зъ пушечною палбою и зъ командами драгунскою и козацкою. Онъ же посель обѣдавъ въ Дѣвици (Володьковой), а на ночь прибылъ въ Носовку. Объ ономъ въездѣ посла отправленъ репортъ нашъ въ Глуховъ и отвѣтъ противъ указу о посланныхъ отъ насъ въ полки объявленіяхъ, что уже посель на Кіевъ трактъ воспріалъ.

7. Мы зъ Нѣжина вѣхали, а посель зъ Носовки поднявша, обѣдалъ въ деревнѣ Ставиское, а ночовалъ въ Козелцѣ; мы же ночовали въ Ставискомъ.

8. Зъ Козелца поселская свита рушила ночью, а самъ посель въ 8-мъ часу по полуночи, въ якомъ часу и я прибылъ въ Козелець; посель же на ночь притягъ въ Семиполки и ночьюъ одтоль подпаялся. Я ночовалъ въ Сокирицѣ.

9. Обѣдалъ посель въ Димерцѣ, а въ Броварахъ прибравшись зъ своею свитою въ лучшее платя и прибравъ своихъ лошадей стройно, пошолъ сиѣшно къ Кіеву и прибылъ въ Кіевъ въ 3-мъ часу по полудни, где его палбою зъ многихъ пушокъ и полки въ строй поставленные салютовали. Я и маіоръ прибыли на ночь въ Бровари.

10. Посланы поручикъ Денисьевъ и сотникъ носовскій Шаула въ Кіевъ, а оттоль какъ прибылъ къ намъ въ Бровари Стефанъ Карпѣва, то мы оттуду и сами отехали и прибыли на ночь въ Димерку, где захавъ въ дворець, застали тамъ маіора полку пѣхотного володимирского Николая Алексіевича Хомутова.

11. Рано прибыли въ Семиполки, где догналъ насъ и вапралъ, въ Глуховъ посланный, которій привезъ намъ указъ о провизіи

въ полку кievскомъ заготовленной. Я заездилъ въ Секирню до Григорія Парженка и до сестри Евфиміи, у которыхъ тамъ пообѣдавъ, прибылъ на ночь въ Козелець и тутъ сталъ квартирою у князя Трубецкого домѣ.

12. По молебствіи и службѣ Божой, перве были многіе въ моей квартирѣ; потомъ обѣдали у маіора Полянского, а послѣ побувавъ у дядка Федора Ханенка и отца брата Іоана и простясь съ ними, отехалъ поздно зъ Козельца и прибылъ на ночь до Козари.

13. Рано прибылъ въ Носовку, а передъ вечеромъ въ Нѣжинъ.

14. Обѣдалъ у полковника нѣжинского Івана Пантелимоновича Божича, а вечерялъ у полковника и коменданта Пущына.

15. Купилъ сукенка 20 локоть за 5 р. 40 к., четири юеи за 4 р. 50 к., да у значкового товариша Медовниченка взялъ троихъ суконъ за 19 р. 20 к. Обѣдалъ у коменданта Пущына, у которого и дзигарокъ свой зъ портретомъ оставилъ для напpавы. Послѣ простясь съ нимъ на квартирѣ маіора Полянского, отехалъ позно и прибылъ ночью въ Комаровку; тутъ до свѣта почивалъ.

16. По полуночи въ 9-мъ часу прибылъ въ Борзну и сталъ квартирою у Стефановой Забѣлиной, а обѣдалъ у сотника тамошнего; потомъ заездилъ до Стефана Рыби, который имѣетъ за собою племянницу мою Іуліану, дочь Николая Забѣлы; а послѣ вечерень прибыли въ Батуринь, куда позно прибылъ же и Федоръ Чуйкевичъ.

17. Прибылъ до Крелевца въ 11-мъ часу, а потомъ въ Глуховъ и былъ позно у генерала Бутурлина.

18. Обѣдалъ у генерала жъ и получилъ отпускъ въ домъ; а вечеромъ былъ у бригадира Іліина. Писалъ къ полковнику лубенскому въ Москву чрезъ полковника Телищева. Василку въ Дунаецъ отосланы панчошки и другія вещи.

19. Противъ сего числа ночью получилъ извѣстіе изъ С. П. Бурха генераль Бутурлинъ, что пожаловано его въ дѣйствительные камергеры, чимъ его превосходительство всѣ и поздравляли. Писалъ я до полковника полтавского г. Кочубея, благодаря за присылку ленчика крымского и 2 паръ тебенювъ. Асаулъ енеральный п. Якубовичъ отправленъ для учрежденія всякого приуготовленія подъ посла турецкого, слѣдовать имѣющого зъ Кіева на Переволочную, которому дана отъ мене коляска для поезду, взятая у откупщика индугтарского Дмитрія Николаева Сердюкова. Я виехалъ зъ Глухова въ

3-мъ часу пополудни и прибылъ въ Локотки въ ночь 2 години, оттоль вѣехалъ о полночи и въ Образъевцѣ переменивъ санѣ и коней, прибылъ

20 числа въ Новгородокъ въ 7 часу по полуночи; тамъ видѣлся зъ полковникомъ московского драгунского полку г. Лвовымъ и у сотника былъ; оттоль передъ обѣдомъ отехавъ, прибылъ въ Перегонъ въ 10 часу предъ полуночю.

21. Во время обѣда сотникъ погарскій Соболевскій зъ женою своею и Григорій Покасъ зъ женою жъ прибыли къ намъ въ Перегонъ и тутъ отобѣдавъ, довольно времени пробавили.

22. За нѣкоторыми покупками послана Петриха въ Стародубъ.

23. Былъ я зъ женою на Василиовцѣ. За леченіе хлопца шолудивого заплачено теперь полтину, а передъ симъ другую.

24. Приѣздилъ изъ Новгородка муровщикъ Стефанъ Жолдакъ. Василиовскому одному человѣку позичень 1 р.

25. Муровщику Стефану Жолдаку въ задатокъ на работу 1 р. 90 к., а передъ симъ ему жъ дано 3 р. 10 к., да горѣлки кварть 32, и чрезъ него жъ послашъ стѣнный дзигарь для направи, при писмѣ до намѣстника монастыря новгородского отца Алексія и о присилкѣ къ намъ цегелника.

26. Писаль въ Глуховъ до г. Скоропадского. П. Александръ Корецкій зъ женою прибылъ къ намъ въ Перегонъ и тутъ ночоваль.

27. Отехаль онъ же послѣ обѣда въ Левенку.

28. Писаль до полковника лубенского и до господина Скоропадского о своемъ дѣлѣ.

Мартъ.

1. Оныя писма отправлены въ Новгородокъ для пересылки оттоль въ Глуховъ. Сего жъ числа надвечери отехаль я зъ дому, забираючи трактъ на полѣса и прибылъ въ Левенку около полночи; а оттоль зъ Александромъ Корецкимъ

2. Въ Стародубѣ позабавились за полдень, а потомъ вѣехавши прибыли на ночь въ деревню Стодолу и тутъ въ дворцѣ п. Івана Бороздны медведовского ночовали.

3. Оттоль рано поехавъ, переехавъ Рудню полковничую и прибыли въ Жовнець о полдни, а потомъ въ заводъ п. Корецкого¹⁸¹⁾, где и ночовали.

¹⁸¹⁾ Теперь деревня, Корецкій Заводъ, суражскаго уѣзда.

4. Приехали рано въ слободу Александра Корецкого Уноповъ, и тамъ въ дворцѣ Давидовича коней кормили и обѣдали, а потомъ отехавши прибыли на ночь въ Лотоки, где сталъ квартирою у Федора Пригаровского.

5. Сисковали священника зъ Поповой Горы отца Тарасія Хандожку, передъ которымъ и исповѣдались. Былъ у мене въ квартирѣ сержантъ стародубского гваріѣзонного полку Герасимъ Григоріевъ, который зъ старостою моимъ Федоромъ Алексіевымъ подрался.

6. На службѣ Божой въ Лотокахъ причащались зъ Александромъ Корецкимъ и всѣ люди при насъ бывшіе. Послѣ обѣда ездили на слободу въ урочище Имшицкое и тамъ обще зъ Иваномъ Самойловымъ и Стефаномъ Пригаровскимъ и зъ людьми лотоковскими разсматровали мѣсть, подъ селидбою тамъ же будущихъ, а оттоль заездили къ Стефану Пригаровскому. За 20 пудъ меду заплачено Федору Пригаровскому 21 р. 54 к.

7. Писано отъ мене къ прапорщику Сидору Петровичу и къ другому прапорщику въ Мглинѣ стоящему, а имѣвшему прибыть въ Лотоки для слѣдствія о помянутомъ сержанту Григоріеву въ обидѣ и побояхъ, людямъ нашимъ отъ него показанныхъ. Отъехали подводы наши зъ досками липовыми и дубовыми, которые привозили въ Лотоки хлѣба 16 осмачокъ, якое зсипано въ имбарѣ у Димида, а поручено оное Федору Пригаровскому и Афанасу Сквпню. По полудни вѣхали и самы зъ Лотоковъ и повечерявши въ дворцѣ монастырскомъ на Поповой Горѣ, прибыли ночью въ Кузнеци и тамъ ночовали.

8. Прибыли въ заводъ Корецкого въ 10-мъ часу предъ полуднемъ, где за 4 пары садовъ до плуговъ украинскихъ дано 1 р. 60 к. руднику Афанасу Грибу, которому и пташина лотоковская дана для оробковъ, якихъ царь 10 къ празднику онъ обѣщаль. Зъ заводу послѣ полдня поехавши, кормили лошадей въ Стодолѣ и оттоль прибыли въ Ярцевъ по полуночи къ Григорію Борознѣ.

9. Писалъ зъ Ярцова къ Ивану Борознѣ въ Медведовъ о свѣцару Нивитѣ; оттоль же поехавши, прибыли въ Стародубъ въ 10-мъ часу по полуночи, где погода малъ часъ, была у мене старшина шолковая.

10. Ивану теслѣ (плотнику) на его нужды въ щотъ за работу данъ 1 р. Коло вечерень визитовали насъ Григорій Скорупа, Иванъ Гамалѣя

капитанъ Ланкъ съ женою и прочіе. Отдалъ Гамалѣя должныя намъ 6 р. 70 в. и отехалъ онъ же въ Юдиновъ.

11. На вечери вѣхали зъ Стародуба и прибывъ въ Левенку, тамъ ночовали.

12. Тамъ же въ домѣ Александра Корецкого видѣлась зъ нами бунчужная Галецкая, а потомъ отехала къ Погару; мы же отобѣдавши, отехали и прибыли въ Перегонъ на смерку. Ночю греблю нашу городискую порвало.

13. Получилъ указъ изъ енеральной канцеляріи о врученіи полковнику стародубскому Федору Дмитриевичу Максимовичу полковыхъ клейнотовъ и команды, чего для и вѣхаль по полудни зъ Перегону къ Стародубу, куда и прибылъ я о 2 години въ ночь, а полковникъ коло полуночи.

14. Подлугъ отданного вчора приказу собранъ полкъ зъ знаменами передъ мою квартиру, а потомъ какъ прибылъ и полковникъ ко мнѣ, то отдана ему честь отъ всего полку поднятіемъ ружья на караулъ и зъ музикою; потомъ пошелъ полкъ строемъ къ соборной церквѣ и какъ тамъ построился въ триангуль, то и я зъ полковникомъ приехалъ цугомъ предъ полкъ, где отдана намъ честь, при играніи музыки, ружьемъ и выпалено зъ троухъ штукъ. Потомъ какъ приступили всѣ сотенные корогвы къ полковымъ знаменамъ и старшина полковая, и сотники, и значковые посередъ строю, при знаменахъ, стали, то я, учинивъ объявленіе о опредѣленіи въ полкъ стародубовскій полковникомъ г. Максимовича, велѣлъ читать въ слухъ всѣмъ данный изъ войсковой енеральной канцеляріи оному жъ господину полковнику унѣверсалъ, который и читаль писарь полковый Стефанъ Петрункевичъ, а по прочтеніи унѣврсалу, взявъ я перве болпое полковое знамя, потомъ значокъ полковый же, оные вручилъ полковнику; потомъ показавъ ему жъ лѣтаври и музику полковую и сотенные знамена, велѣлъ его всѣми знаменами окритъ и по здешнему обычаю покрывъ его жъ шапками, окончали тую церемонію поздравленіемъ его, полковника, полученіемъ той императорской милости, при чемъ паки изъ пяти штукъ выпалено, и пошли всѣ въ церковь, а по службѣ Божой было молебствіе при трократной изъ пушовъ палбѣ, а на остатокъ изъ мелкаго ружья козаки одинъ залпъ выпалили. Потомъ обѣдали у полковника, и при многократной зъ мартировъ и мелкаго ружья палбѣ, гуляли до позна въ ночь.

15. Старшина полковая и сотники рано у мене были, но потомъ весь день пробавилъ я въ домѣ ради вчерашнего избышкаго пята, посылалъ по откупщика зборовъ Гаврила Яковенка, жителя глуховского.

16. Получилъ указъ ехать въ Глуховъ. Передъ полднемъ былъ у мене въ домѣ полковникъ со всею старшиною и сотниками, а отъ мене пошедши, гуляли у обозного, судіи и писаря полковныя и у писаря судового Косача; потомъ у полковника кушали, где случился и Григорій Бороздна ярцевскій, который для сына моего подарилъ малого коника.

17. Простившись съ полковникомъ и прочими, отехалъ съ Стародуба и мало давъ отдохнуть лошадямъ въ Случку, приехалъ съ попомъ Алексіемъ Хелкидоцкимъ еще завчасу до Перегону. Ночю знову порвало греблю городискую.

18. Принесенъ указъ съ суда енералного, чрезъ нарочного компанѣйца, объ отвѣтствіи противъ пунетовъ по дѣлу Соколовского съ Янушкевичемъ. Учиненъ контрактъ съ поданнымъ монастыря новгородского Тарасомъ Юденкомъ дѣлать цеглу, за которую плати давать ему отъ всякой тысячи по 7 гривенъ, и дано ему-жъ задатку 4 р. Кравцю стародубовскому Евтуху дано дѣлать двѣ пари платя нового, и каванъ злоголавный къ починки, и на потребности къ той работѣ данъ 1 р. Писаны въ полковую стародубовскую канцелярію два представленія: 1-е о откупщикахъ зборовъ, что лишнее берутъ, чего и указами не повелѣно, 2-е о форпостѣ лотоковскомъ и о сержантѣ тамо стоячомъ Герасиму Григоріеву.

19. Отправлено доношеніе въ судъ енеральный съ отвѣтами по дѣлу Соколовского, чрезъ того-жъ компанѣйца, да и письма до г. бригадира Иліина, до Скоропадского и до Якубовича и до Романа въ дворъ, такожь до Несторовича въ Новгородежь о отсылки бочокъ до Глухова. Преднамѣненные же представленія въ полковую стародубовскую канцелярію посланы чрезъ сторожа Гриневича и письмо до Кочержинского. Микита спѣцарь, присланный отъ Ивана Бороздны медведовского, началъ работу въ Городицѣ. Рymarъ Ярема навазанъ за панство и общался впредъ не пить.

20. Маляръ, изъ Гримачого присланный, взялъ маліовать плащеницу до церкви городиской. Отобраны у Петрихи съ шинку погарского за станъ оковитой (водки) 4 р., а за простой 2 р. Озер-

скій прислалъ должного 1 р., а до Багинского послана при писмѣ мѣра на стекло. Были у мене панѣкадилщикъ Никита Ивановъ и столяръ, съ которыми договорился съ панѣкадилщикомъ о вилитію бляхъ на шоры, а съ столяремъ на роботу 7 дверей до нового будинку; а давать имъ задатку по 2 р. и по четвертцѣ муки житной. Сего числа взялъ Мойсѣй Оршава швецъ для обученя хлопца съ Лотоковъ Василя Пятина.

21. Вышенамѣненные задаточные денги 4 р., да 2 четвертки муки, такожь три осмачки жита Марѣ Украинцѣ обѣщанные, отправлены въ Стародубъ чрезъ Грицка. Писалъ до писаря полкового Петрунkevича за Иваномъ Хряпковскимъ. Василь Мовчаненко суходолскій отпущенъ въ домъ.

22. Писалъ до капитана Берга стороны прапорщика Козми Гвова, который на греблѣ на Ворѣ бралъ у нашихъ людей три вонѣ въ подводу до Погари, и о заборѣ на торгу у людей нашихъ подводъ до Новгородка, для привезеня отголь овса въ Погарь.

23. Отправленъ до Мглипа за стекломъ кухаръ Иванъ и дано ему 2 р. 10 в. и письмо до хоружого сотенного Тита Голяка. При указѣ ко мнѣ изъ войсковой енеральной канцеляріи привезъ значковый товарищъ Данило Зиневичъ иѣрначъ полку стародубовского, для врученя оногo полковнику стародубовскому г. Максимовичу.

24. Писалъ къ полковнику стародубовскому о полученіи пѣрнача и о присылки сторожа поліового для отрепортованія въ Глуховъ, такожь о предложеніи въ сотню погарскую ордеръ, чтобъ давано, по требованіямъ моимъ, козаковъ съ куреней перегонского, даріевского, случевского и чаусовского, и оное письмо отправлено чрезъ Данила Зиневича, за которого и рекомендацію педулою писалъ. Господинѣ Василювской Варцѣ, которая отежала прошлого генваря 24, заплачено за ея службу, що надлежало, 90 коп. У шинкаря марьовского (с. Марковска) за станъ горилки отобрано 2 р. 50 в.

25. Ночовали въ Городищѣ, где по слушанію всенощного и утренного пѣнія, а потомъ и литургіи, возвратились опять въ Перегонъ и тутъ какъ съ городецкими попами обома, такъ и съ отцемъ Алексіемъ, обще кушали обѣдъ.

26. Писалъ репортъ противъ указу стороны пѣрнача и чтобъ не ехать мнѣ въ Глуховъ передъ праздникомъ, о чемъ писалъ же и до г. Скоропадского.

27. Оные репортъ и письмо отправлены до Глухова сторожемъ полювымъ, присланнымъ, при письмѣ отъ полковника стародубовскаго г. Максимовича, а самъ я по обѣдѣ зъ попомъ Алексіемъ отехали къ Стародубу и прибыли уже туда позно.

28. Передъ службою Божою была у мене старшина полковая, а по службѣ, слуханной въ церквѣ Духовской, былъ у мене протопопъ, отецъ Иванъ стародубовскій, такожь п. Александръ Корецкій зъ женою, и потомъ отехалъ я къ полковнику; и какъ только вехалъ въ дворъ, то зъ музыкою честь мнѣ отдано, и полковникъ зъ всею старшиною встрѣтилъ передъ крыльцемъ; а когда вошелъ я въ болшую избу, то выпалено зъ троухъ штукъ, а послѣ велѣли принести перначъ и оный вручивъ полковнику, зъ учиненнымъ ему поздравленіемъ; далѣе, за приуготовленнымъ болшимъ столомъ сѣвши, кушали обѣдъ и пили за высокія здравія при пушечной палбѣ и даже до позна гуляли. При якой компаніи былъ и братъ полковничій, п. Василь Максимовичъ, сотникъ волинскій (м. Волинки) зъ женою своею. По отездѣ же моемъ изъ оной компаніи, учинилась ссора, въ которой обозный полковый Юркевичъ и арестованъ былъ.

29. Кушали у мене п. Александръ Корецкій зъ женою, а между тѣмъ пріехалъ и полковникъ Максимовичъ, которого я упробилъ свободить отъ аресту обозного полкового Юркевича и отдать ему шаблю, что и здѣлалось; и за приходомъ его и другой старшины полковой въ мой домъ, учинили прощеніе, и потомъ со мною простясь, полковникъ и братъ его Василій, сотникъ волинскій, такожь старшина полковая отошли, а мы отехали на ночь до Левенки, куда въ вечеру прибылъ и Григорій Бороздна ярцевскій зъ своею женою.

30. Послано отъ старосты перегонскаго въ полковую стародубовскую канцелярію доношеніе на ратушу погарскую, что побрато людей нашихъ въ Погарѣ на торгу и послано въ Новгородокъ. Писалъ и до писаря полкового Петрунчевича стороны опредѣленія козаковъ зъ ближнихъ куреней, чтобъ напоятовалъ полковнику, да и о томъ же доношеніе; такожь писалъ до сотника топалскаго Янджула о присылки зъ Сытой Буды малара Василя Пивоваренка; и рано отехавъ зъ Левенки, прибыли до Перегону коло полдня. Писанъ репортъ въ войсковую еeneralную канцелярію противъ указу присланнаго ко мнѣ о поездѣ для присутствія

въ комиссіи своду книгъ правныхъ. Писаны письма въ Москву къ полковнику лубенскому Апостолу, къ Ивану Гамалии, къ Федору Корецкому, къ Петру Паскевичу, къ секретарю Новоторжцову, а въ Глуховъ къ г. брегадиру Іліну, подскарбію Скоропадскому, асаулу Якубовичу, бунчучному Оболонскому енералнымъ, да до сотника мглинского Лисаневича и до старости нашего Поленского, въ Товкачовку.

А п р и л ь .

1. Григорій Бороздна ярцевскій зъ женою своею, такожъ Нивита Кореневъ, едучи къ Глухову, были у мене въ Перегонѣ и пообѣдавъ, въ путь свой отехали, при которыхъ отправленъ до Глухова-жь и Іосифъ племѣникъ и чрезъ него какъ предпомянутые писма, такъ и челобитная въ судъ енералный на Іваниху Миклашевскую Евдокію и сына ея Павла посланы; емужь на дорогу дано 50 к., а Василку (сыну) послалъ 1 р.

2. Превеликая была стужа зъ жестокимъ вѣтромъ и метелю и продолжалась цѣлые сутки.

3. За роботу барвы (одежды) служителямъ заплачено кравцис погарскому Гришку 3 р. Приѣздилъ мѣщанинъ погарскій Гордѣй Кружило зъ инструкцією о зборщикахъ, что берутъ лишнее, которму зъ владѣнія нашего и сказка дана.

4. Отецъ Михайло Пулчевскій, возвратясь зъ Стародуба, объявилъ, что по дѣлу ихъ никакой резолюціи не показано, такожъ и суворовскій (с. Суворова) прикажчикъ Самойло Семеновъ доносилъ, что и въ ихъ дѣлахъ ничего въ резолюцію не показано-жь. Роздана служителямъ и служанкамъ барва, въ томъ числѣ Івану, теслѣ, кунтушъ блакитный, кабанъ мамсовый, римару Яремѣ кунтушъ блакитный, кабанъ мамсовый и поясъ коломійковый и прочимъ.

5. Прибыль полевій сторожь зъ Глухова и привезъ писма отъ г. Скоропадского, отъ г. Якова Марковича зъ Москви и календарь С. П. Бурскій, и отъ старосты товкачовского. Чрезъ тогожь сторожа писалъ къ Кочержинскому, зъ посилкою писма до Голяки, хорушого сотенного мглинского, до Кудрицкого, зъ посилкою писма до Багинского, о сдѣланіи пила великого до оконъ, на которое и мѣра послана.

6. Привезены свѣчи и нѣкоторые покупки, справленные Ісакомъ Ляшонкомъ зъ Стародуба, а именно свѣчь 49 позолочованнѣхъ и зеленыхъ.

7. За оныя-жъ покупки послано въ Ляшонку 2 руб., чрезъ Ісака Мигалева, и писалъ къ Кочержинскому о присилки сувени и о прочемъ. Послѣ полдня отехалъ зъ дому къ Курковичамъ за дѣломъ зъ Лавриненками и Ломаками и мимоездомъ былъ въ Борщовѣ, у паней Григоріевой, а на ночь прибылъ въ Андрейковичи. Сего числа былъ у мене въ Перегонѣ комисаръ сотеннѣй потарскій Сосновскій.

8. Прибылъ рано въ Курковичи, где былъ у мене священникъ отецъ Симеонъ Тимоновичъ и атаманъ Осипенокъ, зъ возаами, при которыхъ за продерзость бывшій дякъ курковскій Федоръ Карповъ наказанъ. Писалъ къ сотнику полковому Якимовичу о возаку Івану Михайлову сину Осипенку, чтобъ его оставлено при первѣхъ курковской отправлять етитарство и въ походѣ нынѣ не нарязать, да до Гришка стелмаха писалъ же о разныхъ дворовыхъ потребахъ. Послѣ обѣда ездилъ въ слободу Ломакину и заставляющиса мелницъ и прочего осматривалъ и уже позно возвратился въ Курковичи.

9. Омеляну Чеху даны денги на заплату за станъ колесъ колясочныхъ, которыхъ два стана дѣлать подрядился на Ломакиной слободѣ колесникъ Мина Фельченко, станъ по 8 гривенъ, а на простіе колеса на 4 станы емужъ дано 1 р. 5 к. У шинкари курковской Горпины взято денегъ шинковыхъ 2 р., впредъ до порухунку, а преждежъ она отдала Омеляну Чеху 1 р. 80 к., какъ далъ онъ въ задатокъ на дрань. Оной шинкарцѣ выдано по счислу горѣлки нашей полтретя стана, а прежде одинъ станъ, взятый у попа курковского. У Омеляна Чеха отобралъ за проданное сѣно денегъ 2 р. 40 к., да онъ же роздалъ сѣна нашего курковскимъ жителямъ въ займи 12 возъ, которое они отдать въ осень будутъ должны, и по дню работать. Зъ Курковичъ послѣ обѣда отехавши, прибылъ завременно до Перегону.

10. Писалъ писма къ полковнику и подполковнику московского драгунского полку о томъ, что безъ бытности моея былъ въ деревняхъ моихъ на экзекуціи квартермистръ ротный Власевъ зъ драгунами (на которыхъ выдано сѣна пять возъ, овса четверть и за 8

шаговъ рыбы) за нѣкоторые доимочные деньги, о чемъ отъ подполковника Ангеляра и отвѣтъ полученъ. Отправленъ Грицко въ Глуховъ по Василка.

11. О томъ же писалъ и до полковника стародубовскаго Максимовича и послалъ тое письмо чрезъ Антона Дона. Чрезъ скляра писалъ до Кудрицкаго о Ломакиномъ завладномъ письмѣ чрезъ отправленного вчера до Глухова Грицка. Послалъ дзигарокъ старый сребный до направи въ новгородскій монастырь, и майстеру за работу посланъ 1 р., а ему Грицку даны 30 к. Якову гончару погарскому за постановленіе въ новыхъ будинкахъ печей калузской, да другой зеленой, даны 2 р., а передъ симъ ему жъ за тую жъ работу даны 2 р.

12. Писалъ въ Курковичи къ тамошнему священнику отцу Семену Тимоновичу о ктитару Ивану Осипенку, чтобъ онъ смотрѣлъ строенія церковнаго, да и Россарию, что подсуѣдку нашему Сушаненку за 2 года за службу не платитъ, до Омеляна Чеха—о денгахъ провіантовыхъ доимочныхъ и на меклембурцовъ, о колесахъ простыхъ, чтобъ прислалъ. Въ Лотови писалъ чрезъ Сквонневого зятя объ немъ къ тестю его Афанасу Сквонню и до Федора Пригаровскаго о денгахъ за хлѣбъ и о протчемъ, да до рудника Афанаса Гриба въ заводъ п. Корецкого о плуговыхъ желѣзахъ, о полицахъ до лемешовъ и о зробленю треаршинной вухнѣ со всѣмъ и о присилки птушковъ¹⁰⁰⁾. Росплата учинена зъ шлярами: новгородскому Семену Леонову за 13 оконъ болшихъ, а малыхъ 3 заплачено 2 р. 96 к. и четвертку жита, а шляру стародубовскому, въ дворѣ нашемъ мешкающему Яремѣ, за 5 болшихъ, да за пять меншихъ 1 р. 60 к., а на немъ осталось еще долгу нашего, что онъ долженъ впредъ отробить 70 к. и четвертка жита. Гришке вравцю погарскому за работу его дана четвертка жита.

13. Посиланъ Косикъ въ Стародубъ за нѣкоторими нуждами, чрезъ котораго писалъ и до Кудрицкаго о присилки подлиннаго отъ Ломаки даннаго письма, и до Стефана Кочержинскаго о хлопцю Юску и о протчемъ, чрезъ него жъ Косика отосланы гусли п. писару полковому Петрункевичу.

¹⁰⁰⁾ Т. е. птиць, разумѣется здѣсь рябчиковъ и тетеревей, которыми, какъ видно, изобиловали тогда за-инутскіе лѣса.

14. Онѣй Косикъ возвратился и привезъ многіе писма, въ томъ числѣ и отъ полковника Максимовича, стороны приславной экзекуціи на деревню мою за доимочными денгами; онъ же привезъ дробь и порохъ, фарбованные (подкрашенные) куници и прочее.

15. Въ Городищѣ, въ новомъ нашемъ будинку, посвятили двѣ избы, прихожую и науголную, къ старимъ будинкамъ стоячіе. Сего жъ числа имѣли исповѣдь передъ отцемъ Михаиломъ Пулчевскимъ, священникомъ городецкимъ, и на службѣ Божой причащались. Посланы въ закладъ до паней Григоріевой Гамалиной дувать въ 50 червонныхъ и мѣлкихъ 55 червонныхъ же, да 27 тарялей битыхъ, а отъ неѣ взяли въ позикку денегъ 249 рублей, и сіе справовано чрезъ отца Алексія Халкидонского. Чрезъ присланныхъ зъ Лотоковъ людей Василя Маркова принесены провіантовые денги 7 р., а чрезъ Івана Курганского и Івана Куриленка, слобожанъ кургановскихъ, писано до Афанаса Сквощня и до Федора Пригаровского о хлѣбѣ нашемъ, тамъ въ Лотокахъ оставленномъ, и о прочемъ, и отпущены они обратно, а при отпуску дано имъ въ позикку 20 к. Павлика Шмигелского женѣ болной дано въ задатокъ за ниву 10 к. и четвертку жита. Василко сынъ нашъ пріехалъ изъ Глухова и попривозилъ де которые писма, тако жъ и указъ зъ суда егерального до Ивановой Миклашевской, по челобитію жены, о денгахъ 200 руб.

16. Уговорили господаря на Василювцѣ Дмитра Шабалдина зъ женою его, на годъ давать ему платы 5 р. и ему-жъ и женѣ по свитѣ, а начали оны служить сего году на вседней, то естъ февраля зъ среднихъ чисель.

17. Паникадилцику Никитѣ Иванову, который дѣлаеть до шоръ бляхи, дано еще три рубли денегъ, гарнецъ горѣлки, кромѣ того, что передъ симъ дано ему-жъ 2 р. и четвертку житной муви, да у него-жъ принято уже тѣхъ бляхъ и прочихъ штукъ числомъ 116, а въ нихъ вѣсу 15½ фунтовъ. Чрезъ того-жъ паникадилцика писалъ къ Кочержинскому, чтобъ взявши у Карпа котляра мѣди 4 фунта, вручилъ ему да велѣлъ-бы здѣлать до кулбагъ пряжокъ 6 паръ зъ валками, а до уздечокъ столкожь, такожь и стрименъ 2 пары болшіе для мене, меншіе для сина Василя.

18. Въ сей Свѣтлаго Воскресенія Господня день обыкновенного набоженства слушали въ церквѣ вознесенской городецкой, а послѣ

службы Божой кушали въ перегонскомъ домѣ; потомъ какъ поехали къ вечернѣ въ Городище, то встрѣтились зъ панеею Григоріевою Гамалиною и по вечернѣ вечеряли купно зъ ею въ Городищѣ.

19. Слушали обѣдни въ Борщовѣ и тамъ-же у паней Григоріевой Гамалиной обѣдали; потомъ возвратились въ Городище и тутъ ночовали. Товкачовскіе подводы прибыли и привезли то сирь, то масло и денги, а для Александра Корецкого пару лебедей.

20. Пробавили весь день въ Перегонѣ.

21. Сотникъ Соболевскій зъ урядомъ и зъ женою своею, такожь канцеляристъ Покась, и Данило Роговичъ, и Леонтій Сорока зъ женами были у насъ въ Перегонѣ и тутъ кушали и до вечера пробавили.

22. Протопопъ погарскій зъ женою своею у насъ-же былъ послѣ обѣда и до вечера просидѣли.

23. Оный-же протопопъ знову былъ у насъ въ Перегонѣ, протестуючись на сотника погарского Соболевского о показанной ему обидѣ и безчестіи въ церквѣ.

24. Приѣздилъ къ намъ въ Перегонъ дозорца гремяцкій Леонтій Максимовичъ за своимъ дѣломъ, что турбуютъ его чернци пустынно-николского кievского монастыря за грунты въ селѣ ихъ Дѣвочахъ, имѣючіеся въ полку переяславскомъ, о чемъ отъ нихъ занесена на него челобитная въ судъ евералный.

25. Въ сей день, ради коронаціи ся величества Елисаветы I императрицы самодержицы всероссійской, совершитись въ Москвѣ имѣючей, были вездѣ, въ томъ числѣ въ Стародубѣ и въ Погарѣ благодарственныя молебствія, при пушечной, где есть артиллерія, палбѣ. Сего-жъ числа прибылъ къ намъ въ Городище зъ Погари генералъ-лейтенантъ и кавалеръ князь Василій Никитичъ Репнинъ зъ княгинею и зъ дѣтми, простуючись до Глухова, и ночоваль въ домѣ нашемъ; а вечеромъ къ намъ-же приѣхаль и Александръ Корецкій зъ женою и ночоваль у насъ въ Перегонѣ.

26. Оный г. генералъ рано, а Корецкій послѣ обѣда отъехали. Кравецъ Динисъ приѣздилъ зъ Стародуба и взялъ шить епанчу зимнюю Василковѣ, которому на потребности и за работу дано 40 к.

27. Столяру Никитѣ, который дѣлаеть окна до нового городского будинку, дано 1 р. 50 к. впередъ до щоту, що ему за работу доведется.

28. Прислалъ Александръ Корецкій письмо, поручаючи мнѣ и о своей части, въ добрахъ Рубановскихъ спадающей, дѣйствовать по моему разсмотренію¹⁸⁸⁾. Получилъ письма отъ судіи полкового черняговского Тимофія Сенюты и отъ архимандрита троецкого черняговского отца Ираклія Комаровского о томъ, что еще въ прошломъ 1741 году, въ юлѣ мѣсяцѣ, состоялась архіерейская резолюція соорудить намъ при церквѣ крестовоздвиженской городецкой придѣлъ во имя святого Іоанна Богослова, противъ которыхъ писемъ отписалъ къ судіи Сенютѣ, а до писара полкового стародубовского Петрунkevича писалъ стороны Іванихи Миклащевской, и стихотвореніе Данилевского послано.

29. Цегелнику новгородскому Тарасу Юденку еще дано въ заработокъ 50 к. Отецъ протопопъ погарскій былъ у мене и стороны придѣла во имя св. Іоанна Богослова учинилъ зъ нимъ постановленіе, когда оный надобно будетъ закладать.

30. Отправлены предъ симъ возки къ Новгородку зъ кухаремъ и Косикомъ.

М а і ѣ.

1. Старостѣ погарскому Федору Алексіеву, въ зачотъ службъ его, дано рубли два денегъ. Сего числа по литургіи въ церкви городецкой отправованъ молебень благодарственный о коронаціи ея імператорского величества Елисаветы Петровны, самодержицы всероссійской, отправованной прошлаго априля 25 дня въ Москвѣ; на которомъ молебствіи присутствовали священники отецъ Алексій Халкидоцкій, отецъ Михайло Пулчевскій и отецъ Григорій Костантіевъ, и я, и атаманъ городецкій зъ козаками и посполитими. Сего-жъ числа о полдни выехалъ я зъ Перегону къ Глухову и прибылъ смеркомъ до Новгородка, а по дорогѣ за Гримачимъ попался намъ кухаръ Яковъ Варшаковскій.

2. Въ монастырѣ новгородскомъ обѣдни и молебня благодарственного о коронаціи слушали, потомъ были въ велиіи намѣстника Авксентія и отъехавъ отъ монастыря, встрѣтились о 3 версти отъ Новгородка зъ полковникомъ гадацкимъ Петромъ Галецкимъ¹⁸⁹⁾,

¹⁸⁸⁾ См. примѣч. 104.

¹⁸⁹⁾ См. примѣч. 25.

зъ которымъ и возвратились паки до Новгородка, и у него обѣдали, а потомъ, пожегнавшись, отехали въ путь свой къ Пироговки и тутъ переправившись чрезъ Десну, заездили на пороховой заводъ (шостенскій) и прибыли позно въ монастырь гамаліевскій, где и ночовали.

3. Рано зъ Гамаліевки віехавши, попасали въ Собичевѣ, а одтолъ прибыли до Глухова по полднѣ, откуду и одправленъ въ домъ Грицко зъ пятама конми. Былъ у г. Скоропадского и тамъ видѣлся зъ асауломъ Валкевичемъ и бунчучнымъ Оболонскимъ енералными.

4. Писалъ писма въ Мосеву къ полковнику лубенскому г. Апостолу, къ Явову Марковичу, къ судіи полковому миргородскому Федору Остроградскому и къ Федору Корецкому и отправилъ оныя чрезъ асаула полку лубенского Прійму. Да писалъ въ домъ, къ женѣ, о присылки Івана теслѣ въ Глуховъ и послалъ чрезъ писара дворового гримацего. Рано былъ у полковника Тютчева и у асаула енералного Якубовича, а въ вечерѣ у Скоропадского. Отъ войта нѣжинского Стеріевича присланъ бочонокъ вина.

5. Зранку ездилъ въ канцелярію енералную и тамъ видѣлся зъ судеемъ Лисенкомъ и писаремъ Безбородкомъ енералными; потомъ обѣдалъ у асаула енералного Якубовича зъ Федоромъ Чуйкевичемъ, где между обѣдомъ прибыла и жена писара суда енералного Івана Піковця, Елена Лизогубовна. Въ вечеру былъ у брегадира Івана Кондратовича Ілина, потомъ у коллежского совѣтника Постникова и уже позно въ ночь приѣхалъ въ домъ.

6. Былъ въ енеральной канцеляріи и комисіи своду¹⁰⁶⁾. Обѣдалъ у Скоропадского и зъ нами Валкевичъ, Федоръ Чуйкевичъ и сотникъ волинскій Максимовичъ. На вечерѣ былъ у мене бунчучный енералный Оболонскій и при немъ прибывшій въ Глуховъ отецъ Петръ Кибалничъ, протопопъ погарскій, былъ у мене.

7. Въ комисіи свода чрезъ нѣсколко часовъ присутствовалъ, а потомъ, прибывъ въ домъ, писалъ писма: въ Козелець до п. дядѣа Федора Ханенка, до отца брата и до асаула полкового Шума, въ Нѣжинъ до коменданта Пущина о сукенку, чтобъ купилъ 13 локоть,

¹⁰⁶⁾ Объ этой комисіи см. книгу А. Ф. Кистяковского: «Права, по которымъ судился малороссійскій народъ», стр. 8 и слѣд.

до отца Ольховского, протопопы нѣжинскаго о шафѣ, а до старосты товкачовскаго о той-же шафѣ, чтобъ отобравши, прислалъ сюда на подводахъ, да и о теслахъ и прочемъ, съ сообщеніемъ вупчой на футоръ артополотскій. Якіе писма отправилъ чрезъ племянника Іосифа, которому и на дорогу даны 58 к. Василко сынъ отехалъ въ Дунаецъ.

8. По обѣднѣ, слушанной въ церквѣ веригинской, былъ у генерала-лейтенанта князя Василя Никитича Репнина и позавилялся у него болѣе двохъ часовъ, а послѣ обѣда былъ у асаула енералнаго Якубовича, у котораго и книжку, уставомъ писанную, да тетрадь о походахъ государя Петра Великаго императора и самодержца всероссійскаго взять; потомъ у енералныхъ писара Безбородка и бунчучнаго Оболонскаго былъ-же.

9. Обѣднѣ слушали въ церквѣ святаго Николая, а потомъ были у священника той церкви Шолупины на водкѣ; я обѣдалъ у бунчучнаго и даже до вечера забавлялись въ карты. Послѣ былъ у обознаго енералнаго г. Лизогуба. Сотникъ погарскій Соболевскій взять подъ арестъ въ мѣнистерскую канцелярію, а протопопъ погарскій-же выпущенъ на квартиру подъ карауломъ.

10. Писалъ писма въ домъ къ женѣ и въ старостѣ переясковскому, да къ сотнику мглинскому Лисаневичу, отъ котораго присланы 5 паръ оробковъ. Сего числа асаулъ енералный Якубовичъ отехалъ зъ Глухова.

11. Посланъ компанѣецъ надворной корогвы зъ писмомъ моимъ до сотника красноколядинскаго Петра Максимовича за Прокопомъ Дмитровымъ синомъ, тамъ удержаннымъ, и конемъ строкатымъ. Служителю г. Скоропадскаго Петру даны чотыри рубли денегъ, которые занималъ на наши потребности Романъ Гапоновъ.

12. Зрана были въ домѣ писара енералнаго, который и осяриною свѣжою обослалъ мене, а обѣдалъ я у г. Скоропадскаго.

13. Были у мене на квартирѣ отецъ игумень петро-павловскій глуховскій отецъ Варнава Старжицкій и протопопъ вродсведскій Калиновскій. Ломаки отправились, чрезъ которыхъ и до жены я писалъ о дачи имъ денегъ 250 р.

16. Въ комисіи своду сидѣли до 12 часа полуденного; обѣдалъ въ домѣ, куда по обѣдѣ приходилъ протопопъ Кибалчичъ зъ вапраломъ караулнымъ. Информаторъ пріездилъ зъ Дунайца¹⁰⁰).

15. Отправлены письма въ Новгородокъ: 1-е до сотника, стороны драгѣ и дзигарка, 2-е до жены о домовыхъ потребахъ и о Ивану теслѣ, который сего-жъ дня сюда прибылъ и попривозилъ де якое бѣлое плате; а чрезъ подводчика знову писалъ до жены о разныхъ домашнихъ нуждахъ и меморіаль посланъ, да до Каврайского писано о присылки кулбакъ и байбарака Іосифового. Ивану теслѣ на дорогу дано 50 к.

16. По обѣднѣ, рано слушанной въ церквѣ святой Варвары, былъ съ протчими первой у бригадира Ілина, потомъ у генерала князя Речнина; одтолъ прибывъ въ квартиру, обѣдалъ у мене коллежскій совѣтникъ Афанасій Григоріевичъ Постелниковъ. Послѣ обѣда проезджался зъ попомъ Алексіемъ въ борокъ (лѣсокъ), а одтолъ заездилъ къ писару суда енералного Пиковцю, где и Безобразова зъ женою засталъ, а оттуду заездилъ къ доктору Боу и взялъ 12 прошковъ; началъ оныя принимать.

17. Сей весь день не выходилъ зъ двора, за употребленіемъ прошковъ, и рано вѣзитовали мене Огроновичъ и сотникъ березанскій Василій Думитрашко - Райча, по обѣдѣ писаръ полку лубенского Столповскій и Федоръ Чуйкевичъ. Передъ вечеромъ возвратился зъ Козелца племѣнникъ Іосифъ и привезъ письма отъ дядка, брата и протчихъ.

18. Привезенъ дзигарокъ старый зъ Новгородка. Былъ у мене полковника кievского синъ Михайло Танскій, такожь Романъ и Яковъ и откупщикъ стародубовскій Гаврило Яковенко. Принималъ я лекарство проносное.

19. Писано въ домъ чрезъ сына Наумового Евдокименкового и послано цукру голову, паперъ и сургучъ. Докторъ былъ, пушчалъ мнѣ кровь зранку, и весь день промедлѣлъ я въ домѣ, не выходя никуда. Вечеромъ посѣщалъ мене п. Скоропадскій.

¹⁰⁰) Воспитатель или гувернеръ дѣтей Мх. Вас. Скоропадскаго, съ которыми виѣстъ воспитывался и старшій сынъ автора дневника—Василій. См. ниже подъ числомъ 21-мъ.

20. Рано былъ у мене п. Думитрашко, сотникъ березанскій, а по обѣдѣ проезжался я въ поле, потомъ былъ у г. Скоропадского и у Валкевича; отоль-же прибывъ въ домъ, вскорѣ потомъ приѣхалъ ко мнѣ п. писарь енералный Безбородко зъ судією чернѣговскимъ Сенютою и уже позно отехали. Прибыли сего-жъ дня телѣ и сторожъ нанятый зъ Товкачовки, изъ которыхъ послалъ двоихъ зъ Романомъ за деревомъ до Кочергъ.

21. Послѣ лекарствъ первый разъ виехалъ зъ дому до коммисіи и тамъ просидѣлъ до 12 часа; какъ прибылъ въ дворъ, то и Василка (сына) тутъ засталъ. Информатору Юнегансу за науку сына моего Василя прошлаго 1741 году съ апріля мѣсяца надѣжащей плати часть, а именно 10 р. даны и за кулбаву, Василковѣ купленную, нѣмецкую заплатилъ 3 р. 50 к. информатору-жъ, а послѣ поруччицѣ отдано 8 р. Писалъ къ женѣ чрезъ Іосифа и отправлены 2 конѣ въ домъ чрезъ него-жъ, кучеравый, строкатыи и павюшка, а Грицка Дмитренка при себѣ удержалъ.

22. Взята спальня (карета) наша дорожная для дѣтей г. Скоропадского, имѣющихся ехать до Хомутца, и велѣлъ оную вручить кому извѣстному. У Мандзенка златоглаву, до кунтуша зеленого на лиштвы, взяли поллоктя за 2 рубли. Приѣхалъ въ Глуховъ генераль-лейтенантъ Андрей Петровичъ Дебрини и сталъ квартеромъ въ домѣ Якова Марковича, въ городѣ. Писма зъ Козелца везенные пропали.

23. Послѣ обѣдень, слушанныхъ въ городѣ, обѣдалъ я купно зъ писаремъ енералнымъ Безбородкомъ у генерала-лейтенанта и кавалера князя Василя Никитича Репнина, и сего-жъ дня опять привезена коляска наша зъ Дунайца зъ Василкомъ, который и все свое попривозилъ.

24. Ради именинъ сына полковника Тютчева, обѣдали у него оба вышепоказанные генералы, брегадиръ Глинтъ и другіе зъ велико и малороссійскихъ персонъ и до вечера просидѣли, а отоль приѣхавъ въ домъ Скоропадского, имѣли зъ Валкевичемъ разговоръ сторони Рубановки.

25. Весь день въ домѣ ради вчерашнего шумства (пьянства) пролежалъ, нигде не бувалъ, толко надвечери проезжался въ поле.

26. Послѣ обѣда былъ въ комиссіи; потомъ кушали у мене Федоръ Чуйкевичъ и Стефанъ Савицкій; по обѣдѣ-же былъ у мене-жъ секретарь министерской канцеляріи Василь Маркелловичъ Леонтиевъ.

27. Въ сей день Вознесенія Господня слушали обѣдни въ церкви св. Варвары, потомъ были у генераловъ Дебрини и Репнина; по обѣдѣ ездилъ я къ футору винадиному осматривать заводячихся отъ нихъ для кошени намъ сѣножателей.

28. Генераль Дебрини отехалъ зъ Глухова; я былъ зрана въ комиссіи, а по обѣдѣ оной комиссіи дѣла перенесены въ домъ покойного Івана Мануйловича ¹⁹⁷⁾.

29. Звано мене на свадьбу въ домъ бывшой сотниковой Уманцовой, которая выдаетъ дочь свою за писаря полкового прилуцкого Івана Александровича. Сего числа началъ учить Василва по французку новый информаторъ.

30. Приехалъ зъ Городища Іосифъ и привезъ 30 р. денегъ и другое де-що. Я послѣ обѣда ездилъ до Сваркова, стороны малара Петра Свѣдерского.

31. Тотъ-же маляръ былъ у мене и обѣщаль отробить 7 р., должные отъ него отцу Алексію Хелвидонскому.

Мѣсяцъ Іюнь.

1. Посланъ въ домъ Іосифъ, чрезъ которого и письма къ женѣ и до Каврайского отправлены. Новому информатору данъ 1 р. Косиень бѣжалъ.

2. Ради тезоименитства ігумена петропавловского глуховского Никифора Грибовского обѣдали у него комиссіанты, въ томъ числѣ и я, и до вечера гуляли. Тамъ-же видѣлся зъ сотникомъ полео-

¹⁹⁷⁾ Иванъ Мануйловичъ—человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, занималъ въ первой половинѣ XVIII в. видное мѣсто въ ряду войсковой старшины. Вывелъ Мануйловича въ люди его вотчинъ—Василій Ялоцкій, бывший въ началѣ XVIII в. глуховскимъ сотникомъ, который, умирая, имѣнія свои (Бачевскъ, Семеновку и Степановку) передалъ пасынку. Послѣдній женился на дочери Алексія Турянскаго, который изъ глуховскихъ сотниковъ, послѣ измѣны Мазепы, поставленъ былъ генеральнымъ судьей. Съ помощью тестя Мануйловичъ въ 1714 г. сталъ глуховскимъ сотникомъ; потомъ въ 1727 г. назначенъ отъ Румянцева однимъ изъ трехъ «правителей генеральной канцеляріи», а когда, съ назначеніемъ Апостола въ гетманы, эта должность была упразднена, Мануйловичъ въ 1729 г. былъ сдѣланъ генераль-

вымъ прилуцкимъ Стефаномъ Лувоцкимъ и протопопомъ тамошнимъ Богдановичемъ и, о чемъ надлежало, имѣлъ разговоръ. Куплено для сына Василка суена василковаго 4 локтѣ безъ четвертки за 4 руб. 65 к.

3. Весь день пробавилъ въ домѣ, ради вчерашнего шумства, и посѣщали мене сотникъ березанскій Думитрашко и Федоръ Чуйкевичъ. Отданы малару Свѣдерскому два столы для малюваня и на фарбу 15 к.

4. Былъ въ комиссіи свода и въ суду енералномъ по дѣлу Соколовскаго, тако-жъ и въ енеральной канцеляріи. Припровождено компанѣйцами сотника яготинскаго Филипа Купчинскаго, которій поехалъ былъ въ Москвѣ мимо-вѣдомо канцеляріи енеральной²⁰⁰). Кухару Якову Варшаковскому на рубашокъ 2 пары дано 44 коп. Ему-жъ да и Грицку Дмитренку даны черкески изъ паруснаго полотна.

5. Коло вечерень пріехала жена въ Глуховъ зъ дочерю Настусею. На всенощной была въ церквѣ святаго Василія.

6. Передъ службами ездилъ съ поздравленіемъ праздника Пентекостіи (Пятидесятницы) къ генералу лейтенанту и кавалеру князю Репнину, а обѣдни слушали и вечернѣ зъ коленопреклоненіемъ въ церквѣ святаго Николая, а потомъ обѣдъ кушали, зъ сотниками козелецкими—Алексіемъ Подвисоцкимъ и Васиіемъ Думитрашкою Райчею березанскимъ, въ домѣ.

7. Сегодня обѣдъ кушали у генерала князя Репнина и послѣ обѣда долго забавлялись у его-жъ генералской квартирѣ, где и жиди металники разные свои фиглѣ показивали.

нымъ есауломъ и оставался на этомъ урядѣ до смерти въ 1740 г. Послѣ него осталась одна дочь, бывшая замужемъ за бунч. тов. Иваномъ Пироцкимъ, который продолжалъ начатый еще прѣ жизни тестя процессъ за ижѣнія съ генер. бунчучнымъ Демьяномъ Оболюскимъ, роднымъ племянникомъ Мануѣловича (по сестрѣ Настасѣ, жены сосницкаго сотника Василія Оболюскаго). Пользуясь милостіи императрицы Елисаветы (см. Марк., II, 217, 230), Оболюскій процессъ выигралъ и отобралъ отъ Пироцкаго большую часть ижѣній Мануѣловича. Ижѣнія эти впоследствии перешли къ Красовскимъ.

²⁰⁰) Купчинскій ѣздилъ въ Москву съ доносомъ на Безбородка. См. Русскій Архивъ 1875 г., I, 313.

8. Писалъ въ домъ къ старостѣ перегонскому и къ Каврайскому, чтобъ отправили въ Товкачовку 11 куфъ горѣлки, и о прочемъ коло исправленія въ господарствѣ, и посланъ на пропускъ той-же горѣлки паспортъ. Обѣдали у мене зъ женами майоръ Полянскій, секретарь Леонтиевъ, канцеляристъ Покасъ, а надвечери былъ у мене-жъ и совѣтникъ Безобразовъ зъ женою, долго пробавили у насъ.

9. Былъ зрана въ комиссиіи и обѣдалъ въ домѣ. Гончару новгородскому, которій дѣлалъ пѣчи до будинку нашего городиского, дано 3 р., а прежде ему-жъ дано 4 р.

10. Писано въ домъ къ старостѣ и Каврайскому стороны Кизенка и Синицѣ и о другихъ господарскихъ дѣлахъ, и отправлено оное писмо чрезъ человѣка перегонского.

11. Писалъ писма въ Москву къ секретарю Новоторжцову, къ Петру Ласкевичу и къ судіи полковому миргородскому Федору Остроградскому о своемъ дѣлѣ, имѣючомся въ сенатѣ, о деревняхъ Куровѣ и Чубаровѣ. Ради тезоименитства отца Варнавы Старжицкого, соборного погарского, обѣдали у него и долго забавлялись; потомъ вечеромъ были у г. Скоропадского.

12. Чрезъ сотника старого возелецкого Алексія Подвысоцкого писалъ до полковника лубенского г. Апостола, а къ нему-жъ писанные въ май мѣсяци писма, тако-жъ къ швагру Ивану Гамалии и къ Федору Корецькому о покупкѣ на нашу потребу цѣни (цинковыхъ) талѣроковъ 3 тузнѣ, полумисковъ 2 тузнѣ, въ томъ числѣ было-бы посуды новомодной зъ кришками штукъ 6, ложекъ цинковыхъ малыхъ тузней 2, болшихъ ложекъ 2, Василковѣ чулокъ бѣлыхъ нитныхъ и пестрыхъ по двѣ пары, да и писма къ секретарю Новоторжцову и Ласкевичу, включенные въ одинъ пакетъ, вручены канцеляристу войсковому Стефану Бѣлоцерковцю, отправляючомуся къ Москвѣ. Сынъ покойного Андрея Ханенка, а мой племѣнникъ Михайло Ханенко присланъ при писмѣ отъ п. Федора Чуйкевича.

13. Обѣдали у мене гг. подскарбій Скоропадскій и Валкевичъ асаулъ енералные, да изъ комиссиантовъ нашихъ п.п. Семень Чуйкевичъ, Стефанъ Савицкій и Семень Столповскій, такожъ сотникъ березанскій Думитрашко.

14. Куплено сукно для жены у Мандзенка за 9 р. 60 в. и заплачено. Надвечери были у насъ судія енералный г. Лисенко зъ

своею женою и жена бунчучного Оболенского. Хлопецъ Иванъ перхристъ отосланъ, а Данило городскій пришолъ къ намъ.

15. Послѣ полдня отехалъ жена къ Товкачовцѣ, которую провожалъ я зъ синомъ Василемъ къ Слѣпороду; а потомъ заездилъ въ квартиру г. Якубовича, асаула енералного и былъ у асаула енералного-жъ г. Валкевича, где и зъ графомъ Мойсеемъ Ивановичемъ Владиславичемъ и зъ Иваномъ Бороздною видѣлся.

16. Поутру рано ездили къ генералу князю Репнину, который, при пожегнанюся зъ всѣми тамо бывшими, отехалъ поутру-жъ въ путь свой на комиссію розграничена зъ турками быть имѣючого. Послѣ обѣда ездили зъ г. Скоропадскимъ до графа Моисея Ивановича, где съ нимъ и зъ графинею, братовою Анною Бороздною, при нашемъ посиденю, перве приехалъ полковникъ Гютчевъ, потомъ бунчучный Оболенскій и полковникъ стародубовскій Максимовичъ, и уже надвечери оттоль приехали.

17. Поутру былъ у мене Павелъ Ивановъ сынъ Миклашевскій и говорили зъ нимъ о долгу 200 руб., отъ него женѣ моей належномъ, который потомъ далъ на имя жены моей и облѣгъ на тѣ денги, до первого сентября сего году. Дзигармистру, въ домѣ г. Якубовича мешкаючому, далъ до исправленя часы мои серебряные карманные зъ портретомъ, а вчора взялъ другіе часы серебряные жъ ко исправленю чернецъ Меркурій.

18 Часы зъ портретомъ отобраны и дано за исправленіе 40 в. Писано письмо къ старостѣ перегонскому и Каврайскому о смотрѣніи дому, господарства и протчего.

19. Писалъ въ Москву до п. Ласкевича о дѣлѣ моемъ и включилъ письмо отъ Барановского, канцеляристи войскового, до отчина его, сотника козелецкого, Алексія Подвисоцкого. Писано жъ. письмо до старости товкачовского Поленского, чтобъ онъ выслалъ зъ Товкачовки въ Григоровку 25 человекъ рабочихъ, когда востребуеть тамошний господарь, зъ запасомъ на мѣсяць.

20. За работу и прикладъ къ мундѣру, сыну Василевъ Максимомъ кравцомъ дѣланному, дано 6 р., а еще за сукна василевого 3¼ локтя надлежитъ Мандзенку 4 р. 50 в. По обѣдни, слушанной въ церкви святой Анастасіи, заходили до попадѣ покойного отца Моисея Богаевского, капеляна войскового жены, а оттоль къ писару енералному и къ бунчучному; потомъ я обѣдалъ зъ попомъ Алек-

сіемъ Халкидонскимъ у подскарбія енералнаго г. Скоропадского, а надвечери былъ у мене п. Иванъ Новицкій, товаришъ бунчужовый.

21. Зъ вчерашнего противъ сего числа, бѣжалъ сотникъ яготинскій Филипъ Купчинскій изъ своей квартиры, невѣдомо куда. Пришолъ указъ изъ Сената въ войсковую енералную канцелярію о бытіи главнымъ коммендіромъ надъ министерскою и енералною канцеляріями генералу лейтнанту Бибикову. Въ вечерѣ былъ у мене полковникъ стародубовскій г. Максимовичъ и долго въ ночь просидѣлъ.

22. Рано былъ я у полковника стародубовского и зъ нимъ простился, а послѣ обѣда, коло вечерень, отехалъ зъ Глухова поплъ Алексій Халкидонскій, которому въ расплату даны 4 р. 80 в. и чрезъ него жъ послано письмо до п. Андрея Миклашевского о брусѣ, драпѣ и 20 р. должныхъ. Писаны письма въ Товкачовку до старости и къ нему жъ для отсылки отправлены въ Золотоношу до сотниковъ тамошнего и крапивянского да значкового Леонтія Петровича и отъ Каврайского; въ Луку до тамошнего священника отца Федора и до старости лучанского жъ стороны сожженного двора Гаврилового, до п. Александра Саковича о Ивану Григоровичу, и о купленю коней пуга, и до жены въ Товкачовку.

23. Оные письма отданы въ енеральной канцеляріи канцеляристу Андрію Гуленку для отсылки онихъ въ Прилуку, а одтоль въ Товкачовку. Писалъ до Алексія Подвисоцкого противъ его письма, зъ-подъ Карачева писанного, да до атамана погарского Бѣля о Косику и до старости погарского о домашнихъ дѣлахъ, чрезъ Самойла, попovichа суворовского. Приѣхалъ зъ Москви сотникъ Иванъ Тодорскій.

24. Чрезъ одного жъ Тодорскаго получилъ и я письма отъ полковника лубенского и судіи міргородского Остроградского. Писма къ Подвисоцкому, къ Москвѣ, вручилъ для пересылки Богдановичу. Писалъ къ Каврайскому о домашнихъ дѣлахъ, и до атамана погарского стороны побою, учиненного Синицѣ отъ куровского жителя Бондаренка и стороны слѣдствія о Косику. Въ вечеру прибылъ нечаянно генераль лейтнантъ Иванъ Ивановичъ Бибиковъ, опредѣленный на правленіе въ Малой Россіи.

25. Компанѣйцю, посланному зъ указомъ до Ивановой Миклашевской и до сына ея Павла, по челобитю жепы моея о 200 р.,

данъ за сездъ 1 р. Рано у генерала Бибилова всѣ мы и великороссійскіе персоны были съ поздравленіемъ прибытія его сюда.

26. Будучи званны къ г. генералу Бибилову, кушали у него обѣдъ, потомъ былъ я у г. Скоропадского. Вечеромъ прибылъ п. Иванъ Гамалѣя и ночовалъ въ моемъ домѣ.

27. Рано поздравляли генерала полтавскою виCTORіею. Службы Божой и молебствія въ церкви святой Варвары слушали; потомъ были у подскарбія Ушакова, тоже у генерала, и я ради п. Гамалѣи отехалъ обѣдать въ домъ, где при окончаніи обѣда прибыла и жена съ Товкачовки, а п. Гамалѣя отехалъ.

28. Отпущены телѣ товкачовскіе въ Товкачовку и при нихъ Данило городискій, чрезъ которыхъ писалъ до старости товкачовского о домашнихъ дѣлахъ, и посланы желѣза до плуга, землѣшъ и чересло. Писалъ въ отвѣтъ до асаула енерального п. Явубовича, стороны сѣножатій Вындиныхъ и о протчемъ. Отданы денги Роману Янченку за полотно швабское 12 р., да суди енеральному г. Лисенку за дворъ остальные 10 руб., изъ привеенныхъ женою съ Товкачовки.

29. Послѣ службы Божой и молебствія, бывшего съ пушечною палбою изъ 21 штуки, былъ банкетъ у генерала Бибилова, на которомъ были генераль маіоръ Кезерлингъ съ женою и другіе великороссійскіе и малороссійскіе господа; и при столѣ пушечная палба продолжалась долго и многіе здѣлались шумны.

30. Весь день съ похмеля пробавлялся въ домѣ и въ комиссіи не былъ.

Ю л ь.

1. Былъ въ комиссіи, где и доношеніе сочинили объ отпускѣ на канѣкулярные дни въ дома.

2. Едучи, по именному указу съ Кіева, превелебный отецъ Симонъ Тодорскій къ Москвѣ, за прибытіемъ своимъ въ Глухова былъ перве въ комиссіи нашей, потомъ и въ домѣ моемъ, и сего жъ числа съ дому моего отехалъ въ путь свой.

3. Писару суда енерального Ивану Пиковцю родилась дочь Марфа.

4. Оное доношеніе отъ комиссіи нашей подано генералу чрезъ ігумена петропавловскаго Никифора Грибовского. Сегожъ числа кушали генераль съ протчими гг. великороссійскими и малорос-

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 г. НА СЛѢДУЮЩІЕ ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ.

ДѢТСКІЙ „РОДНИКЪ.“ ЖУРНАЛЪ

Въ 1885 году (4-й годъ изданія) «Родникъ» будетъ выходить, при режемъ составѣ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 100 болѣе страницъ большаго формата, со многими рисунками, съ музыкальными приложеніями и съ отдѣломъ смѣся, въ которомъ помѣщаются мелкія статьи, задачи, игры и проч. и проч.

Выборъ статей въ «Родникѣ» принаровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ. Редакція даетъ главнымъ образомъ оригинальныя статьи изъ русской жизни и природы. Всѣ, даже мелкія статьи научнаго содержанія редактируются специалистами.

Приложеніе къ «Роднику», педагогическій сборникъ «Воспитаніе и Обученіе» выходитъ книжками 3 раза въ годъ.

Въ нихъ помѣщаются статьи по вопросамъ воспитанія и обученія и библиографія по дѣтской, учебной и педагогической литературѣ.

Премія къ „РОДНИКУ“ 1885 года

будетъ заключаться въ альбомъ, 12 оригинальныхъ картинъ по русской исторіи художника А. Земцова, исполненныхъ гелиотипіей въ Вѣнѣ, у Ангерера и Гешля. Картины эти будутъ разосланы и. подписчикамъ гдѣльпо отъ журнала, всѣ сразу, въ красивомъ конвертѣ, съ первымъ нѣ «Родника» 1885 г.

Кромѣ того, въ видѣ дароваго приложенія къ «Роднику» 1885 г., будетъ данъ *«Литературный альбомъ»* изъ 12 оригинальныхъ картинъ художника *И. Н. Каравина* къ стихотвореніямъ русскихъ классиковъ. Къ каждому № будетъ прилагаться по одной такой картинкѣ.

Журналъ «Родникъ» Учебнымъ Комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи рекомендованъ, какъ весьма полезный для женскихъ институтовъ и гимназій.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Особымъ отдѣломъ сего Комитета допущенъ для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а также городскихъ и народныхъ училищъ.

Условія подписки на 1885 г. остаются прежнія:

На годъ, съ доставкою и пересылкою, за 12 книгъ «Родника» съ отдѣльною премією—5 р. блей.

Тожже, съ приложеніемъ 3-хъ книгъ педагогическаго сборника «Воспитаніе и Обученіе»—6 рублей.

Адресъ главной конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Невольская площадь, № 4.

Большой ежемѣсячный научно-литературн. журналъ

ГОДЪ 2-й. „КОЛОСЬЯ“ 2-й ГОДЪ.

Журналъ выходитъ безъ предварительной цензуры, въ объемѣ большихъ ежемѣсячныхъ изданій, отъ 20 до 30 печатныхъ листовъ *каждый мѣсяць* (12 книгъ въ годъ).

Въ изданіи до сихъ поръ принимали участіе около 70 сотрудниковъ, имена которыхъ болѣе или менѣе извѣстны публикѣ.

Въ истекшемъ году было помѣщено нѣсколько большихъ оригинальныхъ романовъ («Погасшая искра», «Гдѣ счастье?» и др.), болѣе десяти большихъ повѣстей («Актриса Уранова-Савдунова», «На ложной дорогѣ», «Невѣста Бѣлаго Генерала», «Неудавшаяся королева», «Невиѣняемая грѣшница» и др.), болѣе пяти драмъ и комедій («Графъ Чаляинскій», «Разбитая жизнь», «Роковая клятва», «Северо Торелли», и др.), нѣсколько большихъ поэмъ въ стихахъ («Буреломъ», «Сергѣй Ларскій», «Смертоносная гора» и пр., и около 25 небольшихъ рассказовъ и очерковъ. По отдѣламъ: научному, историческому и критическому и по текущимъ вопросамъ публицистики было помѣщено нѣсколько статей въ каждой книгѣ.

Въ будущемъ году редакція намѣрена продолжать свое дѣло въ томъ-же духѣ, какъ и теперь, стремясь дать публикѣ самый обширный, разнообразный и полезный матеріалъ для чтенія. Изъ всѣхъ большихъ журналовъ за нынѣшній годъ ни одинъ не далъ такъ много оригинальной беллетристики, какъ «Колосья» которые вообще избѣгаютъ переводнаго балласта. При всемъ этомъ «Колосья» остаются *самымъ доступнымъ по цѣнѣ* журналомъ изъ всѣхъ другихъ большихъ ежемѣсячныхъ изданій.

Подписная цѣна на журналъ «Колосья» въ 1885 году:

На годъ (съ пересылкою и доставкою) **8 р.**

На полгода **5 »**

ОТЪ КОНТОРЫ. Принимая во вниманіе желаніе многихъ новыхъ подписчиковъ имѣть въ своей домашней библиотекѣ журналъ съ самаго его основанія, редакція рѣшилась отпечатать *второе изданіе* 12 книгъ перваго (1884) года, которыя и будутъ высланы подписчикамъ немедленно по полученіи подписантѣ

денегъ, при чемъ цѣна за эти 12 книгъ называется значительно уменьшенная, а именно 3 руб. Льгота эта допускается только для годовыхъ подписчиковъ, прилагающихъ *ТРИ РУБ.* къ годовой платѣ 8 руб. (всего 11 руб.).

Подписка принимается въ Петербургѣ, въ конторѣ журнала «Колосъ» (уголъ Б. Садовой и Большой Итальянской, домъ Крафта), куда адресуется и письма иногородныхъ.

Редакторъ-издатель И. А. Баталинъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ „СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА.“

Журналъ этотъ состоитъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны и рекомендованъ начальствами подлежащихъ вѣдомствъ для гимназій, уѣздныхъ училищъ, городскихъ и народныхъ школъ, для женскихъ учебныхъ заведеній Императрицы Маріи, для духовныхъ семинарій и училищъ и для библіотекъ военныхъ гимназій и прогимназій, какъ изданіе, представляющее обильный матеріалъ для выбора статей, пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

Годовое изданіе «Семейныхъ Вечеровъ» будетъ состоять изъ 24 книгъ, составленныхъ по слѣдующей программѣ: 1) Стихотворенія, повѣсти и рассказы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей; 2) Біографіи замѣчательныхъ людей; 3) Очерки народныхъ обычаевъ, преданія разныхъ странъ. Картины частной жизни въ разные эпохи. 4) Путешествія. 5) Статьи по части исторіи, отечественной и всеобщей. 6) Статьи по естественнымъ наукамъ. 7) Разборы замѣчательныхъ сочиненій. 8) Извѣстія о замѣчательныхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и наблюденіяхъ.

Статьи будутъ тщательно распредѣляться такимъ образомъ, чтобы первый отдѣлъ изданія, состоящій изъ 12 книгъ, украшенныхъ картинками, распадался на двѣ половины, изъ которыхъ первая составила-бы вполне пригодное чтеніе для дѣтей отъ 8-ми до 14 лѣтъ, а вторая—для дѣтей отъ 5-ти до 8-ми лѣтъ. Другой же отдѣлъ заключалъ бы въ себѣ по преимуществу статьи, приспособленные для семейнаго чтенія такъ, чтобы всѣ члены семьи нашли въ этомъ отдѣлѣ вещи, которыя прочлись-бы съ одинаковымъ интересомъ и пользой.

Къ отдѣлу для Семейнаго чтенія, какъ и въ 1884 году, будутъ разсылаться приложенія рисунковъ *новѣйшихъ рукодѣлій*, а къ отдѣлу для дѣтей—*рисунки техническихъ искусствъ и различныя игры и занятія*, а также награды подписчикамъ, приславшимъ опредѣленное редакціей количество задачъ и рѣшеній.

Кромѣ того, *всѣмъ подписчикамъ на оба отдѣла «Семейныхъ Вечеровъ»* будетъ разослана въ видѣ *преміи олеографія*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Полный журналъ (24 книжки) безъ доставки 10 р. съ доставкою 11 р. — в.
 Отдѣлъ для дѣтей (12 книжекъ) „ „ 5 р. „ „ 5 р. 50 к.
 Отдѣлъ для семейнаго чтенія юном. (12кн.) „ „ 5 р. „ „ 5 р. 50 к.

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подписавшихся на полный журналъ и обращающихся прямо въ редакцію, уступается 1 руб.

Для земскихъ школъ, подписавшихся не менѣе, какъ на 25 полныхъ экз., уступается 2 руб.

Разсрочка допускается: для лицъ, служащихъ въ казенныхъ учрежденіяхъ за ручательствомъ гг. казначеевъ, для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній за ручательствомъ ихъ начальствъ, а для прочихъ подписчиковъ по соглашенію съ редакціей.

Разсрочка допускается по третямъ не иначе, какъ по соглашенію съ редакціей.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ редакціи «Семейные Вечера», С.-Петербургъ, Пушкинская (Новая) улица, домъ № 14, кварт. № 9.

За всѣ года, начиная съ 1874, имѣются въ небольшомъ количествѣ малые экземпляры съ хромолитографированной картиной.

Редакторъ-Издательница С. Каширева.

„ВОКРУГЪ СВѢТА“.

Журналъ „ВОКРУГЪ СВѢТА“ будетъ выходить съ 1-го января 1885 г. въ размѣрѣ 2-хъ печатныхъ листовъ, со многими роскошными гравюрами, рисунками и иллюстраціями, исполненными лучшими русскими и иностранными художниками и гравированными въ Парижѣ, Римѣ, Вѣнѣ и Петербургѣ. 50 №№ годоваго изданія составятъ два объемистыхъ тома, могущіе служить украшеніемъ гостиной и вѣщающіе въ себѣ около 300 большихъ рисунковъ и портретовъ и нѣсколько законченныхъ иллюстрированныхъ романовъ.

Въ журналѣ примутъ участіе: 1) въ художественномъ отдѣлѣ: Риу, Морел Монкетя, Кастеля, Фера, Каразинъ, Рачковъ и Вадимовъ; 2) въ литературномъ, Э. Бусенаръ, Макъ-Галахъ, Н. Н. Каразинъ, В. И. Немировичъ-Данченко. С. В. Максимовъ, Ф. Н. Пржевальскій, Рада-Бай, Пясецкій, М. Верпъ и многіе другіе.

ТЕКСТЪ ЖУРНАЛА

будетъ состоять: изъ интересныхъ романовъ, изображающихъ приключенія въ разныхъ частяхъ свѣта, съ роскошными иллюстраціями; повѣстей и разсказовъ, рисующихъ жизнь различныхъ народовъ и племенъ; небольшихъ, законченныхъ, беллетристическихъ очерковъ съ рисунками; исторіи знаменитыхъ путешествій и открытій, мореходства, кораблекрушеній, экспедицій, морскихъ сраженій; популярно-научныхъ статей, разсказанныхъ живымъ языкомъ, раскрывающихъ тайны природы:

подземнаго міра, небеснаго пространства, вѣдръ земли и океановъ. Кромѣ того журналъ будетъ давать интересныя свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ всего свѣта, описанія городовъ, корреспонденціи изъ отдаленныхъ окраинъ; отчеты объ экспедиціяхъ, путешествіяхъ, научныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ; извѣстія о судахъ, находящихся въ плаваніи; всѣ виды спорта и смѣсь.

Подписная цѣна: **3** р. с. въ годъ съ перес. и доставкой; **2** р. въ ¹/_{г.} съ пер. и дос.

Иногородные подписчики адресуютъ исключительно въ редакцію журнала „ВОКРУГЪ СВѢТА“: Москва, Каретный рядъ, д. Шикъ. Для городскихъ: въ конторѣ объявленій Печковской (Петровскія линіи) и въ редакціи. Для учащихъ допускается разсрочка: 1 руб. въ 3 мѣсяца.

Редакторъ-издатель М. Вернеръ.

1885 г. ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ г. 1885.

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.“

(ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Редакторъ-издатель П. Н. ПОЛЕВОЙ.

Въ 1885 году годовые подписчики „Живописнаго Обзорія“ получаютъ:

- I. 52 еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ номера, каждый не менѣе двухъ большихъ листовъ печати, съ 5—6 рис. въ текстъ.
- II. 12 ежемѣсячныхъ книженъ, въ 8 д., объемомъ 10—11 печатныхъ листовъ, убористаго шрифта.
- III. 12 ежемѣсячныхъ номеровъ «Парижскихъ модъ».
- IV. Бесплатную премію—художественно исполненную олеографію, на выборъ изъ трехъ различныхъ сюжетовъ (одинъ пейзажъ и два жанра;—подробности въ № 1). Желашіе получить всѣ три картины доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ еще 2 р.

Примѣчаніе. Во избѣжаніе порчи картинъ въ дорогѣ, предлагается гг. подписчикамъ пересылка ихъ *страховыми посылками*—прочно упакованными и зашитыми въ холстъ, на полной отвѣтственности конторы, для чего за пересылку одной картины слѣдуетъ добавить 60 к., двухъ—80 к. и трехъ—1 руб.—Всѣмъ подписчикамъ, которые не сдѣлаютъ этого добавочнаго взноса, премія будетъ отправлена обыкновеннымъ бавдерольнымъ способомъ, но, въ случаѣ пронажи или порчи ея въ дорогѣ, контора не можетъ принять за это на себя никакой отвѣтственности.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

СЪ ДОСТАВКОЮ И ПЕРЕСЫЛКОЮ:

За годъ 8 р. — к.
 За полгода 4 р. 50 к.

БЕЗЪ ДОСТАВКИ И ПЕРЕСЫЛКИ.

За годъ 6 р. 50 к.
 За полгода 4 р. — к.

Подписка за границу: за годъ—12 руб., за полгода—6 руб.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. № 19.

ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ ОТДѢЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ СЛѢДУЮЩІЕ
ЛИТЕРАТОРЫ:

Н. А. Ахшарумовъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, К. С. Баранцевичъ, Н. Ф. Василевскій (Буква), П. П. Васильевъ, П. И. Вейябергъ, П. А. Висковатовъ (профессоръ), С. И. Воскресенская, Н. Ѳ. Горбуновъ, Г. С. Дестунисъ (профессоръ), Л. Звонаревъ, А. А. Иностранцевъ (профессоръ), В. А. Крыловъ (Викторъ Александровъ), В. Крестовскій (псевдонимъ), А. В. Кругловъ, Н. Н. Красновъ, Б. Левинъ, Александра Львова, Н. С. Лѣсковъ, С. В. Максимовъ, М. Н. Малаховъ, Е. Л. Марковъ, Д. Д. Минаевъ, А. П. Митурячъ, Д. Л. Михайлскій, Д. Н. Островскій, А. Н. Плещеевъ, Е. П. Погомаревъ, Л. Рускинъ, А. Соковнинъ, А. Г. Сахарова, Н. И. Северинъ, Л. Х. Симонова, К. И. Соборный (псевдонимъ), С. Н. Терпигоревъ (Сергій Атава), П. Тройницкій, М. К. Цибрикова, Дм. Чертковъ, В. В. Чуйко, М. Н. Шелгуновъ, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), В. Н. Шишонко, В. Ю. Юрьевъ, А. Н. Яхонтовъ и многіе другіе.

НА 1885 Г.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЛУЧЪ“.

НА 1885 Г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТ. И ПЕРЕС. 6 РУБ.

За пересылку премій прилагается десять семикопѣечн. марокъ (70 к.).

Подписчики получать:

1) Пятьдесятъ два иллюстрированныхъ еженедѣльныхъ номера. Въ каждомъ будетъ обязательно помѣщена передовая статья С. С. Окрейдца. Остальные отдѣлы журнала въ 1885 году редакція увеличитъ въ объемѣ и дастъ имъ болѣе специальную обработку.

2) Двѣнадцать книгъ приложеній (ежемесячныхъ) будутъ содержать оригинальные и переводные романы, всего числомъ восемь. Каждый будетъ имѣть особую нумерацію и обложку, и всѣ восемь романовъ составятъ цѣнный вкладъ въ библіотеку, коего стоимость далеко превзойдетъ всю годовую подписную цѣну за журналъ.

и 3) кроімъ того, въ 1885 году всѣмъ подписчикамъ будетъ дано **шесть бесплатныхъ премій**: *Дель картины*: а) Большая *олеографія* и *акварель*, старательно и художественно исполненныя; б) *Второй томъ живописной Россіи*; в) и г) *Исторія завоеванія Мексики*, соч. В. Прескотта (2 большихъ тома) и д) *Третій томъ сочиненій С. С. Окрейца*.

Направленіе журнала „ЛУЧЪ“ остается тоже самое.

Покорнѣйше просимъ нашихъ подписчиковъ вѣрить, что все возможное для улучшенія изданія будетъ сдѣлано нами. Что обѣщаемъ—непремѣнно выполнимъ.
Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, Николаевская ул., д. № 41.
Редакторъ С. С. Окрейцъ.

1885 ГОДЪ. „ЭХО“, ГОДЪ 1885

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, СУЩЕСТВ. ПЯТЫЙ ГОДЪ.
С.-Петербургъ, Невскій просп., домъ № 61.

Изъ большихъ ежедневныхъ газетъ—газета «Эхо» самая дешевая; тогда какъ годовая цѣна другихъ равняется 17 р., газета «Эхо» стоитъ всего лишь съ пересылкою и доставкою 10 р., разница громадная. (Допускается разсрочка платежа: для служащихъ—по третямъ, чрезъ ихъ казначеевъ; не-служащихъ—чрезъ главную контору редакціи «ЭХО», уплачивается при подпискѣ 5 р., въ концѣ марта 3 р., а въ началѣ августа 2 р.).

Значительно увеличившееся число подписчиковъ, лившееся результатомъ сдѣланныхъ улучшеній, даетъ намъ возможность, *сохраняя подписную цѣну въ нѣстѣющемъ 1885 году*, сдѣлать содержаніе газеты богаче, открывъ нѣсколько новыхъ отдѣловъ.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ ОТДѢЛЬ. Въ немъ редакція постарается дать возможно вѣрное выраженіе движенія въ торговлѣ, какъ въ Петербургѣ и Москвѣ, такъ и въ Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, на Кавказѣ и въ другихъ торговыхъ центрахъ Россіи.

ОТДѢЛЬ ПУТЕШЕСТВІЙ. Нѣсколько извѣстныхъ писателей, отправляясь въ послѣднія недѣли великаго поста въ Іерусалимъ на поклоненіе Гробу Господню, изъявили согласіе дѣлать описанія этого путешествія, которыя и начнутъ печататься въ нашей газетѣ со времени ихъ отъѣзда. Они посѣтятъ Москву, Кіевъ, Крымъ, проѣдутъ весь Кавказъ и Закавказье, предпримутъ восхожденіе на гору Араратъ, побывають въ долинѣ Месопотаміи, на развалинахъ Вавилона и Шивеи, проѣдутъ потомъ всю Палестину и отъ Іерусалима направятся по Аравійской пустынѣ къ горѣ Синай и въ Египетъ въ долину Нила. Это путешествіе будетъ печататься въ нашей газетѣ, затѣмъ будетъ издано отдѣльно съ приложеніемъ *снимковъ* со всѣхъ святыхъ и другихъ замѣчательныхъ мѣстъ. Книга эта,

на которую редакция ассигнуетъ значительную сумму денегъ, будетъ издана роскошно, отдѣльнымъ томомъ и предложена подписчикамъ за одну только стоимость бумаги и пересылки.

ОТДѢЛЪ БЕЛЛЕТРИСТИКИ составитъ главную часть содержанія воскресныхъ №№, давая читателю романы, повѣсти, стихотворенія и отдѣльные рассказы, какъ русскіе, такъ и иностранныхъ писателей. Составляя такимъ образомъ эти номера, редакция рассчитываетъ дать своему читателю въ буквальномъ смыслѣ «воскресное чтеніе», чтобы каждое семейство, собираясь въ свой кругъ, могло имѣть полезное и пріятное развлеченіе. Всѣ помѣщенные въ газетѣ романы, повѣсти, стихотворенія и рассказы будутъ изданы отдѣльнымъ томомъ и предложены подписчикамъ точно также — за одну только стоимость бумаги и пересылки.

Придавая громадное значеніе *внутренней жизни* нашего государства, редакция газеты «Эхо» уже имѣетъ въ настоящее время во всѣхъ главныхъ городахъ Россіи *корреспондентовъ*, лично извѣстныхъ редакціи, и на добросовѣстномъ отношеніи которыхъ къ своей высокой обязанности редакция можетъ положиться.

Изъ всѣхъ столицъ Европы и другихъ странъ редакция также имѣетъ самостоятельныхъ корреспондентовъ, которые, проживая долгое время за границей, прекрасно знаютъ мѣстную политическую и общественную жизнь.

„Церковно-Общественный Вѣстникъ“, 1885 г.

Съ 15-го сего октября открыта подписка на «Церковно-Общественный Вѣстникъ» въ 1885 году, двѣнадцатомъ его изданіи.

Задача нашего изданія — отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересоваться его въ жизни церковно-общественной и вѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этикъ не ограничивается задача «Церковно-Общественнаго Вѣстника»: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упоченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспеянія человѣчества.

По прѣдѣру прежнихъ лѣтъ, мы дадимъ подписчикамъ, годовыиъ и полугодовыиъ, наше обычное бесплатное приложеніе, подъ названіемъ «Календарь для духовенства» на 1885-й годъ. Головалъ цѣна на газету съ бесплатнымъ приложеніемъ семь рублей, полугодовая четыре рубля и трехмѣсячная два рубля. Для заграничныхъ подписчиковъ цѣна остается прежняя: 10 р. въ годъ.

Подписка принимается: въ редакціи «Церковно-Общественнаго Вѣстника» въ С.-Петербургѣ, Троицкій переулокъ, д. № 3, кв. 5.

Редакторъ-издатель А. И. Поповицкій.

„НОВОРОССИЙСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

Газета политическая, экономическая и литературная.

(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ).

1-го января наступающаго 1885 года исполнится ровно десять лѣтъ съ той поры, какъ мы приняли на себя изданіе «Новороссійскаго Телеграфа».

Не мало средствъ, труда и энергій пришлось намъ затратить, чтобы возобновленный нами «Новороссійскій Тел.» поставилъ на уровеньъ общественныхъ задачъ и требованій; съ каждымъ годомъ мы убѣждались, что эти требованія возрастаютъ, и значеніе печатнаго органа увеличивается, почему ежегодно, расширяя программу газеты, мы успѣли довести ее по пути улучшеній до нынѣшняго ея состоянія.

Сочувствіе общества даетъ намъ силы на дальнѣйшую дѣятельность, а десятилѣтній опытъ научилъ насъ по возможности избѣгать случайныхъ промаховъ и опятокъ, неизбѣжныхъ во всякомъ дѣлѣ. Мы со свѣтлыми надеждами вступаемъ во второе десятилѣтіе, бодро и смѣло глядя въпередъ и еще выше поднимаемъ наше знамя, во имя котораго трудились десять лѣтъ.

Редакція «Новороссійскаго Телеграфа», не прибѣгая къ обѣщаніямъ и зазываніямъ, всегда стремилась къ увеличенію состава редакціи столичными литературными силами. Кромѣ сотрудничества извѣстнаго петербургскаго фельетониста Буквы (г. Василевскаго), украшающаго страницы «Новороссійскаго Телеграфа» въ теченіи шести лѣтъ, мы ежегодно пополняемъ редакцію новыми сотрудниками по отдѣламъ руководящихъ статей и фельетона. Кромѣ того, редакція и въ будущемъ году будетъ пользоваться услугами своихъ столичныхъ корреспондентовъ, которые ежедневно доставляютъ намъ важнѣйшія новости по внутреннимъ вопросамъ, которыя обыкновенно появляются въ «Новор. Телеграфѣ» 1—2 днями ранѣе (иногда одновременно съ телеграммами) появленія ихъ въ другихъ одесскихъ газетахъ, гдѣ онѣ помѣщаются уже въ видѣ перепечатокъ изъ столичныхъ изданій.

Вступая во второе десятилѣтіе, «Нов. Телеграфъ», не увеличивая подписной цѣны, увеличиваетъ свой форматъ, сравниваясь такимъ образомъ съ большими столичными газетами. Независимо отъ этого, мы удерживаемъ за собою право изданія «бесплатныхъ премій», которыя будутъ выходить не періодически, не въ опредѣленные сроки, а когда того потребуютъ особыя событія, накопленіе матеріаловъ и возможность изготовленія соответствующихъ рисунковъ.

Подписка принимается исключительно въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ доставки		Съ доставкой		Безъ доставки		Съ доставкой	
и пересыл.		и пересыл.		и пересыл.		и пересыл.	
На 1 мѣсяць	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.	На 7 мѣсяцевъ	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.		
> 2 >	2 > 60 >	3 > — >	> 8 >	9 > 60 >	11 > — >		
> 3 >	3 > 85 >	4 > 50 >	> 9 >	10 > — >	11 > 50 >		

» 4	» 5	—	» 6	—	» 10	» 11	—	» 13	—
» 5	» 6	30	» 7	50	» 11	» 11	50	» 13	50
» 6	» 7	—	» 8	—	» 12	» 12	—	» 14	—

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяць по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или полугодовые (по 7 руб. къ 1 января и къ 1 июня), или по четвертямъ года (по 3 р. 50 к. къ 1 января, 1-го марта, 1-го июня и 1-го сентября), т. е. всегда за мѣсяць впередъ до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учреждений, а также для лицъ, служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подаянска въ кредитъ, по письменнымъ официальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1885 года.

„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“

1885 (годъ Большой Литературно-Художественный Журналъ. седьмой) 1885

Выходитъ еженедѣльно, т. е. 52 номера въ годъ, въ форматѣ большаго иллюстрацій, и каждый номеръ заключаетъ въ себѣ отъ 16 до 20 страницъ, со множествомъ художественно-выполненныхъ гравюръ; (въ годъ 1200 страницъ и около 1000 гравюръ).

Кромѣ еженедѣльныхъ номеровъ журнала всѣ подписчики получаютъ БЕЗПЛАТНО:

„ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ“, въ которыхъ въ теченіи года помѣщаются наиболѣе выдающіяся беллетристическія произведенія всѣхъ европейскихъ иностранныхъ литературы. Къ концу года «Еженедѣльные Литературныя Приложенія» составятъ нѣсколько томовъ самаго интереснаго и занимательнаго чтенія.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ, представляющія снимки съ новѣйшихъ капитальныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Нѣкоторые приложенія печатаются съ томомъ. Прекрасная бумага, изящное исполненіе въ гравюрѣ, артистическая печать, все это даетъ возможность составить изъ художественныхъ приложеній «Иллюстрированнаго Мира» роскошный альбомъ.

„НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“, рассылаемая ежемѣсячно и составляющая полный руководственно-модный журналъ. Въ теченіи года дается: около 500 политипажныхъ рисунковъ новѣйшихъ модъ, какъ то: домашнія платья, приемные туалеты, визитные, костюмы для гулянья, выѣздные туалеты, вечерніе для театровъ, концертовъ, балльные, туалеты для невѣстъ, для причастія, различныя

шубки, пальто, жакетки и пр., а также дѣтскіе костюмы, платье, бѣлье и т. п. *Руководьныя работы: разнообразныя буквы, инициалы, вензеля* и пр. Въ каждомъ номерѣ заключаются слѣдующіе отдѣлы: *Модный Курьеръ* (обзоръ модъ), *Описание рисунковъ, Хозяйство и кухня, Совѣты и рецепты, отзывы подписчикамъ, смѣсь* и пр.

Всѣ годовые подписчики получаютъ главную большую премію: литературно-художественный

ЖИВОПИСНЫЙ АЛЬМАНАХЪ.

Альманахъ этотъ, украшенный прекрасными картинами, портретами и виньетками, будетъ заключать въ себѣ: стихотворенія, беллетристическія прозведенія (оригинальныя и переводныя), біографіи, историческіе очерки, статьи по искусствамъ, путешествія и пр. Въ концѣ альманаха будетъ помѣщенъ юмористическій отдѣлъ съ карриатурами.— *Живописный Альманахъ*, представляющій массу интереснаго чтенія, по своей изящности и богатымъ картинамъ *можетъ служить самымъ лучшимъ настольнымъ украшеніемъ въ каждомъ домѣ.*

(Желающіе получить альманахъ въ роскошномъ штампованномъ, золоченомъ переплетѣ прилагаютъ за переплетъ къ подписной цѣнѣ 1 р.)

Лица, подписавшіеся на годъ до 15-го декабря, получаютъ съ № 1 журнала тщательно составленный и заключающій всѣ необходимыя свѣдѣнія:

„ОБЩІЙ КАЛЕНДАРЬ“ НА 1885 Г.

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р.	Безъ дост. въ Москвѣ, чрезъ кон. Л. Метцля	4 р. 50 к.	Съ доставк. въ Спб. и въ друг. городахъ и мѣстечкахъ Россіи.	5 р.
За границу				6 руб.	

Принимается подписка на $\frac{1}{4}$ года—1 р. 25 к.; на $\frac{1}{2}$ года—2 р. 50 к.; и на $\frac{3}{4}$ года—3 р. 75 к. Желающіе получать журналъ съ разсрочкою платежа подписной суммы, уплачиваютъ: при подпискѣ 2 р., къ 1-му марта 1 р., къ 1-му іюля 1 р., и къ 1-му сентября 1 р.

Желающіе ознакомиться съ журналомъ, могутъ получить пробный номеръ, высылая лишь двѣ 7-ми копѣечныя марки.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С. Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи, Невскій проспектъ, № 76. Въ Москвѣ, въ Центральной Конторѣ объявленій Л. Метцля, Петровка, домъ Солодовникова, № 6.

„ПРОГРЕССИВНОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО“

иллюстрированный журналъ рациональнаго веденія всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства съ цѣлью получения наибольшаго дохода,

издающійся при постоянномъ сотрудничествѣ профессоровъ высшихъ учебныхъ земледѣльческихъ заведеній и хозяевъ-практиковъ, подъ редакціей Л. А. Черноглазова.

Журналъ выходитъ еженедѣльно въ размѣрѣ 2—3 печатныхъ листовъ большаго формата съ *бесплатными* приложениями литературно-политическаго журнала „Еженедѣльный Обзоръ“.

По призыву истекающаго года, въ журналѣ «Прогрессивное Сельское Хозяйство» каждая отрасль сельскаго хозяйства будетъ имѣть свой отдѣлъ, который будетъ разрабатываться съ возможною полнотою. Программа: 1) Полесоводство. 2) Лѣсоводство. 3) Скотоводство и птицеводство. 4) Садоводство и огородничество. 5) Пчеловодство. 6) Сельскохозяйственная механика и архитектура. 7) Вопросы и отвѣты по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства. 8) Сельско-хозяйственная хроника. 9) Полезныя замѣтки для сельскихъ хозяевъ и хозяекъ. 10) Домашняя медицина, гигиена и санитарное дѣло. 11) Внутренніе и иностранныя рынки. При статьяхъ помѣщаются политипажи въ текстѣ и отдѣльные рисунки.—Журналъ «Еженедѣльный Обзоръ» даетъ въ каждомъ номерѣ краткую, но обстоятельную характеристику выдающихся событій русской и иностранной жизни, романы, повѣсти, небольшіе рассказы изъ области наукъ, искусствъ и художествъ и т. п.

Благодаря сочувствію гг. хозяевъ, редакція, несмотря на значительный объемъ своего изданія (не менѣе 200 печатныхъ листовъ въ годъ), множество дорого-стоящихъ рисунковъ и т. п., находитъ возможнымъ оставить прежнюю цѣну, т. е. съ доставкой и пересылкою *только руб. въ годъ за оба изданія*. По призыву прошлаго года, лица, подписавшіяся до 1 го января, получаютъ при одномъ изъ первыхъ четырехъ № журнала разныя огородныя и цвѣточныя сѣмена.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Прогрессивнаго Сельскаго Хозяйства» за 1884 г. могутъ быть получены изъ редакціи по 6 р. безъ перес.

Открыта подписка на сборникъ

„ПРАКТИЧЕСКІЕ НАСТАВЛЕНІЯ, УКАЗАНІЯ И РЕЦЕПТЫ“,

пріятныя въ домашнемъ, городскомъ и сельскомъ хозяйствѣ, состоящіе изъ 1,000 полезныхъ наставленій и указаній относительно приготовленія разнаго рода съѣстныхъ припасовъ и консервовъ, а также и приготовленія мыла, помады, душистыхъ водъ, чернилъ, красокъ и проч.; выведенія различныхъ пятенъ, истребленія всякаго рода насекомыхъ; 250 домашнихъ средствъ отъ различныхъ болѣзней; 500 средствъ насчетъ ухода и лѣченія лошадей, рогатаго скота, овецъ, свиней, птицъ и проч., и 250 полезныхъ замѣтокъ на счетъ разведенія цвѣтовъ, растений, плодовъ и проч.

Тутъ-же продаются:

1) Культура пшеницы, монографія профессора Я. Н. Калининскаго. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

2) Печатается сочиненіе Гравенгорста „Практическій наставникъ“ съ 56 рисунками; переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія. Цѣна съ пересылкою 2 рубля.

Контора редакціи помѣщается въ *С.-Петербурѣ, Троицкій пер., д. № 40.*

„ТЕХНИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ“,

иллюстрированный журналъ новѣйшихъ открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій по всѣмъ отраслямъ заводско-фабричной промышленности,

СО СПЕЦІАЛЬНЫМИ ОТДѢЛАМИ

электротехники, винокуреннаго, пивовареннаго, сахарнаго, мукомольнаго, писчебумажнаго и кожевеннаго производствъ.

Программа журнала: 1) Узаконовенія и распоряженія заводско-фабричныя. 2) Электротехника. 3) Винокурение. 4) Пивоваренное произв. 5) Сахарное производ. 6) Мукомольное произв. 7) Писчебумажное произв. 8) Кожевенное произв. 9) Технологія, какъ-то: кирпичное, крахмальное, маслосеяное, мыловаренное, прядильное, свѣчное, суконное, ткацкое и проч. производства. 10) Химія. 11) Механика. 12) Горное дѣло и металлургія. 13) Техно-химическіе рецепты и наставленія. 14) Гигіена и санитарное дѣло. 15) Патенты. 16) Привилегіи. 17) Вопросы и отвѣты. 18) Техническая библиографія. 19) Слѣсь. 20) Объявленія.

Журналъ выходитъ 15 и 30 каждаго мѣсяца, въ 4--5 печатныхъ листовъ большаго формата, со многими политипажамъ въ текстѣ.

Подписная цѣна на 1 годъ съ пересылкою 10 руб.

„Технический Обзоръ“ за 1882, 1883 и 1884 гг. можно получать по 10 руб., съ пересылкою за каждый годъ.

Контора редакціи «Технической Обзоръ» въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., № 40.

Открыта подписка на сочиненіе инжен. Тильмана:

„**Подробное руководство къ установкѣ и постройкѣ паровыхъ котловъ**“

всѣхъ лучшихъ системъ, съ подробнымъ расчетомъ паровиковъ, дымогарныхъ трубъ, арматуры и проч., съ указаніемъ надежныхъ предохранительныхъ правилъ противъ взрыва, а также съ указаніемъ на рациональное утилизиrowаніе топлива и на новѣйшія усовершенствованія въ отопленіи паровыхъ котловъ *сжиганіемъ дыма—чистѣйшаго и лучшаго горючаго матеріала.*

1 большой томъ въ 40 печатныхъ листовъ, съ 400 политипажамъ.

Это замѣчательнѣйшее сочиненіе становится необходимымъ руководствомъ для каждаго заводчика, фабриканта, владѣльца паровыхъ котловъ, механика, техника, техническаго училища и проч.

Подписная цѣна 6 рублей.

Вышло уже 1, 2, 3 и 4 выпуски—5 и 6 находятся въ печати.

Подписка на соч. Тильмана принимается въ Редакціи „Техническаго Обзора“.

Открыта подписка на книгу

„ПРАКТИЧЕСКІЕ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКІЕ РЕЦЕПТЫ“
1500

новѣйшихъ и полезнѣйшихъ открытій, усовершенствованій и патентованныхъ изобретеній въ областяхъ: винокуреннаго, водочнаго, воскобойнаго, горчичнаго, клеевареннаго, кожевеннаго, косметическаго, красильнаго, красочнаго, крахмальнойнаго, лаковаго, маслосбойнаго, машиннаго, меланическихъ издѣлій, мучномольнаго, мыловареннаго, пивовареннаго, писчебумажнаго, сахарнаго, свѣчнаго, ситцепечатнаго, скорняжнаго, слесарнаго, снѣлочнаго, стекляннаго, суконнаго, укуснаго, табачнаго, фарфороваго, фаянсоваго, шоколаднаго и прочіихъ производствъ.

Подписная цѣна 2 рубля, съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Техническій Обзоръ“ въ С.-Петербургѣ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“, 1885 г.
ШЕСТОЙ ГОДЪ.

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1885 году на тѣхъ же условіяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія пять лѣтъ (1880—1884).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Для первыхъ книжекъ „Историческаго Вѣстника“ 1885 года въ распоряженіи редакціи уже имѣются, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Двѣ упрямденныя автономіи. Отрывокъ изъ воспоминаній К. А. Бороздина. (Съ портретами и иллюстраціями).—Путешествіе Екатерины II въ Крымъ въ 1787 году. А. Г. Брякнера. (Съ портретами и иллюстраціями).—Неронъ. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. В. П. Буренина. (Съ иллюстраціями).—Солдатскій бытъ въ поговоркахъ и пословицахъ. И. Д. Бѣлова.—Историкъ прошлаго вѣка. Е. М. Гаршина. (Съ портретами).—Записки Казановы и императрица Екатерина II. Исслѣдованіе по вновь открытымъ документамъ г. Шарля Генри, бібліотекаря Парижскаго университета. (Статья, написанная исключительно для «Историческаго Вѣстника»). (Съ портретами).—Ливенскіе святители. М. И. Городецкаго. (Съ иллюстраціями).—Исторія Краснаго Кабачка. Г. В. Есинова.—Два эпизода изъ дѣтства императора Александра II. М. Н. Захарьина.—Отрывки изъ литературныхъ воспоминаній В. Р. Зотова.—Культурные очерки Директоріи. Его-же. (Съ иллюстраціями).—Цензура временъ императора Павла I. П. П. Каратыгина.—Переполохъ въ Петербургѣ.—Историческая новѣсть Е. П. Карновича.—Бѣлая дама. Его-же. (Съ иллюстраціями).—Забытыя знаменитыя

тости русской литературы. А. П. Кирпичникова. (*Съ портретами*). Воспоминанія о селѣ Спасскомъ и его обитателяхъ. В. Н. Колонтаевой.—С. И. Иешковскій. Биографическій очеркъ. А. Н. Корсакова.—Отрывки изъ воспоминаній генераль-лейтенанта В. Д. Кренке.—Суды старые и новые. В. С. Кроткова.—Поѣздка въ Переяславль. Н. И. Костомарова.—Одинъ изъ трехъ праведниковъ. П. С. Лѣскова. (*Съ портретомъ*).—Изъ воспоминаній о прошломъ. А. А. Малышева.—Отрывки изъ воспоминаній А. П. Милюкова.—Разказы объ архимандритѣ Фотіѣ. И. Г. Мизерецкаго.—Авантюристы. Историческая повѣсть. Д. Л. Мордовцева.—Семейство Скарвонскихъ. Страница изъ исторіи фаворитизма въ Россіи. В. О. Михневича.—Средне-Колымскъ и его округъ. А. В. Оксенова. (*Съ иллюстраціями*).—Эпоха каруселей и маскарадовъ въ Россіи. М. И. Пылаева.—Сумасшедшій художникъ. К. К. Случевского (*Съ иллюстраціями*).—Въ горахъ и долинахъ русскаго Тянь-Шаня. Путевыя записки (профес) Н. В. Сорокина (*Съ иллюстраціями*).—Отрывки изъ воспоминаній стараго редактора. А. В. Старчевскаго.—Педагогическія задачи Пирогова. В. Я. Стоюнина.—Очеркъ изъ литературы прошлаго времени. М. И. Сухомянова.—Воспоминанія о Ф. М. Достоевскомъ. З. А. Сытновой. (*Съ портретомъ*).—Проконсулъ Кавказа. Ф. М. Уманца. (*Съ портретами*).—Мировой судъ въ Петербургѣ въ 1869—1872 годахъ. Отрывокъ изъ автобіографіи Ф. Н. Устрялова.—Среди скитницъ.—Отрывокъ изъ путевыхъ записокъ П. С. Усова. (*Съ иллюстраціями*).—Арматоръ прошлаго вѣка. Его же.—Воспоминанія лазутчика русской арміи въ войну 1877—1878 годовъ. К. Н. Фаврикодорова.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году.—С. Н. Шубинскаго. (*Съ иллюстраціями*).—Алтай и его ипородческіе царство Н. М. Ядринцева. (*съ иллюстраціями*).

Для приложеній къ „Историческому Вѣстнику“ 1885 года редакція пріобрѣла слѣдующія иллюстрированныя сочиненія.

1) **Во льдахъ и снѣгахъ.** Путешествіе въ Сибирь для поисковъ экспедиціи капитана Делонга; **Уильяма Гильдера**, корреспондента газеты <Нью-Йоркъ Геральдъ>. (*Съ 10 иллюстраціями*). Переводъ съ англійскаго В. П. Майнова.

2) **Мои теплицы;** воспоминанія **Сильвіо Пеллико да-Салудци.** (*Съ 18 иллюстраціями*). Новый переводъ съ итальянскаго подлинника А. Н. Дьяконова.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, д. № 38. Отдѣленіе конторы въ Москвѣ, при московскомъ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.

„Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ“,

1885 г. (третій годъ изданія).

съ приложеніемъ газеты „ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ“

издаваемый при Императорской академіи Художествъ

подъ редакціей А. И. СОМОВА.

Вѣстникъ выходитъ въ свѣтъ шесть разъ въ годъ, т. е. однажды въ два мѣсяца, книжками въ 5—8 печатныхъ листовъ; «Художественныя Новосты» появляются 24 раза въ годъ (1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца), въ объемѣ $1\frac{1}{2}$ —1 $\frac{1}{2}$ печатныхъ листа.

Къ «Вѣстнику» прилагаются эстампы, исполненные гравюрою на мѣди (рѣзцомъ или крѣпкою водкою) и на стали, фотогравюрою, фототипіею, литографіею и проч. Эти эстампы, которыхъ въ году полагается не менѣе 24-хъ, состоятъ изъ портретовъ художниковъ и изъ снимковъ съ замѣчательныхъ произведеній искусства. Сверхъ того, въ самомъ текстѣ «Вѣстника» помѣщаются въ неопредѣленномъ числѣ политипажи, исполненные ксилографіей и фототипнографіей.

Въ числѣ сотрудниковъ того и другаго изданія состоятъ: А. Н. Андреевъ, Н. Д. Ашарумовъ, Н. М. Благовѣщенскій, бар. Г. Э. Брюнингъ, Ф. Н. Булгаковъ, А. А. Васильчиковъ, М. В. Ватсонъ, М. Вашонъ (въ Парижѣ), А. В. Вышеславцевъ, Д. В. Григоровичъ, Э. Я. Доббертъ (въ Берлинѣ), Г. Е. Кизерлицкій, А. И. Кирпичниковъ, Д. Ф. Кобеко, Ф. П. Ланцертъ, В. П. Ламбинъ, А. М. Матушинскій (Эль) П. В. Павловъ, П. Н. Петровъ, Е. Е. Рейгертъ, Е. А. Сабанинъ, Н. П. Собко, М. П. Соловьевъ, В. В. Стасовъ, Н. В. Султановъ, Е. Е. Трей (въ Дрезденѣ), С. С. Шайкевичъ, В. П. Шеміотъ, В. Ф. Эвальдъ и др.

По часъ гравированія, сотрудниками будутъ: А. А. Бобровъ, В. А. Бобровъ, М. П. Боткинъ, А. Вегеръ, В. Вериле, О. Гофманъ, Л. Е. Дмитриевъ-Кавказскій, О. А. Кочетова, Е. З. Краснушкина, Б. Манфельдъ, В. В. Матте, Н. С. Мосоловъ, К. Д. Савицкій, Н. Самокишъ, В. Унгеръ, И. И. Шяшкинъ, и др.

Подписная цѣна за оба изданія вмѣстѣ: Безъ доставки 10 руб.; съ доставкою въ С.-Петербургъ или съ пересылкою въ другія мѣста 12 р., за границу 15 руб.

Отдѣльная подписка на «Вѣстникъ» или на «Художественныя Новосты» не допускается.

Въ видѣ *бесплатной преміи* гг. подписчики получаютъ *Альбомъ фототипическихъ снимковъ* большаго формата съ оригинальныхъ рисунковъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ изъ собраній Императорскаго Эрмитажа, Академіи художествъ и изъ другихъ петербургскихъ коллекцій. Альбомъ этотъ появится въ свѣтъ немедленно по его изготовленіи, во всякомъ случаѣ не позже ноября мѣсяца.

Подписываться можно: въ редакціи «*Вѣстника изящныхъ искусствъ*» (Вас. Остр., зданіе Императорской Академіи художествъ, ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, съ 10 час. утра до 4 час. попол.), въ Императорскомъ Обществѣ поощренія художествъ, въ эстампныхъ магазинахъ *А. Бегурова* и *Фельтена*, въ книжномъ магазинѣ *Мелье* и у всѣхъ извѣстѣйшихъ книгопродавцевъ столицы.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться для подписки преимущественно въ редакцію.

Вѣстникъ и Художественныя Новости за 1883 и 1884 годы, вмѣстѣ съ издаваемыми въ этихъ годахъ пріемными, можно получать въ редакціи этихъ изданій. Цѣна за каждый экземпляръ каждаго годоваго изданія 10 руб. Гг. иногородные прибавляютъ къ этой цѣнѣ 2 р. на расходы по пересылкѣ.

Ежемѣсячный журналъ

„МЕДИЦИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА“.

1885 годъ.

(Выходитъ въ объемѣ отъ 20 до 30 листовъ большаго формата и убористаго шрифта).

Въ составъ журнала входятъ: 1) Русскія оригинальныя сочиненія по всѣмъ отдѣламъ медицины; 2) избранныя сочиненія изъ иностранной медицинской литературы преимущественно подъ редакціей профессоровъ-специалистовъ; 3) рефераты, обзоры, критическіе очерки, хроника и пр.

Годовая цѣна съ перес. 17 р., безъ перес. 15 р. Студенты, фельдшера и лекарск. помощи. платятъ 14 руб. въ годъ.

Въ журналѣ за прошлые года (1881, 1882, 1883 и 1884) были помѣщены изъ наиболѣе капитальныхъ вещей слѣдующія: 1) *А. Вилинскій*. Дѣтскія болѣзни (43 лст.); *Вони*. Физиологія (110 лст.). *Геновъ*. Дѣтскія болѣзни (44 лста). *Зелингольеръ*. Нервные болѣзни (23 лста); *Мальень*. Оперативная хирургія (34 лст.). *Нимейеръ*. Частная патологія и терапія (103 лста). *Рибо*. Болѣзни памяти (10 лст.). *Россбахъ*. Основы физическихъ методовъ леченія (32 лста). *Фритшъ*. Женскія болѣзни (28 лст.). *Шеффъ*. Зубныя болѣзни (17½ лст.). *Эйхгорстъ*. Диагностика (45 лст.). *Эйхгорстъ*. Частная патологія и терапія (140 лст.). *Эриксенъ*. Хирургія (105 лст.). *Ришъ*. Хирургическая анатомія (85 листовъ). *Дюринъ*. Болѣзни кожи (20 л.). *Гритль* съ рисунками Гейцмана (24 л.). *Никитинъ*. Ларингоскопія (19 л.).

Всѣ сочиненія, помѣщенные въ «Медицинск. Библіот.», могутъ быть переплетены отдѣльно.

Въ будущемъ году предполагается помѣстить переводы наиболѣе выдающихся руководствъ изъ извѣстной коллекціи *Вредена* (*Генслеръ* подъ редакцію проф.

Левина. Киргизеръ, ушная болѣзнь, 2-ой отдѣлъ Зеллиолера и пр.), всхлѣтрію *Мейерта* подъ редакціей пр. *Ковалевскаго* и проч.

Редакція вѣдетъ въ виду пополнить существующій пробѣлъ въ русской медицинской литературѣ по гигиенѣ и судебной медицинѣ (редакція заручилась обшавіемъ профессоровъ печатать ихъ труды по этимъ и другимъ предметамъ въ «Мед. Библ.»).

Отдѣлъ «хроникъ и новостей» даетъ возможность врачамъ, не выписывавшимъ др. медич. газетъ, слѣдить за вопросами дня.

Подписчики на 1885 годъ получаютъ безплатно при январской книжкѣ Медицинскій Календарь (Новый Календарь для врачей).

Адресъ извѣстенъ петербургскому почтанду.

Редакторъ ординарн. профес. *И. М. Сорокинъ.*

Издатель *Н. Л. Вилькинъ.*

„ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА“

Иллюстрированная, политическая, литературная и ремесленная.

Въ 11-й году своего изданія, т. е. въ 1885 году, газета будетъ выходить на прежнихъ условіяхъ, безъ предварительной цензуры и въ значительно улучшенномъ составѣ, въ объемѣ 2-хъ, 3-хъ листовъ въ недѣлю.

Ежемѣсячно прилагаются особо *ПАРИЖСКІЯ МОДЫ*, съ рисунками модъ и узоровъ, и 6 разъ въ годъ — по листу модныхъ выкроекъ, заключающему въ себѣ 4—5 выкроекъ полныхъ костюмовъ.

Газета сообщаетъ подробно политическія и общественныя новости, распоряженія Правительства, новости торговли и биржевыя, изобрѣтенія и открытія въ области ремеслъ, искусствъ и наукъ.

Для легкаго чтенія помѣщаются повѣсти и рассказы преимущественно историческія, стихотворенія, статьи научнаго содержанія, пикіющія общій интересъ и изложенныя въ общедоступной формѣ, а также *критика, библиографія*. Газета даетъ въ годъ *болѣе 770 рисунковъ* въ текстѣ. Въ ней принимаютъ участіе своими трудами лучшіе наши ученые художники.

Премія 1885 г. 1) Крестный Календарь на 1886 годъ на велевовой бумагѣ. 2) Повѣсти и романы иностранныя (въ приложеніи къ номерамъ). 3) Иллюстрированныя драм. Шекспира (выпускъ 5-й — драма «Макбетъ» въ прекрасномъ переводѣ С. А. Юрьева) и проч.

Новые подписчики могутъ, по особому заявленію съ ихъ стороны, получать безплатно большую олеографическую картину, представляющую точное (съ натуры) изображеніе Священнаго Коронованія Ихъ Величествъ въ 1883 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1885 годъ: безъ доставки на годъ 4 руб.; съ доставкой и пересылкою на годъ 5 руб., на полгода съ января и іюля 3 руб., 1 мѣсяць 60 к. За границу 7 руб., на полгода 3 р. 50 к.

«Газету» прежнихъ годовъ, съ 1875 по 1883 (кроме 1880 и 1883) можно получать изъ редакціи по 3 руб. за томъ (годъ), съ пересылкою.—Годовъ 1880 и 1883 не имѣется уже ни одного экземпляра.

Адресъ: Москва, Никитскій бульв., д. Гатцука.

Редакторъ-издатель А. Гатцукъ.

“СТРАННИКЪ”

1885 Г. (пятый годъ изданія подъ новою редакціей). Г. 1885

Журналъ «Странникъ» съ октября 1880 года издается новою редакціей, по слѣдующей программѣ:

- 1) Богословскія статьи и изслѣдованія по разнымъ отраслямъ общей церковной исторіи и историко-литературнаго знанія,—преимущественно въ отдѣлахъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ православно-восточной и русской жизни.
- 2) Статьи, изслѣдованія и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ русской церковной исторіи.
- 3) Бесѣды, поученія, слова и рѣчи извѣстнѣйшихъ проповѣдниковъ.
- 4) Статьи философскаго содержанія по вопросамъ современной богословской мысли.
- 5) Статьи публицистическаго содержанія по выдающимся явленіямъ церковной жизни.
- 6) Очерки, рассказы, описанія, знакомящія съ укладомъ и строемъ церковной жизни вообще христіанскихъ исповѣданій, особенно—съ жизнью пастырства и преимущественно у славянъ.
- 7) Бытовые очерки, рассказы и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего духовенства, общества и простаго народа.
- 8) Внутреннее церковное обозрѣніе и хроника епархіальной жизни.
- 9) Иностранное обозрѣніе: важнѣйшія явленія текущей церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, особенно у славянъ.
- 10) Обзоръ русскихъ духовныхъ журналовъ и епархіальныхъ вѣдомостей.
- 11) Обзоръ свѣтскихъ журналовъ, газетъ и книгъ: отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ журнала.
- 12) Библиографическія и критическія статьи о новыхъ русскихъ книгахъ духовнаго содержанія, а также и о важнѣйшихъ произведеніяхъ иностранной богословской литературы.
- 13) Книжная лѣтопись; ежемѣсячный указатель всѣхъ вновь выходящихъ русскихъ книгъ духовнаго содержанія, краткіе отзывы о новыхъ книгахъ.
- 14) Хроника важнѣйшихъ церковно-административныхъ распоряженій и указовъ.
- 15) Разныя отрывочныя извѣстія и замѣтки; корреспонденціи; объявленія.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ 10 до 12 и болѣе листовъ.

Подписная плата: съ пересылкою въ Россіи и доставкой въ С.-Петербургѣ **ШЕСТЬ РУБЛЕЙ**. Адресоваться: въ редакцію журнала «Странникъ», въ С.-Петербургѣ (Невскій просп., д. № 167).

Редакторы-издатели: А. Висильковъ.—А. Пономаревъ.—Е. Прилежаевъ.

Вольшой ежемѣдѣльный, художественно-литературный журналъ

«РОССІЯ».

1885 г. (ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ). г. 1885

Съ 1 января 1885 года будетъ выходить 4 раза въ мѣсяцъ: 1, 8, 15 и 22 числа, въ новомъ увеличенномъ объемѣ—2¹/₂ печатныхъ листа, съ четырьмя отдѣльными большими оригинальными рисунками при каждомъ №.

Кромѣ множества другихъ статей и произведеній въ 1885 году будутъ напечатаны: 1) Пензанныя письма *И. С. Туренева*, 2) Новая Золушка, большой романъ, *ир. Е. А. Салиаса*, 3) Историческія повѣсти *Н. А. Чаева*, 4) Очерки изъ народной жизни *Н. Н. Златовратскаю*, 5) Фантазеръ, большой романъ, *Д. А. Линева*, 6) Тихія воды глубоки, повѣсть, *А. В. Крулова*, 7) Двѣ избранницы, романъ, *К. Н. Леонтьевъ*, 8) Воспоминанія о П. С. Мочловѣ, *С. А. Юрьева*. 9) «День византійскаго императора», историч. повѣсть, *Н. П. Аксакова*, 10) «Пасынокъ судьбы», повѣсть, *С. Н. Филиппова*. 11) «Что побудило?» деревенскій рассказъ, *Д. А. Линева*. 12) Рассказы изъ современной уголовной хроникки, *В. А. Скрипичина*.

Независимо отъ названныхъ именъ, въ трудахъ редакціи принимаютъ участіе: *Д. Л. Мордовцевъ*, *Н. С. Льсковъ-Стебницкій*, *А. Н. Плещеевъ*, *Я. П. Полонскій*, *Л. И. Пальминъ*, *В. С. Баскинъ*, *В. В. Чуйко*, *М. М. Ивановъ*, г-жа *Евгенія Туръ* и многіе другіе.

Художественный отдѣлъ журнала будетъ преслѣдовать въ сущности ту же цѣль, что и отдѣлъ литературный, т. е. представлять собою живописный сводъ иллюстрацій Россіи въ богатомъ многообразіи ея жизни, природы и искусства.

По прежнему къ каждому № будутъ прилагаться четыре отдѣльныхъ оригинальныхъ рисунка, исполненныхъ автографическимъ способомъ. «Россія» въ этомъ отношеніи представляетъ журналъ, рѣзко отличающійся по своему характеру отъ другихъ иллюстрированныхъ изданій, пользующихся зачастую заимствованными, иностранными клише.

Въ будущемъ 1885 году редакціей устанавливается систематизація рисунковъ, такъ-что въслѣдствіи подписчики могутъ образовать изъ нихъ нѣсколько отдѣльныхъ альбомовъ.

Такъ, между прочимъ, будутъ помѣщены въ будущемъ году:

- 1) 12 портретовъ извѣстныхъ русскихъ представителей литературы, науки и искусства.
- 2) 30 копій съ картинъ русской живописи или произведеній иностранной школы, находящихся въ Россіи.
- 3) около 25 отдѣльныхъ иллюстрацій къ беллетристическимъ произведеніямъ.

помѣщеннымъ въ журналѣ, въ томъ числѣ нѣсколько ориг. рис. А. С. Янова къ исторической повѣсти Н. П. Аксакова: «День византійскаго императора».

4) Около 20 видовъ различныхъ живописныхъ мѣстностей Россіи (для собиранія матеріала редакціей командированъ уже художникъ лейпцигской академіи фотографъ Ташнеръ).

5) 12 виньетокъ къ стихотвореніямъ, на подобіе помѣщенныхъ уже въ текущемъ году.

Въ художественномъ отдѣлѣ журнала будутъ помѣщены рисунки:

Н. М. Быковскаго, В. М. Васнецова, С. П. Иванова, Н. Н. Каравина, К. В. Леможъ, К. Е., Н. Е. и В. Е. Маковскихъ, М. О. Микшица, В. Д. Польнова, И. Е. Рѣпина, К. А. Савицкаго. К. А. Трутовскаго и мног. друг.

Въ будущемъ 1885 году всѣ годовые подписчики получаютъ роскошную премию акварель (размѣр. 140 кв. верш.), заказанную по оригиналу, специально исполненному для журн. «Россія» академикомъ исторической живописи Н. В. Невревымъ: «СЦЕНА У ФОНТАНА» (изъ «Бориса Годунова», Пушкина). Она будетъ исполнена въ знаменитой французской литографин Лемерсье и К°.

Подписная цѣна 7 р. на мѣстѣ и 8 р. съ доставкой на домъ и пересылкой. Подписка принимается: а) въ Москвѣ, въ редакціи, Тверской бульваръ, д. Эфроса, б) въ магазинахъ: Дацаро, Аванцо, Вольфа, Мамонтова, «Новаго Времени», Васильева (на Страстномъ бульв.) и въ конторѣ объявленій Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ, в) въ С.-Петербургѣ: у Мелье, Вольфа и Суворина и г) въ Кіевѣ: у книгопродавцевъ Столбцова и Корейво. Иногородные благоволятъ обращаться въ редакцію. Разсрочка годовой подписной суумы можетъ быть допущена на слѣдующихъ условіяхъ: 5 руб. при подпискѣ и 3 рубля 1 июля.
Редакторъ-издатель О. М. Уманецъ.

1885 г. (ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ). г. 1885

Еженедѣльный „РАДУГА“, иллюстрированный
семейный журналъ литературы, изящныхъ искусствъ и общественной жизни.

50 номеровъ въ годъ. 50.

Въ 1885 году «Радуга» дастъ своимъ читателямъ рядъ романовъ, повѣстей, разсказовъ и стихотвореній исключительно изъ русской жизни, съ участіемъ выдающихся современныхъ русскихъ писателей. ИЛЛЮСТРАЦИИ извѣстныхъ русскихъ художниковъ будутъ воспроизведены самымъ тщательнымъ образомъ, съ помощью новѣйшихъ открытій въ области графическихъ искусствъ. Гравюры будутъ исполнены въ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ заведеніяхъ.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

1) СЦЕНА. Театральное искусство. Критика. Драматическія пьесы для большой сцены и для любительскихъ спектаклей. Комедіи. Трагедіи. Драны. Воде-

и при участіи вѣстныхъ драматурговъ, какъ Викторъ Александровъ (Кривой) Невѣжинъ, князь Сунбатовъ и др. Провинціальная корреспонденція. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщены **ПОРТРЕТЫ** русскихъ драматическихъ писателей и выдающихся артистовъ русской столичной и провинціальной сцены.

2) **АККОРДЪ**. Новости изъ музыкальнаго міра. Портреты выдающихся современныхъ композиторовъ и исполнителей. Отчеты о концертахъ. Критическія замѣтки. Къ каждому номеру «Аккорда» будутъ приложены также **БЕЗПЛАТНО** **НОТЫ** для фортепiano и пѣнія: исключительно новыя пьесы, танцы, арражировки изъ новыхъ оперъ и оперетокъ.

3) **МОДЫ**. Иллюстрированныя парижскія моды. Текстъ и рисунки изъ Парижа, подъ редакціею Тьерри. *Руководство для туалетнаго стола. Косметика. Домашній обиходъ. Домашнее хозяйство. Столь.*

4) **ГИГИЕНА**—новый отдѣлъ. Какъ жить здоровому и какъ помочь больному человѣку. Совѣты врача. *При этомъ отдѣлѣ открытъ почтовый ящикъ для совѣтовъ.* Пользоваться правомъ этого почтового ящика могутъ лишь гг. подписчики.

5) **САЛОНЪ**—новый-же отдѣлъ, иллюстрированныя общественныя увеселенія.

1) Карты. 2) Общественныя игры. 3) Пазлы. 4) Хореографія (танцы). 5) Парады. 6) Ребусы. 7) Задачи. 8) Фокусы. 9) Эксперименты изъ области химіи и физики. 10) Гимнастика. 11) Спиритизмъ. 12) Обширный шахматный отдѣлъ. 13) Стенографическій отдѣлъ. 14) Почтовый ящикъ для гласной корреспонденціи подписчиковъ между собою (право пользованія имѣютъ только подписчики журнала).

Кромѣ всего будетъ дана великолѣпная бесплатная премія.

Подписная цѣна на 1885 годъ, со всѣми приложениями, съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи только 5 руб., за границу—7 руб.; на 1 года—3 руб., за границу—4 руб.

Допускается разсрочка платежа годовой подписной цѣны: при подпискѣ 2 р., затѣмъ 1 марта 1 р., 1 апрѣля 1 р. и 1 іюля 1 р.

Подписка принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. вногородныхъ просить адресовать: *Въ редакцію журнала «Радуя». Москвѣ.* Редакторъ **Д. А. Мансфельдъ.** Издатель **Л. Метцль.**

5 годъ изданія. (ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО). изданія годъ **5**

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“,

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статья по вопросамъ внутренней и вѣшной политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. III. Обзоріе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и «Сѣвернаго телеграфнаго агентства». V. Послѣднія вѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Что дѣ-

ляется на югѣ: корреспонденція «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Выѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. IX. Наука и искусство. X. Выѣшнія корреспонденція «Южнаго Края». XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библиографія. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію, и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковского военно-окружного суда. XVIII. Сторовнія сообщения. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ болѣе чѣмъ въ 100 губерnskихъ, уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ и во многихъ станицахъ, и селахъ.

Кромѣ постоянныхъ извѣстій изъ Петербурга и Москвы, газета получаетъ корреспонденціи изъ большихъ центровъ Западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ. На 6 мѣс. На 3 мѣс. На 1 мѣс.

Безъ доставки. 10 р. 50 к. 6 р. — к. 3 р. 50 к. 1 р. 20 к.
 Съ доставкою. 12 р. — к. 7 р. — к. 4 р. — к. 1 р. 40 к.
 Съ перес. шогороднѣмъ . 12 р. 50 к. 7 р. 50 к. 4 р. — к. 1 р. 60 к.
 Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются: въ **Харьковѣ** — въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Екатеринославской улицѣ, въ домѣ Файнберга, № 44; въ **Петербургѣ** — въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Струбинскаго; въ **Москвѣ** — въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ, на Петровкѣ, въ домѣ Солодовникова и въ конторѣ подписки и объявленій Н. Печковской; въ **Варшавѣ** — въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Френдлеръ, на Сенаторской улицѣ, № 18; въ **Кіевѣ** — въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Федорова; въ **Одессѣ** — въ книжныхъ магазинахъ В. М. Бѣлаго и Е. П. Распопова; въ **Полтавѣ** — въ книжномъ магазинѣ Г. П. Бойно-Родзевича, въ конторѣ И. А. Дохмана; въ **Кременчугѣ** — въ «Русской книжной торговлѣ» Д. Я. Тартаковского.

„Церковный Вѣстникъ“

и „ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“,

(СЪ ТОЛКОВАНІЯМИ НА ВѢТХІЙ ЗАВѢТЪ).

«Церковный Вѣстникъ» съ 1-го января будущаго 1885 г. имѣетъ вступить въ одиннадцатый годъ существованія. Десять лѣтъ — достаточный періодъ времени для выясненія характера, направленія и цѣлей изданія. Въ официальной своей части «Церковный Вѣстникъ» есть официальный органъ св. синода и

состоящихъ при немъ центральныхъ учреждений, въ неофіціальной-же части онъ есть органъ с-петербургской духовной академіи. Высшее церковное правительство, избравъ офіціальную часть академической церковной газеты своимъ офіціальнымъ органомъ для помѣщенія въ ней своимъ распоряженій и Высочайшихъ повелѣній по духовному вѣдомству и чрезъ то удостоивъ академическую корпорацію высокой степени своего довѣрія, не лишило въ то же время послѣднюю возможности имѣть *въ собственномъ смыслѣ неофіціальную часть*, въ которой-бы академическая корпорація свободно выражала свои сужденія по церковнымъ вопросамъ, сообщала полезныя для духовенства свѣдѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ давала-бы возможность и духовенству высказывать свои нужды и желанія, и такимъ образомъ существовалъ бы взаимный обмѣнъ мыслей между людьми духовной науки и дѣятелями церковной жизни. Высоко цѣня такія истинно-пастырскія, въ духѣ древней церкви, отношенія высшей церковной власти къ высшей духовной школѣ, академическая корпорація, по мѣрѣ силъ въ теченіи десяти лѣтъ, старалась въ неофіціальной части «Церк. Вѣстн.» осуществлять прекрасный идеалъ свободнаго служенія истиннымъ интересамъ православной церкви на поприщѣ духовной публицистики, — идеалъ, глубокіе корни котораго скрываются въ характерѣ восточнаго православія.

Постепенно и свободно развиваясь, неофіціальная часть «Церк. Вѣстн.» получила въ послѣднее время слѣдующій видъ. Въ ней печатаются прежде всего разнообразныя статьи, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ вопросовъ, именно: 1) *передовыя статьи*, 2) *корреспонденціи*, статьи и сообщенія вѣстныхъ сотрудниковъ, преимущественно духовныхъ лицъ и 3) *Мнѣнія печати свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ*. Для помѣщенія различныхъ извѣстій имѣются слѣдующіе постоянные отдѣлы: 4) *Лѣтопись церковная*, представляющая обзоръ всѣхъ важнѣйшихъ событій и движеній въ области религіозной жизни нашей отечественной церкви по всѣмъ ея епархіямъ; 5) *Иностранное обозрѣніе*, сообщающее извѣстія изъ религіозной жизни православнаго востока и римско-католическаго и протестантскаго запада; 6) *Лѣтопись общественной жизни за прошлую недѣлю въ Россіи и за границей*, сообщающая свѣдѣнія о всѣхъ важнѣйшихъ общественныхъ событіяхъ въ нашей отечествѣ и внѣ его; 7) *Разныя извѣстія и замѣтки*, содержація разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладывающіяся въ вышеозначенныхъ лѣтописяхъ и обозрѣніяхъ; не послѣднее мѣсто занимаютъ здѣсь сообщенія о современныхъ движеніяхъ въ расколѣ. Немалое вниманіе обращено также и на отдѣлы библіографическіе, которые суть слѣдующіе: 8) *Журнальное обозрѣніе*, представляющее обзоръ нашей духовной журналистики (каждый мѣсяць разъ); 9) *Замѣтки читателя епархіальныхъ вѣдомостей* (два раза въ мѣсяць), сообщающія извлеченіе интереснаго, по преимуществу историческаго матеріала изъ всѣхъ 44-хъ существующихъ епархіальныхъ вѣдомостей (это новый, только что организованный отдѣлъ) и 10) *Библіографическія замѣтки* или обзоръ вновь выходящихъ богословскихъ сочиненій (нѣсколько разъ въ мѣсяць); этотъ отдѣлъ съ новаго года предполагается преобразовать въ смыслъ полноты и краткости библіографическихъ обозрѣній.

Такимъ образомъ, редакція имѣетъ смѣлость думать, что вышеозначенными *десятью отдѣлами* неофициальной части «Церк. Вѣстн.» довольно полно обнимаются всѣ важнѣйшія проявленія церковно-общественной жизни, преимущественно въ нашемъ отечествѣ и въ значительной мѣрѣ внѣ его.

«Христіанское Чтеніе», составляющее прибавленіе къ «Церк. Вѣстн.», помѣщаетъ разнообразныя, преимущественно ученые, статьи по всѣмъ отраслямъ богословскихъ знаній. Сверхъ того, въ немъ печатаются, съ особымъ счетомъ странницъ, «Толкованія на Ветхій Завѣтъ». Въ 1885 г. будетъ продолжаться печатаніе «Толкованія на книгу пророка Исаія», такъ что къ концу года выйдетъ особою книжкою 6-й выпускъ «Толкованій».

Шестой (пятый вышелъ въ 1883 г.) выпускъ, содержащій продолженіе толкованій на книгу Псалмовъ, выйдетъ въ декабрѣ 1884 года. Ц. 75 к. безъ перес. и 1 р. съ перес.

«Церк. Вѣстн.» и «Христ. Чт.» съ «Толкованіями» составляютъ въ годъ болѣе двухсотъ шестидесяти (260) печатныхъ листовъ («Церк. Вѣстн.» 142 л. и «Христ. Чтен.» 142 л.).

Цѣна.—Годовая цѣна въ Россіи за оба журнала 7 р. съ пересылкою; *отдѣльно* за «Церковный Вѣстникъ» 5 р., за «Христіанское Чтеніе» съ «Толкованіями» 5 р. За границей, для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала 9 р., за каждый *отдѣльно* 7 р. съ перес.

Подписка.—*Иногородные подписчики* надписываютъ свои требованія такъ: «Въ редакцію «Церк. Вѣстн.» и Христ. Чт.», въ С.-Петербургѣ». *Подписывающіеся въ Петербургѣ* подписываются въ конторѣ редакціи (уголъ Коломенской улицы и Свѣчнаго переулка, д. № 10—16, кв. № 26), гдѣ получаютъ также *отдѣльныя* изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія (по 10 к. за 1 строку петята за объявленіе болѣе 1 раза и 15 к.—за 1 разъ) и для разсылки при «Церк. Вѣстн.» (по 5 р. за тысячу). Можно подписываться *верхъ того* въ Петербургѣ при книжн. маг. Тузова (бывш. Кораблева), въ Москвѣ—при кв. маг. Ферапонтова.

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“,

ЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ и КОММЕРЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

въ форматѣ самыхъ большихъ столичныхъ изданій.

Каждый интересующійся политическою и общественною жизнью Россіи и внимательно слѣдящій за ея развитіемъ, могъ, безъ сомнѣнія, замѣтить быстрый ростъ провинціи, которая, не смотря на многія неблагоприятныя условія и экономическій кризисъ, переживаемый странною, успѣла освободиться отъ прежней бытальской замкнутости и занять болѣе самостоятельное мѣсто. Задачи и дѣятельности провинціи становятся съ каждымъ днемъ шире, сложнѣе, и лучшимъ предводителемъ этого политико-экономическаго роста является Одесса, которая, въ

періодъ короткаго времени сдѣлалась интеллектуальнымъ и торговымъ центромъ юга Россіи и первымъ городомъ послѣ обѣихъ столицъ и Варшавы. Само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ развитіемъ общественнаго самосознанія въ провинціи, развивалась и крѣпла провинціальная печать, поставившая себѣ задачей знакомить Россію съ бытомъ, нуждами и потребностями.

«Одесскій Листокъ» въ качествѣ провинціальной газеты, всегда стремился къ осуществленію этой задачи, стараясь дать своимъ читателямъ возможно полное представленіе о всѣхъ событіяхъ дня, имѣющихъ то или другое общественное значеніе, и разработывая матеріалы, доставляемые жизнью провинціи. Но матеріалъ эти съ каждымъ днемъ становились обширнѣе, такъ что обыкновенный форматъ газеты оказался недостаточнымъ для того, чтобы редакция имѣла возможность своевременно знакомить читателей съ выдающимися фактами, заслуживающими общественного вниманія. Въ виду этого редакция признала необходимымъ увеличить газету до такихъ размѣровъ, при которыхъ она могла бы помѣщать въ № болѣе подробное обозрѣніе общественной жизни, не затрудняясь при этомъ массою объявленій, являющейся результатомъ распространенности «Одесскаго Листка». Со второй половины ноября 1884 года, газета «Одесскій Листокъ» выходитъ въ форматѣ самыхъ большихъ петербургскихъ газетъ, въ семь столбцевъ вмѣсто шести, что, однако, не остановитъ редакцію передъ выпускомъ полуторныхъ номеровъ, вслучаѣ скопленія такого матеріала, который будетъ имѣть исключительный интересъ и нуждаться въ подробной разработкѣ. Съ преобразованиемъ газеты, редакціею обращено особенное вниманіе на отдѣлы: политическій, общественный (руководящія статьи какъ по общимъ, такъ и по крайнимъ вопросамъ), городской, земскій, судебный, отдѣлъ корреспонденцій и вѣстей изъ всѣхъ городовъ Южной Россіи, музыкальный, театральныи и фельетонный, въ которомъ, помимо печатанія беллетристическихъ и научныхъ произведеній и участія нашихъ постоянныхъ фельетонистовъ Барона Икса, Черноморца и Осы, будутъ помѣщаться фельетоны нашего даровитаго поэта *Д. Д. Минаева*, въ стихахъ и прозѣ, подъ общимъ заглавіемъ «Чѣмъ хата богата».

Не смотря на вышепоименованныя улучшенія, цѣна на «Одесскій Листокъ» все таки остается значительно ниже другихъ большихъ литературно-политическихъ газетъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ городъ:		Съ пересылкою въ другіе города:	
на годъ	10 р.	на годъ	12 р.
— полгода	6 р.	— полгода	7 р.
3 мѣсяца	3 р. 50 к.	3 мѣсяца	3 р. 80 к.
1 мѣсяць	1 р. 30 к.	1 мѣсяць	1 р. 30 к.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ «Одесскаго Листка», въ углу Ришельевской и Полицейской ул., д. Баржанскаго, въ Одессѣ.

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкій.**

„СВѢТЪ“ **ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА.** **1885.**
 въ форматѣ обыкновеннаго листа
ВХОДИТЬ (КРОМѢ ДНЕЙ, СЛѢДУЮЩИХЪ ЗА ПРАЗДНИКАМИ).

Начавъ издаваться съ 1 января 1882 года, «СВѢТЪ» имѣлъ невѣроятный и небывалый успѣхъ и сразу сталъ **САМОЮ РАСПРОСТРАНЕННОЮ ГАЗЕТОЮ ВЪ РОССІИ.**

Цѣна на „СВѢТЪ“

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ И ДОСТАВКОЮ:

За годъ	4 р.
— полгода	2 р.
— четверть года	1 р.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ 1885 году, по прежнему будутъ выходить и **«ПРИЛОЖЕНІЕ РОМАНОВЪ»** къ газетѣ «СВѢТЪ».

Двѣнадцать романовъ въ годъ, по одному каждый мѣсяцъ, лучшихъ европейскихкихъ и русскихихъ писателей. Романы иллюстрированы.

Цѣна на газету съ «ПРИЛОЖЕНІЕМЪ РОМАНОВЪ», съ пересылкою и доставкою:

на годъ (съ 11 романами)	8 руб.
$\frac{1}{2}$ года (съ 6 романами)	4 руб.
$\frac{1}{4}$ года (съ 3 романами)	2 руб.

Подписка на газету съ «Приложеніемъ Романовъ» принимается нераздѣльно на одинъ и тотъ-же срокъ.

Безъ газеты подписка на одни романы не принимается.

Письма и подписныя деньги адресовать: Спб., редакция газеты «СВѢТЪ», Гороховая, № 47.

Редакторъ-издатель **В. В. Комаровъ.**

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

Содержаніе «Виленскаго Вѣстника» такое же, какъ и всѣхъ провинціальныхъ газетъ. Давая отчетъ о всѣхъ явленіяхъ дня и фактахъ, совершающихся въ нашемъ обширномъ отечествѣ, «Виленскій Вѣстникъ» удѣляетъ значительную часть своихъ столбцовъ интересамъ мѣстнымъ, т. е. Сѣверо-Западнаго края Россіи. «Виленскій Вѣстникъ» получаетъ ежедневно, непосредственно по телеграфу, телеграммы о всѣхъ выдающихся событіяхъ дня какъ въ Имперіи, такъ и за границею. Кромѣ корреспонденцій изъ разныхъ мѣстностей Сѣверо-Западнаго края, «Виленскій Вѣстникъ» имѣетъ корреспондентовъ въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ главныхъ городахъ Имперіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Вильнѣ, съ доставкою на домъ по городской почтѣ.	Съ пересылкою по почтѣ въ другіе города.
На годъ 9 р. — к.	На годъ 10 р. — к.
— полгода 4 р. 50 к.	— полгода 5 р. — к.
— 3 мѣсяца 2 р. 40 к.	— 4 мѣсяца 3 р. — к.
За 1 мѣсяць — р. 80 к.	За 1 мѣсяць 1 р. — к.

Подписка принимается въ Вильнѣ: въ редакціи «Виленакаго Вѣстника» (Виленакая улица, домъ н. Ленская), въ конторѣ «Виленакаго Вѣстника», при книжномъ магазинѣ г. Сыркина (Большая улица, собственныи домъ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и другихъ городовъ.

ИЗВѢСТІЯ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО

СЛАВЯНСКАГО

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

въ 1885 году.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Въ 1885 году «ИЗВѢСТІЯ» будутъ выходить ежемѣсячными выпусками отъ 2 до 2¹/₂ листовъ.

ПРОГРАММА: I. Дѣйствія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества и другихъ Славянскихъ обществъ въ Россіи и за-границей. II. Славянское обозрѣніе. III. Славянскія библиографическія извѣстія. IV. Объявленія.

Подписная годовая цѣна для всѣхъ подписчиковъ безъ различія въ Россіи и за-границей, съ доставкой и пересылкой, **ДВА РУБЛЯ**. Срокъ годовой подписки считается съ 1-го января 1885 года.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ помѣщеніи «С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества», на площади Александринскаго театра, домъ № 7. Тамъ-же можно подписываться на «Извѣстія» текущаго года по **ДВА РУБЛЯ** за экз.

Редакторы: **Н. Н. СТРАХОВЪ.**
И. И. СОКОЛОВЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 г. НА СЛѢДУЮЩІЕ ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ.

„Одесскій Вѣстникъ“,

на 1885 г.

(ПЯТЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Съ вступленіемъ въ совздатели «Одесскаго Вѣстника» кандидата правъ С. Ю. Ломницкаго, средства газеты усиливаются. Вслѣдствіе этого, не позже первыхъ чиселъ декабря 1884 года, послѣдуютъ значительныя улучшенія въ отношеніи содержанія и внѣшности газеты. Въ составъ редакціи приглашены новыя литературныя силы для восполненія бывшихъ пробѣловъ и болѣе чуткаго отношенія къ назрѣвающимъ вопросамъ.

Не смотря на увеличеніе объема газеты и другія улучшенія, требующія затратъ, подписная плата остается прежняя.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

безъ пересылки или доставки:

съ пересылкой или доставкой:

За годъ (12 мѣсяцевъ). 12 р. — к.

За годъ (12 мѣсяцевъ). 14 р. — к.

За 6 мѣсяцевъ. 7 р. — к.

За 6 мѣсяцевъ. 8 р. — к.

За 3 мѣсяца 3 р. 85 к.

За 3 мѣсяца 4 р. 50 к.

За 1 мѣсяць 1 р. 30 к.

За 1 мѣсяць 1 р. 50 к.

На пересылу за границу *прибавляется 50 коп. въ мѣсяць.*

Для годовыхъ подписчиковъ допускается **разсрочка платежа подписной платы** по полугодіямъ и по четвертямъ года. При разсрочкѣ *полугодишней* вносятся 1 января 8 р.: и 1 іюля 6 руб.; по четвертямъ года: 1 января 4 руб., 1 апрѣля 4 руб.; 1 іюля 3 руб. и 1 сентября 3 руб.

Городскіе подписчики могутъ подписываться съ какого угодно срока; *иностранные-же* не иначе, какъ съ 1-го или 15 числа каждаго мѣсяца.

Подписка принимается въ **Одессѣ**, въ конторѣ «Одесскаго Вѣстника», по каковому адресу благоволятъ адресоваться и иногородные подписчики.

1885 г. „ВОЛЫНЬ“ г. 1885.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ и ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Вступая въ седмой годъ своего существованія съ началомъ 1885 года, газета „ВОЛЫНЬ“ будетъ выходить по пржежнему два раза въ недѣлю, по слѣдующей программѣ:

1) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи. 2) Телеграммы. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни и западнаго края: текущія событія и статьи научнаго содержанія. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи. 6) Политическое обзорніе иностранныхъ государствъ. 7) Новыя открытія и изобрѣтенія. 8) Библиографическій отдѣлъ. 9) Разныя извѣстія. 10) Биржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ, по преимуществу въ предѣлахъ Волынской губерніи. 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій, и 18) Фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомиръ, въ конторъ редакціи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣсяца.
Для городскихъ подписчиковъ, безъ доставки и пересылки	3 р. 30 к.	1 р. 80 к.	1 р. — к.
Съ доставкою на домъ	3 р. 50 к.	1 р. 90 к.	1 р. 10 к.
Для иногородныхъ съ пересылк.	4 р. — к.	2 р. 20 к.	1 р. 20 к.

Вмѣсто мелкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ.

Иногородные подписчики при пережѣвѣ адреса приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 к.

Редакторъ Н. И. Коровицкій.

Издатель И. И. Коровицкій.

1885 г. „КІЕВЛЯНИНЪ“ 1885 г.

21-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И:

На годъ	12 руб. — к.	На 3 мѣсяца	4 руб. 50 к.
На 6 мѣсяцевъ	7 руб. — к.	На 1 мѣсяць	1 руб. 50 к.

Подписка принимается въ редакціи „Кіевлянина“ (Уголь Шулявской и Кузнечной у., Д. насл. Шульгина).

„Церковно-Общественный Вѣстникъ“,

1885 г.

Съ 15-го октября м. г. открыта подписка на «Церковно-Общественный Вѣстникъ» въ 1885 году, двѣнадцатомъ его изданія. •

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересоватъ его въ жизни церковно-общественной, а вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этимъ не ограничивается задача «Церковно-Общественнаго Вѣстника»: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человѣчества.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, мы дадимъ подписчикамъ, годовымъ и полугодовымъ, наше обычное бесплатное приложеніе, подъ названіемъ «Календарь для духовенства» на 1885-й годъ. Головая цѣна на газету съ бесплатнымъ приложеніемъ семь рублей, полугодовая четыре рубля и трехмѣсячная два рубля. Для заграничныхъ подписчиковъ цѣна остается прежняя: 10 р. въ годъ.

Подписка принимается: въ редакціи «Церковно-Общественнаго Вѣстника» въ С.-Петербургѣ, Троицкій переулокъ, д. № 3, кв. 5.

Редакторъ-издатель А. И. Поповицкій.

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

Газета политическая, экономическая и литературная.

(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ).

1-го января 1885 года исполнилось ровно десять лѣтъ съ той поры, какъ мы приняли на себя изданіе «Новороссійскаго Телеграфа».

Не мало средствъ, труда и энергіи пришлось намъ затратить, чтобы возобновленный нами «Новороссійскій Телеграфъ» поставить на уровеньъ общественныхъ задачъ и требованій; съ каждымъ годомъ мы убѣждались, что эти требованія возрастаютъ, и значеніе печатнаго органа увеличивается, почему ежегодно, расширяя программу газеты, мы успѣли довести ее по пути улучшеній до нынѣшняго ея состоянія.

Сочувствіе общества даетъ намъ силы на дальнѣйшую дѣятельность, а десятилѣтній опытъ научилъ насъ по возможности избѣгать случайныхъ промаховъ

и ошарокъ, неизбежныхъ во всякомъ дѣлѣ. Мы со свѣтлыми надеждами вступаемъ во второе десятилѣтіе, бодро и смѣло глядимъ впередъ и еще выше поднимаемъ наше знамя, во имя котораго трудились десять лѣтъ.

Редакція «Новороссійскаго Телеграфа», не прибѣгая къ общаніямъ и зыбваніямъ, всегда стремилась къ увеличенію состава редакціи столичными литературными силами. Кромѣ сотрудничества извѣстнаго петербургскаго фельетониста Буквы (г. Василевскаго), украшающаго страницы «Новороссійскаго Телеграфа» въ теченіи шести лѣтъ, мы ежегодно пополняемъ редакцію новыми сотрудниками по отдѣламъ руководящихъ статей и фельетона. Кромѣ того, редакція и въ будущемъ году будетъ пользоваться услугами своихъ столичныхъ корреспондентовъ, которые ежедневно доставляютъ намъ важнѣйшія новости по внутреннимъ вопросамъ, которыя обыкновенно появляются въ «Новор. Телеграфѣ» 1—2 днями ранѣе (иногда одновременно съ телеграммами) появления ихъ въ другихъ одесскихъ газетахъ, гдѣ онѣ помѣщаются уже въ видѣ перепечатокъ изъ столичныхъ изданій.

Вступая во второе десятилѣтіе, «Нов. Телеграфъ», не увеличивая подписной цѣны, увеличиваетъ свой форматъ, сравниваясь такимъ образомъ съ большими столичными газетами. Независимо отъ этого, мы удерживаемъ за собою право изданія «бесплатныхъ премій», которыя будутъ выходить не періодически, не въ опредѣленные сроки, а когда того потребуютъ особыя событія, накопленіе матеріаловъ и возможность изготовленія соответствующихъ рисунковъ.

Подписка принимается исключительно въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

		Безъ доставки		Съ доставкою				Безъ доставки		Съ доставкою	
		и пересыл.		и пересыл.				и пересыл.		и пересыл.	
На 1 мѣсяць	1 р. 30 к.	1 р.	50 к.	На 7 мѣсяцевъ	8 р. 30 к.	9 р.	50 к.				
» 2 »	2 » 60 »	3 »	— »	» 8 »	9 » 60 »	11 »	— »				
» 3 »	3 » 85 »	4 »	50 »	» 9 »	10 »	— »	11 »	50 »			
» 4 »	5 » — »	6 »	— »	» 10 »	11 »	— »	13 »	— »			
» 5 »	6 » 30 »	7 »	50 »	» 11 »	11 »	50 »	13 »	50 »			
» 6 »	7 » — »	8 »	— »	» 12 »	12 »	— »	14 »	— »			

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяць по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или полугодовые (по 7 руб. къ 1 января и къ 1 июня), или по четвертямъ года (по 3 р. 50 к. къ 1 января, 1-го марта, 1-го іюня и 1-го сентября), т. е. всегда за мѣсяць впередъ до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учреждений, а также для лицъ, служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка въ кредитъ, по письменнымъ официальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1885 года.

„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“

1885 (годъ Большой Литературно-Художественный Журналъ. седьмой) 1885

Выходятъ еженедѣльно, т. е. 52 номера въ годъ, въ форматѣ большихъ иллюстрацій, и каждый номеръ заключаетъ въ себѣ отъ 16 до 20 страницъ, со множествомъ художественно-выполненныхъ гравюръ (*въ годъ 1200 страницъ и около 1000 гравюръ*).

Кромѣ еженедѣльныхъ номеровъ журнала, всѣ подписчики получаютъ **БЕЗПЛАТНО**:

„ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ“, въ которыхъ въ теченіи года помѣщаются наиболѣе выдающіяся беллетристическія произведенія всѣхъ корнеевъ иностранной литературы. Къ концу года *«Еженедѣльные Литературныя Приложенія»* составятъ нѣсколько томовъ самаго интереснаго и занимательнаго чтенія.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ, представляющія снимки съ новѣйшихъ капитальныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Нѣкоторыя приложенія печатаются съ тономъ. Прекрасная бумага, изящное исполненіе въ гравюрѣ, артистическая печать, все это даетъ возможность составить изъ художественныхъ приложеній «Иллюстрированнаго Мира» роскошный альбомъ.

„**НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ**“, рассылаемая ежемѣсячно и составляющія полный руководѣльно-модный журналъ. Въ теченіи года дается: *около 500 политипажныхъ рисунковъ* новѣйшихъ модъ, какъ то: домашнія платья, пріемные туалеты, визитные, костюмы для гулянья, выѣздные туалеты, вечерніе для театровъ, концертовъ, балыные, туалеты для невѣстъ, для причастія, различныя шубки, пальто, жакетки и пр., а также дѣтскіе костюмы, платье, бѣлье и т. п. *Руководѣльныя работы: разнообразныя буквы, инициалы, вензеля* и пр. Въ каждомъ модномъ номерѣ заключаются слѣдующіе отдѣлы: *Модный Курьеръ* (обзоръ модъ), *Описаніе рисунковъ, Хозяйство и кухня, Совѣты и рецепты, Ответы подписчикамъ, Смысь* и пр.

Всѣ годовые подписчики получаютъ главную большую премію: литературно-художественный

ЖИВОПИСНЫЙ АЛЬМАНАХЪ.

Альманахъ этотъ, украшенный прекрасными картинами, портретами и виньетками будетъ заключать въ себѣ: стихотворенія, беллетристическія произведенія (оригинальныя и переводныя), біографіи, историческіе очерки, статьи по искусствамъ, путешествія и пр. Въ концѣ альманаха будетъ помѣщенъ юмористическій отдѣлъ съ карриатурами. — *«Живописный Альманахъ»*, представляющій массу интереснаго чтенія, по своей изящности и богатымъ картинамъ *можетъ служить самымъ лучшимъ настольнымъ украшеніемъ въ каждомъ домѣ.*

Желающіе получить альманахъ въ роскошномъ штампованномъ, золоченомъ переплетѣ прилагаютъ за переплетъ къ подписной цѣнѣ 1 р.

Подписная цѣна журнала на 1885 годъ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . .	4 р.	Безъ дост. въ Москвѣ, чрезъ кон. Л. Метцля	4 р. 50 к.	Съ доставк. въ Сиб. и въ друг. городахъ и мѣстечкахъ Россіи.	5 р.
---	-------------	--	-------------------	--	-------------

За границу 6 руб.

Принимается подписка на $\frac{1}{4}$ года—1 р. 25 к.; на $\frac{1}{2}$ года—2 р. 50 к.; и на $\frac{3}{4}$ года—3 р. 75 к. Желающіе получить журналъ съ разсрочкою платежа подписной суммы улачиваются: при подпискѣ 2 р., къ 1-му марта 1 р., къ 1-му іюля 1 р. и къ 1-му сентября 1 р.

Желающіе ознакомиться съ журналомъ могутъ получить пробный номеръ, высылая ящикъ двѣ 7-ми копѣечныя марки.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи, Невскій проспектъ, № 76. Въ Москвѣ, въ Центральной Конторѣ объявленій Л. Метцля, Петровка, домъ Солодовникова, № 6.

„ПРОГРЕССИВНОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО“

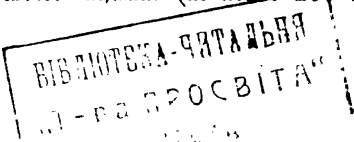
иллюстрированный журналъ рациональнаго веденія всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства съ цѣлью полученія наибольшаго дохода,

издающійся при постоянномъ сотрудничествѣ профессоровъ высшихъ учебныхъ земледѣльческихъ заведеній и хозяевъ-практиковъ, подъ редакціей Л. А. Червоглазова.

Журналъ выходитъ еженедѣльно въ размѣрѣ 2—3 печатныхъ листовъ большаго формата съ *бесплатнымъ приложеніемъ* литературно-политическаго журнала „Еженедѣльный Обзоръ“.

По пришествію истекающаго года, въ журналѣ «Прогрессивное Сельское Хозяйство» каждая отрасль сельскаго хозяйства будетъ имѣть свой отдѣлъ, который будетъ разрабатываемъ съ возможною полнотою. **Программа:** 1) Полеводство. 2) Лѣсоводство. 3) Скотоводство и птицеводство. 4) Садоводство и огородничество. 5) Пчеловодство. 6) Сельскохозяйственная механика и архитектура. 7) Вопросы и отвѣты по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства. 8) Сельско-хозяйственная техника. 9) Полезныя замѣтки для сельскихъ хозяевъ и хозяекъ. 10) Домашняя медицина, гигиена и санитарное дѣло. 11) Внутренніе и иностранные рынки. При статьяхъ помѣщаются полнотипажни въ текстѣ и отдѣльные рисунки.—Журналъ «Еженедѣльный Обзоръ» даетъ въ каждомъ номерѣ краткую, но обстоятельную характеристику выдающихся событій русской и иностранной жизни, романы, повѣсти, небольшіе рассказы изъ области наукъ, искусствъ и художествъ и т. п.

Благодаря сочувствію гг. хозяевъ, редакція, несмотря на значительный объемъ своего изданія (не менѣе 200 печатныхъ листовъ въ годъ), множество до-

рого-стоящихъ рисунковъ и т. п., находить возможнымъ оставить прежнюю цѣну, т. е. съ доставкою и пересылкою *шесть руб. въ годъ за оба изданія*. По примѣру прошлаго года, лица, подписавшіяся до 1 го января, получаютъ при одномъ изъ первыхъ четырехъ № журнала разные огородныя и цвѣточныя сѣмена.

Оставшіяся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Прогрессивнаго Сель-Хозяйства» за 1884 г. могутъ быть получены изъ редакціи по 6 р. безъ перес.

„ТЕХНИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ“

иллюстрированный журналъ новѣйшихъ открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій по всѣмъ отраслямъ заводско-фабричной промышленности,

СО СПЕЦІАЛЬНЫМИ ОТДѢЛАМИ

электротехники, винокуреннаго, пивовареннаго, сахарнаго, мукомольнаго, писчебумажнаго и кожевеннаго производствъ.

Программа журнала: 1) Указанія и распоряженія заводско-фабричныя. 2) Электротехника. 3) Винокуреніе. 4) Пивоваренное произв. 5) Сахарное производ. 6) Мукомольное произв. 7) Писчебумажное произв. 8) Кожевенное произв. 9) Технологія, какъ-то: клярничное, крахмальное, маслосбойное, мыловаренное, прядильное, свѣчное, суконное, ткацкое и проч. производства. 10) Химія. 11) Механика. 12) Горное дѣло и металлургія. 13) Техно-химическіе рецепты и наставленія. 14) Гигіена и санитарное дѣло. 15) Патенты. 16) Привилегіи. 17) Вопросы и отвѣты. 18) Техническая библиографія. 19) Слѣсь. 20) Объявленія.

Журналъ выходитъ 15 и 30 каждаго мѣсяца, въ 4--5 печатныхъ листовъ большаго формата, со многими политипажамъ и въ текстѣ.

Подписная цѣна на 1 годъ съ пересылкою 10 руб.

„Технической Обзоръ“ за 1882, 1883 и 1884 гг. можно получать по 10 руб., съ пересылкою за каждый годъ.

Контора редакціи «Технической Обзоръ» въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., № 40

Ежемесячный журналъ

„МЕДИЦИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА“.

1885 годъ.

(Выходитъ въ объемѣ отъ 20 до 30 листовъ большаго формата и убористаго шрифта).

Въ составъ журнала входятъ: 1) Русскія оригинальныя сочиненія по всѣмъ отдѣламъ медицины; 2) избранныя сочиненія изъ иностранной медицинско-литературы.

туры преимущественно под редакціей профессоръ-спеціалистовъ; 3) рефераты, обзоры, критическіе очерки, хроника и пр.

Годовая цѣна съ перес. 17 р., безъ перес. 15 р. Студенты, фельдшера и лекарскіе помощники платять 14 руб. въ годъ.

Въ журналѣ за прошлые года (1881, 1882, 1883 и 1884) были помѣщены изъ наиболѣе капитальныхъ статей слѣдующія: *А. Банискій*. Дѣтскія болѣзни (43 лист.); *Бони. Физиологія* (110 лист.). *Гемохъ*. Дѣтскія болѣзни (44 листа). *Зелимюлеръ*. Нервные болѣзни (23 листа); *Мальень. Оперативная хирургія* (34 лист.). *Нимейеръ*. Частная патологія и терапія (103 листа). *Рибо*. Болѣзни памяти (10 лист.). *Россвихъ*. Основы физическитъ методовъ леченія (32 листа). *Фритишъ*. Женскія болѣзни (28 лист.). *Шеффъ*. Зубныя болѣзни (17½ лист.). *Эйхорстъ*. Диагностика (45 лист.). *Эйхорстъ*. Частная патологія и терапія (140 лист.). *Эриксенъ*. Хирургія (105 лист.). *Ришъ*. Хирургическая анатомія (85 листовъ). *Дюринъ*. Болѣзни кожи (20 л.). *Гримль*, съ рисунками Гейдмана (24 л.). *Никитинъ*. Ларингоскопія (19 л.).

Всѣ сочиненія, помѣщенные въ «Медицнск. Библіотекѣ», могутъ быть переплетены отдѣльно.

Въ 1885 году предполагается помѣстить переводы наиболѣе выдающихся руководствъ изъ извѣстной коллекціи *Вредена* (*Генсмеръ*, подъ редакціей проф. *Левшина*. *Кирхмеръ*, ушныя болѣзни, 2-ой отдѣлъ *Зелимюлера* и пр.), психіатрію *Мейерта* подъ редакціей пр. *Ковалевскаго* и проч.

Редакція имѣетъ въ виду пополнить существующій пробѣлъ въ русской медицинскій литературѣ по гигиенѣ и судебной медицинѣ (редакція заручилась общапіемъ профессоровъ печатать ихъ труды по этимъ и другимъ предметамъ въ «Мед. Библ.»).

Отдѣлъ «хроники и новостей» даетъ возможность врачамъ, не выписывающимъ др. меднц. газетъ, слѣдить за вопросами дня.

Подписчики на 1885 годъ получаютъ бесплатно при январской книжкѣ Медицинскій Календарь (Новый Календарь для врачей).

Адресъ извѣстенъ петербургскому почтамту.

Редакторъ ординарн. профес. *И. М. Сорокинъ*.

Издатель *Н. Л. Вилькинъ*.

„ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА“,

Иллюстрированная, политическая, литературная и ремесленная.

Въ 11-й году своего изданія, т. е. въ 1885 году, газета будетъ выходить на прежнихъ условіяхъ, безъ предварительной цензуры и въ значительно улучшенномъ составѣ, въ объемѣ 2-хъ, 3-хъ листовъ въ недѣлю.

Ежемесячно прилагаются особо **ПАРИЖСКІЯ МОДЫ**, съ рисунками модъ и узоровъ, и 6 разъ въ годъ—по листу модныхъ выкроекъ, заключающему въ себѣ 4—5 выкроекъ полныхъ костюмовъ.

Газета сообщаетъ подробно политическія и общественныя новости, распоряженія Правительства, новости торговыя и биржевыя, изобрѣтенія и открытія въ области ремеслъ, искусствъ и наукъ.

Для легкаго чтенія помѣщаются повѣсти и рассказы преимущественно историческіе, стихотворенія, статьи научнаго содержания, имѣющія общій интересъ и изложенныя въ общедоступной формѣ, а также *критика, библиографія*. Газета даетъ въ годъ *болѣе 770 рисунковъ* въ текстѣ. Въ ней принимаютъ участіе своими трудами лучшіе наши ученые художники.

Преміи 1885 г. 1) Крестный Календарь на 1886 годъ на веленовой бумагѣ. 2) Повѣсти и романы иностранныя (въ приложенія къ номерамъ). 3) Иллюстрированныя драмы Шекспира (выпускъ 5-й—драма «Макбетъ» въ прекрасномъ переводѣ С. А. Юрьева) и проч.

Новые подписчики могутъ, по особому заявленію съ ихъ стороны, получать бесплатно большую олеографическую картину, представляющую точное (съ натуры) изображеніе Священнаго Коронованія Ихъ Величествъ въ 1883 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1885 годъ: безъ доставки на годъ 4 руб.; съ доставкою и пересылкою на годъ 5 руб., на полгода съ января и іюля 3 руб., 1 мѣсяць 60 к. За границу 7 руб., на полгода 3 р. 50 к.

«Газету» прежнихъ годовъ, съ 1875 по 1883 (кромя 1880 и 1883) можно получать изъ редакціи по 3 руб. за томъ (годъ), съ пересылкою.—Годовъ 1880 и 1883 не имѣется уже ни одного экземпляра.

Адресъ: Москва, Никитскій бульв., д. Гатцука.

Редакторъ-издатель А. Гатцукъ.

Вольшой еженедѣльный, художественно-литературный журналъ

“РОССІЯ”.

1885 г. (ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ). г. 1885

Съ 1 января 1885 года будетъ выходить 4 раза въ мѣсяць: 1, 8, 15 и 22 числа, въ новомъ увеличенномъ объемѣ—2¹/₂ печатныхъ листа, съ четырьмя отдѣльными большими оригинальными рисунками при каждомъ №.

Кромѣ множества другихъ статей и произведеній въ 1885 году будутъ напечатаны: 1) Незданныя письма И. С. Тургенева, 2) Новая Золушка, большой романъ, *пр. Е. А. Саміаса*, 3) Историческія повѣсти Н. А. Чаева, 4) Очерки изъ народной жизни, Н. Н. Златовратскаго, 5) Фантазеръ, большой романъ, Д. А. Линева, 6) Тихія воды глубоки, повѣсть, А. В. Крулова, 7) Двѣ избранницы, романъ, К. Н. Леонтьева, 8) Воспоминанія о П. С. Моча-

ловѣ, С. А. Юрѣва. 9) «День византійскаго императора», историч. повѣсть, Н. П. Аксакова, 10) «Пасынокъ судьбы», повѣсть, С. Н. Филиппова. 11) «Что побудило?» деревенскій разговоръ, Д. А. Линева. 12) Разказы изъ современной уголовной хроника, В. А. Скрипичина.

Независимо отъ названныхъ именъ, въ трудахъ редакціи принимаютъ участіе: Д. Л. Мордовцевъ, Н. С. Лѣсковъ-Стебницкій, А. Н. Плещеевъ, Я. П. Полонскій, Л. И. Пальминъ, В. С. Баскинъ, В. В. Чуико, М. М. Ивановъ, г-жа Евгенія Туръ и многіе другіе.

Художественный отдѣлъ журнала будетъ преслѣдовать въ сущности ту же цѣль, что и отдѣлъ литературный, т. е. представлять собою живописный сводъ иллюстрацій Россіи въ богатомъ многообразіи ея жизни, природы и искусства.

По прежнему къ каждому № будутъ прилагаться четыре отдѣльныхъ оригинальныхъ рисунка, исполненныхъ автографическимъ способомъ. «Россія» въ этомъ отношеніи представляетъ журналъ, рѣзко отличающійся по своему характеру отъ другихъ иллюстрированныхъ изданій, пользующихся зачастую заимствованными, иностранными клише.

Въ будущемъ 1885 году редакціей устанавливается систематизація рисунковъ, такъ-что въ послѣдствіи подписчики могутъ образовать изъ нихъ нѣсколько отдѣльныхъ альбомовъ.

Такъ, между прочимъ, будутъ помѣщены въ будущемъ году:

1) 12 портретовъ извѣстныхъ русскихъ представителей литературы, науки и искусства.

2) 30 копій съ картинъ русской живописи или произведеній иностранной школы, находящихся въ Россіи.

3) около 25 отдѣльныхъ иллюстрацій къ беллетристическимъ произведеніямъ, помѣщеннымъ въ журналѣ, въ томъ числѣ нѣсколько ориг. рис. А. С. Янова къ исторической повѣсти Н. П. Аксакова: «День византійскаго императора».

4) Около 20 видовъ различныхъ живописныхъ мѣстностей Россіи (для собиранія матеріала редакціей командированъ уже художникъ лейпцигской академіи фотографъ Тишнеръ).

5) 12 виветокъ къ стихотвореніямъ, на подобіе помѣщенныхъ уже въ текущемъ году.

Въ художественномъ отдѣлѣ журнала будутъ помѣщены рисунки:

Н. М. Бьковскаго, В. М. Васнецова, С. И. Иванова, Н. Н. Каравина, К. В. Лемозъ, К. Е., Н. Е. и В. Е. Маковскихъ, М. О. Микшица, В. Д. Польнова, И. Е. Рѣпина, К. А. Савицкаго. К. А. Трутовскаго и мног. друг.

Въ будущемъ 1885 году всѣ годовые подписчики получаютъ роскошную премию акварель (размѣр. 140 кв. верш.), заказанную по оригиналу, специально исполненному для журн. «Россія» академикомъ исторической живописи Н. В.

Невревимъ: «СЦЕНА У ФОНТАНА» (изъ «Бориса Годунова», Пушкина). Она будетъ исполнена въ знаменитой французской литографіи Лемерсье и К°.

Подписная цѣна 7 р. на мѣстѣ и 8 р. съ доставкой на домъ и пересылкой. Подписка принимается: а) въ Москвѣ, въ редакціи, Тверской бульваръ, д. Эфроса, б) въ магазинахъ: Даціаро, Аванцо, Вольфа, Мамонтова, «Новаго Времени», Васильева (на Страстномъ бульв.) и въ конторѣ объявленій Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ, в) въ С.-Петербургѣ: у Мелье, Вольфа и Суворина и г) въ Кіевѣ: у книгопродавцевъ Столбецова и Корейво. Иногородные благоволятъ обращаться въ редакцію. Разсрочка годовой подписной суумы можетъ быть допущена на слѣдующихъ условіяхъ: 5 руб. при подпискѣ и 3 рубля 1 Іюля.
Редакторъ-издатель О. М. Уманецъ.

1885 г. (ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАВІЯ). г. 1885

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ „РАДУГА“, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СЕМЕЙНЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. 50 нумеровъ въ годъ. 50.

Въ 1885 году «Радуга» дастъ своимъ читателямъ рядъ романовъ, повѣстей, разсказовъ и стихотвореній исключительно изъ русской жизни, съ участіемъ выдающихся современныхъ русскихъ писателей. ИЛЛЮСТРАЦИИ извѣстныхъ русскихъ художниковъ будутъ воспроизведены самымъ тщательнымъ образомъ, съ помощью новѣйшихъ открытій въ области графическихъ искусствъ. Гравюры будутъ исполнены въ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ заведеніяхъ.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

1) СЦЕНА. Театральное искусство. Критика. Драматическія пьесы для большой сцены и для любительскихъ спектаклей. Комедіи. Трагедіи. Драмы. Водевилы и пр. Участвуютъ извѣстные драматурги, какъ Викторъ Александровъ (Крыловъ) Невѣжинъ, князь Сумбатовъ и др. Провинціальная корреспонденція. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщены *ПОРТРЕТЫ* русскихъ драматическихъ писателей и выдающихся артистовъ русской столичной и провинціальной сцены.

2) АККОРДЪ. Новости изъ музыкальнаго міра. Портреты выдающихся современныхъ композиторовъ и исполнителей. Отчеты о концертахъ. Критическія замѣтки. Къ каждому номеру «Акорда» будутъ приложены также бесплатно *НОТЫ* для фортепіано и пѣнія: исключительно новыя пьесы, танцы, арражировки изъ новыхъ оперъ и оперетокъ.

3) МОДЫ. Иллюстрированныя парижскія моды. Текстъ и рисунки изъ Парижа, подъ редакціею Тьерри. *Руководство для туалетнаго стола. Косметика. Домашній обиходъ. Домашнее хозяйство. Столъ.*

4) ГИГИЕНА—новый отдѣлъ. Какъ жить здоровому и какъ помочь больному человеку. Совѣты врача. *При этомъ отдѣлѣ открытъ почтовый ящикъ для совѣтовъ.* Пользоваться правомъ этого почтового ящика могутъ лишь гг. подписчики.

5) САЛОНЪ—новый-же отдѣлъ, иллюстрированныя общественныя увеселенія. 1) Карты. 2) Общественныя игры. 3) Пазлы. 4) Хореографія (танцы). 5) Шарады. 6) Ребусы. 7) Задачи. 8) Фокусы. 9) Эксперименты изъ области химіи и физики. 10) Гимнастика. 11) Спиритизмъ. 12) Обширный шахматный отдѣлъ. 13) Стенографическій отдѣлъ. 14) Почтовый ящикъ для гласной корреспонденціи подписчиковъ между собою (право пользованія имѣютъ только подписчики журналов).

Кромѣ всего будетъ дана великолѣпная бесплатная премія.

Подписная цѣна на 1885 годъ, со всѣми приложеніями, съ пересылкой во всѣ города Россійской Имперіи только 5 руб., за границу—7 руб.; на 1/2 года—3 руб., за границу—4 руб.

Допускается разсрочка платежа годовой подписной цѣны: при подпискѣ 2 р., затѣмъ 1 марта 1 р., 1 апрѣля 1 р. и 1 юля 1 р.

Подписка принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородныхъ просятъ адресовать: Въ редакцію журнала «Радуга». Москва.

Редакторъ Д. А. Мансфельдъ.

Издатель Л. Метцль.

5 годъ изданія. (ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО). изданія годъ 5
„ЮЖНЫЙ КРАЙ“,

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и вѣшной политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. III. Обзорніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и «Сѣвернаго телеграфнаго агентства». V. Последнія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Что дѣлается на югѣ: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Вѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. IX. Наука и искусство. X. Вѣшнія корреспонденціи «Южнаго Края». XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библиографія. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію, и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковскаго военно-окружнаго суда. XVIII. Стороннія сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ болѣе чѣмъ въ 100 губернскихъ, уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ, во многихъ станицахъ и селахъ.

Кромѣ постоянныхъ извѣстій изъ Петербурга и Москвы, газета получаетъ корреспонденціи изъ большихъ центровъ Западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ. На 6 мѣс. На 3 мѣс. На 1 мѣс.

Безъ доставки. 10 р. 50 к. 6 р. — к. 3 р. 50 к. 1 р. 20 к.
 Съ доставкою. 12 р. — к. 7 р. — к. 4 р. — к. 1 р. 40 к.
 Съ перес. иногороднимъ . 12 р. 50 к. 7 р. 50 к. 4 р. — к. 1 р. 60 к.
 Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются: въ **Харьковѣ** — въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Екатеринославской улицѣ, въ домѣ Файнберга, № 44; въ **Петербургѣ** — въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Струбинскаго; въ **Москвѣ** — въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ, на Петровкѣ, въ домѣ Солодовникова и въ конторѣ подписки и объявленій Н. Печковской; въ **Варшавѣ** — въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Райхманъ и Френдлеръ, на Сенаторской улицѣ, № 18; въ **Кіевѣ** — въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Федорова; въ **Одессѣ** — въ книжныхъ магазинахъ В. М. Вѣлаго и Е. П. Распопова; въ **Полтавѣ** — въ книжномъ магазинѣ Г. И. Бойно-Родзевича, въ конторѣ И. А. Дохмана; въ **Кременчугѣ** — въ «Русской книжной торговлѣ» Д. Я. Тартаковского.

„Церковный Вѣстникъ“

и „ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“,

(СЪ ТОЛКОВАНИЯМИ НА ВѢТХІЙ ЗАВѢТЪ).

«Церковный Вѣстникъ» съ 1-го января 1885 г. имѣетъ вступать въ **одиннадцатый годъ** существованія. Десять лѣтъ — достаточный періодъ времени для выясненія характера, направленія и цѣлей изданія.

Въ официальной своей части «Церковный Вѣстникъ» есть официальный органъ св. синода и состоящихъ при немъ центральныхъ учреждений, для помѣщенія въ ней распоряженій и Высочайшихъ повелѣній по духовному вѣдомству.

Въ неофициальной части «Церк. Вѣстн.» печатаются статьи, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ вопросовъ, именно: 1) *передовыя статьи*, 2) *корреспонденціи, статьи и сообщенія* вѣдущихъ сотрудниковъ, преимущественно духовныхъ лицъ, 3) *Мнѣнія печати свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ*; 4) *«Лѣтопись церковная»*, представляющая обзоръ всѣхъ важнѣйшихъ событій и движеній въ области религіозной жизни нашей отечественной церкви по всѣмъ ея епархіямъ; 5) *Иностранное обзоръіе*, сообщющее извѣстія изъ религіозной жизни православнаго востока и римско-католическаго и протестантскаго запада; 6) *«Лѣтопись общественной жизни за прошлую недѣлю въ Россіи и за границей»*, сообщающая свѣдѣнія о всѣхъ важнѣйшихъ общественныхъ событіяхъ въ нашемъ отечествѣ и въ него; 7) *«Разныя*

извѣстія и замѣтки», не укладывающіяся въ вышеозначенныхъ лѣтоисчислѣніяхъ; 8) *«Журнальное обозрѣніе»*, представляющее обозрѣніе нашей духовной журналистики (каждый мѣсяць разъ); 9) *«Замѣтки читателя евангельскихъ вѣдомостей»* (два раза въ мѣсяць), и 10) *«Библиографическія замѣтки»* или обозрѣніе вновь выходящихъ богословскихъ сочиненій (нѣсколько разъ въ мѣсяць).

«Христіанское Чтеніе», составляющее прибавленіе къ «Церк. Вѣстн.», вмѣщаетъ разнообразныя, преимущественно ученныя, статьи по всѣмъ отраслямъ богословскихъ знаній. Сверхъ того, въ немъ печатаются, съ особымъ счетомъ страницъ, «Толкованія на Ветхій Заветъ». Въ 1885 г. будетъ продолжаться печатаніе «Толкованія на книгу пророка Исаія», такъ что къ концу года выйдетъ особою книжкою 6-й выпускъ «Толкованій».

Годовая цѣна въ Россіи за оба журнала 7 рублей съ пересылкою; отдельно за «Церковный Вѣстникъ» 5 р., за «Христіанское Чтеніе» съ «Толкованіями» 5 р. За границей, для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала 9 р., за каждый отдѣльно 7 р. съ перес.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: «Въ редакцію «Церк. Вѣст.» и Христ. Чт.», въ С.-Петербургъ».

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ и КОММЕРЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

въ форматѣ самыхъ большихъ столичныхъ изданій.

Каждый интересующійся политическою и общественною жизнью Россіи и внимательно слѣдящій за ея развитіемъ, могъ, безъ сомнѣнія, замѣтить быстрый ростъ провинціи, которая, не смотря на многія неблагопріятныя условія и экономическій кризисъ, переживаемый страной, успѣла освободиться отъ прежней обывательскій замкнутости и занять болѣе самостоятельное мѣсто. Задачи и дѣятельности провинціи становятся съ каждымъ днемъ шире, сложнѣе, и лучшимъ представителемъ этого политико-экономическаго роста является Одесса, которая, въ періодъ короткаго времени сдѣлалась интеллектуальнымъ и торговымъ центромъ юга Россіи и первымъ городомъ послѣ обѣихъ столицъ и Варшавы. Само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ развитіемъ общественнаго самосознанія въ провинціи, развивалась и крѣпла провинціальная печать, поставившая себѣ задачей знакомить Россію съ бытомъ, нуждами и потребностями.

«Одесскій Листокъ», въ качествѣ провинціальной газеты, всегда стремился къ осуществленію этой задачи, стараясь дать своимъ читателямъ возможно полное представленіе о всѣхъ событіяхъ дня, имѣющихъ то или другое общественное значеніе, и разработывая матеріалы, доставляемые жизнью провинціи. Но матеріалы эти съ каждымъ днемъ становились обширнѣе, такъ что обыкновенный форматъ

газеты оказался недостаточнымъ для того, чтобы редакція имѣла возможность своевременно знакомить читателей съ выдающимися фактами, заслуживающими общественнаго вниманія. Въ виду этого редакція признала необходимымъ увеличить газету до такихъ размѣровъ, при которыхъ она могла бы помѣщать въ № болѣе подробное обзорѣніе общественной жизни, не затрудняясь при этомъ массою объявлений, являющейся результатомъ распространенности «Одесскаго Листка». Со второй половины ноября 1884 года, газета «Одесскій Листокъ» выходитъ въ форматѣ самыхъ большихъ петербургскихъ газетъ, въ семь столбцевъ вмѣсто шести, что, однако, не остановитъ редакцію передъ выпускомъ полуторныхъ номеровъ, вслучаѣ скопленія такого матеріала, который будетъ имѣть исключительный интересъ и нуждаться въ подробной разработкѣ. Съ преобразованиемъ газеты, редакціею обращено особенное вниманіе на отдѣлы: политическій, общественный (руководящія статьи какъ по общимъ, такъ и по крайимъ вопросамъ), городской, земскій, судебный, отдѣлъ корреспонденцій и вѣстей изъ всѣхъ городовъ Южной Россіи, музыкальный, театралный и фельетонный, въ которомъ, помимо печатанія беллетристическихъ и научныхъ произведеній и участія нашихъ постоянныхъ фельетонистовъ Барова Икса, Черноморца и Осы, будутъ помѣщаться фельетоны нашего даровитаго поэта *Д. Д. Минаева*, въ стихахъ и прозѣ, подъ общими заглавіемъ «*Чѣмъ хата богата*».

Не смотря на вышепоименованныя улучшенія, цѣна на «Одесскій Листокъ» все таки остается значительно ниже другихъ большихъ литературно-политическихъ газетъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ городъ:

Съ пересылкою въ другіе города:

на годъ 10 р.

на годъ 12 р.

— полгода 6 р.

— полгода 7 р.

3 мѣсяца 3 р. 50 к.

3 мѣсяца 3 р. 80 к.

1 мѣсяць 1 р. 30 к.

1 мѣсяць 1 р. 30 к.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ «Одесскаго Листка», на углу Рипельевской и Полицейской ул., д. Баржанскаго, въ Одессѣ.

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкій.**

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Содержаніе «Виленскаго Вѣстника» такое же, какъ и всѣхъ провинціальныхъ газетъ. Давая отчетъ о всѣхъ явленіяхъ дня и фактахъ, совершающихся въ нашемъ обширномъ отечествѣ, «Виленскій Вѣстникъ» удѣляетъ значительную часть своихъ столбцовъ интересамъ мѣстнымъ, т. е. Сѣверо-Западнаго края Россіи. «Виленскій Вѣстникъ» получаетъ ежедневно, непосредственно по телеграфу, телеграммы о всѣхъ выдающихся событіяхъ дня какъ въ Имперіи, такъ и за границею. Кромѣ корреспонденцій изъ разныхъ мѣстностей Сѣверо-Западнаго края, «Виленскій Вѣстникъ» имѣетъ корреспондентовъ въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ главныхъ городахъ Имперіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Вильнѣ, съ доставкою на домъ по
городской почтѣ.

На годъ	9 р. — к.
— полгода	4 р. 50 к.
— 3 мѣсяца	2 р. 40 к.
За 1 мѣсяць	— р. 80 к.

Съ пересылкою по почтѣ въ другіе
города.

На годъ	10 р. — к.
— полгода	5 р. — к.
— 4 мѣсяца	3 р. — к.
За 1 мѣсяць	1 р. — к.

Подписка принимается въ Вильнѣ: въ редакціи «Виленскаго Вѣстника» (*Виленская улица, домъ в. Ленскаго*), въ конторѣ «Виленскаго Вѣстника», при книжномъ магазинѣ г. Сыркина (*Большая улица, собственный домъ*) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и другихъ городовъ.

Отъ редакціи.

Журналъ «Кіевская Старина» выходитъ неизмѣнно 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное получеіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ четко написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одно изъ книжныхъ магазиновъ; 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департаменту, не позже получеія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о переимѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За переимѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при переимѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылаются *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882, 1883 и 1884 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (Кіевъ, Трехъ-святительская улица, № 8-й), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать по адресу редакціи, въ возможно четкой перепискѣ, безъ особнхъ помарковъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно свѣрять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіев. Старина“ принимается подписка на издающіяся во Львовѣ газеты:

1., „ДѢЛО.“ Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особыя приложенія составляютъ оригинальныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

2., „ЗОРЯ.“ Газета научно-литературная, выходитъ два раза въ мѣсяцъ; цѣна съ пересылкою 6 р. за годъ и 3 р. за полугодіе. Адресъ редакціи: Львовъ, улица Фредра, № 3.

9/18/29

ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА.“

1885 г. (IV ГОДЪ ИЗЛАНІЯ.) 1885 г.

Журналъ „Кіевская Старина“, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библиографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ книжкамъ журнала въ неопредѣленные сроки прилагаются изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб.** Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ **5 руб.**, но выходѣ IV книжки **3 руб.** и VI—**2 руб.**—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882, 1883 и 1884 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Третья-священительская улица, д. № 8-я. Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель **В. Г. Лебединцевъ.**

OCT 6 - 1938

